

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Материалы Международной научной конференции
и X научно-теоретического семинара
«Инновационные стратегии в современной социальной философии»
Минск, 17—18 мая 2016 г.

Минск
Издательский центр БГУ
2016

УДК 101.1:316(06)
ББК 87.6я431
Д44

Научно-редакционный совет:
проректор БГУ по учебной работе *А. В. Данильченко*;
заведующий кафедрой философии и методологии науки БГУ *А. И. Зеленков*;
директор Института философии НАН Беларуси *А. А. Лазаревич*;
директор Национальной библиотеки Беларуси *Р. С. Мотульский*;
декан факультета философии и социальных наук БГУ *В. Ф. Гигин*

Редакционная коллегия:
В. В. Анохина, И. А. Барсук, Д. Г. Доброродный, А. С. Комаровская, О. В. Курбачёва,
С. А. Мячило, О. В. Новикова, В. С. Сайганова, И. Н. Сидоренко, Е. В. Хомич,
О. Г. Шаврова, Н. С. Щекин

Рецензенты:
член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук,
профессор *П. А. Водопьянов*;
доктор философских наук, профессор *А. М. Байчоров*

Диалог культур в эпоху глобальных рисков : материалы Междунар. науч. конф. и X на-
Д44 уч.-теорет. семинара «Инновац. стратегии в соврем. социал. философии», Минск, 17—18 мая
2016 г. В 2 ч. Ч. 2 / науч.-ред. совет : А. В. Данильченко [и др.] ; редкол. : В. В. Анохина
[и др.]. — Электрон. дан. (5,07 Мб). — Минск : Изд. центр БГУ, 2016. — 1 электрон. опт.
диск (CD-ROM).

ISBN 978-985-553-347-5.

Сборник включает материалы докладов участников Международной научной конференции «Диалог культур в эпоху глобальных рисков» и X научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», которые состоялись 17—18 мая 2016 г. на базе Национальной библиотеки Беларуси и факультета философии и социальных наук БГУ.

Предназначено для философов, историков, социологов, культурологов, психологов, практиков системы образования, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется актуальными проблемами современной философии.

УДК 101.1:316(06)
ББК 87.6я431

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Диалог культур в открытом информационном обществе	15
<i>Агеенкова Е. К.</i> (Минск, Беларусь). Религиозные предписания и проблемы кросскультурной адаптации.....	15
<i>Альчук М. П.</i> (Львов, Украина). Духовность человека в межкультурном взаимодействии.....	18
<i>Бабаева Т. Б.</i> (Таганрог, Россия). Художественно-мировоззренческие принципы европейского постмодернизма и кросскультурный диалог.....	21
<i>Барысюк Т. П.</i> (Минск, Беларусь). Заходнія і ўсходнія жанры ў паэзіі Эдуарда Дубянецкага як праява міжкультурнага дыялога.....	24
<i>Бахановіч Н. Л.</i> (Мінск, Беларусь). XIX стагоддзе ў гісторыі беларуска-польскіх літаратурных сувязей.....	26
<i>Бережкова Е. С.</i> (Минск, Беларусь). Концепция С. Хантингтона "Столкновение цивилизаций" в условиях глобализирующегося мира.....	29
<i>Веряскина В. П.</i> (Москва, Россия). Культурная свобода в человеческом развитии и диалоге культур.....	32
<i>Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю.</i> (Владивосток, Россия). Трудовые мигранты: проблемы интеграции в принимающее региональное сообщество.....	35
<i>Власова Ю. В.</i> (Воронеж, Россия). Функции интеллигенции в условиях глобальных вызовов современности.....	38
<i>Врублевская-Токер Т. И.</i> (Минск, Беларусь). Толерантность как миф идеологии мультикультурализма.....	41
<i>Дик П. Ф.</i> (Костанай, Казахстан). Социально-культурные основы межхристианского диалога.....	44
<i>Диханова-Внуковская Л. А.</i> (Минск, Беларусь). Интеграция, адаптация или конфронтация в кросскультурном диалоге: миссия иезуитов в Китае (1555–1603).....	47
<i>Дудникова Е. Е., Интымакова Л. Г.</i> (Ростов-на-Дону, Россия). Культурно-исторический опыт в контексте взаимопроникновения культур.....	49
<i>Дунаев В. Ю., Курганская В. Д.</i> (Алматы, Казахстан). Мультикультурализм: плюрализм национализмов или кросскультурный диалог?.....	52
<i>Жук Е. И.</i> (Минск, Беларусь). Философия М. М. Бахтина как методологическая основа межкультурного диалога.....	55
<i>Жумабек Ы. Ж.</i> (Тюмень, Россия). Проблемы межкультурного взаимодействия в ходе миротворческих операций.....	58
<i>Злотников А. А.</i> (Гомель, Беларусь). Роль спорта в контексте глобализации.....	61
<i>Калачева И. И.</i> (Минск, Беларусь), <i>Вавулинская Л. И.</i> (Петрозаводск, Россия). Диалог России и Беларуси: история формирования белорусской диаспоры в Карелии.....	64
<i>Каравкин В. И.</i> (Витебск, Беларусь). Диалог как предмет философского анализа.....	66
<i>Кондрашова В. О.</i> (Минск, Беларусь). Межпоколенный социализирующий диалог в диаде "ребёнок – прародители".....	70

<i>Костючков А. Н.</i> (Витебск, Беларусь). Сфера культуры и формирование позитивного приграничного имиджа	73
<i>Курачев Д. Г.</i> (Брянск, Россия). Фрустрационные реакции верующих в условиях межконфессионального конфликта	75
<i>Курилович М. А.</i> (Минск, Беларусь). Условия эффективности коммуникативного взаимодействия людей сквозь призму диалога.....	78
<i>Лаптёнок А. С.</i> (Минск, Беларусь). Этика межнациональных отношений в условиях глобализации	80
<i>Линецкая О. А.</i> (Одесса, Украина). Проблема сохранения этнической идентичности в условиях политики мультикультурализма	84
<i>Лянькевич Г. Ч., Павлють О. А.</i> (Минск, Беларусь). Философы Лосские: диалог культур и традиций.....	87
<i>Манилкина С. А.</i> (Минск, Беларусь). Культурное самоопределение как условие кросскультурного взаимодействия	90
<i>Маслакова Е. А.</i> (Минск, Беларусь). Кросскультурный диалог: точки соприкосновения буддизма и современной биоэтики.....	93
<i>Матусевич О. А.</i> (Минск, Беларусь). Роль исторической политики в кросс-культурном диалоге	96
<i>Мащитко О. В.</i> (Минск, Беларусь). Проблема лингвистической унификации в условиях глобализации.....	97
<i>Минова М. Е.</i> (Минск, Беларусь). Ценностные ориентиры пионерских организаций Республики Беларусь и Российской Федерации как основания межкультурного диалога	102
<i>Мушинский Н. И.</i> (Минск, Беларусь). Диалог культур и проблема справедливости в эпоху глобальных рисков	105
<i>Nikitenko V.</i> (Запорожье, Украина). The Meaning of E-Culture in the Field of Human Values: Philosophic and Anthropology Context.....	108
<i>Никитёнок Н. М., Старовойтова Е. А.</i> (Минск, Беларусь). Использование информационных технологий в образовательных целях.....	110
<i>Постол Е. Е.</i> (Запорожье, Украина). Мультикультурализм – компромисс разнообразия.....	112
<i>Продан Т. П.</i> (Львов, Украина). Проблема прав человека в интеркультурном взаимодействии.....	114
<i>Рудёнок З. Г., Струнина Н. Н.</i> (Полоцк, Беларусь). Инкультурация личности в современной парадигме формирования культурной компетентности	117
<i>Севостьянова Н. Г.</i> (Минск, Беларусь). Диалог как способ бытия духовного	120
<i>Смирнова Ю. С.</i> (Минск, Беларусь). Предубеждения толерантного общества: психологические закономерности функционирования	123
<i>Таркан И. И.</i> (Минск, Беларусь). Концепт традиции в диалоге культур	126
<i>Титаренко Л. Г.</i> (Минск, Беларусь). Диалог культур как конкуренция ценностей модернизации	129
<i>Урбан М. М., Кирилюк И. П.</i> (Минск, Беларусь). Белорусско-еврейский диалог: развитие межкультурного взаимодействия.....	132
<i>Худайбердиева Н. Х.</i> (Минск, Беларусь). Диалог культур на постсоветском пространстве на примере культур Беларуси и Туркменистана	135

<i>Царенкова Е. А.</i> (Ростов-на-Дону, Россия). Диалог верующих и неверующих в эпоху глобальных рисков.....	138
<i>Черновицкая Ю. В.</i> (Москва, Россия). Культура насилия и кросскультурный диалог.....	141
<i>Шатерник М. Г.</i> (Минск, Беларусь). Дискурсивно-диалогическая интерпретация перспектив кросскультурного диалога.....	144
<i>Ших К. В.</i> (Минск, Беларусь). Роль личности в кросскультурном диалоге между Республикой Беларусь и Государством Израиль в условиях мировой глобализации.....	147
<i>Юстинская Г. М.</i> (Минск, Беларусь). Диалог науки и практики в современном информационном пространстве.....	150

Раздел 2. Современный цивилизационный процесс и стратегия модернизации белорусского общества 153

<i>Айзенштадт А. Л.</i> (Гомель, Беларусь). Мультикультурализм: сущность, характерные черты, последствия.....	153
<i>Алейникова С. М.</i> (Минск, Беларусь). Государственная символика Беларуси и интеллектуально-духовные приоритеты: риски, проблемы, перспективы развития.....	156
<i>Александров В. Л.</i> (Минск, Беларусь). Общечеловеческое и локальное в процессах глобализации: диалектический взгляд Д. Андреева.....	159
<i>Антанович Н. А.</i> (Минск, Беларусь). Трансформация концептуального осмысления проблем государственного и политического управления.....	162
<i>Барановский Н. П.</i> (Минск, Беларусь). Влияние религии на современное общество Беларуси и Турции: общие и отличительные черты.....	164
<i>Барахвостов П. А.</i> (Минск, Беларусь). Политика Европейского Союза в отношении стран "Восточного партнерства" в зеркале регионалистики.....	167
<i>Белановская М. Л.</i> (Минск, Беларусь). Влияние современной цивилизационной динамики на гендерную идентичность молодежи.....	169
<i>Валиева Ш. К.</i> (Минск, Беларусь). Сравнительный анализ геополитического статуса Беларуси и Турции.....	174
<i>Варич В. Н., Шебанова И. А.</i> (Брест, Беларусь). Трансформация современной семьи и семейная политика.....	177
<i>Вонсович Л. В.</i> (Минск, Беларусь). Основные направления государственной политики Республики Беларусь в условиях глобальных трансформаций.....	180
<i>Воронкова В. Г.</i> (Запорожье, Украина). Эволюция виртуально-коммуникационного общества: от коммуникации как любви к мудрости к коммуникации как любви к информации.....	183
<i>Вязгина В. И.</i> (Минск, Беларусь). Роль волонтерской деятельности в процессе нравственного развития подростка.....	186
<i>Гребеникова Ю. А.</i> (Белгород, Россия). Трансформация системы социальной защиты населения в России.....	189
<i>Гребень Н. Ф.</i> (Минск, Беларусь). Проблемы самоидентификации белорусов в условиях глобализации.....	192

<i>Грошева И. А., Грошев И. Л.</i> (Тюмень, Россия). Миграционные процессы: от девиантности к толерантности	195
<i>Давыдик О. И.</i> (Минск, Беларусь). Национальное самосознание в глобальной перспективе: поиск методологических оснований исследования	198
<i>Данилова Е. О.</i> (Волгоград, Россия). Степень участия НКО в адаптации внешних трудовых мигрантов в условиях трансформации современного города	200
<i>Дедюлина М. А.</i> (Ростов-на-Дону, Россия). "Ното Mobilis" в современном обществе	203
<i>Денисенко И. Д.</i> (Харьков, Украина). Образование в современном обществе: к переосмыслению функциональных возможностей	205
<i>Донникова И. А.</i> (Одесса, Украина). Глобализация как кризис антропологической сложности	208
<i>Дыдышко С. В.</i> (Минск, Беларусь). Влияние глобализационных процессов на институт семьи и брака в Республике Беларусь	211
<i>Завадский М. Б.</i> (Минск, Беларусь). Нарративные основания персональной идентичности в мире глобальной нестабильности	214
<i>Игнатов В. К.</i> (Минск, Беларусь). Сумерки Европы или утренняя заря нового мира?	217
<i>Калько В. Н.</i> (Гродно, Беларусь). Белорусская диаспора как фактор формирования "образа" Беларуси во Франции в XX – начале XXI вв.	220
<i>Кавалевіч М. С.</i> (Брест, Беларусь). Гістарычная спадчына ў музычнай культуры беларуска-польскага памежжа	223
<i>Колядко И. Н.</i> (Минск, Беларусь). Философские основания кризиса современности и новые смыслы модернизации	226
<i>Коноваленко Н. В.</i> (Донецк, Украина). Роль общественного мнения в реализации принципа социальной справедливости	229
<i>Косиченко А. Г.</i> (Алматы, Казахстан). Глобальный кризис современности и возможности религии в одухотворении современного мира	234
<i>Косых Г. В.</i> (Воронеж, Россия). XXI век: повторение истории или игры со смертью как отрицание существующего миропорядка	237
<i>Курицын А. И.</i> (Минск, Беларусь). Проблема глобализации в представлении евразийцев	240
<i>Лихачева О. Н.</i> (Минск, Беларусь). Миграционные установки молодых специалистов учреждений культуры Республики Беларусь	242
<i>Лындюк Е. А.</i> (Киев, Украина). Ценностные приоритеты модернизации государственной службы в эпоху глобальных рисков	245
<i>Машиарский З. В.</i> (Минск, Беларусь). Основные аспекты обеспечения социальной безопасности в Республике Беларусь	247
<i>Мельник В. В.</i> (Киев, Украина). Новая стратегия интеллектуально-духовных приоритетов цивилизационного развития в условиях глобальных рисков	249
<i>Мизякина С. Н.</i> (Минск, Беларусь). Противоречия стратегии мультикультурализма	252

<i>Морозов С. А.</i> (Сергиев Посад, Россия). Сетевые макрорегионы в современных глобализационных процессах.....	255
<i>Мухамедьярова Л. В.</i> (Уфа, Россия). Транснациональная и международная коррупция как угроза цивилизационному развитию	258
<i>Мядель А. П.</i> (Витебск, Беларусь). Нравственный идеал в эпоху глобализации: проблема выбора	261
<i>Мякчило С. А.</i> (Минск, Беларусь). Методологический потенциал социально-критической философии в решении задач модернизации.....	264
<i>Наишчынец К. М.</i> (Минск, Беларусь). Інтэграцыя бежанца ў грамадстве ў кантэксце развіцця міграцыйных працэсаў	267
<i>Никитина Ю. Ф.</i> (Минск, Беларусь). Республика Беларусь в контексте построения инновационной экономики	270
<i>Николенко Н. А., Серова Я. И.</i> (Волгоград, Россия). Этническая толерантность как основа выбора типов поведенческих стратегий студентов ВУЗа	273
<i>Никулина Ю. В.</i> (Минск, Беларусь). Регионализация в глобализирующемся мире: проблемы и перспективы.....	276
<i>Ратникова И. М.</i> (Минск, Беларусь). Проект модерн как одна из центральных тем современной социально-философской рефлексии	279
<i>Резанова Е. В.</i> (Минск, Беларусь). Социальный капитал как основа формирования институциональной среды.....	281
<i>Сабирзянова И. В.</i> (Донецк, Украина). Проблемы и перспективы этнонациональной стратегии государств в условиях современных вызовов	284
<i>Симановский С. И.</i> (Минск, Беларусь). Геополитический ресурс Беларуси в условиях глобальных трансформаций	287
<i>Сыкало А. И.</i> (Минск, Беларусь). Как далеко до ноосферы?.....	290
<i>Татарская А. Е.</i> (Минск, Беларусь). Соотношение национального и наднационального права в условиях глобализации на примере Республики Беларусь.....	293
<i>Усоский В. Н.</i> (Минск, Беларусь). Техногенный прогресс общества и духовно-нравственная жизнь человека.....	295
<i>Хворостов А. Ю.</i> (Новокузнецк, Россия). Естественные условия глобализации	299
<i>Червинская И. А.</i> (Минск, Беларусь). Защита белорусских товаропроизводителей в условиях глобальных социоэкономических трансформаций	301
<i>Ширманова М. Ю.</i> (Белгород, Россия). Инновационное общество и Г-культура.....	304
<i>Шпилькин Ю. И.</i> (Шымкент, Казахстан). Евразийская цивилизация	307
Раздел 3. Перспективы устойчивого развития: социально-экологическое и антропологическое измерение.....	311
<i>Андреева Е. А., Низова Л. М.</i> (Йошкар-Ола, Россия). Рынок труда как зона социального риска.....	311

<i>Андрос И. А.</i> (Минск, Беларусь). Экологический туризм как фактор формирования ответственного туризма	313
<i>Антипов Д. А.</i> (Томск, Россия). Приоритеты глобального развития в идеологии альтерглобализма	317
<i>Астапова-Вязьмина Е. И.</i> (Черкассы, Украина). Социальная практика виртуального мира: к вопросу о семиотическом контексте формирования смысла.....	320
<i>Бреславский А. С.</i> (Владивосток, Россия). "Постсоциалистическая пригородная революция" и ее перспективы в России и Республике Беларусь ...	323
<i>Голубев С. В.</i> (Витебск, Беларусь). Понятие "общество" как политическая идея.....	326
<i>Голубев В. С.</i> (Минск, Беларусь). Организация окружающего пространства как метод социального управления	329
<i>Гончарова Н. И.</i> (Одесса, Украина). Техносоциальная модель человеческого бытия как предпосылка массовой виктимности	332
<i>Дайнеко А. А.</i> (Минск, Беларусь). "Зеленые" принципы устойчивого развития: мировая практика и перспективы Беларуси	335
<i>Добродум О. В.</i> (Киев, Украина). Культура, религия и политика в эпоху глобальных рисков	338
<i>Довгялло М. М.</i> (Минск, Беларусь). К вопросу о перспективах устойчивого развития	340
<i>Долбич М. В.</i> (Минск, Беларусь). Светлана Алексиевич: философия мира против идеологии войны.....	343
<i>Запрутская А. Г., Юрочка Я. Ю.</i> (Минск, Беларусь). Злата Прага и её значение в жизни Франциска Скорины и Николая Лосского: некоторые исторические параллели	346
<i>Казак Т. З.</i> (Минск, Беларусь). Проблема интеграции в мировую экономику Республики Беларусь в эпоху глобальных трансформаций	349
<i>Казаручик Г. Н.</i> (Брест, Беларусь). Развитие экологической культуры личности в контексте философии эгоцентризма.....	352
<i>Касаткина С. С.</i> (Череповец, Россия). Современный город: интеллектуально-духовный центр или территория рисков в условиях глобализации	356
<i>Кудинова А. В.</i> (Краснодар, Россия). Лимитрофные социокультурные системы.....	358
<i>Кудрякова И. О.</i> (Москва, Россия). Политическая философия и экология.	361
<i>Курочкина А. И.</i> (Минск, Беларусь). Город в условиях глобализации.....	362
<i>Лаво Р. С.</i> (Краснодар, Россия). Новый локализм и современные процессы этнокультурной дифференциации и интеграции.....	365
<i>Леонова Н. М., Горанская Е. И.</i> (Минск, Беларусь). Перспективы устойчивого развития в постчернобыльский период	368
<i>Мартыщенко Е. В.</i> (Минск, Беларусь). Миграционные настроения молодежи "чернобыльских" территорий	371
<i>Михайлов А. Е.</i> (Киров, Россия). Основные противоречия в развитии социозкосферы.....	375

<i>Михайловский В. С.</i> (Минск, Беларусь). Роль массового потребления в культуре и политике	377
<i>Монина Н. П.</i> (Омск, Россия). Аксиосфера русской и западной цивилизаций в условиях современных глобальных рисков.....	379
<i>Новицкая Т. Е.</i> (Минск, Беларусь). Инновации в сфере репродуктивной медицины в контексте философии постгуманизма.....	382
<i>Олейник И. В.</i> (Минск, Беларусь). Актуальные вопросы пространственно-временной организации социальной реальности	387
<i>Палибина А. С.</i> (Саранск, Россия). Роль социальной работы в сохранении устойчивого развития	390
<i>Пендюрина Л. П.</i> (Ростов-на-Дону, Россия). Филиация идей в контексте глобального изменения западной культуры	392
<i>Пенин В. О.</i> (Минск, Беларусь). Новые тенденции в оценке миграционной политики Европейского Союза	395
<i>Полтавская М. Б., Серова К. И.</i> (Волгоград, Россия). Социокультурные факторы, определяющие потребительское поведение студенчества: социологический подход	398
<i>Прахарэня М. В.</i> (Минск, Беларусь). Грамадзянская супольнасць у стратэгіі ўстойлівага развіцця Рэспублікі Беларусь.....	401
<i>Сидорова Т. А.</i> (Новосибирск, Россия). Социальные, культурные и политико-правовые детерминанты в биоэтическом нормогенезе.....	404
<i>Сокольчик В. Н.</i> (Минск, Беларусь). Проявления и социальные риски медиализации общества.....	407
<i>Солодухо Н. М.</i> (Казань, Россия). Экологическая философия: принципы построения	410
<i>Стародубцева З. Г.</i> (Ростов-на-Дону, Россия). Проблема духовно-нравственного развития личности в современных условиях	413
<i>Тимощук А. С.</i> (Владимир, Россия). Может ли сложное общество быть хорошим?	415
<i>Урсул А. Д., Урсул Т. А.</i> (Москва, Россия). Новые векторы и цели устойчивого развития	418
<i>Шайкин Р. В.</i> (Минск, Беларусь). Опыт природоохранной деятельности в системе экологического воспитания старшеклассников	426
<i>Шевченко Н. Н.</i> (Санкт-Петербург, Россия). Креативность как фактор рефлексивной модернизации в обществах риска	428
<i>Широкалова Г. С.</i> (Нижний Новгород, Россия). ГМО как маркер суверенности России?.....	431
<i>Якимович Е. Б., Королько А. С.</i> (Минск, Беларусь). Социальные и экологические аспекты дизайнерской деятельности.....	434
Раздел 4. Глобальный мир и трансформация медийного пространства.....	438
<i>Азарова Ю. О.</i> (Харьков, Украина). Деррида и Стиглер: культура, геополитика и теле-технологии	438
<i>Байгина Д. А.</i> (Минск, Беларусь). Музыка в пространстве социальной коммуникации	442

<i>Баксанский О. Е.</i> (Москва, Россия). Информация в постиндустриальную эпоху.....	446
<i>Белоярский А. О.</i> (Москва, Россия). Трансформация идентичности в условиях современной символической реальности.....	449
<i>Борисенко Е. В.</i> (Волгоград, Россия). Коворкинг как один из элементов реализации инновационного процесса.....	451
<i>Бровчук Н. М.</i> (Минск, Беларусь). Инновационная журналистика: освещение инноваций в современных медиа.....	453
<i>Букреева А. Н.</i> (Москва, Россия). Проблема реконструкции смысла художественного образа.....	456
<i>Верещако А. И.</i> (Минск, Беларусь). Техногенная цивилизация и информационное общество как факторы принуждения.....	459
<i>Дараней Х. М., Нелюбовіч В. А.</i> (Минск, Беларусь). PR-камунікацыі па-беларуску.....	462
<i>Дивашук А. П.</i> (Брест, Беларусь). Христианские ценности в контексте информационной безопасности.....	465
<i>Карабинская В. В., Бубен Е. А.</i> (Минск, Беларусь). Антикризисные коммуникации: основные принципы и стратегии.....	468
<i>Kireichuk E. Y.</i> (Minsk, Belarus). Cultural Practices of Marital Status Indication: Difficulties of Interpretation.....	470
<i>Максименюк М. Ю.</i> (Запорожье, Украина). Социально-философский дискурс полиэтнического социума как основа формирования ценностных ориентаций информационного общества и глобализации.....	473
<i>Малмыгин А. С.</i> (Минск, Беларусь). Событийность как значимая характеристика социокультурной динамики современности.....	476
<i>Маслова А. В.</i> (Москва, Россия). Эволюция представлений об интуиции в контексте становления европейского рационализма.....	478
<i>Mets Ave</i> (Tartu, Estonia). Intellectual Property Law and Globalisation of Technological Knowledge.....	480
<i>Павлова А. Т.</i> (Минск, Беларусь). Ценностные векторы молодёжи в эпоху глобальных рисков.....	482
<i>Петрова Е. В.</i> (Москва, Россия). Динамика информационно-коммуникационных процессов в глобализирующемся обществе.....	485
<i>Писарчик А. С.</i> (Минск, Беларусь). Функционирование дискурсивного контроля в условиях глобализационных процессов.....	489
<i>Помигуева Е. А.</i> (Ростов-на-Дону, Россия). Роль средств массовой информации в формировании толерантности современной молодежи.....	492
<i>Романюк О. В.</i> (Киев, Украина). Сетевой нарциссизм как культурная норма XXI века.....	494
<i>Савич И. В.</i> (Минск, Беларусь). Конструирование образа "Я" в коммуникативном взаимодействии.....	497
<i>Садовская А. И.</i> (Минск, Беларусь). Проблема субъекта и субъективности в психоаналитической традиции.....	500
<i>Смоликова Т. М.</i> (Минск, Беларусь). Особенности "смарт-общения" на "эрзац-языке" в неформальных коммуникациях.....	504

<i>Трафимович Д. А.</i> (Гродно, Беларусь). Социально-антропологические риски информационной революции и ловушки коммуникаций.....	507
<i>Фаблинова О. Н.</i> (Минск, Беларусь). Интернет-технологии и их влияние на индивида и общество.....	510
<i>Цибизова Л. А.</i> (Москва, Россия). Мифы самоидентификации.....	513
<i>Чеблакова Л. А.</i> (Минск, Беларусь). Активность познания и самореализация личности в условиях глобализации.....	516
<i>Шавердо Т. М.</i> (Минск, Беларусь). Социальная идентичность в обществе постмодерна.....	518
<i>Яковлев Л. С., Потехина Е. В.</i> (Саратов, Россия). Инфотеймент как инструмент интеграции коммуникативного и информационного пространств в Internet.....	521
<i>Яковлев Л. С., Жилова А. М.</i> (Саратов, Россия). Изменение роли сетевых комьюнити в условиях развития интернет-маркетинга.....	525
<i>Ясюкевич В. С.</i> (Минск, Беларусь). Глокализация бренда в современных маркетинговых коммуникациях.....	527
Раздел 5. Традиции и инновации в науке, образовании и культуре.....	531
<i>Акопян Н. И.</i> (Гродно, Беларусь). Инновационный подход к определению эмоциональной безопасности детей с интеллектуальной недостаточностью.....	531
<i>Антонов С. Н., Савастюк Т. А.</i> (Минск, Беларусь). Динамика и модернизация образования: вопрос подготовки преподавателей перевода.....	533
<i>Антонова Т. А.</i> (Минск, Беларусь). Динамика научных кадров Республики Беларусь: гендерный анализ.....	537
<i>Баранова А. С.</i> (Минск, Беларусь). Формирование культурной компетентности педагога: философско-антропологический подход.....	540
<i>Берков В. Ф.</i> (Минск, Беларусь). Интерпретация работы К. Маркса "Тезисы о Фейербахе" в советской философской литературе.....	542
<i>Вансович И. Э.</i> (Минск, Беларусь). Конструктивистский тренд в современной социальной эпистемологии.....	545
<i>Васина С. М.</i> (Йошкар-Ола, Россия). Развитие культурно-познавательного туризма в республике Марий Эл.....	548
<i>Ваховский Л. Ц.</i> (Луганск, Украина). Методологические трансформации в современном образовании.....	552
<i>Ваховский М. Л.</i> (Луганск, Украина). Международные организации в сфере образования: классификация и направления деятельности.....	554
<i>Вашко О. А.</i> (Минск, Беларусь). Роль философии в университетском образовании медицинского специалиста.....	557
<i>Вепринцев Н. В., Рогожин В. Д., Беляева Г. Н.</i> (Могилев, Беларусь). Развитие энергоинформационных знаний – выход из тупика в развитии цивилизации.....	560
<i>Володин В. М.</i> (Минск, Беларусь). Гуманитарное образование как точка бифуркации образовательного процесса.....	562
<i>Ворошень О. Г.</i> (Минск, Беларусь). Гранты как форма государственной поддержки молодых ученых.....	564

<i>Грошева Л. И.</i> (Тюмень, Россия). Бизнес-образование молодежи в условиях интенсификации рискованных общественных отношений.....	567
<i>Гужва Т. М.</i> (Луганск, Украина). Использование инновационных технологий в формировании профессиональных ценностей у будущих социальных работников.....	570
<i>Давидов П. Г.</i> (Красный Лиман, Украина). Роль образования как человеческого капитала в развитии общества знаний.....	573
<i>Дивногорцева С. Ю.</i> (Москва, Россия). Подготовка специалистов в сфере религиозно-педагогической коммуникации.....	576
<i>Дудко Е. А.</i> (Минск, Беларусь). Философско-методологическая подготовка иностранных студентов в постдипломный период обучения.....	579
<i>Еровенко В. А., Мартон М. В.</i> (Минск, Беларусь). Проблемы взаимоотношения философии, математики и информатики в образовательном диалоге культур: мотиватор "эффекта конгруэнтности настроения".....	581
<i>Еровенко В. А., Головина Е. С.</i> (Минск, Беларусь). Эстетический феномен "театральности" лекции в философской рефлексии общего математического образования: диалог профессора со студенткой.....	584
<i>Злотникова Л. М.</i> (Гомель, Беларусь). Статус социогуманитарного знания в контексте современности.....	588
<i>Капитонова Т. А., Белокрылова В. А., Никитина Ю. Ф.</i> (Минск, Беларусь). Исследования исторической памяти: динамика индивидуального и коллективного начал.....	591
<i>Караманов А. В.</i> (Львов, Украина). Образовательные возможности музея в процессе создания персональной среды обучения.....	594
<i>Ковалец И. В.</i> (Минск, Беларусь). К вопросу об инновациях в образовании детей-инвалидов с особенностями психофизического развития в условиях домов-интернатов.....	596
<i>Колесов Е. А.</i> (Минск, Беларусь). Синергия современной науки и искусства в поисках новых средств визуализации познаваемого мира.....	600
<i>Куликовский С. А.</i> (Минск, Беларусь). Адаптационно-модульное профессиональное развитие кадров.....	603
<i>Левачёв Е. В.</i> (Минск, Беларусь). Философско-методологические проблемы математизации современной географии.....	606
<i>Лецинская Т. Л.</i> (Минск, Беларусь), <i>Радионова В. И.</i> (Гомель, Беларусь). Инновации в образовании лиц с особенностями психофизического развития и современные риски.....	609
<i>Максимович В. А.</i> (Минск, Беларусь). Традиции и инновации в художественном творчестве.....	613
<i>Малая Н. В., Петухов И. И.</i> (Минск, Беларусь). Феномен правового усмотрения: постнеклассические практики.....	616
<i>Мамыкин И. П.</i> (Минск, Беларусь). Научный юмор как феномен современной культуры.....	618
<i>Масько С. Г.</i> (Минск, Беларусь). Особенности социализации индивида в процессе непрерывного образования.....	620
<i>Мдивани Т. Г.</i> (Минск, Беларусь). Дискурс когнитивных аспектов музыки.....	623

<i>Мельник О. А.</i> (Минск, Беларусь). Толерантность в контексте кросскультурного диалога учреждения образования	626
<i>Михайлова Н. В.</i> (Минск, Беларусь). Перспективы философско-математического диалога в обосновании целостного математического знания.....	629
<i>Морозова В. С.</i> (Сергиев Посад, Россия). К вопросу о подготовке кадров в условиях евразийской интеграции.....	632
<i>Москаленко М. Р.</i> (Екатеринбург, Россия). Вопросы формирования ценностно-мировоззренческих установок учащихся в образовательной среде в эпоху глобальных рисков	635
<i>Никонович Н. А.</i> (Минск, Беларусь). М. Элиаде и проблемы религиозной онтологии	638
<i>Новиков Д. С.</i> (Волгоград, Россия). Диалог современной и античной культур: здоровье и здравотворчество в зеркале идеала калокагатии	641
<i>Новиков С. Г.</i> (Волгоград, Россия). Проблема воспитания молодежи восточноевропейских стран в условиях кросс-культурных контактов эпохи глобализации	643
<i>Пономарев А. С., Заветный С. А., Пазынич С. Н.</i> (Харьков, Украина). Новая парадигма образования XXI века: проблемы и перспективы	646
<i>Правдин К. Д., Шматков Р. Н.</i> (Новосибирск, Россия). Состояние современного образования России: основные угрозы.....	649
<i>Романовская Л. А.</i> (Минск, Беларусь). Проектировочная компетентность как необходимая составляющая профессионально-педагогической компетентности классного руководителя	653
<i>Русак Т. Н.</i> (Новополоцк, Беларусь). Инновационная деятельность как компонент образовательного процесса в подготовке будущих специалистов ...	656
<i>Санников А. А., Низова Л. М.</i> (Йошкар-Ола, Россия). Военно-патриотическое воспитание молодежи как ценностный приоритет современной цивилизации	659
<i>Сидоренко С. В.</i> (Запорожье, Украина). Проблема взаимоотношения этики, морали, религии в контексте "этики памяти" А. Маргалита	662
<i>Соловей А. П.</i> (Минск, Беларусь). Социологический аспект изучения социального самочувствия женщин-ученых	664
<i>Сонгаль М. А.</i> (Минск, Беларусь). Проблема соотношения идеологии и науки в методологии социального познания А. А. Зиновьева.....	668
<i>Сорока-Скиба Г. И.</i> (Волковыск, Беларусь). Некоторые аспекты профессиональной деятельности преподавателя в условиях инновационного образования.....	671
<i>Сосновская Н. А.</i> (Минск, Беларусь). Теоретико-методологические проблемы изучения семьи как социального института.....	674
<i>Специан Л. М.</i> (Минск, Беларусь). Ценностные ориентации студенческой молодежи в образовательном пространстве	677
<i>Степанов Е. И.</i> (Москва, Россия). Роль Международной ассоциации конфликтологов в реализации принципов диалектического материализма.....	680
<i>Țaulean Micaela</i> (Кишинев, Молдова). Foreign Language Teaching and Interculturality	682

<i>Фофанова Г. А.</i> (Минск, Беларусь). Изменения высшего образования – изменения диалогической самости.....	685
<i>Хафизов Э. Д.</i> (Уфа, Россия). Социогуманитарная наука и феномен российского послереволюционного зарубежья	688
<i>Хен Ю. В.</i> (Москва, Россия). Концепции биологии и изменения в мировоззрении	691
<i>Цымбалюк Е. А.</i> (Минск, Беларусь). К методологии инноваций в сфере общего музыкального образования	693
<i>Цыра А. В.</i> (Одесса, Украина). Развитие конвергентных технологий как приоритет глобальной инновационности современной науки.....	696
<i>Шебанова И. А.</i> (Брест, Беларусь), <i>Игумен Ермоген (Панасюк)</i> (Жировичи, Беларусь). Диалектический метод А. Ф. Лосева.....	700
<i>Шубаро О. В.</i> (Минск, Беларусь). Ценностные ориентации иностранных студентов, обучающихся в Белорусском государственном университете.....	703
<i>Шульга Е. Н.</i> (Москва, Россия). Философия о человеке и познании его природы	706
<i>Шумакова О. А.</i> (Сергиев Посад, Россия). Культурологический аспект в процессе профессиональной подготовки учителя иностранного языка в вузе	709
<i>Щурок Э. М.</i> (Минск, Беларусь). Особенности миграционного поведения ученых различных областей наук (на примере исследователей НАН Беларуси)	712

Раздел 1. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОТКРЫТОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ КРОССКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Агеенкова Е. К. (Минск, Беларусь)

Высокая плотность проживания населения в современном мире, а также стремительно развивающиеся миграционные процессы ставят перед исследователями вопросы о ходе дальнейшего взаимодействия различных культур и их адаптации друг к другу.

Исторический опыт показывает, что проживание различных народов на одной территории способно обогатить их культуры и сплотить их в направлении построения общей государственности. В частности, в Законе «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» Республики Беларусь помимо основных ролей Православной и Католической церквей отмечена неотделимость Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама от общей истории народа Беларуси.

Современные же процессы перемещения народов ставят вопрос, насколько новые мигранты могут быть адаптированы к сформировавшимся законам государства и правилам общежития страны их нового проживания. В особенности это касается религиозных предписаний, которые во многих религиях являются базисом для формирования социальной общности и правилами жизни лиц их исповедующих. В европейских странах соблюдение ряда религиозных предписаний может рассматриваться как уголовное преступление. Например, законам европейских стран явно противоречат принципы захоронения парсов, которые традиционно предоставляют хищным птицам съедать плоть своих покойников, или наказания за отступления от веры в виде ударов палкой, побоем камнями или отсеканием рук и голов, принятые в некоторых мусульманских общностях.

В последнее время в публикациях все чаще рассматриваются вопросы правовых моделей, формируемых в различных религиях. Особенно этот аспект проявился при распространении в исламе идей салафизма – движения за возвращение чистоты первых мусульманских общин. Причем, его рассмотрением занимаются как юристы, стоящие на страже государственной законности [1], так и мусульманские богословы.

Базисным исламским законодательством является шариат, созданный на основе священных текстов Корана и Сунны. Помимо этого, основные правила взаимоотношений между людьми выведены различными мусульманскими богословами на основе чисто рациональных приемов толкования священных текстов, что привело к формированию основных правовых школ или мазхабов: ханафитского, маликитского, шафиитского и ханбалитского. Причем наиболее гибким и лояльным к светскому праву

(адату) является ханафитский мазхаб, которого придерживаются белорусские татары. Он допускает соблюдение местных обычаев, если они не вступают в явное противоречие с исламским правом и его религиозно-этическими установлениями. Маликиты и ханбалиты более жестко придерживаются принципов суннитской ортодоксии, а шафииты занимают промежуточное положение между представителями указанных мазхабов [2]. Кроме этого среди верующих мусульман выделяют фундаменталистов, ориентированных на буквальное понимание священных текстов (например, ханбалиты-ваххабиты и салафиты), а также обычных верующих-традиционалистов, озабоченных соблюдением и сохранением тех вариантов веры, которым следовал их народ.

В целом, лояльные к адату мусульмане, проживающие в стране, не являющейся территорией традиционного распространения ислама, соблюдают следующие правовые нормы: шариат, который является общим для всех мусульман; мазхаб, которому они традиционно придерживаются, и светское законодательство той страны, в которой они проживают.

Однако идеологи ряда движений в исламе настаивают не только на том, что мусульмане должны следовать только религиозным предписаниям, игнорируя светское законодательство, но открыто призывают бороться против него и против его сторонников. Например, известный исламист Абу Мухаммад аль-Макдиси писал: «демократия – это религия, не имеющая никакого отношения к религии Аллаха... демократические палаты депутатов – это нечто иное, как дворцы ширка, крепости язычества, от которых нужно отдалиться для выполнения единобожия, ... а также стремиться разрушить демократию, враждовать с его сторонниками, ненавидеть их, вести с ними джихад» [3]. Богослов М. Зину предлагает считать «недействительной» веру тех людей, которые используют законы, «противоречащие законам Аллаха», кто «установил противоправные человеческие законы, считают их приемлемыми и годными». При этом он называет этих людей и «вероотступниками и отщепенцами» [4, с. 24]. Известный богослов С.Ф. аль-Фаузан выступает против дружбы с неверными и призывает «ненавидеть приверженцев многобожия и враждовать с ними», запрещает восхвалять и защищать их, использовать их летоисчисление, принимать участие в их праздниках, восхвалять их культуру и достижения цивилизации [5].

Более сложными являются вопросы, связанные с противоречиями между различными направлениями в исламе, традиционно существующими со времен средневековья [6]. Во многом, как полагает И.П. Добаев, это было связано с включением в VII–XI вв. в состав арабского халифата множества народов и с последовавшим затем его распадом на отдельные государства. В каждом из них ислам приобретал специфический оттенок, характерный образу жизни конкретного мусульманского этноса, принесшего в ислам свои религиозно-этические представления, правовые нормы и обычаи. Многие противоречия разрешились благодаря принятию в 1017 г. «Кадирийского трактата веры», в котором было сформулировано кредо суннитского традиционализма и утверждено наличие четырех мусульманских правовых

школ – мазхабов [7]. Однако в настоящее время многие представители салафитского движения в исламе рассматривают наличие мазхабов как «новшество», и призывают мусульман бороться как против сложившихся направлений, так и против сформированных в них культурных традиций.

В современных условиях создает проблемы для межкультурного диалога возрождение идеи вооруженного джихада и просвещение мусульман в способах ведения войны. Данная тема отражена в Коране и Сунне – мусульманских священных текстах, поэтому критика данного аспекта существенно затруднена, т.к. он связан с исламским вероучением. С другой стороны, формально он часто подпадает под юрисдикцию Закона «О противодействии экстремизму».

Исламский вопрос является далеко не единственным из тех, которые вызывают в настоящее время напряжение. Требуется обсуждения тема, связанная с распространением так называемых новых религиозных движений. Часть из них обычно воспринимается как своеобразное чудачество современной интеллигенции. Однако многие организации этого направления помимо новой религиозной теории и незамысловатой культовой практики предлагают и пытаются воплотить в жизнь и новые формы организации людей и общества.

Принятые во многих странах правила уважения различных мнений, верований и традиций подразумевает принятие этих правил и другими. Однако, будут ли все согласны следовать им? Поэтому остается открытым вопрос, на каких принципах будет осуществляться дальнейший диалог культур и взаимная адаптация друг к другу народов, существование которых основано на разных законах и религиозных предписаниях.

Литература и источники

1. Залужный, А.Г. Прокурорский надзор за исполнением законов о свободе совести, религиозных объединениях и противодействии экстремизму. – М., 2004; Володина, Н.В. Теологическая система государства и права: системно-правовой анализ современной исламской модели // Современное право. – 2005. – № 12. – С. 63–72.
2. Добаев, И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов-на-Дону, 2002.
3. аль-Макдиси, Абу Мухаммад. Демократия – это религия // Азбука имама [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.religia.kz/2008-12-28-03-17-06/53-2009-01-01-14-26-59/3198-2009-12-20-08-59-47.html>.
4. Зину, М.Д. Столпы ислама и веры. – М., 1992. – С. 24.
5. аль-Фаузан, С.Ф. Дружба и непричастность в Исламе // Воистину, религией у Аллаха является Ислам [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://nurr.ru/content/дружба-и-непричастность-в-исламе>.
6. Мец, А. Мусульманский ренессанс. – М., 1973.
7. Добаев, И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов-на-Дону, 2002.

ДУХОВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Альчук М. П. (Львов, Украина)

В конце XX – начале XXI веков проблема духовности исследуется современными украинскими философами. С. Крымский, Е. Осычнюк, С. Пролеев, Т. Старченко, И. Степаненко, В. Табачковский, В. Шинкарук анализируют содержание, характер, направленность, соотнесенность понятий "дух", "душа", "духовность". Даются определения, семантические и языковые интерпретации данных понятий, И. Степаненко анализирует духовность как внутреннюю форму – организация, способ функционирования и развития и как внешнюю – способ обособленности и сосуществования духовных феноменов. Духовность – это довольно сложное образование, которое раскрывает сущность человека, его знания, чувства, ценности, менталитет.

Сегодня необходимо активизировать духовные, моральные, творческие силы граждан для национальной консолидации и общественной солидарности. Очень важными есть самоосознание, самоидентификация наций, которые мобилизуют жизненную энергию людей, а также интегрируют их в гражданское общество. Жизненные силы, творческие усилия, духовная энергия способны пробуждать нации к их самоопределению и самоосуществлению.

Исследование понятия "духовности" дает возможность раскрыть ее сущность и использование не только в философии, но и во всех гуманитарных науках. Ученые в трактовке "духовности" выделяют следующие тенденции: во-первых, остается достаточно распространенным понимание духовности предыдущего (советского) периода. Широко используются его исследовательские установки, аналитический аппарат. Во-вторых, является попытка воссоздать понимание духовности в украинской аналитике конца XIX века. Здесь доминирует религиозное толкование. В-третьих, выделяется тенденция, которая раскрывает методологический анализ западной социологической и культурологической мысли, а также сосредоточивается на отдельных элементах, феноменах духовности, идеального. На практике использование данных понятий, их рассмотрение не сводится к этим трем позициям. Прослеживается синтез в их понимании, особенно, в последние годы XX века.

В украинской философской традиции выделяется мощное направление феноменологического осмысления духовности в рамках "философии сердца", в контексте проблемного поля национального сознания, выявления существенных особенностей ментальности украинского народа, раскрытия трагической судьбы и перспектив украинской государственности. Феномен духовности раскрывался преимущественно с помощью таких понятий, как духовная жизнь общества, духовная сфера деятельности, духовное творчество. Духовность запечатлена опытом всего исторического прошлого. Немаловажно, что духовность никогда не дается нам в виде некоторой

конечной формулы. Она должна непрестанно раскрываться в контексте проблем современности. В этом сущность и смысл культуры.

Духовность характеризуется наличием у человека способностей и возможностей к изменению условий своей жизни и самого себя. Можно отметить, что это – самоощущение, самосознание и самореализация человеческой сущности. В духовности гармонично сочетаются истина, добро и красота. Это триединство – Истины, Добра, Красоты – можно объединить одним словом – Любовь.

Философское наследие Г. Сковороды, как отмечают украинские исследователи (М. Кашуба, И. Захара, В. Ничык), заложило фундамент для формирования в Украине и западноевропейской философской мысли, гуманистического экзистенциализма. Познать себя, свое сердце – Добро, Истину, Красоту и Любовь – значит познать Бога. Это духовная сущность человека, а также ее дух и душа раскрывает основы христианской морали, заложенные в Священном Писании. Он толковал библейские тексты как совокупность определенных символов, в которых спрятана таинственная сущность книги мудрости. Философ раскрывает иносказательный смысл текстов Библии во многих своих трудах. Г. Сковорода писал о большом значении Заповедей Божьих для правильного воспитания и достижения истинного счастья. Эти заповеди – "десятисловия" закладывают прочные основы христианской морали, которые должны войти в плоть и ум детей наших. Истинная суть и сила "десятисловий" помещается в одном слове – Любви. Это путь достижения подлинного счастья для человека, что позволяет самоопределиться и самоутвердиться в жизни земной. Он пишет: "нет слаще для человека и нет нужнее, как счастье; нет же ничего и легче этого. Благодарность блаженному Богу. Царство божие внутри нас. Счастье в сердце, сердце в любви, а любовь в законе вечного" [1, с. 111]. Мыслитель отмечает, что нужно с детства воспитывать у людей чувство любви к Богу и к ближним. И в наше время эта проблема весьма актуальна, ведь без чувства любви мы не сможем воспитать настоящих патриотов своей Родины. Также, с раннего детства нужно воспитывать чувство благодарности, чувство гордости, в первую очередь национальной. Национальные чувства – духовные чувства. Следовательно, воспитание национальных чувств способствует духовному возрождению нации.

Украинский философ С. Крымский подчеркивает, что "духовность – это способность переводить универсум внешнего бытия во внутренний мир личности на этической основе, способность создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется самотождественность человека, его свободы" [3, с. 23]. Он также отмечает, что гуманитаризация современной действительности как раз акцентирует внимание на индивидуальных качествах личности, а не на идеи человечества вообще. Выделяется роль духовного самоопределения личности (не категория "добра", а добро в значении личностного свойства). Автор отмечает также, что духовность приводит к сочетанию образа мира с нравственным законом личности. "Духовность не тождественна духовной жизни общества, она выступает как

способ самоустройства личности и конституируется в виде ее носителя. Духовность связана с выбором своего собственного образа, своей судьбы и роли" [3, с. 21]. Украинский философ обращает внимание на то, что духовность всегда выступает альтернативой небытию, упрощению, когда творческая полнота человеческого бытия редуцируется только к самоуверенному потреблению. Тогда может нивелироваться всякое отличие субъектов и будет тотальная посредственность. "Духовность – это всегда призыв «сверху» осуществить то, что не осуществляется само по себе, имеющимся образом, призыв, требующий, однако, индивидуальной расшифровки" [2, с. 7]. Таким образом, духовность представляет себя как способность личности придавать смысл своей индивидуальности.

Понятие духовности охватывает всю сферу духовных явлений, определяет дух как характеристику человека и его существование. С другой стороны, дух (феномен духовности) охватывает достаточно широкий спектр различных явлений "от конкретных духовных образований (знаний, идеалов, чувств) к обьективированным, предметным и социально-институционализированным формам духовной жизни" [4, с. 17]. Духовность, в определенном смысле, является полем порождения мысли, тем внутренним значительным фактором, который определяет, направляет и предоставляет мировоззренческую ориентацию и ценность личности. Поэтому можно выделить духовность как специфическую форму самоопределения человека в мире.

В. Табачковський в статье "Гуманизм и проблемы диалога культур" подчеркивает недостаточность апелляций к одной культурной модели или абсолютизации гуманистического подхода. Основной вопрос для гуманизма – это сущность и назначение человека. В рамках определенного образа мира "каждый из нас самоопределяется – ищет места собственной идентичности, утверждает ее или теряет, теряя, ищет снова и снова до последнего вздоха" [5, с. 11]. Подобное происходит с каждой культурой, создает собственный мир в глобальной культуре. Различные культуры играют неодинаковую роль в глобализационных процессах. Философские, культурологические исследования анализируют проблему отчужденности культур и его преодоления. Соотношение "Я« и «Другого» – это осознание своей самодостаточности – и способности к объединению. Происходит взаимовлияние, взаимообогащение культур, но сохраняется их самоидентичность. Выяснить, кем мы являемся и что мы думаем о другой культуре («взвесить свой предрассудок») возможно только с помощью другой (чужой) культуры. Она зеркало, без которого мы не сможем увидеть себя.

Важнейшей характеристикой онтологического выбора нации является ее духовность. Духовность как форма интеграции личности в национальную жизнь и одновременно условие ее самоопределения. Многомерность личности, ее «Я" раскрывается через духовный мир. Уникальность и неповторимость существования нации раскрывается в ее духовности.

Литература и источники

1. Сковорода, Г. Начальная дверь к христианскому добронравию // Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М., 1973.
2. Кримський, С. Заклики духовності ХХІ століття. – Київ, 2003.
3. Крымский, С.Б. Контуры духовности: Новые контексты идентификации // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 10–16.
4. Пролеев, С. Духовность и бытие человека. – Киев, 1992.
5. Табачковський, В. Гуманізм та проблема діалогу культур // Філософська думка. – 2001. – № 1. – С. 11–18.

ХУДОЖЕСТВЕННО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА И КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

Бабаева Т. Б. (Таганрог, Россия)

По весьма точному замечанию одного уважаемого автора "диалог культур" – эвфемизм, не более чем политкорректный вариант для обозначения реального конфликта культур, волнующего сегодня человечество всё больше и больше [2, с. 13]. Геополитические катаклизмы и историко-социальные процессы или усугубляются (что вполне очевидно) или дополняются, а скорее всего, адекватно отражаются в формах искусства, старейших по виду и жанру, но новейших по содержательно-смысловому наполнению и беспрецедентных по эпатажности выражения.

Современная постмодернистская художественная парадигма родилась из предельно обострившихся противоречий в культуре и цивилизации, начавшихся в последней трети XIX в. Поступательное движение в сторону "переосмысления", "переиначивания" традиционных смыслов и ценностей привели к тотальному засилью иронии практически во всех формах культуры как мировоззренческой позиции. Ирония, в соответствии с европейской эстетической традицией относится к категории комического, но в современных модификациях ирония и гротеск сегодня охватывают феномены, нередко выходящие за рамки традиционно комического.

Как творческий метод ироническое отношение к действительности выкристаллизовалось в условиях глубинного духовно-культурного плюрализма XX столетия, отрицающего однозначность каких-либо позиций и абсолютизацию каких-либо утверждений. В течение всего столетия искусство, художественные и мыслительные практики с самым серьезным видом разворачивались в ироническом модусе, создавая некое бескрайнее ироническое поле, в котором уживаются бесчисленные (и часто существенные) противоречия и напряжения между всей традиционной культурой, как бы иронически отрицаемой техногенной цивилизацией, и самыми крайними эпатажными новациями, как бы иронически утверждаемыми в качестве новейших ценностей [1, с. 243].

В эпоху постмодернизма ирония становится одним из главных

смыслообразующих принципов искусства. Всё экспериментальное творчество XX столетия носит, как правило, ироничный, и как следствие эпатажный, провокационный характер, именно потому, что иронический подтекст создаваемых "произведений" у большей части аудитории вызывает негативное отношение к ним и только у меньшинства – адекватную рефлексию.

Именно ирония, как мировоззренческое основание постмодернистской культуры определяет сегодня специфические особенности многих переходных социокультурных явлений, как отечественной так и зарубежной культуры – коммуникации, политики, научных концепций, художественного творчества и др. "Фактически, – как пишет В.В. Бычков, – главной пружиной всей постмодернистской деятельности является глобальное ироническое передразнивание и перемешивание всех и всячески феноменов всей истории культуры, ироническая игра всеми известными творческими методами и приёмами выражения и изображения, всеми смысловыми уровнями, доступными данному виду искусства или арт-практики" [1, с. 258].

В качестве "смыслового уровня" современное ироническое искусство видит для себя возможным прикосновение к такой сложной и тонкой материи как чувства верующих. Но если уже ставшие многочисленными в нашей стране примеры сознательного свободного обращения с религиозной тематикой (выставки "Осторожно, религия" (2004), "Запретное искусство-2006" (2006), "Арт-Москва" (г. Москва) (2007), широко нашумевший перформанс "Пуси райт" (2012)) вызывают споры и конфликты внутри страны, инициированные в основном представителями РПЦ, то карикатуры европейских художников на исламского пророка Мухамеда выходят по своим последствиям далеко за границы Европы и оборачиваются самыми крайними формами противостояния культур – насилием и убийствами.

Карикатура как жанр искусства всегда носила двойственный, противоречивый характер. Это сатирическое изоморфное искусство, в принципе далекое от доброжелательности, начиная с эпохи Возрождения, являлось мощным политическим оружием, действовавшим повсеместно: оно задевало, раздражало, влияло на общественное мнение. Но, в конечном счете, оно всё же выполняло своё предназначение: служило высоким гуманистическим идеалам, формировало гражданственность в обществе, развенчивало культ идеологических догм.

Выявление специфики понимания политической карикатуры в кросскультурном аспекте показало, что трудности при её интерпретации неизбежны даже между представителями одного (общего) ареала культуры. Авторы карикатур, будучи представителями определенной идейно-эстетической платформы, опираются на элементы, входящие в состав (как минимум в ядро) когнитивного пространства одной культуры, а соответственно малоизвестные, либо неизвестные представителям иных культур. Непонимание карикатур обусловлено несовпадением системы ценностей и ментальных структур представителей разных культурных общностей. Любое произведение искусства, а особенно, такое как

карикатура, создается в расчете на отклик, как эмоциональная структура, передаваемая читателю и одновременно зрителю печатных СМИ в намерении оказать на него воздействие и изменить отношение к объектам карикатурной оценки. Вероятность неадекватного или ложного восприятия политической карикатуры носителями не "своей" культуры достаточно высока. Проблема понимания (точнее, непонимания) смысла текста в значительной степени возрастает в процессе не просто межкультурной коммуникации, а межэтнической, межконфессиональной напряженности.

Хотя провокация (лат. *provokatio* – провозглашение, вызов) в принципе действие, необходимое в художественном творчестве, в условиях межэтнической, межконфессиональной и политической нестабильности выглядит как ироничный вызов "чужой" культуре, имеющий далеко идущие последствия. Развернувшаяся около года назад чрезвычайно острая полемика о значении "плохих" картинок развела сторонников и защитников буквально по разные стороны баррикад. В целом соглашаясь с мнением об историческом статусе карикатуры, хочется подчеркнуть важность закономерного в этом случае вопроса: кто выступает аудиторией скандальных карикатур? кто адресат сего послания? Карикатура как специфический вид искусства, как интеллектуально-смысловая игра доступен далеко не каждому, тем более такая, которая является предметом данного обсуждения. Работая в старых традициях, европейские издания (в 2005 г. датская газета "Jyllands-Posten", напечатала серию карикатур на пророка Мухаммеда, потом ее перепечатали испанская и немецкая "Die Welt", французские "Liberation" и "France-Soir") карикатуру с использованием сакральных символов "чужой" религии возводят в ранг обычной политической карикатуры, такой, какой она всегда была известна в Европе. Но если датский художник-карикатурист Курт Вестергор, автор карикатуры на пророка Мухаммеда, изображенного в тюрбане в виде бомбы, в своих изоформах ещё более-менее сдержан, то художники сатирического журнала "Charlie Hebdo" что называется "не стесняются в выражениях". Карикатуры, которыми заполнен журнал, по своим сюжетам, ассоциативному и образному строю, своей смысловой нагрузке и графической манере представляют собой предельно циничные, на наш взгляд, изображения всех известных мировых политиков, а также самых статусных церковнослужителей.

Хотя всеобщий подход к религии в постмодернизме, как правило, плюралистичен: все религии равны, ни одна не имеет права претендовать на какое-либо господство, все же сами журналисты в многочисленных интервью подтверждали, что понимали, какая реакция последует после публикации карикатур с изображением пророка Мухаммеда (на то она и карикатура). Однако, столь трагических последствий, конечно, никто не предполагал, как и недооценивание того факта, что этой ситуацией в политических целях воспользуются представители радикального ислама. Ещё в сентябре 2005 г. после появления карикатур, опубликованных в "Jyllands-Posten", местные исламские лидеры, собрав 12 оригинальных и 3 добавленных (!) карикатуры вместе, занялись распространением сведений о датском "богохульстве",

возглавив группу активистов, объединившихся в "Европейский Комитет во славу Пророка". Спустя 4 месяца после этого Иран отозвал своих послов из этих стран, а популярная иранская газета "Хамшахри" объявила о проведении конкурса карикатур на тему Холокоста под девизом "Где предел свободы слова на Западе?" Победителю был объявлен денежный приз в размере 12 тыс. долларов. Таким образом, общественный скандал уже тогда начал перерастать в глобальный политический кризис, "увенчавшийся" трагической гибелью журналистов "Charlie Hebdo" спустя десятилетие в январе 2015 г. Это ещё раз подчеркивает и симптоматику, и ответственность культуры за всё происходящее.

Окончательно стало очевидно, что конфликт между современными формами культуры в условиях глобализации приводит массы людей не только к идейному, идеологическому, мировоззренческому противостоянию, но и кровавому террору, а это уже проблема, выходящая далеко за пределы философско-эстетического анализа форм смеховой культуры.

Литература и источники

1. Бычков, В.В. Эстетика. – М., 2009.
2. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур. – М., 2007.

ЗАХОДНІЯ І ЎСХОДНІЯ ЖАНРЫ Ў ПАЭЗІІ ЭДУАРДА ДУБЯНЕЦКАГА ЯК ПРАЯВА МІЖКУЛЬТУРНАГА ДЫЯЛОГА

Барысюк Т. П. (Минск, Беларусь)

Э. Дубянецкі – вядомы гісторык і культуролаг, паэт. Сярод паэтычных жанраў заходнееўрапейскага паходжання ім засвоены стансы, раманс, актава, александрыйскі верш, рандо і інш. У «Стансах пра Час, каханне і жыццё» выказваюцца ідэі хуткаплыннасці крохкага чалавечага жыцця, якое ў ідэале павінна быць асветлена каханнем і жаданнем процістаяць Часу, што забірае здароўе і сілы. У творы адчуваецца ўплыў матыва «бывай» з верша «Farewell! If ever fondest prayer...» Д.Г. Байрана. «Стансы...» Э. Дубянецкага адпавядаюць патрабаванням жанра, дзе павінна быць медытатыўнасць і чатырохрадковыя, сінтаксічна завершаныя строфы. «Раманс аб страчаным каханні» выяўляе ідэю немагчымасці выклікаць міласць жанчыны насуперак яе жаданню, што немагчыма прымусіць пакахаць. Адпаведна гэтаму віду верша, твор Э. Дубянецкага мае мілосную тэматыку і напеўны характар. У актаве «Цяжкія часіны» з адпаведнай жанру схемай рыфмоўкі радкоў (АБАБАБВВ) выказваецца ідэя пераважнай нездзяйсняльнасці людскіх мар і чаканняў цудаў, немагчымасці атрымаць выключна шчаслівую будучыню, без злыбедаў і стратаў. Верш «Спыніць пір падчас чумы...», заяўлены як александрыйскі, якраз і ўтрымлівае папарную рыфмоўку радкоў, і альтэрнанс паміж імі, і шасцістопны ямб з цэзурай пасярэдзіне радкоў. Аднак пасля цэзуры некалькі радкоў утрымліваюць не патрэбныя тры, а чатыры стапы,

г.зн. рытм крыху збіваецца. У вершы выказваецца ідэя несправядлівага панавання амаральных каштоўнасцей у сучасным грамадстве (хлусня, нянавісьць, подласць), калі станоўчыя чалавечыя якасці (праўда, вернасць, годнасць) у занядбанні, і выяўлена гэтая ідэя праз вобраз «піру падчас чумы», навеянага, відаць, пушкінскай творчасцю. Ідэяй рандо «Мана» з'яўляецца немагчымасць сапраўднага кахання пры ўмове няшчырасці яму падуладных людзей. Вылучыўшы першае слова «мана» ў асобны (першы) радок, Э. Дубянецкі парушыў патрэбную для кананічнага рандо агульную колькасць радкоў – 14 замест 13-ці, а таксама парушыў парадкавы лік павінных быць паўторанымі ключавых слоў – 10-ты і 14-ты замест 9-га і 13-га. Але калі першы і другі радкі аб'яднаць у адзін (як гэты і павінна было быць), то гэтая праблема знікне.

Усходнія цвёрдыя формы і віды верша ў Э. Дубянецкага прадстаўлены газеллю, рубаі, танкай, хоку і інш. У газелі як форме інтымнай лірыкі «Іду да цябе» аўтар выказвае ідэю доўгатэрміновай душэўна-эмацыянальнай скіраванасці лірычнага героя да яго каханай як найвышэйшага сэнсу жыцця і стымулу для натхнення. Патрэбная схема рыфмоўкі радкоў (*аа ба ва га...*) паэтам вытрымана, да кожнага рыфмаванага радка дададзены кароткі рэдыф – слова «іду» – для падкрэслення доўгатэрміновасці і настойлівасці душэўных памкненняў лірычнага героя да яго абранніцы. У апошнім бейце газелі можна ўключыць імя аўтара, але тут гэтага няма. Рубаі «Не згубі» напоўнена ідэяй неабходнасці чалавеку вытрымаць усе выпрабаванні злыбедамі, маной, каб дасягнуць вышыняў самаздзяйснення. Наяўнасць чатырох радкоў у творы, схемы рыфмоўкі радкоў *ааба* і філасофскага зместу, – усё гэта адпавядае патрабаванням цвёрдай формы рубаі. Танка (паводле аўтарскага жанравызначэння) «Туга» адлюстроўвае названы настрой лірычнага героя, навеяны яму вобразам месяца на небе. Тое, што гэты манастрафічнае пяцірадкоўе без рыфм, адпавядае патрабаванням гэтай усходняй формы, але колькасць складоў у апошнім радку парушана – замест 5–7–5–7–7 маем 5–7–5–7–4. У хоку (паводле аўтарскага жанравызначэння) «Роспач» Э. Дубянецкі выказвае ідэю адчування эмацыянальнай дысгармоніі і адчаю ад знаходжання ў адзіноце, у немагчымасці яднання з каханай. Хоку як манастрафічнае трохрадкоўе без рыфмы адпавядае заяўленай форме, але колькасць складоў у другім радку парушана: замест 5–7–5–5–8–5. Аднак асобныя недакладнасці ў інтэрпрэтацыі названых заходніх і ўсходніх форм у пераважнай большасці выпадкаў не даюць падстаў для адмовы аўтару ў праве называць заяўленыя ім формы сапраўды такімі. Хіба што танка і хоку як цвёрдыя формы з-за парушэння колькасці складоў у радках могуць быць названы проста паэтычнымі мініяцюрамі і адпаведна маглі б быць размешчанымі ў нізцы «Кропелькі» (паэтычныя афарызмы і мініяцюры) той самай кнігі аўтара «Душы маёй няскончаны палёт» (2011).

Такім чынам, паэзія Э. Дубянецкага – яскравая выява заканамернасці ў сучаснай беларускай лірыцы да спасціжэння і засваення заходніх і ўсходніх форм, што якраз і сведчыць пра наяўнасць міжкультурнага дыялогу ў яго творчасці. Акрамя названых форм, аўтар засвойвае вельмі рэдкія або

адсутныя ў сучаснай беларускай паэзіі цвёрдыя формы і віды верша, такія як гашма, касыда, кыта, ліпаграматычны верш, лэ, пантарым, сіцыліяна, фард, дайна, дойна, дубейці, каламыйка, мураба, мусаба, мусадас, мусаман, мусамат, мухамас, пеон, фрашка, шаіры і інш., што фактычна з’яўляецца яго вельмі прыкметным унёскам у жанрава-страфічнае багацце і разнастайнасць сучаснай беларускай паэзіі.

ХІХ СТАГОДДЗЕ Ў ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІХ ЛІТАРАТУРНЫХ СУВЯЗЕЙ

Бахановіч Н. Л. (Мінск, Беларусь)

Абнаўленне карты Цэнтральнай і Паўднёва-ўсходняй Еўропы ў канцы XVIII ст., у межах якога адбыўся ў тым ліку і трохэтапны падзел Рэчы Паспалітай паміж трыма суседнімі краінамі, засведчыла вызначальную па сваіх наступствах змену палітычнага статусу беларускай зямлі. ХІХ ст. у айчыннай гісторыі адметнае маштабнымі гістарычнымі падзеямі: вайна 1812 г., з’яўленне і ліквідацыя царскімі ўладамі моладзевага руху філаматаў-філарэтаў (канец 1810-х–1820-я гг.), два паўстанні (1830–1831 і 1863–1864 гг.). Названыя ўражальныя і неабвержныя факты ўздзейнічаюць на светаадчуванне, светабачанне і светаразуменне тагачасных грамадзян, а г.зн. і на мастацтва слова, дзе ў адным духоўна-культурным полі з польскамоўнай плыню, нарэшце, пасля працяглай паўзы, зноў пачынае фігураваць беларускамоўная літаратура.

Развіццё літаратурнага працэсу на беларускай і польскай тэрыторыях у гэты перыяд стымулююць як мінімум тры моўныя сістэмы – беларуская, польская і руская, праз пасрэдніцтва якіх на яго ўздзейнічае і культура іншых еўрапейскіх народаў. Сярод акрэсленага комплексу «каталізатараў» развіцця нацыянальнага мастацтва слова дамінантную ролю выконваў польскі па прычыне супольнасці папярэдняга гістарычнага шляху і наяўнасці грунтоўнага агульнага пласта – шэрагу беларускіх твораў на мове суседняга народа. Пры гэтым у структуру літаратурных тэкстаў ўваходзяць спрадвечны этнічны матэрыял – фрагменты гісторыі, элементы вуснай народнай творчасці, маркёры матэрыяльна-побытавай культуры і г.д. У. Мархель з гэтай нагоды разважае: «Польскамоўная творчасць аўтараў беларускага паходжання мела трансфармацыйны характар, бо беларускую ментальнасць яна пераводзіла ў рэчышча польскай мовы, у літаральным сэнсе перакладала на польскую мову» [1, с. 111].

Дзякуючы магчымасці такога «перакладу», у літаратурным працэсе прысутнічалі ўнікальныя творы, якія, на жаль, затым былі выкінутыя з яго па прычыне моўнай «неадпаведнасці». Пераважная іх частка створана прадстаўнікамі шляхецкага саслоўя, якія апісваюць сваё асяроддзе і яму ж у асноўным адрасуюць свае мастацкія тэксты. Фарміраванне поўнай і цэласнай карціны жыцця айчыннай інтэлігенцыі ў гэты перыяд прадстаўляе цікавасць

па той прычыне, што менавіта яна была флагманам – асноўным носьбітам беларускай нацыянальнай ідэі. Напрыклад, польскамоўная беларуская проза (Я. Баршчэўскі, І. Ходзька, І. Яцкоўскі, А. Плуг, Э. Масальскі, В. Савіч-Заблоцкі і інш.) дазваляе сёння зруzumець, наколькі складаным быў лёс беларускай, а таксама польскай, расійскай, украінскай, літоўскай, шляхты. Знікненне гэтага саслоўя ва ўсходнеславянскай гісторыі прынята трактаваць у якасці даволі рэзкага, але заканамернага і цалкам справядлівага віражу гісторыі. За ўвасабленнем у перыяд Адраджэння і далейшым навуковым аналізам «мужыцкіх» асноў беларускай нацыі, за ўмацаваннем савецкай уладай культа пралетарыяту шляхта была забытая, разам з яе праблемамі і, самае галоўнае, крызісамі.

Уплыў беларускага дыскурсу на польскую літаратуру ў XIX ст. праяўляўся ў творчасці аўтараў, так ці інакш звязаных з айчыннымі землямі, аднак «крэсы» перамясціліся ў разрад былых польскіх тэрыторый. Тое, што ў XVI і XVII стст. адпавядала канкрэтнай рэчаіснасці, звязанай з геапалітычным палажэннем Рэчы Паспалітай абодвух народаў, у наступных стагоддзях пераходзіць да катэгорыі міфаў, але заўсёды ў глыбокім для нацыянальнай свядомасці значэнні [2, с.15]. Былыя «крэсы» склалі гродзеншчына, віленшчына і палессе, у той час як уласна беларускімі тэрыторыямі лічыліся віцебская, магілёўская і ўсходняя частка мінскай губерній. Нёман выконваў ролю сімвалічнай мяжы паміж беларускім і польскім народамі, на адным з бакоў якой узніклі ўнікальныя культурныя з’явы еўрапейскага маштабу. У такой сувязі надзвычай ілюстратыўным бачыцца прыпісанае Ю. Пілсудскаму і шырока распаўсюджанае параўнанне Польшчы з абаранкам, у якім усё самае лепшае месціцца па краях. Не маючы радзімы ў выглядзе дзяржавы з дакладна акрэсленымі палітычнымі межамі, таленавітыя выхадцы з крэсаў ідэнтыфікавалі сябе неадназначна, адкрытыя як да свайго, так і да чужога. Творчыя асобы, народжаныя і выхаваныя на геаграфічным памежжы, адчувалі і па-мастацку выяўлялі ўласную прыналежнасць да феномену духоўнага памежжа.

Першай знакавай культурнай падзеяй стаў рамантызм, які ўзнік у 20–30-х гг. у Віленскім універсітэце ў асяроддзі філаматаў і філарэтаў. Стваральнікамі гэтага мастацкага метаду былі пераважна выхадцы з беларуска-літоўскіх крэсаў: Я. Чачот, Т. Зан, Э. Адынец, А. Міцкевіч і інш. Распрацоўцы імі айчыннага дыскурсу ў польскай і беларускай літаратурах спрыяла сама «прырода» рамантычнага метаду, таму што прадугледжвала зварот да мінулага і фальклору. Блізкімі для літаратараў сталі гісторыя Вялікага княства Літоўскага і вусная народная творчасць на прасторах літоўска-беларускіх крэсаў. Асабліва роля ў распрацоўцы рамантызму належыць польска-беларускаму аўтару А. Міцкевічу, што “ў эпілогу да «Пана Тадэвуша» акрэсліў выгнанчы дух гэтай плыні. Беларускі дыкурс у польскай літаратуры XIX ст. выявіўся ў рамантычным матыве раз’яднанасці з «малой радзімай» і адначасова духоўнай сувязі з ёй. Разам з нашымі землякамі, рамантызм у польскай літаратуры прадстаўлены імёнамі Ю. Славацкага, Л. Штырмера, Ц. Норвіда, А. Фрэдры і інш.

Другой польскай культурнай падзеяй, стымуляванай беларускім фактарам, стаў варшаўскі пазітывізм – літаратурна-грамадскі рух 60–80-х гг. Яго прадстаўнікі прапагандавалі неабходнасць развіцця польскіх земляў мірным шляхам – служэння: пашырэннем асветы сярод народа, працай на карысць айчыны. У такой літаратуры сцвярджаў сябе новы герой – чалавек нізкага сацыяльнага статусу (рамеснік, гандляр, акцёр, селянін і г.д.), часта прадстаўлены як носьбіт асноў маральнасці і духоўнасці. С. Пігонь у выяўленні і індывідуалізацыі такога героя адзначыў асаблівую ролю Э. Ажэшкі, якая амаль усё жыццё правяла на Гродзеншчыне. «Яе «Хам» выступае тут пазіцыяй гістарычнай. Пісьменніца не назвала апавяданне «Рыбак», – разважае даследчык, – акрэсліла героя словам, якое стварала кантраст, афарбоўвалася горыччу прыніжэння» [3, с. 247]. Побач з Э. Ажэшкай у рэчышчы польскага рэалізму беларускую тэму асвятлялі Г. Сянкевіч, М. Канапніцкая, М. Радзевіч, Ю. Вайсенгоф і інш. Айчынная факталогія паўставала ў іх творах таму, што, бываючы ці жывучы за Нёманам і трымаючыся думкі аб аднаўленні Польшчы ў межах Рэчы Паспалітай, яны не заўсёды выразна размяжоўвалі гэтыя асобныя народы.

Такім чынам, менавіта адарванасць рамантыкаў ад малой радзімы – беларускай зямлі, паўплывала на настальгічныя адносіны да яе, уласцівыя польскай літаратуры наступных стагоддзяў, таму што «якраз тут быў пакладзены пачатак сакралізацыі вялікай і малой Радзімы» [4, с. 168]. Побач з тым, у нашых суседзях паняцце крэсаў як іх правінцыі, пачынаючы прыкладна з 80-х гг., убірае непарушаныя этычныя і культурныя эталоны, якія вызначаюць сферу польскай самаідэнтыфікацыі [5, с. 10–11]. У выніку беларускі дыскурс асвятляецца не ў якасці геаграфічнага прыдатку да тэрыторыі Польшчы, а як адметная духоўная прастора, дзе сканцэнтраваны станоўчыя традыцыі многіх пакаленняў.

Дагэтуль існуюць розныя думкі на тэму таго, ці XIX ст. прадстаўляе агульны беларуска-польскі літаратурны працэс, ці існавалі дзве асобныя літаратуры. Безумоўным выступае толькі факт узаемнага ўплыву беларускага і польскага фактараў: польская мова дала прыдатную ў тагачасных абставінах абалонку для ўвасаблення айчыннай рэальнасці, беларускі дыскурс у сваю чаргу духоўна напоўніў ключавыя культурныя з’явы нашых геаграфічных суседзях.

Літаратура і крыніцы

1. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў : у 2 т. – Т. 2 : Новая літаратура: другая палова XVIII–XIX стагоддзёў. – Мінск, 2010.
2. Uliasz, S. Literatura kresów – kresy literatury : Fenomen Kresów Wschodnich w literaturze polskiej dwudziestolecia międzywojennego. – Rzeszów, 1994.
3. Pigoń, St. Na drogach kultury ludowej: Rozprawy i studia. – Warszawa, 1974.
4. Штэйнер, І.Ф. Шматмоўная літаратура Беларусі XIX стагоддзя. – Мінск, 2002.
5. Paczoska, E. Odkrywanie prowincji – w kręgu doświadczeń literatury postyczeniowej // Doświadczenie prowincji w literaturze polskiej w II połowie XIX i XX wieku. – Białystok, 1993. – S. 5–16.

КОНЦЕПЦИЯ С. ХАНТИНГТОНА «СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Бережкова Е. С. (Минск, Беларусь)

Концепция «диалог цивилизаций» представляет собой сравнительно новую геополитическую модель цивилизационного развития. Данный концепт получил наибольшее развитие в конце XX века и связан с работой Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [5]. Она по сей день является одной из самых востребованных и популярных геополитических работ, в которой анализируется развитие современных международных отношений и возможные конфликты на почве цивилизационных отношений. По прошествии двадцати лет со времени её опубликования, есть возможность рассмотреть концепцию столкновения цивилизаций с точки зрения не только политической, но и социально-философской, делая упор на её теоретическую составляющую.

Модель С. Хантингтона носит прогностический характер. Согласно его концепции, в современном мире борьба государств была сменена на борьбу между различными цивилизационными группами за удовлетворение человеческих культурных ценностей и потребностей. Можно сказать, что теперь борьба происходит не между различными политическими и социально-экономическими системами, а между различными культурами цивилизаций. Предметом споров становится признание цивилизационной идентичности. Приоритетом становится культурная дифференциация [1].

Хантингтон настаивает на необходимости создании новой модели, которая позволила бы понять и систематизировать основные современные процессы международных отношений, в рамках динамически развивающегося современного мира. В ходе исторического развития мира человечество стремилось к интеграции, с одной стороны, и одновременно стремилось к обособлению, с другой стороны. Уровень этого противоречия постоянно менялся в зависимости от различных этапов человеческой истории. Процесс интеграции человека до наших дней сменил несколько основных форм, это таких как: 1. совместная хозяйственно-экономическая деятельность, 2. мировое сообщество, 3. политические блоки стран, 4. глобализации человечества [2].

Процесс обособления характеризуется следующими формами: 1. род, 2. племя, 3. народность, 4. нация-государство. Согласно С. Хантингтону, в условиях глобализации эта тенденция проявляется, в форме взаимодействия семи-восьми цивилизаций (западная, исламская, китайская, славянская, индуистская, японская, латиноамериканская и африканская) [3]. Основными "точками накала" между данными цивилизациями являются линии разлома между цивилизациями, а также конфликты между главенствующими государствами. Можно сделать вывод о том, что глобализация является высшей формой интеграции людей. В свою очередь высшей формой обособления является цивилизационная идентичность людей. Поэтому эти

два процесса являются сутью развития современной историей человечества, по мнению Хантингтона.

Необходимо так же отметить то, что в конце 20 века сочетание факторов обострило конфликт между исламом и Западом (по мнению С. Хантингтона).

1. Из-за резкого роста мусульманского населения появилось значительное количество безработных и недовольных молодых людей, которые вступают в ряды исламистских организаций, оказывают давление на соседние общества и мигрируют на Запад;

2. Возрождение исламской самобытности придало мусульманам новую уверенность в своей ценности цивилизации, а также они стали уверенными в своем превосходстве над западной цивилизацией.

3. Совпадение времени усиления навязывания западных ценностей миру, стремление сохранить свое военное и экономическое превосходство, а также вмешательство в «исламские дела», вызывали у мусульман яростное возмущение.

4. После крушения коммунизма Запад и исламский мир лишился общего врага.

5. После возрастания контактов между мусульманами и людьми Запада происходит смешение, а как следствие усиливается у обеих сторон ощущения собственной идентичности и приходит осознание отличия друг от друга. Взаимодействие и смешение также усугубляется в осознании прав, которые должны иметь члены одной цивилизации в стране, где численно доминируют представители совсем иной цивилизации. На протяжении 80–90-х годов, как в мусульманских, так и в христианских странах терпимость по отношению друг к другу резко снизилась [4].

В современном мире насчитывается огромное количество разнообразных цивилизаций. Между которыми возможен как диалог, так и противостояние. Большое количество «новых» цивилизаций проявило себя после распада СССР, Югославии и т.д. Данные страны получили «свободу» собственных культур. А также мир «потерял» свою биполярность. Многие страны потеряли общего «врага» в лице распавшихся стран и ополчились на бывших союзников.

Страны всегда стремятся «дружить» против «третьего». Под этим подразумеваются отношения стран сходных по определенным критериям и целям. Ярким событием и подтверждением данного момента стал распад СССР, после чего запад и исламский мир потерял общего врага и как следствие, нарастил противоречия друг против друга [6].

Следует также отметить, что Хантингтон выступает за дальнейшее сплочение, политическое, экономическое и военное единение западных стран, расширение НАТО, вовлечение Латинской Америки и предотвращение примыкания Японии к Китаю. Так как главную опасность представляют исламская и китайская цивилизации, Западу следует поддерживать лидерское положение России в православном мире, как противовес исламской и китайской цивилизациям. Так же Запад должен

ослабить напор навязывания своей культуры и цивилизационных особенностей другим цивилизациям, так данный фактор вызывает отторжение у других цивилизаций и, как следствие, усиление собственных ценностей, выраженных в противостоянии Западу. Что наиболее опасно в отношении исламской цивилизации.

Однако стоит отметить тот факт, что в настоящее время большинство конфликтов в мире между представителями различных цивилизаций происходит в основном из-за борьбы за обладание и контролирование стратегически важных ресурсов, таких как нефть, газ, водные, земельные и лесные ресурсы, минеральные и неминеральные природные ископаемые и т.д.

Что касается анализа работы Хантингтона, то однозначного вывода, о том станет ли мир через 10–20 лет наполнен конфликтам только на почве культурных различий цивилизаций, сделать нельзя. Конечно, без этих конфликтов никак не обойдется, они всегда были и будут. Однако, если проанализировать исторический процесс, то можно увидеть, что доля этих конфликтов занимала незначительную часть от всей массы конфликтов, происходящих на земле. Так же под эгидой данной теории множество конфликтов камуфлируются как конфликты на почве культурных различий, что усложняет процесс идентификации конфликтов и их истинных причин. Однако, стоит отметить важный фактор – интеграцию общественности. С течением времени все больше наций смешиваются, заимствуя новые культурные ценности друг у друга и на основе этого опадают многие противоречия на культурной почве.

Однако, с учетом стоявших перед человечеством глобальных проблем, связанных с экологией, демографией, ресурсоиспользованием, наличием ядерного оружия, мир нуждается в единстве и сплоченности, совместных действиях всех народов и стран [7].

Литература и источники

1. Агапов, П.В. Владимир Соловьев о войне и конфликте цивилизации; теория и прогноз // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – №4. – М., 2006. – С. 75–85.
2. Громько, Ю.В. Центральный пункт диалога цивилизаций: жизнестратегия против стратегии смерти // Диалог культур и цивилизаций: мост между правами человека и нравственными ценностями: материалы Междунар. конф. в штаб-квартире ЮНЕСКО, Париж, 13–14 марта 2007 / Альманах "Восток" – N 1(42), – М., 2007г.
3. Кирсанов, А.И.С. Хантингтон о "Столкновении цивилизаций" в контексте глобальных трансформаций // Философия и общество. – №3. – 2008. – С. 32–43.
4. Маер, Н. Ислам против Западной Цивилизации // Washington ProFile: материалы Междунар. конф. 22.09.2007. – Вашингтон, 2007.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – №1. – 1994. – С. 33–48.
6. Цивилизационная модель международных отношений и ее импликации/ научная дискуссия // Полис – № 1. – 1995.

7. Цыганков, А.П. Плюрализм или обособление цивилизаций? Тезис С. Хантингтона о будущем мировой политики в восприятии российского внешнеполитического общества // Вопросы философии. – №2. – 1998. – С. 18–34.

КУЛЬТУРНАЯ СВОБОДА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАЗВИТИИ И ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Веряскина В. П. (Москва, Россия)

Сегодня культурное многообразие в мире можно считать глобальным трендом в развитии человечества. Вполне закономерным становится вопрос о необходимости диалога с группами, национальными общностями и странами с целью взаимного влияния и взаимообогащения культур, устойчивого и гармоничного развития всех народов. Вместе с тем культурная свобода содержит различные возможности для реализации. С одной стороны, культурные особенности могут позитивно влиять на процессы модернизации в странах и входить в характеристики человеческого капитала, с опорой на который возможен прогресс в развитии общества и устойчивое человеческое развитие, с другой – культурные особенности людей могут быть использованы в политических целях и борьбе за власть.

Цивилизованное решение этих проблем, поиски баланса интересов, безусловно, должны опираться на диалог, а не силовые, основанные на насилии, способы решения. *Культурная свобода* – это возможность людей выбирать свою идентичность и вести предпочитаемый ими образ жизни, без ущемления в возможностях выбора в отношении других важных аспектов жизни, таких, как получение образования, медобслуживания, работы.

Сегодня во всем мире возрастает роль самобытности как фактора, обуславливающего политику. В этой связи хотелось бы выделить важность следующих вопросов:

1) Причины усиления самобытности и культурного многообразия в мире.

2) Пути управления многообразием или как достичь национального единства при наличии культурного многообразия.

3) Мифы о мультикультурализме, политика мультикультурализма и ее направленность против культурной исключенности.

1. Во всем мире происходят процессы усиления групповой индивидуализации и идентификации. В качестве наиболее общих причин этих процессов можно отметить, во-первых, неприятие в любых формах дискриминации и несправедливости по культурным основаниям и ограничений в социальной, политической, экономической сферах по этим же основаниям; во-вторых, достаточно новым явлением стал рост движений, склонных к принудительным действиям и даже насилию, если речь идет об угрозах культурной свободе. Кроме того, в эпоху глобализации некоторые общины и государства чувствуют, как их традиционные культуры исчезают, они хотят сохранить культурное своеобразие в глобальном мире как основу

своей идентичности. Культурное многообразие становится вызовом государственной политике.

Культурная свобода представляет важнейшую сторону человеческого развития, она теснейшим образом связана с определением своей идентичности. Человек не может быть никем, а потому ему необходима свобода исповедовать свою религию, говорить на родном языке, идентифицировать себя с культурным коллективным наследием и гордиться им, участвовать в жизни общества. В Программах развития ООН (ПРООН), посвященных различным проблемам социальных изменений в мире, всегда подчеркивалось, что человеческое развитие – это процесс расширения возможностей выбора людьми, кем быть и что делать, согласно их жизненным ценностям. Для человеческого развития требуется не только здоровье, образование, достойный уровень жизни, политическая свобода. Необходимо признание государством культурной самобытности народов и наличия благоприятных условий для ее существования.

Стремление к культурной свободе оказывается вызовом для многих современных государств и правительств и при умелом подходе признание многообразной идентичности делает общество многомерным и обогащает социальную жизнь. Вместе с тем возникают риски и конфликты. Движение за культурную самобытность может превратиться в источник *нестабильности* внутри государств и в межгосударственных отношениях, не исключаются возможные политические манипуляции, противопоставляющие "своих" «чужим» с вытекающими отсюда последствиями.

2. Возникает серьезный политический и теоретический вопрос: как достичь национального единства при наличии культурного многообразия? Каковы пути управления этим процессом?

В России эта проблема признается как одна из приоритетных в политике. В одном из последних посланий Федеральному Собранию Президент В.В. Путин прямо заявил, что нам нужна Россия, но единая Россия, на основе национального единства. В этой связи трактовка человеческого капитала, на наш взгляд, должна быть расширена. В человеческий капитал включаются не только знания, профессионализм, интеллектуальный потенциал, но и моральные качества, особенности менталитета, позитивные особенности людей, обусловленные традициями образа жизни, способные усилить эффективность модернизационных процессов в России. Известный исследователь Рут Бенедикт подчеркнула важную мысль: "Одна из трудностей заключается в том, что мы до сих пор имеем самые смутные представления не только о том, что делает Японию нацией японцев, но и том, что делает США нацией американцев, Францию нацией французов и Россию нацией русских. Не обладая таким знанием, ни одна страна не поймет другую" [1, с. 53]. Главная идея состоит в том, что политика признания культурной самобытности (и, соответственно, на основе знания о том, что она из себя представляет), содействие процветанию многообразия не приводит к фрагментации общества, неизбежным конфликтам, замедленному развитию или авторитарному правлению (о чем

свидетельствуют мифы о мультикультурализме).

Лауреат Нобелевской премии по экономике А. Сен проанализировал мифы [2, С. 3–6], нацеленные против мультикультурализма, основные аргументы против которого в том, что на практике он может ослабить государство, привести к конфликтам, затормозить развитие и поэтому лучший способ развития – это ассимиляция по единому общенациональному шаблону. По мнению А. Сена эти рассуждения основаны не на аргументах, а мифах.

Миф №1. Этническая принадлежность вступает в противоречие с преданностью государству и признание многообразия происходит за счет целостности государства.

Миф № 2. Этнические группы склонны к применению насилия из-за расхождения в ценностях и поэтому необходимо выбирать между уважением многообразия и сохранением мира.

Миф № 3. Принцип культурной свободы диктует необходимость защиты традиционных культурных практик. Таким образом возможен конфликт между признанием культурного многообразия и другими приоритетами человеческого развития, такими как социально-экономический прогресс, демократия, права человека.

Миф № 4. Страны с этническим многообразием менее способны к развитию, поэтому уважение многообразия идет за счет стимулирования развития.

Миф № 5. Некоторые культуры более предрасположены к развитию, чем другие. Одним присущи демократические ценности, а иным – нет. Создание условий для благоприятного существования некоторых культур возможно за счет поощрения развития и демократии.

В современном мире отношение к культурному многообразию во многом связано с процессами миграции. В связи с глобализацией и правами человека на выбор места жительства процессы миграции будут расширяться, имеется ввиду, прежде всего легальная миграция. По отношению к ней уже сложилось два подхода и формируется третий.

Первый подход – дифференциация. Он состоит в сохранении четких границ между группами и уважительном отношении к ним как к самостоятельным общинам. Этот подход используется там, где миграционная политика государства нацелена на удовлетворение временных потребностей в рабочей силе, но не рассчитана на то, что иммигранты вольются в местное сообщество.

Второй подход – ассимиляция. Она предполагает стремление иммигрантов стать "своими". Предполагается поощрение в изучении государственного языка страны пребывания, принятие соответствующей социокультурной модели поведения принимающего общества (пример, «плавильный котел» в США).

Третий подход нацелен на формирование уважительного отношения к различиям и приверженность к единству. Это политика мультикультурализма, нацеленная на приверженность к интеграции

иммигрантов, признающая значение многообразия и поддерживающая множественное самосознание. Она возникла в Канаде в начале 60-х годов XX века, где премьер-министр Трюдо сформулировал идею: единственный путь достижения сплоченности в условиях многообразия заключается не только в признании различных систем ценностей и культурных обычаев внутри общества, но также *формирование общей приверженности безусловным ценностям*, таким как, например, верховенство закона, права человека, гендерное равенство, толерантность, патриотизм. Это путь реализации единства в многообразии и обязанность соблюдать взаимные гражданские обязательства.

Можно сделать вывод: мир, связанный глобальной взаимозависимостью, нуждается в осмыслении и новых подходах к социальным изменениям.

Литература и источники

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели Японской культуры. – СПб, 2007.
2. Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. – М., 2004.

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО

Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю. (Владивосток, Россия)

Глобальные перемены, происходящие в настоящее время в современном обществе, чаще всего, обозначают термином "социальная трансформация". Социальные трансформации наблюдаются и в развитых, и в развивающихся странах, в том числе и в России. Трансформационные процессы, характерные для современного российского общества самым непосредственным образом встроены в региональный контекст.

Определение приоритетов эффективного социального развития регионов требует всестороннего анализа и оценки динамики миграционных процессов. В качестве основных факторов внешней среды, оказывающих на них влияние, могут рассматриваться географическое расположение, особенности экономики региона, уровень урбанизации, состояние инфраструктуры. Если учитывать эти характеристики по отношению к Приморью, то следует отметить, что Приморский край является наиболее благоприятным по климатическим, экономическим и транспортным условиям среди других субъектов Дальневосточного федерального округа РФ. Соответственно, Приморье остается одним из наиболее заселённых дальневосточных регионов России. По предварительным данным на 1 января 2016 года численность постоянного населения Приморского края составила 1,929 млн чел [1]. Для сравнения, в других крупных регионах Дальнего Востока РФ численность населения существенно ниже, в Хабаровском крае – 1,333 млн чел., в Республике Саха (Якутия) – 960 тыс. чел [2]. Всё же,

несмотря на относительное благополучие, в Приморье продолжается сокращение численности населения.

Мы полагаем, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе в качестве основного источника демографического роста следует рассматривать миграционный прирост населения. Приморский край обладает определённой привлекательностью для трудовых мигрантов. Это связано с осуществлением крупных инвестиционных проектов: трубопроводная система "Восточная Сибирь – Тихий океан", спецморнефтепорт "Козьмино", строительство транспортного узла "Находка – Восточный", реализация проекта "Свободный порт Владивосток" и пр.

В то же время, анализируя процессы миграции и особенности поведения трудовых мигрантов, мы отмечаем ряд проблем, связанных с их включенностью в культурную среду принимающего сообщества. К их числу следует отнести трудности взаимодействия с местным населением, сложности профессионального определения, жилищно-бытовую неустроенность, трудности некоторой части мигрантов в освоении русского языка, культуры, обычаев российского народа. Таким образом, для трудовых мигрантов весьма актуальна проблема интеграции в принимающее сообщество. Эффективность и позитивное направление этого процесса зависит от множества внешних и внутренних факторов, в том числе и от восприятия проблем миграции представителями власти.

Именно поэтому нам представилось целесообразным проведение социологического исследования с использованием метода экспертного опроса. В качестве экспертов были опрошены руководители разных уровней, работающие в региональных органах власти, в том числе и в силовых структурах, а также представители академического и вузовского сообщества. Всего было опрошено 17 экспертов, которые согласились принять участие в исследовании на условиях строгой анонимности без конкретизации их места работы и должности. Исследование было проведено в сентябре 2015 года.

Все эксперты, принявшие участие в опросе, единодушны в оценках воспроизводственных возможностей регионального потенциала: при сложившейся демографической структуре ожидать существенного роста численности населения региона не приходится. В ближайшее время трудно ожидать бурного роста рождаемости при наблюдаемой кризисной ситуации в экономике. Возможно, как отмечают эксперты, действительно, "имеет смысл снять препоны для притока трудовых мигрантов в Приморье".

Ранее в качестве одного из базовых векторов демографического развития Приморья рассматривалась миграция из КНР. Некоторые наши информанты говорили о "китайской экспансии" и о том, что "Китай стимулирует проникновение своих граждан на российскую территорию". А вот представители академического и вузовского сообщества, наоборот, сходятся во мнении, что опасность "желтой угрозы" миновала: "...этот поток введен в управляемое русло, ожидать большого притока рабочих рук из Китая не приходится, так как высвобождаемая рабочая сила в сельской местности становится все более востребованной в городах Поднебесной..."

Гораздо большую обеспокоенность у представителей приморских властей вызывает приток мигрантов из бывших союзных республик, в первую очередь, из государств Средней Азии. В течение последних лет, начиная с 2010 года, по количеству прибывающих мигрантов лидируют граждане Узбекистана. По официальным данным УФМС по Приморскому краю, граждане Узбекистана в последние два года вытесняют всех остальных мигрантов [3].

Ещё одной тенденцией современных миграционных процессов в Приморье является приток граждан Украины. При этом жители Приморского края, как и жители иных регионов России, толерантны к вынужденным переселенцам из Украины. По результатам опроса, проведённого Фондом "Общественное мнение", значительная часть респондентов (81% опрошенных) считает, что Россия должна бесплатно предоставлять беженцам из Украины временное жильё, питание, медицинскую помощь [4].

Совсем иные оценки даются в отношении трудовых мигрантов – выходцев из Средней Азии. Имеет место настороженное отношение к трудовым мигрантам этой категории со стороны коренных жителей. В то же время опрошенные нами эксперты говорят об отсутствии каких-либо обоснованных сведений, подтверждающих мнение о том, что трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители. Даже суждение о том, что приезжие отнимают рабочие места у коренного населения, среди наших информантов не находит широкого распространения. Отмечается, что многие приморцы из числа работодателей скорее бы приняли на работу бригаду мигрантов, нежели наняли местных жителей.

В то же время нами был выявлен очень примечательный факт. По мнению наших экспертов, мигранты из Украины вполне могут составить конкуренцию на рынке труда коренным приморцам уже сегодня. Эта позиция вполне объяснима. У мигрантов из Украины, в отличие от выходцев из Средней Азии, имеется высокий уровень владения русским языком, хорошая профессиональная подготовка, применительно не только к сфере материального производства и услуг, но к сугубо интеллектуальному труду.

Таким образом, возникает ситуация, при которой скорейшая интеграция мигрантов в социально-экономическое пространство Приморского края зависит от уровня их образования и знания языка. Но при этом увеличивается вероятность высокой конкуренции на рынке труда в части рабочих специальностей, а в дальнейшем и их закрепление в сфере высокотехнологичного производства и интеллектуального труда.

В целом, можно сделать вывод, что данные нашими экспертами оценки миграционной ситуации в Приморье и проблем, связанных с интеграцией трудовых мигрантов, говорят о том, что следует повышать качество информирования граждан о порядке, объёмах, обоснованности привлечения иностранной рабочей силы. При этом необходимо разьяснять задачи миграционной политики, в средствах массовой информации публиковать обзоры о требуемом количестве рабочих рук в конкретных отраслях и сферах

занятости. Такая информационная работа будет препятствовать распространению бытовых стереотипов о приезжих как о непрошеных, нежелательных и даже опасных гостях.

Литература и источники

1. Основные демографические показатели. 2016 // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primstat.gks.ru>.
2. Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2016 года и в среднем за 2015 год. 2016 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
3. В гостях как дома. Интервью руководителя УФМС по Приморскому краю М. Белобородова "Российской газете". 2013 // Интернет-портал "Российской газеты" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru>.
4. Украинские беженцы в России // Официальный сайт некоммерческой организации Фонд "Общественное мнение" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru>.

ФУНКЦИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Власова Ю. В. (Воронеж, Россия)

Для того чтобы раскрыть заданную тему, необходимо остановиться на сущностных характеристиках современной интеллигенции. Под такими характеристиками, как правило, подразумеваются те функции рассматриваемого социального слоя, благодаря которым он в принципе способен играть определяющую роль в более гармоничном развитии современного общества, занимать лидирующие позиции в его социальной структуре. Среди этих функций крайне важной является социализационная, подразумевающая всеохватную образовательно-воспитательную деятельность интеллигенции в учебных заведениях, через кино, театр, изобразительное и музыкальное искусство. Эвристико-гносеологическая функция, представленная сочетанием способности к открытию и пониманию логики открытия и реализуемая научной интеллигенцией, обеспечивает парадоксальное стремление человечества к истине как таковой. В качестве императивно-определяющей характеристики представителя интеллектуальной элиты общества во 2-й пол. XX – нач. XXI вв. предстает глобальное мышление, оперирующее мировыми масштабами, бескорыстное стремление к истине в сочетании с высокой нравственной ответственностью за социальные и экологические последствия своей научной и общественной деятельности [1, с. 547]. Обусловленность менталитета интеллигенции стремлением к истине порождает в качестве неотъемлемой функции этого

слоя критическую, ибо критика – это способ борьбы с заблуждениями, зачастую весьма пагубного характера.

Следовательно, это и способ достижения той же истины, но не как предельно абстрагированного знания, но как конкретной целеполагающей данности, направленной на улучшение существующей системы отношений в различных сферах жизни. Из указанных функций с естественностью выкристаллизовываются и функция информационная, и функция построения идеалов более гармоничного общественного развития. Уникальность интеллигенции заключается в том, что это не только социальный слой в ряду других, но и «социальная функция, роль, притом представленная как миссия, окруженная ореолом долга и жертвенности» [2, с. 128].

Даже произведенная краткая функциональная характеристика позволяет утверждать, что социальный слой интеллигенции является для властных структур весьма опасным. История революций, многих восстаний, кардинальных преобразований общественных режимов свидетельствует о том, что интеллигенция обладает огромным потенциалом подрыва веры народных масс в легитимность власти. Именно поэтому в современном обществе интеллигенция предстает объектом мощного манипуляционного воздействия, подразумевающего реализацию целой совокупности таких способов влияния на человека, под действием которых «жертва» полагает свои поступки добровольными, самостоятельными, между тем, как многие из них, в особенности общественно значимого характера, «запрограммированы» манипулятором. Фактически социальная манипуляция – это инструмент, применяющийся для неявного порабощения, отчуждения от достижений культуры и самоотчуждения личности [3, с. 231].

Интеллигенция обладает собственными властными ресурсами, качественно отличающимися от «традиционных» ресурсов политической власти (интеллект, научная образованность, умение как рационально, так и эмоционально убеждать / а не запугивать /, способность к построению целостных картин мира, утопий и идеологий и т.п.), которые могут использоваться как для оправдания, легитимации политики правящей элиты, так и для эффективного противодействия ей. По этой причине рассматриваемый социальный слой является не только стратегически важным объектом властной манипуляции, но и, в том случае, если таковое воздействие успешно, частично становится субъектом манипулирования на службе у правящей элиты. Таким образом, спектр взаимоотношений интеллигенции и властных кругов может быть очень широк: от инкорпорирования в правительство – до открытой, революционной борьбы с ним. Мировой революционный опыт красноречиво свидетельствует, что организуемая интеллигенцией борьба против «власть предержащих» зачастую оканчивается кризисами, а то и сменой политического режима – иной раз насильственной, иной раз относительно мирными (как, например, в случае предоставления Великобританией независимости Индии – под влиянием национально-освободительной идеологии ненасильственного сопротивления М. Ганди). В связи с этим, не представляется удивительным,

что в кон. XX – нач. XXI вв. властные структуры государств, так или иначе относящих себя к демократическим, осуществляют по отношению к интеллигенции активный многоуровневый манипулятивный прессинг. Действительно, в условиях декларирования и частичной гарантии демократических прав и свобод подавить оппозицию интеллигенции силовыми методами затруднительно, тем более, что применение силы может отказаться «себе дороже» и только закалить "несмиранных" интеллигентов для борьбы с «тираническим» государством (вспомним опыт большевиков и эсеров в Российской Империи, правозащитников в СССР и странах Варшавского Договора).

Какие же способы манипулятивного воздействия на рассматриваемый социальный слой выражаются ныне наиболее рельефно? Во-первых, это манипуляция экономическая. В странах Евросоюза, США, Японии, по-видимому, экономический механизм усвоен достаточно хорошо, ибо как образовательная (школьная, вузовская), так и научная, и инженерно-техническая интеллигенция, и деятели искусства воспринимаются как ценные профессиональные кадры и, соответственно, высок уровень их оплаты. Эти факты широко известны, поэтому гораздо интереснее рассмотреть латентные, скрытые функции механизма включения интеллигенции в среду высококвалифицированных профессионалов. Экономическое стимулирование происходит преимущественно за успехи, достигнутые на достаточно узком поприще, на каком-то специализируется тот или иной интеллектуал. Профессионализация чревата отмиранием критически-просветительской функции-миссии интеллигенции и сильным ослаблением её познавательных способностей. Поэтому Х. Ортега-и-Гассет едко и несколько гиперболизируя отмечал: «Сегодня, когда "людям науки" нет числа, "людей просвещенных" меньше, чем, например, в 1750 г. И что хуже всего, эти научные вертела, не могут обеспечить науке внутреннего развития» [4, с. 109]. Очевидно, что человек, поддавшийся «искушению профессионализацией» будет склонен к поддержке той системы отношений, в какой более востребован его профессионализм. Таким, образом, если мы примем за сущностный признак принадлежности к социальному слою интеллигенции наличие ярко выраженной критической функции по отношению к недостаткам окружающей социальной реальности, то выясним, что «узкий профессионал» – не вполне интеллигент. Это обусловлено тем, что он примыкает в конечном счете к «восстанию масс», неспособных на адекватную, конструктивную критику действительности, без какой не сформировать целеполагающего идеала социального бытия, не наметить путей более счастливого, гармоничного общественного развития.

В настоящее время кардинальную роль, в особенности в странах с демократическими политическими режимами, приобрели такие функции интеллигенции как социализационное воздействие фактически на все общество (через образование, СМИ, деятельность в области науки, техники и искусства), идеологическая, легитимационная. В этом и заключается историческая уникальность современной социокультурной ситуации,

указывающая на то, что управленческая административно-бюрократическая и олигархическая элита зависима от интеллигенции и манипуляция – единственное её средство сохранить свой социальный статус.

Литература и источники

1. Кохановский, В.П. Основы философии науки / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич. – Ростов н / Д: Феникс, 2007.
2. Левада, Ю. Интеллигенция / 50/ 50: опыт словаря нового мышления. – М., 1989.
3. Кара-Мурза, С. Манипулирование сознанием. – М., 2000.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды. – М., 2000.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК МИФ ИДЕОЛОГИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Врублевская-Токер Т. И. (Минск, Беларусь)

Идеология мультикультурализма возникает как альтернатива концепции «плавильного котла», согласно которой в иммигрантских сообществах, прежде всего американском, люди разных культур «сплавлялись» в единый народ. Критики этой концепции указывают, прежде всего, на то, что механизмы трансформации национальных культур, изменения в их содержании, ценностные основания этого процесса «смешивания», в силу своей сложности, оставались не проясненными. Выдвигаются скептические версии, полагающие, что метафора «плавильного котла» – это меткая формула, оправдывающая тот факт, что «долгая история господства предрассудков, угнетения и страха препятствовала любому публичному утверждению "манер и обычаев" меньшинств, способствуя тем самым сокрытию радикального характера американского плюрализма» [1, с. 110].

Ценностными основаниями противоположной идеологии мультикультурализма становятся идеи равенства, свободы и толерантности. Ее основной принцип предполагает, что либеральный идеал моральной автономии индивида, его способность поступать ответственно и принимать независимые решения, осуществим лишь в рамках мультикультурного сообщества и существование различных культур – это условие возможности осмысленного выбора личности [2].

Вместе с тем, в ней не учитывается то факт, что «множественность этнических групп и религиозных общин не является неперенным условием существования общества – даже либерального. Существование и даже расцвет такого общества вполне совместимо с культурной гомогенностью» [1, с. 24]. Иными словами, множественность культур – это не привычное условие существования сообщества и в случае своего появления, она всегда имеет вид вынужденного и принудительного свойства. Именно это обстоятельство делает наиболее актуальной идею толерантности, и она

обретает статус ведущей ценностной ориентации в поликультурных сообществах.

Идея толерантности в рамках идеологии мультикультурализма выполняет, прежде всего, объяснительно-познавательную функцию и призвана компенсировать отсутствие личных причин, по которым люди разных культур, религий и образа жизни вынуждены жить вместе.

Идея толерантности также наделяется аксиологической функцией, придавая смысл и устанавливая значение такого, а не иного отношения к человеку, воспроизводя образ добра, необходимый поликультурному сообществу, жизнь в котором неизбежно сталкивается с «конфликтом свобод». Количественное распределение свободы в обществе по формуле «моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого» здесь становится проблематичным. Политическое наделение каждого правами и свободами, представляя собой неоспоримую ценность и обеспечивая равенство возможностей, не приводит к «моральному согласию» каждого члена общества на такое равное распределение разного рода свобод среди неравных. Возникший кризис идеологии мультикультурализма раскрывает причину отказа признавать достоинство другого: убежденность в том, что происхождение человека – это главный источник его духовного развития, что его национальная культура диктует ему некую совершенно иную мораль, не похожую на мораль того общества, в котором он живет. Поэтому, он не обладает необходимым моральным достоинством, и за ним не может быть признана свобода, которой он распорядился бы должным, не противоречащим устоям этого сообщества, образом. Качественное распределение свободы является моральной проблемой, напрямую связанной с толерантностью как нормой жизни. Идея толерантности отстаивает в этом случае необходимость признания того, что достоинство человека – понятие, имеющее только морально измерение, и оно не определяется внешними или культурными признаками человека. Здесь определяющим становится признание каждым достоинства другого и его нравственной потребности в реализации собственной свободы. Терпимость – значение, наиболее часто приписываемое понятию толерантности, может послужить примером: никто не согласится терпеть равные своим права и свободы того, кого равным себе не считает (в силу происхождения или религиозных убеждений).

Идея толерантности наделяется также коммуникативной функцией в рамках идеологии мультикультурализма. Она обеспечивает основание межкультурных контактов, дает подходы к объяснению возможных различий в общении и коммуникативных проблем. При условии, что всякое моральное сознание стремится к универсализации своего содержания и это не позволяет считать культурные модели поведения и ценностные установки другого адекватными, толерантность на уровне повседневной коммуникации сводится к вопросу о достойном сосуществовании людей. Она предполагает, что всякий человек проявляется в общении «здесь-и-сейчас», а не как представитель своей культуры. Применительно к конкретным обстоятельствам, любая коммуникативная стратегия может быть признана

важной, допустимой или даже эффективной, здесь не возникает вопрос: «Как может быть правильным то, что реализуется совершенно непривычным способом?», который обычно задает себе человек, рассуждая о межкультурном общении в целом. Толерантность как основа коммуникации призвана обеспечивать баланс между различными подходами к общению, выявляя их единый смысл, раскрывая их объективное аксиологическое содержание.

Идее толерантности идеология мультикультурализма приписывает и телеологическую функцию, в соответствии с которой она объясняет смысл и цели существования поликультурных сообществ. Любая встреча культур и мировоззрений неизбежно связана с взаимной оценкой партнерами их устоев, принципов и ценностей. Но подлинным объектом оценки становятся не чужие нравственные ориентиры, а собственные установки человека, который определяет собственную уникальность не только через сходство, но и через различие. В нравственной и, шире, в культурной перспективе многонациональные сообщества, взаимно обогащая друг друга, становятся более устойчивыми и сплоченными. И, наоборот, неприятие всего иного оборачивается стереотипизацией собственной культуры, сведением ее разнообразия к общим, преимущественно пустым, формулам.

Идеология мультикультурализма пользуется идеей толерантности как объяснительной моделью, своего рода современным мифом, чье содержание наиболее последовательно отражает либеральные основания европейской культуры. Однако идея толерантности не только объясняет, почему и как люди различных культур живут рядом, но и устанавливает ряд ограничений, например, допускает возможность быть не толерантным, а также не предусматривает существование доминирующего культурного центра, который диктовал бы общие для всех модели поведения, «сплавающие», выходцев из разных культур в единое сообщество. Отмечаемый сегодня на разных уровнях кризис идеологии мультикультурализма обычно связывают с минимальной ассимиляцией мигрантов в европейском сообществе, с формированием обширных групп, которые живут, не имея потребности интегрироваться в него. Однако идея ассимилирующей интеграции характерна скорее для концепции «плавильного котла», в противоположность которой как раз и была предложена идеология мультикультурализма и идея толерантности как идея принципиального равенства, а, значит, «суммирующей» интеграции, которая не стирает, а подчеркивает культурные различия.

Литература и источники

1. Уолцер, М. О терпимости. – М., 2000.
2. Raz, J. Multiculturalism: A liberal Perspective // Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politicsc. – Oxford, NY, 1994. – P. 67–79.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ МЕЖХРИСТИАНСКОГО ДИАЛОГА

Дик П. Ф. (Костанай, Казахстан)

Экуменическое движение христианских конфессий, возможно, обрело качественно новые перспективы в общем деле взаимодействия культур планеты благодаря крепнущим контактам Римско-католической и Русской православной церквей, в том числе исторически уникальной личной встрече лидеров. Для развития межхристианского, межкультурного диалога на планете очень важно намерение клириков находить пути, сближающие вероисповедания, а также организации сообщества современности в позитивной социальной, духовно-культурной деятельности, сохраняя право сторон на свои базовые ценности.

Русское православие полагает христианскую церковь богочеловеческим организмом, который единым историческим со-творчеством христиан и Христа способен преобразить мир благодаря богочеловеческой природе церкви. «Её целью является не только спасение людей в этом мире, но также спасение и восстановление самого мира» [1]. Объясняя вселенскую природу христианской церкви, богословы говорят о новом народе, единство которого обеспечивается верой и культом. Церковь соединяет вселенское и национальное начало с приоритетом первого, что распространяется и на толкование сути культурных отличий. «Культурные отличия отдельных народов находят своё выражение в литургическом и ином церковном творчестве, в особенностях христианского жизнеустроения. Всё это создаёт национальную христианскую культуру» [1].

Рассматривая основания бытия реального социума, богословы указывают на единство справедливости и милосердия. Ссылаясь на опыт отечественной истории, они утверждают: нарушение принципов справедливости в отношении собственности неизбежно ведёт к социальным потрясениям и неоправданным страданиям людей. Война есть зло, грех, а причина зла состоит в греховном пользовании людьми богоданной свободой. Церковь не запрещает христианам участвовать в брани, «если речь идёт о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости» [1]. Оценку войны следует производить на основе анализа нравственного состояния участников, поскольку благу своего народа сражающийся военный может служить только нравственно оправданными средствами. Клирики РПЦ полагают: вершины международного права стали возможными благодаря факту постановки вопроса о справедливости войн в преимущественно западном средневековом христианстве. Верховенство любви побеждает зло в душе человека и обуславливает возможность справедливого применения силы. Идеей действия любви обоснована благотворность традиции церковного воспитания воинов в духе верности нравственным идеалам.

Церковь отстаивает необходимость в более справедливом распределении естественных ресурсов как общечеловеческого достояния в

интересах всех людей и стран без подрыва естественного воспроизводства в природе.

Экологический кризис, полагают православные богословы, возник из-за ложности принципа в основе современного научно-технического развития, заключающегося в независимости науки и НТР от мировоззренческих систем в диапазоне от религиозного до атеистического. Не наука, а только религия и философия выполняют мировоззренческую функцию, утверждают богословы православия. «Противостоя подмене науки идеологией, Церковь поддерживает особо ответственный диалог с учёными-гуманитариями» [1].

Как христианская церковь, РПЦ утверждает исходное равенство людей по духу и социально-культурную иерархию. Поэтому клирики отказываются от предпочтения какой-либо политической практики или теории, а также от идеи равенства вероисповеданий. Церковь ожидает от государства содействия, в том числе учёта числа последователей, историко-культурного и духовного вклада в развитие народа, гражданскую позицию религиозных объединений.

Разделяя известную идею о религиозных корнях культуры, православные богословы видят их в понимании культуры как сохранении мира и заботы о нём. Церковь полагает основой сотрудничества с культурой помощь в переходе культуры от сугубо земного дела к со-творчеству с Богом. Утверждая право церкви на нравственную оценку явлений культуры, богословы представляют критерий: отношение к Богу. Духовное зрение, то есть способность отличать божественное от демонического, человеку помогает обрести церковь.

Клирики отмечают наличие христианской традиции уважения светского образования и культуры. Церковь выражает готовность строить отношения со светской школой и стремится содействовать в её главной задаче: воспитании подлинной духовности, нравственности на основе признания человеческой свободы. Она считает необходимым преодоление монополии материализма в школе, а также навязывания детям псевдорелигиозных, антирелигиозных идей, негативного отношения к христианству и православию в частности.

Единство христиан и диалог с окружающим миром – две из четырёх задач II Ватиканского собора. Основа перспективного решения указанных задач кроется в постижении и преобразовании социального, в том числе социально-культурного бытия человечества современности, полагают клирики.

Под культурой понимается всё то, посредством чего человек развивает душевные и телесные качества. «Человеческой личности свойственно достигать подлинной и полной человечности только через культуру, то есть развивая природные блага и ценности» [2, с. 506]. Церковь исполнением своего долга – евангелизацией – содействует развитию культуры и воспитывает человека для внутренней свободы. Теологи католической церкви напоминают: «Культуру следует соотносить с целостным совершенствованием человеческой личности, с благом общества и всего

человечества» [2, с. 512].

Природа войны в греховности людей. Использование новых достижений научно-технического прогресса для военных действий грозит человечеству небывалым варварством. Теологи, в частности, упоминают террористические методы как новый способ войны. Собор напоминает о непреходящем значении естественного права народов, включая критерий военной преступности. По этому праву полагаются справедливыми суждения и действия против военных преступлений, а также действия правительств по исполнению обязанности защищать безопасность народов, включая законную оборону. «Следует избрать новые пути, исходящие из обновлённого духа, чтобы устранить этот соблазн, и чтобы можно было вернуть подлинный мир всему миру, освобождённому от гнетущей его тревоги» [2, с. 542]. Обновлённый дух включает отказ от узко понимаемого патриотизма, от национального эгоизма и доминирования над народами как условия развития уважения ко всему человечеству, движению к его единству. Для установления прочного мира необходимо устранить причины раздоров, ведущих к войнам, и, прежде всего, несправедливость.

Собор призывает христиан и мусульман стремиться к взаимопониманию, «а также совместно оберегать и поддерживать ради всех людей социальную справедливость, нравственные ценности, мир и свободу» [2, с. 279].

Католическая церковь понимает экуменическое движение как начинание и содействие христианскому единству. В том числе диалог в религиозном духе, в котором они постижением своего вероучения восходят от понимания нужд общины до сотрудничества конфессий и проверки на верность Церкви Христа. Путь христиан к единству клирики видят в оценке личности и сотрудничестве по преобразованию социальной жизни, культуры на началах справедливости.

Человеку необходимо дать всё, в чём он нуждается для ведения подлинно человеческой жизни. «Поэтому социальный порядок и его прогресс должны постоянно оборачиваться во благо личности, то есть уровень объективных условий должен подчиняться уровню личностей, а не наоборот» [2, с. 472]. Отсюда правило человеческой деятельности: она должна соответствовать истинному благу рода и помогать человеку в исполнении своего призвания.

Подведём итоги. Клирики католичества и православия современности едины в понимании социальных, социально-культурных основ бытия людей и в оценке ситуации на планете. Церкви христианства находят пути к объединению культур – религиозных и светских – в диалоге с целью постижения причин кризиса и разрешения ключевых проблем личности и народов. Эти идеалы и действия вероисповеданий, культуры христианства в целом органичны в нашей идее и концепции терапеологии – теории и практике творческого служения свободной личности единому человечеству согласно его высшим идеалам.

Литература и источники

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Материалы Архиерейского Собора 2000 г [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.
2. Документы II Ватиканского собора. – М., 2004.

ИНТЕГРАЦИЯ, АДАПТАЦИЯ ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ В КРОССКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ: МИССИЯ ИЕЗУИТОВ В КИТАЕ (1555–1603)

Диханова-Внуковская Л. А. (Минск, Беларусь)

Развитие кросскультурного диалога является одним из основных ориентиров современной мировой науки в условиях углубления процесса глобализации. Поэтому высокую актуальность приобретает изучение одного из первых успешных опытов межкультурного общения: миссионерской деятельности иезуитов в Китае в XVI в. Особый интерес представляет наличие у миссионеров Общества Иисуса (выходцев из одной исторической, социальной и религиозной среды, объединенных принадлежностью к единому институту и общностью целей) нескольких во многом расхожих подходов к взаимодействию с представителями иной цивилизации. Данный доклад выявляет причины возникновения трех путей решения задачи межкультурного общения.

В деятельности китайской иезуитской миссии в XVI – начале XVII вв. можно выделить три этапа развития, исходя из способа решения миссионерами задачи межкультурного общения. Первый период (1555–1582) был связан с многочисленными попытками португальских и испанских миссионеров получить доступ в континентальный Китай, которые, вследствие особых исторических причин (закрытость китайского сообщества, культивируемые государственным аппаратом Китая ксенофобия и китаецентризм), окончились полным провалом. Данное положение вещей, подкрепленное принципами средневековой антропологии, видевшей в нехристианских народах в первую очередь антагонистов, и особенностью восприятия колониальной экспансии жителями Иберийского полуострова [1, с. 31–32] привело к убежденности в миссионерских кругах, что доступ в Китай и его дальнейшая евангелизация возможны только при помощи военной силы [2, р. 475; 3, р. 208–209, 612–614]. В результате, изучение китайского языка не только не проводилось, но даже саботировалось [4, р. 131, 134] а китайским новообращенным рекомендовалось перенимать европейскую модель поведения.

Ситуация кардинальным образом изменилась с прибытием в Макао в 1582 г. генерала-викария Восточной Индии, визитатора азиатских миссий иезуитов неаполитанец Алессандро Валиньяно (1539–1606). Носитель идей итальянского Возрождения, на теологические и антропологические взгляды

которого большое влияние оказали социокультурные и мировоззренческие процессы первой половины XVI в., когда Европа столкнулась с «небывалым многообразием», как внутри самого европейского христианского сообщества, так и с абсолютно новыми знаниями о ранее неизвестных мирах. Выпускник Римского коллегіума иезуитов, ученик известного комментатора Аристотеля Франциска Толедского (1532–1596), он был подготовлен к официальному признанию несходства и разнообразия.

Действуя в рамках политики руководства Общества Иисуса, направленной на унификацию иезуитской стратегии евангелизации, он обобщил наработки предшествующих поколений миссионеров ордена, дополнил их своим личным опытом и оформил в политику культурной аккомодации, основными положениями которой были: изучение местных языков; адаптация к автохтонной культуре; пропаганда веры в соответствии с методом «сверху вниз»; подготовка «местного духовенства» из представителей автохтонного населения. А. Валиньяно в 1582 г. провел реформу иезуитской миссии в Макао: заменил практику «португализации» китайских неофитов требованием китаизации европейских миссионеров и обязательного изучения китайского языка последними; организовал сбор всей возможной информации о Китае; установил приоритетное значение обучения семинаристов из азиатского населения для обеспечения ордена пополнением.

Действуя в рамках новой политики иезуиты, в частности Маттео Риччи (1552–1610), смогли получить легальный доступ в Минскую империю в 1583 г. Перед отплытием из Макао священники, следуя опыту японской миссии ордена [5] приняли облик буддийских монахов, что облегчило им установление первичного контакта с китайским населением. Однако, несмотря на повышенный интерес к европейцам и их знаниям, а также лояльности отдельных китайских чиновников, положение иезуитов на протяжении первого десятилетия существования миссии оставалось крайне шатким. Одной из главных причин этого было то, что миссионеры не смогли социально интегрироваться в китайское общество, поскольку как иностранцы не были включены в сеть социальных взаимоотношений – гуаньси, определяющую категорию китайской социальной структуры. Отсутствие таких простых атрибутов как общее родство, землячество, принадлежность к единой религии или же общего опыта по сдаче экзаменов, иногда приводило к изгнанию иезуитов, или отказу в открытии миссии [4, р. 202–205, 272–273]

Для решения сложившейся ситуации, миссионеры, с санкции руководства ордена, приняли облик шэньши (сословия ученых-чиновников), а также новые китайские имена в 1594 г [4, р. 178]. Благодаря этому иезуиты достигли необходимого условия для успешной интеграции в систему гуаньси: социального равенства партнеров, что существенно увеличило круг их знакомых, развило христианскую социальную сеть, и, в конечном итоге, позволило иезуитам получить официальный вид на жительство, дарованное императором.

К 1590 г. в ходе изучения китайских философских текстов, практик

других религий в Китае и на основе собственного опыта, Риччи пришел к выводу, что ни одна иноземная религия не могла рассчитывать на распространение в империи, без адаптации к конфуцианству. Разработка конфуцианско-христианского синтеза, завершенная в 1603 г., дала иезуитам надежную основу для привлечения внимания высокообразованных китайских чиновников к новой религии. В начале XVII в. новые практики китайской миссии, одобренные седьмой Генеральной конгрегацией (1615) легли в основу официальной подготовительной программы для будущего пополнения контингента иезуитов в Китае.

Таким образом, в период 1555–1603 гг. в китайской миссии иезуитов выделились три пути решения задачи кросскультурного диалога: неприятие, адаптация и интеграция в китайскую культуру. Причины возникновения двух первых концепций базировались, как на разнице в мировоззренческой позиции Средневековья и Раннего Нового времени, так и зависели от наличия внешней поддержки со стороны европейской колониальной администрации. В ходе апробации двух методик, выявились преимущества подхода сторонников адаптации, что и было закреплено руководством в Риме. В тоже время, под воздействием особых требований китайской социально-политической картины (обязательная интеграция в систему взаимоотношений гуаньси, верховенство конфуцианской философии над политической практикой, доминирование сословия шэньши в Минской империи) иезуиты вынуждены были пойти на более тесную социальную интеграцию, расширив политику культурной аккомодации еще одним положением – необходимой интеграции христианской доктрины с конфуцианской философской мыслью.

Литература и источники

1. Дзіханова-Внукоўская, Л.А. Сістэма партугальскага падрадо на прыкладзе езуіцкіх місій у Азіі ў XVI ст. // Бел. Гіст. час. – 2015. – № 12. – С. 31–36
2. Documenta Indica: 18 vol. Edited by J. Wicki. Roma: Historical Institute of the Society of Jesus, 1948–1988. – Vol. 6. – 1960.
3. Documenta Indica: 18 vol. Edited by J. Wicki. Roma: Historical Institute of the Society of Jesus, 1948–1988. – vol. 7. – 1962.
4. Ricci, Matteo. China in the Sixteenth Century: The Journals of Matthew Ricci. Edited by Louis J. Gallagher. – NY, 1953.
5. Валиньяно, А. Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространенных в Японии // Книга японских обыкновений. – М., 1999. – С. 251–305.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ КУЛЬТУР

Дудникова Е. Е., Интымакова Л. Г. (Ростов-на-Дону, Россия)

Философское осмысление феномена культуры возникло в недрах

немецкого Просвещения и романтизма на рубеже XVIII и XIX веков. Его основную идею можно сформулировать следующим образом: «Когда мысль выходит за рамки специальных и ограниченных интересов и расширяется до универсальности, она сталкивается с проблемой культуры и рано или поздно самоопределяется как культурфилософская рефлексия» [1, с. 25]. Очевидно, что гносеологический анализ культуры невозможен в отрыве от ее онтологической сущности. Иными словами, перед исследователем всегда возникает проблема истолкования феноменов культуры.

Способность культуры к истолкованию говорит о том, что культурно-исторический опыт может помещаться в контекст иного культурно-исторического опыта и толковаться сквозь его призму. Этот факт указывает, что культурно-исторический опыт является живым, а потому, востребованным. Если раньше представители определенной культуры обращались за опытом непосредственно к культурно-исторической традиции своего народа, то в настоящее время представитель одной культурно-исторической традиции может обратиться за опытом к другой культурно-исторической традиции. Подобное обращение может осуществляться как на уровне отдельно взятого человека, так и на уровне общества в целом. Это обстоятельство предполагает, что взаимопроникновение культур должно носить диалогический характер, подразумевающий своеобразный обмен опытом в понимании процессов и явлений окружающего мира. Но для того, чтобы диалог мог состояться, необходимо, чтобы «горизонты понимания» участвующих в диалоге культур были достаточно богаты по своему содержанию. Культурный опыт представляет интерес только тогда, когда он представляет собой целостную систему понимания окружающей действительности и систему традиций, обычаев, через которые выражается понимание окружающего мира, понимание человека как составляющей части этого мира.

Полное или частичное принятие инокультурного опыта свидетельствует о проникновении одной культуры в сферу другой. Подобное проникновение, если оно не является насильственным, предполагает не уничтожение собственного культурного опыта, а его переоценку с целью дополнения и обогащения.

Развивая идею взаимовлияния различных культур, М.М. Бахтин и В.С. Библер формулируют и рассматривают проблему диалога культур. Человек, с этой точки зрения, по своей сути является общественным существом и не может существовать вне рамок общества, поскольку оно определяет формат его развития [2, с. 51]. Точно также и ни одно государство, независимо от того, носителем какой культуры являются его граждане, не может существовать вне рамок мирового сообщества. Взаимопроникновение культур осуществляется на самых различных уровнях, начиная с государственного и заканчивая уровнем рядового гражданина, и в самых различных сферах человеческой жизнедеятельности [3, с. 78].

Диалог, как правило, предполагает поиск истины в процессе коммуникации. Культура, будучи опытом понимания себя и окружающего

мира в сознании какого-либо народа, представляет собой его мировоззрение, представление о причинах и целях возникновения мира и человека, в рамках которого выражается отношение его носителей к самим себе и миру в целом. Поэтому, когда различные культуры вступают в диалог между собой, их носители стараются донести друг до друга особенности понимания окружающего мира и человека, выражающиеся в мировоззренческой системе присущей им культуры.

В процессе диалога культур выявляется сходство и различие в понимании целей и механизмов возникновения мира и человека в мире, изучается повседневный уклад жизни их носителей, принципы их существования. Знакомясь с инокультурным опытом понимания, представители определенной культуры оценивают его относительно того опыта, который присущ их культурной традиции. В процессе оценивания инокультурного опыта выявляется наличие в нем общечеловеческих ценностей, обращается внимание на то, как они преломляются в рамках этого опыта. Оценивается интерпретация инокультурным опытом целей и механизмов возникновения мира и человека. Результатом оценки выступает полное или частичное принятие инокультурного опыта, либо его непринятие вообще.

Кроме того, понимание инокультурного опыта подразумевает не только помещение этого опыта в культурную среду понимающего. Понимающий также оценивает свой опыт с позиции иной культуры, то есть одновременно происходит оценивание инокультурного опыта и переоценка собственного. Это способствует взаимопроникновению культур, позволяющему достичь обогащения социально-культурного опыта, обогащения методов и инструментов социально-культурного познания [4, с. 39].

Подобное взаимопроникновение будет выражаться не только и не столько в знакомстве с инокультурным опытом, сколько в возможном принятии каких-либо аспектов инокультурного опыта, методов познания, способов организации различных сегментов социальной жизни. Но, чтобы принятие не носило огульного характера и не выглядело грубым копированием, способствующим потере самобытности, необходимо понять цели перенимания, и как перенимаемое может быть адаптировано в рамках собственного социокультурного опыта.

В свою очередь, адаптация в той или иной мере одного культурно-исторического опыта в рамках другого и наоборот, говорит о взаимопроникновении культур. Подобное взаимопроникновение может носить двоякий характер, то есть иметь как положительные, так и отрицательные стороны. Это обуславливается обстоятельствами, сопутствующими взаимопроникновению культур. В качестве таких обстоятельств могут выступать различные феномены. Так, например, если на каком-то этапе в рамках одного культурно-исторического опыта происходит слом алгоритма понимания окружающего мира и себя как его части, и вырабатывается новый, то обмен культурно-историческим опытом может

привести к полному или частичному поглощению одного опыта другим, иначе говоря, к полной или частичной утрате самобытности.

В данном случае, все будет зависеть от того, насколько сильна связь между исконными культурно-историческими традициями понимания мира и вновь вырабатываемыми в сознании носителей поглощаемого культурно-исторического опыта. Поэтому, в большинстве подобных случаев взаимопроникновение при таких условиях может быть негативным для одной из культур. Если же культурно-исторические традиции достаточно сильны в сознании носителей определенного культурно-исторического опыта, способны к трансформации и способствуют обогащению опыта понимания действительности, то обмен культурно-историческим опытом не приведет к потере самобытности, а, наоборот, будет способствовать ее усилению.

Особенно это важно сейчас, когда унифицируются многие формы пространства, начиная с научного и заканчивая обыденно-практическим, чтобы «не выпасть» из пространства мирового сообщества. Да, истина одна, но путь, проделанный тем или иным народом к пониманию этой истины, и сам характер понимания будут составлять неповторимую самобытность и индивидуальность каждого народа.

Литература и источники

1. Башков, Д.А. Семиотика Ч.С. Пирса и Ч. Морриса. – М., 2000.
2. Бахтин, М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. – М., 1986.
3. Библер, В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1991.
4. Панарин, А.С. Искушение глобализмом. – М., 2002.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ПЛЮРАЛИЗМ НАЦИОНАЛИЗМОВ ИЛИ КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ?

Дунаев В. Ю., Курганская В. Д. (Алматы, Казахстан)

Глобализация межкультурных взаимодействий протекает под воздействием двух разнонаправленных трендов: 1) культурная гомогенизация, стирание границ, разделяющих расы, нации, государства; 2) рост социорегулятивной и мировоззренческой значимости этнокультурных, конфессиональных, языковых различий. Политика и идеология мультикультурализма являются реакцией на совокупное действие этих тенденций, размывающих устои легитимности национального государства.

Риторика мультикультурализма как проекта гармоничного сочетания этнокультурного, конфессионального, лингвистического многообразия с граждански-политическим единством национального государства выступает доминирующей формой неолиберальной идеологии в области этнополитики. Однако вопреки прямому значению термина, политика мультикультурализма заключается не в защите и поощрении культурного многообразия как

такового, а в принятии модели легитимации политических прав локальных этнических культур в качестве принципа нациестроительства. А.Р. Аклаев пишет: «Самая серьёзная критика мультикультурализма связана отнюдь не с убожеством бюрократического дискурса мультикультурной политкорректности, а с тем, что мультикультурализм в принципе сопряжён с опасностью реполитизации этнических различий» [1, с. 337] и с этнизацией социальных конфликтов. Помимо того, что идеология и политика мультикультурализма углубляют сегментацию социума по этнокультурным, конфессиональным и этнолингвистическим границам, перекодирование на язык этнодискурса всех социальных процессов создаёт искажённую оптику их анализа.

Понятие нации используется для обозначения двух принципиально различных по своему генезису и основаниям форм идентичности: 1) политической нации (Staatsnation) как договорной, юридически опосредованной территориально-государственной общности или согражданства; 2) этнокультурной нации (Volksnation) как дополитической коллективной идентичности, возникающей на основании единства происхождения, культуры, языка, обычаев, традиций, менталитета (национальной психологии, национального духа – *Volksgeist*) и т.д. Мультикультурализм выступает проектом политической интеграции двух этих семантически гетерономных и логически контрадикторных модальностей коллективной идентичности, а кризис мультикультурализма стал закономерным результатом неразрешимости дилеммы этих форм идентичности в рамках неолиберального политического дискурса и соответствующей ему политической практики.

В эпоху формирования национальных государств культурная идентичность нации обеспечивала связующую общественную основу для политической идентичности. В современном мультикультурном социуме, утверждает Ю. Хабермас, этнокультурная однородность достижима лишь посредством подавления культурой господствующего большинства всех иных культур. Поэтому в рамках политического сообщества «культура большинства должна быть чётко отделена от политической культуры, которую, как следует ожидать, примут все» [2, с. 374]. Следует строго отличать эту генерализованную либерально-демократическую политическую культуру от культуры до-политических идентичностей.

Идентичность гражданской нации в национальном государстве основана на исключении этнонациональной модальности идентичности из легитимного политического процесса. Идентичность мультикультурного социума основана на согласовании многообразия этнокультурных различий с единством гражданской нации. Однако абстрактность синтеза *Staatsnation* и *Volksnation* делает государство всего лишь внешней и, по сути дела, случайной и необязательной формой сосуществования разного рода лингвистических, этнических и конфессиональных общностей. Недаром Ю. Хабермаса смущает вопрос о том, не является ли политическая культура гражданской нации (и конституционный патриотизм как её выражение)

слишком тонкой нитью для скрепления сложных, многосоставных обществ.

Согражданство как новый уровень юридически опосредованной солидарности граждан, вырванных из пут корпоративных общностей и традиционных коллективностей, вводит новый тип легитимации политической власти, в отличие от династической и религиозной форм легитимности. Гражданский национализм апеллирует именно к политической нейтральности многообразной культурной идентичности и единству гражданской идентичности нации-государства.

Риторика мультикультурализма исходит из иной презумпции, согласно которой легитимностью наделяется именно этнокультурное многообразие как модель нациестроительства. Поскольку же национальное государство не может существовать без единого культурного пространства, мультикультурализм воспроизводит превращённые формы национализма в своих собственных концептуальных моделях. При формальном соблюдении эгалитаризма легитимация мультикультурности происходит внутри доминирующей культуры и по её нормам. Например, в полиэтническом и мультикультурном Казахстане конституционно закреплён принцип недопущения дискриминации по языковому, национальному, религиозному признакам. Вместе с тем основой социокультурной интеграции и духовно-мировоззренческой консолидации общества признаются казахская культура и язык. Руководством республики провозглашен курс на построение гражданской нации, на формирование общегражданской идентичности. Однако этническая принадлежность сохраняет политическое измерение, в том числе в таких формах, как кооптация Ассамблеей народа Казахстана своих представителей в парламент; требование этническими группами их представленности в центральных и местных органах власти; использование в официальных документах формулировок типа: «казахи как государствообразующая нация» и т.д.

Есть все основания для предположения о том, что воспроизводство этнонационализма в неолиберальном проекте мультикультурного общества является одной из главных причин как теоретического кризиса, так и неэффективности практической политики мультикультурализма.

Национализм как «принцип легитимации политической власти в современном государстве» [1, с. 455] в дискурсе мультикультурализма неизбежно оборачивается той или иной формой этнократии, т.е. придания этнонации характера и статуса политического субъекта. В качестве такого рода системы артикуляции групповых интересов мультикультурализм, будучи, напомним, исконно сопряжённым с политизацией национально-культурных различий, выступает как *гетеронационализм* или *плюрализм национализмов*.

Эволюция мультикультурализма прошла несколько этапов, от всеобщего признания безальтернативности политики поощрения культурного многообразия в сложносоставных полиэтнических обществах до констатации кризиса и даже «провальности» этой политики в ведущих европейских странах. Фактически же провалился не мультикультурализм, а его

концептуальная модель и этнополитика неолиберальных политических элит западноевропейских государств. Когда добродетель плюралистической толерантности выступает субститутом национальной консолидации, мультикультурализм легко обращается в этнонационализм и сепаратизм, а политкорректность – в агрессивную ксенофобию.

Нельзя не согласиться с тезисом В. Малахова: «Сколь бы сомнительными с теоретической точки зрения и амбивалентными по практическим результатам ни были политики поощрения культурного плюрализма, разумной альтернативы этим политикам не существует» [3]. В то же время вряд ли достаточно убедительны аргументы, приводимые В. Малаховым в пользу отказа от самого термина «мультикультурализм» на основании того, что этот термин «сегодня прочно связывается с этнически и конфессионально мотивированным изоляционизмом» [3]. Исторические перспективы мультикультурализма определены тем, будет ли под этим брэндом и впредь продолжаться близорукая политика гетеронационализма, конструирование мультикультурного общества как механически агрегированных культурных, конфессиональных и языковых анклавов социума, или же в основу мультикультурализма будет положен кросскультурный диалог как политическая технология формирования культурной идентичности в условиях глобализации.

Литература и источники

1. Аклаев, А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. – М., 2005.
2. Хабермас, Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 364–380.
3. Малахов, В. Зачем России мультикультурализм? // Демоскоп Weekly. № 151–152. 22 марта – 4 апреля 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0151/analit04.php>.

ФИЛОСОФИЯ М. М. БАХТИНА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Жук Е. И. (Минск, Беларусь)

Понимание диалога у М.М. Бахтина не предполагает рассмотрение его как всего лишь одной из композиционных форм речи (монолог и диалог). Всякое вопрошание о мире с надеждой на ответ, вопрошание, вслушивающееся в голоса мира, рождает диалогическое пространство. Чистый монолог отличен тем, что окончательно лишен всякого адресата. Диалог же являет собой пространство встречи *смыслов*. Язык как система знаков служит лингвистической основой для возникновения металингвистического контекста диалога. Диалог возникает не во взаимодействии семантических значений предложений, а во встрече

высказываний, за которыми стоит нечто и некто: он преступает лингвистический порог. Высказывание несет в себе связь с действительностью, о которой в нем повествуется, и связь с собственным автором. Диалогические отношения предполагают активность собственной позиции и ее инаковость по отношению к позиции другого. Поэтому событие жизни текста (понятого широко, как единство лингвистического и металингвистического полюсов), его подлинное существование возможно лишь на рубеже двух сознаний. Диалог являет вызов сознанию, которое должно увидеть другого, раскрыть себя навстречу новому *смыслу*, исходящему из творческой сердцевины иного *места в бытии*.

Когда силу набирает *персонификация*, когда возможным становится диалогическое отношение, тогда перед взором человека возникает фигура другого. Оба они будут являться субъектами диалогических отношений. В таких отношениях субъект как личность характеризуется конкретностью, целостностью и ответственностью. Этот активный субъект диалога всегда представляет собой некую незавершенность, неисчерпаемость, открытость, которые, при этом, складываются для нас в фигуру целостного другого. В то же время, являясь нам как конкретность и целостность, другой постоянно ускользает от нас. Мы не можем сказать, что знаем его – ведь он неисчерпаем и всегда открыт изменениям, он столь же текуч, сколь и конкретен. На самом деле, наша личность представляет собой точно такое же текучее, загадочное целое. И если бы ни фигура другого, мы бы никогда этого не осознали. Дело в том, что принципиальной чертой другого является его *другость* по отношению ко всякому иному. Точно так же и я – это *другой* для всех остальных, принципиально не замещаемый ими. *Другость* означает не просто отношения между мной и всяким иным, но также уникальную, неповторимую характеристику всякого субъекта. Понимание другого как носителя *другости* дает возможность говорить о принципиальной незаменимости позиции кого бы то ни было. Именно поэтому в диалогических отношениях всякий раз принимают участие уникальные субъекты и персоналистичные *смыслы*.

На данный момент нашим взорам предстали две фигуры: я и другой. Создается впечатление, что диалог представляет собой коммуникацию двух людей, двух *мест в бытии*, которые последовательно встают на позиции слушающего и говорящего. Так принято понимать диалог и в обыденном контексте: это форма общения, когда говорящих – "более одного". В таком контексте довольно провокационным оказывается заявление Бахтина о том, что диалог – это не дуэт, а *трио*. Разумеется, данный концепт отражает не количество реальных участников диалога, а число необходимых для осуществления диалога позиций. И.М. Наливайко пишет [1], что использование концепта *трио* в отношении диалога у Бахтина по необходимости отсылает нас к буквальному переводу слова «диалог», которое в бытовом употреблении чаще всего противопоставляют понятию монолога. У Бахтина как раз подчеркивается не различие в количестве говорящих, а значимость префикса «диа» («между»). Соответственно, диалог

есть отношения, осуществляемые «между логосами». Самый острый момент возникновения диалогических отношений состоит в этом «между», позволяющему возникнуть пространству общения. Именно позиция «третьего» в диалоге и стоит «между», а скорее окутывает собой фигуры говорящих. Этот таинственный третий и есть позиция, благодаря которой может быть начат диалог; это тот, кто является гарантом понимания. Третий интерпретируется Бахтиным как та основа, что позволяет осуществиться пониманию, а назван он через ряд наименований – лишь отчасти синонимичный и, по сути, не заверченный. Третьим в диалоге могут быть названы *первичный автор, идеальный нададресат*, или, в различные эпохи, третий именовался Богом, абсолютной истиной, судом истории, истиной науки...

Итак, «каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога» [2, с. 306]. По мнению Бахтина, причиной существования третьего является особая природа слова. Слово по сути своей «всегда хочет быть *услышанным*, всегда ищет ответного понимания и не останавливается на *ближайшем* понимании, а пробивается все дальше и дальше (неограниченно)» [2, с. 306]. Таким образом, фигура третьего в диалоге восполняет собой две ниши. С одной стороны, эта общая основа, фундирующая понимание, позволяет начать диалог, ощутить себя в силах говорить и надеяться на *ответность* – ведь человек ощущает свою принадлежность к основе, намного большей и существенной, чем его сознание. С другой стороны, присутствие третьего дает человеку, физически принадлежащему *малому времени*, надежду, что создаваемые им *смыслы* помогут превзойти эту связанность современностью. Меняется аксиологический вес произносимых слов – человек чувствует, что именно они, фундированные *большим временем*, позволят его фигуре «остаться» в этом времени.

Несмотря на подстерегающие процессы *монологизации* сознания и *овеществления* фигуры другого, диалог никогда не уходит со сцены человеческого существования окончательно. Влечение к *монологизации* сознания сильно: с тех пор, как человек *осваивает* чужие слова и начинает считать их своими, для него велик соблазн ощутить себя единственным творческим сознанием, вершащим подлинное *осмысление* действительности. Однако окружающий мир сопротивляется процессам глобального *овеществления*. В конце концов, каждый человек чувствует, что мир, особенно в лице другого сознания, вовсе не поддается *овеществлению*, он не подчиняется, а говорит, и при этом рождает *смыслы*, абсолютно новые и неожиданные для сознания этого субъекта. Так, стремление к пониманию и диалогу начинает затягивать человека в свой круговорот – он жаждет узнать другого, мир и себя.

Положение дел обстоит так, что догматический, не готовый к диалогу субъект не может обогатиться знанием. Чтобы творить новые *смыслы* и быть понятым, необходимо не только согласие на диалог, но и согласие в диалоге.

Бахтин подчеркивает, что упрощенное понимание диалога как спора не продуктивно и однобоко. Когда мы решаемся на диалог, намного важнее для нас «доверие к чужому слову, благоговейное приятие (авторитетное слово), ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, *согласие...* наслаивание смысла на смысл, голоса на голос... дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т.п.» [2, с. 300]. Особенно притягательным оказывается творческое понимание в диалоге, когда происходит подлинное обогащение совместно создаваемыми *смыслами*, когда люди вместе отодвигают предел *несказанного*. Когда в пространстве диалога люди достигают согласия, они отодвигают *передвигающийся предел несказанного*, обогащают культурное пространство новыми выраженными *смыслами*.

Бахтин пишет: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге – вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» [3, с. 351]. Человек *осмысляет* действительность – и сама действительность качественно меняется под его взглядом, меняется *смысл события* всего бытия. Так, *осмысление* действительности и свершение понимания кажется всемирным призыванием человечества – зовом, брошенным бытием, – и так же всегда доступной, прекрасной судьбой каждого человека, рожденного в мир.

Литература и источники

1. Nalivaika, I. From the Profane to the Sacred: the Dialogue between I and Another in Poetry and Everydayness // The Influence of Jewish Culture: On the Intellectual Heritage of Central and Eastern Europe. – Krakow, 2011. – P. 195–206.
2. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 281–307.
3. Бахтин, М.М. 1961 год. Заметки // Собр. соч. в 7-ми томах. – М., 1996. – Т. 5 – С. 329–360.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ХОДЕ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Жумабек Ы. Ж. (Тюмень, Россия)

По мере накопления опыта проведения миротворческих операций члены ООН столкнулись с рядом проблем, связанных, прежде всего, с субъективными противоречиями и интересами стран-участников Совета Безопасности и ООН. Природа указанных затруднений кроется в разнородном составе указанных объединений.

С одной стороны, локомотивом миротворческого движения являются развитые страны: США, Франция, Италия и т.д. Значительный вклад способны внести и страны с переходной экономикой, представителем которой является Российская Федерация. Однако развивающиеся страны в

большинстве своем не могут вносить значительные по сумме вклады, что в результате приводит к тому, что единственный действенный инструмент их воздействия на результат сотрудничества связан с возможностью наложения вето на принимаемое решение.

Второй существенной проблемой миротворчества является соблюдение странами-участниками Совета Безопасности принципов одобрения миротворческих операций со стороны международного сообщества. Это привело к образованию двух параллельных форм осуществления миротворческой деятельности.

Первая форма основана на классическом проведении миротворческих операций. Она содержит обязательное получение мандата по решению Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи ООН. В рамках данного миротворчества достаточно успешно проведены операции в Восточном Тиморе, который впоследствии присоединился к ООН, однако признаны провальными мероприятия в Руанде и Сомали [1, с. 9].

Вторая форма представляет собой вмешательство в международные конфликты стран и их объединений по мандатам региональных организаций, либо при их полном отсутствии и действии на основе плана, разработанного «государством-миротворцем». Такого рода операции игнорируют основной принцип миротворчества: согласование с международным сообществом, однако самими государствами-участниками позиционируется как деятельность, направленная сугубо на установление мира, хотя нормативно признаки миротворческой операции не соблюдаются. Данная проблема усугубляется фактом взаимного непризнания участниками ООН действий друг друга в качестве миротворческих миссий. Европейские страны и США не признают легитимность воздействия российского военного контингента в Грузии в августе 2008 года, деятельность по мандатам СНГ в Таджикистане и Абхазии, военное сотрудничество с Молдовой и Южной Осетией. В то же время Россия не считает правомерными действия западных стран (в особенности блока НАТО) в отношении Республики Югославии в 1999 году, действия США и союзников в отношении Ирака в 2003 году [2, с. 46]. «Новый интервенционизм» особенно затронул страны африканского континента, где под лозунгом борьбы за права человечества реализуется неограниченное вмешательство во внутренние дела суверенных государств, что противоречит нормам международного права. Ярким примером этого явления, получившего также название неокOLONIALИЗМА, является деятельность Великобритании в Сьерра-Леоне, где она не только помогает осваивать природные ресурсы страны, но и активно вывозит их на свою территорию. В отдельных случаях происходит вмешательство во внутреннюю политику государства и формирование закупок вооружения [3]. Таким образом, по факту наблюдается превращение независимого государства в колонию более развитой страны.

Указанные факты свидетельствуют о росте недоверия между странами, ввиду стремления государств осуществлять независимую миротворческую деятельность и вмешиваться в дела других государств на основе своих

геополитических интересов. При этом данные анализа отчётов ООН показывают, что без мандатов осуществлялись операции значительного количества стран-участников, что ставит под сомнение эффективность миротворчества как института урегулирования международных конфликтов. Отмеченное ранее автором работы отсутствие трактовки миротворчества в Уставе ООН, также стимулирует развитие представлений других стран о декларативности требований, предъявляемых к организации миротворческой операции.

Непродуманное делегирование полномочий также приводит к негативным результатам в рамках отдельных миротворческих операций и стимулирует стремление к самостоятельному решению проблемы. Таким образом, военные действия США и их союзников в Косово (1999) и в Ираке (2003) нельзя назвать правомочными и оправданными, несмотря на необходимость силового вмешательства для защиты прав человека и помощи в создании демократического общества или в сохранении его ценностей [1, с. 37].

Однако даже при условии получения мандата делегирование подразумевает непосредственное руководство со стороны конкретной страны, что при отсутствии должного контроля может послужить получению недостаточно эффективных результатов. Операция «Буря в пустыне» в Персидском заливе (1990–1991) [3] является ярким примером, отражающим сущность отмеченного затруднения. Сосредоточение всей полноты власти в руках одной страны (в данном случае США) привело к проведению мероприятий, не обеспечивающих выполнение миротворческой миссии. ООН были зарегистрированы случаи реализации политических пристрастий (вмешательство во внутренние дела страны в сфере распределения природных ресурсов) в ущерб основной декларируемой деятельности.

Ещё одной немаловажной проблемой, связанной с социально-политическим аспектом миротворчества, является взаимодействие миротворческого контингента с местным гражданским населением, а также с конфликтующими сторонами.

Значительный ущерб имиджу миротворческих операций принесло нежелание анализировать соотношение конфликтующих сторон, а именно: кто из них фактически является жертвой, а кто агрессором.

В 1990-е годы актуализировалось негативное явление в виде стран, отказывающихся от принимаемых обязательств после начала реализации прямого миротворческого участия. Подобная ситуация сложилась в Камбодже, Анголе, Сомали, Сьерра-Леоне, где вредительское поведение одной из сторон конфликта привело к стимулированию развития противостояния и увеличению жертв среди мирного населения. В Руанде сложилась ещё более противоречивая ситуация, в которой ответственность за убийство 800 тыс. чел. возложена на миротворческий контингент [4].

Неоднозначность поведения миротворческого контингента также связана с неадекватным использованием вооружения. Примером данной проблемы может послужить трагедия в Кот-Д'Ивуаре, когда столкновения

между ивуарийским гражданским населением (по большей части безоружным) и международными миротворческими войсками произошли дважды: в ноябре 2004 г. и январе 2006 г. В ходе массовых демонстраций мирных граждан также были зафиксированы случаи применения силы с летальным исходом для ряда участников. При этом детальное расследование позволило установить, что данная мера была официально или негласно поддержана рядом представителей силовых структур и политиков. В обоих случаях миротворцы настаивали на том, что их действия были сопряжены с необходимостью самообороны. Однако политические силы, поддерживающие президента Гбагбо, позиционировали действия миротворцев как нападение на безоружных демонстрантов [4].

Следует заключить, что миротворческий контингент зачастую недостаточно обучен работе с представителями различных этнических и культурных групп, что послужило причиной конфликта в Югославии в 1995 году. Задачей голландских миротворцев было осуществление порядка во время конфликта между мусульманским и православным населением Югославии, защищать жителей Сребреницы. Однако их фактические действия привели к вовлечению миротворцев в резню на национальной почве. Впоследствии Гаагским судом военные были признаны виновными в создавшейся ситуации [4].

Выявленные проблемы оказывают негативное воздействие на эффективность миротворчества как способа урегулирования международных конфликтов. Помимо преследования геополитических интересов, присутствуют значительные трудности в нормативном закреплении норм миротворчества, а также в работе с местным населением принимающей страны

Литература и источники

1. Федотов, Ю.В. Современные вызовы многосторонности и ООН // *Международная жизнь*. – 2004. – № 3. – С. 9–20.
2. Федотов, Ю.В. ООН – гарант международного мира и стабильности // *Международная жизнь*. – 2003. – № 11. – С. 36–44
3. Миротворчество в формате ОДКБ планируется узаконить. Информационный центр Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ia-centr.ru/publications/digest/2960/.
4. Пепе, Э. Одиссея. Рассвет. Горячая десятка. 22–03–2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inoforum.ru/inostrannayapressa/odisseyarassvetgoryachayadesyatka/>.

РОЛЬ СПОРТА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Злотников А. А. (Гомель, Беларусь)

Мировая цивилизация вступила в новое тысячелетие, достигнув огромных успехов во многих сферах жизнедеятельности. Научно-

техническая революция и дигитализация ускоренными темпами формируют и постоянно изменяют материальную и духовную основу нового общества. Социальные изменения характеризуются не только успехами и достижениями, но они наполнены и драматизмом. Практически во всех сферах социальной жизни человечество столкнулось с серьезными проблемами и противоречиями и ищет пути их разрешения, пути выхода из кризисных ситуаций. Постсоветские государства при этом испытывают дополнительные трудности, связанные с процессом системной трансформации.

Вся мировая история свидетельствует о существовании этапов, когда изменения в жизни общества происходят так стремительно и интенсивно, что под сомнение ставится вопрос о существовании цивилизаций, государств, этносов. Как правило, такие перемены связаны с социальной трансформацией. В самом общем виде трансформация есть смена социальных форм в процессе перехода из одного качественного состояния в другое. Социальную трансформацию характеризует быстрое и радикальное изменение социальной природы общества, причем данные изменения могут происходить на уровне преобразования социальных институтов и социально-групповой структуры социума.

Проблему трансформации общества можно исследовать, используя различные теоретико-методологические подходы. Так, еще К. Маркс предложил и обосновал формационную триаду: от общей собственности через частную к общественной собственности. М. Вебер считал рационализацию действий индивидов, социальных организаций, социальных институтов основной тенденцией социокультурной эволюции. По П. Сорокину, теории бесконечного прогресса ошибочны, поэтому он отвергал существование общей направленности социокультурной динамики и обосновывал ее флуктуации. Т. Парсонс усматривал в структурных изменениях социума прогрессивную эволюцию к более высоким системным уровням. С точки зрения неклассических подходов социальные и культурные трансформации, происходящие в мире, столь радикальны, что уже не могут быть объяснены с помощью линейной эволюции, так как мироздание все более приобретает хаотическое содержание, находящееся в процессе самоорганизации. Например, согласно синергетике, мир устроен нерационально и развитие цивилизации связано со случайностью, многовариантностью. С увеличением сложности структуры увеличивается и сложность ее социокультурной динамики развития. Порядок и развитие общества вообще не мыслится без бифуркаций, т.е. определенных точек, в которых флуктуации внешних и внутренних факторов развития, а также непредвиденные последствия деятельности достигают критического уровня, что влечет за собой неустойчивость и альтернативность развития.

Трансформация как исторический процесс характеризуется принципиальной неоднозначностью, незаданностью окончательного исхода преобразований и охватывает жизнь многих поколений. Конец двадцатого столетия на постсоветском пространстве и в Беларуси стал временем не

только трансформации базовых социальных институтов и новой социальной дифференциации, но и постепенной эволюции ценностей общества при возрастающей роли прагматизации и индивидуализации.

Сложность развития данного процесса, как справедливо отмечает А.Н. Данилов, состоит в отсутствии единой технологии трансформации, поэтому каждая страна должна выработать оптимальную политику самостоятельно. Причем порой проблемы и трудности возникают как результат не всегда продуманной стратегии реформ, основанной на «слепом копировании» западных стандартов, что не в полной мере соответствует культурно-историческим особенностям, ментальным и институциональным характеристикам общества. Особенности трансформации всех социальных институтов на макроуровне и социальных практик на микроуровне в современном социокультурном контексте в значительной мере связаны с процессами глобализации и модернизации.

По меткому выражению Е.М. Бабосова, «детонатором» возникновения многих проблем является глобализация как постепенное преобразование разнородного мирового социального пространства в единую глобальную систему, в которой беспрепятственно перемещаются информационные потоки, идеи, ценности и их носители, капиталы, товары и услуги, стандарты поведения и моды, видоизменяя миропредставление, деятельность социальных институтов, общностей и индивидов, механизмы их взаимодействия. Социокультурное значение глобализации видится, прежде всего, в том, что она подвергает сравнительной девальвации традиционные, устоявшиеся модели и образы жизни, поскольку способствует распространению универсальных символов, образцов и способов потребления независимо от специфики локальной культурной основы. Сфера спорта как важнейшая составляющая современного социума в контексте этих перемен и преобразований не является исключением. Подвергаясь глобальным переменам и «вестернизации» спорт в нашей стране рискует потерять уникальные национально-культурные черты и свою идентичность, которая имеет важнейшее значение для молодого, суверенного государства на международной арене.

Особое отношение к успешным выступлениям на Олимпийских играх, как уже отмечалось, закономерно связано, во-первых, с объективной необходимостью создания позитивного имиджа Беларуси как нового, молодого государства. Во-вторых, с традиционным доминированием в спорте высших достижений и, особенно, в европейской спортивной традиции именно Олимпийских игр. По нашему мнению, это можно объяснить тем значением, которое приписывается самой цели олимпийского движения. Существует мнение, что его историческая миссия, его ценность равнозначны образованию и культуре, отвечающих за прогресс человеческого общества, что олимпизм выступает как разновидность универсального гуманизма. В соответствии с Олимпийской Хартией в число идеалов олимпизма наряду с такими гуманистическими идеалами, как мир, дружба, взаимопонимание, взаимное уважение, взаимообогащающее общение людей, включен и

гуманистический идеал гармонично развитой личности. Однако следует отметить, что значительная роль, которую играет олимпийский спорт, выражаясь в терминах Р. Мертона, – социологически амбивалентна, т.к. наряду с позитивом присутствуют и дисфункции. Серьезную проблему для успешного функционирования спорта высших достижений представляют также допинг, зрительский вандализм и беспорядки на спортивных аренах, договорные матчи и т.д. Однако, это не означает согласие с укоренением дегуманизации в том или ином аспекте, а, наоборот, актуализирует поиск всех механизмов для преодоления данных дисфункций. Поэтому односторонним и ограниченным к оценке современного спорта и олимпийского движения является подход, в котором на базе ограниченного диапазона фактов, относящихся к той или иной разновидности спорта, либо спортивному соревнованию делается однозначно позитивная или негативная оценка с точки зрения реализации гуманистических идеалов и ценностей.

ДИАЛОГ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ДИАСПОРЫ В КАРЕЛИИ

Калачева И. И. (Минск, Беларусь), Вавулинская Л. И. (Петрозаводск, Россия)

История развития диалога России и Беларуси невозможна без анализа истории формирования и развития диаспор, русских – на территории Беларуси и белорусов – на территории России. В частности, интерес представляет белорусская диаспора в Карелии.

Переселение белорусов в Карелию в XX веке – это не только исторически значимое явление, в связи с переселением людей на другую территорию, но и существенный фактор, который влияет на современную этническую историю, на функционирование всего белорусского этноса. Белорусы Карелии внесли значительный вклад в развитие экономики этой части России, в особенности, в послевоенное время. На современном этапе социально-экономические отношения государств развиваются в новых условиях, функционирования Союзного государства и роль белорусов в жизни Карелии становится более заметной.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в Российской Федерации проживает 521,4 тыс. белорусов, из них 23,3 тыс. чел. – в Республике Карелия. Карелия занимает пятое место по численности белорусов, проживающих в субъектах Российской Федерации, уступая Москве (39,2 тыс.), Санкт-Петербургу (38,1 тыс.), Калининградской (32,5 тыс.) и Московской (31,6 тыс.) областям.

Очевидно, что этническая группа белорусов довольно большая. В нач. XX в. белорусов в Карелии было немного: в 1926 г. их насчитывалось 0,55 тыс. человек (0,2% в населении Карелии), в 1933–1,9 тыс (0,5%), в 1939–4,3 тыс (0,9%) [1, с. 300–301].

Следует отметить, что российские ученые исследовали проблематику

«Белорусы в Карелии» достаточно глубоко: ими подготовлены и изданы работы, в которых рассмотрены этнодемографические и этнокультурные параметры портрета белорусов, изменения в семейно-брачном поведении, черты использования национальных традиций и обрядовых элементов в быту и др.

Это работы ряда российских и белорусских авторов В. Йоцюса, В. Бирина, А. Костерова, Е. Смирновой, Л. Геращенко, Л. Вавулинской, О. Кулагина и других. Масштабным проектом в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала Академии Наук СССР стал проект социологического опроса, проведенного в 1979 г. Результаты работы по данному проекту актуализированы во многих научных статьях, монографиях ряда российских ученых, использованы в социальном анализе развития российско-белорусских отношений и связей между республиками Беларусь и Карелия.

Белорусские исследователи П.В. Терешкович, И.Н. Романова, И.С. Маховская участвовали в подготовке совместного сборника «Устная история в Карелии: Вып. IV. Карелия и Беларусь: повседневная жизнь и культурные практики населения в 1930–1950-х гг.» (2008 г.). Эта работа является важным вкладом в системное изучение тенденций развития этнических процессов в середине XX века [2].

Переселение белорусов началось к концу 1940-х – нач. 1950-х XX в. Часть людей прибыла накануне Великой Отечественной войны, и была расселена в Карело-Финской ССР (это территория Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья, о чем был подписан договор между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 года). Кроме белорусов на эти земли переселялись русские, украинцы и др.

В послевоенные годы переселение людей стало массовым явлением: в Карелию ехали из Чувашской, Татарской, Мордовской АССР, Брянской, Тамбовской, Кировской, Смоленской, Рязанской, Горьковской, Ленинградской и других областей. Белорусы, в основном, переезжали из Барановичского и Молодечненского районов, Гомельской, Гродненской, Могилевской областей. Жили они, в основном, в лесных поселках на юго-западе и западе Карелии (в конце 1950-х гг. там проживало около 80% всего сельского белорусского населения Карелии). Основным местом их проживания стала территория Северо-Западного Приладожья и Западно-Карельской железной дороги, а также центральной Карелии. В настоящее время они также проживают в этих регионах.

В целом, в 1959 г. численность белорусов составила 71,9 тыс. человек (или 11% в населении республики), лишь немногим уступая титульной национальности – карелам. Они почти в 17 раз увеличили свою численность по сравнению с 1939 годом. Больше половины белорусов проживала в сельской местности, где их доля в составе населения достигала 15,5%. С тех пор и до настоящего времени белорусы остаются третьей по величине национальностью республики (после русских и карелов).

В 1959 году Карелия занимала первое место по численности белорусов,

проживавших в Российской Федерации. Сравним: в Калининградской обл. их насчитывалось 57,2 тыс. чел., в Ленинграде – 47 тыс. чел., в Москве – 34,4 тыс. чел [1, с. 300–301; 3, с. 24–27].

Но с сер. 1960-х гг. в связи со снижением темпов развития лесозаготовительной промышленности Карелии и снижением уровня жизни многие белорусы стали возвращаться на родину. Их численность стала неуклонно сокращаться:

- в 1970 г. она составляла 66,4 тыс. чел (9,3% населения республики),
- в 1979–59,4 тыс (8,1%),
- в 1989–55,5 тыс (7,0%),
- в 2002–37,7 тыс (5,3%),
- в 2010–23,3 тыс (3,8%).

По данным этносоциологического исследования 1979 года, каждый седьмой опрошенный белорус родился и вырос в Карелии, более половины их являлись первопоселенцами и проживали в Карелии свыше 20 лет и почти каждый четвертый из них жил здесь от 10 до 20 лет [1, с. 300–301].

Обобщая вышесказанное, отметим, что наиболее интенсивно процессы переселения белорусов в Карелию происходили в 40–60 гг. XX в., что позволяет раздеть их по трем наиболее важным этапам: первый – 1940–1944 гг.; второй – 1946–1950 гг.; третий – 1951–1960 гг.

В 2015 г. был разработан научно-исследовательский проект командой российских и белорусских ученых, в рамках которого продолжена работа по изучению проблем интеграции белорусов в российское общество и развитию этнокультурных процессов, направленных на взаимообогащение и диалог во всех сферах жизни. Диалог культур и традиций обогащает связи России и Беларуси, создает предпосылки для более глубокого понимания между народами, между новыми поколениями молодёжи обоих государств.

Литература и источники

1. Бирин, В.Н. Этнодемографическая ситуация в Республике Карелия // Карелия. Энциклопедия: в 3 т. – Т.3. – Петрозаводск, 2011. – С. 300–301.
2. Устная история в Карелии: Вып. IV. Карелия и Беларусь: повседневная жизнь и культурные практики населения в 1930–1950-е гг. – Петрозаводск, 2008.
3. Вавулинская, Л.И. Демографическая ситуация и переселение в Карело-Финскую ССР (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) // Историческая демография. – 2011. – № 2 (8). – С. 24–27.

ДИАЛОГ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Каравкин В. И. (Витебск, Беларусь)

Обстоятельный анализ диалогического общения дали мыслители XX века Г.-Г. Гадамер, М. Бубер и М.М. Бахтин. Г.-Г. Гадамер фиксирует внимание на том, что диалог начинается с общения, существует в общении, в нем являет свой универсализм и уникальность. Простейшей, элементарной

«клеткой» общения является речевая коммуникация – разговор. Анализируя сущностные особенности речевой коммуникации Г.-Г. Гадамер приходит к выводу: «Реальность человеческой коммуникации в том, собственно, и состоит, что диалог – это не утверждение одного мнения в противовес другому или простое сложение мнений. В разговоре оба они преобразуются. Диалог только тогда можно считать состоявшимся, когда вступившие в него уже не могут остановиться на разногласии, с которого их разговор начался» [1, с. 48]. Диалог имеет определенную структуру, которая может быть представлена цепочкой чередующихся вопросов и ответов. Это означает, о чем бы люди ни говорили, они либо вопрошают, либо дают ответы на вопросы. Диалогический вопрос всегда потенциально содержит в себе ответ, предполагает ответ. Он может быть разным по содержанию, порой, диаметрально противоположным тому, о чем думает вопрошающий, но всегда имманентно присутствует в вопросе. В свою очередь, ответ мотивирует следующий вопрос, так как содержит в себе новое неизвестное. Цепочка вопросно-ответных связей в диалоге не прерывается. Более того, и внутренний духовный мир человека имеет диалогический характер: мы сами себе задаем вопросы и даем ответы на них. То, что принято называть разговором с самим собой является, по сути, диалогом с воображаемыми оппонентами. Вместе с тем, для того, чтобы вопрос приводил к ответу, он должен быть понят. Невозможно отвечать на то, чего не понять. Понимание не только порождает диалог, но и одновременно зарождается в диалоге. «Таким образом, – делает вывод Г.-Г. Гадамер, – процесс обмена вопросно-ответными репликами обнаруживает структуру, лежащую в основе человеческого общения, фундаментальную структуру диалога. Этот феномен составляет суть человеческого понимания» [1, с. 130].

М. Бубер считает, что диалог не ограничивается общением, а в общении выражается, представляя собой отношение человека к человеку. Диалог детерминирован внутренней духовной направленностью. Два (условно, дело не в количестве) человека, прежде чем вступить в диалогическое взаимное общение, должны быть обращены друг к другу, должны воспринимать друг друга. Философ выделяет три способа восприятия: наблюдение, созерцание и проникновение. Первые два имеют эстетический характер. В наибольшей степени наблюдение и созерцание присуще художникам. При эстетическом восприятии тот, кого воспринимают, остается отдаленным от личной жизни воспринимающего, остается противостоящим предметом, который не является судьбоносным для него. Проникновение является таким способом восприятия другого, при котором, он, другой, обращен к личности воспринимающего, взывает к ней, требует ответа. «Границы возможности диалога – это границы проникновения» [2, с. 101].

М.М. Бахтин, работая над проблемами эстетики словесного творчества, приходит к выводу о диалогической сущности человеческой жизнедеятельности в целом, что с необходимостью должно сказываться и на специфике ее познания, и на особенностях ее духовного выражения в

художественной литературе. Относительно гуманитарного познания, М.М. Бахтин отличает его от естественнонаучного: «Точные науки – это монологическая форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» [3, с. 383]. Обратим внимание на близость точки зрения М.М. Бахтина идеям М. Бубера. Когда воспринимающему, в случае, который рассматривает М.М. Бахтин, познающему, противостоит предмет, «безгласная вещь», диалога не существует. Но человек не может быть предметом, вещью, он, фигурально выражаясь, «глашатай», он обладает такой же способностью высказываться, даром голоса, как и воспринимающий-познающий. Диалог обретает онтологический статус. Возникает сфера понимания, когда друг с другом встречаются два субъекта.

Отталкиваясь от представленного тремя разными мыслителями XX века диалоговедения, дадим анализ воздействия диалога на его участников.

Каждый человек обладает привитыми в процессе воспитания и образования установками, стереотипами, ценностными ориентациями, паттернами поведения, максимами, принципами, нормами и пр., что можно обозначить гадамеровским понятием «исторического горизонта». При диалогической направленности отношений, в буберовском истолковании – при взаимном проникновенном восприятии, возникают субъектно-субъектные контакты взаимопонимания, согласно бахтинской логике. Это приводит к тому, что субъекты, во-первых, обретают актуальность, во-вторых, изменяются.

Обрести актуальность означает оказаться в современном мире – здесь и сейчас – таким, каковым являешься по исконной сути своей, во всей полноте экзистенциальных потребностей, чувств, эмоций, представлений, мыслей. Обрести актуальность означает утвердить себя, раскрыться, явить в мир свою личность. Обрести актуальность означает быть понятым. Происходит это в процессе диалогического общения, которое всегда есть взаимное порождение и, в этом смысле, становление мира духовной человеческой реальности. Реальность оказывается такой, каким является общение. Реальность создается участниками диалога. Диалог полифоничен, его можно представить дуэтом, трио, квартетом, хором, когда разные по тембру голоса создают полноту мелодии. Понимающим проникновением в индивидуально-личностное диалог, в то же время, актуализирует самобытное. Когда исполнителя песни слушают, она звучит, возникает атмосфера, созданная ее содержанием, ее мелодией, ее художественным пафосом. Не услышанное пение можно уподобить птичьему гомону. В современном цивилизованном мире высоких технологий пространство не является преградой для диалогического взаимодействия. Например, мелодии, звучащие в телеэфире

или Интернете, способны находить отклик в сердцах слушателей, обретая актуальность. Для диалога не является преградой и время. Обращаясь к наследию прошлого, современники актуализируют его, превращая в часть своего духовного мира.

Обретая актуальность, далее, субъекты диалога изменяются. Это означает, что в процессе диалога происходит взаимная корректировка стереотипов и установок, норм и паттернов, убеждений и принципов. Однако о диалоге можно говорить только тогда, когда изменения происходят не насильственным путем, т.е. сохраняется личностная целостность, которая и актуализируется в процессе диалогического общения. Легко понять, как изменяется современник, приобщаясь к наследию прошлого. Но изменяются и авторы прошлого, проникая в духовный мир современников. Сохраняя значение слов, произнесенных ими, современники с неизбежностью меняют их смысл.

Насколько реальна актуализация, настолько неизбежна трансформация. В этом суть диалога – сохраняя изменять. Но в этом же суть самой жизни.

Диалогу противостоит монолог, под которым, на наш взгляд, следует понимать утверждение любыми способами, включая и насильственные, единообразия. М. Бубер, в данной связи, различал три вида диалога: подлинный, технический и замаскированный под диалог монолог. Подлинный диалог возникает только тогда, когда между людьми устанавливается «живое взаимоотношение» [2, с. 108]. Технический или формальный диалог вызван к жизни необходимостью взаимного общения, душевно и духовно далеких друг от друга людей. В том случае, когда, вступая во взаимное общение, остаются полностью погруженными в себя, говорят с другими, но слышат только себя, следует фиксировать «замаскированный под диалог монолог». «Диалогическое существование, – пишет мыслитель, – обретает даже в крайнем одиночестве глубокое, придающее ему силы предчувствие взаимности; монологическое – даже в нежнейшем общении не выходит за пределы своей самости» [2, с. 109].

Таким образом, в процессе диалога усиливается личностное начало вместе с осознанием себя частью сообщества, в котором живешь, так как именно оно способствует раскрытию самобытности. Диалог возможен там и тогда, где и когда друг на друга не похожие личности содействуют становлению взаимной душевно-сердечной близости и формированию духовной творческо-созидательной активности.

Литература и источники

1. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991.
2. Бубер, М. Два образа веры. – М., 1995.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.

МЕЖПОКОЛЕННЫЙ СОЦИАЛИЗИРУЮЩИЙ ДИАЛОГ В ДИАДЕ «РЕБЁНОК – ПРАРОДИТЕЛИ»

Кондрашова В. О. (Минск, Беларусь)

В современном обществе вопрос межпоколенного взаимодействия является одной из важных проблем. Сегодня достаточно остро выражена *проблема межпоколенного барьера*. Это разница во взглядах поколений, в семейных ценностях и нормах, которые сформированы в разные исторические периоды и в разных социально-экономических условиях. В этой связи появляется объективная необходимость в ориентации личности *на систему семейных ценностей, приоритет семьи и детей, взаимодействие поколений*, что способствует не только благополучной социализации личности ребенка дошкольного возраста, но и помогает сохранить активную жизненную позицию старшего поколения [1, с. 67].

Как известно, развитие и становление общения ребенка происходит во взаимодействии с окружающим миром и, в первую очередь, с его ближайшим социальным окружением – семьей. Именно семья является первичным институтом социализации ребенка.

Многие ученые рассматривают период детства как один из самых важных этапов психического развития человека. Именно на данном этапе своего онтогенетического развития ребенок усваивает различные модели, стереотипы и нормы поведения и взаимодействия с окружающими, на которые он будет ориентироваться, приобретая личный опыт. Приобретение социального и жизненного опыта, развитие личности ребенка происходит посредством его общения и взаимодействия с социальным окружением [1, с. 69].

Взаимодействие играет важную роль в становлении «Я», где личность понимается, отмечает В.А. Янчук, «как сумма психических реакций человека на мнение окружающих» [2, с. 496]. *Взаимодействие в диаде* – это взаимодействие двух субъектов. Диада рассматривается, согласно Н. Смелзеру, как социальная группа, состоящая из двух человек. *Диада*, в нашем понимании, – это взаимодействие двух людей, представителей разных поколений, вступающих в общение и диалог. Мы представляем диаду как две стороны. С одной – ребенок, а с другой – прародитель или прародители. Большое значение, в связи с этим, приобретает изучение особенностей поведения детей, которое мы называем «личностным поведением», различных его форм, проявляющихся в межличностном взаимодействии с представителями разных поколений. Во взаимодействии важно достижение *понимания*, которое становится возможным, как отмечает В.А. Янчук, «в диалоге, сопровождаемом постоянным уточнением того, что кажется, с тем, что есть на самом деле. Причем этот диалог должен быть непрерывным и взаимоуточняющим» [2, с. 531]. Только в таком случае достигается взаимопонимание, на котором строятся взаимоотношения и взаимодействие в семье между представителями разных поколений.

В нашем эмпирическом исследовании *межпоколенный социализирующий диалог* рассматривается как взаимодействие в диаде «ребенок – прародители», в результате которого происходит социализация обеих сторон данного взаимодействия. Межпоколенный социализирующий диалог предполагает разговор, беседу, совместные действия субъектов межпоколенного взаимодействия, поддержание обоюдного интереса, ненавязывание своего мнения собеседнику, умение не только слушать, но и слышать друг друга.

Понятие межпоколенного социализирующего диалога многоаспектно. В нашем исследовании оно рассматривается в следующих аспектах.

Исторический аспект, который предполагает анализ взаимодействия поколений с позиции рассмотрения образа старшего поколения как носителя традиций, наследия предшественников и передачи жизненного опыта последующим поколениям. Новая социальная ситуация развития общества предполагает пересмотреть позиции во взаимодействии поколений. Это признание опыта старших и одновременно осознание инноваций в обществе. Только с учетом этого можно наладить конструктивный диалог поколений.

Психологическое наследование, которое осуществляется на подсознательном уровне младшим поколением, определяет отношение к людям, вещам, обществу и т.д., которое сформировано прародителями в семье, или отклонение от «семейной концепции» и жизненного плана семьи, сформированные прародителями.

Личностный аспект предполагает личностные отношения прародителей и их детей и внуков. Эти отношения могут быть как позитивными, так и сложными и противоречивыми. Старшее поколение в семейном социуме приобретает новую социальную роль, или в случае возникновения межпоколенных барьеров осуществляется осознание, осмысление этой роли и ее назначения. При условии отсутствия или преодоления этих барьеров возможен межпоколенный социализирующий диалог.

Межпоколенный социализирующий диалог – это взаимодействие представителей разных поколений, в результате которого происходит социализация как одних, так и других на основе взаимопонимания, взаимопринятия, взаимовлияния субъектов данного взаимодействия.

Общим методологическим подходом нашего эмпирического исследования является *постмодернистский социокультурно-интердетерминистский диалогизм*, автором которого является В.А. Янчук [3]. В основе данного подхода, лежат *идеи М.М. Бахтина и В.С. Библера* о диалоге как инструменте согласования взглядов, в соответствии с которыми открываются возможности для открытого диалога субъектов, а значит и поколений. *Диалогичность* проявляется в способности созидания совместного знания с учетом индивидуальных различий и основана на взаимообогащении, взаиморазвитии, взаимопонимании. Диалогичность лежит в основе *диалогического взаимодействия*, а, следовательно, и в основе диалогического общения.

Основная задача участников взаимодействия в диаде заключается в создании эмоционально равных, взаимоприемлемых, свободных, независимых отношений. Позитивные, конструктивные, эмоционально положительные отношения во взаимодействии в диаде «ребенок – прародители» могут помочь осуществить формирование личности ребенка; сохранить активную жизненную позицию старшего поколения; способствовать передаче и формированию семейных ценностей у подрастающего поколения; служить основой для развития общения ребенка-дошкольника не только с близкими, но и с другими окружающими его людьми; избежать возникновения межпоколенных барьеров в общении.

Эмпирическое исследование показывает, что наличие межпоколенных связей дает возможность говорить о взаимодействии поколений, открытости в общении между поколениями, отсутствии социальной отчужденности, экзистенциального одиночества, преодолении проблем в общении, трансляции и передаче семейных ценностей, традиций, обычаев от поколения к поколению.

Процесс межпоколенного социализирующего диалога в диаде «ребенок – прародители» индивидуализирован, «развернут» во времени. Каждый этап межпоколенного социализирующего диалога может отличаться по психологической насыщенности элементами взаимосимпатии, взаимопонимания, взаимоуважения и т.д., совокупность которых выступает показателем диалогичности.

Отсутствие межпоколенного социализирующего диалога ведет к нарушению межпоколенного баланса: затрудняет нормальное психическое развитие ребенка, полностью разрушает нормы и ценности семьи, отрицательно влияет на воспитание и поведение ребенка.

Таким образом, межпоколенные отношения могут рассматриваться как ресурс для формирования общекультурных компетенций личности. А *межпоколенный социализирующий диалог* может осуществляться в рамках межличностного взаимодействия в диаде «ребенок – прародители», прежде всего.

Литература и источники

1. Кондрашова, В.О. Формирование семейных ценностей у детей дошкольного возраста // Кіраванне у адукацыі. – 2012. – № 11. – С. 67–72.
2. Янчук, В.А. Введение в современную социальную психологию: учеб. пособие для вузов. – Минск, 2005.
3. Янчук, В.А. Постмодернистский, социокультурный интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. – 2006. – Т. 1. – С. 193–206.

СФЕРА КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ПРИГРАНИЧНОГО ИМИДЖА

Костючков А. Н. (Витебск, Беларусь)

В сегодняшнем мире *softpower* («мягкая сила»), то есть способность воздействовать через примеры и убеждение, приобретает все большее значение в отличие от *hardpower* («жесткая сила»), то есть способность воздействовать через принуждение. Актуальность проблемы международного имиджа (в том числе и регионального) в настоящее время обусловлена усилением информационно-коммуникационной составляющей во всех сферах общественной жизни. Поэтому информационно-коммуникативные технологии и искусственные образы (имиджи) как порождение этих технологий играют все возрастающую роль. Для отвоевания и удержания ниши на международном рынке товаров и услуг как стране в целом, так и каждому региону в частности необходимо иметь свое лицо (образ, имидж), чтобы понравиться нынешним и потенциальным партнерам. В этой связи актуальной представляется попытка систематизировать и обобщить опыт в сфере формирования позитивного регионального (в том числе и приграничного) имиджа, предложить некоторые формы и методы в сфере регионального PR.

Региональный имидж – это образ региона, целенаправленно формируемый в сознании целевых аудиторий и включающий эмоциональные и рациональные элементы. Региональный имидж выступает в качестве нематериального актива региона, территории, города.

Теоретические аспекты формирования имиджа

Привлекательность регионального имиджа может быть повышена за счет многих составляющих, в том числе за счет усиления культурной составляющей. При применении культурных средств при формировании имиджа требуется помнить, что зачастую любой культурный проект – это три составляющие: 1. Собственно культурное наполнение. 2. Шоу как форма подачи. 3. Бизнес как попытка получить прибыль.

Образ региона включает в себя четыре трактовки: психологическую, социологическую, культурную и лингвистическую [1, с. 63]. На культурном уровне образ предстает как совокупность символов и архетипов, связанных с определенной территорией, накопленных в определенной культуре и репрезентированных через произведения искусства, документальные источники, городские ландшафты, архитектуру, памятники [1, с. 64]. Культурная составляющая имиджа – самая стабильная и во времени, и в сознании целевых аудиторий. Кроме того, понятия «аграрный регион», «промышленный регион» могут нести негативный оттенок. Например, соответственно «отсталый регион» и «загрязненный регион». Понятие же «культурный регион» не несет такого оттенка.

Распространение продуктов культуры, духовного творчества происходит двояко. Во-первых, в ходе традиционных межличностных

коммуникаций через сеть культурно-просветительских учреждений и, во-вторых, в пространстве массмедиа [2, с. 124]. В ходе приграничного обмена могут и должны быть задействованы оба канала. Негосударственные, альтернативные источники во всех случаях пользуются большим доверием [3, с. 41].

Есть ряд особенностей, способствующих формированию и затрудняющие формирование регионального приграничного имиджа. Нужно учитывать следующие моменты. 1. При формировании любого вида имиджа в него должен быть включен оригинальный момент. Именно этим моментом и может быть культурный колорит региона. 2. При формировании приграничного регионального имиджа отсутствуют моменты культурного непонимания между субъектом имиджа и объектом его восприятия, так как соседние приграничные регионы, как правило, мало различаются в культурном плане. Отсюда же вытекает и трудность. Раз культурные различия в приграничье незначительны, то и для поиска оригинальных элементов нужно применить немало усилий.

Практические аспекты формирования имиджа

Одним из этапов формирования имиджа является позиционирование. Позиционирование региона должно идти через культурные ценности, то есть объекты и явления культуры. В основе позиционирования лежат различия с другими. Для Витебска («культурная столица») и Витебской области ключевыми моментами позиционирования могут быть следующие: 1. Фестиваль «Славянский базар в Витебске». 2. Родина художников. 3. Чистые улицы и гостеприимство.

Теперь остановимся на отдельных направлениях формирования имиджа.

Пропаганда достижений. В рамках этого направления необходимо создание и развитие брендов. Культурные бренды – это узнаваемые предметы материальной и духовной культуры. При создании бренда надо ответить на ряд вопросов: зачем конкретной территории бренд? С какой целью он создается? На какие целевые аудитории он ориентирован? Какие проблемы территории поможет решить бренд? [4, с. 41]. Для Витебска такими брендами выступают М. Шагал, «Славянский базар в Витебске». Они уже существуют. Их нужно развивать.

Ведение культурного диалога. Поскольку позитивный образ во многом зависит от интенсивности культурных контактов [5, с. 116], нужно их интенсифицировать. Культурный диалог может идти по двум каналам. Это, во-первых, содействие трансграничной мобильности тех, кто работает в сфере культуры. И, во-вторых, поощрение транснациональной циркуляции культурного и художественного производства [6, с. 98].

Развитие научного и культурного обмена может включать следующие аспекты. Это создание сети культурно-информационных центров, проведение мероприятий за рубежом (концерты, познавательные конкурсы и др.), обмен преподавателями и студентами между вузами.

Развитие туристического обмена. Один из каналов знакомства с

культурой – развитие туризма. Культурный туризм является разновидностью туризма. Культурный туризм – это посещение памятников архитектуры и достопримечательностей, участие в обрядах. Здесь же присутствует и гастрономическая составляющая культурного туризма. Для белорусских регионов неотъемлемой такой бренд как картофельные блюда. Для развития туризма нужно развивать и событийный туризм. Кроме фестиваля «Славянский базар в Витебске» есть много других событий. Например, «Дажынкі», «Вишневый фестываль» (г. Глубокое) и другие.

Литературно-издательская деятельность. В сфере литературно-издательской деятельности возможен выпуск сборников «Витебск глазами гостей», «Витебск и его уроженцы» для зарубежной аудитории. Можно практиковать написание иностранными журналистами и писателями книг и туристических проспектов, выпуск альбомов по культурному наследию и рассылка их за границу в университеты и библиотеки.

Таким образом, работа по формированию имиджа приграничной территории должна вестись активно и по всем возможным направлениям, в том числе и в сфере культуры.

Литература и источники

1. Замятина, Н.Ю. Особенности географической репрезентации социокультурных регионов России в характеристиках субъектов РФ / Н.Ю. Замятина, Е.Ю. Белаш // Социс. – 2006. – № 9. – С. 63–72.
2. Богдан, Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2007. – № 4. – С. 122–127.
3. Федякин, А.В. Политика формирования позитивного образа СССР в 1950-е – 1980-е гг. и ее применимость в современных условиях // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. – № 4. – С. 29–44.
4. Важенина, И. Бренд территории: определения, сущность, формирование // Проблемы теории и практики управления. – 2011. – № 9. – С. 34–42.
5. Николаева, Ю.В. Эволюция образа Франции в массовом сознании россиян // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 2005. – Вып. 1. – С. 116–120.
6. Макаров, Д.В. Программы «Культурные столицы СНГ» и «Культурные столицы Европы» / Д.В. Макаров, А.А. Демьяненко // Власть. – 2014. – № 7. – С. 96–99.

ФРУСТРАЦИОННЫЕ РЕАКЦИИ ВЕРУЮЩИХ В УСЛОВИЯХ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Курачев Д. Г. (Брянск, Россия)

Фрустрация – феномен, характеризующий состояние личности. Профиль или особенности фрустрационных реакций рассматривается как важнейший фактор когнитивно-эмоциональной сферы личности, определяющий поведение в самых разнообразных жизненных ситуациях.

Для изучения межконфессионального конфликта в ситуациях

депривационного воздействия со стороны представителей чужих религий нами использовался адаптированный тест фрустрационных реакций (Розенцвейг). Смоделированный таким образом искусственный межконфессиональный конфликт был направлен на выявление: общей адаптированности к ситуациям фрустрации; типов реакций в ситуации фрустрации в ответ на депривационное воздействие со стороны представителей различных религий; наличия остаточной зафрустрированности после депривационного воздействия. Тест актуализирует ситуации, в которых происходит конфликтное обострение, что позволяет выявить латентные установки и не проявляемые в спокойной социальной атмосфере паттерны поведения.

В исследовании с использованием метода фрустрационных реакций принимали участие мусульмане: конфессионально ориентированные на ислам – 98 человек, из них 48 юношей, 50 девушек; православные: конфессионально ориентированные на православие – 100 человек, из них 50 юношей, 50 девушек; язычники – 50 человек, 25 юношей, 25 девушек; кришнаиты 40 юношей и 40 девушек. Возраст испытуемых от 17-ти до 25 лет.

Выявлено, что православные, мусульмане и язычники, в отличие от сектантов-кришнаитов, демонстрируют наличие развитых форм социального реагирования, проявляемого в ситуациях конфликтной фрустрации. У православных, мусульман и язычников также выявлена актуализация и сформированность межконфессиональных представлений, специфически проявляющихся в ситуациях депривационного воздействия со стороны представителей различных религий.

Кришнаиты преимущественно обнаруживают неадекватность и застревание на конфликте, при очень слабой выраженности адекватного, а также социально нормативного агрессивного поведения. Подобный репертуар неэффективен и входит в диссонанс с формами социальной адаптивности в магистральной культуре, где требуются инициатива, активность и умение постоять за себя.

Православные, мусульмане и язычники к конфликтной ситуации, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, демонстрируют примат агрессивной, либо игнорирующей нелояльности. Нелояльность носит выборочный характер и зависит от конфессиональной принадлежности деприватора. По отношению к представителям собственной религии нелояльность уменьшается, а лояльность либо усиливается, либо имеет тенденцию к усилению.

У представителей всех изучаемых религий прослеживается более выраженное увеличение остаточной обиды после конфликтного воздействия именно иноверцев. Таким образом, в моделируемом конфликте с иноверцами проявляется значительное усиление внутриконфессионального фаворитизма и межконфессиональной дискриминации (неодинаковой по отношению к разным религиям).

У православных и мусульман в формах распределения реакций

обнаружено скорее больше сходства, чем различий, хотя, следует заметить, что различия все же есть. Даже в ситуации взаимного депривационного воздействия существует гораздо более осторожное и сдержанное отношение православных и мусульман друг к другу, чем их же к язычеству. При этом сами язычники больше негатива проявляют по отношению к исламу, нежели к православию. Ответы мусульман и православных показали и то, что их толерантность друг к другу в условиях конфликтного взаимодействия ослабляется. При этом православные в своем агрессивном и игнорирующем негативизме более конгруэнтны, то есть не пытаются скрыть своих истинных чувств, тогда как мусульмане склонны в большей степени накапливать негатив и утаивать обиду, что является деструктивной перцептивной установкой и будет сказываться в дальнейшем общении уже непосредственно несвязанном с конфликтом. Ответы язычников, с их высокой агрессивностью и остаточным негативным шлейфом, снова характеризуют их межконфессиональное восприятие как маргинальное, при этом крайний негативизм прослеживается к мусульманам и к протестантам. У язычников обнаружен выраженный групповой фаворитизм, что является «оборотной» стороной их аутогрупповой агрессии.

Гендерный аспект различий проявляется в том, что у девушек православных спектр ответов смещается более в сторону неадекватной лояльности, а у мусульманок – в сторону игнорирования, язычницы в рамках собственной конфессиональной общности проявляют выраженную адекватную и неадекватную лояльность. Девушки (вне зависимости от своей конфессиональной принадлежности) даже в бесконфликтных ситуациях по отношению к юношам проявляют большую пассивность. Представленные гендерные различия отражают полоролевые стереотипы. Учитывая их специфику в ситуациях гипотетического увеличения напряженности, можно ожидать, что именно мужская группа верующих встанет в авангарде межконфессиональных конфликтов.

В условиях конфликта межконфессиональное восприятие проявляется в различных формах и характеризуется: неадекватностью, агрессией, лояльностью и игнорирующей нелояльностью. При этом открытая агрессия, лояльность и скрытая нелояльность носят выборочный характер и зависят от конфессиональной принадлежности субъектов, провоцирующих конфликты. Особенно сильно неадекватность и агрессивность проявляется между верующими с различными «культурными корнями», а также ввиду отсутствия исторически сложившегося опыта коммуникации. Если конфликтантами являются представители «своей» религии, то агрессия смягчается, а лояльность усиливается.

В целом налицо то, что депривация влечет за собой обострение деструкции в межконфессиональных отношениях. Обостряются и усиливаются негативные тенденции, преодолевается зыбкий барьер взаимной толерантности. Это выглядит особенно тревожно и потому, что как среди православных, так и среди мусульман (преимущественно среди мужской части верующих) существуют немногочисленные группы с радикальными по

отношению друг к другу настроениями. Эти настроения являются своего рода постоянно взведенным и готовым взорваться детонатором. Есть все основания полагать, что на фоне общего усиления межконфессиональной деструкции эти группы «подготавливают» такой поворот обстоятельств, в котором религиозные доктрины могут катализировать взаимную нетерпимость. Именно поэтому весьма возможен такой поворот обстоятельств, что религии с их идеалами добра и человеколюбия вполне могут трансформироваться в идеологический инструмент убийства и кровавой резни.

В силу присущей любому сознанию тенденции к оппозиционированию и отчуждению по формуле «Мы» и «Они», «Свой-Чужой» чаша весов гораздо легче будет склоняться в сторону негативизации и деструктивизации образа «Чужой религии», чем к его позитивизации. Достаточно усиления социального напряжения, спланированной провокации и т.д., для того чтобы хрупкий мир общественного межрелигиозного согласия нарушился, и конфессиональные группировки получили бы повод для взаимной конфронтации.

УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЮДЕЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИАЛОГА

Курилович М. А. (Минск, Беларусь)

Известно, что разговорная речь являет собой коммуникативное взаимодействие людей и, следовательно, предполагает определенные нюансы такого целенаправленного поведения.

Начиная с античности исследователи разговорной речи, как отечественные, так и зарубежные, различают такие ее формы, как диалог, полилог и монолог, признавая диалог «естественной» формой существования языка, а монолог – «искусственной». Диалог исследователи определяют как разговор более чем одного участника общения, в основном, устное межличностное вербальное взаимодействие [3, с. 327].

Как уже известно, строение диалога определяется не столько правилами языкового поведения людей, сколько канонами межличностного взаимодействия, а также индивидуальными особенностями мировосприятия говорящих. В каждом высказывании говорящий предстает как личность с определенными этническими, национальными, культурными характеристиками и ориентирами. Таким образом, достижение цели диалога, а именно, достижение полного взаимопонимания и согласия, требует выполнения не только речевых условий, но и понимания психологических особенностей коммуникативного взаимодействия.

Проблема поверхностного рассмотрения диалога приводит к частичному объяснению феномена, часто с искажениями. На сегодняшний день необходимо сформулировать условия эффективности

коммуникативного взаимодействия людей через призму диалога. Это поможет участникам общения осуществлять коммуникативные цели и достигать согласия.

Следуя за вышесказанным, постараемся представить некоторые условия конструирования эффективного диалога. Прежде всего, нельзя не упомянуть о явном, а именно о потребности в диалоге, заинтересованности в общении. По мысли М.М. Бахтина коммуникативная заинтересованность устанавливает паритетность вне зависимости от социального статуса и ролей. Так, на заинтересованность в общении и равные права в диалоге не влияют:

а) глубина знакомства (близкие друзья, знакомые, незнакомые);

б) степень социальной зависимости (например, главенство отца, подчиненное положение в коллективе). По мнению Rather, эффективный диалог предполагает, что все участники должны оставить свои различия (статуса, власти) вне диалогического пространства [4, с. 70].

в) эмоциональный фон (благожелательность, нейтральность, неприязнь). В любом случае при заинтересованности имеет место согласие «внимать», «солидарность» [2, с. 81]. И это первая ступень к успешному диалогу.

Следующим важным условием эффективного коммуникативного взаимодействия, конкретно правильного восприятия и понимания является настроенность на мир собеседника, близость мировосприятия говорящего и слушающего. М.М. Бахтин называл это явление апперцептивным фоном восприятия речи [1, с. 231]. Умение говорящего представить мир слушающего и в соответствии с этим организовать свою речь, начиная с обращения, интонационного рисунка высказывания, порядка слов, выбора семантико-синтаксической структуры предложения, экспрессивных средств разных уровней, этикетных формул – способствует возникновению у собеседника благожелательного внимания, а также активизирует все составляющие культурного понимания; открытость к любой позиции говорящего, готовность принять все доводы, предвосхищение смысла каждой фразы и дальнейшего хода разговора. Каждый человек в таком диалоге имеет право свободно говорить и остановить свои высказывания в любую минуту. Эффективность диалога предполагает равноправное высказывание и, самое главное, не достижение консенсуса, а всеобщее понимание [5, с. 172].

Главным условием успешного речевого общения является умение слушателя проникнуть в коммуникативный замысел (намерение, интенцию) говорящего. Поскольку коммуникативное намерение формируется на довербальном уровне речи-мысли, а постижение смысла сказанного происходит параллельно линейному развертыванию высказывания, слушатель проделывает огромную работу по интерпретации речевого потока и «реконструкции» замысла говорящего. Кроме того, очень важно строить свою речь с ориентацией на мир знаний собеседника, приспособив форму подачи информации к возможностям ее интерпретации [3, с. 219].

Таким образом, для успешного речевого общения говорящий не должен стремиться сообщить собеседнику факты, «голую правду», он

должен обнаружить и другое, «иное» мнение по поводу интерпретации высказанного явления. Заметим, что это приводит к необходимости знания говорящего норм этикетного речевого взаимодействия.

Этикетное речевое взаимодействие жестко предопределено не только традициями данного общества, но и конкретной ситуацией, обстоятельствами разговора. Основное правило, по мнению Л. Щербы, для ответного высказывания: реплика должна вписываться в «контекст» диалога, т.е. быть уместной [3, с. 189].

Наиболее целостным рассмотрением диалога является теория речевого поступка М.М. Бахтина. Ученому принадлежат такие важные с методологической точки зрения открытия, как категории «коммуникативная заинтересованность», «говорящий человек», «солидарность участников общения», «поиск согласия», «высшая инстанция ответного понимания» и др. Необходимо отметить, что теория М.М. Бахтина, предложенная как оригинальная философия языка, вводит принцип отношения, диалога в анализ текста, языка, познания. Он писал: «Проблемы коммуникации возникают в силу расхождений между субъективными сознаниями: человек не может переживать другое сознание, и это ограничивает возможности интерсубъективного понимания. Однако общее сосуществование с другими в общем, т.е. разделенном, мире составляет основу для общения и одновременно для конституирования этого мира. Непризнание различий, неоткрытость Другому создают барьеры в общении и невозможность интерпретативного самопознания» [1, с. 217].

Таким образом, эффективность коммуникативного взаимодействия зависит от нескольких условий: от желания участников в форме диалога выразить свои мнения, просьбы сообщить что-либо, от умения определить личностные особенности коммуникаторов, признавая их уникальность и индивидуальность, организовать в соответствии с этим свои реплики, не забывая нормы этикетного речевого общения.

Литература и источники

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
2. Бахтин, М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник, 1984–1985. – М., 1986.
3. Isaacs, W. Taking flight: Dialogue, collective thinking and organizational learning. – NY, 1993. – P. 24–39.
4. Bohm, P. Dialogue: A proposal Retrieved December /P. Bohm, D. Factor. – 2001. – Mode of access: <http://www.muc.de/heavel/dialogue/-proposal.html>.

ЭТИКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Лаптёнок А. С. (Минск, Беларусь)

Современное развитие общества характеризуется

трансформационными процессами, как глобального масштаба, так и регионального, определяемого спецификой развития постсоветского культурного пространства. Если говорить о глобальных трансформационных процессах, возможно, современная цивилизация находится на таком же разломе, как в свое время при переходе от каменного к железному веку. Это связано, прежде всего, с развитием новых технологий, которые кардинально меняют место и роль человека, в особенности в информационных процессах. Возникают совершенно новые типы коммуникации, способы хранения и трансляции культурной информации. В конечном итоге это приводит к появлению новых форм взаимодействия культурных традиций и методов включения в них индивидов. Кардинально меняется не только научная картина мира, но и социокультурное пространство в целом. Происходит, с одной стороны, глобализация мира, когда практически любое значимое событие в разных регионах Земли, благодаря СМИ, становится объектом информации. С другой стороны, наблюдается тенденция атомизации личностного бытия, когда, даже будучи включенным в общий информационный процесс, индивид получает все больше возможностей для личностной автономии, практически не связанной с сословно-корпоративной зависимостью.

Сложность современной ситуации в мире актуализирует необходимость налаживания диалога культур, нахождения механизмов сотрудничества разных этносов и религий. Противоречивость самого процесса диалога определяется, с одной стороны, все большей открытостью социокультурного пространства, когда возможности коммуникации, как опосредованного, виртуального, так и непосредственного, значительно возрастают. Обыденными социальными фактами стали межнациональные браки, работа в международных компаниях, мобильность перемещений людей. Виртуальные путешествия по музеям, выставкам, культурным достопримечательностям практически всех стран мира можно осуществить, не выходя из своей квартиры. Множественность контактов в социальных сетях порождает иллюзию чуть ли не всемирной общности. С другой стороны, существуют исторические, конфессиональные, культурные, языковые и иные барьеры, мешающие, ибо ограничивающие возможности межкультурного и межрелигиозного диалога. Они частично обуславливаются географическим положением, особенностями исторического развития региона, сложившимися взаимоотношениями между этносами и религиями. Специфика взаимодействия социальных субъектов обуславливается иерархией устоявшихся ценностей, которая в силу своей привычной устойчивости не требует каких-либо доказательств её легальности и приоритетности перед другими системами. В этом же ряду – инерция общественного сознания, воспроизводящая культурные паттерны, характерные для традиционного общества с его культом насилия, восприятия Другого как Чужого со сложившимися стереотипами неприятия всего того, что не вписывается в «свою» систему ценностей.

На уровне теории и идеологии существуют убедительные

доказательства необходимости мирного сотрудничества, взаимодействия культур, но практика отношений субъектов разного уровня: межгосударственных, межгрупповых, межличностных, показывает то, что насилие, вражда до сих пор во многом определяют содержание деятельности данных субъектов. Современная политика представляет собой зону постоянного риска, латентно включающего возможность столкновения между странами, при этом не существенно, имеют они общие границы или нет.

Современный мир полон противоречий. С одной стороны, процесс глобализации приводит к осознанию взаимосвязи и взаимозависимости практически каждой страны с остальным миром. В режиме on-line мы можем наблюдать за событиями, происходящими в разных регионах земного шара. Благодаря свободе перемещения и современной технике, через достаточно ограниченное время, мы можем оказаться на любом континенте. Мир становится «маленьким». Как будто этот факт должен стимулировать процесс взаимопонимания, диалог культур. Но в реальности этого не происходит. Напротив, с другой стороны, множится число локальных конфликтов. Европа испытывает значительные трудности в связи с огромным числом беженцев и мигрантов, далеко не все из которых принимают ценности культуры страны, в которую они прибыли. Отсюда складывается представление о том, что насилие до сих пор понимается в качестве возможного средства воздействия на конфликтующую сторону.

Если непредвзято проанализировать роль насилия в современном мире, то нетрудно заметить не только его распространенность во всех сферах бытия человека, но и укорененность в массовом сознании мнения о его необходимости и эффективности. Такая оценка насилия проявляется в семье, в межличностном общении, в управленческой деятельности («без сильной руки наш человек ничего не сделает»), в межгосударственных отношениях. Кажущаяся результативность насилия заключается в «эффекте прямого действия»: как правило, сразу же после его применения следует реакция принуждаемой стороны. Однако, последствия применяемого насилия носит краткосрочный характер и требует постоянного подтверждения новыми акциями. Иначе говоря, помимо формирования негативного отношения к субъекту насилия, оно, как правило, не имеет долгосрочного эффекта без непрерывного присутствия чувства страха принуждаемой стороны. Говорить в этом случае о полноценном партнерстве, конечно, проблематично.

В общественную практику основные принципы ненасильственной организации человеческой жизнедеятельности внедряются по-прежнему чрезвычайно сложно. Отчасти это объясняется, помимо, вышеозначенного, инерцией общественного сознания. С одной стороны, в наши дни происходит достаточно серьезная трансформация системы ценностей социума, а с другой – противоречивым образом сохраняются традиционные регулятивные механизмы действий социального субъекта. Хотя всем на идеологическом уровне понятно, что мирное взаимодействие гораздо лучше любой вражды, все же до сих пор мало кто это связывает с реализацией идей ненасилия. На

уровне теории необходимость диалога культур, сопряженного с ненасильственными действиями, достаточно четко обоснована, но инерция практики приводит к применению привычных средств.

В настоящее время появляются достаточно серьезные причины радикального пересмотра сложившихся принципов взаимодействия социальных субъектов, основанного на насилии. Связываются они с изменением социальной роли этого феномена. Появление новейших технологий, в том числе и военных, ставят перед человечеством проблему выживаемости. Если ранее человек мог выжить, пусть и в не совсем благоприятном для него мире, то сегодня в условиях нестабильного существования, человечество может погибнуть. На протяжении всей своей истории социум не выходил из состояния войны. Одни войны были более грандиозными, другие – менее, однако они не могли препятствовать выживаемости всего человеческого рода. Регионы, свободные от военных действий, развивались вполне благополучно. Сегодня любой региональный конфликт может перерасти в глобальный. Не случайно в последнее время участились прогнозы в отношении угрозы третьей мировой войны. Иначе говоря, речь напрямую идет о том, будет человечество жить, или нет. Если ранее создавались новые средства уничтожения себе подобных, то они приводили «только» к расширению числа жертв. XXI век с его ядерным, биологическим, психотропным, химическим (каким еще?) оружием становится веком-самоубийцей: применение любого из них может привести к необратимым экологическим и гуманитарным последствиям. Именно учитывая всю степень угрозы, возможно постепенное выстраивание нового нравственного мира, основанного на принципах ненасилия. Но этот путь невозможен без изменения самого человека, его нравственного сознания. И он начнется не в результате каких-либо морализаций, увещаний или обращения к «лучшим чувствам» (сколько их уже было!), а под влиянием маячащей перед человечеством угрозы самоуничтожения. Конфронтационная логика неизбежно должна смениться логикой компромисса и сотрудничества. Иначе некому будет впоследствии рассуждать над этими проблемами. В качестве аналогии можно привести пример с изменением общественного сознания в отношении необходимости формирования и развития экологической культуры, которое шло от непонимания к осознанию ее значимости. Именно поэтому в мире ширится движение ненасилия, которое включает в свою сферу воздействия не только такие традиционные, как политика, экология, но и практически все элементы межличностного взаимодействия, как-то: ненасильственное воспитание, обучение, общение и т.п. В этом же ряду, естественно, необходимость развития и расширения диалога культур.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Линецкая О. А. (Одесса, Украина)

В условиях глобализации и политики мультикультурализма всё более актуальной становится проблема сохранения этнической идентичности и кросскультурного диалога. Поскольку «размывание этнической идентичности в глобализированном мире усложняет интеграцию личности в этнокультурную традицию» [1, с. 24] и свидетельствует о кризисе идентичности, который «состоит не столько в отсутствии социальных норм и ценностей, сколько в их противоречивости» [2, с. 534]. Мы считаем, что в эпоху глобальных рисков приоритетом должно быть сохранение этнической идентичности, поскольку это «помогает преодолеть последствия «культурного шока» и поддерживать позитивную самоидентификацию» [2, с. 524].

Решение проблемы сохранения этнической идентичности народа основывается на укоренённой в коллективном бессознательном, ментальной структуре этнической картины мира [3]. Дальнейшее исследование направлено на изучение содержания этнической картины мира украинцев с помощью метода категориального синтеза, суть которого состоит в: «а) начальном выделении наиболее универсальных категорий, которые в разных аспектах и ракурсах характеризуют психокультурное явление; б) построении категориального «каркаса» или матрицы; в) проведении синтеза содержательных интерпретаций соответствующих категорий» [4, с. 37].

На этапе выделения наиболее универсальных категорий украинской ментальности, мы выбрали следующие изображения этнознаков: дом, поле, засеянное житом, калина, казак, черт, герб Украины, Т.Г. Шевченко, украинка. Для актуализации картины мира украинцев мы провели визуальный ассоциативный эксперимент. Выборка состояла из 90 студентов юга Украины 4 и 5 курсов по специальностям психология, история и художественно-графическое искусство. Стимульный материал – 8 цветных картинок, которые отражают традиционную украинскую ментальность. Респонденты получали следующую инструкцию: «Сейчас Вам будут продемонстрированы некоторые изображения. Пожалуйста, напишите все ассоциации, которые вызывают у Вас данные изображения. Долго не размышляйте, на созерцание каждого изображения у Вас только одна минута». При построении категориальной матрицы (Таб.1) мы опирались на предложенные Б. Поповым содержательные компоненты ментальности, а именно: а) национальный дом (семейно-родственные связи, общая территория обитания и родная земля, национальная одежда, еда, жильё, хозяйственный устой жизни); б) духовная культура народа (язык, музыкальный и словесный фольклор, национальные черты характера, обычаи, традиции, литература, искусство, религия); в) историческая судьба народа (потребность сохранить себя как народ, возможность почувствовать

свою принадлежность к родному народу, факты национальной несправедливости, социальные конфликты и т.п.) [1]. В свою очередь, к исторической судьбе народа, мы добавили факты национальной гордости (специфические этноресурсы, которые помогают сохранить национальную идентичность).

Таблица 1 – Категориальная матрица этнической картины мира украинцев

Национальный дом	Духовная культура народа	Историческая судьба народа
Жильё, семейно-родственные связи: дом-семья-Украина, «Садик вишнёвый возле дома», калина, тепло, уют, покой.	Язык: украинский.	Потребность сохранить себя как народ: казачество, борьба за свободу, подвиги, Запорожская Сечь, государственная символика (флаг, герб, гимн).
Общая территория обитания и родная земля: Украина, земля, поля пшеницы, хлеб, урожай, богатство, свобода, жизнь.	Фольклор: думы, казак Мамай, кобза, бандура, калина, «без калины – нет Украины», украинка – чистота, открытость, хитрость, естественность, домашний очаг, любовь, женственность, Т.Г. Шевченко, Н.В. Гоголь.	Возможность почувствовать свою принадлежность к родному народу: патриотизм, национальная идея, национальная идентичность, единство.
Национальная одежда: венок из цветов, вышиванка.	Традиции: Новый год, Рождество, вечерницы, гадание, Ивана Купала.	Факты национальной несправедливости: крепостничество, ссылка и пребывание, в тюрьме Т.Г. Шевченка.
Хозяйственный устой жизни: труд, хозяйство (куры, корова, свинья).	Национальные черты характера: открытость, мужество, патриотизм, воля, непокоренность, справедливость, независимость.	Факты национальной гордости: вера, надежда, воля, свобода, независимость, патриотизм, национальная идея, единство народа, борьба, традиция, суверенитет.

Обработка результатов визуального ассоциативного эксперимента осуществлялась с опорой на идиотетический подход в контент-анализе. Содержательное наполнение категориальной матрицы этнической картины

мира украинцев было реконструировано следующим образом: жильё, семейно-родственные связи (дом, калина); общая территория обитания и родная земля (флаг); национальная одежда (украинка); хозяйственный устой жизни (дом); украинский язык (преобладал язык, на котором писались ассоциации); музыкальный и словесный фольклор (казак, калина, Т.Г. Шевченко, черт, украинка); традиции (черт, украинка); национальные черты характера (Т.Г. Шевченко); потребность сохранить себя как народ (казак, флаг, герб); возможность почувствовать свою принадлежность к родному народу (герб, украинка); факты национальной несправедливости (Т.Г. Шевченко); факты национальной гордости (герб).

Проведение синтеза содержательных интерпретаций полученных результатов показало, что содержания этнической картины мира составляют категории, связанные с ключевыми этапами становления государства Украина. Так, в результатах испытуемых прослеживается эпоха казачества 17 в (потребность сохранить себя как народ) и возрождения украинской письменности в 19 в (фольклор). Полученные данные не случайны, ведь именно в эти исторические периоды происходил подъем украинской государственности. Государственная символика в этнической картине мира выполняет функцию объединения народа и выступает индикатором жизнеспособности нации. Зафиксированные позитивные смыслы, которые свидетельствуют про потребность сохранения этнической идентичности, позволили нам выделить категорию факты национальной гордости. Архетип дома объективирует связь дом – семья – Украина и репрезентирует ценностные доминанты жизни, свободы и богатства. Изречение «без калины – нет Украины» свидетельствует про доминирующую роль женщины в украинском обществе. Сердцевину духовной культуры народу составляет творчество Т.Г. Шевченка и Н.В. Гоголя, т.к. в их творчестве акцентируется ряд вопросов, касающихся формирования этнической идентичности и национального характера украинцев, а также изображается душа украинского народа в области традиций и мистики.

В эпоху глобальных рисков приоритетной является проблема сохранения этнической идентичности. Проведенное исследование этнической картины мира украинцев (на примере студентов Юга Украины) показало наличие культурно-исторического потенциала, что содержит в себе картина мира. Актуализация картины мира у респондентов способствует активизации национального сознания и может выступать консолидирующим фактором.

Литература и источники

1. Жизнь этноса: социокультурные очерки / Б. Попов [и др.]. – К., 1997.
2. Историческая психология и мультикультурность. Сборник статей II международной научно-практической интернет-конференции «Познавательный и преобразующий потенциал исторической психологии как науки» 5 февраля – 5 марта 2015 г. / под науч. ред. Яремчук О.В. – Одесса, 2015.

3. Линецкая, О.А. Ментальная структура этнической картины мира украинцев (на примере студентов Юга Украины) // Вестник ОНУ имени И.И. Мечникова. – 2015. – Том 20, вып. 3(37), Ч.1. – С. 54–61.
4. Фурман, А.В. Психокультура украинской ментальности. – Тернополь, 2002.

ФИЛОСОФЫ ЛОССКИЕ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ТРАДИЦИЙ

Лянькевич Г. Ч., Павлють О. А. (Минск, Беларусь)

Философы, историки, богословы, Лосские... Сегодня их знает весь мир. Но так было далеко не всегда. Многие десятилетия у нас в стране их имена были под запретом, а труды были известны лишь узкому кругу специалистов. В начале XXI века ситуация изменилась, их идеи стали востребованы на родине. Наиболее известен в мире представитель древнего белорусского шляхетского рода Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965), труды которого стали философской классикой в Европе и Америке. Пользуются они большим спросом и у специалистов-философов, историков, теологов в Беларуси. Убедительным и ярким подтверждением интереса многочисленных читателей и почитателей к творчеству мыслителей являются книги Н.О. Лосского и В.Н. Лосского, изданные в последние годы [1; 2] по благословению Почетного Экзарха всея Беларуси Филарета (общим тиражом в 10 тысяч экземпляров!). В последние годы не только философы и историки, но и ученые самых различных специальностей стали проявлять интерес к жизни и творчеству Н.О. Лосского, его книгам, изданным научным сообществом России и Беларуси, в том числе издательствами Национальной академии наук Беларуси. Вероятно, это связано и с тем, что многие десятилетия доступ отечественных специалистов и широкой общественности к трудам Н.О. Лосского и его сыновей был искусственно ограничен. С другой стороны, был затруднен доступ к архивным документам, что вызывало проблемы и многочисленные трудности у исследователей, в том числе наследников рода Лосских при изучении жизни и творческого наследия классика мировой философской мысли. Например, комментируя материалы воспоминаний своего отца, Борис Николаевич Лосский сетовал на трудности, которые он лишь отчасти смог преодолеть, посетив в конце жизни Витебский областной краеведческий музей [3, с. 256].

В начале 1990-х гг., как только упал железный занавес, хранитель истории семьи Борис Лосский, как уже отмечалось, посетил родину отца и названный музей в г. Витебске. Он подарил музею уникальные документы о семье и наследниках Николая Онуфриевича Лосского, из которых следует, что в странах Европы и США сейчас проживает более 30 внуков и правнуков Николая Онуфриевича. Старший из них, Николай Владимирович Лосский (1929 г.р.), является богословом и философом, протоиереем (2009), многие годы представлявшим Русскую Православную Церковь во Всемирном совете церквей и экуменистическом движении, а младшие внуки Николая Онуфриевича, Мария Андреевна и Алексей Андреевич Лосские, проживают в

США [6]. Большая же часть внуков, в том числе Мария Борисовна Лосская, бывшая до конца XX в. Главным хранителем славянской литературы в Национальной библиотеке Франции, живут и работают во Франции.

Вспоминая о юбилейных событиях в жизни семьи Н.О. Лосского и его наследников, нельзя не упомянуть о родителях философа – Онуфрии Ивановиче (1825–1861) и Аделаиде Антоновне (1838–1925). Лосских. Можно с большой степенью достоверности предположить, что, так же как и Онуфрий Иванович Лосский, многие предки философа Лосского и близкие их семье люди похоронены в г. Краслава, находящимся в нескольких километрах от современной белорусско-латвийской границы. В связи со 150-летним юбилеем восстания 1863–1864 гг. и мученической смертью, принятой от повстанцев Иваном Лосским, авторы посетили города Краславу и Дагду, многие другие памятные для семьи Лосских места. Можно сказать, что народная тропа не зарастает в Исторический и художественный музей в г. Краславе, где представлены материалы о жизни и творчестве Н.О. Лосского, а также в храмы, которые вместе с родителями посещал юный Николай Лосский (Священники этих храмов благословили издание книги, о которой упоминалось выше) [6]. Кстати, первой книгой Н.О. Лосского на белорусском языке стало актуальное для современности произведение «Условия абсолютного добра. Основы этики», изданное Институтом философии НАН Беларуси [7].

Говоря о ряде основных работ ученого, нельзя не разделить мнение известных специалистов о том, что «Лосский-философ нередко отодвигает на задний план Лосского-историка». Но в некоторых его трудах наблюдается противоположная тенденция. В первую очередь она характерна для таких произведений философа-летописца, как «Характер русского народа», «История русской философии», и, конечно же, для его мемуаров. Вероятно, большой интерес у читателей вызовет и сочинение Н.О. Лосского «Мир как органическое целое», по материалам которого, как уже отмечалось, состоялась Международная конференция [4]. В своё время знаток истории русской философии В.В. Зеньковский назвал эту книгу самой интересной из всего философского наследия Лосского.

Николай Лосский философски осмысливал (и демонстрировал в своих трудах) значение личности конкретного человека-творца. Как считает академик НАН Беларуси Евгений Михайлович Бабосов, он одним из первых в Европе оценил значение творчества Марка Шагала [4, с. 25]. К тому же, находясь вдали от своей родины, Николай Онуфриевич видел в картинах земляка-художника «частицу дорогого, ушедшего мира», а по отношению к Витебску, как и к другим местам, связанным с воспоминаниями детства и юности, всегда сохранял нежные чувства.

Для творчества Н. Лосского было характерно также стремление отразить вклад предшествующих поколений ученых, писателей, художников, близких людей и родственников, земляков и т.д., в формирование его воззрений и убеждений. В частности, много добрых слов он высказывал в адрес семьи известного российского юриста Льва Лосского, прибывшего в

столицу десятилетием ранее из Полоцкого уезда и сделавшего там блестящую карьеру. Заметим, что эта же семья «шефствовала» и над старшим братом Николая – Онуфрием, который «по окончанию кадетского корпуса (в Полоцке) учился в Михайловском артиллерийском училище в Петербурге». Вероятно, тогда же, в юности, у будущего философа возникло ощущение, переросшее затем в твердое убеждение, о необходимости единства «трех ветвей русского народа, создавшего великую державу с мировой культурой».

Николай Онуфриевич пламенно любил не только свою большую родину Россию, но и испытывал нежные чувства к тому поистине райскому уголку Беларуси, где он родился и вырос. Об этом свидетельствуют мемуары философа, его другие произведения, воспоминания детей и внуков. Краткие сведения о них – наследниках Н.О. Лосского, переданные, как уже отмечалось, Б.Н. Лосским в Витебский краеведческий музей, представлены в названных выше книгах.

В условиях системного кризиса, который переживает мир в начале XXI века, нельзя исключить, что в синергетических теориях центральным звеном станет не управление хаосом, как считали отдельные западные ученые, а проблема «согласованного действия различных компонентов сложных развивающихся систем» [10, с. 20]. При таком подходе может быть полезным понимание мира как целостной системы, как «органического целого», в котором существует «всепроникающая и всеопутывающая» сеть многообразных отношений [11, с. 351].

С учетом последних событий в Сирии, Египте, Ливии, Украине, в других странах и регионах мысли Н. Лосского приобретают особую актуальность для будущего человечества.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на ярко проявившуюся способность Николая Онуфриевича предвидеть развитие социальных процессов. В последние годы своей творческой жизни Н. Лосский вместе с сыном Андреем, который в годы Второй мировой войны за подвиги был награжден высшим орденом США, неоднократно пересекал Атлантический океан по пути из США в Европу и обратно и часто размышлял о философских и политических проблемах глобализации. В своих воспоминаниях, в частности, он утверждал: опыт полетов на самолетах (их философ называл, по традиции, аэропланами) «наглядно показывает одну из многочисленных сторон объединения земного шара, происходящего в наше время». «Оно настоятельно требует создания сверхгосударственной организации человечества, на первых порах хотя бы федерации Западной Европы» [3, с. 251]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что Н. Лосский за несколько десятилетий до распада СССР предвидел «падение советского режима» и крах планов его руководителей по «вселенской организации человечества». Однако, несмотря на это, выдающийся мыслитель неоднократно высказывался о пользе и жизненной необходимости единения белорусов, украинцев и русских. По мнению ученого, для создания федераций народов нужно «преодолеть национальную гордыню государств,

противящуюся ограничению суверенитета...» [3, с. 251].

Жизненный и творческий путь, эволюция взглядов Николая Лосского позволили ему к концу жизни ощутить себя не только русским (белорусом), но и «человеком Мира». Возможно, Н. Лосский, как и многие современные белорусские исследователи, был прав в том, что «... культура московской державы... подпитывала» белорусскую национальную культуру», во всяком случае – в отдельные периоды истории [8, с. 284]. Но не пора ли белорусским ученым всерьез заняться исследованием и обратного процесса? Жизнь и творчество Николая Лосского дают достаточные основания для изучения такого взаимодействия. Причем – как во взаимоотношениях Беларуси с Россией, так Беларуси с Францией и ее европейскими союзниками, где живут и работают наследники рода и продолжатели учения выдающегося философа.

Литература и источники

1. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. – Минск, 2011.
2. Лосский, В.Н. Боговидение. – Минск, 2007.
3. Лосский, Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. – Минск, 2012.
4. Николай Лосский: философ, ученый, педагог высшей школы. – Минск, 2016.
5. Лосский, Б.Н. Наша семья в пору лихолетья 1914–1922 годов // Минувшее. – Paris, 1991.
6. Философы Лосские: этапы большого пути. Избранное. – Минск, 2015.
7. Мікалай Лоскі. Умовы абсалютнага дабра. У 2т., Т.1. – Мінск, 2014.
8. Русецкий, А.В. Художественная культура Витебска с древности до 1917 года / А.В. Ру сецкий, Ю.А. Русецкий. – Минск, 2001.
9. Криштапович, Л.Е. Беларусь как русская святыня. – Минск, 2011.
10. Зеленков, А.И. Пластичная рациональность и управление хаосом // Философия и рациональность в культуре глобализирующегося мира: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 22–23 окт. 2009 г. – Минск, 2009. – С. 17–20.
11. Лосский, Н.О. Избранное. – М., 1991.

КУЛЬТУРНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ КРОССКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Манилкина С. А. (Минск, Беларусь)

Известный американский философ и социолог Олвин Тоффлер, один из авторов концепции постиндустриального общества, еще 50 лет назад говорил о том, что современный «человек становится свободным странником в освобожденном мире новых динамических организаций. В этом чуждом ему окружении положение индивида будет постоянно меняющимся, текучим, разнообразным» [1, с. 125]. В наши дни эта проблема звучит еще острее в контексте интенсивно развивающихся процессов глобализации, интенсификации межэтнического общения, радикализации межкультурных противоречий. Поэтому в XXI веке проблема кросскультурного

взаимодействия становится одной из ключевых в области гуманитарных и социальных исследований.

Понятие кросскультура междисциплинарное и трактуется как общение, взаимодействие представителей различных культур, сотрудничество и коммуникация «на стыке культур», «на пересечении культур», «на столкновении культур» [2]. Результаты кросскультурного взаимодействия могут быть различны: с одной стороны это могут быть разнообразные конфликты, с другой стороны, позитивные достижения – культурное и материальное обогащение, новые интересные идеи, открытия, полезные знания. Кросскультурное взаимодействие базируется на пересечении разных культур, требует понимания и уважения самобытной культуры народов, жизненных ценностей, осознания необходимости взаимопонимания между людьми, осознания не только прав, но и обязанностей в отношении общественных и социальных контактов, готовности участвовать в решении проблем представителей любого этноса, что способствует взаимообогащению культур разных народов [3]. Аксиома этики кросскультурного взаимодействия гласит: культура видна в сравнении; плохих культур не бывает, бывают просто разные культуры; все культуры разные, но все они равные. В процессе кросскультурного взаимодействия происходит взаимодействие не между культурами как таковыми, но между субъектами – носителями различных культурных ценностей.

Сложность кросскультурного взаимодействия обуславливается зачастую тем, что влияние культуры на человека зачастую скрыто, и культурные различия проявляются при сравнении в процессе коммуникации с представителями других культур. Многие люди зачастую не осознают смысл своей жизни, либо живут с иллюзией, что они сами выбрали цель своей жизни и модели поведения. Между тем, при сравнении жизни людей разных стран можно заметить однотипность образа жизни и стереотипность мышления. Причина состоит в том, что культура – это среда, предопределяющая выбор вариантов нашего поведения. Таким образом, в качестве готовности к кросскультурному взаимодействию может быть выделена стадия культурного самоопределения участников взаимодействия.

Ключевое понятие самоопределение трактуется как процесс и результат выбора личностью своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни; основной механизм обретения и проявления человеком свободы. Культурное самоопределение направлено на определение личностью своей позиции в многообразии культур посредством присвоения культурных ценностей собственного народа. Основу культурного самоопределения личности составляет процесс культурной идентификации, в ходе которого происходит процесс выбора и приобщения к тем или иным культурным ценностям, которые отражают материальную и составляют духовную культуру определенного народа.

Культура – это система исторически развивающихся программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием

воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее проявлениях. Программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус культуры, представлены многообразием различных форм: знаний, навыков, норм, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций. В своей совокупности и динамике, они образуют накапливаемый социальный опыт. Культура хранит, транслирует и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей. По выражению В. С. Стёпина, в жизни общества они играют примерно ту же роль, что и наследственная информация (ДНК, РНК) в организме, они обеспечивают воспроизводство многообразия форм социальной жизни, видов деятельности, характерных для определенного типа общества, его социальных связей и типов личностей – всего того, что составляет реальную ткань социальной жизни на определенном этапе ее исторического развития [4]. Выделяются три уровня культурных программ: первый – это реликтовые программы как осколки прошлых культур, второй – это слой программ поведения, деятельности и общения, которые обеспечивают сегодняшнее воспроизводство того или иного типа общества, третий уровень образуют программы социальной жизни, адресованные в будущее. Преобразование общества предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закрепленных в универсалиях культуры [5].

Культурное самоопределение предполагает осознание человеком своего места в спектре культур. На уровне кросс-культурного самоопределения человек свободно и ответственно определяет свою позицию среди представителей других культурных общностей. Кросскультурное взаимодействие способствует не только личностному, но и цивилизационному развитию, преодолению глобальных кризисов посредством разработке культурных программ, направленных в будущее, причем, на развитие не только отдельно взятой страны, но и целых регионов. В рамках кросскультурного взаимодействия, самоопределяющийся субъект, стремится найти не формальные организации, а значимые для себя, по выражению В.И. Слободчикова, со-бытийные общности [6]. Одним их основных критериев различия формальных структур и общностей, появляющихся в рамках кросскультурного взаимодействия, являются мотивы и условия объединения. Формальные интеграции представляет собой объединения по заранее определенной структуре. Со-бытийная общность изначально формальным образом не задается, а создается совместными усилиями объединяющихся сторон. Нормы, ценности, смыслы общения и взаимодействия привносятся участниками общности. Исходной нормой такой общности как общности ценностно-смысловой является устойчивая духовно-нравственная связь между ее участниками. Эта возможность реализуется при условии доверия, диалога и сотрудничества субъектов кросскультурного взаимодействия в решении актуальных задач и реализации перспективных проектов. «Одной экономической или политической целесообразности недостаточно для формирования устойчивых и

жизнеспособных союзов и коалиций. Если их не скрепляют ценности, равно притягательные для всех субъектов, входящих в состав таких союзов, то они, как правило, оказываются нежизнеспособными и быстро распадаются. Поэтому сегодня значение цивилизационной идентичности и того чувства общности, которое она формирует, резко возрастает» [7, с. 2].

Таким образом, кросскультурное взаимодействие – это динамический процесс, который осуществляется в различных формах межкультурных связей от индивидуально-группового уровня до межгосударственного и базируется на культурном самоопределении взаимодействующих субъектов.

Литература и источники

1. Тоффлер, О. Шок от будущего. – Нью-Йорк, 1971.
2. Василенко, Н.Г. Перспективы развития кросс-культурного менеджмента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2013/86/136>.
3. Бережнова, Л.Н. Полиэтническая образовательная среда: монография. – СПб, 2003.
4. Новейший философский словарь. – Минск, 2003.
5. Слободчиков, В.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М., 2000.
6. Стёпин, В.С. Философия как рефлексия над основаниями культуры // Эпоха перемен и сценарии будущего: избранная социально-философская публицистика. – М., 1996. – С. 8–20.
7. Романов, О.А. Восточнославянская цивилизация как субъект современных глобальных социальных трансформаций: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2015.

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ БУДДИЗМА И СОВРЕМЕННОЙ БИОЭТИКИ

Маслакова Е. А. (Минск, Беларусь)

Буддизм и медицина имеют достаточно много точек соприкосновения, однако серьезное внимание на это было обращено лишь во второй половине XX века в контексте развития биоэтической парадигмы. Неудовлетворенность медицинским обслуживанием на Западе, несмотря на рост научного знания, стала особенно ощутима к концу XX века. Утрата целостного представления о человеке, отделение биологического от духовного и психического, не могло не коснуться и медицины. Даже на уровне биологического рассмотрения человека пролиферация медицинского знания обусловила ситуацию, когда ни один врач не компетентен дать целостную оценку здоровья пациента, что, в конечном счете, порождает чувство отчужденности у пациента.

Сегодня разнообразие школ буддизма позволяет говорить, скорее, о «буддизмах», поэтому утверждать что-то о едином, приемлемом для всех

этих школ отношении к медицине и основным ее проблемам достаточно сложно, однако можно говорить о некоем доминирующем представлении.

Параллели между буддизмом и медицинским знанием могут быть обнаружены уже в том, как Будда объяснял взаимосвязь между «тремя драгоценностями» учения – Буддой, дхармой и сангхой. Используя аналогию с медициной, он говорил, что он сам – врач, его учение – врачевание, а монахи – медицинский персонал. В таком случае, пациентом выступает каждый живущий человек. То, что позволяет Будде видеть в каждом живущем своего пациента, – это боль и страдания, которые являются неотъемлемыми спутниками жизни, согласно буддийскому учению.

Четыре благородные истины Будды также могут быть рассмотрены по аналогии с медицинским знанием. Первая истина – о неотъемлемом от жизни страдании – соответствует выставлению диагноза. Вторая истина – о причинах страдания – напоминает выяснение этиологии болезни. Третья истина – о том, что страдание может быть прекращено, – соответствует благоприятному медицинскому прогнозу. И, наконец, четвертая истина – о пути, ведущем к прекращению страдания, – метафорично обозначает план лечения.

Важно отметить и то, как понимается здоровье и болезнь в обеих парадигмах. В буддизме под страданием всегда подразумевалось не только физическое недомогание, но и душевные страдания человека. Рождение, старость, болезнь и смерть ужасны сами по себе, но неизбежность перерождения, а, следовательно, повторение всех этих этапов, делает душевные страдания особенно острыми. Таким образом, быть здоровым, согласно буддийским представлениям, означает не испытывать как физических, так и душевных страданий. Современная медицина признает правомерность такого понимания здоровья. Более того, ВОЗ понимает под здоровьем именно «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [1].

Отношение к болезни и смерти в буддизме и биоэтике особенно отчетливо позволяет проследить внутреннюю схожесть обеих парадигм. Принцип ахимсы предполагает уважение к жизни и лежит в основе буддийской этики. Однако это вовсе не означает, что с буддийской точки зрения жизнь должна поддерживаться при любых обстоятельствах. Западная культура характеризуется «отрицанием смерти», и чем обширнее становятся медицинские знания, тем постыднее выглядит смерть, она воспринимается как ошибка и проигрыш.

Хосписное движение – пример реализации биоэтических принципов, а широкое участие буддистов в хосписном движении подчеркивает созвучие буддистских и биоэтических представлений. В США в 2011 году из 2 513 000 умерших 1 059 000 предпочли закончить свою жизнь в хосписе [2], что позволяет говорить о чрезвычайной популярности движения в стране. В отличие от хосписов в Западной Европе, в американском хосписе духовные потребности пациента перестали рассматриваться через христианскую

призму, а под духовностью стала подразумеваться универсальная потребность человека – и агностика, и верующего любой религии. Духовность в рамках хосписного движения стала пониматься как личностный поиск смысла.

На волне интереса к буддизму в 1980-х в США появились и первые буддийские хосписы. Например, The Zen Hospice Project, основанный Zen Center, появился в 1987 году и на данный момент располагает как собственным небольшим хосписом, так и палатой паллиативной помощи в Laguna Honda Hospital в Сан-Франциско. 130 волонтеров задействованы не только в помощи умирающим людям, но также проводят интенсивные тренинги и семинары для всех заинтересованных. В 2000 году проектом был учрежден Институт изучения умирания (Institute of Dying), основанный на средствах крупных филантропических организаций. Цель Института – «обогатить культуру новыми подходами в заботе об умирающих, которые позволят укрепить духовное измерение умирания» [3]. Центр играет важную роль в национальных дебатах по поводу оказания паллиативной помощи пациентам.

Это лишь один пример влияния буддизма на распространение хосписного движения в США, но этот центр далеко не единственный. В работе с пациентами работники буддийских хосписов руководствуются состраданием как ключевым принципом буддизма – если пациент желает, чтобы ему читали из Библии, значит, ему будут читать из Библии. Медитация нашла путь к людям различного вероисповедания. И хотя эти организации являются буддийскими по сути, они предлагают универсальный духовный подход к смерти. Помимо работы хосписов, есть большое количество книг, написанных в духе буддизма и рассказывающих о «хорошей смерти». Интересно, что на сайте Калифорнийской ассоциации хосписов и паллиативной помощи в 2000 году из 10 первых авторов 6 были буддистами [3].

Так или иначе, но благодаря этим книгам и работам хосписов в сознании широких масс США стала зарождаться идея, что процесс умирания может стать актом духовного пробуждения, а сострадательное и правильное отношение медицинского персонала может помочь избежать чувства изолированности и отчаяния у больного.

За последние десятилетия буддизм и хосписное движение помогли друг другу в приобретении популярности. Духовность без религиозности и конкретные методы практики (в частности, медитация) – это то, что качественно выделяет буддизм на фоне прочих религиозных систем. Деятельностный подход к смерти особенно близок менталитету американцев – воспитанные в духе протестантизма, они не могут пассивно принять смерть [3]. Однако это правомерно отнести и ко всему западному миру. В то время как христианство не готово помочь ни умирающему, ни его близким, буддизм готов дать советы для обеих сторон. В ситуации, в которой человек традиционно видит себя бессильным, буддизм дает возможность контроля над происходящим. Вместо смерти, понятой как проигрыш, буддизм

предлагает «хорошую смерть», которая может быть достигнута через самодисциплину и медитацию.

Таким образом, буддизм близок современным биоэтическим представлениям, так как в обоих случаях духовное измерение жизни и смерти человека понимается как неотъемлемое. Если же говорить о практической значимости буддийской этики для современной медицины, то рассмотренный выше пример развития хосписного движения говорит сам за себя. Но не только в США буддизм и хосписное движение пересекаются. На сайте Первого детского хосписа Российской Федерации также представлена буддийская литература [4]. В случае Беларуси сложно говорить о влиянии буддизма на распространение хосписов, так как буддизм мало распространен в стране, как, в прочем, и хосписное движение: 3 существующих в стране хосписа покрывают потребность в паллиативной помощи не больше, чем на 10% [5].

Литература и источники

1. Устав Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf?ua=1>. – Дата доступа: 23.03.2016.
2. NHPCO Facts and Figures: Hospice Care in America [Electronic resource] // National Hospice and Palliative Care Organization. – Mode of access: http://www.nhpco.org/sites/default/files/public/Statistics_Research/2012_Facts_Figures.pdf. – Date of access: 23.03.2016.
3. Garsey-Foley, K. Buddhism, Hospice and the American Way of Dying / K. Garsey-Foley // Review of Religious Research. – 2003. – Vol. 44, iss. 4. – P. 341–353.
4. Вопросы, на которые мы не знаем ответов [Электронный ресурс] // Первый детский хоспис Российской Федерации. – Режим доступа: <http://xn-d1acjaee4aineed7b.xn-p1ai/>. – Дата доступа: 23.03.2016.
5. Белорусский детский хоспис: 20 лет помощи неизлечимо больным детям [Электронный ресурс] // Белорусский детский хоспис. – Режим доступа: <http://www.hospice.by/bdh.html>. – Дата доступа: 23.03.2016.

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

Матусевич О. А. (Минск, Беларусь)

В современном мире в условиях нарастающих темпов глобализации в силу ряда причин кросс-культурный диалог усложняется. Идея культурного обмена и взаимообогащения, мультикультурализма оказались несостоятельными. Всё больше проявляются негативные последствия глобализации в сфере культуры: унификация, вестернизация, - и как реакция на эти процессы рост шовинизма, ксенофобии и развитие культурного фундаментализма, который превращается в политическую доктрину, легитимизирующую определенный социально-культурный порядок. В

результате в современном обществе независимо от уровня развития и особенностей культурной динамики обнаруживается принципиальная неготовность вести диалог как политический, так и культурный.

В условиях обострившейся культурной конкуренции и ослабления национального компонента в формировании идентичности государства прибегли к давно проверенному инструменту влияния – исторической политике. Инструментальное использование истории для обоснования существующего социального порядка, властных притязаний, определенной позиции в межгосударственном или межэтническом конфликте существовало издавна. В последние десятилетия подобная практика приобрела доселе невиданный масштаб (во многом благодаря завоеваниям компьютерной и коммуникационной революций), приняв форму целенаправленной деятельности по созданию специальных учреждений, контролю и насыщению информационного поля с целью индоктринации населения с использованием различных трактовок событий прошлого для решения текущих политических задач.

Термин «историческая политика» появился в Германии периода Гельмута Коля и характеризовал его попытку «переформатировать» социальные представления немцев о нацистском прошлом. Однако окончательное оформление исторической политики как реальной внутри – и внешнеполитической практики связано с президентством Леха Качиньского в Польше и политической деятельностью партии «Право и справедливость». Сейчас историческая политика стала неотъемлемой составляющей внутренней и внешней политики стран, а также геополитики. Показателем пример постсоветского региона, где наблюдаются такие явления как «войны памяти», «дипломатия памяти», «экспорт вины», «конкурирующая виктимизация прошлого». Анализ практики применения исторической политики в странах бывшего соцлагеря дает основания утверждать, что проводимая властями историческая политика не только не способствует, но и разрушает кросс-культурный диалог, являясь основанием для роста межнациональной неприязни.

Основными акторами современных «войн памяти» на постсоветском пространстве являются Польша, Украина, прибалтийские государства и Россия, притом линия фронта пролегает между Российской Федерацией и остальными

ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ УНИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мащитько О. В. (Минск, Беларусь)

Межкультурный диалог как условие мирного сосуществования народов является одной из характерных черт современной эпохи. Между тем, установка на диалог зачастую выдвигается в качестве императивного

требования времени, и за рамками дискуссии остаются вопросы о том, насколько и в какой мере такой диалог возможен. В настоящей статье проблема межкультурного диалога будет рассмотрена со стороны его языковой и идеологической составляющей. Основные принципы современного межкультурного диалога соответствуют логике развития неявной идеологии в постидеологическую эпоху. Одной из ее базовых лингвистических характеристик является языковая унификация, приходящая на смену лингвистическому разделению. Унификация трактуется как приведение к единообразию, нечеткость самоидентификации, расплывчатость границ.

В самом общем смысле унификация трактуется как приведение к единообразию. Идеологическая унификация в самом общем смысле предполагает пересмотр понятия идентичности, при котором власть выступает в качестве инструмента манипуляции и «производства» сознания. На знаковом уровне это отображается в положении, согласно которому субъект – это «пустое место», содержание которого определяется символической системой. Например, в концепции Э. Лакло и Ш. Муффа идентичность является результатом дискурсивных процессов. Субъекты – позиции внутри дискурсивной структуры, а идентичность – идентификация человека с субъектной позицией в структуре дискурса [6]. Унификация, таким образом, предполагает утрату онтологического статуса субъективности. В рамках постмодернизма идеологическая унификация базируется на концепции смерти субъекта, означающей тотальную детерминированность индивида со стороны нарративных структур, превращение его в функцию текстологической реальности, его конституирование господствующими типами дискурса. Текстуализация является при этом неизбежно обладает идеологическим эффектом.

Конструирование идентичности является одной из характерных черт идеологии потребления. Связь потребления с символическим конституированием идентичности стала одной из наиболее дискуссионных тенденций в современном социогуманитарном познании. Функция потребления – создание единого общества при сохранении атомизации и стандартизации индивидуумов. Вещи как знаки играют решающую роль в формировании обыденного сознания и внедрения культурных ценностей. Данный аспект затрагивает основы понимания сущности человека. Современная система потребления подрывает веру в ядро идентичности, веру в то, что за различием оболочек скрывается единство личности.

В работе С. Жижека «Кукла и карлик» прописывается контраст между понятием «фактор икс», принадлежащем Ф. Фукуяме, и отображающем убежденность, что за внешними появлениями личности скрывается сущность, «сам человек», и экспериментом журнала «Стэрн», который эту убежденность подрывает. Ф. Фукуяма указывает на наличие некоего неуловимого «фактора икс», который отвечает за достоинство, присущее всем людям. Если стереть случайные и несущественные черты личности, остается некое важное качество человека, достойное минимального уровня

уважения. Контрастным примером является эксперимент журнала «Стерн». Эксперимент состоял в том, что журнал заплатил опустившейся паре бездомных, чтобы они позволили себя вымыть и передать в руки лучших модельеров и парикмахеров. В одном из номеров журнала были опубликованы два параллельных ряда фотографий, снятых «до» и «после». Результат шокировал тем, что уверенность в том, что за разной внешностью скрывается один и тот же человек, поколебалась. Хотя и было ясно, что мы имеем дело с одним и тем же человеком, другой казалась не только внешность. Зрители каким-то образом почувствовали другую личность за внешним обликом [2, с. 264–270]. Этот эксперимент подорвал веру в ядро идентичности, которая отвечает за наше достоинство и сохраняется, невзирая на изменения внешности. Эксперимент заставил думать, что сердцевина нашей субъективности – это пустота.

Одним из самых интересных предметов лингвистико-идеологического анализа, имеющим прямое отношение к унификации, является феномен политкорректности. В рамках идеологии политкорректности склонность к компромиссу легко оборачивается требованием отсутствия ярко выраженных ценностных предпочтений, уклонение от конфликтов, недопустимость разделения людей на нормальных и неполноценных – унификацией, пропаганда культурного плюрализма – навязыванием единой общеобязательной модели культуры, предполагающей отсутствие иерархии. А недопустимость дискриминации вообще стала притчей во языцех, поскольку совершенно явственно оборачивается диктатом со стороны меньшинств. Поэтому декларируемая терпимость сочетается с нетерпимостью по отношению тем, кто ориентирован на сохранение самотождественности. Один из примеров приводит У. Эко: «В Колумбийском университете преподавателям было предложено обратить внимание на три новых термина, которые вошли в словарь «политической корректности» (или, как все в США сокращают, ПК) и которые обозначают три вида возможного нарушения прав личности, в данном случае – студента. Вот эти термины: *mentalism*, *adultism* и *lookism*. Под «ментализмом» понимается то, что нельзя дать собеседнику понять, будто ты считаешь его умственные способности недостаточными, ибо тут будет иметь место очевидная дискриминация по уровню интеллекта. «Адальтизм» – это когда ты не должен давить своим возрастом на того, кто моложе тебя, ибо это очевидная дискриминация по дате рождения. Что же до «лукизма», который можно перевести как «внешнизм», то тут ты не должен дать собеседнику почувствовать, что ты его считаешь некрасивым, ибо это будет дискриминация по физическим данным» [5, с. 93]. В связи с этим У. Эко вполне справедливо отмечает, что есть сильный и слабый вариант непolitкорректного поведения: «Если расовая дискриминация – это когда (сильный вариант) мы берем темнокожего и вешаем его на дереве, распевая «Дикси», то и без всякой ПК каждый знает, что так поступать не следует. Но если актеру-афроамериканцу, который претендует на роль Эрика Рыжего, нельзя намекнуть, что он не очень похож на викинга, тогда эта ПК рискует

сделаться несколько навязчивой, тем более что по такой логике будет сексистской дискриминацией не утвердить Клаудию Шиффер на роль «Кинг-Конга» [5, с. 108]. Однако в отношении примера из Колумбийского университета применение «слабого» варианта политкорректности к системе обучения будет иметь достаточно странные последствия: «Если преподаватель скажет студенту, что тот ошибается, утверждая, будто прямоугольный треугольник кипит при 90 градусах или будто Джузеппе Мадзини был градостроителем, построившим множество улиц своего имени, не переступит ли он тем самым черту, не впадет ли в «ментализм»? Может, преподаватель должен сказать так: «Прошу прощения, я, кажется, плохо изложил материал; в самом деле, я недостаточно прояснил разницу между градусом по Цельсию, градусом в геометрии и градусом в алкоголе; так простите же меня, и начнем все заново; извините мне мое скудоумие...» [5, с. 38]. Как тут не вспомнить Конфуция и его утверждение, что правильность в употреблении имен – один из источников человеколюбия и гармонии. А. Кураев отмечает: «Нынешняя борьба за «терпимость» таит в себе возможность превратиться в гонение. Ведь она предусматривает принятие решительных мер против проповедников «расовой, религиозной, национальной исключительности». Поскольку «фашизмом» названа проповедь «национального и религиозного превосходства», где гарантия, что священник, в Неделю Торжества Православия произносящий слово о том, насколько богословски глубже и человечнее православное почитание иконы, нежели протестантское иконоборчество, – не будет привлечен к ответственности за «пропаганду фашизма»? А если священник скажет, что христианину нельзя ходить на уроки тантризма и на сеансы пробуждения «силы кундалини», – арестовывать, очевидно, надо будет прямо на месте?!» [3, с. 65].

В рамках идеологии посткапиталистического общества принцип унификации сегодня ярко проявляется в области полового воспитания, весьма агрессивно ориентирующего на стирание границы между «нормальным» и «ненормальным», запрещенным и приемлемым. Обращает на себя внимание, что декларации терпимости по данному вопросу не выражаются в уважении к противникам новых принципов воспитания. Например, католические и лютеранские церкви Германии подвергли жесткой критике план властей федеральной земли Баден-Вюртенберг по введению в школьную программу предмета «Разнообразие сексуальных отношений». Более 61 тыс. жителей немецкой земли Баден-Вюртемберг подписались под онлайн-петицией против появления в школах занятий, на которых будут более подробно рассказывать о гомосексуализме и о том, что не все люди подпадают под стандартную схему «мужчина и женщина». Об этом, как сообщает InoPressa.ru, говорилось в публикации германской газеты Die Zeit. Глава «Зеленых» в Баден-Вюртенберге Оливер Хильденбранд, со своей стороны, считает, что школу необходимо сделать местом «разнообразия и одобрения», а учащиеся должны уметь принимать «иные формы жизни». На противников тут же был повешен ярлык нетерпимых «транс – и гомофобов».

Против инициатора петиции, оказавшимся учителем реального училища, возбуждено уголовное дело, рассматривается вопрос о профессиональной пригодности преподавателя [5]. Обращает на себя внимание также полное игнорирование массовых протестов во Франции накануне принятия закона об однополых браках.

Обратной стороной унификации является неприятие Другого. Деление на своих и чужих – характерная черта любой идеологии, но в современных условиях это деление выходит на новый уровень. Неприятие другого приобретает неявный характер. Так, согласно С. Жижеку, неспособность оставаться безразличным к существованию Другого, удерживание Другого на надлежащей дистанции является одной из основных проблем либерального мультикультурализма. Это резко контрастирует с носителями «явных» идеологий, в качестве примера которых приводятся св. Павел, фундаменталисты, амиши. Последние как истинные верующие в священное и универсальное Дело демонстративно безразличны к местным обычаям и нравам, которые просто не имеют значения. В отличие от них, либерал – это «ироник», сохраняющий дистанцию по отношению к Другому: «Наша повседневная жизнь в эпоху позднего капитализма связана с беспрецедентным отрицанием жизненного опыта других. Мы старательно обходим бездомного, сидящего перед входом, наслаждаемся обедом, когда голодают дети, спокойно спим ночью, когда страданий не становится меньше, – атомизированная повседневность требует от нас систематического отказа от близости с другими, от нашей связи с ними (на языке господствующей культуры наша экономика состоит из индивидов, уважающих индивидуальность друг друга)» [1, с. 77].

Таким образом, языковая унификация является одним из идеологических аспектов межкультурного диалога в постсекулярной культуре. Унификация проявляется в приведении к единообразию, что реализуется в следующих тезисах:

– Первый связан с пересмотром понятия идентичности. Субъект приобретает идентичность через репрезентацию в дискурсе и тем самым субъективность утрачивает онтологический статус.

– Формирование представлений о единстве человеческой природы. На представлении о единстве человеческой природы базируется, в частности, идеология политкорректности, борьба за терпимость и толерантность.

– Конституирование идентичности в идеологии потребления. В рамках данной трактовки вещи функционируют как знаки, формируя обыденное сознание и систему культурных ценностей.

– Кроме того, унификация проявляется в сведении всех проявлений социального к единой форме, отсутствие деления на трансцендентный и имманентный уровни социума.

Литература и источники

1. Жижек, С. О насилии. – М., 2010.

2. Жижек, С. Хрупкий абсолютизм, или Почему стоит бороться за христианское наследие. – М., 2003.
3. Кураев, А.В. Вызов экуменизма. – М., 2008.
4. Терборн, Й. С плюрализмом Европа не в ладах. Сложности мультикультурализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/S-plyuralizmom-Evropa-ne-v-ladah>.
5. Эко, У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. – М., 2007.
6. Laclau, E., Hegemony and Socialist Strategy / E. Laclau, Ch. Mouffe. – London, NY, 2001.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПИОНЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОСНОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Минова М. Е. (Минск, Беларусь)

Современных пионеров разных стран объединяют общие ценности, которые способствуют их солидарности, взаимопониманию и сотрудничеству, независимо от национальной и государственной принадлежности. Пионерские организации Республики Беларусь и Российской Федерации обладают как общими, так и оригинальными ценностными ориентирами, определяющими их деятельность. Пионерские организации продолжают традиции Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина, о чем свидетельствуют их ценностные ориентиры, ритуалы и символика. Традиционными ценностными ориентирами пионерских организаций остаются законы пионеров (законы дружбы, заботы, слова, хозяина, чести и т.д.) и социально-педагогическая направленность их деятельности: ориентация на развитие и социализацию личности пионера, на социально значимую деятельность. Эти ценности являются основаниями для диалога и сотрудничества пионерских организаций.

Пионерские организации Республики Беларусь и Российской Федерации сохранили принципы организационного устройства пионерской организации СССР: пионерские отряды, дружины, самоуправление, сборы, слеты и т.д. Символическая основа пионерских организаций также свидетельствует о продолжении традиций: символами и атрибутами остаются пионерское знамя, галстук, значок, девиз, салют, горн, барабан и т.д. Сохранились и пионерские ритуалы: торжественное обещание, прием в пионеры, пионерский костер, пионерские линейки, песни, игры «Зарница», «Пионербол» и т.д. Вышеназванные традиции пионерии свойственны современным пионерским организациям Республики Беларусь и Российской Федерации, что свидетельствует об общности их ценностей и принципов деятельности.

Вместе с тем, существуют и определенные различия в ориентирах и организационном устройстве пионерских организаций Республики Беларусь и Российской Федерации. Пионерское движение Республики Беларусь

представлено Общественным объединением «Белорусская республиканская пионерская организация» (БРПО), которое ориентируется на ценности личностного развития, гражданского становления, самодеятельности, самоуправления пионеров. Эти ценности находят свое выражение в целях и задачах, программах БРПО. Цель БРПО – помочь каждому пионеру стать Гражданином, своими делами и поступками приносить пользу себе, своей семье, Родине. Основными формами деятельности пионерских объединений являются коллективные творческие дела, направленные на развитие пионеров, улучшение и преобразование общества, окружающего мира, реализуемые через программы («Гражданин страны Пионерия», «Детский орден милосердия», «Игра – дело серьезное», «Октябрята», «Свой голос», «Семь Я», «Спадчына»).

БРПО является самой многочисленной детской организацией в Республике Беларусь. Пионерские дружины созданы во всех учреждениях образования, в которых обучаются дети и подростки. Педагогическую поддержку пионерским организациям оказывают педагоги-организаторы учреждений образования.

Пионерские дружины и отряды, являясь структурными подразделениями БРПО, обладают организационно-деятельностной самостоятельностью, позволяющей им вырабатывать собственную программу деятельности, не противоречащую уставу и программам БРПО, самостоятельно определять свою структуру, место базирования, методы и формы деятельности, органы самоуправления, лидеров, ритуалы, атрибуты и т.д.

В Республике Беларусь действует принцип преемственности участия детей, подростков, молодых людей в детских и молодежных общественных объединениях. Младшие школьники (в возрасте от 7 до 10 лет) могут стать членами детского объединения «октябрята», входящего в состав БРПО. Дети и подростки (в возрасте от 10 до 14 лет и старше) становятся пионерами. Подростки и молодые люди (в возрасте от 14 до 31 года) могут вступить в Белорусский республиканский союз молодежи (БРСМ). БРПО и БРСМ придерживаются общих ориентиров (гражданственность и патриотизм, личностное развитие и самореализация, социально значимая деятельность и т.д.) и реализуют совместные программы для детей, подростков, молодежи.

Таким образом, пионерское движение Республики Беларусь продолжает традиции Всесоюзной пионерской организации, но в то же время обладает собственными ценностными ориентирами и организационными принципами. Ориентация на личностное развитие, самоуправление и самодеятельность пионеров, неполитический характер целей и программ Белорусской республиканской пионерской организации позволяют ей не только привлекать к совместной деятельности большое количество детей и подростков, содействовать развитию и реализации их личностного потенциала, но и оказывать посильную помощь обществу и государству.

Современное пионерское движение Российской Федерации представлено широким спектром международных, общероссийских

(федеральных), межрегиональных и региональных пионерских организаций и объединений. Так, например, правопреемником Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина является Союз пионерских организаций – Федерация детских организаций (СПО-ФДО), который обладает статусом международного союза. Целями СПО-ФДО являются: помогать ребенку познавать и улучшать окружающий мир, развивать свои способности, стать достойным гражданином своей страны и мирового демократического сообщества; развивать детское движение гуманистической направленности в интересах детей и общества, укреплять межнациональные и международные связи, оказывать всестороннюю помощь и поддержку членам СПО-ФДО; способствовать включению членов детских объединений в реальные социально значимые отношения.

Ценностными ориентирами и принципами деятельности СПО-ФДО являются: приоритет интересов ребенка, забота о его развитии и соблюдении его прав; открытость для сотрудничества во имя детей; взаимосвязь педагогического управления и детского самоуправления; уважение мировоззрений, религиозных верований и национальной самобытности детей.

СПО-ФДО объединяет пионерские организации России и других стран, обладающие разнообразным юридическим статусом, организационно-деятельностной самостоятельностью. Эти организации имеют собственные уставные документы, цели и задачи, принципы организационного устройства, органы самоуправления, реализуют различные программы и проекты.

Пионерское движение Российской Федерации объединяет Московскую городскую пионерскую организацию, республиканскую организацию «Пионеры Башкортостана», Алтайский Союз детских и пионерских организаций, Ивановскую областную пионерскую организацию, Тульскую областную пионерскую организацию, Курский Союз детских пионерских организаций, Союзы пионерских организаций Калужской области, Тамбовской области и других субъектов Российской Федерации и т.д [1, с. 412–413]. Названия пионерских организаций России свидетельствуют об их статусе союзов, объединяющих разнообразные самодеятельные пионерские объединения.

Многие из российских пионерских организаций обладают ценностными ориентирами, обусловленными культурными и национальными ценностями жителей того или иного региона России, находящими отражение в программах деятельности, а также оригинальными традициями, ритуалами и символами.

Пионерские организации функционируют далеко не во всех учреждениях образования, а их руководители не всегда являются педагогами. Численность пионерских организаций в значительной степени зависит от места базирования и региона. В одних регионах пионерское движение носит массовый характер (например, «Пионеры Башкортостана», Алтайский и Курский Союзы детских и пионерских организаций объединяют более 90%

детей и подростков), в других – нет [1, с. 412]. Принцип преемственности (октябрята – пионеры) не является общепринятым для пионерских организаций Российской Федерации.

Таким образом, пионерское движение России объединяет разнообразные по статусу, принципам деятельности пионерские организации, которые могут входить в состав СПО-ФДО или являться независимыми объединениями. Пионерские организации России обладают как общими, так и оригинальными ценностными ориентирами, обусловленными традициями и особенностями менталитета населения того или иного субъекта Российской Федерации.

На основании вышесказанного можно прийти к следующим выводам. Пионерские организации Республики Беларусь и Российской Федерации обладают общими ценностными ориентирами, которые свидетельствуют об их следовании традициям пионерского движения, и оригинальными ценностями, обусловленными их национальной и государственной принадлежностью, статусом, условиями функционирования [2]. Ценностные ориентиры и традиции пионерского движения положены в основу межкультурного диалога и сотрудничества пионерских организаций Республики Беларусь и Российской Федерации в процессе воспитания и социализации подрастающего поколения.

Литература и источники

1. Возжаева, Е.И., Коршунова, О.С. Общая картина детского движения в современной России / Е.И. Возжаева, О.С. Коршунова // Социокинетика. Лидерство в детском движении: время и ценности. – М., 2004. – С. 405–442.
2. Минова, М.Е. Педагогика детского и молодежного движения: учеб.-метод. пособие. – Минск, 2013.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Мушинский Н. И. (Минск, Беларусь)

Проблема справедливости в современных условиях приобретает особое значение. Общеизвестно, что глобальные риски новейшего времени имеют техногенный характер, являются побочным результатом технократического развития. Это не только загрязнение окружающей природной среды отходами промышленного производства или глобальное потепление климата как следствие неупорядоченного выброса парниковых газов в атмосферу (По этому поводу мировое сообщество всё ещё не смогло окончательно выработать конструктивное решение, поскольку отсутствуют универсальные общечеловеческие критерии справедливости: промышленно развитые страны, как более сильные в экономическом и военно-политическом отношении, не желают брать на себя пропорциональную квоту ограничений вредных выбросов; это в очередной раз показал Парижский саммит 2015–

2016 гг.). Помимо экологии, техногенный характер носит глобальная конфронтация, которая с XIX в. принимает всё новые формы: создание и распад колониальной системы, социальные революции в ряде стран, мировые войны и ракетно-ядерное противостояние в эпоху «холодной войны», локальные конфликты и появление практики международного терроризма, гибридные войны, «арабская весна», миграционный кризис в Западной Европе и т.п.

Как только технократическая цивилизация западноевропейского типа настолько развила средства коммуникации (транспорта и связи), что сделала устойчивым взаимодействие с отдалёнными территориями планеты, она тотчас обратила на них свой агрессивный потенциал, который сформировался на протяжении многих столетий в бескомпромиссной борьбе с окружающей враждебной природной средой. Западная цивилизация со времён античности зарождалась в неблагоприятных природных условиях (в отличие от более ранних цивилизаций Древнего Востока, связанных с ирригационным земледелием в бассейнах «великих рек»). Поэтому она изначально ориентировалась на прогресс науки и техники, постоянно увеличивая масштаб своего агрессивного воздействия на окружающую природу и на другого человека. В эпоху промышленного переворота западная технократическая цивилизация приобрела глобальные характеристики, при этом закономерно столкнулась с техногенными проблемами современности.

На рубеже третьего тысячелетия отношения Запада и Востока обострились настолько, что это иногда позволяет говорить о ситуации конфликта цивилизаций (последний пример – террористические акты 22 марта 2016 г. в Брюсселе, ответственность за которые приняла на себя экстремистская организация ИГИЛ). Обычно антитеза Запада и Востока трактуется как противоположность научного рационализма и религиозного, преимущественно исламского, фанатизма, демократии и восточной деспотии, свободы и авторитаризма.

Однако не следует забывать, что исторически все человеческие сообщества проходят сходные стадии развития: после распада первобытного строя – это свободные объединения в рамках земледельческой соседской общины. Только на цивилизационном этапе намечается различие: Восток в благоприятных природных условиях, используя водные ресурсы «великих рек», переходит к оросительному земледелию и застывает на достигнутом уровне на многие тысячелетия (отсюда важная роль централизованного государства и религиозного мировосприятия, как объединительной духовной силы); Запад – в менее благоприятных условиях окружающей среды вынужден ориентироваться на технический прогресс, развитие ремёсел и торговли (отсюда полисная демократия, рационализм, рыночные отношения и свободная конкуренция). Отсюда также присущий западному дискурсу страх перед окружающей враждебной природой, стремление подчинять, покорять её с помощью науки и техники, которое неизбежно переносится на «Другого» человека (в том числе восточного, менее развитого в

технологическом отношении, которого в рамках колониальной системы тоже начинают рассматривать как один из полезных природных ресурсов). Подобное агрессивное отношение к внешнему миру, закрепившееся на протяжении многих столетий, служит истинной причиной глобальных рисков современности, неспособности «золотого миллиарда» представителей западного социума к выработке универсальных общечеловеческих критериев справедливости как основы равноправного взаимовыгодного сотрудничества.

Между тем, Восток тоже далеко небесполезен в общечеловеческом смысле, поскольку уже задолго до появления западной технократической цивилизации он вёл обособленное, экологически самодостаточное существование в гармонии с окружающей природной средой (когда ежегодные разливы «великих рек» приносят плодородную почву на поля, обновляют их питательные ресурсы), он способен в современных условиях послужить назидательным примером для всего человечества. Можно предположить, что в эпоху глобального техногенного кризиса спасительным явился бы конструктивный диалог культур Запада и Востока на основе универсальных общезначимых принципов справедливости.

Компаративистский анализ утверждает, что подобный диалог вполне возможен, между Западом и Востоком существуют черты сходства, гораздо более значимые, чем сиюминутные конъюнктурные факторы различия. Восток вполне восприимчив к научно-рационалистическому стилю мышления; достаточно вспомнить изобретённые ещё в Древнем Китае, Индии, Египте, Месопотамии первые системы письменности, календаря, геометрии, арифметики, связанные с необходимостью упорядоченного в масштабе централизованного государства проведения сельскохозяйственных работ; управления объединёнными трудовыми ресурсами и т.п. Можно также упомянуть созданную арабами, в эпоху средневековья водившими караваны по Великому шёлковому пути, оригинальную и эффективную систему цифровых обозначений – «алгебру» (само слово взято из арабского языка, как и названия многих созвездий), астрономию (обсерватория Улугбека в Самарканде), медицину («Канон врачебной науки» Авиценны), труды арабоязычных комментаторов аристотелевского наследия. Эти примеры наглядно показывают, что восточное мировоззрение отнюдь не исчерпывается религиозной мистикой исламизма, восточный человек вполне восприимчив к современному научному знанию и способен успешно ассимилироваться в западном обществе в условиях крупномасштабных миграций населения. Более того, подобные миграции вовсе не являются сущностно необходимыми в случае налаживания подлинного конструктивного диалога культур, выравнивания уровня и образа жизни в глобальном измерении на основе принципов справедливости.

Можно отметить, что в условиях обострения техногенных проблем Запад постепенно приобретает некоторые восточные черты. Он вынужден уходить от хаоса свободной конкуренции, упорядочивать природопользование, усиливать государственный контроль за многими сторонами общественной жизни, создавать единую систему противодействия

террористической угрозе и т.п. На это направлена деятельность ООН, ЮНЕСКО, Интерпола, других международных организаций; к этому процессу относятся далеко ещё не завершившиеся попытки создания Единой Европы (куда тяготеют Турция и другие восточные страны). Актуальным примером реализации объединительных тенденций на основе взаимовыгодного сотрудничества и реализации принципов справедливости является становление Евразийского пространства диалога России, Казахстана, Армении, Кыргызстана и Республики Беларусь.

THE MEANING OF E-CULTURE IN THE FIELD OF HUMAN VALUES: PHILOSOPHIC AND ANTHROPOLOGY CONTEXT

Nikitenko V. (Запорожье, Украина)

The meaning of e-culture of and its importance in the formation of spiritual and moral values of the modern information society are in the very field of philosophical anthropology investigation. The results, which have already been made show the complexity and diversity of the concept of e-culture and information society, suggest a need to manage the integration of e-culture in the process of spiritual development of society and its values in modern transformations. The study is actual due to the fact that in recent years the problem of information society has become one of the central in the anthropological, cultural, philosophical, political and sociological debates [1, p. 17]. After creating the «second nature» – the world of things, which modern man has created appeared the «third nature» – the virtual world of phenomena, which is a kind of synthesis of world consciousness and high information technologies. The paradox is that modern man exists in two geopolitical dimensions: one, a virtual – is his true value, the second – physically real – in terms of evaluative tool, a cover that is losing a value. Such phenomena as interpersonal communication, education, creativity, art and entertainment pass into the field of e-culture. Virtual Culture is not only an intermediary between man and the world, but also is the reality that changes consciousness, perception of reality, the nature of man. It is advisable to remember that in the humanities and philosophy interest in the concept of «information», as we know, led to the formation of the theory of the «information society» (John Bell, A. Toffler, S. Bzezhytsky, M. Castells etc.). Prediction of civilization towards the information society in many ways turned out to be justified, and this is another indication that it is a philosophical anthropology and philosophy of culture show strategy for social changes, directing the efforts of society to the most important channels of forming a target set by synthesizing «Megatrend» of the future. In the context of the theory of information under the information society we mean intelligent and high-tech product in the form of information, data, applications, systems, which are created by most members of society, who became the subject of economic relations and a source of social development. The existence and development of the society in the new information

environment have never been set so actually than now. It should point to a number of reasons. First, since the late nineties Ukrainian society begins to integrate into European culture with its mentality. Enforcement of our society has undergone various frames of communication, behavior and ethics. Secondly, as the whole world, Ukraine has entered the era of post-industrial development, the era of nanotechnology. Twenty years ago it was difficult to suggest the possibility of mutual communication through cellular. Today, millions of people use smart phones, PDA phones and other portable devices to share information. Information technology has integrated in almost all areas of social life. Today, accesses to Internet resources have the vast majority of people. Extraordinary advances in science have given impetus to the development of medicine, energy, optoelectronics and other vital field of human existence. But now much attention is paid to the sphere of society as spiritual aspects. Development of virtual space spawned such phenomenon as «electronic culture» in the spiritual realm that has gained importance and urgency. Electronic culture (Digital Culture, E-culture) should be considered a sphere of human activity that is associated with the creation of electronic copies of spiritual and material objects, including art, science, literature, cinema, etc. Electronic displays creative culture decision simulated electronically using computer techniques. It is a part of traditional culture that has arisen because of the development of information technology, with an excellent understanding of classical technique create works, which include network art in virtual reality reconstruction, new interactive works, sightseeing simulators, remote training and so on. Art, converted to a digital copy also become carriers of electronic culture. Perceiving the concept of «electronic culture» in a broad sense it should described as a medium enrichment of society. Training and education of cultural values is different from the traditional understanding, due to the peculiarities of the exchange of information in the virtual sphere. At the present stage the concept of electronic culture is complex and diverse phenomenon which combines the full range of interactive attributes mixed into a single virtual environment, which is a computer alternative reality. There are many perspectives on the impact of e-culture in the spiritual world society [2, p. 65]. They reflect different facets of the impact on users of the global information web. Creating an electronic culture as a special protection in the information society is a natural character and due, above all, to the development of information technology and the globalization of their application. Gradually, e-culture has grown from the state information portal to an independent virtual sphere in the global information environment of the Internet. A large number of different sites in the network, gather around purpose community users learn various aspects of science, art, social ties create an active environment of interest to study the adoption of a model of relations and the exchange of ideas and emotions [3, p. 178]. Despite this, the main task of virtual cultural environment of today is to provide the necessary information in the informational impact. The data provided by users, which may be textual, graphic, audio etc. The influence of electronic culture in the global information network can be divided into two components: providing information and active influence. The first section includes various kinds of information

portals, enabling the user to get the fullest information he needs. And the process of cultural development of the individual can acquire a secondary character. E-culture activities include the impact of online sites that provide virtual communication such as social networks, blogs and online forums. The fundamental difference from encyclopedic portals is here in opportunity to share information with real users or bots, to have virtual dialogues and discussions on a given topic. And as users began to receive more emotions over the Internet than in real life, there are increasingly replacing of a real communication by virtual. So there is a new kind of social pathology, such as Internet addiction. In summary, I would say that despite its dual nature, e-culture is a positive step in the development of modern society, and above all, its spiritual component. This is manifested in the process of man's knowledge of Ukrainian cultural heritage of centuries of history and research experience of previous generations have become more accessible and convenient, and we can have expanded opportunities. But we should not forget about negative effects of the virtual on humans that make us think about the degree of involvement of e-culture in the process of moral education of the individual. And you must not forget the need to manage virtual space and its control.

Bibliography

1. Voronkova V.G. The philosophy of globalization: sotsioantropological, socioeconomic and sociocultural dimensions. – Zaporozhye, 2010.
2. Social study Encyclopedic Dictionary. In Russian, English, German, French and Check languages. – M., 1998.
3. Chumakov A.N. Globalization. The counters of the whole world: monograph. – M., 2011.
4. Hartyya of Earth // Safety of EuroAsia. – 2001. – №2.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ

Никитёнок Н. М., Старовойтова Е. А. (Минск, Беларусь)

XXI век назван веком информационных технологий. Еще несколько десятилетий назад современные технологии казались чем-то фантастическим и очень далеким. Однако с развитием мобильной связи и появлением Интернета перед человеком открылись новые возможности и достижения техники быстро стали частью нашей повседневной жизни, постепенно становясь тоньше, удобнее и даже «умнее». Мобильные телефоны, ноутбуки, планшеты и прочее оснащение имеют разные функции: от калькулятора и видеосвязи до создания 3D-реальности и отслеживания биоритмов.

Увлечённость Интернетом и мобильными приложениями стала уже характеристикой молодого поколения. Никого не удивляет совсем юный школьник, умело пользующийся мобильным телефоном или планшетом. Родителей и учителей пугает тот факт, что современные дети и подростки столько времени проводят в играх и Интернете, порой забывая про уроки и

сон. Ведь в таком возрасте очень важно получать образование и развиваться. Несмотря на то, что Глобальная сеть полна образовательных порталов, где можно делать домашнее задание, найти пропущенный школьный материал или учить языки, особый интерес школьников они не вызывают. Согласно данным сайта популярной антивирусной программы «ESETNOD32»: «Больше половины школьников проводят в Интернете буквально круглые сутки. Это выяснила международная антивирусная компания ESET (Словакия) в ходе опроса российских пользователей» [2]. Эта цифра вызывает беспокойство, ведь чрезмерное увлечение социальными сетями, онлайн-играми и развлекательными порталами не только негативно сказывается на образовании ребёнка, но и может нести в себе информационные угрозы: распространение персональных данных несовершеннолетних, кибербуллинг, кибермошенничество и др. В связи с этим некоторые родители запрещают школьникам и вовсе пользоваться Интернетом. Однако это не может быть эффективным решением проблемы на сегодняшний день. Сейчас скорее стоит задача научить подрастающее поколение смотреть на свои мобильные телефоны, компьютеры и планшеты не только как на развлечение, а помочь им увидеть в этом хорошую возможность для самообразования и саморазвития.

Для решения этой проблемы мы предлагаем проект образовательно-развлекательной платформы «Семь пятей», включающее в себя сайт и мобильное приложение. Целевая аудитория: учащиеся 6–11 классов общеобразовательных учреждений. Пользователям будет предложено решать задания различной сложности, в соответствии с их возрастом (учебным классом) в рамках нескольких блоков дисциплин: Естественный (биология, химия, география), Точный (математика, физика, информатика), Языковой (английский, русский и белорусский языки и литература), Гуманитарный (история, обществоведение), Прикладной (основы безопасности жизнедеятельности, правовые основы) и «Мая Беларусь» (знания об истории, культуре, географии Республики Беларусь). Задания будут основываться на знаниях из школьной программы, позволят повторять пройденный материал, а также будут затрагивать тематику права, здорового образа жизни и знаний о Республике Беларусь: культура, история, достижения. В соответствии с результатами, учащимся будет предоставлена информация о более или менее успешно усвоенных предметах, темах, нуждающихся в повторении, а также области интересов. Эта информация будет доступна родителям на сайте проекта, где они смогут увидеть склонность своего ребёнка к определенным дисциплинам и помочь в усвоении имеющихся пробелов в знаниях. Кроме того, родителям и детям будет предложена возможность определения склонности интересов ребёнка к той либо иной области деятельности, а также услуги профинформирования, профконсультирования и профориентации. Тем самым приложение будет способствовать профессиональному становлению будущих выпускников, ведь на этом отрезке жизни идёт старт профессионального становления: «Началом данного процесса является зарождение профессионально-ориентированных

интересов и склонностей у детей под влиянием родственников, учителей, сюжетно-ролевых игр и учебных предметов (0–12 лет). Затем следует формирование профессиональных намерений, которое завершается осознанным, желанным, а иногда и вынужденным выбором профессии» [2, с. 120]. Для создания мотивации и интереса к программе задания будут иметь умеренную сложность и актуальность, приложение будет простым в использовании, а также будет введена рейтинговая система, в соответствии с которой за выполнение каждой серии заданий пользователю будет начисляться определенное количество баллов, которые не только будут отображать его место в общем рейтинге, но и будут давать возможность выиграть призы, получить скидки на дополнительные услуги и возможности приложения. Параллельно будет проходить организация тематических конкурсов и мероприятий, направленных на развитие творческой инициативы и получения новых знаний.

Таким образом, создание образовательно-развлекательной платформы «Семь пядей» имеет следующие задачи: помощь школьникам в освоении общих знаний школьной программы, пропаганда культурно-исторических ценностей Республики Беларусь, распространение знаний о безопасной жизнедеятельности и праве, содействие профессиональному становлению будущих выпускников, научение использованию возможностей современных технологий в образовательном контексте.

Литература и источники

1. Толчек, В.А. Современная психология труда. – СПб, 2010.
2. ESETNOD 32 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.esetnod32.ru/company/press/center/boleee-50-shkolnikov-zhivut-v-seti-kruglosutochno>.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ – КОМПРОМИСС РАЗНООБРАЗИЯ

Постол Е. Е. (Запорожье, Украина)

Современное состояние человечества противоречиво и драматично. С одной стороны, впечатляют достижения в области генной инженерии, био – и нанотехнологий, ядерной энергетике, телекоммуникационных и информационных технологиях, освоении космоса и т.д., а с другой, настораживают и даже пугают последствия этого вмешательства человека для природной и социальной среды. Не менее впечатляющими являются социально-политические, экономические и культурные трансформации, которые являются составляющими процесса постмодерной глобализации. Наложение процессов постмодернизации, как перехода от ценностей индустриального общества к ценностям общества постиндустриального, и глобализации, как процесса интеграции обществ в планетарном масштабе на принципах унификации общественных ценностей и культурных норм, а также интеграции национальных экономик в мировую на неолиберальной

основе, и формирования мирового правительства, ставшего возможным благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий, дало эффект силлогизма.

Постмодерная глобализация является неотвратимым исторически обусловленным процессом, который определяет настоящее и будущее развитие общества. Переход от Модерна к Постмодерну имеет аксиологическую природу. Надлом ценностной системы Модерна обусловил разрушение евроцентричной картины мира и формирование глобального полицентризма, а модернистская вера в разум уступила место интерпретативному мышлению. В таких условиях «вечные ценности» образуют препятствия для творческой реализации, системные и согласованные концепции диссонируют с современной действительностью и их заменяет дискурс, а какие-либо проявления порядка подлежат деконструкции.

Таким образом, произошел сдвиг от ценностей материалистических, ориентированных на экономическую и физическую безопасность, к постматериальным, направленным на индивидуальное самовыражение, индивидуальный выбор и качество жизни. Становление постматериализма является одним из аспектов масштабных культурных изменений в политической сфере, религиозных взглядах, гендерных и сексуальных отношениях, которые формируют постмодернистский вектор развития социума, в рамках которого объединяющей общество основой уже не могут выступать классы или идеология. Политику идеологий в современном информационном (сетевом) обществе (М. Кастельс) вытесняет «власть идентичности», или, согласно Ч. Тейлору, политика признания (в защиту идентичностей) и мультикультурализма. Культура, таким образом, становится главным критерием социальных различий, а традиционные институты объединения людей (профсоюзы, государство) утрачивают легитимность – им на смену приходят общественные организации, партии, этнические группы, группы по интересам, творческие и профессиональные союзы и другие институты гражданского общества.

Следует отметить, что общество, как сложный социальный организм, в котором взаимодействуют различные культурные практики, может воспроизводиться и развиваться только в условиях взаимодействия его составляющих на принципах равенства и толерантности. Поэтому мультикультурное сознание – это диалогичное сознание, которое формируется в рамках системы «свой-чужой» или через выстраивание защитного механизма от негативного (угрожающего) воздействия других культур, или путем «обогащения» своей культурной матрицы элементами чужой при сохранении собственной идентичности.

При этом следует учитывать, что мультикультурализм следует рассматривать в двух аспектах – культурном и политическом. Эффективность политики мультикультурализма определяется диалогом культур, то есть потенциалом толерантности у представителей разных культур, готовностью к компромиссам, образованностью, склонностью к

различным формам дискриминации, наличием механизмов (организационных, институциональных, нормативных, правовых, культурных и социальных) взаимодействия, адаптации или ассимиляции. Разные страны формируют разные модели политики мультикультурализма в зависимости от конкретно-исторических условий и обстоятельств (различные типы миграции, развитие диаспор, демографические факторы, ментальные барьеры и культурные традиции и стереотипы, социально-экономические условия, географический фактор).

Соответственно, выделяют, например, канадскую модель мультикультурализма («интеграция без ассимиляции» или «мозаичная»), мультикультурную модель Европы (взаимодействия коренной культуры и культуры иммигрантов), российская модель (геополитическая), американская (полиэтническая, эклектическая) и др. Следует отметить, что увеличение миграционных потоков в последние десятилетия в страны Запада, вследствие кризисных явлений в экономике, социально-политической сфере, военно-политических конфликтов культурного, религиозного или территориального характера породили дискуссии о крахе мультикультурализма, а также признание лидерами ведущих стран Европы несостоятельности их мультикультурной политики. Причиной этому послужило устойчивое мнение европейцев о связи роста преступности с иммигрантами, исповедующими ислам и, как результат, – стремительный рост поддержки крайних правых политических партий, выступающих за «Европу – для европейцев».

Однако, в условиях глобализации как процесса интеграции и унификации, и в то же время развития постмодерного общества, как общества фрагментарного, состоящего из множества идентичностей, отражающих культурное многообразие, альтернативы мультикультурализму нет. Поэтому на повестке дня – разработка эффективных механизмов диалога культур.

ПРОБЛЕМА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИНТЕРКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Продан Т. П. (Львов, Украина)

Современный дискурс прав человека связан рядом факторов присущих исключительно второй половине XX ст. Глобальное информационное пространство с одной стороны расширяет сознание конкретного человека, создает условия для интеркультурного диалога, с другой стороны бросает человека в пучину сумасшедшего потока информации, искажая реальность, посредством репортерского объектива. Статус традиционных ценностей, взаимоотношения между государством и гражданином обретают новые формы и значения. Все острее ощущается проблема согласования принципов универсализма и самобытности каждым конкретным человеком. Сознание человека становится целью и одновременно мишенью в условиях

информационной войны, террористических атак и борьбе за энергетические ресурсы. Идея прав человека, его достоинство и свобода стали инструментами манипуляции в геополитической гонке за влияние.

Давая определение постиндустриальной информационной эпохе в состоянии постмодерна, Ж.-Ф. Лиотар указал на новую перспективу и значение знания, которое перестало быть самоцелью, но становится самой значимой ставкой в мировой борьбе за власть. «Также как национальные государства боролись за освоение территорий, а затем за распоряжение и эксплуатацию сырьевых ресурсов и дешевой рабочей силы, надо полагать, они будут бороться в будущем за освоение информации» [1, с. 20]. Современные информационные войны передовых мировых каналов тому доказательства. В информационную эпоху жесткое давление заменила гибкая манипуляция взглядами СМИ, которые в качестве информационного ресурса становятся новым видом оружия, поражая не тело, но сознание.

Отказываясь от идеологических, иерархических систем с утвержденной системой ценностей и моральными ориентирами, человек в современном мире сталкивается с вызовом – быть ответственным и решительным в собственных действиях без ссылки на авторитеты, которые в современной культуре отсутствуют. Для одних – свобода выбора, сама возможность выбора – это благо и условие существования, для других – это ловушка, утрата ориентиров для поиска своего места в обществе. Утверждение Ж.П. Сартра, что человек сначала существует, а потом определяется, становится непосильной ношей для большинства людей. Поэтому для человека, как никогда, актуален вопрос идентичности. В мире «великих систем», центральная власть регламентировала стандарты, согласно которым происходила самоидентификация. Идентичность задавалась человеку снаружи, со стороны централизованного государства. Постмодерн откинул какие-либо культурные и морально-этические стандарты, сломал централизованный стержень. Человек оказался наедине в поисках собственной идентичности, в состоянии неопределенности и постоянной динамике.

Отметим, что люди сознательно отказываются принимать участие в общественной жизни. Ч. Тейлор называет «три болезни» современного общества: потеря смысла и нивелирование моральных горизонтов, инструментальное мышление, потеря свободы [2, с. 7–14]. Индивидуализм, как обратная сторона демократии, концентрируясь на личной жизни, приводит к утрате сопричастности с обществом. Инструментальное мышление и «расколдовывание» мира причастны к утрате обществом сакральной структуры, которая воплощается или определенным порядком вещей, или волей Бога. Инструментальное мышление как определенный тип рациональности приводит к тому, что успех измеряется эффективностью, самым лучшим соотношением между расходами и результатом. При этом люди теряют свое значение в цепочке бытия, становятся инструментами или сырьем. Третья болезнь согласно Ч. Тейлору является следствием двух первых – индивидуализма и инструментального мышления. Это может стать

угрозой новой формы деспотизма. Оставаясь один на один с бюрократическим государственным аппаратом, гражданин не способен существенно повлиять на процесс, или достичь исполнения своих требований, или учета его мнения. По словам Ч. Тейлора, под угрозу попадает наше достоинство как граждан [2, с. 14]. Цель, которую преследовали интеллектуалы эпохи Просвещения, свободно распоряжаться собственным умом и волей, и которая воплотилась только во второй половине XX ст., оказалась не под силу широким массам. Особенно остро это ощутило на постсоветском пространстве.

Национальные государства, возникшие после распада СССР, столкнулись с проблемой – каким образом развивать национальную политику внутри государства, когда гражданами являются представители не только одного этноса. Нация на постсоветском пространстве это скорее гражданский союз, чем этническое сообщество. Универсализм, воплощенный в понятии «гражданин» и культурное разнообразие внутри государств, которые являются правовыми скорее по декларации, чем по факту, становятся почвой для межгосударственных конфликтов. Такие конфликты ведутся под прикрытием гуманных целей – свободы и прав человека, нарушая при этом законы международного права, применяя антигуманные способы их разрешения. В этом контексте возрастает роль гражданского общества как медиатора между волеизъявлением граждан и государством как единственно легитимным обладателем силы принуждения. Когда диалог не происходит, тогда моральное обоснование требования становится более веским аргументом, чем позитивный закон государственного права, со всеми вытекающими последствиями.

Анализируя глобализацию как историческую трансформацию в контексте политико-экономических систем, У. Бек отмечает уменьшение роли национальных государств, в то время как сверхнациональные образования и мировая общественность обретают больший авторитет и становятся полноправными «актерами» на мировой арене [3, с. 38]. Глобальное гражданское общество, в качестве нового актора, ведет собственную метаигру – обеспечение прав человека. С одной стороны субъекты, чьи права нарушаются в собственной стране, имеют возможность донести это мировой общественности воплощенной в негосударственных организациях. С другой стороны, глобальная политика обеспечения прав человека легитимизирует вмешательство во внутренние дела государства и появление «военного гуманизма» [3, с. 114–115]. Главной причиной военного вмешательства не угроза собственной стране, а угроза гражданскому населению в другой стране и угроза мира во всем мире. Глобальная политика прав человека провоцирует столкновение цивилизаций, поскольку становится моральным обоснованием священной миссии войны. Создается внутреннее противоречие, ради утверждения и распространения принципа прав человека в глобальном пространстве, права человека становятся инструментом глобальной политики, а сама идея прав человека морально нивелируется.

Универсализм идеи прав человека часто поддается сомнению в контексте взаимодействия разных культур. В данном случае права человека воспринимаются как феномен исключительно западной цивилизации, и рассматривается критиками как способ продолжения политики культурного империализма или угроза культурной самобытности. Уместно упомянуть мнение О. Гьёффе, в качестве ответа на подобную критику, что проблема не в культурном империализме или культурной агрессии, а отождествлении универсальности с униформностью. Философ акцентирует внимание на том, что права человека по своей сути предназначены для интеркультурного диалога, поскольку не ограничиваются полом, расой, происхождением и т.д. Угроза «культурного империализма» не со стороны универсальных правовых принципов, а скорее в экспорте моделей поведения, продиктованных обществом потребления [4, с. 48]. Когда утверждается универсализм прав человека, речь идет не о том, что конкретное содержание какого либо права является универсальным для всех, а про универсальность как принцип. Универсальность как принцип означает уважение выбора другого, при условии, что выбор был совершен самостоятельно, без внешнего вмешательства.

Дискуссия про права человека в контексте культурного релятивизма должна проходить с позиции смысла этой дискуссии. Главный вопрос заключается в том, ради чего ведется дискуссия, какая ее цель. Ответом является гуманитарная цель сохранения мира. Такая дискуссия должна принимать форму диалога, а не поучения и насильственного принуждения. Любое толкование концепта прав человека как единственно возможного в контексте межкультурного взаимодействия не имеет ничего общего с универсальным принципом прав человека. В таком случае речь идет не об отстаивании прав человека, а об идеологическом манипулировании идеи прав человека.

Литература и источники

1. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна. – М.; СПб, 1988.
2. Тейлор, Ч. Этика автентичності. – К., 2013.
3. Бек, У. Влада і контрвлада у добу глобалізації. – К., 2011.
4. Гьёффе, О. Розум и право. Складові інтеркультурного правового дискурсу. – К., 2003.

ИНКУЛЬТУРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Рудёнок З. Г., Струнина Н. Н. (Полоцк, Беларусь)

Определяя место современного человека в информационном поле, нельзя не обратиться к проблеме культурной антропологии, в частности, к взаимоотношениям индивида и культуры. Эта проблема также актуальна и для психологии. Эту взаимосвязь мы можем проследить через конструкт

«культурная компетентность». Категория культуры является одной из основных в философии и культурологии, но при этом понятие культурной компетентности стало актуальным и в современной психологии.

Одной из тенденций современного развития культуры является глобализация, характерной чертой которой является сближение различных типов культур. Этот процесс не является механическим. Гармоничным он будет в том случае, если не повлечет за собой замедление культурного прогресса.

Мы сейчас наблюдаем интегративное разнообразие культур. Культуры активно взаимодействуют друг с другом, и, как следствие, межкультурная компетентность рассматривается в большей степени через культурную компетентность. По мнению В.А. Янчука, данный конструкт не должен использоваться для описания владения содержанием другой культуры, но рассматривается в аспекте владения содержанием собственной культуры. Культура не является монолитной, она многогранна, имеет сложный составной характер. Преломляясь через мировосприятие каждого конкретного индивида, она становится уникальной, обретая субъективность, и в таком виде транслируется обществу [1, с. 64].

Современная психология предпринимает попытки решить вопрос о возможности влияния на формирование и усвоение содержания собственной культуры. Это становится возможным через аутентичное владение понятием культурной компетентности. Индивид овладевает культурной компетентностью как стихийно, так и в процессе обучения, который будет предполагать инкультурацию личности, т.е. обучение должной культурной компетентности.

В принципе инкультурация индивида в процессе воспитания и общего обучения формирует его в качестве «продукта» культуры данного сообщества, закладывает в его сознание оценочные и поведенческие стереотипы и навыки, культурные образцы в уже готовом к «употреблению» виде, а также воспитывает в нем «потребителя» культуры, обученного получать, использовать и интерпретировать эти культурные образцы в русле норм, правил, традиций культуры общества проживания, т.е. по существу формирует личность социально адекватную актуальным потребностям этого сообщества [2, с. 323].

Схожую точку зрения мы встречаем в работах В.А. Янчука. Инкультурацию он определяет как обучение человека традициям и нормам поведения в конкретной культуре, постепенную выработку человеком навыков, манер, норм поведения, которые характерны для определенного типа культуры, для определенного исторического периода. Это длительное и постепенное освоение человеком способов, норм, практических рекомендаций в повседневной жизни, процесс придания личности общей культурной компетентности по отношению к стандартам того общества, в котором она живет [3].

Т.о., мы можем говорить, что культурная компетентность определяется культурной парадигмой определенного временного этапа и соотносится с

социальными требованиями конкретной культуры, в которой развивается личность. Однако, в связи с тем, что возросла культурная открытость, способность к взаимообмену культурными формами, опытом, появилась техническая возможность формирования не только региональных, но и общепланетарных коммуникативно-деятельностных систем, поначалу в узко специализированных отраслях знания и практики, а затем и в общедоступных областях социокультурной жизни (глобальная связь, масс-медиа, реклама, дистанционное образование, полифункциональные информационные системы по типу Интернета и др.) [2, с. 96].

Составляющие элементы культурной компетентности задают определенные социальные ожидания от жизни и культурные требования к себе и окружающим, которые и становятся наиболее объективным выражением исторически возможной (на данном отрезке времени) культурной компетентности личности.

Как упоминалось ранее, общее содержание культурной компетентности может формироваться как стихийно, так и целенаправленно. По мнению Э.А. Орловой, культуру можно дифференцировать на функциональные блоки, в которых прослеживаются каналы трансляции социально значимой информации, разделяя обыденную и специализированную культуру. Так, она выделяет блок культуры социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации, трансляция между каналами в котором происходит через обыденную и специализированную культуру. Специализированная включает в себя систему среднего и высшего образования, специальных учреждений дошкольного воспитания, клубов и кружков по интересам и др. институтов социализации и инкультурации личности; обыденная – систему домашнего воспитания, обыденное социальное общение, а также повседневные традиции, обычаи и нравы.

В продолжение данной теории, мы можем рассмотреть два способа формирования культурной компетентности, имплицитный и эксплицитный. Имплицитный путь предполагает интуитивное понимание субъективных переживаний человека и взаимосвязан с обыденным уровнем культуры по Э.А. Орловой. Эксплицитный путь подразумевает связь со специализированным уровнем и имеет явную структуру, предполагающую возможность передачи культуры другим. Имплицитный способ обеспечивает эффективную интуитивную базу, на основе которой можно построить эксплицитную модель формирования культурной компетентности [4, с. 273].

Ведущую роль здесь играет образовательный процесс, посредством которого мы можем целенаправленно влиять на формирование культурной компетентности и получать искомый результат. Однако этот процесс не является предопределенным, закономерным, линейным, а, скорее, является асинхронным и неравномерным. Наиболее важным при организации данного процесса и его сопровождении, на наш взгляд, является способность парадигму в целом, а не сосредоточиться на отдельных составляющих образовательного процесса. Только усматривая необходимость целенаправленного формирования культурной компетентности, мы можем

ожидать необходимый нам результат. Механически используя инновации в образовательном процессе, меняя подходы и методы педагогического воздействия, зачастую мы только лишь осуществляем подмену содержания некими отдельными формами. Поэтому внедрение и использование любых инноваций должно быть оправдано и соответствовать научной парадигме в целом, мы должны убедиться, что нововведения не станут препятствием в образовании, а, наоборот, будут способствовать ему. В этой связи следует обратить особое внимание на те новшества, которые, казалось бы, напрямую не связаны с образовательным процессом. Так, например, мы можем говорить об активном использовании разнообразных технических средств, которое обусловлено быстро развивающимся рынком современных технических устройств. Последние проникают во все сферы жизни современного общества, в том числе, в образование, и зачастую их внедрение происходит стихийно и слабо контролируется.

Появление инноваций уже является элементом культуры, тем самым оказывая влияние на формирование культурной компетентности, адекватной требованиям современного социума. Каждая инновация несет в себе потенциал разрушения существующего порядка, но при этом предлагается более совершенная модель упорядочивания того, что разрушается. Совершенствование технологий предполагает, в том числе, усложнение культурных порядков.

Литература и источники

1. Янчук, В.А. Экокультурная образовательная среда: формирование и развитие. Часть 2 От культурной к межкультурной компетентности // Адукацыя і выхаванне. – 2013. – №7. – С. 60–67.
2. Флиер, А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей. 2 издание, исправленное и дополненное. – М., 2009.
3. Авторские курсы формирования экокультурной диалогической развивающей среды в системе дополнительного образования детей и молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yanchukvladimir.com>.
4. Орлова, Э.А. Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие для вузов. – М., 2004.

ДИАЛОГ КАК СПОСОБ БЫТИЯ ДУХОВНОГО

Севостьянова Н. Г. (Минск, Беларусь)

«Диалогический поворот» философии обретает в современном обществе глобальных рисков особую актуальность ввиду становления нелинейных динамик социокультурного бытия и его антропологического измерения, геополитической и геокультурной нестабильности. Проблематика диалога и понимания во многом определяет современный философский дискурс, его мировоззренческие, методологические, социально-критические

интенции, потому что в ней актуальны темы диалога человека с природой, культурой, обществом, другими людьми, Богом.

Диалог (греч. *dialogos* – беседа) – это обмен информацией между субъектами познания, способ разнопланового взаимодействия коммуницирующих сторон, процесс обоснования мысли или действия, в ходе которого достигается определенная мера понимания, взаимопонимания и согласия. Диалог в своем универсальном философском значении может быть понят как формат познания и существования, в котором постигается человек и его бытие.

Предтеча современной философии диалога М.М. Бахтин рассмотрел два взаимосвязанных значения понятия «диалог»: как общечеловеческой реальности, смыслообразующей характеристики бытия, условия формирования сознания человека и как «событие бытия» и общения людей. На примере анализа полифонических романов Ф.М. Достоевского философ раскрыл диалог как причастность к бытию и ответственность человека перед бытием. Показал, что через русскую религиозную философию осмысление темы диалога восходит к идее соборности: симфонии, синергии, интерсубъективности, многоголосию жизненного мира человека. «Диалог – единственное средство узнавания бытия, соприкосновения с ним. Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается – все кончается. Один голос ничего не разрешает. Два голоса – *minimum* жизни, *minimum* бытия» [1, с. 156–157].

Экзистенциально-феноменологическая программа философствования также содержит рассуждения о человеке как диалогическом и «понимающем бытии», об онтологии диалога и понимания. Феноменология жизненного мира человека как опыта бытия (Э. Гуссерль), «бытийная понятливость присутствия» (М. Хайдеггер), онтологическая истина понимания и герменевтический метод интерпретации (Х.-Г. Гадамер) репрезентируют многомерный феномен диалога как способа бытия духовного. Сращенность человека с бытием придает процессам диалога и понимания свойство естественно складывающегося события: упомянутыми философами диалог рассматривался как фундаментальная онтологическая характеристика человеческого существования.

В философии коммуникативного действия Ю. Хабермаса доказана продуктивность коммуникации как конструктивного диалога, основанного на коммуникативной рациональности и рациональном консенсусе. Потенциал обновления общества усматривается философом и в налаживании диалога как непосредственной, «неискаженной, истинной коммуникации», тесно связанной с обыденным языком и независимой от власти. Коммуникативное действие раскрывается Ю. Хабермасом как участие в бытии, как возможность возвращения морали в жизненный мир человека, соединение «разума, нравственности, демократии». Если на уровне «наивной» коммуникации в процессе диалога достичь согласия не удастся, то в качестве альтернативы прекращению коммуникации выступает дискурс как

способ проверки спорного притязания на значимость. Аргументация позволяет участникам диалога тематизировать спорные вопросы и разрешить или критиковать их с помощью соответствующих доводов. Дискурс диалога основывается на правилах равноправия всех участников, запрета на принуждение в целях достижения согласия, мотивации на достижение аргументированного консенсуса. При этом «жизненный мир» предстает как непроблематизируемое общее фоновое знание, конститутивное для процессов диалога и понимания.

«В главном единство, во второстепенном свобода и во всем любовь». Это изречение, приписываемое святому Августину, напомнило о себе в связи с исторической встречей Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Папы Римского Франциска, которая состоялась 12 февраля 2016 года в здании международного аэропорта столицы Кубы – Гаваны. «В эту тревожную эпоху необходим межрелигиозный диалог. Различия в понимании религиозных истин не должны препятствовать людям разных вер жить в мире и согласии. В нынешних условиях религиозные лидеры несут особую ответственность за воспитание своей паствы в духе уважения к убеждениям тех, кто принадлежит к иным религиозным традициям. Абсолютно неприемлемы попытки оправдания преступных деяний религиозными лозунгами», – отмечено в пункте 13 Совместного заявления Патриарха и Папы.

Декларация затрагивает обширный круг проблем, обозначая диапазон, в котором возможно и необходимо дальнейшее сотрудничество. Это гонения на христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке, страдания миллионов жителей ближневосточных стран от гражданских войн и терроризма вне зависимости от их вероисповедания; агрессивная секуляризация европейских обществ; право религиозных общин жить в соответствии с традициями и в согласии со своей религиозной идентичностью; институт семьи и брака; биоэтика; модель ресурсосберегающей экономики; проблемы потребительского общества; мигрантов и беженцев; положение греко-католиков в Украине. «10. Призываем мировое сообщество сплотиться, чтобы покончить с насилием и с терроризмом, и одновременно через диалог содействовать скорейшему достижению гражданского мира».

Длительная предыстория исторической встречи Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Папы Римского Франциска включает в себя как процессы формирования догматических, организационных, обрядовых, миссионерских, этических разногласий, так и признание автокефалии Русской православной церкви в 1448 году, события Флорентийского собора 1438–1445 годов, Брестская уния 1596 года и последствия принятия униатства для восточных славян. «25. Надеемся, что наша встреча внесет вклад в примирение там, где существуют трения между греко-католиками и православными. Сегодня очевидно, что метод «униатизм» прежних веков, предполагающий приведение одной общины в единство с другой путем ее отрыва от своей Церкви, не является путем к

восстановлению единства. В то же время, церковные общины, которые появились в результате исторических обстоятельств, имеют право существовать и предпринимать все необходимое для удовлетворения духовных нужд своих верных, стремясь к миру с соседями. Православные и греко-католики нуждаются в примирении и нахождении приемлемых форм взаимного сосуществования», – отмечено в Совместном заявлении. Основанием для межхристианского и внутрехристианского диалога может стать близость позиций Церквей по таким актуальным вопросам современности, как проблемы нравственности, необходимость проповеди и защиты традиционных христианских ценностей. «В решимости прилагать все необходимое для того, чтобы преодолевать исторически унаследованные нами разногласия, мы хотим объединять наши усилия для свидетельства о Евангелии Христовом и общем наследии Церкви первого тысячелетия, совместно отвечая на вызовы современного мира. Православные и католики должны научиться нести согласное свидетельство истины в тех областях, в которых это возможно и необходимо. Человеческая цивилизация вступила в период эпохальных перемен. Христианская совесть и пастырская ответственность не позволяют нам оставаться безучастными к вызовам, требующим совместного ответа».

Онтологическая данность диалога и его нравственная заданность как способа бытия духовного опирается на философские интерпретации «события бытия», необходимость нормирования коммуникации, овладения искусством и дискурсом диалога и понимания. Зиждется на христианских устоях: «24. Православные и католики объединены не только общим Преданием Церкви первого тысячелетия, но и миссией проповеди Евангелия Христова в современном мире. Эта миссия предполагает взаимное уважение членов христианских общин, исключает любые формы прозелитизма. Мы не соперники, а братья: из этого понимания мы должны исходить во всех наших действиях по отношению друг к другу и к внешнему миру».

Литература и источники

1. Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского // Собр. соч.: в 7 т. – М., 2000. – Т. 2. – С. 6–175.

ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО ОБЩЕСТВА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Смирнова Ю. С. (Минск, Беларусь)

Ценности современного общества требуют от человека проявлений толерантности, следования нормам социальной справедливости и равенства, в нем нет места предубеждениям, предрассудкам, дискриминации, диффамации, стигматизации. Вместе с тем события, происходящие в мире,

демонстрируют немало примеров последних, указывая на актуальность исследования факторов, детерминирующих враждебный характер межгрупповых отношений. В течение последних нескольких лет наш научный интерес был локализован в области психологии предубеждений и стигматизации. Предметом анализа в наших работах, а также работах, выполненных под нашим научным руководством, становились предубеждения в отношении представителей самых разных социальных категорий (людей с морально-правовой стигмой, страдающих зависимостью от психоактивных веществ, имеющих психические или соматические заболевания и др.). Осуществив обзор основных полученных нами научных результатов, обозначим некоторые психологические закономерности формирования и проявления предубеждений и стигматизации.

Для начала отметим, что объектом предвзятого отношения может стать представитель любой социальной категории, но чаще всего это люди, «нежелательным» образом отличающиеся от большинства (по состоянию здоровья, образу жизни, роду занятий, этническому, возрастному или иному признаку). Разнообразие сфер и контекстов проявлений предубеждений неизменно ведет к вариативности их форм. Можно выделить явные и скрытые формы предубеждений [1], «старомодные» и современные [2], позитивные, негативные и амбивалентные [3]. Интересно, что наличие позитивных установок в отношении представителей социальной категории не означает отсутствия предубеждений, последние могут проявлять себя в скрытой форме и вести к дискриминации и социальной изоляции людей при определенных условиях. Например, в отношении людей, страдающих психическими заболеваниями, распространены позитивные установки, однако многие предпочитают избежать близких контактов с ними. Предубеждения к мигрантам со стороны коренных жителей проявляют себя с большой вероятностью в условиях наличия реального конфликта интересов или воспринимаемой угрозы собственному благополучию (к примеру, в условиях дефицита рабочих мест и конкуренции на рынке труда).

Структура предубеждений помимо оценочного компонента включает в себя целый ряд других. Особое место среди них занимает атрибутивное измерение, позволяющее определить степень вины и ответственности человека за принадлежность к социальной категории и неблагоприятное положение последней. Так, враждебное отношение вызывают представители тех социальных категорий, которые в восприятии окружающих обладают негативным атрибутом и сами в этом виноваты (например, люди, страдающие зависимостью от психоактивных веществ). Атрибутивно-ценностная модель предубеждений хорошо объясняет подобные проявления [4]. Так, женщина с избыточным весом вызовет неприязнь, если люди посчитают, что причина лишнего веса кроется в ее слабости. Вместе с тем негативное отношение могут вызывать и те категории, представителей которых не обвиняют в случившемся с ними. По результатам нашего исследования, при объяснении бедственного положения бездомных людей и нищих, которые вызывают неприязнь как слабые и пассивные, доминирует

обстоятельственная атрибуция.

Еще одну интересную закономерность позволяет высветить сравнение социальных установок, разделяемых в отношении представителей стигматизируемой категории самим человеком, и установок, которые, как он считает, распространены в обществе. Изучая предубеждения к людям, страдающим стигматизирующими заболеваниями, мы обнаружили, что себе респонденты приписывают толерантное отношение на фоне интолерантности, приписываемой ими обществу в целом. Эти результаты согласуются с данными других исследований, обращающих внимание на возможности ослабить страх стигматизации и ожидания предвзятого отношения со стороны окружающих, поскольку интолерантность общества часто преувеличивается [5]. Получается, что на индивидуальном уровне степень предубежденности и стигматизации гораздо ниже, нежели люди склонны приписывать обществу в целом.

Приписывание на уровне обыденного сознания обществу тех или иных предубеждений представляет интерес и для поиска средств их ослабления и условий эффективности их реализации. Одним из таких условий для многих методов ослабления предубеждений является обнаружение последних и осознание их наличия. Как отмечалось ранее, современные предубеждения могут носить завуалированный характер и скрываться за позитивными установками, их нелегко заметить. Предубеждения, которые легко идентифицируются как таковые, обладая высокой степенью прототипичности, могут быть осознаны и ослаблены. Исследования прототипичности различных форм предубеждений продемонстрировали, что она иерархически структурирована и определяется, во-первых, тем признаком, который лежит в их основе (например, пол, возраст, профессия), во-вторых, отношениями между предубежденными субъектами и их «жертвами» (прототипичным является, как правило, предвзятое отношение доминирующего большинства к представителям низкостатусного меньшинства) и, в-третьих, ситуационной схемой (в каких ситуациях эти предубеждения будут себя проявлять) [6]. Результаты проведенного нами эмпирического исследования продемонстрировали, что высокой степенью прототипичности обладают предубеждения в отношении представителей расовых и этнических меньшинств, сексуальных меньшинств, категорий, выделяемых по признакам профессии и рода занятий, людей бездомных и имеющих низкий имущественный и социальный статус, представителей молодежных субкультур, людей, страдающих психическими и соматическими заболеваниями, имеющих недостатки внешности и отличающихся от большинства. Эти предубеждения проявляют люди, принадлежащие к большинству, которое рассматривается как нормальное, обычное, наделенное высоким статусом. Прототипичными формами проявления предубеждений являются дискриминация, агрессивное поведение и ограничение контактов, сопровождающиеся переживанием негативных чувств, чаще всего в различных социальных ситуациях, складывающихся в общественных местах, а также в сферах занятости и получения образования.

Осуществляя в данной работе обзор проведенных нами эмпирических исследований в области психологии предрассудков, мы осветили лишь некоторые закономерности их функционирования, обращая внимание на сложность и многоаспектность затрагиваемой проблемы. Как бы ни была привлекательна идея искоренения предрассудков из жизни толерантного социума, она представляется нам излишне оптимистичной. И примеры обострения напряженности в межгрупповых отношениях и проявления нетерпимости к представителям чужих групп, коих немало демонстрирует нам современное общество (к слову сказать, ценящее равенство, толерантность и справедливость), тому подтверждение. Вместе с тем понимание природы межгрупповых отношений и учет детерминирующих их факторов (в том числе психологических) являются важными условиями организации на самых разных уровнях конструктивного диалога в условиях культурного многообразия современного мира.

Литература и источники

1. Pettigrew, T.F. In defense of the subtle prejudice concept: a retort / T.F. Pettigrew, R.W. Meertens // *European Journal of Social Psychology*. – 2001. – Vol. 31. – С. 299–309.
2. Нельсон, Т. Психология предрассудков. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. – СПб, 2003.
3. Смирнова, Ю.С. Современные формы предрассудков // *Философия и социальные науки*. – 2008. – № 4. – С. 72–75.
4. An Attribution-Value Model of Prejudice: Anti-Fat Attitudes in Six Nations / C.S. Crandall [et al.]. // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2001. – Vol. 27. – P. 30–37.
5. Visser, M.J. Stigmatizing Attitudes of the Community Towards People Living with HIV / AIDS / M.J. Visser, J.D. Makin, K. Lehobye // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. – 2006. – Vol. 16. – P. 42–58.
6. Marti, M.W. Right Before Our Eyes: The Failure To Recognize Non-Prototypical Forms of Prejudice / M.W. Marti, D.M. Bobier, R.S. Baron // *Group Processes & Intergroup Relations*. – 2000. – Vol. 3(4). – P. 403–418.

КОНЦЕПТ ТРАДИЦИИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Таркан И. И., (Минск, Беларусь)

В условиях культурной глобализации актуализируется проблема ценностных аспектов общественного развития. Становится очевидным, что ценностные системы народов формировались исторически и обусловлены особенностями национальных культурных традиций. Например, в культуре Древнего и современного Китая действует принцип «у-вэй» – невмешательства в законы природы, что позволяет китайскому обществу выстраивать перспективную культурологическую и философскую стратегии гармоничного развития природного и социального миров. В европейской

культуре сложилась иная ценностная установка – познать и изменить общество. Западноевропейский менталитет формировался в условиях прагматической и потребительской философии жизни, в которой с одной стороны, абсолютизация разума (мышления) явилась важнейшим фактором научного и технического прогресса. Но, с другой стороны, как, ни парадоксально, «онаучивание» западноевропейского сознания все больше сопровождалось «обмирщением» духовных ценностей, что зачастую проявлялось и проявляется в явлениях социальной аномии и человеческой деструктивности.

Концепт традиции в диалоге культур занимает особое место, что обусловлено доминирующей ролью духовно-нравственных ценностей в социокультурной динамике народов.

Белорусский народ сохранил наряду с христианским монотеизмом (веру в Бога как высшее духовное начало) глубинные архетипы язычества – бережное отношение к природе, земле, малой Родине («родному куту»). Белорусу в полной мере присущи как христианские ценности любви, свободы, справедливости, смысла жизни, так и языческие, архаично-мифологические представления о свободе как свободе воли, жизни как судьбы, счастья как доли и несчастья как недоли и т.д. Белорус – в полном смысле слова интернационалист, сторонник толерантного отношения между людьми различных наций, религий и рас, основанного на взаимопонимании, взаимном доверии, взаимообогащении культур, ценностей, знаний и технологий. Белорус проявляет терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению, обладает обостренным чувством справедливости, стремлением к образованию, владеет русским языком как языком межнационального общения.

Концепт традиции включает в себя выработанный народом и закреплённый в коллективной памяти определённый общественный идеал. Таким идеалом, например для белорусского народа, является построение такого общества, в котором будут воплощены идеи справедливости, мира, доброты, взаимоуважения, взаимопомощи и др. Это важно понимать, поскольку при попытке внедрения западных ценностей в практику общественной жизни необходимо учитывать скрытые механизмы влияния традиционных моделей поведения и мышления.

Культурные инновации не возникнут в обществах, если инновация не станет социальной нормой и не займет значимое место в ценностных ориентациях народа. Если культурная традиция не воспринимает чуждые ей инновации (в форме западных моделей массовой культуры, демократии, прав человека и др.), то это может привести к разрушению традиционных моделей поведения и, как следствие, возрождению более примитивных структур социальной и культурной организации родового, патриархального характера. В перспективе размывание ментальных структур сознания может привести к потере национальной идентичности, привычных жизненных ориентаций, психологическим перегрузкам и дискомфорту человека, маргинализации видов деятельности, различным формам ценностного релятивизма.

Например Республика Беларусь, как и другие постсоветские государства, после распада СССР столкнулась с массивной культурной интервенцией западных стран, что привело к «упразднению» привычных форм трудовой занятости, а это, в свою очередь, обернулось повальной модой на новые виды «технологической» деятельности («офисный работник», «менеджер» и др.), что провоцировало уход от реального процесса производства и вовлекало человека в новые виды деятельности (порой виртуальные), неимеющей аналогов в культурной традиции. В этой ситуации управленческие культурные технологии социумом начали ориентироваться более на западные технократические модели, что вело к отрыву управленческих решений от их социокультурных оснований, заданных традиционной культурной традицией. Более того, ценностные предпочтения людей смещались в сторону безудержного потребления, в контексте которого создавался «гламурный», гедонистический образ жизни как привлекательный идеал общественных предпочтений.

Современное общество функционирует по рыночным законам, В этой связи на наш взгляд необходимы новые гуманитарные технологии в осмыслении концепта традиции, призванные смягчить безличные, порой не адекватные культурным традициям инновации, перевести их, насколько это возможно, в приемлемый традицией формат с целью предотвращения расшатывания общественной системы как определенной целостности, заданной культурной матрицей. Традиционные векторы развития общества зародились еще на заре человечества – в виде первобытных религий и связанных с ними правил социального бытия – и, постепенно трансформировались социогенезом в устоявшиеся национальные системы ценностей, образовали тот «культурный текст», который достаточно хорошо сдерживает как агрессивность отдельного человека, так и не вписывающихся в традицию модели жизнеустройства.

Разрушение базисной системы ценностей, традиционных видов деятельности влечет за собой кризис социальных систем. Поэтому все инновационные начинания должны проходить процедуру проверки собственной культурной традицией, в рамках которой сложилось многообразие устойчивых форм человеческой деятельности и социального поведения.

Одна из проблем современной Беларуси заключается в том, что понятие «традиция» в нашей стране серьезно искажено как противниками, так и сторонниками традиционализма. В дискуссиях между ними наблюдается бесконечная борьба исторических фетишей и фобий. С одной стороны, в использовании этих слов присутствует эмоциональная оценочность. С другой стороны, нередко в одном смысловом ряду оказываются такие понятия, как, например, «патриархальность» и «традиция», что, подчеркнем, не одно и то же, или методологически сомнительное разделение обществ на «демократические» и «тоталитарные», или попросту умозрительные определения вроде «цивилизованный мир». Когнитивная ситуация вокруг концепта «традиция» напоминает некогда

имевшее место некорректное использование понятия «средневековый» в значении «отсталый» и негативный миф о Средневековье как «темных веках», разрушенный усилиями французских философов просветителей и светских историков – в частности, представителей французской «школы Анналов». Долгое время этот груз познавательных заблуждений и предубеждений создавал немало проблем для адекватного понимания исторического процесса и логики соотношения традиции и прогресса.

Традиция – неоценимый капитал истории. Это надежный механизм поддержания моральных норм и накопления идеалов коллективного опыта, культурных и социальных достижений.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК КОНКУРЕНЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Титаренко Л. Г. (Минск, Беларусь)

В эпоху глобализации и кризисов цивилизованный диалог между социально-культурными сообществами и нациями перерастает в их конкуренцию. Доминирование той или иной концепции культуры и цивилизации связано с политическими и экономическими дивидендами. Хотя протекают мирно, их латентные следствия диалога культур и кросскультурных дискурсов по-разному сказываются на стране, продуцирующей ту или иную концепцию, и стране-реципиенте. Данный тезис можно аргументировать на примере современных концепций модернизации и ценностей, которые присущи каждой концепции.

Модернизация понимается в России как «переход цивилизованного общества к новым способам создания основных средств жизнедеятельности с новыми их качествами» [1, с. 6]. В социологической литературе процессы модернизации рассматриваются под углом зрения разных парадигм. Отмечается, что при выборе той или иной теории модернизации необходимо принимать во внимание ряд моментов. Во-первых, принятие модернизационной теории означает, что модернизирующаяся страна должна четко представлять цели, которые необходимо достигнуть посредством модернизации. Советская модернизация, являвшаяся альтернативной Западу, открыто разворачивалась под лозунгом «догнать и перегнать», т.е. признавала изначальное техническое отставание и необходимость использования передового западного опыта. Анализ советской модернизации, данный в 1990-е гг. Й. Арнасоном, показал, что в советской модернизации слились две противоположные тенденции: российская имперско-модернизационная и революционная, связанная с Западом [2]. Напротив, нынешняя российская модернизация связана с поиском собственной модели развития и желанием власти сделать страну высокоразвитой постиндустриальной державой. Во-вторых, благодаря разработке теории множественности модернов [3], Россия может выбирать,

на какие модели модернизации ей лучше ориентироваться – западную, японскую, китайскую, и т.д. Анализ различных моделей модернизации доказал, что условия региона и страны предопределяют выбор модели, выбираемой за образец, при этом оптимальной является та, которую легко адаптировать к специфике региона. В-третьих, как подчеркивает И. Валлерстайн, западная теория модернизации ценностно окрашена и предлагает капиталистическую модель общества, представленную как образец для всех. По Валлерстайну, «мы живем не в модернизирующемся мире, а в капиталистическом мире», который становится все более несправедливым по отношению к странам, не находящимся в центре этого мира [4, с. 22]. В-четвертых, на теоретическом фундаменте тех или иных концепций модернизации базируются ведущие международные исследовательские проекты, целью которых является определение «уровня модернизационного развития» той или иной страны и региона, применение полученных результатов для объяснения особенностей развития страны [5]. Поэтому эмпирическое тестирование методик, разработанных в теориях модернизации и использованных в международных исследованиях, помогает понять тренды развития на постсоветском пространстве.

Отсюда следует, что ценности, на которых базируется западная теория модернизации, и которую более 30 лет эмпирически тестирует Р. Инглхарт (программа World Value Studies), не всегда будут адекватны ценностям, адекватным для постсоветского пространства. Согласно теории Инглхарта, сущность нынешней модернизации в переходе от индустриальных к постиндустриальным ценностям (гендерное равенство, свобода самовыражения, демократия) [5, р. 10]. По мнению Н.И. Лапина, ведущего российского исследователя модернизации, этот глобальный подход неприменим на постсоветском пространстве ввиду существенных различий не только в экономическом уровне развития, но и большей важности ценностей социальной справедливости и социальной поддержки в России (последнее связано с историческим своеобразием развития региона). Отличие российской концепции модернизации от западных версий состоит также в том, что кризисы и риски, имеющие глобальную природу, оказывают более негативное влияние на постсоветский регион (как экономически менее развитый), что требуется учитывать при реализации любых социально-экономических программ модернизации.

О.Н. Яницкий, используя эвристический потенциал западной парадигмы риска У. Бека [6], разработал парадигму общества риска, адекватную для постсоветского общества, и опираясь на российскую эмпирическую базу, раскрыл природу рисков как неустранимых в современном российском обществе ввиду его высокой сложности и отсутствия в нем интегрирующих все социальные группы интересов и ценностей. Ученый критически проанализировал существующее положение в России и выявил, какие экономические и социальные факторы и почему подрывают модернизационный потенциал общества. Яницкий доказал, что модернизация России и других постсоветских стран по западному образцу не

только не может быть успешной, но и неминуемо приведет к новым рискам. Однако и отказ от модернизации уже невозможен, т.к. он сам является рискогенным. Данный парадокс, осмысленный в рамках парадигмы риска, привел автора к необходимости сделать вывод: всякие современные риски существенно ограничивают любые модернизационные усилия, т.к. требуют огромных ресурсов и на их реализацию, и на устранение непредсказуемых негативных последствий рисков. Даже успешная модернизация, которая бы интегрировала Россию в западный мир, будет рискогенна, т.к. она может подтолкнуть молодежь к массовому выезду в более развитые страны Запада, как это случилось в Центральной Европе [7]. Опираясь на творческое использование зарубежных концепций рисков и модернизационных ценностей, Яницкий считает необходимым разработать такую социально-гуманитарную модель модернизации России, которая будет ориентирована на развитие интеллектуального потенциала личности. По его мнению, надо широко обсуждать перспективы российской модернизации не только в России, но и за рубежом, чтобы принимать во внимание опыт других стран. Эту задачу, как считает Яницкий, и реализует Лапин, учитывая социально-культурный аспект модернизации не меньше, чем экономический и технологический. По Лапину, главным критерием современной российской модернизации является ее человеческое измерение, а ее функциями – безопасность государства и общества, устойчивое функционирование всех их структур, повышение качества жизни населения до средневропейского [8, с. 10–11]. Новизна такого подхода состоит в интерпретации разброса и культурной разнородности ценностей россиян как «толерантного симбиоза», сформированного жизненным миром российского общества в ответ на аксиологический вызов глобализации.

Как полагает Лапин, те же тренды, что проявляются в Китае, имеют место и в России, а именно: на втором этапе модернизации, переходе страны от индустриального к информационному обществу, усиливается неравномерность этого процесса, так что одни регионы страны вступают на этот этап раньше других. Возникает необходимость координации и интеграции усилий всей страны по достижению более высокой конкурентоспособности и повышению уровня жизни населения [9, с. 4]. Отсюда вытекает задача социальных наук – выявить наборы ценностей, определяющие каждую ступень, разработать критерии их замера в эмпирическом исследовании, а затем, проводя исследования в мониторинговом режиме, отслеживать ход модернизации по регионам, сокращая разрывы в развитии этих регионов. Решение этой задачи означает практическое плодотворное продолжение диалога культур.

Литература и источники

1. Лапин, Н.И. Социально-экономическая и социокультурная модернизация регионов России // Социс. - 2015. - № 1. – С. 5–10.
2. Arnason, J. The future that failed. Origins and destinies of the Soviet model. - London, 1993.

3. Eisenstadt, S. Multiple Modernities // Daedalus. - 2000. - V.129. - № 1. – P.1–29.
4. Валлерстайн, И. Модернизация: мир праху ее // Социология: теория, методы, маркетинг. - 2008. - № 2.
5. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные ценности и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. - М., 2011.
6. Beck, U. Risk Society. Toward a New Modernity. – London, 1992.
7. Яницкий, О.Н. Социальный коридор российской модернизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_modern_2.html.
8. Лапин, Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социс. - 2014. - № 7. - С. 8–19.
9. Лапин, Н.И. Изменение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социс. - 2012. - № 9. – С. 4–24.

БЕЛОРУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ ДИАЛОГ: РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Урбан М. М., Кирилюк И. П. (Минск, Беларусь)

В опровержение западноевропейской неолиберальной теории постидентичности наблюдается активизация процессов этнической самоидентификации и инкультурации. Это свидетельствует о возрастании потребностей этносов в освоении своей национальной культуры и традиции, что подтверждается социальной реальностью Беларуси. Актуальность профилактики ксенофобии и антисемитизма обусловлена тем, что в некоторых странах поднимают головы неонацистские организации, предпринимаются попытки обелить нацизм и отрицать Холокост, пересмотреть решения Нюрнбергского трибунала.

Еврейский этнос является коренным для Беларуси. Его появление на территории современного белорусского государства датируется концом X – началом XI в. На протяжении многовекового обитания еврейского этноса на белорусских землях не было сознательно организованного в той или иной форме взаимодействия и диалога между еврейской культурной традицией и белорусской культурой. Это было сосуществование двух культур, при этом далеко не всегда миролюбивое, особенно в религиозной сфере, а возможности евреев удовлетворять свои духовные и культурные потребности во многом зависели от политики властей.

В ходе Второй мировой войны евреи Европы, включая Беларусь, пережили невиданную по своим масштабам катастрофу. Был уничтожен культурный и демографический центр еврейской цивилизации, существовавший в Европе более тысячи лет. В результате геноцида фашистов по отношению к еврейскому народу на территории Беларуси было истреблено более 800 тыс. евреев.

Геноцид евреев, имеющий целью их тотальное уничтожение, обозначен особым названием – Holocaust «всесожжение» – заимствовано из греческого

перевода еврейской Горы (Пятикнижие Моисея, Библия), где слово Холокост означает сожжение жертвы, приносимой Богу. Исследователями всего мира признается уникальность Холокоста как катастрофы вселенского масштаба. Если все предыдущие проявления антисемитизма и юдофобии носили, в основном, эпизодический и в большей степени религиозный характер, то нацизм тотально истреблял евреев не за иную культуру и веру, а за сам факт их существования.

Высокую степень эмпатии к трагическому прошлому еврейского народа проявляет молодое поколение белорусов. На вопрос «Что Вы знаете о Холокосте, о судьбе евреев во Второй мировой войне, в том числе на территории Беларуси?» получены следующие ответы:

- Знаю и испытываю сочувствие – 59,0%;
- Хотел ли бы больше узнать об этих трагических событиях – 13,3%;
- Хотелось бы познакомиться с еврейской культурой и историей – 4,0%;
- Знаю плохо – 9,8%;
- Не знаком с понятием Холокост – 5,8%;
- Равнодушен к этим событиям прошлого – 2,9%;
- Иной ответ – 5,2%.

Несмотря на участие белорусских коллаборационистов в уничтожении еврейских гетто на территории страны, исследователи отмечают, что по сравнению с Литвой, Латвией, Эстонией и Украиной уровень проявления антисемитизма был намного ниже. Значительная часть белорусского населения стремилась спасти евреев от гибели, в особенности детей, оказывая помощь продовольствием, одеждой, кровом.

Существенной особенностью Беларуси явилось то, что белорусские евреи принимали гораздо более активное участие в движении Сопротивления нацистам, чем в других республиках. Так, в Украине в партизанском движении участвовали около трех тысяч евреев, а в Беларуси – более 14 тысяч. В партизанском движении в Беларуси возникло уникальное явление – еврейские семейные партизанские отряды. Около полутора тысяч евреев воевали с врагом в составе антифашистского подполья. События Второй мировой войны, трагедия Холокоста послужили коренным переломом как в иудейско-христианских отношениях, так и в отношениях между евреями и представителями других этносов, в том числе и белорусским.

Возрождение еврейской общественности как этнокультурной группы в Беларуси началось в конце 80-х годов. Оно пошло путем обновления традиционных исторических форм еврейской общности – общины. Как отметил Президент страны, «строя новую, независимую Беларусь, мы обращаемся к нашим вековым традициям межнациональной толерантности и межконфессиональной веротерпимости, к традициям взаимообогащения и взаимопроникновения культур. Все вместе мы должны возродить поруганную еврейскую культуру, сохранить национальную самобытность еврейского народа» [1].

Реализация общего права на создание национально-культурных

объединений воплощена в создании и деятельности на протяжении более 20-ти лет Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин (СБЕООО), включающего в себя десятки организаций во всех регионах Беларуси. Возрождается религиозная жизнь – в двадцати городах Беларуси зарегистрированы иудейские общины, создано Иудейское религиозное объединение, координирующее их духовную деятельность, действует Израильский культурно-информационный центр. В республике открыты и действуют еврейские школы и детские сады. Так, в столице создана еврейская дневная школа «Ор-Авнер» (СШ № 132), издаются еврейские газеты просветительского характера «Авив», «Берега», «Мишпоха».

Важнейшей формой диалога белорусской и еврейской культур и религий служат международные связи между Беларусью и Израилем, дипломатические отношения между которыми были установлены 26 мая 1992 года и продолжают плодотворно развиваться. При содействии посольств обеих стран устраиваются Дни культуры Израиля в Беларуси и Дни культуры Беларуси в Израиле, регулярно проходят Дни израильского кино в Беларуси, ежегодно белорусы имеют возможность знакомиться с израильскими научными и литературными изданиями на международной книжной выставке-ярмарке в г. Минске.

Значимым этапом в белорусско-еврейском интеркультурном взаимодействии явилась международная конференция «Христианско-иудейский диалог: религиозные ценности как основа взаимодействия в гражданском обществе в условиях глобального экономического кризиса», проведенная в ноябре 2009 года в г. Минске по инициативе Белорусской Православной Церкви. Конференция выработала подходы к сотрудничеству в области иудейско-христианского и белорусско-еврейского диалога, который должен быть основан на общих ценностях, лежащих в сфере духовной культуры, нормах нравственности, исходящих из библейских принципов и идеалов.

Ярким событием и инновационной формой межкультурного диалога белорусов и евреев стало празднование 20-летия со дня установления белорусско-израильских дипломатических отношений в декабре 2012 года в г. Минске (концертный зал «Минск»). Это событие отмечалось в дни еврейского национального религиозного праздника Ханука и проходило в гражданском формате при участии как руководства и членов еврейских общин и организаций, так и представителей других национальных общин, белорусской общественности, православного духовенства, посольства Израиля, представителей властных структур.

Подписание соглашения между Беларусью и Израилем об установлении безвизового режима 19 сентября 2014 года носит эпохальный характер и означает прорыв в отношении двух народов, как в межгосударственном, так и внутригосударственном аспектах. Изменение визового режима между Беларусью и Израилем представители студенческой молодежи оценили позитивно с точки зрения как расширения личных возможностей, так и общих перспектив (опрос проведен в октябре 2014 г.):

более 70% опрошенных считают это важнейшим шагом на пути сближения наших народов и культур и непременно воспользуются этим, чтобы посетить Израиль с целью лучшего познания истории и культуры еврейского народа.

Положение еврейского этноса в государстве политологи и культурологи часто называют тем оселком, по которому проверяется демократичность государственного устройства с точки зрения соблюдения прав человека и равноправия народов, живущих в нем, в соответствии с принципами международных правовых норм. Межнациональный мир является благоприятной основой для развития и межкультурного взаимодействия в целях дальнейшего сближения и взаимообогащения белорусской и еврейской культур.

Литература и источники

1. Авив. – 1994. – № 1.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУР БЕЛАРУСИ И ТУРКМЕНИСТАНА

Худайбердиева Н. Х. (Минск, Беларусь)

Диалог культур является формой существования культуры. Для существования и развития любой культуре, как и любому человеку, необходимы общение, диалог, взаимодействие. Идея диалога культур подразумевает открытость культур друг другу. Но это возможно при выполнении ряда условий: равенства всех культур, признания права каждой культуры на отличия от других, уважения к чужой культуре.

Сегодня отношения между Туркменистаном и Беларусью развиваются как никогда стремительно и динамично. И, несмотря на то, что каждая из стран находится в разных частях света, между народами нет расстояний, дружба, взаимопонимание и гостеприимство сближают наши страны [1].

Белорусско-туркменские отношения носят стратегический характер. Обе страны являются полноправными членами ООН, ОБСЕ и СНГ (Туркменистан – ассоциированный член этой организации), у стран общие подходы к вопросам мировой политики.

21 января 1993 года был подписан Протокол об установлении дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Туркменистаном. В результате за прошедшие годы между нашими государствами заложен прочный фундамент для развития плодотворного сотрудничества, с октября 1995 года в Минске функционирует Посольство Туркменистана, с июля 2002 года в Ашхабаде начало свою работу Посольство Республики Беларусь.

В основе позитивной динамики, которую демонстрируют наши страны на всех направлениях сотрудничества, – практика ставших уже ежегодными визитов на высшем уровне и по-настоящему дружеские отношения между

Главами двух государств – Александром Лукашенко и Гурбангулы Бердымухамедовым. В 2002, 2009, 2011, 2013 и 2015 годах состоялись официальные визиты Президента Республики Беларусь в Туркменистан. Президент Туркменистана посетил Беларусь в 2010, 2012 и 2014 годах [2].

Документами, закрепляющими намерение сторон развивать отношения в сфере культуры, являются:

– Договор между Республикой Беларусь и Туркменистаном о дружбе и сотрудничестве (от 17 октября 2004 года) [3];

– Соглашение между Министерством культуры Республики Беларусь и Министерством культуры и телерадиовещания Туркменистана о сотрудничестве в области культуры.

Дни культуры Туркменистана в Республике Беларусь прошли в 2010 и 2014 гг.

В апреле 2012 года Днями культуры Республики Беларусь в Туркменистане завершился большой проект по сближению творческих кругов и приобщению белорусов и туркмен к культуре двух народов и стран.

Установившиеся контакты дали дополнительный импульс этому положительному процессу, достойным продолжением которого стали Дни белорусского кино в Туркменистане (июль 2012 года).

С огромным успехом в Белорусском государственном цирке прошли гастрольные выступления туркменской группы джигитов «Галкыныш» (2012 год). Представители Беларуси приняли активное участие в культурных мероприятиях в Национальной туристической зоне «Аваза» (туркменское побережье Каспийского моря), посвященных Дню защиты детей, и Международном музыкально-песенном детском фестивале «Аваза» (июнь и октябрь 2012 года).

С 23 по 26 июля 2014 году с огромным успехом прошли Дни культуры Туркменистана в Республике Беларусь. С туркменской стороны участие в фестивале приняло 60 человек. В рамках Дней прошли: торжественное открытие в Белгосфилармонии, выставка музейных ценностей из фондов Марьинского веляятского историко-краеведческого музея в Национальном историческом музее, концерт в Могилевском областном театре драмы и комедии имени В.И. Дунина-Марцинкевича г. Бобруйска Могилевской области.

В мае 2015 г. в рамках празднования 70-летия Великой Победы в Ашхабаде прошли культурные мероприятия с белорусским участием: выступление Заслуженного ансамбля Республики Беларусь «Сябры», демонстрация киноленты производства киностудии «Беларусьфильм» «Брестская крепость», выставка фотографий военных лет.

С 6 по 10 декабря 2015 г. в Ашхабаде и Туркменабаде с ошеломляющим успехом прошли Дни культуры Республики Беларусь в Туркменистане. В состав белорусской делегации вошли более 60 человек. В их числе – солистка Национального академического Большого театра оперы и балета Беларуси, Заслуженная артистка Беларуси Нина Шарубина, Заслуженная артистка Беларуси Алена Ланская, Народные артисты Беларуси

Ядвига Поплавская и Александр Тиханович, Белорусский государственный заслуженный хореографический ансамбль «Хорошки», Белорусский государственный народный ансамбль «Песняры». Возглавила белорусскую делегацию первый заместитель Министра культуры Беларуси Ирина Дрига.

В рамках Дней культуры прошли Дни белорусского кино и поэзии, а также выставка произведений декоративно-прикладного искусства Беларуси. В ходе Дней кино в кинотеатре «Ашхабад» туркменской публике продемонстрированы ленты киностудии «Беларусьфильм»: «Белые росы. Возвращение», «Следы Апостолов», документальную киноленту «Беларусь: 4 года войны», а также анимационные фильмы.

1–13 декабря 2015 г. в г. Ашхабад в выставочном дворце «Серги Кошги» состоялась Национальная выставка-ярмарка Республики Беларусь в Туркменистане.

На выставке представили продукцию 117 белорусских компаний. Тематические блоки выставки охватили широкий спектр отраслей, включая научные достижения, продукцию машиностроения, здравоохранения, нефтехимической и деревообрабатывающей отраслей, продукцию военного значения, товары для населения. Президент Беларуси А. Лукашенко посетил совместную белорусско-туркменскую выставку-ярмарку [5].

Во время Дней культуры Беларуси в Туркменистане первый заместитель министра культуры Беларуси И. Дрига на встрече с заместителем министра культуры Туркменистана Бахаргуль Абдиевой обсудила вопросы пролонгации межправительственной программы сотрудничества в области культуры, проведения обменных Дней культуры, заключения договоров о сотрудничестве между учреждениями культуры двух стран. Кроме того, была затронута тема возможности стажировок преподавателей и студентов Туркменистана в творческих вузах Беларуси, возможности организации в странах взаимных выступлений артистов цирка. Шел разговор также о проведении Дней белорусского кино в Туркменистане и организации ответного события – показов туркменского кино в Беларуси. Кинематографисты Туркменистана получили приглашение принять участие в международных кинофестивалях, проводимых в Беларуси [4].

16 октября 2015 г. в Национальной библиотеке Таджикистана имени Фирдоуси состоялась встреча заместителя Министра культуры Беларуси Василя Черника с Министром культуры Таджикистана Шамсиддином Шодибекком Орумбекзода.

Стороны обсудили перспективы расширения двустороннего сотрудничества в сфере культуры, в частности, рассмотрели вопросы более тесного взаимодействия в области музейной и библиотечной деятельности, участия мастеров искусств в фестивалях, организации совместных выставок, проведения выездных мастер-классов, подготовки высококвалифицированных кадров [6].

Министр культуры Таджикистана в свою очередь высоко оценил стремление Беларуси развивать культурные связи между нашими странами и выразил уверенность, что Дни культуры Беларуси в Таджикистане пройдут

на самом высоком уровне.

Таджикская сторона также с удовлетворением приняла приглашение и подтвердила свою готовность провести Дни культуры Таджикистана в Беларуси в 2016 году [7].

Белорусский и туркменский народы обладают уникальным историческим опытом и богатыми культурными традициями, часть из которых сформированы в период совместной истории. Знакомство с национальным наследием друг друга способно еще больше сроднить наши страны, взаимно обогатить их.

Литература и источники

1. Туркменистан и Беларусь: дружба без границ // Brest State University named after A.S. Pushkin [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.brsu.by/en/news/turkmenistan-i-belarus-druzhba-bez-granits/>.
2. Культурное сотрудничество Республики Беларусь и Туркменистана // Посольство Республики Беларусь в Туркменистане [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://turkmenistan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/cultural/.
3. Договор между Республикой Беларусь и Туркменистаном о дружбе и сотрудничестве // Право. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: pravo.kulichki.com/zak/megd/megd00703.htm.
4. Беларусь и Туркменистан будут развивать культурное сотрудничество // БелТА: Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.belta.by/culture/view/belarus-i-turkmenistan-budut-razvivat-kulturnoe-sotrudnichestvo-173442-2015/>.
5. Национальная выставка-ярмарка Республики Беларусь в Ашхабад // БЕЛИНТЕРЭКСПО [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.belinterexpo.by/news/nacionalnaya-vystavka-yarmarka-respubliki-belarus-v-gashhabad-turkmenistan-11-13122015.html>.
6. Ответные Дни культуры Таджикистана в Беларуси состоятся в 2016 году // БелТА: Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.belta.by/culture/view/otvetnye-dni-kultury-tadzhikistana-v-belarusi-sostojatsja-v-2016-godu-166927-2015/>.
7. О встрече заместителя Министра культуры Беларуси В. Черника с Министром культуры Таджикистана Ш.Ш. Орумбекзода // Посольство Республики Беларусь в Туркменистане [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://tajikistan.mfa.gov.by/ru/embassy/news/c0544c940fda495e.html>.
8. В Республике Беларусь торжественно открыты Дни культуры Туркменистана // Нейтр. Туркменистан. – 2014. – 24 июля. – С. 2.

ДИАЛОГ ВЕРУЮЩИХ И НЕВЕРУЮЩИХ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Царенкова Е. А. (Ростов-на-Дону, Россия)

Для того чтобы сохранить лучшие достижения человеческой цивилизации в многообразии ее социальных институтов, национальных

ценностей и исторических традиций, надо двигаться в направлении создания новой культуры, новой системы социальных и нравственных отношений; устраняющих насилие, жестокость, чье-либо превосходство и исключительность. Иными словами, возникла объективная потребность в формировании социальных и духовных ориентиров, концентрированно выражающих в себе стремление человечества к согласию и гуманизму.

Серьезные изменения, происходящие в нашем многополярном мире, поставили перед философами ряд вопросов, касающихся проблем диалога верующих и неверующих по вопросу милосердия. Каритативная деятельность способна упорядочить поведение, разрешить конфликты и напряжения между людьми с различными взглядами на жизнь, положением в обществе и т.д.

Современная философия уже не ограничивается прояснением новой духовной ситуации, а предлагает обществу различные варианты иных жизненных смыслов и ценностей. Выделение феномена «милосердия» в системе культурно-мировоззренческих универсалий и вхождения в категориальную систему общей и социальной философии актуально и связано с социально-экономическими, духовными преобразованиями, переоценкой старых и созданием новых ценностей. При этом милосердие выступает в новом качестве – своеобразного критерия человечности, основы для достижения согласия и взаимопонимания между людьми.

Милосердие понимается как человеческая сопричастность, альтруизм, сущностная характеристика человека, базовая потребность, коренящаяся в деятельной социальной природе человека, филогенезе и историческом опыте человечества, способность и готовность к взаимопомощи; человечность и совесть как духовное нормативное образование, основа самосознания, идентификации личности и восприятия другого человека; высшие нравственные чувства сострадания и деятельной любви к людям и другим живым существам, природе; благотворительность, каритативная деятельность и ее институты / попечительство, вспомоществование, милостыня, призрение и т.п.

Рассматривая такую базовую характеристику человеческого бытия, как милосердие в социуме, в духовном мире человека и общества, мы видим ее чрезвычайную подвижность и динамичность. Те или иные соответствия и пропорции согласующихся свойств, связей и отношений в мировых процессах складываются не мгновенно, а в результате протяженных во времени генетических, причинных, структурных и функциональных изменений. Милосердие поэтому становится результатом процесса согласования. Согласование (диалог) включает борьбу против тенденций к насилию, агрессии, возникновению конфликтов. Милосердие заключается в принятии человеком, сообществом других индивидов, активном вмешательстве в их жизнь (преодоления ущербности физической, интеллектуальной, психологической, сострадание, сопереживание, отказ от насилия).

В этой связи следует вспомнить, что история диалога христианства со

свободомыслящими своими корнями уходит в середину XIX века и тесным образом соприкасается, с одной стороны, с устремлениями некоторых свободомыслящих и ряда теологов объединить верующих и неверующих для совместных действий, направленных на экономические и культурные преобразования, а с другой – с попытками церкви приостановить процесс дехристианизации народных масс, стабилизировать свое влияние среди широких слоев населения.

В 1888 году в Брюсселе был основан Всемирный союз свободомыслящих. Первоначально данный союз был создан как федерация свободомыслящих, а с 1938 года – Всемирный союз свободомыслящих. В 1904 года была принята Римская декларация, которая провозгласила основными целями Всемирного союза свободомыслящих секуляризацию и демократизацию общества, защиту прав человека, приверженность светскому научному образованию, борьбу с клерикализмом. В 1974 году Роттердамская сессия Международного Совета этого союза подтвердила верность историческим традициям, провозглашенным еще в начале века [1].

В 1952 году был основан в Амстердаме Международный гуманистический и этический союз, руководствующийся следующими принципами: рациональным, научным подходом к проблеме человеческого существования; приоритете этики во взаимоотношениях человека с обществом и природой; неуклонной поддержкой демократических принципов общественной жизни.

Всемирный союз свободомыслящих и Международный гуманистический и этический союз продолжают антиклерикальные традиции, присущие свободомыслию предшествующих веков.

Но не только за рубежом, но и в нашей стране было организовано сообщество гуманистов. В 1995 году появилось Российское гуманистическое общество (РГО), межрегиональная общественная организация содействия развитию гуманизма [1].

Ценностями, образующими фундамент теоретической и культурно-просветительской работы РГО, являются человечность, уважение прав и свобод личности, признание ее социальной и экологической ответственности, также как ее ответственности перед собой – своим телом, мировоззрением и поведением. Среди других высоко ценимых гуманистических качеств – достоинство, милосердие, ненасилие, равноправие и социальная справедливость, свобода познания (исследования) и свобода совести. В рамках данного Устава есть место для диалога между верующими и свободомыслящими: гуманисты обращаются к человеку как таковому, независимо от его социального статуса, партийности, его религиозной веры или неверия; проясняются модификации и взаимосвязи светского гуманизма и религиозного.

В современном православном богословии также создана концепция «примирения» в обществе на основе заповедей любви и милосердия, чтобы на общих основаниях строить здание взаимопонимания, взаимоуважения и сотрудничества, подтверждается в документе «Основы социальной

концепции Русской Православной Церкви», принятом на Юбилейном Архиерейском Соборе, проходившем в Москве в 2000 году.

К каким конечным выводам не приводили бы теологические или атеистические системы, в мотивационном отношении они обычно используют и перераспределяют ценность таких извечных и глубоко волнующих тем, как счастье, справедливость, милосердие. Таким образом, каритативная деятельность выступает для свободомыслящих и верующих различных конфессий мотивационным опосредованием, способным быть основой диалога [2].

Расширение и углубление сотрудничества христиан, верующих других конфессий и неверующих возможно, прежде всего, по следующим направлениям: культура, каритативная деятельность, политика, экология и т.д. Наиболее рациональным объединением верующих и неверующих, исходя из выше сказанного, будет считаться договор по проблеме милосердия.

Литература и источники

1. Гуманистический манифест III, преемник Гуманистического манифеста 1933 года // Здравый смысл. Зима. – 2006 / 2007. - № 1.
2. Царенкова, Е.А. Психологические аспекты институционализации милосердия Русской Православной церкви // Материалы Всероссийской психологической конференции с международным участием «Категория смысла в философии, психологии, психотерапии и в общественной жизни», Ростов-на-Дону, 23–26 апреля 2014 г. - М., 2014. – С. 266–270.

КУЛЬТУРА НАСИЛИЯ И КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

Черновицкая Ю. В. (Москва, Россия)

Культура, являясь возвышающим, облагораживающим свойством человека, придающим ему отличные от животного свойства, является также и одним из источников насилия. Насилие существует как часть человеческой культуры, бесспорен факт применения человечеством насилия в социальных интересах, а не в интересах обеспечения естественных нужд пропитания и размножения, целесообразно говорить о культуре насилия.

Согласно А. Я. Флиеру, «культура насилия – это тот набор допустимых норм совершения насильственных действий в отношении человека или общества... и культурных текстов, регулирующих эти действия, а также семиотика форм, символизирующих насильственные действия или факт принадлежности человека к соответствующей группировке» [1]. Культурные основания насилия так или иначе рассматриваются в работах Ф. Ницше, З. Фрейда, Ж. Батая, М. Фуко, С. Хантингтона, Й. Галтунга и др.

Например Й. Галтунг рассматривал насилие как прямое и структурное. Он ввел понятие «треугольник насилия», в котором есть «видимая часть» (насильственное поведение, прямое насилие), «невидимая часть» культурные установки и убеждения, отношения к «другому» (восприятие, мышление) и

структурная часть – противоречия, формируемые социальной структурой» [2, с. 27].

Насилие сегодня имеет не столько экономические причины (какими руководствовались раньше, в период войн преимущественно за территорию и ресурсы), сколько идеологический подтекст. Поэтому А.Я. Флиер признает «культуру не только средством облагораживания человека, но и причиной для его уничтожения» [3, с. 20]. Огромное количество насилия в мире осуществляется именно под влиянием культурной неприязни, культурного отторжения. Поликультурные, многонациональные сообщества все чаще вступают в открытую конфронтацию, проявляя неспособность к взаимопониманию, толерантности. При этом именно культурные, идеологические основания мотивируют массовое насилие.

Даже мнение о полезности насилия, по мнению Галтунга [2, с. 28], само по себе порождает культуру насилия, говорит о том, что социальные структуры насилия могут быть изменены только насилием. Культура оправдывает, признает легитимными одни насильственные действия, и противозаконными другие. «...М. Модиа перечисляет некоторые действия, при которых насилие оправдывается обществом: публичная казнь, действия сотрудников спецслужб, действия солдат во время войны... убийство скота, эксперименты на животных» [4, с. 61], от себя добавим эвтаназия «неполноценных», «окончательное решение» еврейского, цыганского или любого другого вопроса и т.п.

Культура осознается собственной и уникальной, когда она отличается, противопоставляется другой культуре. Попытки насильно навязать чужие ценности вызывают резкую негативную реакцию и приводят к укреплению ценностей своей культуры, наблюдается кризис идеологии мультикультурализма. С. Хантингтон сводил это к конфликту между христианской и исламской цивилизациями как региональными общностями [5]. О конфликте между разными социальными типами культур (а не о региональном конфликте) – индустриальном (переходящим в постиндустриальный) и традиционном, – говорит А.Я. Флиер [3, С. 24].

Как отмечает П.Д. Тищенко [6, с. 377], каждое сообщество, государство имеет свой «возвышенный идеал», который защищают и оправдывают мыслители разных направлений. Так, естественное право и долг убивать врагов, право своих государств на мировое господство, покорение неполноценных народов и превосходство своего доказывалось в свое время разными областями науки (биологией, антропологией, лингвистикой, этнографией, психологией, богословием, различными направлениями философии). Чужих можно и нужно было перевоспитывать, преобразовывать, в противном случае – уничтожать [6, с. 381]. Деление окружающих на «своих» и «чужих» порождает как гордость за свои ценности, традиции, так и чувство дистанции, усиливает подозрительность, неверие этнически чуждым людям. С. Хантингтон настаивал на том, что европейцы (новые иммигранты приезжают в основном из не-западных обществ, жители Европы боятся того, что «на них обрушилось нашествие не

армий и танков, а мигрантов, которые говорят на других языках, молятся другим богам, принадлежат к другим культурам, и возникает страх, что они отберут у европейцев работу, оккупируют их земли, съедят все деньги социального обеспечения и будут угрожать их образу жизни» [5, с. 310]) борются более за сохранение чистоты культуры, чем за чистоту расы, чему свидетельствует запрет носить национальную одежду в школах, при одновременном участии в законодательной власти чернокожих африканцев.

Насилие становится все более бессистемным, нерегулируемым, происходит изменение, утрата его специфической культуры. Об этом свидетельствуют локальные военные конфликты, революции, гражданские войны, терроризм. Необходимо разработать эффективные меры противодействия любым (в том числе непреднамеренным) формам социального насилия, которые возникают в процессе массовых социальных изменений, вызывающих серьезный рост напряженности в обществе. Решение такой задачи требует методологического перехода от принципа политической преднамеренности при определении явлений социального насилия к системному подходу при изучении совокупности политических, экономических, идеологических и социальных действий (бездействий) субъектов или власти. Особое внимание следует уделить политике ненасилия, демократии, культуре мира, кросскультурному диалогу. Итоги взаимодействия национальных культур различны. Этнические процессы взаимодействия культур могут привести к разным формам как объединения этносов и их культур (ассимиляция, интеграция, глобализация культуры), так и их разделения (транскультурация, геноцид, сегрегация).

Как отмечает Н.Н. Федотова, «культура воспринимается как сеть взаимоотношений «своей» и «чужой» внутри каждой из культур (М. Мерло-Понти), как диалог (М. Бахтин), новая сфера «Между» «Я» и «Ты» (М. Бубер), символическое или ритуальное взаимодействие (символический интеракционизм Дж.Г. Мида, этнометодология И. Гофмана), как область интертекста и интеркультуры (постмодернисты от Ж. Батая до Ж. Дерриды)» [2, С. 29]. В то время как некоторые исследователи (например, В. Лекторский [2, С. 29]) считают, что только отдельные люди, группы, сообщества, институты могут участвовать в диалоге, определение «диалог культур» – метафора. Диалог отдельных лиц реален, но и при этом возможен конфликт цивилизаций или провокация культурной враждебности, вплоть до развязывания военного конфликта. Современное общество склонно к снижению ответственности за применение насилия.

Все формы нетерпимости и дискриминации на основе религии или культурных убеждений являются продуктом сознания человека, и, говоря о превентивных мерах, следует отметить, что именно сознание должно быть главным объектом воздействия. Превентивные меры охватывают целый ряд областей: просвещение и образование, средства информации и связи, межконфессиональный и внутриконфессиональный диалог. Оружие, действие, даже слово – это только средство, способ применения которого зависит от человека, от его восприятия культуры, способности вести диалог,

существования с другими. Культура может служить основанием, движущей силой как преступлений против человечества, так и основанием мира и сотрудничества, будем надеяться, что в глобализирующемся мире при намечающемся кризисе идеологии мультикультурализма возможность кросскультурного диалога представляется весьма перспективной.

Литература и источники

1. Флиер, А.Я. Культура насилия. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kabbalah.info/rus/content/view/frame/46796?rus/content/view/full/46796&main>.
2. Федотова Н.Н. Конфликты, идентичность и диалог // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 27. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/konflikty-identichnost-i-dialog>.
3. Флиер, А.Я. Культурные основания насилия // Знание. Понимание. Умение. – 2012. - № 1. - С. 20. - [Электронный ресурс <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-osnovaniya-nasiliya> Дата обращения 17.01.2016)
4. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://psychlib.ru/mgppu/periodica/pp102001/PP011060.HTM#Заголовок> С. 61.
5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. - М., 2003.
6. Тищенко, П.Д. Strangers in the night: мораль, любовь и биоэтика // Постигая добро: сборник статей. К 60-летию Рубена Грантовича Апресяна. - М., 2013. - С. 377.

ДИСКУРСИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРСПЕКТИВ КРОССКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Шатерник М. Г. (Минск, Беларусь)

Современные глобализационные процессы, способные в некоторых случаях порождать конфликты, актуализируют решение проблемы кросскультурного взаимодействия. В этих условиях установление механизмов коммуникации в масштабах культур позволит снизить конфликтногенность и будет способствовать повышению уровня взаимопонимания. Согласно философии дискурса, такие культурные особенности как вера, ценности, убеждения и в целом идеология той или иной культурной формации, являются общими формами мышления, закрепленными в языковой практике понимания. Другими словами, в соответствии с последними разработками дискурсивной философии и дискурс анализа, реальные конфликты неразрешимы одними практическими действиями, поскольку практика также определяется дискурсом. Именно поэтому реальные конфликты представляются как объективация конфликта дискурсов. Следовательно, построение эффективного диалога требует обращения к философии дискурса.

Понимание сути дискурсивного подхода в философии невозможно без

соотнесения феномена дискурса с самим субъектом, человеком. Дискурс выступает как смыслообразующая область, как совокупность условий возможности объектов. Мир субъекта и его сознание понимаются как знаковая реальность и изучаются с точки зрения механизмов образования смысла и его корректировки посредством дискурсивных практик. Именно такое понимание дискурсивного пространства представлено в теориях М. Фуко и Ю. Хабермаса. Ценная и дополняющая дискурсивный подход диалогическая интенция представлена в творчестве М. Бахтина.

М. Фуко в своем творчестве показал, что способы формирования объектов во многом обусловлены спецификой дискурсивной формации, в рамках которой эти объекты конституируются. Это значит, что базовые понятия морали, убеждения и ценности разных культурных форм будут принципиально различаться. Однако, по Фуко, существует предел такой «идеологичности» дискурса, который обнаруживается во внеисторической, аутентично человеческой активности субъекта «в критической работе над самими собой в качестве свободных существ» (цит. по: [1, с. 24]). Ярчайшим выражением подлинной человечности субъекта является, по М. Фуко, философская деятельность, ибо она есть «критическая работа мысли над самой собой». Именно «критическая мысль» в своем априорном стремлении к истине, способна обогнуть препоны, выставляемые различными формами дискурсивных практик. В то же время, будучи «мыслью в дискурсе», критическая мысль должна быть мыслью о себе самой, чтобы не «попасться» на собственную идеологичность. Таким образом, «критическая мысль» амбивалентна. С одной стороны, она есть стремление к свободе и истине. С другой – она сама является частью дискурса и нуждается в освобождении. Поэтому, на уровне субъектов кросскультурного диалога, должна быть достигнута степень критичности мысли, позволяющая элиминировать все социально-исторические наслоения дискурса, и редуцировать коммуникацию к одной лишь цели понимания друг друга как свободных, мыслящих существ.

После такой редукции встает вопрос о коммуникации, нацеленной на достижение согласия. Это предполагает построение диалога, который будет протекать в очищенном критическим мышлением дискурсе. Методы такого сближения и принципы нахождения точек соприкосновения различных позиций освещены в теории Ю. Хабермаса. Согласно немецкому мыслителю, на общекультурном уровне коммуникация в общем виде предстает как аргументация. Такая аргументация, которая, по сути, является обоснованием, проводится в два этапа: «сперва в качестве аргументативного правила вводится принцип универсализации U..., это правило обосновывается, исходя из содержания прагматических предпосылок аргументации вообще, в связи с экспликацией смысла притязания на нормативную значимость» [2, с. 173]. Второй шаг, с помощью которого должна быть показана «всеобщая, превосходящая точку зрения одной определенной культуры значимость U, опирается на выявление всеобщих и необходимых предпосылок аргументации... они служат обоснованием лишь того обстоятельства, что

«нашей» разновидности аргументации нет никакой видимой альтернативы» [2, с. 173]. Таким образом, основанием коммуникации является установка на прагматичность, которая заключается в нахождении общих нормативно значимых позиций, на базе которых возможно развитие дальнейшего взаимопонимания. Основой такой нормативной значимости должна быть ее очевидная для обеих культур безальтернативность.

Однако, в основе кросскультурного диалога, помимо критико-когнитивистского обоснования механизмов такого взаимодействия, должна лежать аутентично гуманитарная интенция, имеющая конечной целью подлинное взаимодействие личностей. Перспективы такого взаимодействия, намечены в творчестве М. Бахтина. Русский мыслитель полагал, что только в единстве человеческой ответственности, открывается перспектива синтеза таких форм как культура и жизнь. Миры всеобще-теоретической культуры и ответственного бытия могут встретиться только в акте поступка. Как пишет мыслитель: «Каждая мысль моя с ее содержанием есть мой индивидуально-ответственный поступок, один из поступков, из которых слагается вся моя единственная жизнь как сплошное поступление» [3, с. 12]. И подчеркивает, что «один лишь ответственный поступок способен преодолеть всякую гипотетичность» [3, с. 32]. В такой «неслиянности-неразделенности» «Я» и «Другого», в их одновременной событийности и диалектичности обнаруживает себя истинное основание подлинно человеческого диалога. Русский философ показывает сущность человеческой коммуникации как состоящую в стремлении к онтологическому единству. Именно поэтому, по Бахтину, понять кого-либо, значит «понять мое должествование по отношению к нему..., понять его в его отношении ко мне в единственном бытии-событии, что предполагает не отвлечение от себя, а мою ответственную участность» [3, с. 24].

Итак, перспективы кросскультурного диалога могут быть обозначены с помощью следующего набора идей. Поскольку специфика и различия культур зафиксированы в определенных типах дискурса как знаковой реальности, постольку необходимо начинать коммуникацию с ее «дискурсивной редукции» до первичных уровней аутентичности акторов взаимодействия. Таким первичным уровнем чистой субъективности является критическая работа субъекта над самим собой. Следовательно, именно философская компетентность акторов взаимодействия поможет предотвратить возникновение конфликта на стадии первичной коммуникации.

Следующим этапом выстраивания кросскультурного диалога является нахождение такой базы построения взаимодействия, которая может быть воспринята как наилучшая всеми участниками коммуникации. Нахождение «общих мест» является важнейшим элементом построения равноправного диалога. На этом этапе применяется метод равноправной аргументации с целью достижения согласия и сближения нормативно значимых позиций. О необходимости такого сближения, в противоположность молчаливой замкнутости, толкающей оппонентов диалога к отчужденности,

свидетельствует опыт размещения мигрантов в объединенной Европе. Он с очевидностью показывает, что без взаимного обсуждения и нахождения приемлемых базовых моральных пресуппозиций, заблаговременного выявления возможных конфликтных точек, и их оперативного дискурсивного сглаживания, не следует и затевать такой культурный синтез. Подлинно гуманистическим до степени безальтернативности принципом кросскультурного диалога может выступить идея ответственной соучастности.

Литература и источники

1. Колесников, А.С. Мишель Фуко и его «Археология знания» // Фуко М. Археология знания. – СПб, 2004. – С. 5–30.
2. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб, 2001.
3. Бахтин, М.М. Работы 1920-х годов. – Киев, 1994.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В КРОССКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ И ГОСУДАРСТВОМ ИЗРАИЛЬ В УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ших К. В. (Минск, Беларусь)

Одной из определяющих тенденций современного этапа развития международных отношений стало выдвижение на передний план вопросов, связанных с глобализацией, создающей угрозу национальной самобытности, культурно-цивилизационному многообразию мира, свободе личности. В этой связи потребность развития кросскультурного диалога между странами необходима как никогда. Диалог культур был и остается очень важным в развитии человечества. На протяжении веков и тысячелетий происходило взаимообогащение культур, из которых складывалась уникальная мозаика человеческой цивилизации [1]. Глобализация и глобальные проблемы современности способствуют кросскультурному диалогу, но для взаимопонимания и построения диалога недостаточно одной доброй воли – необходима кросскультурная грамотность (понимание культур других народов), которая включает в себя «осознание различий в идеях, обычаях, культурных традициях, присущих разным народам, способность увидеть общее и различное между разнообразными культурами и взглянуть на культуру собственного сообщества глазами других народов» [2].

Кросскультурный диалог необходим не только познания других культур, но и для сближения государств. Этот диалог должен, прежде всего, выйти за рамки формального обмена. Приобретает важность он только в том случае, если налаженный диалог позволяет людям поддерживать дружеские отношения независимо от религиозных, культурных и этнических различий. Данный диалог предполагает учет точки зрения другого участника. Это не означает некритического принятия чужой позиции, а подразумевает необязательность видеть нечто враждебное в иной культуре, в ней можно

видеть, что-то, что может помочь в решении неких общих проблем. В таком диалоге не только люди, но и культуры могут развивать собственную самоидентичность.

В условиях глобализации социальная философия нацелена на получение объективно-истинного знания об обществе и выступает специфической формой общественного сознания – ценностным отношением людей к переживаемой и осмысливаемой ими конкретной действительности своей жизнедеятельности.

Одной из причин, оказавшей значительное воздействие на процесс создания ценностей было гармоническое единство интересов выдающихся исторических личностей в различных сферах общественной жизни и интересов обычных, рядовых личностей, представляющих различные классы, нации и социальные группы [3, с. 204]. Историческая личность накладывает на общественные процессы, во главе которых она стоит, определенную «печать». Выдающаяся личность ускоряет ход развития событий [3, с. 207].

Таким образом, ключевой особенностью развития кросскультурного диалога между Беларусью и Израилем является феномен личности. Именно в этом понятии заложен фундамент культурных отношений между двумя странами.

Кросскультурный диалог Республики Беларусь и Государства Израиля выстраивается на основе сформировавшихся двух тенденций.

Первая тенденция заключается в понимании того факта, что выходцы из Беларуси принимали активное участие в создании и развитии Государства Израиль. С момента основания современного Израиля, наши земляки занимали самые высокие государственные посты: президенты и премьер-министры, министры финансов, транспорта, сельского хозяйства, абсорбции и здравоохранения, десятки депутатов Кнессета, два начальника Генерального Штаба, основатели и лидеры ведущих политических партий, известные дипломаты, редакторы газет и руководители радиостанций [4]. Сегодня в Израиле ставят памятники выходцам из Беларуси (Хаим Вейцман), появляются бульвары и улицы, названные в их честь (Элиэзер Бен Йегуда, Шимон Дубнов, Элиэзер Каплан, Хаим Ласков, Кадиш Луз, Мендл Усышкин, Залман Шазар). Именем Давида Ремеза (министра транспорта, образования, культуры) назван район Хайфы – Рамат-Ремез [5, с. 314].

На исторической родине, в Беларуси, побывали Шимон Перес и его старшая дочь Цвия Вальден, Ицхак Шамир, а также сын Ариэля Шарона Гилад Шарон [6].

Выходцы из Беларуси не творили историю. Как отмечал Л. Толстой: «Никто не может творить историю, а может лишь участвовать в ней» [7, с. 141].

Второй тенденцией в наших отношениях является ознакомление израильтян с белорусской культурой через призму знаменитых белорусских поэтов, художников, писателей. Ярким примером может послужить событие 29-ого декабря 2015 г. в Ашдоде, где состоялась торжественная церемония открытия памятного знака классику белорусской литературы Янке Купале,

организованная Посольством Беларуси в Израиле и муниципалитетом израильского города. Данное скульптурное увековечение памяти национального поэта стало вторым в дальнем зарубежье [8].

Таким образом, очевидно, что целенаправленное рассмотрение подходов к изучению двух культур не напрасно, поскольку у обеих стран есть много общего – белорусский и еврейский народы объединяет общая боль невосполнимых людских потерь в годы Второй мировой войны. В то время, когда в мире разгораются региональные конфликты, гибнут люди, уничтожаются памятники, происходят попытки переписать историю, Беларусь и Израиль сумели извлечь уроки из прошлого и научились ценить настоящее. Тем самым укрепив свои отношения в культурной сфере и сделав ставку на укрепление кросскультурного диалога между двумя странами.

Активный кросскультурный диалог двух стран помогает лучше узнать друг друга, а, следовательно, появляется потребность во взаимодействии, взаимопомощи, взаимообогащении. В условиях мировой глобализации, где происходит переосмысление жизненных ценностей, основы культуры размываются, Беларусь и Израиль сумели уделить должное внимание культурному диалогу, в котором ключевое место отводится человеку. Взаимодействие белорусской диаспоры в Израиле, которая насчитывает около 120 тысяч человек, с государственными учреждениями культуры, культурными коллективами Беларуси, помогает укреплять и совершенствовать культурный диалог. Особенностью кросскультурного диалога между нашими странами является взаимопонимание. В нашем диалоге присутствуют единство и сходство, которые способствуют укреплению и углублению наших отношений.

Литература и источники

1. Борисенко, О.А. Межцивилизационный диалог. Диалог культур. // Научный электронный архив [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://econf.rae.ru/article/4864>.
2. Колесников, А.С. Кросскультурное взаимодействие в современном мире и диалог культур // *Paradigma*. – 2004. – № 2. – С. 67.
3. Логинов, В.Е. Роль личности в истории: анализ философских концепций // *Метаморфозы истории*. – 1997. – № 1. – С. 197–208.
4. Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. – Минск, 1996.
5. Ших, К.В. Вклад выходцев из Беларуси в становление Государства Израиль // *Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 3*. – Минск, 2014. – С. 308–316.
6. Министерство иностранных дел Израиля.
7. Сиземская, И.Н.Л.Н. Толстой об исторической необходимости как «равнодействующей множества волей» // *Вопр. философии*. – 2010. – № 9. – С. 135–142.
8. Посольство Республики Беларусь в Израиле.

ДИАЛОГ НАУКИ И ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Юстинская Г. М. (Минск, Беларусь)

«Социальные перемены, глобализация культурной, экономической и политической жизни общества диктуют школе как социальному институту необходимость в обновлении содержания общего среднего образования с целью предоставления подрастающему поколению возможности получения качественного общего образования» [1, с. 3]. Качество обучения учащихся напрямую зависит от их способности трансформировать полученную информацию в знание.

В связи с этим сегодня целесообразно актуализировать проблему эффективности использования результатов педагогических исследований в образовательной практике. «Причем в ряду ключевых факторов, обеспечивающих эту эффективность, находится система информационного обеспечения научной деятельности» [2, с. 31].

Более двух лет профессиональное педагогическое сообщество и общественность имеют возможность обращаться по актуальным вопросам обучения и воспитания к материалам, размещенным на национальном образовательном портале «adu.by» – современном информационно-образовательном ресурсе, обеспечивающем комплексную поддержку всех участников образовательного процесса на уровнях дошкольного, общего среднего, специального образования. Информативность и инновационность – главные принципы функционирования портала.

Сегодня на интернет-ресурсе не только размещаются научные материалы, представляющие собой результаты научных исследований института, информация о тематике осуществляемых психолого-педагогических мероприятий, теоретические статьи и научно-практические материалы по актуальным направлениям развития системы образования, но и предоставляется уникальная возможность научному и педагогическому сообществам обсудить результаты исследовательских работ и наметить пути внедрения их в практику. Такие виртуальные дискуссионные площадки способствуют активному взаимодействию ученых, исследователей, учителей, учащихся и родителей.

Учеными отмечено, что «в русле большинства концепций электронного образования упор делается на интерактивном обучении при помощи компьютера», при котором «все более минимизируется работа педагога, а учебно-воспитательный процесс смещается в информационное поле Интернета» [3, с. 53]. Это обусловило поиск новых форм связи между всеми участниками образовательного процесса, ведущее место среди которых занимают дистанционные образовательные мероприятия. В число активно функционирующих образовательных ресурсов вошел интернет-ресурс по сопровождению олимпиад, турниров и конкурсов «<http://olimp.unibel.by>».

В настоящее время возможности ресурса позволили провести в

Национальном институте образования дистанционный этап республиканской интернет-олимпиады по учебным предметам «Всемирная история» и «История Беларуси» (<http://adu.by/?p=10228>). Проект можно рассматривать в качестве апробации организационной модели и комплексного учебно-методического обеспечения, разработанных институтом в рамках научно-исследовательской работы. Интернет-олимпиада нацелена на создание необходимых условий для поддержки одаренных учащихся; стимулирование проектной деятельности юных исследователей. Благодаря мероприятию максимальное количество учащихся вовлечено в интерактивное образовательное взаимодействие путем широкого использования возможностей дистанционного обучения и самообразования с применением информационно-коммуникационных технологий (вне зависимости от регионального расположения учреждения образования, уровня способностей и уровня достижения результатов обучения).

Открытые дистанционные интернет-проекты объединяют тысячи учащихся из всех регионов страны. Например, в дистанционном историческом конкурсе «Первая мировая война: эпоха, люди, судьбы» приняло участие более семисот учащихся. Данный конкурс способствовал формированию устойчивого интереса учащихся к изучению учебных предметов «Всемирная история» и «История Беларуси» через актуализацию знаний о Первой мировой войне, определению ценностных ориентаций и формированию нравственных убеждений на основе личностного осмысления истории XX века, совершенствованию умений учащихся использовать знания, полученные при изучении учебных предметов.

Интерактивное взаимодействие представителей науки, учителей-практиков и учащихся активно реализуется посредством участия в дистанционных образовательных проектах. Так, «Адкрыты дыстанцыйны культурна-інфармацыйны марафон «Культ-пра-Свет»» (<http://adu.by/?p=9738>) в числе основных задач проведения мероприятия обозначил знакомство всех заинтересованных с уникальным наследием и традициями разных регионов Беларуси, осуществление поддержки творческих инициатив и содействие развитию информационной культуры участников конкурса. «Адкрыты дыстанцыйны конкурс па вучэбным прадмеце «Беларуская літаратура», прысвечаны 85-годдзю з дня нараджэння Уладзіміра Караткевіча», был нацелен на развитие устойчивого интереса учащихся к изучению учебного предмета «Белорусская литература» через актуализацию знаний о жизни и творчестве Владимира Короткевича, содействие интеллектуальному, эстетическому и духовному развитию учащихся.

Особого внимания заслуживает открытие сетевого проекта для детей «Читательская культура и культура чтения», который стартует на национальном образовательном портале в апреле 2016 года. Мероприятие нацелено на расширение культурологического и литературоведческого кругозора учащихся, формирование восприимчивости подрастающего поколения к современной литературе; совершенствование умений правильно интерпретировать различные тексты современных художественных

произведений. В рамках проекта детские писатели предложат учащимся прочитать сказки, рассказы, повести, принять участие в литературной интернет-викторине, которая будет размещена на страницах портала. Итоговым этапом мероприятия станет открытая творческая встреча авторов книг и самых чутких к поэтическому слову юных читателей.

Знакомство учащихся с произведениями современной детской литературы поможет им в будущем понять сложность и дискуссионность нашей действительности, особенности и перспективы развития новейшей литературы, получить представление о литературных экспериментах и художественных открытиях.

Уникальный живой диалог юных читателей с яркими представителями современного литературного процесса будет содействовать развитию читательской культуры учащихся, устойчивого интереса к чтению.

Открытые дистанционные образовательные мероприятия, способствуя своевременному внедрению результатов научных достижений в образовательную практику, демонстрируют новые формы взаимодействия всех участников образовательного процесса.

Современные образовательные интернет-ресурсы предоставляют уникальную возможность широкой научной и педагогической общественности для организации онлайн-консультаций лучших специалистов страны в различных областях науки, образования и культуры. На образовательных ресурсах оперативно создаются виртуальные дискуссионные площадки для обсуждения наиболее актуальных проблем обучения и воспитания, например, таких, как разработка инновационных подходов «к подготовке учебных материалов нового поколения с учетом их функций и способов практического применения», выступающих «важным условием модернизации существующей системы образования» [1, с. 6].

Активное плодотворное взаимодействие педагогической теории и практики способствует успешному «вхождению отечественного образования в мировое образовательное пространство» [1, с. 6].

Литература и источники

1. Сидоренко, Р.С. Нормативно-методологическая база совершенствования обучения и воспитания учащихся в системе общего среднего образования Республики Беларусь // Адукацыя і выхаванне. – 2016. – № 2. – С. 3–6.
2. Юстинская, Г.М. Национальный образовательный портал как инструмент эффективного взаимодействия педагогической науки и образовательной практики // Адукацыя і выхаванне. – 2016. – № 2. – С. 33–33.
3. Салеев, В.А. Эстетическое воспитание в XXI веке: сущность, цели, задачи // Адукацыя і выхаванне. – 2016. – № 2. – С. 47–53.

Раздел 2. СОВРЕМЕННЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И СТРАТЕГИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: СУЩНОСТЬ, ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Айзенштадт А. Л. (Гомель, Беларусь)

Мультикультурализм – относительно новый феномен в современном мире, являющийся следствием глобализации как процесса всемирной экономической, политической и социокультурной интеграции и унификации. Глобализация подразумевает свободное перемещение людей, рабочей силы и привела к мощным миграционным потокам по маршрутам Юг–Север, Восток–Запад. В результате многие ведущие страны утратили мононациональный характер и столкнулись с серьезными этнокультурными проблемами, принявшими в последнее время катастрофический характер.

Существует несколько моделей решения проблем, связанных с культурной, этнической, расовой и религиозной разнородностью большинства государств мира. Обычно выделяют три модели.

Первая модель – ассимиляция, которая предполагает более или менее полное поглощение национальных меньшинств доминирующей этнокультурной общностью. Примером до последнего времени могла служить Франция, где проводилась политика культурного универсализма, направленная на ликвидацию этнических и языковых различий.

Вторая модель – интеграция, которая основана на сохранении каждой этнокультурной общностью своей идентичности. В то же время, осуществляется политика, направленная на приоритет общегосударственных интересов, постепенное стирание культурных, этнических и языковых различий, что характерно для Германии.

Третья модель – мультикультурализм, политика, направленная на сохранение и развитие культурных, этнорелигиозных различий, предоставления определенных льгот и привилегий разнообразным меньшинствам. Считается, что такая политика характерна для США (а сейчас и для всего Европейского Союза).

Ч. Кукатас, в свою очередь, выделил пять вариантов этнокультурной политики:

– изоляционизм – стремление государственной политики сохранить существующую социальную структуру и привилегии, в том числе через запрет иммиграции;

– ассимиляторство – политика культурного патронажа, при которой мигрантам предъявляется требование влиться в культурное пространство государства и принять существующую систему его ценностей;

– апартеид – искусственная дифференциация этнических общностей с

целью воспрепятствования межкультурному и межэтническому смешению;

– «жесткий» мультикультурализм – всесторонняя поддержка культуры меньшинств, ее укрепление и поддержание;

– «мягкий» мультикультурализм – поддержка общего культурного поля, равное и равное отношение к этническим культурам, которые хотят сохранить локальное своеобразие [1].

Основными принципами мультикультурализма являются:

– позитивное отношение к этнокультурным различиям, так как культурное многообразие обогащает общество, делает его более жизнеспособным;

– свобода этнокультурного самовыражения, право на культурное отличие, в соответствии с которыми все члены и группы сообщества имеют право на сохранение и поддержание своих культурных особенностей;

– культурная равноценность и взаимная толерантность индивидуальных и групповых носителей этнокультурного своеобразия, предполагающие конструктивное отношение к «иному»;

– иерархически структурированная множественная идентичность: каждый индивид по своему выбору может одновременно быть частью нескольких множеств, что делает их пересекающимися, при этом идентификация себя с государством (гражданская идентификация) является первичной, с той или иной группой – вторичной;

– единство во множественности: культурная автономия той или иной группы признается в той мере, в какой она не противоречит общим базисным ценностям большинства, с которыми идентифицирует себя государство (селективное сохранение культур);

– поощрение идентификации индивида с той или иной этнокультурной группой, что формирует устойчивое самосознание, содействует психологической защищенности, тем самым создавая предпосылки для открытости по отношению к другим этнокультурным группам и воспитания взаимной терпимости;

– право на равные шансы: культурные различия дополняются принципом недискриминации и равноправия, предполагающего равенство перед законом и равный доступ к материальным, властным и прочим социально значимым ресурсам;

политическая управляемость: понимание того факта, что мультикультурализм не есть саморазвивающийся феномен, для его формирования и развития необходима политическая воля и поддержка [2].

Политика мультикультурализма предполагает:

– законодательное закрепление и гарантирование равноправия этнокультурных общностей;

– внедрение программ по адаптации иммигрантов, включая изучение языка, истории, культуры страны пребывания;

– преимущественное право представителей меньшинств на получение образования, рабочего места, продвижение по службе, льготы и финансовые выплаты;

- расширение возможностей для иммигрантов использовать родной язык при обучении и в общественно-политической жизни;
- либерализация законов о гражданстве;
- расширение предоставления иммигрантам избирательных прав;
- создание специализированных институтов, ответственных за предотвращение межэтнических конфликтов, осуществляющих контроль за исполнением антидискриминационного законодательства, содействующих адаптации и интеграции иммигрантов.

Одним из проявлений мультикультурализма является политкорректность – широкое распространение языковой практики, предлагающей избегать использования тех слов и высказываний в отношении расовой, этнической, половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида представителей определенных социальных групп, которые те могут посчитать оскорбительными и дискриминационными. Так, «политически корректно» называть негра «афроамериканцем», индейца – «коренным американцем», инвалида – «преодолевающим трудности из-за своего физического состояния», толстяка – «горизонтально ориентированным», бедняка – «лишенным преимуществ» и т.д. Неполиткорректно изображать в кино афроамериканца в качестве преступника, а политкорректно – в качестве полицейского, судьи, адвоката, прокурора [3].

Как видим, теоретические основы мультикультурализма гуманистичны и заслуживают позитивной оценки. Можно отметить несомненные достоинства «мультикультурализма» такие, как уважение этнокультурного самовыражения; сохранение и поддержание культурного многообразия; признание и защита многообразных меньшинств; поддержка равноправия и борьба с дискриминацией; отказ от шовинизма, расовых и других предрассудков и стереотипов, ксенофобии; воспитание терпимости и уважения к «Другому».

Вместе с тем мультикультурализм породил серьезные проблемы, с которыми ведущие страны Запада не в состоянии справиться:

- массовый приток беженцев привел не столько к культурному многообразию, сколько к болезненному столкновению цивилизаций разного типа, о чем предупреждал в свое время С. Хантингтон;

- этнокультурный плюрализм, как оказалось, противоречит интересам формирования единого гражданского общества, интегрироваться в которое представители национальных меньшинств категорически отказываются;

- политика льгот и привилегий привела к росту социального иждивенчества в среде этнорелигиозных меньшинств, утверждению, что им «все и всё» должны и стимулировала неконтролируемую и незаконную иммиграцию;

- возник феномен «позитивной дискриминации», когда дискриминируются представители большинства: при прочих равных условиях на работу возьмут скорее черного, чем белого, точно также как гомосексуал будет иметь преимущество перед гетеросексуалом;

– политкорректность зачастую принимает анекдотический характер, не столько решая, сколько замалчивая, затушевывая, камуфлируя, сублимируя реальные проблемы социального неравенства и этнокультурного многообразия;

– массовая незаконная иммиграция, во многом спровоцированная политикой мультикультурализма, привела к росту ультраправых настроений, ксенофобии, шовинизма и национализма.

Таким образом, мультикультурализм, несмотря на гуманистические принципы, оказался пока не в состоянии решить сложные социально-политические и этнокультурные проблемы современного мира.

Литература и источники

1. Кукатас, Ч. Теоретические основы мультикультурализма [Электронный ресурс]– Режим доступа: http://greater_political.academic.ru.
2. Гайслер, Х. Граждане, нация, республика. Европа и мультикультурное общество [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://greater_political.academic.ru.
3. Политкорректность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://greater_political.academic.ru.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА БЕЛАРУСИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ДУХОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ: РИСКИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Алейникова С. М. (Минск, Беларусь)

Вопросы соотношения государственной идеологии, национальной идеи и национальных символов в последние годы все чаще приобретают качество одного из наиболее распространенных инструментов воздействия на коллективное сознание, смещаясь из сферы консолидации общества в сферу информационного противоборства. Как отмечается в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств. Усиливается роль и влияние средств массовой информации на общественную жизнь, активно распространяется практика целенаправленного, в том числе негативного, внешнего информационного воздействия [1]. Выбор именно указанных инструментов связан с тем, что государственная символика отсылает к эмоциональному восприятию и образной памяти народа, т.е. к тем глубинным основаниям коллективной памяти, которые образуют архетип, формируют национальное самосознание, являются одной из фундаментальных основ социокультурной идентичности народа.

В данном контексте обращают на себя внимание две ключевых проблемы, первая из которых – устоявшийся в последние полтора десятилетия в обыденном восприятии белорусов стереотип отождествления исторической символики времен Великого княжества Литовского (ВКЛ), в

первую очередь, герба «Пагоні», с националистическими, оппозиционными и в принципе с любыми протестными движениями. Вторая проблема заключается в попытках противодействия подобному отождествлению, осуществляемых через формирование в белорусских СМИ негативного имиджа, нивелирование исторической значимости и в некоторых случаях – прямую дискредитацию данной символики («оккупационной», «коллораборационистской» и т.п.). Подобные попытки создают предпосылки для искусственного противопоставления двух исторических символов, в ещё большей степени способствуя закреплению за одной из них имиджа «оппозиционности».

Многие аспекты указанных проблем обусловлены рядом объективных исторических предпосылок и факторов, общих для всех стран бывшего СССР. Вопросы смены символов и переориентации идеологических и мировоззренческих систем них до настоящего времени достаточно болезненно и неоднозначно воспринимаются значительной частью постсоветского общества, однако обращение к ним необходимо для адекватного представления как истоков указанных проблем и тенденций, так и путей их разрешения.

Основным фактором, обуславливающим отдельные неоднозначные проявления в рассматриваемой сфере, является «травмированное историческое сознание» [2, с. 17–21], связанное с глобальными геополитическими трансформациями конца XX века: сломом не только экономических и политических моделей, но и мировоззрения, обесцениванием казавшихся ранее незыблемыми идеалов, ценностей и норм советского общества.

В числе негативных следствий травмированного исторического сознания можно назвать «размывание» гражданской и социокультурной идентичности, т.е. утрату чувства коллективной принадлежности граждан бывшего СССР, неизбежно повлекшее за собой противостояние символических рядов и смыслов, «клиповость» восприятия, эклектичность коллективной памяти и общественного сознания. Поэтому множественность и конкуренцию в одном социальном пространстве различных символов с полным основанием можно назвать одновременно как инструментом, так и следствием разобщения и дестабилизации общества.

На государственном уровне это выразилось в том, что, например, в России в государственной символике и официальном церемониале оказались закреплены символы двух противопоставляемых друг другу эпох: Российской Империи (герб и флаг) и СССР (гимн). Кроме этого, было введено такое понятие, как «Знамя Вооруженных сил Российской Федерации», воспроизводящее советскую символику. По сути это явилось вынужденной мерой, поскольку красное знамя, несмотря на попытки выстраивания негативного отношения к советскому периоду, в эмоциональной народной памяти навсегда осталось связано в первую очередь с Победой в Великой Отечественной войне.

Подобное противоречивое сочетание символики в настоящее время

стало инструментом конструирования исторической памяти и манипуляции общественным сознанием. Так, на ежегодном Параде Победы в Москве знаменной группой первым выносятся российский триколор, и лишь вслед за ним Знамя Победы, устанавливая тем самым иерархию и соответственно – конкуренцию символов. Исключение составил юбилейный Парад Победы 2015 г., когда очередность была изменена и первым было вынесено Знамя Победы. В Республике Беларусь знаменная группа оба флага – государственный флаг и Знамя Победы – выносит вместе, не ранжируя и не противопоставляя значимость этих символов.

Второй фактор, непосредственно связанный с травмированным историческим сознанием, – мощная тенденция перемифологизации истории, выбора приоритетной модели исторического прошлого и соответственно – вектора цивилизационного развития. Данная тенденция обусловила возникновение относительно нового явления, особенно широко получившего свое распространение в последнее пятилетие: появление так называемой «альтернативной» символики, к которой, в частности, можно отнести ставшей популярной в России акцию с георгиевской ленточкой, вытеснившей, по сути, всю советскую военную символику. Празднования в 2015 г. в России Дня народного единства зафиксировали появление новой, «народной» символики – уже не георгиевской ленточки, а георгиевского флага. Иными словами, «альтернативная» символика в России стала мощным инструментом целенаправленного и системного замещения ненужной памяти, перемифологизации и конструирования прошлого.

В то же время, если в России «альтернативная» символика, хотя и выступает инструментом вытеснения нежелательной памяти, но лояльна государственной символике, то в Республике Беларусь сложилась несколько иная ситуация. С одной стороны, основными чертами белорусской государственной символики можно назвать ее единство и цельность, отсутствие внутренней конкуренции (иерархии). С другой стороны, в отношении исторической символики периода ВКЛ – символа «Пагоні» сформировался негативный стереотип «оппозиционности» и «национализма». Учитывая особенности приведенных факторов, необходимо отметить, что любая демонизация того или иного символа способствует разобщению общества, рассогласованию ценностей и интересов различных социальных групп, формируя избирательное негативное отношение к конкретному историческому периоду.

В этой связи необходимо осознавать, что любое противопоставление создает искусственную конкуренцию символов и, как правило, достигает обратного эффекта, особенно в маргинальных слоях молодежной среды, не столько задумывающихся о глубинном историческом содержании символа, сколько воспринимающих его как возможность заявить о себе, противопоставляя общепризнанным нормам и ценностям. Поэтому белорусским СМИ, как государственным, так и негосударственным, необходимо нивелировать сложившийся негативный стереотип в отношении символа «Пагоні», который на обыденном уровне зачастую воспринимается

как «оппозиционный» и «националистический». Отсутствию оснований для конкуренции и противопоставления символик и мировоззрений будут способствовать деполитизация и деидеологизация символов, отказ от негативной терминологии и освещения в СМИ.

Символ «Пагоні» является неотъемлемой частью исторического прошлого Беларуси, одного из этапов развития ее государственности, а также элементом гербов некоторых белорусских городов. Формирование позитивного имиджа исторической символики позволит уйти от негативных ассоциаций, возможного искусственного мировоззренческого разобщения в условиях глобальных геополитических и цивилизационных рисков и вызовов.

Литература и источники

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 24 января 2014 г. № 49 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>.
2. Тощенко, Ж.Т. Фантомы российского общества. – М., 2015.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД Д. АНДРЕЕВА

Александров В. Л. (Минск, Беларусь)

Русский поэт и мистик Даниил Андреев относился к немногочисленному ряду мыслителей, которые в разгар холодной войны и противостояния сверхдержав предвидели глобализационные и интеграционные процессы: «внутренний пафос новейшей истории – в стихийном стремлении ко всемирному» [1, с 8].

Д. Андреев также указал на возможные сценарии объединения человечества. В сумме эти сценарии предстают как набор точек бифуркации, как «непрерывно ветвящаяся цепь дилемм» [1, с. 238], причём «ближайшей к нам во времени великой дилеммой, нависшей над нами как дамоклов меч, является выбор между третьей мировой войной и всеобщим мирным сосуществованием» [1, с. 239]. В случае её развязывания альтернативами окажутся «физическое самоубийство человечества либо нескончаемая цепь более локальных войн и переворотов, либо, наконец, объединение мира под эгидой американского или ещё какого-нибудь из уицраоров (демоны сверхдержав в терминологии Д. Андреева – В.А.)» [1, с. 239]. В последнем случае «универсальное государство вступит на путь к универсальной тирании» [1, с. 239].

Если же человечеству удастся избежать рукотворной катастрофы, то важнейшей дилеммой окажется выбор между объединением на государственной или негосударственной платформе. Поскольку последние века государство выступает доминирующим социально-политическим институтом, в общественном сознании оно предстаёт как единственная сила,

способная удерживать общество в рамках относительного устойчивого социального порядка, стабильности, целостности. С другой стороны, именно государства современности стали источниками и проводниками крупнейших социальных потрясений и катастроф: «Они уже столько раз ввергали мир в пучину войн и тираний – где гарантии, что они не ввергнут его ещё и ещё? И, наконец, сильнейший победит во всемирном масштабе, хотя бы это стоило превращения трети планеты в лунный ландшафт» [1, с. 9].

Д. Андреев предполагал, что ужас от пережитого в XX веке заставит людей (как элиты, так и широкие слои) обратиться к поиску таких форм объединения, которые будут определяться доминирующей ролью гражданского общества. По крайней мере «над деятельностью государств насущно необходим этический контроль» [1, с. 9]. Кто фактически мог бы организовать такой контроль и как институционально он может быть организован? Не является ли это вариацией старой утопической мечты о мудрых советниках при правителях, идущей от Платона вплоть до современных концепций меритократии и экспертократии? Кто будет определять вес морального авторитета учёных и деятелей культуры, религиозных пастырей и технократов, в чьих руках окажутся принятия судьбоносных решений? Не будут ли они ширмой для власти? Ведь и сам Д. Андреев признаёт, что, например, по отношению к государствам «наука превращается в их послушную служанку, куда более послушную и надёжную, чем была церковь для феодальных владык... Неудивительно, что каждый успех науки и техники обращается теперь против подлинных интересов человечества» [1, с. 9].

С сожалением констатируя, что «религиозные конфессии, раньше всех провозгласившие интернациональные идеалы братства, теперь оказываются в арьергарде всеобщего устремления ко всемирному» [1, с. 9] и в тоже время понимая причины этой настороженности («это возникший ещё во времена древнеримской империи мистический ужас перед грядущим объединением мира... откуда единственный выход к абсолютному единовластию, к царству «князя мира сего»» [1, с. 9]), Д. Андреев, тем не менее, отваживается на создание амбициозного концепта, названного им «Розой мира». Одноимённый труд, написанный им в советской тюрьме в 50-е годы, был опубликован в 90-е и с сразу вызвал ожесточённые споры и противоположные интерпретации. Для самого Д. Андреева образ «Розы мира» был многослойным философско-религиозно-художественным конструктом. Несомненна его утопическая природа: это мечта о бескровном, ненасильственном объединении человечества, при котором возможно мирное сосуществование людей с различными верованиями, культурными традициями, политическими убеждениями. Это мечта о таком росте качества жизни, при котором духовная жажда и стремление к творчеству не угаснут, а напротив, возрастут и охватят большинство. Это мечта о таком регулируемом этикой научно-техническом прогрессе, при котором человек сможет вернуться к гармоническим отношениям с природой.

При всём очевидном утопизме, некоторые из прогнозов Д. Андреева

уже сбылись: объединение Европы и распад социалистического лагеря, развитие экологической культуры (эко-воспитания, «зелёных» движений и организаций на фоне обострения экологического кризиса), да и сам факт глобализации.

В осмыслении общественных отношений диалектический характер «Розы мира» заключается в убеждённости автора в возможном и необходимом сохранении национального, культурного, религиозного многообразия параллельно процессам интеграции и глобализации. Собственно, с духовной и этической точки зрения согласно Д. Андрееву разрушительны те аспекты и формы глобализации, которые влекут нивелировку культур, исчезновение языков, гибель традиций. Может ли быть глобализация иной, особенно в эпоху массовизации всех сторон жизни: производства, потребления, коммуникации, техносферы, психосферы? Для предотвращения таких негативных процессов Д. Андреев призывает к созданию новой педагогики, целью которой выступает «воспитание человека облагороженного образа» [1, с. 238]. Это человек с такой глубиной познания мира и широтой взглядов, с такой веротерпимостью и моральной чистотой, с таким творческим импульсом и способностью к сопереживанию, при которых его закономерной картиной мира и образом жизни будет «всеединство», «единство в многообразии», «свободное единство в творчестве и любви ко всему существу». Вот как, в частности, он описывает образ религиозной терпимости: «Пусть христианин вступает в буддийский храм с трепетом и благоговением... пусть мусульманин входит в индуистский храм с мирным, чистым и строгим чувством... и пусть правоверный шинтоист не минует неприметного здания синагоги с пренебрежением и равнодушием» [1, с. 29]. Конечно, сегодня, в период обострения межнациональных и межрелигиозных конфликтов, в период войн и терактов, эти пожелания могут казаться наивными. С другой стороны, рубеж веков и тысячелетий даёт немало и обратных примеров. Мы наблюдаем множество индивидуальных поступков и социальных движений, которые иллюстрируют подлинно гуманистическое восприятие и переживание других людей и даже природы. Растёт количество организаций и инициатив правозащитной, антивоенной, благотворительной и экологической направленности. Вопрос только в том, какая из этих противоположных тенденций возьмёт верх в ближайшей исторической перспективе.

Глобализация необратима в силу научно-технического характера современной цивилизации, но её содержание, векторы направленности, последствия для общества и природы, положительные и отрицательные стороны зависят от усилий конкретных людей и сообществ. Даниил Андреев принадлежит к тем деятелям культуры, кто всем своим творчеством способствовал осуществлению положительных сторон глобализационных процессов.

Литература и источники

1. Андреев, Д.Л. Роза мира. – М., 1991.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Антанович Н. А. (Минск, Беларусь)

Истоки теоретического осмысления проблем государственного и политического управления восходят к трудам классиков теории менеджмента и политической науки. Представители «классической» или «административной школы управления» М. Вебер и А. Файоль использовали достижения первых теоретиков научного менеджмента (Ф. Тейлора, Ф. и Л. Гилбертов) и разработали принципы административно-государственного управления («принципы рациональной бюрократии»). М. Фоллет и Э. Мэйо (представители неоклассической школы или «школы человеческих отношений») изучали психологические аспекты внутриорганизационного поведения, разработали модели мотивации и улучшения психологического климата в коллективе. Данные идеи продолжили представители школы поведенческих наук Д. Мак Грегор, Р. Лайкерт, А. Маслоу, Ф. Херцберг. Теорию системного управления развивали Т. Парсонс, Д. Истон, П. Дракер. М. Вебер и В. Вильсон поставили проблему дихотомии политики и администрирования. После Второй мировой войны Г. Саймон, Д. Лернер и Г. Лассуэлл стали известны как основатели политико-управленческих наук. Указанные авторы внесли вклад в *модернистскую концепцию* конструирования политико-административных отношений и государственного управления. Основные ее черты: суверенное государство, автономия государственной власти, централизованное, бюрократическое управление, рационализация управленческой деятельности как особого вида профессии, иерархическое подчинение нижестоящих звеньев вышестоящим, четкая исполнительская дисциплина. Модернистская концепция органично вплетена в трактовку государства как особой организации, обладающей следующими атрибутами: суверенитет властных институтов, распространяющийся на определенную территорию и население, ряд монополий (на принуждение, законотворчество, взимание налогов, эмиссию денег). Модернистскую концепцию государственного управления использовали для формирования социального государства и корпоративного государства.

Постмодернистская трактовка политико-административных отношений и государственного управления формируется на рубеже XX–XXI веков. Она зафиксировала как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические изменения в государствах, прошедших модернизационную стадию и вступивших на постиндустриальную стадию развития. Характеристики «постмодернистской» концепции государственного управления: размывание суверенитета, возрастание роли транснациональной власти, смягчение пограничных режимов, ограниченное, децентрализованное, небюрократическое управление в условиях

многосоставного общества. Трансформируются базовые атрибуты государства (к примеру, монополия на эмиссию денег). Постмодернистская модель политико-административных отношений зафиксировала процессы децентрализации власти, а также совершенствование инструментария управленческих технологий (привлечение достижений бизнес-менеджмента в государственное управление) [1].

Теоретическую основу постмодернистской концепции составили неoinституционализм и новый государственный менеджмент (НГМ), концепции «хорошего управления» и политических сетей. Следует также отметить, что научное осмысление процессов государственного управления зафиксировало несколько моделей государства: модель минимального государства, модель социального государства и близкая к ней модель государства всеобщего благосостояния, модель корпоративного государства, а также модель эффективного и активизирующего государства. Именно активизирующее эффективное государство сочетает *демократические принципы* с рационализированными управленческими инструментами.

В работах таких авторов как Г. О’Доннел, А. Лейпхарт, Ф. Шмиттер выделены следующие факторы консолидированной демократии: 1) подотчетность и ответственность должностных лиц; 2) прозрачность деятельности и способность законодательной ветви власти сдерживать исполнительную ветвь власти; 3) активное гражданское общество; 4) независимая судебная власть. Все указанные принципы могут быть инкорпорированы в систему государственного управления, вне зависимости от формы правления и административно-территориального деления страны. Политическую демократию связывают с возможностью контроля за административными институтами со стороны общества, а также с наличием каналов выявления интересов общественных групп у представителей администрации, возможностей публичного обсуждения общественно значимых проблем.

Концептуальное осмысление процессов государственного и политического управления в политической науке основывается на системном, неoinституциональном [3] и сетевом подходах. Трансформация концептуального осмысления государственного управления идет от рассуждений о должной организации управленческой системы к рассмотрению реальных условий, ресурсов, ограничений, в рамках которых осуществляется принятие решений. Политологи также стремятся актуализировать проблематику функциональности / дисфункциональности организационной структуры исполнительной власти в связи с ее способностью соответствовать социальным запросам, а также требованиям рациональности и эффективности.

Литература и источники

1. Евстифеев, Р.В. Политико-административные преобразования в контексте глобальных вызовов: отечественный и зарубежный опыт, проблемы и тенденции развития: автореф. дисс. ... докт. полит наук. 23.00.02. – Уфа, 2011.

2. Ирхин, Ю.В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Полития. 2006. – № 4. – С. 136–161.
3. Купряшин, Г.Л. Политико-административные институты модернизации государственного управления: автореф. дисс. ... докт. полит наук. 23.00.02. – М., 2013.

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО БЕЛАРУСИ И ТУРЦИИ: ОБЩИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

Барановский Н. П. (Минск, Беларусь)

На всех этапах развития человеческой цивилизации религия была и остается одним из важнейших факторов, влияющих на мировоззрение и способ жизни каждого верующего, а также на отношения в обществе в целом. Она является общественным институтом, занимающим важное место в структуре общества; выступает как форма общественного сознания, выражающая определенные идеи и регулирующая общественные отношения; существует в виде системы норм и предписаний поведения человека в обществе; выполняет компенсаторную функцию, облегчая верующему человеку страдания и показывая выход из трудных, кажущихся безвыходными ситуаций [1]. Оптимальным для развития современного общества и его стабильности представляется утверждение в общественном сознании принципов веротерпимости, толерантности, права на свободу совести, стремление к диалогу между различными конфессиями, верующими и атеистами [2].

Подчёркнутые выше тенденции изменения влияния религии на общественную жизнь наблюдаются также в Беларуси и Турции.

Рассматривая важность религии в Беларуси можно отметить, что радикальные изменения в обществе, произошедшие за последние двадцать лет белорусской истории, оказали всестороннее влияние на социально-экономическое развитие и духовную жизнь народа, его отношение к религии и религиозным организациям, а также вызвали оживленную дискуссию о государственно-религиозных отношениях [3]. Государство перешло от принципа отделения государства и школы от церкви к принципу построения взаимоотношений государства и религиозных организаций с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа (статья 16 Конституции Республики Беларусь) [3]. В настоящее время согласно социологическим исследованиям церковь в качестве важнейшего элемента гражданского общества принимает активное участие в жизни государства. Особо велика в воспитании у людей нравственности и толерантности роль Православной церкви, Католического костёла, Протестантского собора и Еврейской синагоги. Конфессии эффективно выполняют возложенные на них функции, особенно в области формирования социальных, семейных, культурных идеалов и предпочтений, моральных, нравственных и духовных ценностей и ценностных ориентаций [4].

В Беларуси церковь становится все более важным жизненным камертоном выбора целей и стремлений многих людей, именно она детерминирует систему жизненных ориентиров. Благодаря православным ценностям у людей формируется комплекс морально-нравственных норм и принципов, связанных с нравственным поведением и своеобразием в общественном сознании и поведении [4]. Стоит также отметить, что религия является важной традиционной социокультурной ценностью, формирующей социокультурную идентичность нашей страны [5].

Если говорить о статусе религии в турецком государстве, то на протяжении многих веков своей долгой истории Турция была одним из наиболее влиятельных центров мусульманского мира. Особенно заметно это проявилось в эпоху Османской империи, которая до сих пор по праву воспринимается примером традиционного ислама. Практически все стороны общественной и личной жизни подданных османского султана испытывали глубокое влияние ислама как религии и культуры. Это относилось и к правовой системе империи, а также к организации и деятельности государственных институтов [6].

В настоящее время новый вектор внутривластной ориентации Турции вновь вернул на внутривластную арену традиционную для Турции борьбу между сторонниками светского развития страны и адептами возврата к традиционным исламским ценностям. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что ситуация с конституционным закреплением светского характера турецкого государства остается дискуссионной. В турецком обществе и среди авторитетных политических сил страны нет единства по этому вопросу. Важно, однако, что споры по такой острой теме ведутся в стране в целом в рамках закона и принципов демократического общества. Не случайно, что ключевую роль в разрешении всех конфликтов вокруг принципа лаицизма играют судебные органы. Это является признаком демократии. Естественно, что роль ислама в современной Турции не сводится к конституционному закреплению принципов светского государства. Страна остается одним из самых авторитетных центров мусульманского мира. Это проявляется, в частности, в развитии современной исламской мысли, одним из самых ярких представителей которой является крупнейший турецкий мыслитель и общественный деятель Фетхуллах Гюлен через идею «воспитания нового человека» [8]. На сегодняшний день Турция является одной из немногих мусульманских стран, в которых ислам отделен от государства. Но, несмотря на то, что Турецкая Республика – светское государство, ислам остается одним из главных сюжетов в картине его политической жизни [7].

Таким образом, проанализировав особенности развития религии в современном обществе, можно обозначить основные отличительные и общие моменты между Беларусью и Турцией, что может в дальнейшем способствовать оптимизации международного и межкультурного взаимодействия между странами. Стоит отметить, что как в Беларуси, так и в Турции наблюдается повышение статуса религии после периодов

секуляризации духовной жизни во второй половине XX в. В обеих странах религия оказывает существенное влияние на сферы духовного и нравственного образования. Также стоит подчеркнуть стремление к укреплению и сохранению исторически сложившихся духовных и культурных традиций: православной в Беларуси, мусульманской в Турции. Из отличий выделяется явная нестабильность взаимодействия государства и религии в Турции: здесь до сих пор идёт противостояние ярых сторонников возврата к исламским ценностям и адептами светского развития страны. Причём часто эта борьба переходит на внутривластную арену. В Беларуси же идёт стабильная тенденция повышения статуса и влияния религии в государстве. Также стоит отметить раздробленность исламского общества в Турции, по сравнению с христианским в Беларуси. До сих пор проблемы прав шиитов по сравнению с традиционным суннитским населением остаются не полностью решёнными. Отличительной особенностью также является меньший уровень религиозности в Беларуси по сравнению с Турцией. Все эти отличия связаны с историческими и культурными особенностями развития государств. Все вышеперечисленные выводы позволяют подчеркнуть, что тенденции влияния религии на современные общества Беларуси и Турции совпадают с общемировой тенденцией прекращения секуляризационного процесса и повышения статуса религии в мировом сообществе.

Литература и источники

1. Религия и проблема её определения // Энциклопедия Экономиста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/religiya.html>.
2. Сорокин П. Социокультурная динамика и религия // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 430.
3. Беларусь: государство, религия, общество // Общество и государство. – 2009. – № 2. – С. 70–77.
4. Беларусь на современном этапе развития: социально-политический и экономический анализ: материалы научно-практического семинара (Минск, 25 марта 2015 г.) / НАН Беларуси, Ин-т социологии, Республиканское общественное объединение «Белая Русь». – Минск, 2015.
5. Титаренко Л.Г. Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном обществе. – Минск, 2006.
6. Религия, право и исламская мысль в Современной Турции // Официальный веб-сайт Фетхуллага Гюлена [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fgulen.com/ru/about-fethullah-gulen/scientists/30352-religion-law-and-islamic-thought-in-modern-turkey>.
7. Надеин-Раевский, В. Турция на пороге непростого выбора // Международная жизнь. – 2014. – № 3. – С. 110–125.
8. Кондакчян, Р.П. Турция: внутренняя политика и ислам. – Ереван, 1983.

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ СТРАН «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА» В ЗЕРКАЛЕ РЕГИОНАЛИСТИКИ

Барахвостов П. А. (Минск, Беларусь)

В настоящее время мир переживает глубинную трансформацию, которая меняет весь уклад жизни человечества. Сегодня невозможно говорить об изолированности процессов, происходящих в разных регионах земного шара. Фундаментальные изменения в экономике и социальной структуре общества, крупнейшие научно-технические достижения, создание общемирового информационного пространства ведут к формированию нового типа человеческой цивилизации – глобальной, затрагивают структуру международных отношений.

Важной особенностью современности является возникновение новых интеграционных блоков и союзов. С одной стороны, данный процесс есть следствие глобализации (интернационализации экономики), с другой – проявление объективной тенденции к развитию социума. Общество стремится к увеличению «массы» (численности населения, экономических ресурсов). Это ведет к усложнению структуры, дифференциации выполняемых отдельными частями функций, усилению взаимозависимости и взаимодействия частей и, наконец, созданию целостной глобальной системы равноправного партнерства, которая оказывается более устойчивой, чем отдельные части. Таким образом, регионализация выступает одним из наиболее важных и значимых этапов усложнения структуры общества. Следовательно, образование интеграционных блоков есть результат сложного и противоречивого процесса взаимодействия глобализации и регионализации.

Примером интеграционного объединения, оказывающего существенное влияние на мировое развитие, является Европейский союз (ЕС). Его внутренняя и внешняя политика (в том числе, и в отношении постсоветских стран) – не прихоть отдельных личностей или партий, а закономерный результат объективных процессов: глобализации и регионализации. Изменение рубежей Евросоюза после масштабного расширения 2004–2007 гг. обусловило необходимость создания вдоль новых границ благоприятной внешней среды – «пояса» процветания и безопасности, следствием чего стало формирование Европейской политики соседства (ЕПС). Таким образом, возникшая вследствие глобализации ЕПС, по сути, была направлена на стимулирование регионализации на постсоветском пространстве.

Однако регионализация не является однонаправленным процессом. Различают интеграционную регионализацию, направленную на образование кластеров стран – территориальных единиц высшего уровня, и дезинтеграционную, целью которой является фрагментация пространства [1, с. 126–127]. Преобладание на постсоветском пространстве в период 2004–2009 гг. дезинтеграционной регионализации обусловило необходимость его

дифференциации и запуска в 2009 г. новой программы «Восточное партнерство», предназначенной для шести государств: Украины, Беларуси, Молдовы, Грузии, Армении и Азербайджана. Внимание Евросоюза к данному региону было обусловлено как экономическими причинами (его транзитным положением между Азией и Европой, что представляет интерес для развития транспортных коридоров, в том числе для транспортировки энергоносителей), так и политическими: данная группа государств является своеобразным «мостом» между Западом и Востоком.

Однако наличие двух крупных интеграционных центров – Евросоюза и России – вблизи стран «Восточного партнерства», сосредоточенность ЕС на внутренних проблемах и вследствие этого слабое финансирование обусловили различную скорость и уровень евроинтеграции государств – участников программы и, в конечном итоге, разделение к 2013 г. на кластеры: проевропейски ориентированные (Украина, Молдова, Грузия), принявшие участие в евразийской интеграции (Беларусь, Армения), неприсоединившиеся (Азербайджан). При этом даже внутри каждой из стран наблюдаются два течения регионализации, стимулированные политикой ЕС. Следствием дезинтеграционной регионализации являются сепаратистские настроения в обществе, тенденции к автономизации и суверенизации, что имело место в Украине, когда обострение регионального самосознания обусловило стремление жителей Донбасса к созданию собственной государственности и в перспективе – к воссоединению с соседним государством – Россией. Следует отметить, что подобные сепаратистские конфликты проявляются не всегда, а при определенных условиях, обуславливающих состояние общественно-политических отношений: в момент ломки привычных социальных, экономических, политических структур, в условиях невозможности предугадать дальнейшее развитие событий. При стабильном же развитии социальной системы национализм и его крайняя форма правый радикализм существуют в латентной форме, не выходя в активную фазу функционирования до тех пор, пока стабильное функционирование системы не будет нарушено.

Украинский кризис стал точкой бифуркации в эволюции политики Евросоюза в отношении стран «Восточного партнерства». Необходимость изменения в методах и средствах реализации программы зафиксированы на Рижском саммите 2015 г [2, р. 3]. При этом декларирован новый, дифференцированный подход, поставивший формат отношений ЕС с партнерами в зависимость от стремлений последних: государства смогут выбрать степень своего участия в программе, предпочтительные формы и приоритетные сферы сотрудничества с Евросоюзом. Данный подход сочетает два принципа регионального развития и позволяет найти компромисс между интеграционными и дезинтеграционными силами, эффективно использовать новые возможности политической кооперации, экономического и межкультурного взаимодействия, а также обеспечивать стабильность и устойчивое развитие с учетом новых вызовов и угроз.

В заключение отметим, что происходящие на европейской арене (в том

числе, во взаимоотношениях между ЕС, Россией и странами «Восточного партнерства») процессы «интеграции – дезинтеграции» можно определить термином «фрагментация», введенном Дж. Розентау. «Интеграция и раздробленность, глобализация и территориализация – это взаимодополняющие процессы. Точнее, это две стороны одного процесса: процесса перераспределения суверенитета, власти и свободы действий в мировом масштабе, катализатором которого стал радикальный скачок в развитии технологий, связанных со скоростью. Совпадение и переплетение синтеза и раздробления, интеграции и распада отнюдь не случайно, и изменить эту ситуацию уже невозможно», – считает, в частности, известный британский исследователь З. Бауман [3, с. 100–101]. Беларусь рассматривает два интеграционных процесса – ЕС и ЕАЭС – как взаимодополняющие и в долгосрочной перспективе конвергентные [4].

Литература и источники

1. Косов, Ю.В. Политическая регионалистика / Ю.В. Косов, В.В. Фокина. – СПб, 2009.
2. Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit, Riga, 21–22 May 2015 // European Council [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2015/05/21-22>.
3. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М., 2004.
4. Материалы подхода к прессе министра иностранных дел Республики Беларусь Владимира Макея по итогам переговоров с министром иностранных дел Латвийской Республики Э. Ринкевичем, г. Минск, 19 февраля 2015 г. // МИД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/print/press/news_mfa/d62c70862e05c0d9.html.

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ НА ГЕНДЕРНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Белановская М. Л. (Минск, Беларусь)

Особенностью современного мира является процесс всевозрастающего воздействия на социальную действительность различных факторов международного значения, основным из которых является глобализация общества. Наряду с позитивными моментами глобализации (такими как открытие внешних границ в странах; свободное перемещение мигрантов, капитала и товаров; создание дополнительных рабочих мест; свобода слова; демократия и пр.), глобализация порождает и множество разносторонних социальных проблем, в том числе связанных и с психологической готовностью молодых людей к браку [1].

В условиях глобализации молодые люди часто оказываются в состоянии неопределенности и неуверенности в будущем, что обусловлено неуверенностью в своих экономических возможностях. Часто именно потому они не торопятся создавать семью. Неспособность молодежи принимать на

себя долгосрочные обязательства, такие, как вступление в брак и рождение детей, обуславливает увеличение возраста вступления в брак и уменьшение числа детей в семьях. С одной стороны, откладывание вступления в брак и рождения детей свидетельствует о более осознанном подходе, с другой стороны, данная тенденция может негативно влиять на динамику рождаемости по вполне объективным причинам. Известно, что более поздние браки приводят к увеличению возраста рожениц, а с возрастом ухудшается репродуктивное здоровье женщины, что может помешать реализации репродуктивных намерений или привести к невозможности иметь детей. Кроме того, с возрастом у людей формируется представление об определенном жизненном стандарте, образе жизни, а если ребенок появляется в относительно молодом возрасте, то уклад жизни формируется с появлением ребенка. Откладывание первенца может вести к тому, что ребенок будет восприниматься как угроза сохранению сложившегося образа жизни, что может привести к осознанному отказу от родительства [2]. Следует отметить, что в современном обществе стремительно увеличивается число людей, добровольно отказывающихся от рождения детей и называющих себя чайлдфри (от англ. child-free – свободные от детей), что на сегодняшний момент является серьезной социальной проблемой. Кроме того, особенностью процесса глобализации является то, что зачастую, в условиях глобальной экономики, в семье вынуждены работать оба супруга, потому что всегда есть риск потери работы для одного «добытчика», а это в свою очередь сказывается на перестройке семейных ролей супругов [1].

На сегодняшний момент для общества характерно неизменное повышение роли личности в социальной структуре. Поскольку технологический прогресс стимулирует потребность в постоянном росте квалифицированных кадров, образование и самообразование приобретает для человека значение важнейшего фактора, обеспечивающего социальный статус и признание. Это приводит, в свою очередь, к изменению ценностных ориентаций, особенно у молодежи, причем, как на индивидуально-личностном уровне, так и на уровне семейных групп. При выборе между приобретением образования, построением успешной карьеры, финансовым благосостоянием, с одной стороны; и вступлением в брак, созданием семьи и рождением ребенка, с другой, предпочтение чаще всего отдается первой из упомянутых ценностных ориентаций [3].

Еще одним из многочисленных последствий процесса глобализации можно считать происходящее в социуме изменение гендерных ролей. Традиционные роли женщины и мужчины в семье (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей; обеспечение главой семьи экономического достатка) сегодня претерпевают глобальные изменения [4]. Растущая эмансипация женщин, а вместе с ней и феминизация мужчин приводят к тому, что женщина перестает быть удовлетворена только ролью матери и хозяйки, ей необходимо реализовать себя и в профессиональной сфере. В этом случае можно говорить об инверсии ролей: жена берет на себя функции мужа – решать, командовать, наказывать, защищать. Мужу же в свою

очередь в семье остается либо женская роль, либо он вообще вынужден отказаться от участия в жизни семьи, чувствуя себя лишним и ненужным [5, с. 256].

Развитие полоролевой структуры субъекта оказывает большое влияние на построение взаимодействия в диадных отношениях с партнером и, как следствие, влияет на брачное поведение человека. Формирование четкой гендерной идентичности является определяющим фактором восприятия себя как мужчины и женщины, будущей жены и матери или мужа и отца. Несформированность гендерной идентичности приводит к искажению представлений о себе и о Другом, что, в свою очередь, приводит к нарушениям в построении партнерских взаимоотношений, которые являются необходимым условием как для вступления субъекта в брак, так и для его сохранения.

Перечисленные выше тенденции определили основное проблемное поле нашего исследования. Задачей исследования являлось изучение особенностей формирования гендерной идентичности у мужчин и женщин возраста ранней зрелости. В исследовании приняли участие 110 не состоящих в браке респондентов (59 женщин и 51 мужчина) в возрасте ранней зрелости (20–30 лет). Для решения задачи использовалась методика полового дифференциала В.Е. Кагана, которая позволяет диагностировать базовую и персональную половую идентичность человека (маскулинность, феминность, андрогинность и недифференцированность), а также определить дифференцированность гендерных стереотипов респондентов.

Базовая идентичность (индивидуальная) – это соотнесение личности с традиционными, восходящими к филогенетическим, половыми различиями, альтернативными представлениями о маскулинности и феминности. Данный вид идентичности детерминирован психофизиологически и является высокостабильным. Персональная идентичность (личностная) характеризует соотнесение личности с маскулинностью и феминностью в контексте индивидуального опыта межличностного общения и совместной деятельности. Этот вид идентичности является динамичным ввиду непрекращающегося процесса половой идентификации индивида в течение жизни. В рамках нашего исследования особый интерес вызывает исследование персональной идентичности людей ввиду ее значимости для установления диадных отношений с представителями противоположного пола.

В результате исследования базовой гендерной (индивидуальной) идентичности мужчин и женщин были выявлено, что традиционный тип базовой гендерной идентичности, характерный для мужчин с высокими показателями маскулинности и женщины с высокими показателями феминности, среди мужчин выявлен у 19,6% респондентов и среди женщин – у 20,3% респонденток. Изомерный тип базовой гендерной идентичности (мужчины с высокими показателями феминности и женщины с высокими показателями маскулинности) выявлен у 23,5% мужчин и 20,3% женщин. Недифференцированный тип базовой гендерной идентичности имеют 41,2% мужчин и 35,6% женщин. Для данной группы

респондентов характерны низкие показатели как маскулинности, так и фемининности. Андрогинный тип базовой гендерной идентичности, характеризующийся высокими показателями как маскулинности, так и фемининности, выявлен у 15,7% мужчин и 23,7% женщин.

При этом результаты исследования персональной гендерной идентичности мужчин и женщин показали, что традиционный тип персональной гендерной идентичности, среди мужчин выявлен у 21,6% респондентов и среди женщин – у 6,8% респонденток. Изомерный тип гендерной идентичности имеет 21,6% мужчин и 15,3% женщин. Недифференцированный тип гендерной идентичности имеют 17,4% мужчин и 28,8% женщин. Андрогинный тип гендерной идентичности, выявлен среди мужчин у 39,2% респондентов и среди женщин – у 49,2% респонденток.

Статистический анализ выраженности каждого типа гендерной идентичности среди мужчин и женщин по φ^* -критерию Фишера показал значимое различие лишь по параметру традиционного типа персональной идентичности. У мужчин значимо больше проявлен традиционный тип персональной гендерной идентичности, по сравнению с женщинами ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,296$, при $p \leq 0,05$). При этом, остальные компоненты как персональной, так и базовой идентичности значимо не отличаются у мужчин и женщин. Данные результаты могут свидетельствовать о происходящих на современном этапе изменениях в пороловой структуре идентичности мужчин и женщин, что, в свою очередь, приводит к изменению представлений о типичных ролях, приписываемых людьми представителям разного пола.

Совпадения по параметрам базовой и персональной идентичности были выявлены лишь у 25,5% респондентов мужского пола и у 35,6% респонденток женского пола. У остальных респондентов выявлено рассогласованность между двумя данными категориями гендерной идентичности. Таким образом, можно утверждать о высоком проценте изменений в структуре гендерной идентичности молодых людей под влиянием внутриличностных и социальных факторов. У 64,4% женщин и 74,5% мужчин гендерная идентичность претерпевает значительные изменения.

Статистически значимые различия в выраженности каждого типа гендерной идентичности как у мужчин, так и у женщин выявлялись с помощью φ^* -критерия Фишера. Анализ показал, у мужчин в структуре персональной идентичности по сравнению с базовой идентичностью значимо чаще представлен андрогинный тип ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,717$, при $p \leq 0,05$), и значимо меньше представлен недифференцированный тип ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,666$, при $p \leq 0,05$). У женщин в структуре персональной идентичности, по сравнению с базовой идентичностью, выявлена значимо меньшая представленность традиционного типа идентичности ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,211$, при $p \leq 0,05$), и значимо большая – андрогинного ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 5,039$, при $p \leq 0,05$).

Таким образом, полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать вывод о том, что лишь пятая часть респондентов имеет традиционную базовую гендерную идентичность, для которой свойственно

восприятие мужчины как мужественного, а женщины – как женственной. Традиционный тип гендерной идентичности ярче выражен при изучении базовой идентичности. На уровне персональной идентичности традиционный тип гендерной идентичности выявлен у 22% мужчин и лишь 7% женщин. Это свидетельствует о том факте, что индивидуальный опыт межличностного общения и совместной деятельности накладывает существенный отпечаток на базовую, детерминированную психофизиологически, идентичность и гендерная идентичность претерпевает сильные изменения. Рассогласованность между базовой и персональной гендерной идентичностью выявлена в 70% случаев. Согласно результатам исследования, почти половина респондентов имеет андрогинную персональную гендерную идентичность, для которой характерно совмещение в индивиде как мужественных, так и женственных черт. Особенно ярко выражена данная тенденция среди женщин. Формирование андрогинии можно считать адаптацией личности к изменяющимся социокультурным условиям жизни.

Полученные данные свидетельствуют о существенной перестройке гендерной идентичности у молодых людей в условиях современной цивилизационной динамики, а также об уходе от традиционного восприятия гендерных ролей как закрепленных и неизменных для представителей определенного пола, восприятия себя и представителей противоположного пола как схожих и не имеющих значимых различий. Исследование подтверждает факт современной перестройки гендерной идентичности мужчин и женщин.

Литература и источники

1. Гурко, Т.А. Глобализация и семья [Электронный ресурс] // Presentations of International Forum «Expanding the role of women in cross-cultural dialogue». – Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_gurko1.html.
2. Архангельский, В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 129–136.
3. Кузина, И.Г. Социальные и личностные факторы трансформации ценностных ориентаций семьи в современном российском обществе / И.Г. Кузина, А.В. Винокурова // Электронное периодическое издание «Вестник Дальневосточного государственного технического университета». – 2009. – № 1 (1) – С. 156–173.
4. Балич, Н.Л. Влияние глобализации на роль женщины в обществе и семье // Диалог цивилизаций в условиях глобальной экологической нестабильности: материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых. – Электронные текстовые данные. – Минск, 2013. – С. 170–173.
5. Нартова-Бочавер, С.К. Семейный психолог отвечает / С.К. Нартова-Бочавер, Г.К. Кислицина, А.В. Потапов. – М., 2004.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА БЕЛАРУСИ И ТУРЦИИ

Валиева Ш. К. (Минск, Беларусь)

В пространстве современной геополитики необходимость нахождения точек пересечений и параллелей в направлениях внешней политики разных стран становится острее, чем когда-либо. Это обусловлено и нарастающим экономическим кризисом, и политическими кризисами в отдельных регионах, что в свою очередь часто грозит полным расколом мира на несколько «островов» без взаимных путей сообщения. И становится ли «анклавом» в той или иной локации – выбор между плодами библейских деревьев.

На первый взгляд, между Турцией и Беларусью нет ничего общего. Но именно эти страны могут явиться примером модели оптимальной геополитики будущего. Несмотря на нелёгкие взаимоотношения с основным миром у двух государств явно есть чему поучиться.

Если представить внешнюю политику Минска и Анкары в виде прямых линий, то они, скорее всего, будут скрещивающимися. Однако следует понимать, что международные отношения – это не геометрия, следовательно, и законы математики здесь не имеют особой юридической силы. Но, чтобы построить нужные нам прямые, мы должны прибегать к основным аксиомам. Как известно, прямая определяется двумя точками – этим положением мы и воспользуемся.

Беларусь – географическое сердце Европы. В то же время является одной из немногих государств в Европе, которая не просила членство в Европейском Союзе. Кроме того, ЕС не предлагал дружбу Минску. Что касается Турции, 97% её территории лежит в Азии и только 3% – в Европе. Однако, за её членство в ЕС выступают многие европейские страны, в том числе Великобритания и Швеция. Да и сама Турция долгие годы шла к этому. Беларусь придерживается принципов неучастия в военных блоках. Турция – страна-участница НАТО с одной из мощнейших армий в мире (в ежегодных рейтингах входит в первую десятку, а по численности действующих войск – вторая в Европе после России).

Две точки, дающие понять, что прямые не пересекаются и более того не параллельны. Теперь опровергаем последнее утверждение.

Теорема 1. Прямые – параллельные.

Для того, чтобы прямые были параллельными они должны лежать в одной плоскости. А именно: необходимы сходные позиции по разным вопросам одной плоскости.

Республика Беларусь содействует укреплению центральной роли ООН в решении мировых проблем. Белорусская политика довольно свободная от идеологии, что не означает, что белорусское руководство не обращается к конфронтационной риторике. В 2012 г. Лукашенко заявил: «У Беларуси нет геополитических амбиций, но она должна отстаивать национальные

интересы и укреплять военную безопасность». Он указал на отсутствие в мире безопасности и так описал источники нестабильности: «Политики мировых сверхдержав все еще отдают предпочтение тому, чтобы разговаривать с неуступчивыми их влиянию государствами языком насилия». Представляя 22 августа 2012 г. нового министра иностранных дел руководитель страны повторил: «Мы очень далеки от геополитических амбиций, чтобы делать коньком своей международной деятельности участие в политических игрищах и интригах» [1]. Все это создает Беларуси имидж миролюбивого, взвешенного государства с чувством собственного достоинства.

В свою очередь Турция претендует сегодня на ведущие роли в региональной и мировой геополитике и геэкономике. Однако это не мешает быть ей миролюбивой и взвешенной страной как Беларусь. Отличительная особенность турецкой внешней политики – наличие глубоко проработанной концептуальной основы. Отмечая серьезное ослабление международных механизмов сдерживания, в том числе ядерного нераспространения, Анкара выступает за сохранение ключевой роли ООН. Современный подход Турции во внешней политике является естественным отражением политики, изложенной основателем Турецкой Республики Ататюрком «Мир в стране, мир во всем мире». Вполне закономерно, что Турция, географически являясь мостом между Востоком и Западом, является отличным посредником в урегулировании споров, применяя беспристрастный и конструктивный подход [2].

Своеобразную сверхзадачу дипломатии в Анкаре видят в том, чтобы гармонизировать блоковую ответственность, как члена НАТО, с самостоятельной линией в региональных делах. С точки зрения Давутоглу Турция – «центральная страна», расположенная в сердце Евразии и имеющая множественную идентичность. Этот факт диктует ей многовекторную внешнюю политику, не предусматривающую привилегированных отношений с кем-либо [3].

Что касается Беларуси, в своем ежегодном послании 18 в апреле 2011 г. Лукашенко так же подчеркнул, что во внешней политике, «двух векторов – условно говоря, восточного и западного – для эффективной политики недостаточно. Мы должны расширить число «опорных точек» на международной арене за счет наращивания «дальней дуги» союзников и партнеров».

Такая многовекторность обеих стран позволяет нам утверждать, что линии их внешней политики лежат в одной плоскости.

Теорема 3. Прямые пересекаются.

Еще в конце 20 века характеризуя состояние двусторонних отношений, глава белорусского внешнеполитического ведомства обратил внимание на совпадение позиций Беларуси и Турции по многим вопросам международной жизни, высказав мнение, что во многом такое совпадение обусловлено «остракизмом по отношению к Турции и Беларуси со стороны ЕС». Теперь остракизм по отношению к Турции проявляет и Россия. Минск проявил себя

в этой ситуации весьма дипломатично и не стал обвинять ни дружественную Турцию, ни братскую Россию.

Турция и Беларусь, несмотря на различия исторические, культурные и религиозные проводят во многом схожую политику. Обе страны отказались от попыток немедленно и радикально переустроить общество на западный лад. В обеих странах сознают, что модернизация страны возможна лишь с опорой на местные традиции и может осуществляться, опираясь на сильную и авторитетную власть [4].

Разумеется, родственные связи, такие как НАТО для Турции или Россия для Беларуси во многом играют не последнюю роль в формировании внешней политики. Но и та, и другая страна четко смогли обозначить, что готовы защищать суверенитет собственных решений. Поэтому если в мире и дальше настроены играть в Монтечки и Капулетти, никто не навяжет Минску и Анкаре роль Ромео и Джульетты. Возможно, сверхдержавы и объединения часто не говорят со странами «поменьше» на равных, но на шахматной доске всякая пешка – потенциальная королева. А имеющую стойкую репутацию Беларусь и Турция – далеко не пешки на этой доске, а, скорее всего, темные лошадки. Разумеется, роль сверхдержавы для установления мирового порядка им никто не пророчит, но для конструктивного развития международных отношений именно эти страны и их диалог имеют немаловажное значение.

Таким образом, проанализировав особенности внешней активности Беларуси и Турции, можно прийти к выводу, что многовекторность – плод мудрой политики. И основываясь на опыт этих двух стран, можно выработать единообразные модели и инструменты для многих процессов глобализации. Если учитывать только положительные моменты, Турция и Беларусь – потенциальные союзники и могут стать основой для новой международной организации по урегулированию дипломатических споров.

Литература и источники

1. Многостороннее сотрудничество Республики Беларусь // Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/mulateral>.
2. Бляхер, Л.Е. Центральная Азия: между Тамерланом и Ататюрком (конструирование национальных государств в эпоху Постмодерна) / Л.Е. Бляхер, С.А. Кизима // Полития. – 2009. – № 1. – С. 96–110
3. Базовой принцип современной политики Турции: «ноль проблем с соседями» // Журнал «Вестник КазНУ», Алматы, 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://articlekz.com/article/11731>.
4. Беларусь – Турция: политический диалог в 1992–2009 гг. // Центр изучения внешней политики и безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.forsecurity.org/беларусь–турция–политический–диалог–в–1992–2009–гг>.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА

Варич В. Н., Шебанова И. А. (Брест, Беларусь)

Современная семья представляет собой динамично развивающийся социальный институт, который претерпевает серьезную трансформацию под влиянием социокультурных и личностных факторов. Происходящие в обществе изменения затрагивают значимость семьи для отдельного человека, общества и государства, то есть существенным образом влияют на ее ценностный статус. В качестве одного из важнейших агентов социализации семья во многом определяет ценности подрастающего поколения. В то же время успешная социализация в современном обществе зависит от ряда взаимосвязанных факторов, среди которых – трансформация основных социальных функций семьи, изменение ролевых функций внутри нее, а также государственная семейная политика.

Институт семьи в Беларуси изменяется в русле общих тенденций трансформации семьи в постиндустриальном обществе. Данные социологических опросов показывают, что белорусская семья по преимуществу представляет собой полную нуклеарную малодетную семью, в то время как патриархальная семья становится все более редким явлением. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы социологического исследования, проведенного в рамках договора с БРФФИ №14Р-039 от 23.05.2014, в ходе которого были сопоставлены представления о семье представителей трех возрастных групп – подростков, молодежи и родительского поколения.

Преобладающий тип белорусской семьи оказывает влияние на представления подрастающего поколения о желаемом образе семьи. Значительная часть молодых белорусов либо не имеет идеала семьи, либо затрудняется его охарактеризовать. Такого рода неопределенность во многом обусловлена общими тенденциями развития современного информационного общества. На представления о семье влияют, во-первых, плюралистические установки современной культуры, во-вторых, отсутствие серьезной религиозной составляющей в мировоззрении, в-третьих, перманентное воздействие современных форм коммуникации на социализацию молодых людей, в-четвертых, слабо выраженная преемственность семейных ценностей и традиций в нуклеарной семье.

В то же время на представления о семье влияют также и те факторы, которые связаны с развитием белорусского общества. Важнейшими из них представляются отсутствие единой иерархии ценностей и недостаточно эффективная работа основных институтов социализации по формированию идеала семьи. Поэтому в жизненно важных вопросах, касающихся создания и функционирования семьи, белорусы ориентируются на привычные модели поведения и отношений в семье, присущие их родителям и воспринимаемые как собственные представления. Семья при этом является важнейшей

базовой ценностью современных белорусов, а также рассматривается ими как важнейшая инструментальная ценность в достижении жизненного успеха.

Сопоставление ролевых статусов супругов (по данным проведенного исследования) показывает, что в большинстве семей существует глава семьи, однако происходит существенное размывание этого понятия в сознании опрошенных по мере их взросления. Поскольку в современной семье, как правило, работают оба супруга, постольку роль главы семьи как «кормильца» постепенно утрачивает свою значимость. Поэтому в сознании белорусских подростков и молодых людей заметно стремление к эгалитарной семье с равным распределением обязанностей. При этом проведенный опрос показывает, что большая часть детей получает достаточно важную информацию о ролевых функциях в семье не от родителей, а из других источников, поскольку данная тема весьма редко (или никогда) является предметом обсуждения в их семьях.

Социологи постсоветских стран активно изучают и пытаются выявить тенденции изменения содержания семейного воспитания в новых социокультурных условиях. В целом можно утверждать, что в современной семье существенно возросла неопределенность тех ценностей, к которым родители приобщают своих детей. Многие родители продолжают ориентировать подрастающее поколение на нормы и правила нравственной, трудовой культуры, которые у них вырабатывались в детстве их собственными родителями. Другие пытаются сформировать у детей установки, которые обеспечивают лишь элементарную культуру поведения дома, не стремясь выработать совокупность тех принципов, которые обеспечивают на основе самообразования и самовоспитания успешную адаптацию личности к жизни в постоянно меняющемся мире.

Основные воспитательные усилия в современной семье нацелены на личный успех, материальное благополучие, достижение карьерных целей, то есть имеют характер индивидуалистических, а не семейных ценностей. В ходе опроса выявились существенные расхождения между целями воспитания, декларируемыми родителями, и тем, как процесс воспитания воспринимается детьми. Происходит трансформация воспитательных ценностей и стратегий в белорусских и российских семьях, однако реальное внедрение новых форм воспитания происходит относительно медленно.

Эффективность реализации семьей основных функций, в том числе и функции социализации (воспитания) подрастающего поколения, существенно возрастает в условиях реализации продуманной семейной политики. Семейную политику государства определяют многочисленные внутренние и внешние факторы. Сюда можно отнести социально-экономическую и политическую систему, внутреннюю и внешнюю политику государства, идеологию и культуру, религию и право – все эти составляющие предопределяют общие условия жизни семьи. Государство способствует или не способствует созданию условий для обеспечения зарабатывания денег трудоспособным населением, регулирует условия пенсионного обеспечения,

обеспечивает возможности получения образования и услуг здравоохранения и определяет уровень социальной защиты для наиболее уязвимых категорий населения и т.д. Все эти условия дают возможность удовлетворять биологические и социальные потребности и выполнять свои основные функции семьи на микроуровне. На этом уровне действуют как объективные (семейная политика государства) так и субъективные факторы, определяемые жизнедеятельностью конкретной семьи.

Проведенное исследование показывает, что во всех возрастных группах понятие семейной политики ассоциируется в первую очередь с деятельностью государственных структур.

Таблица 1 – Должно ли государство поддерживать семью?

	подростки	молодежь	родители
да	66,2	79,4	66,2
нет	1,5	0,0	0,0
главное – чтобы не мешало	1,5	8,8	20,6
только малообеспеченные семьи	11,8	4,4	4,4
затрудняюсь ответить	5,9	7,4	8,8
другое	14,7	1,4	1,4

Порядка 70% опрошенных респондентов полагают, что государство должно проводить политику, направленную на поддержание семьи, независимо от обеспеченности. С возрастом растет показатель «главное – чтобы не мешало», но падает показатель по адресной поддержке только малообеспеченным семьям. При этом большинство респондентов чувствуют недостаточную социальную защищенность своих семей, но не имеют сформированных представлений о том, как сделать государственную семейную политику более эффективной, а также о том, какие социальные институты и структуры могут быть привлечены к ее реализации наряду с государством. Молодые респонденты в большей степени, чем родители, склонны рассчитывать на собственные силы и на социальную активность со стороны бизнеса:

Таблица 2 – Кто должен помогать семье, кроме государства?

	молодежь	родители
бизнес	7,5	6,0
церковь	3,0	6,0
некоммерческие организации	1,5	7,5
объединения самих семей	16,4	7,5
никто	14,9	16,4
затрудняюсь ответить	56,7	46,3
другое	-	10,4

Таким образом, молодые и взрослые респонденты полны ожиданий на социальную поддержку семьи государством, отводя незначительную роль другим социальным институтам, некоммерческим организациям и церкви. Говоря о соответствии семейной политики в Беларуси ожиданиям ее

граждан, можно заметить, что белорусы ощущают чувство некоторой незащищенности своих семей. Несмотря на серьезные шаги, которые были предприняты в Беларуси в области семейной политики, практическая реализация этих шагов не всегда вызывает удовлетворение. Поэтому необходима разработка долговременных, результативных и комплексных мер семейной политики, которая способствовала бы выполнению семьей ее базовых социальных функций.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Вонсович Л. В. (Минск, Беларусь)

Трансформационные изменения, с которыми в течение последних лет столкнулись все без исключения постсоветские общества, в том числе и Республика Беларусь, в современных условиях оказываются решающими факторами, предопределяющими стратегии социально-экономического и политического развития этих государств. Трансформирующиеся страны пытались в разной степени сочетать цели перехода к устойчивому развитию, перехода к построению постиндустриального информационного общества с целями создания общественных благ, что нашло отражение в выборе одной из основных моделей экономики: рыночной, государственно-административной или смешанной. Как показывает опыт изучения развивающихся стран, социальные и экономические процессы во многом определяются факторами, которые не могут быть сведены только к экономическим или политическим. Большое влияние на общественное развитие оказывают ментальные черты, национальный характер, культурные традиции народа. Цивилизационные процессы являются тем системным фактором, который объединяет социальные, культурные, экономические, политические уровни в единое целое, определяя тем самым специфику развития государства.

Стратегической целью развития Республики Беларусь в условиях глобальных трансформаций является динамичное повышение уровня благосостояния, обогащение культуры, нравственности народа на основе интеллектуально-инновационного развития экономической, социальной и духовной сфер, сохранение окружающей среды для нынешних и будущих поколений. Большое значение в реализации обозначенной выше цели играет государство, обеспечивающее воспроизводство тех социальных ресурсов, из которых оно черпает себе поддержку и создает предпосылки для расширенного воспроизводства своей деятельности, а также обеспечения стабильности всей общественной системы.

Роль государства в обеспечении устойчивого развития определяется пределами его вмешательства в социальную и экономические сферы, а,

следовательно, особенностями его экономической и социальной политики. Достаточно актуально эта проблема стоит в трансформирующихся обществах, в которых развитие процессов политического, экономического, социального характера отличается неустойчивостью и незавершенностью, что создает условия для активизации деструктивных процессов на почве возникновения противоречий между различными аспектами преобразований. В связи с этим концептуальный выбор определенного типа социально-экономической политики может приобрести решающее значение в эволюции самого политического режима, определив успешность либо крах процесса демократической модернизации общества.

Экономическая политика Республики Беларусь ориентирована на доминирование государства в процессах трансформации, сохранение за ним важнейших отраслей экономики, проведение промышленной политики. При этом речь не идет о прямом государственном вмешательстве и наращивании государственных капиталовложений. Белорусское государство использует более тонкие инструменты косвенного воздействия на рыночные стимулы и регуляторы, требующие сокращения налогов и активное привлечение частных сбережений граждан и иностранных инвестиций, при параллельном ограничении бюрократических институтов самого государства и их преобразования в целях выполнения тех функций, в которых нуждается общество. Государство призвано обеспечивать институционально-правовую структуру экономики и выполнять следующие функции: производство общественных благ (оборона, охрана общественного порядка, общественные услуги и пр.); защита общества от внешних эффектов (охрана природной среды); регулирование естественных монополий (энергетика, транспорт, связь); корректировка последствий социального неравенства; стабилизация экономики и поддержание экономического роста.

Реализация этих функций предполагает деятельность белорусского государства на следующих направлениях: 1) создание правовых и организационных институтов, необходимых для функционирования рыночной экономики. Белорусское государство не пошло по пути простого копирования западных институтов, полагая, что любому хозяйственному и общественному порядку присуща специфическая индивидуальность, обусловленная культурным и политическим развитием. Республика Беларусь создала свою собственную модель социально-экономического развития, которая получила название социально ориентированной многоукладной рыночной наукоемкой экономики. Такая модель имеет ряд специфических черт, отражающих историю страны, традиции народа, его менталитет с преобладанием таких черт, как коллективизм и взаимопомощь, социальная справедливость, исключая эгоцентризм, эксплуатацию чужого труда, обвальную безработицу, резкую социальную дифференциацию населения по доходам. Белорусская экономическая модель – это эффективная экономика с развивающимся предпринимательством и рыночной инфраструктурой, действенным государственным регулированием, заинтересовывающим предпринимателей в расширении и совершенствовании производства, а

наемных работников – в результатах своего труда. Она гарантирует высокий уровень благосостояния добросовестно работающим членам общества, достойное социальное обеспечение для нетрудоспособных, престарелых и инвалидов, базируется на принципах конституционных гарантий прав и свобод граждан, свободы предпринимательства и добросовестной конкуренции, выбора профессии и места работы, равенства форм собственности, гарантии ее неприкосновенности и использования в интересах личности и общества, обеспечения взаимосвязи благосостояния работника и результатов его труда, социального партнерства между государством, профсоюзами и союзами предпринимателей; 2) перестройка самого государства и его институтов на принципах демократии, доминирования закона во всех сферах с целью обеспечения политической и экономической стабильности в обществе. Эта перестройка представляет собой длительный, болезненный и противоречивый процесс, поскольку разрушение старого аппарата власти не приводит автоматически к рождению новой системы. Она ведет лишь к полной потере управления хозяйственными процессами, а образующийся вакуум способствует возрождению старых командно-административных методов управления, порождает анархию, дает простор криминальным элементам, усиливает коррупцию и углубляет экономический кризис. В такой ситуации только сильная государственная власть способна поддерживать стабильность в обществе, успешно управлять государством, обеспечивать экономический правопорядок, экономическую безопасность страны и граждан. Такая власть призвана осуществлять контроль над теми социальными противоречиями, которые несут угрозу национальному согласию и политической стабильности; 3) переход к новым формам регулирования, проведение социальной и экономической политики, призванных найти оптимальные пути для решения триединой задачи: сохранить стабильность в обществе, в котором усиливается социальное расслоение; стабилизировать экономику; обеспечить структурную перестройку и экономический рост.

Значительной составляющей деятельности белорусского государства в решении данной задачи является социальная политика. Ее функции сводятся к двум основополагающим направлениям: стимулирование направленности активности граждан и обеспечение стабильности в обществе. Решение социальных вопросов является основополагающим направлением деятельности Республики Беларусь. В стране обеспечивается рост заработной платы, повышаются пенсии, стипендии, пособия. Успешно функционирует целостная система социальных стандартов, которые определяют виды и качество важнейших социальных услуг в образовании, здравоохранении, в физической и духовной культуре, в жилищно-коммунальном хозяйстве, торговле, на транспорте, в связи, бытовом обслуживании. Эти стандарты являются своеобразной государственной гарантией для граждан Беларуси. Социальная политика белорусского государства представляется наиболее оптимальной в сложившихся условиях. Ее важнейшими приоритетами являются: здоровье личности и нации в целом; высокий, соответствующий

мировым стандартам, уровень развития образования; сохранение культурного наследия белорусского народа, создание эстетических ценностей, развитие народных талантов, поиск и возвращению на Родину ценностей, оказавшихся за пределами Беларуси; благоприятное для человека состояние окружающей среды; создание условий для самореализации личности. Это предполагает удовлетворенность человека условиями труда и жизни в целом, высокий уровень обеспеченности прав и свобод граждан, уверенность в будущем, ощущение социальной комфортности и защищенности, высокую степень реализации жизненных планов.

ЭВОЛЮЦИЯ ВИРТУАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ОТ КОММУНИКАЦИИ КАК ЛЮБВИ К МУДРОСТИ К КОММУНИКАЦИИ КАК ЛЮБВИ К ИНФОРМАЦИИ

В. Г. Воронкова (Запорожье, Украина)

В виртуально-коммуникационном пространстве, которое формирует информационное общество, аккумулируются философские, социологические, управленческие проблемы, которые есть недостаточно изученными в философской мысли, так как они представляют собой новое философское знание. В процессе изучения виртуально-коммуникационного общества наибольшее место сегодня занимают гносеологические, онтологические и аксиологические измерения, которые обрели наименование «глобальная революция в общении». Специфической особенностью этой революции есть то, что развитие философии XXI века происходит в контексте эволюции коммуникации – от «любви к мудрости» к коммуникации «как любви к информации» и соответственно общества, что получило название «информационно-коммуникационного». Эта эволюция произошла вследствие того, что информация как главный мегатренд информационно-коммуникационного общества представляет и главный ресурс общества, без которого не может развиваться вообще философия как «любовь к мудрости», потому что мудрость базируется на информации, а коммуникация на «любви к информации». Информационная революция многопланово увеличила возможности людей изменять свой контроль за изменениями благодаря информации как самого важного ресурса государства. Природа информационного общества и порождаемая им информационно-коммуникационная реальность и эволюция философии как «любви мудрости» к обществу «как любви к информации» остается пока еще мало изученной. Считается, что одной из черт современного информационного общества есть возможность более широкого доступа к информации, в результате чего возникает новая стратификация общества – «информационно богатые» и «информационно бедные». Поэтому человечество сегодня вступает в новый этап своего развития, который ученые называют «узлом» или «точкой бифуркации» – точкой выбора своего дальнейшего развития. В условиях

становления и развития информационно-коммуникационного общества как определенного уровня развития западного общества Интернет становится коммуникационным посредником, который позволяет общаться многим в определенном месте на глобальном уровне. Интернет рассматривается как технология свободного общения и реализации личности в виртуально-коммуникационном пространстве в корреляции с культур-историческими процессами [1].

Сегодня Интернет как супериндустриальная технология не только ускорил информационные потоки, но и создал новые варианты информационного существования человека в этом мире. Все это требует формирования целостной парадигмы существования человека в информационно-коммуникационном пространстве, которое рождает множество проблем, связанных с формированием информационно-коммуникационной культуры информационного общества. Развиваясь в пространстве информационно-коммуникационного пространства, информационное общество порождает проблемы формирования киберкультуры, влияющей на мозг человека, сознание и подсознание человека. Становление и развитие личности в пространстве виртуально-коммуникационного общества как объект изучения современного философского знания раскрывает проблемы человека, которые влияют на все сферы жизнедеятельности общества. В условиях виртуально-коммуникационного общения человек модифицирует свою экзистенцию, свое сознание и подсознание. Информационно-коммуникационная реальность как форма определённого предметно-социального общения воссоздает условия, используя которые человек может преобразовывать процессы природы-социума-экзистенции на уровне креативного управления. Основатель виртуалистики Н. Носов выделил четыре специфических атрибута виртуальной реальности: 1) актуальность; 2) интерактивность; 3) автономность; 4) перемещение. В контексте атрибутов нового философского знания виртуалистики перемещение констеллируется с оценкой перемещения с объективного социального мира в мир информационно-коммуникационный, то есть с ориентацией на on-line, базируясь на стереотипах, которые позволяют легко манипулировать поведением субъектов. Человек эпохи постмодерна перемещается в искусственный мир, и все больше начинает воспринимать ее разные артефакты, которые расширяют возможность виртуального общения. Вопрос о пространстве предоставляет возможность был развит в философском знании И. Канта как совокупность априорных истин, которые возникают в сознании человека. Это пространство рассматривалось как онтология выражения сущностных сил человека, а существование виртуального мира как полионтичность бытия. Поэтому концепция становления и развития виртуального сознания личности в пространстве виртуально-коммуникационного общества – полионтизм бытия, в основе которого многовариантность выборов и возможностей человеческой самореализации, анализ психики человека как совокупности различных реальностей, которые не сводятся одна к другой. Под

виртуальностью понимается некий эфемерный мир, который формируется в проекции на виртуально-коммуникационное пространство, в результате чего виртуальная экзистенция выступает как параллель существующей. Компьютерная виртуальная реальность возникает как результат информатизации общества, которая создает условия для возможностей виртуального общения. Как максима информационно-коммуникационного общения – интерактивность, участие человека в виртуальном континууме, благодаря чему он выступает как своеобразный перформанс, участником которого может стать всякий желающий. В этом смысле актуальными есть работы Г.В.Ф. Гегеля об идее Абсолютного Духа, который герменевтизирует абсолютный дух первоосновой всего окружающего мира, владеющим сознанием и самосознанием и способностью что-то создавать. Виртуальная реальность, в пространстве виртуально-коммуникационного общества – это совокупность всех реальностей: телесности, сознания, воли, внутренних качеств человека, каждая из которых имеет двойственную природу существования – константную и виртуальную. Поэтому современное философское знание об информационно-коммуникационном обществе и месте в нем человека представляет совокупность идей, представляющих индивида в условиях реального и виртуального мира, как реальный и идеализированный конструкт, моделирующий свое виртуальное бытие как реальное. Категорию гегелевской философии абсолютного духа мы можем интерпретировать как философию виртуальной реальности или виртуального духа. Это означает, что на смену естественно-научной и механистической онтологии приходит коммуникационно-сематическая или дискурсивная онтология, центром которой есть человек как «автономный симулякр», а также разные сообщества. Информационно-коммуникационное общество, как и общение представляется как принципиально полионтическое сообщество равных себе индивидуальностей, в соответствии с которыми конструируется и дискурс. Виртуальную реальность, которая развивается в информационно-коммуникационном пространстве, мы эксплицируем как искусственно репродуцированную сферу-континуум, в которой индивид может трансформироваться, вступая в коммуникацию с себе подобными и реализуя себя во многих ролях – реципиента и читателя, соавтора и наблюдателя, формируя инновационную матрицу ментальных структур личности и общества, моделей сознания и самосознания, формируя свой реальный и виртуальный миры. Сегодня Интернет как супериндустриальная технология не только ускорил информационные потоки, но и создал новые варианты информационного существования человека в этом мире. Все это требует формирования целостной парадигмы существования человека в информационно-коммуникационном пространстве, которое рождает множество проблем, связанных с формированием информационно-коммуникационной культуры информационного общества. Философия XXI века как философия информационно-коммуникационного развития столкнулась с обоснованием разума как движущей силы человеческой цивилизации, интеллекта, общества знания, социального и научного

прогресса, для чего не обходимо формирование информационной культуры личности как условия успешной адаптации человека к жизни в информационном обществе [2, с. 198–203].

Литература и источники

1. Пунченко, О.П. Цивилизационное измерение истории человечества. – Одесса, 2013.
2. Воронкова, В.Г. Формування інформаційної культури особистості як умова успішної адаптації людини до життя в інформаційному суспільстві // Гілея: науковий вісник. – К., 2014. – Випуск 86 (7). – С. 198–203.

РОЛЬ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКА

Вязгина В. И. (Минск, Беларусь)

В современном мире проблема нравственного развития подростка является актуальной, так как подростковый возраст является самым трудным в воспитательном аспекте. В подростковом возрасте происходит формирование системы личностных ценностей, которые определяют содержание деятельности подростка, сферу его общения, отношение к людям. В это время завершается формирование определённой направленности поведения подростка, которая будет существенно влиять на всю его дальнейшую общественную и личную жизнь, на его физическое и психическое здоровье. Наблюдая за сегодняшней действительностью, мы отмечаем, что, к сожалению, сегодня в социуме всё больше наблюдается проявлений чёрствости, эмоциональной глухоты, безразличия к старости, болезням, беспризорности, инвалидности, материальным трудностям, социальному одиночеству, стихийным бедствиям и др. В автобусе место не всегда уступают даже беременным женщинам, не говоря о пожилых людях и стариках. Дети испытывают дефицит внимания и понимания со стороны взрослых и сверстников. Близкие и родные не всегда оказывают необходимую помощь нуждающимся в ней людям, и поэтому, частично такую поддержку им могут оказать подростки-волонтеры. Большинство подростков испытывают потребность быть нужным, полезным, помогать людям, но не всегда знают и умеют, как правильно это делать. Этому их можно обучать в процессе значимой для них и всего общества организуемой педагогами волонтерской деятельности.

Слово «волонтер» произошло от французского (*volontaire*) – доброволец, и означает желающий, поступающий по доброй воле [1]. В 18–19 веках волонтерами назывались люди, добровольно поступившие на военную службу. В современном значении сущность данного понятия в том, что подросток, занимающийся волонтерской деятельностью (волонтер), по своей собственной воле посвящает часть своей жизни, свое время, силы, любовь и доброту нуждающимся людям, помогая им справиться с

жизненными трудностями. Такие действия и поступки волонтера – являются нравственной деятельностью. Нравственная деятельность осуществляется посредством совокупности определенных поступков. Поступки в свою очередь осуществляются путем совершения определенных мотивированных действий, подчиненных нравственным целям, и выражающим отношение к объекту деятельности. Нравственное развитие подростка невозможно без включения его в нравственную деятельность. Данная деятельность направлена на осознание, эмоциональное освоение нравственных ценностей и на их основе, на преобразование или укрепление положительных отношений в коллективе, на развитие нравственных качеств своей личности, нравственного поведения, социальной активности [2]. Таким образом, нравственная деятельность – важный компонент нравственного развития. Под нравственным развитием мы будем понимать постепенное изменение сознания (представлений о нравственном идеале, нравственных ценностях и правильное их понимание), чувств (сопереживание), и изменение подростком своего поведения (подчинение его нравственным принципам социума) и на этой основе изменения собственных нравственных взглядов, убеждений и приобретения нравственных качеств. Оно происходит как в процессе приобщения подростка к базовым нравственным ценностям, так и в развитии его нравственных чувств и умений взаимодействовать с другими людьми. Такие умения (взаимодействовать с другими людьми) приобретаются в волонтерской деятельности, которая играет все более значимую роль в нравственном развитии подрастающей личности. Эта деятельность может заключаться в добровольном патронаже над сиротами, инвалидами, больными, престарелыми и другими нуждающимися в помощи людьми, в профилактической работе по предупреждению разного рода отклонений, связанных с нарушением норм физического, психологического и социального здоровья личности. Волонтерской деятельностью может быть: спонтанная и эпизодическая помощь одноклассникам, друзьям, соседям: например, уход за ребенком, оказание помощи в бытовых делах, выполнение поручений родителей или педагогов, или отклик на некую беду. Это и запланированная помощь в виде рейдов по благоустройству города, рейдов в городском транспорте (воспитание культуры поведения пассажиров своим нравственным примером); благотворительность (оказание помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации: сбор подарков, игрушек т.д.); облагораживание обелисков, памятников; «шефство» над ветеранами; организация досуга, проведение праздничных мероприятий, концертов для младших ребят, организация и проведение акций по профилактике разных зависимостей, за здоровый образ жизни. Например, «Трудом прославим Беларусь», «Подари частичку детства!», «Место есть каждому», «Теплый Новый год», «Каждому скворцу по отдельному дворцу», «Любимый город», «Поменяй сигарету на конфету», «Стань заметней в темноте», «От всей души», «Здоровым быть здорово!», «Зона милосердия», «Подарок ветерану». Нравственное развитие в волонтерской деятельности проявляется в готовности изменять себя и свое поведение с учетом понимания проблем

другого человека, в готовности корректировать свои желания и потребности в соответствии с желаниями и потребностями других людей. Постоянное или частое участие подростка в волонтерской деятельности (в группе или индивидуально), способствует его нравственному развитию. Волонтерская деятельность выполняет функцию возрождения в подростковой среде нравственных фундаментальных общечеловеческих ценностей, и формирования таких нравственных качеств как, милосердие, справедливость, доброта, отзывчивость, гуманность. Но эти качества и умения не возникают сами по себе. Их развитие начинается с осознания, что чужих проблем не бывает. В организованной педагогом деятельности (на благо других), волонтеры учатся понимать чужую боль, таким образом, развивают в себе такие важные нравственные личностные качества, как эмпатия и импрессия. Эмпатия – способность эмоционально отзываться на переживания другого, испытывать те же чувства; импрессия – способность правильно интерпретировать эмоциональное состояние другого [3]. Совершая добрые поступки, подросток постепенно осознаёт, что мир вокруг него меняется к лучшему. Он на деле учится милосердию и отзывчивости, осознаёт свою полезность и нужность. Волонтерская деятельность играет значимую роль в нравственном развитии подрастающей личности: волевые качества проходят изменения от умения управлять собой, концентрировать усилия, до способности управлять своей деятельностью, добиваться в ней высоких результатов; повышается познавательная и творческая активность подростка; приобретённые нравственные знания, умения и навыки становятся ценностями для него и окружающих его людей, а также основанием для проявления интереса к нравственной деятельности; обнаруживаются коммуникативные способности волонтера, включающие умения вступать в контакт с разными людьми, добиваться их расположения и взаимопонимания, достигать поставленных целей; проявляется самостоятельность мышления, появляется способность видеть и воспринимать мир с позиции другого человека; развиваются нравственные чувства и на их основе такие важные нравственные личностные качества, как эмпатия и импрессия; приобретаются навыки ответственного поведения; появляются умения строить нравственные отношения со сверстниками и окружающим миром на основе нравственных убеждений; совершенствуется самоконтроль деятельности, появляется стремление к саморегуляции собственного поведения обучающегося; возникают умения анализировать и оценивать собственные поступки.

Волонтерская деятельность помогает подростку подняться над собственными проблемами и увидеть беды и заботы других людей, а главное, щедро дарить окружающим радость, надежду и душевное тепло. В готовности к активности, основным признаком которой выступает осознанность цели и ее воплощение в результат и происходит нравственное развитие их личности. Волонтерская деятельность в современной жизни становится для подростков стилем их жизнедеятельности, возможностью удовлетворения потребностей в общении и самоуважении. Помогая другим,

они помогают себе!

Таким образом, волонтерская деятельность играет большую роль в процессе нравственного развития подростка и является важным педагогическим ресурсом нравственного воспитания и самовоспитания подрастающей личности.

Литература и источники

1. Словарь иностранных слов. – М., 1986.
2. Воспитание нравственной личности в школе. – Минск, 2005.
3. Гавриловец, К.В. Гуманистическое воспитание в школе. – Минск, 2000.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Гребеникова Ю. А. (Белгород, Россия)

Появление в современной России понятия «система социальной защиты населения», а также постепенное реформирование системы социальной защиты населения, опирающееся на начальных этапах на «систему социального обеспечения», функционирующую в советский период развития страны, обусловлены, прежде всего, необходимостью компенсации гражданам потерь, понесенных в результате рыночных реформ. И если в государствах с рыночной экономикой, понятие «социальная защита населения» возникает уже в конце XIX в., обозначая обеспечение своим гражданам определенного набора социальных гарантий и поддержание определенного уровня благосостояния, то для Российской Федерации это относительно новое понятие

В России система социальной защиты в виде обеспечения социальных гарантий развивалась поэтапно, хотя и с некоторым отставанием от прогрессивных тенденций, характерных для более развитых стран. Исторические этапы развития элементов системы социальной защиты в России можно укрупненно представить в зависимости от доминирующего типа политического, экономического и социального устройства.

Первый этап – дореволюционное (досоциалистическое) развитие отдельных элементов системы социальной защиты.

В этот период в Судебнике Ивана IV (1598 г.) впервые в России фиксируется правовое свидетельство наличия социальных пособий. В данном документе отмечалось, что бездетная вдова после смерти мужа имела право на получение обратно приданого и пенсии («полетное») – «две гривны в год».

«Соборное уложение» (1649 г) содержит в себе уже гораздо большее количество статей, посвященных социальному обеспечению, закрепляется право на прожиток, размер которого зависит от величины оклада и причины смерти кормильца [1].

Положений об оказании помощи крестьянам «Соборное уложение» в

себе не содержит, но в период царствования Елизаветы получают распространение «приходы», осуществляющие попечение детей-сирот, стариков и инвалидов за счет специального налога в пользу бедных.

Существуют в этот период и санкционированное нищенство, благотворительность, богадельни, инвалидные дома, дома общественного призрения.

Этот этап характеризуется архаичностью социальных институтов дореволюционной России, но также как и в Европе, конец XIX в. ознаменовывается появлением отдельных элементов социального страхования рабочих на крупных фабриках и заводах.

Так в начале XX в. в России начали разрабатывать по примеру О. Бисмарка системы социального страхования (разработками занимались Н.Е. Введенский, М.И. Туган-Барановский и др.).

В 1912 г. были приняты четыре закона о социальном страховании, но в теоретических трудах политиков-революционеров уже оформляется «большевистская модель социальной защиты», в которой все затраты на страхование граждан берет на себя государство.

Второй этап (социалистический период) – особый пример социального государства в мировой практике социальной политики (1917–1985 гг.).

Для этого периода характерно то, что по идеологическим соображениям понятия «социальная защита» не существует, но система социального обеспечения активно развивается с акцентом на традиционные формы организации взаимопомощи посредством централизации.

Жесткое нормативное распределение ресурсов позволяет достигнуть выравнивания доходов населения на уровне прожиточного минимума, развитие получают системы бесплатного государственного здравоохранения и образования, постепенно развивается пенсионное обеспечение, появляются новые инструменты охраны материнства и детства.

Модель социальной защиты представляет мощную административную вертикаль механизмов по сбору и распределению финансовых ресурсов, исключительно государственное регламентированное социальное обеспечение.

Необходимо отметить, что в таких условиях практически отсутствуют стимулы для формирования гражданского общества, поскольку все направления социальной защиты иницируются «сверху», а бесплатность социальных услуг является главным достоинством системы.

Третий этап – кризисный период (с 1986 по 1991 г.) совпадает с историческим периодом «перестройки» в СССР, который по существу положил начало формированию новой системы социальной защиты населения.

В это время происходят процессы активного экономического реформирования страны, политической нестабильности, резкого ухудшения благосостояния населения из-за фактического снижения доходов населения, тотального товарного дефицита, появляется необходимость жесткого распределения жизненно важных продуктов и предметов потребления среди

населения. В качестве экстренных мер социальной защиты появляются магазины специального обслуживания, талонная система, натуральная помощь семьям и детям и т.д.

По сути, этот период стал своего рода подготовкой к созданию новой системы социальной защиты населения, уже с 1992 г. следует начинать новую этапизацию эволюции системы социальной защиты населения в России.

Четвертый этап – современный (с 1992 г. по настоящее время). В начале 90-х гг. создание новой системы социальной защиты протекало достаточно спонтанно, видоизменяясь в зависимости от возникновения новых вызовов социально-экономической среды.

В 1991–1993 гг. главными субъектами социальной защиты являются Собесы, формируется новая сеть социальных учреждений, которые в основном ориентированы на оказание экстренной помощи наиболее нуждающимся, социальная защита ориентирована преимущественно на компенсацию последствий «шоковой терапии».

С 1993 г. по 1995 г. создаются фонды социальной поддержки на средства, полученные от приватизации, передачи в аренду объектов государственной собственности, происходит институциональное оформление социальной защиты населения; в 1994 г. создается Министерство труда и социальной защиты населения, позднее – Департамент социальной защиты. Характерной для этого времени чертой является появление множества общественных и благотворительных организаций, которые создаются с целью усиления общественного контроля над бедностью.

С 1995 г. по 2000 г. социальная защита переориентируется на адресные формы помощи, развивается сеть социальных служб помощи отдельным категориям граждан.

С 2000 г. по настоящее время происходит совершенствование и развитие страховых форм социальной защиты, неоднократное реформирование и совершенствование комплексной системы пенсионного обеспечения, усиление роли общественного сектора в оказании социальной помощи (появление механизмов межсекторного социального партнерства, благотворительные фонды и организации).

Можно проанализировать уже практически двадцатилетний период формирования системы социальной защиты населения в современной России и провести сравнение с системами социальной защиты европейских государств. Очевидно, что существует устойчивая положительная динамика в развитии системы социальной защиты, но ее уровень, по-прежнему, не соответствует высоким международным требованиям в области социального обеспечения (Европейский кодекс социального обеспечения, Протокол к нему и Пересмотренный Европейский кодекс социального обеспечения, основанные на принятой в 1952 г. конвенции МОТ о минимальных нормах социального обеспечения № 102) [2].

Россия на сегодняшний день не ратифицировала данную конвенцию, а единственным международным документом в области социальной защиты, к

национальной группой не является особо значимой для молодого человека. Другими словами, это не та потребность, над которой молодые люди часто и подолгу задумываются. Поэтому процесс этнической или национальной самоидентификации носит пассивный характер со стороны самого субъекта идентификации.

Пассивность данного процесса, а также некая его хаотичность обусловлены и тем, что до сих пор в стране не выработана единая программа и или проект по формированию и сохранению национальной белорусской идентичности. Попытки создания идеологии белорусского государства, формулирование национальной идеи нельзя считать удачными. И хотя студенты в обязательном порядке прослушивают курс «Идеология белорусского государства», но, в последствии, они затрудняются ответить на вопрос: в чем заключается национальная идея белорусского государства? Очевидно, что данная дисциплина в большей степени базируется на общечеловеческих ценностях и недостаточно представляет этнокультурные ценности белорусов. Иначе, почему она воспринимается молодыми людьми как нечто неопределенное и чужеродное.

В формировании национальной идентичности в нашей стране большая роль отводится системе образования, которая реализует не только изучение белорусского языка, культуры, истории, но и гражданско-патриотическое воспитание. Однако реализуемое в рамках учреждений образования гражданско-патриотическое воспитание не оказывает должного влияния на формирование позитивной национальной идентичности у школьников и студентов. Молодые люди не владеют свободно родным языком, а часто и вовсе не считают нужным его знать. Они затрудняются привести белорусские пословицы и поговорки, народные песни и сказки, плохо осведомлены относительно исторического прошлого Беларуси. При наличии возможностей, большинство юношей и девушек готовы покинуть страну в поисках лучшей жизни.

Среди белорусской молодежи часто наблюдается бикультурная идентичность, когда юноши и девушки ощущают себя принадлежащими одновременно к двум национальным общностям, чаще – белорусам и русским. Отчасти этому способствует принадлежностей родителей к разным этническим группам. Но в большей степени такого рода самоидентификация молодых людей связана с ситуацией бикультурализма в нашей стране. Республика Беларусь – государство, в котором практикуется два государственных языка, где вторым языком, а на самом деле первым выступает русский язык. И как показывает статистика, в последние годы наблюдается устойчивое снижение использования белорусского языка. Среди населения также в большей степени востребованы продукты русской культуры, нежели белорусской.

У белорусской молодежи нередко наблюдается и негативная идентичность, которая отражает нежелание поддерживать собственные этнокультурные ценности, выражается в ощущении национальной и или этнической неполноценности, ущемленности, переживании стыда за

представителей своей нации, национальную культуру. Такого рода высказывая студентов как «Мне стыдно, за свою нацию», «Мне стыдно осознавать, что я белорус», говорят о том, что процесс национальной идентификации протекает достаточно болезненно.

Все чаще молодые люди самоидентифицируют себя и как людей мира, т.е. космополитов. При этом они заявляют, что придерживаться национальных ценностей, знать родной язык, культуру современному человеку вовсе не обязательно. Куда важнее знать английский язык, мировую культуру, что позволяет чувствовать себя везде как дома. Юноши и девушки проявляют активный интерес к западному киноискусству, эстрадной музыке, литературе, в то время как проявление интереса к национальной культуре считают чем-то старомодным, непрестижным.

Наши исследования показали, что позитивная национальная самоидентификация, чувство патриотизма чаще наблюдается у тех молодых людей, чьи бабушки и дедушки проживают или проживали в сельской местности. Доминантным фактором своей национальной самоидентификацией молодые люди считают в основном бабушек, которые являлись носителями традиций национальной культуры. Но мы должны четко осознавать, что в связи с процессами урбанизации данный идентификационный фактор постепенно утрачивается.

Следующий проблемный момент заключается в том, что согласно психологическим теориям язык традиционно рассматривается как один из главных факторов формирования этнической и национальной идентичности. Но в нашей стране он такую роль не отыгрывает. Так, белорусский социолог Л.Г. Титаренко, считает, что в условиях Беларуси родной язык в силу известных условий исторического развития не только не доминирует, но практически вообще мало влияет на современные идентификационные процессы [2]. Мы расцениваем данное обстоятельство как негативное.

В заключение, хотелось бы привести слова Г.Г. Шпета, подчеркивающего, что принадлежность человека к народу, определяется не биологической наследственностью, а сознательным приобщением к его культурным ценностям и святыням [3]. А наши размышления по проблеме национальной самоидентификации белорусов подчеркивают необходимость поиска новых стратегий по сохранению и укреплению национальной идентичности белорусов в глобализирующемся мире. Хотелось бы, чтобы вопросы «Кто мы?», «В чем наше своеобразие?» не вызывали затруднений в ответах у наших соотечественников.

Литература и источники

1. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин. – Минск, 1998.
2. Титаренко, Л.Г. Закономерности развития Белорусской идентичности в условиях многовекторности глобальных и региональных факторов // Веснік Брэсцк. ўн-та. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2010. – № 2. – С. 101–107.
3. Шпет, Г.Г. Введение в этническую психологию. – СПб, 1996.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ОТ ДЕВИАНТНОСТИ К ТОЛЕРАНТНОСТИ

Грошева И. А., Грошев И. Л. (Тюмень, Россия)

Рост числа этнических мигрантов создаёт проблемы в социально-экономической, политической сферах принимающей среды: увеличивается нагрузка на социальную инфраструктуру, обостряется конкуренция в сфере занятости, происходит рост социальной напряженности. Социальная дезорганизация развивается за счёт роста масштабов различных форм негативной девиантности среди мигрантов в условиях быстрых социальных изменений. На возрастание негативной девиантности оказывает влияние целый ряд социальных факторов. Среди них: дефицит социальной идентичности и отчуждение человека от общества, проявляющееся в потере своего статуса; утрата социального оптимизма или даже смысла жизни, личностных проблем, ослабление институтов социализации и социального контроля, обострение социального неравенства и др.

Конфликтогенность миграционных процессов в европейских странах предлагается рассматривать с позиции концепции культурного конфликта, сформировавшейся в середине 1930-х годов в рамках Чикагской школы. Базовым предположением выступает тот факт, что разнородность населения и сложное разделение труда проявились в своеобразной мозаике этнических, религиозных, социально-классовых и политических субкультур с собственными особенными убеждениями, традициями, нормами, ценностями, ожиданиями. Так называемые «культурные теории» делают акцент на силах, побуждающих людей совершать девиантные поступки. Основной причиной возникновения дифференциальных связей и дезорганизации выступает конфликт культур.

Т. Селлин обратил внимание на тот факт, что интересы группы не соответствуют интересам большинства, поэтому если в группе сложились свои нормы субкультуры (поселенческая, этническая и др.), вполне можно ожидать возникновение защитных механизмов, а, следовательно, конфликта. «Конфликт культур неизбежен, если нормы культуры или субкультуры одной зоны перемещаются в другую или сталкиваются с нормами другой зоны» [1, с. 282].

Конфликт между нормами различных культур возникает: 1) когда нормы оказываются на границе смежных культурных зон; 2) когда право одной культурной группы распространяется на территорию другой группы; 3) когда члены одной культурной группы переходят в другую [2, с. 95]. Хотелось бы отметить, что большая часть преступлений, как среди молодых мигрантов, так и в любой другой общности не может быть объяснена в терминах группового и культурного конфликта. Подавляющее большинство преступлений носят внутригрупповой характер и совершаются внутри социальной группы, а не между ними. Адаптивность по отношению к своему окружению скорее следует воспринимать как толерантность, но не

интегрированность чуждых элементов в единую систему. Различие заключается в том, что внешнее приятие провоцирует внутреннее напряжённое сопротивление (отчуждение).

В. Миллер дополнил теорию Т. Селлина [3] утверждением о том, что основные ценности культуры низшего класса поощряют правонарушения шаек, поскольку групповая преступность является ярким выражением субкультуры низшего слоя. Культура существует дольше, чем продолжительность жизни одного поколения, поэтому она распространяется и переходит от одного индивида к другому и от одного поколения к другому. Эту теорию можно отнести к теориям передачи культурного опыта.

В том случае, если социальная система допускает слишком глубокое разрушение своей культуры, то она будет обречена на социальную и культурную дезинтеграцию. Проблема заключается в том, что никто не знает пределов изменения человеческого общества, чтобы можно было определить адекватные ограничения. Например, мотивация к выполнению ролевых ожиданий в социальной системе отмечена Т. Парсонсом через призму двух фундаментальных свойств человеческой природы. Это пластичность, т.е. свойство человека обучаться любому из многочисленных стандартов поведения и сенситивность, т.е. восприимчивость индивида к влиянию установок других в процессе социального взаимодействия [4, с. 104–105].

Немаловажная роль отводится культурным эталонам в жизни общества, так как тенденции к девиантному поведению создают определённые проблемы для социальной системы, следовательно, им нужно противопоставить для устранения дисфункциональных последствий механизмы контроля. Если культурные ресурсы не будут при помощи интернализации ассимилированы, но нельзя будет достичь определённого уровня личности. Системе социального действия присуща нормативная ориентированность, и проблема порядка сконцентрирована вокруг мотивации акторов нормативными культурными стандартами, которые интегрируют межличностную систему действия [4, с. 109]. Стабильность взаимодействия зависит от ориентации сторон взаимодействия на общие стандарты, поскольку только так возможен порядок в мотивационном и коммуникативном аспектах.

Если нормативные стандарты интернализированы и признаются сторонами социального взаимодействия, то конформность как способ удовлетворения собственной диспозиции потребностей будет иметь тенденцию к совпадению с конформностью как условием вызывания благожелательных (избегания неблагоприятных) реакций других. Отсюда становится очевидным и то, насколько этот стандарт институционализирован [4, с. 111].

При анализе девиантности миграционных процессов необходимо сосредоточиться на системе взаимодействия, особенно на ориентацию актора в ситуации и на ситуацию, включающую значимые объекты, в том числе и нормативные стандарты, которые опосредуют ожидания к выполнению социальной роли. Воспроизводство социальной структуры обеспечивается

моралью, институтами социализации, системой верований, т.е. нормативная ориентация сопоставима по значимости в теории социального действия с пространством в классической механике. Социальная система может выжить только благодаря механизму социализации и социального контроля.

В одном случае девиантность – это мотивация актора вести себя вопреки одному или нескольким институционализированным стандартам, а механизмы социального контроля – это мотивация к противодействию этой девиантности. В другом случае, девиация – это тенденция к нарушению статического или динамического равновесия системы взаимодействия. Механизм социального контроля – это восстановление равновесия при помощи противодействующих сил. Такое равновесие достигается путём интеграции при помощи системы нормативных институционализированных стандартов.

Группа мер по культурной адаптации пришлого населения должна быть связана с соблюдением по отношению к ним требований религиозной терпимости и свободы вероисповедания, что в частности, выражается в создании возможностей для функционирования нехристианских религиозных организаций. Во-вторых, это создание условий для сохранения этнокультурного разнообразия, что может выражаться в гарантии прав объединения инициативных групп в целях изучения родного языка и культуры, а также этнокультурного самовыражения. Хотелось бы отметить еще одно возможное направление административной работы властей – это смена парадигмы правоохранительной деятельности от «карательных» мер к общественно-ориентированным.

Политика формирования толерантности к мигрантам у принимающего общества могла бы развиваться при помощи специальных приемов солидаризации, таких как назначение на руководящие посты (естественно, при наличии соответствующих способностей) лиц иной, чем большинство, расовой или этнической принадлежности. Также к спектру «символических» ресурсов власти, которые стоило бы использовать как канал этнокультурной политики по отношению к мигрантам, можно отнести мнения авторитетных политиков, инициацию информационных кампаний и т.д.

Продуктивный подход, на взгляд авторов статьи, содержится в интерпретации толерантности с позиции теории социального действия. С этой точки зрения толерантность-интолерантность представляет единое поле социального свойства, характеризующегося определенными качественными состояниями и атрибутивно принадлежащего всей системе социального взаимодействия.

Литература и источники

1. Селлин, Т. Конфликт норм поведения // Социология преступности. Современные буржуазные теории. – М., 1966. – С. 282–287.
2. Гишинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб, 2004.

3. Miller, W. Lowers Class Culture as a Generating Milieu of Grand Delinquency // Journal of Social Issues, 1958. – №14. – p. 5–19.
4. Парсонс, Т. О социальных системах. – М., 2001.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ПОИСК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

Давыдик О. И. (Минск, Беларусь)

В рамках сложившегося современного мирового политического процесса значимым является кризис национального самосознания, который наступает в период распада ценностей и идеалов, лежавших в основе ранее доминировавшей политической культуры заставляя искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в обществе и связей с государством. Исследование феномена национального самосознания сопряжено с поиском эффективной познавательной оптики, которая способна учитывать все многообразие аспектов, включенных в формирование данной категории. Цель данной статьи заключается в осуществлении попытки подобного поиска через понятия микроистории, традиции, нации и социального конструктивизма. Новизна данного исследования заключается в попытке разработки комплексной модели философско-методологического исследования формирования и развития национального самосознания в условиях глобализации.

Белорусское национальное самосознание является относительно новым явлением в плане временного и культурно-исторического разрыва с тем наследием, которое существовало в границах ВКЛ и Речи Посполитой. Это состояние характерно и для Польши, и для Литвы. Восстановление этой исторической связи и модернизация нации с учетом этого пласта истории возможно на основе микроисторического и микрокультурного контекстов: включения локальных повествований в общее культурно-историческое повествование [1, с. 21].

Методологический аспект исследования национального самосознания – микроистория. Практически, микроистория – это уменьшение масштаба исследования документального материала. Таким образом, вся социальная деятельность представляется в качестве перманентных манипуляций, выбора и решений индивида в условиях нормативной реальности, проявлений свободной воли и индивидуальной интерпретации свободы [2, с. 150].

Таким образом, принимается во внимание, что даже обыденный, незначительный поступок индивида затрагивает собой более глобальную систему. Достоверность процесса исследования объекта реальности определяется продуктивностью и эффективностью описания разных комбинаций масштаба в разных социальных организациях, измерением их роли в разных сферах жизни. Так, принцип микроисторического исследования представляется в качестве эффективной оптики, которая

позволит выявить закономерности, ранее не замеченные и не принятые во внимание.

Таким образом, метод микроистории позволяет выявить важные элементы конструирования социальной жизни, которым ранее не придавалось значение. Так, повседневный опыт индивида является источником интерпретации символической ткани культуры, поиск значений, определяющих события в более крупном масштабе. Следовательно, продуктивным представляется применение такой исследовательской оптики, при которой возможно исследование традиции и новации в преломлении индивидуального сознания, индивидуального опыта [2, с. 153–154]. Общая теория в этом смысле служит частью конструкции, в которую включается подробным образом описанный эмпирический материал с целью контекстуализации и расширения человеческого дискурса. Исходя из метода микроистории, культура интерпретируется не в качестве некой внешней среды, а является внутренним, неотъемлемым содержанием индивидуальной истории. Культура выступает в качестве традиции (в том смысле, в котором подает это понятие Ян Паточка в «Еретических эссе...»), символического Другого внутри субъективных познавательных практик. Новация (модернизация) индивидуальной истории, следовательно, представляется в качестве авторского нарратива, структур и понятий, которые превращают пассивное, невольное участие в воспроизводстве культуры в процесс выстраивания индивидуальной истории, делает возможным осуществление индивидуального действия, имеющего авторский подчёрк [3]. Культура, выступающая в качестве над-индивидуальной, внеисторической тотальности обретает человеческое измерение благодаря нарративу, возможности аналитики и совершения индивидуального действия. Метод микроистории в этом отношении призван выявить те субъективные аспекты, которые влияют на формирование общеисторического контекста в данный конкретный момент времени. Так, к примеру, миф, ритуал и искусство, представляемые в качестве наиндивидуальных тотальных структур в силу своей удаленности во временной перспективе, в процессе интерпретации их элементов дают нам представление о социальных моделях отношений. В частности, миф является символическим присутствием Другого в субъективном сознании. Герменевтическое значение мысли заключается в том, чтобы, не разрушив это символическое место Другого в себе, дать возможность проявиться индивидуальной истории. Это индивидуальное высвечивание, в частности, возможно в поэтическом языке (М. Хайдеггер, К. Гирц), в котором представлены символические модели эмоций – важные познавательные элементы для индивида.

В этом плане понятие национального самосознания можно интерпретировать в русле категорий взаимодополняемости традиции (культуры) и наррации (индивидуального исторического процесса).

Исследование феномена национального самосознания необходимо производить, исходя из синтеза исследовательских оптик. В первом случае мы получаем интерпретацию широкого пласта эмпирического материала

(документы, дневники, описание повседневного индивидуального опыта), который обуславливает возникновение более широких и общих понятий, структур и конструкторов. Методология конструктивизма позволяет создавать объяснительные модели того, как и каким образом функционирует пространство социального, исходя из позиции конкретного субъекта исторического процесса.

Литература и источники

1. Радзік, Р. Вытокі сучаснай беларускасці. Беларусы на фоне нацыятворчых працэсаў у Цэнтральна-Усходняй Еўропе XIX ст. – Мінск, 2012.
2. Леві, Дж. Пра мікрагісторыю // Беларускі гістарычны агляд. – Мінск, 2001. – Т.8. – Сш. 1–2 (14–15). – С. 145–173.
3. Паточка Я. Еретические эссе по философии истории. – Минск, 2008.

СТЕПЕНЬ УЧАСТИЯ НКО В АДАПТАЦИИ ВНЕШНИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Данилова Е. О. (Волгоград, Россия)

В настоящее время центром притяжения для внешних трудовых мигрантов выступает Юг России. Прибывающие из другой страны трудовые мигранты выбирают для нового жительства не только «регион в целом», а конкретный город, район, поселение. В условиях трансформации современного города Волгограда мигранты влияют и на особое социальное пространство. Наше исследование базируется на представлениях о социальном пространстве, обоснованных П. Бурдье.

Следует заметить, что внешние трудовые мигранты не всегда стремятся преобразовать социальное пространство, так как, не имея достаточных средств для оседлого образа жизни они предпочитают мигрировать, а заработанные средства отправлять семье, проживающей постоянно в экономически менее развитом пространстве.

Трудовые мигранты в той или иной степени попадают в ситуацию где, разрушается привычная для человека социальная среда жизнедеятельности. Каждый трудовой мигрант находится в состоянии социальной и экономической дезадаптации. В условиях трансформации современного города степень адаптивности зависит от длительности пребывания на той или иной территории.

Важным компонентом для нашего исследования становится то, что адаптация является, прежде всего, социальным процессом, где внешний мигрант и социальная среда активно взаимодействуют. Видится, что это также процесс приспособления к новым условиям жизни и труда. На рисунке 1 можем видеть наглядно взаимосвязанные составляющие миграционного процесса. Необходимо учитывать, что изменения происходят у всех участников взаимодействия.

Рисунок 1. Миграционный процесс

В соответствии с данными тенденциями взаимодействие внешних трудовых мигрантов с местным населением города Волгограда рассматривается нами как сложная система обменов, обусловленных способами уравнивания вознаграждений и затрат.

Новизна нашего исследования заключается в том, что в условиях трансформации современного города в качестве основного агента адаптации внешних трудовых мигрантов к пространству города мы предлагаем рассматривать региональные некоммерческие общественные объединения (НКО), так как в настоящее время НКО выполняют роль буфера между приезжими и принимающим населением.

Формирование НКО в городе Волгограде (1990-е гг.) было тесно связано с нерешенностью социальных проблем в среде коренных народов. Сформированы следующие механизмы взаимодействия: организация конференций, семинаров, созывы съездов коренных народов, участие в разработке программ социально-экономического развития отдельных этносов. Определение специфики НКО зависит от их взаимодействия, а также степени контроля со стороны органов власти.

Согласно проведенному в 2014 году исследованию методом фокусированного интервью с руководителями НКО (объем выборки составил 28 организаций, генеральная совокупность 72) – значительная часть считает приоритетными направлениями в своей деятельности вопросы защиты прав, досуга, помощь в адаптации, содействие укреплению мира и согласия между различными национальностями, формирование нравственных качеств и активной гражданской позиции. Что касается адаптации внешних трудовых мигрантов в сфере занятости, то следует отметить – в настоящее время она проявляется еще недостаточно отчетливо и во многом определяется перманентным процессом поиска наиболее оптимальных форм. Это побудило нас выявить степень участия НКО в адаптации прибывших в регион внешних трудовых мигрантов (рис. 2).

Рисунок 2. Степень участия НКО в процессе адаптации мигрантов города Волгограда

При этом больше половины НКО из генеральной совокупности не осуществляют какую-либо адаптационную деятельность по отношению к мигрантам. Поэтому, в выборку вошли социально активные зарегистрированные организации, которые прямо или косвенно взаимодействуют с мигрантами.

Осевое кодирование позволило выявить факторы, влияющие на формирование коммуникативного пространства внешних трудовых мигрантов на территории города Волгограда.

Во-первых, социально-правовые факторы – «Обращаются часто, так как испытывают трудности с оформлением документов, чаще всего в связи с необходимостью получения регистрации, нуждаются в помощи при оформлении документов, случаются утраты документов... Осуществляется работа курсов по социальной адаптации мигрантов. В рамках проекта мигранты изучают русский язык и литературу»;

Во-вторых, факторы духовно-культурного развития – «Организация многонациональных праздников. Немаловажно сформировать доброжелательное отношение к приезжим коренного населения»;

В-третьих, экономические факторы – «Материальная поддержка незащищенным категориям».

Следовательно, специфика НКО в городе Волгограде по адаптации внешних трудовых мигрантов заключается в следующем:

- организации не имеют четкой направленности и стараются охватить весь спектр адаптационной деятельности;
- для всех организаций важны правозащитные функции;
- выступают посредником между обществом и мигрантом.

Проведенный анализ показывает, что деятельность НКО можно разделить на группы: внутренняя деятельность направлена на развитие самого объединения, помощь его членам, а внешняя помогает взаимодействовать с обществом, реализовывать проекты.

При взаимодействии социальной структуры и мигранта происходит социальная динамика. Несомненно, НКО в городе Волгограде становятся новым пространством для социальной адаптации и интеграции части мигрантов, в том числе внешних трудовых. Но особые отношения могут строиться на следующих критериях (определяющих структуру НКО), которые

в то же время не всегда применимы к обеим сторонам взаимодействия: доверие, социальный капитал, терпимость, совместная деятельность и контроль.

Как следствие миграционный процесс имеет двойное назначение – с одной стороны, обеспечивает формирование пространства, с другой способствует социально-экономической и культурной состоятельности города. В целом внешние трудовые мигранты адаптируются к условиям трансформации современного города, однако, несмотря на поддержку некоторых НКО, деятельности в сфере содействия трудоустройства и адаптации недостаточно.

«НОМО MOBILIS» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Дедюлина М. А. (Ростов-на-Дону, Россия)

Повсеместное распространение мобильных технологий привело к существенному преобразованию окружающей среды [1, с. 5]. Современные технологии, фактически, превратили человека в «Homo mobilis», причем это связано с непрерывным применением мобильных технологий в жизнедеятельности, и постоянным использованием самых разнообразных приборов-протезов, которые дают возможность человеку все время находиться на связи, либо в сети [2, с. 74].

Перечислим специфические особенности «Homo mobilis»: 1) всегда открыт для межкультурной коммуникации; 2) свободно говорит на нескольких языках; 3) любит путешествовать по миру; 5) постоянно подключен к сети Интернет.

«Сама динамика взаимодействия между собеседниками А и Б, чье общение уже не ограничивается рамками двух человек, поскольку их разговор может быть прерван мобильным вторжением собеседника В, и, как следствие, взаимодействие между ними будет развиваться прерывисто либо сойдет на нет. Таким образом, главный способ соединения – постоянное собственное присутствие для других людей, и наоборот – становится в то же самое время способом разъединения: собеседник А соединен со всеми, кроме собеседника Б» [3].

Мобильный телефон размывает границы: между отдыхом и работой, но также между частной и общественной жизнью, частным и общественным пространством. Фактически люди и мобильные телефоны представляют собой «социотехнический гибрид». Чем больше мы зависим от технологий, чтобы выполнить или добиться нашей каждодневной деятельности, тем больше мы должны доверять этим технологиям.

Технологические устройства формируют нашу культуру и окружающую среду, изменяют модели человеческой деятельности, и влияют на нашу повседневность. «Homo mobilis» в мире мобильных технологий занимает лидирующие позиции. Современный человек сегодня не

представляет себя без постоянного подключения к миру сети.

Мобильные технологии могут стать крупнейшими системами наблюдения на планете. Эти вездесущие устройства могут записывать данные, такие как изображения, звук и местоположение. Они могут автоматически загружать эти данные через беспроводные соединения в системы для статистической обработки и анализа. Но в отличие от традиционных устройств наблюдения и телефонов, датчики могут проконтролировать миллиарды людей во всем мире.

Неприкосновенность частной жизни и публичность не является атрибутивными свойствами вещей, данных или лиц, они скорее зависят от конкретного социального и культурного контекста.

Сегодня этот мир становится все более и более занятым и пронизанным цифровыми и мобильными технологиями. Сетевое пространство вместе с новыми возможностями породило множество этических проблем. Обсуждение в информационной этике концепции конфиденциальности изменилось и усилились с появлением Интернета.

Границы между «бытием-в-кибермире» и «бытием-в-мире-физическом» становятся все более размытыми. Что касается прав пользователя, то кибермир представляет себя ему или ей через различные интерфейсы, которые сегодня хорошо адаптированы к телу человека и имитациям физического мира. Такие интерфейсы являются техническими, требующими таких технических устройств как: определенный вид рабочего стола, ноутбук, может быть портативным, либо имплантирован чипом. Это устройство автоматически присваивает номер (например, IP-адрес) в киберпространстве. Оно является опознаваемым через это число, которое может быть объединено с другими числами, типа координат времени и местоположения. Пользователь цифрового устройства, соединен с кибермиром и, волей или неволей, идентифицирован с числом этого устройства так что, в некотором роде, личность пользователя сама становится этим числом в пространстве сети. Обитатель кибермира может запрашивать данные со всего мира, в соответствии с его или ее интересами, которые являются «отражением личной идентичности, то есть от того, как этот человек понимает, его – или себя, чтобы быть в мире» [4, p.130–131].

Пользователь сети может также представить себя или другого путем размещения данных на каком-то сайте в киберпространстве. Эти данные, независимо от типа (текст, изображения, звук, видео) отождествляются с лицом, выставляющим их. Кибермир отражает множество различных возможностей проживания в мире.

Таким образом, основанные на местоположении технологии и приложения для мобильных телефонов привлекают внимание и поднимают новые вопросы для инженеров, политиков и пользователей. Эти системы собирают и объединяют данные по-новому, а значит, мы должны их научиться оценивать так же по-новому.

Литература и источники

1. Бондаренко, С.В. Культура мобильных телекоммуникаций. – Ростов-на-Дону, 2007.
2. Урри, Дж. Мобильность. – М., 2012.
3. Eco, U. El telefono motiv y la verdad //La Nación Domingo, 2005. On September, 25th [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lanacion.cl/prontus_noticias/site/artic/20051019/pags/20051019183023.html.
4. Capurro, R. Digital Whoness: Identity, Privacy and Freedom in the Cyberworld / R. Capurro, M. Eldred, D. Nagel – Lancaser, 2013.

ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: К ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Денисенко И. Д. (Харьков, Украина)

В современном постоянно трансформирующемся и приобретающем новые черты и качества мире, наблюдаются существенные изменения в структуре и функциональных императивах основных социальных институтов и традиционных структур общества. Очевидно, что при этих условиях формирования новой социальной реальности, испытывает существенные изменения и образовательное пространство. То есть, проблема осознания трансформаций, происходящих с институтом образования при переходе от индустриального общества к социуму, основанному на знаниях – информационному, является весьма актуальной для исследовательских разработок представителей современного социально-гуманитарного знания.

Анализ современной научной литературы свидетельствует о том, что проблемное поле образования выступает предметом исследования всех без исключения областей социально-политических и гуманитарных знаний. Культурологи, педагоги, психологи, политологи, социологи активно изучают разные аспекты образовательного процесса в современных социокультурных контекстах. Однако, исходя из анализа этих публикаций, следует отметить, что в современном научном сообществе не получили еще надлежащего концептуального осмысления, прежде всего, новые формы взаимосвязи и взаимовлияния образования и других трендовых социальных процессов, которые присущи и активно развиваются в информационном обществе.

Анализ современной социально-гуманитарной литературы свидетельствует о том, что среди представителей западного научного сообщества наблюдаются активные действия в направлении построения теории, адекватно интерпретирующей природу и особенности динамики нового типа социума. В качестве примера, можно привести теоретические наработки немецких исследователей Р. Дарендорфа (так называемую «теорию нового общественного договора»), У. Бека (так называемую «теорию общества риска») и французского ученого М. Вевьорки (так называемую «концепцию текущей мутации современного общества»).

Согласно размышлениям Р. Дарендорфа, «современный социальный

конфликт – это антагонизм прав и их обеспечения, политики и экономики, построения мирового гражданского общества – основы составления нового общественного договора общественных прав и экономического роста» [3, с. 5]. Этот конфликт выступает определенным механизмом общественного развития. «Конфликт – утверждает Р. Дарендорф, – источник прогресса, который ведет к цивилизации и в конечном итоге к мировому гражданскому обществу» [3, с. 60]. Основными признаками гражданского общества выступают: многообразие его составляющих (масса институтов и организаций, в которых члены общества могут всесторонне реализовать разные компоненты своих жизненных интересов); автономия (то есть, независимость от центра власти) многих его организаций и институтов; наличие у большинства членов общества общественного сознания [3, с. 61–62]. Очевидно, что в контексте размышлений Р. Дарендорфа, образование рассматривается как один из основных институтов современного общества, которые формируют у его представителей общественное сознание, активную общественную позицию (центральную составляющую гражданского общества).

«Риск, – считает У. Бек, – может быть определен как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцированными и произведенными модернизацией как таковой. Риски в отличие от опасностей прошлых эпох – следствия угрожающего могущества модернизации и порождаемых ею неуверенности и страха» [2, с. 45].

Теоретическая конструкция, центральным концептом которой является понятия «риск», представляется фактически новой парадигмой общественного развития. Ее суть заключается в том, что «положительная» логика общественного производства, которая состояла в накоплении и распределении богатства и доминировала в индустриальном обществе, все больше перекрывается (вытесняется) «негативной» логикой производства и распространением рисков.

Последний процесс обосновывается целым рядом утверждений, одним из ключевых является тезис о том, что в классовых обществах бытие определяет сознание, в то время как в обществе риска сознание определяет бытие. Знание о рисках приобретает новое политическое значение [1, с. 30–32].

В формировании идеологии и политики современного общества риска одну из ключевых ролей играет наука, производство знаний. Теория «общества риска» утверждает, что с расширением производства рисков, особенно мегарисков, роль и статус науки в общественной жизни и политике существенным образом меняется. У. Бек считает, что наука в обществе риска должна не только развиваться, но и быть принятой обществом как легитимный институт знаний, уполномоченный принимать решение.

В основаниях концептуальных соображений М. Вевьорки находится утверждение о том, что современное общество представлено компонентами, которые содержат определенные напряженности, «вызванные тем, что мутация происходит, в результате взаимодействия между логикой кризиса и

распада и логикой воспроизводства» [4]. В целом содержание этой концепции можно презентовать такими тезисами. Современные общества уже не являются обществами индустриального типа. Социальные институты находятся в процессе трансформации, их логика развития соединена с процессами дальнейшей демократизации, с ориентацией на ее политические и экономические аспекты. «Нация» перестает быть центральным концептом конструирования социальной реальности. Повышается уровень культурного разнообразия, взаимодействия и конфликтности. Корреляция процессов культурной декомпозиции / рекомпозиции и индивидуализма становится определенным трендом социального развития. Социальное и культурное изменения конструируют новый политический дискурс, который формирует новые требования к субъектам политических действий.

Нетрудно заметить, что в контексте развития основных положений так называемой «концепции текущей мутации современного общества» М. Вевьорки институту образования отводится доминирующая роль именно в процессе, который интерпретируется им как дихотомическая конструкция «логика кризиса – логика воспроизводства». Благодаря эффективному функционированию образовательного пространства общество получает возможность формировать вышеупомянутые тренды развития и новый вариант политического дискурса (поскольку именно образование становится ведущим структурным элементом современной культуры).

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

В новых вариантах теоретических конструкций развития современного общества, предложенных ведущими представителями западной системы социально-гуманитарных знаний (от так называемой «теории общества риска» У. Бека до так называемой «концепции текущей мутации современного общества» М. Вевьорки) можно наблюдать существенные изменения в интерпретациях функциональных возможностей института образования.

Образование рассматривается как: 1) один из ведущих социальных институтов, которые формируют у представителей современного общества развитое общественное сознание, активное общественную позицию (центральную составляющую гражданского общества) (Р. Дарендорф); 2) реальная основа современной науки, которая в обществе риска должна не только развиваться, но и восприниматься последним как легитимный институт знаний, уполномоченный принимать решение (У. Бек); 3) определенная составляющая воспроизводства целой совокупности напряженностей, которые обеспечивают трансформацию современного общества в контексте его дальнейшей демократизации, с ориентацией на ее политические и экономические аспекты (М. Вевьорка).

Литература и источники

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М., 2000.

2. Бек, У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 45–84.
3. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М., 2002.
4. Wiewiorka, M. Books [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ucm.es/info/isa/cv/cn_michel_wiewiorka.htm.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК КРИЗИС АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ

Донникова И. А. (Одесса, Украина)

Человечество переживает трансформации, специфика которых выражается не только в их «планетарности», но также и в том, что они охватывают глубинные, экзистенциально-сущностные основания человеческого бытия. В глобализацию вовлечен человек в его уникально-индивидуальном существовании, который *проживает* и *переживает* процесс глобализации. Это означает, что его последствия для человека не менее серьезны, чем для общностей людей. Между тем, глобализация осмысливается преимущественно в виде мегатенденций, в которых нивелируются, «растворяются» действия одного человека, способствуя распространению пессимистического мировосприятия, усилению переживания безнадежности ситуации и тщетности человеческих усилий. В связи с этим анализ антропологических аспектов глобализации представляется особенно актуальным.

В.Г. Табачковский, раскрывая амбивалентную перспективу универсализации человечества, выделил основные коллизии этого процесса и определил его эпицентром антропологический кризис [1, с. 22–34]. Одна из «болевых точек» – антропологический «комплекс сверхполноценности», сложившийся в западной цивилизации к XX веку и угрожающий «постоянным возникновением симулякров глобализации: проблемы, с которыми сталкиваются индивиды и общности – глобальные, а мировоззренческие интенции не выходят за границы глобализации локального» [1, с. 24]. Реализация «комплекса сверхполноценности» накладывает на еще одну коллизию. Социокультурные особенности страны – «поводыря глобализации» демонстрируют не только межкультурную толерантность, но и не меньшую склонность к унификации. Это создает угрозу культурному разнообразию человечества как «живительной основе креативных способностей человека» [1, с. 25]. Наконец, самая серьезная глобализационная коллизия связана с угрозой «культурного империализма», порождающего экзистенциальное напряжение между культурами, когда господствующая культура одновременно вызывает и восторг, и отвращение. Диалог становится невозможным либо в силу категорического отказа от него, либо «оборачивается конфликтом, в котором сталкиваются не политические, военные или экономические факторы, а что-то более весомое –

символотворческая мощь противодействующих культур» [1, с. 28].

Для выявления стратегий преодоления антропологического кризиса, вызываемого глобализацией, представляется продуктивным проанализировать проблему в контексте парадигмы сложности. Исследуя сложность, Э. Морен выделяет две ее фундаментальные характеристики – холизм, т.е. соединение частей, которые образуют целое с новыми свойствами, и глубокие, нередуцируемые внутренние противоречиями, которые не столько разрушают, сколько строят ее [2, с. 14]. Он отмечает, что холистический мир представляет собой «переплетение космофизической вселенной и антропосоциальной вселенной, где каждая порождает другую, всецело завися от другой; переплетение объекта-космоса и познающего субъекта, который появляется как событие в космическом становлении, но в то же время в познании охватывает весь космос и порождает его в собственном видении» [2, с. 127]. Е.Н. Князева детализирует: сложность – это множество элементов, соединенных нетривиальными, оригинальными связями друг с другом; это внутреннее разнообразие элементов, которое делает ее гибкой, способной изменять свое поведение в зависимости от меняющейся ситуации; это многоуровневость (существует архитектура сложности); это эмерджентность – способность обновляться, продуцировать инновации [3, с. 41].

Антропосоциокультурная реальность создается не только космофизической вселенной. Она разворачивается из индивидуальных человеческих существований, соединяющихся друг с другом и создающих *антропологическую сложность* – сложность, порождаемую полисущностным человеком (В.Г. Табачковский). Полисущностность есть выражение эссенциально-экзистенциальной неопределенности и незавершенности человека, его принципиальной неустойчивости, способности к нелинейной самореализации, в ходе которой высвобождается и разрушительный и творческий потенциал. Полисущностный человек, решая проблему согласования сущности и существования, в основу своего бытия закладывает конфликт, в его бытии действует «закон нетождественности», принцип нарушенной симметрии, что допускает взаимодействие, взаимодополнение противоположного, «одного» и «другого» [4, с. 290].

Человек, который по своей сути порождает и живет в онтологическом конфликте, обречен на поиск путей и средств его преодоления. Тем самым, конфликт не только разъединяет и расщепляет его бытие, но может продуцировать новые ценностные связи, антропокультурные инновации. Принципиальная несводимость сущности человека ни к одному из ее проявлений оборачивается для него необходимостью сопряжения разных стратегий исследования мира, прежде всего, в индивидуальном существовании. Потенциально разрушительный конфликт требует культурогенных механизмов его сдерживания и стимулирования одновременно. Этот конфликт-контакт, который неминуем для человека, размывает границы своей и чужой культуры, культурного и бескультурного

(антикультурного) и одновременно требует сохранения принадлежности «Я» своей культуре.

Глобализация есть одновременно и контакт, и конфликт культур. Проблема совмещения разных культур, объединения людей как их «воплощений», готовых отстаивать свою самость, особо обостряется в личностном взаимодействии. Человек оказывается «на границе» культур, вовлеченным в потенциальную многовариантность событий, перед возможностями обновления и рисками самоутраты. Он погружается в состояние экзистенциальной неопределенности, когда обретенный им культурный опыт в соприкосновении с другой культурой не актуален в силу его принципиальной неприемлемости, а нового еще нет.

Вместе с тем, в межличностном / межкультурном диалоге возникает спровоцированная глобализацией культурная инновация – особая, эмерджентная маргинальность. Она выражается в преднамеренном «умалчивании», «неозвучивании» своей культуры ради возможности сотрудничества с другой. В этом «культурном молчании» образуется пространство толерантности, в котором люди могут обнаружить нечто новое для себя и новых себя путем символического «отречения» от своей культуры – отречения ради рождения нового. Это ситуация компромисса культур, в которой человек проявляет себя как культурная сложность, способная противоречия и конфликты трансформировать в творчество. Укорененность человека в своей культуре, настолько сильная, что может выражаться в открытом непринятии другой культуры, воспринимается им как проявление *всеобщности особенного*, характеризующее любую культуру и любого человека. Непонятность и чуждость уже не раздражают, а привлекают, интригуют, открывая человека для диалога.

Человечество переживает кризис глобализации, выражающийся в нарастании культурного однообразия. Но как в любом кризисе, в глобализации скрыта возможность обновления. Утрата человеком «мировоззренческой гравитации», вызывающая взаимное отторжение культур, может обернуться «мировоззренческой уверенностью», если будет сохранено богатство «голосов» во всечеловеческом культурном «ансамбле» [5, с. 334]. Преодоление кризиса антропологической сложности возможно через культурную инновацию, рождение которой должно произойти «снизу» – в индивидуальном бытии человека, продуцирующем уникальные формы общечеловеческого.

Литература и источники

1. Табачковський, В.Г. Світоглядно-антропологічні колізії процесу глобалізації // Людина і культура в умовах глобалізації. – Київ, 2003 – С. 22–34.
2. Морен, Э. Метод. Природа Природы – М., 2005.
3. Князева, Е.Н. Инновационная сложность: общая методология и способы организации когнитивных, коммуникативных, социальных систем // Инновационная сложность. – СПб, 2016. – С. 38–100.

4. Ковадло Г.П. Толерантність у конфлікті: суспільна практика та сучасні етичні обґрунтування поняття // Грані людського буття: позитивні та негативні виміри антропокультурного. – Київ, 2010. – С. 289–313.
5. Табачковський, В.Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках «неевклідової рефлексивності». – Київ, 2005.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ИНСТИТУТ СЕМЬИ И БРАКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Дыдышко С. В. (Минск, Беларусь)

«Семья – это социальная единица, которая обеспечивает продолжение человеческого рода, которая первой появилась в процессе социализации общества; это единица, в которой взаимоотношения ее членов подчиняются определенным правилам, которая имеет свои биологические, психологические, экономические, социальные и юридические аспекты, и которая из поколения в поколение передает накопленные в обществе материальные и нравственные богатства» [1, с. 76].

Семья тесно связана с обществом, в котором она живет, с его экономикой, политикой, культурой, ориентирами. Но сегодня представления о семье претерпевают значительные изменения, так как каждая культура и каждое историческое время порождают определенную нормативную модель семьи. В современных условиях, несмотря на религиозные требования, все заметнее становится кризис семьи как социального института общества. Кризис выражается в том, что семья все хуже реализует свои основные функции: организацию супружеской жизни, воспроизводство населения, воспитание детей [2, с. 58].

Влияние глобализации на характер современной семьи приобретает специфический вид в силу социокультурных и социально-экономических условий развития белорусского общества. Семья постоянно видоизменяется и наполняется новым содержанием под влиянием происходящих в обществе процессов и изменений. Так какая она – современная семья в Беларуси? С какими трудностями сталкивается и какие проблемы решает?

После распада Советского Союза наметилась небольшая тенденция к, своего рода, европеизации семейного быта. Попытки быть похожими на западные семьи привели к переориентации семейных взаимоотношений. Но довольно сложное экономическое положение в середине 90-х да и последующих годах, а также низкая правовая культура и гражданское самосознание так и не позволили семье в Беларуси стать полноценным европейским семейством.

Однако при всем различии уровня социально-экономического, политического, культурно-исторического развития западных стран и нашего государства характер семейных проблем в Беларуси и Европе практически идентичен. Процесс глобализации способствует быстрому распространению новой идеологии семьи и семейных отношений, что и заставляет ученых и

политиков все чаще обращаться к вопросам семьи и семейной политики в государстве, так как традиционная семья очень быстро теряет свои позиции и уступает место семье современного типа под воздействием средств массовой информации и «вестернизации» белорусского общества [3, с. 40].

В результате коренных социально-экономических преобразований на территории постсоветского государства изменились механизмы и характер социальной адаптации большинства белорусов, испытавших на себе все трудности переходного периода. Итогом «шоковой терапии» стало катастрофическое снижение рождаемости и повышение смертности, увеличение удельного веса разводов и неполных семей, уменьшение числа детей в семьях, снижение уровня здоровья, увеличение возраста вступления в юридический брак и мужчин, и женщин, наконец, распространение альтернативных форм брака и семьи и т.д.

Можно привести статистику для убедительности. Так, еще в 1980-х годах, до распада Советского Союза, общий коэффициент рождаемости в республике составлял 17,5 ‰, а смертности – 10,0 ‰ [4]. Но, если обратиться к статистическим данным за последние годы, то мы увидим совсем другую ситуацию: в 2012 году общий коэффициент рождаемости составил 12,2 ‰, смертности – 13,4, а естественного прироста – -1,2 ‰ [5, с. 61]. Количество неполных семей в 2009 году в Беларуси достигло 16,5% от общего количества семей, что больше на 2,4 % по сравнению с 1999 годом. Увеличение числа неполных или неблагополучных семей отчасти связано и с увеличением удельного веса разводов. Если в 1980-х годах коэффициент разводимости был равен 3,1 ‰, то в последние годы он увеличился до 3,7–4 ‰ [4; 6]. Согласно имеющимся данным, в 2012 году в Беларуси было заключено 76,2 тыс. браков и зафиксировано 39,0 тыс. разводов (в среднем 512 разводов на 1000 браков) [5, с. 49]. Отмечается устойчивая тенденция уменьшения детей в семье – сегодня в республике преобладают однопородные семьи (60 %) [2, с. 5]. Увеличивается возраст вступления в брак и мужчин, и женщин. В первый брак большинство белорусских женщин вступают в 20–24 года, а мужчины – в 25–29 лет [6, с. 51–52].

Все перечисленные явления являются результатом того, что семья как ячейка общества, первая попала под удар рыночных преобразований и вступила в длительную полосу кризиса. Сегодня ситуация осложняется продолжающимися социально-экономическими реформами, довольно низким уровнем жизни многих семей, а также преобразованиями социально-культурного порядка и становления новой системы ценностей. К тому же, белорусское общество, длительное время находившееся в относительной изоляции, теперь не может критически оценивать западные ценности, что напрямую отразилось на облике современной белорусской семьи [2, с. 29].

Что касается процесса рождаемости, то для нашей страны он складывается достаточно драматично. В 1993 году белорусские демографы впервые зафиксировали, что смертность превысила рождаемость и страна вступила в качественно новый период своего развития – депопуляцию [2, с. 19].

Чрезвычайно низкий уровень рождаемости в Беларуси, в первую очередь, связан с массовым распространением однодетной семьи. Одним из главных факторов перехода к малодетной семье послужило коренное изменение положения женщины в обществе. Образы мужа и жены в эпоху глобализации не столь дифференцированы, как в системе традиционных представлений. Белорусская женщина уже на протяжении двух-трех поколений живет в условиях практически стопроцентной занятости в общественном производстве [2, с. 25].

Тенденции снижения рождаемости, уменьшения числа детей в семье не только не потеряли своей актуальности в современном белорусском обществе, но и еще более усложнились, приобрели острый характер. Наметилась тенденция «нуклеаризации», т.е. перехода от расширенной (сложной) патриархальной семьи традиционного типа, в состав которой входит несколько супружеских пар или несколько поколений взрослых, к простой (нуклеарной) семье, состоящей из супружеской пары с детьми, не состоящими в браке [7, с. 34].

Одной из наиболее значимых и показательных тенденций изменения семьи является трансформация ее брачно-семейных типов. «Семья переживает острый перелом, старые и отчасти современные ее формы мало-помалу исчезают, уступают место иным формам, известным пока в общих чертах», – писал П. Сорокин еще в XX веке. Сегодня этот процесс приобретает более яркие очертания [8, с. 174].

Еще несколько десятилетий назад повсеместно единственной признанной всем обществом формой супружеского союза был зарегистрированный брак. Но в последние годы общественное мнение изменилось. Статистически значимый феномен начинают представлять собой незарегистрированные (гражданские браки). По данным различных социологических опросов, до 7% населения Беларуси состоит в «незарегистрированном браке» [2, с. 6].

Подводя итог, следует отметить, что процесс трансформации института семьи, как и любой социальный процесс, неизбежен и необратим, как и неизбежен социальный прогресс в целом в связи с процессами глобализации. Изменение форм семьи и брака происходят и, несомненно, будут происходить в будущем.

Литература и источники

1. Дилекчи, Р. Развитие турецкой семьи и ее структуры // Философия и социальные науки. – 2011. – № 3.
2. Семья в современном мире: материалы междунар. конференции, г. Минск, 8 апреля 2010 года. – Минск, 2010.
3. Федотова, В.Г. Модернизация «другой» Европы. – М., 1997.
4. Демографический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://demography.academic.ru>.
5. Семья в Республике Беларусь / Статистический сборник. – Минск, 2013.

6. Статистика по населению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie>.
7. Бим-Бад, Б.М. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. – М., 2010.
8. Сорокин, П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал. – 1916. – № 2.

НАРРАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МИРЕ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Завадский М. Б. (Минск, Беларусь)

Постановка и рассмотрение проблемы диалога культур традиционно задается оптикой макроуровня глобальной динамики. Вместе с тем, процессы кросс-культурного взаимодействия, сглаживания культурных противоречий в не меньшей степени происходят и на микроуровне, в сфере межличностных отношений, индивидуальных рецeпций и решений, затрагивая основы личностной идентичности. На формирование самосознания индивида не может не оказывать влияние разнообразие жизненных стилей и стратегий, мультикультурализм, конфликты ценностных порядков, проблема совмещения традиционных и современных моделей сосуществования и т.п. В настоящее время для философов и социальных теоретиков нетривиальной задачей является разработка нормативных параметров личностной идентичности в «индивидуализированном обществе» (З. Бауман), соотношение ценностей и субъективного начала индивида, определение роли ценностных (шире – моральных) оснований в выстраивании персональной идентичности, индивидуального жизненного проекта.

В традиционных обществах представление человека о самом себе не носило проблематичного характера, поскольку было детерминировано положением, занимаемым в социальном организме племени, рода, сословия. Идентичность личности была фундирована закрепленными за ней обязанностями и ролями. Социальный статус определял образ жизни, моральные ориентиры, личностные качества, предназначение. Человек от рождения обнаруживал предустановленный набор правил, которые обуславливали направленность его жизни. В мировоззренческом плане личностная идентичность, как правило, обретала границы в контексте надиндивидуальных онтологических, космологических и теологических горизонтов.

Общество раннего модерна ставит под сомнение и впоследствии трансформирует фундаментальные принципы традиционной картины мира и самопонимания человека. Религиозный индивидуализм Реформации, рационализация и «расколдовывание мира» (М. Вебер), теории общественного договора намечают векторы современного изменения общества и индивида [2, с. 28]. В результате персональная идентичность начинает утрачивать ценностные ориентиры, лежавшие в ее основании. Ценности приобретают вторичный характер по отношению к субъективному

пространству индивида. Формируется представление о ценностях как о предмете «выбора», личностных предпочтений, вкуса. В качестве попытки «спасти» трансцендентальный статус ценностей можно рассматривать философию Баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт).

Если в домодерный и отчасти в раннемодерный период развития европейской культуры ценности были фундаментом для персональной идентичности, то в (поздне)модерных западных обществах происходит инверсия этой детерминации. Теперь личность обладает правом и ресурсами не только «выбирать», но и созидать ценности (Ф. Ницше, Р. Рорти). Приоритет субъективного перед ценностным в качестве негативных последствий имел распространение морального релятивизма, цинизма, нигилизма, инструментализма. Ценой такой трансформации в самопонимании индивида стало «разделение сознания», представление о жестком разграничении между личностной и социальной идентичностью и, в конечном итоге, кризис идентичности.

В современной философии интеллектуальную реабилитацию ценностных и моральных оснований персональной идентичности предпринимают представители нарративно-герменевтического подхода. Обозначим позиции ключевых авторов, работающих в его рамках, – А. Макинтайра и Ч. Тейлора. Философов объединяет интенция дать обоснование этической обусловленности идентичности личности. Оба мыслителя показывают, что формирование идентичности связано напрямую с представлением, какая жизнь является достойной, благой, добродетельной, правильной. Оно конкретизируется в понятии горизонта значений Тейлора как системы ориентации человека в мире, предполагающей, что существуют цели, стили, способы жизни, поведения, чувствования, которые более значимы, чем другие. Горизонт и этика добродетелей (Макинтайр) являются онтологическим фундаментом для личности в современном мире. Условием возможности установления связи между личностью и общим благом, ценностями (Тейлор), восстановления домодерного понимания добродетелей (Макинтайр) является нарратив.

В целом бытие человека осуществляется в форме повествования. Попытки объяснить персональную идентичность, игнорируя нарративной порядок жизнедеятельности человека, обречены на неудачу. Рассказы об индивидуальной жизни представляют собой сеть взаимосвязанных нарративов, которые наделяются смыслом по мере того, как персональное вплетается в более широкий социальный, культурный, религиозный контекст. Вне этого контекста, который устанавливает связь с сообществом персональная идентичность остается фрагментарной, распыленной и пустой. Открытость социально-культурному горизонту смыслов предполагает занятие определенной позиции: идентичность формируется в процессе определении своего места в горизонте актуальных вопросов морального мышления. Ответность и ответственность перед лицом обращенных к индивиду традиции, наследия, сообщества выступают составляющими идентичности.

Нарратив в структуре персональной идентичности обладает следующими характеристиками: экзистенциальность – пространство, в котором современный человек обретает свою идентичность; связность и последовательность нарратива наделяет существование человека единством и целостностью; интеллигибельность, которая обеспечивают действия и поступки интересным смыслом; контекстуальность, предполагающая, что в расчет берутся намерения, убеждения субъекта повествования и его окружение; телеологичность как направленность на осуществление жизненных целей, смысла жизни, идеалов, идеи блага; темпоральность как единство значимости прошлого и будущего для настоящего; жанровая специфика, применимая как к отдельным действиям человека, так и к его жизни в целом [1, с. 278–295; 3, с. 47–52].

Несмотря на созвучность позиций обсуждаемых авторов, они не единодушны по ряду вопросов. Так, Макинтайр, настаивая на реанимации учения о добродетелях Аристотеля, предполагает возможность возвращения к «сильному» понятию человеческой природы, которое должно содержать определенный набор добродетелей, направляющих жизнь человека. Понятие природы человека, указывающее на объективные ценности, согласно Макинтайру, должно быть противопоставлено субъективистским представлениям о том, что ценности историчны либо релятивны. Из перспективы проекта Тейлора позиция Макинтайра не учитывает того, что субъективный поворот в европейской культуре, повлекший за собой индивидуализацию общественной жизни, отражает пути поиска морального блага западными мыслителями и не может быть квалифицирован только как негативная тенденция. У Макинтайра не находят выражения и признания такие параметры идентичности, как конструирование своей самости и самобытность ее опыта. В то время как, с точки зрения Тейлора, ценности или горизонты значений предполагают вариант их уникальной рецепции, не лишая при этом индивида возможности социальной идентификации или гражданской позиции. По Макинтайру, субъект нарратива является в лучшем случае только его соавтором, поскольку, во-первых, ключевые моменты рассказа (направляющие его сюжетную линию добродетели) были предзаданы рождению человека, и, во-вторых, повествование об индивидуальной жизни во многом определяется рассказами других людей, сообществ, традиций, институтов. Мы являемся персонажами не только своей истории.

Таким образом, нарративная версия осмысления персональной идентичности, предлагающая обоснование конститутивной роли нормативных, ценностных и моральных оснований в формировании идентичности личности, является сбалансированной альтернативой крайним представлениям о «смерти субъекта» и радикальной субъективизации / релятивизации общественной жизни в современном глобальном мире.

Литература и источники

1. Макинтайр, А. После добродетели: Исследования теории морали / А. Макинтайр / Пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга. – 2000.
2. Guignon, Ch. On Being Authentic / Ch. Guignon. – London and New York: Routledge, 2004. – 185 p.
3. Taylor, Ch. Sources of the Self. The Making of Modern Identity / Ch. Taylor. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1989. – 601 p.

СУМЕРКИ ЕВРОПЫ ИЛИ УТРЕННЯЯ ЗАРЯ НОВОГО МИРА?

Игнатов В. К. (Минск, Беларусь)

Сегодня Европа уподобилась страннику, много веков блуждавшему по всему миру в поисках истины и, наконец, обретшему ее. Однако парадокс этого ощущения достижения цели состоит в осознании бессмысленности затраченных усилий, ибо мир оказался лишенным смысла.

XX век завершился некрологом великим идеалам европейской культуры Нового времени. Угасло интеллектуальное могущество теорий прогресса, социального утопизма, универсального благоденствия. Смолкли фанфары, еще недавно возвещавшие о мировом триумфе западной либеральной идеи. Все чаще стали раздаваться голоса, предрекающие грядущий духовный мрак, крах традиционных мировоззренческих концепций, питавших Европу с эпохи Просвещения, окончательное поражение идеи непрерывного исторического развития. Эру Постмодерна сравнивают то с периодом поздней Античности, то с эпохой Барокко – та же неопределенность в умах, те же метания от беспредельного оптимизма и безграничного желания сохранить многовековые устои до глубочайшего скепсиса, преклонения перед судьбой и безверия.

Эпоха Постмодерна подвергла духовному разрушению все идеалы минувшего. Скепсис, ирония, интеллектуальная игра в конструирование коллажей из культурного наследия не оставляют места серьезной и строгой вере в создание лучшего будущего, в сотворение совершенной земной жизни, в достижение индивидуального бессмертия. Не раз уже высказывалось суждение, что современная европейская интеллигенция присутствует на собственных похоронах. Но «конец истории» станет и прощанием со всей европейской цивилизацией. Уникальность Европы с эпохи христианства покоилась на идее устремленности истории к новым духовным перспективам, к новым смыслам бытия, к новым ипостасям человека. Поэтому сама мысль об исчерпании исторического развития идет рука об руку с признанием краха христианской цивилизации. Цикличность – это приговор Европе.

Итак, что же нас ждет впереди? Скука от созерцания утративших подлинную творческую жизнь и духовную энергию некогда великих истин, сартровская «тошнота» от осознания тщеты человеческих усилий стать

Богом, банальное существование бледных теней великих творцов европейской цивилизации, с детской непосредственностью варваров или аристократическим высокомерием интеллектуальных снобов проживающих блестящее культурное достояние прошлых эпох?

Современные интеллектуалы стали обладателями немислимой ранее духовной свободы, получив возможность творческого «слияния» со всей культурной сокровищницей Европы. Но с каждым мгновением исторической жизни нарастает ощущение мнимости, иллюзорности, преходящности обретенной легкости бытия.

Сегодня человек Европы оказался в духовной ситуации, по степени внутреннего драматизма сравнимой с трагической остротой грандиозного цивилизационного потрясения первых веков христианства. На заре своего существования новая религия даровала европейцам освобождение от тяжких духовных оков языческого циклизма, привнеся в культурный мир Старого Света пафос истории. Напротив, в наше время уставшая от многовековой устремленности в будущее мысль Европы возрождает дух теорий круговорота, избавляя современного индивида от новоевропейских иллюзий об отсутствии его личной ответственности за формирование облика грядущего перед лицом железной поступи исторического прогресса.

Кризис и разрушение традиционных культурных ценностей придали статус исторической реликвии одной из самых дорогих сердцу европейца идей – идее европоцентризма. На протяжении столетий Европа заслуженно несла знамя авангарда человечества. Плоды европейской культуры становились достоянием иных культурных ареалов, рождая у европейцев чувство не только уникальности и превосходства собственной цивилизации, но и ее высокого предназначения быть вождем всего планетарного сообщества.

Однако в конце XX века мировая ситуация претерпевает радикальные перемены. Подобно тому, как в произведениях постмодернизма разрушаются традиционные иерархические структуры и полярные противоположности, распад бинарного мира, созданного противостоянием двух систем, поставил под вопрос экономическое, политическое и культурное первенство Европы.

С каждым мгновением, прожитым человечеством в XXI веке, все яснее становится, что шансы европейской цивилизации на сохранение мирового лидерства тают буквально на глазах. Трагедия, разразившаяся 11 сентября 2001 года, значительно, если не навсегда, подорвала безграничный оптимизм сторонников мирового триумфа Запада. Но еще задолго до кошмарных нью-йоркских событий возникали трезвые суждения о новых угрозах, о невиданных катаклизмах, о беспрецедентных вызовах, подстерегающих западные страны в XXI веке. Появление знаменитой статьи С. Хантингтона вызвало бурный всплеск размышлений на тему взаимоотношений мировых цивилизаций, поиска путей их ненасильственного сосуществования и возможных сценариев гармоничного развития различных культур и народов.

Особую значимость в новом столетии приобретают идеи диалога, терпимости, компромисса. Очевидно, что человечество никогда не станет

творцом общепланетарной цивилизационной парадигмы, если оно не сможет выработать общие ценности и нормы совместной жизни. Речь ни в коем случае не должна идти о «новом деспотизме». Современный мир, несомненно, отринет все попытки тотальной унификации, создания мировой религии или вселенского мировоззрения. Напротив, совместное решение общепланетарных проблем только и возможно на основе постоянной готовности к диалогу, взаимоуважительности и открытости, стремления к пониманию ценностей иных цивилизаций и культур.

В XXI веке перед европейской интеллигенцией встает величественная и грандиозная задача: создать мир новых смыслов в лишенном смыслов мире, открыть новые перспективы европейской цивилизации перед лицом ее бесперспективности, подарить новую жизнь царству универсалий на фоне гибели утопизма, прогрессизма и универсализма.

Современному наследнику европейского достояния невозможно смириться с мыслью о Европе, пребывающей на смертном одре, о личности, лишенной корней «в мирах иных», о неотвратимости воцарения тьмы, распада, тлена. Неудивительно, что в сознании нынешней интеллигенции чувства отчаяния, безнадежности, «мировой скорби» парадоксально сплетаются с экстатическим предощущением пришествия «будущего века».

Новый эсхатологизм взыскует и новой человеческой личности. Это не античный мыслитель, с олимпийским спокойствием вззирающий на вечное круговращение природного и социального космоса. Это не новоевропейский индивид, замороженный идеями торжества мирового разума, прогресса, благосостояния и процветания народов, государств, сообществ. Это не ницшеанский сверхчеловек – новый Бог, призванный стать целью и смыслом человеческого существования после смерти старого, христианского Бога.

Европейская личность XXI века – это человек постхристианской эры, эпохи активно-творческого эсхатологического сознания, времени перехода от истории к метаистории. Эсхатологическое сознание XXI столетия осмысливает бытие под знаком наступления конца света и конца истории. Христианская личность новой эпохи живет и действует так, как будто «смерть мира» уже произошла, и от деяний человека, проникнутых идеей, принадлежащей к высшим сферам, от сотрудничества Бога и человека, от творческого диалога между Всевышним и личностью зависит перспектива земной цивилизации. Этот Богочеловеческий процесс невозможен без человеческой свободы, дарующей личности духовные силы для созидания новых земных миров, пронизанных ощущением «горнего жительствова» человека. Не грандиозные картины непрерывного прогресса человечества и счастья будущих поколений, безразличные к индивидуальной судьбе личности, и не величественные полотна, живописующие сверхчеловека Ницше и «нового человека» марксизма, парадоксальным образом созвучные в своем пафосе убийства Бога и человека, а непрерывное творчество эсхатологического характера, возносящее человеческую личность из земного мира зла, ненависти и насилия в царство любви, милосердия и высшей духовной истины.

«У победы множество отцов, поражение – всегда сирота». Этот горький афоризм Джона Кеннеди может стать в наши дни эпитафией не только европейской интеллигенции, не только европейской культуре, не только европейской цивилизации. «Закат Европы» – это сиротство всего человечества. Стать отцом общечеловеческого будущего – долг и призвание современной интеллигенции Европы. И эта миссия не может стать для нее невыполнимой.

БЕЛОРУССКАЯ ДИАСПОРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ «ОБРАЗА» БЕЛАРУСИ ВО ФРАНЦИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Калько В. Н. (Гродно, Беларусь)

С приобретением независимости в 1991 г. Республика Беларусь получила возможность выступить на мировой арене в качестве абсолютно нового самостоятельного актора международных отношений. Находясь в составе других более мощных государственных образований, белорусский народ был вынужден работать над формированием культурного образа народов, имевших политическое преимущество, и принимать правила игры, которые не всегда отвечали его собственным интересам. После провозглашения независимости Беларуси предстояло самостоятельно определять курс внешней и внутренней культурной политики, заново налаживать контакты с другими странами, разрабатывать собственные основы международного культурного взаимодействия, приспособливаться к жизни в новом мировом порядке.

Другими словами, белорусскому государству предстояло формировать новый положительный имидж в сознании мировой общественности. Что и на сегодняшний день в условиях современных глобализационных процессов остается стратегически важной задачей внешней государственной политики. Особое значение приобретает информация об «образе» Беларуси в общественном сознании международного сообщества, в особенности стран, связанных тесными политическими, экономическими и культурными связями с нашим государством, к числу которых, несомненно, относится и Франция.

Изучение опубликованных библиографических материалов и архивных источников показывает, что важным полем формирования «образа» Беларуси во Франции является белорусская диаспора, так как именно она сыграла определяющую роль в зарождении интереса к истории и культуре Беларуси во французском обществе.

Образование белорусской диаспоры во Франции приходится на 1930-е гг., являясь следствием активизации национально-культурной и общественной деятельности в кругах белорусской эмиграции. Ранее прибывшие белорусы очень быстро ассимилировались и растворялись в иноэтнической среде, ввиду недостаточного уровня национального

самосознания, нехватки интеллектуальной элиты и, как следствие, отсутствия этнической идеологии.

Устойчивость к ассимиляции белорусских эмигрантов была достигнута посредством создания различного рода институциональных структур – общественных и политических организаций, профессиональных, женских и молодежных объединений, культурных центров, конфессиональных общин, издательских структур и др. Посредством организационного фактора, белорусская диаспора вырабатывала собственные механизмы сохранения этнической, языковой и культурной самобытности, создав тем самым особый культурно-исторический тип общества.

Внутренние процессы формирования и консолидации белорусской диаспоры были значительно затруднены различного рода факторами, среди которых:

1. отсутствие единого государственного подхода к решению белорусского вопроса, неразвитость государственных программ взаимодействия с соотечественниками;

2. отсутствие устойчивых этнических институтов, внутренняя неоднородность и отсутствие заинтересованности в консолидации со стороны большей части зарубежных соотечественников;

3. экономическая слабость и ограниченность в финансовых ресурсах;

4. неполноценная и зачастую искаженная информационная картина жизни и настроений соотечественников на исторической родине, неразвитая коммуникационная структура всего «белорусского мира» в целом.

На всем протяжении своего существования белорусская диаспора переживала многочисленные периоды спада и подъема. Так периодом наибольшей активности просветительской, культурной и политической деятельности белорусской эмиграции стали конец 40-х – начало 50-х гг. XX в. Именно в эти годы был разработан каркас и создана основная база белорусоведческих традиций во Франции. Публицистическая, литературная и издательская деятельность являлась основной платформой популяризации белорусской культуры. Л. Рыдлевский, Н. Абрамчик, Л. Горошко, Я. Филистович, М. Наумович – свои работы они посвящали вопросам особенностей исторического процесса на белорусских землях, белорусской ментальности, роли христианских конфессий в формировании системы ценностей белорусского этноса, роли политического фактора в судьбе народа и др. Историко-культурологическая проблематика и вопрос политической судьбы и государственности Беларуси занимали центральное место в исследовательских традициях представителей интеллигенции белорусского зарубежья.

Ростом интереса французского общества к белорусскому вопросу ознаменован период конца 90-х гг. XX в. – начала XXI в. Доказательством чего явилось создание в 1996 г. под руководством профессора Института восточных языков и культур в Париже Б. Дрвески ассоциации «Perspectives biélorussiennes» («Белорусские перспективы») и учреждение в 1997 г. ежеквартального бюллетеня под одноименным названием, имеющего целью

распространение знаний о Беларуси. В 2000 г. под руководством В. Шиманец начинается издание серии книг «Белорусская коллекция» в парижском издательстве «L'Harmattan». Открыла серию книга И. Лялькова «Aperçu de l'histoire politique du Grand-Duché de Lituanie» («Обзор политической истории Великого Княжества Литовского») [1]. Далее последовало издание работ А. Лапатневой, А. Гужон, В. Шиманец, Ж.-Ш. Ляльмана, Б. Дрвески, жены первого посла Франции в Беларуси А. Жолиф и др. В рамках Объединения белорусов мира «Бацькаўшчына» были опубликованы воспоминания многих деятелей белорусской эмиграции во Франции, представляющих достаточно интересную мемуарную традицию, отражающую события советского периода белорусского общества, критическая оценка которых нередко расходится с трактовками советской историографии БССР.

Белорусская тематика все чаще начинает звучать в университетских исследованиях. На период с 2000 по 2013 гг. в университетах Франции было защищено 11 научных диссертаций на соискание ученой степени, посвященных непосредственно белорусской тематике. Наибольшее количество работ было выполнено в рамках политических наук, также исследования проводились в области истории, экономики, лингвистики и искусства.

Таким образом, присутствие белорусской диаспоры во Франции рассматривается как фактор реализации национальных интересов, обеспечивающий экономическое, культурное и языковое присутствие в стране, имеющей для белорусского государства важное геополитическое и стратегическое значение; фактор, положительно воздействующий на уровень и тональность двусторонних отношений, где диаспора выступает в роли «моста».

Изучение истории и современного состояния белорусской диаспоры во Франции позволяет не только выявить причины, условия и механизмы формирования системы историко-культурологического знания о Беларуси во французской общественной и научной мысли, но также сформировать научно обоснованную культурную политику, которую проводят МИД Республики Беларусь, НАН Беларуси, Министерство культуры Республики Беларусь, Министерство образования Республики Беларусь в отношении Франции с XX и до начала XXI века.

Литература и источники

1. Lalkou, I. Aperçu de l'histoire politique du Grand-Duché de Lituanie. – Paris, 2000.

ГІСТАРЫЧНАЯ СПАДЧЫНА Ё МУЗЫЧНАЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКАГА ПАМЕЖЖА

Кавалевіч М. С. (Брест, Беларусь)

*Аб добрай славе Беларусі
У свеце знаюць нездарма.
Я – беларус, і я шчаслівы,
Што маці мову мне дала,
Што родных песень пералівы
І зблізку чую, і здаля...
Ніл Гілевіч*

Вельмі цікавы пласт і найбольш запатрабаваны – гістарычная спадчына – гэта тая неперыходзячая каштоўнасць, якую захоўвае, беражэ, развівае, якой ганарыцца кожны чалавек. Пад «спадчынай» мы разумеем не толькі помнікі матэрыяльнай культуры, але і дух, які ляжыць у аснове нацыянальнай самасвядомасці.

Род Радзівілаў – адзін з самых знакамітых у Вялікім Княстве Літоўскаму – даў айчыне не толькі палітыкаў, вайскаводаў, прадстаўнікоў вышэйшага духавенства, але таксама і цэлую плеяду дзеячаў культуры – асветнікаў, паэтаў, мастакоў, *музыкантаў*. Адным з прадстаўнікоў гэтага вялікага роду, з тых, хто найболей ярка выявіў сябе ў мастацкай творчасці, быў Мацей Радзівіл (1749–1800) – кампазітар і драматург. Мацей Радзівіл з ранніх гадоў рос у самай прыгожай магнацкай рэзідэнцыі Беларусі – Нясвіжскім замку, які як раз у гэты час здабываў сваё цяперашняе барочна-ракайльнае харавство. У хлопчыка былі высокаадукаваныя настаўнікі з Заходняй Еўропы. Тут юны Мацей сур’ёзна захапіўся тэатрам (нясвіжская трупа была вядомая далёка за межамі Беларусі), а таксама музыкай. У больш сталым веку з-пад пяра Мацея Радзівіла вышлі шматлікія паланезы, мазуркі, санаты, серэнады і дывертысмент. Вялікая частка яго музычнай спадчыны захавалася да нашых дзён, а створаныя ім паланезы сталі ўпрыгожваннем беларускай музычнай спадчыны.

Полацкі сшытак – гэта помнік польска-беларускай музычнай культуры, у якім сабраныя песні (канцоны) і танцы як заходне-, так і ўсходнееўрапейскага паходжання. Сшытак быў складзены ў 1640–1670 гады і ўключае больш 60 вакальных і інструментальных твораў з выразнымі рысамі барока. Сярод іх шматлікія канты і псалмы, фрагменты царкоўнай музыкі. Мясцовыя паўфальклорныя традыцыі злучыліся ў музыцы з італьянскімі і французскімі ўплывамі. Узнёсла і высакародна гучыць «Полацкі сшытак», які трыста гадоў назад слухалі і любілі нашы продкі. Толькі нядаўна нотныя запісы знайшлі ў Кракаве, і музыка вярнулася на радзіму. Знойдзеная ў архівах Ягелонскага ўніверсітэта, яна ўпершыню прагучала са сцэны ў выкананні ансамбля «Cantabile».

Прадстаўнік старадаўняга беларускага княжага роду Міхал Клеофас Агінскі (1765–1833) ўжо пры жыцці набыў шырокую еўрапейскую вядомасць

як кампазітар, хоць асноўнай справай лічыў для сябе палітыку. Род Агінскіх музычна адораны. Яшчэ з сярэдзіны XVIII ст. захаваўся таму доказ – скрыпічная саната Караля Агінскага.

Значную кампазітарскую спадчыну пакінуў далёкі сваяк Міхала Клеофаса, вялікі гетман Вялікага Княства Літоўскага *Міхал Казімір Агінскі*. У маладыя гады Агінскі пісаў патрыятычныя песні і маршы, якія мелі вялікі поспех у кругах польскіх эмігрантаў (Яму прыпісвалі складанне песні польскіх легіянераў «Яшчэ Польшча не згінэла», якая пасля стала нацыянальным гімнам яго радзімы). У 1790-х гадах атрымалі вялікае распаўсюджванне паланезы Агінскага. Надзвычай папулярны быў паланез фа мажор, які атрымалы назву «Падзел Польшчы». Яшчэ больш вядомы паланез Агінскага «Развітанне з радзімай», які ён напісаў перад ад'ездам з Польшчы. Сваімі полонезамі Агінскі аказаў уплыў на наступнае пакаленне польскіх кампазітараў – К. Курпінскага, Ф. Астроўскага, М. Шыманоўскую.

Цікавасць уяўляе даследаванне, праведзенае ў Каталіцкім Люблінскім Універсітэце, Антоніем Попел, Ірынай Солтан «Музычна-рэлігійныя традыцыі беларуска-польска-літоўскага памежжа як элемент ідэнтытэта сацыяльных груп».

Беларуска-польска-літоўскае памежжа цікава ў якасці месца правядзення даследаванняў не толькі сацыёлагам, але і музыколагам, этнографам і фалькларыстам. На Кафедры Этнамузыкалогіі і гімналогіі Інстытута Музыкалогіі Каталіцкага Люблінскага Універсітэта Іяна Паўла II было напісана некалькі навуковых прац на тэму музычна-рэлігійных традыцый памежжа, якія дазваляюць лепш зразумець сутнасць ідэнтытэта сацыяльных груп, што пражываюць на дадзенай тэрыторыі. Падчас даследаванняў было запісана некалькі сотняў рэлігійных і свецкіх спеваў на некалькіх мовах. Даследнікі паспрабавалі апісаць традыцыі і абрады каталіцкіх і праваслаўных супольнасцяў. У 2003 г. была напісаная праца П. Гедройча аб каталіцкіх рэлігійных спевах прыходу Гервяты ў Беларусі. Падчас прац было запісана 280 спеваў – 177 на польскай і 103 на літоўскай мове.

У тым жа годзе была напісаная праца Д. Асмільскай аб пахавальных спевах на святой гары Грабарцы ў Польшчы. Аўтар выкарыстаў 57 аднагалосных і двухгалосных спеваў, выкананых падчас пахавальнага абраду ў праваслаўнай царкве. У 2009 г. была напісаная праца І. Солтан на тэму музычна-рэлігійнай культуры каталіцкага прыходу Гожа ў Беларусі. Падчас прац было запісана 107 рэлігійных і свецкіх спеваў. Большасць з іх выконвалася на польскай мове.

Падрэзаныя даследаванні ясна паказваюць на факт знікнення найбольш старажытных пластоў перадачы музычнай культуры, што таксама звязана з праблемай самаідэнтыфікацыі насельніцтва, якое практыкуе рэлігійную музыку як элемент сацыяльнага ідэнтытэта. Ідэнтыфікацыя з музычнай культурай з пункта гледжання веравызнання, нацыянальнасці або мовы тычыцца толькі старэйшага пакалення, якое, звязана са сваімі традыцыямі, імкнецца выконваць усе формы іх перадачы вельмі

кансерватыўным спосабам. Малодшае пакаленне не выяўляе такіх моцных тэндэнцый да пасіўнага захавання традыцый і больш адкрыта новым уплывам. Цяжка сказаць, як у будучым сфармуецца музычная перадача народных традыцый памежжа. Усе факты, аднак, паказваюць на тое, што ў бліжэйшым будучым ўтварыцца зусім іншая культурная мадэль, у якой ранейшыя каштоўнасці згубяць сваё значэнне і не будуць тлумачыцца так фундаментальна, як гэта адбываецца цяпер.

Дасягненні сучаснасці кожны раз ставяць перад чалавецтвам новыя задачы, якія патрабуюць новых крэатыўных адкрыццяў, якія ў сваю чаргу павінны абапірацца на развіццё творчых традыцый мінулага. Традыцыі з'яўляюцца асновай для наватарства, а наватарскія ідэі абапіраюцца на традыцыі, развіваюць і ўдасканальваюць іх. Гэты «селекцыйны» працэс адмаўлення састарэлых форм традыцыі і трансфармацыі яе лепшых дасягненняў працягваўся ў эпоху Адраджэння, Новага часу, рэалізаваўся ў культурнай творчасці XX – пачатку XXI ст [1]. Важнай праблемай з'яўляецца вызначэнне спецыфікі нацыянальнай традыцыі ў параўнанні з паняццем «традыцыі» ўвогуле. Нацыянальныя традыцыі – гістарычна ўсталяваныя, адносна ўстойлівыя сацыяльныя з'явы, якія паўтараюцца і ўзнікаюць аб'ектыўна ва ўсіх сферах нацыянальнага жыцця, уласцівы пэўным нацыянальным асаблівасцям псіхалогіі той ці іншай нацыі, што перадаюцца, узнаўляюцца з пакалення ў пакаленне і замацоўваюцца праз грамадскую свядомасць [2]. У нацыянальных традыцыях адлюстраваны прыметы этнічных асаблівасцей псіхалогіі, гісторыя народа, вытокі яго развіцця, дзякуючы ім кожны чалавек суадносіць сябе з пэўным этнасам. Праз нацыянальныя традыцыі кожны народ ацэньвае рэчаіснасць самастойна і адчувае сябе непаўторнай, самабытнай нацыяй.

У пацверданне сказанаму III Міжнародны навуковы семінар «Музычная культура польска-беларускага памежжа: лінгвакультуралагічны і філасофска-літаратуразнаўчы аспекты», які адбыўся ў 2015 г. ў г. Вішніца (Рэспубліка Польшча) у рамках Еўрапраекта «Gdzie bije źródło... Kultura muzyczna pogranicza Polski i Białorusi». У семінары прыняла ўдзел дэлегацыя з 8 чалавек ад Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна. У праграму семінара былі ўключаны і абмеркаваны разам з навукоўцамі Люблінскага ўніверсітэта імя Марыі Кюры-Складоўскай пытанні музычнага сінтаксісу, філасофска-літаратуразнаўчага, лінгвакультуралагічнага, жанрава-стылявога і педагагічнага аспектаў песеннай творчасці Брэсцка-Падляскага Памежжа. Аўтар артыкула расказала ў сваім выступленні аб метадах і сродках народнага выхавання ў песеннай творчасці Берасцейшчыны.

Міжнародны семінар адкрыў навукоўцам новыя гарызонты для далейшых сумесных лінгвакультуралагічных і філасофска-літаратуразнаўчых даследаванняў.

Літаратура і крыніцы

1. Беларуская энцыклапедыя. У 18 т.Т. 15. – Мінск, 2002.

2. Капчеля, В.М. Национальные традиции: сущность, генезис, перспективы развития. – М, 2006.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОСТИ И НОВЫЕ СМЫСЛЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Колядко И. Н. (Минск, Беларусь)

«Дискурс кризиса» становится доминантой социально-философской рефлексии динамики социокультурного развития трансформирующихся обществ. П. Штомпка отмечает, в частности, что «отождествление изменений с социальным прогрессом со временем уступает место идее кризисов, при которых изменения проявляют свои негативные (часто непреднамеренные) последствия в различных областях общественной жизни» [1, с. 472]. «Суд над современностью» (М. Хайдеггер) в XX в. приобретает по-настоящему вселенские масштабы. В этой связи П. Штомпка обращает внимание на тот факт, что вследствие тотальной критики основных принципов культурного проекта модерна, «дискурс прогресса вытесняется дискурсом кризиса, само понятие кризиса получает при этом новый смысл, отличающийся от исходного этимологического значения данного слова: его начинают рассматривать как «хронический», постоянный, непреодолимый кризис» [1, с. 473].

Одной из причин парадигмального сдвига, кризиса современного общества, «modern society» является «нарастание рефлексии внутри модерна», т.е. критический анализ основополагающих аксиом культурного и социального проекта современности. А. Дугин, в частности отмечает: «...с конца XIX века, когда социальная парадигма Модерна, изначально локализованная в Западной Европе, стала активно распространяться вширь (через колонизацию) и вглубь (через ускоренную модернизацию самих западных обществ), внутри самого «современного общества» стали появляться сомнения в обоснованности претензий Нового времени на знание абсолютной истины, в оправданности бесконечного и безоблачного оптимизма, в состоятельности базовых научных и социальных предпосылок, на которых было основано это общество» [2, с. 136]. Философские основания эпохи модерна становятся объектом тотальной критики, демифологизируются, что вызывает потрясения, социальные патологии и состояние «аномии» в обществе. Культурная матрица «modern society» претерпевает существенные изменения: нестабильность и осознание кризиса, по слову П. Тиллиха, «принимают форму образа жизни» [3, с. 233].

Парадигма формирует определенный взгляд на мир, задает характер культурных и социальных процессов, составляет «культурную ментальность» того или иного общества. Периоды «надлома» (А. Тойнби), распада парадигмальных оснований социума сопровождаются утратой доверия к господствующим системам целеполагания и способны породить, вследствие изменений структур и норм социального сознания, совершенно

новые формы социальных отношений и практик, а также становится причинами перманентных «социокультурных флуктуаций» (П. Сорокин) и рисков.

Общество модерна становится «обществом риска», которое представляет собой уже не столько общество перманентных революций, сколько «общество катастроф»: в таком обществе «чрезвычайное положение грозит стать нормой жизни» [4, с. 96.]. У. Бек обращает внимание на специфику происходящего на исходе XX столетия переосмысления отношений между природой и обществом, органической и надорганической реальностями, а также на связанный с этим переосмыслением характер кризисов современности. У. Бек, в частности, отмечает: «общество, со всеми его системами – экономической, политической, семейной, культурной – в современном мире уже нельзя воспринимать как нечто «автономное», независимое от природы» [4, с. 99]. Сегодня общепризнанным является положение, согласно которому многие проблемы и кризисные тенденции являются проблемами «в своем генезисе и последствиях целиком общественными, проблемами человека, его истории, условий его жизни, его отношения к миру и реальной действительности, его экономических, культурных и политических воззрений» [4, с. 99].

Радикальные метаморфозы общества модерна, предполагающие «освобождение от социальных форм индустриального общества» У. Бек сравнивает с тем, как в период Реформации осуществлялся процесс секуляризации Церкви и ее структур. По мысли У. Бека, можно говорить о том, что уже сложились предпосылки для смены типа общественного развития, осуществления «современного индустриализационного сдвига», который, как предполагается, станет разрешением внутреннего кризиса современных модернизирующихся обществ. «Модернизационные риски» и распространение идеологии «индивидуализации» становятся предпосылками для зарождения нового типа общественных отношений, что является свидетельством нарастания аномии общества модерна и служит мостом к формированию новых форм организации общественных отношений.

Если в XX столетии проект модерна подвергся тотальной критике, предполагалось, что наступит утопическая эра «постсовременности», то уже в начале XXI столетия все чаще раздаются голоса в пользу реабилитации фундаментальных установок «современности», заявляет о себе тенденция к обновлению основных мировоззренческих и институциональных оснований и принципов модерна. Действительно уже сложно представить себе наш мир без угроз «глобальных проблем современности», «решение» которых все больше сводится к принятию деклараций и конвенций, и часто совсем не затрагивает существа дела. Полагаем, что фундаментальная критическая рефлексии в отношении господствующих идеалов, норм и целей человеческой деятельности, а также экспликация философских оснований мировоззренческого проекта «современности» позволят выработать долгосрочные стратегии преодоления последствий все углубляющихся кризисов.

Процессы «осовременивания», феномены «рефлексивной», «догоняющей модернизации» и иные конституирующие проект модерна феномены основаны на принципе «свободы субъективности» (Гегель), а субъект-объектные отношения являются предпосылкой расколотости и кризисности модерна. Эти и другие философские основания «современности» должны быть заново осмыслены в их значимости для человеческой экзистенции, а т.н. «проблемы современности» и феномен кризиса в социокультурном развитии должны получить ясное концептуальное оформление, что станет первым шагом на пути к «точной постановке вопроса» (Н.Н. Страхов) о возможных способах самоопределения модерна в мире глобальных рисков.

Эскалация культурного проекта модерна получила в литературе и научных, философских исследованиях наименование «модернизации». В фундаментальном издании «Новой философской энциклопедии» (под ред. академика В.С. Стёпина). Л.В. Поляков определяет социальную модернизацию как «совокупность экономических, демографических, психологических и политических изменений, претерпеваемых обществом традиционного типа в процессе его трансформации в общество современного типа» [5, с. 597–598]. Однако, модернизация социальная немислима без модернизации «гуманистической» – таков один из ведущих тезисов как отечественных, так и зарубежных социальных философов. Российский социальный философ Н.И. Лапин, в частности, отмечает, что цивилизационный кризис начала XXI в. непосредственно связан с возникшими трудноразрешимыми проблемами вследствие стремительно распространяющихся в мировом масштабе процессов модернизации. К такого рода проблемам относятся: обострение несоответствия социальных практик международных взаимодействий глобальным процессам информационной эпохи, исчезновение сдержек и противовесов двуполярного мира, ослабление регулятивной роли ценности жизни человека и, как закономерный результат таких трансформаций, «утрата цивилизацией способности обеспечивать устойчивое существование *homo sapiens*» [6].

«Гуманистическая модернизация» (Н.И. Лапин), проект которой становится все более востребованным в связи с необходимостью поиска новых путей социально-культурного развития, ориентированных на снижение рисков масштабной индустриальной и постиндустриальной экспансии, предполагает органическую актуализацию в культурной и социальной ткани общества «триединства фундаментальных ценностей» – самоценности жизни человека, принципа ненасилия в системе коммуникации, а также уважение достоинства человека как совокупности его потребностей и способностей, свобод и прав, обязанностей и деятельностных компетенций [6]. Реабилитация указанного «триединства фундаментальных ценностей», которые являются принципами проекта Нового времени, в условиях парадигмальных трансформаций внутри модерна является попыткой снизить угрозу рисков, нестабильности и кризиса, придав процессам модернизации гуманистическую направленность.

Осложнение последствий модернизации, стремительное возрастание социальных угроз, процессы глобализации и общая системная нестабильность ставят человечество перед очередным культурно-цивилизационным вызовом, ответ на который предполагает выработку локальных стратегий и технологий устойчивого, стабильного социокультурного развития. Ясное понимание роли и значения кризисов в социокультурном развитии, их четкая концептуальная и содержательная экспликации позволят понять специфику сложных процессов парадигмальных трансформаций внутри «modern society» в контексте глобальной нестабильности.

Литература и источники

1. Штомпка, П. Травма социальных изменений // П. Штомпка. Социология. Анализ современного общества. – М., 2005. – С. 472–492.
2. Дугин, А.Г. Социум в истории. Разновидности социального времени // А.Г. Дугин. Социология воображения. Введение в структурную социологию. – М., 2010. – С. 133–168.
3. Тиллих, П. Кайрос // П. Тиллих. Избранное: Теология культуры. – М., 1995. – С. 216–235.
4. Бек, У. На вулкане цивилизации: контуры общества риска // У. Бек. Общество риска. На пути к другому модерну. – М., 2000. – С. 21–102.
5. Поляков, Л.В. Модернизация социальная // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / ред. совет: В.С. Стёпин [и др.]. – М., 2010. – Т. 2. – С. 597–599.
6. Лапин, Н.И. Кризис цивилизации и гуманистическая модернизация [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института философии РАН. – Режим доступа: http://iph.ras.ru/uplfile/scult/Lapin_2015.pdf.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Коноваленко Н. В. (Донецк, Украина)

Социальная справедливость – наиболее важный показатель эффективности социального развития общества, философско-методологическое основание для анализа социальной деятельности и решения вопросов об изменении общественных отношений. Любое социальное действие как взаимоотношение субъектов социальных отношений – индивидов, социальных групп, общества, государства – характеризуется в соответствии с принципом справедливости, который проявляется в конкретной форме в типе индивидуального и группового поведения. Объективность рассмотрения различных явлений социальной жизни в качестве справедливых или несправедливых обусловлена функционированием такого действенного инструмента-регулятора, каким является общественное мнение. Общественное мнение – форма массового сознания, в которой отражается скрытое или явное отношение различных

групп людей к событиям и процессам действительной жизни, затрагивающим их интересы и потребности. Именно в общественном мнении проявляется социальная активность большинства населения, прямо не задействованного в политическом и законодательном процессах. Если общество утрачивает понимание, согласие и возможность высказать различные точки зрения по вопросу о том, что является справедливым, то это дезориентирует поведение людей, ухудшает их социальное самочувствие, в обществе нарастает конфликтность, сбои в функционировании социальных подсистем.

Следовательно, наличие общественного мнения – это качественная характеристика уровня общественного сознания и социальных отношений в целом. Согласно такой точке зрения, общественное мнение как полноценный социальный институт существует только в гражданском обществе, где обеспечивается свобода его открытого выражения. В гражданском обществе общественное мнение как совокупность суждений и оценок, выносимых различными социальными группами по поводу событий общественной жизни, деятельности и поведения отдельных личностей, организаций и партий, насущных социальных, политических, культурных проблем осуществляет корректировку идей социальной справедливости, их проверку на соответствие реальной жизненной практике. Полнота развития независимого общественного мнения, основанного на принципе социальной справедливости, способствует перерастанию социального управления в самоуправление, а социального контроля в общественное саморегулирование, что обеспечивает эффективный контроль над политической властью, исключая коррупционные действия, нарушение человеческих прав и свобод.

При наличии различных подходов к исследованию проблемы соотношения понятий общественного мнения как гражданского института и социальной справедливости, как механизма установления согласия между членами общества по вопросам равенства и свободы в разных областях общественных отношений «справедливость рассматривается как проявление, как образ определенного, желаемого какой-то социальной группой общественно-политического и экономического устройства» [1, с. 283]. При этом понятие справедливости каждый раз сочетается с обоснованием определенной модели социально-экономического и политического устройства общества, которая в наибольшей мере отвечает интересам определенной социальной группы, обладающей активной позицией по различным проблемам социальной жизни.

Особенно важно отметить, что все явления, происходящие в окружающей действительности, от личных до общественных отношений, так или иначе подвергаются оценке с точки зрения справедливости. При этом в каждом конкретном случае могут быть разнообразные оценочные мнения по поводу того или иного действия: оно может быть признано как справедливым, так и несправедливым. В результате, направленность на оценку того или иного социального явления, интенсивность как выражение определенности, степень интеграции – показатели как единства

общественного мнения, так и глубоких разногласий.

Социальная коммуникация как атрибут общественного мнения позволяет каждому конкретному индивиду формировать собственное мнение по поводу происходящих в обществе событий, а также ориентироваться на реальных и потенциальных единомышленников, находить себе социальную группу, с мнением которой он согласен. В то же время, общественное мнение – это собирательный результат различных, часто даже противоположных и взаимоисключающих мнений представителей самых разных социальных и статусных групп. И представление о справедливости, господствующее в данном обществе, вырабатывается и подвергается внутренней коррекции именно при столкновении разных суждений, свободных от поспешности и эмоций. В этом случае, формируются не просто мнения, а логические построения, призванные обосновать эти мнения. Отсюда следует, что чем больше в обществе людей, обладающих собственными взглядами, активной жизненной позицией, гражданственностью, тем сильнее и эффективнее общественное мнение, а, значит, более вероятна практическая реализация принципа социальной справедливости.

В рамках этического подхода справедливость исследуется, прежде всего, как проявление нравственного сознания в форме чувственной оценки взаимоотношений социальных субъектов, эмоционального отношения к противостоящему субъекту и его действиям. Характеристики эмоционального и рационального в феномене справедливости в равной мере относятся и ко всем структурным проявлениям морали. Как необходимый элемент ситуации взаимодействия субъектов отношений, нравственные оценки человеческих поступков могут быть обоснованы в результате рационального размышления или формируются подсознательно на основании внутреннего критерия справедливости. Таким образом, требование справедливости в его конкретных формах вписывается в структуру морально-нравственных норм, выработанных исторически, выраженных общественным мнением и регулирующих межличностное общение и поведение людей в обществе.

Более того, как заинтересованное оценочно-ценностное отношение субъекта к объекту общественное мнение также содержит рациональный и эмоциональный компоненты, что с точки зрения практической реализации находит отражение в таких структурных аспектах как общественная оценка и общественная воля. С оценочной функцией общественного мнения тесно связана познавательная, адаптационная, целеполагающая, консультативная, управленческая функции. Реализуя данные функции общественного мнения, субъект выполняет принятые в обществе нормы, правила, ценности, оправдывает возложенные на него ожидания, участвует в определении стратегических целей социального управления, воздействует на социальные субъекты и процессы, добиваясь при этом соблюдения принципа социальной справедливости.

В связи с этим, более пристального внимания заслуживает исследование справедливости как объективного свойства социальных

отношений в ее противоречивом соотношении с общественным мнением как субъективным фактором. Это означает, что справедливость социально обусловлена, имеет объективные основания, но общественным мнением субъективно оценивается неоднозначно, поскольку об одном и том же явлении, с точки зрения общественного мнения, могут быть различные и даже противоположные суждения.

Как известно, принцип справедливости, как и другие морально-нравственные нормы, имеет не всегда нравственное начало, а в большей степени опирается на объективные потребности в определенных общественных отношениях, которые обусловлены социально-экономическими или социально-политическими отношениями. Однако не все действия людей оцениваются как справедливые или несправедливые, а лишь те, в которых проявляется их отношение к другим людям, к обществу, в которых затрагиваются интересы других индивидов или социальных групп и где неизбежна ответная реакция. Соответственно, общественное мнение, будучи состоянием массового сознания, далеко не всегда отражает идеалы справедливости, гуманизма и прогресса. Это – многоуровневое сложное образование, на формирование которого влияют разнообразные факторы: слухи, недоразумения, недопонимания, глубоко укоренившиеся классовые, групповые, этнические предрассудки, привычные мыслительные стереотипы и специально разрабатываемые технологии подачи информации. Кроме того, общественное мнение стремительно меняется и становится разнородным в периоды социальных перемен, когда усиливается уровень агрессивности и настороженности по отношению к «чужим» и поддержка «своих», отчуждение между социальными группами, слоями «имущих» и «неимущих». При этом происходит трансформация оценочных отношений в системе общественных процессов в отношении идеологические.

Следовательно, субъективный характер феномена общественного мнения в наименьшей мере определяет критическое отношение гражданского общества к существующему социально-политическому строю, к данному государству, его законодательству и политике. Становится вполне очевидной недостаточность эмоционально-чувственной оценки социальной реальности с позиций общественного мнения, поскольку требуется определение объекта несправедливости и осознание социальным субъектом своих индивидуальных и групповых интересов, а также интересов противостоящей стороны.

В признании отношений справедливыми или несправедливыми выражается оценка явлений жизни с точки зрения полезности для себя лично, для определенной социальной группы или общества, ощущение необходимости осуществления благоприятных перемен в условиях существования. Поэтому понимание справедливости оказывается изначально встроенным в контекст отношений, связанных с конфликтными ситуациями, в которых взаимодействующие субъекты обращаются друг к другу с просьбами и требованиями, а, возможно, и с использованием силового принуждения. В данном случае требования справедливости чаще всего

выходят за пределы морали, принимают форму воздаяния или в виде вознаграждения, или в виде наказания, т.е. преследуют нередко материальные, прагматические, а подчас и просто меркантильные цели, а не справедливость как таковую. В связи с этим, не меньшей, а большей ценностью оказывается не справедливость сама по себе, а результат взаимодействия субъектов по достижению определенных целей, по объективизации условий, которые одна из сторон отношения считает справедливыми.

С позиции аксиологии справедливость включена в состав других моральных ценностей, хотя не сводится ни к моральным оценкам, ни к моральным нормам, т.к. является синтезом целого ряда оценок. Справедливость – «один из тех критериев, по которым люди оценивают события, происходящие вокруг них, а также один из параметров самооценки» [2, с. 98]. Она предполагает оценку субъектом совокупности всех наличных объективных условий и оценку собственных притязаний, оценку противостоящего субъекта, оценку изменившихся или предполагаемых изменений условий жизнедеятельности. Это может не осознаваться рационально, может выступать как результат интуитивного познания происходящего, может быть осмысленным и логически оформленным. При этом выход за пределы просто этической оценки здесь очевиден.

Ведь достижение справедливости зачастую нацелено на изменение социальных условий, а сама справедливость предстает, соответственно, как социальная ценность. Цели, преследуемые субъектами отношения, могут варьироваться от самых малозначимых до требования изменения формы собственности и устройства государственной власти. Собственно говоря, человечество на протяжении почти всей истории своего существования постоянно стремится реализовать принцип справедливости в виде определённого социального устройства. Это дает основание рассматривать справедливость уже не только и не столько как нравственную ценность, а как ценность общесоциальную и системообразующую, что и обеспечивает легитимность существующих социальных институтов, способствует сохранению стабильности социальной системы. С другой стороны, соблюдение принципа социальной справедливости – наиболее прочное основание для формирования таких морально-нравственных ценностей как патриотизм, гуманизм, свобода, ведь свобода не может сохраниться в обществе, не стремящемся к справедливости. Справедливость требует соблюдения не только равенства прав, но и равенства возможностей граждан в реализации своих способностей, а также гарантии достойного существования тем, кто их лишён.

С точки зрения Э. Фромма, стремление к справедливости является «неотъемлемой характеристикой человеческой сущности» и важнейшим оружием в её борьбе за свободу и развитие, в то же время, трансформируясь «в потенциальную способность, присущую человеку вообще» [3, с. 354] и детерминирующую мировоззрение людей. Справедливость, будучи категорией морально-правового и социально-политического сознания,

является естественным правом человека.

Следовательно, для обеспечения социальной справедливости демократическое государство должно задействовать идеологические, правовые, политические, экономические, психологические, моральные и духовные факторы. Четкая социальная политика государства, направленная на создание оптимальных условий для реализации различных потребностей и интересов каждого индивида, соблюдения прав и обязанностей всех социальных слоев населения является необходимым условием достижения социальной справедливости и развития различных форм общественного мнения как выражения оценки экономических, политических, правовых явлений действительности и поступков людей, меры социальной требовательности к личности со стороны общества и государства.

Литература и источники

1. Гвоздилов, С.В. Справедливость как объект исследования // Вестник Костромского государственного университета им.Н.А. Некрасова. – 2011. – С. 283–287.
2. Гулевич, О.А. Межгрупповая дифференциация в сфере справедливости // Вопросы психологии. – 2008 – №1. – С. 95–102.
3. Фромм, Э. Бегство от свободы; Человек для себя. – Минск, 2000.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕЛИГИИ В ОДУХОТВОРЕНИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Косиченко А. Г. (Алматы, Казахстан)

Современный мир находится в критическом состоянии. Умножились и качественно возросли вызовы и угрозы, которые приобретают всемирный, глобальный характер. Не будет преувеличением сказать, что наша цивилизация вступила в период очень похожий на самоуничтожение. Тому имеется множество причин экономического, социально-политического, культурного свойства, но мы склонны считать, что в основе всего лежат процессы духовной деградации человечества. Кризис, о котором говорят то как об экономическом, то, как о финансовом, то, как о гуманитарном, то, как о духовном, то, как о культурном, то, как о политическом, то, как о кризисе современного международного права, то, как об экологическом на самом деле является глобальным кризисом бытия, кризисом, который отображает изживание человеком самого себя.

Этот глобальный кризис, несмотря на весь его трагизм, а может именно благодаря нему, позволяет надеяться на изменение вектора развития человечества. Если прогресс в параметрах материального благополучия, безудержного потребления, агрессии, при полной бездуховности, привел человечество к глобальному кризису, то противоположность ему – путь духовного оздоровления, одухотворения мира. Духовное, в его сущности, соотносится с религией, и потому именно с религией связываются надежды

на одухотворение современного мира. Но способна ли религия одухотворить современный мир, сделать его лучше, сделать его «домом человечества» в истинном смысле, преодолеть очевидный разрыв осмысленного бытия и бессмысленного существования, в котором «варится» современный человек? Практически каждый человек или понимает, или подозревает, что он, человек, и глубже, и лучше, и нацелен на добро, но реально он «ущемлен современностью», живет в состоянии «заброшенности», «одномерности», «потерянности» и в иных весьма негативных измерениях своего существования, о которых, например, столь эмоционально говорит экзистенциализм.

На сознание современного человека действуют великое множество мировоззрений. Эти мировоззрения предстают как равноправные в отношении истины. Плюрализм мнений, относительность истины, право человека выбирать мировоззрение, – все это привило привычку не отдавать предпочтения ни одному из мировоззрений: все они хороши и все плохи, все зависит от ситуации. Среди этих мировоззрений религия – самое неудобное для человека. Религия требует самодисциплины, а современный человек ничем не желает поступиться из привычной жизни. Религиозные ценности неочевидны, если на них смотреть из обыденной жизни; они соотнесены с вечностью, с будущим, а где эта вечность и эта будущность? Будут ли они когда либо, а здесь – вот реальность, требующая совсем иных поступков и иных оценок. Религия, тем самым, вступает в явное противоречие с доминирующими стереотипами в мировоззрении и поведении, вера требует самоотдачи, отверженности от себя прежнего, вера некомфортна, вера требует мужества – ничего этого современный человек не хочет и где-то уже не может.

Массовая подавленность как доминирующее мировоззрение нашей эпохи имеет исток в предчувствии неизбежного наказания за измену сущности бытия, за измену свободе, за предательство очевидному смыслу. Радость бытия утрачивается при размывании смысла жизни, при полном растворении человека в обыденности, при всецелом погружении в суету. В этих условиях крайне затруднительно одухотворять жизнь, религия в этом случае мало влияет на социум в духовном отношении. Суета – форма закабаления человека; суета – зло. Необходимо усилие для противостояния суете, надо держаться, удерживать смысл, видеть ценность духовной жизни. Надо удерживать в качестве важнейшей ценности смысл жизни и соотносить его с вечностью. Не поглощаться каждодневностью. Уметь находить в повседневности вечные смыслы, держаться этих смыслов, актуализировать их в повседневности. Эти задачи ближайшим образом соотносятся с религией.

Религии обладают очевидными возможностями одухотворения современного мира. В социальных концепциях крупнейших мировых религий изложено видение этими религиями их взаимодействия с государством и обществом, их участия в актуальных процессах современности, позитивных возможностей религий в самых разных сферах

современности. Подчеркнем, что эти социальные приоритеты религий артикулируются ими в последнее время на международных и национальных межрелигиозных диалоговых площадках. В отдельных случаях эти стратегические документы прописывают даже тактику религий по всем указанным направлениям.

Религии пытаются реализовать свои возможности и оказывать одухотворяющее влияние на различные стороны современного мира: на политику, экономику, культуру. Но влияние это очень ограничено: мир не воспринимает религиозные ценности и идеалы, ориентируясь на ценности современного либерализма. Причем следует отметить, что не только политика, экономика и межгосударственные отношения лишь в малой степени воспринимают духовные импульсы от религии, но и на культуру религия сегодня имеет крайне незначительное влияние. Это странно. При адекватном понимании культуры именно религия предстает в качестве истока и основы традиционной культуры. И потому, казалось бы, религия всегда может «напомнить» культуре свое «первородство» и оказывать ощутимое воздействие на культуру. Но нет. Современная культура скорее стоит в оппозиции религии, чем сотрудничает с ней. Это хотя и странно, но симптоматично. Здесь можно рассмотреть глобальный тренд на вымывание из культуры сколь-нибудь значимого духовного содержания. Над реализацией такого положения работают многие, обладающие влиянием силы. Глубокая, духовно богатая культура мешает выстраиванию нового миропорядка. Она противостоит унификации мира и лишению его многообразия. Поэтому культура в истинном ее смысле должна быть, по замыслу дизайнеров нового мира, уничтожена. Вместо нее человечеству предлагается «культура потребления» с внушенными массам примитивными устремлениями в том же горизонте потребления.

Позитивное воздействие религии на глобальные процессы современности видится нами в нескольких измерениях. Во-первых, это раскрытие духовных аспектов этих процессов и решение имеющихся проблем средствами религии. Во-вторых, следует позитивно одухотворять процессы, хотя бы они и имели исчезающее малое духовное содержание. В-третьих, имеется и такой способ как нейтральное сопровождение негативного процесса с последующей его дискредитацией, и перехватываем инициативы в его оценке и отношения к нему.

Следует обратить внимание на понятия и термины, в которых религии ведут диалог и дискуссии с либеральными мировоззрениями по актуальным проблемам современности. Даже неглубокий анализ позволяет сделать вывод о том, что все эти дискуссии ведутся в понятиях либерализма и на его поле. Но в этом случае невозможно одержать победу, переубедить или привлечь на свою сторону оппонентов. Ведь понятия не есть нечто безразличное содержанию дискуссий. Именно содержание понятий, в которых ведутся дискуссии, задает логику дискуссии. И логика оказывается подчиненной либеральным ценностям, причем в их крайней, агрессивной форме. Что делать? Надо делать самое простое и очевидное для религии: надо вести

диалог именно с религиозных позиций и в понятиях религиозной веры – вот адекватное религии пространство дискуссий. Говоря в общем, следует переформатировать интеллектуальное и информационное пространство в религиозном духе. Опираясь при этом необходимо не столько на собственное ограниченное разумение и не на явно недостаточный духовный опыт нашего современника. Думается, что надо прибегать к религиозному наследию, надо актуализировать его сообразно встающим задачам.

Чудовищная усложненность современного мироустройства может «сыграть на руку» религии: в ситуации духовной прострации, потери нравственных ориентиров и перманентного финансово-экономического кризиса, твердый голос религии как раз и может быть услышан, ибо абсолютная нестабильность современного мира нуждается в своем антиподе – устойчивой стабильности, и здесь мы можем прибегнуть к сложившемуся в отношении религии стереотипу – быть отчетливо догматичной, т.е., в высшей степени устойчивой. В остервеневшем донельзя мире, в котором попораны самые основы человеческого бытия, этот консерватизм, догматизм и ортодоксия могут стать предельно востребованным «товаром».

XXI ВЕК: ПОВТОРЕНИЕ ИСТОРИИ ИЛИ ИГРЫ СО СМЕРТЬЮ КАК ОТРИЦАНИЕ СУЩЕСТВУЮЩЕГО МИРОПОРЯДКА

Косых Г. В. (Воронеж, Россия)

История существования человека и развития общества допускает, что убийство может быть оправдано, и причина такого допущения кроется в безразличии к жизни, свойственном нигилизму. Кроме того, из логики нигилизма возникает понятие самоубийства как ценности – эта логика достигает своей кульминации в коллективном самоубийстве. В определенном смысле человек, обрекающий на смерть лишь себя, отрицает все ценности, кроме одной – права на жизнь других людей. Доказательством этому служит то, что самоубийца никогда не губит ближнего. Тем не менее, для абсолютного отрицания существующего миропорядка самоубийства недостаточно, для него необходимо и абсолютное разрушение, уничтожение и самого себя и всего сущего. Здесь суть не в том, чтобы уничтожить себя, а в том, чтобы увлечь с собой в могилу весь мир. Примером тому может служить и гитлеровский апокалипсис 1945 года и современные «игры со смертью» террористов XXI века.

Такие размышления приводят к одному понятию – понятию абсурда, которое, в свою очередь, не дает нам ничего, кроме противоречий во всем, что касается проблемы убийства. Благодаря чувству абсурда убийство воспринимается в лучшем случае безразлично и, следовательно, становится допустимым. Если ни во что не веришь, если ни в чем не видишь смысла и не можешь утверждать какую-либо ценность, то все становится дозволено, и ничто не имеет значения. Нет доводов «за», нет доводов «против», и убийцу

невозможно ни осудить, ни оправдать: что сжигать людей в газовых печах, что посвящать свою жизнь уходу за прокаженными – никакой разницы. Добродетель и злой умысел становятся делом случая или каприза [2].

Абсурд в качестве жизненного правила противоречив. Абсурд – это жизненный переход, отправная точка, экзистенциальный эквивалент философского сомнения Р. Декарта. Абсурд есть противоречие в самом себе. Разумеется, ошибочно утверждать, что жизнь есть постоянный выбор, но верно и то, что невозможно вообразить жизнь, лишенную всякого выбора. Первая и единственная очевидность, которая дается, таким образом, в опыте абсурда, это бунт. И цель бунта – преображение.

Ф. Ницше говорил – мои враги те, кто хочет разрушать, а не творить самих себя, – и сам он разрушал с тем, чтобы творить [3]. А. Камю настаивал на том, что бунт, по своей видимости негативный, поскольку ничего не созидает, в действительности глубоко позитивен, потому что он открывает в человеке то, за что всегда стоит бороться. В обществе бунтарский дух может возникнуть только в тех социальных группах, где теоретическое равенство скрывает огромное фактическое неравенство. Фактическая свобода развивается медленнее, чем представления человека о свободе. Бунт – это дело человека осведомленного, твердо знающего свои права. Бунт не имеет ничего общего с озлоблением [1].

По словам М. Шелера, озлобленность сильной души превращается в карьеризм, а слабой в горечь [4]. Озлобление всегда обращено против его носителя. Бунтующий человек, напротив, в своем первом порыве протестует против посягательств на себя такого, каков он есть, борется за целостность своей личности, стремится поначалу не столько одержать верх, сколько заставить уважать себя. Бывает, наоборот, мы не в состоянии спокойно смотреть, как другие подвергаются тем оскорблениям, которые мы сами терпели бы, не протестуя. Происходит то, что называют отождествлением судеб: для себя самого индивид, в данном случае, не является ценностью, которую он хочет защищать и сохранять; для создания этой ценности необходимы все люди. И речь, таким образом, идет о солидарности, рождающейся в оковах.

В опыте абсурда страдание индивидуально. В бунтарском порыве оно приобретает характер коллективного существования. И в том, и в другом случаях формируется ситуация метафизического бунта.

Метафизический бунт – это восстание человека против своего удела и против всего мироздания, против участи, уготованной ему рабским его положением. Бунтарь хочет только одного – разрешить это противоречие, построить единое царство справедливости или полной несправедливости для всех. Всеобщая несправедливость так же утоляет человеческую душу, как и тотальная справедливость. Самый заурядный бунт парадоксальным образом выражает стремление к порядку.

В прошлом столетии человек покончил с религиозным принуждением, но, едва освободившись от него, изобрел новые, куда более нестерпимые формы гнета. Кульминация современной трагедии знаменуется

обыденностью злодейства. В древние времена кровавое убийство вызывало, по меньшей мере, священный ужас, освящавший, таким образом, цену жизни. В современную эпоху, напротив, приговор справедлив именно тогда, когда наводит на мысль о его недостаточной кровавости. Кровь сделалась незримой. Нигилизм дошел до такой крайности, когда слепое и яростное убийство кажется пустяком, а тупой преступник – сущей овечкой в сравнении с интеллигентными палачами. Царство благодати было уничтожено, но и царство справедливости рушится тоже. Следствием прогресса было также обострение проблемы, которую теперь приходится решать перед лицом убийства. Революция XX века утверждала, что опирается на экономику, но, прежде всего, является политикой и идеологией и не может избежать террора. Бунт опирается на действительность, чтобы устремиться на вечную борьбу за истину. Истина направлена сверху вниз, бунт – снизу вверх. Двигать историю вперед способны лишь те, кто в нужный момент может взбунтоваться против нее. Это требует неустанного напряжения и сосредоточенной ясности. Истинная жизнь как раз и таится в сердцевине этого надрыва. Бунт позволяет нам держаться на ногах в бесформенном и яростном потоке истории [1].

Политика – не религия. Политика и общество обязаны только улаживать дела всех, чтобы каждый обладал досугом, свободой и возможностью. За двадцать веков общее количество зла в мире не уменьшилось. Не сбылось ни одно пророчество, ни божественное, ни революционное. Те, кто не находит покоя ни в Боге, ни в истории, обречены жить ради тех, кто, подобно им, не находит в себе сил для жизни, – ради обездоленных. Любая стена – это дверь, сказал Р. Эмерсон, так не будем же отыскивать дверь, избегая стены, с которой столкнула нас судьба. Мы начинаем жить, учил он, лишь тогда, когда начинаем доверять своей внутренней силе, «я» своего «я», как единственному и достаточному средству против всех ужасов «не я». То, что называется человеческой природой, – лишь внешняя оболочка, короста привычки, погружающая врожденные силы человека в противоестественный сон [5]. История эмерсоновской мысли – это мятеж против созданного в XVIII в. мира механической необходимости, утверждение суверенности «я».

Существует одно единственное правило, оно состоит в том, чтобы научиться жить и умирать, отказавшись быть богами, оставшись людьми [1].

«Пусть никого не возмущает сказанное... Необходимо разобраться, способна ли невинность предпринять усилия, препятствующие убийству. Мы ничего не сумеем сделать, если не будем знать, имеем ли мы право убивать ближнего или давать свое согласие на его убийство», – Альбер Камю: из предисловия к изданию 1951 года работы «Бунтующий человек».

Литература и источники

1. Камю, А. Бунтующий человек. – М., 1999.
2. Камю, А. Избранные произведения. – М., 1993.

3. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла: Прелюдия к философии будущего; К генеалогии морали: Полемическое сочинение. – М., 2007.
4. Шелер, М. Ресентимент в структуре моралей. – М., 1999.
5. Emerson, R.W. Journals, 1909–1914.

ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Курицын А. И. (Минск, Беларусь)

Проблема отношения к глобализации, и тем более глобализму получила своё развитие в русскоязычной философской мысли ещё в XIX в., и представляет собой знаменитый «спор западников» и «славянофилов». В дальнейшем, оценка влияния «западной» культуры была с новой силой поставлена именно евразийцами. В работах признанных лидеров евразийского движения 20–30-х гг. XX в. Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого был поставлен вопрос о необходимости «вестернизации», принятия европейских культурных ценностей в качестве общечеловеческих, и если брать шире – о возможности принятия неевропейскими народами культурных традиций Западной Европы. Отвечая на этот вопрос, представители движения ответили исключительно отрицательно, особо подчёркивая, что принятие чуждой культуры, чуждых культурных ценностей, ведёт к нарастанию противоречий в обществе, уменьшению творческих способностей народа. Так в своей работе «Европа и Человечество» Н.С. Трубецкой подчёркивает губительный характер европеизации для России, она представляется автору «безусловным злом для всякого неромано-германского народа» [1]. В статье П.П. Сувчинского «Сила слабых» [2], была продолжена критика европеизации и русской интеллигенции, как её проводника.

В настоящее время, в связи с усилением процессов глобализации как объективной реальности с одной стороны, и распространением идей глобализма с другой стороны, актуализируется ряд вопросов, поставленных евразийцами. И если проблематика, связанная с вопросами идейно-культурных истоков происхождения России перешла в иную плоскость, то отношение к глобализации, к взаимодействию народов и регионов на евразийском пространстве приобрело современное звучание. Сегодня можно наблюдать, как на основе евразийской парадигмы формируются оригинальные концепции социально-философского характера. В современном евразийстве выделяют несколько течений, среди которых выделяется неоевразийство А.Г. Дугина [3; 4; 5; 6]; «академическая школа», представленная в первую очередь А.С. Панариным [7; 8; 9]; «левое течение» представленное Т.А. Айзатулиным [10], Р.Р. Вахитов [11], С.С. Кара-Мурза и др. Особое место в современном евразийском движении занимают последователи Л.Н. Гумилёва [12; 13], а также «правоконсервативное течение» В.В. Кожина [14].

Как уже отмечалось, для современных евразийцев отношение к

глобализму и глобализации является важнейшим вопросом. По мнению А.Г. Дугина, глобализм есть «процесс построения «нового мирового порядка», в центре которого стоят политико-финансовые олигархические группировки Запада» [4]. Большое внимание вопросам глобализации и вестернизации придаёт А.С. Панарин. Сопоставляя происходящие на постсоветском пространстве процессы, он отмечает, что для успешности евразийского проекта необходима солидарность «народов как автохтонов Великой Евразии, которых пытаются лишить идентичности, атлантизировать и вестернизировать» [8]. Таким образом, можно отметить, что, понимая важность и неизбежность современных цивилизационных изменений, затрагивающих всё человечество, евразийцы отрицают необходимость существования неких «единых стандартов» по которым должны развиваться все страны, и призывают к цивилизационному разнообразию, сохранению культурного наследия всего человечества.

Особую значимость в рамках евразийского дискурса приобретает вопрос о геополитическом, цивилизационном противостоянии. Так, А.Г. Дугин выделяя «цивилизацию Суши» и «цивилизацию Моря» утверждает, что «тождественность России и континентальной цивилизации Суши в геополитической модели мира делает ее заведомо обреченной на цивилизационное противостояние с геополитическим лагерем морского могущества» [5]. Аналогичные формы цивилизационного противостояния рассматриваются А.С. Панариным в работе «Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством)» [9], в которой делается вывод, о том, что для успешного существования России в будущем приемлемым представляется именно евразийский путь развития, в отличие от подражательства и копирования западного образа жизни. Отмечая, таким образом, важный вклад современных евразийцев в геополитическое обоснование современных путей развития России и стран СНГ, нужно отметить, что в русле евразийской парадигмы особое место уделяется оригинальным формам существования евразийского пространства.

Анализируя направления современного евразийства, можно сделать вывод о весьма высоком идейно-политическом потенциале этого геополитического и социально-философского учения, сформировавшегося почти столетие назад. В евразийской парадигме присутствует определённый набор идей, которые привлекают к нему противников современной глобальной экспансии западной культуры. Немаловажное значение приобретает начавшийся процесс евразийской интеграции на постсоветском пространстве, активным участником которого является Республика Беларусь, что делает процесс осмысления современной концепции евразийства актуальным. Евразия является местом, оказавшим большое влияние на формирование истории человечества, став колыбелью рождения мировых культур и великих цивилизаций. Сегодня она продолжает влиять на мировые процессы развития, оказавшиеся под воздействием глобализации перед угрозой разрушения культурных, экономических и политических традиций множества народов.

Литература и источники

1. Трубецкой, Н.С. Европа и Человечество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns03.htm>.
2. Сувчинский, П.П. «Сила слабых» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod-PPS-sila.php>.
3. Дугин, А.Г. Автономия как базовый принцип евразийской государственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1837>.
4. Дугин, А.Г. Евразийский взгляд. Основные принципы доктринальной евразийской платформы. – М., 2001.
5. Дугин, А.Г. Евразийский Путь как Национальная Идея // Евразийское обозрение. – 2003. – 9. – Режим доступа: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1324>.
6. Дугин, А.Г. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&sid=818>.
7. Панарин, А.С. Вызов (геополитический пессимизм против цивилизационного оптимизма) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.politology.vuzlib.su/book_o236_page_5.html.
8. Панарин, А.С. Россия в социокультурном пространстве Евразии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.perspektivy.info/rus/desk/russia_v_sociocult_prostranstve.htm.
9. Панарин, А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М., 1994.
10. Айзатулин, Т.А. Теория России. Геоподоснова и моделирование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aizatulin.chat.ru/aizatull.html>.
11. Вахитов, Р.Р. Утверждение левых евразийцев // Восток. – 2004. – 3. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_313.htm.
12. Шишкин, И.С. Русский вопрос и евразийство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evraz-info.narod.ru/48.htm>.
13. Шишкин, И.С. Учение Л.Н. Гумилева, евразийство и русский вопрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/GW/gw233.htm>.
14. Самохин, А.В. Исторический путь евразийства как идейно-политического течения (ч. 2) // Восток. – 2004. – 3.

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Лихачева О. Н. (Минск, Беларусь)

Молодые специалисты – социальная группа, подверженная миграционным настроениям. По мере глобализации экономики повышается интенсивность международного рынка труда, и в этой ситуации многие страны проводят активную иммиграционную политику, ориентированную на привлечение иностранной рабочей силы, преимущественно квалифицированной и молодой. Затраты на подготовку специалиста сферы

культуры, в первую очередь творческой направленности, очень высоки и предполагают не только денежные, временные расходы, но и складывающуюся десятилетиями, а возможно, дольше национальную школу подготовки музыкантов, артистов балета и т.д. Гораздо выгоднее получить готового квалифицированного, перспективного работника из другой страны, создав ему соответствующие условия для быстрой профессиональной, языковой и бытовой адаптации. Эти внешние обстоятельства могут сочетаться с предпосылками миграции, имеющимися в социально-экономическом и социокультурном положении молодежи. Молодые люди предполагают улучшить свое экономическое благосостояние, найти более высокооплачиваемую работу, сделать быструю карьеру, встретить поддержку своих инициатив, продолжить образование, создать семью, решить другие насущные проблемы путем переезда в другую страну.

Согласно данным проведенного исследования среди молодых специалистов 21,1% молодых специалистов учреждений культуры хотят уехать на постоянное место жительства в другую страну. Поехали бы на некоторое время 41,1%, не желают уезжать из страны 37,8%. Таким образом, можно отметить наличие достаточно выраженных миграционных настроений у этой группы молодых специалистов. Однако настроенность на миграцию – это далеко не сами миграционные действия. Российский социолог Т.И. Заславская выделяет наличие формирования потенциальной склонности к миграции, называя ее «потенциальной мобильностью, то есть положительным отношением к мобильности, сочетающимся с принятым, но еще не реализованным решением о перемещении» [1, с. 5]. Нередко, это выражение неудовлетворенности своим социальным положением, видение его улучшения только через приложение значительных усилий, стараний и только в длительной перспективе. Возможность уехать за границу и начать все в других условиях, кажется заманчивой для молодежи, которая еще находится в начале самостоятельной жизни. Выявлена разная степень настроенности на миграцию у юношей и девушек, а также работающих в разных типах населенных пунктов (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы вы уехать из Беларуси?» по полу и месту работы, %

Варианты ответов	Девушки	Юноши	г. Минск	Крупные города	Райцентры	Сёла
Да, на постоянное место жительства	17,1	39,0	12,7	23,3	25,7	8,7
Да, на некоторое время	43,3	30,5	53,5	45,6	30,6	47,8
Нет	39,5	30,5	33,8	31,1	43,8	43,5

Юноши проявляют значительно большую решимость в радикальном изменении своего постоянного места жительства, также в большей степени такого рода настроения имеют работающие в райцентрах. Можно предположить, что это связано с неудовлетворенностью материальным положением и ограниченными возможностями для профессиональной

самореализации в малых городах. Но поехать на некоторое время в другую страну хотели бы многие во всех рассматриваемых категориях.

Установка на миграцию у молодого специалиста, недавно приступившего к работе, может свидетельствовать о трудностях прохождения социально-профессиональной адаптации. Поэтому в отъезде видится способ решения имеющихся проблем. Однако возрастные особенности рассматриваемой группы могут также оказывать влияние на возникновение мотивов миграции. Молодыми людьми нередко движет любопытство, желание себя испытать, проявить в чем-то нестандартном, отыскать какие-то дополнительные ресурсы, в том числе и для профессиональной самореализации. Об этом свидетельствуют ответы молодых специалистов сферы культуры о целях, которые они преследуют своим отъездом за границу (таблица 2).

Таблица 2 – Причины миграционных настроений

Варианты ответов	%
Чтобы заработать денег	40,6
Для получения дополнительного опыта в профессии	35,4
Для учебы	12,6
Для отдыха	4,6
Выйти замуж за иностранца	3,4

Таким образом, преобладает экономическая мотивация к трудовой миграции, увеличение риска бедности для специалистов с высшим и средним специальным образованием при определенных обстоятельствах может превратить их намерения в реальные действия. Необходимость материально обеспечить себя и свою семью, решить жилищную проблему является актуальной задачей для молодых людей. Также для многих молодых специалистов важным стимулом выступает приобретение профессионального опыта в другой стране, что предполагает, в том числе возможность ознакомления с культурой зарубежных стран и международными стандартами ведения бизнеса, совершенствования знаний иностранных языков. В перспективе они собираются вернуться в свою страну более конкурентоспособными специалистами. Каждый десятый среди рассматриваемой группы хотел бы продолжить свое образование.

Миграция в другие страны может оказывать как положительные, так и отрицательные воздействия на общество и его отдельные социальные группы. В частности, для молодых специалистов положительным эффектом в первую очередь является дополнительный профессиональный опыт и знания. Но при этом экономика и социальная сфера нашей страны может лишиться трудового и интеллектуального потенциала. Успешная социально-профессиональная адаптация должна способствовать закреплению кадров на местах. Как правило, распределение молодых специалистов происходит туда, где есть в них потребность. Но если каждый год-два появляются новые работники, настроенные отработать установленный срок и уволиться, а тем более уехать за границу, то это сказывается негативно на эффективности

работы организации, ее микроклимате и восприятии молодых сотрудников.

Литература и источники

1. Заславская, Т.И. Методологические проблемы исследования и моделирования мобильности трудовых ресурсов. – М., 1968.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Лындюк Е. А. (Киев, Украина)

Глобализационные процессы в различных национальных системах происходят по-разному, но общим есть факт, что они оказывают непосредственное влияние на структуру и содержание государственной службы. Влияние глобализации рассматривается как положительное явление, в результате которого формируется современная геостратегическая реальность, некая всеобщая культура, утверждаются новые ценности, происходят качественные изменения принципов. Но в тоже время влияние глобализационных образований на систему государственной службы возрастает, ослабляя роль государства и государственных органов в контроле ситуации в стране и эффективном управлении на национальном уровне. Последствиями влияния таких процессов на государственную службу являются: трансформация ценностных императивов, культурная универсализация, унификация, потеря национальной идентичности, увеличение зависимости и уязвимости.

Культура – широкое понятие (включает ценности: образ жизни, обычаи, этичность, духовность и т.д.), внутри которого глобализация иногда оправдана, а иногда невозможна. Ценности формируются под влиянием национальной культуры и характеризуют государственного служащего в его отношениях с обществом. Культура относится к такого рода явлениям, которые не существуют в единственном числе, как и государства, народы. Глобальная общность возникает не вместо культур, которые вступают между собой в диалог, а надстраивается над ними. Она не отменяет существующие культуры в их многообразии, а дополняет их, возникает в качестве новой реальности. Это не процесс слияния существующих культур, а появление определенных элементов глобальной суперструктуры с точки зрения культуры.

Выбор модели модернизации государственной службы, путей интегрирования в мировую глобальную систему каждое государство осуществляет индивидуально, учитывая внутреннюю ситуацию и влияние процессов глобализации. Формирование и развитие государственных институтов должно учитывать собственные культурные, исторические и другие ресурсы. Эффективность модернизации государственной службы определяется как социально-структурными изменениями, так и

необходимостью формирования инновационной управленческой, административной, политической, социальной, организационной культуры, трансформации ценностно-нравственной позиции государственных служащих. Концепция культуроцентричности государственной службы, которая предусматривает восприятие служащими на уровне имеющего социокультурную значимость личностно-ценностного смысла идей модернизации, способствует успешности модернизации государственной службы в эпоху глобальных рисков [1].

Модернизация вызывает культурные сдвиги, которые обуславливают возникновение и успешное функционирование демократических институтов. Основная идея модернизации заключается в том, что экономический и технологический прогресс порождает комплекс социально-политических трансформаций, а они, как правило, приводят к радикальным изменениям в ценностях и мотивации [2, с. 166]. В основе современного типа развития государственной службы лежат ценности, которые постоянно трансформируются. Модернизация системы прежде всего связывается со структурными изменениями внутри системы и воздействиями внешней среды. Большое количество сложных и неоднородных по своей природе элементов государственной службы оказывают влияние на основные параметры ее функционирования, такие как: быстродействие, гибкость, точность реагирования и изменения во внешней среде. Но формирование культуры является важным признаком восхождения общества на более высокую ступень по сравнению с традиционным. Хотя и сегодня существует культура определенной части бюрократии, которая рассматривает государство не как инструмент для достижения общественного блага, а как инструмент личного обогащения. В таком случае диалог культур институционально отсутствует, в результате чего их взаимодействие может приобретать деструктивный характер в силу особенностей этих культур. Большой угрозой является потеря культурной диверсификации, что может привести к возникновению новой цивилизации – без культуры, без совести, к дегенерации мышления.

Государственная служба рассматривается как развивающаяся человекообразная система, которая требует особых стратегий деятельности и управления и выработки нового типа интеграции истины и нравственности. Смещение разных культур всегда приводит к инновационным всплескам. Это путь к взаимодействию культур, уважению культурного разнообразия, которое составляет суть мирового сообщества. Поэтому глобальный диалог культур в современных условиях должен выполнить важную задачу: поиск новых ценностных ориентиров, которые способствовали бы выходу из глобальных кризисов как государств в целом, так и государственной службы. В таком диалоге важно определить границы взаимовлияния: особенности национальной культуры должны быть признаны, и к ним важно уважительно относиться, т.е. создать предпосылки взаимопонимания культур. Важно учитывать возможности трансформации базисных ценностей, разделяющих культуры. При этом государство будет иметь реальную возможность

свободно выбирать путь модернизации государственной службы и сохранять свою культурную самобытность.

Условием преодоления глобальных рисков есть выявление тенденций изменения традиций и формирование новых ценностей государственной службы. Только посредством культуры может быть достигнуто истинное самовыражение народа и диалог между цивилизациями. Диалог действительно выявляет общие основания разных культур, демонстрирует возможности их взаимного обогащения, взаимодействия, обеспечивает взаимопонимание между народами, выявление духовной уникальности каждого из них. Без веры в себя, в ценности культуры, в национальное наследие, в то, что глобализация не несет угрозы национальной идентичности, невозможно вести конструктивный диалог. Создание глобальной системы ценностей даст возможность построить такую систему государственной службы и поведения служащих, которая поможет решать проблемы общества.

Литература и источники

1. Грызунова, Г.В. Трансформация ценностно-этических оснований государственной службы в России и Казахстане / Г.В. Грызунова // Вестник Поволжского института управления. – 2011. – № 1. – С. 18–25.
2. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М., 2011.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Машарский З. В. (Минск, Беларусь)

Термин «социальная безопасность» сравнительно недавно появился в социально-политической сфере Республики Беларусь. Тем не менее, в международной и национальной лексике, данный термин нашел свое конкретное развитие в ряде документов. Чтобы рассматривать данное понятие, необходимо обратить наше внимание на Всемирную социальную декларацию: «Мы стремимся построить такое общество, где право на развитие и на безопасность граждан должно рассматриваться, как одно из фундаментальных прав человека».

Во всемирной социальной декларации были выделены основные задачи обеспечения социальной безопасности:

- сокращение вдвое уровня неграмотности среди взрослого населения;
- ликвидация случаев острого недоедания;
- элементарная медицинская помощь для всех с приоритетной вакцинацией детей;
- безопасная питьевая вода и санитария для всех;
- предоставление услуг по планированию семьи для всех желающих;
- всеобщее начальное образование [2].

Использование данного термина достаточно широко обусловило формирование различных подходов в его понимании в международной науке, правовой, социальной и политической практике. Проблемы социальной безопасности позволяют предполагать, что в настоящий момент существует несколько подходов в интерпретации данного понятия. Один из существующих подходов в определении понятия «социальная безопасность» получил распространение за рубежом. Понятие «социальная безопасность» характерно ассоциировать с понятием «социальное обеспечение», так как полагается, что решение проблем обеспечения социальной безопасности населения, предоставления всех видов помощи нуждающимся категориям граждан, является главной задачей по обеспечению национальной безопасности в целом.

В данном подходе ведется практическая работа по решению проблем социального характера. Например, в США всеми вопросами по обеспечению социальной безопасности занимается специально созданный орган федеральной власти – Управление социальной безопасности, действующий на основе Закона о социальной безопасности принятого в 1935 г., после Великой депрессии для предотвращения социального взрыва. Для современной Беларуси также необходимо принятие такого закона. При этом социальная безопасность должна стоять наравне с национальной безопасностью. На данном этапе термин «социальная безопасность» не упоминается ни в одном из нормативных актов Республики Беларусь.

Следует отметить, что среди представителей органов власти Беларуси и среди большинства отечественных исследователей нет четкого осознания наличия тесной взаимосвязи между вопросами национальной и социальной безопасности. Такие несоответствия наблюдаются не только в Беларуси. Так ярким примером отсутствия тесной взаимосвязи между вопросами национальной и социальной безопасности является содержание правового акта, направленного на вопросы национальной безопасности, принятого в России – это Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента России в 1997 г. В данном документе понятие «социальная безопасность» не используется вовсе [1].

Для большинства современных исследований характерен один подход, согласно которому «социальная безопасность» рассматривается как комплексное понятие. Данное понятие включает в себя целый комплекс разных угроз, причем, не только социального, но и экономического, экологического и др. характера. Среди всех угроз, которые могут произойти, чаще всего упоминают угрозы безработицы, нищеты, преступных посягательств, загрязнения окружающей среды, техногенных катастроф и др. Автор исследования В. Волковский в соответствии с данным подходом, определяет понятие «социальная безопасность» как совокупность мер по защите интересов страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей. Так же он полагает, что социальная безопасность в современных условиях является главным элементом национальной

безопасности и представляет собой основу для всех социальных элементов.

Бывший министр социальной защиты Российской Федерации Э.А. Памфилова так же отмечает, что социальная безопасность, предопределяет качество жизни человека в обществе и представляет собой комплексное понятие, включающее как совокупность гражданских прав и свобод, так и ряд аспектов, связанных с образованием, здоровьем, экологией и т.д. В соответствии с этим подобный подход характерен и для некоторых международных организаций [3]. В частности, Организация Объединенных Наций признает два основных компонента безопасности человека – свободу от страха и свободу от нужды или бедности. Они утверждают, что нельзя защитить мир от войн, если люди не будут чувствовать себя в безопасности у себя дома, на своих рабочих местах, в повседневной жизни. ООН разработала всеобъемлющую Концепцию безопасности человека, которая состоит из восьми основных категорий:

- политическая безопасность;
- личная безопасность;
- общественная безопасность;
- продовольственная безопасность;
- безопасность для здоровья;
- экологическая безопасность;
- экономическая безопасность;
- социальная безопасность;
- гендерная безопасность.

В нашей жизни все данные категории тесно взаимодействуют между собой. Борьба с нищетой, преступностью, защита рабочих мест, доходов, безопасность здоровья, окружающей среды, – все перечисленное включает в себя понятие социальной безопасности. Анализ данного подхода показывает, что это связано с утратой понятия «социальная безопасность», поскольку интересы населения и государства постоянно меняются, отражая каждый день позитивные или негативные последствия общества в целом.

Литература и источники

1. Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300.
2. РИА НОВОСТИ – http://ria.ru/politics/20041103/index_7.html
3. Интервью Э.А. Памфиловой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/womplus/1998/pamfil.htm>

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ДУХОВНЫХ ПРИОРИТЕТОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Мельник В. В. (Киев, Украина)

Формирование интеллектуально-духовных приоритетов цивилизационного развития в условиях глобальных рисков определяется тем,

что сегодня все человечество находится на переломном этапе своего существования, в контексте которого человечеству угрожает обострение разнообразных кризисов как в сфере экономики, так и в сфере культуры, увеличивается напряжённость, которая свидетельствует о многочисленных системных кризисах. В условиях этих обстоятельств возникает потребность и необходимость формирования новой стратегии интеллектуально-духовных приоритетов цивилизационного развития в условиях глобальных рисков, которая опирается на парадигму «глобальных вызовов и ответов», предвидит создание антикризисных культурных механизмов, деятельность которых должна быть направлена на преодоление разрушительных процессов и минимизации их тенденций, обеспечения стабильного характера общественной эволюции с самоидентификацией субъекта в пространстве интересубъективной среды [1, с. 13–21].

В условиях глобальных рисков возникает потребность в формировании механизмов качественно новой стратегии интеллектуально-духовного цивилизационного развития в условиях цивилизации, ее культурной политики. Такими механизмами могут выступать устойчивые социальные институты – экономика, политика, право, культура, управление, мораль, направленные на удовлетворение культурных потребностей большинства населения. Формирование интеллектуально-духовных приоритетов цивилизационного развития в условиях глобальных рисков пронизывает все сферы жизнедеятельности, так как выступает средством, и результатом, и средой жизнедеятельности индивидов. В условиях глобальных рисков только интеллектуально-духовные приоритеты цивилизационного развития выражают качественную характеристику общества, которая в единстве развивает все ее элементы, включая науку и образование.

Интеллектуально-духовные приоритеты цивилизационного развития выполняют роль коммуникатора, который соединяет в одно единое целое все ее элементы между творцами и потребителями духовно-интеллектуальных и культурных ценностей, обеспечивая регулирование социальных отношений и в то же время отображая регулятивный аспект. Интеллектуально-духовные приоритеты цивилизационного развития представляют собой нелинейное образование, достаточно сложное и противоречивые, духовно-практическое социальное образование, которое развивается в контексте трансисторических культурных значений и конкретно-исторических смыслов.

Интеллектуально-духовные приоритеты цивилизационного развития эволюционировали от индустриального к постиндустриальному и информационному обществу, которое эволюционно переходит в «общество знаний», в котором возрастает динамика развития науки и образования. Интеллектуально-духовные приоритеты цивилизационного развития как часть общей культурной политики государства имеют самостоятельные цели, задачи, функции, детерминированные целью и задачами общей культурной политики государства информационного общества.

Новая стратегия интеллектуально-духовных приоритетов цивилизационного развития направлена на решение культурно-

интеллектуальных задач общества, выработку стратегических позиций развития в условиях вызовов цивилизации. Развивая сектор культурных индустрий, модернизируя культурную политику и усовершенствуя механизмы их внедрения, следует вырабатывать механизмы глубинных изменений культурной политики в связи с социально-культурными нововведениями и перспективами межкультурного диалога. В условиях глобальных вызовов цивилизации культурная политика дополняется процессами транскультурной конвергенции и формирования транслокальных культур – культур диаспор, миграционными тенденциями, реконfigurацией социокультурного пространства. Современный мир в условиях глобализации постепенно превращается в мозаику транслокальных культур, которые глубоко проникают друг в друга и создают новые культурные ареалы, формирующие и сетевую структуру. Интенсификация коммуникаций в условиях информационно-коммуникационного пространства и усиления межкультурных влияний, развитие информационных технологий виртуально-сетевого общества способствуют дальнейшей диверсификации современного мира культур и поглощения их универсальной «глобальной культурой». В условиях глобальных рисков и вызовов цивилизации интеллектуально-культурное развитие развивается по оси смещения от культурного империализма к культурному плюрализму и от закрытого общества к открытому с формированием мегатенденций и мегатрендов [2].

Интеллектуально-духовные приоритеты цивилизационного развития ограничились формированием массового общества и массового человека, космополитической культуры и космополитического человека, глобального гражданского общества и глобальной культуры. Увеличение этнической, культурной и религиозной гомогенности общества в условиях глобализации становится культурной компенсацией и опиумом для отсталых народов.

Социально-философский анализ темы свидетельствует, что человечество переживает огромную социокультурную и антропологическую кризисную ситуацию, которая воплощает в себе черты отрицания эпохи модерна и формирование культурных оснований постмодерна. Чтобы выйти из этого круга, следует переосмыслить культурно-исторические, философские и морально-аксиологические принципы обустройства социума в условиях вызовов цивилизации. Современные проблемы глобализации связаны с тем, что кризисные явления порождают явления вестернизации; 2) глобализация расшатывает систему факторов, которые влияют на личность, расшатывает традиционные культуры и ценности; 3) изменения взаимоотношений человека и природы в информационном обществе невозможны без изменений отношений между людьми в разных социокультурных контекстах. Динамическая трансформация постиндустриальной цивилизации требует динамического развития науки и образования, которые развиваются в качестве непосредственной производительной силы и направлены на формирование качественно нового сектора экономики. В этих условиях государство должно решить две задачи стратегического назначения: 1) сохранение материального и духовного

наследия; 2) завоевание конкурентоспособности национального культурного продукта на мировом рынке. Новая стратегия интеллектуально-духовных приоритетов цивилизационного развития в условиях глобальных рисков направлена на создание стабилизационных процессов (общественная консолидация, уменьшение рисков возникновения деструктивных и дезорганизованных элементов, развитие гражданского общества, создание межкультурного диалога; вклад каждой культурной группы в создание общественного благосостояния).

Одним из культурных вызовов современной цивилизации есть фрагментарность современного общества, которая требует формирования культурной идентичности. Только наполнение культурной политики национальным содержанием может открыть каждую из национальных культур миру, развитие которых есть первоочередным заданием в эпоху глобализации. Новая стратегия интеллектуально-духовных приоритетов цивилизационного развития в условиях глобальных рисков – это создание антикризисных культурных механизмов, деятельность которых должна быть направлена на преодоление разрушительных процессов. Таким образом, новая стратегия интеллектуально-духовных приоритетов цивилизационного развития в условиях глобальных рисков в реконструкции культуры с ориентацией на моделирование культурных феноменов онтологии личности в социуме философских, метафизических, эстетических, этических, теолого-религиозных и других оснований, воздействуя на матрицы духовно-интеллектуальной матрицы культуры. Интеллектуально-духовные приоритеты цивилизационного развития должны выступить катализатором социально-экономического прогресса, чтобы способствовать интеллектуальной цивилизации на основе науки, образования, культуры в едином взаимосвязанном процессе.

Литература и источники

1. Vodop'yanov, P.A. About vectors of the itselfidentity of social subject in space of intersubjectivity environment / P.A. Vodop'yanov, O.P. Puchenko, A.I. Zelenkov // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії: Збірник наукових праць. – Випуск 59. – 2014. – р. 13–21.
2. Воронкова, В.Г. Формирование мегатенденций и мегатрендов в условиях глобализации // Основные проблемы общественных наук: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Волгоград, 2014.

ПРОТИВОРЕЧИЯ СТРАТЕГИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Мизякина С. Н. (Минск, Беларусь)

Мультикультурализм явился попыткой приспособить базовые ценности западно-европейской культуры, заложенные еще в Новое время, к процессам глобализации. Сегодня ведущие общественные деятели Запада признали крах политики мультикультурализма. Для того чтобы найти пути выхода из

сложившегося кризиса, необходимо понять, какие противоречия лежат в основе идеологии и политики мультикультурализма.

Идеология мультикультурализма в оценке конкретных обществ демонстрирует фундаментальное противоречие между культурным релятивизмом (конкретную культуру можно оценить только исходя из ее ценностей) и культурным универсализмом (конкретная культура оценивается с позиции общечеловеческих ценностей). Как следствие политика мультикультурализма содержит в себе противоречие принципа плюрализма и желания привить всему миру западные ценности либерализма. Эти ценности рассматриваются как универсальные, тем самым демонстрируя европоцентристскую позицию, всегда, впрочем, свойственную европейской культуре. Вспомним представление древних римлян о своей особой мировой миссии «народами править державно» [1, с. 204], претензию римской церкви на особый статус в раннем христианстве, колониализм, а сегодня военные вторжения в недостаточно демократичные, по мысли Запада, государства. Однако, несмотря на европоцентризм на уровне межцивилизационной коммуникации (в частности, критику нелиберальных оснований исламской цивилизации) в самой Западной Европе на первое место была поставлена политкорректность (к примеру, по отношению к исламским ценностям).

В контексте описанных выше противоречий исламский экстремизм можно рассматривать как закономерную защиту от вестернизации и политики двойных стандартов. Попытка создать мировое сообщество, построенное на началах западно-европейской культуры, приводит сегодня к экспорту исламской культуры в Европу.

Главное противоречие политики мультикультурализма внутри Европы состоит в опоре на идею построения гражданского общества и механизм индивидуальной идентичности, с одной стороны, и в тоже время особое внимание к развитию своеобразия этнических, религиозных и других меньшинств с их групповой идентичностью. Такая политика применительно к мигрантам-мусульманам консервирует их традиционно-общинные отношения, – одну из основ исламской цивилизации, – поддерживая тем самым автономию культур внутри европейского общества. Нельзя забывать, что в исламском мире главный канал приобретения личной идентичности – приобщение к религии, а в Европе – к идеям либерализма и национальной идее.

Политика мультикультурализма демонстрирует противоречие принципа власти большинства как основы демократии и все больше приобретающего силу принципа власти меньшинства. Хочется в связи с этим напомнить слова Ж.-Ж. Руссо, одного из теоретиков западной демократии: «Было бы неплохо рассмотреть тот акт, в силу которого народ становится народом, ибо этот акт,.. представляет собой истинное основание общества... Закон большинства голосов сам по себе устанавливается в результате соглашения и предполагает, по меньшей мере единожды, – единодушие» [2]. Можно сказать, что сегодня в Европе имеет место дискриминация большинства.

Идея создания единой мультикультурной Европы, основывающаяся на политическом союзе отдельных национальных государств, изначально заложила фундаментальные противоречия, приводящие в реальности к параллельному существованию различных культур и сообществ и к формированию размытой множественной идентичности, говорящей о тенденции культурной маргинализации европейцев. Сообщества мигрантов, не инкорпорированные в европейскую культуру, маргинализированы в еще большей степени. Показательна в этом смысле оценка Д. Кэмерона: «Приехавшие молодые мусульмане уже затрудняются соотносить себя с мусульманскими традициями, которые исповедуются у них дома... Но и с английскими ценностями они себя ассоциировать не могут, потому что мы допустили, что наша собственная идентичность слаба и расплывчата» [3].

Нельзя не обращать внимания и на экономическую составляющую кризиса мультикультурализма, т.е. на факт, что большая часть мигрантов принадлежит к слою низкоквалифицированных работников или безработных. Это создает предпосылки для усиления маргинальных тенденций в таких социальных группах.

Как известно, причинами появления маргинальных личностей и групп являются: социально-экономические трансформации общества; диспропорции экономического развития; развитие СМК и, как следствие, постоянный контакт культур; процесс глобализации и связанные с ним стремление культуры к универсальности и миграция; несовместимость притязаний личности и эталонной группы. Для маргинальной личности характерны неустойчивость, напряжение, чувство растерянности и беспокойства и соответствующее поведение: повышенная активность (возможно агрессивная) с целью самоутверждения, обретения значимости в социальных движениях, либо отрешенность, пассивность. Маргинальные личности наиболее восприимчивы и обидчивы, т.к. обеспокоены невозможностью их принятия в полноценные члены группы. Кроме того, они не столь привержены сложившимся групповым нормам и могут выступать против них.

Все выше названные причины появления маргиналов, их психологические особенности и формы поведения имеют место в среде мигрантов в Европе. А раз так, то надо помнить и о значении маргинальной культуры: сосуществование в маргинальной культуре ценностей различных культур может дать толчок возникновению новаций (например, идентичности нового типа), но, с другой стороны, маргиналы могут быть силой, дестабилизирующей культуру, могут привести к культурному эклектизму.

Дестабилизация культуры возможна тогда, когда маргинальные группы превращаются в контркультурные движения. Думается, что именно этот процесс мы сейчас и наблюдаем в Европе. Первоначально желание изменить общество происходит на уровне борьбы культурных символов (например, ношение хиджабов), имеющих цель создать и расширить пространство контркультуры внутри доминирующей культуры. Следующий этап связан с

борьбой за официальное признание символов и ценностей контркультуры со стороны доминирующей культуры. Как представляется, сейчас имеет место именно этот этап. Однако он все больше сталкивается с противодействием со стороны доминирующей культуры, что обусловило переход контркультурных групп в фазу открытого столкновения.

Очерченные выше противоречия идеологии и политики мультикультурализма не являются случайными, они демонстрируют взаимоисключающие стороны новоевропейского культурного типа. Разрешение этих противоречий возможно только через отказ во внешней политике от европоцентризма в отношениях с другими цивилизациями, через реальный диалог культур на основе схожих ценностных установок. Ошибка европейской идеологии – фиксация на различиях (ведь вся система поддержки развития этнических культур основана именно на консервации и усилении различий). А надо выявлять общее, фиксировать и усиливать это общее. Знание лучших образцов других культур должно стать важным не потому, что эти образцы фиксируют особенности, а потому, что они другим образом говорят об общечеловеческом.

Что касается внутриевропейской политики, то она должна быть направлена на интеграцию на основе общегражданской идентичности, европейских ценностей, мнения большинства при сохранении за меньшинствами права исповедовать свою систему ценностей в частной жизни.

Фактически крах мультикультурализма демонстрирует: невозможность сохранения мирового культурного многообразия под контролем системы ценностей одной из существующих цивилизаций; невозможность сохранения институциональной структуры государства при отсутствии доминирующей в нем культуры.

Литература и источники

1. Теория и история культуры. – Минск, 2004.
2. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. – М., 1998.
3. Сивашенкова, Д. Кэмерон прописал Британии «либерализм с кулаками» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.newsinfo.ru/articles/2011-02-09/britain/747715/>.

СЕТЕВЫЕ МАКРОРЕГИОНЫ В СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Морозов С. А. (Сергиев Посад, Россия)

Ученые выявили нелинейный характер развития социодинамики процессов глобализации, при которых культура зачастую занимает периферийное положение в системе глобальных ценностей. В рамках глобальной миросистемы ее подсистемы – социально-экономическая, социально-политическая и социально-культурная развиваются в различной

темпоральности. Достигнув некоторых пределов для поступательного развития своей сферы, одни подсистемы стагнируют как сложившиеся целостности, в то время как в других подсистемах возрастают темпы усложнения, которые, в конечном итоге, доходят в своем развитии до предельного уровня усложнения для данного этапа эволюции всей миросистемы в целом. Эти процессы, в конечном итоге, ведут к тенденциям иерархического усложнения всей глобальной миросистемы, увеличения количества ее соподчиненных уровней, которые, в свою очередь, достигают пределов упрощения за счет усложнения метасистемы в целом.

В современную эпоху мирового развития глобализационные процессы все отчетливее демонстрируют признаки торможения, в то время как на первый план выходят тенденции макрорегионализации [1] по сетевому принципу [2], вызванные стремлениями к понижению энтропии социальной ткани макрорегионов (Европы, Среднего Востока, Северной Америки). В отличие от глокализации Р. Робертсона, который подразумевал под этим явлением адаптацию глобального к локальному [3]. Эти процессы тесным образом связаны со стремлением к снижению энтропии функционирования сложных многоуровневых систем на уровне макрорегионов.

Макрорегионализация при доминировании сетевых принципов призвана преодолеть статусно-функциональные ограничения исторически сложившихся национальных государственных ресурсов. Она создает предпосылки для формирования внеинституциональных и, следовательно, внеправовых внутрирегиональных и межрегиональных взаимодействий, когда определяющим в этом макрорегиональном сетевом надгосударственном пространстве становится сконструированная лидерами таких макрорегиональных сетей идеология, которая может иметь под собой самые различные основания – от традиционно политических до сектантских. Это наглядно можно наблюдать при рассмотрении современной геополитической ситуации – надгосударственная «сеть стран западной модели демократии» во главе с США – «США и их западные партнеры или партнеры по западной цивилизации» с одной стороны – от Европы до Австралии, когда образовался сетевой макрорегион стран западной цивилизации, в котором лидер – США – располагает основными ресурсами в сети – от военно-промышленного комплекса до мирового центра эмиссии международного платежного средства – доллара. На другом полюсе – сетевая надтерриториальная организации ДАИШ (ИГИЛ) как центр международной сектантской террористической сети, основанной на сектантском направлении в исламской религии.

Новая сетевая форма процессов глобализации опирается на сетевую форму коммуникации Интернет, сетевые принципы организации современной экономики и массовую культуру, все более отчетливо принимающую сетевые формы. При этом происходит индивидуализация и отчуждение граждан от национальных государственных институтов, подчинение их мифологизированному сетевому коммуникативному пространству, тотальному контролю сети с помощью операторов средств

мобильных коммуникаций. При этом происходит деградация национальных государственных институтов, деградация национальных интересов стран и народов, деградация системы органов межгосударственного сотрудничества и международного права.

Тем самым процесс создания сетевых макрорегионов существенным образом дополняет прежние принципы регионализма, которые основывались на общности исторических судеб близлежащих территорий, исторически сложившихся связей в различных сферах социальной жизни, прежде всего в территориальной сфере.

Развитие внеинституциональных принципов взаимодействия сетевых макрорегионов приводит к формированию девиантных форм международного взаимодействия, которые основываются на конъюнктурном толковании принципов международного права и межправительственных соглашений. В конечном итоге судьба субъектов международных глобальных процессов в ряде случаев начинает определяться отдельными акторами глобальной миросистемы на основе субъективных подходов, в которых логика рационализма сменяется эмоциональным спонтанными решениями и действиями.

Негативные последствия таких действий могут до определенных границ находиться в латентном состоянии как следствие внутрисетевой макрорегиональной координации, поддерживающей целостность сети. Однако и у этих координационных взаимодействий есть пределы эффективности, что предопределяет достижение такой макрорегиональной сетью состояния бифуркации и хаоса как собой формы социального упорядочивания. Длительное нахождение акторов макрорегиональной сети в зоне бифуркации может привести, в конечном итоге, к деградации отдельных частей сети и их аутсайдерскому положению в международной конкурентной среде, отрицательно повлияв и на конкурентные ресурсы сетевого макрорегиона в целом.

Стремясь к доминированию в рамках глобальной миросистемы, сетевые макрорегионы в условиях конкурентных взаимоотношений в различных сферах социальной жизни пытаются навязать свою модель глобализации, которая может опираться как на постиндустриальные, так и на архаические и сектантские ценностные основания. При этом происходит гибридизация глобального и регионального, в которой региональные нормативно-ценностные матрицы могут замещать глобальные и восприниматься участниками сетевого макрорегиона в качестве универсальных и глобальных.

Социоконструктивистское отношение к проективному будущему иных сетевых макрорегионов и исторически сложившихся цивилизационных ареалов приводят к многочисленным конфликтам реального и воображаемого, когда медийное рефлексирование в категориях собственной нормативно-ценностной матрицы порождает непонимание исторически пролонгированных социальных процессов в других сетевых макрорегионах, что разрушает конструктивные основания взаимодействия акторов глобальной миросистемы. А попытки унификации гетерогенных культур –

экономической, политической и духовной – ведут к тупиковым ситуациям, нарушают баланс сдержек и противовесов внутри глобальной миросистемы и способствуют росту точек бифуркации в ней. Резюмируя сказанное, полагаем необходимым провести в ближайшем будущем всесторонний анализ выявленного феномена процесса глобализации в лице сетевых макрорегионов.

Литература и источники

1. Волкова, О.Н. Территориальность, функциональность, институциональность в российских и европейских исследованиях макрорегионализации // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 16 (295) – С. 50–59.
2. Матвеева, Е.А. Типология международного регионализма в исторической перспективе // Известия АГУ. – 2012. – № 4. – С. 163–167.
3. Robertson, R. Social Theory and Global Culture. London-Thousand Oaks – New Delhi, 2000.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА ЦИВИЛИЗАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ

Мухамедьярова Л. В. (Уфа, Россия)

Общеизвестно, что на сегодняшний день коррупция является не только одной из социально-экономических проблем, она неизбежно остается опаснейшей угрозой стабильности и безопасности не только отдельных стран, но и международной безопасности в целом. В условиях глобализации коррупция представляет собой общественное явление, непосредственно проявляющееся во всех структурах жизни общества и государства. Коррупцированные общества не могут быть демократическими и равноправными, что является критерием созидательности и высоких стандартов жизни. Э.Г. Кочетов, считает: «интернационализация вступила в решающую фазу, мир становится единым не только с философской точки зрения, но и в реальности» [1, с. 315]. Экономические глобализационные процессы усиливают не только роль международных организаций, но и взаимодействие между государствами в рамках политических, военных, культурных и иных вопросов. Другим не менее важным аспектом глобализации является обострение современных глобальных проблем человечества (экологический кризис, конфликты, терроризм, коррупция.) для решения которых необходимо активное международное участие. Процессы глобализации в современном обществе анализируются неоднозначно. Несмотря на наличие противоречий процессам глобализации, они продолжают набирать силу и проявлять необратимость. Одной из таких глобальных проблем нашей современности является проблема коррупции. В современном обществе объединенных информационных сетей и систем финансовых институтов, которые в разных государствах взаимосвязаны и взаимообусловлены, коррупция становится проблемой, имеющей глобальный

аспект и оказывающей пагубное влияние на все процессы, протекающие в цивилизованном мире. Природа явления коррупции, имеет сложную структуру и крайне отрицательные последствия, причиняет наибольший урон глобальным процессам и это позволяет говорить о ее международном характере.

Глобализация, развитие внешнеэкономических контактов государств, становление международных политических институтов породили новые формы коррупции – транснациональная и международная. Полагаю, к транснациональной коррупции, отнести коррупционные проявления, связанные с наличием иностранного элемента. В соответствии со статьей 3 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, преступление, в том числе коррупционное, признается транснациональным, если:

- 1) оно совершено более чем в одном государстве;
- 2) оно совершено в одном государстве, но его подготовка, планирование, руководство или контроля имели место в другом государстве;
- 3) оно совершено в одном государстве, но с участием организованной преступной группы, осуществляющей преступную деятельность более чем в одном государстве;
- 4) оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

В связи с этим, соглашусь с А.Л. Репецкой, утверждающей, что «транснациональная коррупция проявляется в виде подкупа иностранных должностных лиц с целью получения возможности или продолжать экономическую деятельность в какой-либо стране, либо получать несоответствующее преимущество» [2, с. 38]. Транснациональная коррупция подрывает мировые экономические и политические системы, снижая эффективность проводимых проектов, программ и инвестиций, тем самым способствуя недобросовестной конкуренции и свободным рыночным отношениям.

Особое беспокойство вызывает коррупция в деятельности транснациональных корпораций (ТНК), так как они представляют собой преобладающую экономическую мощь в мире. Так, Организация экономического сотрудничества и развития в своем докладе по результатам исследований 34 стран сообщила, что крупные транснациональные компании, избалованы в большинстве случаев взяточничества в мире, причем, выявлено, что взятки больше всего дают и предлагают в развитых и богатых странах. По результатам анализа 427 дел о взяточничестве было выявлено, что 58% всех взяток связаны с получением государственных контрактов и участия в госзакупках. Средний размер взятки составляет 11% от общей стоимости сделки, что составляет около 14 млн. долларов. В докладе, отмечено, что 54% дел о взяточничестве связаны с руководителями высшего уровня. Хочется отметить, что ряд исследователей в настоящее время, отмечают в деятельности ТНК благоприятные антикоррупционные меры и тенденции. Так, один из руководителей Transparency International

Ф. Фогль отмечает, что «транснациональные корпорации включаются во всемирное движение борьбы с коррупцией. Пять лет назад такое предположение вызвало бы только насмешки. Но сегодня даже организации, занимающие весьма прочные позиции, участвуют в повсеместной нелегкой борьбе против взяток» [3].

Наряду с транснациональной коррупцией, необходимо, выделить один из видов коррупции как международная коррупция, которую необходимо охарактеризовать присутствием международного субъекта. К международной коррупции следует отнести подкуп руководящих должностных лиц международных организаций и транснациональных корпораций, а также, злоупотребление и превышение данными лицами своих полномочий в личных, корыстных интересах. Выделение этой формы коррупции определено смыслом существования и ролью международных организаций в обеспечении стабильности и национальной безопасности в современном обществе. Несомненно, что международные организации осуществляют важные функции по управлению глобальными процессами. Очевидны и наличие широких возможностей для злоупотребления полномочиями. Данный вид коррупции отличается не только высокой латентностью, но противоречит всем принципам государства, а также, может порождать коррупционные войны.

Ввиду негативных последствий влияния коррупции на экономику и общество, очевидным является необходимость разработки системного и структурированного подхода к противодействию коррупции. Реально произошедшие на сегодняшний день сдвиги недостаточны по сравнению с масштабами рассматриваемой проблемы. Зачастую, в качестве одной из причин выделяется отсутствие национального опыта, и, в связи с этим, решением, или, хотя бы попыткой решения, могло бы являться обращение к практике тех, чьи усилия принесли заметные результаты.

Таким образом, проблема коррупции – это глобальная проблема со многими составляющими, среди которых обязательной является эффективная борьба в глобальном масштабе. Транснациональная и международная коррупция несут собой угрозу как национальной безопасности отдельных государств, так и цивилизационному развитию современного общества в целом. Ее проявления оказывают серьезное негативное влияние на мировые экономические, социальные и политические процессы. Мировой опыт свидетельствует, что лишь творческий подход, координация усилий, идей, ресурсов и действий, постоянный обмен и совершенствование форм и методов работы дают позитивные результаты в профилактике и предупреждении коррупционных проявлений в обществе.

Литература и источники

1. Кочетов, Э.Г. Геоэкономика. – М., 1999.
2. Репецкая, А.Л. Транснациональная коррупция // Организованная преступность и коррупция. Исследования, обзоры, информация. – 2000. – № 1.

3. Фогль, Ф. Обуздание коррупции: успехи в борьбе с взяточдателями // Экономические перспективы. Электронный журнал Информационного агентства США. Том 3. – №5. – 1998, ноябрь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://sia.gov/itps/1198/ijpe1198.htm>.

ПРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

Мядель А. П. (Витебск, Беларусь)

Важнейшим достижением античной философской традиции представляется обнаружение «знаний», которые не поддаются систематизации, являясь внутренним достоянием человека, но обладают общечеловеческой и универсальной значимостью. Они отражают повседневный нравственный опыт людей и выделяют универсальные свойства человеческих отношений. Моральные понятия не имеют логически оформленного законченного содержания. В каждую историческую эпоху, каждый индивид вкладывает свой смысл в эти понятия. На интуитивном уровне или посредством эмоционально-чувственных переживаний люди формируют в своём сознании образ нравственного идеала и с той или иной мерой точности относят к нему явления социальной жизни, отвечающие его абстрактно-общему смыслу. Абстрактный смысл нравственного идеала – это своеобразный регулятивный принцип, задающий логическую схему желаемых состояний моральной жизни.

Современный этап развития человечества отмечен усиливающимися процессами глобализации во всех сферах общественной жизни, которые ассоциируются с вторжением ценностей и норм поведения Запада в традиционное общество. Данный социальный феномен выразился в совершенствовании и преобразовании средств телекоммуникации и транспорта, что привело к объединению мировой системы в единую «глобальную деревню», к созданию единого информационного пространства и становлению «информационного общества». Последний термин, к слову, нельзя признать удачным. Всякое общество является информационным. Современное общество с его всеобщей компьютеризацией не исключительно «информационное», а по-иному информационное, чем, например, европейское общество XIX в.

Экономическая, политическая ориентация глобализации зависит от нравственно-мировоззренческой позиции, системы духовных ценностей, которые определяют фундамент цивилизации. Такое взаимодействие возможно лишь при условии нахождения общих нравственных ориентиров, сближения социально-нравственных норм. Глобализация в культурной сфере развивается в сторону интеграции и взаимодействия локальных культур, уничтожения этнического своеобразия и появление на фундаменте взаимодействия новых традиций, норм, ценностей. Культурная глобализация мира отмечена как положительными, так и отрицательными тенденциями.

Так, основным минусом глобализации традиционно считается преобладающее значение западной культуры. «В определенном смысле глобализация означает утверждение западного господства и всемирное распространение и засилье американской культуры, которая разрушает или деформирует основы древних культурных традиций других народов (главным образом не западных)» [1; с. 157].

Среди сил, формирующих социальную действительность, нравственность имеет основное значение. Угроза потери этических идеалов представляется сомнительной, поскольку глобализация, ломая старые этические нормы, создаёт основу для новых императивов.

Преобладание западных норм, ориентированных в большинстве своем на материальные ценности, не единственная тенденция культурной глобализации. Взаимодействие локальных сообществ в современном мире возможно лишь на фундаменте доверия, которое становится результатом справедливых отношений во всех сферах общественной жизни. Глобализация есть явление неизбежное для современной культуры. Она призвана возвысить человека как общественное существо. «В современном мире огромный успех имели идеи ненасилия, позволившие на практике освободить многие народы от колониальной зависимости, свергнуть тоталитарные режимы, возбудить общественное мнение против распространения ядерного оружия, продолжения подземных ядерных испытаний и т.д. В центре внимания гуманистической мысли находятся также экологические проблемы, глобальные альтернативы, связанные с некоторым снижением темпов развития производства, ограничением потребления, переходом к низкой энергетике, развитием безотходных производств. Все это возможно лишь при высоком уровне нравственного сознания людей, готовых идти на определённые жертвы ради выживания человечества. Поэтому наряду с прагматическими, технологическими, целесообразными принципами предполагается утвердить культ милосердия, развитие высшей духовности в противоположность грубым формам гедонизма» [2; с. 75].

Социальная ориентация глобализации основывается на нравственно-мировоззренческой позиции, системе духовных ценностей, которые определяют её направление. Глобализация может носить как гуманный, так и антигуманный характер. Гуманизация глобализационных процессов во многом зависит от разумной ориентации в системе моральных ценностей и от осознания приоритета духовного богатства. Для решения проблемы формирования человека постиндустриального общества необходим социокультурный сдвиг в капитализации глобальной макроэкономической прибыли. Такой сдвиг может осуществляться разными способами, что порождает борьбу между разными социальными силами. Так, например, противоборство между глобалистами и «антиглобалистами» – борьба не «за» или «против» глобализации, а за выбор оптимального пути глобализации. Каждый актер поддерживает глобализацию на основе своего социального идеала и возражает против глобализации на основе идеала чужого, придавая

своим локальным ценностям универсальное значение. Отсюда следует, что удовлетворительная теория глобализации невозможна без соответствующей теории идеологизации, предметом которой должны быть закономерности формирования и развития общезначимых (социальных) идеалов.

Односторонний культ свободы не менее опасен, чем односторонний культ порядка. Если сущность тоталитаризма заключается именно в абсолютизации порядка и в тотальном подчинении этому «порядку» всех сфер социальной жизни, то сущность анархизма – в принципе «абсолютной свободы» как безответственного произвола и в отказе от любых регуляторов в человеческой жизни. Тоталитарный и анархистский идеалы определяют направление либерального вектора именно потому, что либеральный идеал обычно стремится в равной степени дистанцироваться от этих крайностей. Поскольку социальный идеал в общем случае представляет собой единство экономического, политического, нравственного, эстетического и мировоззренческого идеалов, то следует различать его утилитарную и духовную составляющие. Соответственно, целесообразно разграничить утилитарные и духовные идеалы. В широком смысле духовность означает служение социальному идеалу, веру в этот идеал, готовность пойти на жертвы во имя его реализации. Духовность в таком смысле противостоит бездуховности, т.е. чистому конформизму – стремлению приспособиться к существующей реальности и обеспечить себе в ней чисто биологическое существование, жить только настоящим, не думая о будущем, с тем, чтобы получать максимум наслаждений при минимуме страданий. Именно в этом заключается исходная идеологическая установка «общества потребления». Подлинная духовность заключается в следовании социальному идеалу и тем моральным нормам, которые определяются этим идеалом. Поскольку социальный идеал многогранен, то следует различать экономические, политические, нравственные, эстетические и мировоззренческие идеалы. В связи с этим существуют разные степени духовности. Простейшей формой духовности является служение утилитарным идеалам (экономическим и политическим). Это служение предполагает борьбу за реализацию соответствующих идеалов. Более высокой формой духовности будет служение собственно духовным идеалам (нравственным, эстетическим и мировоззренческим). Если тоталитарный идеал человека связан с принципом тотальной ответственности (культ порядка), а анархистский – с принципом тотальной вседозволенности (культ свободы), то либеральный идеал связан с принципом гармонии свободы и ответственности. Положительная духовность в реальной жизни заключается, в конечном счете, в служении либеральному идеалу человека. Такое служение должно проявляться в борьбе за гармоничное сочетание свободы и ответственности.

Литература и источники

1. Иноземцев, В.Л. Глобализация и неравенство: что причина, что следствие // Россия в глобальной политике. – 2003. – № 1. – С. 156–167.

2. Кучко, Е.Е. «Жизненный цикл» инновационного процесса: этапы и особенности реализации // Методология социологических исследований. – 2009. – № 3. – С. 73–76.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Мякчило С. А. (Минск, Беларусь)

Государства, вовлеченные в системный процесс глобализации и конвергентного развития, сталкиваются с необходимостью реализации адаптивно-преобразовательной стратегии, далеко выходящей за рамки частных социально-экономических реформ. Отражая этот факт, современная социально-гуманитарная мысль сделала одной из своих тематических доминант идею модернизации. Сегодня она все чаще рассматривается не как отдельно взятый этап индустриальных преобразований, а в качестве универсально-исторического процесса, модели системного прогрессивного переустройства социума в целом (П. Штомпка), своего рода «моста из отсталости в современность» (по известному определению С. Хантингтона), процесса цивилизационного масштаба. Именно в таком ее понимании, когда речь заходит о социальных импликациях политики модернизации, не сводимой к обновлению производственных мощностей, выявляется многоуровневое противоречие между идеологией модернизации либерального типа, установками анти- и альтерглобалистского политического мышления, социально-организационной культурой и духовными традициями национальных сообществ. Отголоски таких противоречий слышны, в частности, в дискуссии о возможности «консервативной модернизации» в России, о путях развития белорусского общества.

Это делает актуальной задачу критического анализа модернизации как социально-экономической теории, методологии общественного управления и формы социальной практики, включая ее отражение в культуре, мировоззрении, ценностях людей и больших социальных групп. Прикладное значение такого анализа будет тем выше, чем больше в нем будет задействовано подходов, связанных с различными программами социально-экономического, социоинженерного, социокогнитивного и «традиционного» гуманитарно-философского познания. Здесь, прежде всего, выделяются работы, закладывающие понимание модернизации как одного из стержневых компонентов цивилизационной динамики. Данная традиция связана с именами М. Липмана, П. Штомпки, С. Хантингтона. В настоящее время ее выразителем является, прежде всего, школа Р. Инглхарта. В ее оптике

* Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, грант № Г16КАО/А-006.

модернизация предстает как социальный тренд современности, связанный как с постиндустриальным преобразованием экономики, так и со становлением культурной матрицы постмодерна: исследуется синтез процессов модернизации и «постмодернизации», прежде всего, в транзитивных обществах (см.: [1; 2]). С именем У. Бека [3; 4] и его коллег связано углубление анализа социальных эффектов модернизации, прямой и обратной связи между социально-экономическими преобразованиями и политическим сознанием, духовной культурой общества в парадигме «рефлексивной модернизации».

Отдельного рассмотрения заслужила специфика модернизации постсоветского общества и связанные с нею политические, социальные, экономические риски (см.: [5; 6]). Обширная работа проведена по выявлению потенциала модернизации для устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь (см.: [7; 8]). Беларусь как государство, находящееся на пограничье разных типов политической культуры, на пересечении нескольких линий духовно-культурной преемственности, нуждается в нередукционистской программе модернизации. Такая программа должна, во-первых, отражать сложность, многокомпонентность общественно-экономической жизни Беларуси, своеобразие исторического пути нации; во-вторых, четко понимать и учитывать социальные и антропологические (когнитивные, психологические, ценностные и др.) эффекты мероприятий модернизации; в-третьих, объединять на системной основе философского знания подходы к модернизации, связанные с экономико-технологической рациональностью, социальной целесообразностью, нравственно-культурной легитимацией.

В этой связи внимание исследователей привлекает плодотворный опыт модернизации китайской экономики и общества во II половине XX – начале XXI столетия, его отличительные черты, связанные с ограничением «вестернизации», переходом на новый уровень национально-культурной идентичности в новых социотехнологических условиях, реализации принципа «мягкой силы» в политике [9; 10]. Обобщением этой практики призвана выступить стратегия национально-ориентированной модернизации, в основных чертах соответствующей доктрине «пекинского консенсуса» (Дж. К. Рамо). Она описывает модель общественного устройства, отличающуюся такими чертами как эволюционность, отсутствие масштабных социальных, экономических, культурных стрессов; реализм в постановке целей (глобальное развитие как системный эффект успешного развития наций и региональных объединений, а не наоборот); ставка на приумножение человеческого капитала как основного богатства страны; свобода от диктата установок негативной глобализации («модернизация без вестернизации»); становление гражданско-политической культуры, основанной на идеях социальной гармонии, справедливости; стимулирование инициативы, поддержка креативных сил общества; опора на совокупность человекоориентированных механизмов управления, технологических, коммуникативных, культурных новаций; преодоление социальной

разобщенности, отчуждения, конфликта интересов; самоподдерживаемое («устойчивое») развитие.

Важную роль в уточнении и совершенствовании этой стратегии призвана сыграть эвристика методологических подходов, складывающихся в рамках социально-критической парадигмы в философии и социальном познании XX–XXI века. Эта парадигма является на сегодняшний день важнейшим инструментом изучения явных и диагностирования скрытых дисбалансов развития общества, экономики и культуры. Ее ядром служит современная марксистская философия, находящаяся в преемственности, но отнюдь не сводимая к теоретическим установкам классиков марксизма XIX – начала XX вв. За последние десятилетия она претерпела ряд обновлений, обогатилась подходами неомарксизма и постмарксизма, социально-критическими установками структуралистской философии и психоанализа, а также вкладом региональных и национальных школ (восточноевропейской, российской, китайской, латиноамериканской).

Благодаря этому сегодня марксизм выступает как система эвристичных аналитико-прогностических методов, адекватных современному уровню политической культуры, социальных, социоприродных и социотехнологических отношений в странах Востока и Запада. В частности, методология социально-критической программы ориентирует на понимание таких феноменов, как изменение природы и организации труда в обществе, основанном на знаниях, формирование новых форм трудовой, гражданской, политической солидарности на этой основе; эволюция понимания собственности и ее морально-правового обеспечения с акцентом на нематериальную (интеллектуальную) собственность; новые (сетевые) модели социальной активности; изменение ценностно-эмоциональной структуры сознания человека; идеология потребительства и «антипотребительства»; политические, экономические социально-антропологические эффекты «позитивной» и «негативной» глобализации и др.

Потенциал социально-критической философии актуализируется в контексте новых вызовов, с которыми сталкивается общество в процессе перехода к постиндустриальному укладу. Это проблемы расслоения общества, которое отягощается феноменом знаниевого и «цифрового» неравенства; социальные, коммуникативные, психологические, ценностно-мировоззренческие барьеры между людьми и сообществами; потребительское отношение к природе и социуму; отчуждение и социальное одиночество; идеология экономикоцентризма и технопрагматизма. По сути, все они могут рассматриваться как признаки несбалансированного общественного развития, которое и должно быть преодолено средствами методологически цельной и ценностно обеспеченной политики модернизации, необходимой обществам и странам, ставящим перед собой задачи регионального лидерства и глобальной конкурентоспособности. Помимо очевидного эффекта в сфере государственного строительства, реализация такой политики может выступить основой масштабных мероприятий региональной интеграции, таких как Евразийский

экономический союз, а также инициатива Экономического пояса Шелкового пути.

Литература и источники

1. Inglehart, R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies / Ronald Inglehart. – Princeton University Press, 1997.
2. Inglehart, R. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence / Ronald Inglehart and Christian Welzel. – Cambridge University Press, 2005.
3. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Beck, U. The Theory of Reflexive Modernization: Problematic, Hypotheses and Research Programme / Ulrich Beck, Wolfgang Bonss, Christoph Lau // Theory, Culture & Society. – 2003. – № 20. – P. 1–33.
5. Гавров, С.Н. «Модернизация России: постимперский транзит» / предисл. Л.С. Перепелкин. – University of Nebraska – Lincoln, 2009.
6. Dutkiewicz, P. Democracy versus Modernization. A Dilemma for Russia and for the World / P. Dutkiewicz, V. Inozemtsev. – London/New York: Routledge, 2012.
7. Ковалев, М.М. Экономическая модернизация как строительство экономики знаний / М.М. Ковалев, С.И. Пасеко, Лю Цзэпин // Вестник БГУ. Серия 3. – 2011. – № 3. – С. 102–107.
8. Соколова, Г.Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь – Россия // Социологические исследования. – 2012. – № 5. – С. 4–19.
9. Буров, В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. – 2007. – №5.
10. Просеков, С.А. Социально-философский анализ модернизации современного Китая в условиях глобализации. – М.: Финакадемия, 2009.

ІНТЭГРАЦЫЯ БЕЖАНЦА Ў ГРАМАДСТВЕ Ў КАНТЭКСЦЕ РАЗВІЦЦА МІГРАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАЎ

Нашчынец К. М. (Минск, Беларусь)

Сёння, падчас развіцця Еўрапейскага міграцыйнага крызісу (узнік у выніку шматразовага павелічэння патоку бежанцаў і нелегальных мігрантаў з краін Паўночнай Афрыкі, Блізкага Усходу, Паўднёвай Азіі і негатаўнасцю ЕС да іх прыёму і размеркавання. За 2015 г. у ЕС прыбыла каля 1,8 млн. мігрантаў. Цяперашні міграцыйны крызіс – найбуйнейшы з часоў Другой сусветнай вайны. Яго асноўнымі прычынамі сталі грамадзянская вайна ў Сірыі, пашырэнне тэрыторый, што знаходзяцца пад кантролем Ісламскай дзяржавы, грамадзянская вайна ў Лівіі, адкрыццё бежанцамі больш бяспечнага маршруту праз Міжземнае мора, Грэцыю і Македонію, замест старога праз Міжземнае мора, Лівію і Італію), вырашэнне праблем інтэграцыі мігрантаў з’яўляецца як ніколі важным і абумоўлівае неабходнасць аналізу эфектыўнасці шляхоў інтэграцыі бежанца ў грамадстве.

Тэрмін «інтэграцыя» быў уведзены Гербертам Спэнсэрам, англійскім

філосафам і сацыёлагам, адным з родапачынальнікаў эвалюцыянізму, у другой палове XIX ст. у дачыненні да тэорыі эвалюцыі. З часам значэнне паняцця змяніла свой сэнс і стала шырока ўжывацца ў многіх галінах [1]. Пад сацыяльнай інтэграцыяй варта разумець прыняцце індывіда іншымі членамі групы, працэс устанаўлення аптымальных сувязяў паміж адносна самастойнымі малазвязанымі сацыяльнымі аб'ектамі (індывідамі, групамі, сацыяльнымі класамі) і далейшае іх ператварэнне ў адзіную, цэласную сістэму, часткі якой узгодненыя і ўзаемазалежныя на аснове агульных мэтаў і інтарэсаў [2].

Распаўсюджаная памылка грамадскай думкі заключаецца ў тым, што інтэграцыя мігранта – хуткі працэс. Але падобнае амаль немагчыма рэалізаваць на працягу жыцця нават аднаго пакалення. Інтэграцыя – шматпакаленны працэс. Лічыцца, што інтэграцыя – становішча, калі мігранты атрымліваюць даступнасць да жылля, заробак, адэкватны ўзроўню заробку мясцовага насельніцтва і да т.п. Гэта эканамічныя ўмовы, неабходныя для інтэграцыі, яе важнейшыя перадумовы, але яшчэ не сама інтэграцыя [3].

Сапраўдная інтэграцыя адбываецца, калі чалавек адчувае, што ён прадстаўнік менавіта гэтага соцыума. Напрыклад, у горадзе Адэса ёсць грэчаская вуліца, яўрэйскі квартал, балгарская вуліца і іншыя. Аднак сярод мясцовага насельніцтва асабліва нікога не адрозніваюць – ні грэкаў, ні балгараў, ні яўрэяў. Людзі складаюць адзін соцыум, усе лічаць сябе адэсітамі, што з'яўляецца сапраўдным прыкладам абсалютна інтэграванага грамадства. У нашай краіне такім прыкладам можа служыць горад Іўе (раённы цэнтр Гродзенскай вобласці), у якім са старажытных часоў мірна суіснуюць жыхары зусім розных народнасцяў, сярод якіх прадстаўнікі 4 рэлігійных канфесій: праваслаўя, каталіцызму, іўдаізму і ісламу.

Глабальнай рызыкай міграцыйных працэсаў з'яўляецца тое, што спроба інтэграцыі мігрантаў пагражае пранікненнем на тэрыторыю краіны тэарарыстаў у патоку іншых бежанцаў. На меры па прадухіленні гэтай пагрозы сыходзяць асноўныя сілы службаў бяспекі. З-за пачуцця адасобленасці ад роднай культуры, якое мігранты адчуваюць ў новай краіне, узрастае небяспека іх радыкалізацыі, што ў сваю чаргу, звязана з праблемамі інтэграцыі. Менавіта праблемы інтэграцыі ляжаць у аснове радыкалісцкіх настрояў, а ў крайніх выпадках – і тэарарызму [4].

Сярод найбольш вострых пытанняў у сферы інтэграцыі, якія патрабуюць асаблівай увагі, неабходна вылучыць наступныя:

- адсутнасць распрацаванай комплекснай стратэгіі інтэграцыі бежанцаў;
- адсутнасць дасведчанасці аб праблемах бежанцаў і разумення іх праблем з боку цэнтральных і мясцовых органаў улады;
- адсутнасць дасведчанасці саміх бежанцаў аб сваіх правах і абавязках;
- залежнасць бежанцаў ад знешняй дапамогі (Упраўленне Вярхоўнага камісара ААН па справах бежанцаў (далей – УВКБ ААН), дзяржаўныя органы, грамадскія арганізацыі) і/або нежаданне бежанцаў працягваць

уласную ініцыятыву ў вырашэнні інтэграцыйных пытанняў.

Адным з найбольш эфектыўных шляхоў да інтэграцыі з'яўляецца працаўладкаванне мігранта на новым месцы. Без працы інтэграцыя немагчымая, а самі ўцекачы ператвараюцца ў непасільны цяжар для дзяржаўнага бюджэту. У сваёй пераважнай большасці мігранты адпавядаюць патрабаванням толькі нізкакваліфікаваных спецыяльнасцяў. Але заключэнне спецыялістаў адназначна: нізкакваліфікаваная сіла ў такіх колькасцях не можа быць працаўладкавана. У выніку чаго паўстае новая праблема – сацыяльна-эканамічная. Існуюць прыклады Германіі і Францыі, куды ў 1960–1970 гг. прыбылі мільёны мігрантаў з краін Афрыкі і Блізкага Усходу, якія атрымалі працу ў сектары абслугоўвання, на будоўлях і ў аўтапраме. З часам патрэба ў гэтай рабочай сіле адпала, аднак мігранты засталіся ў Еўропе, перайшоўшы на сацыяльную дапамогу. Менавіта ў іх асяроддзі сфарміравалася субкультура, якая адмаўляе еўрапейскія працоўныя і цывілізацыйныя каштоўнасці [5].

Значная роля ў працы з бежанцамі адводзіцца і грамадскім арганізацыям. Яны спрыяюць інтэграцыі бежанцаў, дапамагаюць ім фарміраваць уласныя аб'яднанні і падтрымліваць адзін аднаго. У Рэспубліцы Беларусь варта падкрэсліць дзейнасць праекту «Мясцовая інтэграцыя бежанцаў у Беларусі», міжнароднага грамадскага аб'яднання па навукова-даследчых і інфармацыйна-адукацыйных праграмах «Развіццё», цэнтр творчасці дзяцей і моладзі «Эўрыка» [6]. Ацэньваючы ролю УВКБ ААН у інтэграцыі бежанцаў як у замежных краінах, так і Беларусі, неабходна падкрэсліць наступны факт: УВКБ ААН штогод рэалізуе ў Беларусі праекты на суму 1 000 000 \$, якія ў асноўным накіраваны на ўмацаванне нацыянальнай сістэмы прыстанішча і патэнцыялу лакальнай інтэграцыі [7].

Падводзячы вынікі, трэба яшчэ раз заўважыць, што адным з найбольш эфектыўных шляхоў інтэграцыі бежанца з'яўляецца прадастаўленне яму працоўнага месца. Але адначасова з'яўляецца і негатыўны бок дадзенага працэсу: павялічваецца беспрацоўе, мігранты не заўсёды адпавядаюць высокім патрабаванням, павялічваюцца сацыяльныя выплаты і выдаткі. Таксама, асаблівыя намаганні трэба засяродзіць і ў сферы адукацыі (лягчэй ўсё новыя веды набываюцца ў дашкольным узросце, а працэс акліматызацыі ў краіне, распачаты ў першыя гады жыцця, з'яўляецца найбольш эфектыўным і хуткім). Акрамя таго, мэтазгодна засяродзіць увагу на той акалічнасці, што ва ўрадзе дзяржавы механізм паспяховай інтэграцыі мігранта не можа забяспечыць толькі адно ведамства (у Рэспубліцы Беларусь, напрыклад, Дэпартамент па грамадзянству і міграцыі Міністэрства ўнутраных спраў). Вырашэнне праблем інтэграцыі з боку Урада дзяржавы – цяжкая і ўзаемазвязаная праца шматлікіх дзяржаўных органаў, якія разам павінны ўзгадняць і планаваць сваю палітыку ў дадзеным накірунку.

Літаратура і крыніцы

1. Социология Герберта Спенсера [Электронный ресурс] / Энциклопедия Экономиста. – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/gerbert-spenser.html>.
2. Интеграция социальная [Электронный ресурс] / Словари и энциклопедии Академика. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1277/%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%93%D0%A0%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF>.
3. Интеграция мигрантов – это путь многих поколений [Электронный ресурс] / Goethe Institut. – Режим доступа: <http://www.goethe.de/ins/ru/lp/kul/dur/mig/ide/ru6723067.htm>.
4. Сроки интеграции иммигрантов в Финляндии [Электронный ресурс]/ Новостная лента Norse.ru. – Режим доступа: <http://norse.ru/pub/64.html>.
5. Смогут ли беженцы найти работу в Европе? [Электронный ресурс] / Иностранные СМИ.РУ. – Режим доступа: http://inosmi.ru/op_ed/20151102/231146345.html.
6. Матус, С.А. Интеграция беженцев в Республике Беларусь/ С.А. Матус, Т.В. Тумашик // Журнал международного права и международных отношений. – 2007. – № 4. – С. 37–43.
7. Упраўленне Вярхоўнага камісара ААН па справах бежанцаў [Электронны рэсурс]/ Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь. – Рэжым доступу: <http://mfa.gov.by/mulateral/organization/list/bel/a4d9197f6819d0d9.html>.

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТРОЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Никитина Ю. Ф. (Минск, Беларусь)

После распада СССР перед постсоветскими странами встала сложная историческая задача – войти в мировую экономическую систему. Однако тяжелое экономическое положение нашей страны в первое десятилетие суверенитета негативно сказалась на фундаментальной и отраслевой науке, что повлекло за собой неэффективное решение на протяжении длительного времени проблем создания высоких технологий, использования накопленного научно-технического, производственного, интеллектуального и кадрового потенциала, и, в конечном итоге, обусловило технологическое отставание Республики Беларусь от высокоразвитых стран. Тем не менее, для того, чтобы обеспечить устойчивое экономическое развитие страны, национальную безопасность и социальное благополучие, на протяжении последних пятнадцати лет в Республике Беларусь достаточно четко определена стратегия национальной политики в отношении науки и инноваций как важнейших факторов социально-экономического развития. Но в силу того, что передовые технологические страны, прежде всего речь идет о США, Японии и Евросоюзе, гораздо раньше перешедших к построению инновационной экономики, уже фактически создали единое технологическое пространство, в сложившейся ситуации Республике

Беларусь, помимо создания собственных технических новаций, необходимо эффективно использовать технологические достижения других высокоразвитых стран, развивать технологическое сотрудничество, стремиться к максимально широкой кооперации, а также учитывать динамику этих процессов во всем мире.

В начале 2000-х гг. в Республике Беларусь был взят курс на построение инновационной экономики. При этом особая роль в процессе перехода страны к экономике, основанной на знаниях, отводится национальной инновационной системе.

Национальная инновационная система (НИС) – это совокупность национальных государственных, частных и общественных организаций и механизмов их взаимодействия, в рамках которых осуществляется деятельность по созданию, хранению и распространению новых знаний и технологий [1, с. 7]. НИС представляет собой совокупность взаимосвязанных организаций (структур), занятых производством и коммерциализацией научных знаний и технологий в пределах национальных границ [2, с. 4].

Создание НИС называется исследователями неотъемлемой составляющей каждой страны ставшей на путь построения инновационной экономики, обеспечивая технологические прорывы и поддержание экономики на конкурентно высоком уровне. При этом единой методологии формирования НИС не разработано.

Однако, несмотря на то, что начиная с 2000-х гг. в республике был проведен большой объем работ по сохранению и развитию научного, научно-технического и инновационного потенциалов, укреплена законодательная и нормативно-правовая база научно-инновационной деятельности, предприняты меры с целью повышения уровня инновационности производства, развития информационной инфраструктуры, комплекса высоких технологий и т.д. Тем не менее, как отмечают аналитики, все выше названные действия не имели системного характера и не привели к формированию адекватной развитым рыночным отношениям и международным стандартам национальной инновационной системы Беларуси. Как следствие, в стране сформированы лишь фрагменты потенциально целостной НИС.

По ряду направлений Беларусь не отстает от мировых тенденций, удерживает позиции среди лидеров в разработке фундаментальных проблем в области физики, математики, новых материалов, программных продуктов для ЭВМ. На смену микроэлектронике приходит наноэлектроника. Фонд идей и концепций, традиционные и новые научные заделы позволяют сегодня белорусской науке и экономике успешно сотрудничать с мировым научным сообществом по таким направлениям как информатизация и программное обеспечение, нанотехнологии и наноматериалы, энергоэффективные технологии, генетика и биотехнологии, экологическая устойчивость и радиационная безопасность и др.

Произошедшие во второй половине XX века изменения в сфере общественного производства существенно трансформировали и социальную

структуру общества.

Сформировавшаяся еще в советские времена и доставшаяся в наследство после распада СССР структура народного хозяйства Республики Беларусь и на сегодняшний день не снизила потребность в индустриальном и сельскохозяйственном рабочем. Однако ставшие очевидными и сохраняющиеся продолжительное время тенденции свидетельствуют о серьезных сдвигах в социальной структуре белорусского общества.

Начавшийся практически с момента обретения Беларусью независимости в 90-ые годы отток населения из сельской местности в города на тот момент был обусловлен тяжелым экономическим положением страны и невозможностью государства в полной мере оказать финансовую поддержку агросектору. Тем не менее, несмотря на предпринимаемые государством на протяжении последних пятнадцати лет усилия по возрождению села и закрепления в нем кадров, тенденция к урбанизации, снижению престижа сельского образа жизни по-прежнему сохраняется. В целом, сложившаяся ситуация оттока населения в город соответствует общемировому тренду и во многом, на сегодняшний день, является следствием перехода Республики Беларусь к построению инновационной экономики. Механизация производства, использование энергосберегающих технологий обуславливают сокращение рабочих мест на селе. Однако перечень вакансий в сельской местности свидетельствует о не укомплектованности кадрового потенциала в АПК. Организации сельской местности испытывают дефицит в таких специалистах, как экономист, главный экономист, юрисконсульт, юрист, бухгалтер, т.е. тех кадрах, которые в городской местности, как правило, оказываются избыточными. Нехватка и по таким рабочим специальностям наблюдается в сельской местности как животновод, оператор машинного доения, тракторист, тракторист-машинист сельскохозяйственного производства, электромонтер по ремонту и обслуживанию электрооборудования (ситуация на 1.06.2015 г.).

Доля молодежи (согласно ООН, ЮНИСЕФ под молодежью понимаются молодые люди от 14 до 30 лет) в общей численности работников сельского хозяйства постепенно снижается. Так, если в 1995 г. этот показатель составлял 20,7%, то в 2008 г. – только 17,8%. Необходимо отметить, что, в целом, доля молодежи среди работников сельского хозяйства – наименьшая в сравнении с другими отраслями народного хозяйства. Причем преобладающая часть молодежи, работающая в сельском хозяйстве, занята среди рабочих специальностей (76,6% в 2008 г.). Процесс механизации и автоматизации производства преобразует и половую структуру работников сельского хозяйства. Так, среди работников до 30 лет преобладают мужчины (57% (2010 г.)), в то время как спрос на женскую рабочую силу снижается при ограниченных возможностях их трудоустройства в другие сферы сельского хозяйства. Однако эффективность и конкурентоспособность сельскохозяйственного производства в значительной мере зависит от того, насколько оно обеспечено кадрами и, в первую очередь, молодыми квалифицированными специалистами, в связи с

чем правительством Республики Беларусь была объявлена задача к концу первой четверти XXI века обеспечить АПК не менее 50% молодежью с высшим образованием, а остальную часть – молодыми людьми со средним профессионально-техническим образованием [3].

Литература и источники

1. НТР и мировая политика. – М., 2010.
2. Концепция национальной инновационной системы / Одобрена на заседании комиссии по вопросам ГНТП при Совете Министров Республики Беларусь (Протокол № 05/ 47пр от 08.06.2006 г.). – Минск, 2006.
3. Пашкевич, О.А. Молодежь в сельском хозяйстве Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.agriculture.by/archives/2465>.

ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ОСНОВА ВЫБОРА ТИПОВ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Николенко Н. А., Серова Я. И. (Волгоград, Россия)

Уникальность Российской Федерации заключается не только в своеобразии политического становления государственности страны (выраженной в изменении дважды за столетие политической траектории развития), но и в накоплении многовекового опыта межэтнического взаимодействия людей разных конфессий и этнических групп. И, хотя процессы межэтнических коммуникаций имеют свои особенности, о которых будет сказано ниже, в целом, на наш взгляд, достигнутые в этой области в нашей стране успехи могут послужить определенным подспорьем для решения ряда проблем, возникающих сегодня у европейских городов и связанных с усиленной активизацией миграционных процессов. В то же время, рассматривая межэтнические и, как следствие, межконфессиональные взаимодействия как процессы следует обратить внимание на факторы, оказывающие влияние на формирование конструктивного взаимодействия.

Понятие «толерантность» уходит корнями в философию Античности, где служило индикатором решения религиозных проблем. Впоследствии в разных культурах интерпретация понятия получила свои особенности. К примеру, понятие стало трактоваться как готовность и способность воспринять вещь (в английской культуре); как уважение свободы другого, инакомыслия и стилей поведения (во французской культуре); как мягкость, сострадание, терпение (в арабской); как терпимость, выносливость (в русской). Однако это не исключало, а только более выпукло выделяло группы «своих» и «чужих», формируя принципы межэтнического взаимодействия.

По определению В.А. Тишкова, *толерантность* – это культурный вектор, который позволяет осознать, что мир многомерен и взгляды на него различаются [1, с. 34]. Но для сохранения равновесия необходимы правила социального взаимодействия и понимания толерантности не просто в

качестве пассивной этнической ценности, а активной позиции, согласно которой каждый участник коммуникационного процесса должен следовать определенным нормам. Анализ и обобщение поведенческих стратегий индивидов В.А. Лекторским позволил выделить четыре основных подхода к пониманию толерантности и четыре типа ее проявления [2]: 1) толерантность как безразличие, 2) толерантность как невозможность взаимопонимания, 3) толерантность-снисхождение, 4) толерантность-терпимость. Безусловно, реализация этих типов поведения имеет свои последствия. И поэтому актуализируется задача формирования такого типа поведения, который бы позволял выстраивать межэтнические и межконфессиональные отношения в позитивном ключе. Вопросами этнического самосознания и культуры студенческой молодежи занимались ранее и другие авторы: В.М. Кузьмин, М.А. Арапова, З.С. Гончарова, Е.А. Кроткова, Н.С. Ладыжец, О.А. Михайлова, В.Б. Новичкова, Т.А. Пичугина, Л.Я. Рубин, М.Б. Хомяков, Е.В. Шевченко, О.А. Шубина, М.А. Шугуров [3].

Авторы данного исследования, проведя серию социологических исследований, выявили следующие особенности этнической и конфессиональной толерантности волгоградских студентов [4]. Толерантность рассматривается как этическая норма, ценность, основа для поведенческих стратегий, зависящих от ситуационных детерминант. Подобный вывод основан на анализе ответов студентов, отражающих их взгляды, влияющих на формирование ситуационных практик: «терпимость к другим, даже если они Вам не нравятся» (54%), «принятие другого, независимо от его нетрадиционной ориентации» (34,6%), «толерантность – западноевропейская ценность, непригодная для России» (5,1%). Другими словами, представления о толерантности видоизменяются. Толерантность конструируется под влиянием внешних условий и осуществляемых социальных практик.

Следует подчеркнуть: 93,4% опрошенных студентов отметили, что в принципе национальность, внешность и язык не влияют на общение в группе, 82,1% респондентов толерантно относятся к представителям иных культур и национальностей, 78% респондентов готовы оказать посильную помощь представителям других этнических групп. В то же время, нейтрально-безразличную позицию занимают более $\frac{1}{4}$ части респондентов (35%), негативно к студентам иных культур относятся менее $\frac{1}{4}$ опрошенных (20%). Было зафиксировано и наличие двойных стандартов в понимании этнической толерантности. С одной стороны, студенты причисляют себя к толерантным людям, готовы оказать посильную помощь, но с другой, при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, каждый ли должен жить на территории своей исторической Родины?» большинство ответили, что все должны жить на территории своих стран. Это свидетельствует о «толерантности на расстоянии» («Я отношусь к Вам толерантно, но жить всем лучше на территории своих стран»). Респонденты указывали и этнические субъекты неприязни: «кавказские этнические группы» (78%), «представители азиатских стран» (22,4%). То есть установка «свой-чужой» фигурирует в

сознании. Настораживает и тот факт, что более 90% студентов, к сожалению, считает, что нормально и допустимо использование в СМИ и быту определенных клише типа «лицо кавказской национальности» и т.д. Большинство студентов (78%) убеждены, что ни СМИ, ни коммуникации в социальных сетях не могут повлиять на формирование толерантности; в силу общественных организаций и объединений верит лишь незначительная часть студентов. И на фоне этого 92% респондентов подчеркнули значимость социализирующей роли семьи. Таким образом, отмечается низкий уровень этнической культуры студентов и поэтому штампы, стереотипы становятся преобладающими в ситуациях коммуникации.

Результаты авторских исследований подтвердили наличие в студенческой среде волгоградских вузов типов толерантности, описанных в научной литературе [5, с. 100]. Среди них следует выделить: активную, пассивную, избирательную и вынужденную этническую толерантность. Активная межэтническая толерантность проявляется среди студентов-активистов, которые открыты к межэтническим контактам и позитивно оценивают образ представителей других этнических групп. Пассивная толерантность имеет место в ситуации отсутствия конфликта, когда студенты склонны общаться только с представителями своей этнической группы, сохраняя при этом позитивное отношение к представителям иных этнических групп. Толерантность избирательная, «на расстоянии» характеризуется тактикой избегания контактов с представителями других этнических групп. Вынужденная толерантность – вести себя определенным, толерантным, образом заставляет среда вуза.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить:

1. Толерантность не интерпретируется студентами однозначно. Более того, имеет место ситуация «двойных стандартов»: с одной стороны, студенты «готовы помочь», потому что есть рамки вуза, но, в то же время, согласны с утверждением, что «каждый должен жить на территории своей исторической родины». Считают вполне нормальными устоявшиеся стереотипы.

2. Толерантность как субъективно понимаемая этическая норма лежит в основе выбора поведенческих стратегий, выявленные типы поведенческих стратегий актуализируют задачи воспитательного характера.

3. На формирование толерантности оказывают влияние многие факторы, в ряду которых семья и вуз выделяются студентами в особую детерминирующую группу.

Литература и источники

1. Российский Кавказ: книга для политиков / В.А. Тишков [и др.]. – М., 2007.
2. Лекторский, В.А. Субъективная реальность как социально-культурная конструкция. – Екатеринбург, 2003.
3. Кузьмина, В.М. Межличностные конфликты в студенческой среде и условия их преодоления // Общество: социология, психология, педагогика. – 2013. – №1 – С. 33–39.

4. Результаты авторского социологического исследования: «Уровень этнической, конфессиональной толерантности в студенческой среде» (01.07.15. – 21.10.15.) (N=280, тип выборки – случайная выборка, разновидность: гнездовая). Критериями выборки явились: пол, обучение в ВУЗе, принадлежность и непринадлежность к мигрантам, курс, специальность. Сбор первичной социологической информации осуществлялся методом анкетного опроса.

5. Бимбаева, Э.В. Этническая толерантность как социальный феномен // Молодежь в современном мире: гражданский, творческий и инновационный потенциал: материалы всерос. науч.-практ. конф. работ студентов, аспирантов и молодых ученых: в 2 ч. – Старый Оскол, 2010. – Ч.1. – С. 100–102.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Никулина Ю. В. (Минск, Беларусь)

Очевидно, что к наиболее характерным чертам современного мира относятся интернационализация, интеграция и глобализация, а также их взаимосвязь и взаимозависимость в пространственно-временном континууме. Названные тенденции цивилизационной динамики наиболее отчетливо проявились во второй половине XX в. Интенсификация данных процессов связывается многими учеными с наступлением третьей волны социальных изменений, затрагивающих все сферы жизнедеятельности общества – политическую, социально-экономическую, духовную. Новая цивилизация несет с собой новую экономику, новые политические конфликты, новые семейные отношения, новые способы организации труда и т.п. В мировом масштабе формируются новые институты, структуры и культурные феномены.

В начале XXI в. на первое место выходит проблема интеграции национальных экономик и финансов в единое целое. Обостряются противоречия между национальным и наднациональным уровнями управления. Идет переоценка места и роли национального государства в глобальном мире «без границ». Все это тесно связано с процессом становления глобального гражданского общества, которое находит свое воплощение в деятельности неправительственных организаций и в их стремлении поддерживать справедливый миропорядок. Сформированные мировые и региональные рынки, появление новых телекоммуникационных сетей приведет к сужению контроля государств над собственной территорией. Участие же государств в мировом политическом процессе требует от них обеспечения легитимности наднациональных и субнациональных управленческих механизмов.

Несомненно, что роль государств претерпевает радикальные изменения. У национальных государств, в связи с развитием новых технологий, действительно уменьшаются возможности контролировать жизнь граждан и внутренние социально-экономические процессы. Например,

в мировой экономике более эффективны рыночные механизмы и транснациональные корпорации (ТНК), которые могут сами выполнять государственные функции. Но они игнорируют тот факт, что сформировавшаяся интернациональная экономика, в которой действуют ТНК, существует в рамках национальных экономик, а ведь именно в них государство до сих пор выполняет фундаментальную роль в политико-правовом регулировании сферы их деятельности. ТНК обладают небывалой мобильностью, но их транснациональный характер, все же, не позволяет пока говорить об их экстерриториальности. Без сложившейся развитой и дешевой национальной инфраструктуры невозможна высокая деловая активность транснациональных корпораций.

Названные и иные негативные стороны глобализации активизируют еще один значимый процесс, характеризующий современный этап развития человеческой цивилизации, – регионализацию. Регионализация, или регионализм, – весьма интересное и вместе с тем крайне сложное явление современного мира, имеющее множество различных аспектов, неудивительно поэтому, что универсального его определения не существует. В целом, можно сказать, что регионализация представляет собой процесс интеграции локальных сообществ, расширения границ между территориально-социальными комплексами, сохранения этнических групп и создания самодостаточных экономических и политических образований.

Большинство исследователей отмечают, что регионализация является напрямую связана с глобализационными процессами. Эта взаимосвязь представляется весьма очевидной. Поскольку государства современного мира различаются по масштабам и уровню социально-экономического развития, постольку результаты воздействия глобализации на отдельные страны и группы стран будут не одинаковы. Более того, в крупных странах глобализация вызывает неодинаковые последствия в различных регионах. Социальное расслоение в условиях глобализации усугубилось территориальным расслоением.

К тому же, настоящее время меняется соотношение между глобальными и региональными составляющими мирового развития. Если ранее региональные проблемы находились в тени глобальных процессов, то сейчас регионализм оказывает все более заметное влияние на состояние системы международных экономических и политических отношений. Так, например, приграничное экономическое сотрудничество играет важную роль в сближении как стран, так и регионов, лежащих по обе стороны границы. Основное противоречие между процессами глобализации и регионализации заключено в целях создания и развития региональных союзов. Главной целью создания региональных союзов изначально было взаимовыгодное сотрудничество стран-участниц в общем русле глобализационных процессов. Но когда определились негативные последствия глобализации, одной из целей региональных сообществ стало противодействие этим негативным последствиям. Например, развитие экономики уходит из-под национально-государственного контроля, в то время как социальные последствия этого

процесса – безработица, миграция, нищета – накапливаются в системе национального социального государства.

Очевидно, что в основе регионализации лежат не только геополитические факторы. Регионализация – это своего рода утверждение того факта, что человечеству свойственно многообразие форм жизнедеятельности, которые не могут и не должны быть стандартизированы. Важнейшей проблемой глобализирующегося мира становится проблема сохранения уникальности и многообразия культурных традиций. Глобализационные процессы обостряют значимость, как сохранения многообразия уникальных культурных традиций, так и их взаимопроникновения и взаимовлияния. В этом смысле особое значение имеет либо культурно-религиозная общность большого региона, которая оказывается дополнительным средством его консолидации.

Среди факторов, обуславливающих активизацию процесса регионализации в современном мире некоторые исследователи также называют кризис традиционного института – института суверенного национального государства, которое устарело и не соответствует более современным реалиям. Этот кризис выражается в диффузии власти: она «перетекает» вниз – к регионам, местным сообществам, институтам гражданского общества, а также «вверх» – к наднациональным структурам. Делаются прогнозы, что в случае сохранения существующих ныне тенденций традиционное национальное государство постепенно исчезнет, уступив место, с одной стороны, регионам, а с другой – наднациональным институтам.

В настоящее время процесс регионализации происходит на нескольких уровнях. Один из видов регионализации проявляется в стремлении локальных цивилизаций оградить себя от вторжения других цивилизаций. Это ведет к «столкновению цивилизаций», что, по мнению С.П. Хантингтона, станет основной проблемой грядущего мироустройства. Регионализация на макроуровне проявляется и в том, что постиндустриальные государства, заинтересованные в процессе глобализации, активно участвуют и в регионализации образуя, образуя все более замкнутую и самодостаточную систему. Регионализация проявляет себя также и в интеграции отдельных территорий разных государств. Регионализация на микроуровне существует внутри отдельных государств. Она выражается в усилении своеобразия экономического и (или) политического поведения определенных сообществ, которые находятся внутри государства.

Итак, глобализация, с одной стороны, и регионализация, с другой – являются главными процессами в развитии современного мира, не только оказывающими громадное влияние на экономическую жизнь, но и влекущими за собой далеко идущие политические, социальные и даже культурно-цивилизационные последствия. Эти последствия все больше ощущают на себе практически все страны мира и среди них, конечно, государства постсоветского пространства, которые вполне осознанно, активно и целеустремленно продвигаются по пути создания региональных

союзов с одной стороны, интеграции в мировую экономику – с другой.

В эпоху глобализации, когда мир становится более зависимым от всех его субъектов, существенно вырастает роль интеграционных образований. Только взаимодействуя, возможно противостоять вызовам глобализации и минимизировать ее издержки. Республика Беларусь является активным участником интеграционных сообществ, среди которых – Союзное государство, Евразийский экономический союз, СНГ, ОДКБ и ряд других. Что касается перспектив участия Республики Беларусь в различных интеграционных объединениях, то здесь приоритеты должны базироваться на многовекторности: концентрации усилий на формировании интеграционного сообщества совместно с государствами-участниками СНГ, развитии экономического взаимодействия с Россией в рамках Союзного государства, активном участии в общеевропейских интеграционных процессах.

ПРОЕКТ МОДЕРН КАК ОДНА ИЗ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ТЕМ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Ратникова И. М. (Минск, Беларусь)

Тема модерна является одной из центральных и дискуссионных в современном социально-философском и политическом дискурсе, в рефлексивном поле которого достижения и коллизии современной культуры представлены результатом реализации целевых установок так называемого проекта модерн. Под последним понимается совокупность новоевропейских концептуальных интенций, которые детерминировали направление и механизмы социально-культурной динамики, обусловив тем самым цивилизационные процессы в современном мире. Многие исследователи полагают, что именно инверсии модерна стали причиной возникновения глобальных проблем современности (мировые войны, экологический кризис, колонизация жизненного мира и др.), которые поставили сегодня под угрозу само выживание человечества.

Проект модерн базируется на трех основаниях: во-первых, на культуре рационального освоения объективной, субъективной и социально-культурной реальности; во-вторых, на когнитивистской редукции природы человека; в-третьих, на телеологизме и прогрессистской установке во всех сферах социально-исторического процесса.

Несостоятельность и изначальная ущербность многих основоположений проекта модерн стала очевидной уже на рубеже XIX–XX веков. Критика фундаментальных ценностей и установок европейской культуры нашла выражение в работах Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Л. Витгинштейна, Э. Гуссерля, представителей Франкфуртской школы и других мыслителей.

Динамика социально-культурной реальности обусловила формирование нового подхода к анализу проекта модерн в рамках

постмодернизма. Представители постмодернизма постулировали тезис о конце модерна и, следовательно, об отсутствии необходимости обращения к данной теме. Тем не менее, несмотря на ратифицированную исчерпанность анализа проблемы модерна, кризис идей постмодернизма в конце XX века, обнаружил новые грани проекта модерн.

Многие представители современного социально-философского дискурса вновь обратились к исследованию данного проекта. Они не отказываются от основоположений модерна, но пытаются их модифицировать, апплицируя на современную социально-культурную реальность, указать его эвристический потенциал. Данное обстоятельство подтверждается наличием достаточно широкого спектра альтернативных концепций модерна. Это и теория «незавершенного модерна» Ю. Хабермаса, и идея нормативного признания как основы нового модерна А. Хоннета, и концепция «общества другого модерна» У. Бека, и доктрина «позднего модерна» Э. Гидденса, и концепция «органичного модерна» А. Турена и ряд других.

Так, представитель современной социальной критической теории Т. Маккарти выделяет две основные стратегии исследования модерна [1]. Первая репрезентирована деконструктивистской парадигмой осмысления модерна, представленная линией Ницше-Хайдеггер-Фуко-Рорти-Деррида. Вторая же стратегия – реконструктивистской парадигмой анализа модерна, заданная концепциями Г. Гегеля и К. Маркса, развитая представителями первого поколения Франкфуртской школы, и репрезентированная на современном этапе развития философского знания коммуникативно-прагматической теорией Ю. Хабермаса, концепцией признания А. Хоннета и др.

В качестве критерия для выделения данных подходов к анализу проекта модерн Т. Маккарти послужило отношение к кантовской трактовке идей разума как основы современной рациональности. Трансцендентальные идеи Канта имеют амбивалентную природу. С одной стороны, они выполняют синтетическую функцию по обеспечению принципов систематизации данных опыта, с другой стороны, ничто не соответствует им в эмпирическом мире, они принципиально беспредметны. При неверном употреблении идей разума в качестве конститутивных, т.е. при апплицировании на эмпирическую реальность, возникают ложные иллюзии и метафизические заблуждения.

Деконструктивисты полагают кантовские трансцендентальные идеи основанием логоцентризма модерна, источником заблуждений и псевдофилософских спекуляций. Поэтому они настаивают на необходимости деконструкции идей разума с последующим отказом от их применения. Реконструктивисты, напротив, считают, что в качестве предпосылки всякого когнитивного акта и рационального действия выступают именно трансцендентальные идеи. Соответственно, представители данной парадигмы исследования модерности как определяющего феномена современной культуры постулируют тезис о необходимости тщательной

реконструкции идей разума. Другими словами, если деконструктивисты полагают фундаментальные принципы модерна великой иллюзией и оказываются от них, то реконструктивисты пытаются сохранить ядро культуры модерна – рациональность, модифицировав некоторые ее принципы. Более того, представители реконструктивизма полагают тезисы деконструктивистов несостоятельными, поскольку последние, критикуя модерн, все же не выходят за пределы дискурса модерна.

Итак, Т. Маккарти, по сути, к деконструктивистам относит представителей постмодернизма, а к реконструктивистам – теоретиков современного философского неомодернизма. Позиция Т. Маккарти является достаточно обоснованной, но не учитывает воззрений тех современных мыслителей, которые выстраивают свое отношение к проблеме модерна в несколько иной системе координат. В данном случае имеется в виду философская оптика тех философов, которые занимают положение «между» постмодернистами и неомодернистами. К примеру, постмарксистская теория (Э. Лакло, Ш. Муфф).

Специфика постмарксистской стратегии исследования модерна состоит в ее «синтетическом» характере. С одной стороны, постмарксисты принимают тезис постмодернистов о кризисе модерна, но крахе одной его частной программы – программы самообоснования. С другой стороны, они поддерживают неомодернистскую идею незавершенности модерна с идеей необходимости признания не только проблем, порожденных проектом «современности», но и указанием его достижений в политико-правовой сфере.

Таким образом, тема модерна является одной из остро обсуждаемых тем современного философского знания. Многие представители современного философского дискурса вновь обращаются к анализу метаусловий модерна, но не с целью их радикальной критики, а с целью поиска его эвристического потенциала.

Литература и источники

1. McCarthy, Th. *Ideals and Illusions: On Reconstruction and Deconstruction in Contemporary Critical Theory.* – Cambridge; London, 1993.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Резанова Е. В. (Минск, Беларусь)

Начало XXI века ознаменовалось появлением первых стройных концепций социального капитала, его теоретико-методологического анализа и раскрытием социологической сущности данного понятия. Бурное развитие концепции социального капитала можно объяснить тем, что ее основоположники в весьма четкой форме определяют эффективное

функционирование современного общества и экономики в таких понятиях, как доверие, социальные сети, культурные нормы, ценности и т.д. В настоящее время это весьма актуально, поскольку в обществе стала доминировать исключительно высокая оценка социальных отношений, обуславливающих горизонтальную и вертикальную мобильность индивидов, а также консолидацию общественных институтов.

Дж. Тернер полагает, что социальный капитал – это силы, которые увеличивают потенциал экономического развития общества путем создания и поддержания социальных связей и моделей социальных организаций и действуют на макро-, мезо – и микроуровнях. Особо следует подчеркнуть значимость развития социального капитала на макроуровне, где социальный капитал представляет собой источник экономического роста, возникающий за счет формирования специфической локальной институциональной среды [1]. Ф. Фукуяма, Р. Патнем, П. Пакстон, И.Е. Дискин, В.Л. Римский, С.А. Шавель, С.Ю. Солодовников и др. занимаются изучением социального капитала на макроуровне.

Американский политолог Ф. Фукуяма проводит обширный кросс-культурный анализ социального капитала в разных странах, акцентируя внимание на том, что доверие и спонтанная социализированность создаются и передаются посредством таких культурных механизмов, как религия и традиция и имеют важные экономические последствия. Социальный капитал распределен между обществами неравномерно: в некоторых склонность к объединению и доверию явно сильнее, чем в других, да и сами формы ассоциации могут значительно различаться. Где-то первичная форма ассоциации – семья и родство, где-то есть крепкие добровольные ассоциации, которые могут перетягивать людей к себе, уводя их из семьи. Различные социальные повадки являются результатом воспитанного традицией этического навыка и поведения [2].

Российский ученый И.Е. Дискин делает акцент на изучении национального и глобального социального капитала. По его мнению, национальный социальный капитал характеризует обобщенный вклад социальной организации общества в эффективность общественного производства через сокращение транзакционных издержек. Национальный социальный капитал можно представить в виде одной из компонент производственной функции наряду с денежным и промышленным капиталом, человеческим капиталом и научно-техническим прогрессом. В свою очередь, глобальный социальный капитал выступает аналогичным фактором глобального производства, обеспечивающим существенное сокращение транзакционных издержек, рост эффективности мировой экономики. Развитие глобального социального капитала выступает как одна из сущностных характеристик нового этапа развития социально-экономических отношений в мире [3].

Белорусский ученый С.А. Шавель, в свою очередь, рассматривает социальный капитал как источник инновационного развития, акцентируя внимание на том, что «необходимо сохранить житейские представления о

богатстве человеческих связей как ресурсе и, вместе с тем, соединить экономическое учение о капитале и социологическое понимание феномена социальности» [4, с. 22]. Социальный капитал рассматривается в качестве «пакетного понятия» ввиду сложности его структуры, состоящей из различных элементов, разграничить которые не представляется возможным, и полагает, что социальный капитал общества не сводится к сумме субкапиталов низших уровней и представляет собой дополнительный ресурс, возникающий благодаря упорядочению и координации всех факторов и условий общественной жизни, создающих атмосферу доверия в отношениях между людьми, определенность ожиданий, самосохранение целостности и возможности самореализации личности [4].

Влияние социального капитала на экономические отношения в Республике Беларусь рассматривает в своих работах белорусский ученый С.Ю. Солодовников. По мнению ученого, социальный капитал возник на заре человеческой истории вместе с развитием трудовых отношений, разделением труда и социально-классовой дифференциацией индивидов. Поэтому эффективное развитие трудовых отношений невозможно без использования социального капитала. Именно в процессе становления общества разделенного труда формировались такие важнейшие составляющие социального капитала как обязательства, ожидания и надежность структуры; возможность получения информации с наименьшими издержками; существование норм и эффективных санкций; относительная замкнутость и апроприативность [5]. Таким образом, в развитии социального капитала на уровне общества ключевую роль играет общественное разделение труда, в результате которого формируются основные структурные элементы социального капитала.

Специфическим свойством социального капитала по мнению белорусских ученых является то, что совокупное количество социального капитала в обществе не является суммой социальных капиталов всех его субъектов. Во-первых, некоторые проявления социального капитала существуют лишь на уровне социума. Во-вторых, социальный капитал может использоваться социально-классовыми субъектами не только на благо всего общества, но и с целью эгональной оптимизации своей социально-экономической жизненности, что вступает в противоречие с интересами других классов и групп, государства и социума. В социальных системах с социально-классовыми антагонизмами это приводит к использованию социального капитала, накопленного внутри социальных классов, прежде всего для классовой борьбы, что может снижать действие социального капитала на уровне общества и понижать продукционный эффект от функционирования национальной экономической системы [5].

Таким образом, ученые, исследующие социальный капитал на макроуровне, полагают, что недостаточное внимание к данному феномену приводит к ослаблению институтов общества, в результате чего у населения формируются негативные ожидания в отношении различных механизмов функционирования государства. Кроме того, возможны негативные

последствиях развития различных структурных элементов социального капитала, изучение которых не должно выпадать из поля зрения исследователей, занимающихся изучением социального капитала в институциональном контексте.

Литература и источники

1. Стрельникова, Л.В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // *Общественные науки и современность*. – 2003. – №2. – С. 33–41.
2. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и пути к их процветанию. – М., 2004.
3. Дискин, И.Е. Социальный капитал в глобальной экономике // *Общественные науки и современность*. – 2003.–№5.– С. 150–159.
4. Шавель, С.В. Социальный капитал как источник инновационного развития // *Социология*. – 2008. – №1. – С. 16–35.
5. Солодовников, С.Ю. Социальный капитал Республики Беларусь // *Демографическая ситуация, человеческий и социальный капитал Республики Беларусь: системный анализ и оценка*. – Минск, 2008. – С. 205–358.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Сабирзянова И. В. (Донецк, Украина)

Современный миропорядок как способ целерациональной организации международных отношений – это процесс формирования глобального институционального пространства, предполагающего координацию противоречивых интересов международных субъектов на основе общепринятой системы норм и правил взаимодействия. Данный процесс постисторического развития человечества сопряжен с актуализацией неразрешимых противоречий во всех сферах, причем все чаще трансформационные процессы затрагивают не столько область экономических интересов, сколько – сферу политическую. Глобализируются демократические процессы и правовые структуры. Современное мироустройство представлено не столько отдельными странами, а скорее политическими, экономическими межгосударственными объединениями, которые и выступают в качестве движущих сил исторического прогресса (ООН, НАТО, ЮНЕСКО, ЕС, СНГ, БРИКС и др.). «Конец истории» ознаменовался общей мировой в эпоху глобализации тенденцией утраты национальными государствами своих позиций, как субъектов мирового исторического процесса; сделав их границы «прозрачными» для реализации стратегий транснациональных корпораций и объединений.

Именно в глобальной перспективе актуализируется проблема поиска стратегии межкультурной коммуникации отдельных народов и этнических общностей, проблема поиска способов сосуществования в едином мировом

пространстве в условиях процесса взаимопроникновения и взаимного обогащения культур с одной стороны, а с другой – постоянного состязания культур, в пространстве которого мы наблюдаем межнациональные, религиозные конфликты культурно-исторических общностей как на межгосударственном уровне, так и внутри полиэтнических государств. В любом полиэтническом государстве возникает проблема формирования и реализации такой адекватной политики, которая отвечала бы интересам общества и способствовала созданию гармоничной модели этнополитического развития.

Выступая составной частью любой национальной культуры, ее национально-специфическим компонентом язык, как один из видов человеческой деятельности, способствует тому, что культура может выступать как средством общения (интеграции), так и способом дезинтеграции людей. В содержательной составляющей языка закрепляется на уровне архетипов ментальная картина этноса или нации, народа, которая и выступает фундаментом всех стальных представлений культуры – стереотипов. «Язык – это путеводитель в «социальной действительности»... Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе... В действительности же «реальный мир», в значительной мере, неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [1, с. 130–131].

Язык создает нас такими, каковыми мы есть, причем не столько в особых случаях употребления языка, сколько в постоянно действующих общих законах и повседневной оценке им тех или иных явлений [2, с. 158].

Определяя стереотип как «...схематичный и односторонний образ в голове человека, какого-либо явления, личности, вещи и одновременно – мысль о нем, усвоенную из окружающей среды еще до познания самого объекта» [3, с. 409], поместим его в контекст социального взаимодействия. Здесь стереотип рассматривается как некая «модель» действия, которая связана с выбором той или иной стратегии и тактики поведения в определенной ситуации – это так называемые языково-поведенческие стереотипы.

Стереотипы обладают ментальной специфичностью и соотносятся с повседневной картиной мира. С одной стороны, стереотипы облегчают процесс коммуникации, но с другой – социальные, национальные, расовые, профессиональные, идеологические – могут выполнять и деструктивную функцию в процессе общения, приводя к интолерантности коммуникаций [4, с. 67]. Они также выступают как основания оценочной деятельности, причем достаточно схематичной. Стойкость, повторяемость, упрощенность, обобщенность, образность, схематичность, эмоциональность являются основными характеристиками стереотипов. Функции стереотипа могут быть определены исходя из психологической или социологической трактовки феномена. В. Липман указывал на психологическую функцию стереотипа как

экономии усилий в познании мира, и общественную, как защиту общественной позиции [3, с. 211–212]. Безусловно, общественная функция может быть охарактеризована как стабилизирующая, потому, что дает человеку ощущение безопасности и защищенности, приспособления к действительности.

Анализ коммуникативного поведения разных народов позволяет выявить совокупность коммуникативных признаков (правил, норм), которые могут быть соотнесены с принципами толерантности в общении, или, наоборот, будут свидетельствовать о не толерантном коммуникативном поведении.

Эволюция общественного сознания способствовала переосмыслению понятия толерантности, расширив значение данной категории, придав ей модус глобальности. Толерантность – это диспозиция, расположенная между добродетелью, равнодушием и скрытым макиавеллизмом [5, с. 161]. Ее позитивная сторона состоит в том, что она позволяет свободно циркулировать в обществе различным точкам зрения. Толерантность в отношениях между народами приобретает новую окраску – желание понять чужую культуру, обычаи, отнестись к ним с уважением. В то же время, по мере ускорения темпов глобализации стали все заметнее проявляться и негативные стороны этого процесса. Основными проблемами сегодня становятся нетерпимость, агрессия, ксенофобия. Отставание в экономическом развитии, разнообразие религий, культур, этносов становится источником проявления интолерантности. Необходимо отметить, что важным фактором, влияющим на уровень толерантности, является тип культуры: агрессивно-нетерпимая или толерантная, которые могут быть соотнесены со степенью социальной удовлетворенности. Ее высокий уровень способствует проявлению толерантности, низкий – препятствует. К сожалению, отношения между людьми, общественными группами, национально-государственными общностями не становятся более справедливыми, и не стимулируют рост культуры толерантности в глобализующемся мире [6, с. 145–148]. Показавшаяся первоначально эффективной формой противодействия указанной тенденции в последние годы идея и практика мультикультурализма, предполагающая возможность, и даже необходимость сосуществования этнических общин, представляющих различные культуры, в действительности оказалась «миной замедленного действия» в процессе «мягкой» ассимиляции европейского социального пространства этническими меньшинствами.

Вопрос лингвистической политики относится к главенствующим в этно-национальной стратегии и перспективах развития многонациональных государств. Еще свежи и болезненны последствия пренебрежения, не толерантного отношения к решению подобных вопросов в новейшей истории стран, европейский вектор развития которых, в силу своей избирательности, не считал возможным учесть исторический опыт тех же европейских демократий, доказывающих, что жизнеспособной является такая толерантная государственность, которая не требует от своих граждан диктата единого

языка (например, опыт Бельгии, Испании, Финляндии).

Все вышеперечисленные примеры свидетельствуют о понимании того, что возрастающий уровень экономической, социальной и культурной интеграции государств вызывает к жизни необходимость формирования адекватной толерантной политики и стратегии, разумно сочетающей как учет национальных особенностей и стереотипов, так и наиболее успешные варианты решения вопросов межнациональной коммуникации. Формирование конструктивных этностратегий на сегодняшний день является важнейшей составляющей программ государственного управления.

Литература и источники

1. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. – М., 2003. – С. 127–138.
2. Уорф, Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. – М., 2003. – С. 157–201.
3. Дербишайр, Д. Политические системы мира / Д. Дербишайр, Я. Дербишайр. – М., 2004.
4. Илишев, И.Г. Язык и политика в многонациональном государстве (политологические очерки). – Уфа, 2000.
5. Марсель, Г. Опыт конкретной философии. – М., 2004.
6. Асмолов, А.Г. На пути к толерантному сознанию. – М., 2000.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Симановский С. И. (Минск, Беларусь)

В условиях глобализации геополитические процессы наполняются новыми противоречиями, которые ведут к появлению новых форм политического противоборства, возрастает количество внешних и внутренних угроз. В связи с этим возникает потребность определить структуру основных элементов белорусского геополитического ресурса. Этот анализ необходим для Республики Беларусь в целях эффективной защиты государственного суверенитета, реализации национального интереса и обеспечения национальной безопасности.

Геополитический ресурс формируется комплексным развитием совокупного потенциала страны и внешними факторами, которые влияют на его дальнейшее совершенствование. Основными его компонентами являются: *политический, социальный, демографический, научно-технический, информационный и интеллектуальный* факторы.

Все составляющие ГР показывают взаимную зависимость внешних и внутренних позиций страны. Чем более развитой оказывается каждый фактор, тем более устойчивой является позиция государства на международной арене. Совокупность эффективно развитых составляющих геополитического ресурса страны формирует мощный динамический социум,

который имеет возможность максимально использовать свой геополитический потенциал.

Геополитическое положение Беларуси характеризуется тем, что она находится в центре Европы, на стыке цивилизаций и геополитических интересов великих держав. Современная геополитическая ориентация Беларуси складывается под влиянием ряда геоэкономических и военно-стратегических факторов. Географическое положение страны в центре Европы на пересечении важных транспортных коммуникаций позволяет выгодно его использовать для стимулирования экономического развития и усиления своих позиций в региональной политике. Традиционно Беларусь находится в зоне геостратегического внимания России, что нужно использовать в своих национальных интересах.

Объективная реальность геополитического положения Беларуси сегодня – это развитие политической и экономической интеграции в рамках СНГ. Здесь приоритетными по многим направлениям являются белорусско-российские отношения. Россия – основной политической и экономической партнер Беларуси. Она представляет собой главный рынок сбыта продукции для белорусской промышленности, сельского хозяйства, а также является основным поставщиком энергетических и сырьевых ресурсов.

С другой стороны, центрально-европейское положение Беларуси делает ее привлекательным партнером и союзником для западноевропейских стран, которые желают видеть ее в качестве стабильного и предсказуемого партнера. Все это обуславливает необходимость проведения *многовекторной внешней политики*, которая предусматривает многочисленные направления ее реализации.

Одним из важных ресурсов Беларуси является фактор развитой транспортной инфраструктуры и эффективного использования образовательного, интеллектуального капитала.

На уровень социально-политического потенциала страны значительное влияние оказывает социально-политическая стабильность, особое значение при оценке которой имеет уровень политического риска. По оценкам международных экспертов уровень политического риска в Республике Беларусь является одним из самых низких по СНГ, свидетельством чему является отсутствие социальных конфликтов на национальной, религиозной, расовой, идеологической и экономической почве.

В современном обществе главным богатством является человеческий потенциал, а интеллект нации становится реальным двигателем и определяющим фактором прогресса. По мере продвижения процесса глобализации человеческий потенциал становится важнейшим ресурсом, который не имеет аналогов. Поэтому любые барьеры на пути развития человеческого потенциала страны, независимо от характера и конкретных причин, вызывают отрицательные демографические, социальные, экономические, политические, геополитические и иные последствия. Можно констатировать, что вложения в развитие человека становятся не необходимыми издержками, а самыми эффективными инвестициями. В

странах с недостаточным количеством природных ресурсов инвестиции в человеческий потенциал являются особенно важными с точки зрения политического и экономического развития этих государств и, как следствие, их общего развития.

Основным показателем демографического ресурса страны является ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала). По данным ООН Беларусь в 2015 году поднялась на 50 место в мире и входит в группу стран с высоким уровнем развития.

Научно-технический ресурс – это способность создавать и эффективно внедрять собственные наукоемкие технологии, присутствие на мировом рынке технологий в качестве равноправного партнера. По оценкам ООН, Беларусь имеет высокий научно-технический потенциал. В Беларуси доля высоко- и среднетехнологических товаров в общем экспорте составляет 47%.

Уровень научно-технического потенциала и имеющиеся передовые информационные технологии влияют на возможности конкуренции и равноправного партнерства в международном сотрудничестве в сфере информации для Беларуси. По основным показателям, учитываемым при расчете Индекса технологического развития, Беларусь не уступает странам-лидерам и потенциальным лидерам, но существенно отстает от них в таких сферах, как коммерциализация технологических достижений, развитие телекоммуникационной сферы и Интернета. Недостаточно высокий уровень экономического развития Беларуси определяет также скромное присутствие нашей страны в мировом информационном пространстве. По этой причине основные функции по реализации внешней информационной политики Республики Беларусь возложены на дипломатические представительства за рубежом, материальные возможности которых весьма ограничены.

Интеллектуальный потенциал призван обеспечивать стабильный рост макроэкономических показателей и укреплять национальную безопасность страны через усиление значения геоэкономического и геоинформационного факторов в современных условиях.

Таким образом, объективную роль политико-пространственного фактора в обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь отражает геополитический ресурс страны, который складывается из совокупности качественных и количественных характеристик таких основных его компонентов, как социально-политический, геоэкономический, демографический, научно-технический, интеллектуальный.

Геополитический ресурс позволяет оценить место и роль страны в системе международных отношений, а степень развития всех компонентов геополитического потенциала позволяет выявить уровень защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В результате постоянного и объективного воздействия на него политико-пространственного фактора степень развития элементов геополитического ресурса по отношению друг к другу является непостоянной, и они могут как взаимно дополнять, так и взаимно заменять друг друга, поэтому он является величиной динамичной и относительной, находящейся под постоянным

воздействием политико-пространственных изменений как в стране, так и в мире.

Анализ компонентов геополитического ресурса Республики Беларусь позволяет сделать вывод о том, что уровень его развития является достаточным для проведения качественной перестройки во всех сферах жизнедеятельности общества с целью более интенсивного участия в процессах глобализации и ускорения процесса перехода к постиндустриальной экономике.

КАК ДАЛЕКО ДО НООСФЕРЫ?

Сыкало А. И. (Минск, Беларусь)

Стремительное развитие цивилизационных рисков требует непрерывного обобщения глобальной феноменологии перемен и анализа перспектив развития человека и общества. На наших глазах меняется число, раскрывается содержание и смещаются приоритеты цивилизационных рисков. Цивилизационный кризис перестает быть чисто экологическим (исчерпание невозобновимых ресурсов, загрязнение планеты, надвигающаяся климатическая катастрофа и снижение биоразнообразия), он приобретает все более явные черты кризиса гуманитарного и этического, напрямую разрушающего индивидуальное и общественное сознание (глобальная дебилизация населения, снижение аксиологической безопасности, дегуманизация и деморализация человека и общества). Результат разрушения этического императива – нарастающая аномия общества и утрата аксиологической безопасности.

Сегодня можно утверждать, что первое вытекает из второго и изменять для возврата к устойчивому развитию надо не только и не столько природу и технологии («покорение» природы с помощью техники и технологий), сколько человека и общество, нынешний цивилизационный формат (проектирование и конструирование психосоциальных программ и генетической «элементной базы» человека и общества). Вопрос о выживании человечества и жизни на планете перешел из сферы технологии, политики и экономики в сферу гуманитарную и, прежде всего, в сферу социальной психологии и философии. Для построения нового цивилизационного формата нужны новые цивилизационные смыслы и новые ориентиры развития.

Направленное изменение индивидуального сознания переместилось от психотерапевтов к политтехнологам и насилие над разумом стало рассматриваться как экономный и эффективный инструмент достижения прежних региональных и глобальных политических стратегий и целей, оружие массового поражения, не подпадающее под уже существующие международные запреты. Необходимо, как и в случае овладения ядерной энергией, создать альтернативный мирный инструмент развития и

общественного прогресса. Такой инструмент уже есть в арсенале психоаналитиков и психотерапевтов – освобождение пациентов от разного рода зависимостей. Его лишь надо адаптировать к задачам предотвращения цивилизационной катастрофы и обеспечить ему системный и глобальный способ применения. В минимальном варианте и индивидуальном исполнении это четыре шага. В цивилизационном масштабе, где реализация проекта осложнена разнообразием субъектов геополитики, этнической и религиозной спецификой, культурными и экономическими возможностями, таких шагов должно быть минимум пять.

Шаг первый – осознание идущей глобальной катастрофы. Этот шаг декларирован в материалах первого Саммита Земли (Рио-де-Жанейро 1992 год). Тогда, впервые в истории человечества, Генеральной Ассамблеей ООН был принят уникальный документ – «Повестка на XXI век», обозначивший необходимость и достаточность экологического императива в коэволюции человека, природы и общества. Этот документ ратифицирован и тиражирован правительствами всех стран в нескольких последовательных редакциях Национальных стратегий устойчивого развития стран-членов ООН. Тем не менее, 99% населения планеты спустя 25 лет не осознают реальность и неизбежность наступающей цивилизационной катастрофы и не понимают необходимости и механизмов возврата человека, природы и общества к устойчивому развитию.

Шаг второй – осознание причин, вызвавших глобальную катастрофу. Пока осознание причин подменяется научным анализом следствий как на уровне индивидуального, так и на уровне общественного сознания. Табу на анализ причин связано с радикальным отличием нынешнего цивилизационного формата от формата, диктуемого экологическим и этическим императивами устойчивого развития. Переход от парадигмы успешности и богатства либерального общества растущего потребления путем конкуренции капиталов к ноосферному обществу устойчивого развития на основе следования экологическому и этическому императиву и единому формату удовлетворения потребностей на уровне человеческого достоинства, только начинает обсуждаться в научном и политическом сообществах и отторгается инерционным индивидуальным и массовым сознанием.

Шаг третий – понимание возможности предотвращения глобальной цивилизационной катастрофы. Он сделан наполовину. Следование принципу ZW – (нулевые отходы замкнутых технологических циклов и безотходных технологий на вторичных ресурсах) и ZC – (переход на альтернативные источники энергии без выброса углерода в атмосферу) обеспечивает соблюдение экологического императива необходимого и достаточного для возврата системы природа – общество к устойчивому развитию. Как изменить человека и общество, чтобы обеспечить всеобщее и обязательное исполнение экологического императива при переходе к ноосферной цивилизации? Этот вопрос чаще игнорируется, реже становится предметом слабо аргументированных дискуссий и пока далек от окончательного

решения.

Шаг четвертый – осознание возможности предотвращения глобальной катастрофы путем изменения образа жизни и перехода к иным этическим основаниям. Научным сообществом осознана необходимость, но не аргументирована в должной мере и не озвучена в терминах и традициях социального проектирования возможность отказа от биотического принципа конкуренции в пользу социального партнерства при формировании общественных и межличностных отношений. В условиях цивилизационного кризиса сравнивать «эффективность» экономического человека и человека социального бессмысленно. Конкуренция в современных реалиях – абсолютное зло, ведущее к гибели, партнерство столь же абсолютное добро, ведущее к неограниченному временем устойчивому развитию человека и общества. Предваряя возможные возражения о неизбежности субъективности выбора критериев добра и зла, необходимо напомнить, что наука развивается субъектно, но реализуется объектно и, если мы ставим вопрос о добре и зле в рамках и с позиции научной картины мира, объективизация этих и иных понятий обязательная процедура научного и проектного исследования. Добро – все то, что способствует устойчивому развитию человека, природы и общества, зло – все, что препятствует ему.

Шаг пятый – реализация глобального психосоциального проекта без права на ошибку. В индивидуальной психоаналитической практике отсутствие успеха – проблема одного отдельно взятого пациента и ухудшение статистики результативности метода. В глобальном масштабе это гибель всего живого на планете без возможности повторной попытки. Региональные и национальные проекты фрагментарного перехода к устойчивому ноосферному развитию предпринимаются повсеместно и настойчиво, но носят они декларативный характер и, в таком качестве, не тормозят и не останавливают негативных тенденций сползания человечества в пропасть цивилизационной катастрофы. Метод проб и ошибок в социальном проектировании должен быть табуирован и отброшен во избежание катастрофы, уступив место дорожным картам индивидуального и общественного социального и духовного развития на основе научной теории, разработанной философами и социологами, понятой и принятой как идеология и смысл существования и развития человека и общества.

Нет никаких объективных запретов или, даже, препятствий, чтобы все больше людей и прежде всего, субъектов финансовых и властных элит, принимали к исполнению императивную этику устойчивого развития. Новый нравственный императив, необходимый и достаточный для предотвращения цивилизационной катастрофы путем перехода от общества потребления и экономического человека к социальному и духовному человеку и ноосферному рациональному обществу, находит все больше понимания в умах и душах думающих людей. Но одновременно идет и обратный процесс, носящий объективный характер – глобальная «дебилизация» населения и обусловленная ею аномия общества, разрушение аксиологической безопасности и дегуманизация человека и общества.

По солидарному мнению многих экспертов из разных областей науки, культуры, экономики и политики, время для принятия решения о смене цивилизационного формата и его реализации осталось очень мало – до середины нынешнего XXI века – точки невозврата в современной человеческой истории. Никакой ресурс кроме информационного, опирающегося на авторитет и возможности науки, не способен осуществить в столь короткие сроки столь масштабные изменения в индивидуальном и массовом сознании. Инструментом реализации должно стать реформированное образование, интернет, СМИ, научное и экспертное сообщество. Ноосфера по историческим меркам рядом, но мы рискуем не дойти до нее, если не передадим науке властные и финансовые рычаги развития рационального общества.

СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И НАДНАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Татарская А. Е. (Минск, Беларусь)

Глобализация политики, экономики, культуры и интеграция мирового сообщества – процессы объективные и закономерные [1]. Современное национальное государство и право испытывают на себе существенное воздействие процесса глобализации, и национальное право имеет свои тенденции развития в этих условиях. Закономерностью становится глобализация правовых систем, что предполагает их приведение в соответствие с международными стандартами [2].

В литературе термин «глобализация» определяется как доминирующая единая общемировая система, возникшая в результате интеграции национальных экономик, основанная на беспрепятственном перемещении капиталов, информационной открытости, быстром техническом обновлении, коммуникационном сближении, планетарной научной революции, межнациональных социальных движениях, унификации права. Процессы глобализации в значительной степени затронули уровень национальных правовых систем, равно как и международное право [1].

Говоря о глобализации в праве, следует отметить «наднациональное право». В целом, понятие «наднациональность» характеризуется следующими признаками: передача государствами-членами части своих суверенных полномочий международной организации; наделение данной международной организации соответствующей компетенцией по реализации переданных ей полномочий; определенная степень независимости от государств-членов в решении тех или иных проблем, находящихся в ее компетенции; принятие решений на основе консенсуса или большинства голосов; обязательный характер решений, которые имеют приоритет над национальными законами, и для их вступления в силу не требуется

предварительной ратификации на национальном уровне; решения касаются прав и обязанностей не только государств, но также их граждан и юридических лиц – резидентов; существование эффективной системы судебной защиты таких решений и системы исполнительного производства и др [2]. Таким образом, под наднациональным правом предлагаем понимать совокупность правовых норм, полученных в результате выработки единого регулирования тех или иных вопросов в рамках интеграционных образований, и имеющих большую юридическую силу, чем акты национального законодательства соответствующих государств.

На сегодняшний день в мире идут активные интеграционные процессы. Республика Беларусь является участницей ряда межгосударственных образований: СНГ, Союзного государства, ранее ЕврАзЭС, Таможенного союза, а с 1 января 2015 г. – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [3]. Следовательно, для нашего государства также актуальным является вопрос соотношения национального и международного права, гармонизация норм права в условиях интеграции.

Согласно ст.8 Конституции Республики Беларусь, государство признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. В соответствии со ст. 59 Конституции, государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией.

Так, согласно п. 13 Положения Евразийской экономической комиссии (постоянно действующий регулирующий орган Евразийского экономического союза) в пределах своих полномочий она принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов, распоряжения, имеющие организационно-распорядительный характер, и рекомендации, не имеющие обязательного характера. Решения Комиссии входят в право Союза, и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов [4].

Что касается Европейского союза (далее – ЕС), то для Беларуси, которая не является государством-участником ЕС и не входит в состав Совета Европы, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) в формальном отношении не является юридически обязательным документом. Однако по существу в белорусском государстве практически все нормы ЕКПЧ восприняты и получают свое развитие в законодательстве и на практике. Следует отметить, что редакция статей принятой в 1994 г. Конституции готовилась с учетом ЕКПЧ, а также сформированной практикой Европейского Суда по правам человека [5].

Взаимодействие белорусского национального права с европейской и евразийской правовыми системами – это процесс согласования правовых систем для достижения общих целей. Это процесс односторонний: совершенствование национального законодательства с учетом международных стандартов.

Таким образом, правовая система не может существовать в замкнутом пространстве. Процессы интеграции и глобализации все большее влияние оказывают на национальные правовые системы, соответственно, всем более очевидным становится процесс интернационализации права [5]. Глобализация влечет расширение сферы правового регулирования, т.к. только посредством единых подходов в праве в ряде областей можно обеспечить решение вопросов, важных для всего человечества.

В условиях активной интеграции глобализации правовых систем является необходимой, поскольку интегрирующие страны ставят перед собой единые цели, достижению которых способствуют нормы права. Однако государствам следует разумно унифицировать свои нормы права на наднациональном уровне, чтобы максимально соблюсти свои национальные интересы.

Литература и источники

1. Горшунов, Д.Н. Влияние процессов глобализации на правовые системы России и Беларуси // Проблемы управления. – 2007. – №3. – С. 162–166.
2. Даргель, В. Соотношение наднационального и межнационального начал в Евросоюзе // Власть. – 2011. – №10.
3. Василевич, Г.А. Интеграция как фактор развития национальной правовой системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/122177/1/vasilevich_management_customs_2015.pdf.
4. Василевич, Г.А. Национальное государство и право в условиях глобализации // Проблемы управления. – 2008. – №1. – С. 12–18.
5. Василевич, Г.А. Интеграционные процессы – важнейший фактор развития белорусского государства // Весці Нацыянальнай Акадэміі Навук Беларусі. – 2009. – № 1. – С 36–43.

ТЕХНОГЕННЫЙ ПРОГРЕСС ОБЩЕСТВА И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Усовский В. Н. (Минск, Беларусь)

Эпоха Нового времени дала старт тотальной смене христианской картины мира. Новоевропейская цивилизация построена на ритмах текущего времени, которое исключает вечность, положенную в основу христианства. Новоевропейская парадигма основывается на полной автономии человеческого самосознания, пронизанного механистическим рационализмом, что привело к господству принципа «человеческое, слишком человеческое». Христианская сущность природы человека, построенная на «трансцендентном божественном естестве» отрицается автономным человеком, который ощутил в своем самосознании наличие неограниченных интеллектуальных потенций. Это привело к теории тотальной рационализации человеческим разумом внешнего объекта (природы) и самого себя, а также к мысли о бесконечном прогрессе общества. На первое

место вышла вторая сторона природы человека, его человеческое естество, стремящееся к своевольному поведению и отрицанию бытия Бога-Творца. Позитивизм утверждает, что автономный человек обладает интеллектуальными возможностями к бесконечной познаваемости мира явлений, а потому тотальному конструированию субъектом внешнего объекта. Техногенная рационализация бытия человеком ведет к десакрализации мира. Гносеологическая установка мышления ведет к деонтологизации мира. Ментальные конструкции человеческого сознания приобретают решающую силу, однако они упираются в объективные пределы христианского Бытия.

Философия Нового времени радикально переформулировала сущность бытия, придя к выводу о том, что объективное – это не Абсолют, а то внешнее, что конструируется человеком. В основе переворота в мышлении лежит утверждение, что не сотворенное Богом существо, ставшее по своей свободной воле греховным, а автономное существо, создавшее себя само (*self-made man*) является конструктором бытия. В античности и средневековье идеалом знания было уподобление разума человека Абсолюту, поэтому природа вещей (*res*) носила сакральный характер объективного и умопостигаемого всеобщего в иерархии бытия. Идеалом знания в Нового времени становится достоверное знание того, что человек может полностью контролировать своим сознанием, т.е. то, что создано его мыслью и руками. На неорганической (механической) интуиции искусственного (техногенного) предмета, созданного человеком, строятся идеалы новоевропейской цивилизации. Принцип конструирования новых вещей – продуктов труда человека, созданных его умом и руками, был положен в фундамент идеала и понимания сущности вещей. В экономике была сформулирована цель максимального удовлетворения динамично изменяющихся потребностей людей, которая превратилась с целью развития общества в целом. Это привело к овеществлению и деперсонализации человеческих отношений.

Новое время отвергло непосредственную интуицию бытия, сформировав идею об опосредованности бытия сознанием автономного человека. В основе античной цивилизации лежит языческая интуиция Космоса как живого трепещущего одухотворенного организма, что делает античное мировоззрение онтологическим, объективным и телеологическим. Единое как трансцендентальное условие возможности всего сущего из своего животворящего лона порождает Космос. Разумные цели одухотворенного организма лежат в устройении вечной и неизменной структуры интеллигибельного бытия. Античный человек является истечением космической эманации Единого. Эманация Единого представляет собой выталкивание рожденного плода из соединения двух зрелых производящих существ мужского и женского рода. Такая самопорождающая модель органического мира (*φύσις*) не приемлема для новоевропейского сознания, понимающего природу как натура (*natura*), т.е. искусственное создание, конструируемое разумом человека, по его критериям. Природа (*natura*) понимаемая как искусственный и рационально действующий механизм

полностью утрачивает внутренние цели спонтанного саморазвития живого организма (φύσις).

Человек обладает непосредственным ощущением бытия в христианстве и язычестве, так как он верит в вечность Абсолюта. Опосредованное ощущение бытия возникает у человека Нового времени, т.к. он видит природу (материю) через рациональную призму созданного человеком продукта его труда. Человек приписывает природе искусственно созданную им рациональную конструкцию, отрицая за нею спонтанную разумность (одухотворенность) – φύσις. В природу (natura) принудительно встроена человеческая рациональность искусственного механизма, т.е. природа просветлена человеческим разумом. Она светится как Луна отраженным светом Солнца, где Солнцем является человек-конструктор внешнего мира и самого себя.

Природа человека сформирована на двух противоположных принципах – трансцендентном Божьем и своевольном субъективном человеческом естестве. Эта двойственность внутренне присуща человеку и является причиной его противоречивой единичной природы. С одной стороны, человек – это Божье творение, которое живет естественным чувством любви бескорыстия и милосердия. С другой, человек живет естественным эгоистическим инстинктом самосохранения, рассматривая объект с точки зрения утилитарной полезности для своего самоосуществления. Самовластная эгоистическая интуиция была гипостазирована человеком Новой Европы в его имманентном естестве.

Место науки в деле спасения души человека от вечной гибели в средневековье было вторичным и подчиненным, так как она была направлена не на поиск вечного смысла жизни человека, а для лучшего устройства мирской жизни. Средневековая наука была направлена на внешний утилитарный предмет устремлений человека, включенный в трансцендентное бытие вечности. Христианство предупреждало о том, что наука может превратиться в объект самодовлеющего и праздного любопытства человека. Утилитарный позитивизм породил сциентизм, а точные математизированные науки стали неадекватно оценивать природу человека. Сциентистская тенденция оторвала интеллектуальное познание от совести и сердца человеческого духа, жестко противопоставив их. Поэтому прогресс техногенного общества движется в сторону обратную от процесса самосовершенствования духовно-нравственной природы человека.

Новоевропейский человек стал искать внутри своего автономного сознания рассудочные порядки естественного разума, опирающиеся на эго, которые по своей природе не совпадают с Божьими заповедями. Это привело к радикальному пересмотру основ познания человеком мира и самого себя. Мировоззрение Нового времени построено на идее, что человек – сам по себе есть активная производящая причина, а также последняя причина своего существования помимо воли Божьей. Атеист стал приписывать себе вечные качества субстанции, Бытия, хотя осознает, что тленен, временен и смертен. Фундаментальные сдвиги в сознании человека позволили ему изменить

формулировку объекта науки в XV–XVIII вв. Возникла установка на активное использование науки в мирских целях человека. Наука Нового времени исходит из интенции эффективного овладения внешним объектом (природа, человек, общество), который рассматривается как искусственно созданный механизм. Человек активно воздействует на природу для получения результатов и их приспособления для утилитарных потребностей. В этой установке мышления доминирует принцип искусственного преобразования природного субстрата (в том числе и природы человека) и создание нового сконструированного человеком предмета. Знание превратилось в силу и движитель прогресса. Теория сознания в философии Нового времени развивалась автономно от христианской этики, направленной на духовное самосовершенствование человека, борющегося со своими греховными страстями. Принцип конструирования объекта исходит из самодовлеющей экспансии и инженерного подхода. Они обладают чисто интеллектуальным характером, игнорирующим духовно-нравственную жизнь человека. Этика подверглась процессу рационализации, утилитарное начало прочно вошло в ее духовную плоть. Выгодное стало истинным, превратившись в утилитарную «этику», которая лишена бескорыстия христианской любви.

Естественное побуждение человека к эгоизму приводит к тому, что его сердце не благоговеет, совесть начинает засыпать, разум входит в состояние помутнения, воля становится злокозненной, душа растворяется в имманентном мире страстей, закрываясь от трансцендентных ценностей. Благочестие христианина подменяется формальной секуляризированной моралью земного мира, которая обслуживает утилитаризм жизненного уклада светских людей. В Новое время произошла гипертрофия деперсонифицированного индивидуума, потерявшего интуиции духовного религиозного опыта, в котором христианин ощущает присутствие Абсолютной Личности Бога-Творца в молитвенной связи с Ним, где время человеческой жизни входит в Вечность. Наступает эпоха деизма, когда человек наглухо закрывал себя от провиденциальной воли Божьей. Новоевропейский человек стал воспринимать свой опыт как чисто эмпирический опыт рациональных причинно-следственных связей, носящих естественный характер, локализованный феноменальным временным Миром, совершенно оторванным от связи с Богом-Творцом. Во временной системе координат в душе человека исчезает Вечность. В этом состояла трагедия человека, превращающегося в утилитарного индивидуума. Начался процесс деперсонализации личности, что выражается в утрате связи с горним миром. Новоевропейская философия стала нащупывать тупиковые границы своего жизненного мира и дальнейшего пути. Человеческая жизнь сводится исключительно к эмпирическому опыту повседневной деятельности в Мире, на чем была построена саморефлексия автономного свободомыслящего Я над собственным эмпирическим опытом, ограничивающим душу человека временным существованием и закрывающим окно в Вечность Бытия.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Хворостов А. Ю. (Новокузнецк, Россия)

Глобализация, как процесс всемирной экономической, политической, культурной, религиозной и иной социальной и государственно-правовой интеграции и унификации, предполагает, в первую очередь, миграцию капитала, рабочей силы, производственных ресурсов и производительных сил, межгосударственное разделение труда, стандартизацию национального законодательства на основе норм международного права, экономических и технологических процессов, конвергенцию культур разных стран. Т.е. глобализация носит зависимый характер и зависит от всех интегрирующих субъектов, вовлеченных в данный процесс.

Впервые слово «глобализация» было употреблено Карлом Марксом, который в свое время в одном из писем Энгельсу писал: «Теперь мировой рынок существует на самом деле. С выходом Калифорнии и Японии на мировой рынок глобализация свершилась» [1].

С того времени выделяют не только экономическую глобализацию, основанную на транснационализации финансовых рынков и корпораций, но и политическую (связанную с децентрализацией национальной власти (управления) и снижением государственного суверенитета), культурную (мультикультурную, превращающую национальную культуру в интернациональную), информационно-технологическую. Взаимозависимость национальных экономик формирует всеобщее экономическое пространство с учётом мировой конъюнктуры отраслевой структуры, либерализацией рынков капитала и торговли, международной конкуренции, обмена информацией и технологиями, географией размещения производительных сил.

С начала XXI века формируется концепция глобального общества (*global society*), где все люди Земли становятся гражданами единого глобального общества, состоящее из множества локальных обществ отдельных стран мира [2].

Однако глобализация является и объективным (естественным) процессом, который носит системный характер, то есть охватывает все сферы жизни общества, и который основан на отсутствии межгосударственных границ в природной среде. Природная среда становится (да и была всегда) естественным условием глобализации общества. В то же самое время современная природная среда носит модифицированный (как измененная в процессе преобразовательной деятельности человека совокупность природно-антропогенных объектов – квазиприрода) или даже трансформированный характер (как преобразованная структура в результате антропогенной деятельности для удовлетворения потребностей человека – лжеприрода).

Природа же должна иметь естественный характер и быть благоприятной (качество которой обеспечивает устойчивое

функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов) для человека и общества в целом. Устойчивое функционирование, основанное на концепции устойчивого развития (*sustainable development*), т.е. развития общества, которое удовлетворяет потребности настоящего, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять собственные потребности, предполагает, что природные компоненты сохраняют свои основные качества, ведут нормальную жизнедеятельность, их потребности обеспечиваются, а среда обитания является максимально естественной и отсутствует угроза уничтожения или повреждения.

В России право граждан на благоприятную окружающую среду закреплено конституционно: «Каждый имеет право на *благоприятную окружающую среду*, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» (ст. 42 Конституции РФ).

Окружающая природная среда может быть признана благоприятной, если ее состояние соответствует установленным в экологическом законодательстве требованиям и нормативам. Критериями (показателями) оценки состояния природной среды являются количественные и качественные характеристики природной среды степени воздействия на здоровье человека. Основным показателем благоприятной среды обитания является отсутствие биологических, химических, физических и иных факторов воздействия среды обитания на человека, которые оказывают или могут оказывать негативное воздействие на человека и на состояние здоровья будущих поколений. Объектом права на здоровую окружающую природную среду является природная среда, состояние всех компонентов которой соответствует установленным санитарно-гигиеническим нормативам, а их соотношение между собой создает экологическое равновесие.

Благоприятность природной среды должна исключать антропогенность экологических рисков, как вероятности неблагоприятных последствий для окружающей природной среды (причинения вреда), вызванного негативным воздействием при осуществлении деятельности, имеющей техногенный характер.

Экологический риск, как оценка уровня экологической опасности загрязненного природного объекта, предполагает наличие вероятности причинения вреда жизни, здоровью и имуществу физических лиц, а также имуществу юридических лиц и окружающей природной среде с учётом тяжести такого вреда. Он возникает в процессе хозяйственной деятельности и представляет собой потенциальный источник угроз жизнедеятельности человека и хозяйственному потенциалу и является соотношением величины возможного ущерба при воздействии экологического фактора и вероятности реализации этого воздействия.

В современных условиях, когда экологическая ситуация в мире оказывает непосредственное воздействие на дальнейшую всеобщую интеграцию общества, охрана окружающей среды, обеспечение

экологической безопасности человека и общества в целом становится одной из насущных проблем человечества.

Нормальные условия жизнедеятельности (современные и будущие) человека и общества напрямую зависят от осознания глобальности и важности этой проблемы, от того насколько общество способно познать и принять законы природы и следовать им в своей жизнедеятельности. Отсутствие или ограничение использования природосберегающих технологий, ослабление государственного надзора, недостаточная эффективность правовых и экономико-социальных механизмов предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, низкая экологическая культура значительно увеличивают риск экологических катастроф техногенного и природного характера местного, регионального и глобального характера.

Экологическая безопасность как состояние защищенности окружающей среды, населения, территорий, хозяйственных и иных объектов от различных угроз, возникающих вследствие негативных изменений компонентов окружающей среды и окружающей среды в целом в результате антропогенной (в первую очередь – техногенной) деятельности, может обеспечиваться комплексом правовых, организационных, финансовых, материальных и информационных мер, предназначенных для прогнозирования, предотвращения, ликвидации реальных и потенциальных угроз безопасности, смягчения их последствий.

Государство, как субъект обеспечения безопасности, призвано разработать и последовательно осуществить экологически ориентированную стратегию общества, диктуемую как международными, так и национальными реалиями. Обеспечение экологической безопасности необходимо рассматривать не только в качестве самостоятельного элемента обеспечения национальной безопасности, но и как одно из условий дальнейшей глобализации общества.

Литература и источники

1. Аттали, Ж. Карл Маркс. Мировой дух. – М., 2008.
2. Панкадж, Г. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. – М., 2013.

ЗАЩИТА БЕЛОРУССКИХ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Червинская И. А. (Минск, Беларусь)

Характерным отличием современного этапа развития экономических отношений выступает увеличение объемов международной торговли, сопровождающееся возрастающей открытостью национальных экономик.

Расширение участия в сложившуюся систему международного

разделения труда вызывает большую зависимость от динамики экспортно-импортных потоков отдельных производств, межотраслевых объединений и целых страновых образований. Значительной степенью мобильности в настоящее время характеризуются не только финансовые ресурсы, но и в целом такие факторы производства как труд и капитал.

Интеграционные процессы в экономике и высокие темпы технологического развития приводят сегодня к унификации производственных циклов в различных государствах, снижая тем самым барьеры по вхождению в систему мирового рыночного хозяйства.

Современная глобализация предоставляет возможность углубления специализации стран в международном разделении труда и значительного повышения эффективности участия в мировой экономике, но она же создает предпосылки для ужесточения конкуренции, что может иметь негативные последствия для национальных предприятий и отраслей в странах с транзитивной экономикой.

Принципиальной задачей экономической политики Беларуси в этих условиях является обеспечение эффективной защиты внутреннего рынка от неблагоприятного и недобросовестного воздействия импорта товаров на этапе либерализации и структурной перестройки экономики республики.

В контексте этого обстоятельства защита белорусских товаропроизводителей в контексте оптимизации импортной структуры является объективным проявлением адаптации отечественной экономики к условиям формирования рыночных отношений и выражается в следующих проявлениях: как поддержка структурной перестройки экономики и создание условий для развития национального экспорта; как средство ограждения национальных товаропроизводителей от недобросовестной конкуренции со стороны иностранных фирм на внутреннем рынке.

Беларусь имеет еще очень ограниченный опыт применения всего набора мер по защите национальных товаропроизводителей, ощущается недостаток исследований о возможностях, механизмах и особенностях применения протекционистских мер в соответствии с нормами Всемирной торговой организацией. Кроме того, Беларусь пока не признана страной с рыночной экономикой, и это обстоятельство значительно специфицирует исследование проблемы антидемпингового регулирования в контексте развития отечественной экспортно-импортной структуры. В этом случае инструменты антидемпинговой политики не позволяют предприятиям более эффективно включаться в систему международного разделения труда.

Дополнительным подтверждением актуальности проблемы защиты отечественных производителей в условиях возрастания экономической интеграции и усиления конкуренции явились последствия мирового финансово-экономического кризиса, которые и подвигли экономическую науку к признанию того, что свободная торговля не является гарантом оптимальности развития национальных экономик. В таких условиях приоритетными становятся вопросы баланса между защитой национальной экономики и максимизации пользы от ее включения в мировую

экономическую систему. Ответы на эти вопросы увязаны с комплексным определением наиболее эффективной структуры производства, оптимизацией уровня тарифных барьеров, а также совершенствованием механизмов нетарифного регулирования, способных как обеспечить взаимодействия с глобальным рынком, так и поддержать необходимый уровень защиты внутреннего рынка, с тем, чтобы минимизировать вероятность угрозы национальной экономике.

Сохраняющаяся нестабильность мировых рынков создает ситуацию, при которой динамика внешней торговли теряет предсказуемость, усложняется ее управляемость, перспективное планирование. Все это в конечном счете делает проблематичным достижение заданных показателей по экспорту и импорту. Обеспечение контроля за динамикой внешнеторговых потоков предполагает использование широкого ряда экономических, нормативно-правовых и управленческих мер, направленных на защиту внутренних рынков от внешнеэкономической экспансии.

Указанные меры определяются не только экономическими предпосылками, но и отражены в нормативной базе международных соглашений, а также в национальных законодательствах. Однако следует иметь в виду, что практика их применений (первую очередь это касается тарифных и нетарифных механизмов) ограничивается рядом международных договоров и нормативных документов.

Антидемпинговое законодательство дает реальную возможность заключать соглашения со странами с нерыночной экономикой, с временным приостановлением антидемпингового расследования, но введением ограничений, которые устанавливают лимиты на поставку товаров-объектов расследования. Однако следует отметить, что в странах с непризнанной рыночной экономикой, к которым традиционно относят и Беларусь, зачастую не выдерживается экономическая основа при экспортном ценообразовании из-за:

- отсутствия общепринятых стандартных принципов бухгалтерского учета;
- периодического осуществления бартерных сделок;
- недостаточного знания производителями конъюнктуры рынка и установившихся каналов сбыта на экспортных рынках.

Отметим, что антидемпинговые механизмы являются на сегодняшний день инструментом целенаправленной конкурентной борьбы, поэтому их необходимо рассматривать как составную и весьма важную часть торговой политики. В этой связи необходима постоянная работа по совершенствованию внешнеторгового законодательства и освоению современных практик применения таких средств защиты национального рынка, а также выработке результативных подходов к предотвращению введения антидемпинговых мер против белорусских производителей и к противодействию уже действующим.

В этом отношении важной является повышение квалификации сотрудников государственных служб, профильных специалистов

национальных предприятий, подготовка и переподготовка сотрудников внешнеторговых отделов, обеспечение государством юридической и информационной поддержки отечественных производителей и экспортеров. Одним из перспективных направлений совершенствования механизмов защиты национальных интересов во внешнеторговой сфере является углубление сотрудничества со странами-участницами Единого экономического пространства. Это позволит не только обеспечить доступ белорусских товаров на общее таможенное пространство, но также создаст предпосылки для оказания экономического и политического давления на страны, которые ограничивают доступ белорусским товарам на их внутренний рынок путем применения антидемпинговых мер.

Для поддержки отечественных товаропроизводителей необходима активизация работы по признанию рыночного статуса белорусской экономики и вхождению республики во Всемирную торговую организацию.

ИННОВАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И Г-КУЛЬТУРА

Ширманова М. Ю. (Белгород, Россия)

Современный период человеческой истории, без сомнения, можно назвать глобальной трансформацией, связанной с усилением концептуально-идеологического вектора влияния, который не совместим с традиционно сложившимися культурно-цивилизационными типами, что влечёт всевозможные конфликты. Одним из главных конфликтов современной эпохи является конфликт между традиционной культурой и теми новшествами, которые несёт с собой глобализация. Зачастую эти новшества и ценности традиционной культуры являются взаимоисключающими, что влечёт необходимость разрушения ценностно-смыслового поля этой культуры путём внедрения в него чуждых ему смыслов и ценностей, обеспечивающих унификацию мышления и поведения людей, вовлекаемых в процесс глобализации.

Процесс объединения мира на основании установления единой для всего человечества системы производства, обмена, распределения средств жизнеобеспечения, основанной на создании системы управления объединённым человечеством из единого центра, нуждается в идейном и идеологическом выражении и обеспечении, выражающем экономические и властные интересы этого центра.

В современной русской социально-философской мысли содержание и сущность идеологии глобализма наиболее полно и глубоко проанализированы А.А. Зиновьевым и А.С. Панариным. Ими были выявлены основания, смысл, главные идеи и принципы этой идеологии.

Это, в первую очередь, основывающаяся на принципах социал-дарвинизма, идея расово-цивилизационного превосходства народов стран «золотого миллиарда» – субъектов глобализационных процессов над

народами стран, являющимися, скорее, объектами объединительной активности этих субъектов. Осуществляющиеся на основании этой идеи различные ментальные и социальные практики предполагают экономическую и духовную экспансию стран-субъектов глобализации, связанную с моралью и политикой двойных стандартов.

Другим идейно-ценностным основанием идеологии глобализма является гедонистический, прагматический эгоизм, вытекающий из либерального понимания свободы человека, оторванной от реальной духовной свободы личности, от сострадания, справедливости, равенства в их традиционном христианском понимании. Как и любая идеология, идеология глобализма представляет систему ценностей, идей, принципов, взглядов, которая силой государственной пропагандистской машины и других средств манипуляции сознанием навязывается подвластному населению по мотивам удобства управления его жизнедеятельностью в интересах субъекта управления и манипуляции.

Одним из идеологических средств осуществления целей и задач глобализации является внедрение терминов *инновации*, *инновационный* в ценностно-смысловое поле культуры современной России и, по выражению президента России, «в мозг каждого конкретного нашего гражданина», как терминов, побуждающих эмоционально положительно воспринимать происходящие в жизни современного человека перемены, положительно относиться ко всему новому, стремиться к нему как к источнику и условию положительных эмоций, основе человеческого благополучия. На языке здравого смысла эти термины означают *изменение, новое, новшества, новинки, нововведения*. Однако современной пропагандистской машиной им придаётся сверхположительный жизнеорганизующий смысл, связанный с обещанием счастья, высшего блага и проч. как результатов появления нового в жизни общества, новшеств, т.е. *инноваций*.

В этом ряду находится и понятие *инновационного общества*, которому современные политтехнологи придают ярко выраженный положительный ценностный смысл (по типу *коммунистическое общество*). Внедрение этого понятия в ценностно-смысловое поле традиционной культуры предполагает осознание содержания и смысла тех изменений и нововведений, с которыми связывается благополучие как всего общества, так и отдельных личностей. Без разумного осмысления содержания этого понятия, оно останется идеологическим манипулятивным термином, призванным, в первую очередь, сломить приверженность людей устоявшимся надёжным традиционным ценностям и внедрить в их менталитет положительное эмоциональное реагирование на всевозможные новшества, внедряемые в их жизнь, без их осмысления, без осознания их смысла, значения и последствий для жизни человека. Идеологическое значение понятия *инновационное общество* состоит в том, чтобы побудить пользующегося им человека без размышлений радостно реагировать на эти термины и положительно оценивать нововведения только лишь потому, что это новшества, связывать с ними идею и состояние счастья, стремиться к новому, надеяться, уповать на него

как на главное условие благополучия. Всё это создаёт механизм управления мышлением и поведением человека в желаемом субъектам управления направлении.

Можно предположить, что идея и идеология новшеств-инноваций как основы и условия изменения жизни людей к лучшему является составной частью идеологии и культуры глобализма, направленных на унификацию человеческого мышления и поведения, на программирование реагирования согласно внедряемым идеологической и пропагандистской машиной глобализации ценностям и установкам. Создаваемое в рамках глобализационного проекта новое ценностно-смысловое поле новой вненациональной глобальной культуры, направлено в первую очередь на то, чтобы заменить в сознании личности традиционные ценности здравого смысла, духовной свободы, правды, справедливости, самостоятельности, самообладания и ответственности, тысячелетиями создаваемые органической жизнедеятельностью человечества и хранимые национальными языками, традициями, религиями на новые (*инновационные!*) ценности нового мирового порядка. Представления об этих по сути индивидуалистических и гедонистических ценностях внедряются в сознание и бессознательное людей в первую очередь при помощи СМИ, рекламы, Интернета, школьного образования и соответствующих методов экономического и государственного управления. Внедрение этих гедонистических и прагматических ценностей как инновационных в виде концепций, верований, установок, ожиданий, оценок, стереотипов эмоционального и ментального реагирования и шаблонов поведения в сознание и бессознательное человека превращает его в объект управления и манипуляции властной элиты, в человеческий капитал, в биообъекты и продукты зачатия, как стало возможным теперь говорить.

Проникновение в культурно-идеологическое пространство современной России идей, ценностей и идеологии глобализма, приводит к тому, что в жизнедеятельности, ментальности и образе жизни граждан России появляются соответствующие черты, имеющие общие мировоззренческие основания и ценностно-смысловое содержание. Это позволяет говорить о возникновении в современной России культуры (или субкультуры) глобализма, или Г-культуры.

Смысл и содержание понятия Г-культура определяются наличием в жизни современного общества класса феноменов, связанных с деятельностью людей, направленной на преобразование природного, социального и духовного мира человека, на основе идей и ценностей глобализма, гедонизма, гламура, понимаемого как очарование, обаяние, колдовство, создание видимости, а также маскировка, переодевание (В. Пелевин). Можно сказать, что сущностью Г-культуры является гедонистический фетишизм, или фетишизм тщеславия, т.е. грех.

Г-культура имеет универсальный характер. Её элементы в той или иной степени концентрации присутствуют в культуре любого человеческого сообщества, в той степени, в которой люди привержены земным благам как

высшей и единственной ценности. По своим ценностно-мировоззренческим основаниям и содержанию Г-культура противостоит культуре традиционной, основанной на передаче, трансляции фундаментальных смыслов и ценностей, основанных на религиозном духовном опыте мировых, или традиционных религий, и являющихся производными от этого опыта. Этот опыт аккумулируется, выражается и передаётся в таких концептах культуры как *Бог, добро, благо, правда, справедливость, истина, любовь, свобода, зло, грех, спасение*.

Г-культура, не отвергая концепты традиционной культуры, переозначает слова, их означающие, меняет смысловое содержание этих концептов. Смысл концептов Г-культуры определяется её ценностно-мировоззренческими основаниями, отвергающими Абсолютную Истину, духовное, онтологическое достоинство человека. Г-культура – это культура деонтологизации и обессиливания человека в пользу свободы инстинкта и страстей, получения душевного и телесного комфорта, стабильности, безопасности, понимаемых как высшее благо.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Шилькин Ю. И. (Шымкент, Казахстан)

Реалии второго десятилетия нового века показали несостоятельность политики мультикультурализма, «плавильного котла» и «салатницы». Неумная жажда дешевой рабочей силы привела к наплыву мигрантов, с чуждыми культурой и менталитетом и обернулась кровавыми терактами в Париже, Брюсселе и других городах Европы. В качестве возможного образца может выступить евразийская цивилизация как культурно-историческая система, накопившая положительный опыт взаимодействия народов, установления разнообразных форм связей: пространственных по освоению природно-ландшафтной среды, адаптации к своему «месторазвитию»; временных связей по передаче от поколения к поколению навыков, ценностей, установок, культурных традиций; социальных связей, укрепляющих общность и «комплиментарность» или взаимоприятие евразийских этносов.

Тем не менее, представляется не всегда оправданным как с теоретической, так и практической точки зрения попытки некоторых неоевразийцев идти на любые компромиссы с адептами учений, далеких от сути евразийской идеи. Так, доктор политических наук А. Дугин старается увязать евразийство с идеологией старообрядчества, а доктор философских наук С. Колчигин с учением псевдомессии Виссариона. Наиболее приемлемой формой взаимоотношений религий возможен экуменизм не только христианских конфессий, но и других религий.

Толерантность не сводится к простой терпимости, а подчеркивает способ отношения к неприятным или неприемлемым объектам –

снисходительное их допущение или вынужденное терпение без применения насилия. В отличие от терпимости толерантность подчеркивает право личности на сохранение автономии. Как социально-психологический феномен толерантность предполагает настроенность личности на паритетный диалог, познание нового, «чужого». Понятие «толерантность» стало употребляться в русском языке сравнительно недавно. В истории русской философии можно обнаружить несколько религиозно-философских и светских подходов к решению проблем терпимости, каждый народ отличается самобытностью, познание и понимание которой приводит к постижению собственной сущности и сущности других людей. Путем самопознания народ приходит к осознанию равноценности всех народов, проживающих на Земле.

Евразиец – в полном смысле интернационалист, сторонник толерантного отношения между людьми различных наций и рас, основанного на взаимопонимании, взаимном доверии, взаимообогащении культур, ценностей, знаний и технологий. Евразиец проявляет терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению, обладает обостренным чувством справедливости, стремлением к образованию и повышению квалификации, хорошо владеет русским языком как языком межнационального общения. Поэтому не правомерно в понятие евразиец включать в качестве основного признака расовую общность, или отдельно взятый этнос. Понятие евразиец не определяется ни религиозными, ни государственными общностями. В каждой стране, претендующей называться цивилизованной и демократической должно быть развитое, самодостаточное гражданское общество, в которое входят все национальные и конфессиональные образования. Характер казахстанской ментальности и приоритеты ценностных ориентаций казахстанцев определяются во многом культурными традициями, а также особенностями социально-политических и экономических ситуаций на каждом этапе общественного развития. Доминантой при выборе правильных решений экономических, социальных и личных проблем выступает менталитет как система базовых и инструментальных ценностей, а также поведенческие установки, стандарты и нормы поведения.

Евразийский менталитет способен оказывать существенное воздействие на происходящие в обществе изменения, предлагая обществу тот или иной путь радикальных реформ. Поэтому для массового сознания современного казахстанского общества, мозаичного по своей природе, в настоящее время особенно характерны формы проявления традиционных «культурных оппозиций», представляющих разнонаправленные ценности от возрождения национальных языков до активизации религиозной деятельности представителей различных конфессий, что вовсе не составляет традиционных ценностей казахстанцев. Как показывают социологические исследования события 90-х годов XX века значительно повлияли, но существенных изменений в иерархию основных жизненных ценностей не внесли. У казахстанцев, также как и у россиян, на первом месте остались

семья, интересная работа, спокойная совесть, на последнем – власть, признание, карьерный успех. В условиях глобализации дальнейшее исследование евразийской личности с помощью категориального аппарата персонализма открывает новые возможности [1].

Ментальность евразийской цивилизации представляет собой совокупность наиболее устойчивых и продолжающихся во многих поколениях осознанных или неосознанных архетипов народов Евразии, подсознательной взаимной комплиментарности, символов (святынь, идеалов, ценностей, принципов), а также объединяющих их мировоззренческих установок. Когда речь идет о глобализации, имеют в виду, что технологические, экономические, технические, организационно-управленческие процессы приобретают некие стандартизированные, приемлемые для обеспечения более полного сотрудничества общие черты и характеристики. Попытки уравнивать и в одном ключе рассматривать цивилизацию, как и глобализацию, не могут не вызывать вполне обоснованный протест и возражение. Тем более что глобализация в сфере культуры несет в себе ярко выраженный оттенок вестернизации, европеизации и даже американизации. В этой ситуации происходит вольное или невольное навязывание ценностей одной цивилизации другой. А это в принципе глубоко ошибочно. Противоестественно. А значит и неприемлемо. Цивилизация по сравнению с глобализацией имеет прямо противоположные ориентиры, направленные на сближение, но не на отождествление, на поддержание схожих черт и характеристик, но предполагающих сохранение их уникальности и значимости для всего человечества.

Цивилизация нацелена на понимание, взаимодействие, сотрудничество, признание другой (иной) стороной права сохранять и развивать свои уникальные черты. Именно уважение, признание за другими особенных и специфических признаков позволяет достичь истинного расцвета человеческого многообразия. А этого можно достичь посредством решения проблем в рамках концепции глокализации, которая органически соединяет в себе общие и особенные черты развития народов и их цивилизаций. *Глокализация*, – это такое соединение проблем глобализации и учета национальных, региональных и других особенностей, которое позволяет соединять воедино и общие, и специфические требования [2].

Запуск Таможенного союза оказался знаменательным событием. «Это самое лучшее интеграционное объединение, которого мы достигли за 20 лет после развала Советского Союза, – заявил Н. Назарбаев, – Мы с вами полны желания, чтобы это было притягательным для всех нас» [3]. Он рассказал, что товарооборот двух стран увеличился на 30% и вышел на докризисный уровень. Примерно такие же цифры с Беларусью. Социологические опросы стабильно подтверждают сохранение в Казахстане (несмотря на все коллизии суверенизации, проявлений этнонационализма и межнациональных напряжений) достаточно высокого уровня взаимной комплиментарности русских и казахов. Чувства симпатии к русским испытывают 60% казахов, соответственно симпатизируют казахам 47% русских [4, 253]. Несколько

более «прохладное» отношение русских к казахам социологи объясняют политическими причинами. В то же время в Казахстане, как и в России, доля желающих войти в состав объединенной Европы (11%) оказалась меньше, чем доля отдавших предпочтение союзу России, Беларуси и Казахстана (около 13%) и заметно меньше доли желающих жить во вновь объединенном СССР (свыше 18%). Правда, среди сторонников двух последних вариантов преобладают лица среднего и старшего возрастов, а процент молодежи по сравнению с «европейской» перспективой, напротив, снижается, примерно, в 2 раза. Большая же часть россиян (почти 40%) хотели бы жить в своей стране, ни с кем не объединяясь [5]. Евразийская цивилизация и ее ментальность в условиях глобализации создают наиболее приемлемую толерантность между народами Евразии.

Литература и источники

1. Шпилькин, Ю.И. Евразийский менталитет. – М., 2013.
2. Тощенко, Ж.Т. Общее и особенное российской и тюркской цивилизации: проблемы глокализации // Социологические исследования. – 2010, – № 1.
3. Астана и Москва констатировали народную выгоду от Таможенного союза // Новости Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meta.kz//618849-astana-i-moskva-konstatirovali-narodnuyu-vygodu-ot-tamozhennogo-soyuza.html>.
4. Ушаков, Д.В. Жизненные ценности народов Евразии // Россия как цивилизация. Сибирский ракурс. – Новосибирск, 2008.
5. Социологические исследования. – 2008, № 6. – С. 110–114.

Раздел 3. ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

РЫНОК ТРУДА КАК ЗОНА СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

Андреева Е. А., Низова Л. М. (Йошкар-Ола, Россия)

*«Рынок труда состоит из всех тех, кто
покупает или продает труд»
Р. Дж. Эренберг и Р.С. Смит*

Рынок труда – это наиболее сложный элемент рыночной экономики, являющийся важной сферой экономической и социально-политической сферы общества. Он, как известно, выполняет функции механизма распределения и перераспределения общественного труда по сферам и отраслям хозяйства, видам и формам деятельности, по критерию эффективности труда и производства в соответствии со структурой общественных потребностей и форм собственности. Механизм его функционирования концептуально отражен в экономических теориях:

– классическая (А. Смит, Д. Риккардо, Ж. -Б. Сей): особую значимость придавала рыночным регуляторам занятости: заработной плате, цене, прибыли, проценту и конкуренции [1];

– неоклассическая (А. Маршалл, Д.Р. Хикс, А. Пигу, Дж. Сакс): рынок труда действует на основе ценового равновесия;

– марксистская (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин): рынок труда определяется как рынок особого рода, товаром является рабочая сила, которая создает стоимость и активно влияет на свою рыночную цену;

– кейнсианская (Дж.М. Кейнс, Р.М. Солоу, Л.Р. Клейн): основывается на теории регулируемого капитализма и занятости, принципе эффективного спроса, расширении личного потребления, военного производства и общественных работ, т.е. занятость есть функция эффективного спроса, а государство является регулятором рынка труда;

– монетаристская (М. Фридман): основным регулятором являются деньги, исходит из жесткой структуры цен на рабочую силу, использует инструменты денежно-кредитной политики, введено понятие «естественного уровня безработицы»;

– институционалистская (Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт, А. Филипс): уделяет внимание профессиональным и отраслевым различиям рабочей силы;

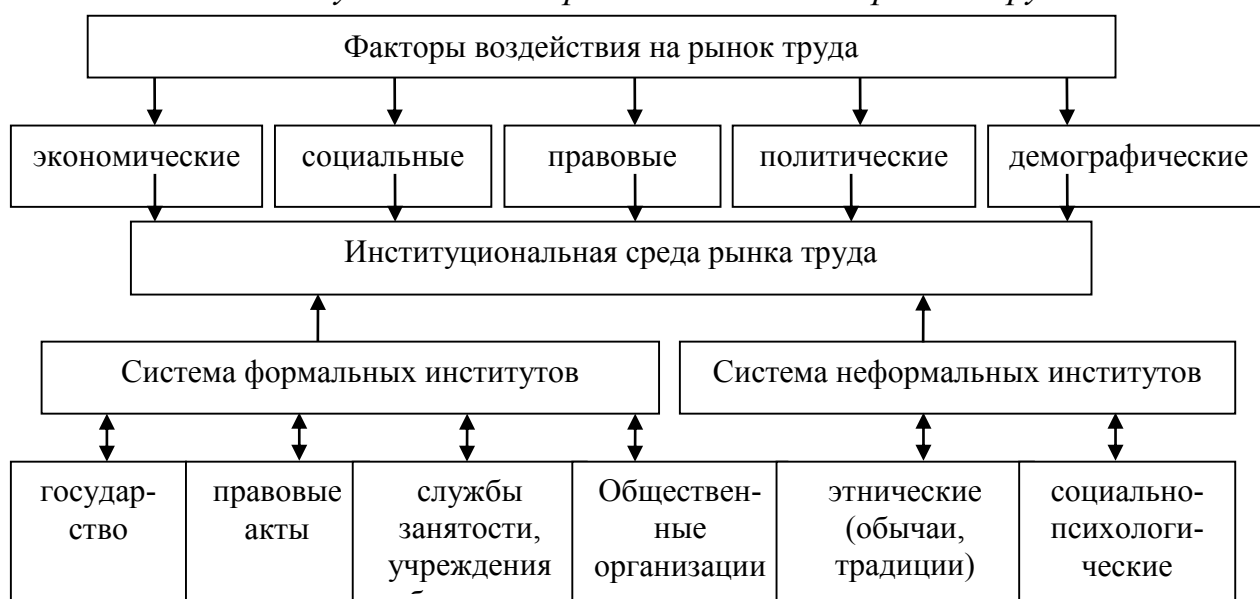
– неоклассический синтез (П. Самуэльсон, К.Р. Макконелл, Стенли Л. Брю): выделяет новую проблему – стагнацию производства и занятости при одновременной ползучей инфляции цен. Достигнута связь между макро- и микроэкономическими теориями, ведущая к экономическому равновесию.

Вышеперечисленные теории уделяют большое внимание вопросам регулирования занятости населения. Одни склоняются на развитие рыночных

регуляторов, другие – на государственное регулирование, а третьи – на сочетание саморегулирования с регулированием государства. Рынок труда подчиняется, с одной стороны, законам спроса и предложения, а с другой – связан с характером и спецификой воспроизводства рабочей силы.

В современной экономической системе на формирование рынка труда воздействуют различные факторы: политические, экономические, социальные, правовые и демографические, а также система формальных (государство, правовые акты, службы занятости, общественные организации) и неформальных институтов (этнические – обычаи, традиции, народные промыслы, социально-психологические). Рынок труда имеет сложную институциональную среду [2].

Рисунок 1. Факторы воздействия на рынок труда

Отрицательное воздействие в настоящее время на рынок труда оказывают: кризис экономической системы, разрыв хозяйственных связей, недостаточная взаимосвязь государственных и рыночных методов регулирования, неконтролируемая миграция рабочей силы между странами СНГ и другие.

Все это ведет к росту уровня общей безработицы (5,8%), что в 4,5 раза превышает регистрируемую. Поэтому, далеко не случайно Правительство РФ как в первоочередных мероприятиях на 2015 год, так и в «Плане действий Правительства Российской Федерации, направленных на обеспечение социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 году», ставит на приоритетный уровень вопросы государственной поддержки сферы занятости. Так, в текущем году, на реализацию дополнительных мероприятий по снижению напряженности на рынке труда в субъектах РФ предусмотрено 3 млрд. рублей и 5,5 млрд. рублей на предоставление социальных выплат безработным гражданам [3].

Наибольшее внимание вопросам занятости населения из бывших республик Советского Союза уделяет Республика Беларусь. Уровень зарегистрированной безработицы здесь на конец 2015 года составил 1% [4].

По мнению авторов, для снижения напряженности в сфере занятости целесообразно принять следующие меры:

- гибкое использование государственных и рыночных методов регулирования занятости в рамках научных концепций;
- сбалансированность рынка труда и рынка образовательных услуг;
- подготовка специалистов под гарантированное трудоустройство с учетом востребованности экономики, уделив особое внимание рабочим кадрам;
- применение патентной системы налогообложения для самозанятых;
- снижение неформальной занятости в сфере малого предпринимательства;
- реализация дополнительных мероприятий по опережающему профессиональному обучению.

Литература и источники

1. Смит, А. Исследования о природе и причинах богатства народов. – М., 1993. – Т.1. Кн. 1.
2. Низова, Л.М. Государственное регулирование занятости населения в современной экономической системе: монография. – Йошкар-Ола, 2012.
3. План действий Правительства Российской Федерации, направленных на обеспечение социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194646.
4. О занятости населения // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/trud/operativnaya-informatsiya_8/o-zanyatosti-naseleniya/o-zanyatosti-naseleniya-v-dekabre-2015-g.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО ТУРИЗМА

Андрос И. А. (Минск, Беларусь)

Согласно последнему Барометру международного туризма ЮНВТО (UNWTO) международные туристские прибытия в 2015 г. достигли 1,184 миллионов, а их рост составил 4,4% по сравнению с предыдущим годом [1]. На 2016 год ЮНВТО прогнозирует рост международного туризма на 4%. При таких увеличивающихся туристских масштабах не удивительно, что туризм стал массовым явлением и получил название «феномен XX века» и ему прочат блестящее будущее в XXI столетии. До последнего времени основной характеристикой туристского движения было интенсивное потребление природных ресурсов принимающей страны. Интенсивное потребительское отношение к незнакомым культурам и этносам, к их образу жизни и традициям, адаптированным к определенной среде обитания, привело к таким негативным последствиям как уничтожение коралловых

рифов и тропических лесов, загрязнение чистых водоемов и национальных парков. Появление выражения «туризм разрушает туризм» подтверждает возникшую проблему истощаемости природных ресурсов. В связи с этим становится важным развитие этических норм поведения путешественников в природной среде, а также формирование чувства личной ответственности за судьбу природы и ее отдельных элементов.

Таким образом, перспективным направлением в туристской индустрии станет рекреационная деятельность, дополняемая и сочетаемая природоохранной. Современные реалии, направленные на корректировку отношений в системе «туризм–экология», придают дополнительный импульс развитию экотуризма (*ecotourism*). ЮНВТО относит экологический туризм к ответственному туризму, поскольку экотуризм оказывает щадящее воздействие на природную и культурную среду дестинации [2]. Отметим, что за последнее десятилетие термин экологический туризм прочно вошел в лексикон научных конференций и семинаров, национальных туроператоров десятков стран и в обыденную речь туристов. Как новый вид отдыха экотуризм принимается большинством стран, хотя в силу национальных отличий понимается по-разному. Тем не менее, общепризнанной особенностью организации этого вида туризма является обеспечение минимального воздействия на природную среду, создание сети экологических гостиниц, обеспечение туристов экологически чистым питанием. Содействие в развитии экологического (или *природного*) туризма привнесло определенные новшества в современный туризм, в первую очередь, это сокращение расходов и избыточного потребления. Сегодня новая стратегия туризма основана на разумном использовании природных ресурсов, в том числе с применением новых технологий, на устойчивости развития туристической отрасли в долгосрочной перспективе и поддержке социально слабых слоев общества в странах, где туризм чрезвычайно продуктивен (Гаити, Коста-Рика, Мадагаскар, Болгария). Общеизвестно, что отдых в условиях естественной природной среды или ее отдельных компонентов (памятников природы, определенных видов животных или растений) обогащает туристов жизненно важными экологическими знаниями.

В настоящее время именно экологический туризм выступает перспективной формой использования рекреационных ресурсов, поскольку восстановительная деятельность туристов с целью оздоровления в наибольшей степени соответствует средообразующей роли природных объектов. Перед специалистами в области экотуризма и рекреации стоит задача заставить туризм «работать» на охрану природы таким образом, чтобы охраняемые территории не только финансово самоокупались, но и одновременно продолжали оставаться привлекательными благодаря природно-оздоровительным физическим компонентам, таким как, воздух – свежий, пляж – чистый, лесная местность – незагрязненная, минеральные лечебные источники – неиссякаемые и т.д. Также одним из приоритетов концепции экотуризма выступает поддержка культурного обмена между туристами и местным населением с учетом социокультурной самобытности

народностей, и разумное перераспределение доходов от туризма. Такая гуманитарная направленность в индустрии туризма способствует наиболее динамичному развитию именно экологического туризма.

Возникновение и стремительный рост экологического туризма объясняется, не в последнюю очередь, реакцией населения на широкомасштабную кампанию ученых, СМИ, общественных организаций по противодействию быстрому нарастанию антропогенных, в большинстве случаев негативных изменений природных экосистем. Изучая влияние научно-технического прогресса на современное общество, они обратили внимание, что НТП коренным образом изменил жизненный уклад. Работа, дом и свободное время – вот три основные взаимосвязанные составляющие элементы жизни современного человека. Первые два компонента характеризуются повышенной интенсификацией труда, автоматизацией и компьютеризацией производства, увеличением стрессовых ситуаций на работе и в быту, анонимностью городской жизни, изоляцией от природы. Все это способствует накоплению в человеке физической и психологической усталости, что ведет к снижению жизненной и трудовой активности. Рациональному же использованию свободного времени помогает туризм, который в развлекательных, оздоровительных, спортивных, гостевых, познавательных, религиозных и иных целях предлагает потенциальным потребителям разнообразный и привлекательный ассортимент туристских путешествий. Содержательной особенностью современных туров являются гармонизация отношений человека с окружающей природной и социокультурной средой, а также восстановление его духовных и физических сил.

Кроме того, специальные отраслевые туристские дисциплины – экономика туризма, рекреационная география, экология туризма, биосфера и туризм, педагогика и психология туризма, менеджмент туризма, безопасность туризма, информационные технологии в туризме, рекреология, феноменология туризма и др. – изучая в глобальном масштабе проблемы и перспективы устойчивого развития туризма и рекреации, в той или иной степени отмечают растущую привлекательность экологического туризма по причине смены приоритетов в устремлениях туристов. Все больше людей стремятся провести время в уголках относительно нетронутых человеческой цивилизацией. В противовес традиционному «пляжно-курортному» отдыху, возрастает спрос на туры активно-познавательной направленности. Отпуск воспринимается как более интенсивная форма проведения свободного времени. Желание быть ближе к природе («жизнь в ландшафте») приобретает важнейшее значение при выборе туристской услуги. Усиливается стремление к индивидуализации отпуска в соответствии с собственными предпочтениями. Данные тенденции в развитии рекреации и туризма определяют новый характер туристско-рекреационного продукта, в котором основное внимание уделяется особенностям территории, выявлению ее природного и культурного потенциала.

В Беларуси экологический туризм на особо охраняемых природных

территориях рассматривается как мощный образовательный инструмент, который не только распространяет информацию об объектах экотуризма в республике и за её пределами, но также ведет к повышению в сознании людей ценности природного наследия страны [3]. Национальные парки «Беловежская пуща» (с 1993 г. – биосферный заповедник), «Браславские озера», «Нарочанский», «Припятский», Березинский биосферный заповедник уже стали знаменитыми туристскими брендами Беларуси. Пользуются популярностью биологический заказник «Споровский», где проходит национальный чемпионат по ручному сенокосению низинных болот; ландшафтный заказник «Ольманские болота» (осенью здесь отмечают праздник клюквы); биологический заказник «Званец» как крупнейшее низинное болото с минеральными островами; заказник «Ельня» (туристский бренд – фестиваль «Жураўлі і журавіны Міёрскага краю») [4]. В связи с этим актуальным становится повышение культуры взаимоотношений человека с природой через формирование ценностных ориентаций, норм поведения и получение специальных знаний по охране окружающей природной среды и природопользованию. На государственном уровне озвучена идея объединения человеческих ресурсов, экономики и экологии через туризм [3]. Обеспечение полноценного отдыха в условиях естественной природной среды побуждает туроператоров и туристов содействовать охране природы и социально-экономическому развитию. Экологические знания позволят сделать намного безопаснее и здоровее не только собственную жизнь, но и жизнь своих родных и близких. Обладание же более высокой социальной культурой, в которой экологические базовые знания займут достойное место, увеличит среднюю продолжительность жизни на 10–15 лет и сделает ее здоровее. Как результат, взаимодействие человека, экономики и экологии станет мощнейшим двигателем в развитии Республики Беларусь.

Литература и источники

1. International Tourism Results and Prospects for 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/unwto_fitur_2016_hq_jk.pdf.
2. Ecotourism and Protected areas. Sustainable Development of Tourism [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sdt.unwto.org/content/ecotourism-and-protected-areas>.
3. Ия Малкина: «Экотуризм в Беларуси – один из способов сохранения природы страны» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecoidea.by/article/417>.
4. Экотуризм в Беларуси. Belarus.by. Официальный сайт Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belarus.by/ru/travel/ecotourism-in-belarus>.

ПРИОРИТЕТЫ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ИДЕОЛОГИИ АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМА

Антипов Д. А. (Томск, Россия)

Одной из базовых характеристик современного мира является «глобальность». Глобальность стала следствием процесса глобализации, активно развернувшегося с конца 80-х гг. XX века. Ход глобализации, её формы и итоги привели к возникновению глобальных проблем и рисков. Примером могут служить распространение международного терроризма, всё возрастающая социально-экономическая дифференциация между Севером и Югом, разрушение системы международной безопасности и т.д. Наличие этих явлений не позволяет говорить об удачной реализации «неолиберального эксперимента», целью которого было создание глобального, «единого» мира, основанного на принципах рыночной экономики и демократии. Современный мир столкнулся с необходимостью разработки альтернативных (не неолиберальных) моделей развития в условиях уже происходящей глобализации.

В поле сторонников неолиберальной глобализации альтерглобализм и его идеи трактуются как деструктивные, направленные против глобализации, что противоречит программным документам альтерглобалистских движений и установкам ведущих идеологов альтерглобализма. Это противоречие определяет проблематику исследования идеологии альтерглобализма, которая формулируется как исследование идеологии альтерглобалистских движений с целью определения альтернативных моделей глобального развития.

Цель данного исследования: определить основные приоритеты глобального развития, сформулированные в идеологии альтерглобализма.

Для реализации цели исследования были проанализированы программные документы альтерглобалистских организаций – участников Всемирного Социального Форума (ВСФ) и работы ведущих идеологов альтерглобализма: Н. Кляйн, Н. Хомского, Субкоманданте Маркоса, И. Рамоне.

Основные альтерглобалистские приоритеты мирового развития следующие:

Глобализация снизу. Пусковым механизмом неолиберальной глобализации стали реформы, проводимые М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейганом в США. Курс преобразований этих лидеров получил название «правый поворот», т.к. фактически были демонтированы достижения «встроенного социализма» в странах Запада. Распад СССР позволил распространить политику правого поворота на территорию стран Восточной и Центральной Европы, и стран, возникших на постсоветском пространстве. Реализацию политики интеграции взяли на себя национальные элиты, которые инкорпорировались в единый фронт неолиберальной глобализации. Эта ситуация говорит о фактической глобализации сверху, т.е. элиты

отдельных стран приняли правила и цели построения «единого» мира, без учёта интересов большинства населения. Альтерглобалисты стремятся создать модель глобализации снизу, суть которой состоит в развитии глобальных общественных организаций и институтов. Эти новые акторы призваны отстаивать интересы большинства населения через реализацию гражданских инициатив на глобальном уровне. Примерами подобных организаций могут служить АТТАС, Via Campesina, ВСФ и др.

Ограничение власти ТНК. Неолиберальная глобализация, выстраиваемая на принципах дерегулированной рыночной экономики, привела к возрастанию влияния ТНК. Опираясь на практику открытых рынков, ТНК получили возможность подчинить себе целые отрасли экономики в ряде стран, что неминуемо поставило правительство этих стран в зависимость от иностранных инвесторов. Налицо ситуация сжатия национального суверенитета в условиях глобализации. В сложившейся ситуации идеологи альтерглобализма предлагают ввести международное законодательство об ограничении доли участия ТНК в национальных экономиках, запретить иностранным компаниям финансировать национальные политические партии и движения.

Ограничения власти ВТО, МВФ и ВБ. Глобализация стала реальностью после принятия свода правил, известного как «Вашингтонский консенсус». Данные правила объединили действия Всемирной торговой организации (ВТО), Международного Валютного Фонда (МВФ) и Всемирного Банка (ВБ) в плане создания единых требований для ведения финансово-торговой деятельности. Принятие большей частью стран условий этих организаций привело к подчинению национальных институтов международным, что в свою очередь превратило эти организации в «архитекторов» глобализации. Альтерглобалисты выступают за реформирование «архитекторов» глобализации, с целью сокращения их полномочий в национальной политике всех стран. Главная задача состоит в переориентировании деятельности ВТО, МВФ и ВБ с кредитной на социальную, т.е. разработку и реализацию международных социально-гуманитарных программ для преодоления социального неравенства в мире.

Пересмотр правил финансовых операций. Одним из основных достижений глобализации стала ликвидация финансовых барьеров в перемещении капитала. Капитал не просто получил возможность беспрепятственно перемещаться, но и был выведен из-под налогового бремени, что сделало финансы наиболее прибыльной сферой современной экономики. Альтерглобалистские движения призывают ввести налог на финансовые сделки в размере 0,1% (налог Тобина), что позволит получить около \$ 166 млрд. в год. Полученные средства предполагается направить на решения имеющихся глобальных проблем, например, проблемы голода в странах Юга.

Сохранение и развитие общественного сектора. С началом «правого поворота», а затем с распространением неолиберальной модели глобализации связана практика сокращения социального сектора в странах Запада, а после

1991 г. и в странах бывшего СССР. Вызвано это реализацией идеи о коммерциализации образования, здравоохранения, культуры. Этот процесс проходил через приватизацию общественного сектора экономики, созданного в послевоенный период. Следствием этого процесса стало снижение доступности базовых услуг для основной части населения. Альтерглобалисты предлагают отказаться от практики коммерциализации общественного сектора, указывая на его гуманитарную значимость. Они выступают за возвращение базовых социальных сфер под контроль общества и государства через проведение процесса деприватизации с последующим гарантированным доступом всех граждан к услугам этих отраслей.

Равноправное взаимодействие Севера и Юга. Ведущими идеологами и проводниками глобализации являются представители Западных элит; одновременно они выступают с позиции глобального Севера, т.е. стран северного полушария, которые по социально-экономическим показателям превосходят страны глобального Юга. Изначально неравенство между Севером и Югом позволило странам Запада навязать правила глобализации значительной части населения мира. Позднее национальное самоопределение Юга (из-за существования колониальной системы) заставило страны этого региона обратиться за финансовой помощью к международным финансовым организациям, что на практике привело к их зависимости от кредиторов. Альтерглобалистские организации (например, Юбилей-2000) призывают списать долги стран Юга перед странами Севера и международными организациями для ликвидации финансовой зависимости. Устранение прямой зависимости и высвобождение финансовых ресурсов позволят Югу осуществить необходимую модернизацию и стать равноправным субъектом международных отношений.

Сохранение культурного разнообразия. Глобализация социально-экономической и политической сфер жизни привела к культурной стандартизации. Прежде всего, это касается массовой культуры, образцы для которой задаются североамериканской индустрией развлечений. На современном этапе можно констатировать определённую «американизацию» мировой культуры. Представители альтерглобалистских движений выступают за изменение культурного содержания глобализации, а именно за исключение из культурного кода идеи потребления как цели существования человека. Тем самым, речь идёт не об отрицании вестернизации, а об изменении содержания этого процесса.

Таким образом, определены основные приоритеты глобального развития, предлагаемые идеологией альтерглобализма. Эти приоритеты не противостоят глобализации, а лишь предлагают альтернативные пути и цели всеобщей интеграции.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ВИРТУАЛЬНОГО МИРА: К ВОПРОСУ О СЕМИОТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА

Астапова-Вязьмина Е. И. (Черкассы, Украина)

Сегодня культура дополнена специфическим феноменом, а именно – виртуальным миром. Виртуальность, виртуальная игра, виртуальный друг, виртуальное общение, виртуальный банк, виртуальные деньги и все варианты на эту тему абсолютно никого не удивляют. Однако эти привычные для нас понятия включены в совершенно новую знаковую систему, которая, будучи создана человеком, им самим еще до конца не познана и не осознана. Не претендуя на объемное исследование, попробуем выделить и проанализировать некоторые характерные черты этой знаковой системы.

1. Видимо, надо начать с того, что виртуальный мир меняет сознание человека и последний сталкивается с совершенно новым статусом своего Я. Информационное пространство, предоставляемое телевидением, радио, различными печатными изданиями функционально отличается от информационного пространства, предоставляемое Интернетом. Всемирная сеть предлагает, прежде всего, активное участие в мире информации. Да, действительно, читая традиционные газеты, журналы, книги (от развлекательных до научных) мы приближаемся или удаляемся от сообщаемого нам. Безусловно, можем переживать новостные события, смеяться или плакать над судьбой того или иного литературного героя, быть включенными в радиоспектакль или с карандашом в руке следить за размышлениями, изложенными в той или иной философской концепции. То же возможно и в Сети, но последняя дает возможность, во-первых, несравненно большего объема информации, и, во-вторых, скорость ее получения.

2. Интернет-сообщение позволяет включить в себя все существующие раздельно каналы и технологии трансляции воедино, речь идет о совмещении устной, разговорной речи, визуального языка, фотографического изображения, теле – и звукового вещания. Основной позицией в данном комплексе будет смысловой потенциал, позволяющий личности выразить себя. Иначе говоря, меняется семиотический контекст формирования смысла. Интернет-пространство позволяет наглядно увидеть режим производства знаков и символов, а также кодов, в которых они используются, несколько отойдя от темы классификации знаковых систем.

3. С позиции конструирования символов интересным аспектом идентификации личности в Интернете является ник или логин. Безусловно, человек может избрать любое из возможных имен, которые он будет использовать в качестве учетной записи или общения в системе. Возникает вопрос о смысловой и знаковой нагрузке такого вымышленного имени.

С одной стороны, конечно же, мы имеем кризис идентичности, а с другой, этот самый кризис, благодаря такому инструменту, как вымышленное имя, преодолевается. Конечно же, есть ситуации, когда

человек пользуется своим собственным именем, если, например, речь идет об общении с научным руководителем. Но, например, грамматическая конструкция английского языка, отвечающая за представление себя, «My name is...», в дословном переводе звучит как «Мое имя называется *так-то*», провоцируя, в определенном смысле, поиски своего собственного Я. В русском мы скажем «Меня зовут Маша» или «Я – Марья Ивановна». То есть меня так зовут, это мое имя.

4. Интернет предоставляет возможность социализации людей с дополнительными потребностями, например, людей с ДЦП или слепых. В реальной жизни такой человек, к сожалению, часто не находит поддержки со стороны своих же, так сказать, здоровых соотечественников. Да и последние, выбирающие вымышленные имена для общения в чатах, все-таки пытаются скрыть какие-то существующие, по их мнению, недостатки, к которым можно отнести физиологическое несовершенство или особенности возраста, пола, социального статуса и т.д. Информационное пространство Сети помогает с этим справиться. Это инструмент для построения другого, возможного мира. Но последний не является для нас новым, он привычен. Например, с ним мы сталкиваемся в сказках, мифах, научных трудах.

Сетью предлагается и графический вариант идентификации – аватар (картинка), целью которого является публичное графическое изображение пользователя. Аватар (даже при его периодической смене) передает стабильную виртуальную идентичность. Поскольку любое информационное пространство влечет за собой определенный уровень присутствия, который испытывает пользователь, постольку, по мнению пользователя, облегчается передача информации и воссоздается когда-то потерянная социальная установка.

5. С помощью Сети создается своя собственная культура. Конечно же, она может быть и негативная, т.к. сложно проследить, что читает человек, какую музыку слушает, какие выбирает фильмы. Но определенный положительный момент, безусловно, есть. Речь идет о своеобразной *корпоративно-виртуальной* культуре. Язык социальной группы или индивидуальный язык влекут избирательный взгляд на мир: поддержание собственных интересов и ограничение других, по справедливому замечанию Д. Чандлера [1].

6. Виртуальная реальность предлагает пространство свободы. Наполняя возможный мир личностным смыслом, Интернет предоставляет невероятные возможности для самореализации человека. Конечно же, мы имеем дело частью с образами, частью с симуляцией миропорядка. Виртуальность, понимаемая как возможность, может возникнуть только при определенных условиях. Юм в «Исследованиях о человеческом разумении» писал, что на первый взгляд ничто не кажется более свободным от ограничений, нежели человеческая мысль, которая не подчиняется власти и авторитету людей, однако не может быть удержана в пределах природы и действительности. Создавать чудовища и соединять самые несовместимые формы и образы воображению не труднее, чем представлять самые естественные и знакомые

объекты» [2, с. 20–21].

7. Конструкция собственного существования в виртуальном мире смещается в сторону частного представления о таком существовании. С логической точки зрения возможный мир предполагает истинность какого-либо высказывания в возможном мире и ложность его в реальном и наоборот. Но поскольку речь идет не просто о каком-то нейтральном высказывании, а о ситуативности его применения, то и выстраиваемые человеком логические конструкции поведения, оценки все равно должны учитывать правила реального мира.

8. При всех положительных оценках возможностей Интернета, он все же ограничивает высказывание. Схема письменного общения в Skype, социальной сети или даже в обычной переписке по электронной почте предлагает множество (на первый взгляд!) дополнительных сопутствующих изображений для артикуляции эмоционального состояния адресанта, использующихся в Интернете и других простых текстовых каналах связи. Стилизованное изображение человеческого лица обычно имеет подпись, всплывающую в иконках на мониторе. Мы можем подтвердить радость, злобу, гнев, растерянность, любовь и т.д. соответствующим элементом. Но ведь это не просто симуляция, образ, элементарное упрощение возможности выразить свое собственное состояние. Это готовая схема или форма высказывания, принимаемая бездоказательно. Не надо долго ничего описывать, достаточно вставить смайлик – и ваш адресат дальше сам будет додумывать то, что вы хотели сказать. Текстовая саморепрезентация превращается в примитивное наклеивание ярлыка, стандартизация эмоций человека лишает его речи, поскольку изображение подчеркивает эквивалентность слова и действия. Предлагаемый смайлик, открытка – только инструменты для той или иной цели, но их использование уже становится частью этой цели.

9. Е. Таратута совершенно справедливо отмечает, что с момента появления Интернета, виртуальная реальность фактически приравнивается к нему. Что «...общение, опосредованное компьютером и Интернетом, неизбежно воспринимается... как пространство, ...и, что в случае виртуального общения людей, находящихся за километры друг от друга, изменяемый магическим действием *виртуального* параметр – физическое пространство. При этом изменяются только отдельные характеристики параметра, а сам он, его позиция и значение остается неизменным и даже упрочивается» [3, с. 123].

Одной из ключевых позиций анализа производства и функционирования данной знаковой системы является *индекс понимания знака*. Это понятие может помочь описать и акцентировать внимание на возможных и существующих рисках глобальной информатизации. Воспринимаемый и создаваемый человеком текст, таким образом, приобретает форму не только сознательной цели, но и особенностей средств коммуникации, таких как язык, пишущие инструменты, включая социальные и психологические аспекты. Речь идет о последствиях, которые несут

различия в канале и технологии передачи информации, потенциальном ее смысле, поскольку социально-культурные сообщения используются и приобретают статус только в конкретных культурных контекстах.

Литература и источники

1. Chandler, D. The Act of Writing: A Media Theory Approach [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/act/act.html>
2. Юм, Д. Исследования о человеческом разумении. – М., 1966.
3. Таратута, Е.Е. Философия виртуальной реальности. – СПб, 2007.

«ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИГОРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Бреславский А. С. (Владивосток, Россия)

Доклад посвящен вопросам пригородного развития, продолжающейся урбанизации и началу субурбанизации в постсоциалистических городах. Исследования пригородов, выполненные в странах бывшего социалистического лагеря, выявляют во многом сходные тенденции в городском развитии этих государств [3]. Так, как минимум с середины 1990-х гг. процессы субурбанизации стали определяющим фактором в развитии многих постсоциалистических городов Центральной и Восточной Европы. Недавние исследования выявили, что города Эстонии, Хорватии, Латвии, Словакии, Польши, Венгрии и Болгарии по темпам субурбанизации существенно превзошли города Западной Европы [3, с. 87], что позволило ученым назвать эти процессы «постсоциалистической пригородной революцией» [4, с. 6].

Эта революция в постсоциалистических странах была обусловлена в основном тремя обстоятельствами. Первое обстоятельство – уход государства из управления городами, децентрализация в области городского планирования, отказ от жестких форм контроля в распределении городских земель, что привело к высокой либерализации отношений в сфере застройки городских и пригородных территорий. Была отменена практика народнохозяйственного планирования, практически все полномочия по распоряжению городской землей были переданы городским муниципалитетам. Эти изменения были утверждены новыми законами о местном самоуправлении, которые были приняты практически во всех постсоциалистических странах СНГ, Восточной и Центральной Европы в середине 1990-х гг.

Децентрализация управления городами, ослабление государственного контроля и высокая либерализация отношений в управлении городами стали причиной массового самовольного строительства. Однако если большая часть восточноевропейских стран и страны Балтии достаточно быстро взяли под контроль эти процессы (в конце 1990-х – середине 2000-х гг.), то во многих постсоветских странах СНГ процессы городской и пригородной

застройки буквально до последних лет развивались подчас стихийно, в логике рыночных отношений, не всегда положительно влияющих на развитие территорий.

Вторая причина взрывного роста пригородов постсоциалистических городов – это историческое наследие, которое заключается, во-первых, в длительном кризисе жилищных программ, характерном для многих социалистических городов, в которых очереди на жилье никогда не исчезали; а во-вторых, в длительном ограничении частной собственности. В результате в 1990–2000-ые гг. горожане в большинстве крупных постсоциалистических городов массово стали строить себе свое собственное жилье, а поскольку центральные области были уже застроены, все они устремились в пригородные земли.

Наконец, третье обстоятельство – глобальные инвестиции. Несмотря на некоторые сомнения в начале переходного периода (в 1990-ые годы) уже на рубеже столетий стало понятно, что международный капитал сыграет существенную роль в развитии нового жилого, промышленного, торгового, офисного строительства в крупнейших постсоциалистических городах.

К сказанному следует добавить еще как минимум два важных фактора, под воздействием которых «пригородная революция» в постсоциалистических странах приобрела свое специфическое лицо и характеристики. Первый из них – особая роль сельско-городской миграции 1990–2000-х гг., которая привела к нарастанию проблем городской бедности и проблемы самовольных поселений. С массовой сельско-городской миграцией столкнулось большинство постсоциалистических стран, особенно те страны бывшего Советского Союза, в которых сельское население в XX в. росло столь же высокими темпами, как и городское. В результате внутренней миграции, которая ранее контролировалась государством, численность населения некоторых из столичных городов на постсоветском пространстве увеличилась более чем вдвое за последние двадцать-двадцать пять лет. Второй значимый фактор в развитии пригородных зон – климатические и географические условия, которые предъявляют свои требования к строительству жилья.

Отметим, что современную Россию с большинством стран СНГ объединяет массовое переселение сельских жителей в крупные и средние города, развитие частного сектора на городской периферии после многих лет государственных ограничений. Пожалуй, именно характер миграции и отличает постсоветские города от западных, для которых в последние десятилетия было характерно превалирование внешней, а не внутренней миграции. В отношении новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР, интересным кажется замечание Н.П. Космарской, которая отмечает, что жизнь городов на пространстве бывшего СССР развивалась под воздействием двух важнейших факторов, нетипичных для городов Запада. Речь идет о не имеющих аналога на Западе мощных трансформациях «бытия» и «сознания», вызванных распадом СССР, и значительном воздействии на эти города внутренней миграции – миграции

относительно близких по культуре сограждан, а не внешней, ставшей вызовом для Запада с послевоенных времен [2, с. 76].

Эти тезисы, связанные с массовыми миграциями сельских жителей в крупные города, находят отражение в исследованиях, касающихся, допустим, Кыргызстана (и развития пригородов Бишкека), Казахстана (Астана), Республики Беларусь (Минск), Монголии (Улан-Батор) и других стран бывшего социалистического блока.

Существенные сходства в современных процессах субурбанизации в странах СНГ и шире – бывшего социалистического блока – позволяют нам говорить о некоторых основных типах пригородного развития в этих государствах.

Первый тип связан с развитием скваттерских поселений. Сегодня они наиболее распространены в Центральной Азии, на Кавказе и в некоторых балканских странах.

Второй тип пригородного развития – рост существующих деревень и городов в столичной периферии. Этот тип подразделяется на два возможных направления. Первое связано с развитием поселений-спутников в рамках столичной агломерации силами бедного класса и рабочими, стремящимися найти более дешевое жилье недалеко от города. Второе направление в рамках этого типа развития относится к формированию пригородных поселений богатыми домохозяйствами и средним классом, включая строительство парков, развлекательных и торговых объектов.

Третий тип пригородного развития – трансформация бывших дач в добротные жилые пригороды. Построенные в советское время и имевшие характер сезонного жилья в постсоветский период, они были массово перестроены под жилые нужды во всех странах СНГ.

Четвертый тип пригородного развития – строительство проектируемых крупномасштабных пригородных поселений с использованием иностранных инвестиций.

Пятый тип включает в себя развитие нежилой пригородной инфраструктуры: строительство в пригородах торговых и офисных центров, складских и промышленных строений на основных транспортных узлах и коридорах городской периферии.

Несмотря на значительные масштабы развития пригородов в постсоветских странах по всем перечисленным направлениям, нам еще предстоит сделать первые серьезные шаги по изучению этих процессов, поскольку сегодня пригороды пока не стали предметом широких исследований среди ученых в России и в Республике Беларусь, а само предметное поле лишь складывается [1].

Литература и источники

1. Бреславский, А.С. Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. – 2016. – № 1. – С. 79–102.
2. Космарская, Н.П. Исследования города // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 74–85.

3. Stanilov, K. Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009 / K. Stanilov, S. Hirt. – Nairobi, 2009.
4. Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe. – Oxford, 2014.

ПОНЯТИЕ «ОБЩЕСТВО» КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ

С. В. Голубев (Витебск, Беларусь)

Понятие «общество» – фундаментальное для социальной науки. Однако, содержание этого понятия, что известно не только ученым-теоретикам, не является вполне определенным. Более того, по словам И. Валлерстайна понятие «общество» одно из «самых двусмысленных, самых обманчивых понятий социологического лексикона» [1, с. 71].

Первое, что важно отметить, говоря об идее, породившей понятие «общество», что она есть продукт буржуазного, протестантского сознания, порождение духа капитализма. Предпосылки для формирования идеи «общества» были созданы в эпоху Возрождения и Реформации, когда было произведено отделение религиозного от социально-политического (суверенитет политики Макиавелли) и реализовано, направленное против института официальной (собственно государственной) церкви, учение о религиозной общине как свободном собрании верующих. Последние, согласно протестантизму, именно не нуждались во внешней организации и вполне автономно постигали Истину своим разумом, и «открывали ее в своем сердце».

Идея общества как собрания индивидов, «всех, кто хочет участвовать» (Гоббс), будучи перенесена на сферу социально-политической и экономической жизни, стала важнейшей предпосылкой капитализма как общественного устройства, основанного на частной инициативе и рационалистическом отрицании надындивидуальной нормативности. Зарождающийся капитализм, точнее, получившая религиозную свободу буржуазия, в свою очередь, использовала эту идею в качестве орудия для борьбы за политическую свободу, за власть в обществе, в конечном счете, за изменение его государственного устройства в соответствии со своими ценностными представлениями. Посредством этого орудия задача по такому изменению была сформулирована следующим образом: «государство должно служить обществу». Впервые этот революционный, в сущности, лозунг, как непосредственная политическая цель, был заявлен в ходе Французской революции. Именно тогда «третье сословие», провозгласив себя Национальным собранием, «официально» приняло понятие «общество» в качестве самоопределения-самоназвания.

Психологически буржуа хотели быть «обществом» в подражание «высшему обществу», «свету» Франции Людовиков. Они считали себя «тоже» обществом, а то и «настоящим», в противопоставлении дворянскому. Но дворянство никогда не отделяло себя, как «общество», от «государства»,

напротив, исторически сложилось как служилое государственное сословие (государством образованное и государствообразующее) и принципиально отождествляло себя с государством. Не только французское, но любое дворянство могло повторить вслед за Людовиком XIV: «Государство, – это мы». Буржуазия же принципиально отделяла себя от государства и несла с собой новый дух, – частной жизни, частного интереса, которому последнее и должно было теперь подчиняться, превратившись в его служителя-охранителя, сторожа.

Выразившееся в указанном самоопределении умонастроение «третьего сословия», его ведущую мировоззренческую установку ярко сформулировал один из его лидеров, аббат Сийес сказавший, что: «Третье сословие должно стать всем». Сегодня можно констатировать, пожалуй, что эта задача решена. В «капиталистическом» или, что тоже самое, либеральном обществе, буржуазия и стала «всем», что показывает такой непосредственный участник и, в то же время, объективный свидетель процесса как язык. Слово «burger» сегодня, согласно словарю, имеет такие значения: 1) гражданин; 2) городской житель, горожанин, мещанин; 3) буржуа, бюргер; ист. представитель третьего сословия; 4) обыватель, мещанин; 5) ист. Житель замка, крепости [2, с. 301]. Здесь наглядно и четко, «без лишних слов», фиксируется политический смысл «буржуазной революции» (и шире – Нового Времени), проявляющийся в изменении, точнее, расширении, значения понятия «burger» от жителя замка-крепости, до буржуа, горожанина, а затем и до гражданина, гражданина вообще, как такового.

Отметим еще, что духовное содержание идеи-понятия «общество» раскрывает русское слово «мещанство» – этимологически точный аналог слов «буржуазия» и «бюргерство». Мещанство, как и буржуазность, – это не только и не столько сословие, сколько «состояние души», определенное мировосприятие и система ценностей, и тем самым, определенная идеология. Основанием мещанства является, как сказал бы Гегель, стремление особенности реализовать себя именно в качестве особенности (выражаясь современным языком, – индивидуалистическая установка сознания). Это стремление и осуществляется в гражданском-бюргерском обществе «предоставляющем каждой особенности ее право». То, что, в известной мере, оно (это стремление) свойственно человеку как таковому и составляет жизненную силу буржуазно-либерального общества, почему, кстати, социалистическое государство и боролось с мещанством, третируя его идеологически.

Поскольку особенность утрачивает связи с всеобщим и провозглашает себя, именно как особенность, мерой всех вещей, она теряет свою меру и порождает «индивидуализм». Мещанство, как проявление последнего, начинает духовно преобладать в общественной жизни тогда, когда возникает ощущение, что «Бога нет». Социально мещанство проявляется в обесценении и утрате социальных связей особенно прагматически ориентированных и естественноскладывающихся. В пределе, даже в потере связи между родителями и детьми, как в современных США, и между супругами, когда на

смену семье приходит своего рода «contract social» в миниатюре (брачный контракт) – не более чем простейшая «ячейка» для взаимобмена услугами и накопления собственности, которая, впрочем, у современных супругов нередко бывает раздельной.

Резюмируя можно, таким образом, заключить, что по своему внутреннему духовному содержанию, идейно, понятие «общество» – это мещанское, буржуазное, капиталистическое, либеральное, «западное» (все это, в данном случае, – синонимы) понятие. То же, заметим, касается и политического содержания современной науки об обществе – социологии, которая есть именно либеральная наука, своего рода «теория научного либерализма». Показательно, в этой связи, что марксизм боролся с социологией именно как с «буржуазной наукой», противопоставляя ей «теорию Научного Коммунизма». Показательно и то, что расцвела социология не где-нибудь, а в США, а с другой стороны, то, что на Востоке она и сегодня еще «импортный товар».

Отметим еще, что политический смысл понятия «общество» проявляется в ставшем догмой для современной социальной науки разделении (и противопоставлении) общества и государства. Европоцентристская установка мешает заметить, что это разделение есть уникальная особенность современной западной цивилизации. Ни одна другая культура его не знала и не знает. И у греков с их полисом, и в Средневековье, и в Китае, и в Индии с ее кастами, и в мусульманском мире, социальное и политическое неразделимы. Всегда наличествует сущностное единство, взаимопереход социального и политического, и, обязательно, религиозного. Мусульманская умма – это и религиозная, и политическая, и социальная организация, индийские касты имеют религиозное основание. Для китайцев, конфуцианство это, прежде всего, религиозное и потому социально-политическое учение. Средневековое социально-политическое устройство также строилось на религиозных основаниях, а античный полис был и религиозной общностью, что заставляло императорский Рим включать в свой пантеон божества присоединенных территорий. И в буддийских обществах, невыраженность политической структуры предопределена особенностями религиозного учения.

Собственно, все западные исследователи взаимоотношений «государства и общества», «государства и религии», которые, согласно их *specto*, должны существовать в обществе «по определению», обнаруживают в незападных обществах нерасчлененность этих взаимоотношений, но оценивают этот факт, естественным для них «объективным» методом (сравнением с европейским в качестве эталонного), как показатель социальной неразвитости. Таким образом, политическая идея, мимикрировавшая под «понятийный инструментарий» проявляет себя в научном исследовании.

Литература и источники

1. Валлерстайн, И. Общественное развитие или развитие мировой системы // Вопросы социологии. 1992. № 1. – С. 72–79.
2. Большой немецко-русский словарь. Т.1. – М., 1980.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА КАК МЕТОД СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Голубев В. С. (Минск, Беларусь)

Феномен социального управления является объектом научного интереса уже долгое время. В том или ином контексте его рассматривали такие мыслители, как М. Вебер, Т. Парсонс, Э. Гидденс, Н. Луман, А. Панарин, А. Дугин и др. Как повысить стабильность общества, как добиться от граждан неукоснительного исполнения законов и обязанностей, и при этом сохранить их права и свободы? Возрастающая протестная активность граждан в Европе, вызванная недовольством миграционной политикой правительств ЕС, возрастающая активность террористических организаций в странах Европы суть наиболее красноречивые подтверждения тому простому факту, что окончательные ответы на предложенные вопросы ещё не найдены, и перед любым исследователем открывается широкое поле деятельности.

Концепт «социальное управление» является, вне всякого сомнения, одним из самых сложных и многозначных, и мы вправе сказать, что до сих пор нет единого, общепринятого его определения в социальной науке и философии. Мы считаем наиболее подходящим для данной работы определением понятия «социальное управление» следующее: специфический вид субъект-субъектной (реже субъект-объектной) деятельности, направленный на постановку и достижение определённой цели, путём *сознательной и адекватной организации окружающего пространства* (курсив наш – В.Г.) различными способами в необходимую форму социального порядка с использованием властного ресурса, а также сам процесс осуществления данного вида деятельности. Мы так же предлагаем методы социального управления разделять на прямые (когда объект управления знает, для чего он подчиняется) и непрямые (когда объект управления не знает истинных целей субъекта управления). Следуя отечественной философской традиции, к прямым методам социального управления мы отнесем «принуждение, убеждение и стимулирование» [1, с. 65]. К непрямым методам можно отнести манипулирование, образование (мы понимаем, что образование вряд ли можно назвать методом социального управления, но предлагаем такой вариант в целях сохранения стиля и полноты конструкции – В.Г.) и организацию окружающего пространства. Принимая во внимание ограниченный объем данной работы, мы бы хотели остановиться подробно лишь на последнем методе социального управления.

В начале XX века, когда технический прогресс не был столь глубоко внедрён в социальную сферу, некоторые методы социального управления и их эффективность не были столь очевидны. Сегодня же традиционные методы социального управления уступают место новым, либо сами меняются под воздействием технического и гуманитарного прогресса. Не последнюю роль в понимании механизмов работы методов социального управления сыграли социологические и психологические исследования.

Организация окружающего пространства как метод социального управления использовалась с давних времен. В первую очередь это было связано с представлениями древних о порядке и иерархии. В центре городов и поселений под надежной защитой крепостных стен помещались наиболее важные, с точки зрения данного общества, объекты – храм, агора, королевский дворец, монетный двор или иные строения. Город структурировался естественным образом – чем выше в социальной иерархии и/или богаче житель, тем ближе к центру находится его жилище, что, в известной мере, облегчало управление, т.к. все важные чиновники и необходимые слуги жили, как правило, в непосредственной близости либо в самом административном центре или культовом сооружении. Кроме того, подобное расположение способствовало большей сохранности имущества и ценностей горожан, т.к. в результате восстаний, боевых действий и осад городов в первую очередь страдали дома и постройки беднейших слоев населения, которые жили вне пределов городских стен. Ограниченность городского пространства способствовала в значительной мере выработке норм и правил поведения в обществе, т.к. для того, чтобы только попасть в город, необходимо было преодолеть ворота, а в ряде случаев целую систему ворот. Не случайно появилась известная римская поговорка: *ordinem servare, conservabunt te, et ordo*. Опять же, ограниченность населения внутри городских стен позволяла легче контролировать социальные отношения, что, в свою очередь так же определенным образом влияло на их кодирование, отсюда высокая ценность города по сравнению с сельской местностью, ведь, как известно, именно городской воздух делал человека свободным. Повышенная ценность и цена недвижимости в центре города, несмотря на кажущуюся архаичность, сохраняет свою актуальность и сегодня, особенно в столичных городах.

Особую роль в формировании нового типа мировоззрения в эпоху географических открытий сыграли корабли, как совершенно специфический тип организации окружающего пространства. Корабль – это небольшое сообщество людей, связанных общим делом и обреченных быть в тесном взаимодействии, и, по необходимости, воспринимающих враждебно любое иное человеческое сообщество. Подобный тип социального поведения получил свое собственное развитие в современном бизнесе, в рамках крупных корпораций.

Немаловажный аспект организации окружающего пространства заключен не только в пространственном, но и в качественном его структурировании. Важным представляется не только то, где построено, но и

то, что построено! В средние века принципиальными точками организации окружающего пространства были монастыри и церкви. Крестьянин, горожанин и даже дворянин рассматривали церковь как воплощение царства Божьего на земле. Из серых и унылых будней, тяжелого труда и бедности (средневековые дворянские замки трудно назвать богатыми и роскошными) человек средневековья мог бежать в мир роскоши, золота и богатств, и, главное, спокойствия. В процессе развития цивилизации центр тяжести социального порядка смещался в сторону профессиональных цехов и, позже, мануфактур. Совсем недавно, в советском прошлом, университет и библиотека были символами существующего социального порядка. В современном обществе, в «телоцентричном обществе досуга и потребления», роль точек поддержания и воспроизводства существующего социального порядка играют супермаркеты и ночные клубы, или, особенно популярные сегодня, торгово-развлекательные центры. Не случайно, в Европе последнее время все больше костелов и церквей, этих молчаливых свидетелей прошлого, сдают под ночные клубы и дискотеки. Внимание человека с собственной души и духовного *о-Бог-ащения* переключено на внешнее потребление, на мир материальных вещей. И уже не религиозные ценности, а «вещи (материальная культура) создают окружающую среду, в которой живет средний человек. Они несут «сообщения», оказывающие мощное воздействие на обыденное сознание» [2, с. 65].

Отдельное внимание хотелось бы уделить такому явлению современной жизни, как мода, т.к. она напрямую влияет на эффективность социального управления. Традиционный взгляд на внешний вид человека хорошо передан Т. Парсонсом. «Мужское платье – это по существу униформа, допускающая, в противоположность женской одежде, лишь небольшие отклонения в связи с различием вкусов. Это способствует тому, что о мужчинах судят и их оценивают по их профессиональным достижениям, в то время как оценка женщин основана на том, что лежит вне профессиональной сферы. Это различие особенно бросается в глаза в городских средних классах, где конкуренция за классовый статус наиболее сурова» [3, с. 369]. В современном западном обществе, где само понятие пола является не столько биологическим, определенным от рождения, сколько социальным, т.е. результатом свободного выбора, внешний вид человека перестает играть сколько-нибудь серьезную роль в поддержании социального порядка. С другой стороны, стирание различий между людьми, т.е. большая их унификация однозначно способствует повышению социальной управляемости граждан в современном обществе.

Подводя итог, хотим отметить, что, несмотря на технический прогресс, на развитие социальной науки, несмотря на огромную разницу между архаическим и современным обществами, организация окружающего пространства по сей день остается методом социального управления, эффективность которого трудно переоценить.

Литература и источники

1. Ильин, М.В. Власть / М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль // Райгородский, Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 1. Хрестоматия. – Самара, 1999.
2. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2000.
3. Парсонс, Т. О структуре социального действия. – М., 2002.

ТЕХНОСОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКА МАССОВОЙ ВИКТИМНОСТИ

Гончарова Н. И. (Одесса, Украина)

Популярный электронный ресурс, характеризуя техногенную цивилизацию, определяет ее основные черты следующим образом:

- стремление преобразовать природу в своих интересах;
- свобода индивидуальной деятельности, определяющая относительную независимость по отношению к социальным группам [1].

Такое определение дает хотя и упрощенную, но довольно верную картину, локализуя все многообразие отличительных признаков в двух сферах: отношение «человек-природа» и отношение «человек-человек». И одним из факторов, оказывающим колоссальное влияние на обе эти сферы в границах техногенного мира, является замена природосоциальных условий бытия условиями техносоциальными.

На уровне обыденного восприятия эта замена ассоциируется с уже привычными признаками урбанизации: асфальт вместо земли, нафаршированные электроникой «высотки» вместо частных домиков, автомобили вместо гужевого транспорта. Существует немало теорий, изучающих изменения в образе жизни и мышления современного человека под влиянием этих условий современной городской жизни. И такие изменения, безусловно, имеют место. Но на наш взгляд, дело обстоит несколько сложнее.

Фундаментом современной модели научного и обыденного мировосприятия послужило главенствующее в философии Нового времени направление механистического рационализма. «Современная западная цивилизация, – писал О. Тоффлер, – достигла необычайных высот в искусстве расчленения целого на части, а именно в разложении на мельчайшие компоненты. Мы изрядно преуспели в этом искусстве, преуспели настолько, что нередко забываем собрать разъятые части в то единое целое, которое они некогда составляли» [2, с. 11]. Именно на этой мировоззренческой основе, иронически сформулированной американским футурологом, почти одновременно сформировались два мифа.

1. Миф о том, что некоторую часть мира можно изменить (в идеале – «улучшить»), не оказав существенного влияния на остальные его части и структуру мира в целом (Данным мифом питалась уверенность офтальмолога Гельмгольца в том, что он мог бы улучшить человеческий глаз как орган

зрения; на этом же убеждении строится практика создания «зон криминологической безопасности»).

2. Органически следующий из предыдущего миф о том, что человек по природе своей единичен, отделен, и лишь в силу некоторых потребностей может (но вовсе не «должен») взаимодействовать с иными единичностями.

Данная модель мировосприятия осуществляется в повседневном бытии в форме постулирования мнимой «самодостаточности» субъекта, его независимости от других людей и от природы в целом. На самом деле связи с другими людьми опосредованы вещными предикатами, которые, однако, воспринимаются человеком как расширение (продолжение) его тела в пространстве (а отчасти – и во времени).

«Личное пространство» на сегодняшний день уже не связано с социальным взаимодействием. Это – не пространство подворья или «длины копыя», лишь частично отъединенное от окружающего мира, а пространство автомобиля или квартиры, закрытое и отгороженное от внешнего мира со всех сторон. Именно эта локальность и частность воспринимается как необходимое условие его неизменности, а следовательно – надежности. Постоянная смена-изменение всех и всяческих характеристик, свойственная стремительно развивающемуся обществу, порождают у индивида стремление оградить, в прямом и переносном смысле, свое личное пространство от случайностей, спровоцированных миром. Отгородиться от него при помощи вещной оболочки (закрыть дверь, определить «пространство частной жизни» как сферу абсолютного невмешательства кого бы то ни было), символически отрезав непосредственный доступ, который замещается доступом опосредованным – телефоном, телевизором, интернет-технологиями.

Данная «оболочка» носит в техногенном обществе ярко выраженный механистический характер. Современное развитие промышленности породило феномены искусственно-гомогенной и агрессивной среды, т.е. такой, которая в силу своих конструктивных особенностей (тиражирования стандарта прямых углов и параллельных линий, однообразия архитектурных элементов, невыразительности фона) противоречит потребностям высокоорганизованного живого организма, либо порождая состояние депрессии, либо формируя повышенную агрессивность. С другой стороны, привычная механистичность и геометричность искусственного пространства приводит к восприятию природы как некоторой «неправильной» среды (в силу ее отдаленности от строгих геометрических форм). Фактически, в техногенном обществе наблюдается иная, «небиологическая» («механическая», «техническая») организация пространства и времени, так что можно констатировать замену природосоциальных условий бытия условиями техносоциальными.

Непосредственное общение с другими людьми, включение в общественную жизнь имеет тенденцию к замещению общением опосредованным и наблюдением при помощи технических же средств. Событийность подменяется псевдособытийностью (форумной активностью, участием во всевозможных шоу, просмотром сериалов), где и мир, и люди

существуют в виртуальном измерении. Качество общения оценивается исходя из количества штампованных сообщений («смайликов», «лайков»), «нулевых» с информационной точки зрения текстов и изображений, значимых только в качестве заявки о собственном существовании и собственных претензиях. Т.е., реальные связи и отношения подменяются квазиреальными, и человек таким образом сам стимулирует ощущение «оторванности» и «чуждости» миру.

Именно ощущение чуждости и отъединенности от мира (как «мира чуждой природы», «мира чужих вещей» либо «мира других людей») провоцирует чувство страха и собственного бессилия. Огромность мира ощущается как огромность и неумолимость угрозы, которая рано или поздно будет реализована. Так формируется и воспроизводится мировоззренческое условие массовой фрустрации и, как следствие, высокий уровень массовой виктимности (Виктимность в данном случае понимается как уязвимость для какой-либо внешней опасности – техногенной катастрофы, природного катаклизма, криминального преступления либо банального несчастного случая.)

«Автономный» индивид, не ощущающий поддержки ни общества, ни ближайшего окружения, является идеальным объектом манипулирования. Он потенциально уязвим для любого агрессивного акта либо трагической случайности, поскольку не властен над ними и не защищен от них. Поэтому естественной формой самозащиты в этом случае выступает «наращивание вещной оболочки» и абсолютизация локального личного пространства – в ущерб взаимодействию с реальным миром (увеличение мощности кондиционеров вместо улучшения состояния атмосферы; усложнение систем охраны личного жилья вместо улучшения криминогенной обстановки и т.п.). Вместе с тем отчуждение человека от природных и социальных условий существования, многократное опосредование связи с ними за счет механических средств порождает внутреннюю неудовлетворенность, неосознаваемую и неререфлексируемую ущербность и недостаточность непосредственного существования. Эта внутренняя самоограниченность компенсируется за счет эскапических, агрессивных и / или аутоагрессивных видов поведения: алкоголизма и наркомании, актов вандализма либо «адреналиновых» видов спорта.

Таким образом, специфические черты техногенной цивилизации формируют особую «техносоциальную» модель человеческого бытия, в которую включены условия социальной и природной дистанцированности как предпосылки массовой фрустрации и массовой виктимизации.

Следует сказать, что выше изложенная тенденция не является единственно значимой и тем более единственно возможной в рамках современного общества. В научной среде активно формируются и развиваются теории, подрывающие фундаментальные положения механистического рационализма (к их числу можно отнести и теорию Эйнштейна, и, в гораздо большей степени, идеи Брюссельской школы).

Однако на уровне обыденного сознания, в рамках повседневного бытия именно она является преобладающей, что может быть расценено как одна из глобальных угроз техногенной цивилизации.

Литература и источники

1. Цивилизациум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium/tehnogenna-civilizacia>
2. Тоффлер О. Наука и изменение // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М., 1986.

«ЗЕЛЕННЫЕ» ПРИНЦИПЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: МИРОВАЯ ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛАРУСИ

Дайнеко А. А. (Минск, Беларусь)

*«Экономика есть искусство
удовлетворять безграничные
потребности при помощи ограниченных
ресурсов»
Лоренс Питер*

За последнее столетие мир стал свидетелем трех кардинальных экономических преобразований: промышленная и технологическая революции, на смену которым пришла современная эра глобализации. Несмотря на достигнутые результаты в повышении жизненного уровня людей, в третьем тысячелетии новой эры проблемы охраны природы приобретают особую актуальность, поскольку риски традиционно-потребительской экономической модели глобального развития ставят под угрозу достижение сформулированных ООН целей развития тысячелетия.

Если человечество не откажется от существующей модели развития, то в ближайшие тридцать-сорок лет будет использовано количество материальных ресурсов, адекватное потреблению за всю предыдущую историю. Сегодня потребление уже превышает физические возможности планеты. Запасы десяти самых важных металлов могут истощиться уже в текущем столетии. Дефицит фосфора возможен уже в 40-е годы XXI века. Истощение запасов нефти может наступить через 45 лет, газа – через 60. Полярные льды могут растаять, уровень моря – подняться, из-за этого треть всех имеющихся видов растений и животных находится под угрозой исчезновения [1].

Собрана значительная доказательная база, свидетельствующая, что экономически развитые страны потребляют свыше 75% мировых энергетических и природных ресурсов, одновременно создавая подавляющую часть промышленных, ядовитых и бытовых отходов. Одновременно прогнозируется, что становление новых экономик приведет к дальнейшему усугублению глобальных проблем окружающей среды, тем

самым создавая дополнительную угрозу для нынешнего и будущего поколений [2]. Единственное, что вселяет надежду – источник этих прогнозов, поскольку если об этих устрашающих перспективах говорит весь мир, значит – «красная лампочка» тревоги замечена и работа началась. Правительства всех без исключения индустриально развитых государств постепенно осознают конечность природных ресурсов и смертность глобальной экосистемы.

Существующая ситуация предопределила необходимость поиска альтернативных путей развития, и сейчас мир стоит на пороге новых великих перемен – на пороге эпохи «зеленой» экономики. Следует акцентировать внимание на том факте, что «зеленая» экономика полностью отвечает вызовам времени – это такая хозяйственная система, которая соответствует принципу «экономически выгодно то, что экологически безопасно».

Таким образом, перед бизнес-лидерами сегодня стоит непростая задача обеспечения прибыли за счет экологически устойчивых методов. Бизнес имеет реальную возможность извлекать прибыль, одновременно применяя принципы этического руководства и участвуя в сохранении окружающей среды для будущих поколений. Вполне достижимо соединить эти возможности воедино, однако для этого необходимо преодолеть ряд проблем. Посредством неординарных предпринимательских инноваций, возникающих на основе глубоко укоренившихся экологических ценностей, бизнес может создать больше возможностей для будущих поколений.

С точки зрения сочетания мер политики не существует какого-либо универсального решения для обеспечения перехода к «зеленой» экономике. «Зеленая» экономика не предполагает осуществление устойчивого развития на основе подхода «один размер подходит всем». Необходимо проведение анализа каждого «рецепта» с точки зрения его последствий для развития, социального влияния. Для этого «зеленая» экономика предлагает широкий спектр подходов, которые должны быть увязаны с характеристиками и природным наследием каждой страны, уровнем ее развития, эффективностью деятельности ее учреждений, а также характером и масштабами преобладающих дефектов рыночного механизма, секторами, определенными ею приоритетными целями и целевыми показателями, и другими факторами, специфичными для конкретной ситуации [3]. Все рассматриваемые варианты должны соревноваться между собой на арене «лучше, дешевле и быстрее».

На основе изучения мирового опыта нами выделены четыре ведущих стадии внедрения экологических принципов в стратегию бизнеса, то есть так называемых «оттенков зеленого» [4]. Каждый оттенок предлагает свой собственный способ создания и поддержания прибылей, соединяя понятия бизнеса, этики и окружающей среды, и по восходящей степени насыщения стратегий бизнеса элементами «зеленой экономики» включает:

1. «Принцип светло-зеленого», идеология которого заключается в создании конкурентного преимущества бизнеса за счет соблюдения законодательства. Во-первых, страны со строгим природоохранным законодательством завоевали свою долю на рынке – они более эффективны и

владеют лучшими технологиями. Во-вторых, в своей отрасли компании могут преследовать общественные цели, соответствующие их конкурентному преимуществу. Инновационные технологии и специальные знания и навыки дают компании преимущество над конкурентами, не владеющими технологиями и навыками. На этой стадии выигрывают те бизнес-лидеры, которые устанавливают стандарты и идут дальше простого соблюдения законов;

2. Рыночно-ориентированную концепцию бизнеса, или «принцип рыночно-зеленого», основанный на создании и поддержке конкурентных преимуществ за счет ориентации на экологические предпочтения потребителей. Интернет сделал потребителей более информированными о каждом аспекте продукта, включая его потенциальный вред окружающей среде. Соответственно, бизнес, который сможет наиболее полно удовлетворять экологическим потребностям рынка, выйдет победителем в конкурентной борьбе;

3. «Принцип стейкхолдерского зеленого», который применяет логику рыночно-зеленого по отношению к ключевым группам стейкхолдеров, например, потребителей, поставщиков, сотрудников, сообществ, акционеров и пр. Стратегии «стейкхолдерского зеленого» основаны на более глубоком принятии экологических принципов во всех аспектах деятельности бизнеса;

4. Комплексно-зеленый вариант развития, или «принцип темно-зеленого», при котором бизнес нацелен создавать и поддерживать стоимость в неразрывной связи с заботой о планете Земля. В основе данного принципа заложено лидерство в продвижении экологических принципов как основы своей деятельности. Несмотря на тот факт, что большинство предпринимателей воспринимают «темно-зеленый оттенок» развития как идеалистический, однако даже в таких случаях осознание возможности его существования может стать эффективным средством для бизнес-лидеров, которые хотят сформулировать свои собственные экологические принципы и найти инновационные ответы для построения экономически и экологически устойчивого будущего.

Таким образом, мировое развитие не может остановиться, но оно должно пойти по пути достижения справедливого баланса между экономическими, социальными и экологическими потребностями нынешнего и будущих поколений. Это – путь будущего и для Беларуси. «Зеленый» рост, как и другие программы, нацеленные на сохранение экосистемы, уже стал мировым трендом. Государства, правильно определившие долгосрочную перспективу становления новой системы отношений в системе «экономика – природа», могут рассчитывать на большую эффективность своих усилий, а те, кто продолжает действовать исходя из традиционно-потребительских представлений, рискуют оказаться вне мирового прогресса. Соответственно, белорусская экономика не должна проигнорировать эту тенденцию – во избежание инерционного сценария «догоняющего» развития. Важно то, что, начав изменения в экономике на принципах устойчивого развития, Беларусь будет по-иному выглядеть для международного сообщества, поскольку от

экологической ситуации и типа экономики – инновационная или индустриальная – зависит имидж страны в мире. Экологически безопасная Беларусь – это инвестиционно привлекательная страна, а экологически безопасная среда – гарантия благосостояния для всего общества [1].

Литература и источники

1. Гануш, Г.И. Три грани успеха: экономическая социальная и экологическая эффективность органического сельского хозяйства / Г.И. Гануш, И.А. Грибоедова // *Беларуская думка*. – 2013. – № 1. – С. 77–87.
2. Костина, Г. Внукам точно не хватит // *Эксперт* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/signin/?next=/expert/2012/03/vnukam-tochno-ne-hvatit/>.
3. Тематические прения по «зеленой экономике»: путь к устойчивому развитию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/president/65/initiatives/ge.shtml>.
4. Freeman, R.E. *Shades of Green: Ethics and the Environment* / R.E. Freeman, J. Pierce, R. Dodd. – NY, 1995.

КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Добродум О. В. (Киев, Украина)

Большое значение для рассмотрения актуальной тематики взаимодействия культуры, религии и политики в эпоху глобальных рисков имеют процессы, несущие конфликтогенные черты современного социума: ксенофобия зачастую пронизывает культуру в разных ее аспектах, а определенное сращивание религии и политики может играть как конвергентную, так и дивергентную роль. Философия истории зачастую характеризуются взаимодействием религиозного и политического компонентов культурной жизни, понимавшемся как союз Алтаря и Трона, Креста и Короны, Царства Бога и Кесаря, Града Божьего и Града Земного, мира горнего и мира дольнего, сакрального и профанного, небесного и земного, сверхъестественного и естественного, божественного и мирского, духовной и светской культур, клириков и мирян и т.п. [1].

Симбиоз культурной, религиозной и политической идентичностей можно проиллюстрировать воззрениями Дж.Вико о том, что «все нации произошли от какой-нибудь религии», Ш. Пеги «Все начинается с мистики, а заканчивается политикой», представлением А.В. Луначарского о «политическом жале» религии и высказыванием М. Ганди: «Не думаю, что религия не имеет отношения к политике. Политика, отделенная от религии, подобна трупу, который только и можно похоронить». А. Тойнби полагал, что, когда тускнеет государственная жизнь, эпицентр определяющих событий переносится в религиозно-церковную плоскость. Религиозно-политическую ангажированность мировоззренческих матриц отмечал и Г. Кюнг, утверждая, что мира во всем мире не будет, пока не будет мира

между религиями.

Спектр взаимоотношений культурной, религиозной и политической картин мира (будь то доктрины «двух властей», «двух мечей» или «двух сфер», концепты «цезарепапизма» и «папоцезаризма», модели имперских, политических и гражданских религий) являлся предметом рефлексий многих философов, теологов, религиозных и политических деятелей [2; 3; 4; 5].

Так, еще Ф. Аквинский утверждал, что солдат, ведущий войну за правое дело, все равно, что святой, а Ф. Кастро подчеркивал, что революционеров и христианских святых сближает их глубокая вера в правоту дела, способность к самопожертвованию. И.Я. Кантеров обращал внимание на такие полярные вещи в религиозно-политическом взаимодействии, как союз клерикализма и милитаризма, альянс Библии и винтовки [6].

После распада социалистической системы религию стало принято считать, в духе С. Хантингтона, основной закваской глобальных конфликтов. Как отмечал российский исследователь истории религии А.С. Агаджанян, на протяжении многих веков, вплоть до эпохи Просвещения, именно религии принадлежала сама идея «глобального», которая в наше время проявилась в виде формирования религиозного глобал-маркета, детерриториализации религии поверх традиционных конфессиональных, политических, культурных, национальных, этнических и цивилизационных границ (например, протестантские евангелические церкви, пятидесятничество, движение «New Age», бахаизм). Ученый отмечал и наличие такого исторического феномена, как «религиозный антиглобализм», который встраивался в глобальные рамки в качестве «контрфорса» [7].

Как культура, религия и политика в начале XXI в. могут восприниматься и глобализация, и демократия, и права человека, и светскость, и модернизация. В современной глобальной культуре, когда стала очевидной тенденция пересмотра некоторых систем мироустройства (вестфальской, ялтинской, потсдамской и т.п.), конфессиональный фактор приобретает важное значение, хотя одновременно может являться и зоной глобальных рисков в современном мире.

Подобная фронтирная ситуация, проявляющаяся в виде культурных парадоксов и коллизий турбулентных и текучих идентичностей, иллюстрирует преждевременность ожиданий отмирания религии в неолиберальном обществе: напротив, констатируется противостояние религиозного фундаментализма рыночному. Культурологический тезаурус включает понятия политической теологии и теологии политики, политического протестантизма и политического православия, представления о «преображении» Америки и «перезагрузке» Святой Руси, «вавилонизации» мира и деятельности новых религиозных движений в угоду американским интересам, миссионерских войнах за демократию и пр.

П. Бергер и другие теоретики религиозной и культурологической мысли, писавшие о «возвращении религии», «возрождении религии» (религиозном ревайвлизме и ревитализации), имели в виду, прежде всего,

возрождение фундаменталистских религий. С другой стороны, проявляется напряженность между различными религиозными мировоззрениями и просвещенным секуляризмом, порой предстающим, подобно коммунизму, некоторой формой религии.

Культуру современного глобального этоса можно рассмотреть под углом зрения проблемной взаимосвязи религии и политики. Происходящие процессы политизации религиозной среды и клерикализации светского государства ощутимым образом влияют на культуру, впрочем, как и конвергентные процессы современного мира.

Современное глобальное сообщество демонстрирует различные конstellации культурных идентичностей: религиозных фундаменталистских и правоконсервативных движений, мессианских представлений, религиозно-политической картины мира граждан и церковно-государственной апологетики. Маркером культурной и религиозной глобализации являются межконфессиональный туризм и межрелигиозные паломничества, пробуждение неоархаики и ориентализация мирового сообщества. Глобализация культуры выступает определенной зоной рисков и знаменует также появление массовых эклектических форм религии.

Литература и источники

1. Hanson, E.O. Religion and Politics in the International System Today. – Cambridge, 2006.
2. Norris, P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. – Cambridge, 2004.
3. Jelen, T.G. Religions and Politics in Comparative Perspective: The One, the Few, and the Many. – Cambridge, 2002.
4. Филипович, Л. Етнологія релігії: теоретичні проблеми, вітчизняна традиція осмислення. – Київ, 2000.
5. Шуба, О.В. Релігія в етнонаціональному розвитку України (політологічний аналіз). – Київ, 1999.
6. Кантеров, И.Я. Клерикализм – идеология духовного насилия. – М., 1986.
7. Агаджанян, А.С. Эпоха портативной веры Религии отрываются от исторических корней и вступают в свободную конкуренцию // НГ-Религии. – 2006. – 5 апреля.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Довгялло М. М. (Минск, Беларусь)

Интерес к проблематике устойчивого развития вызван исключительной актуальностью и жизненной важностью этой темы. Однако в как в отечественной, так и зарубежной литературе в настоящее время не существует однозначного ответа на вопрос о том, что такое устойчивое развитие. Так, О.К. Дрейер и В.А. Лось полагают, что в настоящее время концепция устойчивого развития больше напоминает «философский камень» и «вечный двигатель» [1, с. 18].

Впервые понятие «устойчивое развитие» было использовано в докладе

Э. Бальфура и В. Джексона «Всемирная стратегия охраны природы» (1980 г.), однако в обиход оно вошло после публикации в 1987 г. доклада «Наше общее будущее» (именуемый как «доклад Брундтланд»). Авторы доклада «Наше общее будущее» представляли новую концепцию устойчивого развития как альтернативу развитию, основанному на неограниченном экономическом росте, и предлагали свое определение понятия «устойчивое развитие», которое рассматривалось как развитие, при котором нынешние поколения удовлетворяют свои потребности, при этом, не ставя под угрозу возможность удовлетворять свои потребности будущие поколения [2, с. 59]. Основными проблемами, требующими решения, были названы проблемы неконтролируемого роста народонаселения, неравномерности экономического развития различных регионов, голода и нищеты в афроазиатских странах, углубление экологического кризиса вследствие экспоненциального роста промышленного производства и потребления в индустриально развитых государствах мира.

В изначальном понимании устойчивое развитие – это некая сверхзадача человечества, решение которой создаст равные возможности для благополучной жизни ныне живущих и будущих поколений [3, с. 36]. Однако конкретная формулировка этой сверхзадачи разными группами экспертов видится совершенно по-разному, поскольку понятие «устойчивое развитие» применяется в различных областях человеческой деятельности, соответственно и его дефиниция имеет разные оттенки и трактовки.

Термин «устойчивое развитие» изначально был заимствован из лесоведения, используемый для обозначения вырубке зрелого леса в масштабах, позволяющих удовлетворять текущую потребность в древесине без ущерба для продуктивности леса в будущем. Постепенно идея «устойчивого развития» была распространена и на другие возобновимые природные ресурсы. С конца 1960-х гг. был впервые использован термин «sustained yield» для обозначения максимальных уловов рыбы, производимых в искусственных водоемах. Затем на смену «sustained yield» стал применяться термин «sustainable yield» в значении «оптимальное использование доступных ресурсов при обязательном условии сохранения соответствующей популяции». В 1981 г. Л. Браун начал применять этот термин к развитию городов, сельского хозяйства, промышленности и других сфер человеческой деятельности. Различные аспекты экологической транскрипции устойчивости также освещались в работах неоклассиков при рассмотрении теорий экономического роста («золотое правило накопления» Е. Фелпса, модели роста Харрода-Домара, Дж. Робинсона и др.). Вопросам обоснования траектории устойчивого развития посвящены работы Р. Солоу, Дж. Стиглица, Дж. Хартвика. С конца 60-х гг. термин «устойчивое развитие» стал активно использоваться в экологии [4, с. 10].

Само словосочетание «устойчивое развитие» является наиболее общепринятым переводом английского словосочетания «sustainable development». Слово «sustainable» переводится как поддерживаемый, длительный, непрерывный, стабильный, сбалансированный, равновесный,

жизнеспособный, а слово «development» – развитие, разработка, создание, рост, расширение, усовершенствование, развертывание, проектирование, эволюция, улучшение. Таким образом, с учетом указанных особенностей перевода, следует сказать, что в русском языке отсутствует точный перевод данного словосочетания, а также единого мнения относительно определения самого понятия. Так, на сегодняшний день исследователям предложено обратиться к термину «устойчивое равновесие». По мнению Ф. Хана, введшего в научный оборот данное понятие, «устойчивое равновесия – это состояние, в ситуации которого существующая в обществе экономика не формирует сигналы, которые заставляли бы общество менять принятые традицией формы и принятый в социуме курс действий» [5, с. 207].

Следует отметить, что, как отмечается в литературе, современное понимание термина «устойчивое развитие» не означает, что общество должно впасть в состояние неподвижности (гомеостаз), превратившись в статичную бюрократическую систему традиционалистского типа [6, с. 182]. Наоборот, развитие мировой цивилизации должно стать более динамичным, интенсивным, вариабельным.

Во-первых, оно должно быть сбалансированным, учитывать не только ресурсные параметры, материально-технические и экономические факторы роста, но также социально-политические и ценностно-мировоззренческие составляющие социальной динамики.

Во-вторых, устойчивое развитие предполагает переход к новому качеству роста. Это означает ориентацию развития на коэволюционный идеал отношений человечества с природным миром Земли и космическим окружением планеты. Рациональное природопользование должно опираться на научные знания о закономерностях функционирования и эволюции биосферы, основываться на научно обоснованных моделях управления биосферными процессами. Экологическая составляющая «качественного» развития предполагает создание на основе современной науки механизмов и технологий искусственного поддержания равновесия в экосистемах Земли, обеспечения прогрессивного развития биогеоценозов, поскольку количество антропогенных экосистем будет неизбежно нарастать, а естественные будут продолжать деградировать.

В-третьих, устойчивое развитие предполагает создание условий для справедливого распределения мирового ресурсного потенциала между процветающими странами Севера и бедными странами Юга для преодоления разрыва в уровне дохода между различными слоями населения и повышения качества жизни посредством внедрения новых, постиндустриальных технологий, финансовое обеспечение которых станет возможным благодаря рациональному потреблению и оптимизации развития богатых стран Запада [6, с. 182–183].

В заключении следует сказать, что на данный момент альтернативы устойчивому развитию не существует, но реализация «устойчивой» стратегии является, по мнению М.П. Чубика, чрезвычайно сложной задачей, поскольку для этого требуется выработка новых научных и

мировоззренческих подходов и радикальное изменение традиционных взглядов и ценностей [7, с. 155]. В действительности принципы устойчивого развития содержат лишь идею и не формулируют конкретных решений или инструментов для достижения состояния устойчивого развития – в настоящий момент речь идет лишь о постепенном прекращении нерационального использования природных ресурсов и декларировании необходимости создания и повсеместного внедрения теории и практики ресурсоэффективных и экологически безопасных технологий [7, с. 155], так называемом переходе к новому «зеленому» устойчивому обществу.

Литература и источники

1. Дрейер, О.К. Экология и устойчивое развитие / О.К. Дрейер, В.А. Лось. – М., 1997.
2. Наше общее будущее: доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>.
3. Миркин, Б.М. Сценарии перехода к устойчивому развитию / Б.М. Миркин, Л.Г. Наумова // Экология и жизнь. – 2002. – № 5. – С. 36–38.
4. Устойчивое развитие и социально-экологические параметры качества жизни / А.И. Зеленков [и др.]. – Минск, 2011.
5. Hahn, F.H. The Stability of Growth Equilibrium // Quarterly Journal of Economics. – 1960. – V. 74. – P. 206–226.
6. Философия и методология науки: Учебное пособие для аспирантов и магистрантов / А.И. Зеленков [и др.]. – Минск, 2011.
7. Чубик, М.П. Перспективы устойчивого развития человеческих экосистем // Известия Томского политех. ун-та. – 2012. – № 6. – С. 152–156.

СВЕТЛАНА АЛЕКСИЕВИЧ: ФИЛОСОФИЯ МИРА ПРОТИВ ИДЕОЛОГИИ ВОЙНЫ

Долбич М. В. (Минск, Беларусь)

В нобелевской лекции, которая состоялась в декабре 2015 г. в Стокгольме, Светлана Алексиевич подчеркнула: «У меня три дома – моя белорусская земля, родина моего отца, где я прожила всю жизнь, Украина, родина моей мамы, где я родилась, и великая русская культура, без которой я себя не представляю. Они все мне дороги...» Вместе с тем лауреат с горечью отметила, что в ее доме, на ее Родине, сейчас опять время силы. Русские воюют с украинцами, с братьями... «Время надежды сменило время страха. Время повернуло вспять». Поэтому, вероятно, не случайно нобелевская лекция Светланы Алексиевич называлась: «О проигранной битве» [1, с. 10].

Светлана Алексиевич долго искала жанр, который бы отвечал ее видению мира, и выбрала жанр человеческих голосов. Свои книги она высматривает и выслушивает на улицах, в домах, в жизни. В них реальные люди рассказывают о главных событиях своего времени – войнах, развале

социалистической империи, Чернобыле, а все вместе – об истории страны. Принципиально важно также отметить, что Светлана Алексиевич не считает себя «писателем катастроф» и убеждена в том, что «мир спасет только любовь» [2, с. 5].

Светлана Алексиевич родилась в 1948 году в г. Ивано-Франковск (Украина). В 1972 г. окончила отделение журналистики БГУ. Трудовую деятельность начала воспитательницей в школе-интернате, а затем учительницей. С 1966 года работала в редакциях районных газет «Прыпяцкая праўда» и «Маяк коммунизма», в республиканской «Сельской газете». Очень плодотворной была ее работа в журнале «Неман» (с 1976 г.). Со второй половины 1980-х гг. Светлана Алексиевич посвящает все свое время творчеству. В 1985 г. в издательстве «Мастацкая літаратура» была издана ее первая книга «У войны не женское лицо», которая многократно переиздавалась в московском издательстве «Время» [3; 7]. Своими главными учителями в профессии сама Алексиевич называет белорусских писателей Василя Быкова и Алеся [2, с. 5].

Писательский голос С.А. Алексиевич абсолютно органично сочетается с ее жизнью. Сама про себя она говорит, что «она – ухо». Слушает, вслушивается, записывает, воспроизводит, выстраивает. Делает достоянием общественности частное, рассказывает о неизвестном, напоминает о забытом. «У войны не женское лицо» – истории женщин-фронтовичек, «Цинковые мальчики» – книга о воинах-афганцах, «Время секунд хэнд» – человеческие повествования и свидетельства о времени надежды и трагедии 1990-х годов.

В нобелевской лекции, на нобелевском банкете, а также в интервью, которые состоялись по поводу награждения, Светлана Алексиевич говорит, что хотела бы написать еще две книги. Одну о любви, вторую о старости. Их хочется прочесть. Но страшно [3].

Обратим внимание на самую известную книгу С.А. Алексиевич «У войны не женское лицо». В этой книге собраны рассказы женщин, участвовавших в Великой Отечественной войне. Название книги – начальные строки из романа белорусского писателя Алеся Адамовича «Война под крышами» (1960). Книга составляет первую часть художественно-документального цикла «Голоса утопии» [3, с. 4; 7]. Книга написана и отредактирована к началу 1984 года, а впервые опубликована в журнале «Октябрь» в 1984 году (в журнальном варианте). Ещё несколько глав вышли в том же году в журнале «Неман». В 1985 году книга вышла отдельным изданием сразу в нескольких издательствах, в т.ч. и в «Мастацкай літаратуры» [3; 7].

Изданию книги предшествовало создание серии семи документальных телефильмов под общим названием «У войны не женское лицо», снятых по сценарию Светланы Алексиевич режиссёром Виктором Дашуком в 1981–1984 гг. на студии «Летопись» «Беларусьфильма». В.Н. Дашук за циклы документальных фильмов «Я из огненной деревни» и «У войны не женское лицо» получил Государственную премию СССР 1985 года. Цикл отмечен

также «Серебряным голубем» на международном кинофестивале в Лейпциге. Чёрно-белые телевизионные фильмы перемежают документальные съёмки Великой отечественной войны с речью участвовавших в войне героинь фильма. Белорусский писатель и фронтовик Василь Быков отмечал работу Светланы Алексиевич и Виктора Дашука как пример подхода к военной теме со стороны поколения, не участвовавшего в войне: «честно, правдиво, без недомолвок и отсебятины, с уважением к делу и слову людей, для которых прошлая война была их трудной жизнью и навсегда стала судьбой» [4; 5].

В книге С.А. Алексиевич собраны воспоминания многих женщин-фронтовиков, в которых они повествуют о своей судьбе, о том, как сложилась их жизнь в те страшные годы и обо всем, что они видели на фронте. Но это произведение не о прославленных снайперах, летчицах, танкистах, а об «обыкновенных военных девушках» как они сами себя называют. Собранные вместе рассказы этих женщин рисуют облик войны, у которой совсем не женское лицо. Во время Второй мировой войны мир стал свидетелем женского феномена. «Женщины служили во всех родах войск во многих странах мира: в английской – 225 тысяч, в американской – 450–500 тысяч, в германской – 500 тысяч... В советской армии воевало около миллиона женщин». «Все, что мы знаем о женщине, лучше всего вмещается в слово "милосердие". Есть и другие слова – сестра, жена, друг и самое высокое – мать... Женщина дает жизнь, женщина оберегает жизнь. Женщина и жизнь – синонимы» – так начинается книга С. Алексиевич [3, с. 5–6, 9–10]. Да в нашем представлении женщина – это нежное хрупкое безобидное существо. Но в те ужасные военные годы женщине пришлось стать солдатом, идти защищать Родину.

Книги Светланы Алексиевич издавались не только в нашей стране, но и за рубежом – в Америке, Германии, Англии, Японии, Швеции, Франции, Китае, Вьетнаме, Болгарии, Индии и т.д. Всего в 19 странах мира. Она – автор сценариев 21 документального фильма. И трех театральных пьес. Во Франции, Германии, Болгарии ставились спектакли по ее книгам.

Светлана Алексиевич награждена многими международными премиями: Курта Тухольского (Шведский ПЭН) за «мужество и достоинство в литературе», премией Андрея Синявского «За благородство в литературе», российской независимой премией «Триумф», лейпцигской премией «За европейское взаимопонимание-98», немецкими премиями «За лучшую политическую книгу» и имени Гердера. Как уже отмечалось, Светлана Алексиевич так обозначила в интервью главную идею своих книг, своей жизни: «Я всегда хочу понять, сколько человека в человеке. И как этого человека в человеке защитить? Чем мы можем его защитить?» [4; 5; 6]. Эти вопросы приобретают новый подтекст в связи с последними политическими событиями в Сирии, Украине, других странах и регионах мира.

Книги С.А. Алексиевич одна за другой складываются в художественно документальную летопись истории души советского и постсоветского человека. Автор все дальше разрабатывает и пробует возможности своего интересного и оригинального жанра. В каждой книге он предстает по-

новому. Сбывается то, о чем пророчествовал Лев Толстой, не раз утверждая, что за самой жизнью следить гораздо интереснее, чем ее выдумывать. «Искусство о многом в человеке и не догадывается», – утверждает С. Алексиевич. И она очень надеется на то, что человечество еще успеет сделать правильные выводы и сможет дать правильный ответ на вопрос: «Что же главное в человеке и человечестве?», позволяющие надеяться на мир в нашем хрупком доме с названием «планета Земля».

Литература и источники

1. Алексиевич, С.А. Правду нужно давать, как она есть. Из мемориальной нобелевской лекции лауреата // Беларусь сегодня. – 2015. – 9 декабря.
2. Алексиевич, С.А. Речь на нобелевском банкете // Комсомольская правда. – 2015. – 9 декабря.
3. Алексиевич, С.А. У войны не женское лицо. – М., 2016.
4. Светлана Алексиевич. Голоса страны Утопии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alexievich.info/index.html>.
5. Новости. ТУТ.БУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.tut.by/tag/ex6275-svetlana-aleksievich.html>.
6. Lenta.ru. КУЛЬТУРА [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/10/08/alexievich>.
7. Алексиевич, С.А. У войны – не женское лицо. – Минск, 1985.

ЗЛАТА ПРАГА И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ В ЖИЗНИ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ И НИКОЛАЯ ЛОССКОГО: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Запрутская А. Г., Юрочка Я. Ю. (Минск, Беларусь)

В 2017 году исполнится 500 лет со времени издания в Праге Франциском Скориной первой в Восточной Европе книги, а спустя несколько лет будет отмечаться 100-летие прибытия в столицу Чехословакии пассажиров известного «философского» парохода, в том числе Николая Лосского. Вероятно, между этими событиями есть определённая логическая и историческая связь, которая служит своего рода иллюстрацией к теории органического миропонимания Н.О. Лосского [1, с. 3–10; 2].

Для Франциска Скорины и Николая Лосского, чьи исторические корни и творчество тесно связаны с Полоцко-Витебской землёй, а также многих других их земляков, Злата Прага стала местом, где в полной мере раскрылся их творческий талант и гений. Не случайно же Николая Онуфриевич Лосский одну из самых известных своих книг «Свобода воли» посвятил чешскому и словацкому народам, давшим ему возможность «продолжить философскую работу в годы изгнания». Нечто подобное несколькими столетиями ранее случилось и с Ф. Скориной (особенно в период его жизни, связанный с судебными исками по коммерческим делам брата в ВКЛ).

Как свидетельствуют энциклопедии, первое массовое перемещение

белорусов из ВКЛ в Чехию (в основном для учёбы) состоялось ещё в конце XIV – начале XV века, и было это непосредственно связано с деятельностью великого князя и короля Ягайло и его жён – Ядвиги и Софьи. Эти первые поездки граждан ВКЛ для учёбы и службы в Прагу и Краков, прокладывавшие дорогу последующим поколениям белорусов, состоялись ещё за столетие до рождения Ф. Скорины.

Как известно, Франциск Скорина родился около 1490 года в Полоцке, в православной купеческой семье. По крещении он получил имя Георгий. Что касается имени Франциск, то известный исследователь его жизни и творчества В.В. Агиевич, убедительно, на наш взгляд, доказал в своих публикациях, что оно является его литературным псевдонимом, возможно также, что это имя он получил при вступлении в гильдию печатников [3, с. 66].

Первоначальное образование Скорина получил в монастыре бернардинцев. Затем, как и многие молодые люди Великого княжества Литовского, жаждущие знаний, учился в Краковском университете на факультете свободных искусств (так тогда назывались философские факультеты), где профессорами были такие известные в Европе философы как Михаил Вратиславский (1488–1512) и Иоанн Глогровский (1487 – 1506).

После окончания университета, Ф. Скорина путешествует по Европе. Точные сведения о роде его занятий в этот период отсутствуют. Можно предположить, что это были годы напряженной учебы, так как в 1512 г. Ф. Скорина в Падуанском университете держит экзамен на ученую степень доктора медицины. Кроме прочего, этот факт свидетельствует, что Ф. Скорина, вероятно, неоднократно бывал в Кракове и Праге по пути из ВКЛ в Италию и обратно.

О жизни Ф. Скорины в течение следующих пяти лет сохранилось мало сведений. Известно, что он в эти годы жил в Праге, где изучал типографское дело, перевел на старобелорусский язык Библию, подготовил ее к печатанию. В августе 1517 г. выходит первая книга – Псалтырь. В 1517–1519 гг. Ф. Скорина издает 22 книги Ветхого Завета под общим заглавием: «Библия Руска, выложена доктором Франциском Скориною из славного града Полоцка, Богу ко чти и людем посполитым к доброму научению» [3, с. 67].

Многие учёные полагают, что язык Библии Скорины окончательно сложился в Праге и Вильне в результате установления соответствия между церковнославянским языком и народной речью. Сохранив церковнославянскую базу текста, он ввел в Библию живой, народный язык. Один из первых белорусских ученых-филологов, Е. Карский, данный литературный язык называет старобелорусским. Примерно такие же мысли высказывал и наш известный учёный-современник, доктор филологических наук Олег Антонович Лойко [4, с. 185].

Так в Праге Ф. Скорина положил начало восточнославянскому книгопечатанию. Он же – первый восточнославянский переводчик Библии на родной язык (языками Библии традиционно считались древнееврейский, древнегреческий и латинский). Кроме того, Ф. Скорина дал комментарии к

Библии (им написано 25 предисловий и 24 послесловия к книгам Ветхого Завета). Перевод Библии на родной язык сделал ее более доступной «посполитому человеку», что привело к существенному расширению круга ее читателей. Вспомним, что фундатором первой Библии, изданной на Польском языке (перевод с чешского), стала также наша землячка Софья Гольшанская-Друцкая (1405–1461).

В 1520 г. Ф. Скорина приезжает в Вильно, а затем в 1522 г. с помощью Якуба Бабича издает «Малую подорожную книжицу», а в 1525 г. – «Апостол», последнюю из своих книг. В самый критический период своей жизни, связанный с судебными исками, Ф. Скорина вновь уезжает в Прагу, где жизнь его, вероятно, была более счастливой, т.к. сын его Симеон позже приезжал в Прагу за наследством отца.

Известно, что Николай Лосский, подобно Ф. Скорине, неоднократно и настойчиво стремился посетить Чехию, которая притягивала его как магнит, в первую очередь – красотами и величием природы, а также высоким уровнем культуры и интеллектуальными достижениями многих представителей интеллигенции. Если не считать приключений студенческой молодости и экскурсию с братом Иваном на австро-венгерскую границу, то первая целенаправленная встреча с чешской землей и её народом у Николая Лосского и его семьи произошла в 1906 году, оставив у всех путешественников «особенно приятные» впечатления. И это несмотря на то, что Россия не имела в то время общей границы с Чехией, а Австро-Венгрия всячески пыталась затруднить прямое сообщение России с Прагой [1, с. 127]. Однако по-настоящему плодотворный этап творческой жизни, связанный с Чехословакией, начался у Лосского и его семьи с конца 1922 года.

В результате осуществления так называемой «русской акции» чехословацкого правительства, материальное положение многих русских учёных, оказавшихся в эмиграции, было «очень хорошим». Правительство Чехословакии позволило создать в стране Русский Университет, Кооперативный институт, Русское железнодорожное училище и др. учебные заведения, в которых успешно и плодотворно трудились многие русские учёные и педагоги, а также учились их дети [1, с. 180, 181]. Кроме «русской», в Чехословакии осуществлялись также «украинская» и «белорусская» акции, в ходе которых первоклассное образование получили сотни студентов из Западной Украины и Беларуси, входивших в 1920–1930ч гг. в состав Польши.

Правда, экономическое положение Чехословакии в 1930х гг. значительно ухудшилось, что заставило многих учёных из России и Беларуси перебраться в другие страны Европы, в том числе во Францию, где позже учились старшие сыновья Лосского, а также в Германию, Польшу, Югославию. Тем не менее, благодаря усилиям Н.О. Лосского и его чешских и русских коллег, в 1934 г. в Праге состоялся Международный философский съезд, значительно активизировавший философские исследования как чешских, так и русских философов. Яркий пример тому – деятельность Н.О. Лосского, издавшего в Чехословакии ряд своих знаменитых сочинений: книги «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция», «Условия

абсолютного добра» и другие, завершившие построение теории интуитивизма.

Таким образом, в качестве вывода: во-первых, можно сказать о том, что Чехия и её столица Прага на протяжении многих столетий выполняли ту роль, которую в первые века после принятия христианства на Руси выполняла Болгария – т.е. являлась посредницей между культурами, в том числе философской культурой Восточной и Западной Европы. В качестве второго вывода, говоря о жизни и творчестве Ф. Скорины и Н.О. Лосского, стоит привести слова Почётного Патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета: «Господь даровал нам великую радость – радость видеть, как совершается круг времён, как восстанавливается духовная нить, связующая десятки поколений наших соотечественников» [5, с. 5].

Литература и источники

1. Лосский, Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. – Минска, 2012.
2. Википедия: Скорина, Франциск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Скорина,_Франциск.
3. Козел, А.А. Философская мысль Беларуси. – Минск, 2004. – С. 66 –78.
4. Послание Синода Белорусской Православной Церкви по случаю 1000-летия Друцка // Друцк летапісны. Друцкае Евангелле. – Минск, 2001. – С. 4–5.

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Казак Т. З. (Минск, Беларусь)

Глобальная трансформация мироустройства, системный характер происходящих на планете изменений заставляют задуматься над общими закономерностями истории, глубинной логикой смены эпох. Прошрое и будущее не существуют сами по себе как полностью автономные пространства; они слиты в едином потоке времени, стянуты берегами истории, будучи объединены только субъектом исторического действия – человеком.

Целью данного исследования является анализ результатов глобальной трансформации и появление новых потребностей на примере авиационной пассажирской деятельности нашей страны и формулировка, в связи с этим, определенных тенденций развития данной сферы.

Кардинальные перемены в мировоззрении, в общественной психологии для нас ничуть не менее важны, чем изменения в материальной, событийной жизни общества, ибо, в конечном счете, именно первые являются основным фактором социальных революций, порождающим грандиозные трансформации экономического и политического статуса мира [1].

Для начала глобализацию можно представить, как процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающего все

аспекты современной социальной жизни – от культурной до криминальной, от финансовой до духовной.

Философы сходятся в едином мнении, что современные процессы развития в мире все более превращают историю человечества в глобальную и единую: все, что происходит в жизни отдельных стран, резонирует на весь земной шар. Однако же в рамках глобализации не менее активно проявляются процессы, связанные с локализацией – стремлением народов сохранить свой национальный путь развития, свои культурные традиции, свое мировидение.

Переход Беларуси, как и других стран СНГ, к рыночной экономике совпадает с периодом переживаемой впервые глобализацией финансовых рынков и рынков промышленных товаров. Такое совпадение во времени одновременно облегчает и затрудняет трансформационный процесс. Облегчает в том смысле, что интеграция национальных экономик в мировое хозяйство совпадает с внутренней перестройкой. Затрудняет в том, что перестройку хозяйственного механизма приходится вести в условиях жесткой конкуренции на внутренних и внешних рынках, в условиях ограниченного на перестройку отрезка времени при одновременном решении проблемы сохранения экономического суверенитета, национальной самобытности и культуры [3].

Социокультурная ситуация сегодня, цитируя М.К. Петрова, – это ситуация «возмущений», «новых возмущающих воздействий», характеризующаяся неизбежным переходом к новому типу существования. «Любая новация – источник возмущающего воздействия – направлена к достижению определенных целей», но позволяет «формализовать процесс новации как целостность». Однако, любая новация – «всегда есть отклонение от принятого, освоенного, признанного», как и любой продукт творчества [4]. Именно поэтому, переход от одного типа существования к другому часто сопровождается рядом проблемных ступеней и качественной трансформации. Наряду с переменами в современном взгляде на глобальное, общечеловеческое, универсальное, а также всей масштабностью ощущения «пограничной ситуации», стирающей грани национального, индивидуального и локального, можно выйти и на регионологические основания культуры.

Можно констатировать, что глобализация – еще одно проявление динамизма мировой экономики, модификации ее структур, как на мировом, так и национальном уровнях. Неравномерность и неоднозначность изменений, протекающих в разных странах, затрудняет четкий анализ процессов глобализации, протекающих в каждой стране. Нашей стране это, очевидно, может быть яснее, чем другим. При этом мы не мыслим только с позиции регионального развития. Это тупиковый путь. Из-за такой позиции можно оказаться не готовыми к восприятию основных мировых тенденций или, что еще опаснее, втянутыми в инерционные процессы глобализации, следуя им неосознанно и безальтернативно [2].

Как бы ни относились к глобализации ее противники и сторонники,

нужно признать, что она уже явно изменила мировую систему, порождая новые проблемы и открывая новые возможности. И поскольку, глобализация – одна из ключевых проблем для всех развивающихся стран в настоящее время и неизбежный процесс, анализ авиационных пассажирских перевозок Республики Беларусь и их развитие являются актуальными вопросами. Гражданская авиация – важнейший элемент транспортной системы государства. Приоритетные направления развития авиации, в целом, и перевозок, в частности, связан с развитием авиационных организаций, которые образуют единый технологический комплекс, удовлетворяющий потребности всех структур государства и платежеспособного населения.

В настоящее время в Республике Беларусь находится 7 аэропортов, из которых проложены авиатрассы в 30 городов стран Содружества: «Национальный аэропорт Минск», аэропорты Минск-1, Гомель, Брест, Гродно, Могилев и Витебск. Все аэропорты допущены к обеспечению международных полетов. Областные аэропорты Гомель, Гродно, Могилев, Витебск, Брест входят в структуру государственного предприятия «Белаэронавигация» и являются его филиалами. Аэропорт Минск-1 входит в структуру Национального аэропорта Минск и является его филиалом [5].

РУП «Национальный аэропорт Минск» – главные воздушные ворота Республики Беларусь. Он занимает преимущественное географическое расположение, так как находится на пересечении наиболее значительных авиалиний, связывающих Западную Европу и Содружество Независимых Государств (СНГ). Аэропорт является членом Международного совета аэропортов.

В рамках глобализационного процесса, остается открытым вопрос прихода на белорусский рынок авиакомпаний lowcost. Тот момент, что процесс привлечения зарубежных низкобюджетных авиакомпаний для сотрудничества с Национальным аэропортом страны очень слабо развивается, не является удивительным. Поскольку, в случае прихода низкобюджетных перевозчиков в Республику Беларусь, Национальный аэропорт «Минск» будет применять к ним равные условия с иностранными традиционными полносервисными авиакомпаниями по предоставляемым услугам и их стоимости. Для большинства авиакомпаний lowcost это условие является неприемлемым. Соответственно, большое количество потенциальных туристов будет, в первую очередь, летать через аэропорт «Вильнюс» в Литве [6].

Происходит утечка пассажиропотока нашей страны. Даже, несмотря на гибридную тарифную систему, которую ввела авиакомпания «Белавиа» примерно год назад. Эта система заключается сниженных тарифах на билеты зимнего периода по таким направлениям, как Милан, Берлин, Париж [7].

Все эти вопросы напрямую касаются развития туризма в нашей стране. Большая доступность не только местного населения к авиационному транспорту в регионах сняла бы потребность путешествующих планировать трансфер из Киева, Вильнюса и Варшавы и снизило бы их финансовые затраты. Вовлечение региональных аэропортов в конкурентную среду

повысило бы и качество оказываемых услуг, и инфраструктурное обустройство [7].

Подводя итоги, необходимо отметить, что, признавая или нет глобализацию в качестве главной доминирующей тенденцией нашего времени, мы ясно отдаем себе отчет в том, что отказ от интегрирования в мировую экономику может иметь катастрофические последствия для будущего нашей страны. Найти в глобальной мировой экономике свое место, достойное нашего экономического, научного и культурного потенциала, – вот главная задача, которая стоит сегодня перед руководством Республики Беларусь. Наш путь к вхождению в мировое экономическое пространство лежит через активную и тесную экономическую интеграцию в рамках Союзного государства Беларуси и России, Евразийского экономического сообщества и СНГ [2].

Литература и источники

1. Неклесса, А.И. Глобальная трансформация мироустройства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://val-s.narod.ru/gl_neklessa.htm.
2. Мясникович, М. Беларусь в контексте глобализации, режим доступа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://observer.materik.ru/observer/N12_00/12_06.htm.
3. Паньшин, Б.Н., Беларусь и глобализация: поиск и определение пути устойчивого социально-экономического развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bsu.by>.
4. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. –М., 1994.
5. Сайт Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mintrans.gov.by/ru>.
6. Нвостная лента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tourism.tut.by/news/avia/720-minsk-vybilsya-v-lidery-po-tempam-rosta-sredi-aeroportov-sosedej>.
7. Официальное интервью И.Н. Чергинца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://citydog.by/post/belavia>.

РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ЭКОЦЕНТРИЗМА

Казаручик Г. Н. (Брест, Беларусь)

Сложные и многообразные взаимоотношения общества и природы, их гармонизация волнуют сегодня всех людей, живущих на нашей планете. Во второй половине XX века весьма отчетливо проявилась прогрессирующая мощь человеческого влияния на окружающую среду. Сегодня уже невозможно найти такой укромный уголок на Земле, где бы ни ощущалось, непосредственно и косвенно, влияние вездесущей природообразующей деятельности человека. Под угрозой находятся практически все естественные оболочки (сферы) нашей планеты, многие фундаментальные равновесия в

биосфере Земли.

Предотвращение современного экологического кризиса не может ограничиваться принятием мер экономического или научно-технического содержания. В науке все большую актуальность приобретает положение о том, что человечество может выбраться из катастрофы сужающегося кольца глобальных проблем только радикально перестроив нравственные основы своей жизни, только распространив этические нормы на природу (Э.А. Вебер, В.И. Вернадский, Ф.И. Гиренок, Д.Ж. Маркович, Е.Ю. Смотрицкий, А. Швейцер, Т.Ф. Яркина).

Совершенно очевидно, что необходимо формирование у людей нового видения мира, нового типа экологического сознания – эоцентрического, который, в отличие от антропоцентрического, характеризуется отсутствием противопоставленности человека и природы, восприятием природных объектов как полноправных субъектов (С.Н. Глазачев, И.Д. Зверев, Н.Н. Моисеев).

В связи с потребностью общества в изменении экологического мышления, миропонимания людей возникает необходимость в переориентации прежде всего системы образования на новую стратегию усвоения ценностей и формирования на этой основе экологической культуры личности, направленной на гармонизацию отношений человека с природой (G. Trommer) [1].

На протяжении последних десяти лет прогрессирует процесс разрушения сложившихся в системе образования стереотипов, традиций, взглядов. Одновременно идет интенсивный поиск новых способов функционирования и развития образовательных учреждений, путей изменения отношений между педагогами и воспитанниками. Это выражается, прежде всего, в процессах гуманизации, гуманитаризации, демократизации педагогического процесса, в смене содержания обучения и воспитания, созерцательной установки на деятельность. Наложение «полей» новой эоцентрической парадигмы мировоззрения и новой образовательной стратегии образует «поле» экологического образования, целью которого является формирование экологичной личности. В социокультурном процессе, образовательных системах, деятельности педагогов появилась и актуализируется функция воспроизводства в личности, обществе ценностей новой экогуманитарной культуры, целостного мировоззрения, адекватно отражающего место человека в системе «природа – общество – человек» (С.Н. Глазачев) [2].

Образование в целом и такая его составляющая, как экологическое образование, сегодня рассматривается как важнейший фактор, определяющий степень благосостояния нации и существования самого государства, формирования нового качества не только экономики, но и общества в целом в силу того, что оно может и должно способствовать разрешению проблем, возникающих в процессе реализации основных тенденций мирового развития.

В содержании современного экологического образования господствует

философия антропоцентризма, согласно которой человек находится вне природы или над ней. От сознания человека зависят рациональное использование разнообразных природных ресурсов, нынешнее и будущее состояние окружающей природной среды, сама возможность существования жизни на планете Земля. Эта философская парадигма не всегда признает универсальную ценность (самоценность) природы, рассматривая ее как некую реальность, изначально предназначенную быть источником разнообразных природных ресурсов и средств удовлетворения потребностей и желаний человека.

Как отмечает Г.Н. Каропа, антропоцентрическая парадигма ограничивает творческое, альтернативное мышление современного общества, существенно сужает сферу применения идей экологической этики, затрудняет достижение истинной междисциплинарности экологического образования. В целом она препятствует осуществлению личностных и социальных перемен с целью достижения долговременного устойчивого развития всего мирового сообщества. Антропоцентрическая парадигма в содержании экологического образования проявляется также в форме фрагментарности знания, в господстве философии академического (когнитивного) обучения («знания – ради знаний»), в определенном навязывании учащимся содержания, способов и методов учебной и внеучебной деятельности [3].

Напротив, экоцентрическая парадигма утверждает целостный, этически ориентированный подход к раскрытию универсальной ценности природы, подчеркивает ее уникальность и объективную самоценность. В этой парадигме человек выступает не как хозяин природы, а как один из равноправных обитателей Земли – общего дома для всех живых существ. Эта этически ориентированная парадигма провозглашает принцип самоуправления, саморегулирования и самоконтроля в природных и социальных системах Земли, поощряет ценность культурно-исторического и биологического разнообразия, подчеркивает необходимость отзывчивого, бережного и ответственного отношения человека и общества к феномену жизни во всех формах его проявления. В итоге экоцентрическая парадигма открывает возможности для совершенствования теории и практики экологического образования, создает благополучные условия для создания новой экологической этики, для привнесения моральных аспектов в цели, задачи, содержание и методы исследуемой проблемы. Эта парадигма, базирующаяся на целостном, системном подходе, позволяет обзреть, анализировать и совершенствовать экологическое образование как единую систему, что является непременным условием его эффективной реализации (С.Н. Глазачев, Г.Н. Каропа, Н.Н. Моисеев, В.А. Ясвин).

Одновременно многими исследователями, в частности, Г.Н. Каропой, И.Т. Суравегиной констатируется тот факт, что экологическое образование остается малоэффективным в плане формирования у подрастающего поколения нового экоцентрического миропонимания. Одна из причин низкой эффективности современного экологического образования состоит именно в

том, что новая образовательная парадигма часто механически «вписывается» в сложившуюся консервативную практику традиционного воспитания и обучения. Для качественного совершенствования экологического образования должны быть прежде всего, изменены философия, цели, содержание педагогического процесса, основанные на принципах экологизации и гуманизации.

Отметим, что в настоящее время меняется понятие гуманизма, который начинает осознаваться не только как форма отношений между людьми, но и как форма отношения общества к природе. В соответствии с экологической этикой жизнь и все, что ей помогает и чем она воспроизводится, является абсолютной ценностью. Другими словами, человек выступает как ценность, если он участвует в воспроизводстве жизни (С.Н. Глазачев) [2]. Такая трансформация понятий способствует рождению новой экогуманной системы ценностей, учитывающей не только единство всех людей, но и их неразрывную связь с природой.

Суть требований принципа гуманизации в сочетании с принципом экологизации в педагогическом процессе заключается в переходе от анализа отдельно рассматриваемых явлений и процессов, и прежде всего человека, его потребностей, интересов к анализу явлений как системы, включенной в более крупную систему – в триаду «природа – общество – человек», к изучению педагогических явлений в их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимопроникновении (П.С. Карако, Г.Н. Каропа, В.А. Ясвин). Экогуманизация образования изменяет характер педагогического процесса путем гармонизации, совершенствования связей между его элементами (предметами), этапами (ступенями), главными действующими лицами (воспитанниками, учащимися, педагогами).

Таким образом, уже сегодня и в ближайшем будущем экоцентрическая парадигма экологического образования, отражая как естественнонаучный, так и гуманистический аспекты взаимоотношений человека и биосферы, постепенно будет занимать ведущее место в непрерывном образовании. Реализовываться экоцентрическая парадигма будет прежде всего через акцентирование ценностных аспектов взаимоотношений в триаде «человек – общество – природа».

Литература и источники

1. Trommer, G. Natur im Kopf: Die Geschichte ökologisch bedeutsamer Naturvorstellungen in deutschen Bildungskonzepten. – Weinheim, 1993.
2. Глазачев, С.Н. Экологическая культура учителя: Исследования и разработки экогуманитарной парадигмы. – М., 1998.
3. Каропа, Г.Н. Экологическое образование школьников: ведущие тенденции и парадигмальные сдвиги. – Минск, 2001.

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ДУХОВНЫЙ ЦЕНТР ИЛИ ТЕРРИТОРИЯ РИСКОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Касаткина С. С. (Череповец, Россия)

Урбанизация, будучи элементом глобальных изменений в мире, оказала серьезное влияние на духовную, нравственную сферу развития общества. Социум постоянно реагирует на динамику городских изменений, причем этот процесс двухсторонний. Город в условиях современных преобразований является особой средой для человека – пространством жизни, труда, творчества, образования, отдыха. Культурный центр, туристическая зона, образовательный центр, промышленный центр с развитой сферой экономических отношений, территория политических преобразований – определения города, которые представляют его генератором потоков различной энергии – духовной, социальной, экономической, политической. В современном обществе город из объекта искусственного порядка постепенно преобразуется в некий естественный мир, характерный для индивида, рожденного в городском микроклимате. Городская культура уже давно стала для человека основой его духовного развития. Культурный мир горожан наполнен коллизиями, противоречиями, порожденными столкновением локальных городских и глобальных тенденций. Город – уникальный объект культуры, духовный пульс цивилизации. Он организует жизнь социума с вещами, формирует предметную и коммуникативную среду человека.

В XIX – начале XX в. произошел переход к непосредственной урбанизации в ходе формирования индустриального общества. Однако О. Шпенглер заметил в этом опасность, угрозу современной ему цивилизации. Упадок мировой столицы, расползающейся в безграничные просторы, связан с обездушенностью территорий [3]. Города, имевшие великую историю, превратились в безликие и бессмысленные пространства. Конечно, согласиться со Шпенглером о полной деструкции городов нельзя, но сама идея вероятной потери духовных смыслов современных городов, их специфичности в потоке глобализирующегося мира актуальна даже в XXI веке.

Фактором рискованных взаимоотношений городского социума с природной средой является обострение экологического неблагополучия. Города остро реагируют на дисбаланс между деятельностью (бездеятельностью) хозяйствующих субъектов и экологической ситуацией. «Недостаточное покрытие территории зелеными насаждениями, скудность дендрологического ассортимента, недостаток водоохраных зон в городской черте и несоответствие качества питьевой воды нормативам, ухудшают качество жизни местных сообществ. Население испытывает перманентное негативное воздействие от акустического загрязнения (от наземного и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-33-01341

воздушного транспорта, ТЭЦ, промышленных предприятий), неконтролируемого воздействия электромагнитных полей. Качество городской среды снижается из-за повышения уровня загрязнения территорий химическими и радиоактивными веществами, неполного охвата территорий системой ливневой канализации, роста промышленных, бытовых, строительных отходов, необустроенности и технологического несоответствия мест складирования отходов современным требованиям. Вследствие тенденций к децентрализации жилых районов возникает проблема загрязнения пригородных природных ландшафтов» [2, с. 135]. Противоречие городского развития, вызванное бесхозяйственностью, часто проявляется в утрате материального и духовного наследия городов, в искажении городских естественных ландшафтов, исчезновении ценных объектов историко-культурного и архитектурного наследия. Многие города меняют свой облик, застраиваясь типовыми объектами торгово-промышленного характера, унифицируются в своем внешнем виде, теряя уникальную социокультурную специфику.

Городские пространства объединяются в городские агломерации, в мегалополисы, что даёт человеку возможность находиться на территории с более развитой инфраструктурой и обширным сектором сферы услуг. К сожалению, такие мегалополисы имеют наибольшие проблемы в вопросах экологии. Как город влияет на человека, так и человек влияет на город. Не стоит забывать о прямой взаимозависимости человека и природы. Загрязнённая среда города может привести человечество к необратимым последствиям. Следует поддерживать экологическое равновесие, то есть гармоничное соотношение между естественными и измененными человеком экологическими компонентами и природными процессами. Активизация современных процессов урбанизации может существенным образом повлиять на обострение этой проблемы

Главная прелесть города – это люди. Городская жизнь в контексте исторических перемен прошла несколько этапов становления. До XX века города выполняли традиционные функции как места встречи, рыночных отношений, обсуждения политических процессов. Город – социальный организм, ставший пространством для живого общения, что особенно актуально для общества XXI века, когда «повседневная жизнь проходит все больше в частной сфере – в собственных домах, за персональными компьютерами, в личных автомобилях, на индивидуальных рабочих местах в строго контролируемых торговых центрах» [1, с. 22]. Город стал играть роль общественной территории и выполнять функции форума.

Современный город является эпицентром и проводником большинства духовных процессов в мире. В городах происходит борьба интересов за социокультурные предпочтения индивидов, формируется специфичное отношение к текущим реалиям культурного порядка. Любой современный город порождает исключительное информационное пространство, которое представлено совокупностью множества информационных потоков, обуславливающих систему ожиданий людей, регулирующих их

жизнедеятельность. Коллизией информационного мира города следует признать то, что он формируется стихийно, порождая издержки, духовные риски. Ощущается необходимость в объективной информационной политике, контролирующей смысл и качество городского медиaproстранства. Информационная культура горожан представляет собой феномен, отражающий их духовные предпочтения. Кризис духовных потребностей населения проявляется в узости информационных компетенций граждан (степень владения ПК, диапазон востребованных тем и видов медиаресурсов).

Существующие разночтения в духовных потребностях горожан выражены в пристрастиях, как к качественным продуктам культуры, так и к суррогатным информационным явлениям. Следует признать, что современное общество испытывает кризис духовности, порожденный перенасыщением ресурсов информационного мира и отсутствием у многих обывателей принципа отбора качественной информации. Во многих городах нашей страны существует неразвитость организованного культурного досуга горожан. Коммерциализация данной сферы сделала хороший отдых людей недоступным. Однако современная повседневная жизнь городов позволяет ощутить свободу креативного мышления. Повсеместно создаются творческие индустрии, что обогащает духовный мир горожан.

Рассмотренные социокультурные процессы и противоречия городского пространства подтверждают традиционное представление о городах как интеллектуальных центрах общества, а также определяют их носителями духовных рисков в условиях глобализации.

Литература и источники

1. Гейл, Я. Жизнь среди зданий: использование общественных пространств / Я. Гейл, Л. Гемзо. – М., 2012
2. Катаева, Ю.В. Асимметрия интересов субъектов преобразования городской среды как фактор ее несбалансированного развития // Вестник Пермского университета. Экономика. – 2013. – № 3 (18). – С. 129–137
3. Шпенглер, О. Закат Европы // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/read/osvald_shpengler/zakat_evropi_obraz_i_deystvitelnost.html#0.

ЛИМИТРОФНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СИСТЕМЫ

Кудинова А. В. (Краснодар, Россия)

Степень открытости социокультурной системы характеризуется энтропией (тенденцией к неупорядоченности, наблюдаемой хаотизации как особой формы упорядоченности с многочисленными точками бифуркаций и векторных развилок направления эволюции отдельных элементов системы) и негантропией (отрицательной энтропией, ориентированной на продуцирование упорядочивающих систему структур. При этом

социокультурные системы могут ориентироваться на импульсы внешней среды, задающие вектор развития системы в целом. В то время как морфостазис социокультурной системы направлен на самосохранение системы, морфогенезис ориентирован на процессы, ведущие к социально-динамическим изменениям социокультурной системы, направленные на усложнение и автономизацию тех элементов системы, которые занимают «промежуточное» положение между системообразующими элементами социокультурной системы и ее внешней средой. Это позволяет уменьшить зависимость социокультурной системы от динамики внешней среды [1; 2, с. 58–88].

Назовем эти промежуточные подсистемы, по аналогии с геополитическим термином, «лимитрофными подсистемами», потому что они, подобно государствам-лимитрофам, занимающим промежуточное положение в глобальной миросистеме между самостоятельными акторами геополитического процесса, становятся участниками коалиций с этими акторами, выступая в качестве детерминантов геополитических процессов. Также и лимитрофные социокультурные подсистемы, обладая относительной автономией в рамках социокультурных систем, могут являться детерминантами корректировки эволюции сложных социокультурных систем, помогая им поддерживать самовоспроизводство, выступая в качестве буферных элементов по отношению к внешней среде. Продуцируя лимитрофные подсистемы, имеющие упрощенную структуру, сложные социокультурные системы снижают сложность своих элементов за счет увеличения иерархических звеньев и, следовательно, понижают свою энтропию [3, р. 160]. Как писал в этой связи Н. Луман, «только сложность может уменьшить сложность» [4, s. 26].

В условиях разнообразных конфликтов с внешней средой, продуцирующих конфликты внутри самой социокультурной системы, последняя создает различного рода конвенциональные согласования, направленные на откладывание, частичное или полное разрешение такого рода конфликтов. В результате чего, «из непрерывных сделок возникают некоторые относительно устойчивые согласования» [3, р. 160].

Возникающие в пограничье автопоэзийной социокультурной системы лимитрофные подсистемы приводят к неравномерной сложности конфигурации социокультурной системы и неравномерной распределенности негэнтропии и энтропии внутри нее. Это порождает неравномерность развития отдельных системообразующих элементов, на которую оказывает воздействие историческая инерционность социокультурных процессов, заданных траекторией предшествующего исторического развития, включая и антропоморфные изменения в природных и социально-демографических ресурсах данной социокультурной системы [5].

Автопоэзийная социокультурная система имеет самонаправленный характер, который выражается в использовании социокультурной информации о социокультурных традициях, инновациях, формах социокультурной деятельности, которые выступают в качестве

детерминантов социокультурной системы в целом.

Автопоэзийная социокультурная система не имеет непосредственной связи с внешней средой в своем ядре, однако имеет такую связь на диаспоральной периферии. Ранее внешняя среда была представлена в ней репрезентациями. Это отличает социокультурную систему от других, хотя в последние десятилетия в рамках развития глобальной миросистемы это условие автопоэзийности нарушается, прежде всего, в области лимитрофных подсистем, к каковым и могут быть отнесены диаспоральные социокультурные поля.

Развитие глобальных систем коммуникаций является мощным акселератором дифференциации социокультурных систем. Дифференциация социокультурных систем ведет к усилению их внешней отграниченности от других видов систем и гомогенности внутри образующихся различных подсистем, с одной стороны, возникновению и укреплению внутрисистемных границ между сегментами, с другой стороны [6].

В свою очередь процесс дифференциации социокультурных систем неотделим от диалектически противоположного процесса дедифференциации, то есть размывания внешних границ систем и подсистем и взаимопроникновения различных подсистем и систем. В образующихся при этом сложных комбинациях, наряду с дифференциацией, коренится и источник эволюции самих систем, поскольку они накапливают качественные изменения, меняющие конфигурацию и структуру системы [7] вопреки представлениям Н. Лумана о деэволюционном значении интеграционных комбинаторных процессов [8]. Причем механизмы взаимопроникновения различных элементов и подсистем автопоэзийных систем подпитываются развивающимися информационными сетями, создающими качественно новое глобальное виртуальное информационное пространство, которое трансгранично и существует в рамках особого, качественно нового «безвременного времени», когда информация доступна практически во всем глобальном информационном пространстве в момент ее репрезентации и размещения в нем.

Литература и источники

1. Archer, M. Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory. Cambridge, 1988.
2. Archer, M. Structuration versus Morphogenesis // Eisenstadt S.N., Helle H.J. Macro-Sociological Theory. – London, 1985. P. 58–88.
3. Buckley, W. Sociology and Modern System Theory. – Englewood Cliffs, 1967.
4. Luhmann, N. Die Kust der Gesellschaft. Frankfurt-am – Main, 1995.
5. Archer, M. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. Cambridge, 1995.
6. Lash, S. Discourse or Figure? Postmodernism as a «Regime of Signification» // Theory, Culture and Society. –1988. –№ 5. – P.311–366.
7. Munch, R. The Interpretation of Microinteraction and Macrostructures in a Complex and Contingent Institutional Order // Alexander J.C. et al (eds.). The Micro-Macro Link. – Berkeley, 1987. – P. 319–336.

8. Luhmann, N. Modern Systems Theory and the Theory of Society // Meja V., Misgeld D., Sther N. Modern German Sociology. – NY, 1987. P. 173–186.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЭКОЛОГИЯ

Кудрякова И. О. (Москва, Россия)

Политическая философия по своей сути занимается двумя основными вопросами. С одной стороны, она рассматривает структуру идеального государства. С другой стороны, то, как должно функционировать и развиваться реально существующее государство, чтобы приблизиться, или отдалиться от идеального государства и даже если будет выявлено, что идеальное государство в принципе невозможно для конкретно рассматриваемой политической системы, идея идеального государства все равно сохранит свои регулятивные

Значение политической философии и та роль, которую она играет, сегодня столь же очевидны, как это было и всегда с тех пор, как политическая философия появилась на свет в Греции. Всякое политическое действие стремится либо к сохранению, либо к изменению. Желая сохранить что-то, мы стремимся предотвратить изменение к худшему; стремясь же к изменениям, хотим осуществить что-то лучшее.

Важен еще один аспект – экологический, идеальное государство, чисто теоретически, не может быть реализовано без соответствующих благоприятных природных условий и достойной среды обитания.

В последнее время перед политической философией встают новые вопросы по обеспечению экологической безопасности, связанные с негативными последствиями развития научно-технического прогресса, следовательно, должны быть выработаны и новые ответы на основные вопросы политической философии. Даже сама идея Идеального государства должна быть *переосмыслена*, дополнена с учетом новых экологических вызовов, в частности, в нее должно быть включено и нравственное отношение к природе и среде обитания.

Изначально, при формировании идеи Идеального государства благоприятная природная среда обитания и сохранения природы для последующих поколений была само собой разумеющийся и отдельно не рефлексировалась, на этот аспект справедливо указывает Хёсле в своей работе (лекциях, посвященных проблеме Философии и Экологии), он так же относит к числу задач философии государства институциональные выводы из этих обстоятельств.

Идеальное государство должно в себе объединять целостность и динамизм, сочетая это с бережным отношением к природе, что может быть ключом к решению проблемы экологического кризиса, или перестроить социальную реальность таким образом, чтобы нравственно воспитать каждого члена общества к ответственности сохранения природных условий для последующего поколения.

Литература и источники

1. Буданов, В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. – М., 2009.
2. Кустарев, А. Мать порядка – анархия // Неприкосновенный запас. – 2009. – №5(67) – С. 18–32.
3. Рябов, П.В. Анархистские письма М. – М., 2013.
4. Штраус, Л. Что такое классическое образование? Введение в политическую философию. – М., 2000.
5. Хёсле, В. Философия и экология. – М., 1994.

ГОРОД В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Куручкина А. И. (Минск, Беларусь)

Глобализация сегодня охватывает не только весь мир, но и все сферы деятельности человека. В связи с чем, существует огромное количество определений глобализации. Однако большинство исследователей сходятся на том, что она имеет двойственный характер и оказывает как положительный, так и отрицательный эффект на мировую экономику и социально-культурное развитие общества [1]. М.М. Ковалёв даёт следующие определение глобализации: «глобализацией называют начавшийся в последние десятилетия прошлого века процесс возрастания взаимозависимости стран мира вследствие все более тесной интеграции их национальных рынков товаров, услуг и капиталов, а также включает в себя развитие научно-технического и культурного сотрудничества между странами, миграцию трудовых ресурсов, развитие международного туризма и многие другие аспекты сближения народов разных стран. Если коротко – глобализация есть процесс интеграции национальных, региональных, отраслевых рынков в мировой» [2].

На сегодняшний день город стал экономическим и культурным центром как в масштабе отдельных стран, так и в мире. Так как именно города являются местом концентрации населения и капитала и первыми реагируют на изменения в социальной и экономической сфере. Изучение влияния глобализации на города в настоящее время представляет собой бурно развивающуюся исследовательскую индустрию. Сегодня в экономике активно обсуждается теория глобальных городов. Теоретики глобальных городов пытаются доказать, что на сегодняшний день в мире преобладает картина, на первом плане которой – Нью-Йорк, Лондон и Токио и базирующиеся в них транснациональные корпорации [3, с. 271].

Об активном участии города в процессе глобализации говорит не только огромное количество появившихся в последние два десятилетия исследований глобальных городов, но и увеличение роли городов как национальных центров. Они концентрируют в себе основные производственные мощности, являются культурными, политическими и научными центрами государств, а также местом расположения крупных

ТНК, которые стали символом мировой глобализации в экономике и одним из источников проблем, связанных с глобализацией. В последнее десятилетие их количество возросло от 7 до 40 тысяч. Истории неизвестна подобная ситуация монополизации экономики, при которой глобальное присутствие корпораций на различных национальных рынках позволяет легко обходить антимонопольное законодательство. Аккумулируя значительные финансовые ресурсы, эти экономические империи приобретают и соответствующую политическую мощь, уходя из-под политического контроля и задавая ориентиры всей международной экономической политике. ТНК, безусловно, являются крупными инвесторами как в научно-технический прогресс, так и в экономики развивающихся стран. Однако, приобретая вследствие глобализации серьезные конкурентные преимущества, они делают неконкурентоспособными целые национальные отрасли, ставят под вопрос существование мелких и средних предпринимателей [1].

Безусловным плюсом экономической глобализации является открытая экономика и рост торговли между странами. Благодаря глобализации в международной торговле становится возможным более активное использование сравнительных ценовых преимуществ стран и углубление межнационального разделения труда. Однако быть аутсайдером в международной торговле становится сегодня эквивалентно обладанию статуса колонии в империалистическую эпоху. В современном мире быстрыми темпами развивается непроизводственный сектор экономики, промышленность же играет второстепенную роль. Города превращаются в крупнейшие образовательные, финансовые, культурные центры. Промышленные города, построенные вокруг источников сырья, сегодня находятся в глубоком кризисе и, по сути, существуют за счёт инвестиций из более развитых районов, которые за неимением сырья изначально ориентировались на непроизводственную сферу, и сегодня играют ключевую роль в экономике своих стран [4, с. 76].

Социокультурная глобализация, как и экономическая, несёт в себе положительные и отрицательные черты. В вопросе о трансформирующем воздействии процессов глобализации наиболее обсуждаемым является противоречивый и неоднозначный характер вызываемых ею последствий, воспринимаемых в большей степени как явления негативные и деструктивные, разрушающие культурное многообразие мира [5]. Так некоторые исследователи смотрят на глобализацию, как на разрушительную силу, уничтожающую культуру и традиции и лишаящую народы индивидуальности. По их мнению, глобализация стирает культурные границы, которые устанавливались тысячелетиями. Глобализация разрушает идентичность, которая будет восстановлена другим путем. Ярким представителем этой линии анализа является С. Хантингтон [1].

Ответом на вопрос об опасности глобализации для национальной культуры может служить так называемый культурный парадокс. Ущемленная в своей самобытности локальная культура усиливается, вызывая всплеск национального самосознания, этнической самоидентификации,

этнонациональных ориентаций и интересов. Это подтверждается, современными реалиями: глобализация оказалась неразрывно связанной с процессами культурной дифференциации и автономизации [5]. Кроме того, более интенсивная коммуникация укрепляет механизмы солидарности, интеграции и кооперации. Внутреннюю связь глобализации и формирования механизмов доверия в концепции модерна убедительно продемонстрировал А. Гидденс. Суть глобализации он определяет в книге «Последствия модерна» как интенсификацию повсеместных социальных отношений, которые связывают отдаленные районы таким образом, что локальные феномены формируются под влиянием событий, происходящих за многие мили от них и наоборот. Подобное игнорирование расстояний имеет своей оборотной стороной исчезновение психологических и культурных расстояний, т.е. возникновение абстрактного социального доверия как дополнительного системного фактора возможности глобальных интеракций. Такое доверие принимает форму безличных обязательств, которые позволяют «высвободить» энергию личности, направленную в ином случае на беспокойство о собственной безопасности [1].

Глобальным сегодня стал сам процесс урбанизации, что означает не только рост городского населения, но и распространение городского стиля жизни. Который включает в себя высокий уровень социокультурной мобильности, динамики и инновационной активности и т.д. [4, с. 78]. Примером негативных последствий глобализации может быть неконтролируемая миграция населения развивающихся стран в города Европы и США и рост городов развивающихся стран в основном за счёт «ложной урбанизации». Однако именно благодаря существующему разнообразию культур город сегодня становится неким «креативным полем», мировым центром творчества и культуры.

Глобализация заставила правительства многих стран, поддерживать национальную культуру для того, чтобы успешно конкурировать в сфере туризма, торговли, науки, культуры и политики. Появилась необходимость продажи отличий городов друг от друга [3, с. 308]. В ряде городов создаются различные городские ассоциации, целью которых является сохранение исторического наследия. А также «вернуть город человеку и человека – городу» – так звучит тезис, предложенный еще в конце 1970-х годов Центром ООН по населенным пунктам [4, с. 87].

Города являют собой пример глобализации, как в экономике, так и в культуре в полной мере отражают её двойственность. Они сосредотачивают в себе основные производственные силы страны и в тоже время являются важнейшими центрами международного экономического сотрудничества. Города в большинстве своём многонациональны, но при этом зачастую являются центрами, развития и возрождения национальной культуры. Всё вышесказанное ещё раз подтверждает ключевую роль городов в процессе глобализации, как в национальном, так и в мировом масштабе.

Литература и источники

1. Этика глобализирующегося общества [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nazarchuk.com/books/book1/glavnaya.html>.
2. Что на данный момент принесли Беларуси процессы глобализации, и какие дискуссии ведутся вокруг них? – Минск, 2004.
3. Трубина, Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М., 2011.
4. Радионова, Л.А. Город как социальная система: курс лекций. – Минск, 2008.
5. Залесский, С.В. Культурное многообразие человечества в условиях глобализации. – М., 2006

НОВЫЙ ЛОКАЛИЗМ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

Лаво Р. С. (Краснодар, Россия)

Жизнь современных этнокультурных сообществ являет собой палитру всех типов и уровней развития этнических культур – от допотестарной архаики, деградации современных духовно-нравственных оснований социальной жизни, до виртуализация всех сторон общественной и культурной жизни, ведущей к постепенной смене чувственного типа культуры символической – материальные артефакты чувственной культуры и реальные отношения сменяются их образами и симуляциями [1; 2, с. 211–212]. Сектантская глобальная культура может опираться как на архаические основания, так и на неотипические основания. Однако выделить ее в особый вид глобальной культуры позволяет общее основание ее обеих разновидностей – она базируется на феномене веры, не имеющем рационального объяснения.

Глобализация предполагает вовлечение в мировой экономической процесс новых этнических групп и социальных слоев населения, в том числе и находящихся на периферии мирового развития, используя их как резерв дешевой рабочей силы, вовлекая их в глобальную массовую культуру, пытаясь аккумулировать их ресурсный потенциал для решения прагматических экономических задач. Однако втягивая аутсайдерские социальные и этнические группы в глобальную массовую культуру, современные агенты мировой и региональной рыночной экономики, сегментируя потребителей, в том числе и по этническим основаниям, развивают этнические рынки, тем самым способствуя сепаратизации этнических групп. Они превращают их в автономных акторов рынка, лишенных иных ресурсов кроме внутриэтнических связей. Тем самым воздвигаются новые межкультурные границы между принимающими и принимаемыми этносами.

Этот процесс детерминирован и аутсайдерским положением многих дисперсных этносов на исторической родине или аутсайдерской же ситуацией мигрантов, образующих этнодиаспоры, в принимающем сообществе. Ярким примером такой ситуации являются лишенные

государственности курды и ассирийцы в Турции и Иране, ассирийцы в Турции и Ираке и их многочисленные диаспоры, арабы-выходцы из стран Магриба в Европе и т.п. Лишенные возможности политической репрезентации своих интересов в легитимизированных принимающей политией формах, они ищут опору в принадлежности к постоянным недобровольным (т.е. наследуемым по рождению) кланам и землячествам. Именно эти неформальные социальные институты выступают центрами регулирования социальных отношений в диаспоральной миграционной среде. Эти неформальные сообщества локальны по своей природе, поскольку укоренены в месте рождения, которое зачастую более важно, чем родство по крови, потому что общность происхождения в инокультурном окружении принимающего этноса осознается ими как кровное родство.

В процессе исторического развития человеческая деятельность оформляется в различные координированные культурные системы, являющиеся элементами единой социокультурной системы. Элементарная единица социально санкционированной формы человеческого опыта – культурная норма. Стабильность культурной нормы является неременным условием бытия культуры как таковой. Она выступает как форма социального наследования, содержанием которого является аккумуляция накопленного социокультурного опыта и его ретрансляция последующим поколениям [3, с. 104].

Сложносоставные социальные системы, имеющие разнородную этнокультурную основу, исторически сложившиеся системы простого и расширенного воспроизводства, включающие различные по цивилизационным признакам и уровню развития этносы, могут успешно решать общие задачи лишь в условиях, когда многосоставность и агрегативность социальных элементов образует многополюсные координационные взаимосвязи.

Это предполагает различную степень открытости, как значительных, так и весьма малых этносоциальных групп, которые создают за счет этого устойчивую систему, чередующую в своем развитии периоды закрытости (своеобразной упорядоченности внутрисистемных отношений разнородных элементов), и периоды открытости, когда позитивный и негативный опыт мирового социального развития посредством процессов аккультурации придают системе в целом новые стимулы развития, инициируя в ней инновационные процессы.

Эти инновационные процессы приводят с одной стороны к усложнению системы с точки зрения ее структуры, а с другой – к гомогенизации ее с точки зрения выравнивания различных сегментов по уровню развития. При этом происходят естественные процессы ассимиляции «старых» этносов и инкорпорации в открытый для кросс-культурных взаимодействий социум новых этнических групп в результате миграционных процессов, что в конечном итоге сохраняет многочисленные этносоциальные анклавности. Это консервирует конгломератный тип развития на основе гетерогенности этнокультурных сообществ и приводит к сохранению

исторической преемственности форм социального развития в этнокультурных сообществах, интегрированных в конгломеративном типе социума, основанном на сегментировании по различным стилям жизни.

Предпринимаются попытки, с одной стороны, ускорить повсеместное распространение демократических ценностей и институтов в рамках принятой в странах атлантической цивилизации модели гражданского общества, инкорпорировать их в социумы, находящиеся на различных стадиях развития – от патриархального традиционного общества (африканские страны, страны Центральной Азии, Арабского Востока) до стран находящихся на стадии транзитивных изменений к современной информационной рыночной экономике.

С другой стороны, обнаруживается стремление к оживлению макрорегионалистских тенденций с попытками формирования девиантных экономических систем, основанных на криминализованных отраслях производства наркотиков и контрафактных товаров.

Катализатором этих процессов зачастую выступают внешнее экономическое, политическое и военное давление, прямая и косвенная поддержка благожелательных к атлантическим нормам и ценностям оппозиционных групп и т.п.

Сепаратизация этносов на базе локально-закрытых культурных ценностей и норм грозит не только принципам формирования основ гражданского общества, но и создает питательную среду для формирования аутсайдерских социальных групп, которые могут быть использованы как криминальными, так и радикально-экстремистскими структурами в своих корыстных целях. Предотвратить такое негативное развитие событий способна научно обоснованная государственная национальная политика, базирующаяся на приоритете этнокультурно-экологического подхода к бытию каждого этноса. Однако установить коммуникацию с рядом дисперсных этносов, в особенности не имеющих в настоящее время национально-государственных территориальных образований, в условиях развития процессов глобализации и горизонтальных социальных сетей отнюдь не просто, прежде всего, в силу культурного изоляционизма ряда дисперсных этносоциальных групп.

Процессы культурной глобализации связаны и с процессами культурной локализации, вызывая «clash of localities» – стягивание и столкновение локальных культур локальностей [4, с. 91]. При этом формирующаяся глобальная гомогенность покоится на гетерогенном фундаменте локальных гомогенных культурных матриц. Гармонизация этих процессов возможна в рамках концепции распределительной глобализации – *distributive globalisers*, в соответствии с которой необходимо учитывать интересы всех акторов, участвующих в современном мировом развитии [5, с. 30].

Глобальные процессы способствуют развитию в бывших некогда гомогенными в границах национальных государств социумах новых локальных сегментов из числа слабо интегрированных в современные

модели стиля жизни мигрантов, а, следовательно, и развитию процессов гетерогенности, сопровождающих процессы гомогенизации.

Возникающие вне институтов гражданского общества сетевые структуры этнокультурных сообществ противостоят институциональности, внося хаотическое начало в социальные системы и, подрывая институциональную иерархию, новой сетевой иерархией, не поддающейся общественному контролю и воздействию.

Локализм, опираясь на органы местного самоуправления, формирует сетевую гомогенность, которая основывается не на инструментальности, а на культурной идентичности. Локализм в силу этого ищет опору в социальных сетях местного сообщества, основанных на родственных связях и соседской взаимопомощи, что делает его предпосылкой развития сетевой организации общества. С другой стороны, инструментальное развитие порождает новые основания коммуникативных социальных сетей, которые предполагают снижение уровня институционального контроля за индивидами, создавая предпосылки для новых видов внеинституциональных социальных сетей. В результате, как традиционные локальные сети, так и новые, этнокультурные социальные сети, подкрепленные индивидуализацией Интернет-пользователей и новыми, внеинституциональными формами коммуникативных Интернет-сетей (или «социальных сетей» в Интернет-пространстве) способствуют образованию и развитию гетерогенных внеинституциональных сообществ, формирующих новый локализм, деконструирующий институциональные формы государственной организации современных обществ и создающий новые параллельные формы организации современных обществ, находящиеся за рамками государственного регулирования.

Литература и источники

1. Ламажаа, Ч.К. Архаизация общества. Тувинский феномен. – М., 2013.
2. Рыжов, Ю.В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. – М., 2006.
3. Бурдые, П. Практический смысл. - СПб; М., 2001.
4. Бек, У. Что такое глобализация? – М., 2001.
5. Орлова, И.В. Социально-философский анализ гражданского общества как формы бытия современной демократии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – М., 2007.

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ПОСТЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Леонова Н. М., Горанская Е. И. (Минск, Беларусь)

Катастрофа на Чернобыльской АЭС нанесла огромный ущерб Республике Беларусь, став национальным бедствием, приведшим к неблагоприятным изменением экологической ситуации, социально-

экономическим проблемам и ухудшению условий жизни людей. С 26 апреля 1986 г. началась история преодоления последствий величайшей техногенной катастрофы, возрождения пострадавших территорий и возвращения к нормальным условиям жизнедеятельности.

В результате радиоактивных выбросов из 4-го энергоблока ЧАЭС загрязнению подверглись 56 районов республики (3600 населенных пунктов), что составило 23% территории (сегодня эта территория составляет 13,4%) с населением около 2,2 млн. человек (около 20% от всего населения республики). Ущерб составил 235 млрд. долларов США [1]. Всего из 471 населенного пункта было отселено 137,7 тыс. человек, еще свыше 200 тыс. уехали с загрязненных территорий самостоятельно. В зону отселения попало 4,5 тыс. км² в 15 районах, карта страны лишилась 430 населенных пунктов, 53 колхоза и совхоза были ликвидированы. Более 600 тыс. человек принимали участие в ликвидации последствий катастрофы, воздействие которых ощутили не только наиболее пострадавшие Беларусь, Украина и Россия, но и страны Европы.

За 30-тилетний период, прошедший после чернобыльской аварии, государством было сделано многое для преодоления глобальных последствий катастрофы: эвакуация, массовая дезактивация, создание систем радиационного контроля, медицинская и социальная защита, разработка и внедрение контрмер в сельском и лесном хозяйствах. И если в первые годы после катастрофы восприятие проблемы радиоактивного загрязнения населением проявлялось в страхе за свою жизнь, то в последствии оно стало меняться. На сегодняшний день сформировалось стойкое убеждение, что при проживании на загрязненных радионуклидами территориях необходимо соблюдать определенные правила. В связи с этим появилась потребность в информации о том, как снизить содержание радионуклидов в продуктах питания и какими рекомендациями пользоваться, чтобы производить «чистую» продукцию. Подобная установка послужила началом формирования нового этапа, определившего курс на возрождение пострадавших территорий и перспективу устойчивого развития страны:

- выполнение проектов социально-экономической направленности, способствующих поступательному развитию пострадавших регионов, формированию малого и среднего предпринимательства и увеличению доходов населения;

- разработка и реализация инвестиционных проектов, направленных на перспективное вовлечение в хозяйственное пользование отселенных территорий;

- изучение природных экосистем Полесского государственного радиационно-экологического заповедника;

- подготовка кадров;

- проектные инициативы по совершенствованию системы информирования и просвещения населения в отдаленный период после чернобыльской катастрофы;

- обобщение постчернобыльского опыта и выработка подходов к его

практическому применению;

– реализация международных проектов, связанных с радиационной защитой населения и научным сотрудничеством.

Однако существуют также факторы, затрудняющие переход к возрождению. Речь идет о «чернобыльских мифах», укоренившихся в сознании людей ложных стереотипах, связанных с ошибочным восприятием различных аспектов чернобыльской катастрофы (таблица) [2].

Таблица 1 – Ложные стереотипы у населения, проживающего на пострадавших от катастрофы на ЧАЭС территориях

Категории стереотипов	Влияние
Формирующие отрицательный имидж продукции загрязненных территорий	Дополнительные сложности со сбытом продукции
Формирующие искаженное представление об опасности проживания в любой зоне радиоактивного загрязнения	Нежелание жить и работать на пострадавших территориях из-за вреда здоровью
Формирующие искаженное представление об условиях жизнедеятельности	Нежелание жить и работать на пострадавших территориях по социально-экономическим причинам
Препятствующие широкому участию населения в процессе возрождения	Содействие сохранению «имиджа жертвы»
Принаижающие природный, культурный, человеческий потенциал пострадавших территорий	Развитие сомнений в целесообразности возрождения пострадавших территорий

Соответственно, преодоление «чернобыльских мифов» и стереотипов, не соответствующих реальности, является важным условием динамичного развития возрождаемых районов, формирования в обществе объективной картины развития постчернобыльской ситуации в современной Беларуси. Важную роль в этом может сыграть местное население пострадавших районов и, особенно, молодежь, которая свободна от стереотипов, любит свою родную землю и верит в ее счастливое будущее.

Сегодня в Беларуси накоплен и реализован уникальный опыт долговременного управления ситуацией после ядерной аварии. Наша страна стала международным экспертом в этом вопросе, подтверждением чему является возросший после аварии на АЭС «Фукусима-1» интерес представителей Японии к системным действиям Беларуси по преодолению последствий чернобыльской катастрофы [3]. На международном уровне происходит постепенное осознание того, что Республика Беларусь является не только наиболее пострадавшей, но и обладающей исключительными знаниями и опытом в сфере преодоления крупнейшей радиационной аварии.

Необходимо признать, что радиационно-экологическая составляющая последствий катастрофы на ЧАЭС для Республики Беларусь будет сохранять актуальность в течение длительного периода, исчисляемого десятилетиями, а

для наиболее загрязненных территорий, таких как Полесский государственный радиационно-экологический заповедник, – веками. Сказанное означает, что значительная часть населения нашей страны в течение длительного времени вынуждена будет учитывать радиационно-экологические факторы в своей профессиональной деятельности, повседневной жизни, организации досуга и т.д. (по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь на 01.01.2016 г. на загрязненных радионуклидами территориях проживает около 1,1 млн. человек). Что же касается философского осмысления влияния чернобыльской катастрофы и ее последствий для Республики Беларусь, то спустя 30 лет этот процесс продолжается. И, наконец, неизбежен постоянный возврат к чернобыльской тематике при обсуждении перспектив развития в республике ядерной энергетики и связанного с ним повышенного внимания к ядерной и радиационной безопасности нашей страны.

Таким образом, с учетом изложенного становится очевидным, что в той или иной степени чернобыльская проблематика будет значима для многих поколений белорусских граждан, а не только для тех специалистов, которые непосредственно принимали участие в ликвидации и преодолении последствий катастрофы. При этом смена поколений, причастных к управлению постчернобыльской ситуацией в Республики Беларусь должна происходить без ухудшения радиационно-экологической и социально-экономической ситуации, с сохранением наработанного уникального опыта и организованной передачей навыков и компетенций, получивших развитие в государственном управлении, профессиональной среде, жизнедеятельности в целом. Это, в свою очередь, будет служить гарантом устойчивого развития и процветания нашей страны, возродившейся после Чернобыля.

Литература и источники

1. Четверть века после чернобыльской катастрофы: итоги и перспективы преодоления. Национальный доклад Республики Беларусь. – Минск, 2011.
2. Борисевич, Н.Я. Нереальный мир. Чернобыльские мифы / Н.Я. Борисевич [и др.]. – Минск, 2012.
3. Возрождаем родную землю. – 2015. – № 2 (39).

МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ МОЛОДЕЖИ «ЧЕРНОБЫЛЬСКИХ» ТЕРРИТОРИЙ

Мартищенко Е. В. (Минск, Беларусь)

После аварии на ЧАЭС 26 апреля 1986 года прошло 30 лет, выросло не одно новое поколение, произошли кардинальные изменения общественно-политического устройства, – Беларусь стала суверенным государством, обязанным самостоятельно решать проблемы развития экономики, социальной сферы и культуры с целью сохранения независимости и повышения качества жизни населения. За данный период произошли и

системные сдвиги в стратегии работы с последствиями аварии на ЧАЭС: на сегодняшний день речь уже идет о восстановлении и, в значительной мере, самостоятельном устойчивом развитии чернобыльских территорий, а не ликвидации последствий аварии. Такая стратегия предполагает наличие и / или формирование активного, инициативного слоя белорусского населения и, в особенности, молодежи, способного внести весомый вклад в развитие постчернобыльских территорий.

Институт социологии НАН Беларуси, в ходе реализации Программы совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на период до 2016 года, осуществляет научно-исследовательский проект, направленный на определение уровня информированности граждан (проживающих на наиболее загрязненных радионуклидами территориях Гомельской области) из числа нуждающихся в дополнительной информации по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС.

Целью данной Программы является реабилитация и восстановление пострадавших от радиоактивного загрязнения территорий, а это в первую очередь реабилитация человека, проживающего на этих территориях, т.е. социально-психологическая и экономическая реабилитация, без целеустремленного и эффективного осуществления которых любые реабилитационные мероприятия теряют всякий смысл.

Одной из задач исследования, проводимого Институтом социологии, является получение дифференцированных данных (по группам и категориям) об отношении населения к условиям проживания на данной территории. Такая информация необходима не только для конкретизации информационной работы на месте, но и для оказания адресной помощи, учета мнения людей по многим бытовым вопросам. Вполне очевидно, что проводимый комплекс мероприятий направлен, в первую очередь, на то, чтобы изменить в лучшую сторону устоявшийся уклад жизни населения пострадавших территорий, формальные и межличностные отношения, организацию учебы, медицинского обслуживания, общественного транспорта, ЖКХ и бытового обслуживания, досуга. С этой целью в инструментарий исследования были включены вопросы, позволяющие выявить отношение населения к своему населенному пункту (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов об их отношении к своему населенному пункту, в % от опрошенных

Как вы относитесь к своему населенному пункту?	Всего	В том числе по районам				
		Брагинский р-н	Ветковский р-н	Наровлянский р-н	Хойникский р-н	Чечерский р-н
Мне очень нравится здесь жить	32,0	27,8	52,5	32,2	15,0	32,0
В целом я доволен(а), но кое-что	47,8	54,8	37,7	45,8	64,2	37,6

хотелось бы изменить						
Мне не нравится здесь жить, хотел(а) бы уехать отсюда	12,3	10,4	2,5	13,6	13,3	21,6
Другое	1,8	1,7	0,8	4,2	1,7	0,8
Затрудняюсь ответить	4,0	5,2	0,8	4,2	5,0	4,8
Нет ответа	2,0	–	5,7	–	0,8	3,2

Данные таблицы показывают, что большинство опрошенных респондентов выразили положительное отношение («Мне очень нравится здесь жить» + «В целом я доволен(а), но кое-что хотелось бы изменить») к своему населенному пункту – в каждом районе этот показатель составляет 80% и выше (только в Чечерском – 69,6). Респонденты Ветковского района при ответе на данный вопрос гораздо чаще, чем в других районах отмечали позицию «Мне очень нравится здесь жить» – 52,5% при среднем показателе по всему массиву 32%. В Хойникском районе, наоборот, только 15% респондентов отмечали данную позицию.

В тоже время, как видно из таблицы 1, количество респондентов довольных проживанием в своем населенном пункте, но желающих, что-либо изменить в нем также значительное – от 37,6 в Чечерском районе до 64,2% – в Хойникском.

Что касается количества респондентов, желающих покинуть свой населенный пункт и переехать куда-нибудь, то больше всего их в Чечерском районе – 21,6%, что почти в два раза больше, чем в среднем по всему массиву. Наименьшее количество респондентов, желающих сменить место жительства оказалось в Ветковском районе (2,5% опрошенных). Если рассматривать средний показатель по всем исследуемым районам – 12,3%, то можно отметить, что он немного выше среднего показателя по республике относительно естественного территориального перемещения людей по таким причинам, как отъезд на учебу, замужество, поиск работы, ведение собственного бизнеса и т.п., который варьируется от 5 до 10% в различные периоды.

На наш взгляд, информативно будет проследить, какая же «прослойка» населения исследуемых районов нацелена на переезд из своего населенного пункта (табл. 2).

Данные таблицы показывают, что желание уехать из своего населенного пункта в большей степени выказывают молодые люди в возрасте до 30 лет, а также респонденты имеющие общее среднее и среднее специальное или профессионально-техническое образование. С учетом того, что государство нацелено на возрождение пострадавших территорий, местным органам власти стоит уделить особое внимание именно этим категориям респондентов и, в особенности, молодежи.

Таблица 2 – Распределение респондентов, желающих уехать из своего населенного пункта в разрезе возраста и образования, в % от ответивших*

	%
Возраст:	
16–29 лет	36,5
30–39 лет	21,6
40–49 лет	18,9
50 лет и старше	23,0
Образование:	
Начальное	1,3
неполное среднее	13,5
среднее общее	31,1
среднее специальное, профессионально-техническое	39,2
высшее	14,9

Проведенные исследования позволили выявить проблему оттока и высоких безвозвратных миграционных установок молодежи чернобыльских территорий, хотя именно она – молодежь является ключевым источником развития этих территорий. Мы видим, что значительная часть молодежи (36,5 % среди лиц моложе 30 лет, 39,2 % среди лиц со средним специальным или профессионально-техническим образованием) не видит себя в такой роли, что позволяет говорить о латентном межпоколенческом конфликте ценностных ориентаций и рассогласовании ожидаемых и преследуемых образовательно-профессиональных территорий.

Ярко выраженные миграционные установки молодежи чернобыльских территорий, на которую властью и населением возлагается центральная роль по возрождению «родных мест» сегодня вызывают особенную тревогу. Присутствующий до сих пор в сознании населения «чернобыльский синдром» налагает глубокий отпечаток на их жизненные планы, образовательно-профессиональные траектории и, в особенности, это касается молодежи. Этот синдром по-прежнему стимулирует отток местной молодежи и минимизирует приток населения из других регионов страны, усиливая рассогласование трудового потенциала населения с реальным состоянием социально-экономической инфраструктуры и конъюнктуры «на местах», высокого уровня которой (по сравнению с другими регионами страны) уже удалось достичь и на улучшение которой ежегодно выделяются значительные бюджетные и международные средства.

* В данном случае респонденты, выбравшие вариант ответа «Мне не нравится здесь жить, хотел(а) бы уехать отсюда» при ответе на вопрос об их отношении к своему населенному пункту принимаются за 100%.

ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ СОЦИОЭКОСФЕРЫ

Михайлов А. Е. (Киров, Россия)

Человеческая деятельность содержит в себе внутреннее противоречие, состоящее в том, что в результате сознательного, целенаправленного и контролируемого изменения ряда природных условий, вовлекаемых в производственные процессы, происходят неожиданные, зачастую нежелательные и неподдающиеся оперативному контролю изменения некоторых других сопутствующих условий. Это противоречие исторически получает свое разрешение благодаря повышению эффективности производства до момента пока можно пренебрегать негативными последствиями, если они незначительны по сравнению с полезными результатами.

Но разрешение указанного противоречия сопровождалось назреванием другого противоречия, которое сегодня осознается как глобальная угроза. Интенсификация производства, с одной стороны, сопровождалась нарастающим разрушением и загрязнением окружающей среды, с другой – вела к исчерпанию невозобновимых природных ресурсов. На предыдущих этапах человеческой истории разрешение этого противоречия зависело от таких факторов как:

– периодические миграции населения и производств (менялись места охоты, пастбища для скота, от выработанных рудников переходили к освоению новых залежей и т.п.);

– разработка новых методов взаимодействия с окружающей средой (специализация сельскохозяйственной деятельности с учетом различия природно-климатических условий, включение в производственный процесс новых видов полезных ископаемых, технико-технологические инновации и пр.);

– борьба за источники сырьевых ресурсов, ставшая в настоящее время в отношениях современных государств одной из приоритетных детерминант геоэкономики и геополитики.

Если в природе процессы обмена веществом и энергией на протяжении многих миллионов лет могут воспроизводиться в замкнутом круговороте, то преобразующая природную среду человеческая деятельность, независимо от экстенсивного или интенсивного её характера, в перспективе будет нуждаться в объёмах ресурсов, превосходящих ресурсы Земли. Противоречие между ростом производства материальных благ и сокращением его ресурсной базы имеет надежные пути разрешения только до тех пор, пока ресурсы, вовлекаемые в производство для удовлетворения постоянно растущих потребностей человечества, составляют незначительную долю в сопоставлении с имеющимися невозобновляемыми ресурсами планеты.

Таким образом, во взаимодействии общества и природы назревает еще одно противоречие: между ограниченностью невозобновляемых природных

ресурсов и принципиально неограниченным ростом промышленных возможностей. В прогностических исследованиях осознается угроза истощения вовлеченных в производственный процесс наличных ресурсов уже в исторически обозримые сроки и одновременно – угроза разрушения и загрязнения окружающей среды.

Наиболее радикальным разрешением такого противоречия стало бы создание замкнутой целесообразно сбалансированной социоэкоосферы на основе ресурсосберегающих и безотходных (чистых) природоподобных технологий. В природе существует множество взаимодействующих экологических сообществ, которые складываются в пространстве экологической ниши из сосуществующих представителей различных видов. При сбалансированном подборе формируется в функциональном отношении замкнутая система, в которой эти представители видового разнообразия не только потребляют необходимые им ресурсы ниши и загрязняют ее отходами собственной жизнедеятельности, но и вносят свой вклад в восстановление ресурсов и условий совместного существования в границах общей ниши.

В отличие от относительно замкнутых экологических сообществ, которые существуют в природе, социоэкоосфера является принципиально открытой системой. Но экстенсивное и интенсивное расширение и углубление преобразующей природу человеческой деятельности сопровождается постепенным истощением ресурсов, разрушением и загрязнением среды обитания. Проблема регулирования взаимосвязей человека и природы по существу сводится к тому, чтобы расширение преобразующей природу деятельности и изменение ее характера шли более быстрыми темпами, нежели истощение ресурсов, обеспечивая тем самым расширенное воспроизводство. Техничко-технологическое развитие идет по пути замены одних ресурсов другими, освоения новых источников энергии, снижения затрат энергии и других ресурсов. Кардинальное разрешение указанных ранее противоречий потребует в перспективе практически полного отказа от использования невозобновимых сырьевых ресурсов с постепенной заменой их возобновимыми, а также перехода к безотходным и ресурсосберегающим технологиям [1, 2].

Но здесь проявляется еще одно противоречие гносеологического характера. Если телеологический подход в исследовании долгосрочных перспектив развития человечества позволяет выявить основные направления и цели в разрешении экологических проблем, то средства реализации этих целей либо находятся еще на начальных стадиях формирования, либо в настоящее время отсутствуют. Для разрешения этого противоречия потребуется время и значительные финансовые, интеллектуальные и материальные ресурсы. Данный факт в экологической экономике обнаруживается в том, что накопление при существующих технологиях далее не утилизируемых отходов делает жизненно необходимыми рекреационные мероприятия по очистке и восстановлению окружающей среды, но их проведение требует увязки экологических целей с экономическими показателями.

С ростом негативного воздействия на природу увеличивается и объем необходимых для восстановления среды затрат. Поэтому возникает проблема своевременного выявления переломного момента в нашей социально-культурной эволюции, когда «человечество подходит к точке критической неустойчивости – глобальной бифуркации» [3, с. 3]. При определении данного момента важно учитывать, чтобы привлекаемые средства, необходимые для решения экологической проблематики, с одной стороны, не были потрачены «впустую», а с другой – оставались еще соразмерными с технико-технологическими возможностями общества.

Трудности в исследовании перспектив развития социоэкоферы не ограничиваются указанными противоречиями. Преобразование природной составляющей социоэкоферы в ходе ее эволюции направлено не только на сохранение и улучшение условий, которые обеспечивают расширенное воспроизводство, но и на повышение индекса привлекательности окружающей среды. Со временем некоторая часть из того, что было создано ранее, с эстетической точки зрения становится уже неприемлемым и требует реконструкции, а в том, что создается сегодня, закладывается возможность диссонанса с нормами и вкусовыми предпочтениями будущих поколений.

Литература и источники

1. Вайцеккер, Э. Фактор пять, Формула устойчивого роста: Доклад Римскому клубу / Э. Вайцеккер [и др.]. – М., 2013.
2. Смил, В. Энергетика: мифы и реальность. Научный подход к анализу мировой энергетической политики. – М., 2012.
3. Ласло, Э. Глобальная бифуркация: время принимать решения. // Век глобализации. – 2011. – №2 (8). – С. 3–7.

РОЛЬ МАССОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ И ПОЛИТИКЕ

Михайловский В. С. (Минск, Беларусь)

Современный социальный процесс функционирует на разных уровнях – от локального до глобального. При всей специфике протекания социального процесса в рамках национальных государств есть общие факторы, которые оказывают воздействие на социальность. К таким факторам относится развитие массовой культуры, которая создает особое социальное пространство современности.

Согласно американскому социологу Д. Беллу массовая культура – это своего рода организация обыденного сознания в информационном обществе, особая знаковая система или особый язык, на котором члены информационного общества достигают взаимопонимания [1, с. 647]. Массовая культура является особым способом (предпосылкой) быстрого налаживания взаимопонимания как между отдельными личностями, так и между нациями и этносами. Это возможно в силу общности потребностей и ценностей, общности «культурного кода» современного человека на

глобальном уровне.

Современная массовая культура – это феномен распространения культуры массового потребления. Именно ценность потребления является основой глобального культурного сближения. При этом речь идет не о стандартизации культурных идентичностей, а о стандартизации «модуса» культурной идентификации. Потребление – это объективное явление характерное для разных культур. Человечество потребляло всегда. Отличие сегодняшней ситуации в том, что не потребление является аспектом культуры, а культура – аспект потребления. На смену диалогу культур приходит глобальная синхронность потребления культур. Культуры сохраняют свою уникальность, самобытность и даже несовместимость и конфликтность, но становятся товарами идентификационной необходимости. Люди сближаются не потому что потребляют одной и тоже, а потому что просто потребляют. В этом позитивное значение массовой культуры потребления. Она позволяет не искать общее в культурах для налаживания диалога и взаимопонимания, она сближает мир, превращая культурные отличия в глобальное потребительское многообразие. Однако массовая культура потребления воспроизводится как составная и неотъемлемая часть глобального капиталистического порядка, что деформирует ее позитивное значение.

Массовая культура есть способ включения государства в глобальную систему потребления, а, следовательно, в глобальный капиталистический порядок. Это экономическая цель в рамках функционирования глобального капитализма и расширения рынков сбыта. Сегодняшняя мировая ситуация отличается тем, что потребление, как отмечал французский философ Ж. Бодрийяр, не является результатом свободного выбора, а формируется внешним принуждением. Поэтому, исследуя проблемы потребления, не стоит фокусироваться только на этической проблеме в рамках «процесса наслаждения». Потребление должно рассматриваться «в политическом плане», и «отправным пунктом» анализа должно стать исследование потребления «стратегически» как механизма власти [2, с. 101–102]. Экономическая функция (задача) массовой культуры потребления должна привести в итоге к реализации интереса транснационального капитала как основного получателя доходов от современного глобального потребления.

Отдельному человеку сложно противостоять натиску транснациональных корпораций, государство же способно включить механизмы защиты, начиная от массового просвещения и заканчивая экономическими барьерами. Однако действовать государство может только в интересах граждан и на основе легитимности, подрыв которой и определяет роль массовой культуры потребления в политике.

В современном мире империалистического агрессора как объективного «врага» нет. Есть лишь многочисленные программы «неолиберального развития», предлагаемые (навязываемые) странами Запада и международными финансовыми организациями в интересах транснационального капитала. Для эффективного преодоления

государственного суверенитета транснациональному капиталу необходимо закрепить в обществе неолиберальный дискурс как универсальный. Массовая культура открывает огромные возможности для воздействия на обыденное сознание и тем самым на формирование определенных ценностных ориентаций в экономике и моделей поведения в политике. Она создает фальшивую политическую действительность, что позволяет транснациональному капиталу получить массовое согласие «на моральное право господствовать» [3, с. 47].

Массовая культура потребления – это культура быстрого неразборчивого потребления. Она навязывает страх не успеть прожить жизнь и остаться неудачниками. Это настроение транслируется и на политическое пространство, где быстрые неразборчивые реформы сродни товарам. Повторяющийся дискурс «кризиса», «борьбы за инвестиции» и «места в мировой торговле» приводят к спешности, а, следовательно, непродуманности реформ. В идеале навязанный неолиберальный дискурс должен привести к публичной критике властей за недостаточное включение страны в мировой капиталистический порядок. Государство должно попасть в «ловушку демократии», выполнять требования населения и еще больше усугублять экономическую ситуацию, подвергаясь критике и требованиям дальнейших реформ.

Таким образом, роль массового потребления в культуре и политике разнится. Сближая человечество и делая его терпимым, массовая культура потребление превращается и в механизм глобального воспроизводства капитализма и неолиберального империализма. Вместе с тем не следует так однозначно оценивать роль массовой культуры в политике. Массовая культура как технология возможна и эффективна для трансляции иных норм политического участия и ценностей политического поведения. Решающую роль в такой позитивной трансформации массовой культуры может сыграть привлечение критического потенциала в общественный дискурс.

Литература и источники

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999.
2. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака. – М., 2007.
3. Валлерстайн, И. Европейский универсализм: риторика власти // Прогнозис. – 2008. – № 2. – С. 3–56.

АКСИОСФЕРА РУССКОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Монина Н. П. (Омск, Россия)

Сегодняшняя ситуация «столкновения цивилизаций» по-новому актуализирует извечную философско-культурологическую проблематику соотношения Востока и Запада, с одним лишь уточнением – не столько

Востока в целом, сколько России и Запада. Современное противостояние России и «всего цивилизованного мира» подается как борьба культуры, цивилизации и варварства. Но насколько верно такой подход отражает реальные события? И так ли уж цивилизован Запад и варваризирована Россия?

Сразу оговоримся, что в контексте данной работы под Западом мы понимаем, в первую очередь, западноевропейскую и североамериканскую цивилизации. Западная цивилизация, зародившаяся в эпоху античности, в качестве базовых, фундаментальных оснований своей идентичности опирается на греческую философию, римское право и христианство, причем христианство, трактуемое сначала в католико-схоластическом, а затем в протестантском ключе.

Фундаментальные основания западной цивилизации, появившиеся в определенном порядке (греческая философия – римское право – христианство) создают и формируют матрицу ее культуры и менталитет народов, входящих в этот культурно-цивилизационный ареал, а, следовательно, геополитические амбиции и устремления.

Изначальный рационализм и атомизм древнегреческой философской мысли вкупе с римским частным правом (относящимся к «выгоде отдельных лиц» – по определению Доминиция Ульпиана), не мог не отразиться в понимании и трактовке христианства. Еще задолго до великого разделения церквей, свершившегося в 1054 году, в недрах единого на тот момент христианства довольно явно проявлялись региональные различия, обусловленные менталитетом различных народов, особенностями исторического и культурного развития. Сугубо научный, рационализированный и антропоцентричный подход к религии формирует вначале католичество в его идее *Filioque* («и Сына») – добавление к латинскому переводу Никео-Константинопольского символа веры, принятое Западной (Римской) церковью в XI веке в догмате о Троице: об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Бога Сына. «Это все более смещает акцент в восприятии Христа-Богочеловека от Сына Божия к земной его ипостаси. Земная жизнь Христа стала важнее его воскрешения» [1, с. 211]. Это дополняется догматом о папской непогрешимости, а затем, в процессе Реформации формируется и протестантизм как самое рациональное и самое светское религиозное направление.

История западной цивилизации – это история активного освоения, а затем и завоевания мира, начиная с эпохи великих географических открытий, колониальной экспансии, в результате которой были созданы колониальные империи, заканчивая сегодняшней попыткой насаждения демократии во всех концах света и стремлением к глобальному доминированию.

Фундамент русского культурного и цивилизационного типа составляют такие базисные основания, как православие, русская литература и евразийство. Отечественная культура, берущая свое начало в православном вероисповедании, сформировала иной, отличный от западного, тип культуры и мировоззрения. Именно религия оформила цивилизационное единство Руси

и России. По словам митрополита Иоанна, «в конце X века вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели – русский народ, в течение шести веков (с X по XII) вдумчиво и сосредоточенно размышлявший о месте Святой Руси в мироздании, пока, наконец, в царствовании Иоанна IV не утвердился в своем национально-религиозном мировоззрении» (цит. по [2, с. 124]). Достаточно важным является тот факт, что Русь приняла христианство не от Рима, как большинство европейских государств, а от Византии, бывшей в тот период времени культурной и цивилизационной столицей, что безусловно, наложило определенный отпечаток на тип культуры, и, одновременно, противопоставило Русь Европе. Это противостояние в дальнейшем все более явно отделяло русскую цивилизацию от Запада.

Именно христианское мировоззрение оформило богатейший пласт отечественной культуры, нашедший наиболее яркое отражение в русской литературе. Можно сказать, что русская культура литературоцентрична. Наша литература и есть философия жизни русского народа. А потому именно в ней отражаются существенные различия мировосприятия. Неслучайно австрийский писатель Стефан Цвейг, сравнивая мировоззренческую составляющую западной и русской литератур, отмечал, что у героев Диккенса цель всех стремлений – милостивый коттедж на лоне природы с веселой толпой детей; у героев Бальзака – замок с титулом пэра и миллионы. Люди в Европе хотят быть счастливыми, богатыми, довольными и могущественными. Русская же литература – это извечный поиск смысла жизни для человека, поиск правильного пути для общества, всесторонне исследование жизни, она ставит вечные проблемы человеческого существования, философские вопросы.

Евразийская грань отечественного мировоззрения, сформированная самим географическим положением страны, ее историческим развитием, выражающимся в извечном противоборстве Востока и Запада, подпитанная православным мессианизмом, вызвала к жизни определенные ценностные основания бытия русского народа. «Россия, являясь своеобразным связующим звеном между Европой и Азией, выполняла важную геостратегическую роль, связанную с поддержанием мирового равновесия» [3, с. 59]. Россия осознает себя скорее, как незримый центр, как «нечто неосязаемое, полное отрицание земной империи» [1, с. 78]. Провозглашение Москвы третьим Римом произошло не из гордости или желания декларировать свои амбиции, но «было формой, с помощью которой она продемонстрировала свою верность эпохе первоначального христианства и вселенских Соборов, когда сохранялось единство христианского мира, а также пыталась осознать свое место в мировой истории, положение Москвы в ряду мировых священных центров и церковных престолов после катастрофы 1453 года» [3, с. 12].

Отсюда столь актуальная и на сегодняшний день идея ответственности за судьбы мира (русский мессианизм). Здесь же берет свое основание и политика гармоничного сожительства в рамках многонационального

русского государства.

Таким образом, перед нами два варианта развития цивилизации, два варианта ответа на вызовы истории. Один, представленный Западом, сегодня явно зашел в тупик, второй, предложенный Россией, имеет определенные перспективы и в мировой политике, и в мировой культуре.

Становится очевидным, что аксиосфера западной культуры, ориентированная на земной, материальный пласт бытия, рациональный способ познания и освоения действительности, не способна решать глобальные задачи, стоящие перед человечеством в начале XXI века. С другой стороны, ориентация на духовные ценности, попытка выстроить отношения с другими странами на принципах равенства, взгляд на мир как на «единство в многообразии», позволяет решать актуальные цивилизационные задачи.

Нам видится, что единственный способ сохранения единой человеческой цивилизации сегодня – это объединение усилий мирового сообщества, в лице, в первую очередь, стран западного и евразийского миров на принципах сотрудничества и культурного взаимодействия.

Литература и источники

1. Нарочницкая, Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2003.
2. Трофимов, В.К. Менталитет русской нации. – Ижевск, 2004.
3. Моница, Н.П. Русский культурный архетип. – Омск, 2011.
4. Синицина, Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). – М., 1998.

ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ РЕПРОДУКТИВНОЙ МЕДИЦИНЫ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПОСТГУМАНИЗМА*

Новицкая Т. Е. (Минск, Беларусь)

В рамках постгуманизма как философского направления, которое связывает дальнейшее развитие человека с возможностями его радикального рационального технологического преобразования, сформировалось течение постгендеризма. Последнее представляет собой политическое и социально-культурное движение, приверженцы которого выступают за добровольное преодоление пола человека посредством применения биомедицинских и вспомогательных репродуктивных технологий. Они утверждают, что технологии способны разрушить биологические, психологические и социальные функции пола, и рассматривают уничтожение бинарности пола как освободительную интенцию. С их точки зрения [1], гендер представляет собой ограничение человеческого потенциала (как социального, так и биологического). Постгендеристы возлагают надежды на ликвидацию

* Работа подготовлена при поддержке БРФФИ, грант № Г15Р–030 от 04.05.2015 г.

вынужденного биологического и психологического пола посредством использования различных нейро-, био- и репродуктивных технологий, они призывают не к аннигиляции любых гендерных признаков или всеобщей универсальной андрогинности, а к тому, чтобы эти признаки могли быть предметом выбора. Современные методы вспомогательной репродукции смогут способствовать реализации прокретивных желаний людей в различных комбинациях по выбору, независимо от их пола, наличия партнера и пр.

Технологические возможности «преодоления пола» связаны с двумя основными направлениями. Во-первых, речь идет о модификациях человеческого тела в ситуациях гендерной дисморфии. В подобных случаях биомедицинские методы коррекции пола включают в себя практикуемые на данный момент методы заместительной гормональной терапии и хирургического изменения пола.

Второе биотехнологическое направление «преодоления пола» связано с такими возможностями, как дифференциация сексуальности и человеческой репродукции, привлечение третьих лиц в процесс зачатия, беременности и родов в качестве доноров или биологических родителей, использованием искусственных органов для деторождения. Первыми шагами в данном направлении стало изобретение современных методов контрацепции, однако с тех технологии шагнули далеко вперед. На сегодняшний день в мире практикуются такие методы искусственной репродукции человека как: искусственная инсеминация, донорство спермы и ооцитов, криоконсервация половых клеток, экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство, а также сопряженные с ними преимплантационная генетическая диагностика и генотерапия.

В 2015 г. в Великобритании была легализована инновационная вспомогательная репродуктивная технология «рождения от 3-х родителей», которая призвана помочь обзавестись здоровым потомством женщинам с митохондриальными заболеваниями. В ходе ее осуществления поврежденные митохондрии матери («матери № 1») заменяются здоровыми митохондриями яйцеклетки другой женщины-донора («матери № 2»). Здоровые ДНК изымаются из яйцеклетки матери и инкорпорируются в яйцеклетку донора – до или после оплодотворения. Поскольку внесенные изменения будут передаваться наследственным путем, это позволит избавиться от болезни будущим поколениям.

Однако говоря о биотехнологическом потенциале вспомогательных репродуктивных методов, целесообразно остановиться на технологиях, которые на данный момент разрабатываются, но пока не применяются в целях воспроизводства человека. В частности, к их числу относится эктогенезис, в основе которого лежит создание и использование для рождения ребенка искусственной матки. Создание искусственной матки в Японии Е. Кувабарой из Juntendo University School of Medicine (Токио) стало научным прорывом. Ученый смог вырастить в ней козленка. В настоящее время указанная технология не применяется для репродукции человека. Тем

не менее, не исключено, что она может послужить этой цели в будущем. Гипотетически искусственная матка могла бы быть применена для следующих целей: 1) для преодоления таких последствий бесплодия, которые сегодня решаются посредством суррогатного материнства (невынашивание плода, отсутствие матки, патологические изменения в указанном органе); 2) для обеспечения возможности медицинского вмешательства в организм беременной женщины, последствия которого несовместимы с беременностью (введение препаратов, которые способны вызвать возникновение морфологических аномалий и пороков развития у плода, осуществление хирургического вмешательства в ее организм, лучевой терапии и пр.). Сегодня эти манипуляции неизбежно влекут за собой искусственное прерывание беременности. Технология эктогенезиса позволила бы переместить эмбрион в искусственную матку, где он смог бы развиваться и в будущем появиться на свет. Эктогенезис мог бы помочь спасти ребенка при наличии угрозы преждевременных родов, при гибели беременной, явившись полноценной физиологичной заменой естественной матки. И, наконец, по утверждению американского философа-трансгуманиста З. Иствана, «искусственная матка» могла бы способствовать решению проблемы абортов и выступить в качестве альтернативы матки женщины, решившей прервать беременность, и спасти многие человеческие жизни [2]. Биолог Аарати Прасад [3] оценивает данную вспомогательную репродуктивную технологию как облегчающую жизнь женщины, рассматривая ее не как альтернативу женщине (ее естественной матке), а альтернативу для женщины, поскольку беременность по-прежнему несет с собой риски для жизни и женского здоровья. Она полагает, что существует возможность того, что в будущем беременность может стать необязательной для воспроизводства человеческого рода.

Еще одна биотехнология, которая может произвести революцию в области человеческой репродукции – использование искусственной спермы. Впервые о возможности ее создания в июле 2003 г. заявил профессор А. Трунсон из Института репродукции и развития Дж. Монаша (Австралия). Он предположил, что в течение 10 лет ученые будут способны преобразовать стволовые клетки в искусственные сперматозоиды и яйцеклетки. Однако прогресс опередил его прогноз. В сентябре 2003 г. Т. Носе из Института естественных наук Мицубиси Кагаку (Япония) получил искусственные сперматозоиды мышей. В ноябре 2004 г. доктор Р. Бринстер из Школы ветеринарной медицины Университета Пенсильвании (США) также произвел в лабораторных условиях стволовые клетки, трансформировавшиеся в дальнейшем в сперматозоиды. Однако, разумеется, принципиальное значение получил вопрос – может ли с ее помощью быть получено жизнеспособное потомство? Ответ на него был получен в 2006 г. Профессор Университета Ньюкасла (Великобритания). К. Найерния [4], работая с группой ученых в Университете Геттингена (Германия), смог создать жизнь при помощи искусственной спермы. В ходе эксперимента из эмбриональных стволовых клеток мыши были выращены сперматозоиды, и ими была оплодотворена

яйцеклетку. Эмбрионы, полученные этим путем, имплантировались в матку самки и прижились. В итоге родились 7 мышат; 1 погиб в детстве, шестеро дожили до взрослого возраста, но, отметим, 3 из них имели аномалии развития, ставшие причиной их преждевременной смерти. Данный результат может быть оценен как достаточно спорный, однако руководитель проекта считает, что проведенный эксперимент – это революционная новация в сфере лечения мужского бесплодия, и он открывает блестящие перспективы в названной области. Но может ли этот метод быть на практике применен к человеческому существу? Дальнейшие разработки К. Найернии связаны с решением данной проблемы. В апреле 2007 г. он сообщил о преобразовании стволовых клеток из костного мозга мужчины, в сперматогонии (промежуточную стадию развития сперматозоидов). Это не завершилось созданием полноценной спермы. Но ученый высказал еще более радикальную с точки зрения человеческой эволюции и репродукции идею. В феврале 2007 г. он подал заявку на осуществление эксперимента по преобразованию стволовых клеток костного мозга женщин-доноров в сперматозоиды, утверждая, что аналогичные эксперименты на мышах были успешными. Это вызвало ожесточенную критику в научной среде, основным аргументом которой был следующий: мужские клетки имеют Y – и X-хромосомы, а женские – две X-хромосомы. Наличие Y-хромосомы принципиально для нормального сперматогенеза. В то же время К. Найерния с оптимизмом смотрит на реализацию поставленной им задачи, планируя таким образом создать полноценные сперматозоиды, способные оплодотворить яйцеклетку [5]. Теоретически это открыло бы путь появлению на свет детей, у которых был бы один биологический родитель – мать, или же их биологическими родителями были бы две женщины.

ВРТ, имеющие практическое применение в современном мире, несомненно, оказывают существенное влияние на различные стороны жизни общества, провоцируя трансформации сексуальности, семьи, родительства. Гипотетически их действительно широкое внедрение в социальную и биомедицинскую практику способно привести не только к серьезным социальным эффектам, но и к изменению хода самой человеческой эволюции и облика будущего общества в целом в его фундаментальных основаниях. Однако «искусственная матка» и «искусственная сперма» имеют коренное отличие от всех имевших место прежде ВРТ. Условно ВРТ можно разделить на: 1) основанные на традиционной (естественной) схеме родительства (искусственная инсеминация, экстракорпоральное оплодотворение); 2) основанные на добавлении в названную схему третьего лица (донорство половых клеток, суррогатное материнство, рождение детей от 3-х родителей). В то же самое время создание и практическое применение «искусственной утробы» и «искусственной спермы» не расширило бы, а сократило число участников этой схемы. При ее использовании как минимум один участник элиминируется из процесса репродукции, меняет взгляд на гендерные, социальные и культурные роли индивида в обществе будущего.

Перспективы успешной разработки и практического внедрения данных методов едва ли могут быть названы отчетливыми, поскольку до сих пор речь не шла об плодотворных экспериментах, которые бы позволили утверждать, что они могут быть безопасны и в принципе, возможны, допустимы, для человека. Для этого не только должен быть решен ряд сложнейших научных задач, но и оценены связанные с ними социальные риски и последствия, потенциал их легального воплощения в жизнь. В постгуманистической философии построение постгендерного общества связывается с коренными изменениями в сфере человеческой репродукции при помощи инновационных ВРТ, как существующих, так и разрабатываемых. Теоретики этих философских направлений рассматривают постчеловечество как это будущий этап развития человечества, на котором осуществится улучшение положения человека, расширится спектр его физических, психических и интеллектуальных возможностей. В данном контексте постгендерное общество интерпретируется ими как идеал в русле посмодернистских «игр с идентичностью», возможностей их выбора. Однако следует помнить, что постчеловек – это человек искусственно сконструированный, а постгендерное общество образуется социальными отношениями и связями искусственно сконструированных людей, как в социальном, так и в биологическом смысле. И трансформация исконно существующей и воспроизводящейся на протяжении тысячелетий существования человека половой бинарности будет иметь следствия, связанные не только с преобразованием базовых социальных институтов и отношений, но с ходом человеческой эволюции.

Литература и источники

1. Dvorsky, G., Hughes J. Postgenderism: Beyond the GenderBinary. – Hartford, CT: Institute for Ethics and Emerging Technologies, 2008.
2. Istvan, Z. Artificial Wombs Are Coming, but the Controversy Is Already Here // Motherboard [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://motherboard.vice.com/read/artificial-wombs-are-coming-and-the-controversys-already-here>.
3. Prasad, A. Like a Virgin: How Science is Redesigning the Rules of Sex // London: Oneworld Publications, 2012.
4. Nayernia, K., Nolte J., Michelmann H. W., Lee J. H., Rathsack K., Drusenheimer N., Dev A., Wulf G. and others. In Vitro-Differentiated Embryonic Stem Cells Give Rise to Male Gametes that Can Generate Offspring Mice // Developmental Cell, Vol. 11, Issue 1. – July, 2006. – P.125–132.
5. Miryounesi, M., Nayernia K., Mobasheri M.B., Dianatpour M., Oko R., Savad S., Modarressi M. Evaluation of in vitro Spermatogenesis System Effectiveness to Study Genes Behavior: Monitoring the Expression of the Testis Specific 10 (Tsga10). Gene as a Model. – Archives of Iranian Medicine, Volume 17, Number 10, October 2014. – P. 692–697.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Олейник И. В. (Минск, Беларусь)

Проблема пространственно-временной организации бытия всегда являлась одной из наиболее значимых и фундаментальных для философов всех времен. Однако на рубеже тысячелетий вопросы о сущности пространства и времени, их трансформации в эпоху транзитивных обществ, актуализации представлений о социальных модусах пространства и времени приобрели особую злободневность, что связано, в первую очередь, со следующими факторами: формированием глобальной информационной цивилизации, в основе которой лежит процесс интенсификации транзакций и стремление преодоления ограничений, накладываемых физическими пространством и временем [1, 2]; универсализацией социального хронотопа, который теряет значимые локально-национальные характеристики и образует некое «клише» жизненного мира, лишённого географических и темпоральных детерминант [3]; развитием представлений о едином пространственно-временном континууме и реляционной природе пространства и времени (в противовес субстанциальной); дифференциацией социального пространства-времени, что проявляется в довольно резкой поляризации условий жизни людей [Бауман], а также в смене целостной линейной логики времени на пространство множественных временных потоков [1]; одновременными процессами пространственно-временной конвергенции и дистанциации [4].

Для обществ эпохи постмодерна характерен предельный уровень корреляции между социальными практиками и пространственно-временной организацией социальной реальности. Автономные объективные понятия «пространство» и «время» утрачивают свой метафизический пафос, поскольку обнаруживается трансформация ранее значимых для людей форм пространственной и временной укорененности в социально-историческом процессе. Время, которое ранее репрессивно «навязывало» субъектам необходимость проживать себя, наполняя социально значимым содержанием, отныне является ресурсом, который может приносить ренту своему владельцу и который открывает перед ним весь мир. Пространство становится переменной «безвременной вселенной» (термин М. Кастельса – прим. автора), которая стремится стереть все видимые границы. Пафос подобной трансформации пространственно-временной организации социальной реальности заключается в том, что она подчинена логике развития и скоростям транзакций информационных систем, в то время как человекообразные системы подчиняются этой логике все больше и больше, вытесняя из пространства жизненного мира естественные для человека скорости коммуникации, формы организации, циклы и ритмы биологической и социальной жизни.

В основе трансформации пространственно-временной организации

обществ в условиях глобализации лежит изменение свойств, которые характеризуют время и пространство в условиях глобализации и которые являются следствием парадигмального «сдвига» при переходе от классической и неклассической рациональности к постнеклассической, которая актуализирует проблему «социального» в феноменах пространства и времени. Так, актуальными понятиями современного социогуманитарного дискурса являются понятия «социальное время» и «социальное пространство». Хотя категориально-феноменологическая сущность времени всегда находила свое отражение в различных системах познания, непосредственно артикулированная проблема социального времени была возведена в статус научной лишь в начале XX века в сфере социологического знания. В 1937 г. публикуется программная статья П. Сорокина и Р. Мертона «Социальное время: опыт методологического и функционального анализа» [5], в которой они обосновывают необходимость введения в научный дискурс категории «социальное время», которая была призвана служить альтернативой астрономическому времени, и которая способна отображать специфику протекания времени в различных социальных системах и исторических контекстах. В современной социальной философии существует два основных уровня концептуализации проблемы социального времени, условно их можно обозначить как социологический и философский. Социологический уровень анализа проблемы социального времени носит акцентированно прикладной характер, т.к. речь здесь идет о «расчете» некоторого суммарного времени, посвященного определенной деятельности, поэтому в данном контексте возможны множественные дробления «общей» категории социального времени на время индивида, семьи, нации, класса и т. д. [6, 7]. В философском дискурсе концепт «социальное время» абстрагируется от прикладных характеристик времени и служит методологическим конструктом, позволяющим критически осмысливать процессы трансформации глобализирующихся обществ, главным образом, посредством анализа таких характеристик социального времени как релятивность и ускорение.

Проблема социального пространства является не менее значимой, чем проблема социального времени, поскольку одним из сущностных свойств обществ эпохи постмодерна является конвергенция пространства-времени, которая часто проявляется в довольно противоречивых формах. Обратной стороной процесса глобализации является процесс локализации, а в «совокупности эти два тесно взаимосвязанных процесса приводят к резкой дифференциации условий существования населения целых стран, регионов и различных сегментов этого населения» [8, с. 11]. При этом главным фактором, вызывающим это социальное расслоение, является мобильность.

Согласно М. Кастельсу, трансформация пространственно-временных параметров сетевого общества заключается в возникновении логики пространственных потоков (вместо логики мест), при этом под потоками Кастельс понимает «целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически

разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [1, с. 457]. Что касается времени, то оно всегда является локальным, в том смысле, что подчиняется социальному контексту и пространству потоков. В этом смысле время становится крайне релятивизированной величиной.

Параллельно активизации представлений о социальном пространстве-времени некоторые исследователи отмечают еще один важный процесс, который выступает основой глобализации – пространственно-временная компрессия. Она обусловлена рядом технологических и социальных революций XX века, которые привнесли в жизнь людей интенсификацию коммуникации, транспортных и финансовых потоков, трансформацию роли национального государства и гражданского общества. В совокупности эти тенденции привели к переходу от «старой» пространственно-временной «закрытой» социальной организации к новой – «открытой» [9, с. 40–41]. Именно новая форма пространственно-временной организации общества является «средним термином», связывающим воедино экономические и культурные трансформации последних десятилетий (переход от «фордизма» к «гибкому накоплению» капитала, адекватному реалиям «дезорганизованного капитализма») и постмодернистские культурные формы, воплощающие новый тип чувствования и мышления» [10].

В целом, очевидно, что множественные интерпретации пространственно-временной модификации современных обществ, так или иначе, отсылают к процессам сжатия, ускорения, релятивизации, конвергенции и дистанциации. Именно анализ данных процессов позволяет формировать адекватный и емкий образ социальной реальности в эпоху постмодерна.

Литература и источники

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.
2. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества. – М., 2004.
3. Бек, У. Что такое глобализация? – М., 2001.
4. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М., 2005.
5. Сорокин, П.А. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа / П.А. Сорокин, Р.К. Мертон // Социологические исследования. – № 6. – 2004. – С. 112–119.
6. Артемов, В.А. Социальное время: теоретические аспекты // В.А. Артемов, О.В. Новохацкая. – Вестник НГУ. Серия: социально-экономические науки. – 2013. – Т. 13. – № 4. – С. 181–187.
7. Веселкова, Н.В. Социология времени и Жорж Гурвич // Рубеж (альманах социальных исследований). – Сыктывкарский государственный университет. – 2003. – № 18. – С. 50–64.
8. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М., 2004.
9. Кирьянова, Л.Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений. – Томск, 2007.

10. Harvey, D. The Condition of Postmodernity. An enquiry into the origins of cultural change. – Oxford, 1990.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОХРАНЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Палибина А. С. (Саранск, Россия)

Термин «устойчивое развитие» первоначально появился в естественных науках, означавший способность к самоподдерживаемой эволюции. Позже данный термин стал активно использоваться в экономике для анализа возникающих связей между глобальным экономическим развитием и возможностями самовозобновления природных ресурсов. В дальнейшем понятие «устойчивое развитие» обретает статус концепции, согласно которой это способность страны, человечества в целом к выживанию и постоянно поддерживаемому непрерывному экономическому, экологическому, политическому, социальному, культурному развитию на основе всей жизни [2, с. 226–227].

Можно выделить следующие основные принципы устойчивого развития:

- одинаковое удовлетворение основных жизненных потребностей поколений при сохранении окружающей природной среды;
- сбалансированное развитие различных сфер (экономической, политической, социальной и пр.) жизни общества и искоренение бедности;
- рациональное природопользование, основанное на максимально возможном уменьшении использования невозобновляемых ресурсов и расширенном использовании вторичных ресурсов;
- формирование единой эколого-экономической системы, обеспечивающей экологически безопасное хозяйствование;
- реализация устойчивой демографической стратегии, уравнивающей численность и плотность народонаселения и его деятельность с законами и возможностями экосистем;
- развитие международного сотрудничества и глобального партнерства в деле сохранения и восстановления целостности экосистемы [1, с. 59].

Данные принципы достаточно полно характеризуют концепцию устойчивого развития, цель которой – сформулировать теоретическую модель и стратегию комфортной жизнедеятельности как отдельного человека, так и всего человечества в целом.

Среди многообразных средств, которые используются для достижения целей устойчивого развития, особое значение в последние десятилетия отводится социальной работе, ее специфическим формам и методам. Как справедливо отмечает Е.И. Холостова [3, с. 152–153], предметная сущность социальной работы отражена в феномене социальности, отражающей способы и формы сосуществования и взаимодействия в обществе как системе целостных социальных субъектов. В качестве социальных субъектов могут

выступать: отдельная личность, семья, трудовой коллектив, общность, группы, классы и пр. В развитом обществе такое взаимодействие строится на началах социального равенства и партнерства, справедливого распределения материальных и духовных благ, гарантий обеспечения для осуществления демографической политики, творческого самоутверждения всех входящих в общество социальных субъектов. Данные условия и предпосылки, составляющие сущность понятия «социальность», являются важным ориентиром социальной работы.

Основная цель социальной работы – забота о благосостоянии и раскрытии возможностей и способностей человека к нормальному социальному функционированию с разумным использованием ресурсов на нескольких уровнях (макро-, мезо – и микроуровнях). На макроуровне социальная работа выступает в качестве определенных мер по улучшению среды обитания людей в целях содействия и создания достойных условий для жизнедеятельности человека в обществе, предотвращения социально-политических и национально-этнических конфликтов, выявления категорий граждан, нуждающихся в социальной помощи. На мезоуровне социальная работа выступает как вид деятельности по оказанию помощи человеку, попавшему в трудную жизненную ситуацию. Парадигма помощи здесь достаточно широка: с одной стороны, группы нуждающихся определяются государством; с другой, приоритеты поддержки могут устанавливаться отдельными благотворительными органами социального обслуживания. Формы деятельности на мезоуровне разнообразны – от предоставления различной материальной помощи до организации важнейших сфер жизнедеятельности людей. На микроуровне социальная работа строится в соответствии с запросами человека и направлена на то, чтобы восстановить или сохранить его социальные связи с обществом [3, с. 154–155].

Учитывая специфику каждого уровня, специалисты в области социальной работы формируют у человека умения не просто справляться с проблемами, но он приобретает новый опыт в преодолении трудной жизненной ситуации. Другими словами, решение индивидуальных проблем способствует решению глобальных проблем человечества. Осуществление социальной работы совокупно на всех уровнях способствует повышению ее эффективности.

В разные периоды своей жизнедеятельности человек сталкивается с многообразными проблемами, которые можно квалифицировать следующим образом:

- состояние здоровья, которое не позволяет самостоятельно решать жизненные проблемы;
- работа в экстремальных социальных ситуациях, например, при техногенных катастрофах;
- пожилой возраст людей;
- бедность и трудное материальное положение наиболее уязвимых категорий населения;
- вынужденная миграция;

- особое положение детей;
- девиантное поведение в его различных формах и видах;
- неблагополучное положение различных категорий семей

Данная классификация является неисключительной. Можно дифференцировать группы в зависимости от целей и задач исследования, решения практических вопросов. Важно также отметить, что любой человек в любой период своей жизни нуждается в более или менее полном удовлетворении своих интересов и потребностей. При этом в каждой сфере они могут удовлетворяться неравномерно, испытывая зависимость, в том числе от экономических, политических, экологических систем.

Рост социальных проблем и снижение жизненного уровня, усиливающаяся социальная незащищенность большей части населения способствует нарастанию социальной напряженности в обществе, которая, в первую очередь, связана с ограничением ресурсов. Отмечая специфические формы и методы социальной работы, используемые для достижения целей устойчивого развития, необходимо выделить следующие: оказание социальной помощи, консультирование населения по различным вопросам, социальное корректирование и реабилитация, участие в реализации чрезвычайных мер по преодолению последствий стихийных бедствий и социальных конфликтов.

Таким образом, владение современными технологиями социальной работы позволяет своевременно удовлетворять жизненно важные потребности людей, обеспечивать их выживание в кризисные периоды, воздействовать на формирование качества и уровня их жизни.

Литература и источники

1. Зейналов, Г.Г. Человечество в поисках альтернативного пути развития. – М., 1999.
2. Савкин, Н.С. Социальная философия. – Саранск, 2007.
3. Холостова, Е.И. Социальная работа: история, теория и практика. – М., 2011.

ФИЛИАЦИЯ ИДЕЙ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Пендюрина Л. П. (Ростов-на-Дону, Россия)

Процесс глобализации, происходящий в современном мире, носит противоречивый характер: с одной стороны, многие культуры и люди в них живут сходной жизнью, с другой, сохраняются существенные культурные и религиозные различия. При этом даже гомогенные культуры часто испытывают влияние иных культурных представлений и идей. Несомненно, изменения – это условие развития культур. Они могут включать в себя внутренние и внешние аспекты. К внутренним аспектам относится трансформация сущностных культурных явлений во времени, а к внешним – формирование и распространение новых культурных форм, качественно

отличных от существующих.

Нередко создателями культурных инноваций выступают представители другой культурной среды, носители идей другой культуры. Данную ситуацию можно проследить на примере западной и восточной (в данном случае индийской) культур. При наличии явных различий в понимании мира и человека, происходит филиация идей индо-буддийской философской традиции на Запад. Под филиацией понимается процесс восприятия и интеграции идей, относящихся к иному социокультурному пространству.

Наращивание новых представлений, связанных с филиацией идей, меняет картину западной культуры фактически во всех сферах жизни. Формируется новое направление западной культуры, связанное с обращением к индо-буддийской философской традиции и получившее название «западного индуизма».

Особенно ярко филиация идей проявляется в религиозной жизни. Уже с середины XX столетия на Западе разворачивается деятельность индийских мудрецов-гуру, обращенная к массовому сознанию человека западного общества. К числу наиболее крупных религиозных направлений «западного индуизма», относятся Международное Общество Сознания Кришны, Общество Трансцендентальной Медитации, Международное бюро саньясинов и др. Их основные идеи являются традиционалистской трансформацией базовых индуистских представлений, сформировавшихся в результате осмысления «европеизированным» сознанием форм традиционной культуры и выявления взаимодействия смысловых структур культурных текстов Запада и Востока. Основатели этих религиозных учений предложили новое прочтение тех базовых ценностей – духовности, свободы, любви, страдания, – на которых основывается западная культура.

Несомненно, что процесс проникновения религиозных идей был обусловлен процессами глобального развития. Глобальные изменения, происходящие в мире, привели к размыванию мировоззренческих и культурных границ, к механическому некритическому усвоению иных взглядов и представлений, к метиссажу и аккультурации.

К тому же ценность новизны, которой следует Запад в течение долгого времени, определяет духовные искания западного человека в иных религиозных направлениях. В результате этого религиозные направления «западного индуизма» оказались включенными в жизнь западного человека наряду с ценностями собственной культуры и стали выполнять цели, связанные с различными аспектами его жизни: духовным и мистическим опытом, карьерой, оздоровлением, отдыхом, лечением, обретением внутренней гармонии и т.д.

Большие изменения происходят в этической сфере существования человека. На первый план в западном обществе выходит формирование экологического сознания и связанные с ним отношения экологической морали. В этом вопросе важная роль принадлежит представлениям индийской культуры и философии. Неэгоцентрическое мировоззрение, на основе которого функционирует экологическая мораль, базируется на

определенных принципах индо-буддийской философской традиции. К ним относятся: представление о высшем «Я» и индивидуальном «эго», они взаимно переплетены, но высшее «Я» должно доминировать над «эго»; истина многогранна, может получать различные наименования (Абсолют, Бог, Будда, Аллах) и движение к ней – возрастание духовности «Я»; высшее «Я» – часть высшей реальности, познать которую можно только через познание собственного «Я»; божественность проявляется во всем, поэтому для сохранения собственной жизни, собственного «Я» необходимо бережно относиться ко всему живому, не нарушать энергетический баланс во взаимодействии с окружающим миром. Изменение установок сознания, происходящих в результате следования перечисленным положениям, приводит (1) к отказу от иерархической картины мира, в которой человек стоит над природой и является ее наивысшей ценностью, (2) к распространению экологических норм в производстве и в быту, (3) к легализации в обществе «духовного плюрализма», (4) к формированию «нового» человека, способного преодолеть кризис современного общества с помощью трансформации обычного сознания и проявления новой самости.

Экологическая мораль вызвала к жизни экомоду. Экомода стала трендом современной жизни. Как устойчивый стиль культуры она определяет производство так называемой экоодежды, принципы питания, правила потребления. Условием создания продуктов экомоды является защита окружающего мира. Об этом в среде сторонников экомоды свидетельствует зеленый цвет одежды или зеленый логотип, присутствующий в одежде или аксессуарах, привлекающий внимание к проблеме охраны окружающей природы.

Уважение ко всем формам существования, вера в переселение душ, постулируемое в индо-буддийских представлениях – основа вегетарианства как элемента экомоды. Еще в шестидесятые годы XX столетия в западном обществе хиппи возвели вегетарианство в философию жизни. Приверженцы вегетарианства полагают, что в нем воплощен принцип гуманного отношения к миру и всему живому.

В стороне от глобальных перемен не осталась и философия. Западная философская мысль обращается к идеям Востока как в поисках новых духовных ориентиров, так и для обоснования базовых смысловых начал собственной культуры. Начиная с Шопенгауэра, многие западные философы пытаются обосновать понимание мира как органического целого, как некоего иерархизированного единства.

У. Джеймс, К.-Г. Юнг проводят параллели между идеями западных и восточных мыслителей. Джеймс интерпретирует религиозный опыт с позиций мистического опыта и ссылается на представления о мистических формах сознания в буддизме. Он понимает религию не как догму, а как мистический опыт. Такое понимание религии позволило Джеймсу высказать мысль о существовании континуума космического сознания, от которого разум человека отделен тонкими перегородками.

Юнг постулирует в своих работах разнонаправленность целей и задач

западной и восточной культуры, обосновывает различие типов личности в них. Но при этом Юнг настаивает на необходимости понимания человека как целостного существа, открывающего собственную самость. Достижение самости, по мнению Юнга, связано с преобразованием сознания, с гармонией сознательного и бессознательного в человеческой психике. Как и буддийские мыслители, Юнг полагает, что в решении фундаментальных экзистенциальных проблем человек должен опираться на внутренний опыт, в котором участвуют все стороны его психики, а не только интеллектуальная сфера.

Таким образом, филиация идей как необходимый момент культурного развития приводит к расширению мировоззренческого горизонта западной культуры, приобщает ее к духовным ценностям и идейно-теоретическим установкам иных традиций.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОЦЕНКЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Пенин В. О. (Минск, Беларусь)

Процесс глобализации порождает интенсивное перемещение финансов, товаров и людей. Процесс миграции предполагает перемещение людей на достаточно большое расстояние и достаточно длительный срок. Среди ее причин, кроме экономических, могут быть выделены национальные, политические, религиозные, правовые, культурные, расовые, экологические, психологические и гуманитарные. Преимущественно, потоки мигрантов исходят из стран со слаборазвитой или кризисной экономикой. Люди из этих обществ, в поисках лучшей жизни устремляются в более благополучные государства. И чаще всего их выбор падает на наиболее развитые страны, такие как страны Западной Европы, США, Канаду и др.

Сегодня общее число лиц, проживающих за пределами стран, в которых они родились, достигло самого высокого уровня. Согласно докладу Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, опубликованном в 2013 г., в миграционный оборот втянуто 3,2 % населения мира [2]. Миграционные потоки приобрели в последнее десятилетие огромный масштаб.

Одним из привлекательных объектов миграции являются государства Европейского Союза. В государствах Европейского Союза, а также Норвегии и Швейцарии проживает более 507,4 млн. человек, из которых 43 млн. родились за пределами этих стран. Основной точкой миграционных потоков последнего столетия была и остается Германия, в которой осело более 10,1 млн. мигрантов. Далее следуют Франция (6,5 млн. чел.), Великобритания (5,6 млн. чел.), Испания (4,8 млн. чел.), Италия (2,5 млн. чел.), Швейцария (1,7 млн. чел.), Голландия (1,6 млн. чел.), Австрия (1,3 млн. чел.), Швеция (1,1 млн. чел.), Греция (1 млн. чел.).

Предпосылкой данной ситуации, стали условия углубляющегося в европейских странах дефицита трудовых ресурсов, начиная с последних десятилетий минувшего столетия, вызвавшие широкое распространение практики активного привлечения этими странами мигрантов. Согласно статистике, количество коренных граждан в ЕС старше 65 лет в 1950 г. было 8,2 %, в 2012–21 %, а в 2025 по прогнозам составит 27,6 % [3]. По данным за 2015 г. количество населения возросло благодаря природному фактору на 80 тыс., а благодаря миграции – на 700 тыс.

Одной из острых проблем остается нелегальная миграция. По данным Международной организации труда, она составляет около трети всей международной миграции. Общая численность нелегальных мигрантов в Европе, по приблизительным оценкам, составляет от 5 до 7 млн. человек. Однако через различные нелегальные каналы в ЕС въезжает более 500 тыс. мигрантов ежегодно [2].

Это многочисленный и практически неконтролируемый сегмент рынка труда, образуемый нелегальными мигрантами, которые заняты преимущественно в мелком или теневом секторе экономики, масштаб которого растёт во всех странах. Так, по официальным оценкам Еврокомиссии, он достигает в отдельных европейских странах от 8 до 30 % ВВП, а в целом по Европе – 20 % [3].

Данная ситуация выгодна с экономической точки зрения преимущественно работодателям, которые сэкономили на издержках, приобретая более дешёвую рабочую силу. В некоторых странах Европы, например, в Люксембурге и Швейцарии доля иностранцев в общем количестве рабочей силы достигает 25 % [3]. В основном они занимают рабочие места, не пользующиеся спросом у местных работников. Это грязная, тяжёлая работа, не требующая квалификации (во Франции 25 % их заняты в строительстве, 1/3 – в автомобилестроении на конвейерной сборке, в Бельгии 50 % работают в угольных шахтах) [3].

Однако миграционные потоки в ЕС достигли такой интенсивности, что связанные с ними перемены начинают характеризовать как настоящую проблему. Одним из главных направлений переоценки миграционной политики ЕС стало их экономическое значение, которое стало оцениваться как преувеличенное. Тезис о благотворной социально-экономической роли иммигрантов в жизни европейских стран начинает подвергаться все более активной и аргументированной критике, находящей поддержку в массовом общественном сознании. Например, 52,1 % граждан ЕС испытывают раздражение в отношении приезжих и хотели бы, чтобы их численность сократилась [1].

В последние годы появились исследования, проведенные в Великобритании, Франции, скандинавских и др. странах, авторы которых доказывают, что иммигранты из неевропейских стран стоят европейским государствам больше, чем дают, т.е. издержки, связанные с социальными расходами на иммигрантов (затраты на жилищные субсидии, семейные пособия, пособия по безработице, расходы на образование, здравоохранение

и т.д.) превышают, или, по крайней мере, сводят на нет вклад иммигрантов в экономику. Подчеркивается, что иммигранты из ближневосточных и африканских стран стареют, выходят на пенсию, и государство должно брать на себя заботу о них и их больших семьях.

В результате общественной дискуссии о переоценке прежних представлений об благоприятных экономических последствиях ширящегося притока иммигрантов из ближневосточных и африканских стран существенно увеличивается число европейцев, склонных считать иммиграцию скорее бременем для экономики, нежели благом, не дающим возможность преодолеть экономические трудности. По данным опроса 2014 г. тезис о том, что мигранты крадут рабочие места и являются обузой для социального обеспечения, в Италии поддержали 69 % респондентов, во Франции – 52 %, в Великобритании – 37 %, в Германии – 29 % [3].

Вторым направлением критики миграционной политики ЕС стало образование мигрантских анклавов, которые изначально предполагают изолированность коренного населения от районов, где мигрантам предлагалось компактное проживание, препятствует осуществлению культурной интеграции мигрантов в принимающее общество. Отсутствие желания интегрироваться в принимающее общество определило неудачу концепции мультикультурализма в ЕС. Более того, эти анклавы стали источниками угроз для самого принимающего общества. Например, пригород Брюсселя, район Моленбек, где были задержаны подозреваемые в Парижских терактах 13 ноября 2015 г.

С. Хантингтон писал, что культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу. Можно быть полу-французом или полу-арабом, но куда сложнее быть полу-католиком или полу-мусульманом [4].

Усиление общественных настроений в пользу ограничения доступа иммигрантов к государственным системам социального обеспечения, отсутствие ассимиляции и цивилизационные угрозы, исходящие от неевропейских мигрантов, приносит политические дивиденды правым партиям и правоцентристским коалициям, которые призывают к более жесткой по отношению к иммигрантам социальной политике.

Литература и источники

1. Вайнштейн, Г.И. Демографический фактор эволюции «социального государства» в Европе // Полис. – 2012. – № 6. – С. 155–164.
2. Доклад Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам (11.09.2013) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.un.org/esa/population/publications/reviewappraisal/Russian.pdf>.
3. Доклад Европейского Агентства по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств-членов Европейского Союза. Июль 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://earmigrationpanel.org/ru>.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. – СПб, 2003.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Полтавская М. Б., Серова К. И. (Волгоград, Россия)

Потребительское поведение включает в себя широкий спектр практик, направленных на приобретение и использование товаров и услуг. В основном оно изучается в рамках экономических дисциплин, однако в современной социологии активно развиваются альтернативные подходы к исследованию потребительских практик различных социальных групп. Потребительское поведение мы понимаем как процесс, обусловленный рядом факторов: социальных, культурных, экономических и политических. В данной работе будет проанализировано влияние социокультурных факторов на потребительское поведение студентов.

Теоретико-методологические основы исследования потребительского поведения заложены в работах А. Смита, Д. Рикардо, Д. Юма, К. Маркса, Ш. Монтескье, Г. Зиммеля, Т. Веблена. Социологический подход к изучению потребительских практик в условиях трансформирующегося общества представлен в работах Ж. Бодрийяра, П. Бурдьё, И. Гофмана. В отечественной социологии существенный вклад в исследование поведения потребителей внесли И.В. Алешина, В.И. Ильин, Я.М. Рощина и другие.

На потребительское поведение влияют различные группы факторов. К социальным и культурным факторам относятся семья, референтные группы, система образования, культура, субкультура, религиозная принадлежность, влияющие на ценности и убеждения, задающие потребительские предпочтения. Сюда можно отнести рекламу и моду, все возрастающую социальную привлекательность потребления, поскольку высокие стандарты потребления стали одной из основных ценностных ориентаций молодежи, возрастание роли брендов, рекламно-имиджевая заданность образцов потребления. К политическим факторам относятся политические и правовые институты и их влияние на потребительское поведение. Основным экономическим фактором является уровень дохода.

На сегодняшний день собрано достаточное количество эмпирического материала, характеризующего особенности потребительского выбора, практик принятия решений о приобретении различных видов товаров и услуг, однако данные исследования отражают лишь отдельные аспекты потребительского поведения, наблюдается недостаток систематизации.

Студенческая молодежь как особая социальная группа широко изучена в социологии, тем не менее, потребительские практики студентов представлены в социологических исследованиях довольно поверхностно. Вместе с тем студенчество представляет собой активного потребителя товаров и услуг, поэтому выявление особенностей практик и стилей потребления данной группы представляется актуальным.

Студенческое потребление, как и любое другое потребление,

предполагает выбор и приобретение товаров и услуг для удовлетворения имеющихся потребностей. Первым фактором, влияющим на потребительское поведение студенчества, является финансовая зависимость, поскольку большинство студентов не имеют источников дохода помимо стипендии и продолжают находиться на иждивении родителей. Влияние родителей на уровень, объем, и характер потребления студенческой молодежи представлен в социологических исследованиях в контексте изучения влияния референтных групп.

Так, исследование Ю.Л. Афанасьевой и Г.Б. Кошарной, проведенное в 2011 г. в г. Пензе (N=300), показало, что студентов следует рассматривать в целом как самостоятельных потребителей, принимающих решения на основе собственных представлений и оценок, однако существует определенная зависимость выбора и принятия решения о покупке от родителей в категории дорогостоящих товаров и услуг, например, при покупке машины, туристической путевки и пр. Мнение друзей также рассматривается как фактор, влияющий на потребительское поведение при выборе развлекательных заведений или товаров для хобби, досуга, а также одежды. Существенное влияние родителей отмечается в категориях покупок, где у студентов недостаточно собственного опыта для адекватной оценки качества и цены, так 100% студентов выбирают лекарства по совету родителей, продукты питания (60%) и бытовую технику (65%) [1, с. 116].

Вторым фактором, оказывающим влияние на потребительское поведение, является социокультурный. Поскольку студенчество является полиэтнической группой, включает представителей различных молодежных субкультур, при анализе потребительского поведения следует учитывать культурные особенности, менталитет и другие факторы, обусловленные принадлежностью к различным сообществам. Таким образом, влияние референтных групп – друзей и родителей – следует рассматривать как один из важных факторов, определяющих студенческое потребление.

Следующий фактор, оказывающий значительное влияние на структуру и объем потребления студентов, реклама в СМИ. Несмотря на то, что большинство студентов отрицают влияние рекламы на свой выбор товаров и услуг, нельзя не признать, что телевидение, гляцевые журналы и другие масс-медиа формируют образ успешного молодого человека, который включает «соответственные атрибуты», которые впоследствии трансформируются в потребности [2, с. 44].

В составе студентов крупных вузов можно встретить представителей разных регионов, приехавших из других городов и сельских населенных пунктов, потребительское поведение которых в определенной степени определяется географическим фактором. Роль географического фактора описана, например, в исследовании Г.Р. Суздалевой, А.Р. Бадамшиной, Э.И. Ахметовой, проведенном в 2013 г (N=1600) [3, с. 62].

Собственное исследование, проведенное в феврале-марте 2016 года в городе Волгограде среди студентов Волгоградского государственного университета методом глубинного интервью (N=12) подтвердило высокий

уровень влияния референтных групп и масс-медиа, в частности рекламы, на особенности потребительского поведения студентов. Референтными группами для студентов могут являться не только сверстники, но и родители. «Мне нравится стиль моей мамы, но зачастую, она покупает дорогие вещи, я не могу себе такого позволить постоянно, но иногда я трачу всю свою стипендию, хотя бы на одну брендовую вещь, чтобы выглядеть также, как она, но потом мне приходится экономить весь месяц на развлечениях и продуктах питания» (Елена, 21 год, ВолГУ, 4 курс).

Реклама оказывает сильное влияние на потребительские практики студентов, они покупают некоторые вещи, вспомнив рекламу, и возможно, им даже не нужна данная вещь, но изменяя ценностные ориентации у студентов, она подталкивает их на покупку этого товара, независимо от их материальных возможностей. Как отметили сами студенты, реклама становится двигателем для покупки косметических средств и продуктов питания, заставляя или побуждая купить именно этот товар.

Можно отметить высокую запоминаемость рекламной информации, которая оказывает значительное влияние на потребительские предпочтения студентов. Установки, сформированные рекламой в сознании молодых потребителей, характеризуются большой устойчивостью. Реклама стимулирует первичный поиск определенного товара и при его отсутствии в большинстве случаев стимулирует продолжать поиск необходимого товара в других магазинах. Сила влияния коммерческой рекламы на данную потребительскую группу в данном случае ограничена весьма небольшим размером бюджета.

О влиянии рекламы на потребительское поведение свидетельствуют следующие высказывания: «Конечно. Реклама играет очень важную роль в нашей жизни, я могу увидеть рекламу и пойти за этой вещью, не потому что нужна, а потому что просто хочу» (Светлана, 21 год, ВолГУ, 4 курс).

О том, что рекламная, брендовая и имиджевая составляющая присутствуют в потребительском поведении молодежи, можно увидеть из следующего утверждения: «Я обращаю внимание на марку товара, так как знаю, какое качество товара у определенных марок, но особо значения не имеет, нравится ткань, нравится, как смотрится, я беру» (Яна, 21 год, ВолГУ, 4 курс). В то же время студенты признают, что влияние рекламы и брендов не всеильно, есть и другие факторы, определяющие потребительский выбор.

Подводя итог, можно констатировать значительное влияние социокультурных факторов на потребительское поведение студентов. Они воздействуют на осознание себя как личности, способствуют выбору приемлемых моделей поведения, в том числе потребительского. Социокультурные факторы оказывают влияние на культуру питания, выбор одежды, создание своего образа, внешности. Они задают ценности и нормы, формируют убеждения и привычки. Реклама и СМИ в современном обществе значительно повышают уровень притязаний молодежи, поэтому влияние этих факторов на потребительское поведение студентов значительное, и такая тенденция, по нашему мнению, сохранится.

Літэратура і крыніцы

1. Афанасьева, Ю.Л. Влияние референтных групп на потребительское поведение студенческой молодежи / Ю.Л. Афанасьева, Г.Б. Кошарная // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – №1. – 2012. – С. 116–124.
2. Афанасьева Ю.Л. Влияние рекламы на потребительское поведение молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1. – С. 44–51.
3. Суздалева, Г.Р. Влияние географического фактора на особенности потребительского поведения населения / Г.Р. Суздалева, А.Р. Бадамшина, Э.И. Ахметова // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – №2. – 2013. – С. 62–69.

ГРАМАДЗЯНСКАЯ СУПОЛЬНАСЦЬ У СТРАТЭГІЎ ЁСТОЙЛІВАГА РАЗВІЦЦЯ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

Прахарэня М. В. (Мінск, Беларусь)

Канцэпцыя ёстойлівага развіцця набыла статус важнейшага прынцыпу існавання грамадства ў 1992 г., калі на Канферэнцыі Арганізацыі Аб'яднаных Нацый па ахове навакольнага асяроддзя і развіццю ў Рыю-дэ-Жанейра прадстаўнікі 179 дзяржаў, у тым ліку і Рэспубліка Беларусь, падпісалі «Павестку на XXI стагоддзе» [1]. З гэтага часу кожнай краіне было рэкамендавана самастойна падрыхтаваць уласную стратэгію ёстойлівага развіцця.

Нацыянальная стратэгія ёстойлівага развіцця Рэспублікі Беларусь (НСУР) упершыню была распрацавана ў 1996 г. У пачатку 1997 г. дакумент быў адобраны Урадам нашай краіны. Згодна з Законам Рэспублікі Беларусь ад 5 мая 1998 г. «Аб дзяржаўным прагназаванні і праграмах сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь» НСУР выступае сістэмаўтваральным дакументам прагнозаў і праграм сацыяльна-эканамічнага развіцця краіны на сярэдне – і доўгатэрміновую перспектыву. Так, НСУР распрацоўваецца раз у пяць гадоў, тэрмін яе дзеяння – 15 гадоў [2]. У 2004 г. Савет Міністраў Рэспублікі Беларусь адобрыў Нацыянальную стратэгію ёстойлівага сацыяльна-эканамічнага развіцця на перыяд да 2020 г., у 2015 г. – да 2030 г.

Стратэгічнымі мэтамі ёстойлівага развіцця нашай краіны на перыяд да 2020 г. сталі: дынамічнае павышэнне ўзроўню дабрабыту, узбагачэнне культуры, маралі народа на аснове інтэлектуальна-інавацыйнага развіцця эканамічнай, сацыяльнай і духоўнай сфер, захаванне навакольнага асяроддзя для сучаснага і будучага пакаленняў [3, с. 31]. Адным з галоўных прынцыпаў стратэгіі з'яўляецца фарміраванне грамадзянскай супольнасці як сістэмы самастойных і незалежных ад дзяржавы грамадскіх інстытутаў і адносін, якія павінны забяспечыць умовы для рэалізацыі інтарэсаў і запатрабаванняў асобных грамадзян ці калектываў.

Станаўленне асноў грамадзянскай супольнасці адбывалася яшчэ ў Антычнасці. Ужо ў 7–6 стст. да н.э. у выніку дэмакратычных пераўтварэнняў у Старажытнай Грэцыі чалавек заканадаўча надзяляўся правамі, атрымліваў статус грамадзяніна і мог удзельнічаць у палітычным жыцці дзяржавы-поліса. Менавіта антычныя філосафы (Арыстоцель, Платон, Дэмакрыт) упершыню выказалі канцэптуальныя ідэі аб сутнасці грамадзянскай супольнасці. Так, для антычнай філасофіі быць членам *politike* (грамадзянскай супольнасці, поліса) азначала быць грамадзянінам – законапаслухмяным членам дзяржавы.

Першыя паўнаважныя суб'екты грамадзянскай супольнасці – органы самакіравання, гільдыі купцоў, аб'яднанні рамеснікаў – заявілі аб сабе ў эпоху Сярэднявечча. Аднак у гэты перыяд, які характарызуецца дамінаваннем дзяржаўнай улады над грамадствам, паняцця «грамадзянская супольнасць» пакуль не існавала. Яно з'явілася ў XVII ст. у працах Т. Гобса, Дж. Лока, Г. Гроцыя і інш. Мысліцелі і філосафы XVIII ст. працягвалі развіваць тэорыю грамадзянскай супольнасці. Паступова сталі з'яўляцца даследаванні аб сутнасці гэтага феномену і яго ролі ў функцыянаванні дзяржавы як інстытута.

З прынцыпова новымі палажэннямі аб грамадзянскай супольнасці выступіў Г.В.Ф. Гегель (1770–1831 гг.). У трактаце «Філасофія права» ён больш дакладна, чым папярэднікі, размежаваў паняцці «дзяржава» і «грамадзянская супольнасць». Апошнюю, на думку філосафа, неабходна разглядаць як стадыю ці этап ў дыялектычным развіцці ад сям'і да дзяржавы. Аднак было адзначана, што развіццё грамадзянскай супольнасці наступae пазней, чым дзяржавы, «ібо в качестве дифференции оно предполагает государство, которое оно (*гражданское общество*), чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное» [4, с. 228]. Гегель лічыў, што фундаментам грамадзянскай супольнасці выступаюць прыватная ўласнасць, агульнасць інтарэсаў і роўнасць грамадзян, якія гарантаваны законам. Далейшыя даследаванні канцэпцыі грамадзянскай супольнасці былі заснаваны менавіта на гегелеўскай характарыстыцы самастойнасці гэтага феномену ў адносінах да дзяржавы і яго асаблівага значэння ў развіцці чалавецтва.

У наш час грамадзянская супольнасць з'яўляецца важным інструментам для дасягнення мэтай устойлівага развіцця. У адпаведнасці са стратэгіяй ўстойлівага сацыяльна-эканамічнага развіцця ў нашай краіне ствараюцца эфектыўныя механізмы для падтрымкі грамадзянскай супольнасці з боку дзяржавы, распрацоўваюцца прававыя працэдуры супрацоўніцтва з неўрадавымі, прафсаюзнымі і маладзёжнымі арганізацыямі [3, с. 12]. Іх дзейнасць павінна спрыяць удасканаленню выбарчай сістэмы і падзелу ўлады, функцыянаванню свабодных і незалежных сродкаў масавай інфармацыі.

У адпаведнасці са стратэгіяй ўстойлівага развіцця, у Рэспубліцы Беларусь ствараюцца ўмовы, пры якіх кожны грамадзянін, сацыяльныя групы ці арганізацыі маюць магчымасць удзельнічаць у распрацоўцы ці прыняцці

дзяржаўных рашэнняў, атрымліваць поўную інфармацыю аб выніках іх рэалізацыі, аператыўна звяртацца да прадстаўнікоў сацыяльна-палітычных інстытутаў. Добрым прыкладам служыць той факт, што са студзеня 2015 г. праводзіцца «прамая лінія» з кіраўнікамі раённых і абласных выканаўчых камітэтаў, куды з пытаннем можа звярнуцца любы грамадзянін нашай краіны. Дзяржаўныя сродкі масавай інфармацыі арганізуюць розныя формы зваротнай сувязі насельніцтва з уладай («выязныя прыёмныя», «гарачы тэлефон» і інш.). Пасля СМІ робяць справаздачу для аўдыторыі, дзе паведамляюць пра вынікі гэтых мерапрыемстваў. Такім чынам, дыялог грамадства і дзяржавы садзейнічае эфектыўнаму будаўніцтву грамадзянскай супольнасці ў Рэспубліцы Беларусь, кансалідуе насельніцтва для вырашэння актуальных задач развіцця краіны.

Стратэгія ўстойлівага развіцця Рэспублікі Беларусь прадугледжвае актыўнае супрацоўніцтва дзяржавы і грамадзянскай супольнасці, іх сумесную дзейнасць па рэалізацыі асноўных правоў і свабод грамадзян. У дакуменце прадстаўлены прагноз развіцця асноўных элементаў грамадзянскай супольнасці, такіх як прафесійныя саюзы і мясцовае самакіраванне.

Праграмай устойлівага развіцця прадугледжана далейшае ўдасканаленне сістэмы заканадаўства па абароне інтарэсаў працоўных, ўзмацненне ролі прафсаюзаў у прыняцці задач агульнадзяржаўнага значэння. У адпаведнасці з НСУР-2030, задачамі мясцовага самакіравання стане пашырэнне функцый і ўзмацненне адказнасці мясцовых органаў улады за ўстойлівае развіццё сваіх тэрыторый і рост дабрабыту грамадзян. За кошт павышэння фінансавання і эканамічнай самастойнасці плануецца надаць новы імпульс дзейнасці мясцовых Саветаў, павысіць іх ролю ў вырашэнні надзённых праблем грамадзян рэгіёна [5, с. 97].

Фарміраванне грамадзянскай супольнасці – адзін з прыярытэтных накірункаў палітычнага курсу Рэспублікі Беларусь. Сталая грамадзянская супольнасць, улічваючы нацыянальныя асаблівасці, будзе спрыяць развіццю эканомікі, фарміраванню моцнай дзяржавы, развіццю дэмакратычных інстытутаў, забеспячэнню нацыянальнай згоды і сацыяльнай стабільнасці, што, у сваю чаргу, дапаможа выпрацаваць унікальную і дзейсную беларускую мадэль устойлівага развіцця.

Літаратура і крыніцы

1. Устойчивое развитие [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru.html>.
2. Закон Рэспублікі Беларусь от 5 мая 1998 г. №157-3 «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://laws.newsby.org/documents/laws/law0989.htm>.
3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г./ Национальная комиссия по устойчивому развитию Республики Беларусь. – Минск, 2004.

4. Гегель, Г.В.Ф. Философия права // Философия права. – М., 1990.
5. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. / Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – № 4.

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ В БИОЭТИЧЕСКОМ НОРМОГЕНЕЗЕ*

Сидорова Т. А. (Новосибирск, Россия)

Биоэтику можно рассматривать как способ критического осмысления инноваций в современных науках о жизни и в практике биомедицины, которое происходит в процессе дискуссионного обсуждения моральных проблем на различных уровнях. Коммуникация ученых и представителей общественности обеспечивает социальную релевантность научных результатов, создает информационный уровень для трансляции знания в практику принятия решений и в общественный дискурс. В таком ключе биоэтика становится социальным механизмом размещения не только научно-технологических, но и моральных инноваций в обществе. Процесс формирования норм, определяющих отношения индивидов в поле нового социального опыта, возникающего как следствие развития биомедицинских технологий, мы называем биоэтическим нормогенезом [1]. Проблемы, обсуждаемые в рефлексивном диалоге в различных дисциплинарных и институциональных средах, могут значительно отличаться по масштабу, локализации, сложности, уникальности, рискогенности. Биоэтическими они становятся вследствие выхода за пределы привычных средовых рамок в их разрешении. Например, вопрос об обеспечении справедливого распределения доступа к дефицитным медицинским ресурсам (донорским органам, высокотехнологичным видам медицинской помощи и т.п.) не может быть адекватно разрешен медицинскими специалистами без соответствующей легитимации тех или иных решений в социуме. Процедуры легитимации в свою очередь не могут быть реализованы в рамках традиционных институций и их способов санкционирования. Возникает необходимость организации полидисциплинарных, общественных дискуссий с участием ученых, врачей, юристов, религиозных деятелей, специалистов по этике, журналистов и других общественных представителей. Поскольку это общение носит перманентный характер, то создаются организационные структуры, которые постепенно трансформируются в постоянные институции. Целью этих дискуссий является не только обсуждение, но и поиск решений, которые не совпадают с ограниченными компетенциями и полномочиями отдельных сторон. Чем шире вовлекаются в дискуссии не эксперты, представители религии, другие социальные акторы, когда дискуссии перетекают в сферу образования и становятся методом обучения в

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ грант №14–03–00173.

биоэтике, тем больше оснований говорить о том, что происходит поиск и вызревание новых норм, осуществляется нормализация непривычного социального опыта.

Еще при жизни основателя «глобальной биоэтики» В.Р. Поттера было обнаружено несовпадение с его первоначальным замыслом того направления, которое с течением времени приняло развитие биоэтики. Он думал о новой этике как о новой философии выживания в эпоху глобальных рисков, порождаемых научно-техническим прогрессом. Процесс трансформации биоэтики в регулятивный инструмент медико-клинической практики не соответствовал мировоззренческому уровню. Однако опыт регулятивной функции в обстоятельствах поиска решений в конкретных ситуациях, именуемых биоэтическими казусами, открыл в биоэтике потенциал нормогенеза. Дело в том, что найденные решения становились прецедентами для пересмотра норм медицинской этики, а затем социальных и моральных норм, бытующих в обществе в отношении жизни, смерти, здоровья, человеческой телесности и других витальных ценностей. Опыт деятельности этических комитетов и комиссий дал возможность по-новому взглянуть на процедуры поиска новых нормативных определений, на возможность объединения на дискуссионных площадках представителей разнонаправленных мнений, и разных способов нормировать обсуждаемые ситуации. Со временем регулятивная деятельность стала профессионализироваться, и этическая оценка переросла в гуманитарную экспертизу [2].

В наше время в развитии биоэтики заметна нормативно-регулятивная тенденция. Нормативный статус биоэтики вызывает у исследователей глубокий интерес, поскольку выступает ключевым моментом в определении самого положения биоэтики как академической дисциплины, а также практики междисциплинарного диалога и общественных дискуссий. Можно проследить конвергенцию регулятивной и мировоззренческой парадигм, если истолковывать процесс осмысления инноваций в биоэтике как способ нормотворчества и моральный нормогенез в обществе [3].

Социально-гуманитарный менеджмент инноваций нуждается в методологическом обеспечении. Например, для адекватной оценки статуса найденных решений и их роли в трансформации существующих социальных и моральных норм необходимо выявить и классифицировать детерминацию нормогенеза.

К социальным детерминантам, актуальным в биоэтической дискуссии можно отнести совокупность экономических, дискурсивных, а также специфических социальных условий, в которых новый социальный опыт, читай: биоэтический казус или проблемная ситуация, вызывает дискуссии и приводит к изменению привычных норм. Например, обсуждение способа выражения согласия потенциальных доноров в трансплантации, будет зависеть от финансово-экономической обеспеченности трансплантологии как отрасли медицины. Часто определяющим фактором в готовности человека пожертвовать орган в живом донорстве является возможность получить

после операции гарантированную медицинскую помощь. Важным социальным обстоятельством для обоснования новой нормы будет отношение населения к донорству органов. Это отношение в свою очередь формируется под воздействием разных форм дискурса: медийного, профанного, религиозного, экспертного.

Культурные детерминанты – этот мировоззренческие и ментальные предпосылки, в рамках которых нормируется традиционный взгляд на регулируемые ситуации. Как правило, в биоэтических дискуссиях этот взгляд выражается в религиозных позициях по вопросам биоэтики. Выполняя консервативную функцию в культуре, религия закрепляет значение нормы как соответствие однозначно понимаемого смысла защищаемой ценности. Этот тип детерминации не позволяет отказаться от связи нормы с ценностью, релятивизировать понятие нормального, и если и допускает развитие представлений о нормальном, т.е. моральный нормогенез, то в форме углубления и расширения понимания ценностного содержания.

Кроме того, к культурным детерминантам можно относить нормы общественной морали, габитуально закрепленные, имеющие этническую окраску, определяющие смысл привычного и нормального в сознании индивида. Инновации в моральном опыте, например, актуальные для методов вспомогательных репродуктивных технологий, в оптике культурных детерминант воспринимаются критически, поскольку радикально изменяют привычные представления о человеческом воспроизводстве, о значении материнства и отцовства, о родителско-детских связях.

Влияние политических и юридических условий на нормотворческий процесс в сфере регулирования новых форм социального опыта имеет определяющее значение. Например, от них зависит организованный или стихийный характер дискуссий, их масштаб, направленность. Отдельно следует сказать о предопределении решений в тех или иных ситуациях существующей правовой регламентацией. Часто биоэтический нормогенез ограничивается интерпретацией существующей правовой нормы. Однако подобные решения только отчасти исчерпывают конфликтность биоэтических дилемм. Тенденция сведения биоэтики к нормативной правовой регуляции, замыкание ее в рамках юридической парадигмы, вымывание этико-аксиологического содержания лишают ее главного преимущества – выступать связующим механизмом в рефлексивном трангрессирующем диалоге науки и общества.

Нормогенез происходит в поиске пределов манипулирования жизнью и смертью, телесной природой человека, в установлении интервала тех значений, в которых будет определена норма и выражена в терминах морального и правового дискурса. Диалог есть форма взаимодействия в процессе дискуссии, которая обеспечивает возможность новых смыслов в ценностном содержании, которое охраняется нормой. Биоэтика в рамках философского познания выполняет функцию пограничного поиска, ответственного экспериментирования с нормами.

Литература и источники

1. Сидорова, Т.А. Нормативный статус биоэтики // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2014. – № 3. – С. 69–75.
2. Юдин, Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности. – М., 2006. – С. 30–46
3. Сандакова, Л.Б. Основания интегративного подхода к проблеме нормогенеза в биоэтике // Идеи и идеалы. – 2015. – № 4(26). Т. 1. – С. 88–98.

ПРОЯВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ МЕДИКАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Сокольчик В. Н. (Минск, Беларусь)

Современный социум можно охарактеризовать через его вовлеченность в различные процессы, носящие «сетевой» характер и определяющие цивилизационную динамику. Одним из таких процессов является процесс медиализации. Медиализация современного общества в широком смысле может рассматриваться как усиление роли и значения медицинского знания в социуме, в узком – как неоправданный и неосознаваемый перенос решения собственно социальных проблем на уровень профессиональной медицины. По сути, медицинское знание и практика в современном мире приобретают несвойственные им функции социального контроля, оценки, продуцирования смыслов и ценностей, тиражирования и трансляции профессиональной терминологии в обыденный язык, навешивания «ярлыков» [1]. По мнению австрийского философа И. Иллича медиализация может рассматриваться «как пример контрпродуктивности медицины, усиления ее инструментального и технического могущества, с одной стороны, и противостояния личностному росту человека – с другой» [2].

Медиализация проявляется в различных формах общественной жизни, затрагивая все аспекты существования социума. Одно из характерных проявлений медиализации – формирование новых общественных и личностных ценностей (прежде всего, здоровый образ жизни). Эти новые аксиологические основания социальной жизни призваны сформировать нового человека, увлеченного своим физическим (и физиологическим) состоянием, как правило, в ущерб развитию духа и ментальности. Осмысление ценностей, связанных с культом физического и психического здоровья индивидуума, уже давно вышло за пределы собственно медицинского знания и развивается в рамках гуманитаристики, активно транслируется средствами массовой информации и коммуникации (СМиК). Безусловно, сами по себе ценности здорового образа жизни позитивны для человека, поскольку актуализируют проблемы улучшения качества человеческого существования, возможности продления активной жизни и т.д. Однако преувеличение и гиперболизация их порождает в социуме культ телесности и, как следствие, – утопические ожидания вечной молодости, а в

перспективе – вечной жизни. Медицина выступает в данном случае и генератором ценностных предпочтений личности и общества, и, одновременно, средством их реализации (в частности, через разрабатываемые медициной профилактические практики, а также через фармацевтику, пластическую хирургию, косметологию, манипуляции со стволовыми клетками, генетические технологии, трансплантологию и т.д.).

Сплетение «сетевых» процессов медиализации и потребления в современном обществе формирует новое отношение к проблеме здоровья индивида: здоровье приобретает статус традиционного товара в обществе потребления. Этот товар широко рекламируется – как посредством позитивных призывов и обещаний (улучшение качества жизни, омоложение, снятие болевого синдрома, «сила двух сердец» и т.д.), так и через негативные коннотации (запугивание людей «страшилками» для увеличения продаж лекарств, средств гигиены, вакцин, приборов и т.д.). Как результат – по экспоненте растут расходы социума (и личности) на лечение и профилактику (в целом, здравоохранение), человек попадает в своеобразную зависимость от медицинских услуг, фармацевтических компаний и производителей. По мнению А.Н. Боязитовой сращение процессов медиализации с коммерциализацией, в частности, в сфере фармации порождает «конфликт между стремлением получать высокие доходы и стремлением выпускать только качественные, проверенные, эффективные средства» [3]. Таким образом, повышенный спрос на лекарственные средства и медицинские товары со стороны потребителей, с одной стороны, продуцирует отрицательные явления в производстве и продаже фармпрепаратов (сокращение испытательных сроков и упрощение испытательных процедур, свободный отпуск лекарственного средства в аптеках и т.д.), а с другой – порождает коммерческую необходимость манипуляции сознанием потребителей, что позволяет формировать финансовую зависимость индивидуумов от медицинских товаров и услуг.

Еще одно яркое проявление медиализации общества – экспликация новых болезней, которые в социуме приобретают значимость социальных недугов, а порой воспринимаются и как пандемии. Интересно, что современная медицина при объяснении феномена распространения таких болезней до уровня «общественных катаклизмов» зачастую использует термин «неболезни» [4]. Для врачебной практики эти «неболезни» не являются открытием, однако реальные клинические случаи их достаточно специфичны, не имеют тотального распространения. В качестве примера «неболезней» можно назвать целлюлит и анорексию (порожденную борьбой с полнотой и целлюлитом), синдром хронической усталости, синдром эмоционального выгорания, климактеральный синдром, эректильную дисфункцию, детскую гиперактивность и т.д. В ряду социальных пандемий (как правило, реальных заболеваний, имеющих инфекционную природу, но «раскрученных» и колоссально преувеличенных обществом) – куриный грипп, свиной грипп, лихорадка Эбола и пр. По сути, не врач, сталкиваясь с конкретным заболеванием, а социальные силы через свои механизмы

(властные структуры, СМиК и т.д.) обозначают новую болезнь, «диагностируют» ее, а затем массово тиражируют вновь сформированные предрассудки, способы «лечения», профилактики порожденных заболеваний и синдромов. Результатом становится массовая паника, перерастающая в массовый психоз по поводу возможности заражения, тщательные поиски и «самодиагностирование» модных болезней и, как следствие, самолечение.

Специфическое социальное следствие медиализации (в слиянии с процессами информатизации) – всеобщая медицинская «грамотность». Современная доступность медицинской информации и терминологии, обсуждение на форумах способов и технологий лечения, приоритет пациента в выборе врача и методов лечения в совокупности с отсутствием базовых знаний о человеческом организме, а также «ненавязчивой» рекламой и данью моде приводит к формированию у пациентов опасного мифа о наличии у него медицинских знаний и возможности самодиагностики. Распространение профессиональных медицинских знаний среди широких слоев населения в современном социуме порождает риски, связанные с «самолечением», бесконтрольным приемом пациентами лекарственных средств, а также приводит к эскалации конфликтов между врачом и пациентом вследствие скептического отношения пациента к профессиональным компетенциям врача.

Итак, медиализация порождает ряд значимых изменений общественного сознания, которые могут квалифицироваться как реальные риски (угрозы) современному цивилизационному развитию. Во-первых, медиализация заключает человека в пространство медицины, рассматривая его самость через психофизиологические характеристики вида. Во-вторых, медиализация превращает здоровье и саму жизнь в товар, транслируя ценности общества потребления. В процессе медиализации вырабатываются и реализуются способы стимулирования общества потребления на новые покупки, вложения, формирование новых потребностей и привязанностей. В-третьих, медиализация разрушает систему профессиональной медицины через недоверие к компетенциям врача, самодиагностику, самолечение. Наконец, в-четвертых, медиализация передает в руки медицины решение социальных проблем. Главные вопросы общества формулируются в контексте медицинского дискурса, возможные способы их решений реализуются либо через применение методов лечения и профилактики, либо через исполнение медициной «карательных» функций, профессионально ей не свойственных [5].

Литература и источники

1. Zola, I. *Medicine as an Institute of Social Control //Sociological Rewiew. New Series. – 1972. – V.20 (4). – P.487–504.*
2. Иллич, И. *Пределы медицины или Медицинская Немезида (отрывки из книги) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.pubhealth.spb.ru/ Illich/index.htm](http://www.pubhealth.spb.ru/Illich/index.htm).*

3. Боязитова, А.Н. Медикализация как социальный процесс // Автореферат диссертации на соискание уч. степени кандидата медицинских наук (по специальности 14.00.52 – социология медицины). – Волгоград, 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/79/015/42269.php>.
4. Воробьев, П. Неболезни и медицинализация общества // Троицкий Вариант, №191. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trv-science.ru/2015/11/03/nebolezni-i-medikalizaciya-obshchestva>.
5. Михель, Д.В. Медикализация как социальный феномен // Вестник СГТУ. – 2011. – №4 (60). Вып. 2. – С. 256–263.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ

Солодухо Н. М. (Казань, Россия)

Экологическая философия в качестве особого раздела философского знания начала формироваться в 80–90-е годы XX века, в начале нынешнего столетия происходила разработка ее основных концепций. На сегодняшний день существует ряд подходов к построению экологической философии как области знания и учебной дисциплины.

С 60-х гг. XIX века, когда Эрнст Геккель определил экологию как учение о взаимосвязи животных с неорганической и органической средой обитания, экологические представления получили развитие в различных направлениях: содержание экологии расширилось и подверглось дифференциации. Расширение ее значения выразилось в таких понятиях и концепциях, как «экология человека», «социальная экология», «экология культуры» и т.п.; наряду с этим появились новые области специализации: «экологическая география», «экологическая химия», «инженерная экология» и целый ряд др. Эти тенденции преобразования экологических исследований нашли отражение на уровне общенаучного знания в разработанной нами концепции «Всеобщей экологии» [1]. В «Программе "Всеобщая экология" для преподавателей и студентов педагогического вуза» (Н.М. Солодухо, Казань, 1993) были изложены основные положения новой интегративной концепции и общенаучной дисциплины.

Цель всеобщей экологии заключалась в выявлении и исследовании универсальных экологических отношений в различных областях – материальной (природной), материально-идеальной (социальной), духовной (антропо-культурной). Всеобщая экология была призвана стимулировать интеграцию различных областей экологического знания: экологии природы, экологии человека, социальной экологии, экологии культуры, экологии духа, – в единую систему на основе междисциплинарного экологического подхода [3]. Объединение традиционных и нетрадиционных направлений экологического исследования позволило достроить здание экологии «доверху», подведя под его крышу в качестве верхних этажей экологическую нишу духовной реальности. Прагматическая культурологическая сторона всеобщей экологии выражалась в стремлении сохранить национальные

культуры в лоне их традиционного пребывания на фоне процессов глобализации.

В результате концепция всеобщей экологии приводила к расширенному и обобщенному пониманию экологии, опираясь на значение греческого слова *oikos* как «местопребывания». Здесь в качестве окружающей среды, среды обитания может рассматриваться как естественная природа (абиотическая и биотическая), так и вторая природа (социализированная), а также и духовная сфера (антропоморфная). Духовная среда для существования человека и формирования его личности имеет не меньшее значение, чем природное окружение, а порой – даже большее. Согласно «Всеобщей экологии» в качестве выделенного объекта могут служить и живой организм, и человек, и общество, и система национальной культуры, взаимодействующие с окружающими разнородными средами – природной, социокультурной, духовной. Такая трактовка экологических отношений расширяет базу системы экологического образования и воспитания, открывает новые подходы к развитию и функционированию экологического сознания, экологического способа мышления, заставляет по-новому посмотреть на проблемы экологической культуры. В основе последней лежит *экологическая идеология толерантности*, подкрепляемая идеей экологии человеческой культуры.

Разработке концепции «Всеобщей экологии» предшествовала длительная совместная работа автора с группой эконом-географов Казанского государственного университета, возглавляемой профессором А.М. Трофимовым. Совместная работа 80-х гг. завершилась публикацией книг и статей, выступлениями на научных форумах в Советском Союзе и за рубежом (США, Франция, Германия, Болгария и др.). В книге «Вопросы методологии современной географии» (1986) [2] было проведено философско-методологическое обоснование взаимодействия природных и социально-экономических систем, в методологическом плане обобщен опыт математико-географического моделирования, обоснована геоситуационная концепция, изложены основы единой теории географического поля, приведена классификация и характеристика окружающей (географической) среды в связи с проблемой размытости географических границ и др. В дальнейшем был разработан и экоситуационный подход.

Предложенная нами модель экологической философии, с одной стороны, включает в преломленном виде основные положения общенаучной концепции «всеобщей экологии», с другой стороны, она должна отвечать требованиям философского знания. Экологическая философия – специфическая система знания, отличная от иных междисциплинарных и частнонаучных экологических теорий и концепций. Поэтому, во-первых, экологическая философия должна иметь философское содержание, а для философского знания характерны, прежде всего, следующие черты: мировоззренческая, гносеологическая и методологическая направленность при решении рассматриваемых проблем. Особенностью предмета философии является целостность охвата объекта исследования и выявление всеобщих

принципов и положений, которые затем находят свое приложение в различных областях науки. В структуре экологической философии должны найти преломление основные философские проблемы: онтологические, гносеологические, логические, социально-философские, философско-антропологические, аксиологические – этические, эстетические, религиозные и др [5].

С учетом указанных принципов была разработана «Программа по экологической философии» (Н.М. Солодухо, Казань, 1998, затем Г.Н. Алмаев, Казань, 2000) для студентов инженерных специальностей и построен соответствующий курс лекций, который читался в течение десяти лет на кафедре «Общей химии и экологии» в Казанского государственного технического университета им.А.Н. Туполева. Учебный курс «Всеобщей экологии» включает в себя рассмотрение следующих тем: «Предмет и назначение экологической философии», «Мировоззрение эколога», «Методологический аппарат эколога», «Антропный принцип: человек во Вселенной», «Диалектика взаимосвязи общества и природы», «Проблемы социальной экологии», «Проблемы экологической этики», «Эстетические проблемы экологии», «Экология и религия: точки соприкосновения», «Экология и эсхатология», «Глобалистика: методология моделей "Римского клуба"», «Экологические проблемы культуры», «От биосферы к ноосфере: Тейяр де Шарден и В.И. Вернадский», «Экологическая картина мира в эпоху постмодерна».

Проблема формирования экологического сознания также входит в предмет экологической философии. Говоря об экологическом сознании, полезно его соотносить с экологическими компонентами на уровне бессознательного. Такая постановка вопроса привела автора к выдвижению гипотезы о существовании экологического архетипа, возможность существования и роль которого подробно рассмотрены в монографии, написанной совместно с А.Х. Гимазетдиновой [4]. Выясняется, что экологическому сознанию предшествует экологический архетип. С этой тематикой перекликаются работы профессора З.А. Хусаинова по народной педагогике и экологии, написанные в контексте проблем национальной эколого-географической культуры.

Таким образом, роль формирования экологической философии в настоящее время весьма велика не только применительно к собственным проблемам развития философского знания, но и в плане разработки методологии и мировоззрения для научного познания, и в прагматическом отношении с учетом региональных межэтнических, национально-культурных проблем, в решении которых следует использовать систему идей экологической идеологии.

Литература и источники

1. Методические разработки к спецкурсу «Основы всеобщей экологии» / автор-составитель Н.М. Солодухо. – Казань, 1995.

2. Трофимов, А.М. Вопросы методологии современной географии. Учебное пособие / А.М. Трофимов, Н.М. Солодухо. – Казань, 1996.
3. Актуальные вопросы всеобщей экологии: По материалам Международного (СНГ) семинара / под общ. ред. Н.М. Солодухо. – Казань, 2007.
4. Гимазетдинова, А.Х. Экологическое сознание и экологический архетип / А.Х. Гимазетдинова, Н.М. Солодухо. – Казань, 2008.
5. Сабирзянов, А.М. Ситуационный подход в философско-экологическом контексте: Монография / А.М. Сабирзянов, Н.М. Солодухо. – Казань, 2013.

ПРОБЛЕМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Стародубцева З. Г. (Ростов-на-Дону, Россия)

В XXI веке, в условиях духовного кризиса общества, в эпоху глубочайших катаклизмов, усиливается и нравственно акцентируется внимание к человеку. Приоритетной становится задача духовно-нравственного воспитания молодого поколения. Осваивая народную мудрость, творчески общаясь с бессмертными произведениями классической литературы, ребенок, юный человек приобретает свои нравственные ориентиры, формируя способность мировоззренческого самоопределения.

В современной реальности все активнее проявляется тенденция развития интереса к внутриличностным организационным процессам. Аналитическому рассмотрению подвергаются факторы нравственного самоопределения, свободного выражения собственной воли, феномена творчества.

Открывающийся перед формирующейся личностью мир художественного сознания народа с его традициями духовности самобытно и ярко представляет нравственные нормы и убеждения. Чтобы ввести детей в мир народной духовной культуры, необходимо включать их в активную творческую деятельность, а не сводить означенную задачу к унылому поучению, выражающемуся в неприкрытом дидактизме. Одна из приоритетных задач педагога – включение детей в интересную эмоционально насыщенную игру, актуализирующую разные виды творческой деятельности: это, безусловно, способствует процессу самовоспитания и выявления творческих наклонностей личности.

Становление духовно богатой личности немислимо без целенаправленной внутренней деятельности, которая определяется как «активность человека, направленная на самосозидание, выстраивание себя до уровня идеального образца, самосовершенствование человеком своего внутреннего мира» [1, с. 368]. Внутренняя работа предполагает «глубокое сосредоточенное усилие» человека, непрекращающийся нравственный поиск; в противном же случае «теряются целостность и нравственное начало не только человека, но и всей культуры» [1, с. 368].

Глубинным основанием культуры выступает духовность. В Словаре по

этике под редакцией А.А. Гусейнова и И.С. Кона духовность понимается как «проявление человеческого в человеке, возвышающее его над собственными физиологическими потребностями, эгоистическим расчетом и рациональной рефлексией» [2, с. 88]. Великий мыслитель Иммануил Кант в своем труде «Всеобщая естественная история и теория неба» отмечал, что человек «был бы, во всяком случае, с точки зрения истинной мудрости, презреннейшим из всех существ, если бы его не возвышала надежда на будущее, и если бы заключенным в нем силам не предстояло полное развитие» [3, с. 249–251]. Многообразие феноменов духовности раскрывается в искусстве, одним из видов которого является литература. Литература – это искусство слова, искусство в высшей степени универсальное: слово, звучащее и написанное, доступно в восприятии практически всем. Уже само понятие слова включает в себе высокую идею духовности: «В начале было Слово, и Слово было Бог» [4, с. 24]. Здесь же можно говорить и о великой миссии слова – нести свет одухотворенного Знания, Любви ко всему сущему на Земле. Мировая литература воплощает неизбежное стремление к Прекрасному, вечный поиск Истины. Произведение словесного искусства выполняет неоспоримую эстетическую функцию – образное слово олицетворяет понятие красоты, изящества, идеала, духовно-нравственной глубины. Классическое литературно-художественное произведение – это гармоничное единство содержания и формы, художественная идея которого озарена светом нравственности, человечности, благородства. Разве могут оставить равнодушным, безучастным такие, например, строки?

Ещё томлюсь тоской желаний,
Ещё стремлюсь к тебе душой –
И в сумраке воспоминаний
Ещё ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный, –
Как ночью на небе звезда... (Ф.И. Тютчев).

Художественное слово обладает огромной силой нравственно-эстетического воздействия на человека. Примечательно наблюдение Роже Кайюа: «... очарование литературного произведения ... заключено ещё и в гармонии и образности» [5, с. 218].

Художественная литература предполагает совершенно неповторимый способ познания мира. «Что делать?» «Как жить?» «Что истинно и что ложно?» – вечные вопросы литературы. Мысль о необходимости для духовно состоятельной личности права на самоопределение, выбор нравственных ориентиров прослеживается в произведениях Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, А.П. Чехова, В.Г. Распутина, В.М. Шукшина и других писателей. «Будь человеком...» – главный нравственный постулат, художественно обоснованный В.М. Шукшиным в его произведениях. «Будь человеком...» – значит, прежде всего, будь духовным существом, олицетворяющим идеалы Добра, Достоинства, Правды, Моральной Чистоплотности. На этом

вырастает и гармонически развитая личность, и формируется нравственно здоровое, духовно зрелое общество. Именно это и определяет вектор его цивилизационного развития.

Литература и источники

1. Философия. Краткий тематический словарь. – Ростов / Дон: Феникс, 2001.
2. Словарь по этике / Под ред. А.А. Гусейнова, И.С. Кона. – М., 1989.
3. Кант, И. Всеобщая естественная история и теория неба. 1755// Сочинения: В 6 т. – М., 1963.
4. Библия. – Стокгольм, 1990.
5. Антология. «Курьер ЮНЕСКО» за 30 лет. / Сост. И.Н. Брычев [и др.]. – М., 1990.

МОЖЕТ ЛИ СЛОЖНОЕ ОБЩЕСТВО БЫТЬ ХОРОШИМ?

Тимощук А. С. (Владимир, Россия)

Мы живем в мире нарастающей сложности. Социокультурная динамика и место науки в ней является одной из самых интересных тем философии. Параметры нового общества определяются множеством факторов, среди которых можно выделить наиболее явные: 1) научная, информационная, экономическая, юридическая и криминальная глобализация, 2) растущая роль информации и деонтологизация товарно-денежных отношений, 3) увеличение уровня сложности и рискогенности общества, 4) становление техносферы как новой области отношений. В рамках логики дополнительности мы предложим несколько точек концептуальной сборки современного социума.

Неклассическое общество – это, прежде всего, неклассический объект, который нельзя поймать в классическую сетку понятий субъект – объект, причина – следствие, простое – сложное, истинно – ложно и т.п. Существенными признаками методологии неклассической науки являются: многомерность (полионтичность), парадоксальность, пластичность, процессуальность, ризоматичность, экологичность. Функционирование этих признаков раскрывается на примере такой важнейшей процедуры неклассической науки как кейсы, единичные события, не обобщаемые в закономерности.

Глобальное общество. Вопросы коммуникации, экологии, производства, мобильности, финансов уже отнюдь не локальные, а межгосударственные, межблоковые и даже планетарные. В условиях многофакторности мира импровизация, коммуникация и интеграция становятся способом выживания локальных сообществ (crowdfunding, crowdsourcing). Экономический мондиализм привёл человечество к естественному состоянию формулирования международных стандартов в области экономики, права, банковской сфере, безопасности.

Общество высоких скоростей. Для социальной реальности сегодня востребовано фасеточное зрение, как у насекомых, – для различения

объектов в движении и на 360 градусов. Чтобы пчела увидела фильм, его нужно крутить в 10 раз быстрее, иначе он будет казаться застывшими кадрами. Так и сегодня, классический фотографический взгляд науки сегодня применим для относительно неподвижных объектов, к каковым не относятся право, государство и общество. Так, за последние 25 лет в России было принято несколько сотен тысяч законов федерального уровня. Одних только подзаконных актов существует более 200 тысяч, к которым относятся Указы и распоряжения Президента, постановления и распоряжения Правительства, акты федеральных органов исполнительной власти. Ещё больше законов принимается субъектами, муниципалитетами. Помимо этого, существуют международные акты и акты Конституционного суда РФ. Не говоря уже о громадном количестве локальных актов, общее количество нормативной документации составляет несколько миллионов.

Высокие скорости делают мир совокупностью процессов, а не явлений. А.Н. Павленко вводит понятие «рапидактор» – всевозможные технические и технологические ускорители социальных интеракций. Компьютеры (акселератор вычисления), средства транспорта (акселератор перемещения), средства связи (акселератор общения) необратимо ускоряют время в том смысле, что создают такую систему, которая без рапидактора функционировать не может. Эта характеристика также порождает потенциальную социальную неустойчивость.

Общество риска. Практически все значимые технологии и технические объекты потенциально опасны – водопровод, транспорт, электричество, ядерная энергетика, оружие массового поражения, высотные сооружения и т.д. Как следствие, группа людей может держать в страхе общество, пользуясь его уязвимостью (например, угроза терроризм). Риски обусловлены такими факторами, как конкуренция и война, которые в свою очередь выступают источниками глобального развития.

Нелинейное общество. Стратегия неоднородности бытия прочно завоевала свои позиции в математике и естествознании. Так, нелинейная математика открывает новые формы возможностей выражения закономерностей природы и общества. Природа и общество рассматриваются как нестационарные структуры с неклассическими признаками: аддитивность малых причин, неустойчивость, неравновесность, многовариантность. Практическое применение «нелинейщины» очень широко – учет рисков, правовая статистика, диагностирование больных, прогнозирование социальных процессов. Нелинейность пересекается с современными теориями самоорганизации и синергетики, которые рассматривают сложные объекты как открытые системы с неопределенным направлением поведения.

На основании синергетики в физике произошел переход от классических детерминистических законов к законам статистическим. Синергетика объяснила нам, что неприятности встроены в реальность и являются мощным ускорителем развития, которое осуществляется через смену состояний хаоса и порядка. Катастрофы разного уровня являются неотъемлемой и неустраняемой константой бытия.

Проблема неоднородности бытия, его плюральности, отразилась и в ряде течений социальной философии, приведем их в порядке упоминания: логика социальных ансамблей М. Крозье, изучавшего феномен бюрократии; логика меняющихся элементов (конstellаций). Р. Бернстайн, рассматривающая социум как сборку малых форм, имеющих свою истинность; концепция интеграции через локальности, выражающая многозначность социальных границ.

Хорошее общество. Украинский Сократ – Григорий Савич Сковорода, считал, что мир создан Богом так, что все простое – правда, а все сложное – неправда. Перед нами стоит непростая задача доказать, что в сложном технологическом обществе тоже может быть правда. Более того, усложнение общества есть естественный ответ на количественный демографический вызов. Мы имеем дело с самым массовым социумом за известную нам историю. Сентенция «Бог создал простую деревню, а человек – сложный город» звучит романтично, но не соответствует действительности. Демография создала и деревню, и город. Именно народонаселение определяет переход от аграрного общества к индустриальному (земли не хватает на всех) и от индустриального к постиндустриальному (рабочих мест на производстве не хватает при распределении за счёт глобального рынка труда; как следствие роста благосостояния населения его потребность в услугах увеличивается). Всё элитарное через массовое производство и маркетинг становится товаром широкого потребления – книги, автомобили, компьютеры, мобильные телефоны, музыкальные инструменты, экзотические фрукты, образование и т.д.

Сложное технологическое массовое неклассическое общество не оставляет этические идеалы, но трансформирует их. В.Г. Федотова в одноимённой книге (2005 г.) отмечает следующие тенденции в социальных трансформациях и идеях общественного блага: 1) соц-инжиниринг опирается на количественные инструменты, но не метафизику, 2) междисциплинарная интеграция в социальном познании, 3) ранжирование хороших обществ опирается на разнообразную квалиметрию продолжительности жизни, социальной поддержки материнства и детства, показателей рождаемости и смертности, ВВП на душу населения, качества жизни, ощущения счастья и т.п., 4) господство анонимных регуляторов в обеспечении стабильности общества.

Этический дискурс «хорошего общества» крайне важен в логике категориальной дополнительности. Наше общество лучшее из возможных не только потому, что оно наше или потому, что оно есть. Лучшим его делает приверженность консервативному благу, а не бесконечному прогрессивизму изменений.

Одной из угроз прогрессивизма выступает привычка к высокому стандарту комфорта и увеличивающийся мировой долг кредиторов, который превышает совокупность мировых благ. Совокупный внешний долг в мире сегодня составляет более 70 трлн. \$, т.е. порядка 10 тыс. \$ на каждого жителя земли.

Наша цивилизация последние две тысячи лет движется по пути возвышения потребностей и удорожания жизни. Если в Риме для удержания контроля над массами достаточно было хлеба и зрелищ, сегодня социальное бремя государства выросло неимоверно – пенсии, образование, здравоохранение, правосудие, разнообразные программы социальной защиты. В этом смысле термин «good society» приобретает не только контекст правдоискательства, но и глобальное значение справедливости в распределении благ.

НОВЫЕ ВЕКТОРЫ И ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Урсул А. Д., Урсул Т. А. (Москва, Россия)

В последние десятилетия стало очевидным, что на цивилизацию стремительно надвигается экологическая катастрофа и, возможно, именно от этого зависит дальнейшее существование человечества. На этот глобальный вызов был дан ответ, когда после Конференции ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) в 1992 г. в Рио-де-Жанейро страны-члены ООН впервые в истории поставили цель перейти к социоприродному устойчивому развитию (УР), как средству предотвращения экологической и других глобальных антропогенных катастроф и дальнейшей хаотической деградации.

Переход к устойчивому развитию должен исключить деградацию общества и, в существенной степени, окружающей среды. Это наиболее приемлемый и безопасный тип социоприродной эволюции, направленной на сохранение цивилизации и биосферы, их сосуществование и коэволюцию. При таком понимании УР существование человечества может длиться неопределённо долго и не ставит под угрозу его развитие в неререгрессивных формах. Вектор устойчивого развития – принятая на уровне ООН мировая стратегия выживания человечества и выхода на уровень «управляемой» глобализации и других глобальных процессов. От реализации целей и принципов УР, зависит будущее всей цивилизации, его судьба в третьем тысячелетии. УР – новая глобальная модель развития мирового сообщества, обеспечивающая не только его выживание, но и преодоление остроты социоприродных противоречий дальнейшего существования человечества.

Концепция УР первоначально предполагала сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей [1, с. 20]. Прежде всего, это была ориентация на баланс экономических, социальных и экологических процессов, что должно способствовать реализации основной цели – созиданию принципиально новой формы дальнейшего существования и эволюции человечества. Последующая разработка и осмысление этой «целевой» концепции, превращение ее в

определяющую стратегию социоприродного развития третьего тысячелетия предполагает вхождение цивилизации в предвидимое и устойчивое будущее. Конференция ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 2012 г (Рио+20) подтвердила, что стратегия УР – это «будущее, которого мы хотим». Принятые в сентябре 2015 г. на юбилейной 70-ой Генассамблеи ООН Цели УР как основы новой глобальной повестки дня в области развития на следующие 15 лет ещё раз укрепили уверенность в том, что мировое сообщество продолжает идти по пути достижения глобальной устойчивости.

Глобализация и другие глобальные процессы должны будут получить новый импульс и стратегическую ориентацию от пока в основном виртуальной модели УР, постепенно утрачивая свойство стихийности, становясь социально проектируемым и управляемым (вначале направляемым) процессом эволюционного поступательного движения единого человечества. При «вписывании» глобальных процессов в стратегию УР необходимо, чтобы все составляющие этой последней стратегии (и прежде всего политическая, экономическая, социальная и экологическая компоненты) адаптировались к новой цивилизационной парадигме и форме эволюции, все больше вырывались из старой модели развития и постепенно превращались бы глобально управляемый процесс.

Ещё недавно возможность постановки целей для всего человечества подвергалось сомнению. Например, О. Шпенглер отмечал, что: «у человечества нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, также как и нет цели у вида бабочек или орхидей» [2, с. 29]. Переход от стихийного к осознанно-целевому развитию в глобальном масштабе становится возможным и даже необходимым, когда выяснилось, что естественно-стихийное развитие чревато гибелью человечества, причем не в весьма отдалённые времена, а скорее всего уже в этом столетии, а тем более – тысячелетии. Но возможная гибель человечества – это результат стихийного прошлого и мало осознанного в глобальном ракурсе цивилизационного развития, когда индивидуально-личностные и корпоративные интересы и приоритеты оказались предпочтительнее по сравнению с общечеловеческими и глобальными.

Именно возможность гибели человечества и дальнейшей деградации биосферы требует отказа от старой модели (формы) стихийного цивилизационного развития, которое неумолимо ведет к общепланетарной антропогенной катастрофе и формированию вначале в теории, а затем и на практике стратегии развития человечества, которое должно стать рационально управляемым в планетарном масштабе во имя своего собственного выживания. Ожидается, что это станет возможным при переходе мирового сообщества к глобальному устойчивому развитию, которое позволит сохранить цивилизацию в сохраняющейся биосфере Земли.

Ещё в книге «Наше общее будущее», известной также как доклад Г.Х. Брундтланд, посвященной обоснованию необходимости перехода к УР, было дано определение понятия устойчивого развития. Оно было обращено к будущему: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое

удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [3, с. 59]. Здесь, по сути, сформулирована основная цель необходимости перехода к устойчивому развитию – выживание и обеспечение существования человечества (и не только его, но, видимо, и биоты, поскольку там также есть соответствующие поколения живых существ) на будущие неопределённо долгие времена.

Именно поэтому удовлетворение потребностей, прежде всего витальных, будущих поколений людей выражает мало осознаваемую в данный момент времени опережающую гуманную потребность всего человеческого рода к своему выживанию и темпоральному продолжению существования. Упомянутое определение понятия УР носит осознанно-целевой характер и отражает не нечто уже существующее, а лишь возможное будущее развитие. Такое определение распространяет принципы социальной и социоприродной справедливости и безопасности не только на нынешние, но и на будущие поколения, которым ныне живущие на планете поколения должны оставить и передавать приемлемые (а ещё лучше – достойные) экологические условия и доступные природные ресурсы, благодаря чему они смогут существовать.

Цель представляет собой осознанный и желаемый заранее мыслимый результат сознательной деятельности человека, социума, а теперь и всей цивилизации. Целеполагание выступает как процесс формирования и определения целей, направлений и приоритетов того или иного видов деятельности, представляет базу для долгосрочного – нормативного прогнозирования и стратегического планирования деятельности.

Приведенное определение понятия УР (хотя уже существует много других) стало наиболее распространенным после его фактического принятия на ЮНСЕД. Такое «целевое» определение выражает глубинную сущность новой модели (формы) человеческого развития, которое постепенно перестанет быть только стихийным и не должно будет прервано какой-либо глобальной катастрофой антропогенного происхождения.

Потребности выживания будущих поколений подавляющая часть ныне живущих на планете не только не осознает, если видеть развитие человечества в формате современной рыночно-экономическоцентрической стихии. Однако осознанная большинством населения эта «футуризированная» и радикально «гуманизированная» потребность в выживании и цель продолжения человеческого рода будет влиять на потребности и деятельность ныне живущих поколений, более рационально трансформируя их в направлении оптимальной реализации в желаемом устойчивом будущем. Это должно сказаться на всех процессах в обществе и его взаимодействия с природой, на всех уровнях и масштабах развития человечества, связывая их в единую целеустремленную систему глобальной деятельности и формируя целостное глобальное развитие как коэволюцию различных глобальных процессов. Причём это развитие станет устойчивым развитием, если оно окажется рационально управляемым в общепланетарном масштабе, что

позволит уменьшить или даже элиминировать негативные факторы и последствия, угрожающие гибелью человечества, превратить его в более безопасную поступательную эволюцию.

Вместе с тем сейчас, когда позади уже четыре глобальные конференции-саммита ООН по проблемам УР, стало понятным, что новая стратегия цивилизационного развития выходит за пределы в основном экологического толкования этого типа глобального развития. Нужно иметь в виду, что «экологическое видение» движения по пути УР оказывается весьма важным, однако лишь начальным этапом осознания смысла перехода к глобально – эволюционной устойчивости. Экологическая проблема в ее глобальном видении оказывается лишь частью того общего общепланетарного процесса, который требует решения всех глобальных проблем, что может быть достигнуто переходом к УР. На это уже было обращено внимание, как только была принята эта концепция и стратегия [4].

Не следует представлять (и тем самым зауживать), что главное в переходе к УР – это решение социально-экологических проблем, ставших теперь уже глобальными и существенно обострившимися. Речь должна идти обо всех глобальных проблемах и других негативных общепланетарных феноменах, которые должны предотвращаться на пути перехода к УР. Тем самым экологическое видение перехода к УР начинает дополняться, расширяться и постепенно уступать место более системно-целостной трактовке движения к глобальной, а в перспективе и глобально-космической устойчивости.

Становится очевидным, что нужно было обратить пристальное внимание на проблемы окружающей среды, чтобы понять невозможность дальнейшего существования человечества в условиях опасной и неустойчивой модели (формы) современного цивилизационного процесса. Оказалось, что необходимо было учитывать и взаимодействие общества и природы, что оказалось основным в формировании концепции УР, где этот тип развития видится в социоприродном измерении.

Осознание исторического значения глобального перехода к УР как основного способа выживания человечества показывает, что должен произойти фундаментальный поворот в цивилизационном развитии, который вселяет надежду на спасение жизни и разума не только от экологических, но и от других возможных катастроф и угроз. Начав свое становление с осознания проблем окружающей среды, концепция и стратегия УР уже в той или иной степени захватывает всё больше сфер и направлений человеческой деятельности. Возможность выживания цивилизации действительно зависит не только от решения проблем окружающей среды, но и от более широкой гаммы факторов, трендов и проблем реального развития человечества.

В социоприродном измерении основная стратегическая цель перехода к УР заключается в формировании совершенно новой цивилизационной модели или форм развития, которая, обеспечивая выживание и дальнейшее поступательное движение цивилизации, не разрушала бы окружающую природную среду. Некоторые учёные предполагают, что в этом случае

цивилизация будет находиться в гармоничных (коэволюционных) отношениях с биосферой. Однако такая «гармония» в принципе невозможна, поскольку общество живёт за счёт природы, в той или иной степени разрушая её. Но можно существенно уменьшить это разрушение, снизить как минимум на порядок антропогенное давление на окружающую среду. Если в результате глобально-скоординированных действий удастся сохранить биосферу, и прежде всего биоразнообразие, то тем самым появится возможность выживания цивилизации, её существования и прогрессивного развития не только в течение ближайших веков, но и на последующие неопределенно длительные периоды времени.

Основная идея УР и вместе с тем осознанная человечеством цель этого типа развития заключается в продолжении существования человеческого рода, сохранении цивилизации и биосферы, их взаимного безопасного соразвития (коэволюции). Поэтому в определенном смысле УР представляется целью-идеей, направленной на выживание и неопределенно долгое существование цивилизации, но качественно иным способом, чем это стихийно происходило до сих пор. В социоприродном ракурсе речь идёт о том, что появляется новый способ взаимодействия природы и общества, который характеризуется гораздо большей биосферосовместимостью и экофильностью (этот способ получил наименование ноосферного способа социоприродного взаимодействия).

Поэтому выдвигание и обоснование идеи УР представляет собой (несмотря на определенные моменты сохранения ряда прошлых, но мало используемых видов деятельности) инновационно-эволюционное глобальное мировоззрение, ориентированное на гуманистическую цель – спасение всего человечества. Каких-то иных, достаточно реальных проектов такого спасения как альтернативы концепции и стратегии устойчивого развития цивилизации пока не разработано. Поэтому авторы исходят из того, что человечество в качестве стратегии и способа своего выживания выбрало переход к УР и будет совершенствовать эту глобальную стратегию, судя по уже используемой практике, если не каждые десять как раньше, то через пятнадцать лет.

В какой-то степени расширение «целевого поля» происходит и в связи с формулировкой новых глобальных целей перехода к УР, учитывающих описанную выше долгосрочную ориентацию развития, но выделяют в их возможной реализации всего следующие пятнадцать лет (2016–2030 годы). Поскольку темпоральные периоды перехода к УР, как показывает предшествующий опыт декады начала такого перехода, связаны с целями в области образования в интересах устойчивого развития [5, 6], то уже в Республике Корея в Инчхоне участники Всемирного форума по образованию приняли Декларацию и Глобальный план действий на период до 2030 года. В 2002 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция 57/ 254, в соответствии с которой было провозглашено Десятилетие образования в интересах устойчивого развития (ДОУР), охватывающее 2005–2014 гг. Цели ДОУР, как декларировала ЮНЕСКО – ведущее учреждение в вопросах

проведения Десятилетия – провозглашение образования в качестве фундамента создания более устойчивого общества и интеграция устойчивого развития в систему образования на всех его уровнях.

Цели устойчивого развития (ЦУР) являются продолжением Целей развития тысячелетия (ЦРТ), в которых было выделено в качестве приоритетных восемь международных целей развития. Они были приняты государствами-членами ООН в 2000 году и должны были в основном завершены к 2015 году. Руководство ООН полагает, что в достижении многих глобальных целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, удалось добиться впечатляющих успехов (например, более 700 млн человек вырвались из нищеты). Однако это довольно оптимистическая точка зрения, поскольку достижение ЦРТ происходило с огромными трудностями, далеко не последовательно и отнюдь не всеми странами [7]. Этот прогресс, как также отмечается в документах ООН, был неравномерным, особенно в Африке, наименее развитых странах, развивающихся странах, не имеющих выхода к морю, и малых островных развивающихся государствах. Некоторые цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия, так и не были достигнуты, особенно цели, касающиеся охраны здоровья матерей, новорожденных и репродуктивного здоровья. Продолжая Цели развития тысячелетия за пределы 2015 года, ЦУР построены на фундаменте, заложенном ЦРТ, завершая ещё ряд упомянутых там целей, особенно в плане оказания помощи наиболее уязвимым странам, но вместе с тем будут реагировать и на новые глобальные вызовы и опасности.

ЦУР в предлагаемой Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года, состоят из 17 целей в области устойчивого развития и 169 связанных с ними задач. В официальном документе «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [8], принятом на Саммите по УР в рамках 70 Генассамблеи ООН, признается также большое значение региональных и субрегиональных факторов, взаимодействия в области устойчивого развития, поскольку региональные и субрегиональные программы будут способствовать эффективному претворению стратегий устойчивого развития в конкретные действия на национальном уровне. В связи с этим всем государствам-членам ООН предлагается в кратчайшие сроки разработать далеко идущие национальные программы, охватывающие все аспекты осуществления новой Повестки дня в области УР. Они станут поддерживать переход к достижению целей устойчивого развития и быть основаны на существующих инструментах планирования, таких как стратегии национального развития и стратегии устойчивого развития, в зависимости от обстоятельств. Причём предполагается, что как общие, так и другие концепции УР со временем будут эволюционировать с учетом возникающих вопросов и появления новых методологий исследования.

При анализе ЦУР в новой Повестке дня в области УР до 2030 г. складывается впечатление, что пока не произошло какого-то существенного

концептуального обновления, а тем более – теоретического инновационного прорыва в устойчивое будущее. Руководство ООН полагает, что искомая концепция УР для всего мира уже создана и проблема заключается лишь в том, чтобы только её реализовать, меняя только цели развития через какой-то период времени (как отмечалось, по-видимому, это уже будет пятнадцатилетний период). Смена ЦУР с течением времени, конечно, как-то влияет на общее понимание устойчивого развития и перспективы его реализации, но важно также обращать особое внимание и на концептуальные трансформации, новое видение социоприродного развития в свете последних достижений науки. Между тем, несовершенство современной концепции УР всё же оказывается одной из серьёзных причин того, что человечество не может идти достаточно быстро в направлении своего выживания, которое зависит не только от экологических факторов, о чём также красноречиво свидетельствует обострившаяся современная геополитическая ситуация, приведшая к новой расстановке сил на мировой арене.

Представляется также странным, что в состав ЦУР не вошла цель обеспечения мира и международной безопасности, ради которого была создана ООН и с чего начал свою речь на Саммите президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, а также обсуждали многие другие выступающие. Можно лишь предполагать, почему такой цели не оказалось в ЦУР, хотя ясно, УР должно быть самым безопасным типом развития человечества, обеспечивая его дальнейшее существование. Поэтому совершенно справедливо проблемы безопасности в новой российской стратегии национальной безопасности были поставлены на приоритетное место, причём подчёркнуто, стратегия основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны [9].

Важно также проанализировать проблему безопасности с позиций глобальных и междисциплинарных исследований и обеспечить формирование единой методологии исследования проблемы и понятия безопасности в связи с расширительной интерпретацией устойчивого развития. Обеспечение безопасности преследует цель сохранения того или иного объекта (прежде всего личности, общества и государства, а теперь и всей цивилизации), а устойчивое развитие – его дальнейшее, но уже безопасное прогрессивно-поступательное развитие. Объединение в единую систему обеспечения различных видов безопасности и нерегрессивных форм развития превращает реальное многовекторное развитие в безопасную поступательную коэволюцию, а безопасность, в свою очередь, обеспечивается через устойчивое развитие в его наиболее широком понимании.

Формирование глобального мира сопряжено с появлением новых угроз и опасностей общепланетарного масштаба, которые могут вызвать антропогенную глобальную катастрофу. Возникает необходимость воздействия на глобализацию и другие глобальные процессы через устойчивое развитие, ориентированное на всестороннее обеспечение

безопасности и выживание цивилизации. В будущем мире с устойчивым развитием национальная и глобальная безопасность будут обеспечиваться главным образом не через защиту, а преимущественно через этот тип наиболее безопасного развития, что будет содействовать утверждению позитивных и снижению негативных тенденций и последствий глобального развития.

При переходе к устойчивому развитию безопасность перестает быть только одним из условий развития, а становится его необходимой составной частью. Впрочем, и наоборот: развитие, в данном случае неререгрессивное, оказывается неотъемлемым компонентом обеспечения безопасности, что и получает свое выражение в форме словосочетания «безопасность через устойчивое развитие».

Усиление негативных тенденций, вызовов и опасностей сопряжено со стихийно-хаотическим развертыванием глобализации и ряда других глобальных процессов, которыми, как сейчас становится очевидным, необходимо, причём опережающим образом, управлять теперь уже и в глобальном масштабе. Глобальное управление становится тем новым механизмом дальнейшего развития цивилизации, которое может обеспечить её дальнейшее поступательное развитие, не допуская кризисов и катастроф на пути обострения глобальных проблем и усиления негативных тенденций общепланетарного масштаба.

Есть много и других вопросов к содержанию, методикам и социальным технологиям формирования ЦУР, но все же их принятие и особенно реализация должны оказать позитивное влияние на будущее всего человечества, способствовать становлению глобальной цивилизации с устойчивым развитием.

Литература и источники

1. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Российская газета. – 1996. – 9 апр.
2. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 томах. Том 1. Образ и действительность. – М., 2009.
3. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. – М., 1989.
4. Урсул, А.Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. – М., 1993.
5. Урсул, А.Д. Образование в интересах устойчивого развития: первые результаты, проблемы и перспективы / А.Д. Урсул, Т.А. Урсул // Социодинамика. – 2015. – № 1. – С. 11–74.
6. Урсул, А.Д. Опережающее образование. От модернизации к футуризации. – Saarbrücken, 2015.
7. Дубинкина, К.А. Декларация тысячелетия: есть ли прогресс за 10 лет? // Социодинамика. – 2013. – № 10. – С. 38–51.
8. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org>.

ОПЫТ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Шайкин Р. В. (Минск, Беларусь)

Опыт – это философская категория, охватывающая единство знания и навыка, чувства и воли, характеризует системность социокультурного наследования исторического бытия человека в мире, трансляцию истории пребывания в этом мире от поколения к поколению [1]. Прежде всего, опыт является приобретенным качеством, которое формируется в процессе собственных впечатлений, переживаний и практических действий.

Опыт природоохранной деятельности старшеклассников наряду с системой мировоззренческих взглядов и нравственных ориентаций, которые определяют экологически целесообразную деятельность учащегося, его отношение к природной среде и обществу, обуславливают экологическую воспитанность как интегральное качество личности старшеклассников.

Сущность экологической воспитанности старшеклассников в природоохранной деятельности заключается в самоопределении учащегося в системе понимания природных процессов и влияния на окружающую среду и воплощение идеальной модели экологосообразного поведения в стратегию собственной жизнедеятельности.

К личному опыту природоохранной деятельности учащихся относятся: опыт владения экологическими знаниями и их использования на практике; опыт выбора решений в процессе природоохранной деятельности; опыт нормативного поведения в природе; опыт наблюдений, постановки эксперимента, исследовательской деятельности в природе, обобщения ее результатов; опыт эколого-просветительской деятельности [2].

Содержательный аспект природоохранной деятельности учащихся на наш взгляд определяет мероприятия, направленные на всестороннее продвижение природоохранных идей, сбор информации о состоянии окружающей среды, оценку и планирование природоохранных действий, конкретную локальную природоохранную практику на местности и содействие оптимизации природных экосистем.

Основным средством формирования опыта природоохранной деятельности являются природоохранные мероприятия, определяемые как организованные действия какого-либо количества людей, направленные на выполнение единой цели, способствующей выполнению природоохранных планов в перспективе.

Природоохранные мероприятия бывают: традиционными, периодическими и разовыми. Традиционные мероприятия – это ежегодные активности, имеющие схожие целевые установки, структуру, содержание, и проводимые в одно и то же время. К таким мероприятиям относят посадку

деревьев, подкормку птиц, развешивание искусственных гнездовий. Периодические природоохранные мероприятия выполняются по мере необходимости и связаны с актуализацией тех или иных запросов. Это, например, подготовка экологических маршрутов, борьба с инвазивными видами растений, исследовательские работы по мониторингу состояния окружающей среды. Разовые природоохранные мероприятия подчинены воле случая. Они являются действием на внезапно возникшие запросы: установка специального аншлага, выхаживание раненой птицы, выступление с докладом на актуальную тему.

Индивидуальный опыт природоохранной деятельности связан как с участием в массовых природоохранных мероприятиях, так и личным участием в решении экологических проблем и экологически ответственного поведения. Готовность к действию и ее проявление в виде конкретных действий природоохранного характера, тесно связаны с развитием внутренней мотивации, как ключевого компонента экологического сознания.

Участие старшеклассников в природоохранной деятельности, направленной на решение местных экологических проблем, способствует формированию новых стереотипов поведения, которые меняют иерархию ценностных ориентаций и самоидентификация себя в системе отношений общества и природы. Ориентация на экологически ответственное и грамотное поведение корректирует сознательное отношение старшеклассника к окружающей природной среде, что приводит к повышению степени осознания себя как активн действующей личности в системе природоохранной сферы деятельности общества. Степень и глубина этих изменений зависят от совокупности индивидуальных психофизиологических особенностей личности и степени жизненной активности старшеклассника.

Дальнейшее развитие и становление личностных качеств, определяющих рост уровня экологической воспитанности, которые выявляют поведенческие проявления и экологически ориентированные реакции, связаны с ситуацией успеха в природоохранной деятельности. Ситуация успеха способствует росту творческой и созидательной активности в природоохранной деятельности, усиливает стремление действовать экологически грамотно и компетентно, осмысливать и изучать сущность экологических проблем, конструктивно подходить к их эффективному разрешению. Именно опыт природоохранной деятельности в значительной степени способствует формированию экологической компетентности старшеклассников.

Высокий уровень развития мотивации в природоохранной деятельности проявляется не только в частоте участия старшеклассника в охране природы, но и в смыслах, обнаруживаемых при рефлексии учащимися своей повседневной поведенческой активности.

Таким образом, опыт природоохранной деятельности старшеклассников выступает своего рода катализатором развития экологической воспитанности, появляясь в результате экологической

созидательной деятельности на основании внешних или внутренних побудительных мотивов. Впоследствии опыт природоохранной деятельности как результат и источник дальнейшей мотивации встраивается в жизненный опыт старшеклассника в виде надстройки общей культуры личности и устойчивых стереотипов поведения.

Литература и источники

1. Новейший философский словарь. – Минск, 2003.
2. Теплов, Д.Л. Теория и практика экологического воспитания школьников в учреждениях дополнительного образования: монография. – М., 2004.

КРЕАТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР РЕФЛЕКСИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ОБЩЕСТВАХ РИСКА

Шевченко Н. Н. (Санкт-Петербург, Россия)

Процессы изменения социальных и культурных практик, разрушающих базовые принципы модерна, получившие название «модернизация», можно рассматривать в качестве однотипного тренда цивилизационного трансформационного процесса, социально-философская аналитика которого традиционно осуществляется в рамках концепции модернизации, имеющей теоретический статус метатеории. Продолжающаяся дискуссия о «модерне» актуализирует потребность осмысления её основных положений, выявления направлений их рецепции в современной социальной теории, прежде всего, – в использовании общефилософских, социально-философских, научно-теоретических и методологических оснований в исследованиях трансформирующихся обществ XXI века.

Реконструкция процесса генезиса концепции модерна и модернизации в рамках философской и социологической аналитики (в работах Т. Гоббса, Д. Юма, Ж.Ж. Руссо, И. Канта, Г. Гегеля, О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и Ф. Тенниса и других исследователей) и тенденций дальнейшего развития в работах М. Фуко, Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Ст. Тулмина, П. Слотердайка, Ю. Хабермаса, П. Козловски, А. Турена и других авторов позволяет рассматривать её как общий дискурс о модерне, как социальную теорию и гранд-нарратив, осмысливающий общемодернизационные закономерности, описывающий переход от традиционного к индустриальному обществу как переход от простого общества к более сложному, с обязательным прохождением одинаковых стадий для всех обществ.

Формирование локальных дискурсов, детерминированных гранд-нарративами, являющихся для них образцом, было обусловлено стремлением объяснить, каким образом запоздавшие в своем развитии страны могут достичь индустриально-капиталистической стадии и решить внутренние проблемы, не нарушая очередности этапов. Наиболее значимыми из них признаются теории конвергенции (К. Керр, С. Хантингтон, У. Росту),

сменившиеся теориями постиндустриального общества, разработанными в 1970-е годы, а теория глобализации, вошедшая в научный оборот в 1990-е годы, может быть рассмотрена как преемница этих более ранних теорий. Их содержанием является, как правило, обоснование необходимости «догоняющей» или «вторичной» модернизации, предполагающей копирование институциональной структуры и либеральной культуры западноевропейского общества, заимствование или вытеснение локальных, местных типов культуры и социальной организации «универсальными» (западными) формами социальности и культуры, что позволило П. Штомпке охарактеризовать такой подход как «зablуждение этноцентризма», а Ч. Тейлору характеризовать эти теории как «акультурные» за стремление рассматривать технологические, демографические, социальные и другие структурные трансформации общества в отрыве от культурного измерения исторического развития и человеческих мотиваций.

Новая форма дискурса о модернизации, рассматриваемой как трансформация, предполагающая сохранение национальной культуры без жёсткого навязывания обществу западных ценностей, складывается во второй половине 80-х – начале 90-х годов (А. Абдель-Малек, А. Турен, Ш. Эйзенштадт и др.). В нем обосновывается утверждение о том, что линейная логика развития общества не соответствует социальной реальности, поскольку современные общества достигли критической точки в своем развитии, «когда стремление к реформам уравнивается препонами на пути реформ», требующей «трансформации базовой структуры современного общества» [1, с. 94]. Для описания изменившегося таким образом общества, получившего название «общества риска» (У. Бек [2]) используются категории, характеризующие не «первую модерность», такие как «социальный порядок» или «социальная солидарность», а противоположные им – «радикальная необозримость» (Ю. Хабермас) и «радикальная ненадежность» (У. Бек), указывающие на то, что последствия социальных решений вследствие побочных факторов перестают быть прозрачными.

Понятие «рефлексивность» для такого общества становится нормативным, требующим изучения реакций общества «на самоочевидные побочные последствия в режиме реального времени», поэтому Э. Гидденс настаивает на полномочиях экспертов, а У. Бек подчеркивает необходимость создания экспертной системы, «которая будет нас информировать и предупреждать об опасных побочных последствиях ускоренной социальной эволюции в эпоху глобализации» [2, с. 93]. В обществе риска дедуктивное знание должно быть дополнено «практической мудростью», которую И. Пригожин и И. Стенгерс называют «искусством делать надлежащий выбор относительно неопределенного будущего» [3, с. 221], а У. Бек дал ей другое название, определив «практическую мудрость» как «рефлексивную модернизацию». Рефлексивная модернизация, в его представлении, есть «эпоха побочных последствий», не исключающих возможности обратного действия, наряду с линейной прогрессией, это «самотрансформация индустриального общества (которую не следует отождествлять с

саморефлексией этой самотрансформации), а также вытеснение и разрушение первой модерности второй модерностью, контуры и принципы которой еще только должны заявить себя перед нами и оформиться» [4, с. 89]. Анализируя катастрофические нелинейные и ненаправленные побочные эффекты, оказывающие обратное влияние на общество, У. Бек утверждает, что «двигателем общественных изменений теперь является уже не целевая рациональность, а побочные следствия: риски, опасности, индивидуализация, глобализация. А также и все необозримое и неотрефлексированное совокупно разрешается структурным сломом, который и отделяет индустриальную модерность от последующей модерности» [4, с. 40]. Риск, по мнению У. Бека, становится детерминирующим фактором жизнедеятельности человека в условиях перехода от «простой модерности» (индустриального общества) ко «второй», т.е. «обществу риска».

Риски, обусловленные «радикальной необозримостью» (Ю. Хабермас) и «радикальной ненадежностью» (У. Бек) общественного развития, фундируют потребность перехода к «креативной модернизации», предполагающей наличие экспертной системы, информирующей и предупреждающей об опасных побочных последствиях, которая, по мнению Э. Гидденса, невозможна без «институционализированной рефлексии», транслирующей в политический контекст осмысленные проблематизации и создающей всеобщее рефлексивное поле общественной жизни.

Рискогенность объективной реальности, как отличительная черта современности, актуализирует потребность в прогностической деятельности, росте автономного мышления и индивидуалистического творчества, требует совмещения разрабатываемых теорий общества с антропологическим проектом. Осмысление взаимосоотнесенности общества и личности в теориях «второй модерности» выражается в факте признания детерминированности общественного развития не технологическими факторами, а развитием человеческого потенциала, формированием творческой личности как основы формирующегося «класса интеллектуалов» или «креативного класса» [5].

Теория креативного класса рассматривает творчество индивидов в качестве основы экономического роста и формирования «креативного общества», в котором проектная логика будет способна минимизировать влияние рискогенных воздействий и связанных с ними ошибочных решений. Ведущая роль в формировании креативного класса принадлежит образованию, проблема рискогенности которого в России обсуждается в различных аспектах, в том числе, с точки зрения востребованности выпускников на рынке трудовых ресурсов в связи с актуализацией проблемы рассогласования рыночных ориентаций образования с государственными и региональными приоритетами развития. Общеизвестен факт массовой безработицы среди выпускников, получивших специальности экономиста, бухгалтера, юриста, в то же время набор абитуриентов по этим профилям не сокращается.

Генерирование системой образования такого рода социальных рисков обусловлено формированием образовательных университетских корпораций, подменяющих социальные задачи частными интересами образовательной монополии. Задачей образования, как кажется, является не удовлетворение стихийного спроса на определенные специальности в отрыве от объективных потребностей развития общества и отдельных регионов, а кадровое обеспечение экономики креативными специалистами, обладающими независимым мышлением, высоким уровнем образования, навыками адаптации к быстро меняющимся экономическим и социальным условиям, знанием социальной теории, пониманием сути происходящих социально-экономических и политических процессов и творческим этосом, для которого важны креативность, индивидуальность и личные заслуги.

Литература и источники

1. Леманн, Г. Искусство рефлексивной модерности // Логос. – 2010. – №4 (77).
2. Beck, U. Risikogesellschaft – Auf dem Weg in eine andere Moderne. – Frankfurt a.M., 1986
3. Пригожин, И. Время, хаос, квант/ И. Пригожин, И. Стенгерс. – М., 2001.
4. Beck, U. Das Zeitalter der Nebenfolgen und die Politisierung der Moderne // U. Beck, A. Giddens. Reflexive Modernisierung. Eine Kontroverse. – Frankfurt a.M., 1996.
5. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М., 2007.

ГМО КАК МАРКЕР СУВЕРЕННОСТИ РОССИИ?

Широкалова Г. С. (Нижний Новгород, Россия)

В общественном мнении вопрос о ГМО часто сводится к проблемам здоровья и демографии. Фактически речь идет о стратегии развития (угасания?) отраслей отечественного АПК. ГМ-технологии предполагают зависимость от поставки импортных гм-семян, наличие соответствующей техники для обработки полей, и сбора урожая, наличия иных средств защиты растений. Создаются новые типы «отходов» сельхозпроизводства: почвы, требующие рекультивации после выращивания сельскохозяйственной ГМ-продукции, переработки останков генно-модифицированных животных.

На информационном поле России уже в течение многих лет идет спор о «плюсах и минусах» ГМ-технологий. Законодатели и правительство России несколько раз меняли свою позицию, но благодаря: а) санкциям и объективной потребности в импортозамещении продовольствия, б) запоздалому пониманию, что нефть и газ не бесконечны, и, следовательно, нужны новые бренды, политические весы качнулись в сторону ограничения использования ГМО на территории РФ. Однако позиционирование себя как страны органического сельского хозяйства продолжалось недолго.

Итак, после вступления России во Всемирную торговую организацию вопрос о ГМО на территории РФ встал с особой остротой. В рамках двустороннего соглашения между Россией и США о вступлении России в

ВТО от 19.11. 2006 г. министром экономики и торговли РФ Г. Грефом и торговым представителем США Сюзан Шваб (Susan Schwab), было подписано «обменное письмо» о регулировании сельскохозяйственных биотехнологий. В нем предусматривались: 1. Контроль со стороны США в области регулирования ГМО. 2. Расширение списка ГМ-продуктов, зарегистрированных для употребления в пищу. 3. Ликвидация механизмов, препятствующих высадке ГМ-растений на территории РФ. 4. Отмена либо серьезные ограничения действия статьи закона «О защите прав потребителей», предусматривающей обязательную маркировку продуктов питания, содержащих ГМО [1].

Напомним, что согласно п. 4 статьи 15 Конституции 1993 г. «общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Следовательно, возможность «уступки» части суверенитета заложена уже в основном законе страны.

С 11.12.2007 г. в России действует закон, согласно которому производитель обязан информировать потребителя о содержании в товаре ГМО, если их уровень превышает 0,9% (до этого норма была выше) [2]. Закон не выполняется по многим причинам. Переработчики, закупающие сырье за рубежом, не имеют достоверной информации об его происхождении, генетические анализы дороги, нужные приборы есть не во всех регионах и не определяют всех мутаций. Не заинтересованы в маркировке ГМО и экологически чистой продукции торговые сети, поскольку у неё более короткий срок хранения и менее товарный вид.

Полифония взглядов в России, давление международных обстоятельств заставляют российские власти «на ходу» корректировать свою позицию. Например, 23.08.2013 г. Д.А. Медведев подписал Постановление Правительства № 839 «О государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы». Оно обострило борьбу сторонников и противников ГМО, в том числе в СМИ. Так, экологами в Верховный суд РФ были поданы иски [3].

Угроза санкций в условиях, когда страна зависит от импорта сельхозпродукции, заставила усилить внимание к отечественному АПК. В 2013 г. Минсельхозом был разработан законопроект «О производстве органической сельскохозяйственной продукции и внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации». Производство органической продукции предполагает применение технологий, обеспечивающих ее переработку из сырья, полученного от здоровых животных и растений, без агрохимикатов, пестицидов, антибиотиков, гормональных препаратов, генно-модифицированных (генно-инженерных, трансгенных) организмов, не подвергнутой обработке ионизирующим излучением».

В феврале 2014 г. членами СФ РФ А.В. Беляковым, Г.А. Горбуновым, Ю.В. Шамковым в Государственную Думу внесен проект ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (по вопросу ограничения оборота пищевых продуктов, содержащих генно-модифицированные или генно-инженерные организмы)». Ввести полный запрет на использование трансгенов в России предлагалось на период создания соответствующей системы контроля, которая могла бы по различным критериям оценивать безопасность каждого продукта питания. Планировалось, что закон, будучи принят, вступит в силу с 01 января 2016 г. Возможности проведения этого закона сразу были оценены как спорные. Депутат Государственной Думы О. Куликов заявил, что на закон есть отрицательный отзыв правительства, и мнение профильного комитета с ним совпадает. Важно и то, что он противоречит нормам ВТО.

В стране «ручного управления» многое (но не всё) зависит от позиции первого лица. На встрече с членами Совета палаты СФ РФ в марте 2014 г. В.В. Путин отметил, что контроля за использованием ГМО нет и «мы даже на 100% не можем сказать, какой объем поступает на наш рынок», но рынок и граждане должны быть защищены от недоброкачественной продукции и такой продукции, употребление которой в пищу будет иметь пока не просчитанные последствия [4].

Согласно поручению президента Минобрнауки России (Д.В. Ливанов) вносит законопроект, запрещающий выращивание и разведение генно-инженерно-модифицированных растений и животных на территории Российской Федерации, за исключением их использования для проведения экспертиз и научно-исследовательских работ. Законопроект предусматривал распространение на импортеров соответствующих организмов и продукции обязанности по прохождению необходимых регистрационных процедур, а также наделял Правительство РФ правом запрещать ввоз указанных организмов и продукции по результатам мониторинга. В январе 2015 г. он получает одобрение в кабинете министров, а затем проходит первое чтение в Государственной Думе [5].

Однако в феврале 2016 г. позиция резко меняется: правительство дает отрицательный отзыв на законопроект, вводящий запрет на использование при производстве продуктов пальмового масла, ГМО и ряда пищевых добавок. В документе говорится, что по договору о ЕЭС требования к продуктам устанавливаются на уровне Союза и Россия не может ввести дополнительные обязательные требования на своей территории. Отмечается, что гораздо выгоднее налоги на «вредную» продукцию, нежели ее запрет, а «главный диетолог страны утверждает, что слухи о вреде ГМО и добавок сильно преувеличены» [6]. Ряд экспертов связывают смену вектора с визитом Киссинджера в Москву в феврале 2016 г., известного как автора «Меморандума 200 по сокращению населения» [7]. Нельзя также не учитывать экономический кризис, заставляющий идти на уступки международным торговым сетям, диктующим свои правила на продуктовом рынке РФ.

Литература и источники

1. Россия фактически приняла механизм прямого лоббирования интересов США в области регулирования ГМО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [/http://www.cntd.ru/458201982.html](http://www.cntd.ru/458201982.html).
2. Федеральный закон от 25 октября 2007 г. N 234-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и часть вторую Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12156685/#ixzz44V7L0deG>.
3. Копейкина, В. Россияне судятся с правительством из-за ГМО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://3rm.info/42331-rossiyane-sudyatsya-s-pravitelstvom-iz-za-gmo.html>.
4. Путин: Россия должна и может запретить ГМО, соблюдая правила ВТО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20140327/1001323024.html#ixzz3Q2oAOvZL>.
5. В России больше не будут производить продукты с ГМО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bloknot.ru/obshhestvo/v-rossii-bol-she-ne-budut-proizvodit-produkty-s-gmo-311316.html>.
6. Ивушкина, А. Правительство выступило против запрета пальмового масла и ГМО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/604686#ixzz44UYJvTZm>.
7. Чем закончился визит Генри Киссинджера в Москву» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://protivkart.org/main/7922-pochemu-v-germanii-gibnet-skot-i-zakryvayutsya-fermy.html>.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИЗАЙНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Якимович Е. Б., Королько А. С. (Минск, Беларусь)

Если промышленная революция послужила причиной становления техники и зарождения промышленного дизайна, то технологические и информационные инновации современности приводят дизайн в сферу социальных изменений. Дизайн, связанный с социально-значимыми аспектами жизни и экологией окружения, в современных условиях приобретает наибольшую актуальность. Новая концепция дизайна направлена на гуманизацию среды, создаваемой техникой, на проектирование, идущее от человека к технике. Промышленный дизайн и дизайн окружающей среды сегодня могут быть выражены только через отношения между возможностями и запросами человека и его нравственной оценкой этих запросов.

Основы философии дизайна, который был бы направлен на человека, были заложены еще американским изобретателем и дизайнером Ричардом Бакминстером Фуллером. Спроектировав и представив в 1929 году в Нью-Йорке «Dymaxion House» – модель дома принципиально нового типа, Фуллер попытался создать новую искусственную среду человеческого обитания. Инженерный дом Фуллера не строился, но устанавливался по принципу

монтажа из элементов заводского изготовления: каркас принципиально нового типа из прочной проволоки и металлических шлангов, находящихся под воздушным давлением, позволял максимально облегчить вес конструкции, которая была связана с землей только за счет крепления к вертикальной мачте. Внутреннее пространство жилища оптимизировалось с точки зрения эргономики и энергопотребления: наполненные воздухом полы, пневматические двери из аэростатного шелка, капельный душ, система естественного кондиционирования и обогрева, условное зонирование – все инженерные решения были направлены на экономность и мобильность человеческого существования. Как жилая машина дом Фуллера совмещал в себе функции временного пребывания в пространстве, мог перевозиться и устанавливаться в любом месте. Эту идею временного обиталища дизайнер впоследствии развил до планетарного масштаба, создав проект «Dymaxion World». В 1968 году в работе «Operating Manual for Spaceship Earth» он высказал идею о том, что планета Земля представляет собой капсулу подобно космическому кораблю, внутри которой человеческие существа должны выживать в условиях, которые не описаны ни в одной инструкции по эксплуатации [1]. Обеспокоенный конечностью запасов земных ресурсов, Фуллер выступил с лозунгом: «Делай больше с меньшими затратами», призывая к экономии потребления и использованию переработанных материалов. Эти идеи были продолжены следующим поколением дизайнеров.

Под влиянием идей Бакминстера Фуллера американский дизайнер Виктор Папанек обратился к решению реальных жизненных ситуаций дизайнерскими методами. В книге «Дизайн для реального мира», вышедшей в 1971 году, он выступил за новую философию дизайна: «Дизайн, чтобы быть экологически ответственным и социально отзывчивым, должен быть революционным и радикальным в самом прямом смысле. Он должен следовать природному принципу наименьшего усилия, другими словами, создавать максимальное разнообразие с помощью минимального инструментария... или добиваться максимальных результатов минимальными средствами. Это означает: потреблять меньше, пользоваться вещами дольше и проявлять экономию при повторном использовании материалов» [2, с. 90]. Призывая молодых дизайнеров работать в развивающихся странах, клиниках и госпиталях, Папанек привлек внимание к проблемам больных людей, детей и пожилых людей, инвалидов и других социально незащищенных групп людей. Работая экспертом по проблемам дизайна для развивающихся стран во Всемирной организации здравоохранения, а также в ЮНЕСКО, он выделил основные дизайнерские задачи: создание источников энергии, систем водоснабжения и очистки воды, строительного и медицинского оборудования, усовершенствование систем коммуникации. В философии дизайна Папанека были усилены социальная ответственность дизайнера и его роль в изменении потребностей людей и их мировоззрения. Были также подняты вопросы загрязнения окружающей среды в ходе производства, эксплуатации и утилизации объектов

промышленного дизайна, что привело к развитию экологического направления в дизайне.

Сформированный в 1970-х годах XX века экологический дизайн, был направлен на гармонизацию отношений человека с окружающим миром. Основными принципами его стали достижение долговечности изделия, оптимальное соотношение затрат материалов и продолжительности жизни изделия, максимальная экономия природных ресурсов и материалов. Современное развитие экологического дизайна выходит на новый уровень: его задачей становится создание промышленных изделий из материалов, не причиняющих вреда экологии и не истощающих земные ресурсы.

Монографии американского дизайнера Генри Дрейфуса «Проектирование для людей» (1955 г.) и «Измерение человека. Человеческие факторы в дизайне» (1960 г.) также внесли вклад развитие теоретических идей социально-ориентированного дизайна, в котором человек является и целью проектирования, и критерием успешности такого проектирования [3] [4]. Отвечая на вопрос: «С чего начинается проектирование?», Дрейфус пишет: «Мы начинаем с мужчины и женщины и заканчиваем ими. Мы учитываем их потенциальные потребительские привычки, физические измерения и психологические импульсы» [3, р. 219]. Применив в качестве лозунга к дизайнерской деятельности высказывание древнегреческого философа Протагора: «Человек – мера всех вещей», Дрейфус развил идеи о первичности фактора человеческого присутствия в любом изделии. По мнению Дрейфуса, дизайн любой вещи должен быть дружелюбен людям с различными социокультурными и физическими особенностями. В книге «Проектирование для людей» Дрейфус создал героев: Джо и Джозефину, а затем и их ребенка. набросанные несколькими линиями они должны были напомнить дизайнеру, что вещи, окружающие человека, проектируются для него. Дрейфус разработал методологию проведения антропометрических измерений, которые впоследствии легли в основу изучения особенностей проектирования промышленных изделий для людей с ограниченными физическими возможностями в рамках эргономического дизайна.

В 60-х годах XX в. формируется концепция «универсального дизайна», в основе которой лежит идея равного удобства и использования вещей всеми людьми независимо от пола, возраста, физических и социальных возможностей. Выпущенная в 1963 году книга «Проектирование для инвалидов» английского автора Селвина Голдсмита, послужила основой для разработки принципов универсального дизайна [5]. Не ограничившись теоретическими вопросами, Голдсмит проводил практические исследования и изучал особенности ежедневной жизни людей с ограниченными возможностями передвижения в публичном и частном пространствах обитания. В рамках направления универсального дизайна были разработаны понятия безбарьерной и инклюзивной среды. Идеи универсального дизайна были развиты в европейской концепции «дизайна для всех». К основному положению равной доступности к вещам и окружающей среде различных групп людей были добавлены факторы мульти-культурного разнообразия и

учета этнических, религиозных и других социальных особенностей. Идея проектирования для всех заключается в том, что продукция не может существовать без пользователей и контекста, и задача дизайнера – сделать окружающую среду и объекты в ней более доступными для всех групп населения. Успешность проектирования решается посредством принципа со-дизайна – совместной работы дизайнера с пользователем.

Рост социальных и экологических проблем приводит дизайнеров к пересмотру своего профессионального положения в обществе. В «Международном кодексе профессионального поведения дизайнера», принятом на третьем конгрессе ИКСИД в Париже в 1963 году, была впервые сформулирована ответственность дизайнера перед обществом. Сегодня кодекс профессиональной этики дополнен требованиями признания вклада дизайнера в улучшение качества жизни, здоровья и безопасности потребителей, как на социальном, так и на индивидуальном уровнях, защиты планетарной экосистемы, сохранения культурной идентичности [6]. Будущее дизайнерской деятельности лежит в социальном и экологическом подходах к вещам, процессам и окружающей среде.

Литература и источники

1. Fuller, R. Buckminster. Operating Manual for Spaceship Earth. – NY, 1971.
2. Папанек, В. Дизайн для реального мира. – М., 2008.
3. Dreyfuss, H. Designing for people. Simon and Schuster. – NY, 1955.
4. Tilley Alvin R. The Measure of Man and Woman: Human Factors in Design. – NY, 1993.
5. Goldsmith, S. Designing for the Disabled: the New Paradigm. – Oxford, 1997.
6. Code of professional ethics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.icsid.org/resources/professional_practice/articles1165.

Раздел 4. ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА

ДЕРРИДА И СТИГЛЕР: КУЛЬТУРА, ГЕОПОЛИТИКА И ТЕЛЕ-ТЕХНОЛОГИИ

Азарова Ю. О. (Харьков, Украина)

Жак Деррида и Бернар Стиглер – две знаковые фигуры современной французской философии. Результатом их совместной работы стала книга «Эхографии телевидения» (1996), посвященная культуре эпохи *New Media*, сетевым сообществам, средствам массовой информации и теле-технологиям.

Главный вопрос, который обсуждают мыслители, звучит так: *каким образом современные теле-технологии изменяют наш мир – общество, культуру, политику, государство, экономику?* Рассматривая данную топику, они приходят к парадоксальным и неожиданным выводам. Во-первых, современные теле-технологии трансформируют не только практическую (социально-экономическую) сферу, но также теоретический дискурс гуманитарных наук. Это находит свое отражение в концептуально-терминологическом аппарате философии, политологии, права.

Деррида и Стиглер утверждают, что медиа и теле-технологии серьезно меняют содержание таких фундаментальных понятий, как «демократия», «политика», «государство», «суверенитет», «гражданство», трансформируя, тем самым, сущность, цель и задачи политических программ. Например, классическое понятие «демократии» обычно ассоциируется с полисом, государством, территорией. Поэтому «демократия» испокон веков «определяется, регулируется и контролируется границами национального государства и, таким образом, актами территориализации» [1, с. 64].

Однако ныне понятие «демократия» не связано с территорией. Соответственно, «изменение государственного устройства или политического режима происходит не с помощью реальных войн, революций и переворотов, а посредством виртуальных, информационных или медийных войн» [1, с. 64]. Аналогичное касается понятий «государство» и «гражданство». Традиционно, «гражданство» (полученное по месту рождения или приобретенное) также определяется топикой места – «места в рамках территории или нации, которая проживает на конкретной территории» [1, с. 64–65]. Теперь эта топка кардинально меняется.

Во-вторых, теле-технологии принципиально расширяют правовое поле индивида, позволяя человеку непосредственно выразить свое мнение, принимать участие в политических шоу, дебатах, социологических опросах, экзитполах, работе электронного правительства. Теле-технологии открывают новое измерение понятия «ответственности». Если в середине XX века политическая ответственность (например, за военные преступления) мыслится как коллективная, то сейчас она приобретает личный,

индивидуальный, прямой и адресный характер. «Именно в тот момент, – подчеркивают Деррида и Стиглер, – когда мы включаем компьютер, делаем телефонный звонок по скайпу, проводим интернет-соединение, мы затрагиваем весьма актуальный вопрос о критической культуре, демократии, политическом пространстве и детерриторизации» [1, с. 65].

В-третьих, теле-технологии не просто осуществляют трансмиссию, передачу информации или сообщения на расстоянии, а радикально *деконструируют* привычные понятия «времени» и «пространства», выполняя с-мещение (*dis-placement*), дис-локацию (*dis-location*) и рассеивание (*dissemination*) традиционных топосов и мест. Теле-технологии, безусловно, сближают людей, сокращая расстояние между континентами. Однако, растущая включенность человека в глобальную информационную сеть – это не только способ установления контакта с другими людьми и культурами, но также и растущая цепь зависимостей. Сегодня существенно расширяются способы технической манипуляции сознанием, дистанционного управления человеком, производства политической дезинформации в большом масштабе. Значительно усиливается опасность технологического террора, взлома компьютерных систем и банков данных.

В-четвертых, глобальная культура, возникающая на основе теле-технологий, не просто надстраивается над традиционными культурами, но также бросает им вызов – вызов историческим представлениям о человеке, его возможностях и ограничениях, свободе и достоинстве. В связи с развитием информационных, биологических и нано-технологий появляется возможность серьезной модификации телесных качеств человека, воздействия на его мозг и психику. Это приводит к созданию киберчеловека и трансформации привычной антропосферы.

В-пятых, теле-технологии меняют такие универсалии, как «общество», «личность», «национальная идентичность». Сообщества, возникающие в рамках глобальных информационных сетей, принципиально отличаются от традиционных социальных и этнических структур. Сетевое сообщество мгновенно возникает и столь же быстро исчезает. Оно не привязано к какой-либо территории и не опирается на традицию. Отношения между такими сообществами не имеют иерархического характера, а их совокупность не может быть представлена в качестве системного целого. Поскольку сегодня человек, с одной стороны, позиционирует себя как личность, которая принадлежит конкретному языку, нации, культуре, а с другой стороны, ощущает себя космополитом, то его исторические ориентиры, предполагающие традиционную локализацию, часто вступают в противоречие с медиальной дис-локализацией.

Таким образом, развитие теле-технологий имеет двойной эффект. С одной стороны, мы видим подвижность и хрупкость (политических, социальных, институциональных) границ, а с другой стороны, понимаем необходимость более жестко обозначить эти границы, подчеркнуть суверенитет, национальные интересы. Да, – признают Деррида и Стиглер, – проблема изменения мира посредством теле-технологий ныне хорошо

известна и широко обсуждается. Однако, предлагаемые ответы и решения часто поверхностны и схематичны. Ситуация также осложняется отсутствием критических дискурсов, единых правовых норм и форм легитимации.

В связи с этим, Деррида и Стиглер ставят второй острый и провокационный вопрос: являются ли медиа и теле-технологии, которые смещают (или даже деконструируют) культурные, национальные, территориальные границы, главным фактором, определяющим наше политическое настоящее? Да, являются, ибо именно медиа детерминируют наш способ видения исторического процесса. Медиа есть условия данности или конституирования мира современного человека. Медиа открывают мир для нас, феноменологизируют его, делают мир видимым, зримым, воспринимаемым.

Организуя видение и познание мира, однако, сами медиа остаются невидимыми. Медиа отсутствуют в «кадре», они не обнаруживают себя в «конечном» продукте. Медиа дематериализуются и становятся имманентными событию. Медиа инсталлированы в нашу способность понимать мир. *Политика и демократия, осуществляемая с помощью медиа, также находится не вне технологий, а внутри техногенного мира.* Следовательно, понятия «политики», «демократии», «нации», «гражданства» уже не являются той «безопасной почвой», откуда можно извлечь или вычленить теле-технологии и оценить ее импликации.

Принимая во внимание, что политические концепты пространственно или территориально маркированы, а теле-технология есть главное «связующее звено» между топосом и политикой, то это «связующее звено», которое Деррида называет термином *«topolitical»* (*topos+political*), сегодня должно стать предметом деконструкции. Подобная тематизация – это *не просто вопрос политизации технологии, введения ее в национальный или глобальный контекст, а скорее вопрос осмысления ее политических эффектов*, ибо, как замечают Деррида и Стиглер, всегда имеет место некий «технический характер» политики, демократии, государства и гражданства [1, с. 53]. Тогда деконструкция понятий «политика», «демократия», «государство», «гражданство» влечет за собой реконцептуализацию понятий «медиа», «технология», «информация», «язык». А это уже дает основание говорить о «политике», выходящей за рамки «политического», или о «демократии», выходящей за рамки «демократического» [1, с. 53].

Деконструкция политических концептов хорошо видна в феномене «социальных сетей». «Сети или технологическое сообщество» (*networks or technological community*) иллюстрируют не только практическую дислокализацию (смещение привычного места) социума, но и появление новых форм идентичности [1, с. 65]. Давайте рассмотрим, – предлагают Деррида и Стиглер, – понятие «сообщество». Есть модели разных типов: «непроизводимое сообщество» (*la communautе desoeuvree*). Жан Люка Нанси или «неописуемое сообщество» (*la communautе inavouable*). Мориса Бланшо, но здесь важно само понятие «сообщества». Концепт «сообщества» примечателен в двух аспектах. С одной стороны, сообщество предполагает

«единство языкового, культурного, этнического или религиозного горизонтов» [1, с. 67]. Сообщество усиливает и воспроизводит различные порядки идентичности. Поэтому оно имманентно конституированию нации и утверждению территориальных границ государства. С другой стороны, современное сообщество разрывает любое тождество или идею идентичности *par excellence*. В той мере, в какой сети работают «без традиционного единства или гомогенности», они создают новую «дистрибуцию общества» или «социальное разделение» (*partage*). Французское слово «*partage*» амбивалентно. Оно имеет два значения: разделение и участие. Скажем, разделять с кем-либо политический выбор, точку зрения или позицию. Речь идет о включении человека в какой-либо процесс, который разделяют все участники. Здесь разделение, одновременно, предполагает соединение. Связь, обозначаемая термином *partage*, иллюстрирует, что разделение или участие человека в сетевом сообществе, уже не определяется локальными – «национальными, территориальными или региональными рамками» [1, с. 66]. «Сети, по сути, смещают фигуры социального, политического и культурного горизонта» [1, с. 66].

Термин *partage*, используемый для описания специфики сетевого сообщества, наглядно показывает, что, с одной стороны, в обществе существует определенное «единство», которое разделяют его участники [1, с. 67], а с другой стороны, в нем имеет место также «сингуляризация», «фрагментация» или «диссоциация» [1, с. 67]. Таким образом, если сети создают нечто «общее», т.е. *сообщество*, то они также создают нечто «частное», т.е. *участника*. Следовательно, *сети являются условием возможности общего, целого или единого, и одновременно, условием его невозможности*. Сети деконструируют метафизический концепт «сообщества». Здесь создание целостности выступает одновременно созданием фрагментации. Причем оба процесса имплицитно друг друга. Одно нельзя отделить от другого (как хорошее от плохого) без разрушения всей структуры. Иначе говоря, нет ассоциации (членов общества) без диссоциации. Аналогичный процесс происходит на уровне международных отношений и геополитики, ибо, – подчеркивают Деррида и Стиглер, – *не существует сближения без отталкивания, единения без разделения, близости без дистанции. Именно такая логика восполнения (supplement) конституирует сообщество*. Фактически, разделение, или *partage*, создаваемое сетями, оказывается «местом, перманентно смещаемой идентификации и сингуляризации индивида» [1, с. 67], «точкой разрыва со старой гомогенной идентичностью» [1, с. 67], т.к. новую идентичность уже не определяют место рождения, гражданство или территория.

Переход от политики, основанной на пространственных координатах, к политике, деконструирующей подобные координаты, сопровождается появлением радикально новой социальной онтологии, которую Деррида и Стиглер маркируют как гетерология. Она связывает тождественное и иное. Гетерология – это политика связи как таковой. Она полагается не на конкретные связи, которые носят четкий и установленный характер, а на

событие связи, акт связывания вообще. Гетерология не стремится к синтезу или «снятию» различий. Для нее событие *связи* реляционно, а не субстанционально.

Таким образом, «развитие теле-технологий, медиа-пространства и сетевых сообществ весьма продуктивно для анализа современной политики» в том, что «оно практически деконструирует прежние концепты "демократии", "государства" и "гражданина", обусловленные территорией, и снижает уровень напряжения в обществе» [1, с. 36].

Литература и источники

1. Derrida, J. *Echographies of Television: Filmed Interviews* / J. Derrida, B. Stiegler. – Cambridge, 2002.

МУЗЫКА В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Байгина Д. А. (Минск, Беларусь)

Всепроникающее влияние информации на человеческие отношения является существенной характеристикой современности. Стремительное развитие и распространение информационных технологий создает небывалые условия жизни – нивелируются пространственные ограничения, взаимодействие людей приобретает глобальный характер. В обществе, где информационные технологии проникают во все сферы жизнедеятельности людей, коммуникации ставятся во главу социальных отношений.

В условиях глобализации мы сталкиваемся с кризисом традиционных форм коммуникации, когда множество участников коммуникации, обилие значений и многообразие средств передачи информации ставят под вопрос возможность адекватного понимания сообщений. Вместе с тем обнаруживается заметное увеличение доли невербальных средств коммуникации, используемых в обществе. Внимание ученых давно обращено к проблеме вербальной коммуникации, тем не менее, невербальные формы коммуникации изучены слабо. Необходимость обращения к музыке видится в том, что все известные нам типы коммуникации, такие как межличностная коммуникация, групповая, массовая, интраперсональная, коммуникация с трансцендентным, находят свою реализацию в музыке.

Музыка, возникнув в глубокой древности, сегодня является неотъемлемой частью жизни человека. Десятки музыкальных субкультур объединяют людей из разных уголков планеты; разнообразные Интернет-ресурсы предлагают в свободном доступе музыкальное наследие всех стран мира, начиная от признанных шедевров классической музыки, заканчивая домашними записями. Почему музыкальное искусство формирует вокруг себя такую мощную коммуникативную среду, какую роль в жизни современного человека играет музыка, каким образом происходит коммуникация, основанная на музыке, что за информация передается в

процессе этой коммуникации?

Основным инструментом человеческого общения является вербальный язык, созданный и обусловленный обществом. По данным антропологии, реализация общения происходила до возникновения вербального языка, с помощью звукоинтонационной речи, содержание которой в процессе развития человечества вышло за границы простой передачи сигналов. По данным психологии, лингвистики, философии, мышление человека не опосредовано языком и превышает возможности вербального языка, а значит, есть область, в которой мышление происходит вне вербальных средств (см. об этом: [1]). Подтверждением тому служит наличие внутренней речи, полноценность мышления слепоглухонемых людей, способность человека к «прозрению», когда решение задачи является, минуя поступательное движение вербально-логического мышления.

Предположим, что на момент возникновения музыки, у древних людей на коллективном уровне должна была сформироваться способность отделять музыкальные звуки от немзыкальных, что предусматривает наличие определенного комплекса социально значимых смыслов, выражаемых в конкретных звукоинтонационных и ритмических сочетаниях. Полагая, что музыка, вышедшая из звукоинтонационной невербальной коммуникации, служила выражением эмоциональной жизни людей и воплощением примитивных абстрактных представлений, мы приближаемся к пониманию музыки, как способа сохранения живой памяти о духовной и эмоциональной жизни человечества (см. об этом: [1] [2]). Согласно с теорией М. Маклюена, в которой средство коммуникации является в то же время сообщением, музыка, изначально в устной традиции выражала социально значимые смыслы, которые, усваиваясь новыми поколениями, подвергались переосмыслению и дальнейшей передачи [3].

По мнению С. Лангер, мышление человека носит символический характер. Символы бывают дискурсивные и презентативные. Дискурсивная символика реализуется в вербальном языке, где элементы, обладают устойчивым внеконтекстным значением. Музыка относится к презентативной символической, когда значение одного элемента определяется только в связи с другими элементами. Отсутствие определенных смыслов за элементами музыки открывает большую свободу выражения и восприятия сложных, не поддающихся анализу динамических явлений. Музыка представляет собой логическое выражение психической жизни человека в ее динамике, воспринимаемой непосредственно, безотносительно к какому-либо субъекту, путем прозрения, возможного при соблюдении «психологической дистанции», когда субъективные переживания понимаются как всеобщие, чем объясняется универсальный характер музыкальных символов (см. об этом: [4]).

В процессе музыкального творчества, людьми создавались артефакты, связанные с музыкальной деятельностью, несущие в себе информацию о социальной роли музыки и некоторую информацию о тех смыслах, которые в музыке выражались. Эти артефакты играют роль сообщений, которые могут

быть восприняты и проинтерпретированы людьми по прошествии многих сотен лет. Особое значение в передаче музыкальных смыслов играет традиция, в рамках которой происходит жизнь этих смыслов, их усвоение и переосмысление последующими поколениями. Культура в этом случае исполняет роль средства коммуникации, представляя информационный банк, в котором сообщения могут храниться до того момента, пока принимающий субъект не будет готов воспринять информацию. Человек, погруженный в культурную традицию, может вступать в коммуникацию с отправителем, жившим много лет назад. Сегодня развитие информационных технологий ведет к тому, что любой человек, имея желание, может вступить в коммуникацию с музыкальным опытом человечества, получив в процессе этой коммуникации целый спектр знаний.

В этом ключе наиболее значительной функцией музыки является социально-коммуникативная. Музыка, представляя общекультурный код, сформировавшийся на базе естественных невербальных средств общения, непосредственно воздействует на психику. Неопределенность музыкальных значений открывает простор интерпретации произведений, благодаря чему каждый может вынести значимый для себя смысл. По своей природе музыка способна отображать сложные динамические процессы эмоциональной жизни человека, и при этом музыка – социальный феномен, в силу чего в ней находят выражение социальнозначимые смыслы.

С возникновением синтезаторов и генераторов частот, граница, разделявшая звук музыкальный и звук как физическое явление, стирается, музыкальные звуки поддаются разложению и фиксации, а так как всякий звук имеет четкие характеристики (амплитуду и спектр частот) между звуком музыкальным и звуком как таковым обретается единство. Исследование звуковых тембров, методов звукового синтеза, музыкальных культур народов мира, различных гармонических систем, тембральных характеристик музыкальных инструментов, расширяет наши представления о феномене музыки, тем самым выводя нас за пределы европейской музыкальной традиции. Обращаясь к различным музыкальным традициям, люди вступают в пространство мультикультурного диалога, в ходе которого расширяются и взаимодополняются их представления о мире.

В середине XX века возникновение звукозаписи отделяет музыку от конкретного места и времени, ранее необходимых для её исполнения и восприятия; звук перестает быть чем-то эфемерным, поддается трансляции и воспроизводимости, уменьшается потребность в нотной записи, которая еще в XIX веке была важна для сохранения и передачи музыкальных произведений. С музыкой начинают работать как с пластическим материалом, последовательно формируя звуковое полотно, его образную и смысловую структуру. Обнаруживается возможность нарезки и наслаивания множества различных музыкальных партий друг на друга, звуковым источником которых могут служить произведения, написанные и исполненные десятки лет назад.

По мнению А.И. Щербаковой, современная музыкальная концепция

есть «новое представление о системе ценностей, формирующееся в принципах диалогического мышления, воспринимающего новые условия существования художественного процесса, нового мышления, способного проникать в семиосферу самого процесса творчества и потому воспринимающего проблему культурной преемственности как вечный диалог культур, не иссякающий ни во времени, ни в пространстве» [5, с. 558].

В наши дни происходят коренные изменения в распределении ролей музыкального действия, зрители чаще активно участвуют в создании музыки, в силу чего статусы композитора, исполнителя и слушателя перерастают собственные рамки, в силу чего, происходящие изменения касаются вопросов, превышающих границы музыкальной культуры. Создание музыки становится коллективным делом, в нем задействованы сочинитель, исполнители, аранжировщик, продюсер, изобретатели инструментов и программного обеспечения, звукоинженеры, и многие другие, притом, они могут даже не находиться рядом, а взаимодействовать посредством Интернет; они могут не жить в одну эпоху, т.е. используются части произведений, целые произведения как части музыкального коллажа, и композитор, уже давно умерший, может стать участником актуального творческого процесса.

Таким образом, рассматривая музыку в пространстве социальной коммуникации, мы видим, как противоречия духовного и физического, контроля и подчинения, гения и обывателя, укоренившиеся в западной культуре, постепенно движутся к своему снятию. Люди через музыку стремятся к тому, чтобы осознать единство тела, разума и духа. В музыкальном творчестве, подчинение заменяется активной вовлеченностью, контроль не закреплен в руках кого-то одного, а переходит от одного участника к другому. Для работы такой сложной самоорганизующейся социальной системы необходимо развитие навыков сотрудничества, способность понимания коллективного целого. Музыка в этом ключе представляет общекультурный код, не требующий специального перевода и интернациональный по сути, способный воздействовать на человека непосредственно, несущий в себе чувственно-эмоциональный опыт человечества и способный объединить людей в процессах восприятия музыки и совместного музыкального творчества.

Литература и источники

1. Бонфельд, М. Музыка: Язык. Речь. Мышление. Опыт системного исследования музыкального искусства. – М, 1991.
2. Асафьев, Б.В. Музыкальная форма как процесс. – М, 1971.
3. Маклюэн, Г. От исследования литературы к теории массмедиа. – М, 2007.
4. Лангер, С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. – М., 2000.
5. Щербакова, А.И. Философия музыкального искусства. – М., 2007.

ИНФОРМАЦИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ*

Баксанский О. Е. (Москва, Россия)

Для того чтобы процесс обмена информацией между объектами был адаптивным и адекватным действительности с точки зрения поведенческой активности, необходимо соблюдение ряда условий. Если рассмотреть его на примере передачи информации посредством устной речи, то можно увидеть, что этот процесс многокомпонентный, то есть векторный. Первая компонента – *физическая*, предполагающая наличие физического источника звука, физической среды его распространения и физического приемника. Вторая компонента – *сигнальная*, то есть амплитудно и частотно модулированные колебания. Третья компонента – *лингвистическая*: необходимо, чтобы источник информации и реципиент знали хотя бы один общий язык. Четвертая компонента – *семантическая*, то есть в передаваемом сообщении должно присутствовать содержательное описание объекта или явления, чтобы при получении сообщения было ясно его предназначение, адекватный смысл для принимающей стороны. Наконец, пятая компонента – *прагматическая*: необходимо наличие желания (мотивации) передавать и принимать сообщение.

Спектр информационных взаимодействий необычайно широк. Можно условно разделить их по объектам на три класса:

- 1) взаимодействие искусственных (технических) систем;
- 2) взаимодействие смешанных систем;
- 3) взаимодействие естественных (живых) систем.

К первому классу относятся информационные взаимодействия в технических системах – от простейших регуляторов до глобальных компьютерных сетей. Ко второму классу – информационные взаимодействия типа «живой организм – искусственный орган», «человек–машина», «живой исследователь – неживой объект исследований» и т.д. К третьему классу относятся информационные взаимодействия, действующие в пределах от молекулярно-генетического уровня до уровня социальных сообществ.

При описании каждого из этих уровней приходится опираться на специфическую для соответствующего уровня концепцию преобразования информации, свои языки описания, закономерности, разрабатываемые в рамках соответствующих наук, которые тем самым изучают информационное взаимодействие на данном уровне.

В приводимой таблице представлены примеры, относящиеся к описанию информационного взаимодействия в природе и технике для выделенных трех типов объектов и пяти компонент. Несмотря на явно упрощенный характер описания информационного взаимодействия, таблица может быть полезна для анализа различных определений информации.

Специально хотелось бы обратить внимание на тот факт, что

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15–03–00034.

информационное взаимодействие принципиально связано с использованием информации, потенциально заключенной в воздействии одного объекта на другой. Например, зеркало абсолютно «равнодушно» к тому, что в нем отражается, информация, содержащаяся в этом отражении, существует только для интерпретирующего субъекта, но не для зеркала. Информационное взаимодействие связано с активным использованием результатов внешних (и внутренних) воздействий. При этом информацию в данном контексте следует понимать достаточно широко – как свойство явлений быть побудителем определенных действий для интерпретирующего субъекта, способность активной ориентации в окружающем мире. О взаимодействии можно говорить постольку, поскольку воспринимающий субъект расценивает материальное воздействие на него со стороны внешней среды как информацию об этой среде, и, во-вторых, реализует эффект этого восприятия в реальном действии по отношению к среде.

Таблица 1 – Примеры информационных взаимодействий в природе и технике

Компоненты информационного взаимодействия	Тип объекта		
	Искусственный (технический)	Смешанный	Естественный (живой)
<i>Физическая</i>	Датчики. Сети и каналы связи. Элементы вычислительной техники. Исполнительные устройства.	Вживляемые датчики. Элементы искусственных органов. Физические основы сенсомоторики.	Морфология и физиология рецепторов, эффекторов, нейронов
<i>Сигнальная</i>	Системы автоматического кодирования и декодирования. Системы первичной обработки сигналов	Искусственные органы. Интерактивные системы первичной обработки информации	Функции и архитектура нейронных сетей. Первичная обработка сенсорной информации
<i>Лингвистическая</i>	Автоматические системы перевода, программирования, интерпретации и представления сенсомоторной информации	Формальные грамматики. Языки программирования. Операционные системы. Интерактивные системы работы с базами данных	Представление знаний в памяти человека и животных. Словарь, синтаксис и механизмы работы естественного языка
<i>Семантическая</i>	Автоматические системы решения задач, формирования понятий, распознавания образов, логического вывода	Базы знаний. Экспертные системы. Автоматизированные системы научных исследований, моделирования и проектирования	Феноменологические принципы ассоциации, обобщения и умозаключения

<i>Прагматическая</i>	Системы формирования и оценки важности целей. Интеллектуальные роботы. Автоматические системы оптимального управления	Теория управления. Оценки качества управления. Интерактивные системы управления	Принципы организации поведения человека и животных. Механизмы мотивации, эмоций, постановки целей и задач
-----------------------	---	---	---

Резюмируя изложенное, можно сказать, что факты не являются действительно независимыми от наблюдателя, его предпочтений. Тем не менее, в любую конкретную эпоху в любой конкретной культуре большая часть наблюдателей достигает согласия в их трактовке. Иными словами, знание о фактах – это то, с чем согласно большинство наблюдателей. Человек воспринимает мир лишь постольку, поскольку у него уже сформировалась система понятий и представлений, относящихся к различным объемам, явлениями и процессам окружающей действительности. А эти репрезентации возникают благодаря «гипотетическому реализму» с точки зрения выявления некоторой закономерности в окружающих нас явлениях, построения предположений о том, что должно произойти, и последующей проверки выводов реальными событиями.

Литература и источники

1. Баксанский, О.Е. Когнитивные репрезентации: Обыденные, социальные, научные. – М., 2009.
2. Баксанский, О.Е. Физики и математики: Анализ основания взаимоотношения. – М., 2009.
3. Баксанский? О.Е. Нанотехнологии. Биомедицина. Философия образования. В зеркале междисциплинарного контекста / О.Е. Баксанский [и др.]. – М., 2010.
4. Баксанский О.Е. Когнитивный образ мира: Прологомены к философии образования / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. – М., 2010.
5. Баксанский О.Е., Репрезентирование реальности: когнитивный подход / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. – М., 2001.
6. Бергер, П., Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995.
7. Глинский, Б.А., Моделирование и когнитивные репрезентации / Б.А. Глинский, О.Е. Баксанский. – М., 2000.
8. Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М., 2000.
9. Пенроуз, Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. – М., 2005.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Белоярский А. О. (Москва, Россия)

Эволюция человечества в текущем информационном пространстве происходит на ощутимо возросших скоростях, что оставляет человеку ещё меньше времени для адаптации к новым условиям своего существования. Названное резко оголяет задачу выстраивать собственное бытие под давлением неизвестности, т.к. имеются ограничения в познавательных способностях любого индивида. И здесь в качестве поддержки обнаруживается феномен идентичности, что, по словам Эрика Эриксона, представляет собой «внутреннюю непрерывность и тождественность личности» [5, с. 12], которая и возвращает субъекту возможность справиться с проживанием себя в окружающем мире. Однако, натываясь на глобальные преобразования, личность не может оставаться без соответствующих изменений и дополнений, поэтому цель данной работы – отследить связанную с этим всем трансформацию идентичности.

Но прежде чем перейти к рассмотрению процесса идентичности и её связи с господствующей ныне реальностью символического [1, с. 155], требуется прояснить саму символическую природу, которая значительно содержится в каждом обществе, но особым образом проявляется в эпохе информационной революции. Согласно схеме, символическая реальность конструируется путем символизации, а та, в свою очередь, устанавливается за счет символа. А что же тогда символ? Суммарно, символом является нечто, что имеет соотношение с чем-то другим или является представителем этого другого, в отличие от признака, который лишь указывает на наличие чего-то. Однако, по верному замечанию А.Ф. Лосева, «символ является не просто знаком тех или иных предметов, но он заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развёртывания свёрнутого в нём смыслового содержания» [4, с. 19]. Так мы обнаруживаем дуалистическое строение символа, которое заключается в соотношении как с идеальной стороной природы (создание чувственных и абстрактно-понятийных образов и их результатов), так и материалистической (конструирование внешнего, предметного воплощения данных абстракций и чувств).

Таким образом, символы, замещая собой некоторый фрагмент реальности (с которой они соотносятся, но ею не являются) создают свою собственную. В результате длинных и не всегда очевидных изменений символическая реальность не только вытесняет собой привычную реальность, но и имеет власть наделять её своим смыслом. Поэтому существует момент, когда акцент восприятия начинает переноситься с вещи на её символическое значение, смещается вектор с внешнего на внутреннее содержание. Так символическая реальность начинает физическую совершенно особой динамикой: символы могут быть куда более действенными и влиятельными, чем все элементы физической реальности,

т.к. они способны конструировать новое пространство. Именно в этой новой – символической – реальности стремительность передачи информации начинает быть отличительной особенностью существования всех содержащих её субъектов и объектов, что в конечном счете приводит к сепарации и автономности всей системы, что невозможно не отследить при проекции на физическую плоскость. Поэтому символическая реальность, имея, по сравнению с физической, доступ к несопоставимо большей свободе организации, зачастую закрепляется в тождестве с виртуальностью, что при интегральном наблюдении за миром или его отдельными компонентами приводит к фиксации смещения и неопределённости всего обозреваемого. Если говорить о структуре, то символическая реальность являет собой множество отдельных символических конструкций, каждая из которых содержит свои особенности (например, философия, наука, культура, игра и т.д.).

Итак, обнаружив символическую реальность в качестве рефлексивного начала при конструировании смыслового содержания отношения к физической действительности (в качестве ощущений, оценок, значений и т.п.), уместно говорить о наличии концептуального, которое строго закреплено в субъекте и транслируется через субъективность; однако всё остальное обрывается метафизикой арефлексивного, что, конечно, также включено в содержание символического и, соответственно, самого человека, но делает невозможным какие-либо сообщения об этом и в полной мере исследования, ведь, согласно Л. Витгенштейну, «то, что может быть показано, не может быть сказано» [2, п. 4.1212], поскольку «границы моего языка означают границы моего мира» [2, п. 5.6] и «мы не можем мыслить то, что мыслить не в наших силах; значит, то, что мы не в силах мыслить, мы не в состоянии и сказать» [2, п. 5.61], а, следовательно, «о чём невозможно говорить, о том следует молчать» [2, п. 7].

Исходя из данного «молчания», важно разводить два возможных обращения к человеку – как к объекту и как к субъекту – из которых впоследствии и кристаллизуется идентичность реципиента. К сожалению, ввиду отсутствия тонкого чувства различия, вызванного пребыванием в неопределённом, или мозаичном мире, вся желаемая полнота взаимодействия вытесняется наиболее доступной реальностью предметного, которая низводит глубокое содержание отношений до узости прикрывающего предмета, либо, наоборот, – в предметной среде начинают выискиваться смыслы, которые туда не вносились. Поэтому возникает необходимость трансформировать идентичность в призме мозаичной структуры как ответ всей той невысказанности, что человек таит в себе, ведь мозаичность – единственно доступная форма подлинного существования: она отождествляет всецело реальность и не даёт замкнуть исключительность человека в каких-то предметных границах; а для того, чтобы разорвать сложившуюся изоляцию, требуется запуск культурального соотношения, т.к. по-другому не развернуть субъект-субъектные отношения, необходимые в том числе для вычленения идентичности, ведь «личность становится для себя

тем, что она есть в себе, через то, что она представляет собой для других», – согласно утверждению Л.С. Выготского [3, с. 83]. Так, Я существую, пока есть Другой, т.е. человек обязан противопоставлять себя миру, иначе исчезнет. Символ здесь – специфический медиатор выражения связи между субъектом и миром, возможность говорить без утраты, соглашение с соотношением. Поэтому идентичность в настоящее время – самореферентность, сообщение себе того (исходя из переживания уникальности своей экзистенции), что Я есть, моментальное арефлексивное схватывание структуры Я, а также того, что является Моим, включая возможность высказать это всё адекватным образом Другому посредством интеракций и событий. Отсюда следует, что главная проблематика обретения идентичности – требование открыть доступ к своему бытию в обязательном диалоге с Другим, либо существует риск остаться спутанным, или, в крайней форме, размыться до диссоциативного состояния, утратив не только конструирующий вопрос «кто я», но и саму возможность подобного озадачивания.

Литература и источники

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000.
2. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. – М., 1958.
3. Выготский, Л.С. Психология развития человека. – М., 2005.
4. Лосев, А.Ф. Музыка как предмет логики // А.Ф. Лосев. Из ранних произведений. – М., 1990.
5. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 2006.

КОВОРКИНГ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Борисенко Е. В. (Волгоград, Россия)

Понятие «инновация» впервые получило широкое распространение в XX веке благодаря Й. Шумпетеру, который определил её как новую научно-организационную комбинацию производственных факторов, мотивированную предпринимательским духом [1]. На сегодняшний день в научном дискурсе данная категория имеет широкие возможности для интерпретации. Однако, среди всего спектра определений сущности инновации можно выделить несколько общих элементов, которые её характеризуют: новизна идеи, высокий риск при её реализации, коммерциализуемость, представленность в виде конечного результата внедрения новшества. И если инновация – это результат внедрения новшества в практику, то инновационный процесс представляет собой «преобразование научного знания и/или новаторских идей в различных сферах жизнедеятельности в инновацию, последовательная цепь событий, в ходе которых инновация вызревает от идеи до конкретного продукта, технологии (интеллектуального товара) или услуги и распространяется при

практическом использовании» [2, с. 50]. Как известно первая стадия инновационного процесса связана с поиском и формулированием новой идеи пригодной для последующей реализации. В этом значении такое социальное явление как коворкинг «направлено на стимулирование самой первой стадии инновационного процесса – формирование идей» [3].

Коворкинг представляет собой особую форму организации труда, в которой участники осуществляют свою работу в одном коллективном офисе, но остаются независимыми друг от друга. Участниками коворкинг-пространств как правило являются начинающие предприниматели, фрилансеры, «свободные художники», студенты, исследователи. Участники коворкинга обладают определенным уровнем профессионального, интеллектуального, экономического потенциала, который может быть реализован в процессе инновационной деятельности. Коворкеры хотят нивелировать те минусы, которые возникают в процессе автономного труда и избежать тех условий, которые представляются для них не привлекательными в работе с долгосрочными трудовыми обязательствами. В свою очередь, коворкинг дает своим участникам возможность реализовывать свою трудовую автономность, имея все необходимые условия для работы: развитую внешнюю и внутреннюю инфраструктуру пространства, приемлемые условия оплаты своего рабочего места, атмосферу, возможность реализовывать принципы нетворкинга, предоставление площадки для реализации образовательных, культурных, инновационных и другого рода проектов, а также возможность обмениваться с другими участниками новыми идеями и объединяться с ними для их совместной реализации. Важным для нас является тот факт, что пространство коворкинг-центра организовано таким образом, чтобы стимулировать участников к обмену мнениями и генерации новых идей, что происходит в процессе общения между незнакомыми друг с другом людьми, представляющими преимущественно креативную индустрию.

Коворкинг часто становится той площадкой в рамках которой происходит генерация новых идей и их последующее практическое воплощение. К примеру, владелец одного из бельгийских коворкингов рассказывает об опыте реализации одного из таких проектов. Его идея возникла в процессе взаимодействия участников коворкинг-пространства: «У меня есть пример небольшого стартапа в брюссельском коворкинге, который привлек 1,5 млн евро. И создан он был двумя пользователями, которые приходили в один и тот же коворкинг и просто смотрели, что вокруг происходит. У них не было бы ни единого шанса привлечь хотя бы один евро, если бы они не познакомились в коворкинге» [4]. В данном контексте, являясь частью инновационного процесса, коворкинг предстает и в роли элемента открытой инновационной инфраструктуры.

Несмотря на то, что данная практика является сравнительно новой для многих стран, она продолжает активно институционализироваться по всему миру. Учитывая тот факт, что пространство коворкинга само по себе является инновацией в способе организации труда, на наш взгляд, она

обладает определенным потенциалом как в процессе выработки инновационных решений, так и в качестве одного из элементов открытой инновационной инфраструктуры в целом.

Литература и источники

1. Шумпетер, Й. Теория экономического развития. – М., 1982.
2. Глоссарий по информационному обществу. — М., 2009.
3. Марьина, С.К. Характеристика организационной структуры коворкинг-центров / С.К. Марьина, О.Н. Соколова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2015/pdf/8081.pdf>.
4. Муравьев, Д. Дитя технологического развития // Взгляд. Деловая газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/economy/2013/7/8/640136.html>.

ИННОВАЦИОННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ОСВЕЩЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

Бровчук Н. М. (Минск, Беларусь)

В современном мире инновации давно считаются залогом конкурентоспособности и процветания большинства субъектов социальных, экономических, политических и иных отношений. Создание и использование инновационных продуктов и услуг, организация инновационной деятельности предприятий, формирование устойчивой национальной инновационной системы, по факту, уже стали принципиальными факторами социально-экономического благополучия индустриально развитых стран и регионов. Предприятия, обеспечивающие свою страну научными разработками и достижениями, новой или усовершенствованной продукцией, непрерывно находятся в фокусе внимания своих стейкхолдеров, в число которых входят самые разнообразные индивиды, группы общественности и организации.

Не в последнюю очередь такое внимание, а также информационное воздействие на взаимоотношения компании-инноватора с внешней средой, обеспечивается лицами и сообществами, обладающими профессиональной коммуникативной компетентностью – в данном случае, речь идёт о средствах массовой информации и их работниках: редакторах, журналистах, репортёрах и т.д. Специфика их профессиональной деятельности напрямую определяет их способность в самом широком смысле создавать среду для дальнейшего распространения и продвижения инноваций среди широких слоёв общественности.

Значительное большинство исследователей, как отечественных, так и зарубежных, подчёркивают по-прежнему возрастающую степень влияния журналистов и средств массовой информации на состояние и дальнейшее развитие современного общества [1, с. 143]. Люди, осуществляющие профессиональную деятельность в сфере журналистики, способны управлять вниманием простых обывателей и направлять его под определённым углом

на инновационную деятельность не только отдельного предприятия, но и в масштабах государства. Как отмечает А.Г.Петроченко, журналистика, сообщая об инновациях и создавая, таким образом, систему инновационного знания среди целевой аудитории, стимулирует национальную и локальную экономику посредством формирования нового типа культуры и предпринимательской деятельности [2, с.12]. Именно поэтому взаимодействие со СМИ должно составлять важную и необходимую часть внешнего PR любой организации, осуществляющей деятельность в сфере инноваций.

По всей видимости, проблема взаимосвязи сферы журналистики и сферы инноваций в плане изученности находится лишь на стадии философского осмысления и становления. На данный момент в научной литературе по критерию распространённости можно пока выделить концепцию инновационной журналистики, или журналистики инноваций (англ. Innovation Journalism) [3]. Как направление в журналистской деятельности, инновационная журналистика начала формироваться в 2004 году на базе Стэнфордского университета при участии шведского агентства VINNOVA. Её фактическим основоположником является Д. Нордфорс, ныне исполнительный директор Исследовательского центра инновационной журналистики «VINNOVA Stanford» на базе Стэнфордского университета. В своих работах он различает два аспекта инновационной журналистики:

– освещение инноваций в различных профессиональных сферах – научные открытия, разработки и достижения, создание инновационных высокотехнологичных продуктов и т.д.;

– инновации в самой журналистике – появление новых форм медиа, усовершенствование и дигитализация уже существующих традиционных средств массовой коммуникации, перспективы будущего развития журналистики и т. п [4, с. 11].

По мнению Д. Нордфорса, инновационная журналистика способна оказать значимое содействие компаниям-инноваторам в осознании и принятии их деятельности обществом, поскольку тот, кто создаёт инновации, порождает зачастую непредсказуемые изменения, что не всегда благосклонно воспринимается заинтересованными группами. Соответственно, компании, производящие инновационные продукты и услуги, часто вынуждены действовать в среде с высоким уровнем риска, обуславливаемым недостатком или отсутствием нужной информации.

Д. Нордфорс также является основателем Программы инновационной журналистики, которая призвана не только содействовать распространению концепции журналистики инноваций в международной среде, но и формировать сообщество профессиональных журналистов и коммуникаторов, способных грамотно и всесторонне осветить процессы, происходящие в инновационной сфере. Данная программа начала работать, в таких странах, как США, Швеция, Финляндия, Германия, Мексика, Словения и Пакистан. Наравне с ней в этих странах также впервые начала распространяться концепция коммуникации в сфере инноваций (движение

InCo) [3].

Многолетняя практика говорит о том, что уровень понимания журналистами происходящих событий играет важную роль в оказываемом журналистом воздействии на свою аудиторию, которая вольно или невольно становится носителем транслируемых идей. Касательно сферы инноваций, здесь речь идёт об аудитории, которая является носителем инновационного знания или идеи, потребителем нового продукта или услуги. Соответственно, на журналиста возлагается серьёзная ответственность за формирование знаний, идей и установок у аудитории по отношению к освещаемым процессам и событиям в инновационной сфере.

При обычном подходе журналист специализируется на какой-то одной сфере: политике, экономике, культуре и др., а в сфере инноваций ему понадобятся знания о специфике и закономерностях процессов, протекающих в области бизнеса, экономики, науки, технологий. Без них он может лишь крайне упрощённо и с неизбежными ошибками трактовать информацию, которую потом планирует предоставить своей аудитории, будучи неспособным объективно отобразить картину реальности. Сегодня же большая часть информации об инновациях сводится преимущественно к описанию технологических аспектов, что в значительной мере обедняет содержательность контента, который могут предоставить СМИ.

Инновационная журналистика не акцентирует внимание аудитории на одном лишь аспекте деятельности субъектов инновационной сферы, а стремится представить максимально ясную, чёткую и полную картину процессов, происходящих в сфере, понятной только специалистам; передать объективное мнение об инновациях, планах и интересах стейкхолдеров, о важности и значимости инновационной деятельности для общества. Д. Нордфорс подчёркивал, что такая журналистика предъявляет к журналисту гораздо более высокие требования в отношении расширения кругозора, постоянного совершенствования личностных компетенций и профессиональных навыков не только в привычной области, но и в смежных сферах, необходимости формирования объективного понимания данной сферы [4, с. 17].

Таким образом, концепция инновационной журналистики является первым серьёзным шагом в осмыслении проблемы взаимосвязи сфер журналистики и инноваций. Её появление говорит о необходимости перехода индустриально развитых сообществ на принципиально новый уровень взаимодействия субъектов инновационной сферы друг с другом и обществом в целом. Как итог, журналистика инноваций претендует на статус одного из основных инструментов формирования нового типа общества, основу экономики которого составляют знания, научно-технические достижения и основанные на них инновационные технологии и инновационные системы организации различных видов человеческой деятельности.

Литература и источники

1. Петроченко, А.Г. Взаимодействие региональных СМИ с субъектами инновационной инфраструктуры // Прикладные аспекты исследования медийного контента: материалы IV Междунар. Студенческой научно-практической конф., Киев, 22 марта 2013 г. / редкол.: В. Ризун [и др.]. – Киев, 2013. – С. 142–150.
2. Петроченко, А.Г. СМИ как фактор результативности взаимодействия комплекса «государство-инноватор-потребитель инновации» // Армия и общество. – 2013. – № 3 (35). – С. 12–19.
3. Лапшов, А.Б. Коммуникации в сфере инноваций. К вопросу концептуализации мировой и российской практики / А.Б. Лапшов, Е.Б. Кузнецов // «Медиаскоп», электр. научн. журнал факультета журн. МГУ им. Ломоносова [Электронный ресурс]. – 2011 г. – №1. – Режим доступа: <http://www.massmediascope.ru/taxonomy/term/304>.
4. Nordfors, D. Innovation Journalism, Attention Work and the Innovation Economy. A Review of the Innovation Journalism Initiative 2003–2009 // Innovation Journalism. – 2009. – Vol.6. – P. 1–46.

ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ СМЫСЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

Букреева А. Н. (Москва, Россия)

Перспективы, обеспечивающие кросскультурный диалог, связаны с выяснением таких направлений поиска, как определение условий взаимопонимания людей внутри современной культуры в эпоху глобализации. Чаще всего под глобализацией понимают «стирание» граней между разными культурами. Основанием выступает общность экономических и политических связей, язык и коммуникация, создание общего информационного поля. На этом фоне важное значение должно быть отведено вопросам самоидентичности людей в связи с их соотносительностью с конкретной культурной средой (общая история, традиции и культурные ценности). Философскую актуальность приобретает также проблема интерпретации смысла художественных образов как основания для кросскультурного диалога, что делает актуальной проблему понимания и интерпретации художественного контекста образов культуры.

Рассматривая «типичное» и выделяя «особенное» в художественной культуре, исследователь постигает условия создания конкретных образов, раскрывает их содержание и смысл, воссоздавая эпистемологический контекст понимаемого. При этом отдельные произведения искусства (живописные полотна, скульптура, целостные архитектурные комплексы, народное творчество) рассматриваются как выразители определенного типа знания, которое они передают: мифологического, исторического или религиозного содержания. Наконец, художественные образы отражают реальные события жизни народа или той или иной исторической эпохи. Реконструируя эти образы, мы получаем целостное представление о данной

культуре, сопоставляя «особенное» и «типичное», например, выясняя условия объединения (пересечения близких) культур.

Интерпретация – центральная проблема герменевтики; объекты ее – тексты, письменные источники, факты истории, социальные явления, многочисленные образцы художественной культуры. Сопоставляя образы, знаки и смыслы культуры, можно выделить интегративные характеристики понятий культуры, возвышая их до уровня философских. Близость культур определяется общностью смысла художественных образов и их воплощения.

Проблема реконструкции смысла художественного образа предстает как эпистемологическая проблема, а изучение когнитивных особенностей творческой деятельности расширяет диапазон самой эпистемологии за счет герменевтического подхода. При этом герменевтика и эпистемология объединяются в единое проблемное поле. Различаем понятия, категории, термины и области их конкретного применения. Так, рассматривая «символы» культуры, мы рассуждаем о связи символа с познанием и типом мышления, которое характеризуется как «образное мышление», как воплощение неразрывного единства понятийного и образного мышления. Такой подход можно характеризовать как «типичный» для человеческого познания. Между тем способность воспринимать мир в образной и символической форме предполагает *репрезентативность*, понимаемую как способность представлять другой объект (явление, предмет нашего рассуждения), как способность выражать какую-то конкретную мысль или идею посредством использования других предметов, объектов или понятий. «Итак, чтобы понять смысл объекта, – отмечает Е.Н. Шульга, – интерпретатор должен решить, какой тип значения должен быть предписан ему. Другими словами, он должен выбрать тип управляющего понятия, на основании которого очевидные аспекты (свойства, качества) объекта должны быть синтезированы в единое целое. На этом этапе интерпретатор задает вопросы типа: "Что представляет или выражает объект?", "Частью чего он является?", "Он реален?" и "Как его объяснить?"» [1, с. 136]. В качестве «управляющего понятия» может выступать символика конкретного образа с его многоплановостью смысла.

Интерпретатор начинает с того, что выделяет главное в сюжете, выделяет так называемый первый план и перспективу. Такая работа интеллекта выражает незримую связь между *Автором* и *Интерпретатором*, способствуя появлению новых идей у самого толкователя – таких, которые дают импульс к созданию «нового образа» с его последующей интерпретацией, которая как раз и активизирует активное созерцание произведения искусства.

Художественный символ – это понятие с эпистемологическим значением; примыкает к понятию образ, и имеет отношение к законченному произведению, но вместе с тем, он позволяет опознать предмет и художественный замысел. «Предметность» образа и символа выступает как воплощенная в тексте или в конкретном материале (вышивка, роспись, графика, рисунок). Конкретная программа воплощения художественного

замысла (сюжет, стиль, художественные приемы, язык и т.д.) становится предметом философского изучения – как с точки зрения «техники» реализации замысла произведения искусства, так и с точки зрения понимания скрытого смысла. Именно в этом последнем случае можно говорить об актуальности герменевтики художественного образа и придавать смысл образу, интерпретировать его, определять его эпистемологическую ценность.

Слова имеют несколько значений в зависимости от контекста речи или содержания текста. Это касается и буквального смысла некоторых слов и понятий. Например, в русском языке (в русской православной традиции) слово «образ» и понятие «икона» – тождественны по смыслу. Мы говорим: «лик святого», подразумевая восприятие конкретного живописного образа этого святого, который может передаваться иконой или сюжетом целой картины. «Предметность» такого «образа» тождественна содержащемуся в нем смыслу. Визуально воспринимая, зрительно «схватывая» этот образ, мы моментально понимаем его назначение, например, его принадлежность к определенной исторической эпохе и культуре (в частности, опираясь на наши знания истории искусства, библейской истории и на знание особенностей вероучения). Рассматривая икону, мы «узнаем» ее, осознаем факт принадлежность ее к православной художественной традиции, понимаем ее исторические, византийские корни художественного воплощения данного образа и религиозный контекст, который стоит за ним. Этот аспект изучения художественных образов указывает на общие корни культуры многих народов. Реконструируя и выявляя глубинный, первоначальный смысл, мы распознаем эпистемологическое значение художественных образов, интерпретация которых как раз составляет цель герменевтического анализа [2]. Учитываем, что образ культуры понимается как данность и, одновременно, обозначает нечто большее, чем визуальный образ или артефакт. Образ содержит скрытый смысл, в результате реконструкции которого создается новый смысл. Этот процесс может приводить к бесконечному поиску символической связи смыслов. Преодолеть такую «однаправленную» бесконечность, можно на основании специальной методологии. Например, разделить «текст» на уровни и подходить к ним предметно, различая главное и второстепенное, основной смысл и «сопровождающий» и описать его именно как «текст». Кроме того, следует выделить и различные уровни слоев интерпретируемой символики. Такой подход позволяет определить смысловую структуру художественного образа и на этой основе у нас создается картина, идентифицирующая данную культуру как встроенную в систему общекультурных ценностей.

Литература и источники

1. Шульга, Е.Н. Смыслообразование как эпистемологическая и герменевтическая проблема // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. – Вып. 7. – 2014. – С. 15–21.

2. Шульга, Е.Н. Воплощение воображаемых образов в художественном творчестве / Е.Н. Шульга, А.Н. Букреева // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии. – М., 2013. – С. 166–184.

ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО КАК ФАКТОРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ

Верещако А. И. (Минск, Беларусь)

Немецкий философ Мартин Хайдеггер видел сущность техники в области раскрытия потаенного. Согласно мыслителю, на пути этого раскрытия потаенного стоит по-став (Gestell). Человек становится заложником Gestell, так как, то? что его окружает – природа, техника и технологии существуют способом состоящего-в-наличии [3]. Человек служит вещам, а посредством предметов и по-ставу. Потребляемые нами вещи (предметы, артефакты) становятся все более и более технологичными, так как предназначены для массового потребления. Обладание предметами зависит от многих факторов. Любой человек, различного социального статуса, класса, с разным уровнем дохода или образа жизни – потребляет вещи. Постепенно, выражение уникальности человека опосредуется способностью (возможностью) покупать вещи не такие как у других. В этом выражаются гендерные, классовые, возрастные и иные различия. Наиболее яркой экспликацией этого явления является автомобиль. Мы стремимся купить автомобиль предпочитаемой нами марки, с определенным двигателем, цветом кузова или салона, а также другими опциями. Все эти различия не являются существенными, они не функциональны и базируются на формальных признаках. Зато автомобили могут сильно различаться по стоимости. Жан Бодрийяр в «Системе вещей» [2] достаточно подробно описал эту тенденцию современного ему общества потребления. Однако, выбор «индивидуальных параметров» транспортного средства (или любого другого технического устройства), является не просто потребностью, он также служит определенным способом самовыражения личности.

Персонализация и социализация человека постиндустриальной эпохи происходит в «различии» потребления технических устройств и вещей в целом. Такой процесс имеет также серьезное экономическое основание. Незначительные, специфические различия нарочито продуцируются промышленным способом. Поскольку пример с автомобилем уже стал классическим, я также предлагаю рассмотреть его на этом примере. Общество потребления дает человеку иллюзию выбора, которая в свою очередь связана со свободой личности.

Давайте рассмотрим популярные у нас в стране модели известных автомобильных брендов: Peugeot 406, Volkswagen Passat, Toyota Yaris, Audi 6. Все эти автомобили производятся годами, если не десятилетиями. А чем, в сущности, они отличаются друг от друга? Компании не могут продавать одинаковое изделие долгий промежуток времени, тем более существуют так

называемые «поклонники» марки или модели. Для этого существует «рестайлинг». Рестайлинг – это обновление машины (или вообще любого технического устройства) внутри одного поколения. Такие обновления очень позитивно воспринимаются потребителями, а компании выставляют такие автомобили как новые изобретения. При этом старая версия автомобиля сразу попадает в разряд психологически устаревших, и более не является объектом страстного вожделения.

Если еще углубиться в проблему «рестайлинга», мы увидим, что новые изменения в основном касаются косметической составляющей автомобиля. И даже при условии изменения ходовой части или силовой установки, то в се же не стоит рассчитывать на реактивный двигатель под капотом. В «рестайлинге» есть новый продукт, но нет новых технологий. Таким образом, свобода выбора ограничена степенью предложения производителей. Персонализация человека строится вокруг потребления вещей и автоматически ограничена их предложением. Невозможно купить «ничто». Всегда необходимо что-то конкретное. Капитал, вложенный в строительство крупного производства должен приносить прибыль. Не всегда это возможно обеспечить за короткий промежуток времени, для этого и служит «рестайлинг», он приносит прибыль как можно дольше, коренным образом не изменяя производственный цикл и технологическую линию. Создание обновленных вещей принуждает человека хотеть покупать всегда что-то новое. В этом и заключается сущность репрессивности техногенного общества. Стоит также отметить, что следует различать желание потреблять и возможность потребления. В обществе потребления, для человека разного достатка существует его собственная «Американская мечта».

Выбор человека в техногенном обществе, не совсем его выбор. Он детерминирован модой, предложением, трендами, движением капитала, инвестициями, рекламой и многими другими факторами. Иногда эта несвобода неочевидна. Но существуют более убедительные примеры. В январе 2015 года, в официальном интернет журнале компании Майкрософт, появилось сообщение о том, что новые центральные процессоры AMD не будут работать с операционной системой windows 7 [1]. Я не говорю уже про более ранние версии знаменитой ОС. Изделие поддерживает лишь Windows 10. Как более новый и мощный центральный процессор не может работать с операционной системой, работающей на более низких мощностях? Представители компании дают размытое объяснение, сводящееся к заботе о качестве предоставляемых услуг.

Ничего кроме экономической выгоды не стоит за этим намерением. Человеку, купившему сам процессор, или компьютер с этим процессором придется покупать новую версию Windows, и все другие необходимые программы, а также тратить деньги на техническое обслуживание ПО. Для этого нужно будет серьезно адаптироваться к новому интерфейсу. В техногенном обществе, человеку следует не только приспосабливаться к окружающей среде, но также и к творениям своих собственных рук. В нем не только нет свободы выбора, но также присутствует элемент давления,

насилия. Однако, чтобы быть полноценным членом общества, человеку нужно быть всегда «онлайн». Человек эпохи мобильного телефона стандарта GSM уже в прошлом. Современный человек – это человек стандарта 4 или 5G.

В непрекращающемся потоке информации, современный человек всегда готов связаться по Skype или Viber, ответить в вагоне метро на сообщение, полученное по электронной почте, прочитать последние новости. В этом на первый взгляд нет ничего негативного. Но когда ваши подписчики или «друзья» в социальных сетях закидывают вас тысячами сообщений – жизнь преобразуется. Проблема в том, что человек уже не может отказаться от социальных сетей, «Instagram» и «Whats Up». В противном случае он отбрасывается на маргиналии общества. Отправитель почти всегда видит, что адресат прочитал сообщение. С этой минуты «дамоклов меч» ответа на сообщение висит над головой получателя. Отсутствие в социальных сетях фото – или видеоотчета о съеденном в кафе блюде или посещении кинотеатра, практически нивелирует это событие. Если событие не зафиксировано и публично не представлено, оно равносильно тому, что его не было вовсе.

Информационное общество – это общество принуждения к коммуникации. И если вам нечего сказать, существуют иные способы заявить о своем существовании. Человек не свободен молчать в информационном обществе, он вынужден что-то говорить, индивида не существует. Под воздействием фактора информационного принуждения, человек либо создает информационный шум, либо пропадает. Персонализация современного человека формируется под маской этой формальной жизни для «подписчиков». Сущность человека раскрывается в умении использовать современные технологии и технику, последняя ускользает от подлинного раскрытия себя самой. Выражаясь лексикой экзистенциализма, человек живет жизнью других людей и технико-технологическими устройствами. Репрессивность информационного общества навязывает нам потреблять новые гаджеты и участвовать в потоке нескончаемого информационного шума.

Литература и источники

1. Myerson, T. Windows 10 Embracing Silicon Innovation // Windows blogs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blogs.windows.com/windowsexperience/2016/01/15/windows-10-embracing-silicon-innovation>.
2. Бодрийяр, Ж. Система вещей. – М., 1995.
3. Хайдеггер, М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. – СПб, 2007. – С. 306–330.

PR-КАМУНІКАЦЫІ ПА-БЕЛАРУСКУ

Дараней Х. М., Нелюбовіч В. А. (Мінск, Беларусь)

Айчынныя і замежныя кампаніі звяртаюцца да выкарыстання нацыянальных сімвалаў у айдэнтывы ды да беларускай мовы ў камунікацыях. Важна адзначыць, што беларуская мова тут выступае не толькі як мова камунікацыі, але і як частка нацыянальнай культуры, як пэўны знак, які сам па сабе ўжо нясе аўдыторыі пэўны сэнсавы пасыл. І якія менавіта пасылы нясе беларуская мова і чаму так адбываецца, я паспрабую высветліць цягам гэтага аналізу.

Беларусы ўсё часцей ставяць перад сабой пытанні «Хто мы?», «Якое наша месца ў свеце?», «У чым наша адметнасць?». І адказы на гэтыя пытанні можа даць нацыянальная культурная спадчына. У гэтым кантэксце заўважна істотная змена ў стаўленні беларусаў да беларускае мовы: яна страчвае налёт местачковасці, больш не прыпісваецца пэўным палітычным сілам, а набывае характар грамадскага трэнду. Надзвычайная папулярнасць моўных курсаў, кшталту «Мова Нанова», «Мова TUT» ды інш., – добрае таму пацверджанне.

Бізнэс актыўна рэагуе на патрэбы грамадства, а яно пачынае паварочвацца да ўсяго беларускага. Да таго ж бізнэс робяць людзі са сваімі каштоўнасцямі, прыярытэтамі і ідэямі, якія трансліююцца ў іх бізнэс. Таму ўсё часцей падчас камунікацый выкарыстоўваецца беларуская мова ды адсылкі да нацыянальнай культуры. Беларускамоўныя камунікацыі ў гэтым рэчышчы маюць вялікі сацыяльны, іміджавы пасыл.

Выдатны прыклад сотавы аператар Velcom. Бізнэс распачаў працаваць з акцэнтам на мову адразу у некалькіх напрамках – і хутка на тэлебачанні з’явіліся усім нам вядомыя іміджавыя і камерцыйныя ролікі – «Час упэўненых», ролік на 15-годдзе кампаніі, дзе выкарыстана песня Лявона Вольскага «Простыя словы», ды інш. Акрамя ролікаў аператар працуе ў накірунку «Нацыянальная самаідэнтывіфікацыя», які было вырышана развіваць у рамках сацыльнай адказнасці брэнда. Менавіта таму брэнд падтрымлівае праекты, звязаныя з мовай, нацыянальнай культурай і гісторыяй Беларусі.

Такім чынам, дзейнасць Velcom паказвае, як бізнэс як адна з ініцыятыўных частак грамадства дзякуючы сродкам PR прыцягвае увагу да нашай культуры, мовы, самабытнасці і гісторыі.

Velcom – буйны гулец на рынку, аднак гулец нішавы, працуе выключна на беларускім рынку. І ў гэтым яшчэ адна цікавая заканамернасць выкарыстання беларускай мовы ў камунікацыях: яе выкарыстоўваюць кампаніі, якія працуюць пераважна на лакальны, а не на глабальны рынак. Гэта і лагічна, бо адначасова працуючы на рынку розных непадобных між сабою краін, варта максімальна згладжваць нацыянальныя асаблівасці. Пагадзіцеся, дзіўна было б, каб Wargaming раптам зрабіў рэбрэндынг, пераклаўшы назву на беларускую мову, наляпіў на танкі беларускі арнамент ды намагаўся з дапамогаю гэтых знакаў і сімвалаў выклікаць станоўчую

рэакцыю ў аўдыторыі. А вось кампаніі, якія працуюць на беларускім рынку, усё часцей звяртаюцца да беларускай мовы для камунікацый, выкарыстання нацыянальных сімвалаў у айдэнтацы ды герояў беларускай міфалогіі ў рэкламе і нэймінгу.

Цікавым на гэтым фоне выглядае рэбрэндывг баскетбольнага клубу «Мінск 2006», які цяпер называецца «Цмокі-Мінск» і будзе сваю камунікацыю выключна па-беларуску. Сімвалам клубу з'яўляецца герой беларускага эпасу, а самі «Цмокі-Мінск» лічаць прынцыповым ужыванне беларускай мовы ў сваёй маркетынгавай і PR-дзейнасці. Госці і заўзятары ведаюць, што ўсё аўдыявізуальнае суправаджэнне матчаў на «Мінск-Арэне» арганізуюцца на роднай мове, як і ўся друкаваная прадукцыя (афішы, праграмкі), атрыбутыка (ад магнітаў да маек і баек). Клуб абірае беларускую мову, а гэта сведчыць пра тое, што аўдыторыя здольнага прыняць гэтую камунікацыю, і гэта бясспрэчна працуе на прасоўванне нацыянальных каштоўнасцяў.

Ды й наогул беларускасць як з'явы перастала асацыявацца выключна з культураю вёскі ці палітычнай апазіцыі. Культуролагі адзначаюць, што беларуская мова ўсё часцей становіцца адзнакай культурнага ўзроўню, суадносіць цябе з пэўным асяроддзем, робіцца сацыяльным маркёрам, адзнакай інтэлектуальнай эліты. Беларускі пісьменнік Віктар Марціновіч зазначае: «Мы бачым гістарычны зрух: беларуская ідэя абрала новы чалавечы тып, які ўвасобіўся ў густоўна апранутых інтэлігентах, якія ведаюць замежныя мовы і маюць досвед вандровак. Яны не шавіністы і не маюць пагарды да не – беларусаў, яны адзначаныя добрай адукацыяй ды манерамі, яны гадуюць дзетак па-беларуску».

Гэты зрух дае магчымасць выкарыстоўваць знакі беларускай культуры падчас PR-камунікацый у розных сферах: ад нафтахімічнай прамысловасці да грамадсказначных праектаў.

З апошніх выдатных «сацыялак» на мове варта прыгадаць грамадскую ініцыятыву «Крывічы», якая пачала працаваць гэтай вясной і ставіла парад сабой мэту папулярызацыі бясплатнага донарства ў краіне. Назва выбрана невыпадкова: таму што дзякуючы донарам крыві, мы ў нейкім сэнсе становімся крывічамі – крэўнымі, параднёнымі – бо ў кожнага донара з'яўляецца некалькі новых родзячаў, якія абавязаны яму жыццём. І таму што дабразычлівасць і павага да іншых людзей – у крыві беларусаў. Таму натуральнай мовай для нэймінгу, айдэнткі і камунікацыі з мэтавымі аўдыторыямі была абрана беларуская.

Часта PR адыгрывае яшчэ і сацыяльную ролю. І ў беларускамоўных камунікацый набагата болей шанцаў стаць выдатнымі, асабліва ў кантэксце пошуку беларускім народам апірышча ў нацыянальнай самаідэнтфікацыі.

Вось трапны, на нашу думку, прыклад. Пачынаючы з 2014 года, у кантэксце палітычнага становішча ў свеце на беларускай прасторы даволі востра паўстала пытанне абазначэння сваёй нацыянальнай прыналежнасці. Патрэба ў нейкім ўніверсальным сімвале, які б вылучыў нас, беларусаў, сярод прадстаўнікоў іншых народаў, фактычна вісела ў паветры і ўяўляла

сабой грамадскае запатрабаванне. Культурніцкая кампанія «Арт-Сядзіба» адрэагавала на гэта пытанне наступным чынам: яны выпусцілі цішоткі са стылізаваным арнамантам, больш вядомыя нам як «*вышымайкі*». Але прадукт стаў запатрабаваным аўдыторыяй настолькі, што не «Арт-Сядзіба» стала прасоўваць сябе з яго дапамогай, а моц самога прадукту стала ў змозе ствараць сэнсы і пасылы. Таму акт камунікацыі праз вышыванкі ператварыўся у цэлую кампанію. Трэба адзначыць, што выкарыстанне нацыянальнага арнаменту – тэма не новая. Але вышыбум у 2014–2015 гадах паставіў гэта ў трэнд.

У камунікацый па-беларуску есць свой фестываль. Ён завецца фестывалем беларускамоўнай рэкламы і камунікацыі «Adnak!» і праводзіцца ў Беларусі ўжо сёмы год. «Adnak!» узнімае прэстыж выкарыстання беларускай мовы ў маркетынговых камунікацыях, збіраючы ў адным месцы ўсе найлепшыя здабыткі камунікацый па-беларуску і прафесійную публіку: PR-экспертаў, буйных рэкламістаў і крэатыўшчыкаў, рэкламадаўцаў і спажыўцоў. У 2014 годзе на ўдзел у фестывалі паступіла больш за 400 беларускамоўных праектаў ад амаль што 200 удзельнікаў! Што сведчыць ад тым, што выкарыстанне нацыянальнай мовы ў камунікацыях з аўдыторыямі – выпадкі не адзінкавыя; той факт, што буйныя кампаніі робяць стаўку на мову, пацвярджаюць, што гэта не выняткі. Гэта рынак.

Дык чаму ж чаму з кожным годам бізнес усе часцей камуніцыруе з намі па-беларуску? Камунікацыйныя кампаніі з выкарыстаннем беларускай мовы прывабляюць больш увагі, чым рускамоўныя. Спецыялісты адзначылі, што беларуская мова станоўча ўздзейнічае на моладзевую аўдыторыю. Па-другое, камунікацыя па-беларуску мае больш сацыяльны, іміджавы пасыл. Яна дае магчымасць кожны раз праз мову судакрануцца з нашай культурай. Таму лагічна вынікае: калі кампанія пераходзіць на беларускую мову, то яна не звужае сваю аўдыторыю, а наадварот, пашырае.

Зрэшты, любая камунікацыя згодна стратэгіі брэнда мусіць быць карысная тром бакам: кліентам (уладальнікам брэндаў), спажыўцам (мэтавай аўдыторыі) і грамадству ў цэлым. І беларускамоўныя звароты да аўдыторыі выдатна даюць рады. Брэнд, размаўляючы па-беларуску, адбудоўваецца ад канкурэнтаў і пры гэтым нібыта кажа пра тое, што ён з Беларусі ці прынамсі працуе на беларускім рынку, паважае беларусаў ды дбае пра іх. Цікава, што аднымі з першых да беларускай мовы ў камунікацыях звярнуліся прадстаўнікі інтэрнацыянальных кампаній – Bosch, Samsung, – бо яны выдатна разумеюць, наколькі гэта магутны інструмент – нацыянальныя коды, і спрабуюць розныя спосабы іх выкарыстання.

Ды й наогул, калі па-беларуску размаўляе не толькі культурная інтэлігенцыя, але і бізнес ды іншыя сферы жыцця, калі людзі шукаюць апірышча ў родным, гэта яднае нацыю ды рухае яе наперад. Таму лічым, што PR-камунікацыі па-беларуску – лагічны і слушны адказ на грамадскія запыты, дзе само па сабе выкарыстанне беларускай мовы з’яўляецца знакам, які нясе ў сабе шэраг сэнсаў, сутнасць якіх мы паспрабавалі акрэсліць у гэтай працы.

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Дивашук А. П. (Брест, Беларусь)

Человеческое сообщество все более активно вступает в информационную эру, выходит на новые рубежи научно-технического знания, осваивает передовые коммуникационные технологии. В тоже время в этом глобальном процессе всё болезненнее ощущается дефицит добра и человеческой теплоты в отношениях между людьми. Современный научно-технический прогресс значительно опередил по своим темпам нравственный прогресс, что способствовало сохранению старых и порождению новых форм жестокости, насилия, враждебности [1, с. 3].

Ключевым фактором современных информационных войн является то, что основным пространством, где они разворачиваются, и одновременно главным инструментом этих процессов является Интернет. Сама по себе «борьба за умы» во все времена была важной частью любого противостояния идей. Однако в конце XX века произошло то, что называют переходом количественных изменений в качественные – появившиеся благодаря научно-техническому прогрессу формы электронного общения и работы с информацией охватили такое количество людей, что полностью изменили нашу жизнь. Даже еще в начале 2000-х это было далеко неочевидно, хотя прогнозы о том, как повсеместное распространение компьютеров, подключенных к Интернету и мобильных устройств, появились уже в середине 1990-х.

Сегодня уже всем стало понятно, что Интернет – это среда новой социальности, новых типов восприятия информации и форм общения, и более того – теперь уже та единственная «призма», через которую огромная часть общества воспринимает мир. Мы видим, что именно социальные сетевые технологии являются базой для всей общественной активности, будь то локальная муниципальная самоорганизация или «оранжевые революции», охватывающие целые государства.

Признавая возможности Интернета как идеальной среды равного доступа к информации, самореализации и коллективных действий свободных индивидов, необходимо обратить внимание на тот факт, что интернет-среда – инструмент, формирования механизмов восприятия себя и мира, а типы и форматы интернет-коммуникации влияют на общественное мнение едва ли не больше, чем само информационное содержание этой коммуникации. Информационные технологии породили феноменальные механизмы манипуляции общественным сознанием, замаскированные под элементы демократии и независимые суждения общественности и экспертов. Эмоциональная и мозаичная подача информации вызывает мгновенный эмоциональный и фрагментарный отклик у аудитории. Таковы свойства данной среды.

Коммуникация в сетевом информационном пространстве во многом

имеет образный характер. Налицо тенденция к сокращению среднего размера текстовых сообщений, в сущности, они должны отражать лишь мгновенную эмоциональную реакцию пользователя. Серьезно что-то изучать, обдумывать, размышлять – это всегда «стресс рационального выбора». Сегодня молодежь – социально активная часть общества – ежеминутно что-то просматривает в iPod, пишет СМС, отвечает на сообщения френд-ленты в интернет-мессенджерах и аккаунте в социальной сети. В каждом кафе и холле на современного человека смотрит несколько телеэкранов, на которых сверху и снизу еще и дополнительная информация идет «бегущей строкой».

Мгновенный эмоциональный отклик, на который нацелен в большей части контент Интернета и его формат, снижает шансы на рациональное, осознанное построение цельной картины происходящего и своего места индивида в нем. Интернет-коммуникация часто провоцирует агрессию, которая не проявилась бы так в реальной жизни.

Виртуальные сообщества создают иллюзию родства, восприятие партнеров, как находящихся в одной лодке, «нас» в отличие от «них». В реальной жизни человеку не нужно постоянно проводить такую границу, тогда как, присоединяясь к любой виртуальной группе, он сразу же оказывается в ситуации такого противостояния: есть «свои» и «чужие», «мы» – я и мои друзья, мой круг и «они» – остальные. Этот эффект легко переносится и в реальность.

Нетрудно заметить, что общение в виртуальной среде гораздо более агрессивно, чем в реальности. Очевидно, причина этого – анонимность и удаленность виртуального общения. Ответственность является исключительно добровольным выбором, но далеко не все считают нужным установить для себя нравственные правила.

Как пример можно рассмотреть раскручиваемое именно в Сети в последние годы противостояние между верующими и атеистами. Обратим внимание, что если во времена перестройки именно религия была одним из признаков тех, кто боролся «с коммунистическим прошлым», а затем в 2000-е в обществе возникло спокойное сосуществование верующих и атеистов, сейчас во многом благодаря интернет-истерии нагнетается раскол общества по этому признаку. Точно такую же роль играют форматы интернет-общения и в нагнетании напряженности в национальном вопросе. Обсуждение этой темы на форумах и в блогах практически сразу начинает приобретать резко агрессивный характер.

Еще один эффект, который можно отметить, – это эффект «роевого сотрудничества». Суть в том, что большинству людей для присоединения к какому-либо действию необходимо удостовериться, что достаточное число других уже делают это («все побежали – и я побежал»). Без такой уверенности на активное участие способны лишь очень мотивированные энтузиасты. Виртуальная среда позволила гораздо легче давать ощущение большого числа единомышленников и побуждать людей к действиям, порой даже потенциально для них опасным в прямом смысле.

Происходящие в настоящее время кардинальные социальные

трансформации, обусловленные распространением новых информационных технологий и наращиванием кризисных явлений в социальной жизни, находят отражение в системах национальной безопасности государств. В ноябре 2010 года была принята Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, в которой сохраняется преемственность по отношению к ранее проводимой политике и вносятся изменения и дополнения с учётом происходящих глобальных геополитических процессов, а также современной социально-экономической ситуации в республике. Среди актуальных проблем национальной безопасности Беларуси называются и проблемы социокультурного и духовно-нравственного характера. В качестве одного из национальных интересов в социальной сфере определено «развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала общества, сохранение и приумножение его культурного наследия, укрепление духа патриотизма» [2].

В информационном обществе важнейшими средствами противостояния всяческого рода манипуляциям способны выступить духовно-нравственные христианские ценности в качестве моральных ориентиров и регуляторов индивидуальной и социальной практик. Ценности христианства как традиционные ценности белорусского народа призваны выступить в качестве определенных связей и отношений между человеком и другими людьми, обществом и государством, укрепляемых Церковью как любовь и преданность Родине и ближнему: как путь выхода за пределы единичности и вхождения в социум: соотнесенность «Я» с другими «Ты». Ситуация взаимной обращенности, взаимного вторжения индивидуальностей друг в друга в форме «Мы» является актуальной для белорусского общества в долгосрочной перспективе [3]. С точки зрения практики, понимание членами коллектива уникальности и ценности каждого из них, его права на свободу мнения, и при этом признание ответственности за свои действия на основе добровольного объединения с другими ради общей цели – главное условие активизации творческого потенциала коллектива и его эффективной деятельности. В условиях информационного общества их актуализация невозможна вне влияния Интернета, способного выступить фактором сохранения и развития ценностей национальной культуры. В контексте проведенного анализа можно сделать вывод о потенциальной позитивной роли, которую Интернет мог бы играть в современном белорусском обществе.

Литература и источники

1. Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы. – Минск, 2010.
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mod.mil.by/konsep.html>.
3. Лагуновская, Е.А. Ценности христианства в формировании нравственной культуры современного белорусского общества. – Брест, 2011.

АНТИКРИЗИСНЫЕ КОММУНИКАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И СТРАТЕГИИ

Карабинская В. В., Бубен Е. А. (Минск, Беларусь)

Искусство хорошего корпоративного PR – специалиста заключается в его умении понять, с кем или с чем аудитория связывает причины кризиса, а также оценить уровень минимально приемлемого наказания, которое, по мнению корпоративной аудитории, должна понести виновная сторона, и, в конце концов, выбрать верную стратегию коммуникации, для того чтобы спасти благородный имидж и репутацию компании.

При определении причины и степени вины важно, насколько, по мнению специалистов, компания контролирует ситуацию и насколько вероятно повторение инцидента.

Каждая организация первоначально должна провести «ревизию кризисной уязвимости» [1, с. 157]. Чтобы сделать это, необходимо создать команду по управлению кризисной ситуацией (КУКС).

При этом целесообразно руководствоваться следующими рекомендациями:

- Сделать КУКС настолько малочисленной, насколько это возможно. Чем больше людей, которые заняты в КУКС, тем больше трудностей это создаст для принятия быстрых решений в эффективной манере. Идеальное число – от 8 до 10.

- Каждый член КУКС должен быть готовым принимать решения в области своей компетенции. Они также должны быть способны работать с информацией, делать значимые рекомендации и разрабатывать программу действий.

- Каждый член команды должен иметь определенные обязанности, изложенные в письменной форме. Эти письменные «роли» чрезвычайно важны, чтобы все члены команды знали, кто и что должен делать во время кризисной ситуации.

- Каждый член команды должен обладать творческим потенциалом наряду со способностью принимать ответственные решения. Все члены КУКС должны пользоваться этичными методами.

- Команде нужно дать время, в течение которого ее члены будут хорошо обучены.

- КУКС должна провести «ревизию кризисной уязвимости» в областях своей ответственности.

Поэтому КУКС должна состоять из менеджеров, которые фактически охватывают все области, в которых кризис мог произойти. Каждый член команды должен иметь полномочия в своей области, чтобы принимать решения. Ведь в этих областях проявляются "предупреждающие признаки", предшествующие каждому кризису.

По итогу работы КУКС руководство встречается с ней и располагает по приоритетам уязвимости ключевые области по 10-ти бальной шкале.

После этого рекомендуется реализовать следующие мероприятия:

1. Разработать кризисный план действий относительно каждого потенциального кризиса. Это будет включено в индивидуальные обязанности членов КУКС.

2. Подготовить письменную информацию о каждом потенциальном кризисе. Она должна содержать то, что сделано для подготовки к этому кризису, что делали раньше в подобных ситуациях и что команда сможет сделать в будущем.

3. Подготовить ключевые сообщения для общественности.

План антикризисного PR

1. Занять четкую, недвусмысленную позицию. В условиях кризиса организация не должна выглядеть чересчур прямолинейной. Ей следует быть достаточно гибкой, чтобы реагировать на изменения в развитии событий, но в то же время придерживаться своей принципиальной позиции и отстаивать ее.

2. Привлечь к активным действиям высшее руководство. Руководство обязано быть не просто втянутым в разрешение кризисных ситуаций (на практике это случается всегда), но и наглядно доказывать другим свое участие в преодолении кризиса. Руководитель не должен только сидеть в кабинете и давать распоряжения на расстоянии, ему нужно бывать в критических местах, появляться на публике.

3. Активизировать поддержку со стороны "третьей партии". Организация должна заручиться поддержкой своей позиции со стороны известных аналитиков, ведущих каналов информации, авторитетных независимых ученых или специалистов, а также юридических органов. Делу может помочь каждый, кто пользуется уважением и наделен большими полномочиями.

4. Организовать присутствие на месте событий. Руководители обязаны появляться там, где ситуация наиболее критическая.

5. Централизовать коммуникации. В условиях любого кризиса нужно срочно назначить человека, отвечающего за распространение информации, и сформировать команду для обеспечения его работы. Такое лицо – это ключевая фигура, уполномоченная выступать с заявлениями от имени организации.

6. Наладить сотрудничество со средствами массовой информации. Во время кризиса журналисты ведут себя вызывающе, становятся настырными. Они готовы опуститься до любого уровня, лишь бы получить информацию. Но это не следует переносить на конкретных работников средств коммуникации. Нужно воспринимать средства информации как своих друзей-оппонентов и разъяснять им свою точку зрения относительно кризиса. Превратив их во врагов, организация только проиграет.

7. Не игнорировать своих служащих. Держа сотрудников в курсе дела, можно тем самым обеспечить, насколько это возможно в условиях кризиса, нормальное функционирование организации. Служащие – ее ближайшие союзники, поэтому ни в коем случае нельзя держать их в неведении.

8. Смотреть на кризис широко. Руководство организации зачастую проявляет низкую активность в начале кризиса и чрезмерно реагирует на его усиление. Необходимо избегать излишнего нагнетания отдельных ситуаций. Такое поведение может слишком дорого стоить.

9. Заранее думать о позиционировании организации после преодоления кризиса. Нужно концентрировать внимание на сообщениях о тех шагах, которые предпримет организация для преодоления кризиса. Она должна взять вину на себя, если это необходимо. Но потом нужно быстро сконцентрировать внимание на том, что делается сейчас, а не на допущенных ошибках.

10. Осуществлять постоянный мониторинг и оценку протекания кризиса. Изучение общественного мнения в кризисных ситуациях должно быть всеохватывающим. Нужно держать руку на пульсе мнений ваших сотрудников, потребителей, поставщиков, инвесторов, а в случае необходимости – и широкой общественности, проверять, срабатывают ли информационные сообщения, что срабатывает лучше, а что хуже, и вносить соответствующие коррективы» [1, с. 231–233]

Кризисная коммуникация должна удовлетворять как познавательные (факты и анализ), так и эмоциональные (призывы к спокойствию, сочувствие и т.п.) потребности корпоративной аудитории. Она также должна укреплять корпоративную культуру и способствовать нормализации деятельности компании.

Литература и источники

1. Балдин, К.В. Антикризисное управление: учебное пособие. – М., 2005.
2. Королько, В.Г. Основы публичных речей. – М., 2000.
3. Синяева, И.М. Публичная речь в коммерческой деятельности. – М., 2003.
4. Чумиков, А.Н. Связи с общественностью. – М., 2003.
5. Чумиков, А.Н. Связи с общественностью: Теория и практика / А.Н. Чумиков, П.П. Бочаров. – М., 2004

CULTURAL PRACTICES OF MARITAL STATUS INDICATION: DIFFICULTIES OF INTERPRETATION

Kireichuk E. Y. (Минск, Беларусь)

The indication of the marital status as an aspect of a person's social status deserves close attention in the context of social-cultural connotations of the Western world. A person's social status as social recognition in the form of positive or negative privileges relates to a number of central categories of sociolinguistics and is regarded in the role, dynamic, normative, distance, etc. planes.

The role plane of the social status is understood as a stable behavioral pattern involving a person's actions, ideas and feelings and defined by their social position and the expectations of the society.

The dynamic plane of the social status is connected with revision of public

norms and rules of behavior, destruction of traditional social values and stereotypes causing an indispensability to reconsider differentiations of various status nuances, reflections of variability of status signs, their strengthening or neutralization. Today indication of a life style in an English-speaking society is regulated by considerations of political correctness, i.e. is constructed so that people of various life styles and statuses should not feel restrained. The socially marked indexes change quickly and essentially to demonstrate respect for practically any status. Respect for people of any status as a universal norm of public behavior provides social stability and helps prevent role conflicts.

The normative (evaluative) plane of the status is reflected in the concepts of privilege, prestige, and respect. A specific behavior pattern, the amount of rights and duties defining an individual's position on the social ladder are inherent in all statuses nominations. A prestigious position provides a positive role model in a social group. Privileges are understood as special rights that bearers of less prestigious statuses do not possess. Respect is based on the concepts of dignity, shame, honor, dishonor, and defined by many socially-bound characteristics, including blood relation or marriage. Correct speech behavior requires compliance with the norms of politeness and demonstration of respect and approval of another person's high position.

Besides, people's subjective judgment of their own status discloses its distance plane. Considering the present-day variety of socially accepted life styles, subjective judgment of the status contributes to a special connotative saturation of words expressing values of the society and family values in particular. Image-making and image-saving strategies presuppose the use of deference entitlements i.e. politically correct euphemisms with positive emotive-evaluative coloring for characterization and self-characterization.

At present, due to the liberal society's tolerant attitude to various life styles, marital status indication bears an ever-greater social-cultural message and is diversely presented in speech. Actual demands of communication lead to reinterpretation of traditionally accepted forms and a search for new ways of role model designation in order to minimize cognitive and behavioral uncertainty concerning the interlocutors' concepts and intentions and unpredictability of their behavior in a situation of communication. Apparently, in speech such brief traditional marital status definitions as *married*, *widowed*, *divorced* no longer contribute to mutual understanding since they unambiguously apply to definite socially-fixed norms and do not provide the necessary semantic variability.

Under the social-cultural standards of the English-speaking society, there appears a tendency to nominate an individual's marital status according to the model «categorical concept + typical attributes», in which the exhaustive amount of signs is represented as a string of attributes [1, 121]. Thus, the stable (intentional) and the variable (implicational) part of the semantic meaning are allocated, a hierarchic sequence of the concept's semantic signs is established, and associative links are activated. This principle was metaphorically described by J. Argyle as «wrap yourself in something long» [1, 121].

Designations of the marital status given below have such wide use that they

were included in the USA's 2010 population census questionnaires as options-formulations for self-determination, and may, in our humble opinion, be of interest for linguistic analysis of the legally concluded marital status and its functional or emotional equivalents in the English-speaking society [2].

<i>Family status</i>	<i>Matrimonial status</i>
living in a domestic partnership	life partner
living in a civil union	civil union partner
living with a legally-married spouse	committed partner
living in a registered domestic partnership / civil union	committed life partner
living with a partner - no legal recognition	unmarried partner
living apart from the married spouse / registered partner	domestic partner
common-law marriage	partner who lives in this household
legally sanctioned union	same-sex partner
«marriage-like» commitment / situation	friend
domestic partnership agreement	boyfriend / girlfriend / genderfriend
unmarried partnership	significant other
cohabiting relationship	better half
opposite-sex partnership / relationship / cohabitation	mate
same-sex partnership / relationship / cohabitation	housemate
concubinage	roommate
not currently in a cohabiting relationship	pal
now married	spouse
never married	spouse equivalent
	potential spouse
	fiancé

In the Russian-speaking culture, marital status indication has not yet acquired such subtlety. On the one hand, the range of status nominations is certainly growing, which is possible to trace, for instance, in the social networks where the traditional statuses *married*, *single*, *divorced* are used alongside with such conventional statuses as *in active/passive search*, *have girlfriend*, *dating*, etc. On the other hand, variability of marital status designations in Russian is still much lower than in English, as in our culture the normative recognition of alternative marital statuses has not yet become a sharp political necessity.

There arise difficulties while translating the whole spectrum of marital status nominations existing in the English language. It is evident that definitions combining the categorial concept (partner, relation, etc.) with various attributes and aiming at the expression of respect for any person's life choices, despite the simplicity of formulation, rarely find adequate expression in Russian. For example, if a *life partner* may be politely translated as *спутник жизни*, then to translate a *domestic partner* as *сожитель* would be wrong. In Russian, the word has negative, derogatory connotations, while communication requires a nomination with positive emotive coloring. Such deficiency of analogies is acutely felt in communicative situations when political correctness does not allow negativist evaluative judgements of people whose way of life differs from the standard, for example, marginalized representatives of the lower social strata or substance

abusers. Thus, the humanitarian program *Home is where the Heart is* under the auspices of ICDI, the Netherlands, in Belarus (2013) offered questionnaires for alcoholized parents to define their objectives and priorities. In the section *Partner*, the following options were offered to respondents: I want to find a good partner / have no fights with my partner / motivate my partner to get help for their drinking problem / communicate better with my partner / agree with my partner on the division of tasks / leave my abusing partner. This may be translated as follows: Я хочу найти хорошего партнера / не ссориться со своим партнером / мотивировать моего партнера обратиться за помощью в решении проблемы с алкоголем / лучше общаться с партнером / договориться со своим партнером о разделении обязанностей / бросить злоупотребляющего алкоголем партнера. Apparently, the neutral politically correct word *partner*, which in the English language applies to many models of family relationships and is meant for showing deference irrespective of their legal recognition, sounds rather strange in Russian as most often it is used in combination with the word *sex* thus expressing misleading connotations.

The given examples of a problematic correlation of status-bound concepts in translation are very typical. Updating normative and functional parameters of the social status in the system of values and cultural standards of both English-speaking and Russian-speaking society require adequate translation of lexical units of such a meaningful semantic field as marriage and family relationships and their complex linguistic and extra-linguistic (political, evaluative-normative, psychological) characteristics should be studied by sociolinguistics and adjacent areas of science.

Bibliography

1. Leech, G.N. *Semantics* – Harmondsworth: Penguin, 1974.
2. Bates, N. *Classifying relationship and marital status* [Electronic resource] / Research report series (Survey Methodology #2012–01); Center for Survey Measurement U.S. Census Bureau Washington, D.C. 20233. – Mode of access: <http://www.census.gov/srd/papers/pdf/rsm2012-01.pdf>.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО СОЦИУМА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Максименюк М. Ю. (Запорожье, Украина)

Современные этнополитические и этнокультурные тенденции вызывают постоянные изменения в понимании и исследовании сущности и характера национальных процессов и отношений. Этничность продолжает оставаться существенной характеристикой современного общества, какой бы социум мы не рассматривали. Этнический фактор продолжает играть значительную роль и в условиях глобализации, невзирая ни на какие факты

его послабления. Социально-философский дискурс полиэтнического социума представляет собой вербально артикулированную форму объективации содержания полиэтнического социума как сложного социального феномена, который регулируется некоторым типом рациональности и доминирует в той или иной социокультурно-антропологической традиции [1, с. 37–48].

В то же время полиэтничный социум предстает как соглашение в пространстве правил поведения людей, которые в социуме осуществляют свои социальные практики, артикулируя свою этнонациональную и региональную идентичность, менталитет. В контексте социально-философского дискурса полиэтничный социум выступает как система когнитивных и ценностных значений, которые есть основой этнонациональной культуры общества, а также охватывает основные формы коммуникативной активности нации, ее рефлексии относительно национального мира и роли в ней отдельного человека, а также этнических и региональных общностей. Социально-философский дискурс полиэтнического социума учитывает также особенности языка, который выступает в качестве символов национальных идентичностей, позиций и статусов, языковой контроль которых осуществляется при помощи некоторых форм и символов.

Доминантной тенденцией анализа социально-философского дискурса этнонациональных отношений и процессов во второй половине XX столетия выступает тенденция интеграции разных аспектов дискурса. Теория дискурса вбирает в себя философию, семиотику, лингвистику в современных версиях социологии знания, когнитивной антропологии, этноконфликтологии, которые исследуют полиэтничный социум с различных точек зрения. М. Фуко исследует следующие типы возможных трансформаций предмета исследования как объекта социально-философского дискурса: 1) деривации (внутренне дискурсивные зависимости), то есть трансформации, связанные с адаптацией или исключением тех или иных понятий к информационному обществу; 2) мутации (междискурсивные зависимости), то есть трансформация позиций субъекта, языка или соответствующей предметности; 3) редистрибуции (или внедискурсивные трансформации), то есть внешние по отношению к дискурсу, но не индифферентные по отношению к его эволюции социокультурные процессы.

По нашему мнению, в современных условиях социум следует рассматривать как особенную социо-антропологическую реальность, которая включает в себя социальные связи и взаимоотношения, социальные действия, взаимодействия и отношения, отдельных личностей и их разнообразные объединения, социальные институты и организации, культуру, социальные ценности и нормы, социальное регулирование, адаптацию к условиям информационного общества и глобализации, потому что он служит существенной чертой социокультурного взаимодействия. Социально-философский дискурс полиэтнического социума представляет собой тип социума информационного общества, который описывает качественное своеобразие общества, его законы, социальные идеалы, генезис и развитие,

судьбы и перспективы, логику социальных процессов и адаптацию к новому типу информационного социума.

Доминантной характеристикой этнонационального социума как совокупности социально-культурных идей и ценностей есть установление ориентиров человеческой деятельности, в основе которых этническая культура как система ценностно-культурных традиций, которая базируется на этнических маркерах, осознается как атрибут людей в условиях информатизации и глобализации. Полиэтнический социум как социальный и культурный феномен, который развивается в условиях информационного общества и глобализации, рождает множество коллизий, рожденных миграционными процессами, нового этапа распространения Интернет в глобальном социуме, возникновением глобального гражданского общества.

Глобальный мир есть действительно глобальным в понимании объективной взаимозависимости народов, формирования транснациональных измерений и пространств, переплетения их историй, влияния внешних (экзогенных) факторов на национальное и культурное развитие народов, постепенного формирования полиэтнического пространства. Именно глобализация глубоко влияет на развитие процесса развития полиэтнического социума, который охватывает все сферы жизни человека и общества, человека и природы, человека и человека, социума, который состоит из разнообразных общностей, которые действуют в рамках единого этнонационального организма.

Основные процессы в полиэтническом социуме развиваются на различных уровнях: локальном, региональном, национальном, субнациональном, глобальном. Полиэтнический социум связан с многообразными процессами, которые возникают в условиях информационного общества и глобализации: миграционными процессами, глобализацией экономики и культуры, возникновением глобального гражданского общества, детерминированных многообразием культур, глобализацией экономики и культуры, которые определяются экономическими, культурными, информационными, языковыми, этнокультурными, религиозными и другими тенденциями. Полиэтнический социум связан с разными отличиями – этнокультурными, этническими, религиозными, языковыми, природно-историческими, географическими, антропологическими, которые влияют на разные сферы существования человека в условиях информационного общества и глобализации.

Полиэтнический социум как социальный и культурный феномен служит основой формирования ценностных ориентаций в условиях информационного общества и глобализации, проявляется в культурном разнообразии информации, потреблении массовой продукции, формировании геокультурных ареалов определенного типа социума. Чем более устойчивой есть та или иная культура полиэтнического социума, тем она становится более способной ассимилировать то, что есть для нее полезной, так как у более развитых культур более развиты и защитные механизмы. В высокоразвитых социумах полиэтнический социум сегментируется, отличия

приобретают большее разнообразие, увеличиваются возможности в выборе культурной самоидентификации и самореализации личности. Полиэтнический социум приобретает характер транзитивности, который сегодня имеет много рисков, вызовов современности, вызовов глобализации и информационному обществу, так как не все имеют доступ к его ценностям. Характерными для него есть: 1) региональный плюрализм; 2) культурный плюрализм; 3) религиозный плюрализм.

Социумы стали настолько многообразными, что для них характерно, с одной стороны, наличие многообразных культурных ценностей, а, с другой – формирование глобальной культуры и глобального гражданского общества. В последнее время возник термин «мегакультура», которая развивается в контексте великих культурных ареалов на основе общих ценностных ориентаций, в которых проявляются тенденции – культурной поляризации, культурной ассимиляции, культурной изоляции, культурной гибридизации, что свидетельствует о наличии разнообразных культурных ценностей информационного общества и глобализации.

Литература и источники

1. Voronkova, V. Humanistic Management in the Context of Philosophic Anthropology: Human Dimension / V. Voronkova, M. Maksimenyuk, V. Nikitenko // Intellectual Archive. – Vol. 5, No. 1, January 2016. – P. 37–48.

СОБЫТИЙНОСТЬ КАК ЗНАЧИМАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОСТИ

Малмыгин А. С. (Минск, Беларусь)

Социокультурная динамика развития мировых цивилизаций отличается многовариантностью, альтернативностью, нелинейностью, а также существенной глубиной и масштабом происходящих перемен. В ходе такого многопланового и сложного развития многие глобальные, региональные и локальные общественные процессы одновременно характеризуются как постоянными и незначительными социальными изменениями, так и важными социальными изменениями, и особенно значимыми социальными событиями, существенно меняющими жизнедеятельность социальных субъектов и развитие общества. Именно социальные события являются теми феноменами, которые обуславливают существенный динамизм, возрастающую скорость, а также социальные перемены и системные преобразования в современных обществах. В связи с этим полагаем, что именно в контексте динамики современности событийность выступает важнейшей чертой и динамизирующим фактором глобального социального развития. В самом общем плане событийность проявляется в том, что в социальной жизни всегда происходит что-то значимое для отдельных социальных субъектов, социальных групп или для общества и цивилизации. Значимость исследования событийности заключается, во-первых, в том, что данное

качество социальной жизни является важным и необходимым, закономерным и неотъемлемым условием развития всех сложных форм общественной жизни, включая общество и цивилизацию. Данное обстоятельство отмечают такие известные философы и социологи как М. Фуко, Ж. Делез, Дж.Г. Мид, П. Штомпка и другие известные мыслители современности. Во-вторых, важность изучения событийности детерминирована и тем, что составляющие событийности значимые социальные события, происходящие в больших динамических социальных системах, затрагивают сферу политических, экономических отношений, а также культуру и существенным образом преобразуя их и всю жизнь общества. Событийность, таким образом, является неотъемлемым качеством социальной жизни: в процессе развития любого общества и цивилизации всегда происходят значимые социальные события, а их эволюция пронизана событийностью. Данный факт можно объяснить с точки зрения системного подхода. Так, исходя из его основных положений и принципов, общественная жизнь представляет динамическую социальную систему, состоящую из открытых, *постоянно взаимодействующих* между собой и взаимовлияющих друг на друга структурно-функциональных элементов, претерпевающих постоянные социальные изменения и развитие. Например, в контексте данного подхода, известный польский социолог П. Штомпка выдвигает и обосновывает положение, согласно которому событийность является необходимой характеристикой жизни социума и закономерным фактором его изменений во времени. Он полагает, что событийность связана с взаимодействием социальных структур и социальных субъектов, в результате которого возникают социальные события [1, с. 273]. Следовательно, истоки событийности обнаруживают себя в том, что социальная жизнь никогда не стоит на месте: общество постоянно изменяется и развивается, что обусловлено непрерывной жизнедеятельностью и взаимодействиями социальных субъектов. Именно процессы социального взаимодействия, являющиеся основой социальной жизни, лежат в основе, в том числе и событийности, в основе появления значимых социальных событий как уникальных и архисложных феноменов проявления социальной жизни.

В современном мире отчетливо наблюдается устойчивая тенденция появления различных процессов и изменений, свидетельствующих о генезисе новых значимых социальных событий, обуславливающих существенные социально-политические, социально-экономические и социокультурные перемены в различных регионах планеты. Можно констатировать, что в Северной Африке, Ближнем Востоке, Юго-Восточной Азии и Европе формируются «точки событийности», в которых зарождается генезис новых социальных событий. Этот факт позволяет сделать вывод, что *в современном мире происходящие социальные события в значительной степени оказывают влияние на большинство социальных субъектов, государств, народов*. В качестве субъектов формирующих новые «центры событийности» и развивающие новые социальные события на мировом уровне, в первую очередь, выступают значимые субъекты международных отношений –

государства. Именно их социальные взаимодействия и контакты, особенности и характер складывающихся между ними социальных отношений во многом определяют появление позитивных или деструктивных последствий для жизнедеятельности различных социальных субъектов и развитие тех или иных обществ и цивилизаций. Очевидно, что в современном мире такое взаимодействие осуществляется в условиях постоянной событийности, регулярном появлении и действии новых факторов, влияющих на социальные и культурные отношения государств и социальных субъектов. Данное обстоятельство требует осуществления постоянного мониторинга социальной ситуации, в которой происходит социальное взаимодействие, учет, исследование и понимание значимости всех составляющих её факторов.

Итак, исходя из вышеизложенных тезисов, можно сделать вывод, что событийность социокультурной динамики является важной чертой современности. Составляющие её социальные события происходят во всех без исключения обществах, обуславливая изменения во всех сферах социальных взаимодействий, являются факторами, влияющими и определяющими отношения людей друг к другу и их общение между собой.

Литература и источники

1. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНТУИЦИИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА

Маслова А. В. (Москва, Россия)

Становление европейского рационализма характеризуется сменой способов мышления: от образно-символического к дискурсивному [6, с. 38–55]. Учитывая такую эволюцию мышления, отметим, что внерациональные формы познания не пропадают, а лишь трансформируются, обретая свое новое предназначение в пространстве рациональности. Более того, сложная взаимосвязь образно-символического и дискурсивного мышления оказывает влияние на становление европейского рационализма.

Важно определить не только роль интуиции относительно рациональных методов познания, но и контекст, который можно характеризовать как *антропологическое пространство*, в котором сформировалось представление об интуиции. Это три различных способа существования, которые соотносятся с тремя эпохами [1, с. 65–74]. В данном докладе будут рассмотрены две эпохи, которые поляризуются в отношении определения роли рационального и внерационального. Это эпоха Древней Греции и эпоха Нового времени с характерными для них способами познания мира.

Нужно сказать, что понятие интуиции восходит к латинскому слову *intueri* – пристально, внимательно смотреть. Очевидно, что здесь интуиция ассоциируется с функцией зрения, которая будет определять основное свойство разума. Например, в представлении о познании в философии Декарта. Он соотносил разум и свет, который помогает ясно и отчетливо увидеть суть вещей.

Однако попытки обозначить роль и функцию интуиции как внерациональной формы познания и мышления начались задолго до появления этого термина на латыни. Так, в философии Древней Греции существовало представление о даймонионе (*δαίμωνιον*), который направлял и оберегал Сократа от каких-либо поступков, указывая ему как не надо поступать. Также внимание уделялось исступлению, которое, по Платону, считалось дарителем наивысших благ [3, с. 179.].

Мыслители античности придавали немаловажное значение интуитивному способу получения знания. В частности, обнаруживаются попытки объяснить деятельность такой скрытой формы мышления, как интеллектуальная интуиция, наличие которой постулируется, но еще не получает полного и развернутого обоснования как феномена сознания.

Важно отметить, что способ существования в античности предполагал ориентацию на непосредственное ощущение предмета познания и соответствующее отношение субъекта и объекта как объект объектное отношение. Человек понимается как нераздельный с окружающим его миром. Отсюда проистекает холистическое мировосприятие и особое понимание времени, которому свойственно интуитивное непосредственное, целостное восприятие.

В Новое время происходит качественная смена способа существования. Человек понимается как субъект, которому противостоит объект (природа), который должен быть преобразован и изменен. Именно в этом контексте появляется наука, как некий итог долгого становления рациональности, как его высшая точка. Однако образно-символическое мышление не исчезает, но оно перестает быть доминирующим. Роль его состоит в сопровождении на разных этапах процесса познания, в частности, научного познания. На фоне все большей рационализации мышления, интеллектуальная интуиция приобретает статус способа получения достоверного знания.

Интеллектуальная интуиция становится четко сформулированной как способность непосредственно усматривать истины мира. Этот подход был развит в рационалистической философской традиции (Декарт, Спиноза), в русле которой признавалось наличие врожденных идей, которые нужно было обнаружить внутренним взором, тем самым интуиция не понималась как творческая способность создания новых смыслов и идей. Поэтому интеллектуальная интуиция в русле рационалистической традиции отличается от научной интуиции, которая проявляется в научном познании как продуктивная, творческая способность создавать новое, открывать новое знание на основе уже имеющегося.

Примат дискурсивного, логического, рационального мышления над

образным, мифологическим, где преимущественно задействованы внерациональные механизмы познания, приводит к появлению классического типа рациональности, который устанавливает жесткие методологические рамки, определяющие процесс научного познания, что способствует представлению о внерациональных способах познания как неэффективных.

Однако в современной эпистемологии процесс научного познания понимается шире, ему придается статус постнеклассической [4, с. 6–28], «открытой» [5] или гибкой рациональности [2, с. 32–45]. Этот новый подход к научному познанию включает рассмотрение внерациональных форм мышления и придает им должное значение, и они рассматриваются как эффективные в процессе индивидуального научного творчества. Так достигается более целостное представление о процессе научного познания. Интуиция как феномен приобретает статус научной интуиции, которая встраивается в концепцию европейского рационализма в качестве когнитивной способности, эвристичность которой проявляется тогда, когда уже произошла рационализация мышления, т.е. на уровне научного исследования, сопровождая его на определенных этапах.

Таким образом, интуиция как внерациональная способность мышления раскрывается на разных стадиях становления рациональности. Поэтому важно учитывать контекст рассмотрения, что делает уместным феноменолого-герменевтический подход.

Литература и источники

1. Лызлов, А.В., Аффективность как структурообразующая основа антропологических пространств: философия, психология, психиатрия / А.В. Лызлова, О.Ф. Серавина, О.Б. Ковалевская // Вопросы психологии. – №3. – 2010. – С. 65–74.
2. Масалова, С.И. Гибкая рациональность уплотнения научного знания: когнитивный аспект // Вестник томского государственного университета. – №2(10). – 2010. – С. 32–45.
3. Платон. Федр // Платон. Собр. соч. в четырех томах. Том. 2. – М., 1971.
4. Стёпин, В.С. Исторические типы научной рациональности // Философия, методология и история науки. – 2015. – №1. – С. 6–28.
5. Швырев, В.С. Рациональность как ценность культуры Традиция и современность. – М., 2003.
7. Шульга, Е.Н. Проблема научной рациональности в контексте европейского рационализма // Философия, методология и история науки. – №1. – 2015. – С. 38–55.

INTELLECTUAL PROPERTY LAW AND GLOBALISATION OF TECHNOLOGICAL KNOWLEDGE

Mets Ave (Тарту, Эстония)

The basis of this paper is the clash between traditional and contemporary

scientific technologies induced by the globalising of knowledge and of patent law. The case of the Asian neem tree, comprising multifarious, centuries old traditional technologies, illustrates this clash: its agricultural use as pesticide was patented in a more scientific and slightly improved – stabilised – form in the US. This example provides us two essential aspects of contemporary technology and patent law to be critically analysed: fixation of nature (into artefact; Heidegger, Heisenberg), and fixation of knowledge.

Nature as wilderness meant changing, epistemically elusive things independent of man; nature as the research object of natural science is fixed things that are easy to observe and manipulate. Fixity is meant epistemically, epistemologically and materially. It refers to (1) theoretical and mathematical enframing (encasing); (2) written knowledge – fixed in writing or other information carrying means or medium; (3) the old (Aristotelian) sense of artefacts as things completed due to predetermination, with the additional meaning that the artefacts (like scientific products) are nowadays deemed to pertain to nature, whereas in Antiquity they were believed to be epistemically separate of nature.

This comparison of nature and *techne* has a parallel in society, social practices like law and material technologies. From the point of view of contemporary scientific world view, science-based technology relates to traditional technologies like artefacts (*techne*) relates to nature. Firstly, traditional technologies are carried in social practices (e.g. agriculture), operations, actions performed by ordinary members of the society. Contemporary technology is based on previously mathematically, theoretically and technically fixed knowledge, and oftentimes it requires changing of the circumstances that it is introduced to, instead of reacting to the already existing ones. Secondly, traditional technical knowledge is communicated through its practice as a somewhat tacit knowledge immersed in the social life; science-based technical knowledge is fixed in equations, scientific-technical theories and rules, technical graphs, and legal documents (patents, petty patents). Thirdly traditional technologies evolve – adapt to particular circumstances, react to them, hence are changeable and have no clear-cut boundaries. Contemporary technology is purportedly clearly identifiable in its essence, which, *inter alia*, is necessary for legal purposes – relating concrete invention, author and owner.

Due to the differences in traditional and contemporary technologies lined out above, I consider the following philosophical implications of patent law: (a) defining something as (intellectual) property assumes the concept of autonomous creator who is clearly identifiable and independent of the rest of society; (b) two of the requirements to patentability, novelty and non-self-evidence, assume clear boundaries between technological solutions; (c) the legal and cultural enframing of technical creation has potentially untoward effects upon social-cultural practices and world picture (ontology).

(a) and (b) focus on technology as consisting in fixed constellations (invention, author, owner) that in the Western legal-economic situation promotes corporate power and fiscal initiatives: assumedly the explicit description of creator and creation identifies exactly who has monopoly to what, or what part of the

world they have power over. Patent documents convey this determination to the society, to rivals and consumers (c) focusses on the creation and consumption of technical artefacts in societies. The fixity here pertains, firstly, to the spectrum of possible practices, operations, actions to be performed by ordinary members of the society; and secondly to conceptualizing and communication of knowledge. The inherent aggression of patent law and patenting practices in Western countries in recent years appropriates traditional knowledge and blocks the ways it used to be propagated and introduced in societies. This appropriation has been made possible by the non-fixity (in written form) of traditional knowledge and the prerequisite of such fixity by Western (US) patent law for the technology to count as prior art. This forces the practice of fixing knowledge in written scientific form also on other cultures for protecting their intellectual heritage and economic sustainability.

Bibliography

1. Glazebrook, Trish. From φύσις to Nature, τέχνη to Technology: Heidegger on Aristotle, Galileo, and Newton // *The Southern Journal of Philosophy*. – 2000. – 38:1. – P. 95–118.
2. Heisenberg, Werner. The Representation of Nature in Contemporary Physics // *Daedalus*. – 1958. – 87:3. – P. 95–108.
3. Shiva Vandana. Piracy by patent: the case of the neem tree / Vandana Shiva, Holla-Bhar Radha // *The Case Against the Global Economy: And for a Turn Towards Localization*, ed. Edward Goldsmith and Jerry Mander, 2001. – P. 146–159.

ЦЕННОСТНЫЕ ВЕКТОРЫ МОЛОДЁЖИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Павлова А. Т. (Минск, Беларусь)

Изменения, происходящие в политической, экономической, духовных сферах общества в последнее десятилетие, отражаются на формировании структуры ценностей молодого поколения. Человечество вступило в фазу серьезных сдвигов в общественном сознании, неизбежно ведущих к переоценке ценностных ориентиров, к смене нравственных императивов. От того, какими будут ценностные ориентиры нынешней молодежи, от ее мировоззренческих позиций во многом зависит завтрашний день нашей страны. Необходимо разумно использовать потенциал молодежи, так как молодое поколение – это огромная инновационная сила, важный субъект социальных трансформаций. Следует учитывать, что молодежь – это не однородная масса, а представители различных социальных групп, имеющие неодинаковую направленность на образование, различный уровень воспитания и культурной подготовки.

Становление современной молодежи проходит в сложных условиях, когда разрушаются старые ценности, идет формирование новых социальных отношений. Многим молодым людям свойственна растерянность, пессимизм, неверие в настоящее и будущее. Некоторые агрессивно ведут себя по

отношению ко всему новому, все подвергают критике. Одни начинают пьянствовать, употреблять наркотики, другие – выбирают поиск «пути к Богу», вступают в секты, легко доверяют различным мошенникам, объявляющим себя спасителями человечества.

Предмет нашего исследования – формирование общечеловеческих ценностей у студенческой молодежи вузов Беларуси. Мы исходим из того, что формирование ценностных ориентаций у студентов будет успешным, если образовательный процесс строится на основе ценностно-ориентированного подхода к будущей профессиональной деятельности, что обеспечит успешность самореализации молодежи.

Прежде всего, необходимо было выявить состав наиболее распространенных в сознании студенческой молодежи фундаментальных ценностей; составить иерархию этих ценностей в сознании студентов; проследить способность к изменениям ценностного мира современных молодых людей, получающих высшее образование.

Современные студенты – это особая социальная общность, не имеющая реального положения на социальной лестнице, находящаяся в стадии становления. С одной стороны, молодые люди – это в целом сформированные личности, с другой стороны, их ценностные ориентации пока еще неустойчивые, гибкие, легко подвергаются различным влияниям. Небогатый жизненный опыт этой группы, неопределенные представления о нравственно-этических представлениях затрудняют поиск жизненного пути.

Индивидуальные ценности, сформированные в процессе становления человека, это явления коллективные, общественные. Поэтому при характеристике ценностных ориентаций молодежи важно учитывать, в каком коллективе живет молодой человек, в каком виде деятельности он реализует себя, каков диапазон и количество его социальных ролей. Общечеловеческие ценности для многих молодых людей являются лишь потенциальными ценностями, носят для них характер довольно абстрактных идей. Выбор ценностей из «веера возможностей» связан часто с уровнем развития сознания, воспитания, культуры молодых людей, а также тем социальным окружением, в котором они живут и идеалами которого они руководствуются.

Ценности – понятие социальное, это то, что полезно, ценно, ради чего люди живут. Фундаментальные ценности, это те, которые не зависят от сферы жизнедеятельности. Ценность того или иного явления (предмета) возникает только в объективно-субъективном отношении, в процессе оценивающей деятельности субъекта. Ценность – это значение объекта для субъекта, насколько значим тот или иной объект для данного субъекта. Причем в качестве субъекта может выступать не только единичный человек, субъект, но и социальная группа, коллектив, общество в целом. В качестве объектов ценностно-ориентационной деятельности может выступать все многообразие предметов человеческой деятельности, природных явлений. В результате такой деятельности объект приобретает для субъекта определенное социальное значение.

Необходимо учитывать связь системных ценностей молодежи с потребностями того или иного субъекта. Мы исходим из понимания ориентации как целостной системы установок, в свете которых индивид воспринимает ситуацию и выбирает соответствующий образ действий. Ценностными ориентациями называются ориентации, направленные на какие-либо социальные ценности.

В структуре личности ценностные ориентации являются важнейшим компонентом, в них реализуется весь жизненный опыт личности. Все жизненные вопросы решаются с точки зрения этих ценностных ориентаций. Именно установившаяся система жизненных ценностей и характеризует зрелость человека.

Система ценностей каждого человека постоянно развивается, изменяется вместе с изменением социальных условий, сменой общественных ценностных ориентиров. Ценностные ориентации являются конкретизацией мировоззренческих взглядов и в виду этого приобретают функцию регуляторов социального поведения индивидов. По состоянию и направленности развития ценностных ориентаций можно говорить о качественных характеристиках сознания молодежи. Представления о ценностях у молодых людей имеют индивидуально личностную направленность. Часто они связаны с достижением материального положения и высокого социального статуса. Это обеспечивает направленность на получение определенной профессии, карьерный рост. Система ценностей молодежи лежит в основе мотивов поведения. Отсюда различные векторы направленности: гедонизм, стремление к власти, конформность. В системе ценностей наиболее высокий ранг значимости занимают здоровье, любовь, материально обеспеченная жизнь. Наиболее значима для молодежи личная жизнь, любовь, уверенность в себе. Следует отметить ориентацию молодежи на материальные ценности. Это связано с нестабильным состоянием экономики страны. К сожалению, последнее место в иерархии ценностей современной студенческой молодежи занимают такие ценности, как красота природы, счастье других, творчество, общественное признание. В настоящее время заметно активизировалась значимость образования, духовного развития, свободы. Явно заметны трансформационные сдвиги в базовых ценностях по сравнению с концом XX го – началом XXI века. Большая часть молодых людей ориентирована на получение высшего образования, осознают его ценность. Но вузы, не могут принять всех желающих. Многие поступают на платную форму обучения. Сейчас платное обучение очень дорогое, отсюда у молодежи возникает много разочарований. Получив высшее образование, желаемую профессию, молодые люди не всегда могут получить интересную, хорошо оплачиваемую работу, соответствующую тому уровню образования, который они получили, отсюда новые огорчения. Средства массовой информации постоянно навязывают модель красивой, богатой, успешность личности, добившейся всего беспринципной предприимчивостью, модель «жизнеспособной личности», сильной, прагматичной. Поэтому предприимчивость, поиск

нового – более всего ценится современной молодежью. Для многих молодых людей жизнь за границей более привлекательна, они считают, что там больше возможностей состояться профессионально. Можно отметить, что у современной молодежи активизировались процессы вытеснения ценностей духовно-нравственного характера и замещение их материально-прагматическими ценностями. Современная молодежь предпочитает величину оплаты за труд, нежели творческий, содержательный характер работы.

Молодежь поддерживает более жесткие методы управления. Среди молодых людей возросла значимость сильной личности, обладающей сильной харизмой. Именно такая личность, по мнению большинства молодежи, способна вывести страну из кризисного состояния. Демографическая проблема в эпоху глобальных рисков становится очень актуальной. С середины XX века каждое десятилетие мир увеличивается на 50–90 миллионов человек. Как предполагают ученые, к середине XXI века численность человечества увеличится до 9 млрд.

Однако разрабатываются и другие сценарии: сократить уровень человечества до 5 млрд. Предполагается, так называемый «гуманный способ» сокращения численности населения. Среди таких способов – однополые браки. Находится довольно много сторонников подобного рода «гуманности». Но достаточно вспомнить пресловутую теорию Мальтуса. Предлагаемый «гуманный способ» не лучше.

Мы живем в колоссальном информационном потоке. Растет доступ не только к интернету, социальным сетям, но и к оружию. Угроза распространения оружия массового поражения растет, как и терроризм, нестабильность государств. Жизнь становится все сложнее. Растет количество людей, безработных, молодежи. Все это неизбежно повышает социальное напряжение. Теракты совершают молодые экстремисты, зачастую европейски образованные, использующие интернет и западные технологии. Недостаточное внимание к молодому поколению превращает его в мощнейший фактор дестабилизации общества. Изучение ценностных ориентаций молодежи позволяет более эффективно осуществлять социальную поддержку молодежи в процессе ее становления. Знание системы ценностных ориентаций позволяет выявить инновационный потенциал молодого поколения, от которого во многом зависит будущее состояние общества.

ДИНАМИКА ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ*

Петрова Е. В. (Москва, Россия)

.В основе процесса глобализации лежат определенные технологические

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15–03–00034).

изменения. Это, прежде всего, процессы информационной и коммуникационной революции. Нельзя не согласиться с А.В. Назарчуком в том, что эти процессы стали «основой для целого ряда социально-теоретических концепций общества, заставляя переосмыслить отношение к таким фундаментальным понятиям, как пространство, время, действие» [1, с. 207].

В социуме всегда существует независимая от индивида социокультурная система получения, хранения и передачи информации. Эта система как бы «порождает» информационную среду, в которой живет и действует человек, и программирует деятельность взаимодействующих с ней индивидов. Поэтому изменения в этой среде всегда оказывают очень сильное влияние на социум.

Трудно переоценить роль информационной революции в развертывании процессов глобализации во всех сферах: экономической, научно-технической, экологической, социокультурной, в усилении интеграционных тенденций, в формировании и согласованном развитии единого мирового сообщества.

Еще одна важная тенденция современности проявляется в том, что сегодня в развитых странах мира формируется новый, информационный образ жизни людей. Дело в том, что новая информационная среда общества достаточно быстро формирует у людей новые привычки, стереотипы поведения, новые культурные запросы и даже новые ценности. Человечество (по крайней мере, население развитых стран) привыкло пользоваться возможностями, которые дает информационное общество, и не собирается от них отказываться. Однако, нельзя забывать и о том, что новая информационная среда изменяет и самого человека, его стиль жизни и профессиональной деятельности.

Существенной особенностью современных процессов глобализации является устойчивый рост масштабов применения новых информационных технологий в жизни общества. Особая роль в этом процессе принадлежит глобальной сети Интернет, которая давно уже активно используется в качестве «специфического интерактивного средства массовой коммуникации» [2, с. 17].

В информационном обществе происходит изменение характера коммуникации за счет интеграции различных способов коммуникации (письменных, устных, аудиовизуальных) в интерактивные информационные сети. Изменение характера коммуникации, в свою очередь, приводит к изменениям в культуре, рождая новую культуру реальной виртуальности.

Жизнь социума зависит в большей мере от характера средств, за счет которых люди осуществляют коммуникацию, чем от содержания их сообщений. «Азбука и книгопечатание поддерживали и поощряли процесс разъединения, специализации и обособления. Электронная техника питает и поощряет процесс объединения и спутывания. Не зная действия средств коммуникации, невозможно понять общественные и культурные изменения», – пишет «пророк электронной коммуникации» Маршалл Маклюэн [3, с. 341].

Электронная связь отменила незыблемость понятий «времени» и «пространства» и втягивает нас немедленно и постоянно в жизнь и проблемы других людей. Диалог теперь осуществляется в глобальных масштабах. Прежние государственные, гражданские и национальные объединения теряют свою силу.

Обладающий автомобилем, мобильным телефоном, компьютером или ноутбуком с подключением к Интернету, доступом к разветвленным глобальным сетям транспортных и электронных коммуникаций, современный житель планеты приобретает несравнимые с прежними коммуникационные ресурсы. По словам А.В. Назарчука, «во взрыве деловых и околodelовых контактов, заменяющих традиции "долговременной" дружбы, содержится такой количественный рост интенсивности личностной коммуникации, который в целом меняет коммуникативный профиль личности» [1, с. 207]. Современный человек имеет возможность одновременно заключать и поддерживать контакты с десятками и сотнями человек, включая представителей самых разных языков, культур и социальных слоев. Понятно, что это требует от личности совершенно иной степени открытости и коммуникативной компетентности (включая языковые знания), чем это было свойственно человеку традиционного общества, имевшему на протяжении всей жизни дело с определенным набором лиц и функций.

Формирование глобального информационного сообщества является неотъемлемой частью переживаемого в настоящее время всем человечеством процесса глобализации. И информационная революция, и глобализация объективны, их невозможно отменить или остановить. Но, как и в глобализации, в информационной революции, безусловно, существуют не только позитивные, но и негативные тенденции, не только блага, но и угрозы.

В гуманитарной сфере негативные тенденции информационной революции проявляются в долгосрочном плане. Например, опасность для детей и подростков. Многие из них становятся, по сути, придатком к компьютеру, часами просиживая за компьютерными играми или в Интернете, не читая книг и общаясь с виртуальными, а не реальными друзьями. Формируется целое поколение (по крайней мере, значительная его часть), которое становится придатком информационной машины, компьютера, виртуального мира.

Для современного общества, которое все чаще определяется термином «информационное», характерно стремительное развитие информационных и компьютерных технологий, существенно изменяющее практику повседневной жизни людей. Причем если взрослый человек сталкивается с реалиями информационного общества, будучи уже зрелой, сформировавшейся личностью, то с подрастающим поколением дело обстоит по-другому. Ребенок и подросток сегодня существует в другом мире, нежели тот, в котором выросли его родители. Собственно, его формирование как личности происходит в неразрывной связи с формированием самого информационного общества

С одной стороны, как об этом упоминает Г. Чоговадзе, Интернет «дает свободу идентификации: виртуальное имя, виртуальное тело, виртуальный статус, виртуальная психика, виртуальные привычки, виртуальные достоинства и виртуальные пороки» [4, с. 178]. С другой стороны, происходит отчуждение реального тела, статуса и т.д. Интернет трансформирует личность как совокупность индивидуальных качеств и личность как исторический и социокультурный феномен. Активными пользователями Интернета утрачиваются такие атрибуты личности, как неизменная самоидентификация, и неповторимый стиль исполнения социальных ролей («творческая индивидуальность»). Осознают они это или нет, но, как правило, у них формируется размытая или изменчивая идентичность. Общение через Интернет привлекательно своей обезличенностью, а еще более – возможностью самому конструировать образ собственного «Я».

Подводя итоги, можно сказать, что сегодня, буквально на наших глазах, осуществляется наиболее грандиозная в истории цивилизации глобальная информационная революция, результатом которой станет переход на качественно новый уровень развития цивилизации – к глобальному информационному обществу. Анализ показывает, что радикальные изменения, которые окажут наиболее сильное влияние на всю дальнейшую судьбу развития цивилизации, произойдут в гуманитарной сфере. Ведь ее главной движущей силой является сам человек, его мировоззрение, система ценностей, интеллект и образованность, моральные установки и нравственность, которые в условиях глобализации общества могут существенным образом измениться. Поэтому сегодня можно, вслед за К.К. Колиным, вполне обоснованно говорить о том, что «мировое сообщество находится на пороге новой гуманитарной революции, последствия которой необходимо своевременно прогнозировать» [5, с. 325].

Литература и источники

1. Назарчук, А.В. Этика глобализирующегося общества. – М., 2002.
2. Чугунов, А.В., Концепт глобализации и роль информационных технологий (Российский контекст) / А.В. Чугунов, В.А. Ачкасова // Информационное общество – 2001. – № 1. – С. 17–20.
3. Маклюэн, М. Средство само есть содержание // Информационное общество. – М., 2004.
4. Чоговадзе, Г. Информация: информация, общество, человек. – М., 2003.
5. Колин, К.К. Информационная глобализация общества и гуманитарная революция // Глобализация: синергетический подход. – М., 2002.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Писарчик А. С. (Минск, Беларусь)

Развитие глобального информационно-коммуникационного пространства, основанное на процессах экономической, социальной и технологической интеграции, является одним из факторов формирования глобальной социальности. Глобальная социальность как умозраительный результат процесса глобализации предполагает наличие универсальных норм и целей мирового развития. Однако активные попытки мирового сообщества по формированию мирового единства сегодня приводят к такому же активному сопротивлению со стороны различных локальных, национальных и региональных субъектов. Это связано, в первую очередь, с тем, что мировые процессы направлены преимущественно на распространение транснациональной рыночной экономики и соответствующей социально-политической организации. Невозможность достижения одинакового уровня развития стран и регионов в условиях распространения капиталистической модели экономического развития, а также расширяющаяся унификация мирового пространства, приводящая к социальной и культурной ресоциализации, являются теми последствиями глобализационных процессов, которые вызывают наибольшее сопротивление.

Глобализация как процесс, затрагивающий все мировое сообщество, естественным образом связан с защитой интересов различных субъектов, способных оказывать влияние на течение этого процесса. Определяющая роль информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в современном обществе делают воздействие на информационную сферу наиболее эффективным способом продвижения социально-политических проектов мирового устройства. Организация дискурсивного контроля становится основой для формирования и функционирования различных представлений о сущности глобализации и способом защиты интересов субъектов мирового сообщества.

Целенаправленная активность в информационно-коммуникационном пространстве представляет собой процесс построения мира через создание его модельных представлений. Дискурс, как языковая практика, направлен на социальную ориентацию и организацию общества, и в качестве своего результата предполагает социальный (трансформация ментальной и социальной организации индивида, группы, социума в целом) и информационный след (текст как совокупность знаков). Он является основой для существования таких форм массового сознания, как социальная мифология, идеология, наука. Дискурс всегда социально опосредован и связан с доминирующими коллективными представлениями и идентичностями.

Большинство современных коммуникационных практик направлено на трансформацию идеологических и политических дискурсов в массовом

сознании, подчиняя индивидуальные и коллективные представления (фреймы) определенной культурной парадигмы. Следовательно, *дискурсивный контроль* – это способ функционирования социальной власти в информационно-коммуникационной среде, цель которого – формирование определенного представления о социальной реальности, а через нее – контроль за соблюдением доминирующей социально-культурной парадигмы.

Основными функциями дискурсивного контроля являются:

- интерпретация действительности;
- формирование общественного мнения;
- производство и закрепление социальных норм;
- трансформация ментальной сферы индивида и социальных групп;
- распределение социальной власти.

Функционирование дискурсивного контроля основано на доминировании в сфере *коммуникативной инициативы*, означающая способность управлять коммуникационным процессом в соответствии с собственными целями. Коммуникативная инициатива предписывает выбор темы, определяет способы и пути ее развития, устанавливает нормы ведения коммуникационного процесса [1, с. 215]. В глобальном информационно-коммуникационном пространстве коммуникативная инициатива связана с формированием мировой повестки дня. Субъекты мирового сообщества, обладающие наибольшим политическим и информационным потенциалом, способны устанавливать императивные нормы восприятия глобализации, устанавливать цели и задачи мирового развития. В конечном итоге деятельность в глобальном информационно-коммуникационном пространстве направлена на формирование унифицированной идентичности на основе универсального проекта мирового развития.

Современное информационно-коммуникационное пространство, несмотря на длительное англо-американское культурное доминирование, имеет сложную структуру, включающую множество универсалистских (или представляемых в качестве таковых) дискурсов глобализации. Коммуникационный потенциал ИКТ стал предпосылкой распространения сетевой организации общества, в которой отдельные субъекты, независимо от степени институализации и ресурсного потенциала, способны оказывать влияние на информационную сферу. Как следствие, сегодня можно говорить о фрагментации массового сознания на основе различных ценностных систем. Можно выделить доминирующий западный дискурс, который направлен на обслуживание системы транснациональной рыночной экономики, региональные и локальные дискурсы, выступающие за сохранение национальной либо этнокультурной идентичности и самостоятельности в определении вектора развития.

В связи с тем, что основу дискурсивного контроля составляет наличие (либо ее констатация) общей идентичности, дискурсивный контроль использует коммуникативный процесс для создания общего нарратива, который можно определить как причастность к общей истории, религии, современности, прогрессу или иному объединяющему фактору.

Продолжительность неолиберальной западной гегемонии связана с тем, что это единственный глобальный дискурс, ассоциирующийся с современностью и прогрессом. Ж. Деррида отмечает, что западная культурно-языковая гегемония предстает как интегрирующая гомогенизация, условие доступа к экономическому и социальному прогрессу для всех сообществ [3, с. 128]. Иные культуры оцениваются с точки зрения их способности вписаться в современные процессы. Как следствие, локальные и национальные сообщества стремятся сохранить собственную идентичность в качестве нормативной и ценностной основы существования, формируя на ее основе собственные дискурсы.

В то же время сегодня появляются новые дискурсы, основанные на категорическом неприятии современных процессов и распространяемые различными радикальными и террористическими группировками. Их основой становится «*маргинальная*» идентичность, базирующаяся либо на реальном социально-экономическом положении субъекта, либо на психологическом восприятии этого положения. Распространению данной идентичности способствует оценка современного этапа мирового развития как кризисного, в котором все больше общностей и индивидов оказываются не способными «вписаться» в изменяющийся социальный порядок. «Маргинальная» идентичность компенсирует отсутствие принадлежности к общности и причастности к современным процессам. Как следствие, данные дискурсы находят все больше приверженцев в мире, независимо от этнокультурной, национальной либо цивилизационной идентичности. Формирование подобных дискурсов представляет серьезную угрозу для современного мира, т.к. деятельность субъектов, их распространяющих, направлена на насильственное перераспределение ресурсов и мобилизацию политической поддержки в глобальном масштабе. Так, оценивая деятельность группировки Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), король Иордании Абдалла II заявил, что взгляды и деятельность ее представителей угрожает основам самой исламской религии, на которой базируется их дискурс [2].

В связи с этим, задачей современных процессов становится формирование *глобальной мировоззренческой парадигмы*. У. Бек указывает на необходимость становления космополитической идентичности, которая ликвидирует противопоставление между «мы» и «они» и создаст общее материальное и ценностно-культурное пространство [3, с. 35]. Фундаментом для такой идентичности могут стать общечеловеческие ценности, как «квинтэссенция морально-нравственных аксиом», возникающих из основных потребностей и интересов человека [4, с. 41]. Как отмечает А. Безгоднов, общечеловеческие ценности, несмотря на попытки их отрицания с радикально-консервативных позиций, играют важнейшую роль в качестве «миротворческого» ресурса при взаимодействии культур [4, с. 41]. В условиях функционирования дискурсивного контроля, который легитимирует отдельные проекты мирового развития в качестве нормативных, сотрудничество всего мирового сообщества в определении

вектора мирового развития, не допускающего политической, экономической либо культурно-цивилизационной гегемонии, является фактором преодоления кризисности современных мировых процессов.

Литература и источники

1. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса. – М., 2003.
2. Деррида, Ж. Глобализация, мир и космополитизм // Космополис. – 2004. – № 2 (8). – С. 125–140.
3. Король Иордании о беженцах, ИГИЛ и о роли России в решении сирийского вопроса /euronews, Глобальный диалог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2015/11/11/exclusive-king-abdullah-ii-on-syrian-refugees-in-jordan-and-the-islamic-state>.
4. Beck, U. Power in the Global Age: A New Global Political Economy. – Frankfurt, 2005.
5. Безгоднов, А. Планетарный проект: от устойчивого развития к управляемой гармонии. – СПб, 2016.

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Помигуева Е. А. (Ростов-на-Дону, Россия)

Сегодня, в условиях глобализации, воспитание толерантной личности становится первостепенной задачей современного, стремительно развивающегося многонационального, полирелигиозного общества. «Толерантная личность – это человек, уверенный в себе, способный разобраться в своих достоинствах и недостатках, способный на разумное самоограничение, отвечающий за свои поступки и не перекладывающий ответственности на других, комфортно чувствующий себя в окружающей среде, понимающий других людей, всегда склонный прийти на помощь, с доброжелательным отношением к иным культурам, взглядам и традициям, использующий позитивную лексику в любых сферах» [4, с. 210].

Безусловно, формирование толерантности начинается с юных лет, затем свой вклад вносят школа и вузы, где помимо сведений в конкретной области, молодежь получает целый багаж знаний о смысле жизни, о ценностях общества, где даются нравственные установки и, наконец, где молодые люди самоопределяются, пытаются найти свое место в жизни, в социокультурном, профессиональном, этническом, политическом, конфессиональном пространстве.

Особое значение в воспитании личности, в том числе и толерантной, принадлежит средствам массовой информации. На сегодняшний день неограниченный доступ молодежи к сети Интернет, а также неуправляемый поток информации в печатных изданиях и на телевидении могут закладывать основы и позитивного, и негативного отношения к некоторым моментам повседневной жизни.

Сейчас СМИ говорят о развитии демократического общества, о подъеме национального самосознания, которое иногда, к сожалению, приводит к этнической изоляции, часто переходящей к национальной нетерпимости. В последнее время зачастую в телевизионном эфире, в радиоэфире, на страницах газет и журналов мы встречаем информацию о националистическом терроре, хулиганских стычках, побоях, смертоубийствах. Используя неприязненное отношение к людям других национальностей, спекулируя религиозными чувствами, шовинисты говорят о том, что большинство неприятностей и неудобств в нашей жизни случаются по вине мигрантов, тем самым способствуют разжиганию межнациональной розни. В результате чего у современной молодежи формируется неодобрительная, нетерпимая позиция по отношению к другим народам.

Это касается и видеороликов, транслируемых в социальных сетях, значительная часть которых (остальная часть приходится на ролики социальной рекламы) несет негативную оценку этнической толерантности, а ведь именно в социальных сетях молодежь проводит больше всего времени, отсюда черпает значительную часть информации. Кроме того, в сети Интернет популярны комиксы негативного содержания про таких персонажей, как «Мистер Толераст» и «Капитан Толерантность». Да и словоформы «толераст», «толерастия», популярные в среде неравнодушных пользователей свидетельствуют о презрительном отношении к обладающим этим свойством людям [2, с. 331–333].

Нужно сказать, что проблема толерантности достаточно злободневна в социальных сетях, причем большей популярностью она пользуется в социальной сети «ВКонтакте» (для сравнения, «Одноклассники» – 48 групп и объединений единомышленников, включающих слово «толерантность», «Twitter» – около 40, «ВКонтакте» – более тысячи). Причем, как известно, этой социальной сетью пользуется преимущественно молодые люди в возрасте до тридцати лет, еще не имеющие достаточно жизненного опыта, легко внушаемые и управляемые.

Около 70% таких объединений дают позитивную оценку толерантности, предлагают различные конкурсы видеороликов, рисунков, пропагандирующих уважительное отношение к «другим», в том числе это и различные государственные проекты популяризации толерантности: «СОЦветие», «КАВКАЗОРОССИЯНЕ ЗА ТОЛЕРАНТНОСТЬ», «ПРОЕКТ–Толерантность», «Толерантность начинается с улыбки». Есть и те, кто пытается разобраться в данном вопросе, анализируя плюсы и минусы явления: «Толерантность – провокация или необходимость?», «Ксенофобия и толерантность», «Толерантность – а что думаешь ты?» «Толерантность: пассивная терпимость или активная созидательная позиция?». В большинстве своем они представляют собой дискуссионные клубы, круглые столы, различного рода семинары.

Тем не менее, существует немало групп численностью до двух тысяч человек с шовинистскими настроениями: «Анти-толерантность»,

«Толерантность – зло», «Вы больны толерантностью, а я здоров национализмом», «Толерантность – это болезнь» и т.д.

Как видим, на сегодняшний день проблема воспитания толерантности у молодежи является одной из ключевых проблем, требующих решения, как на уровне каждой семьи, так и на государственном уровне. Решению этой проблемы могут способствовать: изменение и нормирование информационного потока в СМИ, корректирование мировоззрения молодежи путем проведения грамотно организованной воспитательной и общественно-государственной подготовки, проведение спортивно-массовых и культурно-досуговых мероприятий с привлечением представителей разных национальностей, подведение подрастающего поколения к установке, ориентированной на межкультурное общение, уважительное и бережное отношение к историческому наследию, культурным традициям России и мировой культуры в целом, восприятие социальных и культурных различий, поведение в обыденной жизни в соответствии с требованиями, предъявляемыми обществом к культурной, развитой толерантной личности [3, с. 1695–1697].

Литература и источники

1. Артюхович, Ю.В. Обучение толерантности: аксиологический подход // Культура мира на современном этапе: материалы Республиканской научно-практической конференции. – Уфа, 2011. – С. 63–70.
2. Выгинная, Е.А. Социальные сети как индикатор представлений молодежи о толерантности // Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований: сборник научных статей. – Ярославль, 2011.
3. Помигуева, Е.А. «Воспитание межкультурной толерантности как условие профилактики экстремизма в студенческой среде» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 12– 9.
4. Помигуева, Е.А. Формирование толерантной личности в условиях глобализации // Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация: теория и практика: Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции, – Таганрог, 2015.

СЕТЕВОЙ НАРЦИССИЗМ КАК КУЛЬТУРНАЯ НОРМА XXI ВЕКА

Романюк О. В. (Киев, Украина)

Быстрое распространение IT-технологий, их доступная цена, лёгкое освоение молодёжью, зарождение и динамика развития виртуальной культуры – все это актуализирует исследования влияния этих процессов на человека. Возникает закономерный вопрос – здоров ли человек, публично демонстрирующий тысячи и тысячи снимков частей своего тела? Или, если таких людей не тысячи, а миллионы и они расселены по всей планете – может такое поведение является нормой культуры современной человеческой цивилизации?

В своей работе мы опирались на исследования, проводимые в направлении изучения как нарциссизма в целом, так и сетевого нарциссизма. Сетевой нарциссизм в научной дискуссии представлен недостаточно: вторичный нарциссизм – В.П. Андрущенко; влияние социальных сетей на развитие личности – Х.Д. Буй, Д.С. Иващенко; человек *virtus* в пространстве и времени виртуальной реальности – Т.В. Лугуценко; антропологическое измерению виртуальной реальности – А.Н. Горячкова и др. Уже сегодня существуют государства, где нарциссизм больше не считается болезнью (например, США).

Пристальное внимание к особенностям и отличительным признакам сетевого нарциссизма позволяет определить его противоречивую природу. Среди противоречивых особенностей сетевого нарциссизма мы выделим в этом исследовании следующие:

1. В сети нарциссизм перестаёт носить личностный характер:

- обособленность заменяется взаимодействием;
- одиночество сменяется коллективом;
- индивидуализм – подражанием поведению известных людей.

2. Индивидуальный выбор нарцисса в сети заменяется коллективным выбором и одновременно количество выборов уменьшается (как все – так и я), а выбор сетевого нарцисса легко программируется специалистами маркетологами, имиджмейкерами, рекламщиками и другими манипуляторами сознания. Ещё до широкого распространения Интернета и социальных сетей Рене Жирар размышлял о рождении человека послушного. Согласно его антропологической концепции «миметического желания», наши желания являются копиями желаний «медиаторов», чьи объекты желания становятся нашими объектами желания [1]. На основе бессилия личности на передний план выходит господство коллективностей, переживание коллективных чувств, как механизма воспроизведения социальных нормативов.

3. Противоречив и феномен существования сетевого нарцисса, он может порождаться во множественном количестве одним человеком, т.е. не существовать реально. При этом сетевой нарцисс в реальной жизни может не быть нарциссом. Как писал Фёдор Достоевский: «мы даже и человеками-то быть тяготимся, – человеками с настоящим, собственным телом и кровью, стыдимся этого, за позор считаем и норим быть какими-то небывалыми общечеловеками» (цит. по: [2, с. 23]).

4. Самолюбование собой у сетевого нарцисса сменяется конструированием себя и активной демонстрацией:

- своего интеллекта (присоединение к интернет школам по изучению языков, информационные блоги и др.);
- совершенствования своих творческих навыков (мастер-классы по рукоделию);
- конструирования своей души (просмотр видео театральных спектаклей, концертов и др.);
- совершенствования своего тела (от изучения возможностей до

реализации).

Украинский философ Иван Федь в природе нарциссизма видит отчуждение, уединение, индивидуализм, культурную ситуацию и бытийность личности в ней. Он считает, что нарушаются условия объединения и функционирования категорий «бытия» и «общения» [3, с. 34].

Мы предлагаем такое определение *сетевого нарциссизма* – это гипертрофированное состояние, при котором самовлюблённые личности солюбуются конструированием (физическим, интеллектуальным, духовным) и демонстрированием себя и событий своей жизни путём индивидуально-коллективного творчества.

Путём анкетирования нами проведён сравнительный анализ отношения украинской молодёжи к сетевому нарциссизму. Опрашивались ученики частного Лицея политики, экономики, права и иностранных языков (г. Киев) и студенты 3-го курса различных факультетов Национального медицинского университета имени О.О. Богомольца (г. Киев) в количестве по 100 человек.

Исследование показало, что и ученики и студенты на 100% вовлечены в социальные интернет сети. Если под культурной нормой понимать допустимый диапазон или усреднённую, среднестатистическую величину, то показатель присоединения украинской молодёжи к сетевому нарциссизму говорит о нём скорее как о норме.

У обеих групп показатель «чистых» нарциссов не превышает 6%. В это время «здоровых» нарциссов в младшем возрасте, т.е. учеников, оказалось больше (75%) чем в старшем возрасте – студентов (53%). Если под нормой подразумевать состояние динамического равновесия между био-психосоциальными параметрами деятельности человека и аналогичными параметрами окружающей его среды, то окружение, где от 50% до 75% сетевых нарциссов, скорее будет комфортным для самих нарциссов, чем других людей. Эти «другие» и оказываются «не нормой».

Закономерно, что и причины нахождения в социальных сетях в этих категориях отличаются: поиск друзей у учеников составил 1%, у студентов – 68%; поиск новой важной информации у учеников – 54%, у студентов – 100%; демонстрируют себя, свои достижения, свой образ жизни 62% учеников и 38% студентов. Если под культурными нормами понимать поддержание устоявшихся принципов коммуникаций, взаимодействия между индивидами и разными группами, то сетевые нарциссы с их налаженными каналами коммуникаций становятся нормой современного мира.

45,6% учеников и 23% студентов весь вечер тратят на конструирование себя в социальных интернет сетях. Демонстрируют селфи 5,8% учеников и 5% студентов; зато фото в стиле «Я и мы» 36,9% учеников и 93% студентов. Ещё одним показателем стало количество снимков: до 1000 у 5,8% учеников и 4,4% студентов; больше 1000 у учеников нет, у студентов 1% (участники конференций, форумов, «круглых столов», спортивных соревнований).

Р.В. Зимовец обращает внимание на антропологическую константу в ресентиментах, ценности в которых являются инверсивными и

компенсаторными [4, с. 149]. То есть сетевой нарциссизм как культурное ресентиментное явление является продуктом сравнения. Через это же сравнение происходит не только присоединение к сетевому нарциссизму, но и восприятие культурных ценностей всех сетевых нарциссов – из всех стран мира.

Изучение современной молодёжи показало, что сетевой нарциссизм является культурной нормой XXI века. Об этом свидетельствует как количество сетевых нарциссов, так и налаженные между ними коммуникации.

Литература и источники

1. Жирар, Р.Н. Т. Насилие и священное. – М., 2000.
2. Достоевский, Ф.М. Записки из подполья. – М., 1985.
3. Федь, І.А. Катарсис та нарцисизм: проблеми і тенденції оздоровлення // Мультиверсум. Філософський альманах: Зб. наук. пр. – Вип. № 75. – Киев, 2008. – С. 34–44.
4. Зимовець, Р.В. Протестний потенціал модерної культури // Ідея культури: виклики сучасної цивілізації. – Киев, 2003. – С. 148–190.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА «Я» В КОММУНИКАТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Савич И. В. (Минск, Беларусь)

Живя в социуме, мы постоянно находимся в процессе общения. Несмотря на это, коммуникация зачастую осуществляется нами неосознанно, а между тем, умение правильно общаться, коммуникативная грамотность, культура и компетентность – обязательное условие успешности человека в современной жизни. Посредством коммуникации в ходе разговора мы создаём и закрепляем своё социальное Я, т.е. определённый образ себя, которым даём понять – кто я, какой я, как я отношусь к собеседнику, к обсуждаемой теме, как меня следует воспринимать и каких действий ожидать. Эта идентификация в разговоре осуществляется через то, как мы говорим и о чём говорим.

В качестве примера приведём фрагмент программы «Без посредников», которая выходит на радиостанции «Эхо Москвы». Во время прямого эфира слушатели имеют возможность высказать свои пожелания и замечания по работе радиостанции главному редактору А. Венедиктову. Вот один из диалогов, который прозвучал в прямом эфире:

Слушатель: Я очень давно хотела вам сказать – только, пожалуйста, выслушайте меня, не перебивайте.

А. Венедиктов: Я не умею перебивать.

Слушатель: Вы обрываете.

А. Венедиктов: И буду обрывать – потому что вы сейчас отнимаете время.

Слушатель: Я говорю за деньги по мобильному телефону, плачу я, поэтому вы меня должны выслушать.

А. Венедиктов: Тогда я сэкономлю ваши деньги и вас отключу. Вот эти разговоры – плачу деньги, поэтому меня слушайте... А почему, собственно? Вы отняли сейчас 37 секунд моего эфира. Не надо со мной пререкаться – если есть что говорить, говорите. Я здесь тоже за деньги работаю – за зарплату. За свои деньги. Алло?

В данном случае ведущий не только характеризует себя и свою позицию, но и подкрепляет свои самохарактеристики («Я такой») ссылкой на действия («Отключу»).

Однако идентификация Я в разговоре осуществляется не только через речевые высказывания, но и невербально – с помощью интонации, мимики, жестов, поз и физических действий. Вспомним случай, произошедший 16 августа 2008 г. с президентом Грузии М. Саакашвили, когда, сидя за рабочим столом, он в правой руке держал мобильный телефон, а левой взял свой галстук и стал его жевать. Как позже рассказал психиатр-криминалист М. Виноградов, таким действием Саакашвили показал, что утратил контроль над своим поведением и проявил наивысшую степень тревожности, растерянность и огромный страх.

Способами идентификации выступают также внешность человека – как он одевается, какой физический и эстетический образ себе создаёт. Так описывает главного героя в романе «Обломов» И. Гончаров: «Это был человек приятной наружности, но с отсутствием всякой сосредоточенности в чертах лица <...> ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением, не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки...<...> И поверхностно наблюдательный, холодный человек, взглянув мимоходом на Обломова, сказал бы: "Добряк должен быть, простота!"» [1]. Как видим, наше внутреннее состояние может помочь нам создать нужный образ, также как и среда обитания. Примером может послужить описание жилища Пеппи Длинныйчулок, которое предлагает нам А. Линдгрен: «В саду росли огромные старые замшелые деревья, прямо созданные для того, чтобы на них лазить» <...> «В комнатах стояла мебель – казалось, все специально приготовили, чтобы Пеппи могла здесь поселиться... <...> И, судя по всему, Пеппи целую неделю и не вспоминала об уборке» [2]. Как по этим строкам можно понять образ Пеппи, так по тому, какими вещами мы себя окружаем в жизни, можно многое сказать и о нас. Поэтому, чтобы произвести хорошее впечатление о себе, важно уделять должное внимание и месту, где мы живём, и вещам, которыми мы пользуемся.

О. Матьяш среди факторов, которые формируют образ человека, также выделяет социальный статус и социальные отношения человека [3, с. 187]. Таким образом, в любой коммуникативной ситуации любыми своими действиями человек неизбежно презентует и идентифицирует себя. Важно понимать, что не только мы идентифицируем себя, но и нас идентифицируют

наши собеседники, подчас не всегда так, как мы сами себя идентифицируем.

Как гласит одна из аксиом П. Вацлавика, «мы не можем не коммуницировать» [5]. Вступая во взаимодействие с другими, мы не только сознательно создаём благоприятный для себя образ, но и даём собеседнику выбрать, как относиться к нам в разговоре. Такое целенаправленное создание и представление своей социальной идентичности в теории принято называть самопрезентацией. Одним из главных разработчиков концепции самопрезентации был американский социолог И. Гофман. Такой образ себя, который выбирает человек для отношений с другими, исходя из принятых в обществе норм, традиций и ценностей, Гофман называет «лицом» [6]. Чтобы узнать, какое у человека лицо, необходимо смотреть на его линию поведения. Так, лицо – это некий код – «как меня следует принимать» в данной ситуации.

Не секрет, что человек озабочен поддержанием своего образа, когда его есть перед кем поддержать. Исследователи отмечают, что наша «работа лица» зачастую происходит бессознательно. Особенно активно мы включаемся в самопрезентацию в тех ситуациях, когда нам важно произвести о себе благоприятное впечатление. Как правило, это случается в ситуациях знакомства, завязывания отношений, а также в ситуациях конкуренции, оценки и отбора.

Исследователи И. Джонс и Т. Питтман выявили, как связаны мотивы и цели личности с её коммуникативно-поведенческими стратегиями [3, с. 195]. Оказалось, что стремление человека создать о себе то или иное впечатление выражается в выборе его коммуникативных способов поведения. Так, человек, цель которого – понравиться и создать о себе благоприятное впечатление, склонен прибегать к стратегии снискания расположения: соглашаться, говорить комплименты, подчеркивать, что ему нравится то же, что нравится партнёру. Тот, кто стремится создать о себе впечатление компетентного, будет применять стратегию самопродвижения: упоминать о своих достижениях, рассказывать о качественном выполнении работы и т.д. Если у человека цель – создать себе репутацию достойного человека, он будет использовать стратегию образцовости: демонстрировать, что для него важны честность, высокие нравственные ценности. Партнёр, который заинтересован создать о себе впечатление сильного, будет активно использовать стратегию подавления: демонстрировать, что умеет и готов нанести удар и что его следует опасаться.

С необходимостью выбора и поддержания лица мы сталкиваемся постоянно. Неслучайно с самого детства детей приучают вести себя, управлять собой. Навык самопрезентации – это обязательное условие социализации личности. В социальных отношениях он выполняет такие важные функции как: поддержание и регулирование отношений (благодаря умению сохранять, поддерживать и корректировать потерю лица), исполнение социальной роли и предписываемых ею сценариев (мы не ходим на работу или в университет в пижаме, не разговариваем с преподавателем, как с членом семьи); достижение личных целей (регулярно посещая занятия

и «показывая себя» заинтересованным и уважительным студентом, мы создаём себе репутацию, что наверняка зачтётся нам на экзамене); установление новых социальных контактов (создавая о себе благоприятное впечатление, особенно при первом знакомстве, мы расширяем возможности для новых отношений).

Таким образом, способность адекватно презентовать себя – это важное социальное умение, которое характеризует нас в глазах окружающих как компетентных (или не компетентных) партнёров.

Литература и источники

1. Гончаров, И. Обломов. – СПб, 1964.
2. Линдгрэн, А. Пеппи Длинный чулок. – М., 2008.
3. Матьяш, О.И. Межличностная коммуникация: теория и жизнь: учебник для вузов / О.И. Матьяш [и др.]. – СПб, 2011.
4. Вацлавик, П. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучения паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. / П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон. – М., 2000.
5. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М., 2000.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА И СУБЪЕКТИВНОСТИ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Садовская А. И. (Минск, Беларусь)

В конце XX – начале XXI веков в социально-гуманитарном познании усиливается тенденция поиска альтернативных подходов в рассмотрении проблем человека и современного мира. Кризис новоевропейской модели субъективности, зафиксированный в рамках неклассической философии, приводит к проблематизации связанных с ней феноменов и ставит под вопрос ее основания. Процесс переосмысления оснований субъективности связан с обращением к тем сферам человеческой экзистенции, которые в рамках классической философии либо признавались маргинальными, либо вовсе оставались «за кадром». Одной из таких попыток переосмысления оснований субъективности является открытие бессознательного З. Фрейдом.

Несмотря на то, что проблема субъекта не была предметом специального рассмотрения в ортодоксальном психоанализе, в работах З. Фрейда можно найти ряд положений, позволяющих говорить о том, что открытие бессознательного сместило субъекта с центральной позиции, занимаемой им в западноевропейской философии со времен Р. Декарта и, тем самым, задало иное, отличное от рефлексии, основание для конституирования субъективности. Как справедливо отмечает Ж. Лакан, «Фрейд уверяет нас, что субъект – это не разум его, он лежит на другой оси, он разуму эксцентричен. Субъект как таковой, то есть функционирующий в качестве субъекта, представляет собой нечто иное, нежели адаптирующийся к внешней среде организм, и все его поведение говорит – для того, кто умеет

его голос слышать – совсем из другого места, нежели та ось, которая видна нам, когда мы рассматриваем этот субъект как функцию индивида» [1, с. 15]. Рассмотрим эти положения ортодоксального психоанализа подробнее.

Первое положение ортодоксального психоанализа, свидетельствующее о децентрации субъекта представлено во фрейдовском учении о влечениях и о стадиях психосексуального развития [2] [3] [4]. Согласно З. Фрейду, человеческое поведение, опыт и познание определяются не столько сознанием (Я), сколько бессознательными влечениями. Становление субъективности, согласно З. Фрейду, определяется событиями раннего детства и представляется как необходимый отказ от той или иной формы удовлетворения желания, специфической для каждой из стадий психосексуального развития.

Следующим шагом в смещении субъекта с центральной позиции в ортодоксальном психоанализе стала дивергенция сознательного и бессознательного, осуществленная в рамках двух топик бессознательного. По замечанию З. Фрейда, «психоанализ не может считать сознательное сущностью психического, но должен рассматривать сознание как качество психического, которое может присоединяться к другим его качествам» [5, с. 378]. В контексте данного исследования особый интерес представляет деление З. Фрейдом психики на три инстанции, или вторая топика бессознательного: Оно, Я и Сверх-Я. Согласно З. Фрейду, «Я связано с сознанием, оно господствует над побуждениями к движению, т.е. к разрядке возбуждений во внешний мир» [5, с. 380]. Оно представляет собой «неизвестные и неподвластные нам силы» [5, с. 383], многоуровневые наслоения разновременных возникших влечений и пр. Сверх-Я – это интроецированные социальные запреты и нормы, находящие непосредственное выражение в страхе и чувстве вины, охватывающих человека при нарушении социальных табу. Для этих инстанций характерно постоянное противостояние: «зажатое между императивами Сверх-Я и инстинктуальными требованиями Оно, Я не хозяин даже в собственном доме» [6].

Для понимания статуса субъективности в психоанализе, несомненно важными, являются интуиции З. Фрейда об интересубъективной природе бессознательного. Опираясь на психоаналитический опыт, З. Фрейд указывает на то, что «в психической жизни человека всегда присутствует другой» [7, с. 7], на, выявленное в результате анализа переноса, взаимовлияние бессознательного одного субъекта на бессознательное другого [8], и на специфику психоаналитического знания, конструируемого в процессе диалога аналитика и анализанда, или того, что было названо «talking cure» (лечение разговором). В рамках данного исследования особый интерес представляет фрейдовское понимание другого: другой для субъекта, прежде всего, «является образцом» [7, с. 7]. Иными словами, субъективность формируется в результате идентификации с другими, интеграции в символический порядок, в универсум языка и культуры.

Проблематизация статуса субъективности в психоанализе

осуществляется Ж. Лаканом в рамках ревизии концептуального наследия З. Фрейда и критики новых направлений в психоанализе. Объект критики Ж. Лакана – интерпретация бессознательного последователями З. Фрейда как сугубо биопсихологического и инстинктуального, не зависящего от внешнего мира и универсума языка и культуры; и редукция субъективности к автономному Эго или «Я», иными словами, возврат к классической (картезианской) трактовке субъекта.

Для Ж. Лакана субъект – это, прежде всего, субъект бессознательного. Ж. Лакан утверждает, что классическая (картезианская) трактовка субъекта не способствует раскрытию подлинной сути и закономерностей становления субъективности. Действительный субъект отнюдь не представляет собой единства мышления и существования. Существование субъекта обнаруживается в разрывах речи, но не столько самого говорящего, сколько Другого (инстанции, контролирующей вхождение субъекта в символический порядок, универсум языка и культуры).

В качестве отправных точек для построения теории субъективности в психоанализе рассматриваются желание, язык и речь. Картезианская формула «*cogito ergo sum*» (мыслю, следовательно, существую) трансформируется в психоанализе в «*desidero ergo sum*» (желаю, следовательно, существую) и в «*loquor ergo sum*» (говорю, следовательно, существую), что представляет собой стратегию конституирования субъективности на иных, отличных от рефлексии, основаниях.

Согласно Ж. Лакану, желание является центральной функцией в человеческом опыте. В основании лакановского понимания субъективности лежит идея А. Кожева о том, что именно посредством желания животное становится человеком или, другими словами, в опыте желания человек безвозвратно трансцендирует свою природу: «желание является человеческим только в том случае, если человек желает не тело, но желание другого [...]. Иными словами, любое человеческое, антропогенное желание [...] является, в конечном счете, функцией желания признания» [9, с. 6]. Лишь в акте опосредования Другим, субъект утверждает себя в статусе желающего: «желание субъекта заявляет о себе как желание Другого» [10, с. 415] – такова формула субъективации Ж. Лакана.

Наиболее существенным для понимания статуса субъективности в психоанализе представляется соотношение языка, речи и субъективности. Для этого следует обратиться к двум фундаментальным и взаимодополняющим положениям Ж. Лакана: «бессознательное структурировано как язык» [11, с. 25] и «бессознательное субъекта есть дискурс Другого» [11, с. 35]. Рассмотрим эти базовые положения лакановского психоанализа подробнее.

Согласно Ж. Лакану, «язык с его структурой возникает раньше, чем конкретный субъект на определенной стадии своего умственного развития в него входит» [12, с. 56]. Иными словами, субъект рождается в язык, интегрируется в него. Отношения между людьми пронизаны языком, функционируют благодаря ему, а также формируются и организуются

означающими и связями между ними. Формула «бессознательное структурировано как язык» может быть эксплицирована следующим образом: язык является условием существования бессознательного, а бессознательное, в свою очередь, – это атрибут говорящего существа. Иными словами, язык – это то условие, посредством которого конституируется субъект.

Каждый раз, употребляя понятие «дискурс», Ж. Лакан подчеркивает интерсубъективную природу языка, иными словами, то обстоятельство, что речь всегда предполагает другого субъекта, собеседника. Формула «бессознательное субъекта есть дискурс Другого» раскрывается следующим образом: бессознательное является совокупностью воздействий, оказываемых на субъекта речью, адресованной ему Другим. Согласно Ж. Лакану, субъект «подчинен дискурсу, в чьем всеохватывающем движении место его, хотя бы лишь в форме собственного имени, предначертано с самого рождения» [13, с. 81]. Иными словами, дискурс Другого – это символический порядок, пространство интерсубъективности, внутри которого только и возможна позиция субъекта.

Таким образом, в рамках психоанализа оформляется оригинальная стратегия конституирования субъективности, что открывает новые перспективы для современного социогуманитарного знания и задает альтернативные векторы в исследовании человека и социокультурной действительности.

Литература и источники

1. Лакан, Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. – М., 1999.
2. Фрейд, З. Три очерка по теории сексуальности // З. Фрейд. Психология бессознательного. – СПб, 2012. – С. 113–180.
3. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия // З. Фрейд Психология бессознательного. 2-е изд. – СПб, 2012. – С. 340–377.
4. Фрейд, З. Судьба влечений // З. Фрейд Интерес к психоанализу: Сборник. – Минск, 2009. – С. 200–227.
5. Фрейд, З. Я и Оно // З. Фрейд. Психология бессознательного. – СПб, 2012. – С. 378–390.
6. Мэйси, Д. О субъекте у Лакана [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_16.htm.
7. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // З. Фрейд Психология масс и анализ человеческого «Я». – СПб, 2012. – С. 5–108.
8. Freud, S. The unconscious // Freud. Complete Works 1890–1939 – London, 1959. – P. 1250–1263.
9. Кожев, А. Введение в чтение Гегеля. – СПб, 2003.
10. Лакан, Ж. Семинары. Книга 5: Образования бессознательного (1957/ 58). – М., 2002.
11. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М., 1995.
12. Лакан, Ж. Четыре основных понятия психоанализа. Семинары: Книга XI (1964). – М., 2004.

13. Лакан, Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда. – М., 1997.

ОСОБЕННОСТИ «СМАРТ-ОБЩЕНИЯ» НА «ЭРЗАЦ-ЯЗЫКЕ» В НЕФОРМАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Смоликова Т. М. (Минск, Беларусь)

Современные средства стали неотъемлемой частью нашей жизни. Трудно представить современного человека, который не пользуется мобильным телефоном, планшетом, компьютером, не участвует в сетевых коммуникациях. Каждый день люди отправляют друг другу 144 миллиарда электронных писем, ежедневно ставят лайки 4,5 миллиарда сообщений в Facebook, каждую минуту загружается 100 часов видео на You Tube, каждую секунду – 637 фотографий в Instagram, а в сети находится 40 процентов населения земного шара [1, с. 137]. Американский писатель и медиавед Д. Рашкоффа считает, что благодаря развитию средств массовой коммуникации в мировой культуре, появилось «поколение икс», выросшее в тесном контакте со средствами массовой информации. Данное поколение полностью поглощено «инфосферой», пространством медиа и зависит от существующих в них правил и законов, они подвержены «медиа-диверсиям», управлению инфокоммуникативными технологиями, что ведет к трансформациям современной реальности, расшатывает традиции и идеологическую зрелость общества [2, с. 178].

Не каждый современный человек сегодня может отказаться от мобильного телефона (смартфона). Данное медиасредство приобрело социальную значимость – объединило в себе возможности персонального органайзера и мобильного телефона, способное взять на себя функции тайм-менеджера и «личного помощника-секретаря». В этом «прямоугольнике», определенного размера, фиксируется значительная часть активной жизни современного человека. Он привлекает нас простотой использования, мультимедийными материалами, динамическим, интерактивным, ярким интерфейсом, возможностью создавать, просматривать и редактировать свои материалы «на бегу» и в любое время суток. Необходимо констатировать свершившийся факт психологической зависимости от мобильного телефона. Если по каким-либо причинам человек забывает или теряет свой телефон либо заканчивается заряд батареи, возникает чувство тревоги, неуютности, нехватки, будто его лишили чего-то важного. Мобильная связь, как и многие другие современные технологии, делают нашу жизнь более удобной, избавляют нас от повседневных рутинных трудностей, но вместе с этим комфортом личность утрачивает часть своих способностей, отдавая их электронным услугам. Сегодня мобильный телефон или смартфон для современного человека – это больше чем персонализированное устройство, к примеру, телевизор или домашний персональный компьютер. Он лишен сезонности, используется в обучении, работе и отдыхе.

Последнее исследование Т. Лурманн показало, что 24% пользователей считает iPhone частью себя – частичкой мозга и бытия. Потеря мобильного телефона для 41% опрошенных является сильнейшим стрессом, трагедией [3]. Настораживающим фактом является ещё и то, что мобильная связь модифицирует саму модель человеческого общения, приводя её к примитивному оскудению. Например, новые способы общения неизбежно порождают новые формы текстов. Так, среди молодёжи (и не только) стало модным писать SMS на эрзац – языке, где с помощью шаблонов можно быстро выразить свою «как бы» мысль (или её условность), не сосредотачивая своё внимание на правилах орфографии. Например, *Дбрй нч* – «доброй ночи», сокращения *спс* – то есть «спасибо», *пжл* – «пожалуйста» и т.д. Большинство современных новых слов, появившихся в результате развития высоких технологий, глобального интернет-пространства, рынка медиатоваров и услуг прочно вошли в ежедневное употребление, внесли противоречивое отношение к их использованию. Среди «модных» слов и терминов часто используются:

– селфи (selfie – от англ., self – сам) – разновидность автопортрета, снятый на камеру мобильного телефона, самый популярный вид фотографии во всех социальных сетях. Термин приобрел известность в конце 2000-х годов. В ноябре 2013 года слово «selfie» было объявлено как «слово года» в Оксфордском словаре английского языка, которое официально стало считаться австралийским по происхождению;

– мем (meme – от англ. – единица культурной информации) – считается любая идея, символ, манера, образ, осознанно передаваемый от человека к человеку посредством письма, речи, видео, ритуалов, жестов. Д Рашкофф американский исследователь СМИ, считает, что мемы могут распространяться через СМИ и связаны с термином «медиавирус» [2, с. 277];

– лайк (like – от англ. «нравится», «ободряю») – знак одобрения, который иногда используют «условной валютой» во всех социальных сетях, ставя «лайк-маркеры» в знак одобрения пользователю, фотографии, мнению, информационному материалу или видео. Дислайк – это противоположность лайка, означает «я не доверяю»;

– хэштег (метка) (hashtag, hash – от англ. – символ «решетка» + tag – тэг) – любая фраза или слово, которому предшествует символ #. Популярность хэштегов выросла одновременно с ростом популярности социальной сети Twitter. Отцом хэштегов называют Криса Мессина (американского актера и режиссера), предложившего пометить темы, представляющие интерес символом-хэштега в микроблогах сети;

– вайн (whine – от англ. – нытье, жалобы) – это простой способ размещения в Интернете коротких видеороликов, длиной не более 6 секунд, как разновидность «инстограм» – бесплатного приложения по обмену фотографиями и видеозаписями;

– чекинуться – понятие в контексте – отметить, дать о себе знать, зарегистрироваться и т.д.; возможность регистрации своего присутствия в определенном месте с помощью мобильного устройства, обладающего

возможностью определения местоположения и передачи его через интернет;
– лол (lol – от англ. laughing out loud – громко, вслух смеяться) – акроним, интнет-мем, используемый в интернет-общении для выражения эмоции – смеха в письменном виде. В 2011 году понятие «LOL» занесено в Оксфордский словарь;

– фейк (fake – от англ. – подделка, копия) – сленговый термин, обозначающий фальсификацию, обман, подлог и т.д., популярен в социальных сетях, где фейками называют поддельные страницы, имитирующие страницы других пользователей (анкеты известных артистов, телеведущих, политиков);

– флешмобер – это человек, который в определенное время встречается с другими людьми для однократного выполнения каких-либо бессмысленных действий, с целью снятия напряжения, эмоциональной разрядки.

Таким образом, словарный состав языка постоянно пополняется новыми словами (неологизмами), они обозначают какое-то новое явление, понятие, предмет. Большинство неологизмов связано с изменениями в политической, экономической, информационной жизни общества, с развитием науки техники, культуры. Многие слова входят в жизнь, а потом утрачивают свою новизну и переходят в словарный запас. В виртуальной среде слова русского языка часто употребляют не по правилам. В чатах, форумах, живых дневниках, сообщениях электронной почты и ICQ тексты пишутся «на бегу» и выглядят примерно одинаково – без знаков препинания, часто, без прописных букв, с многочисленными сокращениями и опечатками, отмечается бедность словарного запаса пользователей и одновременно желание быть оригинальным. Такая «виртуальная информационная свобода» влияет на установки потребления и вседозволенности, провоцирует непредсказуемые эмоционально-психологические реакции.

Новые формы неформальной коммуникации – мобильная (сотовая), сетевая, блогерская (on-line) связи – модифицируют саму модель человеческого общения, приводя ее к оскудению, порождают новые формы текстов через эрзац-язык. В таком языке превалируют шаблонность, условность мысли, он насыщается новыми терминами и культурными ограничителями, словами-гибридами и специфическими интернет-символами. Пользователи отстаивают право на разные формы самовыражения, не задумываясь в языковом плане о культуре речи и правилах орфографии. В итоге трансформируются формы коммуникаций, языковой вкус и речевое поведение. Формируется поведенческая «необязательность», особенно это проявляется в виртуальном, сетевом общении.

Литература и источники

1. Харрис, М. Со всеми и ни с кем – М., 2015.
2. Рашкофф, Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. – М., 2003.
3. Лурман, Т. Современная молодежь считает мобильный телефон частью тела // Твой мобильный мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zvонkov.net.ua/news/mobile-world/id/2337>.

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЛОВУШКИ КОММУНИКАЦИЙ

Графимович Д. А. (Гродно, Беларусь)

У выдающегося американского математика и философа Норберта Винера есть выражение: «Люди, избравшие своей карьерой информацию, часто не располагают ничем, что они могли бы сообщить другим». С этим доводом с большей или меньшей долей скептицизма можно не соглашаться, ведь мы банально свыклись с мыслью о том, что живём в постиндустриальную эпоху информационного общества. Казалось бы, показатели тотальной информатизации и компьютеризации современной цивилизации стали примером и предметом особой гордости современного человека и общества. Но, несмотря на глубину и масштаб изменений, порождаемых информационной революцией, ряд вопросов практического характера заставляют нас задуматься над содержательной стороной и последствиями этих процессов. В частности вопрос о действенных критериях «общества знаний», ведь качественное усложнение мира и неограниченное разнообразие коммуникаций сами по себе ещё не являются залогом существования в реальности такого общества. Наоборот, наблюдения и анализ за современными событиями и противоречивыми процессами вынуждают многих экспертов прибегнуть к терминам «интеллектуальный фантом» и «несбыточность ожиданий» в характеристике природы постиндустриального (информационного) общества. Наконец вопрос о том в пользу чего сделан судьбоносный выбор – закономерной и поступательной стадии социальной эволюции (ментальной эволюции) или сознательной «мутации» технологий с целью извлечения сиюминутной коммерческой выгоды в выстраивании так называемой «новой экономики» и задачами управления миром современной глобократией, неприкрыто использующей в своих интересах информационно-психологическое оружие?

Доходчиво и кратко формулирует суть современной информационной эпохи российский экономист и политолог, директор «Института проблем глобализации» М.Г. Делягин: «С узкопрактической точки зрения информационная революция сводится к достаточно простым и понятным явлениям: кардинальному упрощению коммуникаций, качественному повышению их интенсивности и разнообразия» [1, с. 182–183]. И с этим невозможно не согласиться. Однако вызванный ими и продолжающийся по сей день «информационный взрыв» резко контрастирует со средствами переработки и тем более восприятия информации. Фундаментальным следствием информационной революции является возникновение и обострение противоречия между нарастающей важностью упорядочивания информации и принципиальной, технологической ограниченностью возможностей этого упорядочивания. Частным проявлением этого противоречия представляется то, что информационные технологии

увеличивают разнообразие воспринимаемой каждым из нас части мира чрезмерно по сравнению с накопленным нами жизненным опытом.

Кроме того, сам рост объема информации еще ничего не значит. Поэтому имеет смысл рассуждать не просто об информации, а непосредственно о ценной информации. Утверждение о том, что информация растет, совсем не очевидно! Скорее, растет количество бессмысленной информации, производимой на псевдоинтеллектуальных конвейерах, типа современных СМИ, «коммерческих издательствах» и т.д. Это приводит к существенным негативным трансформациям духовного мира человека и целым «выброшенным» поколениям («поколение пепси», «поколение next» и т.п.). Обнаруживается даже определенная закономерность: чем больше информации дается человеку, тем менее он начинает понимать, что реально происходит, то есть информации становится больше, а смысла все меньше. Ярким примером этой ситуации является очевидная архаизация национальных языков (в том числе русского), огромное количество слов и названий, не несущих в себе никакой смысловой нагрузки [2, с. 348–349].

Подобным образом всемирная сеть Интернет сегодня заполнена колоссальным объемом данных, но найти в ней ценную информацию проблематично. Это же касается и программирования: сложности программ начинают явно превышать способности программистов. Сегодня многие страны внедряют информационные технологии, а в итоге число служащих в промышленно развитых странах за последние несколько десятилетий выросло в 5 и более раз. Или ещё пример. Информационные технологии – это преимущественно безбумажные технологии делопроизводства. Так по факту на 2000 год в мире работало более 100 млн. принтеров. На них было отпечатано 3 трлн. листов бумаги. В 2008 году количество принтеров в мире существенно не увеличилось (идёт в основном процесс смены поколений оргтехники), но на них было выдано на печать уже 8 трлн. листов [3, с. 468].

Так или иначе, масштабы восприятия информации начинают устойчиво превышать возможности осознания, в результате чего традиционные способы осознания окружающего мира, и, прежде всего, логическое мышление начинают давать систематические сбои.

Наиболее распространенным следствием расширения кругозора за пределы, доступные здравому смыслу, становится фрагментарность анализа: по классической поговорке физиков, «перестав видеть за деревьями лес, ученые решают проблему переходом к изучению отдельных листьев». Беда в том, что при этом они продолжают уверенно делать выводы о лесе в целом. Отсутствие системного, панорамного взгляда на мир – «ахиллесова пята» теоретического сознания и практических действий современного человека. Клиповый человек с клиповым мышлением стал во главе жизненных процессов.

В этой связи особой оценки заслуживает важный постулат теории информационного общества о том, что сплошная информатизация экономики и производства якобы делает труд человека действительно творческим, что в свою очередь коренным образом преобразует само общество. Однако

изменился ли существенно труд человека, сидящего не у конвейера, а за компьютером, т.е. стал ли он намного более творческим? Очевидно, что любой компьютерный оператор, работающий в банке, магазине или офисе, занимается на самом деле рутинной работой, набирая многозначные числа, печатая привычный текст и нажимая на кнопки и клавиши. Такой труд требует элементарного внимания, но минимума интеллектуальных усилий. Понятно, что подлинно творческим трудом занимаются за компьютером лишь те, кто обладает творческими наклонностями независимо от применяемых ими вспомогательных средств, будь то деревянные счеты или современные ЭВМ. Прочие люди при этом не становятся автоматически более склонными к творчеству.

Болезненность неразрешаемого на сегодняшнем уровне развития противоречия между ростом объема коммуникаций и ограниченностью способностей их упорядочивания усугубляется тем, что, как это часто бывает, средство подменяет собой цель. Происходит своего рода «затягивание в коммуникации», когда коммуникация осуществляется сама ради себя, а не ради достижения некоего реального результата, – процесс, бесплодность которого его участники пытаются компенсировать нарастанием его интенсивности.

Вторая «ловушка коммуникаций» заключается в том, что абсолютизация коммуникационных мотиваций в сочетании с распространением дешевых и эффективных технологий формирования сознания (в частности, возможности формирования информационного поля) делает ненужным искусство убеждать. Действительно: зачем логически доказывать свою правоту, затрудняя себя подбором аргументов и противостоя аргументации оппонента, когда можно просто создать вокруг него информационную среду, в которой вся (или почти вся) доступная ему информация будет однозначно свидетельствовать в вашу пользу? Грубо говоря, зачем объяснять, когда можно зомбировать. Следствие этого – снижение и даже утрата самой возможности критического осмысления.

Все это укладывается в стратегию и принципы ведения современных информационных войн. В условиях глобальной конкуренции за ресурсы, территории, финансовое могущество главными целями информационных войн являются разрушение сознания и самосознания народов, их смысложизненных ценностей, идеалов и ориентиров. Современные глобалистские структуры, созданные олигархическим интернационалом и стремящиеся на практике реализовать идеи «нового мирового порядка», ищут самые уязвимые места и зоны, воздействие на которые способно подорвать устойчивость в развитии народов и целых государств, выступающих препятствием на пути установления глобальной власти. В решении этой задачи особое значение придается СМИ и сфере образования. И если раньше обходились исключительно силовыми методами, то сегодня технические средства коммуникаций и глобализация рынков информации и культурной продукции упрощают эту задачу. В итоге у населения, с одной стороны, формируются определенные культурно-материальные потребности,

с другой, – предпочтения социально-политического характера. Отсюда понятно, почему в информационном поле наблюдается жесткое доминирование социально-экономической, культурной и политической модели Запада над всеми прочими вариантами общественных отношений.

Эта психологическая особенность воздействия на исторический процесс хорошо была понята в США еще полвека назад. Вскоре после Второй мировой войны США сосредоточили у себя две трети специалистов антропологов-обществоведов от их общего на тот момент количества во всем мире. Был собран колоссальный объем знаний о духовной сфере человека самых разных культур. На основе новых представлений и массива эмпирических данных были созданы поразительные по эффективности технологии управления поведением больших масс людей. Иначе говоря, было создано мощное информационно-смысловое сверхоружие, т.е. оружие, воздействующее на сознание людей. В США сформирована и действует целая киберармия высококлассных специалистов в этой области. Без этой армии сегодня не обходится ни одна «цветная» революция, ни один государственный переворот [4, с. 10].

Конечно, невозможно отгородиться от опасностей и проблем информационной эпохи. Необходима разработка эффективных методов противодействия этим опасностям и развитие собственного полноценного участия в формировании конкурентного, хоть и противоречивого мирового информационного пространства.

Литература и источники

1. Делягин, М.Г. Место информационной революции в эволюции человека // Постчеловечество / М.Б. Ходорковский [и др.]. – М., 2006. – С. 146–232.
2. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002.
3. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: монография / Ч.С. Кирвель [и др.]. – Гродно, 2009.
4. Кирвель, Ч.С. Геополитическое и социокультурное измерения современного обществознания и социогуманитарного образования (вместо введения) // Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания / Ч.С. Кирвель [и др.]. – Гродно, 2015.

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИНДИВИДА И ОБЩЕСТВО

О. Н. Фаблинова (Минск, Беларусь)

Жизнь современного белоруса сложно представить без Интернета: согласно данным Национального статистического комитета в 2014 году количество абонентов Сети на 100 человек населения составляло 91 [1, с. 67]. Интернет изменил не только способы передачи данных, но и социальную коммуникацию, ценностные ориентации пользователей. Его влияние на

социальную сферу настолько велико, что он перестал быть только техническим феноменом.

В целом, возможно выделение трех ключевых функций Интернета – коммуникативной, развлекательной и информационной (познавательной). При этом стоит отметить, что в рамках каждой из названных функций Интернет не только открывает *индивиду и социуму* ряд возможностей, но и провоцирует появление многочисленных рисков и угроз. Таким образом, влияние Интернета осуществляется на индивидуальном и социальном уровнях, а последствия могут быть как позитивными, так и негативными.

Индивидуальный уровень. На индивидуальном уровне в рамках *информационной функции Интернета*, последний открывает такие позитивные перспективы, как: 1) возможность быть в курсе событий; 2) возможность оперативно принять решение на основе имеющейся информации; 3) возможность самообразовываться, саморазвиваться. Из негативных последствий можно обозначить: 1) формирование «перманентно частичного внимания» (термин, введенный Л. Стоун, обозначает «режим существования, при котором человек привыкает ни на чем подолгу не сосредотачиваться, делать сразу несколько дел, при этом постоянно "сканируя" окружающую среду на предмет "новых возможностей", которые ни в коем случае нельзя упустить» (цит. по [2]); 2) избыток информации, «информационная перегрузка», невозможность / сложность систематизировать полученную информацию; возникновение у индивида так называемого «клипового мышления», при котором социальная реальность превращается в совокупность фрагментированных разрозненных фактов и событий, а индивид теряет способность работать со сложно структурированными текстами большого объема; 3) выработку привычки к плохим новостям, 4) выработку необходимости все время получать новую, но не всегда необходимую информацию.

В контексте *развлекательной функции Интернета* положительными последствиями использования Сети могут быть: 1) широкие возможности проведения досуга (большая база данных кинофильмов, музыкальных аудиозаписей, видеоклипов, книг и т.п.); 2) финансовая доступность досуга (экономия материальных средств); 3) отсутствие необходимых дополнительных временных затрат, связанных с проведением досуга (время на покупку билетов, дорогу и т.п.); 4) повышение эффективности трудовой деятельности индивида при умеренном использовании развлекательного интернет-контента на рабочем месте [3, с. 238; 4]. При этом к негативным последствиям относятся 1) пассивность проведения досуга; 2) зависимость, влияющая как на эмоционально-психологическое, так и физическое здоровье индивида.

В рамках *коммуникативной функции* Интернетом открываются такие возможности, как: 1) общение вне временных и территориальных границ; 2) расширение кругозора за счет новых знакомств; 3) поддержание и увеличение имеющегося социального капитала (знакомств); 4) возможность высказать свою точку зрения, быть услышанным, рассказать о себе, своих

проблемах; 5) возможность найти единомышленников; 6) возможность через общение перейти к слаженным действиям в оффлайновом пространстве, 7) дополнительная возможность социализации для людей с физическими отклонениями (инвалидов); 8) возможность быть в курсе событий; 9) возможность для самопрезентации и самореализации. Из негативных моментов можно назвать: 1) неверную трактовку поступающих сообщений в связи с ограниченностью средств эмоционального выражения; 2) формирование «тощих отношений» (термин введен У. Хаком и означает иллюзорные отношения, не требующие полноценных временных, знаниевых, денежных и других взаимных «инвестиций») [5]; 3) опасность фишинга, кражи данных; 4) депрессия, психологическая зависимость, 4) опасность стать объектом интернет-запугивания, интернет-преследования; 5) появление проблем в процессе построения отношений в оффлайне.

Социетальный уровень. На социетальном уровне в рамках *информационной функции Интернета*, к возможным позитивным последствиям относятся: 1) построение общества знаний, основу которого и представляет собой информационное общество (под знаниями, вслед за В.Л. Абушенко, понимается информация, переработанная в соответствии с определенными «технологиями» [6, с. 337]); 2) «вскрытие» наиболее актуальных тем, злободневных проблем. К негативным последствиям можно причислить порождение общества с мозаичной культурой, о которой писал А. Моль в своей работе «Социокультурная динамика» 1967 года [7, с. 45]).

В контексте *развлекательной функции Интернета* позитивным моментом является снижение социальной напряженности в связи с доступностью развлечений (кинофильмов, музыкальных клипов, Интернет-игр и т.д.). Негативным моментом может стать так называемая «смерть трудовой этики», понимаемая как «утрача моральной заинтересованности в труде» [8, с. 57], восприятие труда лишь в качестве средства зарабатывания на жизнь. К этому способна привести как доступность Интернет-досуга (в том числе и на рабочих местах), так и демонстративное поведение пользователей (например, в социальных сетях), направленное на показ «лучшей стороны жизни»: отдых, путешествия, изделия класса люкс.

В рамках *коммуникативной функции Интернета* позволяет улучшать ситуации в какой-либо из сфер общества. Этому может поспособствовать коммуникация индивидов, отстаивание ими своей позиции, координация действий единомышленников. Примером служит платформа «Change.org», направленная на создание гражданских инициатив и их поддержку интернет-пользователями, придание широкой огласке существующих проблем. Негативными последствиями выступают: 1) возможность дестабилизации ситуации в определенном регионе: демонстрации, забастовки, акции протеста, революции, призывы к агрессии и т.п.; 2) зависимость от социальных сетей способна вылиться в неспособность, отказ от выполнения индивидом своих социальных ролей.

Таким образом, влияние Интернета на индивида способно носить как позитивный, так и негативный характер, а также проявляться на двух

уровнях: индивидуальном и социальном. Данный факт актуализирует вопрос регулирования интернет-поведения индивидов в целях минимизации негативных последствий, вызванных использованием Сети. При этом стоит отметить, что механизмы регулирования классифицируются на социальные (институциональные – государственные и организационные; неинституциональные – автомодерация, реакция других пользователей), а также индивидуальные (самостоятельное регулирование индивидом своего поведения). Представляется, что сегодня, в быстро меняющихся условиях современности, особое внимание стоит обратить именно на саморегулирование индивида.

Литература и источники

1. Информационное общество Республики Беларусь. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2015.
2. Stone, L. Continuous Partial Attention // Lindastone [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lindastone.net/qa/continuous-partial-attention/>.
3. Coker, B.L. S. Freedom to surf: the positive effects of workplace internet leisure browsing // New technology, work and employment. – 2011. – Vol. 26, Issue 3. – P. 238–247.
4. Internet-surfing for leisure at work can boost productivity // The Sydney Morning Herald [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.smh.com.au/national/internetsurfing-for-leisure-at-work-can-boost-productivity-20090402-9kdx.html>.
5. Haque, U. The Social Media Bubble // Harvard Business Review [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hbr.org/2010/03/the-social-media-bubble>.
6. Абушенко, В.Л. Знание // Энциклопедия «Социология». – Минск, 2003. – С. 337–339.
7. Моль, А. Социодинамика культуры. – М., 1973.
8. Полякова, Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. – М., 1990.

МИФЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Цибизова Л. А. (Москва, Россия)

В человеческой истории неоднократно происходили ожесточённые битвы пре смене различных культурных парадигм. Но если на ранних этапах возникновения различных племён и народов эти столкновения носили локальный характер, то с течением времени эти процессы стали затрагивать интересы всё больших и больших групп населения. Уход античности как типа культуры перед лицом мощной и страстной силы христианства, с одной стороны, и хаотичного варварства, с другой, стал практически глобальной катастрофой для древней ойкумены. Но если «глобальность» той эпохи затрагивала только известную нам территорию Римской империи с прилежащими землями, то к XX веку мировоззренческие, территориальные и иные конфликты приобретают действительно глобальный масштаб. Способы же их разрешения часто остаются прежними, породившими как две мировые

войны, так и множество локальных военных действий. Не лучший способ при наличии ядерного оружия. С тяжелейшим грузом нерешённых проблем, человечество перешло в третье тысячелетие.

Трагизм современной ситуации заключается в том, что прежние методы разрешения конфликтов, как и многие институты, бравшие раньше на себя ответственность за эти виды деятельности, оказываются бессильны перед задачами, ставшими актуальными в последние годы. Необходим пересмотр старой, а, возможно, и строительство новой системы ценностей, принимаемых как обществом в целом, так и каждым его членом. Глобальные изменения в политике, экономике, технологиях, культуре, буквально прорыв в коммуникациях требуют всестороннего анализа несоответствия традиционной социальной идентичности вызовам современности. В этих условиях, в первую, очередь нужно набраться смелости и отказаться от благодушных ретро-планов по восстановлению исторической и культурной идентичности на основе образцов «прошлого».

Что касается нашей страны, где дискретность общества всё больше и больше обнаруживала себя в последние десятилетия, то об общепринятых ценностях и нормативных моделях можно говорить только в прошедшем или будущем времени. С чем же тогда сегодня можно соотносить персональные системы ценностей в кардинально меняющихся социальных обстоятельствах?

В истории постсоветской России мы наблюдаем совершенно противоположные, но страстно отстаиваемые одними и теми же группами попытки самоидентификации. Конечно, в любом случае, необходимо опираться на какие-либо исторические образцы, которые и станут основой для построения идентификационных кодов.

Г. Кнабе отсылает нас к Титу Ливию, создавшему «Историю Рима от основания Города». Оказывается, нужна вовсе не история, как таковая, а её интерпретация. «Здесь нет никакой фальсификации. Просто отобран и усилен объективный материал, иллюстрирующий силу и роль...национальной идентификации в жизни римлян и в их истории – в минуты опасности сплочение гражданского коллектива на защиту Города, а в минуты победного торжества или всеобщей благодарности богам за дарованный успех радостное чувство всенародной солидарности...Воспитательная и нравственная задача преобладает над объективной всесторонностью изложения» [1, с. 1114–1115].

В нашем случае – история Российской империи буквально обросла всевозможными интерпретациями и постепенно стала мифом, а иногда и просто примитивной трактовкой реально имевших место исторических фактов. Случайный набор несущественных явлений предлагается сделать нормой для всеобщего подражания.

Не менее серьёзная проблема возникла с другим историческим периодом отечественной истории – советским. От такого наследия не столь отдалённого прошлого тоже решили не отказываться, не вникая в специфику неоднородности этой эпохи. Ранние периоды молодого советского

государства, несмотря на жесткость межгрупповых отношений (возможно, именно поэтому), определялись идеалом сплочения человеческих масс вокруг некоторого круга идей ценностей, суть которых сводилась к переустройству общества на основах прогресса и классовой, социальной справедливости в рамках государственных, национальных, партийно-политических, идеологических единств. Выраженная очевидно и прямо в официальной идеологии и пропаганде СССР и в государствах, близких к марксистским программам, она проявлялась в распространенных умонастроениях и во многих культурных ориентирах [2].

Начиная с оттепели 60-х годов, единение и энтузиазм уходят в начале на второй план, а потом и вовсе вытесняются цивилизацией постмодерна, а затем информационного пространства, с которым мы имеем дело и сейчас.

Сегодня мы ностальгируем по «светлому» советскому времени, его людям, системе ценностей, стабильности и безопасности. На экраны массово выходят фильмы и сериалы о людях того времени. Ведутся бурные дискуссии о возможностях возврата к той эпохе. «Советское» предстаёт в его «парадном» придуманном варианте, о котором мечталось, но чего просто не было.

Строится новая-старая система ценностей, в которой активно принимают участие СМИ. Так, например, Р.А. Борецкий отмечает необычайно возросшее влияние телевидения на процессы массовой самоидентификации больших социальных групп. «Экранный персонаж давно уже стал образцом для массового подражания. Как вести себя, как произносить слова и строить речь, искать и находить выход из непростых ситуаций,... как и для чего жить в этом...реально осязаемом мире» [3, с. 38], миллионы наших соотечественников учатся (сами того не осознавая) у телевизионных персонажей.

Но и в этом случае мы имеем дело не с историческим материалом, а его видением из другой эпохи. Опять "«копия стремится занять место оригинала, присвоить его себе, объявить себя оригиналом» [1, с. 17].

Следовательно, и в первом, и во втором случае мы интерпретируем реально происходившие события. Перед нами два мифа, два образца для подражания. И оба используются сегодня в масштабной самоидентификации наших соотечественников. И неважно, что в первом случае мы имеем дело с ценностями христианского мира, где система добродетелей определяется Создателем, и принцип загробного воздаяния никто не отменял. В другом случае, энтузиазм и переделка мира основываются на самопровозглашённом всемогуществе человека и отрицании «небесного» и «сакрального» как такового. Самоидентификация, основывающаяся на обоих этих мифах принципиально невозможна, так как один исключает другой.

Примирить с будущим нас сможет только совершенно новый подход к вопросам самоопределения, основанный на данных современной политической, социально-экономической и культурной ситуации.

Более того, учитывая, что мир в XXI веке представлен разными и часто несовместимыми системами ценностей в условиях замены традиционных

социальных связей виртуальными (и эта тенденция только набирает силу), всё чаще под сомнение ставится даже идея «самоотождествления через социальную идентичность» [4, с. 5]. Следовательно, необходимы и новые алгоритмы для самоидентификации, ориентированные на будущее, а не на прошлое.

Литература и источники

1. Кнабе, Г.С. Жажда тождества // Кнабе Г.С. Избранные труды: Теория и история культуры. – М., 2006.
2. Вяткин, А.П. Кризис социальной идентичности и личностное конструирование экономических ролей // Психология в экономике и управлении. – 2014. – № 2.
3. Борецкий, Р.А. Осторожно, телевидение! – М., 2002.
4. Софронова, Л.А. О проблемах идентичности // Культура сквозь призму идентичности. – М., 2006.

АКТИВНОСТЬ ПОЗНАНИЯ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л. А. Чеблакова (Минск, Беларусь)

Система образования на современном этапе ставит задачу не только приобретения учащимися определенной суммы знаний, но и развитие их познавательной и профессиональной активности, вырабатывать умения приобретать знания самостоятельно и на их основе творчески мыслить и принимать оптимальные решения. Образование в условиях глобализации обретает новый статус в мире – оно становится важнейшим фактором консолидации общества. На протяжении веков эту функцию успешно выполняла религия, одинаково принимаемая всеми, независимо от возраста, состояния, сословия и национальной принадлежности.

Сегодня в системе образования наиболее остро ставится проблема феномена личности, т.е. не просто человека как такового, не его родовые функции, но его проявление в индивидуальном, личностном плане как проявление его *свободной самореализации* и творчества. Будущие специалисты уже в вузе должны уяснить, что их успех и самоутверждение в обществе будет зависеть от их своевременного методологического обеспечения, что выбор неадекватных путей решения проблем чреват замедлением темпов развития или их остановкой.

На современном этапе этому способствует внедрение компьютеров в производство, и внимание работника может быть вытеснено из второстепенных механических процессов, сосредоточившись на важнейших стратегических направлениях. Подобная ситуация требует от специалиста творческого подхода в принятии решений.

Проблема совершенствования человека, его творческого начала в системе образования не нова. Так в своей философии Кант отмечал свой взгляд на историю человеческого рода как на «выполнение тайного плана

природы – развитие всех ее задатков, изложенных в человечестве, совершенное состояние, в котором она может полностью развивать все задатки, вложенные в человечество» [1, с. 191]. Философ отмечал, что человек не есть лишь эмпирическая материя, что «он, как свободно действующее существо делает или может делать из себя сам, ... благодаря успехам просвещения, кладется начало для утверждения образа мыслей, способного со временем превратить грубые природные задатки в... определенные практические принципы» [1, с. 188].

Оптимальным путем и важнейшим инструментом становления личности, формирования методологической культуры является изучение философии. Именно в ней заложен потенциал, представляющий собой особую ценность для познания и его активизации в целом: вечно проблемный и «вопрошающий» характер, поливариантность ответов, задействованность когнитивных, этических и эстетических способностей познания и творчества. Подобно тому как религия обращается к «божественному началу души», так и философия через логику категорий, многовековой опыт познания и практической деятельности, обращается к мыслящей душе человека, побуждая в ней уникальную способность к познанию и творческому освоению мира. Творческое поисковое мышление обогащается новыми формами и приемами, диалектической методологией, человек постепенно становится образованным и по-настоящему свободным.

Гегель связывает проявление свободы творчества со страстью индивида, которую он характеризует как «особую определенность характера, поскольку эти определенности воли имеют не только частное содержание, но и являются мотивами и побудительными причинами общих действий» [2, с. 355]. Философия ставит вопросы как к настоящему человека, так и по отношению к границам возможной свободы и возможности ее проявления. Знание становится первоначальным импульсом к самоутверждению и свободе, формирует рефлексию критического отношения к действительности. Гегель отмечает, что свобода, приобретенная в познании, становится важнейшим условием освобождения субъекта, способного соблюдать все предписания системы.

Познание, образование как универсалии культуры в рамках философии превращаются в своеобразные объекты, связанные в систему, с которыми учащийся может проводить особые мысленные операции и эксперименты. Это открывает возможность для внутреннего теоретического движения, результатом которого и является реализация главного предназначения философии – понимание того *каким должен быть мир*.

Культура техногенной цивилизации в качестве важнейшего компонента включила философию как научную рациональность, где формируется научная картина мира, которая осуществляет собой ее мировоззренческий статус, ориентируясь не только на понимание мира, но и реализацию сущностных сил, творческих возможностей человека и его свободной самореализации. Неклассическая версия философии ориентирует на анализ различных сфер и особенностей культуры, выявление фундаментальных

жизненных смыслов и универсалий культуры.

В эпоху глобализации для современного молодого человека ближайшим смыслом деятельности выступают прагматические интересы, и знания для него становятся не только формой теоретического осмысления, но и формой личностного бытия, инструментом социализации. Разумеется, для этого необходима специфическая, порой уникальная систематизация знаний, чему и научается студент в курсе философии. Трансдисциплинарность философского знания предполагает интегративный характер познания, всего разнообразия современных знаний. В формирующейся картине мира все отчетливее выступают основания будущей науки, объединяющей в себе науки о природе и науки о духе. В этой связи академик В.С. Стёпин отмечает синергетический подход, наряду с системным, который позволяет находиться в диалоге с естественнонаучными, техническими и гуманитарными знаниями что способствует формированию профессионализма и творческих начал специалиста [3]. Вместе с тем, В.С. Стёпин также отмечает и то, что «на сломе эпох» философия обязана быть практической наукой, выявлять и осмысливать глубинную динамику современного бытия, чему и может научить сегодня система преподавания философии.

Рационально построенная система образования, научно-педагогической деятельности позволяет вычленить ценностные ориентиры будущих специалистов, сформировать установку индивида на самообразование и наметить пути самореализации личности.

Литература и источники

1. Кант, И. Критика способности суждения // Антология мировой философии. В 4 томах. – М., 1971. – Т. 3.
2. Гегель, Г.В.Ф. Философия духа // Энциклопедия философских наук. – М., 1977.
3. Яскевич, Я.С. Философия и методология науки / Я.С. Яскевич, В.К. Лукашевич. – Минск, 2009.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА

Шавердо Т. М. (Минск, Беларусь)

Общество сегодня претерпевает непрерывные изменения, а «текучесть» становится принципиальной характеристикой современности. Это связано, прежде всего, с процессом постоянного роста объемов информации и образованием неограниченного коммуникативного пространства. Сегодня «знать» перестало означать «быть в чем-то уверенным»: ничто не дает гарантии защититься от поджидающих повсюду социальных рисков. Наиболее распространенный диагноз, который исследователи ставят современному обществу – это состояние постмодерна. В такой ситуации актуализируется проблема поиска наиболее адекватных современным реалиям концепций социальных идентичностей. Мы попытаемся описать состояние индивида в непредсказуемых, стрессовых условиях постмодерна, а

также обозначить продуктивные стратегии существования человека в многозначном, многополярном мире.

Социальная идентичность выступает своеобразным «сцеплением» личности и общества и фиксирует те аспекты человеческой жизни, которые определяются с точки зрения членства в группах. Общество на разных этапах своего развития характеризовалось, во-первых, определенным набором доминирующих, системообразующих структур, а, во-вторых, различной степенью жесткости и силой принуждения этих структур по отношению к индивиду. В качестве типовых примеров мы можем рассмотреть три структуры, по отношению к которым индивид традиционно осуществлял референцию – религия, профессиональное сообщество и гражданство.

Например, в Средние века, отмеченные теоцентризмом, смыслообразующей структурой являлась религия, а человек, как правило, выступал претерпевающей субстанцией, молчаливым реципиентом по отношению к репрессивной структуре. В Новое время возникают тенденции к размыванию жестких социальных рамок. Говоря о предложенных нами типовых примерах, мы наблюдаем возникновение авторства, национального государства, и религиозного свободомыслия. Религия утрачивает свое «стержневое» значение, и объединяющей структурой становится гражданство. В центре мира оказывается человек в том виде, в котором его показал нам Р. Декарт – активный, действующий, познающий. Но нельзя сказать, что человек полностью освободился от репрессивного начала структуры: он обладает свободой выбора, но сам выбор ограничен лишь перечнем (хоть и довольно длинным) строго определенных вариантов.

Однако границы «дозволенного» продолжают расширяться. Апофеозом «вселенской вседозволенности» становится состояние постмодерна. Структуры, по отношению к которым человек осуществлял референцию (религия, профессиональное сообщество, гражданство) вовсе разрушаются, что находит отражение в трех грандиозных «смертях» – смерти Бога, автора и субъекта.

Постмодерн провозглашает тотальную деконструкцию новоевропейской системы координат. В логике Ж.-Ф. Лиотара установки новоевропейского сознания (прогресс, принципиальная познаваемость мира, возможность абсолютной свободы и т.п.) представляют своего рода метанарратив, однако сегодня «большой рассказ» уже не способен вместить всех и каждого. Напротив, именно «маленький рассказ» становится актуальной формой, отражающей локальные человеческие установки и стремления, а микронарратив представляется образцовой формой творческого и, главным образом, научного воображения. Ж. Деррида также предлагает тактику деконструкции «больших текстов», смыслы которых оказываются либо тривиальны из-за определенной истории прочтения, либо навязаны «репрессивной интонацией» автора. Текст при этом понимается предельно широко: как текст в собственном смысле слова (например, «Критика чистого разума» И. Канта), так и гипертекст новоевропейской или мировой истории. Процедура деконструкции, поэтому, означает попытку

вступить в бой с логоцентризмом, присущим новоевропейской эпохе.

В целом, симптоматику состояния постмодерна удачно схватывает Ш. Айзенштат, противопоставляя понятию «Нового времени» становление деконструкции: «Модернити возникает, только когда легитимность постулированного космоса больше не принимается бездоказательно, когда она прекращает быть недосыгаемой для критики» [1, с. 422].

Для нас принципиально важно обозначить два полемических взгляда на состояние современности. Первая стратегия основана на идее «завершения модерна», а значит и на утверждении постмодерна как самостоятельного, самодостаточного этапа – такой позиции придерживаются Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Маффесоли и др. Вторая стратегия настаивает на том, что проект модерна все еще не завершен, и сегодня мы наблюдаем лишь его радикализацию (Э. Гидденс, Ю. Хабермас, А. Турэн и др.). Мы склонны занять вторую позицию, считая, что главный рубеж для перехода к новой эпохе не преодолен – мы все еще говорим на языке модерна. В логике Э. Гидденса радикализированный модерн находит свое выражение в «рефлексии над рефлексией» и представляет двоякое явление: как тупиковую тенденцию эпохи модерна, так и симптом ожидания «чего-то» способного эту тенденцию преодолеть.

Наш разум, выросший на научных и культурных достижениях модерна, не может расстаться с жадной «упорядочить бесконечное изменение, разделить неразделимое» [2, с. 413]. Однако нам не за что зацепиться – структуры, по отношению к которым человек на протяжении всей истории осуществлял референцию, утратили свое смыслообразующее значение. Со «смертью» Бога, автора и самого субъекта (в декартовском смысле) рухнуло то, к чему человек мог обратиться в поисках истины, по отношению к чему мог выстроить свою жизненную стратегию.

Не появилось и достойной альтернативы декартовскому субъекту. Постмодерн провозглашает тотальную деконструкцию, но ничего не строит на месте старых развалин. З. Бауман характеризует такое состояние как «вселенскую вседозволенность и, следовательно, в конце концов, разрушение всякого морального, и отсюда – социального, порядка» [2, с. 411]. В связи с чем возникает ситуация «амбивалентности», которая характеризуется особой «слабостью и ранимостью».

В такой стрессовой ситуации, в ситуации постоянного риска человек пытается защититься. Но в эпоху, когда означающее теряет устойчивую связь с означаемым, все превращается в замок из песка, стены которого рушатся от малейшего прикосновения человека, ищущего убежище. Защитным механизмом может стать попытка натурализации окружающего мира. Однако воссоздание онтологических конструктов, обещающих некую определенность существования в этом мире, выливаются, порой, в уродливые, гипертрофированные формы социальной идентичности. М. Маффесоли приводит в пример появление своеобразного «трайбализма» [3], который заключается в тенденции к возникновению локальных, закрытых образований внутри принципиально открытых обществ

(например, китайские кварталы в Нью-Йорке):

Казалось бы, нам, наконец, удалось разрубить жесткую «кристаллическую решетку», заданную досовременной социальностью. Сегодняшний мир, представленный как гипертекст, открыт к многообразному прочтению. Но, такая свобода самоопределения граничит с расслоенностью и дисперсностью в рамках плюрализма дискурсивных практик. Такая свобода приводит в оцепенение, она сродни параличу. И чтобы творить в полном смысле этого слова, создавать нечто новое, полноценное, а не осуществлять лишь отрицательную рефлексивную и насмешку по отношению ко всему окружающему, первым делом необходимо вывести человека из стрессовой ситуации.

Э. Гидденс считает, что жизнь в «климате неопределенности» возможна только путем создания своеобразного «общества доверия». Однако в стрессовой ситуации человек, как показывает история, скорее склонен к радикализму, что приведет лишь к умножению уродливых, форм социальной идентичности, в которых он будет искать опору. Один из эффективных способов выведения человечества из оцепенения, на наш взгляд, – это конструирование «стержневой» идентичности, которая позволит человеку не затеряться в многозначности мира и при этом осуществлять безболезненный «вход» и «выход» по отношению к разнообразию социальных ролей современной многополярной жизни. И сегодня, когда мы то и дело становимся свидетелями конфликтов, вспыхивающих на религиозной и национальной почве, удачно справиться с ролью «опорного пункта» может гражданская идентичность, которая выступает наиболее нейтральным объединительным контуром, как на уровне граждан отдельного государства, так и внутри глобального мира.

Литература и источники

1. Айзенштат, Ш. Многообразие модернист // Современная западная социология: хрестоматия. – Минск, 2008. – С. 422–431.
2. Бауман, З. Постмодернизм, или жизнь с амбивалентностью // Современная западная социология: хрестоматия. – Минск, 2008. – С. 411–418.
3. Маффесоли, М. Околдованность мира или божественное социальное // СОЦИОЛОГОС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/Maff_OkMir.php.

ИНФОРТЕЙМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВ В INTERNET

Яковлев Л. С., Потехина Е. В. (Саратов, Россия)

Развитие Интернета кардинальным образом изменило организацию социокультурного пространства. Характерные для индустриальных обществ инфраструктуры, опосредующие культурный обмен, были нарочито

обезличены, исключали изначально, в технологическом плане, всякую возможность интерактивного взаимодействия. Интернет, напротив, подразумевает диалог. Поэтому естественно предполагается смена модели как культурного, так и информационного обмена. Разделение культурного и информационного пространств, институционализированное в индустриальную эпоху, перестает быть очевидным. Понятие инфотейнмента оказывается, для постиндустриальной эпохи, абсолютно естественным.

Эти закономерности сегодня находятся в поле научного интереса. В исследованиях блогосферы преобладают работы, посвященные практикам ее использования как образовательной среды, роли в структурировании политического пространства. В меньшей степени исследована роль блогосферы в реорганизации коммуникативного пространства, в аспектах его самоорганизации [1], государственного регулирования [2]. Требуют дальнейшего изучения и вопросы позиционирования блогеров [3].

Цель исследования – уточнение модели потребностей молодежной аудитории VLOGa в пространстве Youtube, как фактора организации коммуникативной среды. Эмпирическую базу исследования составили размещенные в Интернете материалы, отражающие сетевую активность молодежи; материалы авторских опросов (интервью). Базовым методом их изучения стал дискурсивный анализ. Реализована акционистская программа, реальным продуктом которой стал VLOGa на Youtube.

Российская блогосфера сформировалась, по сути, за последнее десятилетие. Еще в середине нулевых она представляла собой нишевое явление, была «девичьей»: средний блогер середины нулевых годов – девушка 21 года, которая живет в Москве и учится в ВУЗе. Сегодня положение дел изменилось весьма основательно. Блог по-прежнему остается, в абсолютном большинстве случаев, инструментом рефлексии, поиска самоидентичности. Однако, если десять лет назад блогерами были «продвинутые» девушки, со своим кругом интересов, сегодня простой количественный рост обеспечил «размывание» этого ядра, расширение тематики, снижение уровня рефлексивности до принятого в обществе в целом.

Нами осуществлено онлайн-интервью на площадке ВК.

Прежде всего, уточнялось, в какой информации нуждаются пользователи больше всего в Интернете. Людей интересуют «новости в стране, за рубежом, информация развлекательного характера (поиск музыки, приложения, фото)», «новости, музыка, игры, фильмы», «музыка, фильмы, объявления, общение». «Больше всего времени я уделяю поиску информации об различных программах магистерского цикла, а также смотрю различные сайты грантовых конкурсов на учебу. Это связано с тем, что я нахожусь на последнем курсе института и планирую продолжить обучение», говорит наш респондент. Он единственный, сосредоточенный на чисто прагматическом интересе; все остальные не разделяют свои потребности в информации и развлечении. «Все сайты удовлетворяют моим потребностям. Все что мне нужно, для меня находится в полном доступе», несколько идеализирует

ситуацию другой респондент.

Мы попросили респондентов определиться касательно музыкальных предпочтений, где ищут музыку и как выбирают. «Слушаю то, что моё ухо воспримет положительно. По поводу поиска я не заморачиваюсь, не ищу в просторах Интернета и не покупаю в приложениях. Существует в наше время такая удобная штука как кэширование аудиозаписей, поэтому поиск музыки не составляет никакого труда». Довольно интересное суждение, демонстрирующее позицию человека, воспитанного на сервисах, возникших, по сути, за последнее десятилетие. «Музыку слушаю на радиостанции и музыкальных каналах, предпочитаю любые жанры, музыку ищу на специальных музыкальных сайтах». Это позиция человека, также не имеющего определенных предпочтений, но более «ортодоксального» в своем подходе к выбору музыки. Следующий респондент по своим ориентациям вполне типичен: «попса, вконтакте, рекомендации, новинки». В общем-то, это – идеальный пользователь современных сервисов.

Какие видео вас интересуют на Ютубе, о чем бы вы сняли свое видео, спросили мы участников диалога. Имеет место критический взгляд на данный сервис: «для меня этот видео-хостинг неудобен... Возможно как-то я неправильно пользовалась этим контентом, но могу сказать, что видео это не моё». «Ютубом вообще не пользуюсь, поэтому я не могу ответить полностью на этот вопрос». «редко смотрю на ютубе ролик какой-нить». Наличие значительной доли ответов такого рода говорит о том, что Youtube не для всех в России является сервисом номер один в отношении музыки и видео. И создание на этом сервисе канала предполагает разработку стратегии формирования своей собственной аудитории.

Блогерское движение, вообще говоря, только в очень искаженной системе координат может восприниматься, как нечто чуждое традиции, порожденное лишь информационной эпохой. Нет ничего более естественного, чем готовность людей обсуждать различные аспекты своей жизни. Блоги не надо, даже, отождествлять с дневниками, которые, в бумажную эпоху, вели, разумеется, не все. Зато почти все участвовали в распространении сплетен.

Ошибка кроется в отождествлении интернет-среды с теми или иными проявлениями письменной культуры. Миллионы людей, которые не писали бы ничего, кроме того, что их заставят, прежде, и, по сути, не пишут сейчас, вполне успешно ведут блоги – потому, что в бумажную эпоху обменивались бы не письмами, а мнениями, сплетнями, в своем ближайшем окружении. Интернет просто расширяет это окружение, не более того.

Поэтому надо принципиально различать массовое блогерство и инициативы отдельных лиц, именуемых блогерами, но в действительности выступающих совсем в иной роли. Когда Джерард Уинстенли публиковал свои памфлеты с призывами радикально перестроить английское общество, он занимался вовсе не тем же, чем сотни тысяч его современников, судачивших в пабах, или дома, о самых разных вещах. Он осознанно обращался к населению Англии, желая убедить, поменять установки,

заставить действовать. И выступал как пропагандист, идеолог, политики, но не как блогер. В частом применении эпитета «блогер» к А. Навальному происходит подмена понятий. Он ведет блог, но и Р. Кадыров ведет, но его блогером никто не называет – потому, что у Р. Кадырова есть другая работа. Но А. Навальный просто использует свой интернет-ресурс для пропаганды политической позиции, и этим, как и Р. Кадыров, кардинально отличается от миллионов блогеров. Первично в нем именно то, что он политик.

Абсолютное большинство блогеров не задумывается вовсе, к кому, и зачем, обращается, точно так же, как не задумываются об этом люди, сплетничающие о миллионах разных вещей, не задаваясь вопросом, зачем они это делают. По сути, речь идет совсем об иной потребности, связанной не с решением проблемы, а с обретением ощущения не-одиночества.

И здесь мы подходим к самому важному. Блогосфера не заменяет собой СМИ, а вытесняет их, меняет базовую парадигму информационного пространства. Трансляция информации уступает место неупорядоченному циркулированию сплетен, иерархии – диссипативным структурам.

В чем, действительно, состоит информационная революция, это в кризисе института СМИ. Созданный относительно недавно, он органичен именно индустриальной цивилизации, и, вполне естественно, утрачивает свое значение. Поэтому не надо механически отождествлять блогеров с журналистами, происходит не замена акторов, а фундаментальное изменение в соотношении публичного и приватного пространств.

Гипертекстовая организация естественно предполагает мультимедийность. Потенциальная возможность интегрировать в информационный поток материалы любого типа, созданная дигитализацией, реализуется просто потому, что технически не представляет сложности. Но, поскольку видеоряд многократно эффективнее для трансляции информации, чем текстовая ее подача, стратегии, основанные на использовании мультимедиа, становятся преобладающими.

Литература и источники

1. Ростова, А.Т. Интернет-блог как инструмент социальной коммуникации российской молодежи / А.Т. Ростова [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Т. 3. – № 11. – С. 110–112.
2. Орлова, К.А., Блог как новая форма массовой коммуникации: особенности правового регулирования / К.А. Орлова, К.А. Кирилин // Медиаисследования. – 2015. – № 2. – С. 192–201.
3. Белоусова, А.В. Блог как новый канал продвижения // Проблемы управления развитием организации и опыт подготовки менеджеров. Сборник научных статей. – Краснодар, 2014. – С. 8–11.

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ СЕТЕВЫХ КОМЬЮНИТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГА

Яковлев Л. С., Жилова А. М. (Саратов, Россия)

Интернет создан взаимодействием двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, бизнес с самого начала пытался использовать новые возможности, создаваемые электронными коммуникациями. При этом, на первых порах, до масштабного развития электронной торговли, прямым источником прибыли была информация. Пользовалась этим каналом Microsoft, хотя, до рубежа веков, он имел второстепенное значение, сравнительно с продажей программных продуктов на дискетах и CD; AOL, первоначально, представляла собой, главным образом, платную закрытую базу данных. С другой стороны, глобальная сеть создавалась благодаря деятельности сотен, потом тысяч и десятков тысяч комьюнити.

Природа комьюнити во многом определяется их генезисом. Они возникли, как университетские сообщества, потом интегрировали хакерскую культуру, и лишь позже стали приобретать черты, определявшиеся объединением пользователей компьютерной техники и программного обеспечения. В рамках социологического подхода к исследованиям Интернета комьюнити придается ключевое значение. М. Кастельс по сути отождествляет информационное и сетевое общества, утверждая, что Сеть является организационной структурой информационного общества. Интернет опосредует переход к новому типу социума и обеспечивает ускорение экономических трансформаций. Принципиально важная особенность Интернета как коммуникационного канала в этой схеме – его «общинный характер» [1]

По данной конкретной позиции эта точка зрения не является единственно принятой в науке. Представлена и несколько иная позиция: «мы приносим с собою в Internet все свое убожество, а потом начинаем искать, кого бы – Гейтса, Джобса, Цукермана – обвинить в том, что там не совсем уютно. Глобальная деревня воображается, как полтора миллиона деревень, населенных людьми, никогда не выходившими за околицу, и мало кому по-настоящему есть дело до соединяющих их телекоммуникаций, понимаемых лишь как инструмент для трансляции "реалити-шоу"... Internet – право на письмо без адреса, право быть частицей не комьюнити, закрытого от мира ксенофобией, снобизмом, табу, а Вселенной, готовой говорить с тобой в любое мгновение, не спрашивая твоего имени» [2]. Возможно, в этом подходе несколько гипертрофируются возможности индивидуализации пользователей, но, во всяком случае, для определенной их части, он имеет смысл.

Возвращаясь к М. Кастельсу, отметим, что, с его точки зрения, виртуальные сообщества функционируют, основываясь на двух общих принципах – горизонтальной свободной коммуникации и «самонаправляемой организации Сети». Виртуальные сообщества («комьюнити») объединяют

людей общими интересами, целями, имеют другие содержательные параметры. В определенном смысле, для Кастельса эти сообщества продолжают тенденции, заданные урбанизацией. «Культурные движения (то есть, движения, ставящие своей целью защиту или предложение особого образа жизни и мышления) создаются на базе коммуникационных систем (главным образом, Интернет и СМИ), поскольку они являются основным средством, при помощи которого такие движения смогут войти в контакт с теми, кто мог бы придерживаться подобных ценностей».

Однако, преодоление обрисованной М. Кастельсом биполярной оппозиции между Сетью и «Я» представляется нам возможным не посредством возвращения к традиционной идентичности, а путем более решительного движения вперед, к максимальному развитию сетевых структур. Личность, при этом, не растворяется, а получает реальные возможности для расширения своего жизненного пространства. Человек освобождается от тирании момента [3] и тирании места, от закрепощенности принадлежностью к аскриптивно предопределенному статусу, заданной местом рождения среде.

Существенное воздействие на способы интеграции индивидов в сетевое пространство оказало развитие Интернет-торговли. Если 15–20 лет назад, наряду с поиском информации, основным содержанием деятельности пользователей в сети было, собственно, общение, в последнее десятилетие возрастает значение потребления товаров и услуг через сеть. В контексте нашей темы особенно важно выделить схему В2С (бизнес-потребитель) и схему С2С (потребитель-потребитель).

Первый случай лишь кажется очевидным. Суть не в том, что предприниматель использует некий новый способ продаж. Во-первых, процесс торговли становится, в этой модели, интерактивным. Покупатель получает возможность просмотреть характеристики на сайте поставщика, выбрать нужную конфигурацию и заказать продукт с доставкой. Коммерсанту же возможности Интернета позволяют оперативнее отслеживать спрос. Разумеется, элементы всего этого были и раньше. Продавец предоставлял покупателям каталоги, пытался наладить обратную связь. Однако, все это воспринималось участниками процесса лишь как дополнение к традиционному взаимодействию. В случае интернет-торговли интерактивность интегрирована в сам процесс купли-продажи, является его неотъемлемой частью.

Во-вторых, с 2010 года в России интенсивно развивается социальная коммерция как подвид электронной коммерции, предполагающая использование средств массовой информации, социальных сетей и интернет-СМИ, для оказания помощи в онлайн покупке и продаже продуктов и услуг. В узком и практическом смысле, социальная коммерция – это использование социальных сетей в контексте транзакций электронной торговли. Социальная коммерция сегодня – это постоянный обмен информацией, всевозможные рейтинги и обзоры, рекомендации пользователей и инструменты социальных покупок (публикации о самом акте покупки в Интернете), форумы и

сообщества, социальная оптимизация средств массовой информации, социальные приложения и социальный маркетинг.

Интернет-торговля, в определенной степени, способствует преобразованию традиционных комьюнити. Потребительские сообщества, организуемые вокруг систем взаимного консалтинга, существенно отличаются от хакерских и игровых форумов, доминировавших в 90-е годы. Для них, в отличие от прежних комьюнити, перестали быть характерны устойчивость состава, культурная и профессиональная однородность участников, комплексный характер взаимодействий. Интернет-сообщества нового типа значительно слабее консолидированы, чем прежние, и больше открыты внешним воздействиям.

Литература и источники

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.
2. Яковлев, Л.С. Оттенки смысла // Науки о культуре в перспективе «digital humanities»: Материалы Международной конференции 3–5 октября 2013 г., Санкт-Петербург. – СПб, 2013.
3. Эриксен, Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. – М., 2003.

ГЛОКАЛИЗАЦИЯ БРЕНДА В СОВРЕМЕННЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Ясюкевич В. С. (Минск, Беларусь)

Несколько лет назад глобализация стала новой парадигмой в международном бизнесе, однако с точки зрения брендинга, она потеряла свою изначальную эффективность. Из-за централизованного принятия решений корпорациями, большинство глобальных компаний просто перестали поддерживать связь с новым мировым рынком. В связи с этим появился новый термин, который совмещает в себе понятия глобальный и локальный – глокальный. Глокализация подразумевает под собой возможность «мыслить глобально, действовать локально». Компании в данном случае могут действовать, используя глобальный бренд, в то же время подстраивать отдельные элементы бренда, чтобы удовлетворить потребности той или иной страны.

В 1983 году Теодор Льюитт опубликовал провокационную статью в Harvard Business Review под названием «Глобализация рынка», в которой провозгласил зарождение нового глобального рынка, основанного исключительно на стандартизированных продуктах и услугах. Он утверждал, что крупные компании прекращают подчеркивать уникальность своих предложений, заменяя их глобальной стандартизированной продукцией, которая прогрессивна, функциональна, надежна и недорога. Будущее, по словам Льюитта, принадлежит глобальным корпорациям, которые не обращают внимания на местные различия, а, вместо этого, взяли на

вооружение стратегию «работать так, словно весь есть единое целое; такие организации продают одно и то же одинаковым образом везде». В своей статье Льюитт использовал большое количество примеров корпораций, которые до сих пор у большинства людей ассоциируются с глобализацией как таковой (Coca Cola, Pepsi, McDonald's), что сделало материал еще более правдоподобным. В самом деле, термин глобализация был впервые введен Льюиттом в этой статье, а сам материал получил много откликов в экономической среде.

Тем не менее, даже если продажа стандартизированных продуктов и услуг была хорошей стратегией, мир развивается, и покупатели перестали чувствовать связь с типовой продукцией и не откликаются на предпринятые корпорациями коммуникации. Теперь, даже компании, чьи названия были синонимами слову «глобализация», приняли совершенно иной курс. Например, Coca-Cola, компания, которая часто изображается в качестве образца стандартизированной продукции, обнаружила, что их общая для всех, или «глобальная» стратегия продвижения, изжила себя. Уроком для них стала значительная потеря доли рынка как на глобальном, так и на местных уровнях.

Мировые корпорации сталкиваются с большими трудностями, когда необходимо принять ту или иную маркетинговую стратегию. Тем не менее, мировые маркетологи должны решать огромное количество задач, чтобы обеспечить их бренду мировой успех. Такие трудности включают в себя большие различия в экономической, политической, социальной и культурной жизни определенных регионов. В то время как теория стандартизация действительно работает на стратегическом уровне, часто она не подходит на тактическом этапе, когда учитывается все богатство различий.

Глокальная стратегия стандартизирует отдельные основные элементы, но, тем не менее, оставляет пространство для локальных коммуникаций. Это своеобразный компромисс между глобальной и локальной маркетинговыми стратегиями.

Понятие «глокализация» впервые появилось в 1980-е в статье в Harvard Business Review, написанной японским экономистом, и пошло от японского слова «dochaku». Японские иероглифы «do», «chaku» и «ka» означают соответственно «земля», «прибыть» и «процесс» на английском языке. В русский язык слово пришло путем калькирования с английского. Роланд Робертсон, которые занялся популяризацией этого понятия, описывал глокализацию как «эффект, производимый локальными условиями на мировые тенденции», что в буквальном смысле означает «одновременное присутствие универсальных и специфических(индивидуальных) тенденций» [2].

Томас Фридман оценивает глокализацию как «способность отдельной культуры, когда она сталкивается с другими сильными культурами, поглощать то влияние, которое натурально вписывается и может обогатить ее, противостоять тем вещам, которые абсолютно чужды ей, и различать те вещи, которые не подходили ей, но, тем не менее, могут быть рассмотрены

как "свои"» [3, с. 448].

Глокализация, таким образом, означает искусство усвоения иностранного влияния в обществе, которое добавляется к его существующему многообразию, не перегружая его.

Филипп Котлер выделил следующие преимущества глокального маркетинга:

- покупатели чувствуют связь с брендом, отмечает его соответствие своим потребностям;
- гармония и баланс между разными уровнями маркетинговых активностей: стратегическом, тактическом и оперативном;
- компания завоевывает большую долю рынка [4].

В последние годы мегакорпорации стали все больше прислушиваться к своим коллегам из локальных департаментов, чтобы адаптировать свой продукт под нужды местного потребителя. Так, многие транснациональные компании стали делегировать больше поручений и давать большую свободу в принятии решений своим местным менеджерам, а не указывают из центрального штаба. Между тем, такие крупные компании, как Philip Morris и Coca-Cola стали приобретать большее количество акций местных брендов.

Рекламные обращения требуют непрременной адаптации к этнокультурным особенностям аудитории. Однако адаптация рекламного текста – это не только перевод слов, но и перевод идей. В равной мере это относится и к рекламным идеям, и к товарным знакам, и к визуальному ряду – к любому аспекту, создающему отношение потребителя к товару.

Таким образом, рекламное сообщение, не учитывающее национально-культурные особенности аудитории, рискует стать неэффективным, и основные причины здесь следующие: во-первых, если в сообщении использованы образы, призывы, мотивы и другое, противоречащие нормам, обычаям, ценностям культуры региона, подвергаемого рекламному воздействию, традициям культуры потребителя, если не учтены ограничения, устанавливаемые местными регулирующими органами. Во-вторых, если использованы непонятные для данной аудитории иностранные слова, неадекватно интерпретируемые ею образы, символы других культур, вследствие чего теряется или искажается информация, передаваемая в сообщении, а также если использованы неблагозвучные или имеющие негативные смысловые оттенки в языке этой культуры.

В этой связи существуют некоторые правила, которым следуют рекламисты при разработке и проведении рекламной кампании международного бренда:

- 1) необходимо адаптировать рекламное сообщение к этнокультурным особенностям аудитории;
- 2) обязателен учет правил рекламирования, принятых в стране, где планируется провести рекламную кампанию: рекламное законодательство, налоговое законодательство, нормы и правила, традиции, ограничения и запреты;
- 3) необходимо принимать во внимание особенности системы средств

массовой информации и правил размещения рекламы;

4) следует учитывать правила использования в рекламных объявлениях иностранных слов и марок;

5) необходимо знать правила деятельности агентств (зарубежных, работающих в стране, где рекламируется товар, и национальных) и их возможности.

Концепция глокального маркетинга предусматривает использование смешанного маркетинга в отдельных регионах и во всем мире. Это обстоятельство создает ситуацию, в которой конкурентная позиция компании в одной стране может быть оценена значимой, исходя из позиции ее марки в другой стране. При этом существенное значение приобретает рекламно-информационная поддержка бренда, адекватная восприятию потребителей тех стран, в которых она позиционируется [1, с. 159].

Как мы выяснили, даже такие крупные бренды, такие как McDonald's и Coca-Cola, которые ранее были синонимами понятия глобализация, постепенно осознают изменения, произошедшие в мире, и стараются изменить свою продукцию, чтобы соответствовать запросам потребителей и не потерять свою долю рынка. Глокальный маркетинг как бы старается заполнить дыру между локальной культурой и предпочтениями и глобализацию маркетинговых мероприятий, и пытается создать связь между мировыми брендами и различными культурами.

В конце хотелось бы сказать, что потребителям нужны как глобальные бренды, так и местные. Бренды, которые дают им чувство объединенности с международным сообществом, но в то же время и бренды, которые погружают их в собственную культуру, уважают и отвечают их предпочтениям. В этом случае, глокальная маркетинговая стратегия действительно является выходом.

Литература и источники

1. Головлева, Е.Л. Торговая марка: Теория и практика управления. – М., 2005.
2. Современная социальная теория: [Электронный ресурс] / Теория глокализации и проблема сущности локальной культуры. – Режим доступа: <http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/34427/1/4-8.pdf>.
3. Фридман, Т. Lexus и олива. Понимая глобализацию. – М., 2003.
4. Multidimensional Glocal Leadership Scale [Electronic resource] – Middle-East Journal of Scientific Research. – Mode of access: [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr8\(2\)11/2.pdf](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr8(2)11/2.pdf).

**ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ
С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ**

Акопян Н. И. (Гродно, Беларусь)

Развитие и становление личности ребенка с интеллектуальной недостаточностью происходит посредством включения его в практическую деятельность и социальное взаимодействие с окружающими людьми. Это сопровождается возникновением разнообразного спектра эмоциональных проявлений, переживаний, чувств, которые составляют эмоциональную сферу индивида.

Развитие собственно эмоциональной сферы ребенка рассматриваемой категории происходит под влиянием перемен, связанных с возрастными изменениями, воздействием социальной среды, взаимодействием с другими людьми, наличием чувства морального умиротворения и спокойствия.

Для детей с интеллектуальной недостаточностью характерна незрелость и специфичность эмоциональных проявлений, что связано, в первую очередь, с нарушениями познавательного компонента развития.

В процессе познания окружающей действительности и человеческих взаимоотношений у детей рассматриваемой категории обнаруживаются проблемы эмоционального развития, что отражается на их поведении и общении со сверстниками и взрослыми. Проблемы эмоционального развития влекут за собой формирование признаков социально-эмоционального неблагополучия, а значит, и потерю эмоциональной безопасности.

Эмоциональная безопасность играет важную роль в процессе освоения детьми социального опыта. Она включает в себя, в первую очередь, формирование эмоций

Формирование эмоций – важнейшее условие развития личности человека. Высшим продуктом развития эмоций являются чувства. Они возникают в онтогенезе эмоций, которые проявляются в определенных ситуациях. Сформировавшиеся чувства становятся главными детерминантами эмоциональной жизни человека, от которых зависит возникновение и содержание ситуативных эмоций (например, чувством любви может быть обусловлена гордость за любимого человека, огорчение из-за постигших его неудач и т.д.) [1, с. 684].

В проявлениях эмоциональной сферы личности выделяют три уровня.

Первый – уровень органической аффективно-эмоциональной чувствительности, который характеризуется физическими чувствованиями удовольствия – неудовольствия и обусловлен органическими потребностями (беспредметные тоска, тревога или радость).

Второй – уровень эмоциональных проявлений, которые составляют предметные чувства (эмоции), их возникновение обязательно обусловлено конкретной причиной, осознаваемой человеком (любовь или ненависть к определенному лицу, возмущение каким-либо человеком или событием).

Третий – уровень обобщенных эмоций и чувств, которые чаще всего выражают общие устойчивые мировоззренческие установки личности (мировоззренческие чувства) [2, с. 579].

Эмоциональная безопасность включает также понятие общего психологического благополучия и равновесия. Некоторые исследователи (А.А. Гончаров, В.А. Бешенов) рассматривают собственно психологическое благополучие как состояние отсутствия внутренних раздражителей, способных вызвать негативные эмоции длительного и болезненного характера (сожаление о сделанном, стыд, отчаяние, ненависть к себе, чувство вины, разочарование в себе, отчужденность, неуверенность и другие).

Следствием потери психологического благополучия ребенком с интеллектуальной недостаточностью выступает нарушение его поведенческих реакций, что зачастую проявляется в агрессии по отношению к окружающим сверстникам и взрослым, в целенаправленном деструктивном поведении, противоречащем нормам и правилам сосуществования людей в обществе.

Некоторые исследователи отождествляют эмоциональную безопасность с психологической безопасностью и определяют ее как состояние защищенности психики ребенка от воздействия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентированной основы социального поведения человека и в целом жизнедеятельности в современном обществе, а также адекватной системы его субъективных (личностных, субъективно-личностных) отношений к окружающему миру и самому себе [3, с. 33].

В специальной литературе рассмотрены некоторые аспекты отсутствия психологической безопасности у детей с интеллектуальной недостаточностью, которые в совокупности определяются как состояние эмоционального неблагополучия. Возникновение эмоционального неблагополучия может быть обусловлено различной степенью проявлений следующих групп факторов:

1. биологические факторы (генетические или наследственные);
2. социально-психологические (особенности социального окружения);
3. воспитательные (особенности педагогического стиля воздействия на развитие личности ребенка).

Эмоциональная безопасность включает не только формирование эмоций и общее психологическое благополучие и равновесие, но и наличие умений определять эмоциональные состояния у себя и окружающих, причины и предпосылки их возникновения, и, как следствие, наличие способности и возможности к проявлению адекватных различным жизненным ситуациям эмоций.

В силу особенностей психофизического развития детей с интеллектуальной недостаточностью, мы можем говорить о формировании у них лишь основ эмоциональной безопасности, т.е. той базовой ступени, способствующей эмоциональной защищенности и оптимальной социальной адаптации.

Таким образом, эмоциональная безопасность детей с интеллектуальной недостаточностью предполагает наличие у них начальных знаний, умений и способов деятельности, которые могут обеспечить возможность правильно дифференцировать собственные эмоциональные состояния и эмоциональные состояния других (людей и животных), определять причины возникновения эмоциональных состояний и осуществлять выбор адекватного эмоционального поведения в различных жизненных ситуациях, что способствует эмоциональному благополучию и успешной социальной адаптации.

Литература и источники

1. Педагогика. Современная энциклопедия / под общ. ред. А.П. Астахова. – Минск, 2010.
2. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. – СПб, 2000.
3. Грачев, Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. – М., 1998.

ДИНАМИКА И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ВОПРОС ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПЕРЕВОДА

Антонов С. Н., Савастюк Т. А. (Минск, Беларусь)

Значительные изменения, направленные на модернизацию содержания системы языкового образования в Республике Беларусь, внедрение современных методов и технологий, позволяющих обучающимся практически овладеть изучаемым языком в контексте межкультурной коммуникации, происходящие в настоящее время в стране, требуют новых идей и подходов к преподаванию не только иностранного языка, но и перевода. Решение этих задач потребует совершенствования качества научно-методического, учебно-методического, информационно-технологического, организационного и другого обеспечения образовательного процесса. В этой связи предусматривается постоянное обновление содержания и структуры педагогического образования на всех уровнях, причем приоритетным направлением является подготовка, переподготовка и повышение квалификации педагогических кадров, и совершенствование классификации специальностей высшего педагогического образования.

Несмотря на это, хотелось бы обратить внимание на наличие парадоксальной ситуации. Развитие международных связей и контактов с зарубежными партнерами способствовали созданию многочисленных

переводческих отделений на базе ряда высших учебных заведений. Словом, профессия сейчас востребована как никогда ранее. Министерством образования разработаны и утверждены соответствующие учебные программы, сформулированы требования, предъявляемые к выпускникам переводческих факультетов, определены конечные задачи обучения и т.д. В стране издаются учебники и учебные пособия, которые дают студентам и слушателям возможность освоить основы будущей профессии. Тем не менее, при этом ни один педагогический вуз не готовит преподавателей перевода, а полноценный курс методики преподавания перевода не читается нигде, хотя потребность в этом вполне очевидна. Разумеется, можно сказать, что, несмотря на многовековую историю, перевод, вследствие своего междисциплинарного характера, оформился в самостоятельную науку лишь в начале двадцатого столетия. Соответственно, и необходимость преподавания перевода как отдельной научной дисциплины возникла относительно недавно, а на научную основу подготовка переводчиков была поставлена лишь во второй половине XX столетия. Тем не менее, в настоящее время, когда переводоведение получило статус самостоятельной научной дисциплины со своей теоретической базой, концепцией и системой терминов, возникла необходимость в специальной методической подготовке преподавателей перевода и в разработке принципов и методов соответствующего учебного процесса.

У нас же в большинстве случаев обучение переводу осуществляют преподаватели иностранного языка или практикующие (зачастую практиковавшие ранее) переводчики. У первых не всегда имеется опыт переводческой деятельности, а у вторых не хватает систематических знаний из сферы образовательных технологий; в результате методы обучения переводу чаще всего однообразны и ограничиваются использованием традиционной методики, прежде всего заданий типа «Переведите слово/ словосочетание / предложение / абзац / текст». В любом случае, ни одни, ни другие недостаточно квалифицированы для того, чтобы работать по специальности «Преподаватель перевода», поскольку в первом случае студенты изучают методику преподавания только иностранного языка, а в ней отсутствует такой важный компонент как методика преподавания перевода. Более того, преподавание иностранного языка отличается от преподавания предмета перевода, поскольку преследует несколько иные цели и задачи. Во втором случае осуществляется практическое овладение переводческой деятельностью и усвоение ее принципов и методов, но студентов также не обучают методике преподавания перевода. Иными словами, обучение преподавателей иностранного языка нацелено на формирование педагогической компетенции, а переводчиков – формирование переводческой компетенции.

В процессе же обучения преподавателю перевода необходимо исходить из того, что перевод отличается от других видов речевой деятельности, так как при его осуществлении совмещаются либо аудирование и говорение (характерно для устного перевода), либо чтение и письмо (характерно для

письменного перевода). Перевод отличается и тем, что одновременно задействованы несколько языков, чаще всего, два (иностраный и родной). В процессе перевода, вне зависимости от его формы (устной или письменной), выделяются три основных этапа: 1) декодирование или понимание (чтение, аудирование) текста на исходном языке, 2) непосредственно перевод, 3) кодирование (письмо, говорение) текста на языке перевода. К тому же, в условиях расширения международных связей и обмена информацией, переводческий процесс рассматривается как многоаспектная деятельность, предусматривающая преодоление не только языковых, но и культурных барьеров. Перевод является видом коммуникативной деятельности, при которой переводчик выполняет важную социальную функцию посредника между по меньшей мере двумя разноязычными и разнокультурными сообществами. Эти процедуры представляют собой ряд сложных мыслительных операций, которые наряду с вышеназванными особенностями перевода как вида деятельности, как представляется, не ограничивают, а только расширяют возможности преподавателя перевода, одновременно предъявляя к нему ряд особых требований в плане квалификации и профессиональных компетенций возможностей.

Представляется, что в связи с вышесказанным и отсутствием системной подготовки преподавателей перевода важно для начала в качестве отправной точки дать определение квалификационных требований и профессиональных компетенций этой специальности.

Думается, что в основу квалификационных требований должны быть положены компоненты профессиональной компетенции, связанные с реализацией целей обучения предмету перевода на различных уровнях, с учетом современных социальных требований и реальных условий образования. Поэтому в качестве базовых компонентов компетенции «Преподаватель перевода» видятся следующие: общепедагогическая компетенция (психолого-педагогическая и методическая); предметная компетенция (в сфере специальности преподавателя); лингвострановедческая и филологическая компетенция; исследовательская компетенция; профессионально-значимые качества личности. В свою очередь профессиональные компетенции преподавателя перевода должна соответствовать целому ряду требований: 1) преподавать дисциплину перевода должен специалист, имеющий собственный переводческий опыт, обладающий соответствующими профессиональными компетенциями, знакомый с характером переводческой деятельности, возможностями, трудностями и условиями работы переводчика; 2) преподаватель перевода по своей профессиональной компетенции должен не только владеть всеми аспектами переводческой компетенции, но и превосходить ее по объему знаний и умений. Соответственно, и владение иностранным языком, и переводческими стратегиями должно быть существенно выше, чем у обучаемых; 3) преподаватель перевода должен обладать знаниями в области различных аспектов иностранного и родного языков, знать нюансы семантики, понятийно-терминологические и коннотативные аспекты

языковых единиц, социально-культурную инфраструктуру языка, уметь объяснить своеобразие системной организации и функционирования языка, раскрыть особенности видения «языковой картины мира», разъяснить принципы подхода к переводу как к акту межкультурной коммуникации. Преподаватель перевода должен видеть и уметь исправлять языковые и речевые ошибки, знать особенности построения текстов разных типов и стилей и т.п.; 4) Анализируя содержание текста оригинала, обсуждая стилистические особенности и смысловые тонкости, уместность употребления языковых средств в определенных ситуациях общения, преподаватель использует методы и терминологию лексикологии, семасиологии, грамматики и других лингвистических дисциплин. Соответственно, преподаватель должен быть готов дать разъяснение, напомнить значение используемых им терминов. По сути, преподаватель перевода должен быть очень квалифицированным лингвистом; 5) Преподавание перевода предполагает широкую общеобразовательную эрудицию в области страноведения, истории, литературы, языкознания, как страны изучаемого языка, так и родного. Как и переводчик, преподаватель перевода должен пополнять свои знания в специальных областях, для обеспечения качества понимания перевода; 6) Несмотря на то, что обучение иностранному языку не является основной задачей преподавателя перевода, нередко ему приходится выступать и в этом качестве; 7) Главное отличие преподавателя от переводчика-практика состоит в том, что он должен не только профессионально переводить, но и уметь объяснить общие принципы, методы и приемы перевода, сформировать и объяснить характер переводческих проблем, показать возможные варианты их решения – то есть быть талантливым педагогом; 8) Более значительным опытом располагают преподаватели, занимающиеся практической и исследовательской деятельностью в различных областях переводоведения: критика перевода, лингвистические трудности перевода, терминологии и т.д., то есть преподаватель перевода должен заниматься научной деятельностью.

Таким образом, подводя итоги, нужно сказать, что профессия преподавателя перевода чрезвычайно многогранна, так как преподаватель перевода – это и педагог, и переводчик. Вопрос подготовки преподавателей перевода, способных передать свои знания и опыт будущим переводчикам, является крайне актуальным. Необходимо разработать программу «Преподаватель перевода», поставить на прочную научную и методическую основу процесс подготовки кадров по специальности «Преподаватель перевода» на базе высших педагогических учебных заведений.

ДИНАМИКА НАУЧНЫХ КАДРОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ

Антонова Т. А. (Минск, Беларусь)

Основными чертами информационного общества являются его интенсивная информатизация, создание новых интеллектуальных технологий, ускорение темпов развития техники, превращение информации в важнейший глобальный ресурс человечества. Ведущую роль в этих процессах играет наука, при этом основным социальным и этическим требованием человеческого развития, а также важнейшим условием всестороннего раскрытия потенциала научного сообщества является обеспечение гендерного равенства в сфере научной деятельности. В этой связи важное значение имеет анализ данных государственной статистики, позволяющий не только фиксировать, но и отслеживать в мониторинговом режиме количественные изменения, происходящие в гендерном составе научных кадров, содействуя тем самым принятию решений, в том числе, на государственном уровне, по оптимизации кадровой политики в сфере науки.

Анализ статистических данных о кадровом составе белорусской науки показал, что начиная с 90-х годов XX столетия, в первую очередь, в связи с новыми социально-экономическими условиями, общая численность исследователей в стране стала уменьшаться, при этом, изменилось и гендерное соотношение – доля мужчин стала расти, а женщин – падать. В итоге, к концу 2004 года это соотношение составило, соответственно, 55,6% и 44,4%.

Анализ гендерного состава исследователей Беларуси по данным 2005–2010 гг. свидетельствует о том, что в этот период среднее процентное соотношение женщин и мужчин среди исследователей практически не менялось и составляло в разные годы от 42,2% до 43,9% – у женщин и от 56,1% до 57,8% – у мужчин. Что касается различных областей науки, то в сфере общественных наук доля женщин выросла на 7,8%, а в сфере медицинских наук – снизилась на 4,6%. В области естественных наук доля мужчин в этот период уменьшилась на 7,7%, женщин – на 11,1%. Аналогичная картина наблюдалась и в области сельскохозяйственных наук, где при общем уменьшении численности исследователей обоих полов доля мужчин незначительно выросла, а женщин – снизилась (на 0,4%), при этом среднее процентное соотношение женщин и мужчин составляло, соответственно, 57,6% и 42,4%. В области гуманитарных наук общее сокращение численности исследователей, также, произошло за счет женщин, тем не менее, доля женщин в этот период не опускалась ниже 56,3%, а мужчин, соответственно, не поднималась выше 43,7%.

Как показал анализ, общая численность докторов и кандидатов наук среди исследователей за этот период уменьшилась, при этом доля женщин среди специалистов высшей научной квалификации с каждым годом увеличивалась. Так, в 2010 году этот показатель составил 17,0% среди

докторов наук и 36,8% среди кандидатов наук (в 2005 г. – 15,1% и 35,9%, соответственно), при этом, самый высокий удельный вес среди докторов наук-женщин наблюдался в области гуманитарных, медицинских и сельскохозяйственных наук (28,8%; 27,8% и 21,6%, соответственно); среди кандидатов наук – в области медицинских, гуманитарных и естественных наук (57,6%: 48,1% и 42,8%, соответственно). Надо отметить, что 2010 год стал годом с наибольшей численностью (и в абсолютных цифрах, и в процентном отношении) женщин-докторов наук в составе исследователей за весь период 2005–2010 гг. Доля женщин-кандидатов наук на протяжении означенного периода оставалась практически без изменений и не поднималась выше 36,9%. В целом, можно отметить, что для этого периода характерна довольно устойчивая тенденция роста среди исследователей доли женщин высшей научной квалификации.

Таким образом, анализ данных государственной статистики о гендерном составе исследователей, занятых в сфере науки Республики Беларусь, показал, что на протяжении 2005–2010 гг. общее процентное соотношение женщин и мужчин среди исследователей практически не менялось и составляло, в среднем, 43,2% и 56,8%. Так как количественные изменения, произошедшие в гендерном составе исследователей Беларуси за этот период не составляют более 1% в год, они не являются статистически значимыми. Вместе с тем, анализ «качественного» состава научных кадров показал, что число женщин, имеющих ученые степени кандидата и доктора наук, существенно уступает числу мужчин.

С 2011 по 2014 годы тенденция снижения численности исследователей в республике продолжилась, а общее соотношение мужчин и женщин в составе исследователей, по последним данным, составляет 58,8% и 41,2%. Снижение произошло во всех областях науки, кроме медицинских и гуманитарных, где общее число исследователей незначительно выросло: в области медицинских наук – за счет женщин, в области гуманитарных – за счет мужчин.

Практически во всех областях науки доля женщин превышает долю мужчин, что позволяет говорить о том, что процесс «феминизации» науки Беларуси продолжается. Наиболее феминизированными в настоящее время являются области гуманитарных (63,5%) и медицинских (62,9%) наук, далее по убывающей следуют: сельскохозяйственные (59,8%), социально-экономические и общественные (57,1%), естественные (49,1%) науки. Преимущественно «мужской» остается область технических наук, причем доля женщин среди исследователей здесь не только не растет, но и постепенно уменьшается. Так, если в 2004 году она составляла 35,6%, то в 2014–32,1%. Отметим, что в области технических наук сконцентрировано наибольшее число женщин-исследователей (46,8% от общей численности в научных организациях республики). Вместе с тем, анализ квалификационной структуры различных областей науки показывает, что докторами и кандидатами наук менее всего обеспечена именно область технических наук. Так, по состоянию на начало 2015 года в области технических наук доля

женщин-исследователей составила 7,3% докторов и 17,9% кандидатов наук, тогда как в области гуманитарных наук – 30,6% докторов и 56,1% кандидатов наук; в области сельскохозяйственных наук – 22,0% докторов и 47,3% кандидатов, в области медицинских наук – 25,6% докторов и 59,5% кандидатов, а области естественных наук – 18,4% докторов и 43,0% кандидатов, в области социально-экономических и общественных – 14,3% докторов и 42,5% – кандидатов наук. Таким образом, при сосредоточении женщин-исследователей главным образом в области технических наук, обеспеченность ее специалистами высшей квалификации одна из самых низких.

Учитывая, что политика государства в сфере науки направлена на совершенствование ее кадрового состава, о чем свидетельствует ряд нормативно-правовых и законодательных актов, принятых в разные годы, а также тот факт, что в стране растет численность женщин, имеющих высшее образование, магистерскую степень, а также поступающих в аспирантуру, можно предположить, что в ближайшие годы доля женщин в составе исследователей Республики Беларусь будет расти. Анализ статистических данных показывает, что рост удельного веса женщин практически во всех областях науки не приводит пока к существенному увеличению их доли среди исследователей с высшей научной квалификацией. По данным 2014 года, доля женщин с ученой степенью доктора наук составляет 17,7% (в 2004 г. – 15,1%); кандидата наук – 39,3% (в 2004 г. – 34,8%).

Таким образом, увеличение доли женщин в науке оказывается в настоящее время слабо связанным с повышением их научной квалификации, что не позволяет оценивать процесс феминизации науки Беларуси как однозначно положительное явление. Тем не менее, вхождение женщин в науку рассматривается международными аналитиками как активное вовлечение их в общественное производство в сфере высококвалифицированного труда. Таким образом, в условиях расширения общественного производства, развития науки и, соответственно, существования достаточной потребности в рабочей силе, в том числе в научных кадрах, это явление можно считать позитивным.

В целом, динамику развития кадрового потенциала науки Беларуси в гендерном аспекте можно охарактеризовать как довольно устойчивую, с незначительными (порядка 1–2% в год) изменениями показателей в ту или другую сторону. В научной сфере страны отсутствует дискриминация по признаку пола, о чем свидетельствует тот факт, что мужчины и женщины практически поровну представлены во всех областях науки; положительной, также, является тенденция увеличения доли женщин-докторов и кандидатов наук. Тем не менее, наряду с активизацией мер по формированию нового сознания, основанного на ценностях гендерного равноправия, в настоящее время в стране необходим более интенсивный переход от принципа равенства прав мужчин и женщин в науке к принципу равенства возможностей.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Баранова А. С. (Минск, Беларусь)

Интенсивное развитие международных экономических связей и расширение сотрудничества между странами в различных областях экономики и общественной жизни диктуют необходимость развития культурной компетентности специалистов. Необходимость анализа философско-антропологических основ формирования культурной компетентности основывается на понимании человека как «человека культурного». В.М. Розин утверждает, что «первый человек был не человеком разумным, а "человеком культурным", т.е. "Homo kulturel"» [1, с. 168]. Завершение адаптации существа переходной формы расчистило почву для формирования культуры. Существо переходной формы становится архаическим (культурным) человеком только тогда, когда его поведение и деятельность начинают полностью отвечать культурным требованиям (правилам, представлениям, нормам). Человеческое сознание В.М. Розин рассматривает как сознание культурное, сознание в языке, сознание как «самосознание». Человек стал человеком, когда семиотический процесс и культурные реалии укоренились («оспособились») в функциях внимания и памяти, в механизмах распределения психической энергии, в работе воображения и представления, когда они стали реализовываться в форме чувственных образов или ментальных операций, в движениях человека. В этом смысле человек рассматривается не просто как «существо культурное, но искусственное, а культура не только устойчивая форма социальной жизни, но и процесс социализации, окультуривания "человеческого материала", "человеческой субстанции", процесс формирования психики и телесности» [1, с. 169]. Предпосылками человека культурного В.М. Розин считает «не только находящиеся на определённой стадии эволюции сообщества обезьян, но также экстремальные обстоятельства жизни, формирование парадоксального поведения, появление вместо сигналов знаков коммуникации, совместной деятельности с естественными орудиями, наконец, формирование культуры» [1, с. 170].

Дальнейшее развитие человека шло как в рамках отдельных культур (в плане совершенствования его психики и телесности, адаптирующихся к культуре), так и при смене одной культуры другой. Сущность культурного человека осуществляется в его культурной деятельности. В.М. Розин отмечал, что «самоосуществление человека в его деятельности – это образование личности в мире культуры, создаваемой людьми в совместных действиях и взаимных коммуникациях» [1, с. 105].

Для личностного и профессионального развития будущего специалиста как человека культурного органично и необходимо развитие его культурной компетенции (см. об этом: [2]). Необходимость совершенствования процесса формирования культурной компетентности требует рассмотрения личности в

пространстве культуры. Культурная компетентность предполагает рассмотрение сущности личности и культуры, а также их соотношение. Философы, антропологи рассматривают культуру в качестве основания для постоянного самоизменения, совершенствования, развития.

Культура органична природе человека, поэтому формирование культурной компетентности необходимо и также органично для личности будущего специалиста. В.М. Розин утверждает, что «психика эволюционирует вместе "рука об руку" с эволюцией культуры. Поэтому, продолжая парадоксальные утверждения, можно сказать, что человек видит не только глазами и психикой, но и культурой. Культура, формируя психику человека, одновременно предопределяет основные структуры видения человека и зоны его ближайшего развития» [1, с. 316].

Ф. Дистервег разработал принцип культуросообразности, очень важный для осуществления процесса формирования культурной компетентности. Принцип культуросообразности означает необходимость в процессе воспитания принимать во внимание условия места и времени, в которых родился человек или предстоит ему жить, одним словом, всю современную культуру в широком и всеобъемлющем смысле этого слова, особенно культуру страны, являющейся родиной ученика. Культурная компетентность призывает противодействовать ошибочному воспитанию, ложной культуре.

Антропологические основы формирования культурной личности прослежены в работах известных философов, антропологов, психологов. З. Фрейд анализировал проблему личности в культуре, рассматривая культуру как систему норм и запретов, которой присущ психологический конфликт между устремлением к индивидуальной свободе и сдерживающими (во имя интересов социума) эти устремления культурными нормами. З. Фрейд признаёт большое значение человеческой культуры, которая «охватывает, во-первых, все накопленные людьми знания и умения, позволяющие им овладеть силами природы и взять у неё блага для удовлетворения человеческих потребностей, а во-вторых, все институты, необходимые для упорядочивания человеческих взаимоотношений и особенно – для дележа добываемых благ... Как бы мало ни были способны люди к изолированному существованию, они тем не менее ощущают жертвы, требуемые от них культурой ради возможности совместной жизни, как гнетущий груз» [3, с. 67–68]. З. Фрейд признавал пользу культуры, которая обозначала «всю сумму достижений и учреждений, отличающих нашу жизнь от жизни наших животных предков и служащих двум целям: защите людей от природы и урегулированию отношений между людьми...» [3, с. 71]. К культуре он относил «все формы деятельности и все ценности, которые приносят человеку пользу, подчиняют ему землю, защищают его от сил природы» [3, с. 72].

Современными, актуальными и значимыми для формирования культурной компетентности будущего специалиста являются взгляды американского антрополога, представителя неэволюционизма Юлиана

Хэйнга Стюарда, который создал научное направление культурной экологии. Целью данного направления было исследование социальных систем с точки зрения их адаптации к окружающей среде. Согласно культурной экологии, окружающая среда является добавлением, фактором, способствующим приданию формы культурам. Поскольку ни одна культура до сих пор не приспособилась настолько хорошо к окружающей среде, чтобы превратиться в статичную, то процесс культурной адаптации непрерывен. Историк, географ, этнолог, философ, представитель русского космизма Л.Н. Гумилёв показал неразрывную связь человека, культуры, этноса: «Культура – это создание людьми... Культура существует, но не живёт, ибо введения в неё творческой энергии людей она может либо сохраняться, либо разрушаться... А этногенез? Это то условие, без которого создание или восстановление культуры невозможно. Ведь культуры – дело рук людей, а в нашем мире нет человека без этноса. Создание же этноса и его развитие, т.е. этногенез, – это как бы подключение тока к остановившемуся мотору, после чего он снова начинает работать» [3, с. 275].

Философско-антропологический анализ проблемы личности человека и культуры раскрыл понятие человека как культурного человека, показал значимость развития человека в культуре и для культуры, заложил основы дальнейшего развития человека как человека культуры, определил необходимость дальнейшей разработки проблемы культурной компетентности личности. Культурно компетентная личность будущего специалиста будет способствовать успешному осуществлению диалога культур в эпоху глобальных рисков.

Литература и источники

1. Розин, В.М. Философия образования: Этюды-исследования. – М., 2007.
2. Баранова, А.С. Формирование культурной компетентности будущего специалиста в условиях глобального образования // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 24–25 апр. 2013 г.: в 5 ч. Ч.1/отв. ред. Н.П. Баранова. – Минск, 2013. – С. 12–14.
3. Бобахо, В.А. Культурология: Программа базового курса, хрестоматия, словарь терминов / В.А. Бобахо, С.И. Левикова. – М., 2000.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РАБОТЫ К. МАРКСА «ТЕЗИСЫ О ФЕЙЕРБАХЕ» В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Берков В. Ф. (Минск, Беларусь)

В советской литературе взгляд на идеи, заложенные в работе К. Маркса «Тезисы о Фейербахе», формировался прежде всего под влиянием таких произведений, как «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) и «Карл Маркс» (1914). В.И. Ленина. Вследствие этого данные идеи не получили адекватной интерпретации.

Создается впечатление, что Ленин по каким-то причинам даже избегал

цитирования или хотя бы изложения полного содержания первого тезиса, который гласит: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Поэтому *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась абстрактно идеализмом – который, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» [1], В статье же Ленина «Карл Маркс» читаем: «Основным недостатком "старого", в том числе и фейербаховского (а тем более "вульгарного", Бюхнера-Фогга-Молешотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был "преимущественно механическим", не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они "сущность человека" понимали абстрактно, а не как "совокупность" (определенных конкретно-исторических) "всех общественных отношений" и потому только "объясняли" мир, тогда когда дело идет об "изменении" его, т.е. не понимали значения "революционной практической деятельности"» [2].

Как видим, начало приведенного фрагмента по смыслу в своей основе совпадает с марксовым первым тезисом о Фейербахе – и там, и здесь речь идет о недостатке «старого» материализма. Но затем Ленин как бы отстраняется от «Тезисов...». Из поля его внимания исчезает категория практики как ключевое понятие нового мировоззрения, не упоминается об ограниченности свойственного домарксовским материалистам созерцательного подхода (когда считается, что в основе знания лежит простое причинное воздействие внешних материальных предметов на человека), выражение значение «революционной практически-критической деятельности» заменяется на выражение «революционная практическая деятельность» (что в смысловом отношении не одно и то же), и речь фактически идет о том, чего в «Тезисах...» нет. Маркс, например, не утверждал, что поскольку «они (кто "они" – не ясно. – В.Б.) "сущность человека" понимали абстрактно, а не как "совокупность всех общественных отношений", постольку только "объясняли" мир, тогда как речь идет об "изменении" его». Ленин же считает отмеченную здесь зависимость как безусловно принятую Марксом.

В советские времена не было принято обсуждать и, более того, критиковать Ленина. Любые его высказывания, способы постановки и разрешения вопросов обычно воспринимались как истины в последней инстанции и подвергались неумеренному, чрезмерному восхвалению. Что касается категории практики, то в литературе долгие годы дело не шло дальше повторения или осторожных комментариев положений, извлеченных прежде всего из его работы «Материализм и эмпириокритицизм».

Положение стало меняться лишь в 60-е годы прошлого столетия. Были предприняты плодотворные попытки переосмысления всего философского наследия марксизма, особенно под воздействием опубликованных тогда на русском языке ранних рукописей Маркса. В «прорывных» работах Г.П. Щедровицкого, В.С. Стёпина, И.С. Алексеева, Э.Г. Юдина, В.М. Межуева и др. было показано, что проблема происхождения теоретического знания, принципы и способы его построения могут быть осознаны только с позиций заложенной Марксом фундаментальной идеи о практической природе познавательного процесса. Исследователи приходят к выводу, что Маркс создал совершенно новый тип онтологии, в центре которой – учение о мире не как об объекте познания, а как о результате «субъективной» практической деятельности людей. Как пишет В.М. Межуев, «его материализм <...> практический: вся материальная действительность приравнивается здесь не к природе, а к человеческой практике, отождествляется с практикой» [3, с. 286]. У Маркса и Энгельса действительность есть «открытый вопрос», если она не освоена практически. Опережение практики познанием носит лишь гипотетический характер.

Большая исследовательская работа была проделана по обоснованию тезиса о том, что знание «в форме объекта» является производным, вторичным, выводным по отношению к знанию о предмете как «сгустку» человеческого труда, к знанию «в форме деятельности». Подобно тому, как объективные характеристики всякой человеческой деятельности опредмечиваются и «угасают» в свойствах ее продуктов, знание «в форме деятельности» опредмечивается и кристаллизуется в знании «в форме объекта». Представляя собой результат познания, знание «в форме объекта» трактуется не только «старым», но и нынешним созерцательным материализмом и соответствующей ему методологией как внутренне присущее предмету без какого бы то ни было отношения к породившей его практической деятельности. Установка созерцательного материализма на «субстанциализацию» отдельных вещей является познавательно ограниченной и потому объективной лишь по видимости.

Поэтому вряд ли можно считать достаточно обоснованным санкционированное высокими партийными инстанциями и господствовавшее в советской философской литературе положение о том, что Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» «...всесторонне разработал марксистскую философию» [4, с. IX]. Видимо, можно лишь утверждать, что он существенно пополнил концепцию домарковского материализма, поскольку махизм в этом произведении подвергнут острой критике без обращения к деятельностному (практическому) принципу с его богатым понятийно-терминологическим аппаратом («деятельность», «цель», «средство», «результат», «мотив», «интерес», «субъект деятельности», «предмет деятельности» и т.д.).

Необходимость философского осмысления процессов, происходящих в эпоху крайнего обострения общественных противоречий и приведших к мировой войне, потребовала выхода за узкие рамки гносеологизма, в сферу

онтологии. Выбор Ленина пал (не без влияния оценок Маркса и Энгельса) на учение Гегеля и, прежде всего, на его «Науку логики». Если в «Материализме и эмпириокритицизме» центральной категорией является категория отражения, то в «Философских тетрадах» и ряде последующих произведений происходит сдвиг интересов Ленина на вопросы, связанные с активностью человеческого сознания, с их теоретическим обоснованием и историко-научной проверкой. Его высказывания уже созвучны как мыслям Гегеля в «Науке логики», так и утверждениям Маркса в его «Тезисах...» и других произведениях. Однако в «официальной» советской философской литературе, в учебном процессе долгие годы оставались господствующими идеи, заложенные в «Материализме и эмпириокритицизме».

Хотя предназначавшиеся для всеобщего усвоения идеи «официальной философии» превалировали в соответствующей литературе, однако все громче заявляли о себе авторы, стремившиеся, при опоре на деятельностную (практическую) методологическую концепцию, переосмыслить наследие классиков марксизма. Серьезную поддержку они находили у многих представителей частных наук – у психологов, педагогов, историков, социологов, экономистов, естествоиспытателей.

Литература и источники

1. Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – М., 1974. – Т. 42.
2. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1980. – Т. 26.
3. Межуев, В.М. Историческая теория Маркса и современность // Философское сознание: драматизм обновления. – М., 1991. – С. 279–306.
4. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Предисловие // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1973. – Т. 18. – С. VII–XXII.

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ТРЕНД В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Вансович И. Э. (Минск, Беларусь)

Сегодня мировое сообщество переходит на новую стадию своего развития – информационного общества. На данном этапе развития основополагающей ценностью для общества становится знание. В связи с этим, возникает и настоятельная необходимость в критической рефлексии над знаниями и способами их получения. Во многом, именно это обстоятельство и обусловило оформление в середине XX в. постклассической эпистемологии в различных ее вариациях, каждая из которых по-своему интерпретирует сущность и природу познания.

Одним из наиболее репрезентативных вариантов постклассической эпистемологии, безусловно, является социальная эпистемология, возникновение и оформление которой относят к 70-ым гг. XX в. и связывают с такими именами как Д. Блур, С. Фуллер и Э. Голдман. Специфика социальной эпистемологии, по сравнению с другими вариантами

постклассической эпистемологии, заключается в том, что и субъект, и объект познания рассматриваются здесь как социальные конструкции. Иначе говоря, познается только то, что представляет собой часть человеческого мира, и так, как это диктуют социальные нормы и правила [1]. В таком случае, знание как результат познавательного отношения человека к миру есть не что иное, как то, во что просто верится [1]. Эти и многие другие идеи, высказанные представителями социальной эпистемологии, были эксплицированы и творчески переосмыслены в формирующейся на наших глазах исследовательской программе конструктивизма.

Истоки конструктивизма как особого направления в философии и науке восходят к античности. Так, уже в античности идеи конструктивизма развивались как оппозиция по отношению к реализму и были связаны с сомнением в способности человека адекватно познать реальность или ее фрагмент. В философии Нового времени конструктивистские представления получили развитие, с одной стороны, в рамках антитезы идеалистического эмпиризма и наивного реализма, а с другой, дилеммы рационализма и эмпиризма в трактовке научного познания. Вместе с тем, «твердое ядро» конструктивистской программы начинает формироваться только в работах И. Канта, который обратил внимание на то, что объекты познания являются результатом активного их конструирования в творческой деятельности субъекта.

Однако широкое распространение конструктивистский тренд получил только в последней трети XX в. Конструктивизм как особая исследовательская программа фундирован идеей об активности познающего субъекта, который используя специальные рефлексивные процедуры, конструирует образы, понятия, рассуждения. Во многом, именно такой подход в понимании познания объединяет различные версии конструктивистской программы в общем противостоянии натуралистическим версиям эпистемологии. Несмотря на столь непродолжительное существование и отсутствие какой-либо исчерпывающей классификации конструктивистских версий философствования, сегодня конструктивизм уверенно заявляет о себе, прежде всего, в своей радикальной и умеренной версиях.

Радикальный конструктивизм представляет собой одно из наиболее влиятельных направлений в современной эпистемологии и опирается на данные эмпирических наук. Исходной точкой для развертки концепций представителей радикального конструктивизма является идея о том, что познание – это активный процесс сугубо конструктивной деятельности познающего субъекта. Какая-либо репрезентация объекта в познании опускается за ненужностью. Такая трактовка познания приводит к определению знания как конструктивно-понятийного образования, возникающего на основе того, что субъект создал и пережил в собственном опыте. И тогда, функция познания заключается не в описании онтологической реальности, как это представляла себе классическая эпистемология, а в организации внутреннего опыта субъекта. Такая

постановка проблемы в понимании познания с неизбежностью приводит представителей радикального конструктивизма к констатации того, что данная нам реальность располагается внутри нашего опыта, т.е. является «реальностью второго порядка». Будучи сконструированной нами в процессе познания, она не имеет никакого отношения к объективной реальности.

Умеренная версия конструктивистской программы может быть репрезентирована концептуальными построениями представителей социального конструкционизма. Актуальность и востребованность идей социального конструкционизма в контексте, как современной социальной философии, так и эпистемологии, обусловлены, как обстоятельствами внутрифилософского характера, так и особенностями современной социальной жизни, ролью в ней информационных технологий и символических практик.

Истоки социального конструкционизма принято возводить к творчеству американского психолога – К. Дж. Гергена. Однако, в контексте социальной философии, наиболее репрезентативными оказываются идеи, развиваемые такими представителями западной философской традиции, как П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдьё. Во многом, именно в творчестве этих мыслителей были сформулированы и эксплицированы ключевые положения социального конструкционизма как особого подхода в понимании природы и специфики познания, целью которого является объяснить как общепринятая в той или иной культуре «консенсусная реальность» формируется в результате социальных взаимодействий.

Сформулированная таким образом цель дает возможность представителям социального конструкционизма сделать значительный шаг вперед в понимании и экспликации природы социальной реальности. Утверждая в своих работах идею о том, что мир повседневной реальности создается людьми в их мыслях и действиях, представители социального конструкционизма вместе с тем избегают односторонней трактовки общества либо как субъективной, либо как объективной реальности. Социальная реальность в контексте социального конструкционизма предстает как субъективно-объективная реальность, конструирование которой происходит совместно с другими людьми. Само конструирование реальности становится возможным благодаря механизмам социализации, в процессе которой человек усваивает необходимые для успешного функционирования в обществе образцы поведения и деятельности, социальные нормы и ценности, знания, умения и навыки, или другими словами, то, что представители социального конструкционизма назвали схемами типизации опыта. Наличие схем типизации опыта делает возможным понимание и коммуникацию между людьми. Иначе говоря, в социальном взаимодействии люди исходят из представления о схожем опыте восприятия реальности. Все это приводит к признанию представителями социального конструкционизма множественности реальностей (само собой разумеющейся из которых выступает одна – реальность повседневной жизни) и истины, которая, более того, всегда контекстуальна и ситуативна.

Репрезентация основных версий конструктивизма позволяет сделать вывод о том, что на наших глазах действительно происходит формирование новой исследовательской программы. С одной стороны, формирующаяся программа конструктивизма ставит перед нами ряд проблем, решение которых еще предстоит отыскать. Среди них наиболее актуальными являются такие проблемы как:

– проблема множественности реальностей, их соизмеримости и возможности понимания людьми друг друга;

– проблема телесной и контекстуальной обусловленности познавательного процесса;

– проблема, связанная с необходимостью дать ответ на вопрос о том, что если субъект в процессе познания создает реальность, то по каким законам?

С другой стороны, конструктивистский тренд открывает перед нами новые перспективы и горизонты в осмыслении не только природы познавательного отношения человека к миру, но природы социальной реальности. Во многом, это связано с тем, что принятие установок конструктивистской программы позволяет нам, с одной стороны, свободно играть с реальностью, перестраивая мир по собственному усмотрению, а с другой, осознать возможность и необходимость постоянного и активного создания реальности и самих себя.

Литература и источники

1. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под редакцией И.Т. Касавина. – М., 2010.

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ

Васина С. М. (Йошкар-Ола, Россия)

Культурный туризм получил широкое распространение во второй половине XX века, когда многие развитые страны перешли от индустриального к постиндустриальному обществу, одной из особенностей которого является значительное расширение доступа к культурным благам. Наибольшей популярностью в настоящее время пользуется культурно-познавательный туризм. В 80-е годы академик Д.С. Лихачёв подчеркнул, что для сохранения жизни человека не менее важна, чем природная биологическая среда, среда, созданная культурой его предков и им самим [1, с. 18].

В XXI веке специалистами туристского бизнеса наиболее перспективным направлением в туризме признается именно культурно-познавательный туризм как единственно способный открыть путешественнику новое, интересное и непознанное.

Республика Марий Эл обладает богатым культурным наследием и накопленным десятилетиями потенциалом отрасли культуры. В сочетании с уникальной разнообразной природой, а также бурно развивающейся инфраструктурой и городской архитектурной средой, это становится серьезной основой для развития культурно-познавательного туризма в регионе.

Правительство Республики Марий Эл придает особое значение развитию сферы внутреннего и въездного туризма как одному из факторов, способных решать не только социальные проблемы, но и являющимся основой экономического роста Республики Марий Эл.

Так, внутренний и въездной туристский потоки (с учетом экскурсантов) за 2014 г. составили 422,3 тыс. человек, что на 20,7% превышает аналогичный показатель за 2013 год (350,0 тыс. человек). Количество иностранных граждан, въехавших на территорию республики, увеличилось до 6,6 тыс. человек [2]. При этом наибольшее количество туристов и экскурсантов посетили города Йошкар-Олу, Козьмодемьянск, а также Юринский и Звениговский муниципальные районы в основном с целями культурно-познавательной направленности.

Особое географическое положение региона повлияло на формирование поликультурной общественной среды. Пять этнических групп – марийцы, русские, татары, удмурты, чувашаи – являются коренными жителями региона и мирно сосуществуют на протяжении многих столетий.

Этнокультурный фактор на протяжении многих десятилетий играет ключевую роль в формировании региональной культурной политики. Это сказалось не только на особенностях формирования системы поддержки традиционной культуры, народного творчества, самодеятельности, сети сельских клубных учреждений, но и на развитии театрального, музыкального, изобразительного, хореографического искусства, музейного дела, системы профессионального образования в области культуры.

Поэтому, говоря о культурно-познавательном туризме в Республике Марий Эл можно рассмотреть спектр культурных благ, создаваемых в регионе. В республике на постоянной основе в форме общинных, районных, городских мероприятий проводятся многочисленные традиционные праздники. Практически каждый район и даже сельское поселение имеют свой собственный ежегодный фестиваль в области фольклора, декоративно-прикладного творчества и художественных ремесел.

Марийский традиционный летний праздник Пеледыш пайрем, татарский Сабантуй, удмуртский Грон быдтон, чувашский Акатуй собирают фольклорные коллективы, участников и зрителей из ближних и дальних регионов России.

Межрегиональный фольклорно-этнографический праздник «Земля предков» за совершенно короткий срок из скромного муниципального мероприятия перерос в межрегиональное событие. Необходимо отметить, что организаторы именно этого фестиваля одним из первых начали взаимодействие с туристической индустрией. Туристический комплекс «Раздолье»,

находящийся рядом, выступил спонсором и организатором, в результате чего и расширились географические границы фестиваля.

Особое место в череде крупных фестивалей занимает Певческий праздник «Пеледыш айо» («Праздник цветов»). На протяжении 15 лет ежегодно он проходит в Горномарийском районе на Певческой поляне – живописном берегу слияния двух рек – Большой Юнги и Волги и собирает поклонников хорового пения и слушателей из Марий Эл и соседних регионов.

Сами по себе эти мероприятия – праздники и фестивали, начиная с местного и заканчивая межрегиональным уровнем, являются серьезнейшим фактором культурно-познавательного туризма. Даже не будучи включены в туристические маршруты и туры они уже фактически явились объектами внутрирегионального и въездного туризма. Начиная с начала 2000-х годов наблюдается значительное увеличение числа посетителей данных мероприятий, как за счет жителей нашей республики, так и приезжих из других регионов. То есть ради приобщения к традиционной культуре, ради участия в культурном мероприятии люди делают выбор и едут за десятки и сотни километров, находят ночлег, питание.

Важнейшей частью культурно-познавательного туризма является посещение музеев. Практически каждый школьный или муниципальный музей Марий Эл имеет коллекцию, посвященную этнографии марийского и других народов нашего региона. Что же касается крупных музеев, то они вполне удовлетворяют разнообразным запросам самых притязательных посетителей.

В последнее время музей перестает быть застывшим явлением. Работники музеев создают разнообразные интерактивные и анимационные программы, проводят мастер-классы, курсы, лектории. То есть музеи становятся центрами культуры, центрами активного проведения досуга, приобщения к истории и культуре. Это проявляется в росте числа посещений как жителями Республики Марий Эл, так и гостями из-за пределов. Правда на это влияет и географический фактор. Так этнографический музей под открытым небом в г. Козьмодемьянске благодаря расположению на Волге посещает многократно большее количество гостей из-за пределов региона, нежели музеи в г. Йошкар-Оле.

Другим немаловажным аспектом культурно-познавательного туризма являются памятники – недвижимые объекты культурного наследия (памятники истории и культуры). Всего в республике насчитывается 1059 таких объектов. В их число входят памятники истории и архитектуры, монументального искусства археологии, культурно-ландшафтные памятники [3]. Особо ценными объектами культурного наследия народов Российской Федерации являются пять памятников архитектуры федерального значения.

Сами по себе объекты культурного наследия не только являются частью туристического интереса, но и формируют целые туристические направления. Это, например, жемчужина Поволжья – Замок Шереметьева – уникальный памятник истории, архитектуры и, в каком-то смысле, местной

традиционной культуры заветлужской части Республики Марий Эл. Или другой пример – памятник археологии «Гора Аламнер» – древнемарийский город – к которому на ежегодные фестивали собираются клубы реконструкции и зрители из многих регионов России.

В этой связи также особо надо отметить паломнический и религиозный туризм, который напрямую связан с посещением памятников истории и культуры. Сейчас в Марий Эл наблюдается бурный рост интереса к христианским святыням, а также к религиозной жизни приверженцев марийской традиционной религии.

Проведенные исследования позволили определить, что благоприятными условиями для развития культурного туризма в Республике Марий Эл является развитая культурная инфраструктура: более 30 музеев, 6 театров, выставочные площадки, дома ремесел и другие учреждения культуры. Кроме этого традиционная этническая культура, богатое культурное наследие и уникальная природа. Во многом перспективы для культурного туризма открывают и международные связи с рядом финно-угорских стран Европы. Так же в республике разработаны туристские бренды: «Земля Мари. Наследие, рожденное природой», «Великая Волга», «Йошкин кот».

Наибольшим спросом у гостей Республики Марий Эл в настоящее время пользуется ее столица – город Йошкар-Ола. Все чаще упоминания о г. Йошкар-Оле можно встретить в сети Интернет. Йошкар-Ола входит в двадцатку лучших городов России по версии интернет-проекта «Город России. Национальный выбор». В обновленном городе сочетается местный колорит, традиции уездного города и староевропейская стилистика. Объекты культурного наследия, отражающие различные этапы развития города, сосредоточены в основном в пределах его исторической части. Сочетание на небольшой территории современных архитектурных решений в совокупности с ранее реализованными не оставят равнодушным даже самого искушенного туриста.

В заключение следует отметить, что в настоящее время в Республике Марий Эл осуществляется реализация проекта, предусматривающий создание в г. Йошкар-Оле туристско-рекреационного кластера «Царь-град», который имеет ряд конкурентных преимуществ: выгодное месторасположение, наличие уникальной архитектуры и культурно-исторических достопримечательностей, развитой инфраструктуры туризма, которые при кластерном подходе будут дополнять и усиливать конечный социально-экономический эффект.

Литература и источники

1. Бутузов, А.Г. Этнокультурный туризм. – М., 2013.
2. Комитет Республики Марий Эл по туризму [Электронный ресурс] // Официальный сайт – Режим доступа: <http://portal.mari.ru/komtur/Pages/main.aspx>.
3. Туризм в Марий Эл [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Марий Эл – Режим доступа: <http://portal.mari.ru/republic/Pages/hospitality.aspx>.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Ваховский Л. Ц. (Луганск, Украина)

Образование как социальный способ наследования культуры на всех исторических этапах оставалось довольно консервативной сферой. Однако, начиная с 90-х годов XX столетия, на постсоветском пространстве некогда единообразный и в целом унылый образовательный ландшафт стал стремительно изменяться: появились новые типы учебных заведений, оригинальные образовательные концепции и подходы, множились научные направления, обогатилась педагогическая терминология. При этом очень часто изменения носили косметический характер и не затрагивали основ образовательной деятельности.

Наиболее существенные трансформации в этот период, на наш взгляд, произошли в методологии образования. Прежде всего, они проявились в том, что на смену методологическому монизму, провозглашавшему марксизм-ленинизм единственной методологией педагогической науки, пришел методологический плюрализм. Как отмечал А.Я. Данилюк, педагогика оказалась элементарно не готовой к методологическому разнообразию и ее реакцией на новую методологическую ситуацию стал, с одной стороны, методологический нигилизм, сторонники которого, по сути, отвергали необходимость разработки методологии педагогики, с другой – методологический традиционализм, представители которого пытались заменить старую («единственно верную») методологию новой («истинной») методологией [1, с. 45].

В самом общем виде методология в современной науке определяется как философская дисциплина, которая исследует условия, возможности и способы организации мышления в некоторые упорядоченности. В педагогике методологию рассматривают как систему принципов и способов построения теоретической и практической деятельности [2, с. 119], или как учение о принципах построения, формах и способах научно-познавательной деятельности [3, с. 93].

Учитывая, что современная методология должна иметь конструктивный характер, ее уместно рассматривать не просто как совокупность принципов и методов научно-познавательной деятельности, а как своеобразный проект познавательной деятельности, созданный с учетом особенностей предмета познания и закономерностей мышления и влияющий на результаты познания.

На наш взгляд, на самом высоком уровне обобщения вектор методологических изменений в образовании, произошедших в конце XX – начале XXI века, можно обозначить как переход от методологии модернизма к методологии постмодернизма.

Как известно, первоначально термин «модерн», «модернизм» использовали в искусствоведении для обозначения особого художественного

направления, стиля в литературе и искусстве, который, по мнению Д.В. Сарабьянова, окончательно утвердился в 80–90 гг. XIX века [4, с. 9].

Однако с возникновением «ситуации постмодерна» модернизм стали определять как интеллектуальное течение, стиль мышления, тип мировоззрения, который можно применить для характеристики различных процессов, в том числе образования и культуры.

Мы пришли к выводу, что модернизм как глобальный тип мировоззрения и методологический проект включал в себя и марксистско-ленинскую теорию, которая была одной из форм методологии модернизма (об этом подробнее см.: Ваховський Л.Ц. Модернізм як методологічний проект радянської педагогіки // Історико-педагогічний альманах. – 2010. – Вип. 1. – С. 61–65).

Чрезвычайно важно выделить основные характеристики модернизма и раскрыть их педагогическое содержание.

Прежде всего, модернизм – это образ общества и культуры, мировоззренческий и методологический проект, основанный на рациональности как основе преобразования и бесконечного обновления. Наиболее ярко педагогическое содержание рациональности, точнее, инструментальной рациональности (умение превратить процедуры и методы человеческого разума в максимально точные инструменты познания и преобразования окружающего мира и самого человека) проявилась в прагматической педагогике Д. Дьюи, которая получила название инструментализм. Не без влияния инструментализма в советской педагогике утвердился принцип связи обучения с жизнью, который пытались реализовать на практике в течение всего советского периода (введение комплексных программ и новых методов обучения в 20-х годах, принятие Закона «О связи обучения с жизнью» в 1958 и т.д.). Не будет преувеличением утверждать, что все реформы в советской школе осуществлялись в русле основных принципов педагогики прагматизма.

Важной характеристикой модернизма является универсальность и нормативность, которая в образовании и педагогической науке проявляется в создании модели или проекта человека, нужного обществу и государству на том или ином этапе их развития, а также тотальность и бесконечная вера в прогресс.

Вполне очевидно, что методологический проект модернизма все еще реализуется в современном образовании и педагогической науке, однако все более осязаемым становится влияние на философию образования, теоретическую и практическую образовательную деятельность его альтернативы – постмодернизма.

Наиболее известными теоретиками постмодернизма являются М. Хайдеггер, Ф. Гваттари, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Джеймсон, Ж. Лиотар, Р. Рорти, М. Фуко и др. На основе анализа работ современные исследователи пытаются определить сущность и особенности этого социокультурного феномена. Ученые почти единодушны в том, что характеристики постмодернизма являются эклектичными, размытыми, обуславливающими

методологическую неопределенность, однако в них все же выражены основные интенции этого течения: критика традиционных ценностей, рационализма, гуманизма, историзма, радикальное неприятие современной социальной самоорганизации, отрицание возможностей отдельной личности быть ответственным за свои решения и действия, противостоять мощи надличностных структур. Постмодернистский радикализм проявляется в неприятии всей предыдущей педагогической теории и практики, в критике способов обоснования педагогических целей и идеалов воспитания.

Тенденции постмодернизма присутствуют в современном образовании (идентификация человека и признание его высшей ценностью, поиск значения и смысла и переход от школы знания к школе понимания, опора на активные творческие действия учеников, внедрение постмодернистского гуманизма в воспитательный процесс и др.) и будут усиливаться в обозримом будущем.

Идеи постмодернизма неоднозначно воспринимаются научным сообществом, однако невозможно отрицать их влияние на различные сферы общественной жизни и, в первую очередь, на теорию и практику образования.

Литература и источники

1. Данилюк, А.Я. Проблемы эмпирического и теоретического в отечественной педагогике // Педагогика. – 1997. – № 5. – С. 42–46.
2. Краевский, В.В. Общие основы педагогики. – М., 2002.
3. Педагогика / Ред. В.А. Сластенин. – М., 2000.
4. Сарабьянов, Д.В. Стиль модерн. Истоки. История. Проблемы / Д.В. Сарабьянов. – М., 1989.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: КЛАССИФИКАЦИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ваховский М. Л. (Луганск, Украина)

Одним из наиболее важных факторов развития образования в условиях глобализации и формирования единого образовательного пространства является деятельность международных организаций.

Международные организации в сфере образования весьма многочисленны, поэтому особую актуальность приобретает проблема их классификации. В современном международном праве выделяют два вида международных организаций: международные межправительственные организации и международные неправительственные организации [1, с. 288].

Международные межправительственные организации создаются на основе международного соглашения и государства делегируют им определенную часть своих суверенных прав. Международные неправительственные организации учреждаются международной общественностью для организации международного сотрудничества по

актуальным вопросам международной жизни, в том числе и по вопросам образования.

В современной научной литературе представлено несколько классификаций международных организаций, поскольку их можно разделять по разным основаниям.

В зависимости от предмета деятельности выделяют политические, экономические, кредитно-финансовые организации, организации по вопросам культуры, образования и здравоохранения и т.п. Мы будем учитывать эту классификацию по двум причинам. Во-первых, она выделяет международные организации в области образования как самостоятельный вид, и, во-вторых, многие организации, предметом деятельности которых является экономика, финансы, занимаются образовательными проблемами. Например, Всемирный банк, учрежденный представителями 44 государств в 1944 году, поддерживает разнообразные проекты – от сельского хозяйства до водоснабжения. С начала 60-х годов все большее значение в его деятельности стали занимать проекты по образованию. В 2013 году Всемирный банк заявил, что является одним из крупнейших внешних финансистов образования в развивающихся странах. На образование было потрачено 9 млрд. долларов США в 71 стране. При этом 64% новых проектов были посвящены базовому образованию, 17% – образованию в старших классах средней школы или профессионально-техническому образованию и 19% – высшему образованию [2].

Важной, на наш взгляд, является классификация международных организаций по кругу участников. По этому основанию выделяют универсальные (в их состав входят практически все государства мира); региональные (их членами являются государства определенного географического региона мира); субрегиональные (их членами являются группы государств внутри географического региона); межрегиональные (в их работе участвуют государства различных географических регионов мира).

В зависимости от порядка приема новых членов международные организации делят на открытые (их членом может быть любое государство) и закрытые (конкретные участники таких организаций и их количество заранее оговариваются в уставных документах). И, наконец, по сферам деятельности различают международные организации с общей компетенцией, которые могут рассматривать любой вопрос международной жизни (например, ООН, ОБСЕ) и организации со специальной компетенцией, деятельность которых касается определенной сферы международной жизни (например, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международная организация труда (МОТ) и другие).

Единственной межправительственной организацией в сфере образования является ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, основанная в 1945 году в условиях послевоенного восстановления. Следует отметить, что это еще и единственная из международных организаций, которая имеет универсальный характер.

Известный педагог-компаративист Марк Брей отмечает, что основные задачи ЮНЕСКО на современном этапе и конкретные приоритеты для сферы образования изложены в документе, получившем название «Среднесрочная стратегия 2014–2021». Важнейшими стратегическими задачами определены следующие:

- развитие системы образования с целью расширения возможностей качественного непрерывного образования для всех;
- развитие у учащихся возможностей быть креативными и ответственными гражданами;
- формирование целей и задач образования в будущем.

ЮНЕСКО, подчеркивает М. Брей, имеет глобальную сеть национальных ведомств, кластерных бюро, региональных бюро и бюро связи, а также ряд специализированных институтов, среди которых есть и такие, которые действуют в области образования: Международный институт по развитию ресурсов в Африке (ИСВА) в Аддис-Абебе (Эфиопия); Институт непрерывного образования (UIL) в Гамбурге (Германия); Международный институт планирования образования (ИЕР) в Париже (Франция) и Буэнос-Айресе (Аргентина); Международный институт высшего образования в Латинской Америке и Карибском бассейне (IESALC) в Каракасе (Венесуэла); Международное бюро просвещения (ИБЕ) в Женеве (Швейцария); Институт по информационным технологиям в образовании (ИТЕ) в Москве (Россия); Институт Махатмы Ганди по образованию в интересах мира и устойчивого развития (MGIEP) в Нью-Дели (Индия); Институт статистики ЮНЕСКО (UIS) в Монреале (Канада) [2].

Можно выделить пять главных направлений деятельности ЮНЕСКО на современном этапе: а) образование и будущее; б) наука на службе развития; в) социальные и гуманитарные науки; г) культура: прошлое, настоящее, будущее; д) коммуникация, информация и информатика на службе человека [1, с. 290].

В мире существует огромное количество неправительственных организаций (международных, региональных, субрегиональных), многие из которых занимаются вопросами образования. Среди них наиболее известными являются Международная ассоциация университетов (1950, Париж); Международный совет по образованию взрослых (1973, Торонто); Международная федерация по физическому воспитанию (1923, г. Челтнем, Великобритания), Всемирная организация дошкольного воспитания (1948, Прага), Международное общество музыкального образования и воспитания (1953, Лондон). Европейская ассоциация по коррекционному образованию (1971, Осло) и многие другие [3, с. 140].

Деятельность международных организаций разного уровня в сфере образования чрезвычайно разнообразна и разнопланова. Вместе с тем можно выделить несколько главных ее направлений:

- организация международного сотрудничества для развития образования;
- проведение сравнительных научных исследований образования;

– предоставление актуальной информации об образовательных системах, учреждениях;

– содействие обмену образовательным опытом.

Таким образом, на современном этапе международные организации проводят масштабную работу в сфере образования, координируют и объединяют усилия различных стран для повышения эффективности сотрудничества, направленного на решение актуальных образовательных проблем.

Литература и источники

1. Международное публичное право / Под ред. К.А. Бекяшева. – М., 2003.
2. Comparative Education Research: Approaches and Methods / M. Bray, B. Adamson, M. Mason. - Hong Kong, 2014.
3. Бим-Бад, Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. – М., 2002.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ МЕДИЦИНСКОГО СПЕЦИАЛИСТА

Вашко О. А. (Минск, Беларусь)

В современном обществе наблюдается тенденция падения авторитета социогуманитарных наук, в том числе и философии в университетском образовании. Статус и роль философии в жизнедеятельности врача занижается в среде медиков и самих студентов медицинского вуза. Данное отношение подтверждается фактом сокращения количества часов на философию в программах, а также в замене экзамена дифференцированным зачетом, что порождает еще более индифферентные и скептические настроения среди студентов.

Для получения более информативной картины видения и оценки статуса философии молодежью в вузе был проведен опрос среди студентов второго курса Белорусского государственного медицинского университета (БГМУ) в 2015 году. Согласно опросу выявлено, что большая часть студентов (60%) осознают необходимость изучения социогуманитарных наук в медицинском вузе. 27% респондентов отметили дисциплину «Философия» как наиболее полезную среди преподаваемых социогуманитарных дисциплин (Политология, Основы идеологии белорусского государства, Социология, История Беларуси, ВОВ). Кроме этого, большинство студентов – 41% подчеркнули целесообразность изучения философии на 5 или 6 курсе, а не на младших курсах. Заинтересованность в философском знании вне учебной программы проявил 31% опрошенных, и это немалая цифра. Что касается формы и методики преподавания социогуманитарных дисциплин в БГМУ, то 59% респондентов оценили преподавание позитивно.

Сложившуюся картину во взглядах студенческой молодежи можно оценить как положительную, учитывая малое количество часов, отводимых в вузе на изучение философии, абстрактность, теоретичность и сложность

излагаемого философского материала, а также «вымирание» лекции как формы преподавания. Таким образом, опрос студентов БГМУ подтвердил наличие проблем в оценке роли и значимости философии в университетском образовании медицинских специалистов. В данной ситуации актуальна защита статуса философского знания, обоснование его существенной роли и высокой значимости для образования и профессиональной деятельности медицинского специалиста, да и не только. Ведь изучение философии способствует формированию всесторонне развитой личности, критически мыслящего профессионала, духовного интеллектуала, а философское знание закладывает ценностную компоненту, навыки комплексной, объективной оценки и рационально-логические основы мышления. Значительную роль в формировании соответствующего уровня культурного развития будущего врача отводится философии.

Следует вспомнить, что «Философия – мать всех наук» (Цицерон), из лона которой выросло все остальное научное знание, в том числе и медицина. Также в истории университетского образования, начиная с эпохи средневековья, философский факультет имел статус базисного, хотя и назывался низшим, задавал требуемый фундамент необходимого знания для обучения на высших факультетах – медицинском, юридическом и теологическом. Подтверждением этому служит цитата И. Канта из «Спор факультетов»: «В каждом университете должно быть и такое отделение, т.е. философский факультет. Он служит для того, чтобы контролировать три высших факультета и тем самым быть полезным им, ибо важнее всего истина (существенное и первое условие учености вообще); полезность же, которую обещают для целей правительства высшие факультеты, есть лишь второстепенный момент» [1, с. 324].

В сегодняшнем сложном, противоречивом, интенсивно развивающемся мире философия помогает не только расширить мировоззрение, увидеть возможности, осознать себя, но и, прежде всего, сформировать гуманное, объективное и по-настоящему заинтересованное отношение к пациенту у медицинского специалиста. Значимость философствования в жизнедеятельности врачей и их медицинской практике иллюстрируется в работе С.Я. Чикина «Врачи-философы», в которой автор прослеживает появление врачей-философов в мировой истории, отмечая их вклад в развитие философской мысли и медицины [2].

Можно выделить следующие точки соприкосновения философского и медицинского знания, что свидетельствует о присутствии философии в жизни и профессиональной деятельности медицинских специалистов.

Философия и медицина как формы знания имеют очень древние корни, а их общий предмет – человек – различается по способу исследования: медицину интересует тело и физическая составляющая, философию – душа и духовность, однако проблема выживаемости человека обща для обоих.

Область психосоматической медицины развивается на стыке медицинского и философского знания и получила особую популярность в XX в. Согласно ей причины соматических заболеваний следует искать в

нервных расстройствах, психических переживаниях или духовном кризисе пациента. В сегодняшнем сложном мире, полном новых вирусов, медицинских открытий, развивающихся неотехнологий и противоречивых процессов в человеческом организме, для медицинского специалиста очень важно восприятие единства телесного и духовного в человеке. На основе знаний психосоматической медицины выявляются и лечатся не следствия, а причины болезней через использование психоаналитических знаний и изучение личности больного. В данном случае врачу необходимо апеллировать в первую очередь к философскому знанию.

Особо сложными и не полностью изученными феноменами для медиков, которые исследуются не без помощи философов и психологов, является мозг и сознание. До сих пор актуальна проблема объяснения сознания, которое часто медицинские специалисты обосновывают деятельностью мозга, однако, как подтверждают научные исследования, сам феномен сознания намного сложнее. Именно на стыке философии, психологии и медицины было развито психоаналитическое направление З. Фрейда, на теоретической базе которого функционирует западная психоаналитическая медицинская практика.

Вопросы биомедицинской этики, столь актуальные в последнее годы, не решаемы без философского знания. В последнее время все расширяются дискуссии об абортах, об эвтаназии, о медицинских экспериментах, в которых немаловажной и весомой составляющей являются этические идеалы, нормы и ценности. При этом биоэтика начинает выполнять прогностическую и прагматическую функции. Для студента-медика важной составляющей философского знания является этика врача, включающая определенные нормы и правила поведения и взаимоотношения с пациентом в век, когда медицина превратилась в сферу услуг. Именно в рамках этики врача обозначены правила информированного согласия пациента, честности, конфиденциальности, неразглашения врачебной тайны, неприкосновенности личной жизни.

Особенно важную функцию в деятельности врача выполняет методологическая часть философского знания. Ведь именно философия учит логике правильного мышления, объективному всеохватывающему беспристрастному рассмотрению проблемы, аргументированному обоснованию своей позиции, например, грамотной постановке и объяснению диагноза, выявлению причин болезни, компетентному назначению лечения. Именно философия направлена на развитие мыслительного аппарата специалиста, растит думающего врача, показывает варианты и альтернативы развития событий, раскрывает горизонты возможностей, формирует способность грамотной аргументации.

Нельзя переоценить методологическую функцию философского знания, так как именно философия формирует методологическую базу необходимых знаний. Особенно существенен для будущего врача, да и любого медицинского специалиста раздел знания философии науки, в котором обосновывается формы научного познания (научный факт,

проблема, гипотеза, теория) и раскрываются научные, философские и логические методы исследования. Данными методами пользуется любой студент, ученый, медик при изучении и анализе всех медицинских вопросов и феноменов. Каждый медик в своей познавательной и научной деятельности применяет общелогические методы анализа, синтеза, дедукции, индукции, а, следовательно, прибегает к знанию философской науки логики и разделу философии науки.

Таким образом, многие теоретические основы философского знания были заимствованы медициной, особенно из таких разделов как философская антропология, философия сознания, методология науки, из философских наук этики и логики. Без изучения философии университетское образование не является высшим, а ее роль в жизнедеятельности медицинского специалиста в современном обществе весьма значима.

Литература и источники

1. Кант, И. Спор факультетов, 1798 // Сочинения в 6 т. – М., 1966. – Т. 6. – С. 257–347.
2. Чикин, С.Я. Врачи-философы. – М., 1990.

РАЗВИТИЕ ЭНЕРГОИНФОРМАЦИОННЫХ ЗНАНИЙ – ВЫХОД ИЗ ТУПИКА В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Вепринцев Н. В., Рогожин В. Д., Беляева Г. Н. (Могилев, Беларусь)

Через современные кризисы заставляет задумываться о дальнейшем развитии нашей цивилизации. Об этом немало говорится в средствах массовой информации, с экранов телевизоров.

На определенной стадии развития нашей цивилизации развитие научно-технического прогресса освободило человека от тяжелого физического труда. Были сокращены рабочий день, увеличены отпуска и т.д. Однако, в настоящее время, даже в наиболее технически развитых странах, где наблюдается высокая производительность труда, начинают увеличивать пенсионный возраст, продолжительность рабочего дня, сокращают отпуска, наблюдается значительная безработица. И это в тот период, когда идет стремительное развитие научно-технического прогресса, призванного перераспределять время в сторону дальнейшего духовного развития человека. Такое техно-военное развитие нашей цивилизации видимо может закончиться тупиком.

Председатель правления Сбербанка России Герман Греф, выступая на Гайдаровском форуме 2016 года, отметил: «Нужно изменять государственные институты. Ключевая роль в этом процессе, не устаем об этом говорить: образование – от детских садов до ВУЗов, включая и ВУЗы». Действительно, под образованием понимается создание образа человека, соответствующего передовому уровню развития общества. Человека способного не только продвигать далее научно-технический прогресс, но и

совершенствовать свое духовное и физическое состояние [1].

Анализируя это и другие подобные высказывания, можно сделать вывод о необходимости разработки научно обоснованной концепции дальнейшего развития нашей цивилизации. Ее основой является образование, которое в период глобализации, не успевая перестраиваться, отстает в понимании энергоинформационного развития общества, а также энергоинформационного строения человека, природы и связей между ними. Человек пока изучен относительно хорошо только на физическом плане, а на энергоинформационном уровне человек стал изучать сам себя и свои взаимосвязи с другими членами общества и Природой только в последние десятилетия. Причем активация изменения сознания в этом направлении уже происходит [2]. В краткосрочной перспективе изменение сознания возможно при изучении биоэнергоинформационной модели человека и энергоинформационном взаимодействии, как между людьми, так и между людьми и природой на экстрасенсорном уровне [3]. Эти знания расширяют наш кругозор и приводят к пониманию нашего единства в планетарном масштабе [4].

Можно ожидать, что на базе энергоинформационных характеристик людей, их совместимости, будут улучшены взаимоотношения в семье, коллективе. Удастся объединить подходы классической и народной медицины. В результате затраты на поддержание здоровья людей будут значительно снижены, при улучшении состояния их здоровья. В этом направлении уже сделано немало. Знание энергоинформационных процессов изменит многие технологические процессы в сельском хозяйстве. Человек, осознав себя неотделимой частицей природы, кардинально изменит свое отношение к ней, вписывая наше развитие в фундаментальные законы ее развития. Человечество постепенно приобретет планетарное мышление, в результате чего оптимизируется потребление ресурсов. Изменится духовное состояние общества [5], поскольку новые знания сформируют новое сознание, в котором возрастет ответственность в планетарном масштабе за судьбы людей и ответственность за деяния на нашей планете.

Литература и источники

1. Мельников, Н.С. О воспитании и образовании / Н.С. Мельников, М.Л. Попович, Т.В. Шевель. – Могилев, 2010.
2. Энциклопедия Республики Беларусь. Том 18, книга 1.
3. Вепринцев, Н.В. От экстрасенса до иных миров. – Минск, 1991.
4. Инюшин, В.М. Пространственно-временная структура биоплазменного тела человека / В.М. Инюшин, В.П. Шабаев. – Алматы, 2007.
5. Мельников, Н.С. В поисках утраченных смыслов. Духовные начала цивилизации. – М., 2004.

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ТОЧКА БИФУРКАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Володин В. М. (Минск, Беларусь)

Познавательные стратегии на стыке XX-XXI веков привели к глобальным трансформациям всей системы отношений человека с окружающим его миром: последовательный и кумулятивный процесс постижения бытия сменился хаотическим набором исследовательских детерминант, увеличивающихся количественно и бурно сменяющих друг друга. Эволюционное представление о развитии мира как целостного организма сменилось трактовкой многообразия саморазвивающихся и самодостаточных объектов, не изолированных друг от друга, а взаимно влияющих вплоть до возможности изменить ход всего существования в целом. Данный современный научный подход в изучении природы, социума не мог не сказаться и на системе высшего образования, включая, в первую очередь, естественнонаучное образование, захватывая гуманитарное и в особенности, разумеется, философское. Характер изменения системы высшего образования состоит в том, что эти новые знания и новое понимание внедряют сами преподаватели-исследователи, работающие не только в аудиториях, но и в научных лабораториях и центрах. Таким образом, высшее образование, и в частности философское, являющееся передовым флагманом гуманитарного, становится гарантом динамичного продвижения самых последних веяний научного познания, не отставая, а синхронно лидируя с последними достижениями прикладной науки. И именно философское образование позволяет оперативно выработать теоретические обоснования познания так, чтобы донести их до студентов, как будущих специалистов, в доступной форме. Тем самым, современная философия и высшее гуманитарное образование повышают интеллектуальный уровень элиты подрастающего поколения именно в той фазе формирования личности, когда закладываются и формируются мировоззрение и ценности исключительно сознательными усилиями самого индивида, что в свою очередь способствует интеллектуальному росту формирующегося будущего общества в целом.

Такая образовательная среда была бы безоблачной и радужной, если бы не современная ситуация рыночных отношений, сложившаяся в результате краха и трансформации в конце XX столетия социально-политического уклада на постсоветском пространстве, приведшая к тому, что гуманитарное образование, а философское в особенности стоит на грани вытеснения из всей системы высшего образования. Чиновники администрации высшего образования аргументируют это отсутствием прикладной выгоды, перспективы прибыли и большими затратами, что входит в смысловое противоречие с вышесказанным, так как *будущая* перспектива выгоды обуславливается результатами достижений науки, которую будет формировать именно *настоящее* подрастающее интеллектуальное поколение. Высшее гуманитарное образование, где лидирующие места

занимают философия и социология, педагогика и психология, где содержание и смысловой акцент данных дисциплин исторически был направлен на формирование и подготовку гармоничной личности, способной на грамотное и умелое взаимодействие с окружающим миром, становится постепенно невостребованным и позиционируется министерством образования, перешедшим на рыночные отношения, как не актуальное и даже бесполезное, что говорит о близорукости, недалёковидности и снятии с себя всякой ответственности, как за качество подготовки подрастающего поколения, так и за будущее страны. Также это говорит о полном отсутствии понимания и знания у руководства образования результатов последних достижений современной объективной науки.

Используя современное понимание синергетических процессов в мире и социуме, можно спрогнозировать, что отстранённая и, даже в перспективе, возможно, исключённая из высшего образования гуманитарная составляющая не исчезнет вовсе, как не исчезнет сам человек, а перейдёт в стадию самонастраивания и саморегуляции. И, являясь цельным саморазвивающимся организмом, человек, имеющий внутренние природные ценностные ориентиры, компенсирует нехватку или отсутствие гуманитарного познания о себе, о жизни и о мире самостоятельными усилиями для восполнения этого недостающего знания. Ибо человек – это не столько механизм, приносящий прибыль себе и государству, а целостный мир духовно живого, для которого сделать своё существование достойным – это не сиюминутная цель, а процесс, и к накопительству он отношения не имеет.

Такой необдуманый, неосмысленный, прагматичный и сомнительный экономически выгодный подход в оптимизации высшего образования, а, следовательно, и науки, где рушится вся система формирования ценностных ориентаций человека, где единственной установкой является прибыль, приведёт к изживанию самого себя, либо, в лучшем случае, к трансформации в направлении выравнивания ценностных ориентиров. Система высшего гуманитарного образования в своём характере и структуре в любом социуме естественно формирует будущее поколение, опираясь на самые последние достижения науки, и в перспективе определяет культуру общества, государства и протекающих в них цивилизационных процессов. Тогда возникает справедливый вопрос: зачем усложнять жизнь самим себе умножением ненужных и бессмысленных энтропийных действий? Чтобы узнать и понять ответ на этот вопрос, необходимо проникнуть в головы горе-реформаторов образования, которые в последнее время стали меняться довольно часто, а потому ответ, скорее всего, будет недоступен.

Какова в такой ситуации должна быть стратегия высшего гуманитарного образования с точки зрения синергетики, как общенаучной и философской парадигмы? *Первое:* двигаясь в сторону формирования информационного общества образовательный процесс должен трансформироваться от стратегии количественного объёма знаний по широкому кругу дисциплин к стратегии выработки у студентов способности

ориентироваться во всей системе многообразия современных знаний, основываясь на личных критериях себя как творчески мыслящего субъекта. *Второе:* определяющей синергетической парадигмой в образовании как следствие предыдущей закономерно должно стать формирование будущего специалиста не как простого исполнителя, изучившего набор алгоритмов, а как человека инициативного, с активной социальной позицией, способного творчески повлиять как на качество своей узко выполняемой работы, так и весь процесс в целом, оценивая перспективу всей деятельности в конечном результате. *Третье:* как следствие предыдущего, именно от системы высшего гуманитарного образования потребуется новое видение проблемы по всестороннему и гармоничному развитию индивида с точки зрения синергетики, о чём высказалась доктор философских наук, профессор Е.Н. Князева: «Универсализм личности состоит сегодня не в объёме удерживаемых в памяти сведений и не в массиве оперируемых знаний из разных дисциплинарных областей, а в овладении общей системой ориентации в океане информации, в создании жёстких личностных фильтров – чётких способов отбора ценной информации, а также в формировании умения постоянно пополнять и достраивать свою личностную систему знаний» [1, с. 63]. Остаётся только добавить, что такая постановка задачи возвращает нас обратно к необходимости наличия высшего гуманитарного и, в частности, высшего философского образования. Основополагающий вывод рассмотренной ситуации в высшем образовании заключается в следующем: чем больше будут пытаться вытеснить гуманитарные дисциплины, тем острее будет вставать потребность в их возобновлении в образовательном процессе с последующим, как правило, искоренением источника деструктивности, что характеризует элиминирование гуманитарных дисциплин как точку бифуркации в системе образования как синергетическом процессе.

Литература и источники

1. Князева, Е.Н. Трансдисциплинарные комплексы знаний: синергетическая мудрость в образовании // Полигнозис. – 2001. – № 2. – С. 18–36.

ГРАНТЫ КАК ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ворошень О. Г. (Минск, Беларусь)

Государственная поддержка талантливых молодых ученых является важным направлением государственной молодежной политики в сфере науки Республики Беларусь, выступает в качестве одного из важнейших приоритетов государственной поддержки науки и культуры в Беларуси.

Повышенное внимание к научной молодежи объясняется «исключительной важностью притока молодежи в науку для

воспроизводства ее кадрового состава» [1, с. 214]. Особое место в процессах воспроизводства кадрового состава науки отводится аспирантуре, как структуре, осуществляющей подготовку научных кадров высшей квалификации. В целях повышения качества подготовки научных кадров, создания дополнительных стимулов для эффективного научного творчества аспиранты включены в систему государственной поддержки молодых ученых, в рамках которой молодым ученым на конкурсной основе выделяются гранты, стипендии, премии за достижения в науке.

Участие в конкурсах на получение исследовательских грантов и стипендий предоставляет возможности наиболее талантливым молодым исследователям получить дополнительное финансирование для проведения своих исследований. Гранты направлены на поддержку творческой инициативы ученых, стимулирование научного творчества. Эффективность грантовой поддержки определяется отбором лучших проектов на конкурсной основе, что дает возможность молодым исследователям проявить себя в науке, приобрести опыт самостоятельной работы и иметь дополнительный источник дохода.

Особое место в системе государственной поддержки научной молодежи занимает поддержка аспирантов научных организаций НАН Беларуси. Грантовая поддержка научно-исследовательских работ аспирантов введена в Беларуси с 1996 года. Молодые ученые НАН Беларуси имеют возможность ежегодно участвовать в ряде конкурсов на получение стипендий и исследовательских грантов для аспирантов и молодых ученых.

Для финансовой поддержки исследований по докторским и кандидатским диссертациям и содействия их своевременному завершению в Национальной академии наук Беларуси ежегодно проводится конкурс среди докторантов и аспирантов на получение грантов для выполнения научно-исследовательских работ по теме диссертации. По итогам конкурса за последние годы гранты НАН Беларуси получали в 2010–88, 2011 году 83 человек, в 2012 году – 60, в 2013 году – 62, в 2014 году – 47 человек [2, с. 223] [3, с. 253] [4, с. 235].

Для осуществления социальной поддержки аспирантов, а также повышения качества подготовки научных работников высшей квалификации, эффективности их научно-исследовательской деятельности в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 6 сентября 2011 г. № 398 «О социальной поддержке обучающихся» ежегодно Министерством образования совместно с Национальной академией наук Беларуси проводится открытый конкурс среди аспирантов дневной формы обучения на получение стипендии Президента Республики Беларусь [6]. За последние годы количество аспирантов из организаций НАН Беларуси отмеченных стипендиями Президента Республики Беларусь составило в 2011 году – 19 человек, в 2012 году – 25, в 2013 году -18, в 2014–23 человека [2, с. 345] [3, с. 377] [4, с. 356] [5, с. 407].

В целях стимулирования развития творческой инициативы молодых ученых, укрепления кадрового потенциала научных организаций,

выполняющих исследования либо разработки в области естественных, технических, социальных и гуманитарных наук в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2005 г. N 367 «О совершенствовании стимулирования творческого труда молодых ученых» учреждено 100 стипендий талантливым молодым ученым. Стипендии назначаются молодым исследователям без степени до 30 лет, аспирантам в том числе [7]. Среди стипендиатов в 2011 году – 39 человек, в 2012 году – 32, в 2013 году – 34, в 2014–47 молодых ученых НАН Беларуси [2, с. 344] [3, с. 377] [4, с. 356] [5, с. 406].

Особое место в системе государственной поддержки научной молодежи занимает Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, который также ежегодно проводит конкурс на соискание грантов для молодых ученых «Наука М» в целях привлечения талантливой молодежи к выполнению фундаментальных научных исследований. Также молодые исследователи, в том числе и аспиранты, могут принять участие в ряде совместных конкурсов на соискание грантов для молодых ученых: совместно с Министерством образования Республики Беларусь – «БРФФИ–Минобразование М», совместно с Российским гуманитарным научным фондом – «БРФФИ–РГНФ М».

Такие формы государственной поддержки молодых исследователей являются эффективным методом стимулирования научно-исследовательской деятельности и способствуют становлению инициативной и творческой личности, росту квалификации молодых исследователей. Участие в конкурсах на получение грантов и стипендий помогают вхождению наиболее талантливой научной молодежи в науку, способствует формированию исследователей, способных к выполнению перспективных научных и инновационных проектов.

Литература и источники

1. Шарый, И.Н. Особенности институционализации государственной молодежной политики в сфере науки Республики Беларусь // Белорусская наука в условиях модернизации: социологический анализ. – Минск, 2015. – С. 214–225.
2. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2011 году. – Минск, 2012.
3. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2012 году. – Минск, 2013.
4. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2014 году. – Минск, 2015.
5. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2013 году. – Минск, 2014.
6. Указ Президента Республики Беларусь от 6 сентября 2011 г. № 398 «О социальной поддержке обучающихся» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2011. – № 102. – 1/ 12819.
7. Указ Президента Республики Беларусь от 11 августа 2005 г. N 367 «О совершенствовании стимулирования творческого труда молодых ученых» //

БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ РИСКОВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Грошева Л. И. (Тюмень, Россия)

В условиях кризиса мультикультурализма и ряда классических общественных институтов перед образованием стоит достаточно сложная задача: совместить практически ориентированные аспекты с воспитательными и этическими нормами и правилами. В особенности остро данный вопрос поставлен в сфере бизнес-образования, актуального среди бизнес-активной молодёжи, формирующей значительный по численности класс предпринимателей.

Среди специфических черт данного класса следует выделить деятельность в условиях постоянного риска и высокой конкуренции, что требует формирования особых качеств и навыков, позволяющих сохранять позиции и наращивать потенциал созданной бизнес-единицы. Начиная с У. Бека, общество на современном этапе развития позиционируется как совокупность рисков, обусловленных высокой изменчивостью и интенсивностью современной жизни. Проблемы принятия рискованных решений у молодёжи, по мнению Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова [1, с. 20] связаны с процессами самореализации, самоопределения, долгосрочного планирования и прогнозирования. Указанные процессы могут быть переведены в категорию управляемых только посредством учёта теоретических знаний и практических навыков, формируемых в ходе образования: как на самостоятельной основе, так и в рамках социальных институтов.

Адаптация к бизнес-среде в большинстве случаев возможна посредством различных форм обучения.

Формирование активной экономической позиции в среде школьников, посредством преподавания экономических дисциплин и организации «бизнес-ярмарок» и бизнес-проектов. С одной стороны, данный метод позволяет приучить ребёнка к принятию риска как естественного явления, с другой – эгоцентрическая сущность предпринимательства может оказать негативное влияние на формирующиеся моральные устои ребёнка. Среди европейских моделей бизнес-образования уже существует пролонгированная модель воспитания будущих бизнесменов, начиная с возраста 5 лет на базе детских садов. Однако её эффективность на практике может быть оценена лишь через 20 лет, когда первая экспериментальная группа достигнет второй (на базе средней школы) и третьей (на базе вуза) ступеней формирования бизнес-ориентированных качеств и навыков [2].

Формирование информационной базы и первичных навыков на базе институтов в форме внедрения специальных дисциплин по основам

предпринимательства или посредством создания полуавтономных бизнес-единиц, зависимых от базового вуза. В данном случае формируется не только теоретическая база по ведению бизнеса, но и учитывается необходимость развития практических навыков, которые реализуются молодыми людьми, задействованными в бизнес-проектах. Однако на текущий момент в России по подсчётам автора около 40% вузов не имеют прикладной площадки для реализации теоретических знаний по бизнес-планированию. И в 20% случаев прикладные аспекты реализуются посредством олимпиад, конкурсов, специализированных слётов, которые хотя и предоставляют возможность для понимания основных аспектов бизнес-деятельности, но являются теоретическими моделями, отличными от реалий рыночной экономики.

Развитие бизнес-образования посредством специализированных агентов и мероприятий: государственных образовательных программ, тренингов, курсов и мастер-классов на текущий момент является наиболее перспективным и эффективным, т.к. его целевой аудиторией являются уже внутренне мотивированные и морально устойчивые молодые люди, нацеленные на получение практического результата своего дела.

В течение 2009–2015 гг. автором было проведено глубинное исследование 82 молодых предпринимателей, осуществляющих свою деятельность на территории России. Половина исследуемых представляла сферу официального бизнеса, зарегистрированного в государственных органах, другая половина относила себя к неформальной экономике, включающей разрешённые типы и формы производств, но не предусматривающей официальную регистрацию, подотчётность и отчисление обязательных платежей. Исследование заключалось в регулярном интервьюировании и анкетировании молодых бизнесменов с целью выявления специфики организационных, финансовых и образовательных аспектов молодёжного бизнеса.

Говоря о способах получения информации, предприниматели наиболее высоко оценивали самообразование и самостоятельную поисковую деятельность, на протяжении всего периода исследования 54,5% экспертов предпочитали данный способ развития. При этом по результатам замеров в 2015 году доверие к государственным и региональным образовательным программам выразили менее 10% (данная тенденция устойчива на протяжении всего периода исследования), в то время как предпочтительность услуг бизнес-инкубаторов (в случае их наличия в регионах) выбрали 13,4% опрошенных. С одной стороны, это показатель высокого уровня самостоятельности молодёжи, однако, эффективность применения самоактуализированного поиска проявляется в случае наличия качественных источников информации.

Самообразование предполагает обращение к различного рода материалам на основе самостоятельного аналитического отбора. Однако предприниматели в большей степени не смогли конкретизировать используемые ресурсы. Так 29,4% экспертов определили преимущественное обращение к интернет ресурсам в целом, на втором месте с показателем в

23,5% были указаны рекомендации и помощь родственников и знакомых. Конкретизация интернет-источников у молодых бизнесменов вызвала затруднения – 37,5% не смогли вспомнить ни одного конкретного ресурса, кроме случайного поиска в системе google.com. Несколько лучше ситуация обстояла у представителей официального бизнеса, участвовавших в мероприятиях бизнес-инкубаторов и молодёжных программ (Ты-предприниматель, Бизнес-молодость). Неформальные бизнесмены смогли вспомнить адреса поставщиков сырья и других контрагентов, но в сфере организационных аспектов конкретные источники не упоминались.

В вопросе отсутствия желания обращаться в специальные образовательные учреждения эксперты проявили единодушие и оперировали отсутствием достаточного свободного времени и несоответствием предлагаемых программ их потребностям. Помимо объективного разнообразия возникающих вопросов, данный факт говорит о невысокой требовательности молодёжи к качеству получаемой информации, что в свою очередь ведёт к высоким рискам в принятии решений.

К современной образовательной системе в сфере бизнес-активности молодёжью предъявлен ряд требований, предъявляемых молодыми предпринимателями и потенциально повышающих её эффективность и востребованность.

Предпочтение предпринимателями системы самообразования говорит о необходимости расширения в рамках государственных и региональных программ дистанционных образовательных пакетов, позволяющих потребителям организовать свой учебный процесс в наиболее комфортных временных и психологических условиях.

Многообразие запросов бизнес-среды заставляет молодёжь тратить значительное время на поиск информации по различным ресурсам, что свидетельствует о необходимости создания единых информационных порталов, которые будут предоставлять систему ссылок на проверенные информационные службы и источники.

Безусловность обратной связи с участниками образовательных пакетов должна подтверждаться фактическими изменениями в последующих продуктах, с адресной обратной связью с инициаторами данных изменений. Использование типовых, повторяющихся программ (согласно контент-анализу до 60% предлагаемых продуктов имеет неизменную структуру в течение 3 лет), снижает готовность предпринимателей к содействию развитию программ поддержки и желание участвовать в данных мероприятиях.

Анализ существующих программных продуктов в сфере образования и реакции и востребованности таковой у молодых предпринимателей показывает присутствие значительных расхождений как на содержательном, так и на методологическом уровне.

Налаживание качественной обратной связи и разработка адресной и адаптивной помощи молодым предпринимателям являются основополагающими инструментами, основной задачей которых станет

санация образовательной системы в сфере молодёжного предпринимательства.

Литература и источники

1. Вишневский Ю.Р. Социология молодёжи / Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко. – Екатеринбург, 2006.
2. Bridge 2 Business. Young Enterprise Scotland [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yes.org.uk/what-we-do/ages-17-to-30.htm>.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

Гужва Т. М. (Луганск, Украина)

Проблема формирования профессиональных ценностей у будущих социальных работников является одной из наиболее сложных и актуальных. Это связано с тем, что традиционные формы и методы обучения, которые используются в процессе профессиональной подготовки, направлены преимущественно на формирование знаний, умений и навыков студентов и недостаточно влияют на ценностную сферу личности будущего специалиста. Наибольшие возможности в формировании профессиональных ценностей и ценностных ориентаций студентов специальности «социальная работа» имеют инновационные технологии обучения, которые основываются на новых методологических принципах, современных дидактических и психолого-педагогических теориях. Они способствуют активизации учебно-познавательной деятельности, создают благоприятные условия для творчества, самостоятельного принятия решений в соответствии с усвоенными профессиональными ценностями.

Профессиональные ценности социального работника являются внутренним регулятором его профессионального поведения и деятельности. По мнению Н. Шмелевой, они отображают альтруистичный характер деятельности специалиста социальной сферы, его моральную ответственность перед профессией и потребность в самореализации, самоутверждении и самоусовершенствовании личности, достижении профессионализма деятельности [5, с.115–116]. Как отмечалось выше, характер профессиональных ценностей социального работника обуславливает использование не только традиционных, но и более совершенных и эффективных методов и форм организации обучения в процессе их формирования – инновационных технологий.

Термин «инновация» в переводе с латинского означает обновление, изменение, введение нового. Т.В. Захарчук подчеркивает, что в педагогической интерпретации инновация рассматривается как нововведение, которое улучшает ход и результаты учебно-воспитательного процесса [2, с. 48.]. Более детальную характеристику педагогической

инновации дает Т.И. Туркот. Автор отмечает, что педагогическая инновация рассматривается как особенная форма педагогической деятельности и мышления, которая направлена на организацию нововведений в образовательном пространстве, или как процесс создания, внедрения и распространения нового в образовании [4, с. 124].

Ученые-педагоги, характеризуя педагогические инновации, сравнивают их с традиционной системой обучения, которая имеет серьезные недостатки. Наиболее распространенными из них, по мнению специалистов, является объяснительно-иллюстративный тип обучения и доминирование репродуктивной деятельности студентов, авторитарный стиль взаимоотношений преподавателя и студента и ограниченность диалогического общения, отсутствие у студентов мотивации для самообразования, саморазвития, самоусовершенствования. Именно на ликвидацию отмеченных проблем и недостатков традиционного обучения и направлены педагогические инновации, цель которых заключается, прежде всего, в превращении студента в настоящего субъекта педагогического процесса, в его главное действующее лицо.

Заметим, что инновационная деятельность в образовании является чрезвычайно сложной и нуждается в подготовленном педагоге-исследователе, который отличается способностью к творчеству, осознанной готовностью к инновациям, имеет необходимые знания и навыки. Педагог инновационного направления должен иметь внутреннюю мотивацию и возможность выступать инициатором инновационной деятельности в образовании.

Педагогическая инновация рассматривается как процесс и как результат. Для характеристики инновационной деятельности в образовании как процесса используется понятие «инновационная технология». Термин «технология» происходит от двух греческих слов – искусство, мастерство и наука, учеба. Это дает основания характеризовать технологию как осознанное практическое искусство, осознанное мастерство. Заметим, что сначала это понятие использовали в технике для определения совокупности данных о производственных процессах. Так, в толковом словаре С.И. Ожегова технология определяется как совокупность производственных процессов в определенной отрасли производства, а также как научное описание средств производства [3, с. 732].

Позже термин «технология» стал распространяться на другие области знаний, в том числе и на педагогику. Т.И. Туркот отмечает, что технология предусматривает искусство владения процессом, определенную последовательность операций с использованием необходимых средств (материалов, инструментария и алгоритма действий). Иначе говоря, в процессуальном понимании технология должна дать ответ на вопрос: «Как достичь результата деятельности (с использованием чего и какими средствами)?» Технологии в сфере обучения и воспитания, по мнению исследовательницы, принципиально отличаются от промышленных технологий, поскольку первые являются более гибкими и их исходным и

конечным результатом является человек, а основным параметром измерения выступает уровень его развития [4, с. 78].

Учитывая отмеченные особенности технологий обучения и воспитания, мы рассматриваем инновационные педагогические технологии как «целенаправленное, систематическое и последовательное внедрение в практику оригинальных, новаторских способов, приемов, педагогических действий и средств, которые охватывают целостный образовательный процесс от постановки цели до достижения ожидаемых результатов» [1, с. 93].

Для использования интерактивных технологий в процессе формирования профессиональных ценностей у будущих социальных работников, на наш взгляд необходимо: а) определить ожидаемый результат; б) отобрать совокупность интерактивных методов и приемов, обеспечивающих активное взаимодействие участников педагогического процесса, диалог, сотрудничество, сотворчество между ними.

Мы также исходили из того, что использование инновационных методов и приемов возможно и необходимо в процессе организации всех видов аудиторной работы. Наиболее эффективными инновационными формами, как показывает опыт и результаты экспериментальной работы, являются проблемные лекции, лекции пресс-конференции, кейс-метод, ролевые и деловые игры, мозговой штурм, мастер-классы, диспуты, эвристические беседы, метод «микрофон».

Использование инновационных технологий вызывает у будущих социальных работников интерес к аксиологической проблематике и способствует формированию внутренних мотивов к усвоению знаний о профессиональных ценностях, а также необходимых практических умений и навыков.

Таким образом, инновационные технологии обучения являются эффективным средством влияния как на интеллектуальную, так и на ценностную сферу личности будущего социального работника. Они дают возможность студентам на каждом занятии самостоятельно принимать решения и глубже осознать, что эффективность профессиональной деятельности в социальной сфере в значительной степени зависит от ее ориентации на систему профессиональных ценностей.

Литература и источники

1. Дичківська, І.М. Інноваційні педагогічні технології. – К., 2004.
2. Захарчук, Т.В. Інноваційні технології навчання в сучасній школі // Освіта регіону: політологія, психологія, комунікації. – 2011. – т.3.–С. 48.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М., 1972.
4. Туркот, Т.І. Педагогіка вищої школи. – К., 2011.
5. Шмелева, Н.Б. Ценностные ориентации, мотивации и психологические установки в профессиональной подготовке социального работника // Российский журнал социальной работы. – 1997. – №1. – С. 115–124.

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ

Давидов П. Г. (Красный Лиман, Украина)

Следует осознать, что образование, как и любое социальное явление, это не стихийный, а управляемый системный процесс, имеющий свои собственные цели, главной из которых является целенаправленное и методическое формирование личности профессионала. Поэтому учитывая особую важность образования в социально-экономическом развитии государства и гражданского общества. Построение новой парадигмы государственной политики в образовательной деятельности возможно с использованием синергетического подхода, в котором учитываются основные требования всех субъектов образовательного процесса – личности, общества, государства, а также развитие в параллели с государственным образованием частного (негосударственного) сектора образования, а также обеспечение расширения свободного образования. Это подтверждается тезисами доклада Туринской группы Европейского фонда образования о том, что обучение должно базироваться на праве каждого человека свободно выбирать качественное образование всех видов, которое больше всего отвечает его природе [1, с. 47].

Поэтому в новом «информационном обществе» возникает острая потребность в высококвалифицированных, профессионально компетентных, креативных специалистах. Сформировать их в процессе обучения призвано использование интегрированного пространства знаний (ИПЗ). Его создание (ИПЗ) требует разработки как новых организационно-методических средств и технологий повышения качества подготовки специалистов, так и учет интеграционных и трансформационных процессов, происходящих не только в образовании, но и в самом обществе.

«Пророком» необходимости непрерывного образования был еще «отец» педагогической науки чешский педагог, писатель и мыслитель XVI века Я. Коменский, который отмечал, что «кто мало знает, малому может и научить». Общим лозунгом непрерывного образования может быть его высказывание: «Считай несчастным тот день или тот время, в которое ты не усвоил ничего нового и ничего не прибавил к своему образованию».

Общеввропейская концепция «образования через всю жизнь», была окончательно сформулирована и принята в экономически развитых странах только в середине прошлого века. Сама концепция «непрерывного образования» или «образования через всю жизнь» в XX веке в силу ее общечеловеческого значения занимает ведущее место, и требует глубинного обновления структуры общества: образования, экономики, науки и культуры.

Внедрение этой тенденции в жизни непосредственно связано с развертыванием болонского процесса. Непосредственная связь концепции «непрерывного» образования и Болонского процесса проанализированы в монографии «Болонский процесс и обучение в течение жизни» авторов:

М. Степко, Б. Клименко, Л. Товажнянского. Следует отметить, что Пражское коммюнике 2001 года, которое и было направлено на реализацию обязательств принятых в Болонье еще в 1999 году на первое место среди основных задач вывело именно обсуждение проблем обучения в течение жизни.

Потребность в разработке новой образовательной идеологии была обусловлена ускорением информационных процессов, ростом инновационных технологий в деятельности общества. При этом неспособность «традиционной» образовательной системы адекватно реагировать на новые социальные требования, безусловно, не могли не вызвать недовольства. В особенности если учитывать проблему «старения» знаний (за год «стареет» около 5% профессиональных знаний). В таких условиях традиционный способ образования является малоэффективным.

Поэтому еще в 1972 году ЮНЕСКО была разработана и официально принята концепция непрерывного образования, как наиболее адекватный ответ социально-экономическим трансформациям в формирующемся обществе знаний. Примером такой теоретической и практической разработки и явилась концепция непрерывного образования и реформирования зарубежной образовательной системы на основе принципов синергетики, и были исследования П. Ленгранда и Р. Даве. Именно в их исследованиях были сформулированы 25 признаков непрерывности в образовании, из которых мы выделим 10 основных [14, с. 98]: 1) структурированность и целостность образовательной системы; 2) его жесткая горизонтальная и вертикальная интеграция (горизонтальная – межпредметная связь и личностное развития человека, а вертикальная – этапность и уровневость образования); 3) синтетичность, универсальность и демократичность общего и профессионального образования; 4) гуманистичность и гуманитарность в образовании (формирования навыков самостоятельности в обучении, воспитание и самовоспитание, самооценка и индивидуализация учения; 5) интердисциплинарность знаний и их качества, гибкость и вариативность содержания, средств и методов (методик), времени и места обучения; 6) динамичность информации и знаний, способность к ассимиляции новых достижений науки и техники (технологий) в образовании; 7) высокая мотивированность обучения, совершенствование умений и навыков в учебе; 8) создание интегрированного пространства знаний (ИПЗ), то есть соответствующих условий и атмосферы для учебы, реализация творческого и инновационного подходов в образовании; 9) демократичность и изменчивость социальных ролей в образовании и жизни; 10) системность принципов в образовательном процессе и взаимосвязь социальных ролей с компетентностью и образованностью специалиста (учиться для того, чтобы стать кем-то).

Необходимо отметить, что сегодня обучение новому старыми методами не может обеспечить получения ожидаемых, позитивных результатов. Нам необходимо знать, что значить обучение, как надо учиться, чему и как мы должны учиться. Особое внимание уделяется квалификации

педагогов, то есть, как и чему учить. Поэтому, как отмечают исследователи, результативность инновационной деятельности, прежде всего, зависит от того, насколько полно и каким образом взаимодействуют между собой все участники единой системы получения и использования новых знаний и технологий [14, с. 48].

Раскроем сущность самого понятия «непрерывное образование» или «обучение в течение жизни». Для этого обратимся непосредственно к исследованию А. Добрыдень, где она указывает на 6 аспектов этого понятия, в частности на: 1) открытый доступ, «с колыбели до последнего вздоха»: независимо от пола, социального статуса, предыдущих успехов в учебе, расы и религии; 2) всем гражданам: всем частным лицам, их семьям, местным сообществам, профсоюзам, работодателям, региональной власти отводится активная роль, не должно быть пассивных действующих лиц; 3) экономическая и социальная ориентация: образованные люди являются хорошими гражданами и хорошими работниками; 4) центральное место обучающегося, в процессе обучения: преподаватель становится наставником и помощником в учебе; 5) прозрачные стандарты образования и обучения, понятные для всех заинтересованных сторон, особенно для учащихся; 6) «обучение в течение всей жизни» открывает новые возможности для человека в его жизнедеятельности [2, с. 90].

С большинством этих утверждений мы согласны, и указываем, что постепенно концепция «непрерывного образования» становится аксиомой и в отечественной образовательной системе.

В последнее время все более очевидно, что потребность в образовании проявляется не только на уровне отдельной личности, отдельной организации, но и общества в целом. Поэтому столь актуальными сегодня являются концепции «непрерывного образования» или «образования (обучения) в течение всей жизни» это не прихоть отдельной личности, а насущная необходимость и требование времени, как для личности, так и для общества в целом. Международная практика и осуществленный нами анализ в сфере услуг по переподготовке и обучению персонала, а также ухудшение экономической ситуации актуализировало необходимость и в опережающем профессиональном образовании специалистов, формировании с помощью переподготовки их готовности быстро и адекватно реагировать на внешние вызовы, своевременно переходить в перспективные профессиональные сектора в соответствии с требованиями рыночной экономики и экономики «общества знаний» (информационного общества).

Литература и источники

1. Давидов, П. Безперервність освіти – виклик сучасності // Особистість, суспільство, політика – 2015: Матер. Другої міжнар. наук.-практ. конф. – Ч.1. – Люблін, 2015. – С. 14–17.
2. Добрыдень, А.В. Навчання впродовж життя в контексті болонського процесу // Вища освіта України – Додаток 3, том 1 (8) – 2008 р. Тематичний випуск «Вища

освіта України в контексті інтеграції до європейського освітнього простору». – С. 90–97.

3. Шконда, В.В. Феномен синергетики: наука – общество – образование: Монография / В.В. Шконда [и др.]. – Донецк, 2009.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ РЕЛИГИОЗНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Дивногорцева С. Ю. (Москва, Россия)

Три последних десятилетия в жизни стран постсоветского пространства характеризовались достаточно широкой открытостью границ, возможностью учиться и работать в других странах. В этих условиях в педагогической среде стали говорить о мультикультурализме и таком его важнейшем компоненте как поликультурное воспитание, о решении задачи соотнесения в воспитании подрастающих поколений доступности других культур и сохранения собственной идентификации, культурных традиций своей страны, своего народа, связи поколений.

Проблемы поликультурного воспитания самым тесным образом связаны с не менее актуальными проблемами религиозного образования, и их решение в основном лежит в области компетенции образовательных учреждений и соответствующей подготовки педагогических кадров, среди разнообразия средств которой представляется важным формирование умений, связанных с осуществлением коммуникации в самом широком смысле – коммуникации с детьми, родителями, коллегами, в том числе за рубежом. Последнее представляется нам особенно актуальным для современных педагогов школы и вуза, поскольку опыт и наблюдения показывают, что они, как правило, слабо владеют иностранным языком, мало знакомы с работами иностранных ученых и педагогов, не имеют возможности общаться с ними, участвовать в конференциях, проводимых за рубежом, читать иностранную педагогическую литературу, изучать ее, в том числе, с целью формирования грамотных представлений и возможности критических суждений, касающихся их педагогических идей, концепций, инноваций.

Осознание существующих и описанных выше проблем способствовало разработке одной из возможных моделей подготовки специалиста в области образования, готового к их решению. Речь идет о подготовке педагогов в конфессионально-ориентированной вузе России – Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, реализующем образовательные программы обучения в соответствии с государственными образовательными стандартами при одновременном включении в содержание образования ряда богословских и религиоведческих дисциплин, что не только отвечает образовательным потребностям поступающих абитуриентов, но и дает возможность выпускникам педагогического факультета трудиться в качестве учителей, воспитателей, методистов, руководителей школ как в

государственных, так и в частных православных образовательных учреждениях.

Решение задач, связанных с воспитанием у студентов любви и интереса к православной культуре с одновременным уважением иных религиозных и культурных традиций, формирование актуального на сегодняшний день умения видеть общие тенденции и специфику развития культуры и педагогики в разных странах, а также актуальнейшего умения общаться, вступать в диалог, научную дискуссию повлекло за собой решение об открытии на факультете новой магистерской программы «Коммуникация в религиозной педагогической культуре». Отправной точкой послужили две идеи: о выделении на стыке пересечения таких понятий, как «религия», «культура» и «духовность» феномена религиозных педагогических культур и невозможности их изолированного существования в современном мире.

Под религиозной культурой, соглашаясь с И.В. Метликом, будем понимать «религиозное культурное наследие, которое составляют все феномены культуры, обусловленные влиянием религиозного мировоззрения, – специфические для каждой религии картина мира, система морали, а также совокупность соответствующей материально-предметной культуры (бытовая культура, искусство, литература и т.д.)» [3, с. 18]. Приоритет в сущностной характеристике любой религиозной культуры отдается духовной составляющей. Следует признать, что духовность обнаруживает свое двоякое органическое единство с культурой: она является необходимым основанием культуры, но в то же время духовность как качество личности формируется в лоне культуры. Такого рода взаимосвязь духовного и культуры делает невозможным духовное воспитание и развитие индивида вне включения его в культуру. Именно здесь и находится главная точка соприкосновения образования и культуры. Образование выступает как необходимое условие воспроизводства культуры. Человек становится наследником культуры в процессе образования. Отсюда следует, что культура неразрывно связана с образованием и педагогикой, поэтому имеет смысл говорить о феномене педагогической культуры общества. Типы педагогической культуры возникают и оформляются в связи с установлением связи образования с тем или иным видом культуры. Религиозную педагогическую культуру представим, как самостоятельную систему общественной жизни по принципу целостной и единой системы идей, идеалов, норм и ценностей, вертикально ориентированной к Абсолюту как высшей ценности с точки зрения религиозного мировоззрения [2, с. 38].

Как и культура в целом, религиозная педагогическая культура не может существовать изолированно: она обращается и к своему прошлому, и к опыту других культур, что получило название «взаимодействия культур» или «межкультурной коммуникации». Содержание и результаты межкультурной коммуникации во многом зависят от приоритетных в той или иной культуре ценностных установок, норм поведения, традиций. Отсюда вытекает важность их изучения, которая актуальна в том числе и для педагогов, поскольку их квалификационной характеристикой, согласно современным

стандартам обучения, является умение осуществлять связь с общественностью, профессиональную коммуникацию на иностранном языке, взаимодействовать с участниками образовательного процесса и социальными партнерами, толерантно воспринимая социальные, этноконфессиональные и культурные различия.

Коммуникацию, в отличие от общения как межличностного взаимодействия, склонны понимать шире, трактуя ее как информационный обмен [1]. Исходя из того, что информационный обмен в сфере религиозных педагогических культур связан с такими понятиями и сферами жизнедеятельности обществ, как «религия», «культура», «педагогика», содержание образовательной программы «Коммуникация в религиозной педагогической культуре» выстроено таким образом, что до четверти учебного времени занимает изучение языка (выбранной в данном учебном году страны), включая такие его аспекты, как религиозная и педагогическая лексика, деловая коммуникация. Также студентам предлагаются курсы, связанные с изучением культуры и педагогики страны изучаемого языка, нацеленные в том числе на формирование представлений о ценностях, нормах, стандартах поведения, педагогической культуре, в том числе, религиозной, другого коммуникативного сообщества. Формирование межкультурной компетентности в процессе изучения подобного рода курсов должно быть тесно связано с совершенствованием их коммуникативной компетентности, с обучением взаимодействию в ходе педагогического процесса, независимо от религиозно-культурных различий тех или иных стран через изучение таких курсов, как «Педагогическая риторика», «Педагогические технологии дистанционного образования», «Конфликтология в коммуникационно-педагогической деятельности», «Методика преподавания русского языка как иностранного», организацию коммуникационно-педагогической практики.

Обозначенная магистерская программа предлагается для изучения тем, кто готов осуществлять по указанным сферам межкультурное взаимодействие, в том числе, работая над снижением рисков межкультурной конфликтности, заниматься организацией и управлением культурно-просветительской деятельностью, направленной на ознакомление различных социальных групп населения к миру той или иной религиозной культуры и педагогики, научно-педагогическим проектированием на основе межкультурной коммуникации. Освоение этой программы, помимо приобретения личностью ряда профессионально значимых и актуальных педагогических компетенций, будет способствовать воспитанию личности, осознающей религиозную природу сознания и культуры, учитывающей ценностно-смысловые ориентации различных религиозных, национальных, социальных, профессиональных общностей и групп в российском и зарубежном социуме, проявляющей уважение к своеобразию иноязычной культуры и ценностным ориентациям иноязычного социума.

Литература и источники

1. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации / Т.Г. Грушевицкая, А.Д. Попов, А.П. Садохин. – М., 2002.
2. Дивногорцева, С.Ю. Историко-теоретический анализ православной педагогической культуры в России: дис. ... докт. пед. наук. – М., 2011.
3. Метлик, И.В. Интеграция знаний о религии в учебно-воспитательной деятельности светской школы: автореф. дис.... докт. пед. наук. – М., 2005.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПОСТДИПЛОМНЫЙ ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ

Дудко Е. А. (Минск, Беларусь)

Динамизм общественного развития, бурное развитие новых технологий, трансформация всех сторон жизнедеятельности человека (экономической, социокультурной, бытовой, управленческой) под влиянием информатизации и компьютеризации, поиски новых идей, подходов к решению противоречий современного цивилизационного развития в эпоху глобального кризиса вызывают необходимость непрерывного совершенствования образовательных программ высшей школы на основе принципа органического единства профессиональной, мировоззренческой и методологической подготовки будущих специалистов. В современных условиях возрастает роль постдипломного образования, увеличивается контингент иностранных студентов и требует особого внимания организация учебной работы, научно-методического и учебно-методического обеспечения процесса обучения магистрантов и аспирантов.

На уровне постдипломного образования аспиранты и магистранты изучают курс «Философия и методология науки», затем сдают по этому предмету кандидатский экзамен.

В целях оптимизации изучения этого курса и оказания научно-методической помощи магистрантам, аспирантам и соискателям кафедрой философии и методологии науки БГУ разработано и издано учебное пособие: «Философия и методология науки».

Обращение к этому пособию целесообразно в процессе подготовки к вступительному экзамену в аспирантуру, а также при подготовке к сдаче экзамена кандидатского минимума.

Раздел I. пособия дает целостное программное представление об изучаемом курсе и целях изучения (приобретения навыков исследовательского мышления и умения философски осмысливать актуальные проблемы естественных и социально-гуманитарных наук).

Соответственно программа включает два основных блока: «Философия и ценности современной цивилизации» и второй блок «Философско-методологический анализ науки». Достоинством является то, что кроме программы курса в учебном пособии представлена содержательная

реконструкция лекционного курса по философии и методологии науки. В процессе изучения курса и подготовки к сдаче экзамена кандидатского минимума у слушателей возникают самые разнообразные вопросы. Учитывая опыт преподавания философии и философских дисциплин на постдипломном уровне образования учебное пособие включает самостоятельные разделы, которые касаются подготовки к практикумам с учетом специальностей аспирантов и магистрантов (естественные науки и гуманитарные); также предлагается примерная тематика рефератов (для естественнонаучных и гуманитарных специальностей).

На уровне постдипломного образования происходит дальнейшая социально-психологическая и социокультурная адаптация иностранных учащихся в образовательном пространстве. Опыт педагогической работы с иностранными аспирантами и магистрантами в процессе изучения курса «Философия и методология науки» показывает целесообразность объединения иностранных учащихся в отдельную группу.

По своему характеру учебная работа является индивидуально-групповой. Состав групп неоднороден по многим параметрам: и в плане владения языком обучения, уровня вузовской подготовки, навыков работы с текстовым материалом, умением конспектировать и т.д.

Выделяется наиболее активная часть группы: аспиранты и магистранты, хорошо владеющие языком обучения. Они имеют навыки самостоятельной и систематической работы, к практическим занятиям готовят содержательные ответы, с интересом и знанием предмета участвуют в дискуссиях по обсуждаемой проблеме, откликаются на предложение принять участие в конференциях для магистрантов, аспирантов, молодых ученых по социогуманитарным наукам.

В то же время выделяется и такая часть иностранных учащихся, для которых процесс освоения и усвоения учебной программы сопряжен с определенными трудностями и в плане существования языкового барьера, а также умения самостоятельно работать с источниками, подготовкой устного или письменного ответа. Этой части группы оказывается разноплановая консультативная помощь.

Индивидуализированный подход и постоянное внимание преподавателя к результатам работы магистранта или аспиранта имеет значение в психологическом плане. Если в начале учебного процесса чувствуется неуверенность учащегося в своих силах, проявляется в определенной мере пассивность и инертность, то в дальнейшем работа аспиранта (магистранта) приобретает черты целеустремленности, нацеленности на успешное выполнение конкретных заданий. Практика устных выступлений с сообщениями перед своими товарищами также способствует повышению самооценки.

Преподаватель оказывает консультативную помощь и в процессе подготовки реферата (выбора темы, подбора литературы, структурированности содержания, придания цельности и завершенности, наличия выводов по выполненной работе).

Особенностью кандидатского экзамена по философии и методологии науки является то, что из трех предлагаемых на экзамене основных вопросов третий относится к реферату. Поэтому с аспирантом обсуждается ряд моментов: как, в какой форме построить ответ по реферату, какие могут быть дополнительные вопросы по избранной теме, результатам выполненной работы. Практика показывает, что внимание аспиранта к этой стороне подготовки к кандидатскому экзамену дает положительный эффект, снимает многие трудности, связанные с недостаточным владением языком обучения.

Несмотря на то, что УМК по философии и методологии науки насыщен методическими советами в плане изучения курса и подготовки к экзамену кандидатского минимума, аспиранты и магистранты не всегда в достаточной мере используют имеющийся научно-методический потенциал данного пособия.

Поэтому одна из задач консультативной помощи состоит в том, чтобы направить внимание аспирантов и магистрантов на необходимость постоянного обращения к УМК, учитывать при подготовке к сдаче экзамена кандидатского минимума те методические рекомендации и разъяснения, которые содержатся в различных разделах УМК.

На уровне постдипломного образования консультативная помощь преподавателя иностранным учащимся в процессе подготовки к сдаче кандидатского экзамена носит многоцелевой характер, осуществляется по различным параметрам, как на групповом, так и на индивидуальном уровне, является необходимым и существенным компонентом образовательного процесса в вузе, требует значительных усилий и времени.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ, МАТЕМАТИКИ И ИНФОРМАТИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: МОТИВАТОР «ЭФФЕКТА КОНГРУЭНТНОСТИ НАСТРОЕНИЯ»

Еровенко В. А., Мартон М. В. (Минск, Беларусь)

Современная математика связана с философией множеством актуальных мировоззренческих тем, например, в курсе математики для философов – это актуальное и потенциальное, конечное и бесконечное, содержательное и формальное, а также многое другое. Несмотря на это математику и философию в образовательном контексте часто рассматривают как «противоположности», хотя их объединяет то, что каждая из указанных противоположностей является творчеством. О взаимоотношениях философии и математики можно говорить в двух смыслах: во-первых, о влиянии философской рефлексии на развитие абстрактно-формального мышления, а, во-вторых, о возможностях математики при формировании абстрактного философского мышления. При преодолении порога осознания трудностей надо учитывать мотивационную роль «эффекта конгруэнтности настроения» студентов, характеризующуюся тем, что эмоции интереса обучаемых и их

настроение оказывают непосредственное влияние на когнитивный процесс обучения в том смысле, что студенты лучше усваивают учебный материал, если он соответствует их настроению. Трактую общие цели философско-математического развития в методологическом контексте можно утверждать, что при изучении лучших образцов дедуктивных рассуждений из строгих математических доказательств воспитывается не только стремление к хорошей и полноценной аргументации, но и объективность, интеллектуальная честность, воплощение и понимание которой тоже требует немалых сил.

Одно из существенных отличий современной философии от математики состоит в том, что в ней не существует признанных всеми философскими школами «результатов», что, отчасти, объясняется соперничеством за право определять важнейшие тенденции философствования. У философов даже нет общепринятого определения «философии математики», как, впрочем, нет его и у математиков. Однако если математик и не сможет ответить на вопрос «что же такое математика?», он все же запросто отличит математические тексты от остальных. Современная математика – это довольно своеобразная наука, даже философский анализ ее общих положений бывает весьма сложен, а многие методологические проблемы самой математики все еще остаются недостаточно разработанными (см.: [1]). Например, различные интерпретации существования в математике, среди которых выделяются концепции существования Кантора, Гильберта и Брауэра, имеют свою солидную философско-математическую базу. Соответствующие трудности обусловлены тем, что философское понимание современной математики не может быть адекватно интерпретировано на основе имеющихся интуитивных представлений об этой фундаментальной науке, что-то приходится принимать на веру. Но математическая теория все же отличается от эмпирического знания логикой своего развития, поэтому ее интерпретация ограничивается методологическими аспектами математического знания.

Следует обратить внимание и на то, что в последнее время в философско-методологической литературе стали рассматриваться вопросы онтологического уровня информации, имеющие непосредственное отношение к образованию и информационным технологиям. «Интересен тот факт, что понятие "онтология" перекочевало в сферу ИТ из философии, но отнюдь не в смысле учения о бытии. Нельзя утверждать, что в ИТ как специальной дисциплине онтология понимается неверно. Онтология там обрела свой смысл и значение. Онтология начинает восприниматься как некоторый инструмент или как некоторая техника по созданию баз данных» [2, с. 70]. Это можно даже назвать новым уровнем философской рефлексии в области компьютерных технологий, так как, говоря об «онтологии информационных технологий», обращают внимание не на то, из чего сделаны те или иные компьютерные устройства, а акцентирует внимание на том, какая система программирования в них используется и какие носители применяются для записи и хранения информации. При этом обычно

разграничивают «чистую онтологию» и еще способы ее «подачи», поэтому появилась даже новая специальная дисциплина – «прикладная онтология».

Надо уметь модулировать лекции, делая нужные акценты. Для этого мы тратим свою душу, эмоции и разум с целью достижения еще и образовательных целей, а получив желаемое, математики и информатики все равно хотят чего-то большего, в контексте провозглашенной Чарльзом Сноу его концепции «двух культур». Но, к сожалению, эти две культуры пока не столько дополняют друг друга, сколько противостоят, даже разделяя людей, не желающих понимать сущностные проблемы своих оппонентов. Это искусственное размежевание, не учитывающее также нравственные и этические категории. Например, несмотря на большой разброс мнений на соотношение двух выдающихся феноменов мировой человеческой культуры, то есть математики и философии, их реальное когнитивное взаимоотношение в общем университетском образовательном контексте состоит также в том, чтобы выявить способы понимания философии и математики, с учетом специфических черт гуманитарного и математического мышления (см [3]). Именно философия как теоретический способ осмысления мировоззренческих проблем способна вести диалог культур, который можно метафорически представить, как неизбежное сосуществование двух сторон «единой сущности», подобно двум полушариям мозга, так как они постоянно подпитывают друг друга. Эта метафора обладает «высокой информационной плотностью» и говорит о конкретной, а не виртуальной действительности.

Однако какого уровня строгости следует придерживаться при изложении математики и информатики философам? На основании ответа на вопрос можно говорить о роли диалога культур в философии университетского образования. В мировоззренческом контексте следует выделить факторы, способствующие повышению интереса к актуальным проблемам философии информации. «В первую очередь здесь нужно отметить актуальную проблему формирования современного научного мировоззрения, в котором информационные аспекты становятся все более важными благодаря стремительному развитию информационной среды обитания и деятельности человека. ... Вторым фактором является междисциплинарное значение информационной науки, концепции и методы которой все более широко используются в самых различных направлениях научных исследований природы, общества и самого человека» [4, с. 74]. Термин «философия информации» появился сравнительно недавно, как новая научная дисциплина в области прикладных философских исследований, поскольку изменение самого процесса восприятия с помощью информационных технологий приводит к изменению типа мышления.

С точки зрения мотивации надо убедить студента-философа в полезности для него математики и информатики, но трудность в том, что в математике своя специфическая символика, кроме того, в «языке преподавания математики» используются термины, которые не уточняются на том уровне строгости, какой требует язык математический, хотя строгие доказательства – это характерный признак математики. Чтобы проследить за

мыслью преподавателя недостаточно языка формул или алгоритмических процедур, еще необходимо использование обычного разговорного языка, который в отличие от «сухого» языка символов, прекрасно приспособлен к передаче эмоций и образной подаче идей (см.: [5]). В человеческом чувстве «эмоция» присутствует не в чистом виде, а проявляется в диалогическом общении, поэтому студентам особенно близки преподаватели, которые подкупают своей профессиональной искренностью и эмоциональной риторикой, а также получают удовольствие от своей профессиональной работы. Эмоции могут как активизировать когнитивный процесс, так и воздействовать негативно, хотя, с философской точки зрения диалога культур, математику, а также информатику, можно излагать с «чувственностью человека искусства». Следуя мыслителю Марку Тулию Цицерону главное назначение философии в определении путей достижения счастливой жизни, а согласно педагогической максиме, «счастье – когда тебя понимают». Это диссонирует с тем, что «счастье не любит, когда к нему привыкают», счастье любит, когда им дорожат.

Литература и источники

1. Еровенко, В.А. Нужна ли философам современная математика? // Российский гуманитарный журнал. – СПб, 2013. – Том 2, № 6. – С. 523–530.
2. Степанов, В.В. От информационных технологий к информационным онтологиям // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2012. – Том 24, № 4. – С. 64–73.
3. Еровенко, В.А. Диалог культур в гуманитарном и математическом образовании // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – М., 2014. – № 2. – С. 34–44.
4. Колин, К.К. Философия информации и проблема формирования современного научного мировоззрения // Вестник международной академии наук (русская секция). – 2013. – № 1. – С. 73–76.
5. Еровенко, В.А. Акупунктурные точки математического образования философов: контексты мировосприятия нового века // Российский гуманитарный журнал. – СПб, 2014. – Том 3, № 6. – С. 457–467.

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН «ТЕАТРАЛЬНОСТИ» ЛЕКЦИИ В ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ОБЩЕГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ДИАЛОГ ПРОФЕССОРА СО СТУДЕНТКОЙ

Еровенко В. А., Головина Е. С. (Минск, Беларусь)

С точки зрения философской рефлексии над проблемами современного математического образования, как способности сознания обращать внимание на эстетичность своей деятельности, математики лишь в очень незначительной степени интересуются феноменом процесса овладения знанием. Но, если в образовательном контексте творческих усилий

преподавателя математики непредубежденно рассматривать этот деятельностный процесс, то он иногда становится очень близким к театральному искусству. Математик Дьердь Пойа в книге «Математическое открытие» писал, что «преподавание, очевидно, имеет много общего с театральным искусством». Поэтому одной из актуальных задач на лекциях по высшей математике, является преодоление студенческой скуки с помощью опосредованного пути через жизненные ситуации к эмоциональному переживанию, в котором важно педагогическое взаимодействие профессора со студентами, обеспечивающее по сути благоприятный «эмоциональный климат» и мотивацию обучения. О формах его реализации речь идет в диалоге между профессором В.А. Еровенко (*В.Е.*) и очень обаятельной и успешной студенткой механико-математического факультета БГУ Е.С. Головиной (*Е.Г.*).

В.Е.: Если говорить о научных математических исследованиях, то у непосвященных может возникнуть мифическое представление о ней как о «спокойной» работе, хотя в действительности она всегда беспокойна, так как состоит из переходов от одних неудачных попыток к другим, пока не найдется правильный подход к проблеме. Не менее напряжена и работа преподавателя математики, зависящая еще от уровня общей культуры, поскольку его неудачи на этом поприще студентам более заметны, чем его же собственные научные достижения. Даже трансформация техногенной цивилизации с необходимостью связана с новым поворотом к духовности, для реализации которого в рефлексии математического образования нужен диалог (см [1]). Так в социокультурном и философском аспекте немаловажную роль играет эмоциональный интеллект, связанный с ролью «искусства общения», воплощающим ценности философии образования и представления об идеалах педагогической деятельности.

Е.Г.: Стоит признать, что стоило дожить до пятого курса и преодолеть все препятствия, все пересдачи, все соблазны и порывы уйти на заочное отделение, чтобы, наконец, окунуться в преинтереснейшую энергетику лекционных пар Валерия Александровича. На каждом его занятии царит замечательнейшая атмосфера, и объяснить это человеку несведущему довольно тяжело. Мы сидим на своих местах, за своими партами, со своими оценками в зачетках. Мы студенты пятого курса, а перед нами стоит преподаватель, для которого по сути дела мы могли быть просто «серой массой» – год от года сменяющие друг друга лица людей. Но на этих парах мы кто угодно, но не просто студенты. Мы актёры «общего спектакля», у каждого своя роль и свое амплуа, свой характер, гиперболизированный цвет, который Валерий Александрович присвоил нам. И он уже не просто преподаватель математики. Он наш дирижёр и режиссер.

В.Е.: Можно даже гипотетически предположить, что театр и университет как-то онтологически связаны, основанием чего является эпистемологическое допущение общего философского феномена «театральной повседневности», обладающего еще разнообразными формами своего осуществления. Хорошую лекцию по высшей математике можно

сравнить с «театром одного актера». Но если спектакль творит коллектив, то лектор в одном лице объединяет в себе и драматурга, и режиссера, и, наконец, актера. А в диалоге двух культур успехи математического знания создают свои предпосылки для их сближения, выявляя новые возможности оценки внелогических, художественных и эстетических компонентов (см [2]). В «театральности лекции» реализуется еще ее статус, как «специфической формы познания», так как осознать сказанное и правильно понять говорящего профессора – это разные вещи, как некие полюса, между которыми располагаются всевозможные установки понимания, в которых даже легкая ирония и шутка выводят понимание из словесной ограниченности.

Е.Г.: В своих эффектных, сдобренных хорошей порцией театральности жестах, лектор ведёт нас от занятия к занятию, и мы реагируем, как на хорошем спектакле. А ведь самое интересное: ты настолько заморожен происходящим, всей этой игрой, остроловием, присвоенными каждому образами – что не сразу рассматриваешь за этой внешней яркостью всю «хитрость», как Валерий Александрович чередует и вплетает в драматургию лекции серьезные вещи. Он задаёт важные фундаментальные вопросы и тут же увлекает нас в своей особой манере в «несерьезную стезю», чтобы ты уже успел понять вопрос и начал над ним думать, а «затхлость» и «сухость» процесса академического обучения прочувствовать ещё не успел. Но в этих сменах действий и актов «лекционной пьесы» ещё одна «хитрость»: у тебя нет ни малейшего шанса отвлечься.

В.Е.: Использование «театральной педагогики» обусловлено эстетической составляющей «педагогического артистизма», который также придает общению выразительность и экспрессивность. Педагогический артистизм преподавателя-вдохновителя, стремящегося увлечь и зажечь аудиторию, характеризуется так: во-первых, оригинальность в аудиторных действиях и яркость в поведении; во-вторых, открытость в общении и отношениях со своими студентами; в-третьих, образность в способе подачи материала. Так, например, математический язык не допускает небрежной неопределенности, хотя формальные и естественные языки обладают ограниченными возможностями, поэтому в полной мере сила неформализованных и формализованных языков проявляется в их совместном использовании, используя также определенную «эмоциональную окраску» (см [3]). Эмоциональная востребованность артистизма связана с такими качествами образовательного процесса, как содержательность, а также целостность.

Е.Г.: Валерий Александрович Еровенко, который, по моему собственному утверждению и наблюдению моих сокурсников и современников, отличается яркой выразительностью черт прекрасного лица, но увы, «ленью царской», никогда не забывает считывать всю аудиторию, поэтому никто не остается незамеченным, и каждого студента он втягивает в свой диалогический процесс. Шутки сменяются серьезными математическими выкладками, аудиторные действия у доски – свободным

курсированием между рядов, «провокационные» монологи сопровождаются очень серьезным выражением лица, а теоретические доказательства математической темы часто идут с позитивным юмором.

В.Е.: Между прочим, философ Иммануил Кант очень высоко ценил юмор в общении, считая его «утешением, данным человеку провидением», но говоря о «театрализации» учебного процесса, не следует забывать еще и о том, что математическое доказательство, которое сам лектор отлично знает, приходится ему излагать из года в год, поэтому есть опасность «заштамповаться». Но хотя математическая лекция многократно повторяется, с точки зрения «театральных технологий», она повторяется «здесь и сейчас» и преподаватель, как хороший актер, не должен быть всегда одним и тем же. Работа преподавателя во многом рациональна и, в зависимости от восприимчивости студенческой аудитории, может стать работой по вдохновению. Когда лектор акцентирует внимание на нестандартном вопросе или на красивом доказательстве, то происходит нечто удивительное, например, всплеск эмоций, сравнимый с «катарсисом».

Е.Г.: Работа контрастов на лекциях нашего профессора действует как маятник, уткнулся студент в свой телефон – тут же пошел к доске служить наглядным пособием какого-нибудь понятия, аксиомы или теоремы. Стоит как-то тебе отметить – у тебя появляется свое ситуативное прозвище, и его из тебя не выколотишь уже никак. В эту театральность университетской лекции по нетривиальным проблемам математики вплетается своя очень щадящая система оценивания, учёта и контроля. Минусы и плюсы, графика и подача лекции, подписи и тотемы – это все реальная атрибутика своей особой Вселенной. Это собственный «лекционный мир» Валерия Александровича и ни как иначе. Он меня завораживает. Хочется окунуться в него и неотрывно смотреть.

В заключение добавим, что поскольку математику изначально нет нужды обращать в свою «научную веру» студентов-математиков, то «театрализация» взаимодействия преподавателя со студентами направлена на то, чтобы любое острое эстетическое переживание в процессе обучения помогло ярче высветить математическую идею и зафиксировать ее в сознании, для чего бывает крайне полезен «артистизм лектора», благодаря которому все, что делает профессор в аудитории, о чем рассуждает и к чему стремится, проникнуто особым смыслом. Даже если на лекции по математике почти нет «постановочной атрибутики», в ее глубине скрыт такой поток эмоций, который вдохновляет слушателя.

Литература и источники

1. Еровенко, В. Математика для гуманитариев: диалог в культуре // Беларуская думка. – 2005. – № 9. – С. 98–103.
2. Еровенко, В.А. «Поверить алгеброй гармонию»: от конфронтации двух культур к диалогу // Проблема конструктивности научного и философского знания. – Курск, 2006. – Вып. 6. – С. 9–30.

СТАТУС СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Злотникова Л. М. (Гомель, Беларусь)

Интеллектуальная жизнь человека всегда находилась в центре внимания философов и оценивалась как единственный источник совершенствования жизни. Интеллектуальное состояние, механизмы развития и использования длительное время считались личным делом человека. Вступление цивилизации на путь непрерывного научно-технического прогресса поставило человека перед выбором персональной ответственности за развитие и использование интеллекта. Как никогда ранее обострились морально-нравственные проблемы институциональной ответственности перед обществом и отдельными людьми.

Человек в XXI веке в очередной раз оказался перед выбором между наукой и религией. Истина, справедливость, убеждения, механизмы их формирования и воздействия на отношения в обществе требуют нового осмысления. Трудность решения обозначенных проблем, на наш взгляд, заключается в том, что длительное время философское осмысление жизни находилось вне реальной жизни. Философы воспринимались как своеобразные небожители.

Современное состояние цивилизации оказалось в таком состоянии, что решение утилитарных проблем удовлетворения различных потребностей, систематическое обновление структуры товаров, расширение праздности, приводят к культивированию неразвитого или, как говорят психологи, «суженного сознания». Гуманитарное знание о человеке под воздействием видимых достижений естествознания, в буквальном смысле слова стало копировать исследовательские методы и количественные оценки результатов. Проблемы соответствия теоретического знания о человеке общественным запросам нашли зеркальное отражение в функциональной ценности институтов социализации.

Господствующие теоретические и практические позиции в настоящее время оказались в руках сторонников материального богатства. Человек, как фактор, создающий потребительные стоимости, ценен только до тех пор, пока производит товар, приносящий прибыль. Институты социализации, формирующие человека, стали оцениваться с позиций коммерческой выгоды. Общий уровень культуры, образования, морально-этические ценности, трудоспособное здоровье все чаще остаются в центре вербального внимания. Карл Полаanyi в работе «Великая трансформация» отношение к социальной компоненте описал следующим образом: «Ничто не портит наше социальное зрение с большим успехом, чем экономический предрассудок» [2, с. 178].

Представителям оппозирующей стороны не составит большого труда

(большинство из них широко используют принципы формальной логики) опровергнуть приведенное утверждение. Сложность и многообразие вопросов, которые изучают философы и социологи, не поддаются количественному измерению, а оппоненты, поклоняющиеся методологии естествознания, акцентируют внимание на количественных замерах не только результатов, но и процессов. Как следствие, гуманитарная наука и практика, вступив на путь узкой специализации и дифференциации, разделила человекознание, лишив его философского осмысления. Институты образования, науки, культуры, воспитания настойчиво превращаются в источники коммерческого дохода.

Не потеряло актуальности творческое наследие великих мудрецов прошлого. Аристотель придавал большое значение в познании человека и окружающего мира «размышлениям». Отличительной особенностью гуманитарной науки были и останутся, прежде всего, размышления, дискуссии. Сложно согласиться с тем, что Аристотель отрицал значение практического знания в понимании мира. Однако невозможно согласиться с господством голого практицизма, возвышающего коммерческие результаты и игнорирующие форматизированное их отсутствие. Истинная значимость высокого уровня социализации требует не только соответствующих условий, но и определенного временного интервала. Последний проявляется в том, что человек рождается, образно говоря «абсолютно чистым», социальный опыт, знания, морально-нравственные нормы приобретает в течение всей жизни.

О роли философского осмысления происходящих изменений в жизни человека и цивилизации Э. Тоффлер написал: «...за всеми этими репортажами о состоянии бизнеса и экономики в мире, ... в тени остается главное – исторически значимая трансформация экономики, богатства; этот факт упускается из виду либо скрывается за лавиной менее существенных фактов. Наша задача – рассказать именно о том, что скрывается в тени» [3, с. 258]. В тени сегодня находятся процессы социализации. В мире гуманитарной науки и практики господствует социальный минимализм. Он как явление имеет давнюю историю. А. Пушкин в XIX в. писал о том, что значительная часть общества занята проблемами Европы, считает себя глубокомысленной, ей некогда принимать участие в достоинстве драматического искусства... Мы воспользовались данными размышлениями поэта по многим причинам. Во-первых, наука и практика жизнедеятельности человека оказалась в плену подражания. Образно говоря, при обсуждении любых проблем, решении общественных задач, используется обращение к Западу. Запад, в широком смысле слова, стал некой лакмусовой бумажкой. Во-вторых, гуманитарно-социальная компонента подвергается усиленной коммерциализации. В-третьих, по различным причинам философия оказалась отдаленной от реальной жизни. Собственно, «философия жизни» ассоциируется чаще всего с иррациональным направлением, возникшим на рубеже XIX и XX вв.

Ради достижения высоких экономических результатов с середины XIX в. в общественном производстве внедряется узкая специализация и

дифференциация производства. А. Смит – автор труда о роли нравственных начал в жизнедеятельности человека, теоретически обосновав эффективность «частичного» человека, по сути, стал родоначальником новой философии экономики. Абстрактная разделенность производства, перенесенная на жизнь, трудовую деятельность, частные и общественные цели к началу XXI в. достигла своего пика. Процессы глобализации обострили противоречия между умственным и физическим трудом. Материальное богатство, оставаясь единственным мерилom общественных достижений, во все большей степени зависит от социального наполнения жизни и трудовой деятельности человека. В тоже время теоретическое осмысление социальных процессов носит в основном инициативный характер. Изменившийся мир Э. Тоффлер охарактеризовал «революцией богатства, которая раскроет неограниченные возможности и траектории новой жизни не только для творческих людей в сфере бизнеса, но в сфере культурной, в сфере образования» [3, с. 177]. Современная практика, к сожалению, опровергает слова ученого.

Сложности социально-гуманитарного познания привлекли внимание великого ученого физика Сергея Петровича Капицу. В последней научной работе «Парадоксы роста» ученый оценил социальное развитие, как противоречивое. Суть изложил следующим образом: «В современном мире глобальный кризис выражается в том, что на всех уровнях само экономическое могущество не соответствует нашему социальному развитию и управлению, что видно по расхождению наших дел и мыслей» [1]. Углубляется обозначенное противоречие между ростом материального богатства и социальной компонентой диверсификацией унификации международных норм, правил, форм организации жизнедеятельности, с одной стороны. А с другой – гипертрофированной значимостью особенностей различных философских школ и религий. После распада СССР практически все вновь образованные государства направляют усилия на создание национальной науки, образования и философии, возвышая значение религии, сокращают совместные исследования в социальной сфере.

В заключении хотелось бы выразить надежду на то, что именно представители социогуманитарного знания на замкнутся только в рамках национальной школы. Американский философ и социолог Джон видел основное предназначение философов в направленной работе по примирению старой и новой культуры, научно-посреднической деятельности между поколениями и народами, в умелом сочетании различных интересов, не скатываясь до фетишизации достоинств собственной нации и обожествления космополитического духа.

Литература и источники

1. Капица, С.П. Парадоксы роста. Законы развития человечества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://detectivebooks.ru/book/26069917>.
2. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб, 2002.

ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ДИНАМИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО НАЧАЛ*

Капитонова Т. А., Белокрылова В. А., Никитина Ю. Ф. (Минск, Беларусь)

Проблематика исследований исторической памяти или «memory studies» занимает важное место в повестке дня современного социогуманитарного знания. Термин «историческая память» выходит далеко за пределы узкого академического сообщества, формируя повестку дня широких общественных дискуссий, претендуя на статус ключевого концепта новой парадигмы нашей эпохи, названной Пьером Нора «эрой коммеморации».

Не будет преувеличением отметить, что формирование исследований исторической памяти явилось важным проявлением «антропологического поворота» современной гуманитарной традиции. Философско-методологический инструментарий, наработанный в современной западной гуманитаристике для изучения феномена исторической памяти, представлен в трудах М. Хальвабкса, Ж. Ле Гоффа, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, П. Рикёра, Я. Ассмана, П. Нора, и др. В русскоязычном пространстве систематические исследования этой проблематики проводят И.М. Савельева, А.В. Полетаев, Л.П. Репина, О.Б. Леонтьева, Н.Е. Копосов, А.И. Филюшкин.

Концепт «историческая память» традиционно определяется через систему представлений, основанных на субъективно интерпретируемой и ценностно маркируемой рефлексии о ключевых для этноса, народа, нации событиях прошлого. Так, Л.П. Репина дает дефиницию исторической памяти как «набора передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексией о событиях прошлого» [1, с. 10].

Одной из основополагающих проблем в исследованиях исторической памяти является проблема соотношения индивидуальной и коллективной памяти. Изучение коллективной памяти в общественных науках, прежде всего, связывается с представителями социологической школы Э. Дюркгейма. Так, приверженцы данного направления, разделяя точку зрения о существовании социальных механизмов организации памяти членов общества, полагают, что коллективная память (термин, введенный М. Хальваксом в работе «Социальные рамки памяти» в 1925 г.) включает в себя индивидуальную, будучи при этом не механической суммой представлений отдельных личностей, а обобщенным образом этих представлений, принимаемым и узнаваемым всеми членами данного сообщества. В рамках данной традиции предполагается, что индивидуальная

* Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант БРФФИ № Г15–106).

историческая память в силу своей фрагментарности и уникальности, не может составлять основу, базис коллективной исторической памяти. Скорее она должна вписываться в общественное историческое пространство, тем самым выполняя функции контроля и верификации.

Тем не менее, указанная точка зрения не является общепризнанной: в специальной литературе активно дискутируется вопрос об онтологическом статусе концепта коллективной памяти: можно ли говорить о существовании над – или внеиндивидуальной коллективной памяти (*memory collective*) или же более корректным будет вести речь о совокупной памяти (*memory collected*) вместе взятых отдельных воспоминаний членов общества [2].

Одной из основных методологических проблем построения теории коллективной исторической памяти является, по мнению В. Канштайнера, неоправданный перенос на понятие коллективной памяти существующих нейрофизиологических и психологических представлений об индивидуальной памяти, что препятствует построению внеиндивидуального измерения данной теории [3, p. 179]. Другой серьезной проблемой является излишняя эмоциональность и политизированность изучения механизмов коллективной памяти. Например, в случае исследования тем Холокоста, Второй мировой войны, массовых репрессий и геноцида изучаемый материал, как отмечает А. Васильев, – «активно сопротивляется холодному и объективному исследовательскому взгляду, требует эмоциональной вовлеченности, сопереживания» [4], что, в свою очередь, мешает беспристрастному раскрытию общих механизмов работы нарративов памяти о разных событиях в жизни сообществ.

Диалектика взаимоотношений индивидуального и коллективного в феномене исторической памяти находит свое продолжение и в изучении взаимодействия объективного и субъективного, фактического и экзистенциального пластов исторической памяти. Так, ряд исследователей (М. Хальбвакс, П. Нора) разводят, а отчасти и противопоставляют историографию как дисциплину, нацеленную на восстановление содержательно-фактической канвы событий прошлого, и память, включающую в себя помимо объективного, содержательно-фактического каркаса, также субъективные, экзистенциально-смысловые компоненты. Согласно этой точке зрения, историография призвана корректировать, сужать «слишком широкую» историческую память, отбрасывая «лишнее» и оставляя в ней лишь наиболее ценные, объективно-фактические компоненты, позволяющие построить относительно непротиворечивую картину исторического прошлого.

В то же время, мы полагаем, что подобная позиция представляется однобокой, не принимающей во внимание то важное обстоятельство, что историческая память как комплексный, многоуровневый феномен существует и развивается в единстве своих содержательно-фактических и экзистенциально-смысловых компонентов, оформляющих поток внешнего и внутреннего опыта исторического субъекта. С этой точки зрения историография, ориентируясь на восстановление содержательно-

фактической канвы событий прошлого, сама служит лишь одномерным, фактуально редуцированным отражением исторической памяти, оставляя за скобками проблематизацию ее смысловых, субъективно-экзистенциальных факторов формирования и воспроизводства.

Дополнить подход историографии к формированию исторической памяти призван комплекс методов исследовательской практики, обозначаемый как «устная история» или «oral history». «Устная история» подразумевает сбор научно организованной информации от непосредственных свидетелей исторических событий. Отличительной чертой данного биографического подхода является акцент на реконструкции исторических событий сквозь призму индивидуального опыта и субъективных смыслов очевидцев, что способствует обогащению знания о прошлом различными оттенками его личностного понимания. Таким образом, биографический подход к формированию исторической памяти позволяет «увидеть» эпоху глазами ее очевидцев и участников; вводит в научный оборот экзистенциальные установки респондентов, их жизненную философию.

Эта исследовательская парадигма, актуализируя дополнительные смысловые пласты прошлого, открывает широкие возможности для трансдисциплинарного синтеза в исследованиях исторической памяти, требующего консолидированных усилий специалистов различных гуманитарных наук – историков, политологов, философов, социологов, психологов. Почему мы говорим здесь о необходимости задачи трансдисциплинарного синтеза?

Как правило, исследования исторической памяти представляют собой множество узкоспециализированных работ, посвященных отдельным аспектам и темам исторической памяти, авторы которых используют разные методологические подходы. Для подобного множества раздробленных, разобщенных исследований достаточно серьезной проблемой является выработка единого парадигмального подхода, общего методологического инструментария и концептуально-теоретической базы. Говоря другими словами, междисциплинарный подход, предполагающий работу в пределах конкретной дисциплины с использованием достижений смежных дисциплин, здесь не может быть использован с достаточной эффективностью. По этой причине для исследований исторической памяти, проблематика которой не может быть в полной мере артикулирована в границах любой из сотрудничающих дисциплин, актуальной задачей на сегодняшний день является задача трансдисциплинарного синтеза.

По нашему мнению, в качестве искомой теоретико-методологической платформы для осуществления трансдисциплинарного синтеза в исследованиях исторической памяти может выступить историографический подход в комплексе с биографическим, что позволит отразить динамику индивидуального и коллективного начал в формировании исторической памяти.

Литература и источники

1. Репина, Л.П. Культурная память и проблемы историописания. – М., 2003.
2. Linde, Ch. Working the Past: Narrative and Institutional Memory. – N.Y., 2009.
3. Kansteiner, W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory. – 2002. – Vol. 41. – № 2.
4. Васильев, А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2640>.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МУЗЕЯ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ОБУЧЕНИЯ

Караманов А. В. (Львов, Украина)

Глобальные изменения в способах коммуникации и межличностного взаимодействия людей, обусловленные развитием современных информационных технологий, выдвигают на повестку дня новые требования к организации процесса обучения учащихся и студентов – максимальное удобство и комфортность, обеспечение постоянного интереса и мотивации к деятельности, визуализация, потребность в отборе и структурировании информации, ориентация на конкретный результат.

Данные требования открывают актуальные возможности для педагогов в смысле индивидуализации процесса обучения и обуславливают обращение к понятию «персональная среда обучения» (англ. «Personal Learning Environment»). Персональная среда обучения – это особый подход к реализации обучения, интерпретирующий знания как особую индивидуальную ценность каждого человека; совокупность ресурсов (программ, информационных материалов), необходимых человеку для поиска ответа на разнообразные вопросы, создания нужного контекста для обучения, личного учебного пространства, которое может быть организовано на базе ряда социальных сервисов.

Идеи организации персональной среды обучения созвучны с принципами образовательно-философского течения коннективизма, акцентирующими внимание на разнообразии подходов в обучении, его постоянстве, понимании обучения как непрерывного процесса формирования сети, решений и подключения множественных источников информации, установления связей между определенными отраслями знаний, концепциями и идеями.

Ключевые положения коннективизма предполагают, что наши знания постоянно распределены в сетевых связях (network of connections), а само обучение состоит в возможности конструировать, изменять эти связи, проходить через них на природном, ассоциативном уровне. Знание присутствует в связях, оно создается в результате различных действий и опыта, поэтому обучение похоже на рост или развитие личности, не предусматривающее «передачи», «создания» и «построения знаний».

Понимание, что в рамках современной парадигмально-образовательной

революции происходит определенная переориентация педагогической деятельности на обеспечение условий для саморазвития личности, гармонизацию отношений в обществе приводит к тому, что гуманизация и человекоизмеримость становятся основными ценностными векторами дальнейшего развития системы образования [3, с. 90].

В данном контексте мы видим непосредственную связь образования со сферой культуры, когда на передний план выходит формирование личности, открытой к восприятию нового, ощущающей потребность в демократизации различных форм знания.

Музейное пространство создает особую среду развития и общения, что предусматривает широкое моделирование в различных контекстах обучения. Прежде всего, речь идет об объединении целей академического и неформального образования; расширении наглядности учебного материала; широком привлечении политического, общественного, исторического и культурного дискурсов, которые представляют, расширяют, популяризируют направленность музея; обращение к «культуре участия», и собственно, взаимосвязи образования со сферой культуры.

Культура участия предполагает активное развитие музейной коммуникации путем постоянного формирования образа музея как важного социокультурного центра общественной жизни на инфраструктурном, коммуникационном и виртуальном уровне.

На инфраструктурном уровне музей приходит к необходимости обеспечивать все более открытый доступ для всех посетителей, создавая различные «зоны комфорта», удобные для встреч и дискуссий. Коммуникационный уровень позволяет разрабатывать и внедрять музейно-педагогические программы, вовлекающие посетителей. На виртуальном – музей увеличивает доступность своих коллекций и баз данных в онлайн-режиме, создает удобные технологические платформы для совместного использования – блоги, чаты, социальные сети [1, с. 18–19].

Персональная среда обучения в музее также строится на основе общения, поиска и обучения, предполагая разнообразие подходов, использование совокупности удобных ресурсов, дающих возможность учащемуся полноценно использовать музейный контент во взаимосвязи с разнообразными заданиями, программами и проектами.

Посетители могут обмениваться опытом, высказывать собственное мнение, вступать в дискуссию, создавать необходимые условия для организации индивидуальных стратегий обучения, использовать музейный контент для конструирования новых знаний и связей, моделировать, воспроизводить и прогнозировать различные учебные ситуации.

При этом не будет односторонней передачи знаний – каждый человек сможет самостоятельно определять для себя ценность той или иной музейной информации, используя возможные источники, отбирая и оценивая ее со своей точки зрения.

Благодаря свободному доступу к данным ресурсам, произойдет расширение учебной среды музея, – будут создаваться дополнительные

ресурсы, инструменты обучения, а также новые мнения, позиции, убеждения, установки, выходящие за его пространство. Это связано с тем, что неформальный характер обучения в музее предусматривает конструирование нового типа учебно-воспитательного процесса [2, с. 56].

Данные процессы способствуют объединению целей образования и самообразования, воспитания и самовоспитания, когда они становятся формами культурной жизни личности, непосредственно способствуя развитию ее постоянной активности.

Итак, персональная среда обучения в музее расширяет содержание и пространственные границы деятельности человека в информационном, ресурсном и символическом околмузейном пространстве.

В соответствии с вышеизложенным, музей презентует себя не только в качестве мощного образовательного ресурса, но и важного центра междисциплинарной коммуникации, интерактивной среды обучения, обеспечивает формирование прочных знаний путем развития образного, ассоциативного, абстрактного и критического мышления, способствует росту мотивации и расширению мировоззрения личности.

Таким образом, реализация образовательных возможностей музея в процессе создания в нем персональной среды обучения представляет возможность наполнять / насыщать / обогащать процесс обучения новым интересным контентом путем применения современных дидактических технологий.

Литература и источники

1. Агапова, Д. Культура участия: миллионы диалогов // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. – М., 2012. – С. 8–20.
2. Караманов, О.В. Навчання в музеї: від академічної до неформальної освіти // Матеріали звітних наукових конференцій кафедри загальної та соціальної педагогіки. – Львів, 2014. – Вип. 13. – С. 54–56.
3. Світлична, В.В. Освітній простір в умовах глобалізації: парадигмальний плюралізм і перспективи інтеграції / В.В. Світлична, Т.О. Чистіліна // Гуманітарний часопис. – 2013. – № 2. – С. 83–92.

К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИЯХ В ОБРАЗОВАНИИ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ДОМОВ-ИНТЕРНАТОВ

Ковалец И. В. (Минск, Беларусь)

Современный этап развития социума характеризуется геополитической нестабильностью, социальной трансформацией и глобальными рисками. Эти условия неизбежно подводят общество к осознанию необходимости изменения образования, его совершенствованию и повышению качества, использованию новых подходов в обучении и воспитании подрастающего поколения. Проблема обеспечения качественного образования человека

является социально-педагогической проблемой, решение которой в настоящее время имеет приоритетное значение. Как отмечает доктор педагогических наук, профессор Б.В. Пальчевский «хорошее и стабильное образование – гарантия национальной безопасности страны» [1, с. 7]. В динамично меняющихся современных условиях для решения возникающих жизненных ситуаций детям и подросткам нужны не только определенные знания, но и умения использовать эти знания, оперативно и вариативно применять их в повседневной жизни, что повышает требования к освоенным обучающимися компетенциям. Объективная необходимость формирования жизнеспособной личности, готовой к деятельности в условиях постоянной изменчивости окружающей среды, требует значимых перемен в системе образования, в том числе специального образования лиц с особенностями психофизического развития.

Цели современного специального образования в Республике Беларусь переосмысляются в направлении гуманизации педагогического процесса, обеспечении равных прав и возможностей в получении образования у всех обучающихся, поддержки и реализации инклюзивных тенденций в образовании. С изменениями подходов к специальному образованию меняются и взгляды на систему помощи лицам с особенностями психофизического развития, в том числе и детям-инвалидам с тяжелыми и (или) множественными физическими и (или) психическими нарушениями, проживающим в учреждениях социального обслуживания – детских домах-интернатах.

Отметим, что обучение детей-инвалидов с особенностями психофизического развития, проживающих в учреждениях социального обслуживания, понимается, прежде всего, как *право каждого человека* получать гарантированные государством и обществом такие условия жизни, которые бы не унижали его достоинства как личности, что закреплено в ряде межгосударственных и государственных документов. В *Конвенции о правах ребенка* (1998) отмечается, что получение доступного образования приводит к наиболее полному, по возможности, включению ребенка в социальную жизнь и достижению развития его личности, включая культурное и духовное развитие.

В *Кодексе Республики Беларусь об образовании* (2011) как направления государственной политики в сфере образования, указывается необходимость обеспечения «доступности образования, в том числе лицам с особенностями психофизического развития в соответствии с их состоянием здоровья и познавательными возможностями, на всех уровнях основного образования и при получении дополнительного образования», а также «создание специальных условий для получения образования лицами с особенностями психофизического развития и оказание этим лицам коррекционно-педагогической помощи» [2, ст. 2, п. 2.2; 2.3].

Эти направления соответственно перекликаются с идеями *Конвенции ООН о правах инвалидов*, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 2006 года и подписанной Указом Президента Республики Беларусь 24

сентября 2015 года № 401. Таким образом, обеспечение равного доступа к образованию всех категорий лиц с особенностями психофизического развития, в том числе детей-инвалидов, проживающих в учреждениях социального обслуживания (домах-интернатах), является весьма актуальной проблемой, требующей оперативных решений.

На сегодня в Республике Беларусь все дети с особенностями психофизического развития, независимо от своих учебных возможностей и состояния здоровья, признаются обучаемыми и включаются в образовательный процесс. Дети-инвалиды с особенностями психофизического развития также имеют возможность обучаться и получать специализированную коррекционную психолого-педагогическую помощь. На всей территории нашей страны, начиная с 1999 года, действуют центры коррекционно-развивающего обучения и реабилитации (ЦКРОиР). Сегодня функционирует 141 ЦКРОиР, где получают психологическую, медицинскую, социальную и коррекционно-педагогическую помощь дети с тяжелыми и (или) множественными физическими и (или) психическими нарушениями от рождения до 18 лет. В 2005 году Министерством образования Республики Беларусь утвержден первый Учебный план для ЦКРОиР, в котором указаны инновационные образовательные области, отражающие направления обучения, воспитания и коррекционной работы с детьми рассматриваемой категории.

Однако, помимо детей с тяжелыми и (или) множественными физическими и (или) психическими нарушениями, проживающих в своих семьях и получающих образовательные услуги в условиях ЦКРОиР, в Республике Беларусь дети-инвалиды с особенностями психофизического развития проживают в учреждениях социального обслуживания – домах-интернатах, относящихся к Министерству труда и социальной защиты. Еще не так давно, в конце 20 века, в таких учреждениях отсутствовала продуманная система специального образования. Вопросы осуществления образовательного процесса в домах-интернатах требовали инновационных научных разработок. В 2004–2008 гг. сотрудники лаборатории специального образования Национального института образования при поддержке Швейцарского управления по развитию и сотрудничеству *впервые* разработали *программно-методическое обеспечение* образовательного процесса для детей-инвалидов с особенностями психофизического развития, проживающих в домах-интернатах. Научные разработки апробировались во всех 10 детских домах-интернатах, относящихся к Министерству труда и социальной защиты Республики Беларусь, и внедрялись в педагогическую практику [3; 4].

Постепенно, принимая во внимание интеграционные процессы в области создания единого образовательного пространства, в нашей стране разрабатываются правовые основы получения специального образования в учреждениях социального обслуживания. В Положении «Об утверждении Инструкции о порядке организации получения специального образования в учреждении социального обслуживания» (2011) указывается, что

«образовательный процесс в стационарном учреждении социального обслуживания организуется учреждением образования, реализующим образовательные программы специального образования и обеспечивающим получение специального образования лицами с особенностями психофизического развития на уровне дошкольного и общего среднего образования. ...Образовательный процесс организуется в целях реализации прав лиц с особенностями психофизического развития на получение специального образования в соответствии с их познавательными возможностями и состоянием здоровья, повышения качества их жизни, подготовки к максимально возможной самостоятельной жизни и интеграции в обществе» [5, п. 2].

На сегодня образовательный процесс в рассматриваемых домах-интернатах регулируется действующими Учебными планами специального образования на 2015/2016 учебный год, утвержденными Министерством образования Республики Беларусь. Образовательные маршруты для детей-инвалидов с особенностями психофизического развития рекомендуют психолого-медико-педагогические комиссии при ЦКРОиР. В большинстве случаев, дети-инвалиды с особенностями психофизического развития, проживающие в домах-интернатах, получают образование в соответствии с учебными программами ЦКРОиР. Некоторые из обучающихся получают образовательные услуги в соответствии с учебными программами первого или второго отделения вспомогательной школы, или иными учебными программами специального образования, в зависимости от индивидуальных психофизических возможностей.

В 2015 году состоялся республиканский межведомственный семинар «О создании в домах-интернатах для детей-инвалидов с особенностями психофизического развития образовательной среды для получения воспитанниками специального образования», по итогам которого был выработан ряд рекомендаций. С целью реализации данных рекомендаций, утвержденных 15 октября 2015 г. заместителем Министра труда и социальной защиты Республики Беларусь А.А. Румаком и заместителем Министра образования Республики Беларусь Р.С. Сидоренко, лабораторией специального образования Национального института образования проведен республиканский круглый стол «Организация образовательного процесса в домах-интернатах для детей-инвалидов с особенностями психофизического развития». Обсуждение вопросов заявленной тематики показало, как значительные позитивные изменения в плане осуществления образования в домах-интернатах, так и наличие ряда проблем, требующих решений. Участники круглого стола отмечали необходимость совершенствования нормативных законодательных актов, регулирующих образовательный процесс в домах-интернатах; поднимали вопросы о педагогических кадрах для домов-интернатов; указывали на потребность в разработке адресного учебного плана для домов-интернатов с иным количеством часов на проведение обучающих занятий; подчеркивали важность создания современного программно-методического обеспечения образования детей-

инвалидов с особенностями психофизического развития и др.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что современная система специального образования трансформируется в открытую образовательную систему и базируется не только на идее толерантности (терпимости) к инаковым, но и на уважении к ним, когда культура человеческой полезности, сменяется культурой человеческого достоинства; на признании того, что нет «социально неперспективных», всем гарантируется педагогическая помощь и коррекционная поддержка [6]. Все это касается и детей-инвалидов с особенностями психофизического развития, проживающих в условиях учреждений социального обслуживания – домах-интернатах.

Литература и источники

1. Пальчевский, Б.В. Дидактические сценарии уроков: от неопределенности к научно обоснованному инварианту // Веснік адукацыі. – 2011. – № 4. – С. 3–8.
2. Кодекс Республики Беларусь об образовании: 13 января 2011 г. № 243–З. – Минск, 2011.
3. Воспитание и обучение детей в условиях домов-интернатов: пособие для педагогов / И.К. Боровская [и др.]. – Минск, 2007.
4. Коррекционно-педагогическая работа в домах-интернатах для детей с умственным и физическим недоразвитием / И.К. Боровская [и др.]. – Минск, 2008. – С. 167–220.
5. Инструкция о порядке организации получения специального образования в учреждении социального обслуживания, утвержденная постановлением Министерства образования Республики Беларусь и Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь 28 июня 2011 г. № 48/ 55.
6. Интеграция теории и практики обучения детей с тяжелыми множественными психофизическими нарушениями: монография / В.П. Гриханов [и др.]. – Мозырь, 2015.

СИНЕРГИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ИСКУССТВА В ПОИСКАХ НОВЫХ СРЕДСТВ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ПОЗНАВАЕМОГО МИРА

Колесов Е. А. (Минск, Беларусь)

Актуальность изучения науки на сегодняшний день обусловлена огромными темпами ее развития. Возрастают вычислительные мощности ЭВМ, в связи с чем компьютерные эксперименты становятся неотъемлемой частью практически любого научного исследования. Открытия в области квантовой физики, космологии, а иногда и материаловедения ставят ученых перед кардинально новыми объектами исследования. Онлайн-эксперименты позволяют значительно расширить научные группы – публикуются статьи, в которых соавторами указаны более 5000 человек. Такие изменения позволяют нам судить о том, насколько важной является рефлексия над категориально-понятийным аппаратом современной науки, ее методологией,

границами, языком, ее будущим.

Для современной философии науки характерны поиски путей преодоления редукции научного творчества к жестко выверенному рациональному способу познания мира – в частности, поиски точек пересечения науки и других областей человеческой деятельности. В то же время постнеклассической науке свойственны явления дифференциации, выражающиеся в формировании все более специализированных дисциплинарных областей в условиях ранее не существовавших познавательных средств и методов. Необходимость обоснования конструируемых в рамках отдельных дисциплин систем знания приводит к выявлению и установлению всевозможных связей между ними. Это способствует объединению разнородных проблемных подходов и теорий в более широкие концептуальные структуры, на чем, собственно, и основывается междисциплинарность постнеклассической науки [1, с. 619-636]. В то же время, междисциплинарный характер познавательной деятельности способствует нарастанию значения коммуникативных символических практик в постнеклассической науке наравне с другими формообразованиями культуры [2].

В ходе большинства научных аналитических рассуждений используются формальная логика и модели разной степени абстрактности. Такие методы неизбежно приводят к абстрагированию ученого от исследуемого объекта, и работа с объектом иногда полностью сводится к работе с его символами; однако, если изначально такое абстрагирование было результатом использования наиболее удобных способов описания явлений, в наше время оно приобретает несколько иной смысл. В современной физике часто приходится сталкиваться с объектами, которые невозможно увидеть (в том числе с использованием соответствующего оборудования), а иногда – и представить. Среди них встречаются как теоретические конструкты (многомерные пространства, суперсимметричные струны, гравитационные сингулярности, кротовые норы, виртуальные частицы), так и реальные объекты за пределами разрешения современных измерительных приборов. При работе с такими объектами абстрагирование, являющееся неотъемлемым свойством процесса человеческого познания, выступает *единственно возможным* способом описания объекта.

Поиск средств наглядности в воспроизведении объекта в теоретическом мышлении, средств презентации полученных результатов является для науки важнейшей проблемой. В то же время искусство, являющее собой способ постижения мира в его образах, располагает на сегодняшний день поистине грандиозным и уникальным собственным аппаратом визуализации мира.

В отличие от науки, процесс познания в которой неразрывно связан с теоретическим мышлением, искусство призвано репрезентировать действительность в её образном осмыслении. Особенности развития искусства постмодернизма подразумевают использование крайне большого количества различных методов выражения и визуализации творческого

посыла-концепта, причем достаточно распространено заимствование методологии из других областей человеческой деятельности; произвольность выбора в данном контексте может приводить и к тому, что рефлексия над методом становится неотъемлемой частью восприятия концепта произведения. Результатом таких тенденций является популярность междисциплинарных коллабораций в современном искусстве [3, p. 116], что сближает последнее с неклассической наукой в рамках нарастающей значимости символических практик в современном глобализирующемся мире. В то же время, декларируемый постмодернистским культурным пространством плюрализм также находит свое отдельное выражение в искусстве. Релятивизация эстетических ценностей, форм, стилей, открытость по отношению к новым идеям и убеждение, что никакая художественная позиция в конечном счете не может занять господствующего положения наряду с радикальным эклектизмом выражаются в искусстве в рамках синтетических трендов, частным случаем которых можно назвать инсталляцию.

Из приведенных рассуждений видно, что наличие точек соприкосновения искусства и науки задает общее поле для их взаимодействия. Синергетическая природа такого взаимодействия обусловлена глубокой внутренней связью данных культурных феноменов. Зарождающееся на основе такой концепции интердисциплинарное движение получило название *artsci* (от англ. *art* – искусство и *science* – наука) и было описано британским профессором истории и философии науки при Лондонском университете Артуром Миллером в книге «*Colliding Worlds: How Cutting-Edge Science Is Redefining Contemporary Art*» (Столкновение миров: как современная наука переопределяет современное искусство) [3].

Некоторые художники сотрудничают с учеными, другие самостоятельно изучили, по крайней мере, наиболее интересные для них научные концепции. Есть среди них и те, кто получил два образования. Имеется множество галерей и центров (в том числе при научно-исследовательских институтах), в которых проходят выставки научно-художественных работ: *Ars Electronica* в Линце, *Zentrum für Kunst und Medientechnologie* в Карлсруэ и *Documenta* в Касселе, Научная галерея в Дублине, *Le Laboratoire* в Париже, Центр современного искусства при *CERN* в Женеве, *Wellcome Collection* и *GV Art* в Лондоне [3, p. 305-328]. Слияние искусства и науки изучают Школа визуальных искусств в Нью-Йорке, медиа-лаборатории при Массачусетском технологическом и Нью-Йоркском университетах, Школа изящных искусств и *Central Saint Martins* в Лондоне [3, p. 345].

Одной из основных целей науки является выработка и систематизация объективных знаний о действительности. Иррациональность в процессе научного исследования кроется в творческом процессе поиска новых идей и решений и включает в себя, в том числе, наличие в сознании ученого некоторого образа объекта исследования. В том случае, когда ученый имеет смутные представления об объекте, такой образ формируется на основе

существующих моделей и формальной логики, используемой для описания объекта.

Искусство, в свою очередь, способно напрямую апеллировать к внерациональному. Создание произведений, репрезентирующих объекты исследования и наделенных новым набором эстетических качеств, способно внести свою лепту в процесс восприятия данных объектов, расширяя доступный ученому эпистемологический аппарат.

Таким образом, репрезентация напрямую ненаблюдаемых объектов научного исследования через образный аппарат искусства, апеллирующий в том числе к сфере чувственного восприятия, может повысить степень и глубину когнитивного постижения человеком данных объектов и помочь в формировании их образов в человеческом сознании.

Наука, в то же время, предоставляет искусству безграничный источник идей, поскольку творческому переосмыслению потенциально подвержены любые предметы и явления, изучаемые наукой. Таким образом, пересечение науки и искусства имеет глубокий потенциал по отношению к обоим данным формообразованиям культуры.

Литература и источники

1. Стёпин, В.С. Теоретическое знание. – М., 2000.
2. Кисель, Н.К. Императивы научной рациональности в контексте символических практик глобализирующегося мира // *Философия и социальные науки*. – 2015. – № 3. – С. 82–87.
3. Miller, A.I. *Colliding Worlds: How Cutting-Edge Science Is Redefining Contemporary Art*. – NY; London, 2014.

АДАПТАЦИОННО-МОДУЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КАДРОВ

Куликовский С. А. (Минск, Беларусь)

В эпоху неопределенности и глобальных рисков профессионализм и квалификация сотрудников являются одним из важнейших факторов социально-экономической устойчивости организаций, а также повышения эффективности их деятельности. Необходимость инновационного развития постоянно предъявляет новые требования к компетентности кадров, в особенности управленческих. Поэтому в современном мире один из ключевых элементов успеха на рабочем месте заключается в совершенствовании своих профессиональных, деловых и личностных качеств посредством непрерывного обучения (подготовки, переподготовки, повышения квалификации, самообразование), в основе которого должен быть заложен компетентностный подход, под которым принято понимать формирование и дальнейшее развитие управленческих компетенций на практико-ориентированной основе. Руководителю организации, в свою очередь, важно, чтобы при подборе, расстановке и ротации кадров ключевые

должности занимали высококвалифицированные специалисты, обладающие и умеющие применять на практике необходимые знания, умения и навыки, непрерывное формирование которых может проходить в рамках профессионального развития с использованием адаптационно-модульной интерактивной модели обучения в системе компетентностного развития кадров.

Предлагаемая адаптационно-модульная интерактивная модель профессионального обучения кадров в системе компетентностного развития состоит из четырех последовательных структурированных модулей, которые соответствуют квалификационным уровням управленческой деятельности (от низшего к высшему). Каждый обучающий модуль включает в себя компетентностный и дополнительный блоки.

Компетентностный блок состоит из цикла практических семинаров по нескольким компетенциям, характерным для рассматриваемого профессионального уровня. В зависимости от модуля обучения количество компетенций может отличаться (например, в рамках первого модуля обучения может быть изучено 7 компетенций, в то время как в рамках второго и последующих – по 4). Общее количество компетенций, которые должны быть изучены в процессе реализации адаптационно-модульной интерактивной модели работниками, может отличаться в зависимости от размера и сферы деятельности организации, являющейся заказчиком обучения. При этом образовательная программа должна быть составлена по принципу опережения. Слушатели изучают те компетенции, которые им будут необходимы в последующей работе (например, при продвижении по службе, изменении функциональных обязанностей, диверсификации или изменения направления деятельности организации). Данный блок является более статичным, т.к. за каждым модулем закрепляется только определенны набор компетенций. Изменяться может структура и содержание изучаемого материала в рамках компетенции, методы и технологии обучения и т.д.

Дополнительный блок состоит из цикла практических семинаров по общим и наиболее проблемным вопросам из профессиональной деятельности работников, как предстоящей, так и осуществляемой в настоящее время. Данный блок является адаптированным и динамическим. Под адаптированностью понимается возможность учета специфики деятельности конкретной организации, являющейся заказчиком обучения в рамках адаптационно-модульной интерактивной модели. Динамичность подразумевает возможность постоянного изменения набора практических семинаров в рамках данного блока, что в свою очередь требует тесного взаимодействия обучающей организации с заказчиком обучения с целью своевременного выявления имеющихся проблем в практической деятельности работников и их эффективного устранения. При переходе от одного модуля обучения к другому в дополнительные блоки могут включаться как новые семинары по вопросам, которые ранее не рассматривались, но вызывают определенные трудности, так и семинары по уже рассмотренным вопросам с целью более детального изучения

имеющихся проблем и путей их решения.

Профессиональное обучение работников с отрывом от их основной деятельности в рамках одного модуля проходит в несколько этапов, продолжительность каждого из которых составляет не более недели. На изучение одной компетенции из компетентностного блока или проблемного вопроса из дополнительного блока может отводиться один или несколько практических семинаров в зависимости от структуры и содержания материала, а также применяемых методов и технологий обучения. В случае если на изучение компетенции или проблемного вопроса отводится несколько семинаров, они могут быть объединены в рамках одного этапа или разбиты на несколько этапов, но в пределах изучаемого модуля. С целью максимального вовлечения слушателей и повышения эффективности обучения все семинары могут проводиться в малых группах с применением передовых и инновационных технологий: активные лекции, дискуссии, технология развития критического мышления, технология обучения на проблемах, метод «мозгового штурма», метод проектов, кейс-технология, игровые методы (web-квесты, ролевые, деловые и другие обучающие игры), технология коучинга, тренинги, технология «образовательный ретренинг» и др. По завершению первого, второго и последующих этапов профессионального обучения (кроме последнего) каждому слушателю выдается индивидуальное задание, направленное на закрепление полученных знаний, умений и навыков, их апробацию в практической деятельности непосредственно на рабочих местах. При этом слушателю назначается куратор по его индивидуальному заданию, к которому в случае необходимости он может обратиться и в оперативном режиме получать квалифицированную консультацию, решать возникающие проблемы, корректировать ход выполнения полученного задания.

Следующий этап обучения в первую очередь начинается с подведения итогов выполнения слушателями соответствующих индивидуальных заданий, обмена мнениями, определения круг проблем, с которыми столкнулся каждый из них в процессе выполнения задания, и пути преодоления этих проблем. На основании этих данных может приниматься решения о корректировке программы профессионального обучения в рамках дополнительного блока данного модуля или последующего.

После того, как будет завершено обучения на последнем этапе, то есть завершено обучения по модулю, организуется итоговая деловая игра с целью демонстрации слушателями полученных знаний, умений и навыков, определения уровня освоения изученных материалов. В качестве экспертов на такой игре могут присутствовать представители высшего руководства организации, являющейся заказчиком обучения, а также представители соответствующих служб управления персоналом. Результаты обучения, показанные в ходе итоговой деловой игры, могут быть использованы при принятии решения о дальнейшем продвижении по службе того или иного кандидата, предоставлении ему более широких полномочий, в том числе за счет дополнительного материального стимулирования.

Таким образом, преимуществами предлагаемой адаптационно-модульной интерактивной модели профессионального обучения кадров в системе компетентностного развития работников организаций являются реализация принципа опережения получаемых знаний, умений и навыков по компетенциям, необходимым работникам в будущей профессиональной деятельности; возможность учета специфики деятельности организации, являющейся заказчиком обучения, т.е. адаптации программ практических семинаров; возможность интерактивного изменения (корректировки) программ практических семинаров в рамках дополнительных блоков, являющихся составными частями каждого из модулей обучения, при выявлении актуальных проблемных вопросов как в процессе непосредственного обучения работников, так и в процессе их практической деятельности; реализация междисциплинарного подхода при подготовке программ практических семинаров компетентностного и дополнительного блоков, направленных на решение четко поставленных проблем в заданной области управления. Кроме того, подача обучающих материалов осуществляется в сжатой, доступной и прогрессивной (инновационной) форме. Тем самым слушатели за короткий промежуток времени осваивают минимально необходимый набор знаний, умений и навыков для выполнения в последующем при продвижении по службе новых трудовых функций и действий. При этом слушателям может предоставляться возможность углубленного изучения интересующих их компетенций в рамках обучения по программам самообразования, но уже, например, в дистанционном режиме.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МАТЕМАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОГРАФИИ

Левачёв Е. В. (Минск, Беларусь)

Современная жизнь изобилует цифрами и фактами. Наверное, сегодня можно измерить практически всё, равно как нанести на карту. В географической науке цифровой материал присутствовал, можно сказать, с самого начала. Число, числовые характеристики – обязательный элемент географических описаний. Но можно ли считать это математизацией географии?

Наиболее бурное внедрение математических знаний в географические науки происходит во второй половине XX века. В географии началась так называемая «количественная революция», обусловленная широким применением средств математической статистики [1]. Подъём стадии математизации пришёлся на вторую половину 1950-х и первую половину 1960-х гг, спад – на вторую половину 1960 – начало 1970-х годов [2].

Проникновение математики в географию обусловило возникновение новой дисциплины – «математической географии», истоки которой можно увидеть в работах «отца географии» Эратосфена при измерении размеров

Земли [3].

Почему же математизация стала возможна в географии? Самой главной предпосылкой осуществления математизации географических дисциплин явилась высокая степень теоретизации науки о Земле [1]. Это позволило во всей мере включить математические механизмы и применить их в географии. Так что же математизация даёт географу? Современные науки перестают быть дифференцированными, очень многое открывается благодаря междисциплинарности, на стыке наук и т.д. В свою очередь, очень важно иметь математический компонент в науке. И. Кант утверждал: «В каждой естественной науке заключено столько истины, сколько в ней есть математики». Однако не стоит быть настолько категоричными.

Математика в географии – важное средство логической систематизации эмпирического материала (количественных и качественных данных), как способ выявления и отображения количественных зависимостей в исследуемых объектах, а также как особенные формы идеализации и аналогии [1]. Математические средства познания более точны относительно географическим, они требуют обоснованного подхода к получению и анализу эмпирического материала.

Наверное, самый главный приоритет математики в географии – достижение формализованности языка и системы понятий, действительно, только благодаря математическому подходу географические определения и термины, земные явления получают строгие разграничения к выдвиганию и проработке теоретических конструкций, они получают границы. Математика позволяет найти точные ответы на вопросы – перейти от интуиции к чёткой логике. И, как следствие, не только ускорить исследование, но и повысить его достоверность.

В географии традиционно совершенствуется использование методов геометрии. Именно графические методы геометрии дают возможность предоставить искомую наглядность модельным представлением о географических объектах посредством схем, карт и тому подобное. Применяются также аналитические методы геометрии, обеспеченные хорошо разработанным аппаратом математического анализа. Используются равенства второго порядка, экспоненциальные функции, ортогональные и неортогональные полиномы, гармоничный анализ, ряды Фурье, методы сплайнинтерполяции и тому подобное [1].

Математика позволяет исследовать причинно-следственные связи в пространственно-временном аспекте. Сегодня география переходит от детерминистических моделей к схоластическим, а теория вероятности обеспечила тот математический фундамент, благодаря которому удается путем статистических методов создавать эмпирические генерализации, модели (теории) и гипотезы [1].

Математизация географии – процесс сложный и многосторонний. Он не может работать только на определённой сфере, например, обработка материала. Математизация тогда эффективна и целесообразна, когда она всеобъемлюща: используется от формирования научных понятий,

определения объекта и предмета исследования, четкой постановки заданий до создания теории. В то же время взаимодействие разных факторов как объективного, так и субъективного характера приводит к тому, что равные математизации могут быть отличными. Различают различные уровни математизации: первый уровень связан с введением в географию количественных мер и показателей; второй представляет собой внедрение в географические исследования определенных математических операций, с помощью которых выводятся эмпирические формулы, равенства, которые раскрывают сущность взаимосвязей и зависимостей географических явлений; третий уровень – это дедуктивное построение моделей, в которых чисто логическим путем на основе небольшого количества твердо установленных положений создается модель исследуемого явления.

Д. Харвей определил некоторые правила, которых следует придерживаться на пути математизации географии:

1. Разработка точных, недвусмысленных и эмпирически обоснованных понятий и точное изложение соотношений между этими понятиями – предпосылка применения математического вычисления.

2. Математическое вычисление, избранное для отображения этих понятий и соотношений, должно, по возможности, быть простым и удобным в пользовании, точно отображать эмпирические понятия, структуры и характер выявленных соотношений.

3. Применяя математическое вычисление, нужно учитывать предположения, связанные с использованием избранной модели.

4. Когда с целью создания условий для применения выбранной математической модели несколько видоизменяют понятие и соотношение, то необходимо тщательным образом оценить, насколько эти видоизменения правомерны с эмпирической точки зрения [4].

Математизация научного знания на современном этапе представляет собой сложное и противоречивое, еще до конца не вполне явное понятие. Усложнение объекта исследования создает трудности для математического представления теории [5]. Однако сегодня существует ряд трудностей, не позволяющих широко использовать математические методы в географии:

1. Природные системы, явления, протекающие в них, представляют сложные динамические системы со множеством прямых и обратных связей, описать которые математическим языком достаточно трудно.

2. Слабая формализация понятий и терминов, используемых в исследовании.

3. Отсутствие достаточной математической подготовки у специалистов-географов.

4. Необходимо помнить, что математические методы не могут сами по себе заменить географические исследования, которые могут быть успешными лишь при сочетании с другими методами исследования [6].

Одним из наиболее перспективных направлений математизации географического знания является направление математического моделирования географических систем [1]. Но, данное направление

лимитируется диалектичностью качества и количества. Математика характеризует количество определенных качественных срезов, а не качественные стороны количественных переходов.

Как видно, математика почти с самого начала шла бок о бок с географией, но достигнуть истинного симбиоза смогли в 60-х годах XX в. Географическая мысль стала научной, на мой взгляд, только благодаря внедрению математики. Ведь разграничить понятия, вывести элегантную формулу, характеризующее это понятие или природное явление и делает из географии науку, придаёт ей границы. Однако не стоит забывать, что математика – средство развития географии.

Литература и источники

1. Математизация географических знаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://helpiks.org/6-46380.html>.
2. Николаенко, Д.В. Принципы и проблемы исследования философско-методологических оснований // Библиотека Якова Крота [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/14_n/nik/olaenko.htm.
3. Шарыгин, М.Д. Современное состояние и место теоретической географии в системе научного знания / М.Д. Шарыгин, Л.Б. Чупина, // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-mesto-teoreticheskoy-geografii-v-sisteme-nauchnogo-znaniya.pdf>.
4. Харвей, Д. Научное объяснение в географии. – М., 1974.
5. Алексеев, И.А. Проблема математизации научного знания // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-matematizatsii-nauchnogo-znaniya>.
6. Математизация географии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://geolike.ru/page/gl_3448.htm.

ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ ЛИЦ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РИСКИ

Лещинская Т. Л. (Минск, Беларусь), Радионова В. И. (Гомель, Беларусь)

Изменения в специальном образовании обуславливаются трансформацией социальной жизни и реальными потребностями иного осмысления организационных форм и содержания обучения и воспитания. Инновации и пересмотр универсалий образовательной культуры лиц с особенностями психофизического развития вызваны потребностями обеспечения права на образование всем детям, признания их самоценности независимо от полезности и успехов. Осуществляется ориентация не на овладение знаниями, а на развитие, ценностно-смысловое обогащение и индивидуальные достижения, выражающиеся в эмоциональном развитии, овладении общением, деятельностью. Среди лиц с особенностями психофизического развития все больше выявляются те, чьи отклонения

обуславливаются не патобиологическими детерминантами, а неблагоприятными факторами раннего развития, социальной дезадаптацией. Решается задача огромной ответственности – объединить образование обычных детей и детей с особенностями психофизического развития, создать условия для инклюзивного образования, которое рассматривается «как закономерный процесс в развитии образования, базирующийся на признании того, что все обучающиеся могут обучаться совместно во всех случаях, когда это является возможным, несмотря ни на какие трудности или различия, существующие между ними; как механизм обеспечения равных возможностей в получении образования для обучающихся с разными образовательными потребностями» [1, с. 3].

В Республике Беларусь создаются новые модели учреждений, маргинальное, изолированное образование сменяется совместным. Базой инклюзивного образования служит интегрированное обучение и воспитание, которое получило развитие с 1995 года. В общеобразовательной школе создается приспособленная к потребностям детей образовательная среда. Образование дифференцируется и индивидуализируется, осуществляется психолого-педагогическое сопровождение. Интегрировано более 80% детей с особенностями психофизического развития. Инклюзия рассматривается как закономерный процесс преобразования интегрированного обучения и воспитания и как одна из стратегических задач специального образования.

Вместе с тем, существует опасность организации инклюзивного образования без учета образовательной субкультуры детей с тяжелыми формами нарушений, нередко имеющих осложненный характер. Лица данной категории нуждаются в иной методике обучения и коррекционной помощи. В работе с ними главным становится развитие и формирование базовых потребностей (в пище, тепле, отдыхе, сне, сохранении здоровья), социогенных потребностей (в друзьях, любви, общении). Формируется потребность в социальной самокомпетентности и приобретении социальной компетентности, которая выражается в усвоении и активном воспроизведении индивидом социального опыта, системы социальных связей и отношений. Развивается потребность в независимости суждений, которая является источником активности.

Специфика учебной работы с детьми, имеющими тяжелые множественные нарушения, отражает большой и длинный путь развития специального образования, кластерный его характер, объединяющий усилия врачей-психоневрологов, педагогов, работников социальной сферы. В условиях специальной (вспомогательной) школы учащиеся получают качественное трудовое обучение, которое соответствует их потребностям и возможностям и позволяет после школы включаться в трудовую деятельность, выполнять несложный физический труд и зарабатывать себе на жизнь. Включение детей данной категории в совместное образование, предъявление требований общеобразовательной школы ограничивает возможности их познавательной деятельности, создает трудности в обучении детей с нормальным развитием. Инклюзивное образование требует создания

специального учебно-методического обеспечения применительно к отдельным нозологическим группам детей с особо специфическим и проблемным развитием. Иначе возникает риск профанации идей инклюзивного образования, снижения образовательного уровня учащихся. В современных условиях образование как процесс формирования знаний, умений и навыков получает новое осмысление как процесс формирования системы личностных смыслов, освоения обобщенных способов деятельности, формирования и развития жизнеспособной личности. Лица с выраженными формами психофизических нарушений нуждаются в качественной психологической и практической трудовой подготовке, включении в социальное взаимодействие, использовании иных технологий обучения, учитывающих особенности использования аудиовизуальных средств обучения, которые дополняются кинетическими (двигательными) и кинестетическими (осознательно-тактильными) дидактическими средствами и приемами телесно-ориентированного обучения.

Инновацией в специальном образовании является разработка программ и методик дошкольного образования детей с особенностями психофизического развития. Впервые создаются учебно-методические комплексы коррекционных занятий, включающие дидактические сценарии, интерактивные задания, тематическое планирование. Коррекция рассматривается не только и не столько как процесс исправления или ослабления имеющихся нарушений и отклонений, а как процесс предупреждения негативных явлений, прогнозирования последующего развития. Впервые получают практическое воплощение идеи самооценности детства, развития эмоционального и социального интеллектов и постулирования игры как доминантной формы коррекционной работы. Признается необходимость и возможность приобщения детей дошкольного возраста с особенностями психофизического развития к творческой деятельности, что дает огромный импульс для развития их познавательных и социальных способностей.

Вместе с инновациями обозначились социальные риски. В некоторых разрабатываемых программах и методиках коррекционной работы преобладают диагностические материалы. Их реализация требует значительного времени, отодвигает ребенка на второй план. Главным становится фиксация диагностических данных, ведение «делопроизводства» коррекционной работы. Оценивание успешности процесса коррекции предполагает бинарность данного процесса: а) оценку подготовленности и соответствия педагога современным требованиям; б) оценку динамики развития ребенка. Процедура не может быть громоздкой. Процесс коррекции не совместим с директивным её характером, учитель-дефектолог проявляет инициативу, работает с детьми, а не исключительно с протоколами обследования. Достижения детей оцениваются, прежде всего, по изменению восприятия окружающего мира, включению в социальное взаимодействие, приобретению практических умений. Отсутствие у ребенка внутреннего приращения свидетельствует о некомпетентности педагога и отсутствии в

дошкольном учреждении атмосферы взаимной поддержки, обмена опытом, эмоциогенной положительной среды, культуры коррекционной помощи детям. Учитель-дефектолог оказывает ребенку коррекционную помощь, не отвлекаясь на оформление избыточной документации, которая может камуфлировать формальное отношение к процессу коррекции.

Инновационным в специальном образовании является организация непрерывного образования взрослых старше 18-ти лет, находящихся в психоневрологических домах-интернатах. В силу различных причин некоторые лица с инвалидностью являются малограмотными, недостаточно подготовленными к самостоятельной жизни, лишены статуса дееспособности. Подписание Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко 28 сентября 2015 г. Конвенции Организации Объединенных Наций «О правах инвалидов» объективировало, сделало доступной и актуальной проблему непрерывного обучения взрослых психоневрологических домов-интернатов. Разработанные учеными-дефектологами учебно-методические комплексы по образовательным областям «Бытовая самостоятельность», «Эмоции. Социальное поведение», «Азбука для взрослых», «Практическая математика», «Человек и мир», «Трудовое обучение и воспитание» направлены на улучшение качества жизни взрослых с инвалидностью, обогащение их социального опыта, подготовку к возможной самостоятельной жизни и приобретение статуса дееспособной личности. Проведенное анкетирование в трех психоневрологических домах-интернатах, пробные занятия выявили высокую мотивацию взрослых на обучение и трудовую деятельность [2, с. 62–99]. По инициативе международного общественного объединения «Голос сердца» (председатель правления С.К. Блай) проведены международная конференция, республиканские круглые столы с участием заинтересованных ведомств с обсуждением конкретных инициатив по реализации международного проекта «Беларусь на пути деинституализации. Создание образовательного пространства для людей (18+) с интеллектуальным недугом (с интеллектуальной недостаточностью)». Деятельность подобного рода осуществляется впервые. Имеются определенные опасения, риски, трудности. Актуальным является организация подготовки кадров, создание мест для самостоятельного сопровождаемого проживания лиц с инвалидностью. Инновационный процесс получил одобрение министерств образования, труда и социальной защиты, что дает надежду на то, что образовательные инициативы станут предпосылкой серьезных социальных изменений.

Литература и источники

1. Концепция развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь// Спецыяльная адукацыя. – 2015. – 5(106). – С. 3–10.

2. Лещинская, Т.Л. Образование взрослых людей с инвалидностью, проживающих в психоневрологических домах-интернатах Республики Беларусь / Т.Л. Лещинская, Т.В. Лисовская // Дефектология. – 2016.– № 1. – С. 62– 99.

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Максимович В. А. (Минск, Беларусь)

Традиция как духовная эманация представляет собой не застывший, закоряченный экспонат, а живой организм, способный к диалектическому развитию, совершенствованию, гармонизации посредством реализации творческого потенциала человека. По своей глубинной сути традиция представляет собой *духовный инструмент*, оказывающий довольно весомое влияние на поддержание генетической программы саморазвития, самоусовершенствования. Достигнуть органической, пневматологической (пневматология – от греч. πνεῦμα, «дух») связи с традицией возможно прежде всего в результате овладения профессиональным мастерством, приобретения устойчивых навыков в разных областях духовного и светского знания, в том числе и в художественном творчестве.

Природа *творчества* по своей внутренней сути связана с необходимостью изменения, преобразования ценностно-смыслового контекста культуры. Именно высокохудожественные артефакты являются подтверждением того, что они рождаются благодаря активно действующему субъекту, способному посредством своих внутренних генерирующих структур, путем аккумуляции, преломления и эстетизации наличествующего жизненного, психо-эмоционального опыта создавать то, что впоследствии может приобрести качество признанного образца национальной поэтической картины мира, художественного шедевра, эталона эстетической соразмерности и совершенства, перейти в разряд национальной художественной традиции.

В органическом развитии национальной традиции существенную роль играют инновации, которые представляют собой необходимое слагаемое творчества, его органическую часть. Инновационные, новаторские вкрапления не должны становиться одной из форм проявления разрушительных интервенций, а, прежде всего, выступать в качестве носителей художественной ценности, одним из способов моделирования новой художественной реальности. Они, наряду с традицией, составляют двуединый процесс создания художественного произведения, придающего последнему смысловую и эстетическую ценность. Для того, чтобы стать традицией, имеющей все шансы приобрести довольно внушительное распространение среди носителей определенного ментального и социокультурного кода, инновация должна соответствовать условию включенности в историко-культурный контекст, стать частью целостности, придающей ей общезначимый статус. А для этого она должна обладать огромным внутренним потенциалом, выражающим свойство «сознательного

бытия» и имеющим все предпосылки для созидания новой социокультурной реальности или, по меньшей мере, быть ее важной структурообразующей частью. Задействование, притяжение в сферу культуротворчества инновационных техник, их активное включение в разнообразные контексты создает предпосылки того, что со временем созданный инновационный продукт войдет в живую ткань культуры, способствуя обновлению ее ценностно-смыслового ядра.

Процесс зарождения инновационных форм и практик и постепенного перехода их в разряд традиции предполагает наличие субъекта, занимающего действенную и активную позицию, тесно включенную в тезаурус социокультурного пространства – своего и чужого. Вопрос о первопричинности, детерминирующих «культурного взрыва», векторах направленности, механизме развертывания «сетевых связей», имеющих своим результатом постепенное складывание стереотипных форм и моделей внедрения, обретающих качество традиции, представляется довольно сложным. При решении данного вопроса необходимо понимать, что сама традиция не является строго единичным, инвариантным продуктом, а имеет ряд модификационных ответвлений, как бы дочерних субститутов, привносящих в ее ядро дополнительную смысловую коннотацию. Поэтому можно говорить о продуцированном множестве традиций, точнее, традиционных форм, создаваемых в процессе культурогенеза, межличностного взаимодействия как по линии синхронии, так и по линии диахронии.

Новое рождается на перекрестье, на границе схождения / расхождений – ослабления старых связей и усиления новых, притяжения в сферу актуального опыта наличествующих инородных сегментов, деталей, форм с целью их смысловой адаптации в условиях складывающейся культурной матрицы. Присвоение это обуславливается наличием потенциальной возможности понимания этой «формы» представителем инокультурной реальности. В любом случае новое создается и культивируется в результате взаимодействия по самому широкому спектру и направлениям – межкультурному, межрегиональному, межцивилизационному. Немаловажную роль играют и межличностные контакты, субъективная составляющая, связанная с выражением симпатии, особого пиетета к личностно воспринимаемому артефакту инонациональной культуры. Этот момент способствует преодолению противоречия между отжившей формой, творческими предпочтениями субъекта и нововоспринятым явлением, с необходимостью присвоенным и адаптированным к условиям генетически и культурно родственной среды. Личностное присвоение чужеродного явления (художественного конструкта, артефакта, культурной инновации) выступает и своеобразной формой культурной инициации, приобретает важный смысл в развитии и человеческих, и межкультурных, и межцивилизационных отношений.

Следует заметить, что сама интеграция и адаптация опыта в пространство национальной культуры не является процессом

неуправляемым, произвольным, стохастическим. Напротив, это процесс мотивированный, осознанный, целеполагающий, имеющий свои как внутренние, так и внешние интенции, условия и предпосылки. Объективно он расширяет границы межкультурного взаимопонимания, снимает барьер восприятия, смыслового вакуума, отчуждения и ведет к стиранию границ. Создается ситуация, когда «возникают условия создания особого пространства социального взаимодействия, на индивидуальное образование как особого свойства социального взаимопонимания, понимания смысла значения или смыслового пространства отношений. Формирование пространства взаимодействия, обусловленного отношениями и действиями с общезначимыми, фиксируемыми в идеальных определениях ... предметными формами неприродного бытия, которые конструируются, проектируются в разрешении противоречий вызова актуального настоящего, уже содержит потребность будущего» [1, с. 37–38]. В этой связи Э.В. Сайко, делает очень красноречивое и методологически оправданное замечание: «Само будущее, возможность и необходимость его проектирования становится важным определяющим моментом субъектности индивида как сознательного целенаправленного действующего, созидающего новый неприродный мир – мир культуры» [1, с. 38].

Сделанные замечания имеют самое непосредственное отношение и к личности, вовлеченной в конституирование и обогащение традиции посредством инновационных изменений, в налаживание контактного диалога с разнообразными инокультурными проекциями. Вот почему довольно резонным представляется утверждение, что личность, ориентированная на традицию, должна участвовать в долгосрочном культурном созидании или своими творческими нововведениями способствовать успешному осуществлению этого проекта. Арсенал средств, которые могут вовлекаться в поле структурно меняющегося, перенастраивающегося культурного образования, самый разнообразный, в том числе и в отношении его пространственно-временного происхождения. Важно заметить, что инновационные скачки могут происходить, в том числе, и путем культурной реконструкции исторического наследия, его «динамической консервации», когда давно забытое старое в новом культурно-содержательном контексте получает иной ракурс видения, звучания, восприятия. Подобный культурно-модернизационный эффект возможен, на наш взгляд, благодаря, в ряду других причин, и изменению структуры составляющих традицию элементов, которые обретают новую конфигурацию в результате качественного видоизменения образуемой системы с учетом дополнительных интериоризированных приращений.

Не следует усматривать в этом культурустроительном процессе строгую историческую закономерность, итог исключительно сознательного, рационального выбора действующим субъектом сценария развития событий, продуманности и избирательности в выборе форм, контуров, структур, способствующих становлению собственной концепции мировидения. В данном случае уместен разговор о «смещении осознанных и неосознанных

элементов» (Г.Д. Бергман), имея в виду механизм действия объективных и субъективных, внутриличностных мотивированных регуляторов и избирательного подхода к усвоению культурно-исторического опыта и последующего перевода его в реестр актуальной культуры.

Литература и источники

1. Сайко, Э.В. Субъект и субъектная составляющая в становлении и культурно-историческом выполнении пространственно-временного континуума социума // Человек как субъект культуры. – М., 2002.

ФЕНОМЕН ПРАВОВОГО УСМОТРЕНИЯ: ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Малая Н. В., Петухов И. И., Минск, Беларусь

В условиях глобальной нестабильности и трансформаций, включая интеллектуально-духовные приоритеты цивилизационного развития и изменение институциональных подсистем современного социума, развитие постнеклассических методологических представлений и установок привело к переосмыслению представлений о сущности правовых феноменов. Обусловленное указанными факторами, расширение поля рефлексии над субъектной деятельностью и рассмотрение деятельности правового субъекта, получаемых им знаний об объекте (право, нормы права) не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами, послужили основанием для исследования проблемы феномена усмотрения в праве.

Феномен правового усмотрения представляет собой систему, состоящую из следующих элементов: субъект, средства познания, объект, социальный, экономический, политический и иной контекст в виде ценностей и целей, относящийся как к обще социальному, так и к конкретно субъектному уровню. Природа правового усмотрения носит дуальный характер, что изначально проявляется как потенциал альтернативного поведения в самом праве и его нормах. Как результат субъектного выбора оно объективируется в динамических процессах: правотворчество и правореализация.

Существенная характеристика усмотрения зафиксирована в идее субъективного императива в правовых отношениях. В этом смысле субъект правовых отношений – лицо, обладающее определёнными внутренними ценностями и целями, погруженное в социально-нормативный контекст, детерминирует возможность достижения субъектных целей обще социальными установками, ценностями и целями. В процессе реализации субъективного императива в правовых отношениях субъекту процесса правотворчества или правоприменения с целью поиска выбора субъективно-эффективного и субъективно-оптимального варианта правомерного (разрешенного) поведения предоставляется возможность воздействия на

объект посредством определенных операций или средств (поиск нормы, толкования и т.д.).

В результате взаимодействия с формально выраженным правом, субъект получает информацию о потенциале усмотрения, или о наличии возможности действия по усмотрению. В случае если объект содержит основание для усмотрения, субъект, используя сознательную интеллектуально-волевую и творческую детальность, сущность которой заключается в реализации свободы, осуществляет выбор наиболее субъективно-эффективного и субъективно-оптимального варианта поведения.

Для юриспруденции интерес представляет лишь результат самого правового усмотрения, или конечный выбор субъекта права относительного свободных, предоставленных вариантов поведения на законном основании. Однако рассмотрение деятельности субъекта права в отрыве от социально-правового контекста, ведет к упрощению права, что нивелирует его собственную социальную ценность как регулятора общественных отношений.

Следовательно, одной из проблем правовой и социальной динамики выступает процесс интерференции ценностей и целей в процессе реализации усмотрения. Важно отметить, что в различных аспектах правореализации интерференция ценностей представлена на различных аксиологических уровнях. Так, субъект правотворчества реализует свободу усмотрения, руководствуясь субъективным императивом, осуществляя интерференцию ценностей на разных аксиологических уровнях. С другой стороны, в процессах правореализации системообразующим фактором субъективного императива выступает деятельность субъекта на уровне взаимодействия ценностей субъекта правореализации и ценностей, заложенных в норму права. Следовательно, практическая реализация правового усмотрения субъекта правотворчества возлагается на субъект правореализации, так как достижение целей, заложенных в правовую норму правотворцем, перекладывается на субъект правореализации и зависит от последнего.

Рассматривая идеальную модель, можно отметить, что эффективность регулирования социальных отношений – эффективность действия правовой нормы – это совпадение ценностных и целевых установок в процессе усмотрения субъекта и усмотрения субъекта правореализации. Следовательно, указанное совпадение можно считать показателем эффективности правового регулирования социальных отношений, выраженное через коэффициент интерференции ценностей, который в идеальной ситуации (сто процентного совпадения) должен быть максимально приближен к нулю.

Когда для реализации правового усмотрения нет предпосылок (отсутствует усмотренческий потенциал нормы права), мы связаны только тем единственным выбором, которое предоставляет нам правовая норма – область правомерного поведения. И в данной ситуации совпадение ценностей представляет колоссальное значение для эффективности

регулирования социальных отношений правом. В случае если субъект правореализации выбирает иной вариант поведения, нежели тот единственный, предоставленный нормой права, то поведение субъекта правореализации (выбранное поведение) находится за областью правомерного – в области произвола, в области нарушения нормативного запрета. Тогда коэффициент интерференции определяется как равный единице, в таком случае, либо норма права не выполняет свою функцию и является неэффективной, либо ценности или цели субъекта являются деформированными относительно принятых ранее.

Исходя из вышесказанного, рассмотрение права как целостного социального явления невозможно вне социального контекста, ценностей субъекта, общесоциальных ценностей и целей. Постнеклассические практики в юриспруденции способствуют глубокому и детальному формированию представлений о субъективном факторе в процессах правовой динамики, в частности, о феномене правового усмотрения. Сущность правового усмотрения заключается в осознанной реализации свободы субъектом права, погруженного в определенный социальный контекст, с целью выбора правомерного альтернативного поведения, что предоставляет механизму правового усмотрения возможность являться одним из системообразующих факторов правовой и социальной динамики.

НАУЧНЫЙ ЮМОР КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Мамыкин И. П. (Минск, Беларусь)

Человеку свойственно шутить. Это истина не ускользнула от внимания философов, и они немало сделали для утверждения ее в общественном сознании. Основное внимание уделялось искусству, которое изучалось в рамках эстетики. В настоящее время намечаются специализированные программы (например, изучение юмора применительно к научной деятельности), предусматривающие привлечение более разнообразного методологического инструментария.

Рассмотрение явлений с точки зрения соотношения в них серьезного и смешного позволяет людям противостоять жизненным неурядицам, производить оперативный пересмотр наличных ресурсов и потребностей. Это характерное проявление человеческой индивидуальности проходит адаптацию в различных социальных общностях, в том числе и профессиональных. Комические ситуации, наблюдаемые извне или создаваемые искусственно, осмысливаются индивидами и группами людей, и этот опыт закрепляется с помощью специальных кодов, понятных посвященным. Таковы в своей основе истоки профессионального юмора.

Научный юмор в значительной своей части подпадает под понятие профессионального юмора и является одним из самых представительных и бурно прогрессирующих (особенно с середины прошлого века) видов

профессионального юмора. Дифференциация профессионального юмора проходит и на уровне отдельных научных дисциплин (физический, химический, математический, геологический, экономический, медицинский, юридический и т.д.), и это способствует повышению его «адресности». Вместе с тем такую дифференциацию не следует абсолютизировать, поскольку это может привести к воспроизведению профессиональной ограниченности на новом уровне.

Применительно к научному познанию составляющие юмора претерпевают характерные изменения. Здесь есть возможность обратиться к более строгим критериям. Под серьезным здесь понимаются рациональные, т.е. соответствующие нормам научного мышления и идеалам научной рациональности, высказывания. Но эти критерии не следует абсолютизировать. В остротах ученых нередко содержатся преувеличения, позволяющие лучше оттенить высказанную мысль. Возражение против общепринятого, которое все же в «снятом виде» принимается во внимание, придает мысли объемность. Таков, например, афоризм Ф. Жолио-Кюри «чем дальше эксперимент от теории, тем ближе он к Нобелевской премии». В свою очередь, и это положение, принятое в конечном счете научным сообществом в качестве своеобразной максимы методологии науки, не следует понимать слишком буквально. Речь идет не о пренебрежении теорией, но о диалектическом взаимодействии теории и эксперимента.

Понятие смешного также нуждается в более детальном разъяснении. Это понятие применяется в разных смыслах: под ним подразумевается как ложное с точки зрения теории или неприемлемое с практической точки зрения, так и странное и оригинальное, требующее внимательного изучения. Для научного познания недостаточно терпимости по отношению к смешному, что в какой-то степени достижимо уже для обыденного сознания. Всевозможные казусы, пока еще якобы «объясняемые» на уровне слоганов (типа «Лень – двигатель прогресса» или «Чтобы открыть новое, необходимо быть невеждой» и т.п.) желательны ввести в конструктивное русло.

Возрастание роли человеческого фактора в постклассической науке возбуждает интерес к островам ученых по собственному поводу. Шутки такого рода свидетельствуют не только об умонастроениях ученых и об их потребностях в самовыражении, но и емко характеризуют обстоятельства их жизни и деятельности. Не все высказывания в этом смысле равноценны. До сих пор распространены, а в прошлом были популярны изречения, построенные по единому образцу: «Физика (математика и т.п.) – это то, чем занимаемся я и мои сподвижники, а остальное – глупости». Наверное, и такие высказывания способны пролить свет на ряд кризисных моментов в развитии науки. Но гораздо более интересны автошаржи. Таков блестящий палиндром изобретателя оригинального электромузыкального инструмента «Терменвокс» Л.С. Термена: «Термен не мрет». Американский физик-экспериментатор Р. Вуд стал автором удивительного фразеологизма «овца в волчьей шкуре», который он применил к самому себе и к другим ученым, получившим чины и надевшим военную форму во время первой мировой

войны.

Афоризмы ученых с «блестками» юмора популярны не только в научной среде, они сопоставимы по своей значимости с фольклорными изречениями и сами могут рассматриваться как важнейшая составляющая «нового» фольклора. Но юмор ученых не замыкается в рамках «малых» жанров, а выливается в более сложные построения, которые можно с полным основанием отнести к «юмористической продукции». В отличие, например, от художественного творчества она не может расцениваться по отношению к плану научной работы. Однако для значительной ее части характерно сближение с процессом производства нового знания, причем она опирается на опыт как научного, так и художественного познания и зачастую представляет определенную дидактическую ценность. Это относится, например, к перепевам на научный лад популярных художественных произведений. Это еще в большей мере характерно для пародирования отчетов, рефератов, аннотаций, рецензий, лекций и пр. В настоящее время приобрели популярность пародии на новые науки («закон Мерфи», «законы Паркинсона», «принцип Питера» и пр.) обсуждающие на квазинаучном уровне проблемы практической жизни. Заслуживают внимания попытки преодолеть идеализированные представления о жизни и научной деятельности, вместо которых предлагаются законы дезорганизации и противодействия человеческой воле. Эти публикации побуждают к различным коннотациям и, прежде всего, к сопоставлению с буддизмом и стоицизмом. Сочетание пессимизма с активизмом достаточно оригинально. Налицо также переключка с рядом концепций философии и методологии науки (фальсификационизм, гносеологический анархизм и пр.) и с прикладными разработками, относящимися к искусству жизни.

В заключение следует отметить, что изучение научного юмора, представляющее интерес для понимания контекста научной деятельности, позволяет прояснить и проблемы комического в целом. Здесь есть возможность конкретизировать представление о юморе как индикаторе культуры. В особенности перспективны нетривиальные формы взаимосвязи между различными видами духовной культуры.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДА В ПРОЦЕССЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Масько С. Г. (Минск, Беларусь)

С момента создания индивидом собственного «Я» начинается процесс взаимосвязи и взаимодействия рефлексии человека во взаимоотношении с социальным. Исторически неизбежное появление новых ценностей с одновременным переосмыслением традиционных объективно ставит каждого из вида «*homo sapiens*» в ситуацию перманентного духовного и социального изменения. Т.к. это изменение осуществляется в процессе социализации,

проблема его осмысления не может не стоять в центре внимания каждого сообщества.

Сущность социализации понимается как сочетание приспособления и обособления человека в обществе. Приспособление происходит главным образом благодаря тому, что человек является объектом социализации (хотя он может приспособиться и сознательно, т.е. проявляет себя субъектом).

Э. Дюркгейм, рассматривая процесс социализации, полагал, что активное начало в нем принадлежит обществу, и именно оно является субъектом социализации. То есть, утверждая приоритет общества в процессе социализации человека, Дюркгейм рассматривал последнего как объект социализирующих воздействий общества.

Человек является объектом социализации постольку, поскольку содержание процесса социализации определяется заинтересованностью общества в том, чтобы человек успешно овладел ролями мужчины и женщины (полоролевая, гендерная социализация), создал прочную семью (семейная социализация), мог бы и хотел компетентно участвовать в социальной и экономической жизни (гражданская и профессиональная социализация). Любое общество заинтересовано в том, чтобы его граждане были законопослушными, т.е. действовали в соответствии с установленными государственной властью правовыми нормами (правовая социализация).

Важнейшим условием уважительного отношения к государству является развитие политической культуры, т.е. соответствующих ценностных установок (политическая социализация). Исследования показывают, что доверие к институтам государственной власти, политические установки, ориентации и взгляды формируются в довольно раннем возрасте.

В учёном мире принято ссылаться на американскую исследовательницу К. Дьюбойс, которая назвала личность, обладающую общими для данного общества чертами «модальной» (термин статистики «мода» обозначает величину, наиболее часто встречающуюся в ряд параметров объекта), т.е. наиболее часто встречающийся тип личности, который обладает некоторыми особенностями, присущими культуре общества в целом, т.е. воплощающий в себе средние общепринятые черты («средний американец»). Модальная личность воплощает в себе все те общекультурные ценности, которые общество прививает своим членам в процессе социализации. В каждом обществе формируется несколько модальных типов личностей.

Такое понимание содержания социализации предполагает, что в первую очередь имеются в виду социализирующие влияния не только на самого индивида, но, главным образом, на его реальные взаимосвязи и взаимоотношения с социальным миром, многообразием социальных объектов, образующих структуру общества, в котором человек живет.

Кроме того, следует иметь в виду, что требования к человеку в том или ином аспекте социализации предъявляет не только и не столько общество в целом, сколько конкретные группы и организации, особенности и функции которых, во-первых, обуславливают специфический и неидентичный характер этих требований, а во-вторых, содержание требований зависит

также от возраста и социального статуса человека, к которому они предъявляются.

Человек становится полноценным членом общества, будучи субъектом социализации, усваивающим социальные и культурные нормы и ценности в единстве с реализацией своей активности, позитивным самоизменением и самореализацией в обществе. Одним из первых на это обратил внимание американский ученый, создатель направления символического интеракционизма Дж.Г. Мид. Активная роль самого человека в процессе социализации, по Дж.Г. Миду, связана с тем, что и общество, и социального индивида конституирует совокупность межиндивидных взаимодействий (интеракций).

Субъектом социализации человек становится объективно, ибо на протяжении всей жизни на каждом возрастном этапе перед ним встают задачи, от успешности, решения которых зависит его развитие (Эта идея была предложена американским ученым Э. Эриксоном.)

Для решения возрастных задач человек более или менее осознанно, а чаще неосознанно, ставит перед собой соответствующие цели, т.е. проявляет свои субъектность (позицию) и субъективность (индивидуальное своеобразие).

Условно можно выделить три группы задач, решаемых человеком на каждом возрастном этапе или этапе социализации: естественно-культурные, социально-культурные и социально-психологические.

Естественно-культурные задачи – достижение определенного уровня физического и сексуального развития.

На каждом возрастном этапе человеку необходимо:

- достичь определенной степени познания телесного канона, свойственного той культуре, в которой он живет;
- усвоить элементы этикета, символики, связанные с ролевым поведением;
- развить и / или реализовать физические и сексуальные задатки;
- вести здоровый образ жизни, адекватный полу и возрасту (гигиена, режим;
- питание, способы сохранения здоровья и оздоровления организма, физического саморазвития, управления своим психофизическим состоянием);
- перестраивать самоотношение, отношение к жизни, стиль жизни в соответствии с половозрастными и индивидуальными возможностями.

Социально-культурные задачи – познавательные, морально-нравственные, ценностно-смысловые – специфичны для каждого возрастного этапа в конкретном социуме в определенный период его истории. Эти задачи объективно определяются обществом в целом, а также этнорегиональными особенностями и ближайшим окружением человека.

Специфические социально-культурные задачи встают перед человеком на каждом возрастном этапе в процессе участия в жизни общества. От человека в соответствии с его возрастными возможностями ждут

приобщенности к определенному уровню общественной культуры, владения некоторой суммой знаний, умений, навыков, определенного уровня сформированности ценностей.

Социально-психологические задачи – это становление самосознания личности, ее самоопределение в актуальной жизни и на перспективу, самореализация и самоутверждение, которые на каждом возрастном этапе имеют специфическое содержание и способы их решения.

В целом надо заметить, что поскольку человек не пассивен в решении объективных задач, а является в той или иной степени творцом своей жизни, ибо сам ставит перед собой те или иные цели, постольку человек может рассматриваться как субъект социализации.

Литература и источники

1. Белинская, Е.П. Социальная психология личности / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М., 2001. – С. 238–259; 275–285.
2. Куликов, В.В. Педагогическая антропология. – Сведловск, 1988.
3. Муздыбаев, К. Эгоизм личности // Психологический журнал. – 2000. – № 2. – С. 27–39.
4. Зборовский, Г.Е. Модернизация образования сквозь призму социальной политики // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – № 1. – С. 87–104.
5. Мид, М Типология культур «Культура и мир детства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://900igr.net/prezentatsii/filosofija/CHelovek-i-kultura/006-M.-Mid-tipologija-kultur-Kultura-i-mir-detstva.html>.
6. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М., 1990.

ДИСКУРС КОГНИТИВНЫХ АСПЕКТОВ МУЗЫКИ

Мдивани Т. А. (Минск, Беларусь)

Развитие и эволюция музыки как пласта культуры и вида искусства формируется на основе сложившихся традиций, которые наследуются в различных формах, инспирируется поиском новых духовных миров и оценивается тонкой шкалой профессионального мастерства. Одним из важнейших результатов эволюции европейской академической музыки стал феномен «музыкального произведения» – особым образом сконструированной художественной реальности, целостности, со своим содержанием и средствами воплощения (выражения) композиторских чувств, эмоций, мыслей. О том, что музыка несет в себе мысль, А. Шнитке писал так: «Музыка – это мысль о мире, отношение к миру, выраженное в звуковой форме» [9, с. 41]. Между тем, в творчестве граница между творцом и его произведением весьма условна, поскольку творчество артиста когнитивно и имплицитно содержит определенную мыслеформу. В этом отношении «каждый человек, независимо от того является ли он человеком искусства или нет, — творец».

Мир, воплощенный в музыке, и музыка как мир есть не что иное, как особым образом организованный музыкальный смысл, оформленный как мыслеформа музыкального текста [2]. «Материалом» мысли является музыка. А.Ф. Лосев называет смысловую форму в музыке интенциональной [4], выделяя три ее стороны: напряжение (становление интонации в ее гармоническом, ритмическом, мелодическом и композиционном аспектах), личная актуальность (или по К. Зенкину «сила, с которой проявляет себя личность, запечатленная в звучащей музыке» [3]) и оформление. Постигание структуры смыслов музыкального произведения, механизма их конструирования и процедур смыслополагания составляет сущность музыкальной когниции [6, с. 35].

Раскрытие статуса смысла (открытого или латентного), как и организации музыкальной мыслеформы по различным сценариям – линейному, детерминированному извне или нелинейному, индетерминированному (самоорганизующемуся) обрело особую актуальность в радикальных невербализированных и открытых композиторских текстах (произведениях). Так, в открытых системах конструктивным ядром смыслообразования является структурная поливариантность, семантическим – казуальность, вероятность, или «нонсенс как открытая возможность смысла» [5, с. 326]. В таких ситуациях между двумя когнитивными элементами – организованной особым образом музыкальной мыслеформой (например, серийным рядом звуковысот в алеаторической композиции) и её неоднозначным смыслом – создается широкое и неограниченное поле возможностей для трактовок и интерпретаций (как минимум 48 вариантов). На этой полисемии формируется несоответствие между мыслеформой-структурой и мыслью-смыслополаганием как динамическим процессом [8, с. 47]. Отсюда когнитивной сущностью открытых композиций является когнитивный диссонанс (термин Л. Фестингера, 1956). Но поскольку «мир един как нераздельная сущность, и его части автономны как проявление принципа свободы единения», то разрыв внутри когнитивного поля формирует новое поле возможностей для дальнейшего развития системы и ее циклизации в последующем.

В невербализированных музыкальных текстах ситуация иная: здесь процесс смыслообразования зиждется на когнитивно обоснованных ассоциативных принципах, в основе которых лежат многообразные связи музыки с литературой, поэзией, живописью, театром, танцевальным искусством и проч. Смысловая организация такого музыкального текста, его содержание и структура во многом определяется личностью «чтеца», его культурным опытом и человеческим потенциалом. Как правило, в невербализированных музыкальных системах доминирует смысловая аппроксимативность, которая основана на презумпции отказа от жестко фиксированных границ смысловых значений и их коннотаций.

И в открытых и невербализированных музыкальных системах встречается своеобразная игра смыслов, особенно в тех случаях, когда текст

строится: 1) как мозаика из рядоположных музыкальных когниций (коллаж, полистилистика), или 2) представляет собой организованную последовательность компонентов музыкальной целостности, состоящую из «рыхлых» элементов, основанных на нонсенсе и аппроксимации, и «твердых» элементов, имеющих в основе рациональную когницию (А. Литвиновский, «Wir», «Zbieg»). Примечательно, что игра смыслов содержит интенцию к интертекстуальности, где цитата не является внешней, чужеродной когницией, представая в качестве компонента (слоя) текста-палимпсеста (Л. Берио, Симфония; Д. Смольский, 15 симфония). Безусловно, для содержательной идентификации «цитат» читающий субъект должен быть «аристократическим читателем» (Р. Барт), а музыкант обладать «интертекстуальной компетенцией». Во всех случаях процедура смыслообразования предстает как движение или как интенция всех музыкальных когниций к некоторой точке притяжения, названной в синергетике аттрактором, который выступает либо этапом, либо точкой бифуркации, или же концептом в процессе раскрытия музыкального смысла произведения композитора [7]. Так структурируется творческая мыслеформа, где смысл музыкального произведения определяется как содержанием, эмоциональной компонентой, так и законами формообразования.

Между тем, каждое музыкальное произведение является репрезентантом определенного стиля, где процесс стилеобразования есть реализованный в звуках процесс смыслополагания. Конструктивным элементом этой связи выступает смыслообразующая модель, или концепт – мыслительный элемент концептуальной системы, несущий духовный смысл. В музыке понятие концепта включает в себя такие компоненты концептосферы (термин Д. Лихачева), как авторский язык (стиль), стилевые идиомы мира музыкальной культуры (восточной, западной), этноса, национальности и т.п. При этом музыкальный стиль как когнитивный феномен многозначен: он тесно связан с концепцией сочинения, со стилем мышления композитора, его творческой индивидуальностью. Композиторские (стилистические) решения в строении музыкального текста, имеющего идиоматический вид (например, последовательность серий или соотношение элементов сериальной композиции), апеллируют к разнообразию возможностей формирования моделей смыслообразования и мыслительных операций, что определяет индивидуальность, неповторимость композиторского стиля. Другими словами, понятие концепта «выражает взаимообусловленность смыслообразования и стилеобразования в языках искусства, объединяя в себе не только всю мыслимую человеком культурную информацию, но способы её репрезентации» [1]

Многообразные когнитивные модели, музыкальные концепты и процедуры смыслополагания демонстрирует белорусское композиторское творчество. В нем нашли оригинальное преломление многие тенденции развития культуры XX века – классические, национально-романтические, радикальные, фольклорные, в которых всегда отчетливо заявляет о себе «концептуальный лексикон» (А. Амрахова) конкретной творческой

индивидуальности. В своем произведении композитор выступает творцом нового музыкального мира, раскрывая через посредство звука и музыкальный смысл, и духовную сущность человека, и жизнь Вселенной. Тем самым композитор предстает своего рода демиургом, властно соединяющим в своей музыке проявленные и непроявленные звучания, чувство и интеллект, надрациональное (сюр-рациональное) и рациональное. Когнитивно ориентированная методология даёт возможность выявить имплицитное присутствие автора, его «Я» как в закономерностях смыслообразования, содержания музыкального произведения, которые проявляют себя в различных аспектах музыкальной композиции – интонационном словаре, внутреннем устройстве, материале в целом. Тем самым создается инструментарий для глубинного постижения сущности музыки (музыкального произведения) и ее места как в локальном значении, так и в пространстве мировой художественной культуры.

Литература и источники

1. Амрахова, А. Когнитивные аспекты интерпретации современной музыки: На примере творчества азербайджанских композиторов – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.referun.com/n/kognitivnye-aspekty-interpretatsii-sovremennoy-muzyki#ixzz3EiwqVZbX>.
2. Бабайцев, А.Ю. Смысл и значение // Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophi-terms.ru/word>.
3. Зенкин, К. Музыкальный смысл как энергия // А.Ф. Лосев и проблемы единой интонологии – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.independent-academy.net/science/tetrad/13/zenkin.html>
4. Лосев, А.Ф. Основной вопрос философии музыки // Лосев, А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.
5. Можейко, М. Интертекстуальность // История философии. Энциклопедия. – Минск, 2002.
6. Смирнов, А. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. – М., 2001.
7. Сороко, Э. Онтология творчества как меры и нормы развития человека // Творчество как онтологическая проблема – Пермь, 1992
8. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса. – СПб, 1999.
9. Холопова, В.Н. Феномен музыки. – М., 2014.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ КРОССКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Мельник О. А. (Минск, Беларусь)

Дискуссии о толерантном мире, мире без насилия и жестокости, в котором главной ценностью является единственная в своем роде и неприкосновенная человеческая личность, возникают в последнее время все чаще. Г.Ф. Бедулина, Л.А. Кивлюк отмечают: толерантность – одна из важных черт белорусов [1, с. 6]. В.Г. Шадурский, в целом, называет нашу

республику толерантным государством. Это заслуга государства, общества, религиозных конфессий, системы образования. По мнению профессора, ситуация может измениться [2, с. 68]. Мировая общественность выбрала толерантность основополагающим принципом морали, так как современный мир зачастую жесток, жестокими могут становиться и дети. Причин этому много. Средства массовой информации, интернет, кино, нередко пропагандируя культ зла и жестокости, приводят к девальвации в сознании подрастающего поколения нравственных ценностей. В таких условиях воспитание детей в духе мира, добра и согласия приобретает еще большее значение [3, с. 40]. Взаимная нетерпимость и культурный эгоизм через средства массовой информации, социальное окружение детей, семьи все чаще проникают в учреждения образования. Поэтому активизируется процесс поиска эффективных механизмов воспитания детей в духе толерантности.

Толерантность, будучи феноменом многосторонним, является объектом изучения многих наук: медицины, политологии, этнологии, философии, социологии, педагогики, психологии [4, с. 121].

В справочных изданиях термин «толерантность» определяется как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению». Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение) – определенная мировоззренческая и нравственно-психологическая установка личности на то, в какой мере ей принимать или не принимать различные, прежде всего чуждые, идеи, обычаи, культуру, нормы поведения. Основная ее суть – терпимость к «чуждому», «иному». Это качество может быть присуще не только отдельной личности, но и конкретному коллективу, той или иной социальной группе, обществу в целом [5, с. 669].

В научной литературе толерантность рассматривается, прежде всего, как уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований и отказ от сведения этого многообразия к единообразию или к преобладанию какой-то одной точки зрения. Толерантность предполагает готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия [6, с. 351].

В современных условиях учреждение образования становится одним из наиболее эффективных средств формирования толерантного сознания и поведения. Необходимость формирования толерантного отношения между воспитанниками обусловлена возрастными и индивидуальными особенностями детей. Работа в данном направлении должна проводиться через разные виды детской деятельности: познавательную, продуктивную, игровую, проектную, с использованием разных форм и методов организации деятельности детей.

В психолого-педагогической литературе и литературе по толерантности рассматриваются также условия формирования толерантности в учреждении образования:

1. Создание толерантного пространства учреждения, в котором каждый

ребенок, независимо от этнической принадлежности, будет чувствовать себя комфортно, защищённо и будет способен к открытому взаимодействию с окружающим миром. Педагогический коллектив представляет собой модель, по которой ребенок может сформировать свое представление о коллективе взрослых, о способах, приемах общения и взаимодействия.

2. Подготовка специалистов учреждения образования, соответствующая целям и задачам толерантного воспитания. От личностного потенциала педагога, его профессиональных знаний и умений, от его убеждений, взглядов, мировоззрения зависит эффективность, продуктивность общения и совместной деятельности. Педагог должен обладать следующими качествами:

- общая национальная культура педагога, культура сотрудничества и взаимодействия;

- глубокое знание национальной культуры, проявление ее в поведении;

- профессиональное мастерство, освоение новых приемов работы;

- психологическая установка на толерантность, этнокультурное общение;

- отношение к детскому коллективу как свободной общности единомышленников;

- стремление к самоанализу и саморазвитию.

3. Применение в работе с детьми педагогических технологий, ориентированных на развитие толерантности. К такого рода технологиям относятся личностно-ориентированные технологии, такие как: диалог, дискуссия, сотрудничество

4. Взаимодействие педагогов и родителей детей в воспитании толерантности. Значение семьи в формировании толерантного сознания и поведения ребенка трудно переоценить. Родители являются первыми и основными воспитателями детей, и невозможно сформировать толерантность у ребенка, как и любое другое качество, если они не являются союзниками педагогов в решении этой проблемы. Атмосфера отношений в семье, стиль взаимодействия между родителями, между родственниками, детьми существенно влияют на формирование толерантности у ребенка. В основе взаимодействия педагогов и родителей лежат принципы взаимного доверия и уважения, взаимной поддержки и помощи, терпения и терпимости по отношению друг к другу. Работа педагогов с родителями по формированию толерантности у детей должна проводиться с учетом особенности семьи и семейных взаимоотношений.

5. Разработка и внедрение в педагогическую практику учреждений образования специальных программ по формированию толерантности у детей.

Показателями сформированности толерантного отношения у воспитанников к сверстникам являются:

- единство с Другими как принятие сверстника;

- равноправие между детьми – восприятие сверстника как самого себя и положительное оценивание его действий;

– готовность оказывать вербальное или практическое содействие сверстнику как выражение сочувствия и оказание вербальной или практической помощи сверстнику при его затруднениях.

Роль педагогического коллектива в формировании толерантности детей очень высока. В учреждении образования следует создать благоприятный социально-психологический климат как основу формирования толерантного пространства. Педагога часто называют «душой образовательного процесса». От его личностного потенциала, профессиональных знаний и умений, от его убеждений, взглядов, мировоззрения зависит эффективность, продуктивность общения и совместной деятельности. Трудно представить себе, что нетерпимый к другим педагог сможет воспитать у ребёнка толерантное отношение к другим людям, к другим культурам. Главными качествами, которыми должен обладать педагог воспитывающий толерантность являются его верность общечеловеческим ценностям, духовное богатство и демократизм.

Литература и источники

1. Бедулина, Г.Ф. Формирование коммуникативной культуры обучающихся в контексте белорусского менталитета: из лучших практик реализации проекта «Формирование коммуникативной культуры обучающихся в контексте белорусского менталитета» / Г.Ф. Бедулина, Л.А. Кивлюк. – Минск, 2013.
2. Шибковская Д. Беженцы: бегом от горя. Как белорусам остаться толерантными / Д. Шибковская // Беларуская думка. – № 6. – 2014. – С. 68–73
3. Прискока Л.В. В духе мира, добра и согласия. Формирование патриотического и гуманистического мировоззрения учащихся через миротворчество / Л.В. Прискока // Выхаванне і дадатковая адукацыя. – 2013. – №11. – С. 39–41
4. Бондырева С.К. Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика) / С.К. Бондырева [и др.]. – М., 2003.
5. Словарь иностранных слов / Под ред. А.С. Мельничука. – К., 1974.
6. Волков Н.Д. Этническая толерантность в структуре феномена толерантности // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 5. – С. 350–354.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФСКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ОБОСНОВАНИИ ЦЕЛОСТНОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Михайлова Н. В. (Минск, Беларусь)

Человеческое восприятие по своей природе диалогично и дуалистично, даже использование терминов и понятий всегда дуалистично, поскольку каждая их философская интерпретация представляет собой определенную категорию. Дуализм прослеживается не только в процессе восприятия, но и способах понимания мира. Понимание, которое не ограничено требованием сочетания взаимоисключающих концепций, но учитывающее специфику особенностей их проявления, в методологическом аспекте можно трактовать в духе широкого толкования идеи дополнительности Нильса Бора, хотя даже

теория математических доказательств нуждается иногда в философском анализе и может быть даже в содержательных переформулировках.

Давид Гильберт охотно цитировал следующую поговорку: «Когда дом готов, леса убирают», которую он, тем не менее, не применял к своей теории доказательств или метатеории. Фундаментальная сложность современного математического познания состоит в том, что «леса» теории доказательств, даже если они состоят из ложных представлений, убрать невозможного, хотя они и заслоняют собой величественные и красивое здание строгих формальных математических доказательств. Поэтому математики не считают нужным «сковывать себя цепями» жесткого формализма Гильберта в своей профессиональной работе [1]. Сущность стратегии Гильберта сводилась к формализации всех методов рассуждения в математике и установлению их непротиворечивости также с помощью анализа самого рассуждения, то есть объектом изучения становились не математические объекты, а рассуждения об этих объектах. Но рассуждение в математике, даже если оно обращено к бесконечному объекту, все равно остается конечным, а наука, изучающая рассуждения и которая называется «метаматематикой», имеет дело только с финитными объектами. Следует также отметить, что понятия несчетности и неразрешимости не ставятся под сомнение, а философски анализируются способы рассуждений, которые методологически опираются на эти понятия. Статус понятий несчетности и неразрешимости выявляется в математике и логике, поэтому их не анализируют в философско-математическом диалоге средствами только одной из этих дисциплин, так как даже математика и логика не столь уж идеально строги, а также не идеально дедуктивны.

Трудность выявления основных методологических принципов природы математического знания состоит в неразделенности субъекта и объекта. Философско-методологическое достижение платонистской концепции Курта Гёделя состоит в соединении реалистических и идеалистических традиций в математике. Процесс решения математических проблем проходит через «точки покоя», в которых в равной мере пребывают «тела в реальном мире» и «идеи в духовном мире». Поэтому представляются вполне обоснованными попытки раскрытия места математики в обществе через ее общенаучные и социальные функции. Среди них основными являются: познавательная – получение нового знания, социально-практическая – применение научного знания, образовательная – передача знания и прогностическая – предвидение новых проблем. Процесс когнитивного релятивизма переноса границы между наблюдателем, изучающим окружающий мир, и этим миром аналогичен акту расширения формальной системы в программе Гёделя [2]. Существование некоторых формально неразрешимых проблем в современной математике само по себе еще ничего не говорит об их значимости, в смысле частоты их появления в различных областях математики. Поэтому теоремы Гёделя, вообще говоря, не сужают обычную сферу использования аксиоматического метода и не ограничивают ее реальные функции, хотя они ограничивают существование закрытых аксиоматических систем, что аналогично принципу Бертеланфи, который запрещает стабильное функционирование закрытых

биологических структур и лежит в основе самоорганизующихся систем.

Помня о стоящих перед конструктивным философско-математическим диалогом задачах, следует использовать различные виды формализации. В таком контексте даже формализм не исключает другие содержательные направления. Произошедший во второй половине XX века взлет современной математики, а также переосмысление сущности самой математики, все это последствия того «переворота», который был совершен Георгом Кантором. Концепция Кантора построения всей математики на базе теории множеств была воспринята сначала с большой настороженностью, потом многими, в том числе и Гильбертом, с восхищением, а затем она была подвергнута критике, отголоски которой слышны до сих пор [3]. Современная теория множеств «умеет различать» бесконечные множества по их мощности. Основанием же для такого различения бесконечностей и по существу пока единственным, является теорема Кантора о несчетности множества всех действительных чисел. Различные типы бесконечности, присутствующие в теории Кантора, имеют значение и для доказательства теоремы Гёделя о неполноте. Для доказательства своих знаменитых теорем Гёдель пользовался расширением «диагонального доказательства» Кантора. Изобретение новых способов доказательства всегда будет необходимо для математиков, которым для их обоснования понадобятся также новые способы объяснения.

Так непротиворечивость классической арифметики удастся доказать интуиционистскими методами, тогда как строго финитное доказательство этой непротиворечивости противоречило бы теореме Гёделя о неполноте. Поэтому с финитной точки зрения в интуиционистской арифметике есть некий неконструктивный элемент. Один из возможных выводов, следующих из содержательного анализа «финитной части» доказательства Гёделя, может состоять в том, что оно финитное именно потому, что оно полностью не формализовано. Но тогда, опираясь на многие бесспорные и содержательные рассуждения, можно даже иногда пренебречь «трансфинитным элементом» в обосновании непротиворечивости арифметики. Интуиционизм программы обоснования математики Лейтзена Брауэра имеет два важнейших аспекта – метафизический и конструктивный, поэтому, если с тезисов интуиционистов снять их «метафизический налет», то они могут оказаться приемлемыми и для формализма [4]. Это очень важно, так как формализация математических теорий приводит к более ясному осознанию природы самой математики, способствуя тем самым ее применению к нечисловым и непространственным объектам, например, к таким как естественные и искусственные языки или компьютерные программы для вычислительных машин. Заметим, что любая хорошая формализация все же неизбежно обедняет исследуемый объект и ради успешной работы игнорирует его многие несущественные черты.

Понимание роли философско-математического диалога в обосновании математики решается в пользу когнитивного релятивизма трех направлений обоснования современной математики – формализма, интуиционизма и платонизма – согласно которому в математике могут использоваться любые

непротиворечивые системы понятий, а также любые конструктивно заданные абстрактные математические объекты [5]. Сам вопрос о числе возможных направлений обоснования современной математики, реально требуемых для достижения целостности знания, зависит также от природы исследуемого системного объекта, поскольку если триадная структура, необходимая для синтеза, окажется в итоге достаточной, то это лишь означает, что удалось «скомплексировать» наиболее существенные факторы развития математики согласно принципам дополнительности, тринитарности и целостности. Хотя прежней уверенности в надежности переусложненных математических теорий нет, классическая математика по-прежнему покоится на достаточно прочном основании. А общая философско-методологическая идея состоит в невозможности раздельного существования математических дисциплин и в утверждении дополнительного характера практического сосуществования таких направлений обоснования как формализм и интуиционизм.

Литература и источники

1. Михайлова, Н.В. Программа формализма Гильберта как работающее философское направление обоснования математики // Российский гуманитарный журнал. – СПб, 2015. – Том 4, № 6. – С. 534–545.
2. Михайлова, Н.В. Философские импликации результатов Гёделя о неполноте математики // Веснік Брэсцкага універсітэта. Сер. 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2015. – № 1. – С. 21–29.
3. Михайлова, Н.В. Теория бесконечных множеств Кантора в контексте генезиса философии математики // Математические структуры и моделирование. – Омск, 2015. – № 4. – С. 40–48.
4. Михайлова, Н.В. Идея «математической конструкции» Брауэра в проблеме существования // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя В. Прыродазнаўчыя навукі: Матэматыка, фізіка, біялогія. – 2015. – № 1. – С. 44–51.
5. Михайлова, Н.В. Философская интерпретация объектов математики в формализме, интуиционизме и платонизме // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Том 4, № 4. – С. 257–268.

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Морозова В. С. (Сергиев Посад, Россия)

Одним из развивающихся направлений внешней политики России является межгосударственное взаимодействие на пространстве СНГ. Наиболее четко выстраивается сотрудничество между Республикой Беларусь, Казахстаном и Россией. Целью их взаимодействия является повышение эффективности экономического развития, увеличения благосостояния и улучшения качества жизни их граждан [2]. В настоящее время одной из важных сфер развития отношений между государствами выступает сфера образования [3]. Общей правовой основой развития данной сферы

деятельности вышеуказанных государствах можно назвать равные права на доступное и качественное образование. Популярным явлением считается реализация проектов по организации совместной подготовки специалистов.

В Рекомендации № 150 МОТ указывается, что в современных условиях подготовка высококвалифицированных кадров для народного хозяйства является одной из первостепенных задач любого государства [1]. Европейская социальная хартия обязывает государства «обеспечивать или содействовать обеспечению соответствующей профессиональной ориентации, профессиональной подготовки и переподготовки» [1].

Центральным звеном решения проблемы выступает профессиональное образование. Именно на этом этапе начинается формирование специалиста. В России в соответствии с требованиями международных стандартов результаты высшего образования формулируются в новых категориях – компетенция / компетентность [4]. Ученые и практики обращают внимание на то, что актуальным проявлением профессиональной культуры в современных социально-экономических условиях становится способность к креативности. Активная личность в настоящее время способна к самореализации и саморазвитию в общественных сферах. В современных условиях не срабатывает сложившийся во второй половине XX в. стереотип о том, что полученные человеком знания сохраняют ценность на протяжении всей его профессиональной карьеры. В настоящее время знания рассматривают в виде потока постоянно обновляемой информации. Следовательно, возникает необходимая потребность работников в непрерывном образовании и их готовность к повышению квалификации, а работодателей обязывают к проведению комплекса мер по обучению персонала [6].

Это обусловлено необходимостью смены концепции образовательной модели со «знаниевой» на «компетентностную». В этой концепции результаты образования оцениваются не по показателям освоения определенного объема научных знаний, а по степени подготовленности личности к самореализации после получения базового образования. По мнению западных экспертов, результаты современного образования – это путь к расширению академического и профессионального признания и мобильности. В современных условиях евразийского пространства реализация компетентностного подхода выступает дополнительным фактором поддержания единого образовательного, профессионально-квалификационного и культурно-ценностного пространства.

В структуре профессиональной компетентности будущего специалиста выделяют ключевые, базовые (общепрофессиональные) и специальные компетентности. Ключевые компетентности необходимы для любой профессиональной деятельности, проявляются в способности решать профессиональные задачи на основе использования информации, коммуникации, в том числе на иностранном языке, социально-правовых основ поведения личности в гражданском обществе. Базовые (общепрофессиональные) компетентности отражают специфику

определенной профессиональной деятельности. Специальные компетентности отражают специфику конкретной предметной сферы профессиональной деятельности. Эти группы компетентности взаимосвязаны и развиваются одновременно.

К настоящему времени государство сформулировало подходы к построению такой системы образования, которая обеспечит России и ее гражданам достойное место в современном мире. Это отразилось на государственной политике в сфере высшего образования. За последние годы законодательство о российском образовании претерпело значительные изменения. Основу правового регулирования отношений в этой области составляют положения Конституции Российской Федерации, нормы международного права и нормы законодательства Российской Федерации. В рамках обозначенной темы не представляется возможным рассмотрением многих вопросов, остановимся на некоторых из них.

В Рекомендации № 150 МОТ о сотрудничестве государств в образовательной сфере через планирование, разработку и осуществление программ профессиональной ориентации и обучения граждан озвучена перспективная тенденция в области подготовки кадров [1]. Международное сотрудничество в сфере подготовки специалистов разных сфер деятельности имеет большое значение, в том числе и для нас. Обращение к зарубежному опыту позволяет избежать ошибок при реформировании и модернизации отечественного образования. Это способствует национальной идентичности. Достаточно популярными являются технополисы. Это элемент современной рыночной системы. Они выступают организационной формой объединения инновационных фирм, высших учебных заведений, подразделений государственных и муниципальных органов [3; 5].

Таким образом, сложность социально-экономических процессов обуславливает неоднозначность тенденций подготовки профессионалов. Обеспечение конкурентоспособности специалистов на мировом рынке возможно только на основе дальнейшей интеграции национальных систем образования и создания единой системы оценки качества образования в евразийском пространстве с учетом международных требований.

Литература и источники

1. Рекомендация № 150 МОТ «О профессиональной ориентации и профессиональной подготовке кадров в области развития людских ресурсов» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конфедерацией труда. 1957. 1990. т. 11. – Женева, Международное бюро труда, 1991. – С. 1755–1778.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org>.
3. Енин, Ю. Формирование единого научно-образовательного и производственного пространства в условиях евразийской экономической интеграции // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 2 (15). – С. 43 -50.
4. Морозова, В.С. К вопросу о присоединении России к Болонскому процессу (правовой аспект) // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 1 (8). – С. 25–27.

5. Слипенчук, М.В. Интеграционные проекты Евразийского экономического пространства // Евразийская интеграция в XXI веке. – М., 2012. – С. 220–236.
6. Сойфер, В.Г. Проблемы правового регулирования профессионального образования профессионала // Законодательство и экономика. – 2008. – № 3 (3). – С. 76–80.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК УЧАЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Москаленко М. Р. (Екатеринбург, Россия)

Современная политическая ситуация характеризуется достаточно высокими глобальными рисками, которые связаны, прежде всего, с существующими на планете «очагами напряженности». На протяжении последних десятилетий были случаи, когда «горячие точки» возникали, казалось бы, в достаточно устойчивых государствах (классический пример – поздний СССР). Их возникновение во многом связано как с социальными противоречиями в обществе, так и деструктивным пропагандистским воздействием. Отметим, что еще со времен «холодной войны» стали доминировать такие технологии борьбы с противником, как культурная агрессия (внедрение в массовое сознание населения противника деструктивных представлений о собственной истории и культуре), информационно-пропагандистская агрессия (создание негативного имиджа страны-противника) и др. Серьезное деструктивное влияние может оказывать муссирование националистических настроений и пропаганда экстремизма на этно-конфессиональной почве.

В связи с этим для социальной стабильности и устойчивости общества огромное значение имеет формирование ценностно-мировоззренческих установок учащихся, развитие толерантности и противодействие распространению всевозможных экстремистских взглядов. Для этого человек должен обладать развитой правовой и гражданской культурой, чувством собственного достоинства, уважать историческую и культурную традицию Отечества. Большое значение в формировании данных качеств личности имеет преподавание гуманитарных дисциплин и воспитательная работа. Здесь существует несколько проблемных аспектов.

Во-первых, это ценностные противоречия, существующие в современном российском обществе. Отметим, что в преподавании гуманитарных дисциплин в России в 1990-е гг. происходил отказ от марксистско-ленинской парадигмы, которая нашла наиболее яркое выражение в диалектическом материализме. Наряду с некоторыми позитивными моментами, этот процесс сопровождался достаточно выраженной критикой советской идентичности, которая зачастую принимала деструктивный характер, находя выражение в идеологеме «отмежеваться от тоталитарного прошлого» и «вступить в семью цивилизованных народов»,

отражая глубочайший социокультурный раскол в обществе. В преподавании гуманитарных дисциплин делался акцент на таких ценностно-мировоззренческих установках, как абсолютизация свободы самовыражения, приоритет индивидуальных прав человека, отторжение и неприятие отечественной культурно-исторической традиции как авторитарно-тоталитарной, нарушающей права человека, абсолютизация западных ценностей и их некритическое перенесение на российскую культурную почву. В результате можно говорить о серьезной ценностно-смысловой трансформации мировоззрения молодежи (людей до 30-летнего возраста): культ потребительства и негативное отношение к отечественной культурно-исторической традиции стали едва ли не нормой мировоззрения и поведения для целых групп современной молодежи, которые воспринимают действительность с сугубо эгоистических позиций реализации своих личных прав. Свобода для самореализации и творчества стала восприниматься как свобода от ответственности, морали, обязанностей.

Во-вторых, образовательные учреждения в России (прежде всего, средняя школа, вузы пока в меньшей степени) столкнулись с проблемой давления учащихся на педагогический состав под предлогом якобы имеющего место нарушения их прав: некоторые школьники, часто при потакании родителей, начинают использовать знание правовых норм, прежде всего, для оказания давления на учителей и издевательства над ними в ответ на попытки оказывать воспитательное воздействие. К сожалению, развитие правовых знаний учащихся может серьезно опережать их социальную и моральную зрелость, и приводить к тому, что некоторые школьники воспринимают право как инструмент манипуляции окружающими.

В-третьих, в современном российском обществе существует высокая степень социального неравенства, которое воспринимается значительной частью населения достаточно болезненно. Это во многом выхолащивает позитивные социальные идеалы, задавая достаточно скептическое отношение к действительности. Пропагандируемый имидж России как сильной державы, проводящей независимую политику, стереотипы о высокой духовности и «широте души» народа, и в то же время повседневная социально-бытовая неустроенность (например, платность большинства медицинских и образовательных услуг при невысоком уровне жизни, низкая культура поведения в быту и т.д.) создают серьезное расхождение между идеалом и реальностью, увеличивающее степень взаимного отчуждения различных социальных групп.

В-четвертых, следует отметить такой фактор, как высокая криминализация общества в целом и молодежной среды. Согласно данным доклада Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения «О предупреждении насилия и преступности, связанной с холодным оружием, среди подростков и молодежи» за 2011 г., Россия занимает 1-е место в Европе по числу убийств, совершаемых несовершеннолетними [1, с. 48]. В литературе отмечается, что имеет место социокультурное влияние и давление преступного мира на общество,

деформирующее ценностные ориентации молодежи [2].

Исходя из вышеизложенного, автору представляется, что учебно-воспитательная работа и преподавание гуманитарных дисциплин в образовательной среде должны строиться на следующих мировоззренческих основаниях:

1. Признание таких ценностей, как патриотизм, чувство собственного достоинства, гражданственность, уважение к исторической памяти своего и других народов, ведущими в формировании мировоззрения учащихся, осмысление их места и роли в историческом процессе, историко-культурной преемственности в различные эпохи. Акцентирование внимания на общих исторических задачах, которые решали в разное время народы России и СССР: победа в Великой Отечественной войне, индустриализация, создание ракетно-ядерного щита.

2. Развитие у учащихся навыков сравнительно-правового и сравнительно-исторического анализа, восприятие исторического процесса во всем его многообразии, отказ от признания либеральной, западной трактовки исторического развития (которая еще со времен К. Поппера описывает любые общества, не соответствующие западным культурным и правовым стандартам, как «авторитарные», «закрытые» и т.д.) в качестве эталонной.

3. Развитие у учащихся интереса к генеалогии, к истории собственной семьи, историческим корням, видение взаимосвязи человека и эпохи. Данный подход формирует у учащихся уважение к семейным ценностям, осознание взаимосвязи эпох и поколений, ответственное отношение к созданию семьи, интерес и почтение к истории своего рода и исторической традиции. Учащимся может на различных предметах гуманитарного цикла в качестве вариативного задания по выбору даваться описание в той или иной форме истории своего рода, места и роли своих прародителей в значимых общественно-политических событиях (например, Великая Отечественная война, индустриальные стройки XX века, которые затронули практически все семьи), и т.д.

4. Отдельного внимания заслуживает работа с представлениями о постоянном технологическом отставании России от Запада. Здесь также необходим принцип историзма: Россия на протяжении как последних нескольких веков своей истории находилась в положении «догоняющей» страны, и главная цель научно-технического развития была подчинена оборонным задачам – не отстать от Запада в военном плане, чтоб не стать объектом колониальной экспансии. С этой задачей страна в целом справлялась, естественно, в ущерб развитию гражданского сектора экономики и общему уровню жизни населения. Есть масса примеров, которые позволяют говорить о достижениях отечественных ученых и инженеров, превосходстве их моделей над аналогичными зарубежными. К примеру, в годы Великой Отечественной войны СССР выигрывал у Германии «танковую гонку», первенство в освоении космоса и ряд других позитивных примеров.

Литература и источники

1. Варыгин, А.Н., Криминологический анализ убийств, совершаемых несовершеннолетними / А.Н. Варыгин, З.М. Григорян // Юридическая наука. – 2011. – № 3. – С. 46–53.
2. Кулешова, С.Н. Криминализация молодежной среды российского общества: социокультурный аспект. Автореф. дис....канд. социол. наук. – Ставрополь, 2009.

М. ЭЛИАДЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ОНТОЛОГИИ

Никонович Н. А. (Минск, Беларусь)

Научные разработки Мирче Элиаде (1907–1986) относятся к проблемному полю философии и феноменологии религии, теории мифа. Взгляды румынского ученого важны для изучения онтологии мифо-религиозного опыта, поскольку позволяют вскрыть онтологические основания мифа и религии. Развитие современной гуманитарной науки связано с необходимостью апробации новых подходов к феномену мифа и архетипов; одним из таких подходов является мифо-религиозная парадигма М. Элиаде, которую можно обозначить как мифо-онтологическую [6]. Это определение фиксирует онтологические элементы его теории мифа и религии. Вне этих смысловых аспектов трудно адекватно понять референции его системы. Следует заметить, что интерпретация, открывая различные ракурсы теоретического познания, должна быть когерентна языку и контекстуальной модели, предложенной самим мыслителем. Также возможно обозначение подхода М. Элиаде как онто-феноменологического, что основано на вычленении в его концепции двух составляющих: онтологической и феноменологической. Мифо-онтологическая дефиниция проекта М. Элиаде имеет определенные методологические следствия, которые заключаются в переосмыслении стратегии исследования культуры, открывающем возможности методологических новаций в проблемном поле философии религии и культуры. В контексте данного обозначения акцент переносится на мифо-онтологическую составляющую, которая является рубрикатом и классификатором процессов культурной динамики. Об «онтологическом горизонте» применительно к феноменологии религии М. Элиаде пишет и П. Рикёр [3, с. 55].

Подход М. Элиаде можно считать качественно новой парадигмой в изучении природы мифа и религии, в которой миф является реальностью, нередуцируемой к культурным, социальным и другим основаниям и принадлежностью к которой определяется онтологический статус всех феноменов человеческого бытия. Вклад М. Элиаде в развитие теории и истории религий, мифа, этнологии, философии культуры огромен. В фокусе его исследований оказывались проблемы функционирования мифа и религии в разных (преимущественно традиционных) культурах, проблемы соотношения архетипического бытия и исторического становления в разных

типах культур, проблемы мифологизма и историзма, проблемы постижения различных культурных миров.

Современный мир представляет собой многогранное целое с приматом плюрализма без доминирования каких-либо образцов – религиозных, мифологических или каких-либо иных. Поскольку картина будущего развития остается открытой, необходимо осмыслить тенденции трансформации и структурирующие элементы ее динамики. В этом вопросе обнаруживается креативный потенциал современной методологии религии, которая позволяет исследовать культурные феномены в диахронном и синхронном срезах.

Историко-философский анализ позволяет экстраполировать дихотомию «сакральное-профанное», используемую М. Элиаде, на культурные процессы, в результате чего становится возможным конструирование теоретико-методологической модели, основу которой составляет понятие сакральной культуры. При том, что существует понятие национальной культуры, вектор исследований, заданный М. Элиаде, позволяет ввести в концептуальное поле современной белорусской гуманитарной науки такой термин, как «сакральная культура». Следует отметить, что термин «сакральная культура» используется в зарубежной философии, и необходимо расширить его теоретические возможности для использования в белорусской философской науке. Это понятие может быть рассмотрено как аналог термина «традиционная культура», но в то же время имеет некоторые отличия, которые заключаются в том, что в данном концепте делается акцент на духовно-религиозных факторах. Логически данное понятие уже понятия «традиционная культура» и позволяет анализировать специфику духовных отличий культур. В соответствии с этим можно конструировать типологию культур по сакральному (мифо-религиозному) признаку. Эта модель не претендует на универсализм, но позволяет понять духовное бытие культуры и ее динамику. Представленная модель обладает новаторским креативным потенциалом, поскольку позволяет расширить количество типологических признаков, по которым классифицируются и дифференцируются культурные процессы.

Постулируя дихотомичность сакрального и профанного, М. Элиаде показывает неизбежность сакрального во всех типах культур. Какова бы ни была специфика культуры и ее семантическое наполнение, сакральное присутствует в ней в явной либо латентной форме. Поскольку сакральное является модусом как мифологического, так и религиозного, можно говорить о неискоренимости этих начал в культуре. С этим связана идея перманентной «крипторелигиозности» человека, которая может быть вытеснена на периферию сознания (в пред- и бессознательное), но продолжает манифестироваться в различные вариативные комбинации, наиболее показательными из которых являются искусство и литература. Теория М. Элиаде противоположна эволюционному подходу, поскольку рассмотрение культуры по степени возрастания либо убывания сакрального приводит к мысли, что движение осуществляется в сторону ее

десакрализации, что означает деонтологизацию культуры и ее упадок. Хотя Элиаде негативно высказывается относительно постижимости мифо-религиозных феноменов рациональным способом, однако методом их постижения может быть онтологическая сопричастность.

Если обратиться к исторической ретроспективе, то можно заметить, что не существует нерелигиозных культур. Современный мир включает в себя инварианты религиозного начала, о чем свидетельствует высказывание Ю. Хабермаса: «Постметафизическое мышление не сможет понять само себя, если наряду с метафизикой оно не включает в собственную генеалогию религиозные традиции» [4, с. 12]. Таким образом, осмысление религиозного начала – предусловие самоосмысления культуры. Религия в современном обществе не имеет тотального характера, однако остается при этом частью сбалансированного общественного механизма.

Субстанциальность экзистенциального измерения онтологии М. Элиаде выражается в том, что подлинность бытия человеческого субъекта определяется способностью к когеренции со своим надличностным, репрезентированным в мифах и архетипах, началом. Степенью этого взаимодействия личностного Я и архетипического начала определяется онтологическая глубина существования человека.

Для эксплицитного анализа специфики подхода М. Элиаде важна следующая мысль: «Психологизация категории святости, укоренение ее оснований в иррациональных пластах духовной жизни – характерная черта феноменологии религии. Однако феноменологический подход, в особенности подход теологической феноменологии, подразумевает, что в акте религиозного опыта или в событии иерофании дает знать о себе некая трансцендентная реальность, которая выступает объективно сущей субстанцией сакрального» [5, с. 1135]. Эта мысль способна прояснить пути синтеза феноменологического и онтологического уровней сакрального в концепции М. Элиаде: переживания сакрального, доступные индивиду, являются не только отражением содержимого его сознания и бессознательного, но и представляют собой манифестации трансцендентной реальности, доктринальные представления о которой варьируются в зависимости от типов религии и религиозных представлений.

Анализируя природу опыта священного, можно выявить, что он существует как на субъективном уровне онтологии сознания, так и на уровне воспроизводства социальных матриц. Опыт сакрального, по М. Элиаде, имманентно присущ природе человека, при этом он может иметь различные формы в зависимости от доминирующего типа культуры. Функционирование сакрального на индивидуальном уровне способствует расширению границ сознания, отождествлению и идентификации с собственным трансперсональным центром. Можно согласиться с Р. Отто, что нуминозное – это чувство, но чувство, имеющее онтологическую природу [2].

Говоря о статусе сакральных переживаний, следует отметить, что они реальны для познающего субъекта. Представленная М. Элиаде модель когерентности бытия и сознания элиминирует классический дуализм

воспринимаемого и воспринимающего, рецептора и реципиента, субъекта и объекта сакрального опыта [1, с. 127]. Эта модель может оказаться очень продуктивной для генерирования культуроориентированной стратегии онтологии сознания (стратегии создания новой модели онтологии сознания и культуры, в которой вопрос о первичности сознания либо бытия становится избыточным). Сакральное имеет феноменолого-онтологическую природу, будучи причастным как сознанию, так и бытию. Понятие сакрального у М. Элиаде – это пространство проявления бытия сущего как такового и его религиозной природы. Это онтологический срез сакрального.

Феноменологический срез представлен формами функционирования сакрального на уровне индивидуального и коллективного сознания и бессознательного. В сакральном переживании человек возвращается к истокам бытия. Эту мысль можно считать когерентной идеям М. Хайдеггера об открытости бытия и непотаенности истины. Онтологизируя используемое Р. Отто понятие «сакральное», М. Элиаде расширяет концептуальное поле феноменологии религии.

После исследований П.Д. Шантепи де ла Соссе, Р. Отто, Г. Ван дер Леува исследования М. Элиаде, которые можно определить как новую парадигму в изучении сущности религии, занимают значительное место в феноменологии религии. В целом можно отметить, что отличительной особенностью такого направления, как феноменология и онтология религии, ярким представителем которого был М. Элиаде, является изучение не исторического контекста и условий возникновения религии, а ее сущности и характерных особенностей, религиозного опыта и его структуры.

Литература и источники

1. Никонович, Н.А. Антропологическое измерение идей М. Элиаде // Вестн. Полоц. ун-та. Сер. Педагогические науки. – 2011. – № 7. – С. 126–130.
2. Отто, Р. Священное. – СПб, 2008.
3. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. – М., 2002.
4. Хабермас, Ю. Между натурализмом и религией. – М., 2011.
5. Энциклопедия религий / Под ред А.П. Забияко [и др.]. – М., 2008.
6. Nikonovich, N. El paradigma del mito-ontológico de Mircea Eliade y su significación metodológica // Anduli: Rev. Andaluza de Ciencias Sociales. – 2011. – № 10. – P. 121–126.

ДИАЛОГ СОВРЕМЕННОЙ И АНТИЧНОЙ КУЛЬТУР: ЗДОРОВЬЕ И ЗДРАВСТВЕННОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ИДЕАЛА КАЛОКАГАТИИ

Новиков Д. С. (Волгоград, Россия)

Будущее человечества вообще и отдельных социокультурных общностей, в частности, зависят не только от их экономической, технико-технологической и военной мощи, но и от того, насколько они сумеют обеспечить высокий уровень индивидуального и общественного здоровья. А

это, с нашей точки зрения, проблема не только социальная и медицинская, но и культурная. В самом деле, выживание рода Ното, степень удовлетворённости его представителей от жизни, да и сама продолжительность последней, зависят также от того, насколько у людей сформирована потребность в *здравотворчестве*. А значит, от того, обладают ли они *здравотворческой культурой* – искусственной программой жизнедеятельности, предлагающей модели поведения по сохранению и наращиванию наследуемого природного потенциала. Фокусом этой культуры выступает *здравотворческий идеал*, задающий индивиду *смысл* здравотворчества.

Прямо скажем, что для субъекта постиндустриальной транзиции данный идеал не может сводиться ни к «Мистеру Олимпия» («культуристу-качку»), ни к адепту новомодных «здравотворческих практик». Представляется, что в поисках этого идеала мы могли бы обратиться к *диалогу с культурой прошлого* и, прежде всего, с той, которая стала одним из источников европейской цивилизации – античной культурой. Тем более, что её идеал как нельзя лучше соответствует потребностям постиндустриального общества. Это соответствие вытекает из того, что постиндустриальное общество нуждается в субъекте, для которого здоровье не может быть ничем иным как фундаментом сознательно выбранной стратегии *превосхождения* собственной природы, превращения себя в личность, осуществляющую как врождённые дарования, так образ желаемого «Я» [1, с. 103–105]. Именно на *такую* стратегию нацеливал личность *идеал калокагатии* – на построение себя в качестве *целостной* личности, человека-творца.

Сущность данного идеала точно выразил ещё А.Ф. Лосев, писавший, что в «античной калокагатии совершенно нет ничего отдельно "прекрасного" и отдельно "доброе". Это – один человеческий идеал, нерасчленимый ни на "внутреннее" или "внешнее", ни на "душу" или "тело", ни на "прекрасное" и "доброе"» [2, с. 289]. То есть античные эллины «не разделяли полностью физическое естество человека, его тело и его внутреннюю духовную сущность» и представляли человека как целостность, видя в телесном форму, без которой внутреннее содержание личности «просто не могло бы существовать и бесследно исчезло бы, как исчезает, уходит в землю вода, вытекающая из разбитого кувшина» [3, с. 268]. Потому-то античная концепция здоровья включала в себя как физическое здоровье и красоту, так и нравственную «качественность». Древние эллины полагали, что физически крепкий человек не может быть некрасивым, а, значит, не может не быть «добротным», «хорошим». Такой человек и был подлинным «калос кагатос» (дословно: «красивым и добрым»).

Данный педагогический идеал не пережил катастрофы античной цивилизации и был возрождён лишь в эпоху Ренессанса. В трудах Л. Бруни, Л.Б. Альберти, М. Пальмиери, Л. Валлы был реабилитирован мир физических радостей, а достоинство человека оказалось связанным не только с разумом, но и с телесным здоровьем. В соответствии с этим идеалом педагог, реализовывающий здравотворческую педагогическую деятельность,

должен, как полагали ещё античные мыслители, не слепо руководствоваться неким «здравотворческим знанием», но, наоборот, «само это знание должно разворачиваться исходя из того, *ради чего* оно нами собственно достигается (курсив наш – Д.Н.)» [4, с. 42].

Считаем, что государственно-общественной системе образования стран, желающих осуществить постиндустриальный транзит (Россия и Беларусь здесь не исключение), следует сделать вполне определённый выбор в пользу антично-возрожденческой здравотворческой парадигмы, восходящей к идеалу калокагии. Во-первых, данный выбор позволит сформировать субъекта постиндустриальной трансформации – автономную личность, свободно творящую себя в соответствии с *возвышающим* её идеалом. И, во-вторых, он создаст возможность получить не «частичного человека» (К. Маркс), не «искусственного человека» (Э. Мунье) – «специалиста» в той или иной области знания или социальной практики, – а индивида, *свободно и осознанно избирающего* траекторию собственного развития. В данном случае здоровье индивида станет не просто биологическим залогом его социального успеха, но выступит в качестве природного потенциала личностного самостроительства.

Таким образом, фокусирование здравотворчества на античный идеал калокагии окажется одним из средств избежать рисков, возникающих перед каждой социокультурной общностью, вступающей на стадию постиндустриализма: опасностью получить вместо *homo sapiens*'а совсем иную природную субстанцию – индивида, деградировавшего и духовно, и физически, тратящего свою жизнь на удовлетворение биологических потребностей.

Литература и источник

1. Новиков, Д.С. Идеал калокагии в контексте современной здравотворческой педагогической стратегии // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер: педагогические науки. – 2014. – № 1(86). – С. 103–105.
2. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. – Т.2.– М., 1969.
3. Андреев, Ю.В. Цена гармонии и свободы: несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. – СПб, 1998.
4. Разеев, Д.Н. Идеалы образовательных стратегий в герменевтической перспективе // Коммуникация и образование: сб.ст. / под ред. С.И. Дудника. – СПб, 2004.

ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН В УСЛОВИЯХ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Новиков С. Г., Волгоград, Россия

Выход в «открытый мир», осуществляемый ныне Россией, Беларусью, другими постсоветскими восточноевропейскими государствами, представляет двоякий риск для культурной идентичности общностей, их

создавших. С одной стороны, падение «железного занавеса» создаёт опасность того, что этнокультурные целостности, сложившиеся на просторах Восточно-Европейской равнины, растворятся в культуре стран ядра мир-системы. А с другой, отказ от автаркии делает возможным нашествие «новых варваров» – носителей культуры, нетерпимой к инакомыслию, инаковерию, жёстко разделяющих людей на «своих» и «чужих».

Поясним данную мысль. Во-первых, та форма глобализации, которая реализуется сегодня, приводит не просто к сегрегации территории планеты на зону перепотребления и гетто нищеты [1, с. 323–328], но и к превращению Восточной Европы в «культурную провинцию» нового *Rex Romana*. Причём в такую провинция, которая может оказаться в роли культурного *slam land*'а, места, где элита, нарядившись в «ново-римское платье», будет наслаждаться плодами цивилизации, а основная масса населения станет жевать духовную жвачку. Во-вторых, лёгкая проницаемость границ, «съёживаемость» современного мира делает вероятным культурное поглощение восточноевропейской части Севера пришельцами с Юга. А это приведёт к неизбежной архаизации культурных пространств Восточной Европы – к процессу, не менее разрушительному для цивилизации, чем некогда случившееся «великое переселение народов».

Не допустить развития подобного сценария событий способны не спецназ или военно-космические силы стран постсоветской Восточной Европы, а их культурная и образовательная политика. Её целью должно стать не формирование «человека экономического» и не пестование носителей идеи собственной уникальности путём повторения в школах и вузах мантры об «особом пути», а выращивание *homo creator*'а («человека творческого»). Данное целеполагание не просто позволит индивиду культивировать у себя подлинно человеческие потребности, понимание священности жизни и всего, что «способствует её расцвету» [2]. Оно сделает возможным появление, как социального типа, личности, для которой станут свойственны «стремление заглянуть и шагнуть за горизонт, тяга к познанию, способность к умному действию» [3, с. 12]. Именно *такой* социальный субъект способен противостоять и угрозе полупринудительной культурной унификации, и опасности вытеснения культуры цивилизации культурой неоварварства (см. об этом: [4, с. 255–304]).

Иными словами, «на выходе» государственно-общественной системы образования необходимо получить не «социозверька» (С.Е. Кургинян), не «хомо шкурника» (А.И. Фурсов), а личность, стремящуюся к *возвышению* над собой природным, движимую мотивами *самосовершенствования*, то есть мотивами *постматериалистическими* (см. об этом: [4]).

Эти мотивы, разумеется, не могут сформироваться стихийно, но должны сознательно и настойчиво *воспитываться* у подрастающих поколений. Как это ни странно звучит, но особенно важно осуществить решение данной задачи при организации воспитательного процесса среди отнюдь не элитарных слоёв населения. Ведь представители последних, не знающие проблем «куска хлеба» и «крыши над головой», априори имеют

возможность обратить свои устремления к *надматериальным* ценностям. Люди же, вынужденные с детства бороться за «место под солнцем» и привыкшие ассоциировать успех с материальным богатством, часто не могут сойти с этой «наезженной жизненной колеи». В такой ситуации массовая школа делается тем инструментом, который способен наставить юношей и девушек на «новый путь» – тот, на котором господствуют не материальная выгода и установка на потребление (см. об этом: [5]), а принцип, прекрасно сформулированный героем братьев Стругацких: «счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженный!».

Рискнём утверждать, что фокусом воспитательной деятельности в странах Восточной Европы в условиях кросс-культурных контактов должен стать не антропоцентристский идеал западной цивилизации и не социоцентризм Востока, а исторически сложившийся у восточноевропейских народов *дуалистический* нравственный идеал. Ведь он не просто признаёт самоцельной и самоценной свободную самодеятельность личности, но и нацеливает последнюю на служение развитию общества в целом (см. об этом: [8, с. 91–94, 877–887]).

Имплантация же сегодня в культурное ядро России, Беларуси или Украины антропоцентристского идеала Запада приведёт к появлению и репродукции здесь в *массовом порядке* «*homo economicus*’а» – личности, у которой инициативность и ответственность, стремление избавиться от упования на «авось» и «небось», на «доброе государство» будут сочетаться с восприятием всякого, не приносящего прибыли, если не в качестве бездельника, то в лучшем случае в качестве слуги «(подобно лакею и официанту) на службе у того, кто способен его содержать за свой собственный счет» [8]. В свою очередь имплантация восточного социоцентризма неизбежно породит в Восточной Европе личность, апроприированную коллективом, готовую раствориться в «Мы», ощущающую себя песчинкой в океане песка. И первый, и второй вышеназванные варианты социокультурной эволюции означают уже не риск, а реальную перспективу оказаться на обочине Истории, не говоря уже об утрате восточноевропейскими социокультурными общностями своей инаковости.

Отсюда следует, как минимум, три вывода. Во-первых, ни в коем случае нельзя в условиях кросс-культурных контактов современности идти на «культурную капитуляцию». Во-вторых, государственно-общественной системе воспитания следует сфокусировать свою деятельность на осуществление дуалистического идеала, материализующегося в субъекте, стремящемся к проявлению всех заложенных в нём способностей, готовом к свободному выбору и способном соединять собственные усилия с другими людьми, признаваемыми равными ему по своим правам и возможностям. В-третьих, не *homo economicus*’а и не «человека-винтика» следует формировать в образовательном пространстве Восточной Европы, но *homo creator*’а – личность, влекомую по жизни *внутренним* мотивом самостроительства, а не внешней экономической необходимостью.

Литература и источники

1. Бузгалин, А.В. Мы пойдём другим путём! От «капитализма Юрского периода» к России будущего / А.В. Бузгалин. А.И. Колганов. – М., 2009.
2. Фромм, Э. Иметь или быть // Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. – М., 2000.
3. Неклесса, А.И. Знать – значит быть. Образование как развитие // Метафизика. – 2014. – № 4 (14).
4. Фурсов, А.И. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью? // De futuro, или История будущего. – М., 2008.
5. Иноземцев, В.Л. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности // Российский химический журнал. – 1999. – Том XLIII. – №6.
6. Фромм, Э. Марксова концепция человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_642.html.
7. Кантор, К.М. Двойная спираль истории: Историческая проекция проективизма. – Т.1. Общие проблемы. – М., 2002.
8. Межуев, В. Свобода как ценность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alternativy.ru/ru/node/1153>.

НОВАЯ ПАРАДИГМА ОБРАЗОВАНИЯ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Пономарев А. С., Заветный С. А., Пазынич С. Н. (Харьков, Украина)

Сегодня общепризнано, что мировая система образования переживает глубокий системный кризис. Его успешное преодоление возможно лишь при условии разработки и внедрения принципиально новой парадигмы образования. Считаем необходимым определиться прежде всего с сущностью кризиса, его причинами и характерными проявлениями. Даже поверхностного анализа достаточно, чтобы убедиться, что основной причиной кризиса и характерными его проявлениями выступает то обстоятельство, что традиционные содержание и характер образования и даже его цели перестали отвечать принципиально новым реалиям.

Подобные кризисы уже возникали в процессе развития образования. Они обычно происходили после кардинальных изменений, определявших появление нового этапа в истории человеческой цивилизации и были характерны новыми общественными требованиями к образованию, обусловленными потребностями жизненной практики. Они порождали кризис образования, а его преодоление приходило через осмысление и разработку новой парадигмы, которая сходилась из переориентации образования на новые цели.

Естественно, говорить о кардинальных изменениях можно только очень условно. Социальные процессы непрерывны, их параметров меняются постепенно, и при накоплении некоторой «критической массы» изменений происходит скачок. Однако в действительности корни этого скачка

вызревают в недрах предыдущего этапа как проявление закона перехода количественных изменений в качественные. Образование как социальный институт, сознательно или бессознательно стремясь соответствовать потребностям и требованиям общества, постепенно меняется.

Большинство педагогов овладевают новыми методами и технологиями обучения и воспитания и стремятся использовать их в своей деятельности. Лучшие из них, истинные новаторы, которые всегда ощущали недостатки и слабости действующей парадигмы, стремились найти пути, способы и средства существенного повышения эффективности образования и интереса учащихся, сделать учебный процесс интересным и привлекательным. Их идеи и находки постепенно накапливались и становились основой новой парадигмы, которая в свое время трансформировала цели, направления и ориентации образования.

Однако нынешний кризис оказалась гораздо серьезнее всех предыдущих. Это связано с действительно тектоническими сдвигами в общественной жизни, которые дали веские основания говорить о переходе человеческой цивилизации к принципиально новому этапу, к инновационному типу мирового развития. Глобализация и широкая информатизация охватили практически все сферы жизни. Существенно ускорились научно-технический и социальный прогресс, трансформация достижений науки в разработку высоких технологий. Человек не успевает осмыслить одни инновации, как их стремительно сменяют другие.

Это серьезно сказывается на целях, содержании и характере образования, прежде всего высшего, осуществляющего профессиональную подготовку специалистов для конкретных сфер экономики, науки и культуры. Сегодня есть специальности, в которых то, что студенты изучают на первом курсе, оказывается безнадежно устаревшим к защите ими дипломных работ.

Поэтому развитие образования остро требует новой парадигмы, которая могла бы обеспечивать его соответствие новым чрезвычайно сложным вызовам нашего динамичного времени. Не случайно проблема такой парадигмы широко обсуждается и в экспертной среде ученых-педагогов, и педагогами-практиками. В результате их творческих поисков и находок вырисовываются следующие направления формирования этой парадигмы и на ее основе путей кардинальной модернизации системы образования.

Во-первых, это переход от идеологии обучения на всю жизнь к идеологии обучения в течение всей жизни. Он связан с необходимостью постоянного обновления человеком знаний и умений в течение всей активной трудовой жизни в соответствии с появлением новых поколений техники и технологии.

Во-вторых, это разработка принципиально новых педагогических технологий на основе возможностей информационно-коммуникационных средств и их применение в учебно-воспитательном процессе.

В-третьих, это усиление интереса студентов к учебному материалу и

ориентация их учебно-познавательной деятельности на его восприятие и глубокое понимание, а не на механическое запоминание.

В-четвертых, это существенное усиление роли и удельного веса самостоятельной работы студентов и как можно более ранняя ее ориентация на развитие профессиональных и социальных компетенций, на обеспечение ее общей практической направленности.

В-пятых, это фундаментализация образования как реакция на динамичный характер эволюции техники и технологий и потребности социума в креативных специалистах, способных быстро трансформировать результаты научных открытий в инновационные высокие технологии.

В-шестых, это гуманизация образования и преодоление традиционного технократического типа мышления, утверждение понимания того, что не человек предназначен для обслуживания техники, а техника должна служить человеку. При этом странной выглядит тенденция сокращения числа дисциплин социально-гуманитарного цикла и учебного времени на их изучение.

Какой же должна быть новая парадигма образования? Жизнь и практика образования убедительно доказали парадигмальную роль компетентностно ориентированного образования. Однако теперь возникает проблема четкого определения сущности и содержания понятия компетентности. Ее осложняет существование чрезвычайно широкого спектра различных специальностей, для представителей каждой из которых компетентность имеет свои характерные особенности. Однако общим является мнение о необходимости включения в ее структуру профессиональной и социальной компетентности. Каждая из них имеет свою собственную структуру, которая формируется в соответствии с содержанием и характером профессиональной деятельности специалиста с учетом тенденций ее развития и прогноза потребностей в таких специалистах.

Крайне важной для новой парадигмы образования представляется высокая информационная и компьютерная компетенция специалиста любого профиля. Использование информационно-коммуникационных технологий делает возможным переход к новой системе образования – обучению по месту проживания, к безгрупповому обучению по индивидуальным учебным планам, без сессий, с индивидуальными графиками усвоения знаний и к безбумажным технологиям на основе информатизации и использования ресурсов Интернета. Эти технологии позволяют каждому студенту формировать и реализовать индивидуальные траектории обучения, обеспечивая преимущество обучения при получении высшего и последиplomного образования, возможность освоения дополнительных образовательных программ в соответствии с желаниями, потребностями и способностями индивида.

Отдавая должное тем широким возможностям в совершенствовании образования, что открывает применение информационно-коммуникационных средств и технологий, мы, однако, не можем не подчеркнуть, что в

образовании никто и ничто не может заменить непосредственного контакта между учеником или студентом, с одной стороны и педагогом – с другой. Действительно, их общение выступает чрезвычайно сложным и многоаспектным явлением, далеко не ограничивается только коммуникативными функциями.

Сегодня мир очень быстро меняется. Меняются производительные силы общества, материальные условия жизни людей, их жизненные цели и ценности. В этих условиях существенно усложняются возможности подготовки подрастающих поколений к успешной жизни и деятельности. Эта сложность следует из того, что система образования готовит их для будущего, характера которого мы в принципе не можем знать и только стремимся предугадывать его размытые контуры, анализируя основные тенденции развития общественного производства.

Вместе с быстрым ростом объемов научно-технических знаний все это приводит к несоответствию содержания и характера традиционного образования новым реалиям уже ближайшего будущего, не говоря о более отдаленном времени. Таким образом, сама жизнь требует неотложной разработки принципиально новой образовательной парадигмы, четкого определения целей, содержания и характера образования и практической организации учебно-воспитательного процесса уже на основе основных принципов и положений этой парадигмы.

СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ

Правдин К. Д., Шматков Р. Н. (Новосибирск, Россия)

Основной вопрос национальной безопасности России – это вопрос образования. А российское образование в кризисе. Одним из главных аргументов в пользу ЕГЭ был следующий: он должен покончить с коррупцией [1]. Но вышло с точностью наоборот. Эксперты говорят: «коррупция выросла» [2]. Она просто сместилась на другой уровень. Произошли качественные изменения и количественные тоже. То, чем мотивировалось введение ЕГЭ, так сказать, не сработало. И увеличение коррупции – это один из результатов ЕГЭ, но не единственный. Так же произошло резкое уменьшение знаний учеников, которые учатся в данной системе.

Сейчас в образовании наблюдается дерационализация сознания и истончение исторической памяти. Из школы вытесняются такие предметы, как физика, астрономию вообще убрали из курса школы. И это создает хороший фундамент дерационализация сознания. Человек, который не знаком с основами астрономии, может поверить в астрологию, в магию, в какие-то другие вещи, противоречащие здравому смыслу.

В немалой степени этому способствует на первый взгляд безобидный

жанр фэнтези, который вытеснил научную фантастику. Научная фантастика в моде сейчас, пожалуй, только в одной стране, это в Китае. А остальные страны захлестнула волна фэнтези. Это прекрасный жанр. Есть замечательные вещи в этом жанре, например, Властелин Колец. Но мир, который рисует фэнтези, – это мир, где будущее как прошлое. Это мир магии, фантастических существ, которые переплетаются с реальностью. Мир, где не нужен научный анализ, достаточно верить в магию, например, «Гарри Поттер» – вера в магию.

Еще один момент, тесно связанный с введением ЕГЭ, и это же момент, связанный с болонской системой, это усиление социальной поляризации. Эксперты подсчитали, сколько требуется денежных вложений в подготовку и в итоге получилось, что на подготовку ребенка к экзамену выходит от 15000–35000 руб. в месяц. Но далеко не у всех есть такие деньги. И получается, что социальная поляризация пришла в школы вместе с ЕГЭ. Если раньше проблема с поступлением в ВУЗ решалась путем репетиторства, то сейчас все стало гораздо сложнее. Конечно, не все могли позволить себе репетиторство. Но современная система, поскольку коррупция спустилась на школьный уровень, способствует тому, что социальная поляризация возникает уже в самой школе. Доступ знаний во многом зависит от финансовой обеспеченности родителей. И в результате уровень образования понижается.

Возможно, все это делается сознательно. Для того чтобы проще было управлять людьми. Но это эффективно в краткосрочном периоде, но не долгосрочно. Так как от этих действий может стать только хуже.

В Русской истории уже был один деятель, который сознательно пытался понизить уровень образования основной массе детей. Это был министр Делянов И.Д. Именно он автор знаменитого указа, который получил название «Кухаркины дети». Это была реакция на революционные события 70-х начало 80-х годов 19 века. Было решено, что основной массе детей не нужно иметь высокий уровень образования, хватит и церковно-приходского. А «кухаркиным детям» вообще делать нечего в ВУЗах. Предполагалось, что это позволит избежать революции по европейскому образцу, потому что боялись революции именно этого образца. Ее избежали, но не избежали революции российского образца. А ведь надо было слушать замечательного русского поэта М.Ю. Лермонтова, который еще в 1830 году написал следующие строки:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...

Вообще эти строки имеют смысл учить наизусть тем, кто правит или собирается править в России, которую неслучайно китайцы называют «Эго. Страна неожиданностей». Крушения у нас действительно происходят мгновенно.

Ставка на понижение уровня образования как некий защитный вал для

правлящей элиты – вещь очень опасная. Кроме того, людьми, которыми можно манипулировать, действительно легче управлять. Но управление могут и перехватить, если у управляемого недостаточный уровень образования, чтобы понять, что происходит, то его очень легко перенаправить в ту или иную сторону. То есть правящая элита, которая понижает уровень образования, на самом деле «роет себе яму».

Реформа образования, которая была проведена за последние годы, безусловно, в перспективе консервирует сырьевую специализацию России в международном разделении труда. Она не способствует созданию тех людей, которые будут штурмовать космос, которые будут создавать новые технические приборы, оборудование. И страна, если не принять адекватных мер, превратится в страну потребителей, что приведет к быстрому разрушению государства, примерно через 2–3 поколения.

Плохо образованный человек – плохой защитник своей Родины, у него нет понимания того, что происходит в мире, и поэтому им легко манипулировать. Причем им могут манипулировать не только власти, но и противники властей. Мы это хорошо видели на Болотной площади, как легко перекодируется народ. Тем более опасна перекодировка в настоящее время, когда есть Интернет, флешмобы – эти технологии управления поведением сейчас отработаны на высоком уровне. И единственное противопоставление этому разрушительному влиянию – это высокий уровень образования населения нашей страны.

Все знают, что выпускники школ и вузов не готовы работать в условиях жесткой конкуренции, что образование не соответствует рынку труда [3]. Но даже и это не главное. Главное, что России нужны культурные образованные граждане. А что мы видим? Из школьной программы выкидывают всё, чем может гордиться наше юное поколение. Зато оболванивание, промывка мозгов «общечеловеческими ценностями» усиливаются с каждым годом. Школа убивает патриотизм, выдирает с кровью из сердец школьников любовь к Родине, к её истории и русскому языку.

Гражданин России без русской культуры – кто он? В лучшем случае – «русскоязычный». И то не вполне. Все эти наши «менеджеры» – они же потрясающе безграмотны! Они пишут с ошибками! Почитайте любую деловую переписку. Это катастрофа. Ведь знание языка – важнейший показатель уровня культуры.

Очевидно, ЕГЭ можно использовать в точных науках, скажем математика, физика, химия. Но когда мы говорим о литературе, об истории, мы закладываем основы русской ментальности. Если дети не пишут сочинений, если они не вступают в дебаты, если они не говорят, не объясняют свою позицию, не способны владеть «кодом», который закладывается исключительно литературой, то мы наблюдаем деградацию культуры.

Посмотрите на великую средневековую арабскую литературу, мусульманскую литературу, когда пошло упрощение, ушел «код», пошло

падение, – вот то же самое происходит с нами. Если мы потеряем культуру, это и есть синонимично потере религиозности, потому что вся наша литературная традиция пропитана религиозностью в ином освещении, в ином понимании, но оно строится на языковых «кодах». Вот сейчас вырастает поколение, которое не связывает нашу литературу с нами единым «кодом». А без этого нет народа.

Почему считают преступным ЕГЭ, преступной систему образования? Потому, что разрушение школы, деградация университетского образования приводит к самому страшному – к разрушению русской культуры [3]. К уничтожению русской души. Поэтому люди не понимают, что такое хорошо, а что такое плохо, потому что это то, что в нашу ментальность привнесено литературой, а не философией. Потому, что в России литература фактически уступила место философии. И когда мало часов уделяется литературе, чтению, истории, то мы разрушаем себя. Именно поэтому многие против этого механистического отношения к образованию и к измерительной системе образования. Люди же разучились говорить, разучились аргументировать, а это плохо.

Надо вернуть в вузы вступительный экзамен по русскому языку. А лучше – по русскому языку и литературе. Во все вузы – не только гуманитарные, но и технические, управленческие. Да и не только в вузы, но и в техникумы. То, что сейчас называют на иностранный манер «колледжами». Кстати, заодно это станет барьером на пути недобросовестных «гостей столицы», купивших себе стобалльный ЕГЭ. Чаще они вообще по-русски не умеют говорить. Но то, что нашу молодёжь отучают правильно говорить и писать по-русски, надо срочно исправить.

Чтобы образование соответствовало рынку труда, оно должно оплачиваться работодателями. Во всём мире так делается. И у нас, кстати, некоторые предприятия крупного бизнеса учреждают специальные стипендии. Работодатель должен со школы «вести» своего стипендиата, позволять ему стажироваться на своих предприятиях. А потом брать к себе на работу: пусть отработает затраты на образование. Мы предлагаем, по сути, вернуть систему распределения. Пусть деньги следуют за учеником. А ученик, а потом студент, когда станет выпускником, пусть отработывает. Заплатить из своего кармана за образование у нас может не каждый. А работодатель – может. Государство, кстати, тоже работодатель.

Мы не совсем против платного образования, но мы не хотим превращения школ и вузов в «ларьки». Вся эта «коммерциализация», которой занимается наш Минобрнауки, логически приведёт к тому, что даже из МГУ сделают торгово-развлекательный комплекс. Это ведь им выгодно. Выкидывается не только русская литература, но и русская история. Выкидывается обществознание. Мы теряем свою культуру, но ничего не приобретаем взамен. Одно дело – на почву русской культуры высадить новые семена, чем-то обогатиться. Но мы сейчас теряем как раз самую почву. В пустоте ничего не вырастет. Надо срочно спасать основы нашей жизни. Надо срочно спасать Россию! Пока ещё не поздно. России нужны грамотные

патриоты, а не покалеченные школьной программой выпускники!

Литература и источники

1. Сайт Минобрнауки РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф>.
2. Коррупция в сфере образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/ideas/korruptsija-v-sfere-obrazovanija>.
3. ЕГЭ – деградация или реальная оценка? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsland.com/user/4296647965/content/3976640>.

ПРОЕКТИРОВОЧНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КЛАССНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Романовская Л. А. (Минск, Беларусь)

Особенности развития современного информационного общества неоспоримо подтверждают приоритет воспитательной составляющей образовательного процесса. Обеспечение деятельности учреждений образования по осуществлению воспитания, как целенаправленного процесса формирования духовно-нравственной и эмоционально ценностной сферы личности учащихся, является одним из основных направлений государственной политики в сфере образования [1]. Важнейшая роль в реализации задач воспитания на уровне общего среднего образования принадлежит классному руководителю.

Анализ педагогических исследований показал, что классное руководство как самостоятельное педагогическое явление имеет небольшую (немногим более 80 лет), но богатую историю. Наиболее активно научный интерес к данному явлению проявился в 50–80-е годы XX в. В этот период учеными Н.И. Болдыревым, О.С. Богдановой, А.И. Дуловым, И.С. Марьенко разработана и апробирована целостная теория классного руководства.

Значительный вклад в изучение роли классного руководителя в развитии личности учащегося внесли Ф.В. Кадол, Л.И. Новикова, О.С. Газман, Н.Н. Михайлова, М.И. Рожков, Е.Н. Степанов, И.Ф. Харламов, Н.Е. Щуркова и др., деятельность педагога по формированию эффективного воспитательного пространства рассматривали Л.В. Байбородова, В.В. Буткевич, В.Т. Кабуш, Н.К. Катович, В.А. Караковский, В.В. Чечет и др.

Особое место занимают исследования, связанные с изучением особенностей профессионального развития личности классного руководителя (А.В. Григорьева, А.С. Белых, Ж.И. Мицкевич, В.Г. Павленко, В.В. Полетаев, А.И. Тесля и др.); формированием профессионально значимых качеств классного руководителя (М.Р. Битянова, В.А. Слостенин, А.А. Толкачева, С.А. Володина, Т.П. Дронова и др.), некоторых организационных и социально-психологических аспектов его деятельности (Р. Л. Кричевский, В.А. Лебедева, М.А. Желудков, Е.Л. Петренко, Г.В. Бузанакова,

Н.Н. Яковлева и др.).

Организационно-воспитательная работа, проводимая классным руководителем, предполагает широкий спектр видов педагогической деятельности. Особая ответственность педагогов рассматриваемой категории связана с необходимостью обеспечить успешную социализацию личности в современном информационном обществе, содействовать саморазвитию, самовоспитанию, самообразованию учащихся [2]. Согласно Программе развития общего среднего образования в Республике Беларусь, важнейшими условиями для личностного развития учащихся являются создание и применение технологий обучения и воспитания, обеспечивающих формирование у учащихся идейно-нравственных, гражданских, патриотических ценностей и убеждений, основанных на идеологии белорусского общества и государства; внедрение в образовательный процесс научно обоснованных культурологических моделей развития личности, технологий обучения и воспитания учащихся, разработка и внедрение технологий и методик психолого-педагогического сопровождения личностного развития учащихся. Очевидно, что современная социально-педагогическая ситуация предъявляет высокие требования к деятельности классного руководителя, которая является достаточно специфичной в силу ее полифункциональности, авторской природы содержания воспитательной работы, ее вариативности, ориентации на индивидуальные интересы, потребности и способности учащегося. Основными требованиями являются профессиональная компетентность, личностная готовность к осуществлению идеологической и воспитательной работы, гражданственность, высокая нравственная и политическая культура, ответственность и коммуникабельность. Оказать необходимую педагогическую поддержку в становлении компетентности учащихся может только педагог, проявляющий себя как компетентный субъект профессионально-педагогической деятельности.

Проблемы профессиональной компетентности педагога неизменно являются предметом пристального внимания ученых. Разработке компетентностного подхода к оценке профессионализма учителя посвящено большое количество теоретических изысканий (В.И. Байденко, В.А. Болотов, А.И. Жук, О.Л. Жук, И.А. Зимняя, А.П. Лобанов, А.В. Макаров, Дж. Равен, А.В. Хуторской и др.). Вместе с тем, вопросы формирования профессиональной компетентности классного руководителя не нашли должного отражения в трудах исследователей.

Успешность реализации миссии классного руководителя во многом определяется умением предвидеть и предвосхитить результаты своей деятельности, умением рационально планировать воспитательный процесс, определять генеральное направление, замысел, разрабатывать план решения педагогических проблем и задач, выстраивать индивидуальные траектории развития учащихся. Возрастает роль личностной организации классного руководителя, его активности, умения принимать инновационные, творческие решения в разноплановых социально-педагогических ситуациях.

Перечисленные характеристики относятся к понятийному полю проектировочной компетентности.

Проектировочная компетентность как важнейший компонент профессионально-педагогической компетентности, была рассмотрена рядом ученых (Л.Е. Марычева, Н.А. Масюкова, Л.Д. Морозова, Г.Е. Муравьева, Н.О. Яковлева, С.А. Ярмакеева и др.). Анализ подходов к определению сущности проектировочной компетентности позволяет сделать вывод о том, что данный вид профессионально-педагогической компетентности относится к числу профессионально значимых и призван обеспечить решение комплексных педагогических задач повышенной сложности посредством осуществления педагогического проектирования. Именно педагогическое проектирование, будучи структурной частью профессиональной педагогической деятельности, выступает и как способ изменения педагогической действительности, и как средство дальнейшего профессионального развития педагога, реализации его инновационного потенциала, формирования качеств компетентного специалиста.

Особое значение педагогическое проектирование имеет при организации в учреждении образования процесса воспитания. Воспитательный процесс представляет собой целостную динамическую систему, ядро педагогической деятельности образовательного учреждения. Движущей силой воспитательного процесса является разрешение противоречия между разнообразными (часто разнонаправленными) воздействиями на ученика и целостным формированием его личности. В связи с этим нужно умело проектировать близкие, средние и далекие перспективы развития, превращая их в конкретные воспитательные задачи [3].

Недостаточный уровень сформированности проектировочной компетентности классного руководителя является предпосылкой возникновения профессионально-педагогических ошибок в решении задач воспитания. Мы разделяем точку зрения Н.О. Яковлевой о том, что проектировочная компетентность не является естественным новообразованием, которое возникает само собой в процессе становления педагога – ее необходимо специально формировать [4], а также мнение А.А. Глинского, который считает, что первостепенная роль в поддержании, оптимизации и развитии личностно-профессиональных качеств педагога отводится методической работе [5].

Необходимым условием повышения эффективности воспитательной работы в учреждении общего среднего образования является реализация модели формирования проектировочной компетентности классного руководителя. Разработанная нами модель включает целевой, содержательно-деятельностный, оценочно-результативный структурные элементы и предполагает организацию профессионально-педагогической деятельности и обеспечение условий, способствующих формированию мотивационного, когнитивного, процессуально-деятельностного, ценностно-смыслового и эмоционально-волевого компонентов проектировочной

компетентности классного руководителя.

Литература и источники

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск, 2011.
2. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи. – Минск, 2015.
3. Рожков, М.И. Организация воспитательного процесса в школе / М.И. Рожков, Л.В. Байбородова. – М., 2000.
4. Яковлева, Н.О. Педагогическое проектирование инновационных образовательных систем. – Челябинск, 2008.
5. Глинский, А.А. Управление системой методической работы в общеобразовательном учреждении. – Минск, 2008.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Русак Т. Н. (Новополоцк, Беларусь)

Современное человеческое общество активно решает проблему становления единого цивилизационного пространства. Немаловажная роль в глобальном пространстве уделяется инновациям. Ученые формулируют новые концепции, свидетельствующие о создании современного феномена – инновационного мира, в том числе в сфере образования.

Модернизация системы образования характеризуется повышением внимания к личности, направленностью усилий педагогов на развитие творческого потенциала участников учебно-воспитательного процесса, их исследовательской деятельности. Реализация новых векторов развития образования требует использования инновационных педагогических технологий, творческого поиска новых или усовершенствованных концепций, принципов, подходов к образованию, существенных изменений в содержании, формах и методах обучения, воспитания, управления педагогическим процессом в учебном заведении. По мнению исследователей, новое в педагогике – это не только идеи, подходы, методы, технологии, которые в том или ином объединении ещё не предлагались и не использовались, а и тот комплекс элементов или отдельные элементы педагогического процесса, которые несут в себе прогрессивное начало, позволяющее в измененных условиях и ситуациях достаточно эффективно решать задачи воспитания и образования.

Инновации в образовании, в первую очередь, должны быть направлены на создание личности, настроенной на успех в любой области приложения своих возможностей. Под педагогическими инновациями следует подразумевать целенаправленное, осмысленное, определённое изменение педагогической деятельности (и управления этой деятельностью) через разработку и введение в образовательных учреждениях педагогических и

управленческих новшеств (нового содержания обучения, воспитания, управления; новых способов работы, новых организационных форм и пр.). Соответственно развитие инновационных процессов – есть способ обеспечения модернизации образования, повышения его качества, эффективности и доступности [1].

В настоящее время инновационная педагогическая деятельность является одним из существенных компонентов образовательной деятельности любого учебного заведения. Это не случайно. Именно инновационная деятельность не только создает основу для создания конкурентноспособности того или иного учреждения на рынке образовательных услуг, но и определяет направления профессионального роста педагога, его творческого поиска, реально способствует личностному росту студентов. Поэтому инновационная деятельность неразрывно связана с научно-методической деятельностью педагогов и учебно-исследовательской студентов.

Инновации в образовании внедряются непосредственно в организацию учебного процесса, в программы и методики. Изменения могут коснуться педагогической деятельности, системы финансирования и оценки качества образования. В современном обществе образование объективно имеет огромное значение. Отсюда – очередной этап поиска перспективных направлений его развития. Одним из условий успешной реализации модели инновационной направленности обучения выступает выбор специальных форм, методов и средств обучения. Проблема поддержания интереса к обучению всегда представляет собой актуальный вопрос в среде педагогов. Интерес к учению играет большую роль для успешной реализации задач образования, воспитания и развития студенческой молодежи [4].

Учебная, научно-исследовательская и воспитательная деятельность выступают как средство реализации и развития творческого потенциала личности студента. Этому способствуют основные формы организации учебно-воспитательной деятельности (лекционные, семинарские, лабораторные занятия, письменные исследовательские работы); научно-исследовательской деятельности (исследовательских лабораторий, кружков); а также применение нетрадиционных методов и форм обучения в виде педагогических мастерских, деловых игр, круглого стола, поисково-познавательных задач, тестирования, тренингов развития творческих способностей студентов и др. Грамотно организованная научно-исследовательская работа студентов призвана способствовать формированию у них навыков углубленной самостоятельной работы, научного мышления, творческих способностей, позволяет проектировать свою будущую педагогическую деятельность [2, с. 48].

Исследовательская деятельность – это деятельность обучающихся, связанная с решением творческой исследовательской задачи с заранее неизвестным решением и предполагающая наличие основных этапов характерных для исследования в научной сфере. Формирование исследовательской деятельности будущих педагогов по изучению

дисциплины «Теория и методика руководства изобразительной деятельностью дошкольников» происходит в разных условиях образовательной деятельности, которая предусмотрена на протяжении всего курса обучения в университете. Студенты занимаются написанием рефератов по различным темам, докладов с использованием результатов собственных микроисследований.

При написании рефератов и подготовке сообщений студенты учатся работать с библиографическими указателями, учебной и специальной литературой, периодическими изданиями, использовать информационные ресурсы Интернет. Для оформления работ в компьютерном варианте студенты закрепляют навыки работы на компьютере, работу в программах Word, Excel, Power Point. Написание научных статей по таким темам как «Развитие художественных способностей у дошкольников», «Использование нетрадиционных техник рисования для формирования изобразительных навыков детей» и др., дает студентам опыт письменного выражения своих мыслей, развивает умения структурировать текст и выстраивать его в логической последовательности.

При университете создан «Центр дошкольного детства и инновационных технологий развития», где студенты имеют возможность проводить свои исследования и экспериментальную деятельность, используя свои знания и творчество. Немаловажную роль играет техническая оснащенность учебных аудиторий компьютерами, интерактивными досками, дидактическими пособиями.

Внедрение дистанционного обучения в университете имеет определенные преимущества перед традиционными формами получения образования, предъявляя определенные специфические требования как к преподавателю, так и к слушателю.

Инновации в обучении предусматривают новые методики преподавания, включая мультимедийные программы и авторские разработки. Причем интересным представляется варьирование программных и проблемных методик обучения.

В оптимальном сочетании всех вышеназванных активных форм и методов аудиторной и внеаудиторной работы в условиях развитой информационной среды вуза видится залог успешной практической организации исследовательской деятельности будущих педагогов.

Вышеперечисленные приемы не являются единственными в рамках обсуждаемой темы, но наиболее полно соответствуют главной задаче – развитию творческих способностей студентов, их научно-исследовательской деятельности.

Уровень осведомленности педагога об инновационных технологиях определяют по объему его знаний, которые являются необходимым условием анализа и выбора оптимальных способов решения профессиональных проблем в соответствии с видением педагогом проблематики педагогической инноватики, личностных потребностей и интересов.

Литература и источники

1. Хуторской, А.В. Педагогическая инноватика: методология, теория, практика: Научное издание. – М., 2005.
2. Ильенкова, С.Д. Инновации в образовании / С.Д. Ильенкова, Й. Шумпетер. – М., 2008.
3. Полат, Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина. – М., 2007.
4. Сластенин, В.А. Педагогика: инновационная деятельность / В.А. Сластенин, Л.С. Подымова – М., 1997.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ЦЕННОСТНЫЙ ПРИОРИТЕТ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Санников А. А., Низова Л. М. (Йошкар-Ола, Россия)

Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина каждого государства. Требования статьи 59 Конституции Российской Федерации носят не только юридический, но и нравственный характер, что зависит от уровня патриотического воспитания и морали молодежи. Данная статья приобретает особую значимость в условиях, когда существует проблема выбора ценностных ориентиров [1].

В настоящее время политическая борьба выливается в стремлении агрессора повлиять на духовную составляющую и, как следствие, вызвать разложение единства общества. В одних случаях обострение международной конфронтации ведет к повышению социальной напряженности, а в других, к повышению патриотических настроений молодежи.

Молодежь – это социально демографическая группа, которая характеризуется высоким социальным ресурсом потенциальных способностей. При этом она отнесена к группе социального риска, т.к. отсутствие жизненного опыта и социальных критериев поведения создают условия для асоциального поведения. Все это говорит о необходимости и актуальности ее военно-патриотического воспитания [2].

Патриотическое воспитание подрастающего поколения имеет свою специфику и отличительные особенности, конкретные механизмы, которыми руководствуются в своей деятельности такие институты, как образовательные учреждения, общественно-государственные объединения, министерства и ведомства, коммерческие организации, клубы, музеи и пр. Они создают институциональную среду. К факторам воздействия на патриотическое воспитание относятся: экономические, социальные, правовые, политические, демографические. Система формальных институтов включает в себя: государство, правовые акты, патриотические клубы, кружки, музеи, секции и центры, общественные организации. Система неформальных институтов представлена коммерческими и социально-психологическими организациями (рисунок 1).

Словарное понятие «институциональное» происходит от слова институт (от лат. Institutum) – это совокупность норм права в какой-либо области общественных отношений, та или иная форма общественного устройства.

Институты – это правила поведения, то есть регулятивные принципы, которые предписывают или запрещают те или иные способы действия. ВПВ осуществляют не только государственные органы власти, но и общественные институты, сюда также входят: нормативно-правовая база как основа их деятельности, формы и методы функционирования.

Рисунок 1 – Основные составляющие институциональной среды патриотического воспитания

Систему военно-патриотического воспитания важно формировать со школьной скамьи. В этих целях в Республике Марий Эл функционирует более 40 кадетских классов, в которых обучается почти 900 кадетов, свыше 1500 детей и молодежи состоит в 72 патриотических клубах, центрах, кружках и секциях. В них участвует 60% детей и молодежи [3].

Методологическая опора исследования данного феномена выражена в идеях философов и литературоведов прошлого. В работе Г.В. Агаповой понятие «патриотизм» рассматривается через идею служения Отечеству, основой которой выступает воспитание чувства долга, ответственности перед страной, осознании молодёжью своей роли и предназначения в социально – экономическом развитии страны. Понятие «патриотическое воспитание» рассматривается как специально организованная деятельность по формированию и развитию качеств личности, проявляющихся в любви к своей Родине, преданности ей и готовности служить своему Отечеству [4].

По мнению А.И. Солженицына: «патриотизм – нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы» [5]. Резюмируя их высказывания, по нашему мнению, военно-патриотическое воспитание – это система физической, военно – технической, психологической и политической подготовки молодежи, направленной на

укрепление обороноспособности и отстаивание интересов Отечества [6].

Проведенный авторский мониторинг позволил выявить следующие проблемы ВПВ: каждый четвертый кадет не готов служить в Вооруженных силах или склонен к альтернативной гражданской службе; каждый третий призывник не готов к службе в армии; каждый 20-ый кадет не готов защитить Отечество в случае угрозы. У молодежи до сих пор присутствует стереотип о дедовщине в армии, который вызывает высокий уровень тревожности; они редко привлекаются к мероприятиям, проводимыми поисковыми отрядами, и лишь малая часть гордится достижениями в культуре, литературе, науке.

Общими проблемами военно-патриотического воспитания являются:

- неполный охват молодежи военно-патриотическим воспитанием (трудные подростки);
- территориальная разобщенность в ВПВ;
- отсутствие отдельных элементов учебно-материальной базы для подготовки по основам военной службы;
- низкая обеспеченность образовательных учреждений рекомендуемыми учебно-методическими пособиями и оборудованием;
- слабое взаимодействие в вопросах военно-патриотического воспитания с закрепленными за образовательными учреждениями войсковыми частями.

Для реализации вышеназванных проблем, считаем целесообразным принять следующие меры:

- повышать статус и авторитет Вооруженных Сил;
- открыть страничку по военно-патриотическому воспитанию молодежи во всех центральных средствах массовой информации;
- добиваться правдивости преподавания истории государства;
- шире использовать грантовую деятельность учащихся и студентов в сфере военно-патриотического воспитания;
- развивать волонтерство и кадетское движение в образовательных учреждениях;
- создавать сеть центров допризывной подготовки и патриотического воспитания граждан;
- изменить рабочую программу учебного курса «Основы безопасности жизнедеятельности» с упором на практические навыки.

Данные меры, по нашему мнению, будут способствовать повышению эффективности военно-патриотического воспитания молодежи.

Литература и источники

1. Конституция Российской Федерации, ст.59.
2. Концепция военно-патриотического воспитания молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old/nasledie.ru/oboz/N01_99/1_09.htm
3. Низова, Л.М. Кадетство как форма патриотического воспитания школьников/ Л.М. Низова, А.А. Санников // Теоретический и научно-методический журнал «Воспитание школьников» – 2015. – № 3 – С. 13–22.

4. Агапова, Г.В. Комплексный подход к патриотическому воспитанию: монография. – Воронеж, 2004.
5. Солженицын, А.И. Русский вопрос к концу XX века // Ориентир. – 1996. – № 12. – С. 31.
6. Низова, Л.М. Конфликтогенные зоны военно-патриотического воспитания: проблемы и пути решения / Л.М. Низова, А.А. Санников. – Конфликтология-2015. – №1 – С. 167–183.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЭТИКИ, МОРАЛИ, РЕЛИГИИ В КОНТЕКСТЕ «ЭТИКИ ПАМЯТИ» А. МАРГАЛИТА

Сидоренко С. В. (Запорожье, Украина)

Авишай Маргалит – известный современный мыслитель и комментатор, профессор Еврейского университета. Он является автором «Idolatry» (1992), «The Decent Society» (1996), «Views in Review: Politics and Culture in the State of the Jews» (1998), «The Ethic of Memory» (2002), «Occidentalism: The West in the Eyes of Its Enemies», «On Compromise and Rotten Compromises» (2009). Предисловием к книге «The Ethic of Memory» послужили воспоминания А. Маргалита об офицере, которого упрекали за то, что он не помнил имя солдата, убитого во время его командования, и о раннем детстве философа, где он стал свидетелем дискуссии родителей о событиях Второй мировой войны.

Эта книга возникла у А. Маргалита из прочитанных лекций во Франкфурте, Мельбурне, Сиднее, Оксфорде, Торонто, Амстердаме и Лейдене. А. Маргалит рассматривает проблему «этики памяти» в тесной взаимосвязи с психологией памяти, политикой памяти, теологией памяти. Вопросы этики памяти, по мнению автора, решаются на уровнях «микрoэтики» и «макрoэтики» (этика коллективов). Автор спрашивает: мы обязаны помнить людей и события из прошлого? Если так, то какова природа этого обязательства? Ведь люди вспоминают не все. Достойно ли это моральной похвалы, а может быть это вина? Кто такие «мы», каковы могут быть наши обязательства помнить обо всех и каждом в коллективе? Автор пришел к выводу, что очень мало нравственности в памяти. Дрейф этой идеи, возможно, более выраженный вопросом, чем восклицательным знаком и зависит от различий между этикой и моралью. По мнению А. Маргалита, зависимость скрывается в пространстве человеческих отношений – «thick reletions» и «thin reletions». «Thick reletions» основаны на таких атрибутах, как отец, друг, влюбленный, соотечественник, закреплены в общем прошлом или пришвартовались в общей памяти. «Thin reletions» опираются также на некоторые аспекты человеческого бытия, такие как быть женщиной или, например, быть больным. «Thick reletions» – это наши отношения к близким и родным, «thin reletions» – это отношения к незнакомцу или, возможно, пульту дистанционного управления. Этика же указывает, как мы должны регулировать «thin reletions», а не действия и причины действий. Конечно,

человеческие отношения проявляются в действиях, или, скорее, во взаимодействии, которые руководствуются соображениями. Основными задачами этики и морали, по мнению автора, есть некоторые аспекты человеческих отношений. Мораль проявляется в «thin relations», а этика в «thick relations». Память «цементирует и удерживает» «thick relations», она подсказывает нам, как мы должны их организовывать. А. Маргалит в книге ограничивает память преимущественно этикой, есть случаи, когда мораль должна быть связана с памятью. Эти случаи включают преступления против человечности, особенно, если эти преступления «нападают» на само понятие общей человечности. Нацистские преступления совершались идеологией, что выступала против человечности, это является ярким примером того, что мораль требует от нас памяти. Тем не менее, человечество – это не сообщество памяти. А. Маргалит спрашивает: «Так кто должен сохранять "моральную память" от имени всего человечества»? Конечно, религии могут сделать ставку на нравственной памяти человечества. Или, по крайней мере, исторические религии. Человек был создан для славы Божьей, и человеческая история является целью творения. Человек «разворачивается» под особым руководством Бога. Идея Гегеля о мировой истории с историческими законами в качестве замены божественного провидения является примером светской версии этой картины. Но говорить о мировой истории – не создать мировое сообщество памяти. Исторические религии утверждают, что у них есть потенциал для создания такого сообщества. Религия имеет отношение к этой проблеме тем, что вся система этики памяти, а также политика памяти, находится под облаком обвинений. Ключевыми понятиями этики памяти, по мнению автора, есть такие категории как «прощение» и «забвение», имеющие оправдание в религиозном контексте.

Предисловием к книге «Этика памяти» послужили воспоминания А. Маргалита об офицере, которого упрекали за то, что он не помнил имя солдата, убитого во время его командования. По мнению автора, мы имеем дело с последствиями запоминания личных имен, а также памятью о лицах из нашего прошлого. Есть ли забывание имен моральным или этически неправильным? В случае с офицером мы имеем дело с отсутствием заботы о солдатах. Почему имя убитого солдата не было «выжжено железными буквами» на сердце его командира? Существуют ли специальные обязательства о запоминании имен людей? Каждый человек имеет уникальное, личное имя, есть огромное количество неповторяющихся имен. Когда человек умирает, его личное имя почти умирает вместе с ним, отсюда существует сильное желание человека к бессмертию. Источником стремления к бессмертию есть имя и это не просто тщеславие и желание «сделать себе имя» в смысле достижения славы, это скорее ужас исчезновения в Лете. Человеческий проект памяти, по мнению А. Маргалита, – это религиозный проект для обеспечения некоторой формы бессмертия. Есть другая проблема – кто же будет помнить «негероическая мертвых»?

В ситуации с офицером поставлена на карту его забота о военных. Маленькая история о его забывчивости выделяет треугольник отношений,

находящийся в центре этики памяти. Одна сторона треугольника соединяет память и заботу, вторая подключает заботу и этику, и только тогда мы готовы соединить память с этикой. Какое отношение между памятью и заботой? По мнению А. Маргалита, если я забочусь о ком-то или чём-то, а потом я забываю, что человек или вещь существуют, это означает, что я не забочусь о нем или ней. А это значит, что офицер не заботился о солдатах во время войны. Кроме того, забота предполагает уважение к другим людям. Люди должны преодолевать природу равнодушия, противостоять ей. Тем не менее, следует признать, пишет автор, сочетание зла и равнодушия является смертельным, как комбинация яда и воды. Что делает заботливый подход? Это забота о желании и потребности других, а в случае любви (как особой формы заботы), мы также настроены на заботу о любимом человеке.

Отдельная тема посвящена акту запоминания, который является актом милосердия и благодати. Прощение есть сознательное решение изменить свое отношение и преодолеть гнев, мстительность. Если человек забывает, то забывчивость, может, в конечном счете, быть наиболее эффективным способом преодоления гнева и мстительности, но не прощением. Прощение, как подарок в Библии, является продуктом добровольного решения в практической области. Таким образом, прощение, что является добровольным, не должно быть привязанным к забвению. Если прощение выступает как политика, то эта точка зрения имеет психологическое преимущество. Прощение – не политика или решение, но изменения в психическом состоянии человека, «изменения в сердце». Прощение, с этой точки зрения, это вопрос психологии, а не политики. Слово прощение – это процесс и достижение, работа, процесс работы, который достигается. Решение простить – решение действовать наперекор травме. Но до тех пор, пока обиженный человек сохраняет все шрамы от травм, прощение не является полным. Важным для А. Маргалита является выделение того, что нужно для успешного прощения, – не забывание, а преодоление обиды, которая сопровождает человека. Успешность прощения зависит от двух элементов; первый, приняв в политике поведение, которое исключает причины противодействия причинам действий. Вторым элементом является желание человека преодолеть обиду и месть.

Литература и источники

1. Margalit A. The ethics of memory. – Cambridge, 2002.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ

Соловей А. П. (Минск, Беларусь)

Социальное самочувствие является одним из мотивационных факторов, оказывающих влияние на выбор жизненной стратегии и положение в науке.

Социальное самочувствие научных сотрудников (в частности женщин) влияет на эффективность их работы, эффективность научных учреждений и эффективность науки в целом. При этом социальное самочувствие является одним из показателей адаптации и интеграции женщины в науку. Необходимость комплексного изучения социального самочувствия женщины-ученого обуславливается общей феминизацией науки, системой профессиональной подготовки научных кадров, а также гендерной политикой государства.

Женщины-ученые представляют особую социальную группу, которая отличается социально-психологическими чертами, различными ролевыми функциями, выполняемыми в обществе. Рассматривая женщину-ученого как объект социологического изучения, следует учитывать ее двойственную позицию в производстве социальных практик, так как жизненные стратегии включают в себя интересы и женщины, и ученого. Жизненные стратегии женщины-ученого строятся с учетом особенностей ее практик и индивидуального опыта, детерминированных ее статусными позициями в обществе. Женщина-ученый – это представитель, прежде всего, женской социальной группы, диспозиция и самопрезентация которой обуславливаются гендерной ролью.

Рассматриваемая проблема социального самочувствия и основных факторов формирования социального самочувствия женщин-ученых находится на стыке различных областей знания (экономических, психологических, социологических) и требует комплексного социологического изучения. Социальное самочувствие изучается такими науками, как социология, психология, социальная психология, психология личности. Накопленные данные можно рассматривать как теоретико-методологическую базу для разработки понятия социального самочувствия женщины-ученого и его операционализации. Социальное самочувствие женщины-ученого обуславливается комплексом факторов социального порядка, что позволяет изучать его путем прикладного социологического исследования.

В современной научной литературе наиболее распространено выделение двух аспектов в изучении социального самочувствия (психологического и социологического). Психологический аспект при изучении социального самочувствия предполагает рассмотрение его как социально-психологического состояния, возникающего у человека или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности и являющегося их целостным отражением. При этом учитывается специфика социального контекста, а также факторы макроуровневого характера. Социальное самочувствие определяется как «субъективное ощущение физиологической и психологической комфортности внутреннего состояния» [1, с. 334]. В центре рассмотрения стоят переживания субъекта социального самочувствия, его социальная активность, которые определяются объективными обстоятельствами жизнедеятельности субъекта, а также его индивидуальными свойствами и

характеристиками. В данном аспекте социальное самочувствие может быть представлено в виде некоторой обобщенной оценочной характеристики состояния субъекта.

Подробнее остановимся на социологическом аспекте. В социологическом изучении социального самочувствия женщин-ученых можно выделить несколько подходов.

1) Определение социального самочувствия на основе удовлетворенности женщины-ученого различными сторонами жизни, при этом социальное самочувствие рассматривают как отражение образа жизни, измеряя различные сферы деятельности (семейную, бытовую, трудовую, досуговую, социально-политическую, социально-экономическую, социально-культурную).

2) Рассмотрение социального самочувствия как интегральной характеристики реализации жизненной стратегии женщины-ученого, отношения к окружающей действительности. При этом анализируется взаимосвязь между уровнем притязаний и степенью удовлетворения смысложизненных потребностей, реализованности жизненной стратегии.

3) Изучение социального самочувствия как чувств, предметом которых становятся те явления и условия, от которых зависит развитие событий, значимых для женщины-ученого и приобретающих в силу этого эмоциональный эффект. При этом социальное самочувствие рассматривается как основа социального настроения, его эмоциональный фон, которой обусловлен оценкой и самооценкой социального статуса и социального положения, проявляется в представлениях женщины о возможностях достижения желаемого [2, с. 46].

Одним из аспектов социологического изучения социального самочувствия является рассмотрение факторов, его определяющих. Существуют несколько групп факторов, лежащих в основе формирования и функционирования социального самочувствия женщины-ученого. *Социальные факторы* – особенности общественных отношений; система социальной защиты женщины-ученого; обеспечение ее прав и потребностей; предоставляемая возможность ее самореализации; система оплаты и стимулирования труда. *Социально-психологические факторы* – взаимоотношения женщины-ученого с окружающими людьми; ее реальный статус и социальная позиция в обществе. *Субъектно-личностные факторы* – уровень социальной активности женщины-ученого; восприятие себя в качестве объекта или субъекта социальных процессов; оценка себя как гражданина: уровень и характер социальной идентификации и связи с социумом; удовлетворенность женщины-ученого своей позицией в обществе, в ближайшем окружении. *Индивидуально-личностные факторы* – уверенность в завтрашнем дне и наличие перспектив профессионального и личностного роста; структура актуальных и потенциальных ценностей, смысложизненных ориентаций; преобладающее у женщины-ученого эмоциональное состояние (настроение). *Индивидуально-демографические факторы* (объективные характеристики статуса женщины-ученого) –

возраст, образование, семейное положение, материальное состояние, сфера профессиональной деятельности.

Необходимо отметить содержательные характеристики, отражающие социальное самочувствие женщин-ученых, к которым относят: 1) социальные ожидания и социальные притязания (установки, ценности, убеждения, готовность к действию); 2) оценку и самооценку людьми своего социального статуса и социального положения (социальный престиж, социальная роль); 3) социальные чувства и настроения [3, с. 104].

При оценке социального самочувствия женщин-ученых особую роль приобретает осмысление их *статуса*. *Социальная позиция* выступает формой проявления статуса, которая свидетельствует и о социальном самочувствии. Социальная позиция определяет содержание социальной активности женщин, их вклад в решение общественных проблем, успешность в различных сферах деятельности. Реализуется она в тенденции укрепить или изменить свой статус и проявляется через различные формы и аспекты социальной активности женщин, их социальные установки, ценности, цели, доминирующие ориентации. Исследуется социальная позиция через мнения, оценки, суждения женщин относительно различных аспектов их социального бытия, жизни общества. Степень эффективности деятельности женщины-ученого, стабильность статуса и перспективы роста – одни из важнейших факторов, влияющих на социальное самочувствие. При этом социальное самочувствие выступает как результат интегральной оценки всей совокупности информации, которую получает женщина в определенный промежуток времени относительно степени соответствия ее потенциала, возможностей и статуса в данный момент уровню ее притязаний, ожиданий, планов и надежд. Интерес представляет и осмысление жизненных позиций, которые включают элементы личностного потенциала, необходимые и достаточные для решения жизненной задачи.

Следует отметить, что специфика содержания социального самочувствия женщин-ученых проявляется в интегральности и высокой степени кумулятивности данного понятия. Социальное самочувствие женщины-ученого следует интерпретировать и исследовать через различные проявления в отдельных аспектах жизнедеятельности женщины и ее субъективное осмысление. Таким образом, исходя из вышесказанного, можно вывести обобщенное определение социального самочувствия женщины-ученого как интегральной характеристики эмоционально-психологического восприятия собственного социального положения, реализации жизненной стратегии, осознания и переживания различных сторон жизни, обусловленных гендерной ролью женщины.

Литература и источники

1. Краткий психологический словарь / Под общей ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. – М., 1985.
2. Михайлова, Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. – 2010. – № 3. – С. 45–50

3. Симонович, Н.Е. Социальное самочувствие людей и технологии его исследования в современной России: дис... д-ра псих. наук: 19.00.05. – М., 2003.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ И НАУКИ В МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ А.А. ЗИНОВЬЕВА

Сонгаль М. А. (Минск, Беларусь)

Работы А.А. Зиновьева – выдающийся философ 2 пол XX-нач. XXI вв., – зачастую прогностические, позволяют рассматривать актуальные проблемы современного общества сквозь призму уникального методологического подхода мыслителя к исследованию социальных процессов. Сложная творческая эволюция философа отражает многообразие подходов к пониманию как советской системы, так и современных трансформационных процессов.

В 1950-х гг. А.А. Зиновьев пришёл к выводу, что социальная реальность в СССР не соответствует ее репрезентации в советской философии. Утверждая несостоятельность марксизма и диалектики как методов изучения социальных процессов, философ поставил перед собой задачу создания адекватной методологии социального познания. Анализ методологических установок философа позволяет делать вывод, что их основой были принципы логического позитивизма и аналитической философии. Таким образом, разрыв бытия и мышления, с одной стороны, метода и теории, с другой, проявились в концепциях А.А. Зиновьева еще на рубеже 1950–1960-х гг.

Последовательно свою точку зрения о соотношении идеологии и науки А.А. Зиновьев смог выразить только после вынужденной эмиграции из СССР в конце 1970-х. В данный период философ однозначно противопоставлял научное исследование и идеологию, отрицая любое влияния социокультурных факторов на развитие науки. Зиновьев даже утверждает, что любая популяризация научных знаний вредна, так как приводит к тому, что сама наука вульгаризируется, упрощается и постепенно превращается в антинауку, из которой черпает свои аргументы идеология, для того, чтобы еще сильнее воздействовать на разум человека [1, с. 109].

Следует отметить, что современные исследования в области истории науки показывают социокультурную обусловленность научного знания. По мнению одного из выдающихся историков науки Г. Гусдорфа, «сам научный универсум может быть понят только в зависимости от человеческого универсума... Наука есть законное выражение одной из позиций, которую человеческая мысль может адаптировать к миру. Претензии придать этому положению настолько привилегированное значение, чтобы освободить ее от мира человека, есть иллюзия» [2, с. 232]. В таком случае наука (как и идеология) обусловлена задачами, стоящими перед обществом на определенном этапе его развития.

В настоящее время в постнеклассической науке стирается грань между

естествознанием и обществознанием, но не в смысле, который А.А. Зиновьев вкладывал в понятие науки, утверждая, что из социальных наук необходимо убрать все ценностные ориентации, а человечество следует рассматривать с беспристрастных позиций энтомолога, наблюдающего за жизнью муравейника. Постнеклассическая наука отличается от классического естествознания тем, что «новые смыслы и ценностные ориентации все в большей мере включаются в систему философско-мировоззренческих оснований науки... Возникающие на этой основе этические идеи ответственности человека перед природой делают картину мира аксиологически нагруженной» [3, с. 678].

Когда А.А. Зиновьев осознал угрозу распада СССР и краха социалистического эксперимента, постепенно меняются его взгляды о соотношении науки и идеологии. Если до этого периода своей творческой биографии философ был главным образом озабочен анализом противоречий марксистско-ленинской идеологии и критикой советского строя, то с 1988 г., он начинает более детально анализировать идейные основы современного западного общества.

Постепенно А.А. Зиновьев приходит к выводу, что, несмотря на кажущийся плюрализм социально-политических концепций, в основе духовной культуры современного Запада лежит некая единая идеологическая концепция, которая по степени своей разработанности и способности манипулировать сознанием широких масс, намного превосходит марксизм-ленинизм. Он вынужден скорректировать свою позицию по отношению к идеологии. Ведь если все идеологии ложны и абсурдны, то почему в таком случае советский строй и марксизм-ленинизм, при всех своих недостатках лучше, чем западное общество и западная идеология. Тем не менее, даже смягчая свою позицию в отношении взаимосвязи науки и идеологии, А.А. Зиновьев до конца жизни противопоставлял их как истину и заблуждение. За данным противопоставлением в его работах скрывается проблема логического и исторического методов в познании социальных явлений. А.А. Зиновьев неоднократно подчеркивал, что в отличие от науки, которая строится на жестком и строгом логическом анализе основных понятий, описывающих социальную реальность, идеология неизбежно нарушает логические законы в интересах определенных социальных групп. Но данные интересы, равно как и сами социальные группы, носят исторический характер. Они появляются, меняются и исчезают в историческом развитии общества. С точки зрения А.А. Зиновьева, историческое описание развивающегося объекта науки не может привести к результатам без логического анализа уже сформировавшегося объекта (то есть реально существующего общества), поскольку данное историческое описание отвлекается на случайные процессы в формирующемся объекте.

А.А. Зиновьев сводит логический анализ общества к экспликации понятий – установлению жесткого соответствия терминов социологической теории существующей социальной реальности, комбинаторики – установлению логических связей между этими терминами, и к мысленному

эксперименту – установлению всех возможных выводов из заданных логических связей [4, с. 10–12]. Поэтому историческое изучение объекта научного исследования, находящегося в процессе становления (в данном случае общества) сводится к сумме исторических примеров, иллюстрирующих функционирование элементов уже окончившего свое становление объекта (данной социальной реальности). Фактическое игнорирование Зиновьевым эвристичности исторического подхода к познанию общества приводит к тому, что философ, в сущности, натурализует социальные отношения, субъекты социальной деятельности и социальные институты. В своих теоретических работах А.А. Зиновьев рассматривает людей как социальные атомы, из которых складываются клеточки общественного организма – человеческие коллективы. Но в своих социологических романах, написанных с сер. 1970 – сер. 1980-х гг., Зиновьев во многом отступает от такой жесткой программы логического позитивизма. Поэтому историческое измерение в исследовании социальной реальности вторгается в содержание его работ, разрушая его достаточно ограниченную натуралистическую концепцию общества. В еще большей степени А.А. Зиновьев отходит от своего натурализма и антиисторизма в анализе советского общества периода «перестройки». Если в 1970-х гг., считая СССР незыблемой социально-политической системой, он сосредотачивал свою работу на ее критике, то когда она начала разрушаться, философ начал поиск исторических предпосылок как ее формирования, так и распада. Поэтому на завершающих этапах творческой биографии (1990-нач. – 2000х гг.) А.А. Зиновьев стремится к сочетанию в своей методологии формально-логического подхода к изучению социальной реальности и диалектико-исторического подхода.

Таким образом, противоречия в исследовании социальных преобразований в СССР, его распада, а также перспектив постсоветского развития в концепции А.А. Зиновьева, во многом обусловлены противоречиями методологии социального познания автора. К ним можно отнести отрицание социальной детерминации научного познания, игнорирование историзма в анализе социальных явлений, биологизаторский подход к человеку и социальный атомизм. В результате А.А. Зиновьев не только не преодолел марксистское понимание истории, но и возвратился в своих работах к натуралистическому пониманию общества, характерному для социальной философии XVII–XIX вв. Тем не менее в исследованиях советского общества он часто отступал от своей логицистской установки и рассматривал реальную диалектику развития общества.

Литература и источники

1. Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность. – Lausanne, 1981.
2. Принципы историографии естествознания: XX век. – СПб, 2001.
3. Стёпин, В.С. Теоретическое знание. – М., 2000.
4. Зиновьев, А.А. Логическая социология. – М., 2002.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сорока-Скиба Г. И. (Волковыск, Беларусь)

Ценностная система общества – система открытая, духовная, культурно наполненная и развивающаяся. На ее базе происходит закладка фундаментальных основ общества. Показательно, что нынешний 2016 год объявлен в Беларуси годом культуры. Реализация основных положений государственной программы в сфере образования направлена на достижение такой системы, которая гарантирует полноценное и качественное образование на разных уровнях его получения; учет индивидуальных особенностей личности и индивидуализацию процесса обучения [5, с. 90].

В условиях непрерывно меняющихся обстоятельств жизни одним из наиболее важных моментов является фактор адекватного осмысления актуальности, профессиональная и социальная мобильность, понимание разнообразия мировоззренческих подходов, умение решать новые нестандартные проблемы. Вследствие изменяющихся условий многое изменяется и в содержании образования [2, с. 230; 9, с. 200].

Образовательные стандарты подвержены серьезным изменениям вследствие меняющихся общественных потребностей и возможностей образования по их удовлетворению. Широко обсуждаемая в образовательных кругах Болонская декларация «Зона европейского высшего образования», принятая 19 июня 1999 г. министрами образования 29 европейских государств, на данном этапе имеет непосредственное отношение к нашему учебному заведению.

Волковысский колледж является ступенью высшего уровня – Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Многие выпускники продолжают учиться после колледжа именно в этом вузе. Взаимосвязь двух ступеней образования может стать еще более тесной, т.к. мы сталкиваемся с теми же проблемами, которые решают и в университетской среде. Существенные изменения коснулись различных параметров образовательного процесса: организации, содержания, контроля. Особенности нынешнего образования на ступени среднего специального образования (пока колледжи относятся именно к такому типу учебных заведений) включают такие важные нормы как компетентностный подход; ежегодное обновление программ подготовки специалиста с учетом развития науки, техники, культуры, экономики, технологий, социальной сферы; формирование социокультурной среды и создание условий для гармоничного развития личности; использование интерактивных форм проведения групповых занятий и мн.др. Такие формы как, например, формирование индивидуальной образовательной программы, научно–исследовательский компонент как необходимый раздел подготовки специалиста, возможность оценки организации, содержания, качества учебного процесса в целом и

работы отдельных преподавателей еще предстоит освоить, но их перспективность выявляет разные стороны.

Главное – ориентация на компетентность будущего специалиста не только в контексте знать – уметь – владеть, но в переходе от знаниево–ориентированной парадигмы образования к ценностно–смысловой. И невозможно не согласиться с новым девизом–лозунгом «Образование на протяжении всей жизни», пришедшим на смену прежнего «Образование для жизни». Компетентность мы определяем как обладание широкими знаниями в определенной области и умение их применить в практической деятельности данной области качественно и продуктивно. В некоторой степени это предполагает отождествление себя с избранной профессиональной деятельностью, но молодому специалисту важно видеть широкую перспективу событий реальной жизни, уметь брать ответственность за свой выбор, изыскивать новые возможности для профессионального и личностного роста.

Можно ли научить специалиста профессии, сделать его компетентным в избранной области и как это определить? Данный вопрос не риторичен, поскольку нынешнее время предъявляет иные требования к качеству подготовки. Основное – избавление от узкоцелевого профилирования, которое прежде ставилось во главу угла образовательной программы. Несомненно, успешная деятельность в определенной области выявляет *компетентного* специалиста и при условии развития способности к саморазвитию принесет продуктивность (результативность). Но мы коснулись весьма тонкого момента, который напрямую связан с процветанием и успешным социально-профессиональным функционированием подготовленного специалиста. Этот момент – способность учиться, постигать глубинные слои предметов, погружаться не поверхностно, но глубоко на протяжении всей жизни – представляется наиболее значительным и важным [3, с. 242]. Если педагог постоянно расширяет ценностно–смысловое поле своей деятельности, развивается внутренне и внешне, то этот опыт, безусловно, будет воспринят его учениками положительно, т.е. сможет оказать благотворное влияние на формирование таких же компетенций. А.А. Бабина выделяет несколько важнейших оснований формирования ценностно–смысловых компетенций обучающихся: «направленность и устойчивость профессиональных интересов педагога ...; развитие способности быть и функционировать в постоянно меняющемся процессе, допуская различные альтернативы развития событий ...; интеграция и дифференциация в проектировании содержания образовательного процесса...» [1, с. 1179]. Остановимся на последнем основании. При совпадении взглядов с автором статьи, позволим не согласиться с очередностью приоритетов при постановке задачи интеграции и дифференциации: «личные – социальные – государственные». На наш взгляд, это должно выглядеть так: государственные – социальные – личные приоритеты. Нашему учащемуся сегодня нужно уметь адаптироваться в меняющихся обстоятельствах, самостоятельно приобретать

знания, мобильно овладевать практическими навыками, самосовершенствоваться, т.е. соответствовать своему времени. Следовательно, цель нашего образования – не знания ради знаний, а знания ради успешной и интересной жизни.

В «Формировании мотивации учения» [4, с. 28] А.К. Маркова выдвигает 10 составляющих профессиональной компетентности учителя по группам: «чему учить», «кого учить» и «как учить». Профессиональная компетентность будущего учителя начальных классов, воспитателя УДО заключается в трех составляющих: 1) содержательно–смысловой (наличие специальных знаний) – «чему учить»; 2) операционно–структурно–технологической либо операционнолистической (владение методами обучения) – «кого учить»; 3) персонально–личностной либо символической (обладание необходимыми чертами личности) – «как учить».

Не менее важным является овладение будущим специалистом организаторскими умениями: планированием рабочего процесса, актуализацией мотивационных установок, коммуникативными навыками, умением анализировать, контролировать, прогнозировать и оценивать результаты деятельности. Многие ученые, исследователи, педагоги, психологи выделяют в качестве ключевого подхода в оценке компетентности наличие способностей, необходимых будущему учителю, воспитателю. Это позволит будущему специалисту, прежде всего, лучше узнать себя, ощутить свою индивидуальность, определить сильные стороны натуры, мотивировано развиваться не только в стенах учебного заведения, но и выйдя за его пределы – на протяжении всей жизни [10, с. 53].

Роль личности и ее вклад не меньше важны и для образовательного процесса. Включение новых исторических свидетельств, новой аудио и видеoinформации, практическое исполнение музыкальных образцов, ее яркая подача (проживание «через себя») способствуют заинтересованному взгляду на содержание предметов, изучаемых здесь и сейчас. Это становится толчком и импульсом для раскрытия внутренних резервов учащихся, мотивация к более глубокому и продуманному процессу как получения, так и самостоятельного открытия знаний, что представлялось на международных конференциях неоднократно и публиковалось [6; 7; 8]. Первые опыты научных исследований, апробация их на конференциях разного уровня являются показателем результативности данной работы преподавателя. И в этом нам видится более тесная взаимосвязь среднего специального и высшего образования посредством включения учащихся в научно–исследовательскую деятельность.

В настоящее время, когда идеологические основы общества в стадии формирования, лозунг «Знания для успешной и интересной жизни» подходит лучше, чем девиз «Знания для образования» или «Диплом для жизни».

Литература и источники

1. Бабина, А.А. Психологические особенности профессиональной деятельности педагога в контексте федерального государственного образовательного стандарта

- третьего поколения (ФГОС–3) // Педагогические науки. Фундаментальные исследования. – 2014. – №8. – С. 1178–1181.
2. Дегтярев, С.Н. Совершенствование контрольно-оценочной деятельности как компонента профессиональной подготовки педагога // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №8. – С. 228–232.
3. Лукьянова, М.И. Готовность учителя к реализации личностно-ориентированного подхода в педагогической деятельности: концепция формирования в условиях профессиональной среды. – Ульяновск, 2004.
4. Маркова, А.К. Формирование мотивации учения / А.К. Маркова, Т.А. Матис, А.Б. Орлов. – М., 1990.
5. Синягина, Н.Ю. Личностно ориентированный учебно–воспитательный процесс и развитие одаренности: метод. пособие / Н.Ю. Синягина, Е.Г. Чирковская. – М., 2001.
6. Сорока–Скиба, Г.И. Уникальный памятник гимнографического искусства – рукописный певческий Ирмолой квадратной линейной нотации конца XVII в. // Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі: сб. науч. тр. – Мінск, 2013. – Вып. 15. – С. 289–297.
7. Сорока–Скиба, Г.И. Истинные ценности белорусской культуры: очерк о рукописных певческих памятниках // Актуальные проблемы мировой художественной культуры: сб. науч. тр. в 2-х ч. Ч. 1: мат–лы VII международной научной конференции, посв. памяти профессора У.Д. Розенфельда, Гродно, 16–17 окт. 2014 г. – Гродно, 2014. – С. 272–278.
8. Сорока–Скиба, Г.И. Коллекция рукописных певческих Ирмолов из собрания Национальной библиотеки Беларуси // Книжная культура Беларуси XVI – сярэдзіны XVII ст.: да 440 – годдзя выдавецкай дзейнасці Мамонічаў: сб. мат. конф., Мінск, 16–17 красавіка 2014 г. – Мінск, 2014. – С. 213–221.
9. Сырецкий, М.В. Роль контрольно–оценочной деятельности в структуре профессиональной компетентности учителя математики // Омский научный вестник. – 2011. – №4 (99). – С. 199–202.
10. Яковлева, Е.Л. Методические рекомендации учителям по развитию творческого потенциала учащихся. – М., 1997.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЬИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Сосновская Н. А. (Минск, Беларусь)

Значимой тенденцией в современной социологии семьи является поиск новых методологических оснований, раскрывающих сущность происходящих в семье процессов. Это связано с рядом обстоятельств, обусловленных произошедшими изменениями социальной жизни и, соответственно, потребностями осмысления последствий, имеющих противоречивый и не однозначный для института семьи характер.

По сложившейся в отечественных исследованиях методологической традиции, изучение семьи как социально-значимого феномена осуществляется с опорой на идеи структурно-функциональной теории Т. Парсонса. Данный подход основывается на доминировавшей в 1950–60 гг.

парадигме системного мышления, в которой системам предписывались характеристики равновесности, жесткости и линейного изменения [1, с. 35]. Развитие теории структурного функционализма происходило в период, характеризующийся незначительной культурной динамикой. Доминирующие культурные образцы носили наследуемый характер. Объектом исследования предполагались устойчивые структуры: их динамические характеристики проявляются в особенностях их функционирования, а изменения рассматриваются как контролируемый процесс. Активная трансформация социальных условий привела к высокой подвижности и постоянному изменению структур, связей и отношений, следствием чего является невозможность закрепить какой-либо алгоритм взаимодействий. Это ярко проявляется в отношении института семьи. Современная семья характеризуется неустойчивостью, высокой гибкостью семейных ролей, что с одной стороны, позволяет ей лучше адаптироваться в изменяющихся условиях, но с другой, усугубляет кризисные процессы. Таким образом, сформировавшаяся традиция структурно-функционального анализа семьи в современных условиях не соответствует особенностям развития социальных процессов.

Среди обстоятельств, оказывающих ключевое влияние на изменение институциональной основы семьи, следует назвать общее изменение баланса отношений между обществом и личностью. Общество сокращает возможности влияния на личность. Снижается значимость социальных структур, уменьшается ориентация на мнение группы и социального окружения. Одновременно большее значение приобретает индивидуальность, индивидуализация жизни и индивидуальное мнение. Агент «оперирует смыслами, которые не предписаны макроструктурными инстанциями, но индивидуально сконструированы» [2, с. 5]. В семейных отношениях также наблюдается ослабление влияния существовавших в традиционном институте ограничений, следствием чего становится индивидуальный выбор формы организации семьи, конструирование семейных ролей.

Широкий спектр ценностных предпочтений современных семей затрудняет процесс их легитимации, что приводит к существованию многообразных семейных траекторий. С позиций структурно-функционального анализа, нормативно-признанной остается традиционная модель семьи, тогда как остальные рассматриваются за рамками этой нормативности. С другой стороны, осознание факта существования значительного количества семейных моделей, не подпадающих под стандарт, приводит к попыткам их институционализации. Учреждается институт приемной семьи, институт материнской семьи, институт монородительской семьи и т.п. То есть, не выходя за пределы укорененной в научной традиции методологии, исследователи возвращают право на существование семьям, отличающимся по своей нормативной, функциональной и структурной основе.

Семья характеризуется значительными трансформационными процессами уже на протяжении длительного времени. В отечественной

социологии эти изменения описываются в рамках двух объяснительных концепций: кризиса и модернизации. Данные концепции транслируются в большинстве исследований современной семьи в качестве их методологического обоснования. Однако сосредотачиваясь на особенностях функциональных изменений и констатируя ослабление и утрату ведущих функций, их логика приводит к фиксации кризиса и разрушения семьи или утверждению о временном характере переходных процессов, упуская актуальные направления ее развития. Как отмечает Т.А. Гурко [3], в данных концепциях отражается конфликт ценностных систем традиционно-аграрного и индустриального обществ, характерных для начала XX в. Традиционная система ценностей подразумевает стабильность брачного союза на протяжении жизни, многодетность, ролевую структуру с мужчиной-кормильцем и женщиной-домохозяйкой. В основе индустриальной ценностной системы лежит принцип индивидуальной свободы, допускающий личностное самовыражение, не учитывающее традиционные нормы и правила. Основываясь на представлениях об «идеальном типе» М. Вебера, можно предположить, что оба типа этих ценностных систем представлены в современном обществе и составляют континуум возможной вариативности ценностных предпочтений. Поэтому, вместо принятия одной из концепций, следует сосредоточить внимание на особенностях изменения семьи и разрабатывать меры, направленные на ее поддержку.

Таким образом, перечисленные обстоятельства актуализируют необходимость поиска новых концептуальных подходов, сохраняющих конструктивные черты институционального подхода и при этом позволяющих более детально и целостно рассматривать затрагиваемую проблему.

В качестве возможной альтернативы логичным представляется обращение к социокультурному подходу. В российской исследовательской традиции он наиболее последовательно представлен Н.И. Лапиным. Теоретической основой социокультурного подхода в интерпретации Н.И. Лапина послужили идеи о социокультурном единстве общества П. Сорокина. Он выдвинул тезис о необходимости анализа любых социальных явлений в контексте социокультурных систем, базовое отличие между которыми лежит в области ценностей. Ученый делает вывод о том, что структура социального взаимодействия определяется интеграцией трех фундаментальных аспектов: 1) личности как субъекта взаимодействия; 2) типа социальности; 3) культуры как совокупности значений, норм и ценностей. Все три измерения носят взаимодополнительный характер, влияют друг на друга, но не сводятся один к другому [4, с. 3]. Институциональный и социокультурный подходы предполагают целостное рассмотрение общества с взаимозависимостью происходящих в нем процессов. Но основанием этой целостности в первом случае является институциональная структура, а во втором – культура [5, с. 30]. Социокультурный подход «изначально включает принцип изменений изучаемых объектов» [1, с. 37]. Предмет анализа институционального

подхода – устойчивые структуры социальных взаимодействий. Социокультурный подход добавляет ценностное измерение, особенности проявления этих структур в условиях доминирования различных ценностных предпочтений.

Теоретические взгляды об институциональном устройстве общества, о строении и функционировании институтов сформировались в условиях доминирования представлений об определяющем влиянии на жизнь человека социальных структур. Они соответствовали условиям, в которых происходило становление и устойчивое функционирование индустриального общества. Происходящие изменения, определяемые как становление обществ постиндустриального типа, характеризуются усилением влияния культурных и личностных факторов. Культура учитывалась в теоретических конструкциях, воспроизводящих структуру социального института, но ей отводилась роль стабилизирующего и интегрирующего механизма. В современных условиях культура и в особенности ценности, составляющие ее основу, в большей степени определяют происходящие изменения. Именно с усилением влияния культуры связана высокая вариативность структурных проявлений, и ее необходимо учитывать при анализе семьи как института. Эти обстоятельства делают правомерным изучение семьи в современных условиях с учетом принципов социокультурного подхода.

Литература и источники

1. Лапин, Н.И. Общая социология: учеб. пособие для вузов. – М., 2009.
2. Макеев, С.А. Социальные институты: классические трактовки и современные подходы к изучению // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2003. – №4. – С. 5–20.
3. Гурко, Т.А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. – 2011. – №4 (13). – С. 26–44.
4. Лапин, Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. – 2000. – №7. – С. 3–12.
5. Кирдина, С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. – 2002. – №12. – С. 23–32.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Специан Л. М. (Минск, Беларусь)

Развитие заинтересованных отношений с молодежью позволяет современному обществу правильно понимать будущее. В настоящее время в результате сложившихся социально-экономических отношений, произошли глубокие структурные изменения, оказавшие влияние на жизнь молодежи. По этой причине появилась необходимость осмыслить взаимовлияние общества и молодежной среды. Отсюда трансформация ценностей молодежи

представляет собой социальную проблему, в результате общего кризиса произошла дезорганизация молодежи, изменились нормы ее поведения. Глубокие преобразования произошли в сознании молодежи России, Республики Беларусь и особенно Украины [1]. Поэтому возникла необходимость заниматься исследованием молодежной среды, выявлять тенденции и ценностные установки молодежи в нашем обществе. Будущее страны находится в зависимости от того, как сегодня молодежь обучена и как она воспитана, следовательно, молодое поколение – стратегический ресурс государства, а также стержневой субъект социально-экономической политики страны.

Человек, не получивший достаточного образования, становится обузой для общества, дополняя круг неспособных обеспечить себя. Чтобы предотвратить увеличение количества неграмотных людей, терпящих лишения, нуждающихся в социальной помощи, социальные работники должны активнее участвовать в формировании личности и процессе социализации. Каждый поступок молодого человека оценивается обществом, если он оказывает влияние на интересы других людей, используя понятие морали. По тому, как освоена мораль, как молодой человек сопоставляет свою веру и поступки с существующими моральными нормами, оценивают уровень его нравственности, т.е. поведение молодого человека оценивается по уровню адекватности определенным правилам.

Отсутствие правил не позволило бы дать оценку поступкам человека. Правило, которое носит общий характер, имеет название нравственной нормы, которая подталкивает молодого человека к конкретным поступкам, действиям, а также может их запретить. Это правила, которые регулируют отношения с индивидуумом, отдельными группами, обществом (нормы взаимоотношения в какой-то профессиональной среде или нормы нравственной культуры как основы социального и экономического развития). Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [2] показывает, что культуре отводится повышенное внимание.

В настоящее время современная система образования выдвигается в качестве стабилизирующего фактора, является неисчерпаемым источником развития и творчества в сферах жизни молодых людей. Повышение качества образования и совершенствование его содержания – сегодня главное требование. В современном обществе человек, чтобы не отставать от времени должен учиться всегда, так как научные открытия и инновационные технологии становятся основным двигателем общественного развития. Формирование механизма, при котором общество будет готово воспринимать научные идеи – привилегия образования.

Таким образом, система высшего образования реформирует отношение к качеству обучения, так как становится важно повышение профессионального уровня и духовного развития. Поэтому поиск путей для развития нравственности и духовности возможен через создание в ВУЗах гуманизированного воспитательного пространства. Следовательно, переход

на новые технологии высшей школы образования требуют совершенствования всех сторон жизни студенческой молодежи.

Поиск оптимальной модели образовательного процесса, которая приведет к сочетанию и взаимодействию разных видов работы в контексте духовной культуры специалиста, приобретает значение в теоретическом и в практическом отношении. Проблема развития нравственности студентов в вузе остается недостаточно изученной. В научных исследованиях мало внимания уделяется изучению структуры, содержания компонентов, механизму взаимодействия с партнерами по образовательному пространству.

На наш взгляд, было бы полезно, создать организационно-педагогические и психологические условия развития духовно-нравственной культуры студентов в образовательном пространстве вуза. Решение этой задачи будет влиять на разные стороны будущей профессиональной деятельности специалистов. Первооснова образовательных технологий заключается в преобразовании характера и способа образования. Наряду с развитием интеллектуального потенциала студентов происходит развитие личности, процесс образования требует иной позиции преподавателя и студента в образовании, студент и преподаватель становятся участниками процесса образования на равных правах. Социальная работа в вузах является важным направлением их профессиональной деятельности. Значительное подспорье молодым людям, желающим иметь собственный доход, может дать социальный центр, организованный в вузе. Там смогут проявить себя, например, молодые люди, имеющие ограниченные физические возможности или студенты, которые имеют детей, а также другие категории молодежи, которые не защищены социально.

Социальная работа, проводимая с целью социализации личности в образовательном процессе, приобретает все большее значение. Она не должна рассматриваться, как срочная помощь тем, кто попал в экстремальную ситуацию, так как это наносит непоправимый вред профессиональной социальной работе.

Таким образом, высокий уровень духовной культуры молодых людей в новом образовательном пространстве приведет к формированию знающего, творческого человека, что позволит решить проблему взаимодействия молодежи и общества.

Литература и источники

1. Ротман, Д.Г. Тенденции и изменения ценностного сознания студенческой молодежи Республики Беларусь / Д.Г. Ротман, А.В. Посталовский, И.Д. Расолько // Адукацыя і выхаванне. – 2013. – № 11. С. 3–13.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. / Экономический Бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – № 4.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ КОНФЛИКТОЛОГОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Степанов Е. И. (Москва, Россия)

Возникновение и развитие Международной ассоциации конфликтологов (МАК) было вызвано острой практической необходимостью понять и учесть – в условиях нарастающих остроты и распространения многочисленных разногласий и столкновений в современных международных и внутренних отношениях:

– чем вызываются и под действием каких детерминант возникают конфликтные ситуации в различных сферах общественной жизни и деятельности;

– каковы их основные типы, идеологические, социально-психологические, культурологические, экономические и другие параметры;

– какими личностными чертами, особенностями сознания и поведения отличаются их активные участники;

– что содействует, а что препятствует предупреждению и профилактике негативных конфликтных противодействий, тормозящих демократическое развитие общества;

– что, со своей стороны, способно поддержать позитивные противоборства, помогающие общественному прогрессу;

– как ввести любой конфликт, его протекание и разрешение в возможно более цивилизованные и гуманные формы, не ущемляющие прав и достоинства ни одного из его участников.

Весь этот круг проблем составляет *предмет современных конфликтологических исследований*, превратившихся на протяжении второй половины XX века в особое направление диалектического материализма и обнаруживших в ходе своего становления и развития все возрастающую актуальность и значимость применения его принципов под воздействием происходящих перемен в жизни мирового сообщества.

Конфликтология как совокупность этих исследований, – обеспечивая по мере их развертывания диалектический мониторинг важнейших общественных процессов и отношений, отслеживание того, как зарождаются и развертываются противоречивые ситуации, каковы их зоны и стадии напряжения, «болевы точки» и т.п., и предлагая на этой основе адекватные и действенные управленческие решения и практические меры, – благодаря всему этому *выступила необходимым условием и средством эффективного контроля общества за состоянием и разрешением социальных противоречий*.

Эта глубокая социальная ангажированность конфликтологического знания, придающая применяемому им диалектическому материализму преимущественно теоретико-прикладную направленность, – усиливалась также тем, что социальные конфликты представляют собой такие ситуации,

активные участники которых больше всего заинтересованы не в их объяснении или прогнозе дальнейшего развития событий, а в обосновании приемлемого выхода из создавшегося противоречивого положения. Поэтому *конфликтологи не могли ограничиться выполнением только объяснительной или даже прогностической функции диалектики, а обязаны были довести свои усилия до реализации ее конструктивной функции – предложения надлежащих мер по урегулированию реальной противоречивой ситуации.*

К тому же современный опыт делал особенно ясным, что познание возникших противоречий можно считать правильным не в момент получения познавательного научного результата, какое бы фундаментальное значение этот результат ни имел, а в момент его претворения в действительность, при условии доведения их разрешения до практической стадии. *Оно должно охватывать, таким образом, и переход от научного объяснения к научному преобразованию общественных процессов и отношений.* Под действием этой же тенденции важной проблемой становится и преобразование социальной информации из формы, описывающей и объясняющей те или иные социальные противоречия и противоборства, в форму, на этой основе предписывающую субъектам социальной деятельности соответствующий способ их поведения в них, его программу, осуществление которой и ведет к желаемому их разрешению.

Все эти проблемы имели непосредственное отношение не только к развитию современной конфликтологии в целом, но и для постепенно складывающегося в процессе развития последней осознания того, что *необходимо создать соответствующие организации, призванные обеспечить теоретическую состоятельность и практическую эффективность данного процесса и, тем самым, превратить конфликтологию в «непосредственную производительную силу».*

Как известно, нарастание числа и интенсивности конфликтных противоборств является общим правилом для переходных периодов общественного развития и находит свое объяснение и оправдание в том, что выражает сформированность и готовность определенных социальных сил к трансформации существующих отношений и структур, к установлению нового порядка вещей.

Вместе с тем, нельзя не принимать во внимание, что *оправданность этого нарастания конфликтности имеет свои внутренние ограничения*, поскольку подрывает устойчивость жизнедеятельности общества, делает нестабильным обеспечение основных ее сфер и сторон, усиливает хаотичность функционирования и изменения различных социальных органов и структур, всего общественного организма в целом. Тем самым собственное существование последнего и его способность к выживанию оказываются под вопросом. Возникает, следовательно, *объективная необходимость поставить нарастающей в обществе конфликтности определенные ограничительные рамки, найдя для этого подходящие способы и средства.*

В условиях перехода от тоталитаризма к демократии эта общая закономерность проявилась с особой остротой. Ибо эскалация социальных

конфликтов приобрела здесь такой уровень и такой размах, что вплотную подвела российское общество к критической черте, делая реально возможной социальную катастрофу. На ее приближение указывают наблюдения над тем, как напор острых социальных конфликтов сотрясает все основные «несущие конструкции» общественной жизни: экономику, политику, право, идеологию, культуру, образование, нравственность, быт. Под их воздействием все более отчетливо проступают черты, присущие социальной катастрофе: потеря управляемости, распад основных государственных и общественных структур, моральная и культурная деградация.

В таких условиях общество остро нуждается в средствах, предохраняющих его от чрезмерного «перегрева», обеспечивающих надежный и эффективный контроль над регулированием и разрешением возникающих противоречий и вызываемых ими конфликтных ситуаций. Но это уже не могут быть средства, которыми пользовался тоталитаризм, стремясь справиться, а точнее – расправиться с конфликтами: репрессии, устрашение, переключение недовольства вовне или на «врагов народа», идеологическое «промывание мозгов», организация массового воспроизводства послушного и приверженного режиму типа личности, и т.п. Такие средства все отчетливее обнаруживают не только свою несостоятельность, принципиально конфликты не разрешая, а лишь подспудно их накапливая и усугубляя, но и растущую конфликтогенность, поскольку встречают все более активное сопротивление и моральное осуждение в массовом сознании и поведении. Единственно надежными и эффективными способами и средствами, совпадающими с задачами демократизации общественных процессов и отношений, становятся внимательное изучение и оценка настроений и поведения населения, устремлений его различных групп и слоев и адекватное их выражение в соответствующих законодательных актах, управленческих решениях и политических действиях, призванных их соотнести и согласовать.

Как представляется, – для дальнейшей деятельности МАК из изложенного в представленном материале можно почерпнуть много полезного и интересного для дальнейшего развития диалектического материализма как с концептуально-теоретической, так и с конкретно-прагматической точки зрения.

FOREIGN LANGUAGE TEACHING AND INTERCULTURALITY

Țaulean Micaela (Кишинев, Молдова)

The last research in methods of teaching and pedagogy (G. Koester, H. Brown, M. Canale, M. Swain, M. Fleming, K. Risage, M. Byram and others) have witnessed a fundamental rethinking of the aims of FLT, entailing a shift in emphasis from linguistic competence over communicative competence to intercultural competence. Teaching with intercultural perspective encourages

appreciation and understanding of other cultures as well as one's own. Teaching with such perspective at English lessons promotes the student's sense of the uniqueness of his own culture as a positive characteristic and enables the student to accept the uniqueness of the cultures. By teaching a foreign language through intercultural dialogues, we can provide interpersonal relations, perspective talking, understanding alternative points of view and analyse how cultural conditions affect values, attitudes, beliefs and behaviours. Indeed, the concept of «*culture*» has become a fashionable cliché in teaching a foreign language in recent years. According to the questionnaire given to language teachers from local lyceums (Balti, R. Moldova), about 84% of respondents believe that culture is only literature, geography and arts. Although these subjects are all very important components, it seems that there are other equally significant components of culture that should find their way into the second or foreign language classrooms. Although none of the respondents (48 school language teachers) had studied intercultural communication in a systematic manner, they all recognized the importance of *Intercultural Communicative Competence* (ICC) and agreed on the need to include the theoretical and especially practical elements of intercultural studies in language teacher training school programs. The study of *intercultural communication* recognizes how culture pervades what we are, how we act, how we think, how we talk and listen. When culture variables play a primary part of the communication process. We must not only trace culture's socializing patterns on each person but recognize and respect how cultures imprint accounts for differences in communication style, world view and personality. The term «*perceived cultural difference*», found at C. Dodd (1995), reminds people that in the presence of diversity, such as language, values, thoughts, customs and style, we often strive to resolve internal inconsistencies posed by the diversity [3, p. 14]. Reinforcing bigotry, negative stereotyping, denial and withdrawal illustrate dysfunctional pathways to intercultural communication. Today the world we live in is «*a global village*» where no nation, group or culture can remain anonymous (Samovar et al., 1991). As the world is becoming smaller, we are increasingly interacting with people from many different cultures. While modern technology has made it easier for us to communicate with people anywhere in the world, such interactions can be difficult if we do not know how to deal with people and cultures different from our own.

Intercultural competence is formed in the process of learning foreign language communication, taking into account cultural and mental differences of native speakers and is a main condition for a successful dialogue between cultures; at the same time it is the ability to carry out communication in a foreign language, taking into account cultural differences and stereotypes of thinking and called intercultural competence. *Intercultural communicative competence* in general terms can be defined as «*the ability to communicate effectively in cross-cultural situations and to relate appropriately in a variety of cultural contexts*» (Bennett & Bennett, 2004; also similarly to Byram (1997, 2003), Byram, Gribkova and Starkey (2002), Corbett (2003), Moran (2001) and Samovar and Porter (1993) among others). In «*Teaching and assessing intercultural communicative*

competence», Byram (1997) proposed a five-factor model of intercultural competence comprising the following: 1. The *attitude* factor refers to the ability to relativize one's self and value others, and includes «curiosity and openness, readiness to suspend disbelief about other cultures and belief about one's own». 2. *Knowledge* of one's self and others means knowledge of the rules for individual and social interaction and consists of knowing social groups and their practices, both in one's own culture and in the other culture. 3. The first skill set, the *skills of interpreting and relating*, describes an individual's ability to interpret, explain, and relate events and documents from another culture to one's own culture. 4. The second skill set, the *skills of discovery and interaction*, allows the individual to acquire «new knowledge of culture and cultural practices,” including the ability to use existing knowledge, attitudes, and skills in cross-cultural interactions. 5. The last factor, *critical cultural awareness*, describes the ability to use perspectives, practices, and products in one's own culture and in other cultures to make evaluations [2, pp.91–98]. For teaching a foreign language with intercultural perspective, language teachers should introduce new courses or change their language courses aiming to develop intercultural communicative competence teaching language-and-culture interchangeably. We believe that such up-to-date courses emphasize skills development in the areas of observation, interpreting and relating, mediation and discovery, as well as attitude formation to increase respect, empathy and tolerance for ambiguity, to raise interest in, curiosity about, and openness towards people from other cultures, and to encourage a willingness to suspend judgment. The activity "*Nationalities and their stereotypes*" is adapted from G. Counihan (1998) and aims to examine the stereotypes held by students in the class; to explore how and why they originated; to recognize that they are often invalid and lead to misunderstanding. The teacher asks the students individually and spontaneously to write down on a piece of paper the typical characteristics of a set of nationalities (We have to keep in mind that the exercise is a matter of personal opinion). For example, *The French are proud...; The Irish are talkative ...; The Italians are loud ...; The Spanish are passionate ...; The Dutch...; The Germans ...; The Swiss...; The Japanese; The Indians are...* etc. Then the teacher gets them to reveal their choices and see how many students got similar descriptions. Then all together can debate the correctness or truth of the choices. Then the teacher shows them a list of the stereotypical characteristics of the "typical Englishman". Then he gets the students to write in their corresponding stereotypes alongside the English ones and under the heading "You" (For example, *in the Basque country the typical person would wear bright clothing, and does not have a garden; they have plants instead*). Learning a foreign language enables students to learn about other cultures (English-speaking and non-English speaking countries) and contributes to the discovery of their own identity and the developing of their own culture. This process leads to tolerance, understanding, sympathy and sensitivity, and brings a higher quality of life. We strongly agree that teaching of foreign languages nowadays should be carried out taking into account the specific characteristics of the national communicative behaviour and cultural traditions of interlocutors.

Bibliography

1. Counihan, G. Nationalities and Their Stereotypes. The Internet TESL Journal. – Vol. IV. No. 9. – 1998,
2. Byram, M. Teaching and assessing intercultural communicative competence. – Philadelphia, 1997.
3. Dodd, C.H. Dynamics of intercultural communication. – Boston, 1995.
4. Samovar, L.A. Intercultural Communication: A Reader / L.A. Samovar, R.E. Porter. – Belmont, 1991.

ИЗМЕНЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ – ИЗМЕНЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ САМОСТИ

Фофанова Г. А. (Минск, Беларусь)

Высшее образование в наши дни все чаще рассматривается как своеобразный индикатор общего состояния культуры. Это связано, главным образом, с тем, что, с одной стороны, именно в системе образования, пожалуй, в наибольшей степени проявляется глобальный кризис культуры, с другой – потенциальные ресурсы последнего выступают в качестве непосредственного источника преодоления данного кризиса. Изменения в высшем образовании в качестве своих последствий имеют не только содержательное наполнение и качество подготовки специалиста (уровень его компетенций), но и содержательные и инструментальные изменения его самопонимания, т.е. его диалогической самости.

Высшее образование – один из наиболее влиятельных институтов социализации с длительной историей, через который проходит огромное количество молодежи. Воздействие образовательной культуры велико и не сводится только к трансляции знаний, которые можно обозначить как естественнонаучные, технические, социальные и гуманитарные. На всех уровнях современного социума признается важнейшая роль высшего образования как оказывающего формирующее и развивающее влияние на находящегося в его пространстве субъекта. Образовательная культура выступает как значимая детерминанта формирования целостного общекультурного и профессионального мировоззрения, а также обуславливает актуализацию данных мировоззренческих пластов в повседневной жизненной активности личности. Не следует забывать, что образовательная культура выступает в качестве составной части культуры духовной, которая является важнейшим источником создания уникального субъективного содержания диалогической самости личности.

Образовательная культура обладает уникальным языковым строем, овладение которым выступает в качестве одного из критериев культурной компетентности субъекта. Сложность и многоплановость современного высшего образования в Республике Беларусь, подверженного в настоящее время многочисленным реформам, создает дополнительные преграды в обретении идентичности для молодежи, избравшей данную стезю в качестве

очередной ступени социализации. Характеризующаяся органическим сочетанием принципиально различных пластов знания образовательная культура подразделяется на ряд относительно автономных субкультур, пребывающих в состоянии перманентного взаимодействия в университетской среде. Сложности в достижении взаимопонимания между представителями различных субкультурных групп в рамках образовательной культуры актуализируют потребность в прояснении качественной специфики и содержательного своеобразия различных субкультурных миров, включенных в образовательное пространство.

Современные исследования диалогической самости личности характеризуются наличием большого количества «белых пятен», связанных с познанием реального бытия субъекта в пространстве культурных формаций. В большинстве своем, внимание исследователей приковано к изучению диалогической самости в культурных средах, значительно удаленных (пространственно, содержательно, аксиологически) от доминирующего типа рациональности, характерного для европейской цивилизации. Понимание механизмов, лежащих в основе интердетерминации диалогической самости в образовательной среде, позволит более глубоко и содержательно определить потенциальные направления развития как высшего образования, так и взаимодействия в его пространстве различных субкультурных формаций, определяющих специфику различных составляющих образовательной культуры.

С точки зрения Д. Майерса, оценка влияния культуры на субъекта в полной мере проявляется в ситуации столкновения последнего с содержанием иной культуры [1]. Стремление к диалогу между различными субкультурами в рамках высшего образования – тот самый ресурс, возможности которого реализуются далеко не в полной мере, предоставляя тем самым существенный потенциал для дальнейшего развития высшего образования и науки как социальных институтов. А это напрямую взаимосвязано с очевидными положительными последствиями для субъектов, выбирающих данные субкультуры в качестве очередной ступеньки для социализации, обретения профессионального базиса и оснований для личностной идентичности.

В своем основании высшее образование опирается на фундаментальные и прикладные науки, которые, помимо того, что являются источниками постоянного пополнения знаний, также призваны вооружать субъектов образовательного пространства средствами, с помощью которых возможно установление взаимоотношений между принципиально различающимися смысловыми сферами. В качестве такого средства, по нашему мнению, выступает метафора.

Метафора (в переводе с греческого – «перенос») определяется как оборот речи, заключающий скрытое уподобление, образное сближение слов на базе их переносного значения» [2, с. 307]. В психологическом контексте она определяется как «выведение, расширение, перенос одной реальности дискурса или содержания на другое, более яркое, вспоминающееся» [3, с. 19].

Использование данного языкового приема позволяет обнаружить новые грани обозначаемого. Метафора является одним из общепринятых приемов передачи образности и, следовательно, присуща всем языкам, которые являются средством общения между людьми. В более широком плане, с помощью метафоры можно создавать точки соприкосновения между принципиально отличающимися друг от друга знаково-символическими средами, для установления связей и взаимного обогащения культурных пространств.

Использование потенциала метафор в качестве «связующих пролетов коммуникативного моста» между субкультурами, на наш взгляд, можно охарактеризовать, если обратить внимание на своеобразие употребления данного художественного приема при создании автобиографических нарративов представителей различных образовательных субкультур. В их автобиографических повествованиях используется обширный спектр метафор познавательных моделей – от схоластических до диатропических [4]. На сегодняшний момент важно констатировать, что результаты исторического развития науки, проявившиеся в расширении диапазона метафор организации научного знания (причем, это касается не только гуманитарной сферы знания) используются представителями различных образовательных субкультур для выстраивания и выражения своей диалогической самости. Наличие подобных тенденций позволяет делать вывод о наличии возможности для субъекта постоянно расширять пределы собственной самости, используя ресурсы субкультурных сред, причем процесс будет носить не характер формального приобщения к традиции, а являться эдификационным («edification» – термин введенный Р. Рорти для более точного обозначения процесса «формирования себя посредством диалога») [16, с. 127–128].

Все указанные особенности и закономерности необходимо учитывать на прагматическом уровне – при составлении учебных планов и стандартов высшего образования при его изменении и реформировании. В связи с этим, необходимой перспективой высшего образования является трансдисциплинарность. Сложность реальных социально-экономических, экологических и политических контекстов требует системных решений. На настоящий момент существует потребность в специалистах широкого профиля, компетенции которого не ограничиваются областью одной науки. В учебных планах должны быть представлены базовые (фундаментальные) дисциплины, формирующие основу подготовки специалиста с высшим образованием с последующей специализацией (направленностью). Необходимо создавать содержательно новые междисциплинарные и трансдисциплинарные курсы, расширяющие компетентностный компонент образования, с одной стороны, и обогащающий содержательно и инструментально диалогическую самость специалиста, с другой.

Литература и источники

1. Майерс, Д. Социальная психология. – СПб, 1996

2. Словарь иностранных слов. – М., 1983.
3. Reber, A.S. The Henguin dictionary of psychology. – London, 1995.
4. Фофанова, Г.А. Метафора как инструмент субкультурной интердетерминации диалогической самости субъектов образовательных субкультур // *Философия и социальные науки: Научный журнал*. – 2010. – № 3. – С. 68–73
5. Гусинский Э.Н. Введение в философию образования / Э.Н. Гусинский, Ю.И. Турчанинова. – М., 2003.

СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ НАУКА И ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Хафизов Э. Д. (Уфа, Россия)

В настоящее время за пределами России проживают от 35 до 45 млн. соотечественников: из них около 20 млн. в странах ближнего (постсоветского пространства) и еще 10 млн. дальнего зарубежья. Ядро российской диаспоры составляют примерно 25 млн. этнических русских. Миграционные процессы будут только усиливаться. На сегодня эмиграция из страны составляет 100–150 тысяч человек в год. Усиливается тенденция выезда из страны представителей творческой и научной интеллигенции и продолжительная их деятельность вне пределов Отчизны. Специалисты, анализируя миграционные процессы в научной среде, оперируют разнородными и противоречивыми экспертными оценками. В частности, цена эмиграции ученых России и стран СНГ в первое десятилетие постсоветской миграции 1993–1999 гг. эксперты оценивают в 200 млрд. долларов [1]. К концу 1990-х годов в западных странах на постоянной основе работали 20–30 тыс. российских специалистов. Еще около 120 тысяч человек трудились временно, по контракту [2]. Только в США проживают более 16 тыс. докторов наук, выходцев из России. Свыше 3 тыс. специалистов, занятых в «Силиконовой долине», имеют русские корни [3]. Каждый пятый эмигрант из России обладал высшим образованием и преимущественно был занят в интеллектуальной сфере. Так, среди россиян, выехавших в Германию и Израиль, около 80% были ранее заняты в сфере науки и образования [4, с. 128–130]. Налицо процесс оформления «массовой» эмиграции научных кадров и высокопрофессиональных специалистов. Данный феномен предстает все более значимым социокультурным фактором глобальной политики. В связи с этим особую значимость приобретает не только проблема сохранения научного потенциала страны, но и актуальной становится сохранение россиянами за рубежом культурной идентичности и национального самосознания россиян.

Сохранению и приумножению отечественных традиций, осознанию роли и значения отечественных духовных ценностей, способствует обращение к феномену российского послереволюционного зарубежья, представители которой на протяжении десятилетий не только успешно противостояли интеграционным и ассимиляционным процессам в стране

пребывания, но и смогли привнести в инокультурную среду достижения отечественной науки и культуры. Существовавшее противопоставление Советской России и русской эмиграции разделяло развитие отечественной культуры. Сегодня как никогда злободневно оформление единого российского социокультурного пространства. О необходимости расширения рамок сотрудничества и взаимодействия говорилось на втором Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом, на который прибыли около 600 делегатов, представлявших 103 государства.

В создании единого социального и культурного пространства и сохранении ментальности нации существенная роль принадлежит научной и творческой интеллигенции. Опыт Русского Зарубежья свидетельствует о том, что усилиями научной и творческой интеллигенции отечественная социокультурная ментальность смогла успешно противостоять ценностям западного мира. В наследии российского послереволюционного зарубежья отразились итоги полувековой работы наших соотечественников, вынужденных трудиться вне пределов Родины, содержатся основы и принципы отечественной научной культуры, которые к настоящему времени во многом утрачены.

В научной литературе подчеркивается значительная роль представителей социогуманитарной науки в сохранении и приумножении отечественных научных традиций, их несомненный вклад в развитие европейской и американской научной мысли [5, с. 59]. Конкретным научным наследием российского послереволюционного зарубежья стали академические и научные публикации ученых-эмигрантов. В течение полутора десятка лет ими было издано 7038 научно-исследовательских работ [6, с. 133].

Весьма ощутимым было влияние идей и концептуальных установок россиян-эмигрантов на развитие западноевропейской советологии, социологии, политологии, социологии права, криминологии, пенологии, культурологии и т.д. В изгнании россияне основали историческую, философскую, социологическую школы, определили направление развития в биологии, зоологии, технике. Достаточно интересными были исследования в области правовой науки, в которой оформились концепции «социабельного» права Г.Д. Гурвича, права как биопсихологической реальности и социально-культурного явления Н.С. Тимашева, корпоративного солидаризма Г.К. Гинса и др. Гносеологические аспекты права получили отражение в работах Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, С.А. Левицкого, Н.О. Лосского, П.И. Новгородцева, С.Л. Франка и других мыслителей российского послереволюционного зарубежья. Так, усилиями россиян-эмигрантов в Харбине сформировалась самостоятельная юридическая школа, основной состав которой составили преподаватели Юридического факультета. При их самом непосредственном участии стало оформляться китайское гражданское право.

Эмигранты-россияне смогли создать своеобразное интеллектуальное единство, в котором действовали различные национальные научные

сообщества. Следует подчеркнуть, что дореволюционная наука в своем развитии была сопоставима с западноевропейским уровнем. Из числа эмигрантов особенно востребованными являлись специалисты в области естественных знаний и технических дисциплин. Однако гипертрофированное восприятие России как отсталой страны в социально-экономическом и политическом развитии в западном сознании экстраполировалось и в сферу научной культуры. Особенно сложное положение было у представителей социально-гуманитарных дисциплин. Различие академических и научных традиций, навыков научного изложения, стилевые и стилистические особенности, естественная конкуренция и особенно бюрократические требования создавали сложности для научной деятельности. Не случайно многие социогуманитарии изменили направления научных исследований, акцентировав внимание на междисциплинарных направлениях, и смогли заполнить незанятую нишу.

Большая часть ученых-эмигрантов активно включились в интеллектуальную и научную жизнь стран-реципиентов. Вне национальных границ русская наука успешно справилась со своей пропагандистско-просветительской миссией. Научная деятельность в зарубежных научных институтах, лабораториях и образовательных учреждениях не только позволяли россиянам-эмигрантам успешно интегрироваться в мировое научное сообщество, но и сохранить им свою культурную идентичность. Поэтому многие из них смогли достичь высоких результатов и сделать научную карьеру в масштабах мировой науки.

В первое десятилетие вынужденной эмиграции усилиями научных сообществ, ставшими своеобразными центрами научной и культурно-просветительской деятельности, россиянам удалось создать духовное и культурное пространство. Несмотря на усиливавшийся процесс «денационализации» русской науки, постепенную интеграцию ученых-эмигрантов в сферу научных интересов страны-реципиента, сохранявшаяся практика научных публикаций на русском языке свидетельствовала о стремлении сохранить культурную и языковую идентичность и при любой возможности пропагандировать достижения отечественной науки. Специфика развития русского послереволюционного зарубежья состояла в том, что традиции дореволюционной духовной, научной и социальной культур поддерживались в основном представителями послереволюционной волны, которые с неизбежностью должны были интегрироваться в инокультурную среду и ассимилироваться.

Интеллектуальная мысль Русского Зарубежья смогла исполнить свое предназначение. По большому счету, историю российской научной эмиграции можно рассматривать как историю ее успеха. Без особого преувеличения можно утверждать, что традиции отечественной юридической науки на протяжении почти двух десятилетий продолжала сохраняться вне национальных границ. Научное наследие эмиграции и практический опыт представителей творческой интеллигенции востребованы и поныне.

Литература и источники

1. Российская газета. – 1999. – 25 июня.
2. Егоров, С. Диалоги с диаспорой // Отечественные записки. – 2002. – № 7. – С. 273–285.
3. Юревич, А.В. Фетишизм статистики: количественная оценка вклада Российской социогуманитарной науки в мировую / А.В. Юревич, Ф.П. Цапенко // Социология науки и технологий. – 2012. – № 3 URL: <http://cyberleninka.ru>.
4. Ушкалов, И. Интеллектуальная эмиграция и безопасность // Миграция и безопасность в России. – М., 2000. – С. 128–130.
5. Raeff, M. Russia abroad. A Cultural History of the Russian Emigration. 1919–1939. – Oxford, 1990. – P. 59.
6. Ковалевский, П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Paris, 1971.

КОНЦЕПЦИИ БИОЛОГИИ И ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ*

Хен Ю. В. (Москва, Россия)

Влияние биологии на формирование мировоззрения стало особенно заметным к середине XX века. Тогда теорией, объединившей вокруг себя мировоззренческие представления, стал дарвинизм. В настоящее время все большее влияние приобретает экосистемная теория эволюции, с которой связан целый ряд концептуальных преобразований, по-своему формирующих наше видение мира и места человека в нем.

Экологический кризис современности, как бы непривычно это ни звучало, представляется прямым следствием господства дарвинизма и основанного на его теоретических построениях специфического мировоззрения. Эта связь не лежит на поверхности, но если проанализировать тот образ жизни, который вытекает из следования «законам природы», то мы увидим, что он ориентирован на преследование сиюминутной выгоды и не оставляет места для будущего. Кроме того, дарвинизм по своей сути является источником антропоцентрического видения мира, в соответствии с которым человек представляется не просто вершиной эволюции, но и ее конечной целью, тем завершением, за которым не должно следовать ничего нового. Отсюда и панические прогнозы о надвигающейся экологической катастрофе, которая отождествляется с концом человеческой истории. Между тем, если рассматривать историю жизни на земле не с точки зрения человека, а более масштабно, то легко заметить, что прелюдией, сделавшей физически возможным существование человека на земле, была жизнедеятельность и последующая гибель нескольких глобальных экосистем (например, бактериальных матов, создавших необходимый запас кислорода в атмосфере земли). Если покинуть

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 15–03–00034.

антропоцентрическую позицию, судьба человечества перестает выглядеть слишком трагично – это всего лишь еще одна экосистема в ряду других. Действительная трагедия заключается в том, что благодаря наличию разума (воистину избыточного изобретения эволюции) человечество слишком быстро исчерпывает ресурсы среды. Все виды рано или поздно вымирают, но до того момента они успевают прожить десятки и сотни миллионов лет. Человечество же, которому по самым взвешенным оценкам что-то около двухсот тысяч лет (по эволюционным меркам – это миг), уже стоит на грани экологической катастрофы. Оставим в стороне разговор о загрязнении и ресурсах (расчет их можно вести по-разному), но с экосистемной точки зрения положение человечества крайне неустойчиво, поскольку вид *homo sapiens* остался фактически в одиночестве на планете, где все остальные крупные млекопитающие существуют либо в заповедниках, либо в виде сельскохозяйственных животных. Было бы преувеличением сказать, что в возникновении такого положения повинен дарвинизм, но именно основанное на нем мировоззрение является причиной того, что современные экологические разработки ориентированы не на кардинальное изменение ситуации, а только на максимальное продление существующего положения.

Борьба за существование – это настолько сильный стимул, что он легко вытесняет все прочие соображения. Но в результате следования примитивным потребностям сиюминутная выгода начинает превалировать над долгосрочной пользой, а, в конечном итоге, всех победителей борьбы за существование ожидает экологический кризис, поскольку непереносимым спутником идеологии естественного отбора является потребительское отношение не только к другим особям своего вида, но и к природным ресурсам вообще. Таким образом, при рассмотрении некоторых «гуманитарных» следствий дарвиновской теории эволюции становится понятным, что стратегия борьбы за существование не является оптимальной в долгосрочной перспективе. Помимо прочего, это значит, что она не могла быть движущей силой развития жизни на земле. Т.е., это соображение лишает дарвинизм его теоретического ядра и обесценивает его как теорию в строгом куновском смысле

Поиски других механизмов развития привели к созданию экосистемной теории эволюции. Многие «нематериальные» вещи, такие как место и роль человека на эволюционном древе, его сущность и историческая задача, а также многое другое, в свете коэволюционных представлений обретает существенно иную форму, нежели в свете дарвиновской теории эволюции, которая, как и креационизм, изображает человека если не венцом эволюции, то уж во всяком случае несомненным победителем в борьбе за существование. Экологический кризис современности, как уже говорилось, представляется мне прямым следствием господства дарвинизма. Эта связь не лежит на поверхности, но если проанализировать тот образ жизни, который вытекает из следования «законам природы», то мы увидим, что он ориентирован на преследование сиюминутной пользы и не оставляет места для будущего. Принцип борьбы за существование и выживания наиболее

приспособленных дает эволюционное преимущество только самым простым «талантам», таким как сила, ловкость, физическое здоровье или плодовитость. Тогда как человеческое общество умудрилось развить множество других ценных с культурной точки зрения качеств (музыкальные способности, например), и нет никакой возможности объяснить, как выживание «ботанов» стало возможно в условиях всеобщей борьбы за существование.

История человеческой цивилизации показывает, что война всех против всех не является достаточно продуктивной стратегией развития. При достижении долгосрочных (глобальных) целей предпочтительнее оказывается кооперация. Этот факт прекрасно отражает экосистемная теория эволюции. Непосредственно механизм, движущая сила эволюционного процесса представлены в ней даже менее определенно, чем это делает дарвиновская борьба за существование. Но на интуитивном уровне картина эволюции в экосистемной модели выглядит гораздо более логичной, лучше соответствует «здравому смыслу», а это является существенным фактором при включении теории в картину мира. Она является основой для совершенно иной картины мира. Выживание одного вида невозможно. Эволюционирует не отдельный вид, а экосистема. Тенденция к глобализации, ощутимо присутствующая в современном мире, является своеобразным свидетельством истинности именно экосистемной теории эволюции.

К МЕТОДОЛОГИИ ИННОВАЦИЙ В СФЕРЕ ОБЩЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Цымбалюк Е. А. (Минск, Беларусь)

Инновационные изменения в массовом музыкальном обучении и воспитании обусловлены рядом факторов. С одной стороны, постепенным переходом от мелодической основы музыки к ритмической, когда мелос как основное средство художественной выразительности в европейской музыкальной традиции сменяется, по крайней мере в области эстрадного искусства, эпохой доминирующего ритма, к которому подстраивается содержательная компонента, тембровые краски и гармонические обороты.

Изначально мелос и ритм как «глобальные концепции музыки» (В.Н. Холопова) имели вполне определенные географические очертания. Первая развивалась в лоне европейской и азиатской культуры, вторая охватывала регионы Африки и Латинской Америки [1, с. 34–43]. Однако современные художественные реалии показывают иное. Мелодическая линия перестает быть столь развернутой как ранее, кантиленная манера исполнения сменяется на эпатажную, нарочито громкую, с обилием коротких фраз.

С другой стороны, на музыкальное образование не могут не влиять три «объективно сложившиеся концепции человека в музыке» (М.С. Старчеус) – «человека умелого», «человека общительного» и «человека разумного».

Первая фиксирует способность заниматься музыкальной деятельностью, опираясь на определенный набор психических свойств индивида и музыкально-двигательную одаренность, включающую координационные способности, чувство ритма, музыкально-слуховые представления. Вторая центрируется на коммуникативной функции искусства, в силу чего ее ключевым понятием является музыкальность. Третья концепция опирается на всю совокупность музыкальных способностей, объединенных в понятие «музыкальный интеллект» [2, с. 142–153].

С определенной долей условности можно провести параллели обозначенных концепций с выделенными В.Л. Яконюком мировыми концепциями музыкального образования [3, с. 22–27]. Задачи «человека умелого» соответствуют содержанию характерной для земель Германии концепции музыкального дидактизма, «человек общительный» близок идеям музыкального утилитаризма, положенного в основу отечественной (скорее, советской – *Е.Ц.*) системы музыкального образования, «человек разумный» созвучен музыкальному эстетизму, корни которого, как отмечает В.Л. Яконюк, восходят к европейской музыкальной традиции и американскому прагматизму.

В ситуации многоликости взглядов на систему музыкального образования, необходимо отметить, что все они не отказываются от цели формирования музыкальной культуры школьника, в силу чего последняя и может служить методологической базой для дальнейших отечественных инновационных разработок.

Как известно, музыкальная культура личности предполагает освоение духовно-материальной культуры общества. К духовному содержанию музыкальной культуры относятся музыкальные образы, общественное музыкальное сознание, отражающееся в музыкальных интересах, идеалах, нормах, взглядах и вкусах. В качестве материальных носителей музыкальной культуры выступают как формы фиксации самой музыки – ноты, звукозапись, так и отношения к ней, заключенные в устных и письменных высказываниях о музыкальном искусстве, «музыкальном поведении» людей, музыкальном инструментарии, в обеспечении соответствующей обстановки исполняемого произведения [4, с. 206–212]. Следовательно, музыкальная культура включает в себя: освоение музыкальных ценностей – произведений и понимание их исполнительских трактовок; знание специфики разных видов музыкальной деятельности по созданию, хранению, воспроизведению, интерпретации, распространению и усвоению музыкальных произведений; опыт осуществления разных видов музыкальной деятельности, прежде всего деятельности композитора, исполнителя и слушателя; владение способами фиксации и анализа музыкальных произведений; опыт общения с учреждениями, обслуживающими музыкальную деятельность, т.е. опыт посещения концертных залов и сценических площадок; меру включенности в формальные и неформальные творческие образования – фольклорные ансамбли, эстрадные группы, хоры и т.п.; музыкальное просветительство – желание и умение пропагандировать музыкальное искусство, творчество

отдельных композиторов, исполнительских коллективов.

Очерченные контуры музыкальной культуры нуждаются в существенной конкретизации для практики музыкально-образовательного процесса. В частности, необходимо определить те основы музыкальной культуры личности, которые реально будут способствовать ее формированию, могут фиксироваться, подвержены педагогическому влиянию и в силу этого могут формироваться под контролем учителя.

Осознание слушателем музыкального произведения в качестве неотъемлемой части исторической и стилистической целостности, охват собственных свойств произведения в их взаимосвязи возможен при понимании языка музыки, умении выражать на этом языке собственные мысли. Л.А. Мазель отмечает, что любое искусство имеет содержательную и коммуникативную стороны, поскольку сообщение не может быть оторвано от смысла, а смысл, предполагающий восприятие другими людьми, является адресованным им сообщением. В области музыки понимание семантики музыкального языка дает возможность получить ясное и логическое сообщение относительно того, что отражено в конкретном сочинении [5, с. 177–180].

Музыкальный язык имеет ряд широко известных общих позиций с языками других искусств: является, как и другие языки, совокупностью исторически сложившихся материальных средств и приемов создания художественного образа; служит способом реализации художественной мысли; обладает внутренними законами своего развития; имеет не конкретное предметно-понятийное значение, а лишь предпосылки образного значения, реализуемые в конкретной форме художественного произведения; не существует вне сферы самого искусства; эволюционирует на основе преемственности и традиций. Однако языку музыки присущи и глубоко специфические черты. Прежде всего он отличается своей понятностью многим людям, способствует адекватному восприятию произведений разных эпох, легко воспроизводим в массовых условиях. «...Язык музыки, обладая национальными отличиями, в то же время универсален если не во всемирном масштабе, то во всяком случае в широких границах крупных этнических или культурных регионов, охватывающих многие нации. ... Такого же рода универсальность проявляется и в диахроническом плане: если словесный язык далеких эпох перестает быть понятным даже для представителей той же нации, то памятники музыки продолжают бытовать и сохраняют силу воздействия на протяжении веков и тысячелетий...» [4, с. 211].

Овладение школьником языком музыки по сути и означает персонификацию им музыкальной культуры общества, т.е. накопления им эмоционально-творческого, двигательного-динамического, акустического и художественно-интеллектуального опыта. Подобный опыт при всем многообразии музыкально-образовательных практик будет способствовать:

– планомерному освоению учащимися художественной картины в музыке как синтеза всечеловеческого духовного потенциала, национального менталитета, творческого почерка отдельного музыканта и художественного

стиля эпохи;

– развитию музыкального восприятия-мышления, сочетающего, как известно, в одновременности аккумулятивный в определенной культурной традиции опыт пониманий музыки, личную способность школьника проникать в семантическое поле произведения, потенциальную художественную ценность произведений, а также специфические факторы восприятия музыкального искусства;

– формированию у школьников основных музыкально-образовательных компетенций – исполнительской, словесной и художественно-ассоциативной интерпретации музыкального произведения, а также ряда ценностных установок касательно музыкального искусства.

Литература и источники

1. Холопова, В.Н. Музыка как вид искусства. – СПб, 2000.
2. Психология музыкальной деятельности: теория и практика: Учеб. пособие для студ. муз. фак. высш. пед. учеб. заведений / Д.К. Кирнарская [и др.]. – М., 2003.
3. Яконюк, В.Л. Проблемы глобализации музыкального образования: взгляд в XXI век // Музыкане і театральне мистецтво: проблеми викладання. – 2002. – № 1(1). – С. 22–27.
4. Сохор, А.Н. Вопросы социологии и эстетики музыки. Ч. 1. – Л., 1980.
5. Мазель, Л. А. Вопросы анализа музыки. – М., 1978.

РАЗВИТИЕ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ПРИОРИТЕТ ГЛОБАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Цыра А. В. (Одесса, Украина)

Современный этап цивилизационного развития человечества сложен, противоречив и характеризуется высокой степенью инновационности. С 80-х годов XX века к уже широко развернувшейся научно-технической революции, человечество вступает последовательно в эпоху еще трех революций: информационно-компьютерной, нанотехнологической и сетевой, которые радикально меняют облик цивилизации. В единстве все эти революции глобально отражают инновационный характер развития науки.

Детерминирующей категорией, выражающей инновационный и деятельностно-преобразующий характер современной науки, выступает «инновация». Исследование инноваций характеризуют их как нововведение, внедрение, обладающее высокой эффективностью и представляющих как результат интеллектуальной деятельности познающего субъекта.

Инновация – это система, обладающая свойствами, отношениями, атрибутивными параметрами, такими как имманентность, детерминированность, устойчивость, стабильность, уникальность и др. Она обладает собственной архитектурой, наличием интегральных системных свойств, качественной определенностью, выраженной в целостности, она есть социокультурный феномен. Инновация как социокультурный феномен –

это процесс раскрепощения научной мысли человечества, то есть, это то, что подготовлено предыдущим полетом его научной мысли: это то, чем человечество раньше никогда не обладало; это то, что никогда не приносило ему столь бурно выраженного экономического эффекта; это мерило активности и эффективной деятельности субъекта; это то, что ускоряет прогресс всех сфер и направлений цивилизационного развития социума.

Инновации и на их основе инновационная деятельность порождены потребностями постнеклассической науки – детерминирующего фактора информационной цивилизации. Инновационная деятельность – это комплексная деятельность, охватывающая и включающая в себя совокупность научных, технологических, образовательных, организационных, финансовых, управленческих и других составляющих, приводящих к конструктивному решению, поставленным субъектом целей. Инновационность как научное понятие, отражает не просто отдельное нововведение в науке, не только ее нацеленность на получение нового знания, открытие новых свойств и закономерностей исследуемого процесса, объекта, но прежде всего ее вклад в развитие экономического потенциала общества. Инновационная деятельность – это деятельность по производству новых знаний, открытию и обоснованию новых методов и форм научного познания, новых моделей, образцов новых наукоемких товаров и услуг, новых видов техники, технологий, материалов, приборов и т.д. Она выражает процесс приращения интеллектуального капитала социума. Одним из наиболее значимых результатов и ценностных ориентиров инновационной деятельности в современной науке выступает развитие конвергентных технологий, ареал которых был конкретизирован в 2002 г. М. Роком и В. Байнбриджем, когда они опубликовали отчет по гранту NSF, озаглавленный «Converging for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information technology and Cognitive Science». В контексте этого отчета конвергентные технологии эксплицируются как NBIC-конвергенции.

Что же дала науке и практике XXI века инновационная деятельность в сфере высоких технологий? Общим выступает факт углубления процесса познания общей картины мира. К известным науке мирам: мега-, макро – и микромирам наука освоила наномир (10^{-9}).

Во-первых, освоение наномира и нанотехнологий вызвало к жизни ряд новых наук: нанофизику, нанохимию, нанобиологию, наноэтику – теоретическую основу нанотехнологической революции. Практической основой этой революции выступают нанотехнологии как процесс овеществления научных знаний. Нанотехнологии – это особый междисциплинарный вид современной научно-экспериментальной практики. Они представляют собой реализацию разработанного междисциплинарными нанонауками знания на основе совокупности методов и приемов структуризации вещества на атомном и молекулярном уровнях в целях производства конечных продуктов с заранее заданной атомной структурой. Эти технологии обеспечивают создание объектов, обладающих

принципиально новыми свойствами, и позволяют осуществлять их интеграцию в полноценные функционирующие системы большого масштаба, обладающие качественно новыми свойствами и эксплуатационными характеристиками.

Становление нанонаук и нанотехнологий не могло не войти в проблемное поле исследований философии. Философия нанотехнологий – это новейшая область философской рефлексии. В контексте этой рефлексии осмысливаются не только технологические или научные проблемы, но и кардинальное обновление двух человеческих структур – биологической и социальной. Здесь важно отметить, что без выделения основополагающих философских проблем невозможно решение социальных, этических, психологических проблем, возникших со становлением данного научного направления технологий.

Во-вторых, развитие биотехнологий представляет одно из магистральных направлений нанотехнологической революции. Расширяется ареал актуальных и, особенно, потенциальных применений биотехнологических новаций. Сюда входят биомедицина, задачи защиты окружающей среды, производство продуктов питания, создание новых видов сырья, топлива и многое другое. Нанотехнологии тесно связаны с биологией, однако их отношения нельзя рассматривать однозначно, поскольку оно не сводится к техническому использованию и преобразованию биотехнологических систем, необходимо глубокое обоснование влияния этих технологий на человека и постоянно трансформирующееся общество, что придает нанотехнологиям глобальный характер.

Но что такое биотехнологии, если их ареал больше всего связан с исследованием проблем человека как антропо-био-психологического существа? Часто биотехнологию определяют через призму живой материи без учета структурной организации последней. Так, Т.И. Коваль пишет, что «биотехнология – это любая технология, которая использует живые организмы или субстанции, выделенные из этих организмов, для изготовления или модификации продукта, улучшение растений или животных либо создания микроорганизмов для специфических целей. Биотехнологией называют также науку об использовании живых процессов в производстве» [1, с. 78]. В этой дефиниции предметом биотехнологий, выступает живой организм или субстанция, выделенная из него с целью получения нового продукта с улучшенными качествами.

Основу современных биотехнологий составляет генная инженерия. Ее предметом выступает разработка методов и средств получения биоструктур с заранее заданными (программируемыми) свойствами, которые будут передаваться по наследству и которые невозможно получить классическими селекционными методами. Это породило новую науку – геномику – учение о строении и функциях живых организмов. Сегодня геномикой реализуется один из сложнейших проектов «Геном человека».

В-третьих, в системе конвергентных технологий наиболее развитыми являются информационно-коммуникационные. Это технологии обработки

информации, основу которых составляет вычислительная техника. Они чаще всего поставляют инструменты для развития других составных элементов системы NBIC-технологий, представляют возможности компьютерного моделирования различных процессов в нано- и биотехнологиях и в целом являются базисом высоких технологий, поскольку всякая технология и всякое знание могут рассматриваться как информационный процесс. Характеризуя конвергентные технологии и место информационных технологий в их структуре, В.С. Стёпин отмечает, что они представляют собой «сложный комплекс производственных операций и процессов, ресурсных источников, финансирования и других поддерживающих процессов, которые позволяют осуществлять управление в реальном режиме времени. Информационные технологии лежат в основе такого комплекса и определяют уровень его развития» [2, с. 192]. Информационные технологии – это совокупность опредмеченных информационных знаний и результатов интеллектуального труда человека.

В современной науке обнаруживается множество различных подходов к информационным технологиям. Однако, как бы мы не анализировали эти подходы, необходимо учесть и иметь в виду, что они должны соответствовать следующим требованиям: 1) включать в свое содержание весь набор элементов, необходимых для достижения поставленной цели; 2) иметь регулярный характер применения. Этапы, действия, операции технологического процесса должны быть стандартизированы и унифицированы, что позволит более эффективно осуществлять целенаправленное управление информационными процессами.

Исходя из вышеотмеченного, можно сделать вывод, что эти технологии есть система совокупных технических средств, способов, приемов обработки информационных ресурсов с целью создания уникальных продуктов и услуг, обладающих новой качественной определенностью и не имеющих себе аналогов на мировом информационном рынке.

В-четвертых, задача когнитивных технологий заключается в обосновании стратегической методологии реализации инноваций в содержании NBIC-технологий. Здесь на первый план выходят системы междисциплинарных знаний, системно-структурный и синергетический подходы, которые позволяют прогнозировать развитие конвергентных технологий как целостной глобальной системы.

Следовательно, конвергентные технологии – это новое, только еще развертываемое наукой поле инновационной деятельности, которое требует обоснования сущности всех их составляющих в единстве и воздействии на человека, цивилизационные процессы в целом.

Литература и источники

1. Коваль, Т.И. Геном человека: эффекты и противоречия / Т.И. Коваль // Биотехнология и общество. Сборник материалов форума «Биотехнология и общество», ассоциированное мероприятие международного конгресса «Евразия БИО»; 12 апреля 2010 г., Москва. – М., 2010. – С. 76–78.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД А. Ф. ЛОСЕВА

*Шебанова И. А. (Брест, Беларусь),
Игумен Ермоген (Панасюк) (Жировичи, Беларусь)*

При осмыслении глобальных тенденций, затрагивающих все социальные сферы современного мира, приходится обращаться к методологическому анализу и затрагивать межкультурные и межконфессиональные отношения. Необходим поиск и осмысление актуальных механизмов развития и существования глобализирующегося общества.

При изменении геополитических ориентиров человечество в своей истории неоднократно сталкивалось с проблемами интеграции традиций, культурных и религиозных особенностей. Современные проблемы, как никогда ранее, нуждаются в верных решениях, чему безусловно способствует обращение к философскому интеллектуальному наследию.

В данной статье хотелось бы обратить внимание на творчество выдающегося мыслителя и ученого Алексея Федоровича Лосева, жившего и работавшего в сложный исторический период, что наложило отпечаток на стиль и форму его работ, которые, однако, не утратили и ныне своей ценности.

В трудах А.Ф. Лосева можно найти отражение таких важных и на сегодняшний день актуальных теоретических проблем философии, как вера и разум, наука и религия, этика и атеизм, не говоря уже об основных работах ученого по эстетическим и филологическим тематикам. При этом главным достижением философа стоит считать четко разработанную методологию, которая, согласно Лосеву, есть универсальное средство анализа любого опыта. А.Ф. Лосев в открытой форме указывает на основной метод своего исследования – диалектический.

Диалектике у Лосева посвящено немало проникновенных, а порой и вдохновенных страниц. Так, например, в своей первой работе по философии языка «Философии имени» он пишет: «Диалектика есть единственный метод, способный охватить живую действительность в целом. Больше того, диалектика есть просто ритм самой действительности» [1, с. 616–617].

По поводу диалектики Лосева в научной литературе можно встретить много противоречивых высказываний. Поэтому имеет смысл обратиться к первоисточнику. Как же философ определяет свой взгляд на диалектику как метод?

«Во-первых, я категорически утверждаю, что истинная диалектика всегда есть непосредственное знание», – пишет Лосев, имея в виду, что диалектический метод наивно-непосредственен, т.е. соответствует обыкновенному здравому смыслу [1, с. 618].

«Во-вторых, диалектика есть подлинный и единственно возможный философский реализм» [1, с. 619]. Здесь имеется в виду классификация отношений между сущностью и явлением, которую Лосев неоднократно приводит во многих своих трудах.

«В-третьих, необходимо ясно отдавать себе отчет в том, что такое абстрактность диалектики» [1, с. 621.]. Лосев говорит, что диалектику часто обвиняют в абстрактности. Но диалектика – наука, а всякая наука абстрактна и не может заменить собой жизни. Однако диалектика помогает понять жизнь, причем понять так, чтобы жизнь предстала в разуме без абстрактно-метафизических искажений, ибо диалектика – это сам ритм жизни.

«В-четвертых, диалектика стоит на точке зрения абсолютного эмпиризма» [1, с. 624]. Под абсолютным эмпиризмом диалектики Лосев понимает то обстоятельство, что диалектика как метод мысли применима к абсолютно любому опыту. Она есть подлинное осмысление конкретного опыта без привнесения в него априорных точек зрения. С другой стороны, диалектика не раболепствует перед фактами, впадая в натуралистические предрассудки. Лосев пишет: «Диалектика – абсолютная ясность, строгость и стройность мысли. Это – абсолютный эмпиризм, ставший абсолютной мыслью» [1, с. 625].

«В-пятых, диалектика (общая и основная) есть логическая конструкция категориальной структуры эйдоса как бытия, основанного на самом себе и от себя самого зависящего» [1, с. 73].

Здесь Лосев, как и в «Философии имени», отмечает обвинения в адрес диалектики в рационализме и абстрактности. Диалектика таким образом выявляет смысловые связи между эйдосами вещей, как они непосредственно даны в нашем разуме. Тогда как абстрактная метафизика гипостазировывает формально-логические понятия в виде вещей. В качестве примера приводится мировая воля Шопенгауэра, которая, будучи отвлеченным началом, незаконно абсолютизируется немецким философом.

В дальнейших своих рассуждениях Лосев формулирует чрезвычайно важное положение, которое является основополагающим для его системы в целом: «Что вы хотите мыслить – не важно, но как мыслить – об этом диалектика дает точнейшие правила, и преступать их невозможно без нарушения самого принципа мысли» [1, с. 74–75.].

Фактически диалектика по непреложности своих законов приравнивается к «царице наук» – математике. Это неожиданно и даже поразительно для тех, у кого диалектика ассоциируется со страстью к словопрениям или с мертвящей скукой обязательности курса диалектического материализма. Но важно другое. Если диалектика есть точнейший метод мысли, отражающий бытие, то очевидно предположить, что любая философская система, в которой нарушаются законы диалектики, содержит в себе абстрактные моменты, насилующие бытие.

«Таким образом, диалектика не есть ни формальная логика, ни феноменология, ни метафизика, ни эмпирическая наука. Но она лежит в

основе всякого и всяческого разумного отношения к жизни. Вся жизнь насквозь есть диалектика, и в то же время она – именно жизнь, а не диалектика, она – неисчерпаемая, темная глубина непроявленных оформлений, а не строжайше выведенная абстрактно-логическая формула» [1, с. 625–626].

«Наконец, в-шестых, основная и общая диалектика, обрисованная выше, должна дать внутренне-эйдетически связанную систему категорий, начиная с самовозникающего и первичнейшего элемента эйдоса и кончая эйдосом как именем» [1, с. 74–75]. Лосев утверждал, что диалектика – это и есть метод, а разработка ее возможна только в понятиях, развитие которых строится на основе противоречий. Применение диалектического метода в области эмпирических фактов дает философские категории как следствие такого применения.

Итак, можно констатировать, что по методу мышления Лосев – убежденный диалектик, можно даже сказать, один из первых диалектиков в русской философии, наряду с такими философами, как Вл. Соловьев и С. Франк. Диалектический метод Лосев считает абсолютным вне зависимости от того, что осмысляется. В тоже время, он постоянно подчеркивает, что как бы ни близка была диалектика к жизни (а она есть ритм жизни) – это не сама жизнь, а ее категориально-смысловая картина. Диалектика – это законы самого человеческого мышления, взятого в чистом виде, то есть, система самопорождающегося смысла.

Лосев утверждает, что если законы формальной логики и математики являются непреложными в своих областях, то тем более этим свойством должны обладать законы диалектики, частным случаем которой являются и математика, и формальная логика. Диалектика, в отличие от формальной логики, способна отражать живую действительность, так как она есть имманентный ритм самой действительности. Лосев неоднократно подчеркивает, что без понимания диалектического метода все его построения получат искаженное представление.

А.Ф. Лосев всегда стремился быть философом, причем философом жизни, а не отвлеченно рассудочных форм. Именно поэтому его творчество и его метод актуальны, заслуживают пристального внимания и подробного и разностороннего изучения.

Литература и источники

1. Лосев, А.Ф. Бытие – имя – космос. – М., 1993.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Шубаро О. В. (Минск, Беларусь)

Современный этап развития общества характеризуется наличием глобализационных и интеграционных процессов. Взаимопроникновение культур приводит к столкновению различных ценностно-нормативных систем и ценностных ориентаций на уровне общественного и индивидуального сознания. Следствием подобных процессов становится размывание ценностных представлений отдельного человека, что приводит к его ценностно-смысловой дезориентации.

В этих условиях обращение к традиционным ценностям можно рассматривать как одну из форм адаптации человека в современном многополярном мире. В этом смысле религиозность – это своеобразная реакция компенсации в условиях ценностной дезориентации, попытка определенной части людей обрести устойчивый смысл жизни, жизненные ориентиры.

Усиление роли религии в мировой общественной жизни конца XX-начала XXI веков можно отчетливо наблюдать на примере современной Беларуси. В качестве традиционных на территории Беларуси определены пять конфессий, среди которых культуuroобразующей религией признано православие. С распространением православия связывается возрождение духовных и нравственных основ нашего общества.

В то же время современные миграционные процессы, а также установка на многовекторное сотрудничество в разных областях и сферах науки, культуры, производства, образования заставляют обратить внимание на конфессиональный аспект данного сотрудничества. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [1], высшее образование в Беларуси получают более 14 000 иностранных студентов (на начало 2015–2016 учебного года – 14 594 человек). Согласно статистике, в нашей стране учатся граждане Туркменистана, Турции, России, Китая, Нигерии, Ирана, Азербайджана, Украины, Казахстана, Ливии, Сирии. Больше всего в Беларуси студентов-иностранцев из Туркменистана: более 8 тысяч. Несложно заметить, что подавляющее количество иностранных студентов – это студенты из мусульманских стран.

В этих условиях остро стоит проблема толерантности и взаимопонимания между верующими и людьми с секулярным сознанием, между христианами и мусульманами. Нужно помнить о том, что ценностные ориентации, обусловленные религиозной верой, становятся важным элементом сознания людей и действенным регулятором их поведения. Благополучие общества во многом зависит от успешного сотрудничества представителей разных религий и неверующих людей. Для решения этой проблемы важно знать особенности ценностных ориентаций иностранных

студентов.

В связи с этим в 2016 г. было предпринято исследование ценностных ориентаций иностранных студентов, проходящих обучение в Белорусском государственном университете. Эмпирическая база исследования – студенты V курса отделения русской филологии филологического факультета БГУ (30 человек в возрасте от 20 до 25 лет; 16 мужчин, 14 женщин). В качестве методологической основы исследования использовалась методика «Ценностные ориентации личности» Г.Е. Леевика, в содержание которой вошли также утверждения, направленные на диагностику религиозной ориентации личности. Испытуемым было предложено оценить по 7-балльной шкале, насколько важно им обладать указанными в содержании утверждений ценностями.

В результате проведенного исследования оказалось, что у иностранных студентов преобладают ценностные ориентации *на развитие волевых (5,2), нравственных качеств (5,02) и общение (4,89)*, а самый низкий показатель – ценностные ориентации *на общественно-полезную деятельность (4,26)*. Ценностные ориентации *на развитие волевых и нравственных качеств* в сочетании предполагают построение системы ценностно-смысловых координат жизненного пути. Данная система координат задает отношения субъективной значимости и смысла между различными явлениями действительности, образуя своеобразный континуум, охватывающий жизненные события, людей, представления и др. Другими словами, иностранные студенты приобретают ценностно-смысловую ориентировку на местности. Если у них возникает ценностная дезориентация, то «сцепление» данных ориентаций – на развитие волевых и нравственных качеств – может рассматриваться как потенциальное условие выбора направления своего развития; это залог «управляемости» своего жизненного пути. Сфера их бытия – это сфера активности. Иностранные студенты отличаются целеустремленностью, уверенностью в своих силах, умением сопереживать, прощать заблуждения других людей.

Религиозная ценностная ориентация, общий показатель которой у иностранных студентов составил 4,67 балла, представляет собой группу утверждений, соответствующих фундаментальным составляющим внутреннего мира личности и показывает значимость для личности различных составляющих религиозного опыта: доверительных отношений с Богом, реализации воли Бога в своей жизни, духовного роста в религиозном познании, нравственного совершенствования и др.

В содержательном плане религиозная ценностная ориентация определяется фундаментальными ценностями конкретной религии. Фундаментальные ценности ислама – *вера, жизнь, разум, продолжение рода, собственность*. Наибольшей ценностью в исламе является *вера*. И исследование религиозных ценностных ориентаций иностранных студентов, среди которых преобладали студенты из мусульманских стран, показало, что *сфера самосознания* – «осознавать себя мусульманином» достаточно значима для студентов (4,83). Студентам нужно было не только оценить степень

значимости утверждения, но и отнести себя к конкретной конфессии (если это возможно).

Такие фундаментальные ценности ислама, как *жизнь и разум*, нашли отражение в *сфере познания* (5,13) и *экзистенциальной сфере* (4,96), по которым самые высокие показатели. Сфера познания отражает форму реализации отношений человека с Богом – познание Бога через откровение, через созерцание божественной истины. В этом смысле религиозная ориентация основывается на принципе *быть* (Э. Фромм), что соответствует экзистенциальной сфере: решающее значение для личности имеет мера ее сопричастности к Богу, к сакральной сфере. Следовательно, религиозная ориентация у иностранных студентов приобретает *бытийный характер*, поскольку им свойственно стремление не к *обладанию* высшей истиной, а стремление к ее *постижению*, приближение ней.

Сфера нравственности – «*Стремиться к духовной чистоте, соблюдать заповеди Бога*» (4,90) – одно из приоритетных направлений индивидуальной жизни человека, разделяющего религиозные ценности той или иной конфессии. Для студентов из мусульманских стран данное утверждение согласуется с традиционными ценностями ислама – *продолжение рода, собственность*. Семейные отношения, межличностные взаимоотношения, равно как и законы, регулирующие правила собственности, в их понимании должны строиться на основе соблюдения заповедей Бога, нравственного самосовершенствования.

Меньшее количество баллов связано со *смысловой сферой* (4,30) и *сферой отношений с Богом* (4,36). Эти сферы свидетельствуют о поиске внутренней духовной опоры (смысла жизни) и о значимости для человека религиозной веры как психологического явления. Поскольку в исследовании принимали участие молодые люди – возраст от 20 до 25 лет, – то данные показатели можно объяснить тем, что в молодые годы поиск смысла жизни является достаточно актуальным, однако более или менее ясный ответ на этот вопрос человек, как правило, получает гораздо позже. Для этого нужно быть не просто образованным, а обладать жизненным опытом, мудростью, что, как известно, приходит не сразу. Вероятно, это стало причиной отнесения данного утверждения к более низкому уровню в иерархии религиозных ценностных ориентаций.

Относительно низкий балл, характеризующий *сферу отношений человека с Богом* (4,36) и свидетельствующий о значимости религиозной веры для человека, подтверждает учение о логотерапии В. Франкла: суть которого в том, что человек, находящийся в ситуации поиска ответа на вопрос – в чем смысл его жизни – может рассматриваться в качестве религиозной личности. Следовательно, если низкий показатель *смысловой сферы* – поиск смысла жизни (4,30), то и показатель *сферы отношений с Богом* (4,36) не может быть высоким. Таким образом, относительно низкий уровень данного признака – *сфера отношений человека с Богом* – характеризует иностранных студентов как людей, разделяющих религиозные ценности ислама, но не являющихся глубоко верующими, т.е. религиозными.

В результате проведения корреляционного анализа полученных результатов с целью установления взаимосвязи между базовыми ценностными ориентациями иностранных студентов и их ориентацией на религиозные ценности было установлено, что корреляция обнаружена между всеми девятью базовыми (секулярными) ценностями и религиозностью. Это означает, что секулярные ценностные ориентации для иностранных студентов не являются конечными жизненными целями, а обретают особый смысл с точки зрения включенности их в контекст божественного замысла. Для них труд, познание, общение существуют как ценностные ориентации ради стремления к более значимому ориентиру – Богу. Следовательно, сознание иностранных студентов направлено как на объективный (посюсторонний) мир с его житейской «мудростью», так и на мир небесный, духовный, божественный.

Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что ценностные ориентации иностранных студентов, обучающихся в Белорусском государственном университете, могут быть обусловлены религиозной верой, а в структуре их ценностных ориентаций религиозная ориентация выступает в качестве метаориентации. Благодаря этому религиозная ориентация «упорядочивает» остальные ориентации в едином смысловом направлении.

Таким образом, ценностные приоритеты современной цивилизационной динамики должны учитывать, в том числе, и конфессиональный вектор развития. При выработке стратегии развития современного общества, которому свойственны поликонфессиональность, мультикультурализм, необходимо учитывать значимость для личности ориентации в том числе и на конфессиональные ценности, поскольку это связано с ее сущностным самоопределением в современном социуме. Высшим учебным заведениям Беларуси, в которых проходят обучение иностранные студенты, также необходимо учитывать конфессиональные особенности и ценностные ориентации данных студентов, что поможет избежать проблем в процессе межличностного общения, способах их адаптации в другой стране.

Литература и источники:

1. Беларусь в цифрах: статистический справочник [2015] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2015.

ФИЛОСОФИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ И ПОЗНАНИИ ЕГО ПРИРОДЫ

Шульга Е. Н. (Москва, Россия)

Основная тенденция развития современной науки характеризуется ростом теоретического знания и появлением таких сложных проблем, которые невозможно решить, опираясь исключительно на единственное

конкретно-научное знание. Это стимулирует развитие философской мысли в направлении поиска новых подходов и методов, пригодных для решения самого широкого комплекса проблем или даже приемлемых для целой системы знания. Вместе с этой очевидной тенденцией принципиально междисциплинарный характер современной научной проблематики делает актуальным поиск приемлемой методологии, адекватной объекту исследования. И хотя один и тот же объект оказывается в центре внимания разных дисциплин, определяющих свое проблемное поле исследований, тем не менее, именно многоаспектная природа человек, рассуждения о человеке на уровне научного знания и знания философского требуют конкретизации и обоснования. Поэтому соотнесенность конкретно-научного и философского знания – это первое необходимое условие как в рассмотрении природы человека и особенностей его познания, так и в понимании его когнитивных способностей.

Существуют философские вопросы и проблемы, которые можно назвать *классическими* или «вечными», но не потому, что они представляются неразрешимыми, а в силу того, что постоянно дискутируются. Такого рода проблемы возникают относительно понимания природы и сущности человека. Сама по себе проблема человека – сложная и многоаспектная; между тем современное состояние естественнонаучного знания, в частности, результаты биологических наук, часто поднимают проблематику человека на такой высокий философский уровень рассмотрения, который предполагает использование всего аппарата философии, привлекаемого для объяснения тех или иных *природных* характеристик человека. С другой стороны, философский подход к биологической проблематике в целом, а также философский взгляд на некоторые аспекты естественнонаучного знания о человеке, помогает преодолеть те методологические трудности, которые с неизбежностью возникают у современных биологов (антропологов, генетиков, медиков и т.д.) при решении проблем, непосредственно связанных с пониманием эволюционной природы человека. И если долгое время биологическая наука признавала реальным только то, что доступно наблюдению и поддается верификации, то с появлением теории эволюции некоторые фундаментальные характеристики эволюционной концепции, перенесенные на физические, умственные и нравственные качества человека, дали толчок для развития идей, концепций и даже целых дисциплин, которые оказались достаточно привлекательными для исследователей. Более того, результаты биологического комплекса дисциплин и отдельные понятия эволюционной теории стали широко использоваться для объяснения специфики процесса человеческого мышления, познания, и даже в методологии науки. Например, в объяснении основных процессов миграции идей, смены научных революции или конкуренции научных теорий. Такое положение дел в науке не случайно.

Дело в том, что в становлении и развитии *европейского рационализма* уже со времен античности мы обнаруживаем и особо выделяем три важных принципа познания, которые не теряют свой первоначальный смысл и

сохраняют эвристическое значение сегодня. Это так называемые три «о»: *описание – объяснение – обоснование*. Данная триада познавательных установок – последовательность акта познания не только не теряет своего эпистемологического и методологического значения, но может характеризоваться как базис современного научного исследования, в особенности на том его уровне развития, когда становится актуальным философское осмысление той или иной проблемы, идеи или теории.

Начиная свой путь с описания, движение исследовательской мысли переходит к объяснению, и только затем выходит на уровень обоснования. Именно здесь, на уровне обоснования (идей, отдельного положения или концепции в целом) научное исследование может обрести философски значимые черты знания, где единичные факты объединяются в целую систему и т.д. Все это позволяет сделать вывод, что философский уровень организации научного знания связан непосредственно с задачей обоснования. Между тем, так называемый язык науки, в особенности, если наука превосходит степень своего обоснования, все чаще используют язык биологии. Так, о теориях мы говорим, что они подвергаются *изменению* и *отбору* и подобно генетическим мутациям постоянно возникают новые варианты теорий – одни из них способны выжить в конкурентной борьбе или под натиском критики, *адаптируются* к новым условиям, а другие подвергаются стагнации или уходят на периферию истории науки.

Не случайно, как в науке, так и в биологической эволюции эволюционный успех имеет собственные основания – это способность теории сохранять свой теоретический статус и при этом обладать смыслом общего характера, как общенаучного, так и философского значения. Это касается, в частности, *выживания* объективного знания в случае, если теория аргументирована, обоснована, а идеи, которые она передает, достаточно истинны и информативны. На этом пути (пути становления научно-теоретического знания) можно наблюдать *эволюцию методов*. Интересно при этом отметить, что метод проб и ошибок в своем сконцентрированном виде и целенаправленной форме способен приблизить ученого к научному открытию – именно он рассматривается многими философами науки (например, Поппером) как единственный способ его осуществить.

Итак, наделять все сущее *смыслом* и многое из обнаруженного – *истинностью* и *ценностью* – таков путь философа. Биолог же не ищет смысла, он задается вопросом: каким образом некоторые признаки служат сохранению вида? Он спрашивает себя: каким образом тот или иной исторически сформировавшийся видовой признак способствует сохранению вида. Поэтому использование смысловых характеристик по отношению к различным проявлениям жизни, было бы своевременной задачей. В случае, если в центре нашего внимания человек как сознательное существо, то наиболее сложным и, одновременно, интересным представляется поиск таких аспектов описания природы сознания человека, которые позволяют понять и объяснить сущностные проявления сознания как функции организма.

Конечно, ключевым понятием сознания является опыт в том случае,

конечно, если мы хотим подчеркнуть деятельностный характер функционирования сознания. Поэтому сознание, или субъективный опыт будет рассматриваться через другие его характеристики когнитивного свойства, т.е. через все то, что организует и направляет субъективный опыт. Это восприятие и мышление – именно совокупность этих когнитивных факторов сознания создают основу такого ментального состояния, которое затем характеризуется как выражение феноменов сознания. Проблема объяснения феноменальных качеств сознания как раз и есть проблема объяснения сознания.

Как можно заметить, философия, изучая проблему сознания, находится на этапе описания и подбора близких смысловых понятий, адекватно отражающих особенности функционирования сознания. Ученые говорят о высшей нервной деятельности, философы рассуждают о различных ментальных проявлениях сознания. При этом так называемые когнитивные науки, активное развитие которых мы наблюдаем сегодня, выходят на уровень объяснения, объединяя результаты смежных дисциплин, в центре внимания которых человек, его мышление и сознания. При этом целью когнитивных поисков является понимание природы человека, и на этом уровне следует ожидать философских обобщений как условия реализации последовательности науки в ее движении от описания к объяснению и обоснованию. Именно на этом пути я вижу перспективы исследования, где объединяется естествознание и философия.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

Шумакова О. А. (Сергиев Посад, Россия)

Процесс профессионального становления будущего учителя английского языка чрезвычайно многогранен и включает множество значимых аспектов, одним из основополагающих из которых является культурологический аспект. В контексте нашего исследования было важно обратить внимание на структурные компоненты системы профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка в вузе. В связи с этим целесообразно обратиться к исследованию А.В. Деркача, в котором автор, определяя специфику подготовки специалистов японского языка, способных к межкультурной коммуникации, обращает внимание на взаимопроникновение в процессе образования двух подсистем: подсистемы японского языка и собственно подсистемы обучения японскому языку [1]. Автор особо выделяет значимость своеобразия изучаемого языка для функционирования общей системы подготовки. Данный подход может быть экстраполирован в систему подготовки будущего учителя иностранного языка с учетом специфики подсистемы изучаемого языка. На это указывают

и исследования других авторов (В.Н. Никитин, Г.И. Михайлевская, Г.С. Трофимова и др.). В свою очередь, изучение работ, посвященных изучению специфики преподавания иностранного языка (В.Н. Никитин, Н.Г. Соколова, Г.И. Михалева, Г.С. Трофимова, Л.И. Петрова и др.), позволили нам предположить, что наряду с указанными исследователями в качестве одной из подсистем процесса профессиональной подготовки будущего учителя иностранного языка, можно рассматривать и подсистему родного языка, поскольку «существенные особенности языка и тем более иноязычной культуры вскрываются при сравнительном изучении языков и тем более культур». Значимость преподавания иностранного языка с опорой на родной язык и культуру родной страны подчеркнута в исследованиях известных лингвистов, занимающихся проблемами обучения переводу (Р.К. Миньяр-Белоручев, Э.Г. Вольтер, Д. Аткинсон, Л. Продрому и др.). На базе знаний о структуре и содержании родного языка у студентов появляются представления о сходствах и расхождениях названных систем, что позволяет им легче усваивать новые элементы изучаемого языка и его культуру. Причем, в данном случае, как отмечает Е.И. Пассов, следует различать культуру стран изучаемого языка и иноязычную культуру. По мнению автора, второе понятие гораздо шире и представляет собой ту часть духовного богатства, которую способен дать человеку процесс коммуникативного взаимодействия в учебном, познавательном, развивающем и воспитательном аспектах. Именно поэтому восприятие иноязычной культуры, наряду с изучением культурных явлений, стимулирует индивидуально-личностное развитие студента, что чрезвычайно важно для нашего исследования. В этой же связи, некоторыми исследователями (А.Л. Бердичевский, Н.Д. Гальскова, Л.И. Петрова и др.) подчеркивается значимость первичного усвоения факторов родной культуры для будущих преподавателей иностранного языка. Так, Л.И. Петрова отмечает, что для того чтобы научить будущего специалиста взаимодействию с культурой стран изучаемого языка, необходимо сперва помочь ему осознать себя субъектом родной культуры. Сделать это без индивидуализации подготовки специалиста иностранного языка не представляется возможным, поскольку субъектность может проявиться только через индивидуальные механизмы личности [2].

Поскольку опора на культурологический аспект чрезвычайно значима в изучении иностранного языка, как показал анализ, мы обратились к исследованиям А.Л. Бердичевского, Л. Урубковой, Н.Б. Савиновой, В.Н. Никитина и др., которые представляют цель обучения иностранному языку гораздо шире, чем просто обучение межъязыковому взаимодействию. Указанные исследователи рассматривают этот процесс с позиции межкультурных связей и развития профессиональной культуры будущего учителя.

Анализ работ по проблеме позволил нам выделить направленности профессиональной подготовки будущего учителя иностранного языка [2]. Так, Е.В. Карташова останавливается на культурологической

направленности. Она выделяет особую необходимость формирования профессиональной культуры учителя иностранного языка через развитие творческой самостоятельности и самостоятельного мышления студентов, их умения критически оценивать изученное. Исследования методиста преподавания иностранного языка Г.А. Воробьева подчеркивают значимость развития социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка, обращая внимание на тот факт, что повышение уровня профессиональной культуры, понимаемую им как «готовность содействовать налаживанию межкультурных связей, представлять свою страну при межкультурных интеракциях, относиться с уважением к духовным ценностям других культур» имеет и значительное воспитательное значение для личности студента.

Понятие «профессиональная культура» профессиональной подготовки будущего учителя иностранного языка имеет и специфическое содержание, включающее умения представить обучающимся ценности иной культуры, научить их творчески взаимодействовать с культурными фактами страны изучаемого языка [2].

Анализ работ представленных авторов позволяет сделать вывод о том, что понятие «профессиональная культура» включает не только культурологический аспект, но и индивидуально-личностную составляющую профессиональной культуры будущего учителя иностранного языка. Тем самым мы хотим подчеркнуть наличие специфической направленности подготовки учителя иностранного языка, которую можно назвать индивидуально-личностной направленностью. На существование такой направленности нас наталкивает исследование Ю.В. Карповой, в котором автор обращает внимание на то, что педагог с высоким уровнем профессиональной культуры имеет индивидуальный педагогический почерк. В связи с этим, по мнению автора, профессиональная культура педагога должна рассматриваться как способ реализации личности в творческой деятельности.

Изучение названных исследований, посвященных рассмотрению профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка с позиций культурологического подхода, позволило обратить внимание на особую значимость «базовой культуры личности», на основании которой должен строиться процесс обучения иностранному языку. Эта категория глубоко индивидуальна и формируется в процессе профессиональной подготовки будущего учителя иностранного языка. Кроме того, данный подход к исследованию профессиональной подготовки будущего учителя иностранного языка подчеркивает важность стимулирования активности и личностного проявления студентов в этом процессе. В контексте сказанного выше ценно обращение к исследователям, рассматривающим процесс подготовки специалистов с точки зрения обращения к личностной индивидуальности студента, позволяющего раскрывать творческий потенциал будущих профессионалов в процессе обучения и тем самым в большей степени проявлять индивидуальность.

Литература и источники

1. Текст как социокультурный феномен / под общ. ред. И.Н. Хохловой. – Петропавловск-Камчатский, 2014.
2. Шумакова, О.А. Формирование индивидуальной стратегии профессиональной деятельности будущего работника социальной сферы (на примере подготовки учителя иностранного языка). – Петропавловск-Камчатский, 2012.

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧЕНЫХ РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ НАУК (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НАН БЕЛАРУСИ)

Щурок Э. М. (Минск, Беларусь)

Происходящие в научной сфере процессы реорганизации и поиск ее оптимальной структуры в условиях возрастающих требований со стороны общества к результативности исследований и разработок несомненно отражаются не только на качественном и количественном составе научных кадров, но и профессиональной мобильности занятой в этой сфере персонала.

Однако следует признать, что эффективность политики в научной сфере постоянно наталкивается на объективные трудности, связанные с низким уровнем престижа науки и научной деятельности в обществе и недостаточно высоким материальным уровнем основной массы отечественных ученых, являющихся основой формирования миграционных намерений научных работников. Особенности миграционного поведения ученых, в частности, определяются, прежде всего, такими факторами как стремление самореализоваться, улучшить материальное положение, познакомиться с миром, повысить профессиональный и квалификационный уровень.

Данная ситуация подтверждается результатами социологических исследований социального положения ученых НАН Беларуси и особенностей их миграционного поведения, проведенного в феврале 2016 г. авторским коллективом Института социологии НАН Беларуси.

Всего было опрошено 536 научных работников НАН всех возрастных категорий. Исследованием были охвачены 39 научных организаций НАН Беларуси – представителей различных областей наук.

Формирование миграционных намерений у ученых целесообразно рассматривать в контексте особенностей того положения, в котором сегодня оказалась белорусская наука. Согласно данным проведенного исследования, половина (50,3%) респондентов оценивают современное состояние той области белорусской науки, в которой проводят свои исследования как стабильную и с хорошими перспективами дальнейшего развития; 36,8% – как неустойчивое, перспективы дальнейшего развития неопределенные; 11,9% – затруднились высказать свою точку зрения. Однако, если представители физико-математических, физико-технических, химических и биологических

наук в большинстве своем оценивают положительно перспективы развития своих областей знаний, то среди представителей сельскохозяйственных и общественных и гуманитарных наук большая часть респондентов прогнозируют в будущем неустойчивое и неопределенное развитие своих областей знаний.

Немного хуже респонденты оценили свои перспективы в науке. В целом по выборке только 35,1% респондентов оценивают личностную ситуацию как стабильную и с хорошими перспективами профессионального и карьерного роста; 37,4% – оценивают свое положение в академической науке как неустойчивое и без особых перспектив профессионального и карьерного роста. Мнения среди респондентов различных областей наук относительно своего самочувствия значительно разделились. В большей степени стабильно оценивают свое положение в науке респонденты, представляющие физико-технические науки (42,8% дали положительную оценку), а представители химических наук в большинстве своем оценили личностную ситуацию как неопределенную и неустойчивую (48,6% дали такой ответ). Очень высока доля респондентов, затруднившихся оценить свое положение в науке, и варьируется от 17,7% до 35,5% среди респондентов различных областей наук.

На сегодняшний день на мировом рынке интеллектуального труда наибольшим спросом пользуются специалисты в научных дисциплинах, определяющих основные тенденции развития современной науки и технологии. Это физика, математика, вычислительная техника, биология, химия, медицина, космические исследования. Соответственно реагирует на такой спрос и структура мировой интеллектуальной миграции, что в определенной мере нашло свое отражение в данных проведенного исследования.

Как показал опрос, наиболее активными в своем миграционном поведении являются представители биологических и медицинских наук. Каждый пятый (21,3%) ученый, работающих в сфере биологических и медицинских наук, имеет планы уехать за границу для временной работы.

Миграционные намерения представителей физико-математических наук, физико-технических наук и химических наук представлены приблизительно в равных долях. Так, около 15,0% респондентов, работающих в области физико-математических наук, физико-технических наук и химических наук, имеют желание временно поработать за рубежом. От 3,0% до 3,8% представителей данных наук планирует уехать на ПМЖ за рубеж.

Наименьшая миграционная активность отмечена среди представителей сельскохозяйственных наук. 69,2% респондентов в области сельскохозяйственных наук не имеют эмиграционных намерений. Всего 7,8% респондентов хотят уехать за границу с целью временной работы, 3,9% – желают уехать за границу навсегда.

Миграционное поведение ученых обществоведов и гуманитариев имеет свои особенности. По данным опроса, 70,3% респондентов в области

общественных и гуманитарных наук вообще не имеют миграционных намерений. Среди них не отмечены лица, желающих уехать за границу на ПМЖ. Однако достаточно значимая часть опрошенных гуманитариев и обществоведов имеют желание уехать для временной работы по исследовательскому гранту или контракту (16,0%). Такая структура миграционного поведения ученых обществоведческого и гуманитарного профиля вполне объяснима. Это связано с тем, что только сейчас наблюдается смена поколения обществоведов и гуманитариев советской эпохи новой генерацией ученых. Однако востребованности гуманитариев и обществоведов постсоветских стран на мировом рынке интеллектуального труда пока не наблюдается.

Те ученые, кто твердо решил выехать за границу на ПМЖ, основной причиной своего решения назвали желание значительно повысить уровень своего материального положения (55,2% отвечавших на данный вопрос). В качестве второй по популярности респонденты назвали также причину личного характера – желание обеспечить детям достойное и надежное будущее – 43,3% ответивших на данный вопрос. И только на третьем месте по значимости оказались для ответивших на этот вопрос ученых мотивы профессионального характера – 35,8% респондентов преследует желание при выезде на ПМЖ наиболее полно реализовать свой творческий потенциал. Наиболее желаемыми странами для постоянного места жительства респонденты назвали страны ЕС и США.

По данным исследования, планы на выезд за границу у ученых Академии в основном связаны с временной работой по зарубежному гранту или контракту. Наиболее значимым ожиданием от выезда за рубеж для временной научной работы у ученых всех представленных областей наук является повышение профессионального уровня и квалификации. Большие надежды респонденты возлагают и на улучшение своего материального положения, а также желают посмотреть мир и пожить в другой стране. Определенная доля представителей физико-математических наук рассчитывают получить от временной работы и возможность установить контакты для эмиграции в будущем (36,4% отметили данную причину). Для временной работы за границей участвовавшие в опросе респонденты предпочитают такие страны как Германия и Россия. При этом представители физико-технических наук нацелены на работу в Германию, а респонденты из области сельскохозяйственных наук предпочли бы работать в России.

Таким образом, по данным проведенного исследования наибольшая мобильность характерна для ученых в области естественных наук: математиков, физиков, химиков, биологов и медиков, программистов. При этом высокая степень миграционной активности наблюдается у представителей биологических и медицинских наук, в средней степени можно охарактеризовать миграционную активность представителей физико-математических наук, физико-технических наук и химических наук. Наиболее пассивны в отношении миграции респонденты, которые проводят свои исследования в области общественных, гуманитарных и

сельскохозяйственных наук.

Интеллектуальный потенциал нации является важнейшим ресурсом и фактором устойчивого социально-экономического развития, поэтому вопросам регулирования миграции высококвалифицированных специалистов и ученых должно быть уделено должное внимание со стороны органов государственного управления.

Электронное научное издание

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЭПОХУ
ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ**

Материалы Международной научной конференции
и X научно-теоретического семинара
«Инновационные стратегии в современной социальной философии»

Минск, 17—18 мая 2016 г.

На русском, белорусском и английском языках

Ответственный за выпуск *Н. Г. Щербакова*

Электронный ресурс 5,07 Мб.

Тираж 100 экз. Заказ 187.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.